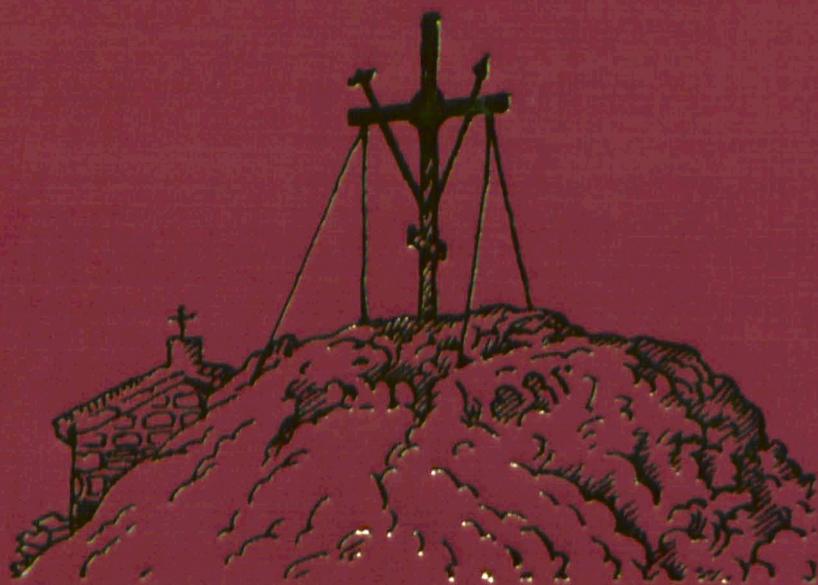


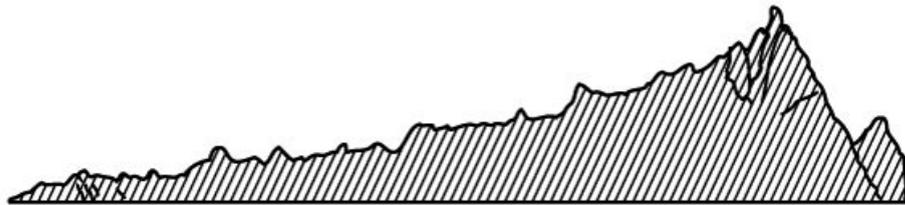
Русскій  
Донскій отечникъ  
XIX-XХ вѣковъ



Серія: Русскій Аѳонъ ХІХ–ХХ вѣковъ

**Русскій  
Аѳонскій отечникъ  
ХІХ–ХХ вѣковъ  
Томъ 1**

Издание Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ



Святая Гора Аѳонъ  
2012

**Серія издається по благословенію игумена Русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ священноархимандрита ІЕРЕМІИ.**

Главный редакторъ серіи: **іеромонахъ Макарій** — духовникъ и первый эпитропъ Русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ.

*Всѣмъ православнымъ христіанамъ  
во Отечествѣ и въ разсѣяніи суцимъ*

Серія издається иждивеніємъ Международнаго Фонда возстановленія и сохраненія культурнаго и духовнаго наслѣдія Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Афѣонѣ.



## Предисловіє кь серіи

Въ 2016 году весь православный міръ будетъ праздновать 1000-лѣтіе<sup>1</sup> пребыванія русскихъ монаховъ на Аѳонѣ. Къ этой праздничной датѣ нашъ монастырь святаго великомученика Пантелеимона на Аѳонѣ планируетъ издать серію книгъ подѣ общимъ названіемъ «Русскій Аѳонъ ХІХ–ХХ вѣковъ», въ которую войдутъ слѣдующія сочиненія: жизнеописанія выдающихся русскихъ подвижниковъ на Аѳонѣ, сыгравшихъ значительную роль въ исторіи Святой Горы; исторія Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря и всѣхъ большихъ и малыхъ русскихъ обителей; духовныя и историческія творенія русскихъ аѳонцевъ. Большинство планируемыхъ къ изданію матеріаловъ никогда не были ранѣе опубликованы и, несомнѣнно, вызовутъ огромный интересъ російскаго общества.

Въ первой половинѣ ХІ вѣка на Аѳонѣ былъ постриженъ въ монахи русскій человекъ, который впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ преподобный Антоній, родоначальникъ монашества въ Россіи и основатель Кіево-Печерской Лавры. Съ тѣхъ поръ на протяженіи 1000 лѣтъ русскіе подвижники непрерывнымъ потокомъ шли въ удѣлъ Божіей Матери, чтобы и самимъ обогатиться неповторимой аѳонской традиціей аскетики, и внести свой вкладъ въ аѳонскую монашескую школу. Особенно большимъ притокъ русскихъ людей на Аѳонъ былъ съ 30-хъ годовъ ХІХ вѣка вплоть до 20-хъ годовъ ХХ вѣка, такъ что изслѣдователи исторіи Аѳона называютъ это время «русскимъ періодомъ». Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ именно этотъ отрѣзокъ исторіи Аѳона оставался малоизученнымъ вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ перипетій, послужившихъ причиной почти 100-лѣтняго разрыва отношеній Аѳона съ Россіей.

Только въ 2007 году насельники Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря начали разбирать и систематизировать архивъ обители, благодаря ихъ усиліямъ были открыты многіе цѣннѣйшіе документы какъ по исторіи русскихъ обителей на Аѳонѣ, такъ и по исторіи жизни отдѣльныхъ насельниковъ Святой Горы. Теперь на основѣ этихъ матеріаловъ мы имѣемъ возможность представить суду дорогаго російскаго читателя новыя книги о Святой Горѣ Аѳонѣ.

---

<sup>1</sup> Древнѣйшимъ свидѣтельствомъ о пребываніи русскихъ иноковъ на Аѳонѣ считается подпись монаха Герасима, «пресвитера и игумена монастыря Роса», подѣ актомъ 1016 года (Actes de Lavra. Paris, 1970. Т. 1. № 19).



**ТОМЪ ПЕРВЫЙ**

**РУССКІЙ АѦОНСКІЙ  
ОТЕЧНИКЪ**

**ИЛИ ИЗБРАННЫЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ  
РУССКИХЪ СТАРЦЕВЪ  
И ПОДВИЖНИКОВЪ, ЖИВШИХЪ  
НА АѦОНѢ ВЪ ХІХ-ХХ ВѢКАХЪ**



## Предисловіе къ первому тому

Почему люди идутъ въ монахи? Почти двѣ тысячи лѣтъ многіе умы пытались дать разные отвѣты на этотъ вопросъ, но, конечно, самое точное опредѣленіе сути этого явленія далъ намъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, когда отвѣтилъ спрашивавшему Его о спасеніи молодому человѣку: «...аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нѣщымъ: и имѣти имаши сокровище на небесі: и гряди вслѣдъ мене» (Мѳ. 19:21). Именно желаніе быть совершеннымъ, т. е. обрѣсти совершенную христіанскую любовь, побуждаетъ человѣка къ особому подвигу, даетъ ему силу забыть всѣ земныя прелести и посвятить себя исключительно служенію Богу и людямъ. Стремленіе къ совершенству милостивый Богъ возбуждаетъ по-разному: Онъ или сразу вкладываетъ въ сердцѣе человѣка свою благодатную любовь, какъ поступилъ Господь съ апостолами Андреемъ, Петромъ, Іоанномъ и Іаковомъ («прииди́та вслѣдъ мене» (Мк. 1:17), или Своею благодатью просвѣщаетъ разумъ человѣка, и человѣкъ рѣшительно устремляется къ познанію осѣнившей его Божественной силы. Такъ былъ призванъ апостоль Наѳанаиль (Ін. 1:49). Въ монашествѣ у обѣихъ этихъ категорій людей одна цѣль — совершенствованіе въ Божественной любви, но методы разные: первыя должны подвизаться для сохраненія дарованной благодати, а вторыя должны приложить всѣ усилія для ея приобрѣтенія.

Есть также люди, которые идутъ въ монахи по своей волѣ, подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ. Причинъ здѣсь можетъ быть много: отъ простаго подражанія кому-то до тщеславнаго устремленія вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ событій и т. д. Но если человѣкъ идетъ въ монахи не для того, чтобы постичь и по возможности обрѣсти истинную христіанскую любовь, а для рѣшенія своихъ личныхъ проблемъ, какъ Іуда примкнулъ ко Господу для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, то онъ обрекаетъ на мученія и самого себя, и окружающихъ его въ монастырѣ людей. Только благодатная любовь, по милости Бога уже обрѣтающаяся въ сердцѣ подвижника, или волевое устремленіе человѣка, желающаго обрѣсти въ своемъ сердцѣ истинную христіанскую любовь, даетъ ему возможность съ легкостью перенести трудности монашеской жизни и, болѣе того, получить отъ нея глубокое внутреннее удовлетвореніе и духовную радость. Только въ любви возможно достигъ настоящаго послушанія, истиннаго смиренія и глубины молитвы — добродѣтелей, такъ необходимыхъ для достиженія совершенства. Какъ мать безропотно и неустанно служитъ своимъ любимымъ дѣтямъ, такъ исполненный благодати послушникъ съ радостью и безропотно служитъ своимъ собратіямъ и начальствующимъ

отцамъ. Только такой монахъ бываетъ по-настоящему послушливъ духовнымъ наставникамъ, и за такое служеніе Богъ даруетъ ему радость смиренія и молитву.

Монастырь — это школа христіанской любви! Если человекъ идетъ въ монастырь ради достиженія другихъ цѣлей, то онъ никогда не станетъ истиннымъ монахомъ въ абсолютномъ значеніи этого слова. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ стать хорошимъ монастырскимъ функціонеромъ, т. е. быть міряниномъ въ рясахъ, а въ худшемъ случаѣ можетъ впасть въ прелесть или въ ересь. Однако человеклоубивый Богъ и такихъ людей не оставляетъ безъ заботы и попеченія. Какъ Онъ до послѣдняго момента старался отвести Іуду отъ предательства, такъ cadaго монашествующаго направляетъ на единственный правильный путь спасенія — къ жизни въ христіанской любви и самоотверженіи, хотя свободу рѣшенія принять или отвергнуть Его благодать Онъ оставляетъ за человекомъ.

Вообще человекъ сотворенъ Богомъ для того, чтобы, совершенствуя себя съ помощью Божіей въ теченіе всей своей жизни, онъ максимально смогъ приблизиться къ своему Творцу. А такъ какъ Богъ есть любовь, то совершенствованіе въ Богѣ есть возрастаніе въ Божественной любви. Творецъ сказалъ намъ: *«Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть»* (Мф. 5:48) — и объяснилъ, что значитъ быть совершеннымъ. Совершененъ тотъ, кто стремится подражать въ любви Богу (*«любите враги ваша»* (Мф. 5:44)). Имѣя грѣховную природу, не измѣнившись, достичь этой цѣли человекъ не можетъ, поэтому для обрѣтенія Царствія Небеснаго, т. е. Божественной любви, Господь призвалъ насъ родиться заново: *«...аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія»* (Ин. 3:3).

Въ мірѣ, гдѣ много соблазновъ, осуществленіе этой задачи — чрезвычайно трудное дѣло, а въ монастырѣ обеспечены идеальныя условія для рожденія свыше, поэтому милостивый Богъ благословилъ монашескій образъ жизни для совершенствованія въ любви, который въ его первоначальной формѣ выражался въ апостольскомъ образѣ служенія. Именно апостолы были первыми монахами. Они первыми оставили міръ, отреклись отъ себя и послѣдовали Божьему зову. И мы сможемъ реализовать Божіе благословеніе только въ томъ случаѣ, если умремъ для міра (*«не любите міра...»* (1 Ин. 2:15)) и будемъ заниматься *«единымъ на потребу»*. А если мы не сможемъ силой собственной воли отречься отъ всего того, что насъ окружало до момента поступленія въ монастырь, и даже отъ самихъ себя, то для насъ невозможнымъ станетъ новое рожденіе — приобрѣтеніе Божественной любви.

Какъ мертвецъ не выбираетъ себѣ могилы, такъ и мы, принявшіе призваніе монашества, не должны выбирать мѣсто подвига и критически оцѣнивать монастыри. Мы смиренно принимаемъ волю Божью и живемъ тамъ, куда Господь насъ поставилъ. Какъ усопшій не выбираетъ своего могильщика, такъ и мы не должны перебирать удобныхъ намъ духовниковъ, а должны безоговорочно подчиняться Божьему произволенію

о насъ. Какъ мертвый не планируетъ свое будущее, такъ и мы, монахи, умершіе для міра, не строимъ никакихъ земныхъ плановъ и заботимся только объ одномъ — какъ угодить Богу и людямъ. У монаха одна цѣль — стремиться къ Христовой любви. И средство для достиженія этой цѣли у него тоже одно — неустанное дѣланіе любви.

Представленный трудъ рассказываетъ именно о тѣхъ монахахъ, сердца и умы которыхъ были охвачены Божественной благодатью и которые оставили все, что дорого земному человѣку, и посвятили себя чрезвычайно трудной задачѣ — перерожденію въ Божественную любовь. Несомнѣнно, представленную книгу русскій читатель уже давно ожидалъ. Изъ-за извѣстныхъ историческихъ перипетій до сихъ поръ не представлялось возможнымъ собрать и систематизировать всѣ матеріалы для составленія жизнеописаній аѳонскихъ подвижниковъ послѣднихъ двухъ столѣтій. Если въ дореволюціонный періодъ въ аѳонскихъ обителяхъ еще велась работа въ этомъ направленіи, то послѣ революціи 1917 года русскіе обители Аѳона оказались полностью отрѣзанными отъ Россіи, начался печальный періодъ упадка монастырской жизни, и всякая подобная работа прекратилась. Поэтому данный вопросъ долго оставался безъ вниманія. Ни въ Россіи, ни въ средѣ эмигрантовъ не было никакой возможности заниматься описаніемъ повседневной жизни насельниковъ Аѳона. Счастливымъ исключеніемъ въ данномъ вопросѣ является трудъ лишь небольшой группы авторовъ (Б. Зайцева, Вл. Мавескаго, А. Дарова и др.). Кромѣ того, изъ-за изоляціи русскіе обители Аѳона были въ такомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, что всѣ силы были направлены только на выживаніе все уменьшающейся и старѣющей братіи. Обители постепенно становились малолюдными, и некому было собирать, систематизировать и ухаживать за безцѣннымъ наслѣдіемъ умершихъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, многое безвозвратно утрачено, погибло, сгорѣло въ случавшихся пожарахъ. Только въ Русскомъ святаго великомученика Пантелеимона монастырѣ отцы смогли, хоть не въ систематизированномъ видѣ, сохранить архивъ монастыря, болѣе того, туда попали и фрагменты изъ архивовъ другихъ обителей, обработка которыхъ дала намъ возможность прослѣдить жизненный путь болѣе чѣмъ 7500 аѳонскихъ подвижниковъ, насельниковъ разныхъ русскихъ обителей на Аѳонѣ. По нашимъ подсчетамъ за послѣдніе 200 лѣтъ на Аѳонѣ проживало до 10 000 выходцевъ изъ бывшей Россійской имперіи. Это насельники монастыря святаго великомученика Пантелеимона, двухъ скитовъ — Андреевскаго и Ильинскаго — и до 150 разныхъ, большихъ и малыхъ келлій, каливъ, а также пустынники и сиромахи.

Исторія жизни 10 000 человѣкъ, волею судьбы оторванныхъ отъ Матери-Родины и почти забытыхъ и исключенныхъ изъ общероссійской исторической и духовной дѣйствительности, несомнѣнно, представляетъ огромный пластъ русской духовной культуры, которымъ могла бы гордиться Россія. Эти люди, воспламененные любовью къ Богу, оставили свою горячо любимую Родину и пришли въ удѣлъ Божіей Матери — на Святую

Афонскую Гору, чтобы тяжелыми монашескими трудами очиститься отъ собственной грѣховности, сподобиться благодати Святаго Духа и молиться за спасеніе самого себя, любимой Родины и всего міра. Они тѣломъ оставили свою страну, но никогда не прекращали общаться съ ней духовно, а нѣкоторые изъ нихъ, по благословенію старцевъ, возвращались на Родину и трудились на духовной нивѣ, передавая соотечественникамъ несравненный афонскій опытъ подвижничества и аскетики. Многіе изъ нихъ создали письменные памятники, посвященные афонской исторіи: одни вели свои дневники съ подробнымъ описаніемъ происходившаго вокругъ нихъ; другіе оставили обширную переписку, въ которой увѣковечили русскую афонскую дѣйствительность XIX–XX вѣковъ.

Изучивъ всѣ архивные матеріалы, обработавъ всѣ письменные источники, мы получили возможность предложить читателю данный трудъ, который содержитъ жизнеописанія выдающихся афонскихъ подвижниковъ — выходцевъ изъ разныхъ регіоновъ бывшей Россійской имперіи.

Собравъ воедино эти жизнеописанія, мы отчетливо отмѣтили нѣсколько отрадныхъ моментовъ. Во-первыхъ, прослеживается четкая духовная связь между старцемъ и ученикомъ. Какими-то невидимыми духовными нитями всѣ 10 000 русскихъ монаховъ были связаны съ главной взаимонаслѣдуемой духовной осью русскаго Афона, которую олицетворяли прежде всего іеромонахъ Арсеній (духовникъ всѣхъ русскихъ иноковъ на Афонѣ въ началѣ XIX вѣка), іеросхимонахъ Іеронимъ (духовникъ Пантелеимонова монастыря въ 1841–1885 годахъ), архимандритъ Макарій (первый русскій игуменъ Пантелеимонова монастыря послѣ его возрожденія въ 1875–1889 годахъ), іеросхимонахъ Агаѳодоръ (духовникъ Пантелеимонова монастыря въ 1891–1920 годахъ), схіархимандритъ Кирикъ (духовникъ Пантелеимонова монастыря въ 1920–1937 годахъ), іеросхимонахъ Виссаріонъ (духовникъ Пантелеимонова монастыря въ 1938–1955 годахъ), схіархимандритъ Иліанъ (игуменъ и духовникъ Пантелеимонова монастыря въ 1958–1971 годахъ). Эта бросающаяся въ глаза связь даетъ наблюдателю хорошую возможность представить двухсотлѣтнюю жизнь Пантелеимонова монастыря и всего русскаго Афона какъ единого духовнаго организма.

Во-вторыхъ, ясно вырисовывается единомушная вѣрность всѣхъ учениковъ выше-названныхъ старцевъ завѣщанію духовника, основоположника и возобновителя Пантелеимонова монастыря іеросхимонаха Іеронима, въ которомъ онъ настойчиво просилъ хранить общежительный духъ монастыря, жить въ любви другъ къ другу и не оставлять милостыни.

Въ-третьихъ, несмотря на языковой барьеръ между русскими монахами и насельниками Афона другихъ національностей и опредѣленную автономность русскихъ обителей, въ каждомъ конкретномъ подвижникѣ отчетливо можно прослѣдить наличие извѣстнаго общаго, внаціональнаго афонскаго духа: онъ оставался русскимъ, но одновременно являлся органической частью всего афонскаго сообщества.

Въ-четвертыхъ, они никогда, даже въ самые трудные моменты исторіи, не забывали о своей многострадальной Родинѣ и старались посильно участвовать въ ея судьбѣ: кто молитвой, кто дѣлами.

Въ-пятыхъ, у монаховъ — выходцевъ изъ Россіи мы видимъ равенство, несмотря на принадлежность къ разнымъ сословіямъ: облекшись въ монашеское одѣяніе, бывшіе крестьяне и дворяне, мѣщане и купцы, писари и губернаторы вдругъ превращались въ братію и плечомъ къ плечу, въ равныхъ условіяхъ несли монашескій крестъ. Если представить себѣ ту сословную пропасть, которая существовала въ тогдашней Россіи, то это дѣйствительно достойный удивленія и вниманія феноменъ.

Данная книга состоитъ изъ четырехъ частей: въ первую часть вошли жизнеописанія выдающихся старцевъ и подвижниковъ Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ, всего 130 подвижниковъ, особо отличившихся какъ своей высокой духовной жизнью, такъ и вкладомъ въ созиданіе и процвѣтаніе монастыря.

Во вторую, третью и четвертую части вошли жизнеописанія 68 выдающихся старцевъ и подвижниковъ Андреевскаго и Ильинскаго скитовъ, большихъ и малыхъ русскихъ келлій, пустынниковъ и сиромасовъ. Многіе насельники, безусловно достойные жизнеописанія, не попали въ эту книгу изъ-за крайней скудности информации о нихъ. Пустынножители вели особенно закрытую отъ внѣшняго міра жизнь, и даже современники-подвижники не могли замѣтить высоту ихъ духовнаго состоянія. Какъ, глядя на множество одновременно сверкающихъ на небѣ звѣздъ, трудно оцѣнить достоинство каждой отдѣльной звѣзды, такъ трудно было особо кого либо выдѣлать изъ яркаго букета высокихъ подвижническихъ жизней, которыя протекали и протекаютъ на Аѳонѣ.

Выше мы уже отмѣтили, что источниками для составленія всѣхъ жизнеописаній послужили данные, находящіяся въ архивѣ Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ: монахологіи (регистраціонныя книги монаховъ), дневники и записныя книжки, письма насельниковъ, офиціальная документация и др. Кроме того, была использована информация изъ уже изданныхъ книгъ насельниковъ нашего монастыря: іеросхимонаха Сергія (Веснина), игумена Парѳенія (Агеева), схимонаха Селевкія (Трофимова), архимандрита Михаила (Козлова), іеросхимонаха Арсенія (Минина), схимонаха Денасія (Юшкова) и др., которые и сами оказались достойными даннаго изданія. Также въ книгу вошелъ рядъ матеріаловъ изъ періодическихъ изданій русскихъ аѳонскихъ обитателей: Пантелеимоновской — «Душеполезный собесѣдникъ», Андреевской — «Наставленіе и утѣшеніе святой вѣры христіанской», Ильинской — «Нравственно-аскетическія изданія». Широко использовалась уже существующая литература по Аѳону: очерки, изслѣдованія и литературныя произведенія разныхъ авторовъ.

Мы хорошо представляемъ себѣ, что предложенный трудъ далекъ отъ литературнаго совершенства, но все равно желаемъ предложить его на судъ читателей, увѣренные

въ томъ, что о монахахъ должны писать въ первую очередь монахи. Именно монахи могутъ передать ту изюминку монашеской жизни, которая открываетъ въ жизнеописаніи подвижника главную мысль — дѣйствиѣ благодати Божіей. Ученый интересуется фактами, журналистъ — эффектами и идеями, а монахъ видитъ прежде всего дѣйствиѣ Святаго Духа, а это главное въ жизнеописаніи подвижника. И методы у нихъ разные: если ученые используютъ методъ критическаго анализа фактовъ, то монахъ, описывающій исторію жизни другаго монаха, въ первую очередь старается показать, какъ Промыселъ Божій неотступно дѣйствуетъ, вліяетъ на судьбы человѣческія, какъ отеческая любовь и забота Создателя непрерывно направляютъ и исправляютъ cadaго подвижника на пути ко спасенію. Для исполненія этой задачи недостаточно только перечисленія слѣдующихъ другъ за другомъ историческихъ событій. И даже глубокой анализъ этихъ фактовъ не приведетъ насъ къ заданной цѣли, если мы не учтемъ тѣхъ событій, которыя во время научнаго изслѣдованія мы часто склонны игнорировать и которыя мы называемъ сверхъестественными, чудесными событіями. И дѣйствительно, какъ быть научно корректнымъ и одновременно принимать во вниманіе недоказуемыя естественнымъ образомъ происшествія въ жизни подвижниковъ? Какъ не смутить академически настроеннаго читателя, предлагая ему сновидѣнія, видѣнія, прозорливыя предсказанія и другія подобныя явленія изъ жизни подвижника какъ истинный фактъ? Какъ найти золотую середину между научнымъ и метафизическимъ? Какъ сдѣлать такъ, чтобы насъ не упрекнули въ смѣшиваніи предметовъ знанія и вѣры?

Съ научной точки зрѣнія явленіе Божіей Матери преподобному Петру Аѳонскому, преподобному Аѳанасію Аѳонскому и сотнямъ другихъ аѳонскихъ подвижниковъ и ихъ свидѣтельства того, что Она подтвердила имъ истинность исторіи Своего пребывания на Аѳонѣ во время Бя земной жизни и общала Свое покровительство, нужно считать исключительно легендами, не имѣющими отношенія къ истинѣ. Но думать такъ — значитъ глубоко ошибаться, потому что тѣмъ самымъ мы сознательно игнорируемъ одинъ изъ основныхъ источниковъ познанія истины — духовное созерцаніе, благодаря которому былъ достоверно засвидѣтельствованъ фактъ явленія Божіей Матери на Аѳонѣ.

Чистая, духовно созерцающая душа — это самая мощная лабораторія, позволяющая получать абсолютно достоверную информацію. И пока рядомъ съ научными методами познанія ученые не поставятъ методъ духовнаго созерцанія, результаты ихъ изслѣдованій всегда будутъ неполными и односторонними.

Чистому сердцу преподобнаго Аѳанасія и подобныхъ ему аѳонскихъ подвижниковъ было дано ясное откровеніе о пребываніи Божіей Матери на Аѳонѣ. И, несмотря на то что подвижники получили эти откровенія черезъ 900 лѣтъ или болѣе послѣ самаго событія, гарантіей истинности того, что они намъ говорятъ правду, является именно духовная чистота этихъ святыхъ мужей.

Сухая хронологическая лѣтопись — это всего лишь тѣло исторіи, а внутреннія, духовныя созерцанія — его душа. То, что на человѣка упалъ кирпичъ, — это «тѣло» историческаго факта, а то, что передъ этимъ у человѣка было обостренное чувство предстоящей опасности, — это душа даннаго событія. И только анализируя во взаимосвязи оба проявленія одного факта, мы можемъ добратъся до истиннаго пониманія происшедшаго. Но здѣсь встаетъ справедливый вопросъ: какъ опредѣлить истинность духовнаго событія, какое внутреннее переживаніе достовѣрно? Вѣдь ихъ бываетъ порой много, и часто они кажутся противорѣчивыми. Мы не претендуемъ на универсальную разгадку этого вопроса, только съ опредѣленной увѣренностью можемъ сказать, что на протяжении долгой исторіи у Матери-Церкви выработался опытъ провѣрки истинности тѣхъ или иныхъ духовныхъ событій. Мы не будемъ перечислять ихъ здѣсь, они всѣмъ извѣстны, укажемъ только одинъ изъ нихъ — высокій уровень авторитета участвовавшей въ чудесномъ событіи личности: монаха, старца, подвижника. Человѣкъ вѣрующій, а особенно подвижникъ, имѣетъ обостренное чувство реальнаго предстоянія предъ Богомъ, поэтому онъ не можетъ позволить себѣ сознательно сочинить даже малѣйшую ложь. Его можно обмануть, ввести въ заблужденіе, но преднамѣренно онъ не можетъ выдумать ничего.

Напримеръ, великому преподобному Силуану Аѳонскому было видѣніе, что Господь сошелъ къ нему изъ иконы. Нѣтъ на Землѣ ни одного здравомыслящаго человѣка, знавшаго его житіе и хоть на секунду усомнившася въ истинности этого признанія. Старець Силуанъ заслуживаетъ абсолютнаго довѣрія!

Или другой примѣръ: по молитвѣ великаго подвижника Серафима Саровскаго Духъ Святой сталь ощущимо дѣйствовать въ простомъ смертномъ человѣкѣ, о чемъ послѣдній свидѣтельствовалъ. И нѣтъ на свѣтѣ ни одного хоть мало-мальски благоразумнаго человѣка, который не повѣрилъ бы этому свидѣтельству. Значитъ, оба происшествія являются истинными фактами и ихъ истинность подтверждается авторитетомъ участвовавшихъ въ нихъ личностей.

Здѣсь наши оппоненты могутъ возразить, что происшедшія событія неестественны и являются продуктами личнаго воспріятія, что они происходили только въ воображеніи этихъ людей. Скептики скажутъ: «Да, эти люди честны въ констатаціи факта, но самъ фактъ нереаленъ».

Дѣйствительно, какъ оцѣнить реальность факта? Навѣрное, только его вліяніемъ на послѣдующій историческій процессъ. Учитывая то, сколько тысячъ (!) людей привело къ вѣрѣ истинное свидѣтельство старца Силуана или описаніе дѣйствій преподобнаго Серафима Саровскаго, мы можемъ съ абсолютной увѣренностью утверждать, что происшедшія съ ними вышеозначенныя событія являются совершенно достовѣрными историческими фактами. Составляя данный трудъ, мы руководствовались именно такимъ методомъ и надѣемся, что онъ поможетъ нашимъ дорогимъ читателямъ въ дѣлѣ духовнаго совершенствованія и спасенія ихъ душъ.

При составленіи жизнеописаній рядомъ съ фотографіями подвижниковъ приведены также изображенія ихъ честныхъ останковъ (ихъ честныя главы). Опасаясь, что русскому читателю такая демонстрація напоказъ останковъ умершихъ людей можетъ показаться странной и даже кощунственной, позволимъ себѣ дать поясненіе этому.

Дѣло въ томъ, что на Аѳонѣ существуетъ традиція выкапывать изъ могилъ останки монаховъ черезъ три года послѣ ихъ захороненія. Дѣлается это съ одной цѣлью — увидѣть, какого цвѣта кости усопшаго. На Аѳонѣ существуетъ преданіе, что если кости чистыя и бѣлаго цвѣта съ характерной желтизной, то монахъ обрѣлъ милость у Бога. Считается также, что если цвѣтъ костей скорѣе желто-восковаго цвѣта, который переходитъ въ свѣтло-коричневый, то душа усопшаго ближе къ Богу.

Съ нашей стороны, мы можемъ съ радостью подтвердить истинность этого вѣрованія нашимъ нечаяннымъ опытомъ. Создавая эту книгу, мы сначала составили жизнеописанія, а потомъ пришли къ мысли приложить къ нимъ и изображенія останковъ, и, къ нашему большому удивленію и радости, всѣ кости, соотвѣтствующія жизнеописаніямъ, вошедшимъ въ эту книгу, были именно благодатнаго цвѣта, въ чемъ нашъ читатель можетъ самъ убѣдиться, причемъ такія кости составляютъ лишь 30 процентовъ всей монастырской костницы<sup>\*2</sup>. При видѣ такихъ благодатныхъ главъ вмѣсто обычнаго страха и отторженія возникаетъ чувство огромнаго уваженія и благоговѣнія. Хочется смотрѣть и смотрѣть на нихъ какъ на фактическое проявленіе истинной святости. Нѣкоторыя жизнеописанія не имѣютъ подобныхъ иллюстрацій, потому что съ теченіемъ времени на отдѣльныхъ главахъ стерлись надписи и, къ сожалѣнію, опознать ихъ уже невозможно.

Дорогому читателю можетъ также показаться, что мы представили жизнеописанія въ нѣсколько идеализированномъ видѣ, но такое впечатлѣніе создается именно потому, что изъ 7500 жизнеописаній выбраны лучшія, на нашъ взглядъ. 200 жизнеописаній изъ 7500 — это всего лишь 3,5 процента. Какъ мы уже сказали выше, безусловно, ихъ могло быть больше, но скудность матеріаловъ не позволила намъ составить жизнеописанія многихъ достойныхъ почитанія подвижниковъ.

Навѣрное, не лишнимъ было отмѣтить историческое и культурное значеніе представленныхъ широкому читателю жизнеописаній аѳонскихъ подвижниковъ. Несомнѣнно, они представляютъ непреходящую цѣнность не только для русской православной духовности и русской исторіи, но однозначно и для всего христіанскаго міра! А для насъ, современныхъ насельниковъ Святой Горы, значеніе этихъ жизнеописаній просто громадно, вѣдь монашеская жизнь — это не только повседневная молитва и текущіе подвиги послушанія, но и память о духовной преемственности, фактическое осознаніе намоленности монастыря, чего можно достигъ, только зная детали

---

<sup>2</sup> Слова или словосочетанія, обозначенныя знакомъ\*, комментируются въ концѣ книги.

духовной жизни подвизавшихся здѣсь до насъ отцовъ. Въ своихъ письмахъ прекрасно написалъ объ этомъ одинъ изъ подвижниковъ, представленныхъ въ этой книгѣ, схимонахъ Денасій (Юшковъ): «Если и пишется что о почившихъ уже старцахъ-подвижникахъ, то все это, какъ говорили мнѣ другіе, „святое и благое дѣло“. И совершается оно не для того, чтобы черезъ это прославить почившихъ подвижниковъ благочестія, такъ какъ каждый изъ нихъ что заслужилъ дѣлами, то и получилъ отъ праведнаго Мздовоздаятеля, а единственно съ той цѣлью, чтобы хоть нѣсколько възгрѣть и поддерживать въ себѣ и другихъ духъ аѳонскаго подвижничества и вообще истиннаго монашества и примѣрами подвижнической жизни современныхъ намъ отцовъ показать христіанскому міру, что „не оскудѣлъ еще преподобный“, что есть еще съ горячностью сердца шествующіе по стопамъ древнихъ великихъ богоносныхъ подвижниковъ, непрерывно борющіеся со всѣми многообразными кознями дьявольскими и всеусильно старающіеся о всецѣломъ выполненіи двухъ главныхъ заповѣдей Божественныхъ: любви къ Богу и ближнему»<sup>3</sup>.

### **Сокращенія**

АРПМА — Архивъ Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ

БРПМА — Библіотека Русскаго Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ

РПМА — Русскій Свято-Пантелеимоновъ монастырь на Аѳонѣ

---

<sup>3</sup> Душеполезный собесѣдникъ. М., 1894. С. 306.



# **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

**ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ  
СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ  
РУССКАГО СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВА  
МОНАСТЫРЯ НА АѦОНѢ**



## Іеросхимонахъ Арсеній Аѳонскій

Смѣло можно сказать, что въ серединѣ XIX вѣка іеросхимонахъ Арсеній<sup>4</sup> являлся ключевой фигурой въ исторіи возрожденія русскаго монашества на Аѳонѣ. Промысломъ Божиимъ этотъ выдающійся подвижникъ сыгралъ рѣшающую роль въ судьбѣ всѣхъ трехъ русскихъ обителей: Русскаго Ильинскаго скита, Русскаго Андреевскаго скита и Русскаго Пантелеимонова монастыря. Онъ стоялъ у истоковъ возрожденія Русскаго Ильинскаго скита и Русскаго Пантелеимонова монастыря, активно содѣйствовалъ основанію Русскаго Андреевскаго скита, не говоря уже о томъ, что благодаря его прямому участию и по его благословенію было создано большое количество русскихъ келлій.

Родился іеросхимонахъ Арсеній въ Великороссіи, въ городѣ Балахна Нижегородской губерніи, стоящемъ на берегу великой и славной рѣки Волги, отъ благочестивыхъ родителей-мѣщанъ, фамилія которыхъ неизвѣстна. По рожденіи онъ былъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ и нареченъ Алексіемъ. Въ отрочествѣ обучался чтенію и письму. Юность его была наполнена житейскими и мірскими попеченіями. Но Господь, провидя въ немъ жилище Святаго Духа, не далъ ему погрязнуть въ мірскихъ страстяхъ и похотяхъ. Съ ранняго дѣтства вложилъ ему въ разумъ желаніе заняться чтеніемъ Божественныхъ и святоотеческихъ писаній, благодаря которымъ Алексій скоро могъ рассмотреть и познать суету и прелесть этого міра и бесполезность для его души всего того, что этотъ міръ могъ дать ему. На двадцатомъ году жизни Алексій Бога ради оставилъ домъ свой и родителей и пошелъ странствовать по россійскимъ монастырямъ, искать удобнаго мѣста для спасенія своей души.



<sup>4</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи...* Часть 2. М., 1856; *Лѣтопись Русскаго Свято-Андреевскаго скита на Аѳонѣ (1841–1863)*. М., 1911.

Придя въ Московскую губернію, въ Пѣшношскую общежительную пустынь, онъ положилъ начало своей монашеской жизни, опредѣлился въ число братіи и три года проходилъ тамъ различныя послушанія. Потомъ появилось у него желаніе идти за границу, по молдавскимъ монастырямъ, которые тогда славились великими старцами и подвижниками. Когда онъ открылъ свое желаніе духовному отцу — игумену Пѣшношской обители, то игумень долго его отговаривалъ отъ исполненія этого намѣренія, однако въ концѣ концовъ благословилъ его, и Алексій отправился въ путь. Дойдя до Кіева и поклонившись святымъ мощамъ кіевскихъ чудотворцевъ, нашель онъ тамъ себѣ спутника именемъ Никита, уроженца Тульской губерніи, который послѣ этой встрѣчи былъ ему сподвижникомъ во всѣхъ скорбяхъ, трудахъ и подвигахъ болѣе сорока лѣтъ до самой смерти. Взявъ благословеніе кіевскихъ чудотворцевъ и помолившись имъ, они вмѣстѣ отправились въ путь.

Въ Молдавіи, обойдя всѣ монастыри и скиты, Алексій съ Никитой нашли себѣ духовнаго отца и пастыря въ Балашевскомъ скиту, находившемся примѣрно въ четырехъ часахъ пѣшаго хода отъ города Бутастана, и препоручили ему свои души. Черезъ нѣкоторое время духовный отецъ постригъ ихъ обоихъ въ монашество: нарекъ Алексію имя Авель, а спутнику и сотруднику его Никитѣ — Никандръ.

Позже наставникъ, видя подвиги и смиреніе отца Авеля, благословилъ его на рукоположеніе въ іеромонаха. Со многими слезами просилъ отецъ Авель своего пастыря не налагать на него тяжкаго бремени сверхъ силъ и оставить работать Господу только въ монашескомъ чинѣ. Однако старецъ сказалъ ему, что совершенному послушнику не подобаешь имѣть своего разсужденія, но долженъ онъ даже до смерти творить приказанное, а не учить своего старца.

Авель поклонился ему до земли и сказалъ: «Прости мя, отче святой! Согрѣшилъ предъ тобою, твори, какъ тебѣ угодно». И вскорѣ онъ былъ хиротонисанъ въ іеромонаха и по согласію всей скитской братіи опредѣленъ къ нимъ духовникомъ. Несмотря на то что Авель сталъ іеромонахомъ, своего послушанія и смиренія онъ не измѣнилъ, во всемъ повиновался своему старцу и никогда безъ его благословенія ничего не начиналъ.

Такъ, проведя въ совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли восемнадцать лѣтъ, повиновались отецъ Авель съ отцомъ Никандромъ своему пастырю и наставнику до самой его кончины. Препроводивъ своего духовнаго отца какъ ходатая за себя къ Господу Богу своему, на вѣчное блаженство, остались они сиротами и, такъ какъ по своей волѣ жить не хотѣли, рѣшили поступить по-братски: одному у другаго быть въ послушаніи и не разлучаться до самой смерти. Сіе и исполнили они на самомъ дѣлѣ. Хотя отецъ Никандръ и желалъ видѣть отца Авеля своимъ пастыремъ, потому что тотъ былъ іеромонахомъ и духовникомъ, отецъ Авель никакъ не соглашался съ этимъ — быть старцемъ.

Такъ они подвизались еще немногое время, и было имъ обоимъ откровеніе отъ Бога, повелѣвающее идти на Святую Гору Аѳонъ и тамъ провести остатокъ жизни.

Это откровеніе они объявили одинъ другому и начали собираться въ путь. Услышавъ объ этомъ, скитскіе и прочіе отцы начали ихъ отговаривать, имѣя въ виду, что въ то смутное время невозможно было идти на Святую Гору, которая тогда была подъ властью Турціи. Даже насельники Аѳона — и тѣ оттуда всѣ вышли. Говорили имъ, что полна Гора турокъ, монастыри всѣ заняты иновѣрцами или стоятъ запертые, а въ келліяхъ живутъ разбойники. По всей Турціи христіанамъ нѣтъ прохода, повсюду льется христіанская кровь.

Отецъ Авель отвѣчалъ имъ: «Отцы и братія, воистину такъ, какъ вы говорите. Это и намъ извѣстно. Но какъ Богу угодно, такъ и будетъ».

И дѣйствительно, положеніе въ тогдашней Турецкой имперіи было таковымъ, какъ говорили отцы. Еще недавно въ Константинополь убили Патріарха Григорія, и великое было тамъ смущеніе. Но отецъ Авель чувствовалъ призваніе Божье, что есть Его святая воля идти имъ на Аѳонъ. Онъ не послушалъ совѣтовъ человѣческихъ и, несомнѣнно, вѣрилъ, что Господь не попуститъ имъ искушеній выше силъ. Колебался отецъ Никандръ какъ человѣкъ, но старецъ Авель его укрѣплялъ, внушая, что лучше послушать Бога, чѣмъ людей. И наконецъ рѣшили они отправиться въ путь. Что имѣли, раздали братіи, а съ собой взяли немного денегъ и книгъ.

Поѣхали въ Галату\*. Тамъ сели на корабль и отправились въ Константинополь. Въ Константинополь же увидѣли одно горе и слезы, какъ кровь греческая потоками льется по улицамъ. Сами греки говорили имъ: «Зачѣмъ вы, отцы, пріѣхали теперь? Захотѣли раздѣлить съ нами горькія минуты? У васъ вѣдь въ Молдавіи не рѣжутъ такъ барановъ, какъ насъ здѣсь рѣжутъ ежедневно по сто и по двѣсти, и это происходитъ прямо на площадяхъ, при всѣхъ... Отправляйтесь обратно въ Молдавію. На Святую Гору вамъ идти невозможно, хотя бы вы и очень желали этого. По морю корабли не ходятъ, а по сушѣ добраться до Аѳона невозможно, потому что всюду рыщутъ разбойники. И сама Гора Аѳонъ полна разбойниковъ, въ монастыряхъ же, притѣсня монаховъ, живутъ турки».

Но наши отцы вѣрили и твердо надѣялись, что будутъ на Святой Горѣ. Въ то время въ Константинополь хлѣбъ былъ весьма дорогъ. Всѣ имѣющіяся у нихъ съ собой деньги были израсходованы, частью ихъ они оплатили проѣздъ на корабль, а остальные отдали, добывая пищу. И вотъ у нихъ уже ничего не осталось, а книгъ никто не покупалъ. Отцы ходили по торговымъ рядамъ, просили милостыню: сами питались, да еще и питали бѣдныхъ грековъ, дѣлясь съ ними своей скудной пищей, на которую удавалось собрать хоть сколько то денегъ.

Такъ перезимовали. Сколько скорбей они претерпѣли въ Константинополь! Про то знаетъ только Одинъ Господь, который ихъ туда и послалъ. Дождавшись весны, отцы оставили свои книги у одного грека, а сами пошли по сушѣ къ Святой Аѳонской Горѣ. И здѣсь на пути они опять претерпѣли множество скорбей, напастей и побоевъ. Опять же только Одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ ихъ страданій. Какъ золото въ горнилѣ,

искушалъ ихъ, да превратитъ въ чистѣйшій металлъ. Почти каждый часъ нападали на нихъ разбойники. Но взять у нихъ было нечего: денегъ не было, а одежды на нихъ были ветхія, истрепанныя. Иные разбойники только побьютъ, другіе возьмутъ послѣдніе сухари, иные поиздѣваются да такъ и отпустятъ. И такъ шли отцы болѣе мѣсяца и наконецъ дошли до Святой Горы. Было это въ 1800–1805 годахъ.

Вотъ что увидѣли они: жилища монашескія опустѣли, сады одичали и заросли лѣсомъ, монастыри стоятъ запертые, а ополченіе Царицы Небесной разбѣжалось по разнымъ странамъ: иные скрылись по непроходимымъ лѣсамъ, горамъ и вертепамъ, иные затворились внутри монастырей — и мало кого изъ нихъ можно было увидѣть. Русскій монастырь вовсе запустѣлъ и сталъ пристанищемъ дикихъ звѣрей. Братія его скиталась по Святой Горѣ, не имѣя мѣста, гдѣ главы приклонить.

Отцы наши тогда отправились къ Самой Настоятельница Гору Аѳонъ, въ Иверскій монастырь, къ чудотворной иконѣ Царицы Небесной Иверской, ко Вратарницѣ Аѳонской. И когда пришли къ воротамъ монастыря, то отцы иверскіе приняли ихъ, впустили внутрь монастыря и привели въ церковь поклониться Божіей Матери. Придя туда и увидѣвъ Ее, русскіе странники очень обрадовались, пали на колѣни, пролили много слезъ и просили принять ихъ въ Свой святой удѣлъ.

Радуюсь, они также удивлялись, что въ такое смутное время, когда монашеское ополченіе по большей части разбѣжалось, Она, Царица и Владычица, стоитъ на своемъ мѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, во всемъ своемъ полномъ убранствѣ, украшенная золотомъ и серебромъ и драгоценными камнями. Турокъ полонъ монастырь, а они не могутъ разграбить Ея убранство.

Отцы наши спросили грековъ: почему тѣ икону не спрятали въ укромномъ мѣстѣ, почему не сняли украшенія и почему турки не могутъ похитить съ нея золото, серебро, камни, представляющіе такое богатство? Отцы иверскіе имъ отвѣчали: «А куда и зачѣмъ намъ ее убрать? Она наша покровительница и защитница, Назирательница Гору Аѳонской. Хотя и наказала насъ за грѣхи, но лика своего не отвернула, не до конца прогнѣвалась и пребываетъ еще съ нами. И такъ какъ Она на насъ еще весело смотритъ, то имѣемъ надежду, что пройдутъ эти скорби. Теперь у насъ только въ томъ радость и утѣшеніе, что Она, Царица Небесная, пребываетъ съ нами. Когда же находятъ на насъ невыносимыя скорби отъ турокъ и отъ нашихъ немощей, то мы прибѣгаемъ къ ея помощи и обрѣтаемъ въ скорбяхъ своихъ утѣшеніе.

Вы спрашиваете: почему турки не похитятъ ея убранство? Они не только не могутъ снять драгоценностей, но не могутъ и войти въ малый храмъ. Вотъ уже третій годъ живутъ въ монастырѣ, а еще нога ихъ не ступала въ храмъ. Когда разозлятся на насъ, начинаютъ требовать отъ насъ золота и серебра и церковной утвари, то мы отвѣчаемъ, что не имѣемъ ихъ, хотя на самомъ дѣлѣ все спрятано. Ничего не открываемъ, готовы пострадать даже, чтобы не досталось имъ монастырское богатство. Показываемъ имъ

эту святую икону и говоримъ: „Вотъ на иконѣ много золота и серебра и дорогихъ камней, если вамъ угодно, то возьмите себѣ“. Они же, стоя въ дверяхъ, говорятъ: „Мы не можемъ къ ней подступиться. Насъ одолеваетъ страхъ. Вонъ Она на насъ какъ сердито смотритъ!“ — и отходятъ посрамленные, не въ силахъ что либо сдѣлать. А мы благодаримъ Царицу Небесную за то, что Она Сама Себя защищаетъ и насъ, грѣшныхъ, спасаетъ, покрывая своей милостію. И за то еще благодаримъ Владычицу нашу Богородицу, что послала турокъ смирить насъ, грѣшныхъ: если бы ихъ не было, то тогда уже разбойники насъ совсѣмъ бы разорили и опустошили храмъ.

Еще скажемъ вамъ вотъ что: годъ тому назадъ великое было смущеніе и тревога на Святой Горѣ, такъ что и оставшіеся отцы, аѳонскіе жители, хотѣли бѣжать отсюда вонъ. До этого смущенія пребывало на Святой Горѣ всей братіи до сорока тысячъ, а нынѣ осталось не болѣе одной тысячи. Да и тѣ хотѣли оставить свое мѣсто и бѣжать кто куда. Думали, что Божія Матерь покинула ихъ, и оттого запустѣетъ Святая Аѳонская Гора. Но когда начали такъ помышлять, скорая помощница, Царица Небесная, Владычица наша Богородица, явилась многимъ отцамъ и пустынникамъ и сказала: „Почему такъ испугались вы? Почему входятъ такія помышленія въ сердца ваши? Всѣ скорби и притѣсненія пройдутъ, закончатся, и вновь наполнится Святая Гора монашествующими. Знайте, что пока Моя икона будетъ находиться на Святой Горѣ, въ Иверскомъ монастырѣ, ничего не бойтесь, спокойно живите въ своихъ кельяхъ. А когда уйду изъ Иверскаго монастыря, тогда каждый да беретъ торбу\* свою и пусть идетъ кто куда знаетъ“.

И теперь всѣ пустынножители каждую недѣлю приходятъ къ намъ въ монастырь и смотрятъ, на своемъ ли мѣстѣ стоитъ Божія Матерь, и, убѣдившись, что она неизменно пребываетъ тамъ же, вновь возвращаются въ свои пустынные келліи».

Отцы наши, услышавъ это, очень обрадовались, во-первыхъ, потому, что узнали о покровительствѣ Царицы Небесной, а во-вторыхъ, потому, что есть еще пустынники на Святой Горѣ Аѳонъ. Затѣмъ иверскіе отцы привели ихъ въ гостиницу и угощали цѣлую недѣлю, послѣ чего сказали: «Отцы святые, мы васъ на первый случай приняли, а больше уже насъ не обременяйте, потому что намъ теперь и самимъ пропитаніе взять нѣгдѣ. У насъ сорокъ человекъ турокъ, а кормить ихъ нечѣмъ. Всюду разбойники, а съ метоховъ\* доходовъ никакихъ нѣтъ. Возьмите въ нашемъ скиту святаго Іоанна Предтечи одну келлію, съ малой церковью. Тамъ станете обрабатывать огородъ и заниматься рукодѣліемъ. Такъ и пропитаетесь какъ нибудь. А какая въ чемъ будетъ нужда, мы поможемъ. Ночевать ходите въ монастырь».

Отцы наши поблагодарили иверскихъ отцовъ за ихъ гостепрѣимство, взяли въ скиту келлію и жили уже тамъ. Воздѣлывали огородъ, рѣзали ложки... Но рукодѣліе ихъ тогда никто не покупалъ. И такъ перетерпѣли все смутное время. Продолжалось оно болѣе четырехъ лѣтъ. Чѣмъ они питались? Одному Богу извѣстно. А сами они никому о томъ не рассказывали. А вѣдь хлѣбъ въ то время достать было очень трудно. Много

разъ впослѣдствіи спрашивали старцевъ: «Отцы святыя, чѣмъ вы питались въ то смутное время?» Они же отвѣчали: «А что Господь сказалъ въ Евангеліи: „Ищѣте же прѣжде царствія Божія и правды егѡ, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ. 6:33); и еще: „Воззрѣте на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ“ (Мѡ. 6:26). Такъ и насъ Господь питалъ». Такъ отцы наши пропитались, и не одни они, но болѣе тысячи оставалось ихъ на Святой Горѣ. И всѣ они не оставлены были безъ Божіей помощи.

Въ тѣ годы собрали они себѣ великое богатство духовное. Съ великимъ терпѣніемъ пережили всѣ скорби и въ недостаткѣ для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ духовно процвѣли и созрѣли, принеся многіе плоды. Наградилъ ихъ Владыка Царь Небесный дарами Духа Святаго и даровалъ имъ помощь на одолѣніе врага — дьявола, древняго нашего супостата, чтобы побѣдить страсти душевныя и тѣлесныя. И достигли они тихаго пристанища — душевнаго спокойствія и безмолвія — соединенія ума съ Богомъ. Отцу Авелю далъ Господь даръ разсужденія и прозорливости, отцу же Никандру — даръ слезъ, такъ какъ плакалъ онъ о своихъ грѣхахъ день и ночь до самой смерти.

Когда послѣ смутнаго и скорбнаго времени послалъ Господь Богъ на землю миръ: пропали всѣ разбойники, всюду настала тишина и спокойствіе, — тогда и братія вновь стала сходиться на Святую Гору. Тогда и православные христіане потекли на поклоненіе къ ея святынямъ. И отцамъ нашимъ стало легче. Начало продаваться ихъ рукодѣліе. Пришелъ одинъ купецъ и купилъ все, у кого что было. Отцы продали всѣ свои ложечки и получили за нихъ двѣ тысячи левовъ, т. е. 400 рублей. Отець Авель сказалъ тогда отцу Никандру: «Да, теперь поправимъ всѣ наши нужды».

Однако въ скоромъ времени пришелъ къ нимъ одинъ мірянинъ просить милостыню. Отець Авель спросилъ его, откуда онъ и какую имѣетъ нужду. Мірянинъ сталъ отвѣчать ему со слезами: «Я, отче святой, съ острова Хіоса. Жену и дѣтей моихъ турки взяли въ плѣнъ. Требуютъ за нихъ пять тысячъ левовъ. И я собираю ихъ уже два года. Набралъ, слава Богу, три тысячи, а двѣ тысячи еще надобно. Богъ дастъ, и это помаленьку соберу». Услышавъ это, отецъ нашъ сказалъ ему: «Зайди ко мнѣ въ келью, и я чѣмъ нибудь помогу тебѣ». Тотъ зашелъ, отецъ же нашъ вынулъ всѣ деньги, что имѣлъ, и отдалъ ему со словами: «Возьми, иди и выкупи жену свою и дѣтей». Мірянинъ же не въ силахъ повѣрить ему, говорилъ: «Отче святой! Что глумитесь надо мной?! Мнѣ и безъ того тяжело. Дайте мнѣ одинъ левъ, я и пойду». Отець ему отвѣчалъ: «Нѣтъ, чадо, я не глумлюсь надъ тобой. Какъ могу я обижать человѣка съ такой бѣдой! Возьми все, да иди съ Богомъ». Пришедшій къ отцу заплакалъ, не зная, какъ же ему поступить, а отецъ вложилъ ему деньги за пазуху и проводилъ его до двери.

Отець Никандръ, видя это, заплакалъ горькими слезами и сказалъ: «Отче, что ты надѣлалъ! Зачѣмъ ты отдалъ всѣ деньги? Четыре года мы трудились и думали покрыть всѣ свои нужды, а теперь вновь будемъ имѣть скорби». Отець же нашъ отвѣтилъ

ему: «Охъ, отецъ Никандръ, развѣ будемъ мы когда-нибудь совершенными монахами? Ужъ не Господь ли насъ провель уже сквозь столько скорбей, а ты еще немоществуешь. Въ самое трудное время Господь не оставилъ насъ, пропиталъ. Теперъ ли не сможемъ этого сдѣлать? Теперъ, слава Богу, рукодѣліе продается. Вновь будемъ работать да про-давать плоды нашихъ трудовъ, а лишнія деньги отдавать Богу. Зачѣмъ беречь лишнее? Еще и умъ отъ Божьего будемъ отвлекать. Станемъ на молитву, а умъ пойдетъ къ нимъ, къ деньгамъ. Господь сказалъ: *«...идѣже бо ёсть сокровище ваіше, тѹ бѹдетъ и сѣрдце ваіше»* (Мѳ. 6:21). Пусть они лежатъ у Бога, а мы будемъ и сердце тамъ же держать». Тогда отецъ Никандръ умилился, палъ ему въ ноги, плакалъ и просилъ прощенія. Съ то-го дня онъ уже ни во что не вмѣшивался, а только до самой смерти плакалъ.

Вскорѣ оба постриглись въ великую схиму: отецъ Авель, духовникъ, наречень былъ Арсеніемъ и принялъ схиму отъ схимонаха Арсенія. Отецъ же Никандръ наре-ченъ былъ Николаемъ, а принялъ схиму отъ самого Арсенія. И стали уже жить они какъ старецъ съ ученикомъ, и прожили въ скиту Іоанна Предтечи десять лѣтъ.

С увеличеніемъ числа братіи въ скиту умножилась и обычная житейская суета. Обоихъ отцовъ это очень отягощало. И они согласились удалиться во внутреннюю пустыню ради совершеннаго безмолвія, чтобы не имѣть никакихъ житейскихъ попеченій и жить Однимъ Единымъ Богомъ. Ибо пустынный не любитъ молвы и суеты. Они оставили скитъ и прежнюю свою келлію. Взяли болѣе уединенную келлію во имя святителя Іоанна Златоуста. Находилась она на холмѣ, въ почти непроходимомъ мѣстѣ, около часа пѣшаго хода отъ скита и на такомъ же разстояніи отъ Иверскаго монастыря.

Прежде это была великая келлія, но во время смуты она почти до основанія была раз-зорена. Отцы возстановили ее своими руками, только въ меньшемъ размѣрѣ, освятили церковь и пристроили къ ней двѣ жилыя кельи. Такъ положили они начало своей жиз-ни по пустынному уставу. Не имѣли никакихъ житейскихъ попеченій. Не занимались ни садомъ, ни огородомъ. Хотя тамъ и были масличныя деревья, но отцы не пользова-лись ихъ плодами. А когда поспѣвали на нихъ маслины, то приглашали какого нибудь знакомаго бѣдняка и поручали ему собрать урожай для себя.

Въ это время прославилъ Господь отца Арсенія многими благодатными дарова-ніями. Со всѣхъ уголковъ Святой Горы шли къ нему для исповѣди и духовнаго руко-водства, особенно іеромонахи и іеродіаконы, жившіе въ греческихъ монастыряхъ. Вскорѣ и для всѣхъ русскихъ онъ также сталъ духовникомъ. И не только русскіе, но и болгары, сербы и молдаване приходили къ нему за совѣтомъ. И греки почита-ли его за великаго старца, нерѣдко смиренно прибѣгая къ его мудрости. Имя отца Арсенія почитали на всей Святой Горѣ, многіе просились къ нему въ ученики, жить вмѣстѣ съ нимъ и отцомъ Николаемъ. Однако жить вмѣстѣ съ собой они ни-кого не принимали, говорили такъ: «Съ нами жить никто не можетъ. Мы за трид-цать лѣтъ едва достигли того, что и теперъ еще искушаемся и изнемогаемъ. Хотя

духъ и бодръ, но плоть наша немощна. И если бы благодать Божія не подкрѣпляла насъ, то мы бы и такъ то не смогли жить».

Съ того времени, какъ они пришли на Святую Гору, отецъ Николай прожилъ 19 лѣтъ, а отецъ Арсеній — 24 года. И не вкушали они ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пищей для нихъ были сухари, моченные въ водѣ, которые они носили на своихъ плечахъ изъ Иверскаго монастыря къ себѣ на гору. Еще любили черные квашеные баклажаны, посыпанные стручковымъ краснымъ перцемъ, котораго много солили.

Вотъ повседневная ихъ трапеза: сухари, перецъ и баклажаны. Случалось вкушали и лукъ, если кто принесетъ. Соленыя маслины и смоквы предлагали только гостямъ. И всегда имѣли трапезу одинъ разъ въ день, въ третьемъ часу пополудни. А въ среду и пятницу оставались безъ нея.

Распорядокъ ихъ жизни былъ таковъ. Послѣ трапезы до вечерни занимались чтеніемъ духовныхъ книгъ въ кельяхъ. Потомъ правили по уставу вечерню, читали всегда со вниманіемъ и со слезами, не торопясь, тихо и кротко. Затѣмъ повечеріе съ канономъ Богородицѣ и на сонъ грядущій молитвы. Ночь всю проводили во бдѣніи, молитвѣ и поклонахъ. Если сонъ ихъ преклонялъ, то спали сидя не болѣе часа во всю ночь и притомъ непримѣтнымъ образомъ, болѣе сопротивляясь сну, часто для этого ночью прохаживаясь.

Часовъ у нихъ не было. Но они всегда знали, который часъ, такъ какъ въ Иверскомъ монастырѣ на колокольнѣ били часы.

Въ самую полночь отцы сходились въ церковь на соборную молитву и тамъ читали полунощницу, а потомъ утреню по уставу. Послѣ утрени пѣли канонъ Пресвятой Богородицѣ съ акаѳистомъ, послѣ чего предавались они безмолвію, пока не разсвѣтетъ.

Послѣ наступленія дня занимались рукодѣліемъ. Рѣзали по десять ложекъ на брата въ день, работая въ разныхъ мѣстахъ. Разговоровъ между собой никогда не вели, если только о нужномъ и необходимомъ. Пребывали всегда въ молчаніи, въ храненіи сердца и непрестанной умной молитвѣ.

Ложки дѣлали самой простой работы. Потомъ читали часы и молебень Божіей Матери. Трапезничали. И такъ проводили дни и ночи въ безпрестанной молитвѣ и рукодѣліи.

Еще старецъ Арсеній любилъ служить Литургію. Когда было у нихъ вино и просфоры, то совершалъ ее почти каждый день. Однако бывало такъ, что они имѣли въ нихъ великую нужду.

Служили Литургію по большей части вдвоемъ. Служили ея, растворяя слова молитвъ слезами. Два старца, удрученные и изсушенные постомъ, предстояли предъ Господомъ. Одинъ въ алтарѣ предъ престоломъ Божіимъ плакалъ такъ, что отъ слезъ не могъ произносить возгласовъ и только одними сердечными воздыханьями тихо творилъ божественныя слова молитвы. А другой, стоя на клиросѣ, рыдалъ, и отъ плача его и отъ немощи тѣлесной мало что можно было разобрать изъ произносимыхъ имъ словъ. Хотя

человѣческимъ ушамъ мало было слышно и понятно, но на ихъ Литургію призрѣвалъ Самъ Господь по обѣтованію: «И на когѣ воззрю, токмо на крѣпкаго и молчаливаго и трепещущаго словеса мои?» (Ис. 66:2). Здѣсь «Трисвятую пѣснь» припѣвали: «...ни единого житейскаго попеченія не имуща, и воистину ничтоже земное помышляющее», — здѣсь, среди двоицы, Самъ Господь пребывалъ по обѣтованію: «...идѣже бо еста два или три собраніа во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ» (Мѳ. 18:20).

Эти два старца такъ возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту не хотѣли разставаться съ Нимъ, но всегда бесѣдой съ Нимъ наслаждались умомъ и сердцемъ, непрестанно пребывая въ Богѣ. Если у нихъ между собой и были разговоры, то только о молитвѣ или о любви къ Богу и къ ближнему. А если кто начиналъ при нихъ говорить осуждающе о своемъ братѣ, то они прекращали бесѣду. Всякаго ближняго любили больше, чѣмъ себя самого, что явно показывали ихъ дѣла.

Кто бы къ нимъ ни пришелъ съ какою нуждой, они никого изъ келліи своей не отпускали унывающимъ. Кто тѣлесной ради нужды скорбѣлъ, того они поддерживали матеріально, если даже это было сверхъ силъ. Послѣднія свои книги отдавали въ залогъ, чтобы помочь ближнему. А уже послѣ того, какъ имъ поможетъ Богъ, выкупали ихъ обратно. Кто душевную скорбь имѣлъ, того утѣшали благими своими бесѣдами. Бѣдныя имѣли въ нихъ помощниковъ, скорбящіе — утѣшителей, немощныя грѣхами — скорое исправленіе и освобожденіе отъ нихъ.

О безграничной добротѣ отца Арсенія составитель жизнеописанія старцевъ іеросхимонахъ Парѳеній (Агеевъ) писалъ такъ: «Когда я пришелъ на Святую Аѳонскую Гору, то не имѣлъ у себя почти ни одной копейки. Отецъ Арсеній благословилъ научиться дѣлать ложечки, но мнѣ не на что было купить инструментъ. Когда я ему открылъ это, онъ сказалъ: „О томъ не скорби“. Взялъ съ окна сумочку, высыпалъ деньги, пересчиталъ, отдалъ мнѣ все, что у него было, и сказалъ: „Возьми. Имѣю всего только тридцать левовъ“. Я заплакалъ и сказалъ: „Отче святой, а себѣ что нибудь оставили?“ Онъ же мнѣ отвѣтилъ: „Мы сыты будемъ, о насъ не имѣй печали. Намъ Богъ пошлетъ. А сколько нужно денегъ на инструменты?“ Я сказалъ, что пятьдесятъ левовъ. Онъ пошелъ въ церковь, принесъ оттуда книгу, отдалъ мнѣ ее со словами: „Иди, заложи у Кореневыхъ и возьми денегъ столько, сколько надобно, а я послѣ выкуплю...“. О, какихъ слезъ мнѣ это стоило! Я всю дорогу проплакалъ. И до сихъ поръ позабыть этого не могу. Какъ только вспомню, такъ плачу».

У отца Арсенія первый вопросъ ко всѣмъ приходившимъ былъ таковъ: «Доволенъ ли ты, братъ, не имѣешь ли какой нужды?»

Однажды братъ Θεоклитъ взялъ съ собой все, что имѣлъ, сто пятьдесятъ левовъ, и пошелъ на праздникъ купить себѣ рясу и холста. Пошелъ и все потерялъ. Отъ того онъ сдѣлался весьма печаленъ и скорбѣлъ. Увидѣвъ его, отецъ Арсеній спросилъ: «Почему такъ скорбишь?» Тотъ отвѣчалъ, что потерялъ всѣ деньги. Старецъ спросилъ его: «Развѣ

нужду великую имѣешь?» Потомъ вынулъ свою сумочку и далъ ему денегъ, сказавъ: «Вотъ только имѣю шестьдесятъ левовъ, иди и купи, что тебѣ нужно». Отецъ Θεоклитъ взялъ. Пошелъ отъ него. Потомъ самъ въ себѣ разсудилъ: «Я человекъ молодой, могу заработать, а они стары и немощны и отдали мнѣ послѣднее! Надѣются на Бога, что сыты будутъ. И меня Господь не оставитъ! Пойду и отдамъ деньги назадъ». Вернулся къ отцу Арсенію. А старецъ денегъ не беретъ. Онъ же, павъ ему въ ноги, со многими слезами едва упросилъ, чтобы тотъ взялъ ихъ обратно. Старецъ при этомъ спросилъ его: «Не будешь ли скорбѣть?» Отецъ Θεоклитъ отвѣтилъ: «Не буду, отче святой. Теперь мнѣ радостно, что удалось возвратить вамъ все назадъ».

Въ 1835 году пріѣхалъ изъ Россіи на Аѳонъ великій постникъ, бывший князь Ширинскій-Шихматовъ, теперь іеромонахъ Аникита. Обошелъ всю Святую Гору, посѣтилъ и нашихъ двухъ подвижниковъ въ ихъ пустынь. Долго бесѣдовалъ со старцами на духовныя темы, весьма возлюбилъ ихъ и избралъ старца Арсенія себѣ духовнымъ отцомъ.

Въ это время не было у русскихъ иноковъ своего монастыря, не было пристанища, гдѣ могли бы они въ общежительномъ послушаніи, ежедневномъ руководствѣ отцовъ духовныхъ, въ молитвѣ и богослуженіяхъ на родномъ языкѣ обрѣсти миръ душевный и спасеніе отъ страстей. Будучи ихъ духовнымъ наставникомъ, старецъ Арсеній говорилъ, что Богъ не дастъ имъ погибнуть, потому что Матерь Божія любитъ ихъ особо, вѣдь они пришли изъ самой далекой отъ Аѳона страны, оставивъ боголюбивое и благочестивое свое Отечество, родную Церковь, благоденственные російскіе монастыри. «Радуйтесь и веселитесь, — утѣшалъ ихъ отецъ Арсеній, — что вы не въ міру суетномъ и не въ оградѣ многоятежной, а въ тихомъ и небесномъ пристанищѣ, въ удѣлѣ Божіей Матери. Скоро Царица Небесная наградитъ насъ такимъ мѣстомъ для спасенія, что вся Святая Гора удивится. Иные будутъ и завидовать, а другіе — радоваться и прославлять Бога. Только потерпите еще немного».

Отецъ Аникита, зная о томъ, что говорилъ старецъ, рѣшилъ совершить великое дѣло — возвратить русскихъ иноковъ въ родную имъ обитель, на что и взялъ благословеніе у своего духовника. Но въ этомъ благомъ дѣлѣ возникли нестроенія, такъ какъ онъ не посовѣтовался съ отцомъ Арсеніемъ, кого именно изъ русскихъ иноковъ пригласить въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона и кого поставить надъ ними духовнымъ руководителемъ. Не зная, какого свойства и характера всѣ эти люди, онъ набралъ много неблагонадежныхъ. Впослѣдствіи это явилось препятствіемъ се- му великому и богоугодному дѣлу. Именно изъ-за этого произошло возмущеніе среди греческой братіи, которое привело къ тому, что русскіе иноки опять разошлись по всей Святой Горѣ.

Довольно много лѣтъ прожили отецъ Арсеній съ отцомъ Николаемъ въ своей пустынь и пожелали сходить въ святой градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Гробу Господню. И здѣсь не оставилъ Господь рабовъ своихъ, исполнилъ ихъ желаніе. Послѣ

того какъ отецъ Аникита по своему усмотрѣнію набралъ кандидатовъ для проживанія въ Пантелеимоновомъ монастырѣ и передалъ матеріальную помощь на построеніе въ обители храма святителя Митрофана Воронежскаго, онъ захотѣлъ паломничать во Святую землю. Узнавъ о такомъ же желаніи старцевъ, онъ съ радостью предложилъ: «Не угодно ли имъ вмѣстѣ съ нимъ путешествовать въ Іерусалимъ?» — на что они согласились.

Сходили они въ Святой градъ Іерусалимъ, поклонились Живоносному Христову Гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ и, проживъ въ Іерусалимѣ всю зиму, проводивъ Пасху, возвратились на Святую Аѳонскую Гору, гдѣ вновь затворились въ своей пустынной келліи.

Какъ и для каждаго христіанина, поѣздка въ Іерусалимъ была для нихъ большимъ утѣшеніемъ, но въ то же время она оказалась для нихъ, пустынножителей, испытаніемъ. Вотъ какъ описывалъ это самъ отецъ Арсеній: «Мы были довольны всѣмъ отъ Бога и отъ людей. Лучшаго нельзя было и ожидать. Въ Іерусалимѣ поклонники задали насъ червонцами. Но мы ихъ, по милости Божіей, все раздали бѣднымъ арабамъ. Но скорбь наша была въ другомъ. Много лѣтъ проведя въ пустынѣ, мы уже почти позабыли, что такое міръ. А здѣсь окунулись въ самую его гущу и суету. Больше всего скорбѣли въ постъ. Всѣ хотѣли насъ угостить. Принимали какъ самыхъ почетныхъ гостей. Но мы не могли вмѣстить всего этого. Только и думали о томъ, какъ скорѣе доѣхать до Святой Горы».

Спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Іерусалима скончался сомолитвенникъ отца Арсенія отецъ Николай. Случилось это 6 февраля 1841 года, на сырной недѣлѣ, въ четвергъ. Отецъ Арсеній остался одинъ съ Единымъ Богомъ и самъ готовился къ исходу. Многіе желали съ нимъ жить, но онъ никого не принималъ цѣлый годъ. Потомъ получилъ отъ Бога извѣстіе, что осталось ему нѣкоторое время еще пожить въ этомъ мірѣ, и началъ принимать всѣхъ желающихъ. Вскорѣ собралось таковыхъ восемь человѣкъ. Тогда его заставила нужда оставить свою келлію, не вмѣщавшую всѣхъ подвизавшихся съ нимъ. И ушелъ онъ въ самую далекую пустыню, въ скитъ «Лакъ» во имя святаго великомученика Димитрія, гдѣ поселился со всѣми учениками въ одной большой келліи.

Скитскіе отцы весьма обрадовались, что пришелъ къ нимъ такой свѣтильникъ. Но русская братія, жившая близъ Кареи и на Капсалѣ, весьма скорбѣла, что удалился отъ нея отецъ и пастырь ихъ. Жилъ онъ теперь отъ нихъ на разстояніи полутора дней пути. Впрочемъ, хотя далекъ и труденъ былъ путь, но отъ своего утѣшителя они не отстали и продолжали навѣдываться къ нему даже туда. Духовникъ же не велѣлъ имъ утруждаться, но просилъ избрать себѣ другаго духовника, проживающаго ближе. Но они ему отвѣчали: «Отче святой! Много есть духовниковъ. Но другаго такого утѣшителя и отца въ скорбяхъ нашихъ обрѣсти не можемъ».

Многіе изъ учениковъ отца Арсенія не могли вмѣстить его образа жизни и нестяжанія. Думая отойти отъ него, стали просить благословенія, чтобы онъ отпустилъ

ихъ избрать себѣ на Святой Горѣ другое мѣсто для жительства. Онъ же, утѣшая ихъ, говорилъ: «Чада мои возлюбленныя, чѣмъ вы недовольны? Чѣмъ я васъ отяготилъ? Или скорбите, что много трудовъ? Сидите каждый въ своей кельѣ, храните безмолвіе. Не оставляете келейнаго своего правила и соборной церковной службы. Упражняйтесь всегда въ богомыслии и безпрестанной умной молитвѣ. Всѣми силами стараетесь очищать внутренняго челоуѣка и не принимать никакихъ прилоговъ дьявольскихъ. Открываете всѣ свои помыслы, не удерживая ихъ, да не обладаетъ никѣмъ изъ васъ дьяволъ. Или вы пищей недовольны? И о томъ не скорбите. Все вамъ Господь потребное пошлетъ къ насыщенію и утѣшенію. Ибо онъ сказалъ: *„Ищѣте же прежде царствія Божія и правды егѡ, и сія всѣя приложатся вамъ“* (Мѡ. 6:33)».

Но нѣкоторые ученики не слушали наставленій старца и говорили: «Кто можетъ вмѣстить твое нестяжаніе? Что Господь намъ и пошлетъ, то ты все раздаешь прочимъ». Онъ же сказалъ имъ: «Кто хочетъ со мной жить, да подражаетъ мнѣ. Кто не хочетъ послѣдовать моей жизни, да живетъ, гдѣ хочетъ. Я благословляю. Только живите внутри Святой Горы Аѡнской, а вонъ изъ Святой Горы выходитъ не благословляю, кромѣ особенной воли Божіей».

Послѣ этого многіе разошлись отъ него по прочимъ монастырямъ и скитамъ, кого куда Богъ назначилъ. Впрочемъ, отлучились они тѣломъ, а духомъ и любовью всѣ къ нему остались привязаны.

Проживъ въ скиту три года, по нѣкоторымъ благословеннымъ обстоятельствамъ отецъ Арсеній вышелъ оттуда съ оставшимися учениками. Они купили себѣ келлію Святой Троицы близъ монастыря Ставреникита и обосновались тамъ. Вся русская братія весьма обрадовалась, что вновь къ нимъ возвратился ихъ отецъ и пастырь. Здѣсь старецъ оставался до самой смерти.

Отецъ Арсеній дѣлалъ на Святой Горѣ великія распоряженія, и никто ему не могъ противорѣчить. По его благословенію игуменъ Ильинскаго скита іеромонахъ Павелъ уступилъ въ спорѣ за игуменскій постъ братіи изъ малороссовъ и оставилъ имъ свою должность, благодаря чѣму сохранились добрыя отношенія между малороссами и великороссами. Впослѣдствіи отецъ Арсеній и далѣе старался умиротворять малороссовъ и примирить ихъ съ великороссами, но, встрѣтивъ упорство съ ихъ стороны, далъ благословеніе молодымъ подвижникамъ, отцу Виссаріону (Толмачеву) и отцу Варсонофію (Вавилову), организовать новый скитъ специально для великороссовъ, что съ Божіей помощью вскорѣ и свершилось.

По его благословенію іеросхимонахъ Аникита (Ширинскій-Шихматовъ) принялъ приглашеніе грековъ Пантелеимонова монастыря и со своими учениками поселился въ древней русской обители. По его же благословенію и во второй разъ вошли русскіе во главѣ съ іеросхимонахомъ Павломъ въ Пантелеимоновъ монастырь. По его же благословенію послѣ смерти отца Павла русскую братію Пантелеимонова монастыря

возглавилъ молодой отецъ Іоанникій. Многихъ онъ благословилъ проводить жизнь свою на Аѳонѣ, хотя тѣ и не желали этого. А многихъ выслалъ со Святой Горы въ разныя мѣста, въ числѣ такихъ былъ и составитель его житія отецъ Парѳеній (Агеевъ), отправленный отцомъ Арсеніемъ въ Россію, въ Сибирскую страну, для основанія тамъ монастыря. Отецъ Арсеній былъ духовнымъ отцомъ всѣхъ русскихъ монаховъ, проживавшихъ тогда на Аѳонѣ, и, безспорно, не только сыгралъ выдающуюся роль въ жизни отдѣльныхъ лицъ, но и повліялъ на будущее развитіе всѣхъ русскихъ обителей на Святой Горѣ.

Старецъ Арсеній славился по всей Горѣ Аѳонъ также своими чудотвореніями. Расскажемъ о нѣсколькихъ такихъ дивныхъ событіяхъ. Въ 1839 году въ келліи братьевъ Кореневыхъ лежалъ больной монахъ Іоасафъ. Однажды ночью сдѣлалось ему весьма тяжело. Ожидая смерти, пожелалъ онъ духовника. У Кореневыхъ ночевали тогда посторонніе. Двое изъ нихъ пошли съ фонарями за отцомъ Арсеніемъ. До его келліи идти было болѣе 5 верстъ. Придя къ нему, монахи сказали, что отецъ Іоасафъ умираетъ и желаетъ видѣть духовника. Они просили, чтобы тотъ поскорѣ шелъ съ ними, но обязательно съ фонаремъ, такъ какъ ночь очень темная, да къ тому же льетъ дождь. Онъ согласился: «Да, нужно поспѣшать. Братъ дѣйствительно умираетъ. Вы идите впередъ, — сказалъ онъ имъ, — а я сейчасъ соберусь и догоню васъ со своимъ фонаремъ!» Отцы просили его идти вмѣстѣ съ ними и поспѣшить, но онъ ихъ отослалъ и обѣщаль догнать. Они шли скоро, но безпокоились о томъ, какъ онъ пойдетъ подъ дождемъ лѣсомъ одинъ. А еще боялись, что больной умретъ до прихода духовника.

Когда они добрались до келліи, встрѣтилъ ихъ монахъ Филиппъ и сказалъ, что отецъ Іоасафъ уже умеръ, и спросилъ, почему они такъ долго не приходили. Тѣ отвѣчали: «Мы шли быстро и очень торопились, чтобы застать отца Іоасафа живымъ!» Монахъ же Филиппъ укорилъ ихъ: «Что вы оправдываетесь! Уже духовникъ пришелъ болѣе получаса назадъ, исповѣдалъ, причастилъ умирающаго и отходную прочиталъ. Сію минуту отецъ Іоасафъ скончался!» Они, услышавъ это, очень удивились, такъ какъ не прошло еще и часа, какъ они ушли отъ отца Арсенія. Подошли къ нему, поклонились и спросили: «Отче святой, какъ же вы пришли такъ быстро? Мы даже не замѣтили, какъ вы насъ обогнали!» Онъ же отвѣчалъ: «Нельзя было медлить, и то я едва успѣлъ, чтобы застать умирающаго живымъ. А прошелъ я болѣе прямымъ путемъ, котораго вы не знаете!» Тѣ замолчали, хотя хорошо знали, что никакой другой дороги нѣтъ, и въ тайнѣ помышляли: «Не тѣмъ ли путемъ онъ шелъ, которымъ пророкъ Аввакумъ обѣдъ носилъ изъ Палестины въ Вавилонъ къ пророку Даниилу, сидящему въ ямѣ?» Еще къ двоимъ больнымъ приходилъ онъ на Капсалѣ такимъ же образомъ.

Еще нѣчто удивительное случилось въ 1845 году. 4 іюля вздумалъ отецъ Арсеній идти на праздникъ въ Лавру святаго преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго. Въ этотъ день, отслуживъ Литургію, онъ отправился въ путь вокругъ Аѳона и пришелъ къ всенощному

бдѣнію въ Лавру. Разстояніе отъ его келліи до монастыря святаго Павла 8 часовъ ходу, всего около 75 верствъ. А отъ святаго Павла до Лавры еще 7 часовъ.

Отстоявъ въ Лаврѣ бдѣніе и Литургію, продолжавшіяся 16 часовъ, на трапезу онъ не пошелъ, а, взявъ хлѣбъ, отправился въ обратный путь. Къ вечернѣ пришелъ въ свою келлію. Всѣ удивлялись этому происшествію. Молодому монаху потребовалось бы три дня, чтобы продѣлать весь этотъ путь, а тутъ 70-лѣтній старецъ, да еще и немощный, съ больными ногами, простоявъ 16 часовъ на службѣ, все одолѣлъ менѣе чѣмъ за двое сутокъ. Послѣ спросили его: «Отче, какъ вы смогли такъ быстро сходить, когда и путь вашъ былъ все съ горы на гору да еще по острому камню?» Онъ же отвѣчалъ: «Обновися, яко орля, юность моя не по естеству, а съ Божіей помощью!»

Въ началѣ 1846 года старецъ Арсеній приблизился къ своей кончинѣ. Ему небезызвѣстна была дата своего отшествія на небо. Разъ, когда онъ вскопалъ весь огорождъ, одинъ изъ учениковъ его спросилъ: «Зачѣмъ вы, отче святой, такъ много трудитесь? Почему не заставляете учениковъ своихъ?» Онъ же ему отвѣтилъ: «Мнѣ уже немного осталось покопать, а ученики еще безъ меня накопаются».

Вскорѣ отецъ Арсеній заболѣлъ ногами и не могъ уже ни работать, ни ходить, но каждую седмицу служилъ четыре Литургіи: въ воскресенье, среду, пятницу и субботу.

Марта, 23-го числа 1846 года, въ навечеріе Благовѣщенія, на пятой недѣлѣ Великаго поста, когда читаются на Литургіи слова изъ Евангелія «се восходимъ въ Іерусалимъ...», спѣвъ наканунѣ въ Субботу Акаѳиста сладчайшую пѣснь ко Пресвятой Богородицѣ и отслуживъ послѣднюю свою Литургію, отходилъ отецъ Арсеній изъ жизни этой въ горній Іерусалимъ. По всѣмъ монастырямъ и келліямъ Аѳонской Горы оповѣстили ученикамъ его, что старецъ весьма нездоровъ, чтобы всѣ пришли получить послѣднее благословеніе. Въ воскресенье, т. е. 24 марта, рано собрались всѣ его духовныя дѣти: отецъ Іеронимъ изъ русскаго монастыря, отецъ Паисій изъ Ильинскаго скита и прочихъ множество.

«Что же ты, отче, уходишь отъ насъ? — спрашивали ученики его. — На кого оставляешь насъ, кому передаешь всѣ свои благія дарованія?» Возложивъ слабѣющія руки свои на голову отца Іеронима, великій авва сказалъ: «Вотъ ему оставляю васъ, ему передаю все». И велѣлъ подходить на послѣднее лобзаніе къ себѣ и на благословеніе къ преемнику своему, новому общему духовнику отцу Іерониму. Такъ, по изволенію Божію, отецъ Іеронимъ былъ возведенъ на новое высокое служеніе рукою своего умирающаго духовника и старца.

Подошелъ къ нему его ученикъ, отецъ Павель, хромою, сталъ его спрашивать: «Отче святой, хочешь ли ты отъ насъ отойти и насъ оставить?» Онъ же отвѣтилъ: «Да, пришло время; надобно долгъ отдать». Отецъ Павель вновь спросилъ: «А что, отче, не боишься ли смертнаго часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли отвѣта передъ праведнымъ Судіей, ты былъ болѣе тридцати лѣтъ духовникомъ?» Онъ же весело на него посмотрѣлъ

и сказалъ: «Страха и ужаса не имѣю, но нѣкая радость наполняетъ мое сердце, и великую имѣю надежду на Господа, Бога моего, Иисуса Христа, что Онъ не оставитъ меня Своей милостью, хотя я добрыхъ дѣлъ не сотворилъ. Ибо чѣмъ похваляюсь, кромѣ какъ немощами моими? По своей волѣ ничего не сотворилъ, а что и сотворилъ, то съ помощью Господа моего и по волѣ Божіей».

Потомъ приказалъ всѣмъ духовнымъ своимъ чадамъ подходить по одному и каждому прощаль и разрѣшалъ его грѣхи, давая послѣднее благословеніе и наставленіе. Говорилъ каждому, кому гдѣ проводить жизнь свою. И это продолжалась почти до послѣдней минуты его жизни. Потомъ велѣлъ онъ всѣмъ отъ себя отдалиться, и всѣ сошли внизъ. Старець началъ молиться, но никто не могъ слышать, что онъ говорилъ. Видно было только, какъ трижды онъ поднималъ руки къ небу, потомъ опустилъ ихъ и затихъ. Когда подошли къ нему, то увидѣли, что онъ уже скончался и предалъ душу свою въ руки Господа своего. Похоронили его около самага алтаря келліи Святой Троицы, принадлежащей монастырю Ставроникита, 25 марта 1846 года.

Отець Арсеній былъ средняго роста, борода средняя съ просѣдью, голову держалъ всегда наклоненной на правое плечо. Лицомъ былъ чистъ и свѣтелъ. Характеръ имѣлъ веселый, но очи его всегда были полны слезъ. Былъ весьма сухъ, но на лицѣ его всегда игралъ румянецъ. Особенно это было замѣтно, когда служилъ Литургію, чѣмъ всѣхъ приводилъ въ удивленіе. Въ это время лицо его бывало какъ огненное. Рѣчь была у него кроткая, немногословная и приправленная духовной солью. И всякій слушающій его съ первыхъ словъ начиналъ плакать. Сей старецъ былъ весьма начитанъ и всегда подкрѣплялъ свои доводы свидѣтельствами изъ Священнаго Писанія. Говорилъ и приводилъ свидѣтельства Писанія наизусть, чѣму удивлялись и ученые люди.

## Схіархимандритъ Савва

Схіархимандритъ Савва<sup>5</sup> по праву считается ктитормъ и строителемъ Пантелеимонова монастыря, такъ какъ именно при немъ началось обустройство его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится сейчасъ, — у самага берега моря. До 70-хъ годовъ XVIII вѣка русскій монастырь располагался въ нагорной мѣстности въ нынѣшнемъ Старомъ Русикѣ. Изъ-за петровскихъ реформъ и безконечныхъ русско-турецкихъ войнъ въ теченіе всего XVIII вѣка притокъ русскихъ людей на Аѳонъ значительно уменьшился, соотвѣтственно, сократилось и число братіи Пантелеимонова монастыря. Ко второй половинѣ XVIII вѣка въ немъ

<sup>5</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ. Сочиненія и письма Святогорца*: Въ 2 т. М., 2006. С. 74.

подвизались почти одни только греки. Монастырь, не имѣя связей съ Россіей, пришелъ и въ экономической упадокъ. Въ этихъ условіяхъ греческая братія монастыря рѣшила оставить нагорную обитель и переселиться ближе къ морю, къ пристани обители, гдѣ было намного легче организовать проживаніе. Однако, несмотря на это, упадокъ монастыря продолжался. Тогда въ 1803 году Вселенскому Патріарху Каллинику отъ святогорскаго Протата\* поступилъ докладъ о плачевномъ положеніи дѣлъ въ русскомъ монастырѣ, гдѣ онъ просилъ Патріарха или совершенно упразднить монастырь, или въ случаѣ какихъ нибудь препятствій къ этому сдѣлать его общежительнымъ (киновіальнымъ\*). Чтобы усилить свои позиціи въ данномъ вопросѣ, Протатъ указывалъ Патріарху на одного извѣстнаго скитскаго подвижника, который, по ихъ мысли, вполне могъ бы осуществить задуманное, оправдать надежды Протата и точно исполнить волю Его Святѣйшества, если таковое рѣшеніе имъ будетъ поддержано. Жребій палъ на насельника Ксенофонтскаго скита, маститаго старца, іеромонаха Савву, не только прославленнаго на Святой Горѣ и въ Константинополѣ святостью своей жизни, но и хорошо извѣстнаго и самому Патріарху. Вѣроятно, хорошо понимая величіе и значеніе Россіи для православнаго міра и, въ частности, для Аѳона, Патріархъ Каллиникъ посчиталъ справедливымъ позаботиться о возобновленіи русскаго монастыря, и потому въ полномъ согласіи съ предложеніемъ святогорскаго Протата онъ опредѣлилъ на это дѣло старца Савву.

Старець Савва троекратно отказывался отъ возлагаемаго на него послушанія. Онъ оправдывался тѣмъ, что преклонныя лѣта вправѣ уволить его отъ такихъ непосильныхъ для него хлопотъ и заботъ. А главное, не было никакой возможности безъ посторонней помощи взяться за столь важное дѣло. Съ четвертаго только раза, выслушавъ распоряженіе Патріарха, грозившаго уже Судомъ Божьимъ за непослушаніе, старецъ Савва, смутившись, оставилъ свое стойкое намѣреніе отказаться отъ предлагаемаго ему дѣла и молча повиновался волѣ правительства Аѳона и Патріарха. Болѣе, впрочемъ, потому, что на этотъ разъ была обѣщана возможная помощь въ возобновленіи русской киновіи\*. Вслѣдствіе этого старецъ Савва тогда же переселился изъ скита на пепелищѣ Руссика и, составивъ предположительный планъ новой киновіи, послалъ его въ Константинополь на утвержденіе, напоминая объ обѣщанной помощи. Но вмѣсто денегъ получилъ въ отвѣтъ повелѣніе явиться къ Патріарху для личныхъ объясненій съ Его Святѣйшествомъ.

Такой поворотъ событій сильно смутилъ сердце смиреннаго старца. Не трудовъ и хлопотъ ему было жаль, но больно было подумать, что смерть можетъ настичь его внѣ Аѳона. Слабость силъ и почтенный возрастъ старца Саввы давали пищу для такихъ мыслей и опасеній. Но дѣлать было нечего. Онъ повиновался.

Быстро пронеслась молва между вѣрующими въ Константинополѣ о прибытіи къ нимъ знаменитаго отшельника со Святой Горы, который, впрочемъ, два дня никому не показывался, отдыхая послѣ тяжелаго пути, и только на третій, въ сопровожденіи ученика своего, опираясь на скромный иноческій костыль, явился къ Патріарху.



*Успенскій и Пантелеимоновскій храмы, которые построилъ отецъ Савва*

Окруженный Синодомъ Патріархъ, едва только увидѣвъ Савву, всталъ со своего мѣста и прежде, нежели тотъ успѣлъ подойти подѣ благословеніе, потребовалъ себѣ святительскій омофоръ и мантию. Начался молебенъ ко Господу. Въ умиленныхъ прошеніяхъ Патріархъ призывалъ свыше благословеніе на благое начинаніе іеромонаха Саввы. Молилъ, чтобы непостижимыми путями Своего Промысла Самъ Господь былъ благосклоненъ къ основанію киновіи въ Русскомъ монастырѣ святаго великомученика Пантелеимона. Весь Синодъ молился со своимъ владыкой.

Послѣ молебна старецъ Савва устремился было поцѣловать руку вселенскаго владыки, но тотъ былъ настолько смиренномудръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увѣренъ въ духовности и святости старца, что самъ поцѣловалъ его изсохшую въ постническихъ подвигахъ руку. Весь Синодъ послѣдовалъ примѣру Патріарха. Это чрезвычайно смутило старца, онъ умилился духомъ, залился слезами и плакалъ какъ дитя.

Патріархъ позволилъ отцу Саввѣ остаться въ Константинополь для сбора пожертвованій, и самъ, между прочимъ, далъ слово оказать ему при отъѣздѣ на Святую Гору помощь изъ собственныхъ средствъ. Такимъ образомъ, старецъ Савва цѣлыхъ четыре года провелъ въ Константинополь и успѣлъ за это время собрать до 9000 рублей. Это было около 1806 года.

Высокая духовность и святость старца привлекали къ нему много знатныхъ и именитыхъ жителей Константинополя. Среди многихъ чудесъ, совершенныхъ имъ тамъ, извѣстенъ слѣдующій случай.

Игуменъ Савва проживалъ въ Константинополь у одного благочестиваго человѣка, который просилъ его повліять на своего родственника (купца), ходившаго въ султанскій дворецъ, въ гаремъ къ женамъ султана, продавать матерію. Вмѣстѣ съ продажей матеріи купецъ дерзалъ и утолять тамъ свою плотскую страсть. Игуменъ Савва началъ

съ того, что усердно просилъ его не ходить въ гаремъ одинъ только день, дабы на слѣдующій день онъ смогъ бы причастить его Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Послѣ долгаго увѣщеванія купецъ согласился, и игумень Савва причастилъ его.

Послѣ перваго причастія старецъ Савва просилъ его еще одинъ день не ходить въ гаремъ. Тотъ согласился и на этотъ разъ, хотя упорно сопротивлялся. Причастивъ его Святыхъ Таинъ во второй разъ, отецъ просилъ его не ходить во дворецъ еще одинъ день... Такъ продолжалось 40 дней. 40 дней игумень Савва причащалъ его, съ большимъ трудомъ удерживая отъ грѣха.

Послѣ 40 дней отецъ Савва сказалъ ему: «Ну, теперь ступай въ гаремъ! Болѣе не буду тебя удерживать». Но купецъ отвѣтилъ: «Если бы меня на куски стали рубить, то и тогда не пойду!» Такъ причащеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ погасило въ немъ плотскую страсть<sup>6</sup>.

Время шло. Однако собранныя отцомъ Саввой пожертвованія и обѣщанное Патріархомъ пособіе были недостаточны для возстановленія и строительства монастыря, поэтому онъ началъ уже приходить въ отчаяніе, не надѣясь получить необходимыя для созиданія обители средства. И тутъ произошло событіе, которое утѣшило старца, его скорбящее сердце.

Князь Скарлатъ Каллимахъ, свято чтившій старца Савву и часто покоившій его въ своемъ домѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ его жизни въ Константинополѣ, заболѣлъ. Болѣзнь его день ото дня усиливалась, и наконецъ всѣ пособія медицины истожились, такъ что болящій и его семейство въ крайнемъ смятеніи ожидали рѣшительныхъ минутъ конца его жизни. Въ это скорбное для нихъ время, какъ ангелъ, является старецъ Савва... Черезъ день послѣ посѣщенія старца больной былъ уже внѣ всякой опасности.

Тогда-то съ чувствомъ живой благодарности Скарлатъ Каллимахъ далъ слово своему врачу быть ктиторомъ русскаго монастыря и впослѣдствіи свято выполнялъ свое обѣщаніе. Когда по волѣ султана онъ занялъ владѣтельный престолъ Валахіи, что документально засвидѣтельствовано въ архивѣ монастыря<sup>7</sup>, то щедрой рукой давалъ деньги на сооружавшуюся обитель. И русскій монастырь, какъ фениксъ, быстро сталъ возставать изъ своего пепелища, воскресъ обновленнымъ, устремился вверхъ своими могучими стѣнами твердынь и храмовъ. Были построены два великолѣпныхъ храма въ византійскомъ стилѣ: католиконъ\* въ честь святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона (освященъ въ 1815 году) и храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы (освященъ въ 1818 году). Также были построены трапезная и жилые корпуса для иноковъ.

Изъ-за неслыханныхъ до этого масштабовъ строительства игумена Савву благодарные потомки насельники монастыря святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона теперь по праву называютъ возобновителемъ и строителемъ этой обители послѣ запусѣнія ея на мѣстѣ нынѣшняго Старога Руссика. Поэтому онъ

---

<sup>6</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 169.

<sup>7</sup> АРПМА. Док.: № 377, 381, 435, 580, 581, 582.

считается ктиторомъ, и, по обычаю восточныхъ монастырей, въ день памяти ктитора по сей день предлагаются братіи на трапезѣ олады съ мѣдомъ (погречески таланиты)<sup>8</sup>.

Преставился игуменъ Савва 14 апрѣля 1821 года, на Пасху, проживъ 103 года.



## Іеросхимонахъ Аникита (Ширинскій-Шихматовъ)

Однимъ изъ трехъ выдающихся русскихъ обителей на Аѳонѣ, наряду съ Пантелеимоновымъ монастыремъ и Андреевскимъ скитомъ, является Русскій Свято-Ильинскій скитъ. Онъ былъ основанъ великимъ русскимъ аввой — старцемъ Паисіемъ Величковскимъ и благоустроенъ іеросхимонахомъ Аникитой (Ширинскимъ-Шихматовымъ).

Іеромонахъ Аникита<sup>9</sup> (въ міру князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ) родился въ 1783 году въ селѣ Дерново Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи. Родители его, Александръ и Ольга (въ дѣвчествѣ Іевлева) Ширинскіе-Шихматовы, были помѣщиками той же губерніи. Они отличались благочестивымъ образомъ жизни, поэтому и воспитаніе сыну дали совершенно правильное, основанное на религіи и нравственности.

Какъ падаютъ сѣмена на добрую почву и приносятъ плодъ сторицей, такъ умныя слова и спасительныя наставленія отца отражались въ душѣ впечатлительнаго отрока. Впечатлительность — признакъ большихъ способностей. Главное, въ какую сторону направляется развитіе душевныхъ силъ ребенка. Понятно, почему отрокъ Сергій, одаренный и способностями, и умомъ, съ первыхъ лѣтъ жизни воспламенился особенной любовью ко Господу и Его земной Церкви, проявилъ чисто христіанскую кротость нрава.

На десятомъ году жизни умеръ его отецъ. Умеръ съ полнымъ сознаніемъ того, что далъ правильное направленіе въ жизни своему сыну и другимъ дѣтямъ, которыя явили себя впослѣдствіи тоже достойными христіанами. Мальчику было 13 лѣтъ, когда его отдали въ Морской кадетскій корпусъ. Здѣсь онъ учился блистательно и сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

<sup>8</sup> АРПМА. Док. № 111. С. 56.

<sup>9</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Никодимъ, еп. Рильскій* (Кононовъ А.). *Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ*. Сентябрь. М., 1909. С. 70.

Послѣ окончанія курса юноша Сергій поступилъ на морскую службу. Много приходилось ему совершать походовъ, участвовать въ сраженіяхъ. Нерѣдко получалъ онъ чины и награды.

Оставивъ службу въ чинѣ капитана, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ не только занималъ высокія должности, но и лично былъ извѣстенъ государю императору Александру Павловичу, цѣнившему въ немъ его способности вообще и талантъ поэтической въ частности. Все, какъ видно изъ сказаннаго, давало благородному по происхожденію человѣку полную возможность жить той безпечной и роскошной жизнью, какой жили тогда люди высшаго сословія. «Онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Академіи наукъ, состоялъ членомъ общества „Бесѣды любителей русскаго слова“ ..., писалъ историческія произведенія и духовные стихи, изложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихотворной формѣ, пытался очистить русскій языкъ отъ иностранныхъ словъ и обогатить его путемъ заимствованій изъ церковнославянскаго языка. Это было время, когда свѣтская культура стала отдѣляться отъ Православія, и отецъ Аникита своимъ творчествомъ пытался вернуть его въ лоно православной традиціи, поставить Православіе во главу угла формирующагося національнаго сознанія»<sup>10</sup>.

Однако эта общественная активность и высокое общественное положеніе не могли удовлетворить духовную жажду Сергѣя Александровича. Онъ стремился къ другой жизни — жизни въ христіанской любви. Изъ громаднaго содержанія, которое получалъ (болѣе 7 тыс. руб. въ годъ), онъ для себя использовалъ очень немного, а все остальное отдавалъ на дѣла благотворительности. Къ нему обращались за помощью всѣ, кто въ ней нуждался. И ни одинъ нищій, сирота и убогій не возвращался отъ него необлагодѣтельствованнымъ. Жизнь онъ велъ въ міру, можно сказать, иноческую. Пищу употреблялъ только постную, и то однажды въ день. Пилъ только воду. Спалъ не болѣе 5 часовъ въ сутки. Знакомствъ никакихъ не заводилъ. Жилъ какъ отшельникъ. Все свободное время посвящалъ молитвѣ, чтенію священныхъ книгъ и благочестивымъ размышленіямъ.

Для окружающихъ его нравственныя качества были недостижимо высокими: онъ ненавидѣлъ всякую неправду, возмущался, когда подъ внѣшнимъ лоскомъ людей нерѣдко скрывались лишь лицемѣріе, незаконныя мысли и дѣла... Могъ ли такой человѣкъ долго оставаться въ міру? И Сергѣй Александровичъ серьезно задумался надъ вопросомъ о необходимости оставленія его и водворенія въ какой либо иноческой обители для обрѣтенія тамъ того тихаго пристанища, котораго не можетъ дать міръ. Такъ какъ былъ онъ уже не увлекающимся юношей, а окончательно сложившимся, зрѣлымъ человекомъ, то и исполненіе задуманнаго не заставило себя долго ждать.

Въ 1828 году онъ поступилъ въ Юрьевскій монастырь, находившійся въ то время подъ управленіемъ знаменитаго архимандрита Фотія (Спасскаго). Спустя два года,

---

<sup>10</sup> Путешествіе іеромонаха Аникиты по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834–1836 годахъ / Предисл. П. В. Троицкаго. М., 2009. С. 8.

а именно 25 марта 1830 года, былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Аникита. Черезъ пять дней (30 марта) рукоположенъ въ іеродіакона, а еще черезъ нѣсколько дней (3 апрѣля) — въ іеромонаха. Такого высокаго мнѣнія было о немъ духовное начальство! Такъ увѣрены были всѣ въ этомъ выдающемся человѣкѣ! Да и могло ли быть иначе?

Въ Юрьевскомъ монастырѣ отецъ Аникита явилъ собой примѣръ великаго благочестія и дивнаго подвижничества. Оцѣнивъ его высокія качества, зная объ уровнѣ его образованія, духовное начальство пожелало отъ него большаго — возвести отца Аникиту въ санъ архимандрита и сдѣлать его игуменомъ какого либо монастыря. Но смиренный инокъ отказался отъ предлагаемыхъ почестей. Его тяготило даже то вниманіе, каковымъ по достоинству окружали его въ Юрьевомъ монастырѣ.

Завѣтной мечтой отца Аникиты было посѣщеніе Іерусалима, дабы поклониться Живоносному Гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ, освященнымъ жизнью и страданіями Господа нашего Іисуса Христа. Въ это же время зародилось въ его душѣ и другое желаніе — посѣтить Святую Гору Аѳонъ, а быть можетъ, и остаться тамъ. Разрѣшеніе было получено. 5 мая 1834 года отецъ Аникита оставилъ Юрьевскій монастырь и отправился въ заграничное путешествіе.

Благочестивый паломникъ хотя и имѣлъ своей цѣлью прежде всего посѣщеніе Іерусалима, но не могъ оставить безъ поклоненія и тѣ святыни, которыя лежали на его пути. Вотъ почему онъ посѣтилъ всѣ монастыри, которые могъ встрѣтить, оставаясь въ каждомъ изъ нихъ извѣстное время. И замѣчательно, что даже во время путешествія онъ всюду сѣялъ доброе сѣмя. Такъ, имѣлъ онъ двѣ большія остановки въ Воронежѣ и Одессѣ. Въ первомъ городѣ, по просьбѣ архіепископа Антонія, онъ составилъ подробное жизнеописаніе угодника Божія святителя Митрофана.

Въ Одессѣ, гдѣ онъ оставался до прекращенія вспыхнувшей въ Константинополь моровой язвы и до разрѣшенія выѣзда, отецъ Аникита, живя въ Успенскомъ монастырѣ, находящемся въ 12-ти верстахъ отъ Одессы, въ мѣстечкѣ Большой Фонтанъ, своей жизнью далъ назидательный примѣръ и братіи монастыря, и православнымъ жителямъ города Одессы. Послѣдніе приходили послушать его бесѣды и наставленія и нерѣдко приглашали совершать богослуженія въ одесскихъ храмахъ.

Одессу отецъ Аникита оставилъ 2 мая 1835 года. Обозрѣніе достопримѣчательностей Константинополя отняло немного времени. 7 іюня на парусномъ суднѣ онъ прибылъ на Гору Аѳонъ. Вслѣдствіе сильнаго волненія на морѣ вначалѣ онъ остановился въ греческомъ Ксиропотамскомъ монастырѣ. Сюда смогло пристать судно. Изъ Ксиропотама онъ вскорѣ перешелъ въ скитъ святаго пророка Іліи. Настоятелемъ здѣсь былъ въ это время іеромонахъ Парѣній, который уступилъ отцу Аникитѣ свою келью. Въ кельѣ этой ранѣе жилъ знаменитый старецъ Паисій (Величковскій), занимавшійся переводомъ книгъ «Добротолюбія» и твореній святаго Исаака Сирина съ греческаго языка на церковнославянскій. Именно въ этой кельѣ и былъ помѣщенъ образованнѣйшій отецъ Аникита.

Совершивъ въ храмѣ скита первую свою на Аѳонѣ Литургію, отецъ Аникита поселился здѣсь и отсюда уже продолжилъ паломничества въ остальные святогорскія обители. Посѣщеніе ихъ имѣло для отца Аникиты чрезвычайно важное значеніе. Они еще больше укрѣпили его духъ, еще болѣе укрѣпили его въ вѣрѣ въ тѣ начала, которыя онъ нашель лучшими для себя и ради которыхъ оставилъ все, чѣмъ щедро прельщала его свѣтская жизнь.

Не ограничиваясь поклоненіемъ святынямъ и бесѣдами съ отшельниками, онъ въ разныхъ мѣстахъ совершалъ Литургіи, большей частью на греческомъ языкѣ. Познакомился съ отцомъ Арсеніемъ, духовникомъ всѣхъ русскихъ монаховъ на Аѳонѣ, и попросился къ нему въ ученики.

Отецъ Арсеній принялъ его въ свои ученики. Именно тогда въ бесѣдахъ духовника съ ученикомъ и зародилась мысль о неотложной помощи Русскому Пантелеимонову монастырю. Эта мысль постоянно занимала отца Арсенія. Духовникъ подѣлился съ ученикомъ своими намѣреніями и благословилъ отца Аникиту помочь монастырю. Тотъ сразу загорѣлся желаніемъ исполнить это благословеніе и, неоднократно посѣщая русский монастырь святаго Пантелеимона, убѣдилъ игумена Герасима съ братіей принять группу русскихъ монаховъ и построить у себя церковь во имя новопрославленнаго тогда русскаго святителя Митрофана, причемъ самъ же вручилъ имъ денежную помощь для исполненія задуманнаго.

Въ концѣ іюля онъ выѣхалъ въ сопровожденіи своего новаго духовнаго отца Арсенія въ Іерусалимъ.

И вотъ наконецъ отецъ Аникита у цѣли. Предъ нимъ священный городъ, о которомъ онъ такъ много думалъ, видѣть который такъ жаждала его душа. Исполненный благоговѣнія, со слезами упалъ онъ на Святую Землю и вознесъ молитвенное благодареніе Богу. Въ храмѣ Воскресенія при Гробѣ Господнемъ проводилъ онъ цѣлыя ночи, пламенно молясь и проливая множество горячихъ слезъ. На Голгофѣ и въ храмѣ Воскресенія не разъ достаивался счастья приносить безкровную жертву. Посѣтилъ онъ и другія святыя мѣста Палестины и, счастливый, какъ получившій все, чего желалъ, вновь возвратился на Гору Аѳонъ, къ ея пустынному безмолвію, пробывъ въ Палестинѣ болѣе полугода, а именно — съ августа 1835-го по апрѣль 1836 года. Впечатлѣнія отъ поѣздки на Святую Землю онъ записалъ въ свой дневникъ, который впослѣдствіи былъ изданъ отдѣльной книгой подъ названіемъ «Путешествіе іеромонаха Аникиты по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834–1836 годахъ».

Во время обратнаго путешествія на Аѳонъ отецъ Аникита посѣтилъ островъ Кипръ, гдѣ былъ епископомъ праведный Лазарь, другъ Христа, а также островъ Патмосъ, гдѣ жилъ и проповѣдовалъ святой апостоль и евангелистъ Іоаннъ Богословъ и гдѣ онъ написалъ святое Евангеліе.

Вернувшись на Аѳонъ, онъ остановился въ Пантелеимоновомъ монастырѣ, гдѣ ожидалъ увидѣть уже строящуюся церковь во имя святителя Митрофана. Но увы!

Его ожидало разочарованіе. Произошедшіе между русскими и греками недоразумѣнія помѣшали дѣлу. И тогда отецъ Аникита рѣшается построить таковой храмъ въ Ильинскомъ скиту.

11 мая, взявъ съ собой икону угодника Божія Митрофана<sup>11</sup>, привезенную имъ изъ Россіи, онъ отправился изъ Пантелеимонова монастыря въ Ильинскій скитъ. Настоятель скита и братія обрадовались тому, что такая знаменитая личность, совершенная въ иноческихъ добродѣтеляхъ, вновь явилась къ нимъ, и приняли его съ честью и любовью. Исполняя обѣтъ, данный при Гробѣ Господнемъ, отецъ Аникита отслужилъ въ скиту сорокъ Литургій, послѣ чего съ соизволенія игумена и была заложена церковь во имя святителя Митрофана. Священнодѣйствія при закладкѣ храма совершилъ греческій архіепископъ Панкратій.

3 августа, поручивъ схимонаху Θεодору постройку церкви и передавъ ему значительную сумму — жертву боголюбивыхъ людей изъ Россіи, — отецъ Аникита оставилъ скитъ. По волѣ начальства<sup>12</sup> онъ долженъ былъ занять должность настоятеля Русской посольской церкви въ Аѣинахъ. Самъ отецъ Аникита не только не стремился къ такой должности, но и избѣгалъ жизни въ большомъ и шумномъ городѣ, видѣлъ главное счастье въ томъ, чтобы окончить жизнь среди тишины и безмолвія Аѣона. И братіи также тяжело было разставаться съ нимъ. Но неповиновенія волѣ начальства, какъ волѣ Божіей, отецъ Аникита, являясь строгимъ подвижникомъ благочестія и истиннымъ рабомъ Христовымъ, допустить не могъ. Онъ поѣхалъ въ Аѣины выполнять порученіе начальства.

Однако отецъ Аникита такъ стремился на Аѣонскую Гору, такъ полюбилъ это тихое пристанище, что рѣшительно просилъ Священный Синодъ объ увольненіи отъ занимаемой должности. Святѣйшій Синодъ принялъ во вниманіе его просьбу. Ильинскій скитъ радовался, ожидая возвращенія своего благодѣтеля. Но Богъ судилъ иначе. Онъ назначилъ иной путь своему избраннику.

Геромонахъ Аникита давно уже страдалъ неизлѣчимой болѣзнью. Въ началѣ лѣта 1837 года болѣзнь его усилилась. Онъ слегъ въ постель. А 7 іюня, въ праздникъ Сошествія Святаго Духа, мирно предалъ свою душу въ руки Господа. Преставившемуся было 54 года отъ рожденія.

Весь городъ Аѣины оплакивалъ его кончину, такъ какъ добродѣтели благочестиваго чужеземца нигдѣ не могли скрыться отъ людей. Тѣло почившаго было положено въ Архангельскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ города. Умирая, отецъ Аникита завѣщалъ, чтобы все его имущество было немедленно отправлено на Аѣонъ и передано Ильинскому скиту, а впослѣдствіи, чтобы и останки его были перенесены туда же. Завѣщаніе было исполнено. Спустя три года кости почившаго были перенесены на Аѣонъ

<sup>11</sup> Эта икона была совершенной копіей той, которая находилась въ Воронежѣ надъ мощами святителя Митрофана, и была написана тѣмъ же иконописцемъ.

<sup>12</sup> По рѣшенію Священнаго Синода.

и положены въ храмѣ во имя святителя Митрофана, въ нишѣ правой стѣны. Ниша была покрыта мраморной доской съ золотой надписью, увѣковечившей день его кончины.

Въ 1875 году Гору Аѳонъ посѣтилъ извѣстный ревнитель православія и защитникъ монашества генералъ Николай Васильевичъ Елагинъ. Въ свое время онъ былъ знакомъ съ отцомъ Аникитой. Узнавъ, гдѣ положены останки блаженнаго мужа, онъ высказалъ мнѣніе, что такъ какъ въ Петербургѣ всѣ почитаютъ отца Аникиту за святаго, то не слѣдуетъ замуровывать ихъ въ стѣну. Тотчасъ доска была снята, кости открыли. Всѣ присутствовавшіе ощутили идущее отъ честныхъ останковъ чудное благоуханіе, которое долгое время источали даже покровы, въ которыхъ они были завернуты. Съ того времени кости блаженнаго Аникиты лежатъ открыто, составляя драгоценное сокровище Ильинскаго скита, для котораго блаженный такъ много сдѣлалъ.

Церковь во имя святителя Митрофана окончательно была отстроена уже при настоятельствѣ іеросхимонаха Павла на средства, оставленныя отцомъ Аникитой.

Въ заключеніе повторимъ справедливыя слова знатока аѳонской исторіи П. В. Троицкаго: «Коротокъ путь его въ монашествѣ, а ужъ по Аѳону — особенно. Но можно сказать, что онъ сталъ первымъ изъ тѣхъ, кто въ XIX вѣкѣ возродилъ не только Пантелеимоновъ монастырь, но и все русское иночество на Аѳонѣ»<sup>13</sup>.

## Схіархимандритъ Герасимъ

Схіархимандритъ Герасимъ<sup>14</sup> (мірское имя Георгій, фамилія неизвѣстна) родомъ былъ изъ села Эвдомійста (по-турецки Кюпъ-Кіонъ) епархіи Драма въ Македоніи. Родился въ 1772 году. Его родителей звали Василиемъ и Фотиніей. Въ 28 лѣтъ поступилъ въ монастырь нерукотворной иконы Пресвятыя Богородицы Икосифиницы, въ которомъ прожилъ 5 лѣтъ. Здѣсь же былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Григорій. Потомъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и въ іеромонаха. Въ 1804 году онъ отправился на Аѳонъ. Вначалѣ поступилъ въ скитъ святой Анны, гдѣ былъ постриженъ въ мантію съ именемъ Гавріиль, а потомъ перешелъ въ келлію святителя Николая Кутлумушскаго

---

<sup>13</sup> Путешествіе іеромонаха Аникиты по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834–1836 годахъ / Предисл. В. П. Троицкаго. М., 2009. С. 9.

<sup>14</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Св. Землѣ постриженника Святыя Горы Аѳонскія инокъ Парвенія. Ч. 1–4. М., 1856. С. 143, 260; *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца: Въ 2 т. М., 2006. С. 168; *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ*. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ... СПб., 1860. Прилож. С. 33.



монастыря, гдѣ прожилъ одинъ годъ. Послѣ этого онъ перешелъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ въ 1821 году и былъ постриженъ въ схиму.

Во время греческаго возстанія 1821 года, какъ и всѣ аѳонскіе монахи, схіархимандритъ Герасимъ оставилъ Аѳонъ и девять лѣтъ жилъ въ Мореѣ. Послѣ окончанія политическихъ распрей вернулся въ Русскіе, гдѣ въ 1830 году былъ избранъ игуменомъ. Еще до всѣхъ этихъ событій, при жизни игумена Саввы, онъ былъ опредѣленъ преемникомъ подъ руководствомъ старѣйшаго и ученаго іеросхидіакона Венедикта.

Игуменство его было утверждено Патриархомъ Константиємъ только въ 1832–1833 гг., потому что во время греческаго возстанія и Патриархъ девять лѣтъ скитался въ Мореѣ.

Игуменъ Герасимъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сторонниковъ возвращенія русскихъ въ свою обитель. По Божьему благословенію онъ наконецъ добился исполненія воли Творца, и 21 ноября 1839 года самъ принималъ русскихъ въ Русскіе.

Вотъ слово его въ день принятія русскихъ въ монастырь: «Возлюбленные отцы и братья русскіе, ты, отче Павле, со всѣми прочими! Теперь мы васъ приняли въ святую сію обитель, и освятили для васъ храмъ, и дали вамъ келіи — сей корпусъ съ тремя церквями. Довольны ли вы этимъ?» Русскіе отвѣтили: «Довольны, отче святой!» Игуменъ продолжалъ: «Теперь живите и благодарите Господа Бога, и Божью Матерь, и святаго великомученика Пантелеимона, и святителя Митрофана. И за насъ грѣшныхъ молитесь Богу. Теперь надобно намъ другъ друга тяготы носить. Какъ мы, отцы наши и братья русскіе, будемъ стараться носить ваши немощи, такъ и вы понесите немощи насъ, грековъ. Всѣ мы немощны „яко человекъ“, падаемъ, нѣкоторые изъ насъ вспыльчивы и круты нравомъ. Если вамъ что скажутъ, а вы не поймете, или васъ оскорбятъ, то сотворите поклонъ и скажите: „Прости, согрѣшихъ“. Что дѣлать? Нужно терпѣть. И Господь сказалъ: *„Въ терпѣніи вашемъ стяжите дѹшы вашя“* (Лк. 21:19). А наипаче, отцы, старайтесь привыкать и подражать нашимъ общежительнымъ уставамъ и обычаямъ, во всемъ слѣдуйте намъ, грекамъ, и блюдитесь, чтобы не произошелъ отъ васъ какой соблазнъ. На послушаніе ходите вмѣстѣ съ нами, греками. Черезъ силу не работайте, а помаленьку, по своей силѣ... Въ кельи одинъ къ другому не ходите и келій своихъ никогда не запирайте — такъ живите и спасайтесь. О здѣшнемъ ни о чемъ не заботьтесь, готовьте себя къ вѣчному. Для тѣла все вамъ будетъ дано: пища, одежда и дрова. А кто заболѣтъ, есть у насъ покойная больница. Кто помретъ, того похоронимъ съ честью и со славой, и будетъ обитель и братія вѣчно поминать его. А изъ русскихъ, кто будетъ желать съ нами жить, всѣхъ буду принимать только по вашему совѣту. Но знайте и помните, что сія обитель ваша вѣчная. Аминь».

Чтобы убѣдиться въ истинной святости прекрасной подвижнической жизни старца Герасима, слѣдуетъ обратить вниманіе на состояніе духа и на мирный характеръ его братства. Представьте сами, чего стоитъ дать братству, составленному изъ разнородныхъ нарѣчій, характеровъ и званій, одно направленіе жизненнаго пути,

умиротворить мысли и духъ его, смирить самую волю и твердо вести всѣхъ и каждого крестнымъ путемъ строгаго самоотверженія. Одно это показываетъ въ семъ настоящемъ духъ сильный и высокій, вполне развитый строгими опытами его собственной духовной жизни, отъ юности посвященной непорочному служенію Господу.

Слѣдствіемъ такой жизни и дарованій отца Герасима, который былъ монахомъ высочайшей духовности, является то, что русскій монастырь на Святой Горѣ изъ-за строгости своихъ правилъ и по точности исполненія ихъ занималъ самое почетное мѣсто среди другихъ обителей, былъ въ одномъ ряду съ первоклассными общежительными монастырями.

Отецъ Парѣній (Агеевъ) писалъ, что отецъ Герасимъ «имѣетъ удивительный даръ разсужденія. Двѣсти человѣкъ у него духовныхъ чадъ и всѣми управляетъ онъ не какъ власть предержащій, а относится къ нимъ по-отечески: кого наказываетъ, кого наставляетъ, кого со слезами увѣщаетъ, — и всѣхъ любитъ, какъ чадолюбивый отецъ. Никогда дверь кельи у него не затворяется. Она какъ лечебница. И вся братія — духовныя его чада, здоровыя и больныя — спѣшитъ къ своему духовному пастырю... Онъ же, выслушавъ и проводивъ всѣхъ, и самъ идетъ изъ своей кельи прежде навѣститъ болящихъ братьевъ. Потомъ обходитъ всѣ кельи, посѣщая всѣхъ рабочихъ и рукодѣльщико-въ, а затѣмъ выходитъ изъ монастыря, чтобы увидѣть всю братію, трудящуюся на разныхъ послушаніяхъ, и самъ работаетъ вмѣстѣ съ ними. И такъ препровождаетъ всѣ дни въ непрерывныхъ трудахъ. Къ трудамъ братію онъ никогда не принуждаетъ, но, наоборотъ, еще удерживаетъ и часто приказываетъ отдыхать. Въ церковь всегда является прежде всѣхъ... Часто на трапезѣ слышатъ его устныя поученія и наставленія, а иногда онъ обличаетъ немощи и недостатки. Но имя ничье не объявляетъ, только говоритъ о сути проступка. Говоритъ всегда со слезами и съ отеческой любовью, чѣмъ и всю братію приводитъ въ умиленіе и слезы. И смотрятъ братья на него какъ на ангела, повинуются ему, какъ Богу, трепещутъ передъ нимъ, какъ передъ государемъ, а любятъ его какъ отца... И не только одни его чада почитаютъ его, но и вся Аѳонская Гора его ублажаетъ какъ строгаго хранителя общежительныхъ иноческихъ уставовъ.

Въ одно время пришелъ въ Русскій монахъ Артемій и сталъ проситься въ монастырь. Просился съ тѣмъ условіемъ, чтобы приняли отъ него 20 000 левовъ, а на послушанія не посылали. Игуменъ Герасимъ спросилъ его: „Что же ты будешь дѣлать?“ Онъ отвѣтилъ, что будетъ молиться Богу. Игуменъ сказалъ: „Хорошо, я этому радуюсь. Если бы у меня всѣ братья согласились безпрестанно молиться Богу, то я ни одного не послалъ бы на послушаніе, потому что настоящее дѣло монаха есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣлье, данное для препровожденія времени и во избѣжаніе унынія. Но если бы не было послушанія, то у меня въ обители не осталось бы двадцати человѣкъ, потому что каждому весело и радостно на общемъ послушаніи. Есть время помолиться, и есть время потрудиться. Есть время принимать пищу, и есть время спать, потому что

каждый имѣть плоть и кровь. А кто любитъ Господа отъ всего сердца своего, тотъ можетъ безпрестанно молиться умной молитвой, ему тѣлесные труды не препятствуютъ, наоборотъ, даже помогаютъ. Если можешь молиться, имѣя и тѣлесные труды, то я тебя приму и упокою безъ денегъ твоихъ, а деньги отдай куда знаешь, а если такъ молиться не можешь, то намъ и деньги твои не нужны. Мы въ монастырѣ живемъ: не деньги собираемъ, а души спасаемъ. А если кто и деньги принесетъ, то мы ихъ не отринемъ, употребимъ на монастырскія нужды, но вступившій въ число братіи долженъ повиноваться всѣмъ общежительнымъ уставамъ и отсѣчь собственную волю. Мы сверхъ силы ни на кого ничего не налагаемъ, а только то, что можетъ человѣкъ понести“.

О нестяжательности и разсудительности отца Герасима говоритъ и такой случай. Жилъ въ обители монахъ, впослѣдствіи постриженный въ схиму, родомъ грекъ. Онъ пожертвовалъ Руссику большую сумму, но еще и себѣ оставилъ немного. Игумень говорилъ ему: „Если желаешь быть съ нами, то ничего у себя не оставляй... А если тебѣ жалко денегъ и не хочешь съ ними разставаться, то ничего не давай, найди такое мѣсто, гдѣ сможешь съ ними жить. Если же утаишь часть денегъ и ихъ послѣ твоей смерти найдутъ, то мы бросимъ эти деньги вмѣстѣ съ тобой въ могилу, и ты, какъ разрушитель общежитія, не сподобишься братскаго поминовенія“.

Монахъ же въ отвѣтъ увѣрялъ отца Герасима: „Отче святыи, что имѣю, то все отдаю“. Игумень принялъ его и постригъ въ великую схиму. Монахъ тотъ былъ весьма смиренъ и кротокъ, полезенъ для обители какъ хорошій столяръ. Братья весьма любили его. Но игумень видѣлъ таящагося въ немъ змія сребролюбія, часто призывалъ его и увѣщевалъ со слезами, чтобы тотъ объявилъ свои деньги. Онъ же упорно говорилъ, что больше ничего у него нѣтъ. Игумень, видя упорство и приближающуюся погибель души, захотѣлъ его исправить. Однажды при всей братіи приказалъ нѣкоторымъ изъ нихъ выгнать его изъ обители съ безчестіемъ и выбросить все его имущество, выдавъ ему его деньги. Онъ денегъ не взялъ и сказалъ, что они пожертвованы въ Руссикъ навѣчно. Братья о немъ очень сожалѣли и плакали и на игумена очень скорбѣли, что безъ милости наказалъ такого смиреннаго человѣка.

Монахъ, вышедши изъ обители, нашелъ себѣ товарища и купилъ себѣ келлію, заплативъ четыре тысячи левовъ, а двѣ тысячи употребилъ на постройку. Тогда всѣ братья поняли, почему игумень выгналъ его. Но когда онъ купилъ келлію и деньги свои израсходовалъ, то напало на него такое уныніе, что болѣе не могъ онъ жить въ ней, отдалъ ея товарищу, а самъ вновь пришелъ въ монастырь и сталъ просить вратаря, чтобы тотъ доложилъ игумену, что онъ хочетъ просить прощенія. Вратарь поспѣшилъ къ игумену.

Отецъ Герасимъ, услышавъ, что возвратился кающійся, самъ выбѣжалъ ему навстрѣчу, принялъ его въ свои объятія и спросилъ: „Всѣ ли твои деньги истрачены, не осталось ли еще?“ Онъ же со стыдомъ и со слезами отвѣчалъ: „Прости меня, отче святыи, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ тобой. Теперь больше ничего не имѣю, кромѣ

грѣховъ моихъ“. На что игумень говорилъ ему: „Теперь я радуюсь, что Господь тебя очистилъ, теперь и ты уже будешь монахъ“. И далъ ему келлію.

О высокой нравственности и христіанской любви отца Герасима свидѣтельствуя и его отвѣты на засѣданіи Протата во время разбора дѣла одного русскаго инока, покинувшаго Руссикъ.

— Для чего же вы постригли Г-ва и по какому праву представили его къ рукоположенію въ іеромонаха? — спросили нашего старца по-гречески.

— Я постригъ потому, — отвѣчалъ старецъ, — что Г-въ самъ того желалъ и убѣдительно просилъ меня объэтомъ.

— Какъ же вы смѣли рѣшиться на это безъ вѣдома Протата? — возразилъ одинъ изъ членовъ.

— Такъ же точно, какъ и вы въ подобныхъ случаяхъ поступаете, — спокойно отвѣчалъ старецъ. — Когда вы кого либо постригаете, то не ставите объ этомъ въ извѣстность Протатъ, и никто не требуетъ отъ васъ въ томъ отчета. Это общее законоположеніе Святой Горы, и, слѣдуя ему, я не отгоняю приходящихъ работать Господу.

— Но Г-въ имѣетъ жену, — замѣтилъ иронически кто то. — Къ тому же онъ россійскій подданный, притомъ солдатъ.

— Что жъ за бѣда! — отвѣчалъ нашъ старецъ. — Г-въ уже старъ, свѣше законныхъ лѣтъ супружеской жизни, да къ тому же въ одномъ изъ монастырей русскихъ жилъ уже десять лѣтъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ и желаніемъ закончить остатокъ дней своихъ въ иноческомъ званіи. Это подтвердили мои русскіе иноки, знавшіе его въ Россіи. Подтвердили и то, что жена его дѣйствительно остается десять лѣтъ уже въ монастырѣ женскомъ и имѣетъ желаніе постричься такъ скоро, какъ пострижется ея мужъ. Со своей стороны, я упорствовалъ поначалу, отказывалъ, но Г-въ свидѣтельствовалъ Богомъ и своей совѣстью, что навсегда останется съ нами, если только пострижемъ его, иначе онъ удалится въ міръ...

Что жъ за бѣда, что онъ русскій! Если бы мы были не единовѣрны съ Россіей, если бы у насъ было болѣе опасности для спасенія, чѣмъ въ Россіи, я былъ бы тогда виноватъ. И что жъ за бѣда, что Г-въ русскій? И монастырь у меня русскій. Положимъ, что мы остаемся въ подданствѣ Порты, но и Россія къ намъ въ родственныхъ отношеніяхъ и по вѣрѣ, и по самому имени. Если правительство русское постоянно благодаритъ насъ черезъ дозволеніе собирать въ Россіи пожертвованія, и русскіе питаютъ къ намъ чувство особеннаго расположенія, и если мы платимъ за то взаимностью къ нимъ чувствъ, значить, и мы то же, что русскіе. Это очень справедливо, потому что ни въ одномъ изъ вашихъ монастырей не молятся открыто за Россію и за русскаго царя, потому что вы не имѣете на то права, это право — исключительная собственность нашего монастыря какъ русскаго. Вы сами знаете, что мы всегда и вездѣ, гдѣ приличіе и долгъ требуютъ, возглашаемъ августѣйшую фамилію русскаго царственнаго дома

и слышали, какъ каждое воскресенье и праздникъ послѣ трапезы мы многолѣтствуемъ Императора Николая и Великую Россію. Это, надобно по совѣсти сказать, принадлежность только русскаго монастыря на Аѳонѣ...»<sup>15</sup>

Вотъ описаніе игумена Герасима, оставленное намъ отцомъ Селевкіемъ (Трофимовымъ): «Онъ страдаетъ ногами, но, несмотря на это, служитъ часто, въ остальное время сидитъ въ своемъ схимническомъ облаченіи на диванчикѣ съ четками въ рукахъ. Когда къ нему ни приди, всегда дверь открыта. Входи безъ доклада и говори что хочешь. Всякаго онъ утѣшитъ, всякому дастъ наставленіе. Лицо его совершенно какъ ангельское, съ улыбкой на устахъ и румянцемъ на щекахъ. Кто съ радостью слушаетъ его и исполняетъ его слова, тотъ вѣрно спасетъ душу свою, а кто не слушаетъ и противится ему, того онъ иногда и палкой поколотитъ. Онъ круглый годъ не ужинаетъ, а если когда и приходитъ на трапезу, то сидитъ такъ и ничего не вкушаетъ».



Игумень Герасимъ свою благосклонность къ русской братіи сохранилъ до самой своей смерти. Очевидно, онъ видѣлъ въ этомъ волю Божью, поэтому избралъ себѣ наслѣдникомъ отца Макарія (Сушкина) и былъ однозначно сторонникомъ его игуменства. Только благодаря его мудрости и разсудительности греко-русскіе распри 1874–1875 годовъ остались въ рамкахъ простыхъ споровъ и не имѣли послѣдствій. Представился игумень Герасимъ 10 мая 1875 года.

## Іеросхидіаконъ Венедиктъ

Іеросхидіаконъ Венедиктъ<sup>16</sup>, грекъ по происхожденію, жилъ на Святой Горѣ Аѳонѣ болѣе 70-ти лѣтъ. Онъ былъ очень образованнымъ и высокодуховнымъ инокомъ. Патриархъ Константинопольскій трижды присылалъ людей, чтобы рукоположить его во епископа, но тотъ не только не захотѣлъ принять святительскаго сана, но даже отказался отъ іеромонашества, такъ и скончавшись іеродіакономъ. Однако іеросхидіаконъ Венедиктъ сыгралъ рѣшающую роль въ дѣлѣ возвращенія русскихъ въ монастырь святаго Пантелеимона на Аѳонѣ.

<sup>15</sup> Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 168.

<sup>16</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Парвоній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи... М., 1856. С. 143; Ч. 4. С. 259.

Послѣ греческаго возстанія 1821 года и послѣдовавшаго за нимъ разоренія Аѳона турками и разбойниками русская обитель святаго великомученика Пантелеимона не смогла сама встать на ноги и впала въ тяжелую экономическую нужду. Но Богъ указалъ старцамъ монастыря на единственно вѣрный путь его возрожденія — пригласить въ обитель русскихъ монаховъ. Тѣмъ самымъ возстанавливалась тысячелѣтняя связь съ Россіей, которая всегда питала монастырь.

Опять же Промысломъ Божиимъ въ это время, въ 1834 году, на Аѳонъ пріѣхалъ іеросхимонахъ Аникита (князь Ширинскій-Шихматовъ), который посѣтилъ Пантелеимоновъ монастырь и попросилъ у старцевъ монастыря разрѣшеніе на постройку храма въ честь святителя Митрофана Воронежскаго. Старцы сочли это за знаменіе Божіе и благословили не только строительство храма, но и проживание въ обители 30-ти русскихъ монаховъ. Новую русскую братію князь поручилъ духовнику Прокопію, самъ же уѣхалъ въ Іерусалимъ.

Но послѣ отъѣзда отца Аникиты, ввиду того что онъ, не посовѣтовавшись съ духовникомъ всѣхъ русскихъ монаховъ на Аѳонѣ отцомъ Арсеніемъ, набралъ кандидатовъ для поселенія въ монастырѣ среди случайныхъ отшельниковъ, начались неурядицы между русской и греческой братіями. Русскіе, которыхъ собралъ отецъ Аникита, не были привычны къ жизни подъ строгимъ началомъ. Они не стали слушать грековъ, а, наоборотъ, противорѣчили имъ во всемъ и къ тому же начали ихъ пугать, что монастырь, дескать, нашъ, русскій, а начальникъ у нихъ — князь и они всѣхъ грековъ выгоняютъ. Греки смутились. Послѣ чего умножились повседневныя скорби и искушенія.

Тогда они стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что не могутъ жить съ русскими, не хотятъ и ихъ богатствъ. Говорили, что лучше будутъ ѣсть сухари съ водой, но безъ русскихъ, которые разстроили всю ихъ монашескую жизнь. Игумень Герасимъ долго и много уговаривалъ ихъ потерпѣть. Но даже старецъ Венедиктъ сталъ колебаться...

Когда отецъ Аникита вернулся изъ Іерусалима, то старецъ Венедиктъ со старшей братіей упалъ передъ нимъ на колѣни, заплакали и просили прощенія, что не остались вѣрными своему слову. Говорили ему: «Прости насъ, отче святой, не можемъ и не хотимъ такого братства, разстроили мы свою жизнь съ русскими».

Отецъ Аникита, услышавъ это, горько заплакалъ и, попросивъ у всѣхъ прощенія, удалился изъ обители. Одинъ только игумень Герасимъ зналъ, что, лишаясь русскихъ, обитель лишается благъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. Что безъ русскихъ она будетъ вѣчно бѣдствовать.

Вскорѣ это и подтвердилось. Обитель впала въ еще большіе долги и была на грани разоренія. Черезъ нѣкоторое время и отецъ Венедиктъ понялъ свою ошибку, ставъ однимъ изъ инициаторовъ вторичнаго приглашенія русскихъ въ монастырь. Ему было видѣніе, что онъ до тѣхъ поръ не умретъ, пока не будутъ отпѣвать его русскіе, поэтому озаботился принятіемъ ихъ въ Русскіе. По его инициативѣ въ ноябрѣ 1839 года въ Русскіе

собрали соборъ и рѣшили пригласить отца Павла со всей его русской братіей. Отецъ Павелъ далъ согласіе на поселеніе въ монастырѣ, что и благословилъ духовникъ Арсеній.

Когда 21 ноября 1839 года русскіе монахи во главѣ съ іеросхимонахомъ Павломъ пришли въ обитель, чтобы навсегда здѣсь остаться, отецъ Венедиктъ направился въ гостиницу, гдѣ угощали пришедшихъ гостей и, положивъ три земныхъ поклона, со слезами прочиталъ молитву: «Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...» Потомъ подошелъ къ отцу Павлу и, поклонившись ему до земли, взялъ у него благословеніе, обнялъ его и сказалъ слѣдующее: «Нынѣ возвеселилось сердце мое, и возрадовался духъ мой, что держу сегодня въ объятіяхъ своихъ русскихъ. Нынѣ обнимаю потерянное сокровище. Нынѣ пришла вновь изгнанная моя овца, блуждавшая по горамъ и по лѣсамъ и не имѣвшая себѣ ни ограды, ни пристанища, гдѣ главы приклонить. Нынѣ она вновь возвратилась въ свою прежнюю ограду. Нынѣ я держу ее въ своихъ объятіяхъ, и уже болѣе ее не изгоню, и не отпущу отъ себя. Нынѣ я очистилъ свою совѣсть, которая всегда меня обличала и беспокоила за изгнаніе русскихъ».

Выпустивъ изъ рукъ отца Павла, усаживая гостей, онъ говорилъ: «Садитесь, мои дорогие гости. Садитесь, мои честные отцы. Садитесь, мои возлюбленные чада. Садитесь изгнанные овцы, вновь возвращенные въ свою ограду. Садитесь, обрѣтенное сокровище. Садитесь, чистота моей совѣсти. Садитесь, радость моя неизреченная. Садитесь, многовождемные мои братья. Веселитесь и радуйтесь и торжествуйте съ нами вмѣстѣ!» Когда же онъ это говорилъ, греки всѣ стояли и плакали.

Отецъ Венедиктъ обратился и къ нимъ: «Радуйтесь со мной, чада мои, радуйтесь! Днесъ обновися, яко орля, юность моя. Сегодня стощестилѣтніе мои косточки помолодѣли. Сегодня мои слѣпые глаза прозрѣли, такъ какъ вновь видятъ они русскихъ въ нашей обители. Сегодня плачетъ лишь одинъ врагъ — дьяволъ, посмѣявшійся надъ моей старостью и подтолкнувшій меня къ изгнанію русскихъ. Я же, какъ человекъ, послушалъ его и впалъ въ великое искушеніе. При послѣднихъ годахъ моей жизни возмутилъ свою совѣсть и погубилъ многолѣтніе свои труды и подвиги, отяготивъ свое сердце. Три года лежалъ на моемъ сердцѣ этотъ тяжкій камень, и никогда не могъ я успокоить свою совѣсть и душу. О томъ пролилъ много слезъ и просилъ Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Дѣву Богородицу Марію: „Да возвратятъ русскихъ обратно въ нашу обитель!“ И услышалъ Господь молитву мою, и извѣстилъ меня, что будутъ отпѣвать и погребать меня русскіе. И вотъ дождался я этого дня. Вотъ день, который обѣщалъ мнѣ Господь, порадуемся и возвеселимся о немъ. Вотъ теперь послушайте, братья мои: я изгналъ русскихъ, но я опять ихъ обратно пригласилъ и ввелъ въ эту обитель, я вашъ старецъ и наставникъ Венедиктъ. Я принялъ русскихъ и отхожу отъ васъ въ вѣчность. Я оставляю русскихъ послѣ себя здѣсь наслѣдниками на вѣчныя времена. И вы всегда живите съ русскими въ любви и единомысліи и другъ друга тяготы носите. Я всѣхъ васъ оставляю и поручаю этому блаженному старцу, вашему игумену и моему ученику, отцу

Герасиму. И воистину онъ блаженъ и триблаженъ! Всѣ мы поколебались, встали противъ русскихъ, только онъ одинъ стоялъ за русскихъ. Но я не послушалъ его! А онъ, единственный, смогъ предвидѣть для насъ въ томъ душевный и тѣлесный вредъ. И теперь, слава Богу, я самъ принялъ русскихъ. Теперь я не гонитель имъ, а покровитель и защитникъ».

Сказавъ эти слова, онъ со всѣми простился, пожелалъ всѣмъ мира и любви и пошелъ съ помощью другихъ въ свою келлію. Болѣе онъ изъ своей кельи никуда не выходилъ. Послѣ принятія русскихъ въ монастырь отецъ Венедиктъ прожилъ только сорокъ дней и 11 декабря 1840 года въ возрастѣ 106 лѣтъ преставился.

## Іеросхимонахъ Павелъ

Іеросхимонахъ Павелъ<sup>17</sup> родился въ Калугѣ въ семьѣ богатыхъ купцовъ (фамилія его неизвѣстна). Въ младенчествѣ былъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ и нареченъ Петромъ. Съ малыхъ лѣтъ мечталъ посвятить себя на служеніе Богу, имѣлъ сильное желаніе поступить въ монастырь и безпрепятственно поработать Господу Богу своему, постоянно упражняясь въ чтеніи духовныхъ книгъ и Священнаго Писанія. Однако родители его не поддерживали такового намѣренія сына, поэтому, достигнувъ совершеннаго возраста, онъ сталъ заниматься торговлей. Родители также принуждали его жениться. Онъ же и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ. Тогда они употребили всѣ силы на то, чтобы сынъ выполнилъ ихъ волю. Пришлось ему противъ желанія своего покориться волѣ родителей, жениться и послѣ трехъ лѣтъ жизни съ женой породить двухъ дочерей.

Однажды ночью, послѣ долгой молитвы, Петръ подошелъ къ своей супругѣ и обратился къ ней со слезами: «Возлюбленная и милая моя сожительница! Ты знаешь, какъ я тебя люблю, также и дѣтей моихъ, и много мы имѣемъ богатства. Но все сіе тлѣнно и скоропреходяще. Придетъ смерть, и любовь нашу расторгнетъ, и насъ разлучитъ, и богатство наше останется, а мы должны будемъ пойти къ праведному Судѣ на судъ только съ одними добрыми дѣлами. Поэтому надобно намъ ихъ заготовить и въ этомъ мѣрѣ послужить Богу, поработать и помолиться». Она же ему отвѣтила: «Любезный другъ мой, работай и молись Господу Богу. Я тебѣ въ томъ не препятствую и не только не возбраняю тебѣ этого дѣлать, но и сама буду тебѣ подражательница».

Онъ же вновь обратился къ супругѣ: «Любезная моя, отпусти меня въ святой градъ Іерусалимъ поклониться Живоносному Христову Гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ». Она отвѣтила: «Иди съ Богомъ, я тебя отпускаю». Видя такое расположеніе супруги своей,

<sup>17</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Ч. 4. С. 235; Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ. Съ портретами. Мѣсяць августъ. М., 1909. С. 8.

Петръ очень обрадовался и сталъ выправлять себѣ паспортъ. Хотя родители многожды этому препятствовали, но не могли уже удержать сына, такъ какъ жена и общество отпустили его. Губернаторъ, находя его весьма юнымъ, трижды призывалъ жену его и уговаривалъ ее, чтобы она его не отпускала. Говорилъ ей, что супругъ, уѣхавъ за границу, можетъ не вернуться. Но она, полагаясь на волю Божию, все равно оставалась тверда въ своемъ рѣшеніи отпустить мужа. Петръ, получивъ паспортъ, отправился въ путь.

Жена провожала его сто верстъ. Было имъ тогда по 21 году! Стали прощаться. «Любезная моя супруга, — говорилъ ей Петръ, — Господь сказалъ: „...аще кто грядѣтъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ“ (Лк. 14:26). И я хочу быть ученикомъ Господа моего Иисуса Христа. Не знаю, возвращусь ли назадъ или нѣтъ. А тебя съ дѣтьми препоручаю единому Богу. Меня же прости и благослови идти во слѣдъ Христа». Едва успѣвъ сказать это, онъ сѣлъ въ повозку и уѣхалъ. Жена, услышавъ послѣднія слова мужа, упала на землю какъ мертвая. Безъ памяти положили ее въ повозку. Такъ и возвратилась она в свой домъ.

Десять лѣтъ супруга плакала, все ждала мужа. Потомъ, узнавъ, что онъ на Святой Аѳонской Горѣ постриженъ въ монашество и уже сталъ іеромонахомъ, поступила въ Калужскій женскій монастырь и стала монахиней Павлой. А дочерей родственники въ свое время выдали замужъ.

Оставивъ жену и Отечество, Петръ поѣхалъ прежде въ Іерусалимъ и поклонился Живоносному Гробу Христову и прочимъ святымъ мѣстамъ. Потомъ, пріѣхавъ на Аѳонъ и обойдя всѣ монастыри и скиты, опредѣлился въ скитъ святаго пророка Божія Іліи, гдѣ былъ постриженъ въ монашество и нареченъ Павломъ. Вскорѣ его рукоположили въ іеродіакона, а затѣмъ въ іеромонаха.

Отецъ Павелъ прожилъ въ скиту, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, 18 лѣтъ. Наступило смутное военное время, и святогорская братія оказалась въ разсѣяніи. Разошлась тогда и скитская братія. Игумень Парѳеній съ іеромонахомъ Павломъ и немногими оставшимися въ скиту монахами всѣ церковныя и скитскія вещи спрятали въ потаенномъ погребѣ, засыпавъ его землей. И, взявъ съ собой только легкія вещи и деньги, отправились въ Россію, въ Одессу, а оттуда въ Молдавію. Странствовали они восемь лѣтъ. Много претерпѣли скорбей, видѣли и саму смерть, такъ что никогда не могъ отецъ Павелъ безъ слезъ говорить о томъ в послѣдствіи.

Когда закончилась война, братія стала возвращаться на Святую Гору. Возвратились на Аѳонъ тогда и Павелъ съ игуменомъ Парѳеніемъ. Едва смогли они въ двѣ недѣли добраться до воротъ своей обители. Такъ за восемь лѣтъ ихъ скитаній все заросло лѣсомъ. Почти годъ очищали они скитъ отъ дикихъ зарослей и еще три года облагораживали сады. Послѣ того какъ скитъ былъ приведенъ въ совершенный порядокъ, Павелъ постригся въ великую схиму.

Въ 1837 году скитъ постигло великое искушеніе. Ввиду случайнаго зараженія почти вся братія и самъ игумень Парѳеній стали жертвой болѣзни — чумы. Въ то время Павелъ «былъ единственнымъ, кто не принималъ никакихъ противочумныхъ средствъ, не мазался дегтемъ, для того чтобы имѣть возможность продолжать совершать Литургію предъ престоломъ Божиимъ. Онъ одинъ пекъ просфоры, такъ какъ всѣ прочіе были въ дегтѣ. Онъ же и пономарилъ, пѣлъ и вычитывалъ все положенное правило. Часто служилъ Литургію и ходилъ по кельямъ причащать Святыхъ Христовыхъ Таинъ умирающихъ. Безъ боязни касался ихъ, когда исповѣдовалъ или постригалъ въ схиму. Наконецъ, отпѣвалъ скончавшихся. Богъ сохранилъ его невредимымъ, тогда какъ всѣ прочіе, прикасавшіяся къ умершимъ или присутствовавшіе при постриженіи больныхъ, умирали»<sup>18</sup>.

Когда эпидемія прекратилась, отецъ Павелъ провелъ 40 дней въ карантинѣ, послѣ чего собралась братія изъ другихъ монастырей, греки и всѣ русскіе, подняли изъ монастыря Ксиропотама пречестное Древо Креста Господня, великую его часть съ отверстіемъ, гдѣ былъ забитъ гвоздь, и совершили крестный ходъ съ множествомъ духовенства, съ крестами и хоругвями и съ великимъ пѣніемъ въ скитъ святаго пророка Іліи. И направилась вся братія прямо въ скитъ, и никто не побоялся заразы, но положились на волю Божию. Войдя въ соборную церковь, отслужили молебень, освятили воду, погружая въ нее само Честное Древо Креста. Потомъ кропили братію, оставшихся въ живыхъ отъ чумы и весь скитъ. Отслужили всенощное бдѣніе и Литургію. И было всѣмъ въ трапезѣ великое утѣшеніе.

По согласію аѳонской братіи и всѣхъ оставшихся въ живыхъ избрали игуменомъ іеросхимонаха Павла и утвердили это грамотами. И онъ опять собралъ братію до 40 человекъ и устроилъ въ скиту общежительный уставъ и порядокъ. Но ненавидящій добро врагъ, дьяволъ, возмутилъ малороссовъ, и возстали они на великороссовъ, особенно на игумена Павла, требуя ухода изъ скита всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и отца Павла съ его игуменскаго поста. Отецъ Павелъ, посовѣтовавшись съ духовникомъ всѣхъ русскихъ аѳонцевъ іеросхимонахомъ Арсеніемъ, принялъ мудрое рѣшеніе: для сохраненія братскихъ отношеній между малороссами и великороссами онъ смиренно уступилъ требованію малороссовъ, и великороссы во главѣ с игуменомъ оставили Ильинскій скитъ. Хотя отецъ Павелъ скорбѣлъ о томъ, что, 35 лѣтъ проживъ въ скиту, онъ съ безчестіемъ былъ изъ него изгнанъ, но не ропталъ на малороссовъ и ученикамъ своимъ возбранялъ говорить о нихъ что либо плохое. Самъ же онъ всегда говорилъ: «Малороссы великіе намъ благодѣтели, они ходатайствуютъ о томъ, чтобы мы вошли въ жизнь вѣчную».

Вскорѣ Господь утѣшилъ отца Павла. За его смиреніе и безропотность далъ ему вмѣсто скита великій царскій монастырь, вмѣсто одноэтажной малой келліи — пятиэтажный корпусъ. Осенью 1839 года отцы-греки Русскаго Пантелеимонова монастыря стали звать отца Павла со всей братіей въ свою русскую обитель на вѣчное жительство.

<sup>18</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія кельи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 4.

Греки изъ русскаго монастыря пришли къ отцу Павлу просить его, отъ лица игумена Герасима и отъ лица старца Венедикта, перейти на постоянное жительство въ Руссикъ. Вмѣстѣ они направились въ пустыню къ духовнику отцу Арсенію. Когда дошли до его келліи, то греки, поклонившись старцу въ ноги, стали просить благословенія на возвращеніе русскихъ въ Руссикъ. Старецъ Арсеній, исполненный радости, сказалъ: «Богъ ихъ благословить, и я благословляю». Отецъ же Павелъ заплакалъ и, павъ тогда передъ нимъ на землю, взмолился: «Отче святой, чтобы не случилось со мной, какъ съ княземъ». Духовникъ же его успокоилъ: «Не бойся, отецъ Павелъ, но иди съ Богомъ. Ты тамъ и померешь. Твои кости вѣчно будутъ фундаментомъ для русскихъ въ русскомъ монастырѣ».

21 ноября 1839 года отецъ Павелъ по благословенію духовника Арсенія вошелъ въ древнее русское наслѣдіе — Русскій монастырь святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона и освятилъ храмъ во имя святителя Митрофана Воронежскаго чудотворца, обѣщанный еще іеромонаху Аникитѣ.

Отецъ Павелъ прожилъ въ русскомъ монастырѣ восемь мѣсяцевъ и десять дней, удивляя всѣхъ грековъ своимъ смиреніемъ, терпѣніемъ и послушаніемъ, своимъ житіемъ являя во всемъ примѣръ ученикамъ.

28 іюля 1840 года отецъ Павелъ заболѣлъ. Онъ былъ нездоровъ три дня, однако Литургію хотя и съ трудомъ, но служилъ. 2 августа въ церковь онъ уже идти не могъ, наказавъ читать утреню у себя въ кельѣ.

По окончаніи полунощницы начали утреню. Шестопсалміе отецъ читалъ самъ, съ особымъ чувствомъ и глубиной. Много пролилъ слезъ. Особенно на первыхъ трехъ псалмахъ... Ектеній уже сказать не смогъ, велѣлъ пропѣть «Господи помилуй» двѣнадцать разъ. Когда начали пѣть: «Богъ Господь и явился намъ, благословенъ грядый во имя Господне», — предалъ свою душу въ руки Господа своего, котораго отъ юности возлюбилъ больше родителей, жены и чадъ своихъ и которому 36 лѣтъ поработалъ въ иноческомъ ангельскомъ чинѣ.

Воистину «честна предъ Господемъ смѣрть преподобныхъ его» (Пс. 115:6)! Скончался отецъ Павелъ безъ всякой болѣзни и страха, какъ бы заснулъ сладкимъ сномъ, сидя и повѣсивъ на грудь свою голову. Черезъ три года, по обычаю аѳонскому, откопали его кости, и они оказались благодатными, имѣли желтый, какъ воскъ, цвѣтъ, и отъ нихъ шло благоуханіе.

Особенно долго помнили такое свойство его характера, какъ непамятозлобіе. По изгнаніи великороссовъ въ Ильинскомъ скиту игуменомъ сдѣлался тотъ, кто больше всѣхъ гналъ отца Павла, — іеромонахъ Акакій, который, проживъ всего полгода игуменомъ, расточилъ много скитскаго имѣнія. Братія скита, видя такія дѣла, возмутилась. Акакія арестовали и послали за отцомъ Павломъ, чтобы онъ показалъ, какихъ вещей недостаетъ. Они просили его это сдѣлать потому, что онъ прожилъ въ скиту 35 лѣтъ и, конечно, зналъ, какое имѣется въ немъ имущество. Но отецъ Павелъ покрылъ грѣхи своего гонителя, оправдалъ своего врага и вмѣсто зла сотворилъ ему благо, сказавъ, что все цѣло, что все на мѣстѣ, какъ прежде. Этому его поступку удивилась вся Аѳонская Гора.

## Схіархимандритъ Прокопій (Дендринсь)

Схіархимандритъ Прокопій<sup>19</sup>, по сообщенію отца Мины (Буданова), былъ грекомъ изъ города Одессы Херсонской губерніи (въ монахологіи монастыря его фамилія записана какъ «Папандопуло»<sup>20</sup>). Онъ былъ ученымъ монахомъ и богословомъ, чрезвычайнымъ ревнителемъ Православія. Конечно, при такихъ обширныхъ познаніяхъ въ богословіи онъ могъ бы въ теченіе своей долгой жизни ступить выше степени архимандрита. Но, отказавшись отъ славы, этой справедливой дани его ученымъ трудамъ, онъ глубоко похоронилъ въ монастырскомъ затворѣ свою извѣстность и право на признательность современниковъ.

Перу отца Прокопія принадлежитъ рядъ книгъ: «Вопросы и отвѣты о предметахъ православной вѣры» (опубликована въ Константинополѣ въ 1835 году), «Путеводитель по Священному Писанію, составленный изъ твореній Оригена и Θεодорита, епископа Кирскаго» (напечатанный въ Египтѣ въ 1831 году), «Христіанское ученіе, или Священный катехизисъ» (изданъ въ Аѳинахъ въ 1841 году). Въ монастырскомъ архивѣ хранится также неопубликованная рукопись его апологетическаго произведенія «Противъ іудеевъ»<sup>21</sup>.

Въ 1839 году отецъ Прокопій былъ однимъ изъ активныхъ инициаторовъ вторичнаго и окончательнаго приглашенія русскихъ въ монастырь. Именно онъ возглавлялъ делегацию, которую послали его старцы къ іеросхимонаху Павлу для приглашенія русской братіи, и добился въ этомъ дѣлѣ успѣха — русскіе вернулись въ свою обитель навсегда.

Обрадованный возвращеніемъ русскихъ въ Пантелеимоновъ монастырь, архимандритъ Прокопій торжественно произнесъ по-гречески привѣтственную рѣчь, но многія выраженія при этомъ произносилъ по-славянски. Зная многіе языки, а особенно славянскій и болгарскій, говорилъ весьма пространно и столь эмоционально, что плакали всѣ, русскіе и греки. Онъ говорилъ слѣдующее:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Что за праздникъ сегодня въ русскомъ монастырѣ? Что за торжество въ Пантелеимоновой обители? Спросятъ насъ аѳонскіе жители: что за радость въ общежительной киновіи? Что за веселіе тамъ? Они всегда учатъ плакать о грѣхахъ своихъ и не позволяютъ никому даже улыбнуться, а сегодня веселятся. Или они уже перемѣнили свою жизнь? Или разрушили свои строгіе общежительные уставы?! Отвѣчаемъ: мы не перемѣнили своей жизни и не разрушили своихъ

<sup>19</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Ч. 4. С. 146; *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца: Въ 2 т. М., 2006. С. 169.

<sup>20</sup> АРПМА. Док. № 16. С. 5.

<sup>21</sup> БРПМА. Док.: № 30286, 30287.

общежительныхъ уставовъ, но радуемся и веселимся сегодня, потому что чадолюбивая мать торжествуетъ о принятіи въ свои объятія возлюбленныхъ и первородныхъ старшихъ своихъ чадъ, которыя находились въ странствіи болѣе ста двадцати лѣтъ, скитавшись по горамъ и по лѣсамъ, не имѣя „гдѣ главу преклонити“. Сегодня они пришли къ своей возлюбленной матери въ объятія, и она радуется и веселится ихъ возвращенію.

И мы, младшія ея чада, веселимся и торжествуемъ, такъ какъ видимъ нашихъ старшихъ братьевъ, возвратившихся въ свой домъ здоровыми и благополучными. Сегодня пришли русскіе къ своей возлюбленной матери въ русскую обитель и привели дорогаго гостя — русскаго чудотворца святителя Митрофана.

Но почему говорю „гостя“? Гость только погоститъ и вновь удалится. Пришли русскіе дѣти къ своей матери и привели съ собой святителя Митрофана уже не въ гости, а на вѣчное жительство. Въ подтвержденіе этого сегодня былъ освященъ ему этотъ храмъ. Да пребываетъ святитель Митрофанъ въ этой русской обители во вѣки вѣковъ и да содержитъ при себѣ и русскую свою братію.

Но почему говорю „осветили храмъ“? Не храмъ осветили, а храмикъ только ради перваго случая. А великій соборный храмъ во имя святителя воронежскаго со временемъ выстроятъ себѣ русскіе посреди монастыря, если подастъ имъ руку помощи благоденственное ихъ Отечество — святая и славная Россія.

Но вновь говорю о радостномъ и восклицаю о торжественномъ: святая наша русская обитель радуется и торжествуетъ о принятіи своихъ чадъ вмѣстѣ со святымъ Пантелеимономъ и со святителемъ Митрофаномъ и со всѣми своими дѣтьми, греками и русскими, и торжественно взываетъ: „Радуйся и веселись со мной Госпожа моя и Назирательница моя, Пречистая Владычице Богородице! Вотъ расточенныя мои чада русскіе вернулись ко мнѣ въ объятія... Радуйтесь и вы, многожеланныя дѣти русскіе, со мною, матерью вашей, обителью русской! Сегодня у васъ двойное торжество: вы радуетесь, такъ какъ обрѣли меня, свою возлюбленную родную мать, а я радуюсь, что вы пришли въ мои материнскія объятія послѣ многолѣтняго вашего странствія и бѣдствія — скитанія по чужимъ обителямъ. Хотя всѣ онѣ мои подруги и сестры, но среди нихъ нѣтъ вашей матери. Я — единственная ваша мать, обитель русская! Я, единственная, могу васъ покоить въ этой короткой жизни и проводить на вѣчное блаженство. И я, возлюбленные мои дѣти, больше васъ радуюсь и веселюсь, такъ какъ сподобилась увидѣть васъ въ своихъ объятіяхъ.

Какъ мнѣ было грустно и скорбно смотрѣть на васъ, любезныхъ моихъ дѣтей. И сколь мнѣ было болѣзненно видѣть ваше горестное бѣдствіе, когда вы болѣе 120 лѣтъ странствовали по Святой Горѣ Аѳонской! Теперь скажу о себѣ: и я терпѣла скорби, оставаясь безъ васъ горькой, беззащитной сиротой, оборванной и обнаженной, лишенной любезныхъ дѣтей первородныхъ и не имѣющая ни отъ кого помощи. Да и кто могъ меня облачить въ праздничныя одежды, какъ другія мои сестры убраны и украшены?! И какъ было мнѣ скорбно называться русской обителью, а русскихъ дѣтей ни одного не имѣть?

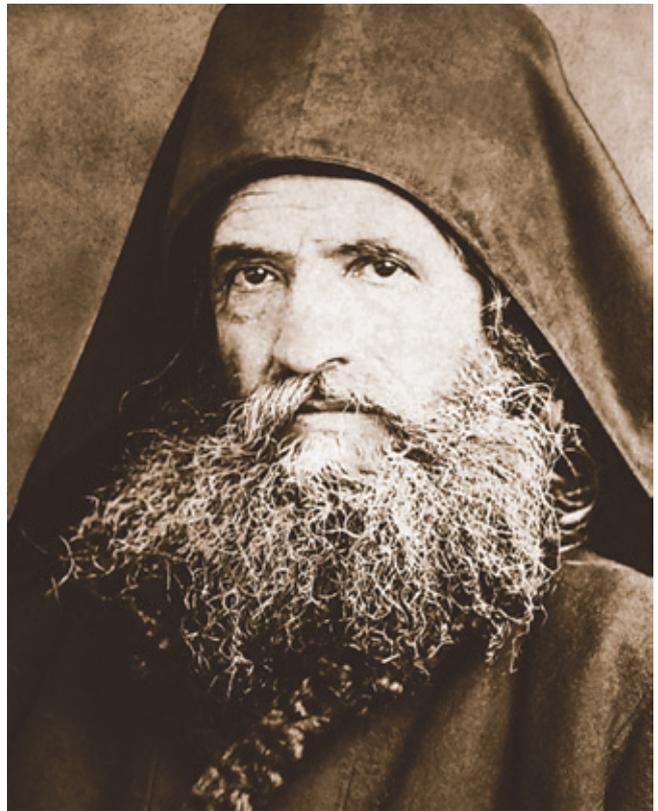
Каждый приходящій ко мнѣ стремился въ русскую славную обитель, имѣвшую богатыхъ и славныхъ русскихъ сыновъ, и ожидалъ увидѣть меня убранной и украшенной болѣе моихъ сестеръ, но когда приходилъ, то находилъ меня сиротой, оборванной, обнаженной и съ возлюбленными моими русскими дѣтьми разлученной. И тогда, увидѣвъ эту печальную картину, отходилъ отъ меня со слезами, оставляя меня, сироту, горько плакать. Пребывала я въ такомъ сиротствѣ 120 лѣтъ. Сейчасъ же это скорбное время позади. Сегодня веселіе и торжество, сегодня возлюбленныя и первородныя мои дѣти русскіе возвратились въ мои материнскія объятія. Теперь я уже не сирота. Отнынѣ они, мои любезныя дѣти, меня, свою родную мать, украсятъ болѣе всѣхъ моихъ сестеръ, и буду я прославлена по всей Святой Горѣ Аѳонской!“»

Кончина отца Прокопія была особенно замѣчательна тѣмъ, что, сказавъ всѣ возгласы при чтеніи ему утрени, по возгласѣ на первомъ часѣ: «Боже ушедри ны и благослови ны...» — незамѣтно скончался. Было это 11 августа 1848 года.

## Схіархидіаконъ Иларіонъ

Іеросхидіаконъ Иларіонъ<sup>22</sup> (въ міру Іоаннъ) родился въ 1810 году въ селеніи Платомонось Солунской епархіи. Его отца звали Георгіемъ. Отецъ Иларіонъ былъ очень образованнымъ и духовно глубокимъ человекомъ. Про него можно было бы сказать, настоящій человекъ мира, истинный христіанинъ, не отличающій «ни́сть Іудей, ни ѓллинъ» (Гал. 3:28), любящій всѣхъ равной братской любовью. Этотъ умный и обходительный собесѣдникъ, утѣшитель русскихъ, прекрасными качествами сердца своего былъ обязанъ воспитанію подъ надзоромъ Святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго Аѳанасія и митрополита Солунскаго Мелетія.

Въ юности, состоя при Патріархѣ Аѳанасіи Іерусалимскомъ, Иларіонъ за свои дѣтскія шалости бывалъ имъ жестоко наказанъ,



<sup>22</sup> Жизнеописание составлено по книгѣ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ. Сочиненія и письма Святогорца: Въ 2 т. М., 2006. С. 169.*

слѣдствіемъ чего явился его тайный побѣгъ со двора Патріарха. Онъ нашель пріютъ въ Солуни, у митрополита Мелетія, который рукоположилъ его въ іеродіакона.

Жизнь въ міру и съ міромъ, сама по себѣ шумная, увлекательная и полная мнимыхъ очарованій, сильно тревожила душу юнаго Иларіона. Онъ не въ силахъ былъ выносить ея суету. Поэтому, возжелавъ уединенія, рѣшился оставить своего владыку.

Въ 1837 году онъ тайно бѣжалъ отъ него на Аѳонъ, въ русскій монастырь, гдѣ и постригся въ схиму. Митрополитъ Мелетій, отечески любящій Иларіона, самъ послѣдовалъ по его слѣдамъ. Долго еще владыка не оставлялъ попытокъ узнать, куда укрылся его любимецъ. Грозилъ русскому монастырю прещеніями въ случаѣ потворства бѣглецу. Но все это наконецъ закончилось тѣмъ, что Иларіонъ устоялъ въ своемъ священномъ обѣтѣ Господу Богу и навсегда остался въ русскомъ монастырѣ.

Въ дополненіе къ этому жизнеописанію надобно сказать, что отецъ Иларіонъ былъ удостоенъ въ сонномъ видѣніи посѣщенія святителемъ Митрофаномъ Воронежскимъ. На праздникъ святителя Митрофана, благоговѣнно почитаемаго въ русскомъ монастырѣ и греками, все братство имѣетъ обыкновеніе собираться въ храмъ ко всенощному бдѣнію, на которомъ пѣніе и чтеніе ведется какъ на греческомъ, такъ и на славянскомъ языкѣ, т. е. начинается русскими, а потомъ смѣняется греками и наоборотъ. Такъ бдѣніе на память святителя Митрофана совершалось и въ 1843 году.

Святогорскія бдѣнія и въ обыкновенное время чрезвычайно продолжительны и утомительны, а въ дни особенно торжественные ихъ едва могутъ вынести физически слабые молящіеся, потому что длятся они иногда до двѣнадцати часовъ и болѣе. Таковымъ было бдѣніе на память святителя Христова Митрофана и на этотъ разъ. Слабый силами и сложеніемъ Иларіонъ былъ со всѣми вмѣстѣ. Изъ-за точности въ пѣніи и умиленного голоса по необходимости его иногда выставляли на клирость, что еще болѣе истощало его силы. На этотъ разъ до перваго часа онъ, впрочемъ, крѣпился кое-какъ, но наконецъ изнемогъ совершенно, оставилъ храмъ, ушелъ въ свою келью и въ крайнемъ изнеможеніи упалъ на топчанъ. Въ тихомъ раздумьѣ и жалобахъ на слабость, изъ-за которой онъ не dokonчилъ своего молитвеннаго подвига въ честь русскаго святителя, онъ задремалъ, легкой сонъ успокоилъ его чувства. Въ это мгновеніе Иларіонъ видитъ передъ собой сѣдаго старца въ архіерейской мантии со святительскимъ жезломъ въ рукахъ. Святая схима покрывала освященную небеснымъ свѣтомъ главу явившагося, въ чертахъ котораго и въ одѣяніи Иларіонъ узналъ нашего русскаго чудотворца. «Вы возлюбили меня, — кротко сказалъ ему по-гречески святитель Митрофанъ, — и я навсегда буду съ вами». Эти трогательныя слова потрясли Иларіона, онъ очнулся, но уже никого не было предъ нимъ, и только тихая сердечная радость была слѣдствіемъ утѣшительнаго видѣнія. Силы Иларіона сразу же возстановились, и, благословляя Господа, дивнаго во святыхъ Своихъ, Иларіонъ болѣе прежняго проникнулся любовью и благоговѣніемъ къ нашему заступнику и искренней пріязнью къ русскимъ монахамъ.

Онъ былъ другомъ русскихъ, ближайшимъ помощникомъ игумена Герасима, игумена Макарія и духовника Іеронима, сыгралъ рѣшающую роль въ умиротвореніи греко-русскаго спора 1874–1875 годовъ, занявъ непредвзятую позицію на сторонѣ справедливости, за что русская братія до сегодняшняго дня благодарна ему и непрерывно молитвенно поминаетъ его.

Преставился отецъ Іларіонъ 30 іюня 1886 года.



## Іеросхимонахъ Іеронимъ (Соломенцовъ)<sup>23</sup>

Въ 1840 году въ Русскомъ Свято-Пантелеимоновомъ монастырѣ случилось великое горе, которое потрясло всѣхъ насельниковъ, какъ русскихъ, такъ и грековъ: скончался руководитель русскаго братства іеросхимонахъ Павелъ. Игумень Герасимъ пригласилъ всѣхъ русскихъ на его погребеніе. Скорбь утраты усугублялась тѣмъ, что отецъ Павелъ не оставилъ послѣ себя духовнаго сѣмени, не имѣлъ преемника, который бы унаслѣдовалъ его духовныя дарованія и благодать и сплотилъ бы именемъ своего почившаго старца осиротѣвшую паству. Да и сами русскіе отцы не видѣли въ своей средѣ никого, кто бы могъ поднять крестъ настоятельства.

Волей Божіей вѣтвь благочестивѣйшаго отца Павла пресѣклась, не имѣя отрасли, но былъ живъ еще общій всѣхъ русскихъ на Аѳонѣ отецъ, вождь и корень — великій духовникъ іеросхимонахъ Арсеній! И дѣйствительно, неожиданно для всѣхъ пустыннолюбивый великій старецъ появился вдругъ на погребеніи. Онъ только одинъ, среди общей печали, былъ веселъ и беззаботенъ. На просьбу благословить преемника отвѣтилъ: «О семъ послѣ будемъ говорить и совѣтоваться. Богъ не оставитъ сію обитель и дастъ такого мужа, который управитъ все лучше отца Павла...» Именно объ этомъ мужѣ слѣдующее жизнеописаніе.

<sup>23</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Ковалевскій А. Ф. Іеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ русскаго на Святой Аѳонской Горѣ Пантелеимонова монастыря и его присный ученикъ игумень священноархимандритъ Макарій. 3-е изд. РПМА, М., 1908; Парвеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи...; См. также: Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти аѳонскихъ старцевъ іеросхимонаха Іеронима и схимандрита Макарія. Большаковъ С. Н. Іеросхимонахъ Іеронимъ (Соломенцовъ) — возобновитель русскаго монашества на Аѳонѣ въ XIX вѣкѣ // Вѣстникъ Русскаго Западно-Европейскаго Экзархата. Парижъ, 1963. С. 52–62.



Настоящее жизнеописание является сердцемъ всей этой предложенной дорогому читателю книги, такъ какъ его герой былъ сердцемъ всего русскаго монашества на Аѳонѣ на протяжении послѣднихъ 150 лѣтъ и останется имъ до скончанія вѣка. Оно о томъ благомъ и вѣрномъ рабѣ, не только сохранившемъ даръ и усугубившемъ его доброй куплей, но и другихъ многихъ научившемъ дѣлать такъ же: *«Вотъ, другіе десять мнась, которыя я прибрѣлъ»*.

Житіе это принадлежитъ человѣку, изначально предназначенному Промысломъ Божиимъ на особое и великое служеніе — возсозданіе русскаго иночества на Святомъ Аѳонѣ, не формально, но съ глубокимъ содержаніемъ, въ лучшихъ традиціяхъ монашескаго благочестія. Онъ прекрасно справился съ этой Богомъ поставленной предъ нимъ задачей, чѣмъ увѣковечилъ свое имя какъ въ исторіи Аѳона, такъ и въ исторіи Россіи.

Въ 1794 году въ Молдавіи въ Нямецкомъ монастырѣ отошелъ къ Господу преподобный старецъ Паисій (Величковскій), возсоздатель иноческаго благочестія, книги котораго возбудили жажду по Богу во многихъ его соотечественникахъ. Преподобный Паисій жилъ нѣкогда на Святой Горѣ, прибывъ туда въ 1750 году, спустя 15 лѣтъ послѣ того, какъ Русскіе были провозглашены греческимъ монастыремъ по причинѣ отсутствія тамъ русскихъ насельниковъ. Онъ попытался возродить русскую обитель на Святой Аѳонской Горѣ въ видѣ Ильинскаго скита, который основалъ и построилъ самъ, но трудъ этотъ не принесъ видимаго и желаемаго результата.

Въ 1779 году старецъ оставилъ Святую Гору и перешелъ въ Молдавію, гдѣ смогъ осуществить главный трудъ своей жизни, отведенный ему Промысломъ Божиимъ, — переводъ *«Добротолюбія»* на церковнославянскій языкъ. Этотъ его трудъ имѣлъ самое непосредственное отношеніе къ духовному пробужденію Россіи. Для возсозданія же русскаго монашества и русской обители на Святой Горѣ Промысль Божій готовилъ иныхъ дѣлателей.

Въ 1800–1805 годахъ черезъ молдавскій Балашевскій скитъ по особому откровенію Божію прибылъ на Святую Гору Аѳонскую будущій великій и богоносный старецъ и общій духовникъ русскихъ святогорцевъ іеросхимонахъ Арсеній, который былъ воспитанъ въ духѣ ученія преподобнаго Паисія.

Въ это же самое время, 28 іюня 1802 года, родился на свѣтъ будущій его ученикъ, послушникъ и преемникъ по старческой благодати. Этотъ могучій духовный вождь черезъ 35 лѣтъ, будучи предызбраннымъ особымъ благоволеніемъ Божіей Матери, возглавитъ по благословенію старца Арсенія русское братство Свято-Пантелеимонова монастыря. Еще черезъ шесть лѣтъ будетъ благословленъ отходящимъ ко Господу отцомъ Арсеніемъ на общее духовничество всѣхъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ, киновіотовъ и пустынниковъ, которыхъ, словно кокошь, соберетъ подъ могучія свои крылья молитвами и благословеніемъ своего великаго старца.

Духовное наслѣдіе своего наставника и учителя онъ не унесетъ съ собою, представъ предъ Господомъ, но передастъ этотъ опытъ уже какъ традицію другимъ поколѣніямъ,

заранѣе позаботившись о механизмѣ духовной преемственности. Этотъ человекъ не только возродитъ русскую обитель на Святой Горѣ, подѣ эгидой которой соберется и сплотится весь русскій Аѳонъ, но создастъ или, лучше сказать, воспитаетъ цѣлую школу старчества, являющуюся главнымъ оплотомъ храненія и инструментомъ передачи духовной традиціи. Наконецъ, сугубую благодать духовнаго водительства, воспринятую отъ отца Арсенія, а также возсозданное и организованное русское иночество вмѣстѣ съ браздами правленія онъ передастъ своему ближайшему воспитаннику, ученику и преемнику схіархимандриту Макарію, котораго благодарная и любящая паства наречетъ впослѣдствіи уже не просто общимъ русскимъ духовникомъ, какъ двухъ отцовъ — его предшественниковъ, но игуменомъ всѣхъ русскихъ святогорцевъ. Имя человека, о которомъ мы хотимъ рассказать, — іеросхимонахъ Іеронимъ, а тогда еще просто младенецъ Іоаннъ...

Искра этой безцѣнной жизни вспыхнула въ доброй, церковной, богобоязненной семьѣ старооскольскаго купца изъ Курской губерніи Петра Григорьевича Соломенцова. Семья эта обладала глубокими традиціями благочестія, главная изъ которыхъ — любовь къ храму Божію и богослуженію.

Отличительной чертой семьи Соломенцовыхъ было то, что она никогда не устраивала пировъ и застолий, но всегда по воскреснымъ, праздничнымъ и семейнымъ днямъ собирала всѣхъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и организовывала пѣніе богослужебныхъ пѣснопѣній: тропарей, стихиръ, догматиковъ, херувимскихъ, такъ что сосѣди говорили: «Соломенцовы у себя бдѣніе служатъ».

Воспитаніе ребенка было возложено на бабушку, которая любила ходить въ церковь на всякую службу и почти каждый день водила туда младенца, а впослѣдствіи отрока. Съ дѣтскихъ лѣтъ большая любовь къ церкви, участіе въ богослуженіяхъ замѣняли для Іоанна всѣ дѣтскія игры.

Добровольное и сознательное усердіе къ храму Божію шестилѣтняго отрока Іоанна не могъ не замѣтить батюшка, отецъ Іаковъ, настоятель церкви Успенія Божіей Матери, пригласившій мальчика, съ благословенія родителей, быть пономаремъ: звонить въ колокола, подавать кадило, находиться въ алтарѣ, читать и пѣть — занятія эти были для него «*паче мѣда и сѣта*» (Пс. 18:11). Добрый и усердный пастырь, отецъ Іаковъ, стяжавшій отъ Господа благочестіемъ и благоговѣніемъ даръ сердечнаго умиленія и слезъ, сталъ для отрока духовнымъ отцомъ, первымъ наставникомъ и образцомъ для подражанія.

Ежедневное богослуженіе, вниманіе къ чтенію и пѣнію, благоговѣйное и усердное послушаніе способствовали тому, что любовь къ благолѣпію церковному стала у Іоанна глубокой и осознанной. Размышленія о смыслѣ таинствъ, обрядовъ и ихъ чинопослѣдованій, тропарей, кондаковъ и стихиръ занимали всѣ его дѣтскія мысли и переживания. Поистинѣ и къ блаженному этому отроку можно отнести слова псалмопѣвца:

«Ибо птица обрѣте себѣ хрѣмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя...» (Пс. 83:4), т. е. первыя душевныя стремленія.

Духовныя цѣнности, занявшія въ дѣтской душѣ такое главенствующее положеніе, влекли взрослѣющаго отрока на всецѣлое служеніе Богу, возбудивъ въ его сердцѣ стремленіе къ монашеству. Благодать Божія часто утѣшала взрослога не по годамъ мальчика, приобрѣтшаго духовную мудрость, и влекла его къ рѣшительному выбору. Однажды, когда ему было семь лѣтъ, на Великой вечернѣ, во время входа, онъ шелъ со свечой впереди священника. Ставъ, какъ подобаесть, предъ иконой Спасителя, онъ прилежно смотрѣлъ на лицо Его, внимая смыслу стихиры. Въ этотъ день пѣлся догматикъ восьмага гласа: «Царь Небесный за челоуѣколюбіе на земли явился». Внезапно эти слова глубоко поразили его сердце сладчайшимъ умиленіемъ. Слезы потекли изъ глазъ. Слова эти проникли въ самую глубь души и тамъ звучали безпрестанно, волнуя сердце сладкимъ изумленіемъ и новыми чувствами удивленія и радости. Тотъ, Кто призывалъ и влекъ его сердце на всецѣлое служеніе Себѣ, нынѣ Своей благодатью Самъ открылся блаженному отроку какъ Творецъ и Повелитель естества, Царь Славы, Свѣтъ, Истина и Жизнь. Этотъ первый опытъ богопознанія глубоко запечатлѣлся въ сердцѣ Іоанна и сохранился на всю жизнь. Блаженное состояніе духовнаго умиленія и самоуглубленія продолжалось нѣсколько недѣль, пока промыслительно не была нѣсколько умалена Божественная благодать.

Такъ отрокъ Іоаннъ, еще только начинавшій познавать міръ и смыслъ своего бытія въ немъ, усвоилъ главный урокъ первыхъ опытовъ своей жизни — о томъ, что Богъ есть главная ея цѣнность, драгоценнѣйшее сокровище челоуѣческой души. А стремленіе къ совершенствованію въ Богѣ, богоугожденіе, богопрославленіе, богослуженіе есть главное назначеніе бытія челоуѣческаго.

Чистая и простая душа Іоанна радовалась такому своему нечаянному обогащенію, но не знала она еще, что кромѣ этого нетлѣннаго сокровища существуютъ и другія «цѣнности». Не знала она, что въ духовномъ мірѣ, какъ и въ земномъ, существуютъ «*тѣніе сѣнь и разбойницы*» (Ін. 10:8) — невидимые похитители духовнаго богатства, которое поэтому нуждается въ огражденіи и страже болѣе, чѣмъ всякое другое сокровище на Землѣ. Важный, жестокой, но неизбѣжный и существенно необходимый урокъ преподастъ ему слѣдующій этапъ жизни — многмятежная юность. «*Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоѣмъ? откуда убо имать плѣвелы?*» (Мѣ. 13:27). Грѣхъ праотца Адама — это не просто проступокъ, для врачеванія котораго достаточно только одного прощенія, вѣрнѣе, это дѣйствительно было бы такъ, если бы Адамъ покаялся сразу же, въ раю, но нераскаянность и упорство дали грѣху неограниченную власть и чудовищную силу, съ помощью которыхъ онъ искажилъ самую природу челоуѣка. Предрасположенность къ страстямъ, сѣмена грѣховныя, подобно генамъ, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣмъ безъ исключенія потомкамъ Адама и гнѣзятся въ самомъ сердцѣ челоуѣка отъ утробы матери его. Святое крещеніе

освобождаетъ насъ отъ отвѣтственности за паденіе праотцевъ, но оно не избавляетъ насъ отъ дѣйствія закона тлѣнія грѣховнаго, единственное лѣкарство отъ котораго — личный подвигъ, собственная духовная борьба за обладаніе духовнымъ веденіемъ, суть котораго состоитъ въ познаніи своей немощи, съ одной стороны, и познаніи Всемогущества Божія — съ другой. Познай свою немощь и повергни ее предъ Богомъ съ моленіемъ о помилованіи и спасеніи, ибо Онъ Одинъ только силенъ прекратить дѣйствіе и насиліе страстей. Именно съ этого первоначальнаго смиренія и самоуничженія предъ Создателемъ и Спасителемъ Богомъ, т. е. съ познанія всецѣлой своей немощи и смиреннаго сыновняго моленія о помощи, начинается путь осознаннаго духовнаго возрастанія, постепеннаго восхожденія ко Христу.

Доброе семейное благочестіе, воспитаніе въ страхъ Божіемъ, приобщеніе къ Церкви, благое содружество существенно необходимы для того, чтобы вкоренить въ дѣтской душѣ навѣкъ къ боголюбію и добру на всю жизнь и сократить путь личнаго богоисканія. Но они не могутъ упразднить существованія и дѣйствія страстей, гнѣздящихся въ самой природѣ, въ самомъ сердцѣ. Время прозябанія этихъ грѣховныхъ сѣмянъ — юность. Не могъ избѣжать юношескихъ искушеній и молодой Іоаннъ. Но добронравіе патриархальной семьи, церковное послушаніе, добрая дружина сверстниковъ, а также стремленіе къ завѣтной цѣли — монашеству — до времени обуздывали ихъ дѣйствіе.

На просьбу Іоанна отпустить его въ монастырь отецъ отвѣтилъ отказомъ, рѣшительно заявивъ, что до совершеннолѣтія, т. е. до 23 лѣтъ, никуда его не отпустить. Въ день, когда исполнился означенный срокъ, Іоаннъ поблагодарилъ отца за доброе воспитаніе и, напомнивъ ему его обѣщаніе, вновь повторилъ свою просьбу. Но и на этотъ разъ отецъ упрямилъ его подождать немного, пока возмужаетъ младшій его братъ. Превозмогая скорбь, юноша вновь послушался родителя.

Затѣмъ прошеніе благословенія на монашество сестры еще на два года стало причиной новой, третьей уже отсрочки, потому что родители не могли разомъ отпустить двухъ любимыхъ дѣтей. Во время двухлѣтняго пребыванія съ родителями за сестру Іоаннъ Павловичъ перенесъ тяжкія испытанія и едва не погибъ какъ духовно, такъ и тѣлесно. Врагъ спасенія человѣческаго сильно нападалъ на него съ разныхъ сторонъ, желая отвратить отъ завѣтной и спасительной цѣли — монашества. Наконецъ, дьяволъ воздвигъ на цѣломудреннаго юношу сильную брань плотскихъ страстей, но Господь не даетъ искушенія выше силъ.

Однажды ночью, когда приступъ плотской брани былъ особенно силенъ, онъ видѣлъ себя какъ бы совсѣмъ погибающимъ, такъ какъ помощи не откуда не было видно, молитва какъ бы перестала дѣйствовать, умъ помрачился, облака страстныхъ помысловъ затемняли сознаніе, и весь онъ горѣлъ какъ въ огнѣ. Выбѣжавъ изъ комнаты въ садъ и павъ подъ деревомъ груши на колѣни, онъ слезно молилъ Господа Бога помочь его безсилію, защитить немощь его отъ силы вражьей и сохранить его въ чистотѣ.

«Если не Ты, Господи, — молился онъ, — то уже не смогу терпѣть этой брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою, чѣмъ оскверниться мнѣ плотской нечистотой». Долго и горячо вопіялъ онъ изъ глубины сердечной ко Господу, обороняясь отъ лютой силы вражьей единственнымъ оружіемъ — упованіемъ на всемогущую помощь Божию. И вдругъ въ полуночи небо внезапно разверзлось надъ головой его, и свѣтъ, какъ пламень огненный, снизошелъ на него съ высоты, не опалая, однако, но прохлаждая жаръ страстной печи, исполняя сердце сладчайшей, неизъяснимой радостью и плѣняя умъ благодатным, невѣдомо откуда пришедшимъ просвѣщеніемъ и озареніемъ въ такомъ изобиліи, что онъ, какъ казалось, не могъ уже болѣе вмѣстить происходящаго. Придя въ изнеможеніе отъ такого обилія благодати, онъ палъ на землю и лежалъ, словно мертвый, чувствуя, какъ таинственный, благодатный огонь самовластно проходитъ по всѣмъ его жиламъ и составамъ, прохлаждая и истребляя въ нихъ огонь плотскихъ похотей.

Такъ пролежалъ онъ, пока не заблагоувѣстили къ заутрени. Новый, свѣтлый, радостный, ощущающій необыкновенную легкость во всемъ тѣлѣ, онъ не побѣжалъ, а полетѣлъ въ церковь благодарить Человѣколюбца Бога за состояніе близости къ Богу, которое онъ испыталъ. Колоколь церковный словно звалъ его, а домъ Божій словно ожидалъ его, и молитва вдругъ сама собой плѣнила умъ и сердце его, и съ такой властью и силой многой, словно имѣя повелѣніе свыше, и понесла ихъ къ престолу Бога на небесахъ.

Придя изъ церкви, онъ вдругъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что вся семья стоитъ возлѣ груши, подъ которой онъ ночью молился, и дивится происшедшему: дерево полностью высохло и стояло лишенное листьевъ и плодовъ. Причину этого онъ утаилъ въ своемъ сердцѣ, непрерывно благодаря Бога за неисповѣдимую Его милость, благодаря вмѣшательству которой онъ навсегда избавился отъ мучившихъ его плотскихъ страстей и до конца дней своихъ пребывалъ въ мирѣ и душевномъ спокойствіи, не возмущаемомъ грѣховными мечтаніями и пожеланіями.

Велико было нападеніе лукаваго, но несоизмѣримо большимъ было Божественное посѣщеніе и дарованное Имъ утѣшеніе. Утѣшеніе Духа Святаго, какъ Письмена Божественныя на скрижаляхъ Моисея, глубоко и неизгладимо запечатлѣлось не только въ душѣ, но во всемъ естествѣ Іоанна, такъ что оно, запечатанное симъ утѣшеніемъ, стало неприкосновеннымъ для дѣйствія плотскихъ страстей. Опытъ, вынесенный имъ изъ этой брани, на всю жизнь сдѣлается для него основополагающимъ и руководящимъ символомъ, выраженнымъ словами псалмопѣвца: «*Блажѣни людіе въ душии воскликновѣніе*» (Пс. 88:16). Не на свои силы полагаться, но успѣть, успѣть воззвать къ Богу, повергнувъ предъ Нимъ свою немощь, — вотъ суть духовной брани, вотъ тотъ положительный, правильный опытъ, который долженъ выносить христіанинъ изъ духовныхъ сраженій! Такъ, чуднымъ образомъ, дѣйствіемъ благодати Божіей былъ избавленъ онъ отъ смерти духовной. Вскорѣ послѣ этого

Промысль Божій новымъ чуднымъ вмѣшательствомъ избавилъ его уже отъ преждевременной смерти тѣлесной.

Однажды, исполняя службу купеческую по долгу послушанія родителю, находился онъ въ пути и заразился холерой, свирѣпствовавшей тогда въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Кучеръ его началъ сторониться барина своего и въ концѣ концовъ вовсе бросилъ одного, страшась заболѣть. Іоаннъ Павловичъ въ крайне тяжеломъ состояніи остался въ своей повозкѣ дожидаться смерти. Изнемогая отъ болѣзни, онъ погрузился въ молитву Іисусову, прося прощенія у Бога за то, что не исполнилъ своего обѣта стать монахомъ. Жизненные силы, по-видимому, уже оставляли его. Но вдругъ свѣтъ обьялъ все вокругъ, и передъ собой онъ увидѣлъ боголѣпную Жену въ бѣломъ, какъ снѣгъ, и блистающемъ одѣяніи, указывающую на него перстомъ правой Своей руки стоящему одесную Ея нѣкому мужу, съ которымъ Она о чемъ то относительно его совѣтовалась. Іоанну показалось, что мужъ тотъ былъ святымъ апостоломъ и Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, хотя онъ въ этомъ и не былъ увѣренъ. Можетъ, между собой говорили Пресвятая Дѣва и великомученикъ и цѣлитель Пантелеимонъ, а совѣтъ, бывший о немъ, являлся предызбраніемъ Іоанна на высокое его служеніе? Въ этотъ моментъ онъ пришелъ въ себя и почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Оба этихъ случая особаго вмѣшательства Божія въ естественный ходъ событій должны были явственно показать Іоанну, что Промысль Божій неусыпно бдитъ о немъ и бережетъ всецѣло духъ и тѣло его.

По окончаніи двухлѣтняго срока родители болѣе не удерживали его и благословили на монашество, вполне убѣдившись, что къ жизни въ міру и къ женитьбѣ сердце сына не лежитъ и онъ всецѣло объятъ желаніемъ служить Единому Богу.

Въ это время Господь послалъ ему собрата по духу, одного изъ его родственниковъ, Николая Гончарова (будущаго монаха Никодима), который также горѣлъ желаніемъ иночества. Въ 1831 году они оба съ котомками за спиной навсегда оставили родной городъ. Начался пятилѣтній періодъ ихъ странничества по російскимъ монастырямъ съ тѣмъ, чтобы найти благопріятное мѣсто для борьбы со страстями и для созиданія своего спасенія.

Для желающаго принять монашескій постригъ выборъ монастыря дѣло не простое. Это мѣсто должно быть отмѣчено особымъ присутвіемъ Божественной благодати и максимально способствовать умерщвленію страстей и спасенію души. Монастырь — это мѣсто, удаленное отъ міра, куда приходятъ люди, желающіе уйти отъ страстей, бушующихъ въ мірѣ.

Дѣлая поправку на современность, можно сказать, что монастырь не обязательно долженъ находиться въ пустынѣ, хотя это было бы лучше всего. Онъ можетъ быть и посреди града. Однако при этомъ обязательно должны быть созданы условія, ограждающія насельниковъ отъ вліянія міра, его страстей, другими словами, долженъ

существовать режимъ ихъ умерщвленія. Таковымъ режимомъ, издревле созданнымъ святыми отцами на основаніи Священнаго Писанія, является общежитіе, регулируемое правилами или уставомъ. Одной изъ главныхъ задачъ общежитія является истребленіе самолюбія, своеволія, грѣховной самости, погубившей праотцевъ въ раю и являющейся главнымъ проявленіемъ гордыни. Основные принципы монастырской общежительной дисциплины, или условія, истребляющіе самость, суть слѣдующіе: наличіе въ обители общей молитвы, общаго труда, общей трапезы, общаго имущества при отсутствіи привилегированнаго положенія кого бы то ни было въ этомъ монастырѣ. Всѣ члены братства — отъ игумена до послѣдняго послушника — несутъ на себѣ общемонастырское тягло, т. е. службы, келейную молитву и всеобщую трудовую повинность, и никто изъ этого круга не выпадаетъ. Если же случается такъ, что кто-то не соблюдаетъ монастырскаго устава, то приводятся въ дѣйствіе рычаги монастырской дисциплины, призванные исправить положеніе. Всѣ эти факторы являются внѣшними условіями, самымъ же главнымъ условіемъ, одухотворяющимъ все прочее, является самоотверженное послушаніе. Инокъ добровольно отказывается отъ своего мнѣнія, своей выгоды, своего имущества, собственной казны и своего стола и такъ далѣе, предпочитая мнѣніе и пользу ближняго своего. Наконецъ, онъ долженъ являть полное послушаніе игумену — отцу и пастырю своему, изъ рукъ котораго онъ чаеъ получить благодать и вѣчное спасеніе.

Все это людямъ, не свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, можетъ показаться нѣкимъ режимомъ подавленія, но не будемъ забывать, что вся эта система зиждется на принципѣ свободы, т. е. на сознательномъ, свободномъ рѣшеніи отказаться отъ собственной, искаженной страстями воли, что является абсолютно необходимымъ условіемъ для достиженія главной цѣли подвижничества — духовнаго совершенства. Именно для воплощенія въ жизнь этого рѣшенія и существуетъ монастырь, и поэтому не имѣющему передъ собой цѣли побѣдить свое «я» не слѣдуетъ и вступать въ число братіи, чтобы не сдѣлаться сопричастникомъ жребія Ананіи и Сапфиры и, что самое важное, чтобы не вносить чуждый разрушительный элементъ (т. е. своеволіе) въ общежительную структуру. Стержень этого режима — борьба со своей волей, со своимъ «я», со всей своей самостью. Отказъ отъ собственнаго «я» — это очень трудная задача, но это единственно правильный алгоритмъ духовной жизни. Кто хочетъ видѣть Бога, тотъ долженъ забыть себя.

Послѣ пятилѣтняго странствованія ревнители благочестія Промысломъ Божиимъ нашли одного человекъ, Василія Максимовича Фастова, который сказалъ имъ, что единственное подобное мѣсто они могутъ найти только на Святой Горѣ Аѳонь. «Идите туда, ничтоже сумняся!» — говорилъ онъ имъ.

Но до того, какъ отправиться туда, опять же Промысломъ Божиимъ, суждено было имъ побывать въ Воронежѣ, у святителя Митрофана, гдѣ въ то время подвизался нѣкій юродивый и прозорливый подвижникъ. Придя къ нему, друзья спросили, есть ли имъ

воля Божія идти на Аѳонъ. Пристально на нихъ поглядѣвъ, онъ сказалъ имъ: «Идите, мои братья-старооскольцы, идите на Святую Гору Аѳонскую, идите. Ты, братъ мой Николай, придешь туда, немного поживешь, получишь великую схиму и отправишься въ невозвратный путь, а ты, братъ мой Іоаннъ, придешь на Аѳонъ, да свой улей заведешь и будешь рой отъ него отпускать. Идите, Богъ васъ благословитъ!» Эти слова оказались пророческими.

Иванъ Павловичъ не зналъ еще, что такое Аѳонъ. Зналъ только, что эта чудная страна монаховъ есть истинный рай на Землѣ, гдѣ нѣтъ ни властей, ни чиновъ, ни биржъ, ни торговъ, ни суеты, ни склокъ, гдѣ существуетъ лишь ангельское житіе и непрестанная молитва. Никто не говорилъ ему объ этомъ, но сердце само подсказывало, что именно такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Въ сентябрѣ 1836 года онъ прибылъ вмѣстѣ съ другомъ Николаемъ Гончаровымъ и еще 15 старооскольскими единомышленниками на Святую Гору. На вопросъ, есть ли монастырь, въ которомъ бы жили русскіе иноки, онъ получилъ отвѣтъ: «Монастырь-то русскій есть, да вотъ русскихъ иноковъ въ немъ нынче нѣтъ». Ему посоветовали: «А поди-ка ты къ старцу Арсенію. Онъ не только всѣмъ русскимъ монахамъ на Аѳонѣ духовникъ, но и прозорливый старецъ. Онъ укажетъ тебѣ, гдѣ и какъ жить».

Какова была первая встрѣча великаго старца и будущаго его ученика — намъ неизвѣстно. Извѣстно только, что Іоаннъ сталъ вѣрнымъ послушникомъ старца Арсенія, старавшимся съ совершенной точностью исполнять волю своего наставника, которую воспринималъ какъ Божію. Этотъ аѳонскій новобранецъ имѣлъ безграничную вѣру къ словамъ своего старца, отдавъ въ его руки всю свою душу, со всѣми ея ранами и недугами. Повергъ ему въ ноги всю свою волю и мудрованіе, отрекаясь отъ нихъ и отдавая ихъ на попраніе. Словно распятый на крестѣ, представлялъ онъ себя въ присутствіи великаго отца своего и, принимая изъ устъ его врачевство — укоризны за тотъ или иной проступокъ или помысль, если таковое случалось, — былъ неропотливъ и безгласенъ, подобно Подвигоположнику своему. И за труды принялъ и воздаяніе: тишину помысловъ, покой сердечный и, что самое главное, благоволеніе отца своего, которое благодатнымъ огнемъ воспламеняло въ немъ свѣчу молитвы и даровало душѣ дерзновеніе въ борьбѣ съ врагомъ и въ предстояніи предъ Богомъ по слову псалмопѣвца: «...яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ» (Пс. 5:13). Послѣ пострига и Литургіи, на которой новопостриженный былъ причастникомъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ, отецъ Арсеній далъ ему наставленіе, какъ проводить свою жизнь въ иноческомъ чинѣ. Онъ строго заповѣдовалъ: «Безъ моей воли ничтоже твори, пока я живъ буду». Затѣмъ говорилъ весьма пространно и умирительно о послушаніи, объ исключительномъ значеніи его въ жизни монашеской, о томъ, каковую силу имѣетъ оно и какихъ даровъ сподобляетъ. Говорилъ, какъ побѣждать страсти, отсѣкать свою волю, открывать помыслы своему отцу и пастырю, какъ любить Господа Бога всѣмъ сердцемъ

и помышленіемъ, какъ любовь эта пріобрѣтается и за что ее можно потерять. Говорилъ и о томъ, какъ хранить умъ свой въ непрестанной молитвѣ, претерпѣвать мужественно всѣ находящія скорби и искушенія съ благодареніемъ и никогда не унывать. Отъ такихъ поученій, изреченныхъ не съ витійствомъ ученымъ, но съ властью и силой многой благодати Духа Святаго, постриженникъ не смогъ сдержать слезъ умиленія, растворенныхъ сладчайшей радостью.

Прозорливый старецъ Арсеній, видя духовныя дарованія теперь уже отца Іоаннікія и вѣдая высокое назначеніе, отведенное ему Промысломъ Божиимъ, благословилъ ему на время безмолвное житіе, для того чтобы успокоить душу, умиротвориться, сосредоточиться и насладиться безмолвіемъ, къ которому онъ такъ стремился всю жизнь и которое вскорѣ должно было быть отнято отъ него ради духовническаго служенія братіи.

Истомившаяся духовной жаждой душа монаха Іоаннікія погрузилась въ безмолвное житіе. Опытъ сердечнаго обращенія къ Спасителю, обрѣтенный имъ еще во время брани духовной посреди міра, сталъ для него здѣсь, въ аѳонской пустынѣ, хлѣбомъ насущнымъ, который онъ съ алчбой и жаждой вкушалъ день и ночь, и по неложному обѣтованію Господню былъ насыщаемъ благодатью невѣдомыми утѣшеніями и посѣщеніями.

За совершенное послушаніе, безграничное довѣріе духовнику и исключительное самоотверженіе монахъ Іоаннікій пользовался особымъ, взаимнымъ довѣріемъ и любовью старца Арсенія. Видя въ немъ сосудъ избранный, испытанный и закаленный, чистый и вполнѣ способный вмѣстить высокое духовное ученіе, отецъ Арсеній сдѣлалъ его своимъ сотаинникомъ и руководилъ имъ въ прохожденіи дѣланія молитвы Іисусовой. Получая великую пользу отъ своего старца, монахъ Іоаннікій, преданный и вѣрный, не считалъ нужнымъ искать себѣ другихъ совѣтниковъ, наставниковъ и руководителей. Отъ собесѣдованій съ другими монахами всячески уклонялся, былъ всегда самоуглубленъ, внимателенъ и благоговѣенъ, такъ что вскорѣ всѣмъ стало замѣтно его преуспѣяніе, и всѣ заговорили о немъ какъ о сугубомъ ученикѣ духовника Арсенія.

Вскорѣ отецъ Арсеній благословилъ его и самому принять учениковъ. Отецъ Іоаннікій былъ имъ за старца, а отецъ Арсеній — общимъ руководителемъ и духовникомъ. Сдѣлалъ это отецъ Арсеній съ великимъ разумѣніемъ и мудрымъ расчетомъ, устраивая, такимъ образомъ, для отца Іоаннікія какъ бы переходъ отъ пустынножительства къ общежитію.

Даже послѣ того, какъ отецъ Іоаннікій за послушаніе старцу Арсенію принялъ на себя старческія обязанности, въ душѣ своей онъ все же остался ученикомъ. А потому имѣлъ попеченіе прежде всего о пользѣ своей собственной души, чтобы не потерять тѣхъ драгоценныхъ духовныхъ плодовъ, которые стяжалъ тяжелымъ трудомъ. Далѣе мы будемъ имѣть возможность наблюдать за этимъ качествомъ его духовнаго устроенія, чтобы получить наглядное назиданіе: какъ съ его измѣненіемъ отецъ Іоаннікій съ теченіемъ

времени станетъ великимъ старцемъ; какъ всецѣло, безъ остатка пожертвуетъ онъ своей собственной пользой ради пользы ищущихъ ее отъ духовнаго общенія съ нимъ.

Со своими учениками старецъ Іоанникій былъ кротокъ и снисходителенъ. Всѣ немощи ихъ сносилъ и терпѣлъ великодушно, соблюдая драгоцѣнный свой душевный покой. Дѣлалъ онъ это именно ради того, чтобы не разрушать своего духовнаго устроенія. Это качество свойственно еще не устоявшимся въ добродѣтеляхъ духовнымъ воинамъ, страшщимся неосторожнымъ словомъ или дѣломъ повредить самимъ себѣ. Скорѣе это свойство можно отнести къ наемникамъ, а не сынамъ, которые еще не увѣрены, что являются наследниками отеческихъ сокровищъ, и работаютъ за вознагражденіе.

Отецъ Іоанникій самъ за богослуженіемъ много читалъ и пѣлъ, но однажды ночью, вставъ для совершенія утрени, безъ всякой на то причины внезапно лишился зрѣнія настолько, что не могъ уже ничего читать по книгамъ, развѣ только то, что зналъ наизусть. Ученики очень опечалились, да и самъ онъ тоже скорбѣлъ. Продолжалось это нѣсколько дней. И вотъ какъ то послѣ повечерія онъ вышелъ въ окружающій келлію лѣсъ и провелъ тамъ всю ночь, а возвратившись къ утренѣ, по-прежнему читалъ въ церкви съ большой быстротой и радостью. Ученики удивились, стали вопрошать своего старца о внезапной переменѣ зрѣнія. «Когда я ночью въ лѣсу усердно молился, — отвѣчалъ на ихъ вопросы отецъ Іоанникій, — то вдругъ увидѣлъ явившуюся мнѣ въ небесномъ сіяніи Владычицу. Въ благоговѣнномъ страхѣ и трепетѣ я поклонился Ей до земли и услышалъ отъ Нея слѣдующія слова: „Молитвы твои и обѣщанія Господу и Мнѣ приняты, но смотри же, старайся исполнить ихъ во всей точности, а Я исцѣляю твое зрѣніе, и до самой кончины твоей будешь читать безъ помощи!“ — и затѣмъ Она стала невидима».

2 августа 1840 года въ Русскомъ Свято-Пантелеимоновомъ монастырѣ отошелъ къ Господу іеросхимонахъ Павелъ... Игумень Герасимъ призвалъ русскую свою братію, чтобы они избрали себѣ пастыря изъ тѣхъ, кого они знаютъ, кто опытенъ въ духовной жизни и могъ бы ими управлять. Братія же, посоветавшись между собой и разсудивъ, дала отвѣтъ своему игумену. Обратимъ здѣсь вниманіе на все, что будетъ сказано, ибо все это составитъ немалую похвалу будущему великому старцу, а пока еще смиренному новонаначальному монаху-пустыннику, послушнику великаго русскаго старца-духовника Арсенія. Итакъ, братія сказала слѣдующее: «Отче святой, хотя и много во Святой Горѣ русскихъ, но нѣтъ такого человѣка, который бы могъ вмѣстить общежительные наши уставы и править церковью и братіей. Только одного находимъ способнымъ къ этому — духовника Арсенія, который все можетъ вмѣстить и управлять. Да еще есть ученикъ его, монахъ Іоанникій, который также можетъ управлять церковью и братіей, только не знаемъ, вмѣститъ ли онъ общежитіе наше, ибо имѣетъ свою келлію и учениковъ».

Тогда отецъ игумень велѣлъ имъ собирать посольство и идти къ духовнику отцу Арсенію, для того чтобы просить его жить въ русской обители. Они посоветовались и, будучи увѣрены въ отказѣ отца Арсенія, рѣшили зайти прежде и къ отцу Іоанникію,

чтобы предварительно узнать, будетъ ли онъ согласенъ прійти въ монастырь и жить тамъ. Тотъ наотрѣзъ отказался, не желая принимать сана священническаго, неизбежнаго при занятіи духовнической должности, а также ссылаясь на слабость здоровья, по причинѣ котораго ему трудно будетъ жить въ строгомъ общежитіи. Указывалъ онъ имъ въ отвѣтъ и на любовь свою къ безмолвію.

Братія, услышавъ его отвѣтъ, опечалилась и пошла тогда уже къ самому старцу Арсенію, чтобы со слезами умолять его о переселеніи въ монастырь, дабы не оставить сиротствующую братію безъ пастыря. «Меня и не просите, и ниже поминайте, — отвѣчалъ имъ духовникъ, — а изберите другаго, кого знаете». Они же съ плачемъ говорили: «Отче святой, изъ всѣхъ, кого знаемъ на Святой Горѣ Аѳонской, мы избрали только васъ двоихъ. Или вы идите, или благословите ученика своего, отца Іоанникія». Духовникъ подумалъ и неспѣшно, съ разстановкой сталъ говорить: «Это великаго стоитъ: отца Іоанникія съ учениками потревожить. Они живутъ спокойно, въ безмолвіи и мирѣ. Имѣютъ свою келлію. И всякаго заведенія у нихъ много... Развѣ если будетъ воля Божія... Вашъ монастырь общежительный и къ Богу близокъ, пусть эту недѣлю всѣ братья постятся и молятъ Бога и Божію Матерь, а потомъ придите ко мнѣ. Ежели будетъ воля Божія, тогда я объявлю вамъ объ этомъ и пошлю его, хотя бы онъ и не хотѣлъ».

Съ великой радостью пошли послы въ монастырь и возвѣстили все игумену, который заповѣдалъ всей братіи поститься седмицу и готовиться ко Святому причащенію да молить Бога и Божію Матерь, дабы послали человѣка, могущаго все управить на пользу обители. Въ продолженіи седмицы было отслужено три бдѣнія — Господу Богу, Божіей Матери и святому великомученику Пантелеимону съ прошеніемъ указать богоизбраннаго и достойнаго человѣка.

Въ продолженіе означеннаго срока и самъ отецъ Арсеній усердно молился и вознамѣрился совершить три всенощныхъ бдѣнія, чтобы узнать Божію волю. Но уже послѣ втораго Господь явилъ Свое благоволеніе.

По исполненіи всего заповѣданнаго вновь пошла братія русскаго монастыря къ великому старцу Арсенію. Онъ же съ радостью ее принялъ и торжественно возвѣстилъ: «Радуйтесь! Есть воля Божія отцу Іоанникію быть въ русскомъ монастырѣ! Ступайте въ монастырь и скажите игумену, чтобы выслалъ старшую братію на Карею сдѣлать уговоръ». Съ этимъ и возвратились обрадованныя отцы въ свою обитель и все пересказали игумену. Игуменъ же съ братіей сразу же отслужили благодарственный молебенъ, послѣ чего отправили великое посольство въ Карею и къ отцу Іоанникію просить и молить его: да будетъ русской братіи руководителемъ, духовникомъ и пастыремъ, а отцу игумену Герасиму помощникомъ.

Не вѣдалъ ничего о происходящемъ монахъ Іоанникій. Послѣ того какъ онъ отслужилъ съ учениками утреню и всѣ разошлись по своимъ кельямъ на молитву съ руководіемъ, какъ вдругъ принесли записку отъ отца Арсенія, чтобы всѣ трое явились къ нему.

Когда же они пришли, то повелѣлъ старецъ взойти всѣмъ въ церковь и, надѣвъ на себя епитрахиль, началъ говорить: «Отецъ Іоанникій! Господь тебя благословляетъ: иди на общежитіе въ русскій монастырь со своими учениками, ибо тамъ хочетъ Богъ нѣчто сотворити». Всѣ трое заплакали, а отецъ Іоанникій палъ на колѣни предъ старцемъ. «Отче святой, — говорилъ онъ, — тебѣ извѣстно о моемъ слабомъ здоровье. Извѣстно и то, что пришелъ я на Святую Гору, чтобы избѣжать хиротоніи и не начальствовать, но въ пустынѣ и безмолвіи проводить жизнь свою, достигнувъ того, ради чего оставилъ міръ, — побѣдить страсти и соединиться съ Богомъ».

Духовникъ же отвѣчалъ ему: «Всякая вещь добра въ свое время: добро бѣгать хиротоніи, добро и принять во славу Божию. Насколько является зломъ искать хиротоніи, настолько же является зломъ противиться волѣ Божіей. А что ты слабъ здоровьемъ, то Господь знаетъ лучше тебя. Въ Его рукахъ состоитъ весь животъ нашъ. Если Онъ тебя избралъ, то Онъ же тебѣ подастъ и здравіе. А на то, что ты говоришь о желаніи въ пустынѣ побѣдить страсти и достигнуть соединенія съ Богомъ, отвѣчу: достигаютъ побѣды и въ пустынѣ, если будутъ по волѣ Божіей жить, и въ общемъ житіи. При общемъ житіи этого даже можно достигнуть скорѣе, потому что пустыня только усыпляетъ, а общежитіе до конца умерщвляетъ страсти и погребаетъ ихъ въ смиреніи, послушаніи и отсѣченіи собственной воли. А когда умираютъ въ насъ страсти, тогда обрящемъ душевное спокойствіе и соединимся съ Богомъ. И нигдѣ невозможно найти настоящей монашеской жизни, кромѣ общежитія. И еще: ты хочешь спасти только двухъ, а иди спасай двадцать, а со временемъ — пятьдесятъ. Ты долженъ о всемъ имѣть попеченіе. Тебѣ подобаетъ устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше волѣ Божіей не противься. Теперь иди въ Карею, переговоры, о чемъ необходимо, съ греками, и перебирайтесь въ монастырь. Господь васъ благословитъ».

Старецъ, благословляя его, добавилъ, смягчивъ строгую рѣчь свою: «Иди, чадо, съ Богомъ, имать тамъ нѣчто дивное быти».

Когда отецъ Іоанникій съ учениками вернулся въ келлію, въ тотъ же часъ пришли изъ русскаго монастыря и позвали ихъ въ Карею, гдѣ уже ожидало великое посольство монастыря со всей старшей братіей. Увидѣвъ своего Богомъ даннаго старца, всѣ пали ему въ ноги и отъ имени игумена, господина и отца Герасима со всей во Христѣ братіей просили отца Іоанникія изволить перейти на жительство въ ихъ монастырь и принять на любыхъ условіяхъ должность духовника русской братіи. Не теряя еще надежды на будущее свое уединеніе, онъ говорилъ отцамъ о своемъ желаніи со временемъ получить благословеніе на безмолвіе. Старцы обѣщали, сказавъ ему такъ: «Ты собери братію русскую, благоустрой ее, а по временамъ можешь удаляться на безмолвіе». Согласившись со всѣми его пожеланіями и устроивъ все, посольство предложило отцу Іоанникію съ учениками проѣхать на монастырскихъ мулахъ въ самую обитель для свиданія съ отцомъ игуменомъ и всей братіей, которая уже ожидала ихъ и чаяла увидѣть.

6 октября 1840 года, на исходѣ дня, предѣ вечерней, учиненный братъ, специально поставленный ожидать на башнѣ, пристально всматриваясь на дорогу, спускающуюся съ холма изъ-за потока, увидѣлъ наконецъ, какъ показалась долгожданная процессія. Въ радости, какъ было условлено, ударилъ онъ въ колоколь, и вся братія, греки и русскіе, взявъ свѣчи и хоругви, собралась ко святымъ вратамъ обители. Священники и діаконъ облачились въ ризы, служащій іеромонахъ вынесъ большое напрестольное Евангеліе, а іеродіаконъ — кадило.

Въ вечерней тишинѣ, когда не слышно было ничего, кроме пѣнія птицъ, бубенцы побрякивали на мулахъ медленно приближающейся процессіи. Когда они подошли совсемъ близко и стали видны братіи, всѣ умилились сердцемъ, вспомнивъ Того, Кто входилъ во Святой Градъ на жребяти. *«Радуйся и веселися, граде Сіонь! Се бо Царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій и спасаая, съдѣй на жребяти осли!»* (Стихира, гласъ 8-й).

Долгожданный и дорогой гость спѣшился, неволью смутившись такой нечаянной торжественностью встрѣчи, приложился ко Святому Евангелію и поклонился на обѣ стороны встрѣчавшимъ, не дерзая смотрѣть имъ въ лица. Братія торжественно запѣла «Достойно есть» по-гречески и по-русски, и такимъ образомъ всѣ направились въ соборный храмъ святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, гдѣ ожидалъ великаго и богоданнаго гостя игумень отецъ Герасимъ. Вынесли изъ алтаря честную главу славнаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, часть Честнаго Древа и икону святителя Митрофана, съ которой русскіе входили въ монастырь. Отецъ Іоанникій по обычаю поклонился святынѣ, положилъ три поклона посреди церкви и четвертый поклонъ отцу игумену. Лобызалъ руку его. Потомъ вся братія привѣтствовала его. На слѣдующій день возвратились обратно въ Карею, взявъ у игумена благословеніе управиться съ келліей.

20 октября 1840 отецъ Іоанникій прибылъ съ учениками въ Руссикъ, гдѣ поселили ихъ въ старомъ сѣверномъ корпусѣ, возлѣ параклиса великомученика Димитрія, гдѣ прожилъ старецъ до конца дней своихъ.

Такъ нечаянно, скоро и чудно произошло избраніе и возвышеніе отца Іоанникія на старческое и духовническое служеніе. Въ вышеописанной исторіи обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты.

Во-первыхъ, достойно вниманія то, какъ братія — и греческая, и русская — обезпокоена была незыблемостью общежительныхъ правилъ, какъ она съ одинаковой тщательностью берегла традиціи и благочестивые устои, оставленные ей въ завѣщаніи игумена Саввы. И все это дѣлалось ими глубоко осознанно, а не изъ-за привычки или нѣкоей закостенѣлости. Въ вѣрности общежительнымъ правиламъ видѣлся имъ смыслъ и залогъ существованія обители и единокровія братства. Скорбный обоюдный опытъ научилъ какъ грековъ, такъ и русскихъ слѣдовать такимъ традиціямъ.

Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на поразительное единокровіе братіи, двусоставной по національному признаку. Греки выражаютъ искреннее сочувствіе русскимъ,

раздѣляя съ ними какъ печаль, такъ и радость: скорбятъ и болѣзнують до слезъ о смерти отца Павла и радуются и благодарятъ Бога по случаю чуднаго избранія отца Иоанникія. Это да будетъ намъ залогомъ и вѣрнымъ удостовѣреніемъ того, что не было и не можетъ быть никакого конфликта на національной основѣ въ средѣ такого духовнаго организма, какъ аѳонское братство, спаянное союзомъ братолюбія. Основная масса братства всегда оставалась тверда и непоколебима въ единомудріи и любви. Да, между ними въ будущемъ возникнутъ тренія, но причиной этому будутъ исключительно духовныя проблемы, о чемъ мы поговоримъ еще ниже.

Въ-третьихъ, замѣчательна процедура избранія руководителя братства прилежнымъ и длительнымъ моленіемъ, постомъ и бдѣніемъ, а затѣмъ благодарственнымъ молебномъ. Цѣль этой процедуры — собрать умы и сердца всѣхъ братіевъ воедино и направить ихъ къ Богу съ общимъ смиреннымъ прошеніемъ явить Свою волю, указать имъ достойнаго человѣка. Поискъ воли Божіей, желаніе передать братство въ руки богоданнаго, богоизбраннаго и Богомъ благословеннаго пастыря, а не въ руки случайнаго или хищническаго — вотъ цѣль молитвы. Впослѣдствіи обычай этотъ войдетъ въ устойчивую практику русскаго монастыря и станетъ одной изъ лучшихъ его традицій.

18 ноября отецъ Иоанникій былъ посвященъ въ іеродіакона, а 21 ноября, на самое Введеніе во храмъ Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, — въ іеромонаха и получилъ благословеніе архіерея на духовническое служеніе. Въ новомъ, 1841 году, на первой недѣлѣ Великаго поста, отецъ Иоанникій былъ постриженъ въ великій ангельскій образъ. Поистинѣ пророческій духъ игумена Герасима точно подобралъ ему новое имя въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣтетъ оно для всѣхъ будущихъ поколѣній русскихъ иноковъ на Аѳонѣ. Его постригли съ именемъ Іеронимъ, что означаетъ по-русски «священноименный». Таковымъ стало отнынѣ имя этого великаго и дорогаго для насъ человѣка, ставшее впослѣдствіи достояніемъ вѣчности, будучи написаннымъ тростью Духа Святаго на скрижаляхъ сердець всѣхъ поколѣній монашествующихъ насельниковъ Руссика. Высокое иноческое житіе, воспитанное старцемъ Герасимомъ въ строгомъ духѣ общежитія, по заповѣдямъ его духовнаго отца старца Венедикта и игумена Саввы, нашло живой откликъ въ его душѣ.

Разсматривая жизнь отца Іеронима въ монастырѣ, чтобы лучше оцѣнить плоды его трудовъ, а также для того, чтобы увидѣть широту и достоинство этой великой личности, разграничимъ его дѣятельность на двѣ основныя сферы. Во-первыхъ, старецъ Іеронимъ былъ прежде всего духовникомъ, руководителемъ братства, а во-вторыхъ, выступалъ какъ ктиторъ, хозяйственникъ и администраторъ. Оба этихъ вида его дѣятельности какъ будто лежатъ совершенно въ разныхъ плоскостяхъ и требуютъ особыхъ и совершенно различныхъ навыковъ, способностей и талантовъ. Но въ личности отца Іеронима мы находимъ сплетенными воедино всѣ необходимыя навыки и таланты, гдѣ и хозяйственная, и духовная составляющіе его дѣятельности превратились въ инструменты,

служащие одной грандиозной цѣли — возрожденію русскаго монашества на Аѳонѣ. Оба этихъ инструмента онъ смогъ использовать исключительно для достиженія духовныхъ цѣлей. Съ Божіей помощью безъ ущерба какъ для братіи, такъ и для монастырскаго хозяйства, безъ ущерба для самого себя онъ сталъ и прекраснымъ администраторомъ, и одновременно глубокимъ духовникомъ. Но произошло это не сразу и не вдругъ, а только послѣ того, какъ онъ, преодолевъ самость, полностью пожертвовалъ собой и съ максимально возможной самоотдачей посвятилъ себя дѣламъ обители и братіи. Такова сила самопожертвованія, воодушевленнаго вѣрой въ Подвигоположника. Съ ея помощью человекъ творитъ невозможное.

Дѣятельность свою въ должности духовника и руководителя русскаго братства онъ видѣлъ прежде всего въ томъ, чтобы сохранить и по возможности даже преумножить добрыя традиціи монастыря, сохранить незыблемымъ богоугодный общежительный уставъ, приносящій здѣсь такіе добрые плоды, и помочь своей русской братіи приобщиться къ нему, помня, что нежеланіе прежде пришедшей братіи повиноваться этому уставу свело на нѣтъ труды отца Аникиты. Изъ личнаго опыта зная о пользѣ общежительныхъ устоевъ, онъ до конца дней своихъ будетъ ревностнымъ ихъ поборникомъ.

Общежитіе — это не только общая трапеза, общая одежда, общая молитва и богослуженіе, но и общая скорбь, и общая радость при единеніи душъ. Все это подразумеваетъ наличие общихъ задачъ, общихъ проблемъ и коллективный подходъ при ихъ рѣшеніи если не конкретными дѣйствіями, то ужъ, конечно же, молитвой и сопереживаніемъ. Но и это еще не все. Общежитіе, которое дѣлаетъ души и молитвы братіи едиными, а также ставитъ общія для всѣхъ цѣли и задачи для рѣшенія всѣми общихъ проблемъ, предполагаетъ и единое управленіе. Созидать, воодушевлять и управлять этимъ единымъ духовнымъ организмомъ долженъ только одинъ руководитель. Не нѣкій бездушный администраторъ со штатомъ исполнителей его воли, а мудрый и любящій отецъ, Богомъ избранный и Богомъ поставленный, а потому и отвѣтственный за всѣхъ и за все содѣянное передъ Единымъ Богомъ. И въ данномъ случаѣ этотъ руководитель опирается не на наемниковъ, а на сплоченную, единомышленную братію, гдѣ младшіе безъ сомнѣнія, по Апостолу, подчиняются въ духѣ братской любви и единомыслія старшимъ. Въ его рукахъ при мудромъ, опирающемся на благодать Святаго Духа управленіи братство — это пластичная и въ то же время устойчивая сила, готовая всегда по первому призыву своего пастыря мобилизоваться для выполненія любой духовной задачи, сохраняя при этомъ всѣ черты своего призванія: и братскую любовь, и послушаніе, и желаніе трудиться для общаго блага, и молитвенность.

Мы должны понимать, что общежитіе въ духѣ взаимной братской любви не имѣетъ ничего общаго со сходбищами, празднословіемъ или смѣхотворствомъ. Эти пороки растлѣваютъ духъ его. Парадоксъ истиннаго общежитія въ томъ и заключается, что иноки, живя, трудясь, молясь, питаясь вмѣстѣ, искренне любя другъ друга, въ то же время

стараются устраняться отъ излишняго общенія другъ съ другомъ, имѣя желаніе пребывать единственно съ Богомъ. Сходбища, свойственныя живущимъ въ міру, замѣняются у нихъ богослужбнымъ собраніемъ; празднословіе — славословіемъ и пѣснопѣніями за богослуженіями; пиры и застоля — скромной братской трапезой. Любовь выражается не столько внѣшними проявленіями, сколько духовными, внутренними. Терпѣніе поруганій и укоризнъ, снисхожденіе къ немощамъ другъ друга и прощеніе обидъ, радость о преуспѣяніи ближняго и скорбь въ несчастіяхъ, искорененіе подозрительности и зависти — все это есть превосходнѣйшее проявленіе настоящей братской любви. Но самымъ главнымъ и существеннымъ для инока является качество, которое объемлетъ собою всѣ прочіе, — предпочтеніе ближняго самому себѣ. Эта добродѣтель — краеугольная при общемъ житіи. Именно она придаетъ братской любви характеръ жертвенности, сообщая ей тѣмъ самымъ свойства безсмертнаго и нетлѣннаго значенія. Излишне объяснять, что эта безцѣнная добродѣтель требуетъ для своего выраженія совсѣмъ иныхъ, превосходныхъ инструментовъ, нежели, на примѣръ, такіе пороки, какъ празднословіе и дерзость.

Искорененіе пороковъ и воспитаніе истинно духовныхъ братскихъ отношеній стали первоочередными задачами для отца Іеронима. Вскорѣ онъ сталъ всѣми признаннымъ духовнымъ лидеромъ единаго монастырскаго организма — какъ греческой, такъ и русской его половины. Начиная труды свои по воспитанію братіи и благоустройству обители, отецъ Іеронимъ полагался не на свои силы, но прежде всего на помощь Божию, упованію на которую онъ былъ наученъ опытомъ всей своей жизни. Не забывалъ онъ и пророческихъ словъ своего старца о томъ, что Богъ хочетъ нѣчто чудное сотворить въ русской обители, а потому зорко всматривался въ событія и ихъ суть, чтобы разсмотрѣть дѣтводящее дѣйствіе Промысла Божія.

По временамъ обитель посѣщаль и самъ первый, великій ея старецъ и началовождь — іеросхимонахъ Арсеній. Приходъ его всегда, словно солнце, осіявалъ обитель и сопровождался всеобщей радостью и ликованіемъ какъ греческихъ, такъ и русскихъ монаховъ. По окончаніи соборной службы онъ неизмѣнно уединялся съ отцомъ Іеронимомъ, много бесѣдовалъ съ нимъ о духовномъ руководствѣ братствомъ и о его личномъ возрастаніи. Иногда говорилъ онъ и со старцемъ игуменомъ. Не только отца Іеронима, но и все русское братство онъ считалъ своими духовными дѣтьми и всегда подчеркивалъ, что имѣетъ по преимуществу попеченіе и отвѣтственность за нихъ даже болѣе, чѣмъ самъ отецъ игумень и отецъ духовникъ. Въ особо трудныхъ случаяхъ всегда оставлялъ право послѣдняго рѣшенія за собой, какъ знающимъ волю Божию. Поэтому мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что дѣятельность отца Іеронима проходила по совѣту, руководству и благословенію великаго духовника всѣхъ русскихъ иноковъ на Святой Горѣ Арсенія и, слѣдовательно, была согласна съ волей Божіей.

Таковымъ было возвышеніе сравнительно еще молодаго монаха отца Іеронима до степени духовника русской обители. Однако путь его лежалъ еще выше. 24 марта

1846 года на пятой недѣлѣ Великаго поста въ Навечеріе Благовѣщенія, когда на Литургіи изъ Евангелія читаются слова Господни: «Се, восходимъ во Іерусалимъ...», — отпѣвъ наканунѣ, въ Субботу Акаѳиста, сладчайшую пѣснь ко Пресвятыя Владычицѣ Богородицѣ и отслуживъ послѣднюю свою Литургію, отходилъ изъ жизни этой и восходилъ ко Господу, въ горній Іерусалимъ, общій духовникъ всѣхъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ, великій старецъ іеросхимонахъ Арсеній. Лишалась Святая Гора столпа и свѣтильника, который поддерживалъ и просвѣщалъ на Аѳонѣ не только всю русскую братію, но и грековъ, и болгаръ, и молдаванъ.

Рано поутру всѣ духовныя дѣти его, въ томъ числѣ и отецъ Іеронимъ, сбѣжались въ келью старца. «Что же ты, отче, уходишь отъ насъ? — вопрошали ученики его. — На кого же насъ оставляешь, кому передашь всѣ твои благодатныя дарованія?» Возложивъ слабѣющія руки свои на главу отца Іеронима, великій авва сказалъ: «Вотъ, ему оставляю васъ, ему и передаю все». И велѣлъ всѣмъ подходить къ себѣ для послѣдняго цѣлованія и на благословеніе къ преемнику своему, новому общему духовнику Іерониму. Такъ отецъ Іеронимъ по волѣ Божіей былъ возведенъ на новое высокое служеніе рукой умирающаго своего духовника и старца.

Не этого искалъ онъ, поспѣшая на Аѳонъ. Тяготился онъ нѣкогда воспитаніемъ двоихъ только учениковъ, смущался отвѣтственностью за цѣлое братство, а теперь ему предстояло спасать цѣлый народъ — русскихъ аѳонцевъ. Но измѣнить ничего нельзя: старецъ умеръ и своею смертию запечаталъ благословеніе.

И потекли къ нему всѣ келіоты, сиромахи и насельники монастырей. Сталъ онъ для всѣхъ общимъ отцомъ, а Пантелеимонова обитель — общимъ для всѣхъ домомъ. Многіе изъ пришедшихъ келіотовъ, видя благообразное, благочинное и простое общежительное житіе монастыря, оставались тутъ навсегда, добровольно продавъ себя въ рабство послушанія и возложивъ на выю свою благой яремъ Христовъ.

Во время вступленія отца Іеронима на должность духовника въ 1840 году въ Свято-Пантелеимоновомъ монастырѣ русскихъ было только 11 человѣкъ. Но въ теченіе достаточно непродолжительнаго времени вокругъ него собралось внушительное по своему числу русское братство. Къ концу 1841 года оно уже не вмѣщалось въ свой маленькій параклисъ въ честь святителя Митрофана. Въ 1846 году ихъ было уже болѣе 20. Къ 1850 году численность русскихъ монаховъ достигла 80-ти человѣкъ, а черезъ 11 лѣтъ, т. е. въ 1861 году, — 200. Черезъ 35 лѣтъ послѣ перехода отца Іеронима въ русскій монастырь, въ 1875 году, число ихъ возрастетъ до тысячи, что говоритъ о высокодуховной благодатной атмосферѣ, созданной трудами отца Іеронима, на которомъ явно почивала печать богоизбранности.

Въ своей хозяйственной дѣятельности отецъ Іеронимъ прежде всего взялся за удовлетвореніе первоочередной насущной потребности умножившагося братства — за созиданіе новыхъ храмовъ и улучшеніе уже существующихъ. Такъ, въ 1845 году былъ

перестроенъ монастырскій кириаконъ — соборъ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Были возведены новые храмы: въ 1846 году — Митрофаньевскій, въ 1850-м — Покровскій.

Хозяйственная и строительная дѣятельность требовала немалыхъ средствъ, взять которые было нѣгдѣ. Кромѣ того, положеніе осложнялъ огромный долгъ, висѣвшій на обители со старыхъ временъ и не дававшій возможности помышлять о ея скоромъ развитіи. Но это не остановило отца Іеронима. Не имѣя ничего, кромѣ удостовѣренія духовника отца Арсенія, что есть на то Божья воля, новый духовникъ тѣмъ не менѣе начинаетъ ремонтъ старыхъ зданій и строительство новыхъ. Отецъ Іеронимъ не постыдился напомнить объ обители родному Отечеству и протянуть руку съ просьбой о подаче милостыни монастырю. Но первая попытка, сдѣланная въ 1841 году, оказалась неудачной. Россія словно забыла о древней своей обители на Аѳонѣ, о своей лампадѣ, горящей на Святой Горѣ. Однако создавшееся впечатлѣніе, что помощи не будетъ, было кажущимся.

Отецъ Іеронимъ самъ разсылалъ воззванія, въ которыхъ рассказывалъ о Святой Горѣ, о русскомъ монастырѣ, о значеніи его для православной Россіи и о бѣдственномъ его положеніи. Онъ вѣрилъ, что сердце русское не можетъ не откликнуться и оставить обитель безъ помощи. Старецъ былъ твердо увѣренъ: святой великомученикъ и цѣлитель Пантелеимонъ печется о своемъ монастырѣ и самъ все устроитъ. Его вѣра не оказалась посрамленной.

Въ 1844 году изъ Петербурга былъ полученъ даръ — сребропозлащенная риза на чтимую въ обители икону святого великомученика и цѣлителя Пантелеимона. А въ слѣдующемъ, 1845 году случилось событіе, ставшее значительной вѣхой въ исторіи обители: Святую Гору и русскій монастырь посѣтилъ Великій князь Константинъ Николаевичъ. Это посѣщеніе считается значимымъ не только потому, что возвысило авторитетъ монастыря среди грековъ, а потому еще, что обратило вниманіе нашихъ соотечественниковъ въ Россіи на обитель. Императорскій Домъ проявилъ самое живое участіе къ судьбѣ русской братіи на Аѳонѣ. Высочайшее вниманіе способствовало возобновленію регулярнаго паломничества и милостыни изъ Россіи. Обитель приобрѣла благотворителей изъ числа представителей разныхъ сословій изъ всѣхъ концовъ роднаго Отечества. На милостыню, поданную ими, удалось начать выплату старыхъ долговъ, построить Покровскій соборъ съ корпусомъ братскихъ келій и даже приступить къ издательской дѣятельности.

Отецъ Іеронимъ высоко цѣнилъ даже самое малое пожертвованіе и горячо благодарилъ за каждое доброе дѣло. Эта благодарность и искренняя признательность, а также осязаемая молитвенная поддержка располагали многихъ продолжать помощь русскому монастырю, такъ что она никогда не оскудѣвала и служила, по словамъ самого старца, основной помощью при построеніи зданій и благоустройствѣ монастыря.

Благодарность за пожертвованія и совершеніе молитвенной памяти о благодѣтеляхъ старецъ Іеронимъ заповѣдалъ своимъ преемникамъ и братіи блюсти какъ зѣницу ока и въ своемъ завѣщаніи повелѣлъ хранить эту традицію и исполнять ее какъ священную и величайшую обязанность.

Какъ мы уже говорили, увеличеніе числа русской братіи монастыря привело къ мысли о необходимости постройки еще одной новой, просторной церкви, а также къ строительству келейнаго корпуса. Но не только попеченіе о земномъ занимало тогда умъ отца Іеронима, мысль его была устремлена выше. Онъ возжелалъ построить не просто новый храмъ, но символъ благоволенія Божіей Матери къ русской обители и русскимъ инокамъ, памятникъ Пречистому Ея Имени отъ лица благодарныхъ насельниковъ монастыря. Отъ самага сердца великаго старца родилось наименованіе будущаго храма — Покровскій соборъ.

Мѣста для возведенія достаточно большаго собора внутри монастыря рѣшительно не было никакого. Напомнимъ, что при вселеніи русскихъ въ обитель во главѣ съ отцомъ Павломъ игуменъ Герасимъ предоставилъ имъ для жительства сѣверо-западный, такъ называемый ктиторскій (нынѣ — Игуменскій или Архангельскій) корпусъ съ параклисомъ въ честь святыхъ безсребрениковъ Космы и Даміана, который сразу былъ переименованъ въ честь святителя Митрофана Воронежскаго. Отъ капитальной восточной стѣны корпуса брала свое начало высокая, длинная, соотвѣтствующая длинѣ всего тогдашняго монастыря крѣпостная стѣна съ небольшими бойницами, которая упиралась въ высокій монастырскій зубчатый пиргъ, или сторожевую башню, съ которой учиненнымъ братомъ досматривалась окрестность обители. Въ виду отсутствія какого бы то ни было мѣста для корпуса и храма отецъ Іеронимъ принимаетъ грандіозное рѣшеніе: нарастить корпусъ вокругъ крѣпостной стѣны, а храмъ возвести поверхъ его. На вершинѣ монастырскаго пирга, въ которомъ не было уже необходимости, — онъ утратилъ свое назначеніе, — предлагалось устроить параклисъ въ честь Вознесенія Господня, въ память о нѣкогда существовавшемъ здѣсь Вознесенскомъ монастырѣ-кѣ, являвшемся скитомъ Нагорнаго Руссика. Предложивъ эту идею отцу игумену и Духовному Собору, отецъ Іеронимъ получилъ на ея воплощеніе полное ихъ согласіе и благословеніе. Тутъ же онъ рѣшительно приступилъ къ строительству, средствъ на которое не было, полагаясь цѣликомъ на Промыслъ Божій, благоволеніе Божіей Матери и помощь великомученика и цѣлителя Пантелеимона въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ.

Строительство началось въ 1850 году и осуществлялось главнымъ образомъ на пожертвованія простыхъ русскихъ людей. Свои лепты внесли и представители купеческаго званія.

Въ 1851 году въ монастырь поступилъ Михаилъ Сушкинъ, будущій отецъ Макарій, который расположилъ своихъ родителей къ посильной помощи въ созданіи храма-памятника.

Покровскій соборъ сталъ символомъ возрожденія русскаго иночества на Святой Горѣ, казалось бы, безнадежно погибшаго. Доминирующей надъ всѣмъ комплексомъ монастырскихъ строеній по внѣшнимъ архитектурнымъ признакамъ, по интерьеру и по самому наименованію русскій, величественный Покровскій соборъ на вѣка запечатлѣлъ русскость Пантелеимоновой обители, нѣкогда казавшейся навсегда утраченной для нашей братіи.

Относительно новаго корпуса, являвшагося основаніемъ для Покровскаго собора, слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на огромные размѣры, его оказалось недостаточно по причинѣ продолжающагося увеличенія численности братіи. Напомнимъ, что къ шестидесятымъ годамъ ихъ будетъ уже двѣсти, а вмѣстѣ съ греками — четыреста человѣкъ, а еще черезъ пятнадцать лѣтъ — почти тысяча. Въ виду этого въ шестидесятыхъ годахъ на пожертвованія купцовъ Сушкиныхъ и милостыню, собранную отцомъ Арсеніемъ (Мининымъ), по предложенію отца Іеронима будетъ разобрана восточная глухая крѣпостная стѣна, соединяющая перпендикуляромъ бывшій монастырскій пиргъ съ Предтеченской башней въ греческомъ корпусѣ, и на расчищенной новой территоріи, ранѣе бывшей за предѣлами монастыря, возведены новые большіе корпуса, такъ что монастырь въ результатѣ этихъ работъ увеличится болѣе чѣмъ въ два раза.

Возведеніе Покровскаго собора стало эпохальнымъ и кульминаціоннымъ въ исторіи возрожденія русской обители. Этимъ строительствомъ завершился періодъ становленія и начинался славный ея расцвѣтъ, связанный съ дѣятельностью великихъ старцевъ и съ особымъ покровительствомъ, благоволеніемъ и попеченіемъ о ней Божіей Матери, милости и чуда Которой неисчислимо были явлены надъ обителью и этимъ храмомъ<sup>24</sup>. Поэтому его вполне и безъ всякаго сомнѣнія можно наименовать великой чудотворной церковью русской обители. Можно съ увѣренностью сказать, что именно съ возведеніемъ этого собора исполнились пророческія слова старца Арсенія, сказанныя отцу Іерониму: «Иди, чадо, съ миромъ! Имать тамо нѣчто дивное быти!»

Видимое благоволеніе Божіей Матери къ постройкѣ выразилось въ чудесномъ дарованіи Ею чудотворной иконы, именуемой «Іерусалимской», присланной въ монастырь въ самый разгаръ строительныхъ работъ. Икона эта стала какъ бы символомъ видимаго присутствія Самой Пречистой Владычицы, благословившей строительство и наблюдающей за нимъ. По завершеніи строительства икона будетъ съ честью помѣщена надъ царскими вратами алтаря на особой спускной лентѣ и станетъ одной изъ главныхъ монастырскихъ святынь.

Увеличеніе числа братіи, открытіе регулярнаго паломничества, расширеніе хозяйственной дѣятельности — все это требовало огромныхъ силъ, постояннаго личнаго

---

<sup>24</sup> Перечень многочисленныхъ чудесъ, происходившихъ въ этомъ храмѣ, будетъ представленъ въ одномъ изъ томовъ данной серіи.

участія старца и доставляло ему множество хлопотъ. Жизнь въ обители, по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда онъ только вошелъ въ монастырь, сильно измѣнилась. Забота о ея нуждахъ, попеченія, связанныя со строительствомъ, общеніе съ паломниками, исповѣдь все меньше оставляли времени для того, чтобы уединиться, удалиться въ какую нибудь келлію, какъ дѣлалъ онъ это прежде. Онъ все чаще задавалъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: «Иеронимъ, развѣ для того ты пришелъ на Аѳонъ, чтобы проводить дни свои въ молвѣ и суетѣ?»

Чувствуя себя въ смущенномъ и стѣсненномъ состояніи духа, онъ прибѣгъ къ лучшему лѣкарству — молитвѣ, просилъ Господа вразумить его. И Господь не заставилъ долго ждать, открылъ ему, что нужно искать безмолвія не внѣшняго, но внутренняго и заботиться не о своей пользѣ, но о пользѣ хотящихъ пользоваться отъ него.

Закончился этапъ трудничества, начинался этапъ духовнаго сыновства или усыновленія Богомъ. Вѣрный въ маломъ получилъ въ наслѣдіе великое. И это великое отнынѣ было не чуждымъ ему, но своимъ. А удостовѣреніе въ этомъ давала благодать. Обрѣтши Бога Собесѣдникомъ внутри себя, онъ не нуждался болѣе въ уединеніи, гдѣ раньше обычно искалъ Его.

«Сынъ мой еси ты, азъ днесь роди́хъ тя...» (Пс. 2:7) — слышитъ каждая душа, усыновленная Богомъ. Всякій же сынъ и наслѣдникъ знаетъ вѣрно, что все, принадлежащее Отцу, принадлежитъ теперь и ему, а потому не жалѣлъ средствъ и силъ, всецѣло жертвуя собой, для спасенія и пользы многихъ.

«Мысль моя не о земномъ покоѣ», — напишетъ онъ, торжествуя побѣду надъ самимъ собой, своимъ прежнимъ устроеніемъ. Вотъ и другія его слова: «Святые отцы заповѣдали намъ подражать Господу нашему Иисусу Христу, заповѣдавшему намъ творить такъ же, какъ и Онъ творилъ. А Онъ сказалъ: „...бóлши сея любвѣ никто́же имать, да кто́ ду́шу свою́ положи́тъ за други своя“ (Ин. 15:13)». «Такъ и мы, — напишетъ старецъ далѣе, — когда будемъ постоянно помнить, что собственное наше спасеніе и усовершенствованіе души нашей находится въ исканіи пользы для другихъ, а не для самихъ себя, когда мы живемъ для другихъ, тогда отъ свидѣтельства доброй совѣсти часто будемъ чувствовать разныя духовныя удовольствія или утѣшенія въ самихъ себѣ. А что другіе говорятъ, будто бы въ должности настоятельской находящійся чело́вѣкъ не получаетъ такихъ высокыхъ даровъ отъ Бога, какъ свободный получаетъ, то этому не должно вѣрить. Священное Писаніе намъ показало, что начальствующимъ ниспосылаются отъ Него особыя великія дарованія. Разумѣется, Богъ даетъ имъ эти дарованія, если они живутъ по совѣсти. Поэтому и намъ, пріявшимъ отъ Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали по причинѣ трудности исправленія ея и своихъ собственныхъ немощей, но во всемъ предаваться Тому, Который сказалъ, что „...яко безъ менѣ не можете творити ничесóже“ (Ин. 15:5)».

Открытие, сдѣланное имъ съ помощью благодати, онъ пытался передать другимъ, чтобы сдѣлать подвигъ совмѣстнаго житія осмысленнымъ и сохранить его незабываемымъ до скончанія вѣка. Ибо сохраненіе его есть единственный залогъ существованія обители.

Самопожертвованіе — душа общежитія. Самопожертвованіе — движущая сила послушанія. Знамя же, подъ которымъ оно выступаетъ, — это любовь. Ради любви къ другимъ жертвовать собственнымъ и даже самимъ собой. Только одушевленное такой душой монашеское общежитіе можетъ выжить въ жестокомъ мірѣ индивидуализма и горделивой самости, выполнить свое назначеніе — свидѣтельствовать о любви! Не свое, а общее, не своя польза только, но общая польза для всего братства какъ единого духовно-тѣлеснаго организма — вотъ мысли, которыя должны воодушевлять всякую дѣятельность послушника, живущаго въ общежительномъ монастырѣ. Такъ, съ помощью этого открытія отецъ Іеронимъ пытался перенести свой личный благодатный опытъ въ практическую жизнь монастыря. Забота объ этомъ станетъ для него отнынѣ основнымъ дѣломъ до самой кончины. Какъ сохранить общежитіе? Только жертвуя собственнымъ ради общаго, самимъ собою — ради всѣхъ!

Наладивъ стройную монашескую жизнь въ лучшихъ традиціяхъ общежитія, приведя монастырь въ цвѣтущее и блестящее состояніе, освободивъ его отъ долговъ и расширивъ вдвое, отецъ Іеронимъ, уже престарѣлый, немощный плотью, изможденный болѣзнями, но неутомимо бодрый и горящій духомъ, обращаетъ свое вниманіе на территоріи, принадлежащія монастырю. Съ ученикомъ своимъ и другомъ, сотаинникомъ отцомъ Макаріемъ, по благословенію и искреннему сочувствію игумена Герасима, начинаетъ онъ собирать земли, утраченныя въ періодъ крайняго упадка, возвращать и возстановлять келліи и скиты, находящіеся на нихъ, а также возводитъ новые.

Собирая и осваивая утраченныя нѣкогда земли, возобновляя старыя, полуразрушенныя келліи, старецъ не просто заботился о возстановленіи хозяйства, но былъ воодушевленъ болѣе высокой идеей. По его плану, всѣ иноки, живущіе въ келліяхъ и скитахъ, принадлежащихъ обители, должны были представлять изъ себя одну сплоченную духовную семью. Монастырь онъ представлялъ себѣ какъ единый организмъ, имѣющій стройную единодушную структуру, свободно, а не принужденно подчиненную игумену и воодушевленную общей цѣлью. Также и возстановляемые келліи и скиты онъ видѣлъ входящими въ эту единую структуру, безусловно подконтрольную и подчиненную монастырю. Свой замыселъ отецъ Іеронимъ воплотилъ въ жизнь и передалъ такое устройство обители своимъ преемникамъ какъ принципиально важное и необходимое условіе для существованія здоровой духовной атмосферы въ монастырѣ.

И дѣйствительно, послѣ него ни одинъ изъ скитовъ, ни одна изъ келлій, принадлежащихъ Руссику, въ отличіе отъ общепринятой на Аѳонѣ практики, не сдавались по договору (омологіи) въ аренду пользователю, но всегда оставались неотъемлемой частью или единицей общемонастырской структуры, каждая имѣла свое

функціональное значеніе. Сами «пользователи» должны были быть не сторонними, но обязательно членами братства.

Такое положеніе было закрѣплено юридически: въ официальныхъ документахъ всѣ скиты и келліи значатся какъ метохы и каѳизмы\*, не имѣющіе статуса юридического лица и лишь номинально именующіеся скитами и келліями.

Вниманіе старца Іеронима прежде всего было обращено на мѣсто древней русской обители. Старый Нагорный Руссикъ около восьмидесяти лѣтъ назадъ былъ оставленъ всѣми на разореніе стихіямъ. Отъ величественнаго соборнаго Пантелеимоновскаго храма, расписаннаго нѣкогда великимъ Панселиномъ\*, не осталась и слѣда. Храмъ Успенія, стоящій рядомъ, готовъ былъ вотъ-вотъ обрушиться. Еще раньше стѣны и корпуса съ башнями и храмами разсыпались въ прахъ. И только пиргъ\* съ Предтеченской церковью, словно вѣковой исполинскій памятникъ, возвышался надъ этими останками.

Работы начались съ реставраціи указаннаго пирга, еще подлежащаго ремонту. Вѣдь именно здѣсь принялъ постригъ святитель Савва Сербскій! Впослѣдствіи Предтеченскій храмъ будетъ переименованъ въ его честь. Ниже будутъ устроены еще два параклиса. А къ Саввиной башнѣ пристроенъ новый братскій корпусъ, который вскорѣ будетъ заселенъ братіей. Молитва вновь зазвучитъ въ этомъ священномъ мѣстѣ. 3 іюня 1871 года здѣсь будетъ совершена первая послѣ многихъ лѣтъ запустѣнія и забвенія Литургія.

Были возобновлены также древнія келліи: три Георгіевскихъ, Благовѣщенская, Трехсвятительская, Іоанно-Предтеченская, переименованная въ Евѡиміевскую, Живоноснаго Источника, святаго великомученика Димитрія Солунскаго, архидіакона Стефана, святителя Григорія Неокесарійскаго. Кромѣ этого устроены новыя келліи: Почаевская, Космодемьянская, Троицкая и преподобныхъ отцевъ Печерскихъ. Каждая изъ перечисленныхъ келлій несла на себѣ по отношенію къ монастырю опредѣленную хозяйственную функцію. Въ старомъ Руссикѣ находились монастырскіе огороды. Въ Благовѣщенской келліи — виноградникъ и пасѣка. Въ Димитріевской — оливковые и фруктовые сады. Въ Троицкой и Печерской — оливковыя рощи. Въ скиту Крумица — виноградники и такъ далѣе.

По замыслу отца Іеронима, воплощенному въ реальность, всѣ эти вышеперечисленные номинальные скиты и келліи, будучи звеньями единой структуры, представляли собой мѣста для временнаго упражненія въ аскетическихъ подвигахъ или постояннаго подвижническаго житія братіи монастыря. Но отправлялись они туда не иначе какъ по благословенію игумена и духовника. Живущая въ келліяхъ въ безмолвіи и молитвѣ братія должна была заниматься полезнымъ для всего братства трудомъ и тѣмъ самымъ приносить обоюдную пользу обители: и духовную — молитвой, и матеріальную — физическимъ трудомъ.

Келлія пустытника, по мнѣнію отца Іеронима, это не «градъ прибѣжища», гдѣ можетъ найти себѣ мѣсто своевольный преслушникъ, не вписавшійся въ строгія правила

душеспасительнаго монастырскаго режима, — для таковыхъ келліа станетъ ровомъ погибельнымъ. «Градомъ спасенія» на самомъ дѣлѣ является смиреніе, покаяніе и послушаніе. Келліа же есть столпъ, на который восходятъ только призванные Богомъ молитвенники и подвижники. Нѣкоторые изъ нихъ сподобляются этого призванія сразу — даромъ, будучи предузнаны Богомъ. Другіе — преуспѣвъ предварительно въ общежитіи, въ общемъ для всѣхъ спасающихся подвигѣ отверженія самолюбія, эгоцентризма и праздности, распявъ себя на крестѣ послушанія и жертвенной любви ко всѣмъ. Только такіе подвижники, обретшіе черезъ любовь къ ближнему высшую любовь къ Богу, способны вмѣстить высокое уединенное житіе.

Поистинѣ такая чудная духовная организація превратила Руссикъ съ подчиненными ему келліями въ единую, сплоченную гармоничную духовную семью, воодушевленную общими цѣлями и задачами подъ руководствомъ и воспитаніемъ одного духовнаго отца. Такимъ образомъ, общежительный принципъ внутренняго монастырскаго устроенія былъ перенесенъ и на внѣшнія отношенія, что явило замѣчательный результатъ. Тѣмъ самымъ Руссикомъ былъ внесенъ новый и весьма вѣсомый вкладъ въ развитіе афонскаго общежитія въ принципѣ. Благодаря такой организаціи отцу Иерониму удалось практически преодолѣть кажущееся, особенно для русскаго сознанія, противорѣчіе между общежительнымъ и отшельническимъ образомъ жизни.

Въ то время какъ многіе были склонны противопоставлять эти способы житія другъ другу, отецъ Иеронимъ считалъ ихъ двумя взаимодополняющими средствами спасенія души. По его мнѣнію, каждая душа требуетъ индивидуальнаго подхода въ дѣлѣ спасенія и у каждой свой путь ко Господу. Если одному требуется отсѣченіе своей воли въ строгой общежительной общинѣ, то другому — безмолвіе и отсѣченіе естественнаго желанія общенія. Нѣкоторымъ, въ зависимости отъ степени духовнаго возрастанія, необходимо и то и другое. Какъ больные нуждаются въ разныхъ лѣкарствахъ по виду ихъ болѣзней, такъ и спасающіяся души нуждаются въ разныхъ методахъ исцѣленія. При этомъ какъ больной не рѣшаетъ самъ, какимъ лѣкарствомъ лучше ему лѣчиться, такъ и подвижникъ не долженъ опредѣлять форму своего подвижничества. Это долженъ дѣлать исключительно его духовный отецъ, который творчески подходитъ къ дѣлу спасенія ввѣренной ему души и принимаетъ рѣшенія по отношенію къ ней въ соотвѣтствіи съ волей Божіей и персональными нуждами этой души.

Цѣленаправленнымъ воздѣйствіемъ на конкретную душу духовникъ не только можетъ учесть всѣ нужды этой души, но и получаетъ возможность глубокаго довѣрительнаго общенія съ ней. Душа, видя отцовскую заботу духовника, сама привязывается къ нему сыновней любовью. Только такія довѣрительныя отношенія между духовникомъ и подвижникомъ являются гарантіей совершенія воли Божіей.

Отецъ Иеронимъ очень творчески и свободно приступалъ къ дѣлу спасенія душъ своихъ чадъ. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ общежитія, онъ тѣмъ не менѣе безъ

оглядки на эту общую для всѣхъ норму благословлялъ нуждающимся въ этомъ жить на келліяхъ обители, вести отшельнической образъ жизни. Дѣлалъ онъ это только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ вѣрное удостовѣреніе о совершеніи воли Божіей. Для уединеннаго житія онъ и строилъ много новыхъ келлій вокругъ монастыря.

Для тѣхъ, кто былъ способенъ вмѣстить еще болѣе строгое житіе, а также для пустынниковъ, хотѣвшихъ найти себѣ пристанище или уголь близъ русской обители, онъ предоставилъ крутой скалистый утесъ подъ вершиной горы, возвышающейся надъ монастыремъ, гдѣ находилось множество пещеръ естественнаго происхожденія. Поселялись туда съ обязательнымъ выполненіемъ слѣдующихъ условий: пустынники эти неотложно должны были бывать у братіи въ обители столько разъ и не рѣже установленнаго духовникомъ срока; являться къ нему для исповеди и откровенія помысловъ и причащенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Нѣкоторые изъ этихъ подвижниковъ будутъ упомянуты въ нашей книгѣ. Вскорѣ скалистая сія пустыня, нѣкогда пристанище змѣй и скорпіоновъ, по желанію отца Іеронима, исполняющаго волю Божію, превратилась въ страну подвига и непрестанной молитвы за обитель, за всю Святую Гору и за весь міръ. Поистинѣ скалу сію вполнѣ можно наименовать русской Карулей.

Такимъ образомъ, лѣса, дубравы и расщелины въ окрестностяхъ обители наполнились заповѣдными мѣстами, связанными между собой и съ монастыремъ цѣпочками брусчатыхъ тропъ и дорожекъ. Эти столпы своей пламенной молитвою достигали неба и восполняли недостатокъ оной въ братствѣ по причинѣ неизбѣжныхъ, хотя и допустимыхъ общеній и попеченій.

Въ качествѣ общаго русскаго духовника на Аѳонѣ, обязанности котораго онъ принялъ отъ рукъ почившаго великаго старца Арсенія, отецъ Іеронимъ никогда не забывалъ и не оставлялъ пустынныхъ чадъ своихъ, но всячески старался облегчить ихъ нелегкое житіе.

Объ отношеніи отца Іеронима къ пустынножителемъ и вообще отшельническому образу жизни хорошо свидѣтельствуютъ слова отца Денасія (Юшкова): «Начало обильнаго раздаванія милостыни деньгами, провизіей, одеждой, обувью и прочими многообразными предметами положено, блаженной памяти, любвеобильнымъ и милостивымъ духовникомъ монастыря іеросхимонахомъ Іеронимомъ. Покойный „батюшка“, какъ его всѣ называли, въ первые годы жительствова въ монастырѣ самъ путешествовалъ по горѣ для раздачи милостыни и всего необходимаго своимъ „духовнымъ друзьямъ“, какъ онъ выражался, иногда разыскивая ихъ по самымъ непроходимымъ мѣстамъ, такъ какъ до призванія въ монастырь онъ самъ жительствова въ пустынкѣ и хорошо зналъ тогдашняго времени замѣчательныхъ подвижниковъ.

Въ то время (послѣ 1840 года) на Аѳонѣ русскихъ иноковъ были единицы. Впослѣдствіи при умножившемся русскомъ братствѣ, по множеству занятій и при ослабленіи здоровья онъ ограничивался тѣмъ, что, бывало, выйдетъ въ воскресный день послѣ

трапезы изъ своей келейки въ коридоръ, сядетъ на простой деревянный диванъ и начнетъ раздавать всякому по нуждѣ, а нерѣдко и болѣе. Бывало, тутъ такъ тѣсно окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, что нѣтъ возможности пройти ни лѣстницей, ни коридоромъ. Разгонять же эту бѣдноту у него, конечно, и въ помыслѣ не бывало. Тѣмъ же изъ многочисленныхъ пустынниковъ, которые по любви къ строгому безмолвію, или по дряхлой старости, или же по болѣзнямъ и другимъ какимъ либо причинамъ не могли лично или часто бывать въ монастырѣ, отецъ Іеронимъ посылалъ милостыню съ нарочнымъ изъ своихъ монаховъ или съ ихъ учениками, если таковые имѣлись и присылались»<sup>25</sup>.

Пустынники ради безмолвія ушли въ уединенныя келліи, но ради содержанія себя они были вынуждены вдаваться въ суетныя попеченія, разоряющія плоды безмолвія. Часто за неимѣніемъ средствъ они были изгоняемы изъ своихъ келлій и убогихъ каливъ. Но посмотримъ, что придумалъ этотъ практическій богословъ любви, чтобы обезпечить своимъ чадамъ безбѣдное и безпопечительное исполненіе ими своей цѣли и обязанностей.

На землѣ метоха-скита Крумицы, на границѣ съ Хилендарской обителью, высоко надъ моремъ, по его благословенію былъ основанъ пустынный скитъ «Новая Оиваида», русскій эквивалентъ греческихъ скитовъ близъ вершины. Устроенъ онъ былъ старцемъ для бѣдныхъ келіотовъ и сиромасовъ. За короткій срокъ тутъ собралось до двухсотъ пятидесяти иноковъ, живущихъ въ отдѣльныхъ каливахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ и содержащихся за счетъ монастыря. Обителью былъ выстроенъ имъ соборный храмъ всѣхъ аѳонскихъ святыхъ, больница и нѣкоторыя необходимыя зданія. Отъ монастыря и его метоховъ по благословенію старцевъ доставлялось имъ все необходимое продовольствіе. Но это не самое главное. Важнѣе то, что, собравъ и организовавъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, старцы ввели среди нихъ и общій уставъ, обезпечивающій и юридическую, и нравственную дисциплину.

Такимъ образомъ складывалась и создавалась духовная монашеская семья, сплоченная вокругъ древней русской обители святаго великомученика Пантелеимона, распростершей, словно мать, духовныя объятія свои и собравшей подъ омофоромъ Божіей Матери всѣхъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ. Но семья эта была бы не полной безъ двухъ русскихъ скитовъ — Ильинскаго и Андреевскаго. Напомнимъ, что оба эти скита были основаны въ тотъ печально извѣстный періодъ, когда Руссикъ казался навсегда утраченнымъ для русской братіи. Дѣйствительно, не было никакихъ человѣческихъ средствъ исправить положеніе, кромѣ какъ со смиреніемъ и терпѣніемъ положиться на Промыселъ Божій, цѣликомъ довѣрившись ему. Правильность именно этой позиціи показалъ дальнѣйшій ходъ исторіи: отнюдь не человѣческая рука, а дѣтводящая десница Промысла Божія чудеснымъ образомъ возвратила русскимъ инокамъ ихъ древнее достояніе.

---

<sup>25</sup> Денасій (Юшковъ), *схимонахъ*. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ. М., 1898. С. 91.

Эти три русскіе обители были родственны не только и не столько по національному признаку, но и по духовному родству, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, будучи связаны съ общимъ для всѣхъ русскихъ на Аѳонѣ корнемъ — великимъ старцемъ Арсеніемъ, авторитетъ котораго признавали какъ андреевцы, такъ и ильинцы. Принявъ смиренно выборъ старца Арсенія, они объединились вокругъ отца Іеронима и его преемника отца Макарія, котораго вскорѣ назовутъ игуменомъ всѣхъ русскихъ святогорцевъ, въ единую семью подъ его духовнымъ руководствомъ какъ русскаго духовника на Аѳонѣ.

Миръ и добрыя взаимоотношенія были восстановлены, нестроенія и непріятіе остались позади, лучшимъ свидѣтельствомъ чего явилась совмѣстная сплоченная дѣятельность всѣхъ трехъ русскихъ обителей. Собравшись вмѣстѣ, они выкупили участокъ земли въ Галатѣ, предмѣстье Константинополя, для устройства тамъ своихъ подворій, которыя должны были стать ядромъ своеобразнаго русскаго квартала, гдѣ паломники изъ Россіи, проѣзжающіе черезъ Константинополь къ святынямъ Востока, могли бы чувствовать себя въ относительной безопасности, почти какъ дома. Со временемъ одинъ изъ настоятелей Ильинскаго скита такъ скажетъ о союзѣ трехъ русскихъ обителей на Аѳонѣ: «Мы, какъ Троица на Аѳонѣ, неразлучны и нераздѣльны»<sup>26</sup>.

Отецъ Іеронимъ прекрасно понималъ всю зыбкость статуса русскихъ скитовъ, не имѣющихъ, по аѳонскимъ законамъ, абсолютныхъ правъ на свою землю. Изъ всѣхъ русскихъ обителей только Пантелеимоновъ монастырь обладалъ всею полнотою этихъ юридическихъ правъ въ качествѣ владѣтельнаго монастыря. Остальные же скиты имѣли относительныя права и являлись русскими только номинально. Земли же, на которыхъ они стояли, принадлежали греческимъ кириархальнымъ монастырямъ. Въ тогдашней сложившейся ситуациі видѣлось только два выхода: либо приобрѣсти земли, на которыхъ располагались скиты въ пользу Руссика какъ полноправнаго владѣтельнаго монастыря, что было сдѣлано въ свое время съ землею скита Ксилургу, древнѣйшей русской обители на Аѳонѣ, либо добиваться для скитовъ такого же владѣтельнаго статуса, который имѣли монастыри. Эти планы отецъ Іеронимъ пытался осуществить съ помощью своего вѣрнаго послушника отца Наѳанаила (Кобелева), антипросопа обители въ Карѣѣ, и русскаго посла въ Константинополь графа Игнатѣева. Существовалъ также проектъ покупки для Ильинскаго скита запустѣвшаго монастыря Ставреникита.

Итакъ, мы видимъ, что отецъ Іеронимъ вѣренъ своей идеѣ созданія сплоченной русской монашеской семьи на Аѳонѣ подъ эгидой Пантелеимонова монастыря. Замѣчательна форма, въ которую выкристаллизовалась эта идея. Фактически Руссикомъ предлагался новый видъ взаимоотношеній между монастыремъ и подчиненными ему скитами и келліями. Русскій монастырь по отношенію къ другимъ русскимъ обителямъ

<sup>26</sup> АРПМА. Док. № 3898.

и келліямъ выступаетъ не какъ кириархальный, т. е. господствующій или владѣтельный монастырь, но какъ обитель — мать, несущая отвѣтственность и попеченіе о дочернихъ обителяхъ. Руссикъ представлялъ ихъ интересы въ административныхъ органахъ Святой Горы и передъ внѣшними мірскими институтами, координировалъ ихъ совмѣстныя дѣйствія, распредѣлялъ средства, необходимыя для ихъ существованія.

Какъ это ни покажется страннымъ, но именно русская обитель, стремительно развивающаяся и объединяющая все вокругъ себя, по мнѣнію наблюдателей, симпатизирующихъ ей, и даже открытыхъ недоброжелателей, въ концѣ XIX вѣка воплощала въ себѣ саму идею общежительнаго монашества на Аѳонѣ. Въ то время какъ греческіе монастыри еще не вполне оправились отъ засилья пагубнаго для монастырской организаціи идиоритма, распространившагося на Аѳонѣ повсемѣстно еще въ началѣ XVIII вѣка. Сплоченная русская иноческая община въ кругу разобщенныхъ греческихъ монастырей, занятыхъ удовлетвореніемъ лишь собственныхъ интересовъ, пріобрѣла огромное уваженіе, вѣсъ и вліяніе въ монашеской средѣ на Аѳонѣ. Осознавая это значеніе и пользуясь имъ, русскій монастырь становится однимъ изъ главныхъ и дѣятельныхъ защитниковъ и проповѣдниковъ общежительныхъ принциповъ на Аѳонѣ. Въ качествѣ примѣра того значенія и уваженія, которыя пріобрѣлъ Руссикъ, можно привести фактъ избранія греческими монастырями Агіо-Павла и Ксенофонта себѣ въ игумены насельниковъ, хотя и грековъ по національности, но происходившихъ изъ русской обители, въ которой процвѣло образцовое общежитіе. Сдѣлано это было по причинѣ отсутствія достойныхъ и свѣдущихъ кандидатовъ въ собственной средѣ, способныхъ поддержать и сохранить киновію.

Начинанія отца Іеронима, направленные къ объединенію всего русскаго Аѳона, были очень своевременными. Они явились отвѣтомъ на тѣ мучительные вопросы, которые въ далекомъ Отечествѣ задавала себѣ общественная, правительственная и церковная мысль, вдругъ неожиданно для себя столкнувшаяся съ существованіемъ для многихъ уже непонятной, живой и активной монашеской цивилизаціи въ самомъ центрѣ просвѣщенной Европы и пытавшаяся опредѣлить свое отношеніе къ ней.

Въ Россіи спрашивали себя: «Насколько велика нравственная польза почитанія Аѳона для Россіи? Насколько Аѳонъ полезенъ и нуженъ ей въ государственномъ, культурномъ и религіозномъ отношеніи? Стоитъ ли поддерживать стремленія представителей русскаго народа оставаться монашествовать на Святой Горѣ? Жертвовать ли милостыню въ находящіеся тамъ монастыри?» На всѣ эти вопросы позиція старца и его дѣянія дали авторитетный отвѣтъ: Аѳонъ — свѣтъ мира и соль земли. Русское монашество на Святой Горѣ — это сплоченная, единокордная сила, устремленная въ молитвѣ къ Богу и умилоостивляющая Его объ Отечествѣ! Эта сила именно сплоченная, а не разрозненная. Это русская лампада или свѣча, поставленная за Отчизну на свѣчникѣ Святой Горы. Это посольство или представительство Русской земли

предъ лицомъ Богоматери, призванное передать Ей въ даръ все то лучшее, на что способна русская душа!

И лучшіе представители російской общественности, дипломатической службы, правительственныхъ круговъ и священноначаліе Церкви не могли не услышать этой дѣятельной старческой проповѣди въ защиту вѣрненной ему паствы, а потому и свидѣтельствовали своимъ современникамъ, что русское монашество на Аѳонѣ — это дѣйствительно образецъ прекрасныхъ церковныхъ порядковъ, истинно церковнаго русскаго православнаго духа и идеальнаго способа организаціи общежитія. Что русскій монастырь — это единственный на Востокѣ клинъ русскаго присутствія, вбитый основательно и надежно, о подобномъ которому въ Іерусалимѣ можно только мечтать.

Отношеніе правительства и церковнаго священноначалія къ постриженникамъ Святой Горы, ранѣе воспринимавшихъ послѣднихъ какъ диссидентовъ, которые своевольно оставили Отечество, и потому не признававшихъ монашескихъ и іерархическихъ посвященій, совершенныхъ на Святой Горѣ, благодаря дѣятельности старцевъ Іеронима и Макарія измѣнилось теперь кардинальнымъ образомъ. Объединяющая роль Пантелеимоновой обители на Аѳонѣ была правильно понята, признана и высоко оцѣнена. Обители была дарована высочайшая милость и покровительство, а русское монашество на Аѳонѣ, ей собранное и руководимое, получило официальное признаніе въ правительственныхъ и церковныхъ кругахъ.

Одной изъ главныхъ заслугъ отца Іеронима, безспорно, можно считать миротворческую миссію въ извѣстномъ греко-русскомъ спорѣ. Причиной тогдашняго греко-русскаго противостоянія большинство изслѣдователей, къ сожалѣнію, считаютъ націоналистическія настроенія греческихъ насельниковъ обители, что далеко не такъ. Да и самъ отецъ Іеронимъ такъ не считалъ. Наоборотъ, онъ прекрасно понималъ главную причину недовольства грековъ и принималъ всѣ необходимыя усилія для сбалансированія ихъ настроеній и интересовъ съ интересами возрождающейся русской обители.

Націоналистическую окраску греко-русскій споръ принялъ на самомъ пикѣ его развитія, когда въ него включились почти всѣ монахи греческаго происхожденія — и старцы, и новоначальные, — а также внѣшнія силы: журналисты, политики, что способствовало преобладанію недуховныхъ аргументовъ въ ихъ спорѣ съ русскими. Національный вопросъ былъ послѣдней надеждой духовно невѣжественной части греческой братіи въ дѣлѣ привлеченія на свою сторону греческаго духовенства и интеллигенціи. А глубинной основой спора являлась исключительно духовная причина — разное отношеніе грековъ и русскихъ къ аѳонскому монашескому образу жизни. Греки были сторонниками болѣе закрытаго, максимально изолированнаго отъ міра образа жизни, а русскіе насельники, наоборотъ, были вынуждены открыто отвѣчать громадному интересу со стороны Россіи, и имъ порой трудно было удержать этотъ процессъ въ пріемлемыхъ рамкахъ.



Лѣтомъ 1857 года на Святую Гору, къ пристани русскаго монастыря, присталь первый въ исторіи пароходъ изъ Россіи, на которомъ прибыли нѣкоторыя знаменитыя особы. Промысломъ Божиимъ устроилось такъ, что на этомъ же пароходѣ вернулся въ монастырь схимонахъ Евѳимій (Деевъ)<sup>27</sup>, который привезъ съ собою драгоценное благословеніе русской обители Матери Божіей: икону Ея Успенія,

точную копию Печерскаго ея подлинника, со вставленными въ нее частицами мощей нѣкоторыхъ преподобныхъ Печерскихъ. Икона эта была прославлена Богомъ нѣкоторыми чудесами и знаменіями. Прибывшія въ монастырь пароходомъ лица пожелали лично видѣть духовника обители отца Іеронима, который въ это время былъ внѣ ея, безмолвствуя на келліи преподобныхъ Печерскихъ\*. По причинѣ крайне болѣзненнаго состоянія отецъ Іеронимъ немогъ сойти въ монастырь, но по настоятельному требованію господь, нуждавшихся въ личныхъ объясненіяхъ, а также по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ старшей братіи уступилъ и поѣхалъ въ обитель на мулъ. Дорогой состояніе его ухудшилось до крайности, такъ что по прибытіи въ монастырь для всѣхъ стало очевидно, что духовникъ при смерти. Отецъ Іеронимъ попросилъ Причастія, а затѣмъ позвалъ отца игумена и всю братію и со всѣми простился, не надѣясь жить.

Среди прочихъ вошелъ къ нему для прощанія и отецъ Евѳимій, пріѣхавшій тѣмъ же пароходомъ, о прибытіи котораго духовникъ не зналъ. Въ рукахъ онъ несъ драгоценное сокровище, чтобы показать умирающему свое безцѣнное духовное приобрѣтеніе для обители, или, лучше сказать, благословеніе Самой Божіей Матери. Увидѣвъ отца Евѳимія, просящаго у него благословенія и протягивающаго чудотворную икону, отецъ Іеронимъ взялъ образъ въ руки, произнесъ ангельское привѣтствіе, поцѣловалъ его и въ это самое время почувствовалъ мгновенное облегченіе. Мало помалу при содѣйствіи доктора, съ помощью Царицы Небесной болѣзнь, а вмѣстѣ съ нею и преждевременная смерть совсѣмъ отступили.

Въ совпаденіи всѣхъ этихъ событій отецъ Іеронимъ увидѣлъ очевидный Промыселъ Божій. Господь десницей своей благословлялъ открытую связь съ Отечествомъ. «Не бой-

<sup>27</sup> Схимонахъ Евѳимій (Деевъ), уроженецъ Россіи. Постриженъ въ мантию въ обители съ именемъ Ириней. Былъ сборщикомъ пожертвованій для обители въ Санктъ-Петербургѣ. Много способствовалъ монастырю, впоследствии былъ постриженъ въ схиму. Возстановилъ старую келлію св. Іоанна Предтечи около монастыря (впоследствии Ефимовская келлія). Въ 1847–1860 годахъ ѣздилъ по сбору пожертвованій. Писалъ письма духовнику Іерониму изъ Россіи во время сбора пожертвованій (см. АРПМА. Док. № 1225). Преставился 8 сентября 1865 года.

ся, — скажетъ онъ ободрительно послѣ чудеснаго того исцѣленія отцу Макарію, — Промысль Божій собралъ насъ сюда, Онъ и попечется о насъ. Стараться нужно поддерживать любовь между греками и русскими и тѣ правила, каковыя теперь у насъ есть, и Богъ насъ не оставитъ»<sup>28</sup>.

Послѣ описаннаго случая отецъ Іеронимъ сталъ активно благословлять расширение всѣхъ возможныхъ связей съ Россіей, вслѣдствіе чего въ 1873 году въ Москвѣ была освящена часовня св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. По его же благословенію въ Москвѣ открылось подворье Русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ.

Опасаясь возникновенія недовольства такой активностью со стороны греческой части братства, отецъ Іеронимъ призывалъ дѣйствовать осторожно и строго по волѣ Бога, но очевидно, что его ревностные сотрудники, выполняя его благословеніе, не смогли сохранить золотую середину между аѳонскимъ консерватизмомъ и открытостью міру (въ данномъ случаѣ къ Россіи). Опасенія отца Іеронима подтвердились, и послѣ открытія по разнымъ городамъ нѣсколькихъ подворій и учащенія морскаго сношенія съ Россіей греки монастыря дѣйствительно возмутились, что привело къ извѣстному греко-русскому судебному процессу въ 1874–1875 годахъ.

И опять мудрое вмѣшательство отца Іеронима привело этотъ процессъ къ его благополучному исходу. Здѣсь мы не имѣемъ намѣренія проводить подробный анализъ всего происшедшаго. Работа эта будетъ осуществлена въ историческомъ томѣ серіи. Въ настоящемъ жизнеописаніи мы коснемся этой темы лишь настолько, насколько она будетъ характеризовать разсматриваемую нами личность великаго человѣка.

Съ самаго начала конфликта отецъ Іеронимъ понялъ, что главное остріе его направлено именно противъ единства братства, противъ общежительныхъ устоевъ и старчества. Несмотря на всю укорененность этихъ традицій въ монастырѣ, отецъ Іеронимъ понималъ, что страстный порывъ если возобладаетъ, то не пощадитъ ихъ и неминуемо повлечетъ къ широкой демократизаціи внутренняго управленія. Поэтому онъ твердо всталъ на стражѣ общежитія ввѣренной его опека паствы, отсѣкая всѣ поползновенія противъ него.

Въ самый разгаръ событій, въ 1863 году, изъ Троице-Сергіевой Лавры въ обитель прибылъ ученый іеромонахъ, родомъ грекъ. Онъ былъ принятъ очень радушно какъ греками, такъ и русскими. Послѣдніе надѣялись, что онъ, будучи грекомъ и живя въ самомъ сердцѣ Святой Руси, въ первѣйшей ея обители, проникнется несчастьемъ и поможетъ преодолѣть искушеніе. Но старцы ошиблись: упомянутый высокій гость занялъ позицію крайне противоположную, цѣликомъ поддерживавъ недовольныхъ. Болѣе того, если раньше греки были въ общемъ недовольны русскими, то прибывшій іеромонахъ обратилъ это недовольство на духовника отца Іеронима. Онъ началъ весьма

<sup>28</sup> Душеполезный собесѣдникъ. М., 1898. С. 312.

энергично дѣйствовать противъ него, всюду его понося и возбуждая всѣхъ противъ него какъ главнаго, по его мнѣнію, источника нестроений. Не удовольствовавшись этимъ, іеромонахъ началъ писать доносы и клеветы на старца въ Священный Кинотъ и въ Патріархію, требуя во что бы то ни стало удалить его изъ обители и тѣмъ спасти положеніе.

Очень много скорбей пережилъ отецъ Іеронимъ именно въ этотъ періодъ времени. Мужественно претерпѣвалъ онъ всѣ эти поношенія безмолвно, уповая на Бога и Царицу Небесную съ святымъ великомученикомъ Пантелеимономъ.

И вотъ однажды, явившись въ Пантелеимоновскій соборъ къ богослуженію и положивъ обычный поклонный зачалъ, упомянутый іеромонахъ началъ прикладываться къ иконамъ, проходя обычнымъ установленнымъ маршрутомъ. Первой иконой, къ которой прикладываются всѣ пришедшіе въ церковь, согласно этому маршруту, является Тихвинскій образъ Божіей Матери, расположенный въ притворѣ на юго-западномъ столпѣ. Прикладываясь по обычаю къ этой иконѣ, іеромонахъ внезапно услышалъ строгій голосъ отъ образа Божіей Матери: «Оставь свои замыслы противъ Іеронима, онъ въ любви моей почиваетъ!» Пораженный ужасомъ и стыдомъ, онъ со всѣми своими замыслами въ тотъ же часъ оставилъ церковь и ближайшимъ пароходомъ покинулъ Аѳонъ.

Благоразумная твердость, съ одной стороны, мудрое разсужденіе, растворенное терпѣніемъ — съ другой, надъ всѣми же сими — непоколебимое смиренное упованіе на Вседержителя Всемогущаго Бога, воскриляемое молитвой, сдѣлали свое дѣло и принесли долгожданный миръ.

Нѣсколько лѣтъ молилась братія о дарованіи ихъ старцу вѣрнаго и преданнаго помощника. Въ 1851 году на Святую Гору пріѣзжаетъ тульскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Сушкинъ. Промысломъ Божіимъ чудесно устроилось постриженіе молодаго подвижника по причинѣ смертной опасности въ великую схиму. Также чудеснымъ образомъ сразу же послѣ постриженія устроилось и его исцѣленіе. Чутко всматривавшійся во всѣ событія отецъ Іеронимъ, желавшій разсмотрѣть всѣ стези Промысла Божія, увидѣлъ во всемъ происшедшемъ особое Божіе благоволеніе и смотрѣніе. Помолвившись, онъ былъ извѣщенъ о томъ, чего хочетъ Богъ. «Вотъ человекъ, котораго мы просили у Господа», — скажетъ онъ.

Въ постригѣ купецъ Михаилъ Ивановичъ получилъ имя Макарій. Новопостриженный схимонахъ съ первыхъ же дней сталъ ближайшимъ ученикомъ отца Іеронима, котораго онъ сталъ готовить къ великому служенію, не давая, между прочимъ, никакой пищи тщеславію, довольно сокрушая его укоризнами, посрамленіями и униженіями.

Въ 1853 году отецъ Макарій былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 1856 году — въ іеромонаха и сразу же назначенъ вторымъ духовникомъ русской братіи. Обязанности духовника по-прежнему исполнялъ самъ отецъ Іеронимъ, къ которому братія шла за разрѣшеніемъ искушений, не имѣя пока еще довѣрія къ новому старцу. Такое назначеніе было необходимо, для того чтобы возвысить будущаго преемника въ глазахъ всей

братіи, чтобы они видѣли высоту горизонта, на которомъ начертанъ путь его призванія. Съ этой же цѣлью отецъ Іеронимъ по временамъ даже отступалъ какъ бы въ сторону или даже вовсе удалялся изъ обители какъ бы въ уединеніе, чтобы не затѣнять своимъ авторитетомъ робкую пока еще личность новаго старца, скромнаго и непритязательнаго по природѣ, за дѣйствіями котораго тѣмъ не менѣ слѣдилъ пристально, поправляя его въ случаѣ необходимости. Такимъ образомъ, послѣ пресвитерской хиротоніи отецъ Макарій становится предстоятелемъ русскаго братства, пока еще номинальнымъ, но вліятельнымъ, съ очевидной перспективой на самостоятельность въ будущемъ.

Престарѣлый игумень Герасимъ, чувствуя скорую смерть свою, желалъ еще при жизни, какъ нѣкогда сдѣлалъ игумень Савва, передать жезлъ игуменства достойному преемнику. Выборъ его палъ на отца Макарія безъ какихъ бы то ни было притязаній съ русской стороны. Схіеродіаконъ Иларіонъ, помощникъ отца Герасима по управленію греческой половиной братіи, и благоразумные представители старшей братіи изъ грековъ поддержали его рѣшеніе. Такъ, отецъ Макарій былъ провозглашенъ официальнымъ преемникомъ игумена отца Герасима, что было принято всѣмъ братствомъ единогласно.

Объ отцѣ Макарії старецъ Іеронимъ самъ свидѣтельствуесть, что онъ много утѣшалъ его своимъ благочестіемъ. «Благодарю Господа, — писалъ онъ матери, схимонахинѣ Еввулѣ, — что Онъ послалъ мнѣ на помощь такого благодатнаго чловѣка, который, если Богъ благословитъ, по смерти моей останется надъ русскими братьями настоятелемъ».

«Опытъ святыхъ отцовъ, — замѣчалъ отецъ Іеронимъ въ другомъ письмѣ, — необходимымъ показываетъ настоятелю имѣть при себѣ вѣрнаго друга — духовнаго совѣтника, безпристрастнаго, разсудительнаго, а гдѣ этого нѣтъ, тамъ и правленіе душами бываетъ бѣдственно».

Такимъ образомъ, по благословенію отца Іеронима въ обители сложилась добрая и стойкая традиція, явившаяся сильнымъ сдерживающимъ факторомъ, сглаживающимъ остроту и тревогу, связанныя съ періодомъ междувластія, и умиротворяющимъ предвыборныя страсти. И, что самое главное, эта традиція вводила Божественное начало въ избирательный процессъ и обеспечивала стабильное развитіе обители.

То, что мы называемъ духовной преемственностью, можно выразить и другимъ, болѣе привычнымъ святоотеческимъ словомъ — старчество. Передача духовнаго наслѣдія учителемъ ученику, отцомъ — сыну и созданіе механизма подобной передачи на многія поколѣнія впередъ называются старчествомъ. Именно оно является гарантомъ незыблемости духовной традиціи, заложенной нѣкогда тѣмъ или инымъ первоначальникомъ.

Какъ въ Церкви Христовой наличіе прямой апостольской преемственности является однимъ изъ главныхъ условій каноничности іерархіи и законности ея богослужбной и учительской дѣятельности, такъ и въ институтѣ монашества наличіе старческой преемственности является однимъ изъ главныхъ залоговъ и, одновременно, критеріевъ правильности духовной жизни.

Отецъ Иеронимъ по праву можетъ именоваться основателемъ русскаго старчества на Аѳонѣ. Будучи ученикомъ великаго отца Арсенія, онъ передалъ его наслѣдіе своимъ ученикамъ и позаботился о томъ, чтобы эта передача, или преемственность, не пресѣкалась, если возможно, до скончанія вѣка. Кромѣ прямаго духовнаго преемника отецъ Иеронимъ неустанно трудился надъ воспитаніемъ многихъ будущихъ старцевъ Руссика. Почти всѣ дѣйствующія лица данной книги являются или его прямыми учениками, или наслѣдниками его богатѣйшаго духовнаго опыта.

Почти полвѣка трудился отецъ Иеронимъ въ качествѣ духовника. Жизнь его, видимо, близилась къ концу. Однако онъ и не помышлялъ о покоѣ. Весь остатокъ своихъ силъ посвятилъ заботѣ о спасеніи собраннаго имъ съ помощью Божіей стада. Дѣлалъ все, чтобы, насколько это возможно, сохранить незыблемымъ и нерушимымъ богоучрежденное, спасительное общежитіе. Оно, если не является вполнѣ и глубоко осознаннымъ, несмотря на всю свою богоугодность, по причинѣ непостоянства и неустойчивости человѣческихъ нравовъ бываетъ весьма хрупкимъ.

Хорошо зная объ этомъ, отецъ Иеронимъ старался глубоко запечатлѣть въ сознаніи всего настоящаго и будущаго братства съ помощью какъ словесной, такъ и зрительной вѣчную, непреходящую нравственную цѣнность этой идеальной формы для спасенія монашеской организаціи.

Такъ, въ 1882 году, въ первый разъ серьезно заболѣвъ и, видимо, ощутивъ себя приблизившимся къ порогу вѣчности, онъ рѣшилъ обратиться къ братіи со словами послѣдняго отеческаго назиданія въ видѣ посмертнаго завѣщанія. Оно по самому наименованію своему и значенію носило образъ заповѣди или завѣта и потому имѣло для исполненія обязательный характеръ. Все завѣщаніе пронизано одной-единственной мыслью, суть которой заключается въ необходимости хранить богодарованное спасительное общежитіе. Укажемъ на главныя особенности этого драгоценнаго для братства и безсмертнаго на всѣ времена документа.

Желая воодушевить братію, отецъ Иеронимъ безъ всякаго сомнѣнія или стѣсненія свидѣтельствуемъ, что въ русскомъ монастырѣ Божіей милостью общежитіе достигло своей идеальной формы. Онъ такъ и именуемъ его «чистое общежитіе», и подчеркиваетъ, что дано оно свыше какъ великій даръ отъ Бога. И поэтому, оставаясь теперь одна, безъ его непосредственной отеческой опеки, братія отвѣтственна за сохраненіе его въ такомъ же чистомъ видѣ. Предупреждая естественный вопросъ о томъ, какъ же, какимъ образомъ хранить столь хрупкую организацію, отецъ Иеронимъ призываетъ какъ зѣницу ока беречь старчество, потому что только старческая преемственность гарантируетъ сохраненіе духовныхъ традицій монастыря. Всякое же малое уклоненіе въ сторону демократизаціи, несмотря на кажущіяся видимыя преимущества, способствуетъ умаленію традицій и вытѣсненію ихъ сіюминутными практическими выгодами или интересами тѣхъ или иныхъ группъ. Такъ или иначе, но демократизація управленія

неминуемо вѣдетъ къ раздѣленію единого общественнаго организма на сословія, группы, ячейки и прочее, что кореннымъ образомъ противно духу общежитія. «Паче всего, — пишетъ онъ, — храните старчество, ибо оно устроено примѣромъ Господа нашего Іисуса Христа, и безъ старчества совершенное общежитіе не можетъ быть, потому что многочисленіе своими раздѣленіями на партіи всегда разстраиваетъ общежитіе». Какъ безъ апостольской преемственности не можетъ существовать истинная Церковь, такъ и безъ старческой преемственности не можетъ существовать правильная духовная жизнь въ монастырѣ.

Далѣе отецъ Іеронимъ объясняетъ духовнымъ своимъ дѣтямъ, что именно и только въ сохраненіи общежительнаго устава, чистаго общежитія, руководимаго старцами, и заключается служеніе монастыря Богу, Церкви и міру. Только въ этомъ случаѣ оно являетъ тѣмъ самымъ примѣръ идеальной организаціи по образцу апостольскихъ первохристіанскихъ общинъ, главная задача которыхъ заключалась въ исполненіи заповѣди любви.

«Исторія показываетъ, — свидѣтельствуемъ великій старецъ своимъ чадамъ, — что исполненіе сего общежительнаго устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо такимъ образомъ они увеличивали славу Православія и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивали тѣмъ долготнее свое существованіе. Но противъ того видимъ, что тѣ монастыри, которые оставили богоугодный чинъ общежитія, всѣ разстроились, унизили своеволіемъ равноангельскую монашескую нравственность и тѣмъ уронили предъ Церковью честь монашества, а многіе изъ нихъ и вовсе уничтожились.

Итакъ, исторія и очевидные примѣры показываютъ намъ опытный урокъ того, что одно только средство находится къ утвержденію благоустроеннаго и прочнаго существованія обители до скончанія міра... Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое можетъ прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее отъ всѣхъ страшныхъ тревоженій и конечнаго ея разрушенія до конца міра. А одно обезпеченіе вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающій вашъ духовный отецъ, вседушевно желающій обители нашей и впредь находиться въ благоустроеніи истиннаго общежитія, прошу и умоляю васъ, отцы мои и братья, хранить богодарованный вамъ великій даръ чистаго общежитія, не нарушать его ничѣмъ, но наипаче ревновать вообще поддерживать его всѣми вашими силами, ибо въ настоящее время чистое общежитіе есть уже большая рѣдкость...»

Интересна мысль старца, что отвѣтственность за сохраненіе общежитія лежитъ не на одномъ только вождѣ братства и его помощникахъ, но на каждомъ изъ живущихъ въ монастырѣ, поскольку неблагочиніемъ одного разстраивается сожителство многихъ, неблагообразіе и непослушаніе одного вноситъ чуждый, вредоносный, разрушительный элементъ въ хрупкую структуру общежитія, въ жизнь многихъ, постепенно разрушая ее дурнымъ примѣромъ.

Въ заключеніи отецъ Іеронимъ призываетъ братію не слушать маловѣровъ, разслабляющихъ строгость общежительнаго устава. «Много было, — говоритъ онъ, — такихъ же маловѣровъ и разслабленныхъ, ложныхъ монаховъ во времена святыхъ отцевъ, которые то же самое говорили и въ тѣ времена, но такихъ святые отцы совѣтуютъ намъ не называть даже и монахами и жилища ихъ не называть монастырями».

Для вѣчнаго памятованія своего предсмертнаго завѣта отецъ Іеронимъ подарилъ братіи знаменательный даръ — икону Святой Живоначальной Троицы, нѣкогда подаренную ему самому братствомъ. На оборотной сторонѣ этой иконы собственной рукой отца Іеронима было написано: «Симъ образомъ Пресвятой Троицы я, недостойный старецъ, іеросхимонахъ Іеронимъ, заболѣвшій и приблизившійся къ кончинѣ моей жизни, благословилъ богоизбранное мое общество, духовныхъ моихъ отцовъ, братій и о Господѣ чадъ — преподобнаго старца священноархимандрита Макарія со всѣми его сослужителями, собратіями и духовными чадами — въ вѣчное значеніе и незабвенную память старческаго моего предсмертнаго, послѣдняго единственнаго желанія и прошенія, написаннаго въ моемъ духовномъ завѣщаніи, о соблюденіи чистоты общежитія со удержаніемъ общежительнаго старчества по святымъ правиламъ древнихъ святыхъ отцовъ».

По молитвамъ отца Макарія и всего братства, горячо и искренне любящаго своего духовника, Господь сохранилъ тогда его жизнь и даровалъ ему еще три весьма болѣзненныхъ и претрудныхъ года. Вѣроятно, это нужно было для пользы самого братства.

Зная, какъ немощенъ человекъ, какъ неутвержденъ онъ въ добромъ устроеніи и какъ удобопреклоненъ къ разслабленію и послѣдующему за нимъ злу, помня по слову псалмопѣвца, что всякъ человекъ ложь въ силу общаго всѣмъ непостоянства, отецъ Іеронимъ обратилъ послѣднія свои силы на умилоствленіе Бога о своей паствѣ. Горячо, со слезами, почти непрестанно молился онъ о своей обители. Своему ученику-сотаиннику отцу Макарію онъ повѣдалъ свое сокровенное желаніе, чтобы Господь сохранилъ ея общежитіе до Втораго Своего пришествія и далъ бы уразумѣть послѣдующимъ родамъ, какъ сохранить обитель цѣлой и не поврежденной отъ тѣхъ искушеній, которыя разоряютъ общежитіе.

Великій Пастыреначальникъ Христосъ, и Самъ молившійся объ ученикахъ Своихъ передъ разлученіемъ съ ними, принялъ трудъ старца и по мѣрѣ скорби и сердечнаго болѣзнованія его даровалъ ему утѣшеніе. Даровалъ безъ мѣры, ибо не мѣрю Господь даетъ Духа Святаго.

Какъ рассказывалъ самъ отецъ Іеронимъ отцу Макарію, въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ онъ былъ утѣшаемъ премногими откровеніями неизреченныхъ таинствъ, которыхъ и описать не могъ. На вопросъ отца Макарія, получилъ ли онъ какое извѣщеніе о пріятіи своихъ молитвъ объ обители, отецъ Іеронимъ отвѣтилъ: «Я не смѣлъ этого вопрошать, мое дѣло — просить, ибо давая молитву молящемуся далъ и моему

недостойнству сію молитву — молитися о любезномъ мнѣ общежитіи и братствѣ». Однако намъ доподлинно извѣстно изъ твореній святыхъ отцовъ, что если Господь дасть молитву о комъ то, то, слѣдовательно, хочетъ его и помиловать.

Послѣдніе три года своей жизни отецъ Іеронимъ сильно болѣлъ. Богослуженія для него совершали въ параклисѣ преподобнаго Сергія Радонежскаго близъ его келліи, гдѣ онъ и причащался Святыхъ Христовыхъ Таинъ весьма часто. Въ соборъ онъ выходилъ только однажды въ годъ — на Святую Пасху похристосоваться съ братіей, и то дѣлалъ онъ это, поддерживаемый келейниками, съ великимъ трудомъ.

Въ послѣднюю же въ его земной жизни Пасху его приносили въ Покровскій соборъ на носилкахъ. Однако, несмотря на тяжкія страданія, онъ не прекращалъ принимать исповѣдь у себя въ кельѣ и раздавать собственноручно милостыню приходящимъ сиромашамъ — бѣднякамъ. Въ томъ же году, на Покровъ Божіей Матери, превозмогая болѣзнь, старецъ собралъ послѣднія силы и пришелъ съ великимъ трудомъ въ соборъ на Божественную Литургію, которую всю выстоялъ и причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Это было послѣднее его посѣщеніе Покровскаго собора, созданнаго и благолѣпно украшеннаго его трудами и попеченіемъ. Съ этого дня начинается отсчетъ послѣднихъ дней его жизни.

13 ноября почти вся братія, предчувствуя скорое разлученіе со своимъ любвеобильнѣйшимъ духовнымъ отцомъ, устремилась къ нему примирить свою совѣсть, попросить прощенія за непослушаніе или неисправность въ чемъ либо и попросить молитися объ ихъ спасеніи. Получивъ отъ него послѣднее благословеніе, всѣ, отъ самаго меньшаго послушника до послѣдняго іеромонаха, уходили отъ него со слезами на глазахъ. Прощаясь со своими чадами, отецъ Іеронимъ говорилъ имъ: «Чада, молитесь обо мнѣ, и я еще получу благодать и милость у Господа, то непрестанно буду молить Его о васъ и вообще о всѣхъ духовныхъ моихъ чадахъ и объ обители, дабы Благодатію Божіей избавитися намъ вѣчныхъ мукъ и получить вѣчная блага, идеже всѣ святые пребываютъ. А обо мнѣ не скорбите, ибо вмѣсто меня остается отецъ Макарій. Господь умудритъ его утѣшать, назидать и управлять вами. Почитайте его какъ старца, любите какъ отца и игумена, ибо онъ имѣетъ благодать отъ Бога и чрезъ него вы получите спасеніе души».

14 ноября на предсмертное прощаніе приносили къ великому старцу, отцу и ктитору икону Божіей Матери Избавительницы и мощи святаго великомученика Пантелеимона. Немного позднѣе изъ алтаря Покровскаго собора въ сопровожденіи двухъ іеромонаховъ и пономаря со свѣчой вынесли Іерусалимскую икону Божіей Матери. Нѣкоторые изъ братіи видѣли въ это время, что на мѣстѣ иконы, среди іеромонаховъ, шла Сама Пресвятая Владычица благословить и напутствовать Своего вѣрнаго служку въ неизвѣстный еще ему, но блаженный путь, на который вступить предстояло ему сегодня и конецъ котораго — горній Іерусалимъ, Царство Небесное,

безконечная жизнь и вѣчный покой. Предсмертныя страданія его были неимоვნю тяжелы. Старецъ вздыхалъ: «Вѣроятно, діаволь выпросилъ у Бога такія мнѣ болѣзни за мои грѣхи и за чужіе, чтобы довести меня до ропота... Неизъяснимая болѣзнь... — говорилъ онъ. — Не знаю, какъ находятся тѣ, кто при такихъ обстоятельствахъ не имѣетъ руководства для себя ни изъ Священнаго Писанія, ни изъ отеческихъ преданій... Господи, помилуй насъ!»

Въ послѣдній часъ своихъ страданій великій старецъ молился Господу со слезами: «Господи... помози мнѣ, я отъ трудной тѣлесной болѣзни изнемогаю, и силы мои душевныя и тѣлесныя истощаются, и опасаюсь, дабы не возроптать на свою нестерпимую болѣзнь и не погрѣшить въ этомъ предъ Тобою, Создателемъ моимъ...»

Въ послѣднюю же минуту своей жизни великій духовный вождь и учитель, даже смертью своей назидаящій братію, одержавъ послѣднюю въ своей жизни и, быть можетъ, самую великую побѣду надъ мучительницею плотію и человѣконенавистникомъ діаволомъ, произнесъ ясно и твердо великія и безсмертныя слова, унесшія на воскриліяхъ своихъ душу его въ вѣчность и запечатавшія прожитый на землѣ его вѣкъ: «Слава Богу за все!» Сказавъ это, онъ медленно склонился на руку вѣрнаго своего ученика игумена Макарія и, нѣсколько вздохнувъ, тихо и мирно преставился ко Пресвятой и Живоначальной Троицѣ.

На похоронахъ народу было очень много. Со всей Святой Горы стеклись иноки и пустынножители отдать послѣдній долгъ своему наставнику, кормильцу и благодѣтелю. Собралось ихъ около 1000 человѣкъ. Погребли великаго авву близъ алтаря Пантелеимоновскаго собора, гдѣ обычно погребаютъ только игуменовъ обители. Такъ завершилъ свой земной путь выдающійся подвижникъ, человѣкъ любви и самопожертвованія, великій духовникъ, добрый отецъ и пастырь, обновитель и благоукраситель Пантелеимоновой обители, собиратель и организаторъ всего русскаго иночества на Аѳонѣ, духовный вождь и боговдохновенный наставникъ, воспитатель общежительныхъ правилъ и вдохновитель ревностнаго подвижническаго житія іеросхимонахъ Іеронимъ.

Святость жизни отца Іеронима подтверждена многочисленными посмертными явленіями его братіи монастыря, которыя были бережно собраны и записаны въ спеціальныхъ книгахъ<sup>29</sup> обители.

Икона Святой Живоначальной и Нераздѣльной Троицы, подаренная великимъ почившимъ старцемъ братію, въ память о нерушимости общежительныхъ правилъ, по благословенію отца игумена Макарія была помѣщена въ алтарѣ Покровскаго собора надъ горнимъ мѣстомъ въ особомъ кіотѣ въ видѣ солнца съ позлащенными восьмиугольными лучами, гдѣ и находится до сего времени. Предъ сею святою иконою была

---

<sup>29</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 588–592, 612–614.



Икона Святой Живоначальной и Нераздельной Троицы, подаренная великимъ почившимъ старцемъ Геронимомъ братіи. Помѣщена въ алтарь Покровскаго собора надъ Горнимъ Мѣстомъ

возожжена и горитъ по сей день неугасимая лампада. Въ силу значенія и достоинства, каковыя имѣетъ эта икона для всего братства, она заняла первѣйшее и достойнѣйшее мѣсто среди всѣхъ монастырскихъ святынь. Именно здѣсь, въ алтарѣ Покровскаго собора, на Горнемъ Мѣстѣ, бьется сердце русской обители и всего русскаго монашества на Аѳонѣ. И мы вѣримъ, что, пока теплится предъ сей священной иконой неугасимая лампада, дотолѣ живъ и дѣйствененъ будетъ завѣтъ отца нашего Иеронима, не умолкнетъ русская молитва на Святой Горѣ и вѣра на Святой Руси не изсякнетъ, врата адовы не одолѣютъ ее. Аминь!

### Воспоминанія о духовникѣ, іеросхимонахѣ Иеронимѣ

Въ архивѣ монастыря мы можемъ найти многочисленныя добрыя воспоминанія духовныхъ чадъ о старцѣ Иеронимѣ. Для полнаго изложенія ихъ понадобится отдѣльная книга. Приведемъ только одинъ фрагментъ изъ воспоминаній отца Агаѳодора (Буданова): «Отецъ Иеронимъ поучалъ, чтобы тропари сихъ праздниковъ (двухнадесятихъ) выучить на память и читать ихъ мысленно хоть за недѣлю впередъ, дабы глубже проникнуться значеніемъ предстоящаго праздника и уже праздновать съ большимъ чувствомъ и радостью... Отецъ Иеронимъ иногда спрашивалъ, замѣтилъ ли я такую то стихиру. Оказывалось, что не обратилъ вниманія... [Тогда] онъ, бывало, прочтетъ ее мнѣ и разъяснитъ ея значеніе, послѣ чего она дѣлалась для меня особенно дорога...

Характеръ у отца Иеронима былъ серьезный и задумчивый, онъ никогда не смѣялся, не улыбался, не шутилъ, но и не раздражался, а говорилъ всегда спокойно, [едва] слышно, безъ лишнихъ словъ и только то, что было необходимо. Былъ во всемъ сдержаннымъ, и видно было, что онъ всегда умственно былъ чѣмъ либо занятъ. У него была непрестанная благодатная молитва, онъ мысленно былъ съ Богомъ, а потому не былъ разговорчивъ и не празднословилъ... безъ труда, по благодати, легко удовлетворялъ всякаго и такъ же примирялъ враждующихъ. Если кто сильно ожесточался, то онъ лишь скажетъ ему: „Взгляни на меня“, — и какъ только глаза того встрѣчались съ его взоромъ, тотчасъ и проходило ожесточеніе, и люди примирались».

Отецъ Иеронимъ послѣ себя оставилъ большое духовное литературное наслѣдіе<sup>30</sup>: письма, записки, жизнеописанія монаховъ, записи духовныхъ бесѣдъ съ отцомъ Макаріемъ и многое другое<sup>31</sup>. Весь этотъ матеріалъ мы опубликуемъ въ отдѣльномъ томѣ данной серіи, которая полностью будетъ посвящена литературному наслѣдію отца Иеронима.

---

<sup>30</sup> БРПМА. Док.: № 20222. С. 31–36 и 79–88; № 14240. С. 272–295; АРПМА. Док. № 518. С. 523, 592–598.

<sup>31</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 21.

## Завѣщаніе отца Іеронима

«Прошу и молю отцовъ и братій моихъ обратить вниманіе ваше на мою послѣднюю предсмертную просьбу, соединенную съ великимъ моимъ желаніемъ — утвержденія навѣки общаго нашего спасенія, заключающагося въ благоугожденіи Богу сохраненіемъ совершеннаго общежитія, устроеннаго старцами въ нашей обители по правиламъ богоносныхъ отцовъ нашихъ. Такъ какъ конецъ жизни моей приближается — съ вами къ разлученію и отходу моему въ вѣчность, — потому, внявши совѣту отцовъ, я сель за душеполезное дѣло какъ для братій нашихъ, такъ и для меня самого, — чтобы написать вамъ, отцамъ и братіямъ моимъ, своеручно послѣднее мое писаніе и заявить вамъ предсмертное мое желаніе и смиренное мое старческое прошеніе...

Такъ какъ божественно-отеческій Промыселъ Божій благоволилъ для славы Своей собрать васъ изъ разныхъ племенъ великое число: русскихъ, грековъ, болгаръ и другихъ, въ эту святую обитель, которую соблаговолилъ Онъ прославить и во всемъ благоустроить въ евангельскомъ духѣ строгаго общежитія, въ боголюбезномъ братолюбіи разныхъ племенъ, то для такого благоугоднаго Ему житія Онъ, какъ Богъ чудесъ, прославляющійся оными во святыхъ своихъ, благоволилъ для славы Своей и утѣшенія Православной Церкви Своей вмѣстѣ и обители нашей явить черезъ Пресвятую Божью Матерь и святаго Пантелеимона многія чудеса, которыя были причиной скорого увеличенія нашей обители и ея прославленія, что положило прочное основаніе къ обезпеченію обители и въ существенномъ, потребномъ къ безбѣдному ея существованію на будущее время.

Вамъ извѣстно, какъ долго испытывалъ Господь обитель нашу великой бѣдностью и даже тяжкими долгами, ибо до Крымской войны она не имѣла состоянія раздавать милостыню бѣднымъ. Но когда въ то бѣдственное время монастырь нашъ съ полнымъ самоотреченіемъ рѣшилъ подѣлиться съ голодавшими сиромашами послѣднимъ своимъ хлѣбомъ, то съ того времени замѣчено было, что изъ всѣхъ странъ Россіи начала присылаться въ Русикъ изобильная милостыня, при помощи которой въ то бѣдственное время обитель наша не имѣла нужды въ содержаніи и еще многихъ бѣдныхъ пропитывала. Столь боголюбезна добродѣтель общенія и благотворенія. Но не [только] за это собственно Господь ущедрилъ обитель нашу, а за понужденіе ея ко исполненію обѣтовъ монашескихъ общежительныхъ, приносящихъ Богу ежедневно и ежемѣсячно плоды духовные. Эта истина для васъ очевидна.

Еще многіе изъ васъ живы тѣ, которые видѣли и помнятъ то время, когда обитель наша была малочисленна и очень бѣдна, во всемъ имѣла нужду, [не только] не имѣла чѣмъ уплачивать даже и однихъ процентовъ за долги, но еще увеличивала оныя постоянными займами. [Однако] при всей своей бѣдности мы не унывали, не падали духомъ, но вѣровали и уповали, что за исполненіе заповѣдей Божіихъ общежительныхъ

не будем оставлены Богомъ на долгое время въ нищетѣ. И дѣйствительно, обитель постоянно увеличивалась какъ духовно, такъ и вещественно, исполняя строго богоучрежденный ея уставъ. Ибо чѣмъ болѣе увеличивались въ обители плоды духовные: братолюбіе, воздержаніе, чистая исповѣдь и пріобщеніе Святыхъ Таинъ, смиреніе и послушаніе, понужденіе къ бдѣніямъ и прочимъ добродѣтелямъ, — тѣмъ болѣе Богъ посылалъ обители щедроты Свои духовныя и матеріальныя. Многократно Господь чудесно избавлялъ обитель нашу отъ великихъ и страшныхъ бѣдъ. И все это даровано было Богомъ ей за сохраненіе совершеннаго общежитія. А такъ какъ все это было при васъ, отцы, потому я выше сказалъ, что эта истина является для васъ очевидной.

Такъ, боголюбезные отцы и братья мои, избранники Божьи, получившіе отъ Бога такіе благодатные задатки и указанія къ благоугожденію Ему въ святомъ, т. е. въ совершенномъ и чистомъ общежитіи, понудимъ же себя и впредь навсегда ко исполненію и сохраненію положеннаго и уже устроеннаго Богомъ въ нашей обители общежительнаго устава, которымъ путеводились и спасались святые наши отцы.

Сей святой уставъ учрежденъ на основаніи Евангелія богоносными отцами, а наиболѣе — святителемъ Василиемъ Великимъ. Исторія показываетъ, что исполненіе сего общежительнаго устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо такимъ образомъ они увеличивали славу Православія и поддерживали честь и хвалу монашества, обезпечивая тѣмъ долготѣнее свое существованіе. Даже и въ настоящее время видимъ, что тѣ обители, которыя исполняютъ этотъ уставъ, находятся въ хорошемъ благоустроеніи и въ славѣ и чести для всего монашества. Но противъ того видимъ, что тѣ монастыри, которые оставили богоугодный чинъ общежитія, всѣ разстроились, унизили своеволіемъ равноангельскую монашескую нравственность и тѣмъ уронили предъ Церковью честь монашества, а многіе изъ нихъ и вовсе уничтожились.

Итакъ, исторія и очевидные примѣры показываютъ намъ опытный урокъ того, что одно только средство находится къ утвержденію благоустроеннаго и прочнаго существованія обители до скончанія міра. Это средство есть исполненіе Богоустроеннаго ея устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое можетъ прославить Бога, обитель и сохранить и спасти отъ всѣхъ страшныхъ тревоженій и конечнаго ея разрушенія до конца міра. А одно обезпеченіе вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающій вашъ духовный отецъ, вседушевно желающій обители нашей и впредь находиться въ благоустроеніи истиннаго общежитія, прошу и умоляю васъ, отцы мои и братья, хранить богодарованный вамъ великій даръ чистаго общежитія, не нарушать его ничѣмъ, но наипаче ревновать вообще всячески поддерживать его всѣми вашими силами, ибо въ настоящее время чистое общежитіе есть уже большая рѣдкость.

Паче всего храните старчество, ибо оно устроено примѣромъ Господа нашего Иисуса Христа. Безъ старчества совершенное общежитіе не можетъ быть, потому что

многочасліе своїми раздѣленіями на партіи всегда разстраиваетъ общежитіе. Особья содружества и партіи смотрятъ только на свою пользу, а не на общую, потому они и за грѣхъ не считаютъ — великій грѣхъ святотатства — похищеніе монастырскихъ достояній, пренебрегая страшнымъ примѣромъ Суда Божья, при апостолахъ бывшаго надъ Ананіемъ за нарушеніе общежитія.

Прошу не внимать возгласамъ зараженныхъ современнымъ духомъ невѣрія и разслабленія, которые въ братствѣ приводятъ такія мысли, что-де въ настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василія теперь уже не современны. Если этой лжи повѣрять, въ такомъ случаѣ и само Святое Евангеліе также будетъ уже не современно, потому что правила общежитія утверждаются на основаніи его, котораго ни одна черта или йота не измѣняется. Такъ говорящіе показываютъ свое невѣдѣніе христіанской исторіи, потому что въ тѣ времена, когда жили и составители сего устава, много было таковыхъ же маловѣровъ и разслабленныхъ, ложныхъ монаховъ, которые тоже говорили, но таковыхъ святые отцы совѣтуютъ намъ не называть даже и монахами, а жилища ихъ не называть монастырями.

А потому, отцы и братія, вы, какъ избранники Божіи, сохраняющіе святой уставъ совершеннаго общежитія, ревнуйте о славѣ Божіей и всѣми вашими силами единокорно старайтесь не допускать въ общежитіи ни какихъ раздѣленій братства на партіи, какъ подрывающія основаніе общежитія. Смотрите на общежитіе какъ на Церковь Христову, имѣющую единаго главу Христа, ибо въ Лицѣ Его въ общежитіи поставленъ отъ Него игуменъ, которому по правиламъ святыхъ отцовъ братство должно повиноваться, какъ самому Іисусу Христу, и во всемъ ему довѣрять. Въ общежитіи онъ есть и главный духовный отецъ, потому надобно все дѣлать съ вопросомъ и отвѣтомъ его, ничего не утаивать отъ него, ибо такова есть воля Божья въ общежитіи.

Вотъ, боголюбезные отцы мои и братья, послѣднее мое желаніе: чтобы вы въ любви, въ единокоріи и единомысліи твердо держали общежитіе и, съ усердіемъ исполняя всѣ правила его, спасались бы всѣ и тѣмъ прославили Бога особенно благопріятнымъ Ему поминовеніемъ именъ благодѣателей обители, записанныхъ въ синодики для вѣчнаго ихъ поминовенія. Ибо они съ христіанской вѣрой это дѣлали, уповая, что обитель исполнитъ святое свое обязательство, т. е. будетъ постоянно поминать до скончанія міра всѣ тѣ имена, за которыя даны ими обители святыхъ ихъ жертвы, послужившія большой помощью не только къ построенію великихъ зданій монастыря, къ увеличенію его и содержанію, но еще и къ обезпеченію для потомства именъ жертвователей, записанныхъ для вѣчнаго поминовенія ихъ, дабы потомки наши не имѣли причины порицать насъ въ томъ, что мы оставили имъ имена для вѣчнаго поминовенія безъ обезпеченія.

Богосвѣщенное общество наше знаетъ, что исполненіе этой святой обязанности есть одинъ великій даръ или лучъ изъ тѣхъ лучей свѣта, который просвѣщается въ обители предъ челоуѣки, прославляющихъ за то Бога. Ибо для сего вы и призваны имъ



въ сію святую обитель, что и мнѣ, грѣшному совѣтнику вашему, сотворить вѣчную пользу, еже и да будетъ благодатью Божіей, молитвами Пресвятыя Богородицы и святаго Пантелеимона, которыхъ и молю о продолженіи покровительства ихъ обители и сохраненіи святаго общежительнаго совершеннаго устава до скончанія міра. При семъ и остаюсь отходящій въ вѣчность, алчущій и жаждущій исполненія вами при

помощи благодати предсмертнаго моего желанія, переданнаго мною вамъ на сей хартіи, писаннаго мною своеручно, во славу Божию и спасеніе душамъ вашимъ.

Вашъ духовный отецъ, недостойный іеросхимонахъ Іеронимъ. Апрель 1882 года».

## Схіархимандритъ Макарій (Сушкинъ)

Схіархимандритъ Макарій<sup>32</sup> (въ міру Михаилъ Ивановичъ Сушкинъ) былъ ученикомъ и духовнымъ преемникомъ отца Іеронима (Соломенцова). Подъ руководствомъ его воспитался въ немъ тотъ строгій дѣятельный монашескій духъ, который при благой помощи Божіей послужилъ во благо и для славы русскаго имени на Аѳонѣ. Отецъ Макарій явился продолжателемъ того великаго дѣла, которое началъ отецъ Іеронимъ, и онъ же его и закончилъ, т. е. окончательно возстановилъ русское монашество въ Пантелеимоновомъ монастырѣ на Святой Горѣ Аѳонѣ.

Михаилъ Ивановичъ родился въ богатой купеческой семьѣ въ городѣ Тулѣ. Такъ же, какъ и отецъ Іеронимъ, онъ съ отроческихъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни. Завѣтной мечтой его были путешествія по святымъ мѣстамъ. Желаніе свое Михаилъ Ивановичъ осуществилъ уже въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ. Родители его ничего не имѣли противъ этого и отпустили сына въ дальній и неизвѣстный путь. Въ путешествіе съ нимъ отправился въ качествѣ слуги одинъ изъ приказчиковъ его отца.

Михаилъ Ивановичъ намѣревался совершить путешествіе по Востоку, чтобы поклониться Святой Землѣ, посѣтить Синай, Египетъ и остаться гдѣ нибудь въ тамошнемъ

<sup>32</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Іеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ Русскаго на Святой Аѳонской Горѣ Пантелеимонова монастыря, и его присный ученикъ игумень священноархимандритъ Макарій: Изд. 3-е. М., 1908; Красковскій И. Ф. Макарій Аѳонскій, игумень и священноархимандритъ Аѳонскаго Святаго Пантелеимонова монастыря. М., 1889; Дмитриевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895.



монастырѣ. Путь его лежалъ черезъ Одессу, гдѣ собралось около тридцати человекъ такихъ же путешественниковъ, желавшихъ, подобно ему, отправиться для поклоненія святынямъ Востока. Подобное скопленіе народа, желающаго отправиться за границу, возбудило въ начальствѣ подозрѣніе въ принадлежности этой группы къ сектантамъ. Это обстоятельство крайне затруднило получение заграничныхъ паспортовъ Михаилу Ивановичу и его спутнику. Послѣ продолжительныхъ по поводу этого мытарствъ они наконецъ отправились въ путь.

Путешественники посѣтили Іерусалимъ, окрестности его, Синай и вообще всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя мѣста Палестины и прибыли въ Солунь<sup>33</sup>. Здѣсь они остановились на подворьѣ Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. Это было въ послѣднихъ числахъ октября 1851 года.

Проводивъ торжественный Солунскій праздникъ во имя святаго Димитрія, Михаилъ Ивановичъ и его спутникъ отправились сухимъ путемъ на Святую Гору Аѳонъ, куда и прибыли благополучно 3 ноября 1851 года. Остановились они въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ.

Въ Русикѣ въ то время было еще немного русскихъ иноковъ. Сразу послѣ прибытія Михаилъ Ивановичъ познакомился съ духовникомъ русской общины отцомъ Іеронимомъ, который своими бесѣдами произвелъ на него глубокое впечатлѣніе и окончательно утвердилъ въ немъ рѣшеніе остаться здѣсь на жительство. Но для начала онъ пожелалъ пройти по Аѳону, чтобы поклониться всѣмъ святынямъ. По ходу этого путешествія, во время подъема на вершину Аѳона, Михаилъ Ивановичъ простудился и почувствовалъ приступъ сильной лихорадки. Путешественники едва добрались до монастыря Кутлумушъ. Здѣсь онъ настолько разболѣлся, что не могъ больше продолжать путь. Михаилъ Ивановичъ уже отчаялся и написалъ письмо отцу Іерониму, прося приѣхать къ нему. Но отецъ Іеронимъ велѣлъ перенести больного въ Пантелеимоновъ монастырь. Больного перенесли на носилкахъ въ Русикъ. При посѣщеніи больного игуменомъ Герасимомъ и отцомъ Іеронимомъ онъ рѣшился просить отца игумена принять его въ монастырь послушникомъ. Отецъ игуменъ исполнилъ его просьбу.

Между тѣмъ болѣзнь Михаила Ивановича усиливалась, не помогали никакія лѣкарства. Даже докторъ сказалъ отцу Іерониму, что больной едва проживетъ до слѣдующаго утра. Тогда отецъ Іеронимъ рѣшилъ постричь его въ великую схиму. Это случилось 27 ноября 1851 года, Михаилъ Ивановичъ въ схимѣ получилъ имя Макарія.

Сразу послѣ пострига больной сталъ чувствовать себя лучше и послѣ трехдневной бессонницы уснулъ спокойнымъ продолжительнымъ сномъ. Потомъ онъ быстро сталъ поправляться и уже къ 4 декабря могъ ходить и чувствовалъ себя легко. Такъ милостивый Господь оставилъ его жить, чтобы онъ прославилъ Бога и трудился во славу Его.

---

<sup>33</sup> Свои путешествія отецъ Макарій описалъ въ своемъ дневникѣ, который хранится въ архивѣ монастыря (см. АРПМА. Док.: № 3956, 3957).

Отець Макарій уже черезъ мѣсяць послѣ своего пострига исполнялъ всѣ послушанія, которыя ему давали: онъ и рыбу на кухнѣ чистилъ, и лукъ въ вязанки вязалъ, и кирпичи на стройкѣ таскалъ, и пшеницу изъ сосудовъ выгружалъ — все прошло черезъ его руки.

Въ 1854 году, 20 февраля, отца Макарія рукоположили въ іеродіакона, а черезъ два года съ небольшимъ, а именно 28 мая 1856 года, въ іеромонаха. Съ этого времени начинается дѣятельность отца Макарія какъ помощника духовника отца Іеронима и игумена архимандрита Герасима. Такъ, вскорѣ послѣ посвященія его въ іеромонаха отецъ Іеронимъ, управляющій русской общиной, при отъѣздѣ своемъ по метохамъ\* монастыря поручалъ отцу Макарію въ его отсутствіе управлять монастыремъ.

Назначеніе это съ полного согласія всей братіи монастыря подтвердилъ своимъ избраніемъ и игумень отецъ Герасимъ. Съ большимъ терпѣніемъ и вниманіемъ исполнялъ онъ свои обязанности: былъ и духовникомъ, и экономомъ, и простымъ рабочимъ одновременно, продолжая примиренческую политику среди многонаціональнаго братства обители, которую стремился проводить его духовный отецъ Іеронимъ. Старець и ученикъ своимъ глубокимъ взаимопониманіемъ и взаимоуваженіемъ подавали прекрасный примѣръ духовнаго общенія. Они такъ слились духовно, что превратились какъ бы въ одно существо — одну душу въ двухъ тѣлахъ. Переписка<sup>34</sup> этихъ двухъ удивительныхъ людей — прекрасное пособіе для желающихъ спасенія, она показываетъ высочайшій духовный симбіозъ этихъ двухъ подвижниковъ, и воистину эти письма достойны публикаціи и всесторонняго изученія, что, съ Божіей помощью, мы сдѣлаемъ въ послѣдующихъ томахъ этой серіи.

10 мая 1875 года умеръ игумень Герасимъ, и 20 іюля отецъ Макарій былъ утвержденъ новымъ игуменомъ Пантелеимонова монастыря. Послѣ чего онъ принялся съ новой силой за устройство своего монастыря. Труды его въ этомъ отношеніи были и громадны, и полезны. Въ своей дѣятельности онъ былъ неутомимъ: лично руководилъ всѣми стройками въ монастырѣ, слѣдилъ за учрежденіемъ подворій въ Москвѣ, въ Ростовѣ и Одессѣ; вникалъ въ детали жизни многочисленныхъ метохахъ монастыря; самъ контролировалъ постройки новыхъ келлій и скита «Новая Оиваида»; и все это при томъ, что ни на секунду не оставялъ духовнаго окормленія своихъ многочисленныхъ чадъ и даже въ глубокой старости, на 69-мъ году своей жизни, проводилъ строго постническую, подвижническую, воистину аскетическую жизнь. При этомъ онъ былъ вездѣ и во всемъ первымъ. Участвовалъ, на примѣръ, въ служеніи всенощной, которая по аѳонскому уставу продолжалась почти всю ночь, затѣмъ служилъ обѣдню и присутствовалъ на трапезѣ.

Послѣ этого, вмѣсто того чтобы отдохнуть до вечера, ограничивался всего часомъ отдыха и, несмотря на тропическую почти жару, лѣтомъ постоянно ходилъ по монастырю, осматривая всѣ стройки, различныя работы, отдавалъ распоряженія, выслушивалъ донесенія и проч. Между тѣмъ въ отсутствіе отца Макарія келья его наполнялась

<sup>34</sup> АРПМА. Док.: № 3940, 3943.

различными посѣтителями: монахами своего монастыря, пришедшими за какими нибудь распоряженіями; келіотами, обращающимися за милостыней; паломниками, желающими душеспасительныхъ бесѣдъ.

День его начинался глубокой ночью. А ложился онъ спать за два часа до начала утрени. И не успѣютъ отзвонить къ утрени, какъ уже отецъ Макарій являлся въ церковь, и вновь начиналась его дѣятельная сосредоточенная жизнь. Во время утрени масса монаховъ и еще большее количество паломниковъ устремлялись исповѣдаться у самого батюшки. Они буквально осаждали его исповѣдальную келью на хорахъ Покровскаго собора, ожидая по два-три часа въ очереди, потому что отецъ игумень исповѣдовалъ очень долго — по часу и болѣе, особенно паломниковъ.

Исповѣдовалъ онъ особенно. Не допрашивалъ о грѣхахъ, а однимъ своимъ словомъ и проникновеннымъ взглядомъ дѣйствовалъ на исповѣдующаго такъ, что тотъ, чувствуя предъ собой невидимое присутствіе Всеведущаго, Всемиловитаго и Всепрощающаго Господа, открывалъ съ полной откровенностью духовнику самыя потаенныя движенія своего сердца, содрогался душой и падалъ на колѣни въ трепетномъ сознаниі своей грѣховности. Послѣ окончанія утрени и исповеди отецъ Макарій немедленно шелъ совершать раннюю Литургію. И совершалъ ее такъ преданно и самозабвенно, что она заканчивалась вмѣстѣ съ поздней, начинавшейся на полтора часа позднѣе.

За самоотверженное служеніе Богу и людямъ отецъ Макарій былъ неоднократно утѣшаемъ видѣніемъ Пресвятыя Богородицы и Самого Спасителя. Отецъ Владимиръ (Колесниковъ) въ своемъ дневникѣ сообщаетъ намъ объ одномъ изъ такихъ прекрасныхъ моментовъ изъ жизни великаго подвижника: «Игумень Макарій однажды въ алтарѣ Покровскаго храма трижды видѣлъ дивный Свѣтъ отъ престола, а потомъ слышалъ и гласъ: первый свѣтъ — Богъ-Отецъ, второй свѣтъ — Богъ-Сынъ, третій свѣтъ — Богъ-Духъ Святой, Святая Троица неотступна отъ сего мѣста»<sup>35</sup>.

Заканчивалась ранняя игуменская Литургія, и отецъ Макарій отправлялся въ келью, но здѣсь, у ея дверей, уже опять дожидались многочисленные посѣтители: келіоты, пустынножители, сиромахи, мірскіе — и русскіе, и греки. Лишь только игумень входилъ въ свою келью, какъ вся эта толпа почти насильно вривалась за нимъ въ переднюю и начинала просить о своихъ нуждахъ. Приходилось запираеть дверь въ передней, чтобы дать возможность отцу Макарію выпить хоть чашку чаю и во время этого минутъ пять отдохнуть.

Какъ только бывала выпита чашка чая, сейчасъ же являлись и посѣтители — люди разныхъ національностей и съ разными нуждами. У кого изъ нихъ келлія требовала починки, у кого калива развалилась, кто просилъ одежды, кто — обуви, кто — сколько нибудь денегъ. Всѣхъ выслушавъ, отецъ Макарій стремился каждому помочь въ его просьбѣ. Послѣ того какъ всѣ посѣтители бывали выслушаны и удовлетворены, отецъ

---

<sup>35</sup> АРПМА. Док. № 311. С. 63.

игуменъ долженъ былъ идти на трапезу, послѣ которой его опять окружали разные просители и паломники.

Наконецъ безконечно уставшій отецъ Макарій отдыхалъ часъ или полтора. Затѣмъ, если день былъ почтовый, отецъ игуменъ садился за письменную работу, которая, исключая время вечерни и повечерія, занимала иногда все его время вплоть до десяти часовъ вечера.

Переписка отца Макарія была разносторонней. Въ его личномъ фондѣ нашего архива хранятся тысячи его писемъ къ разнымъ адресатамъ: онъ переписывался съ благотворителями, съ чадами своими въ Россіи, съ родными, съ нѣкоторыми братіями обители, находящимися на подворьяхъ и метохахъ обители, съ официальными государственными и церковными дѣятелями<sup>36</sup>.

Однимъ изъ многихъ чадъ его былъ знаменитый философъ Константинъ Леонтьевъ, который высоко цѣнилъ своего духовнаго отца и переписывался съ нимъ<sup>37</sup>, а послѣ смерти горячо любимаго имъ старца написалъ воспоминанія о немъ<sup>38</sup>. Такъ проходили дни отца Макарія, дни, полные трудовъ, физическихъ и нравственныхъ подвиговъ. И всѣ братія монастыря по примѣру своего начальника трудились каждый на своемъ послушаніи, стараясь для общаго блага.

Особенно достойны вниманія старанія отца Макарія въ дѣлѣ вовлеченія въ церковную жизнь своихъ родныхъ — родителей и братьевъ. Отецъ его, Иванъ Денисовичъ, и братья его, Петръ, Василій и Иванъ, стараніями отца Макарія стали благотворителями Пантелеимонова монастыря и даже послѣ смерти его много способствовали аѳонской обители. Они построили много зданій и церквей въ самой обители, помогали также подворьямъ монастыря. Свидѣтельствомъ ихъ благотворной дѣятельности являются ихъ письма<sup>39</sup>, наполненные заботой и любовью къ Пантелеимоновой обители.

Жизненный путь отца Макарія постепенно приближался къ концу. Глубокое впечатлѣніе на него произвела смерть отца Иеронима, подъ руководствомъ котораго до сихъ поръ онъ трудился. Онъ сталъ думать, что приближается и его кончина. Съ тѣхъ поръ отецъ Макарій началъ прихварывать, чѣму способствовало постоянное физическое и нравственное утомленіе.

Въ январѣ 1888 года отецъ Макарій тяжело заболѣлъ и болѣе двухъ мѣсяцевъ не могъ выходить изъ своей кельи. При этомъ онъ отказался отъ помощи докторовъ, предавшись волѣ Божіей. Онъ все уже приготовилъ на случай своей смерти и попрощался съ братіей. Но Господь Богъ воздвигъ болящаго, отецъ Макарій выздоровѣлъ, хотя болѣзнь оставила свои глубокіе слѣды. Онъ сильно посѣдѣлъ, появились одышка и кашель. Несмотря на все

<sup>36</sup> АРПМА. Опись № 23.

<sup>37</sup> АРПМА. Док. № 1973.

<sup>38</sup> Леонтьевъ К. Н. Воспоминанія объ архимандритѣ Макарії // Гражданинъ. 1889. № 191–211.

<sup>39</sup> АРПМА. Док.: № 3934, 3936, 3937, 3938.

это, подвижникъ не измѣнилъ своего обыкновеннаго аскетическаго образа жизни. Такъ же, какъ и прежде, онъ не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью. Каждый день бывалъ за утренней, исповѣдовалъ, служилъ свою «игуменскую» раннюю Литургію, послѣ которой былъ осаждаемъ разными посѣтителями. Крѣпился отецъ Макарій, но уже чувствовалъ приближеніе своей кончины. Особенно замѣтно это было, когда онъ служилъ панихиды на могилѣ отца Іеронима. Въ эти минуты казалось, что онъ всѣмъ существомъ своимъ переносился въ загробный міръ, куда ему въ скоромъ времени суждено было отправиться.

Незадолго до своей кончины отецъ Макарій пожелалъ, чтобы при жизни его былъ избранъ преемникъ, который пока состоялъ бы помощникомъ ему въ управленіи громаднѣмъ хозяйствомъ монастыря. Изъ всей братіи были опредѣлены нѣсколько старцевъ, способныхъ, по мнѣнію всѣхъ, понести высокій отвѣтственный постъ игумена. Изъ нихъ по жребію былъ избранъ отецъ Андрей (Веревкинъ), который и былъ утвержденъ пока въ должности помощника отца Макарія, а послѣ его смерти сталъ игуменомъ монастыря.

За мѣсяць до своей кончины отецъ Макарій сталъ чувствовать какую то особенную слабость. Доктора объяснили ему и другимъ, что это происходитъ отъ чрезмѣрнаго утомленія батюшки. Врачи и братія совѣтовали отцу Макарію поменьше заниматься дѣлами, не служить и отдохнуть гдѣ нибудь въ келліи. Отецъ Макарій уступилъ имъ и сталъ дня на два въ недѣлю уѣзжать въ любимое имъ монастырское помѣстье Крумицу. Тамъ онъ могъ спокойно отдохнуть, удаленный отъ хлопотливой монастырской дѣятельности. Но лишь только возвращался онъ въ Руссикъ, какъ неволью, по привычкѣ начиналъ лично входить во всѣ дѣла и распоряженія.

Тяжело было отцу Макарію лишать себя, по настоянію докторовъ, служенія своей ранней Литургіи; день, въ который онъ не служилъ, былъ для него днемъ потеряннѣмъ, днемъ скорби, днемъ духовной неудовлетворенности.

Какъ только отецъ игуменъ чувствовалъ себя нѣсколько лучше, то никакія просьбы и уговоры братіи не дѣйствовали на него. Онъ съ вечера объявлялъ, что завтра будетъ служить. Литургія совершалась имъ, больнымъ и слабымъ, такъ же продолжительно и въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде. Предписаніямъ врачей онъ не особенно слѣдовалъ, всецѣло предавая себя Господу Богу, и говорилъ, что если Богу угодно, то Онъ продлитъ его жизнь, а не угодно, то никакіе доктора, никакія лѣкарства не смогутъ отсрочить конецъ и дать ему хотя бы одну минуту жизни.

18 іюля 1889 года, накануне кончины отца Макарія, случилось празднество въ Покровскомъ храмѣ въ честь чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери. Икону эту отецъ Макарій особенно чтилъ, потому что ею благословили его родители, когда онъ уѣзжалъ изъ дома.

Такъ какъ 18-го числа было празднество въ честь всѣхъ новомучениковъ византійскихъ, то отецъ игуменъ распорядился праздновать память Боголюбской Божіей

Матери на другой день, 19 іюля. Самъ онъ намѣренъ былъ служить Божественную Литургію въ храмѣ Успенія Божіей Матери. Съ вечера на 19-е число отецъ Макарій долго занимался написаніемъ отдѣльныхъ писемъ и разныхъ дѣловыхъ бумагъ и заснулъ только за два часа, какъ и всегда, до начала утрени. Онъ чувствовалъ себя легко, отстоялъ утрению и приступилъ къ совершенію ранней Литургіи.

По обыкновенію онъ прежде совершилъ молебень, затѣмъ началъ продолжительную проскомидію и вполнѣ благополучно окончилъ Литургію. Онъ съ особеннымъ умиленіемъ и благоговѣніемъ совершалъ эту послѣднюю приносимую имъ безкровную жертву, точно чувствуя, что уже не придется ему больше священнодѣйствовать. Послѣ окончанія Литургіи раздалъ присутствовавшимъ въ церкви антидоръ и удалился въ алтарь, гдѣ всталъ у окна и началъ читать благодарственныя молитвы. Діаконъ, потреблявшій у жертвенника Святыя Дары, вдругъ услышалъ какіе то хрипящіе звуки и, взглянувъ по направленію отца Макарія, увидѣлъ, что батюшка какъ то неестественно склонился у подоконника. Въ это время вошли въ алтарь нѣкоторые церковнослужители и, видя такое положеніе отца Макарія, подошли къ нему, понимая, что съ нимъ очень дурно. Посадивъ его на стулъ, начали его разоблачать и потомъ отнесли его въ келью. Печальная вѣсть о предсмертномъ состояніи отца Макарія быстро распространилась по обители. Въ келью его собралась почти вся старшая братія. Они старались помочь ему, но Господу Богу было угодно призвать къ Себѣ своего великаго труженика. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ совершенія имъ своей послѣдней ранней Литургіи отецъ Макарій мирно отошелъ ко Господу.

Печальные рѣдкіе удары колокола возвѣстили монастырю и окрестностямъ о кончинѣ великаго дѣятеля на благо русскихъ на Святой Горѣ Аѳонѣ.

На четвертый день послѣ смерти, 23 іюля, при разборкѣ бумагъ въ келью найдено было написанное собственноручно завѣщаніе отца Макарія. Оно было прочитано въ присутствіи всей братіи обители. Завѣщаніе имѣетъ слѣдующее содержаніе:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Возлюбленные о Господѣ Отцы и Братья!

Послѣднее слово мое вѣщаю вамъ нынѣ, въ онъ же день Господь судилъ мнѣ оставить временную сію жизнь и перейти въ вѣчность. Но, чада мои, присно мнѣ возлюбленные, прежде нежели душа моя предстанетъ на страшное и нелицепріятное Судилище Христова, прошу и молю васъ колѣнопреклонно простите меня за всѣ мои ошибки и недостатки, равно какъ и я всѣхъ васъ прощаю и разрѣшаю, и вознесите нынѣ наипаче горячія сыновнія ваши мольбы ко Господу, да обрящу я милость у Него. Ибо хотя я при помощи Божіей старался всегда исполнять должность свою по силѣ своей, возлагая всю надежду свою на Восполняющаго недостающее и Изводящаго честное отъ недостойнаго, но при всемъ томъ вполнѣ сознаю, что далеко не соотвѣтствовалъ тяжелой и неудобноносимой своей обязанности и великому моему предмѣстнику — старцу блаженной памяти отцу Іерониму. Кромѣ же того, если и праведникъ, по словамъ Св. Писанія,

едва спасется, — то гдѣ азъ грѣшный явлюсь? И если челоуѣкъ не правъ предъ Судомъ Божьимъ, аще и единъ день токмо житія его былъ на землѣ, — то что я могу сказать о себѣ, имѣвъ въ жизни моей не единъ день, но десятки лѣтъ и исполненъ бывъ многихъ заботъ?

Помяните нынѣ, возлюбленныя мои чада, оныя мои попеченія и многія скорби, которыя я имѣлъ ради вашего блага и спасенія, покройте мои великіе недостатки вашей любовью и восполните недостающее во мнѣ вашимъ собственнымъ тщаніемъ, что будетъ достойно вашего священнаго званія. Да ради вашей любви ко мнѣ — помилуетъ и приметъ меня Господь. Молю убо Васъ всѣхъ и cadaго: нынѣ болѣе всего нуждаюсь въ молитвенной вашей мнѣ помощи. Не оставляйте и не забывайте меня вашими теплыми о мнѣ молитвами, да не отринетъ единодушную вашу любовь Богъ Любви, но и мнѣ отраду и милость сотворитъ и вамъ щедротами Своими воздастъ за благопріятную предъ Нимъ сыновнюю вашу любовь.

Ради собственнаго вашего блага прошу и убѣждаю васъ исполнять поминовеніе именъ благодѣтельскихъ, чтобы сводики, заведенные въ обители, неопустительно читались какъ положено. Ибо оставленіе или небреженіе относительно сего нашего долга весьма отвѣтственно для насъ предъ Господомъ. Будемъ помнить милость благодѣтелей нашихъ и ихъ помощь во время нуждъ обители, ибо ихъ благочестивое благотвореніе поддерживаеъ и восполняеъ наши нужды, особенно въ тяжелыя для обители времена. Сіе намъ никогда забывать не должно и необходимо воздавать, какъ обязались, молитвой за ихъ милость. Будущее обители неизвѣстно и заключается въ десницѣ Божіей. Также памятовать должно, что многіе приносятъ обители свои посильныя жертвы часто изъ послѣднихъ средствъ, даже съ лишеніемъ и ограниченіемъ своихъ нуждъ. Крайне грѣшно будетъ наше неисполненіе по отношенію къ ихъ усердію. Сему долгу-совѣсти внимайте, ибо за это спросится съ насъ на Судѣ Божьемъ.

Какъ во дни моего съ вами земнаго пребыванія многократно просилъ и увѣщевалъ я васъ, во имя заповѣди Христовой и ради собственной вашей пользы, временной и вѣчной храните между собой миръ и любовь братскую, и взаимное снисхожденіе другъ ко другу, и общее согласіе, и единодушіе, избѣгая всякаго нестроенія внутренняго и разногласія. О семъ нынѣ, хотя и безгласно, черезъ сіе письменное мое къ вамъ увѣщаніе и слезное отеческое моленіе напоминаю, прошу и молю васъ: храните миръ, любовь и взаимное братское единомысліе; не ищите каждый своего „я“ и ради такого богопротивнаго себялюбія не забывайте вашей общей пользы, общаго блага и чести обители и братіи. Гдѣ миръ, любовь — тамъ Богъ, а гдѣ Богъ — тамъ всякое добро. Миръ и единодушіе составляютъ твердое огражденіе и благоустроеніе всякаго общества. При внутреннемъ же несогласіи падетъ всякій домъ и всякое общество.

Прошу и увѣщевая васъ, возлюбленные братья, сохраните издревле установленный порядокъ общежитія, постояннаго исповѣданія и открытія своихъ помысловъ

и своего сердечнаго устроенія игумену или духовнику и по разрѣшеніи приобщайтесь Святыхъ Животворящихъ Таинъ, какъ всегда бывало. Этимъ поддерживается духовный строй и порядокъ души каждаго въ отдѣльности. Не нарушайте же сего спасительнаго добраго установленія, которое мы здѣсь наслѣдовали отъ отцовъ-предшественниковъ.

Еще мое усердное завѣщаніе вамъ, отцы и братія! Врата обители да не затворяются никогда для нищихъ и убогихъ и всякаго требующаго помощи. Самъ Господь засвидѣтельствовалъ воочію всѣхъ насъ, воздавая обильно Своими щедротами обители за незатвореніе ея вратъ и милостыню для всѣхъ нуждающихся. Сіе соблюдайте неизмѣнно, какъ было, и не ограничивайте вашей милостыни и послѣ меня.

Поручаю васъ, какъ всегда, покрову и заступленію и милости Царицы Небесной, Препоблагословенной Матери Господа нашего Іисуса Христа Бога истиннаго, Ему же со Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, и благодареніе во вѣки. Аминь.

Игумень Русскаго Свято-Пантелеимона монастыря архимандритъ Макарій»<sup>40</sup>.

Оцѣнивая вкладъ двухъ великихъ подвижниковъ, отца Іеронима и отца Макарія, оцѣнивая процессъ возрожденія и становленія русскаго монашества на Аѳонѣ, въ 1908 году, въ годъ двадцатилѣтія со дня смерти отца Макарія, отецъ Денасій (Юшковъ) писалъ: «Мирно и спокойно почиваютъ теперь до славнаго дня Христова два великихъ труженика во славу Божию и благо родной земли, два великихъ старца, столпы русскаго монашества на далекой чужбинѣ — іеросхимонахъ Іеронимъ и священноархимандритъ Макарій. Заслуги ихъ велики и предъ Церковью, и предъ Россіей. Они основали и утвердили крѣпкое гнѣздо русскаго монашества, подняли и облагородили само монашество, такъ что аѳонское русское общежительное иночество можетъ служить примѣромъ для всѣхъ прочихъ такого типа монастырей.

Какихъ мощныхъ силъ духовныхъ были исполнены эти два великихъ старца! Сколько борьбы, борьбы непосильной, почти сверхъестественной, пришлось имъ испытать: одному — при насажденіи, а другому — при воспитаніи и утвержденіи этого „аѳонскаго вертограда Христова“ — Русскаго Пантелеимонова монастыря. Вообще все, что мы видимъ во внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ Пантелеимонова монастыря — прекраснаго, добраго, чистаго и святаго, — все это плоды ревностныхъ трудовъ іеросхимонаха Іеронима и схіархимандрита Макарія».

Заслуги отца Макарія передъ Церковью и общественностью достойно были оцѣнены и священноначаліемъ, и свѣтскими властями. Въ 1882 году игумень Макарій былъ награжденъ турецкимъ султаномъ орденомъ меджидіе<sup>41</sup>. А 7 января 1889 года онъ

<sup>40</sup> Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 367.

<sup>41</sup> АРПМА. Док. № 3977.



былъ награжденъ Священнымъ Синодомъ Россійской имперіи орденомъ святой Анны II степени<sup>42</sup>.

Святая жизнь отца Макарія была подтверждена многочисленными посмертными явленіями<sup>43</sup> его братіи обители, они записаны въ спеціальныхъ книгахъ монастыря.

## Іеросхимонахъ Сергій (Веснинъ)

Іеросхимонахъ Сергій<sup>44</sup> родился 27 августа 1814 года въ многочисленной семьѣ Авдія Веснина, дьячка церкви села Пищальскаго Орловскаго уѣзда Вятской губерніи. При крещеніи онъ былъ названъ Симеономъ. Мальчикъ сталъ любимцемъ не только отца и матери, но и шести братьевъ и двухъ сестеръ своихъ. Особенно же любилъ его старшій братъ Дмитрій. Эта любовь, соединившаяся впослѣдствіи съ самой искренней дружбой, всегда тѣсно связывала двухъ братьевъ.

Неутомимый труженикъ по хозяйству, дьячокъ Авдій находилъ время учить своихъ дѣтей грамотѣ и самъ, безъ посторонней помощи, готовилъ ихъ для поступленія въ духовное училище. Но главнымъ предметомъ его занятій съ дѣтьми было вселить въ нихъ твердую вѣру въ Бога, страхъ Божій и воспитать нелицемѣрное благочестіе.

Патріархальный бытъ родительскаго дома, глубокое благочестіе отца и матери, частыя бесѣды по вечерамъ о предметахъ исключительно духовныхъ, чтеніе вслухъ Священнаго Писанія и житій святыхъ оказывали огромное вліяніе на развитіе Симеона. И можно утверждать, что настроеніе ума и сердца его къ жизни созерцательной, аскетической образовалось въ немъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. «Еще въ дѣтствѣ, — говорилъ отецъ Сергій впослѣдствіи, — занимала меня мысль о путешествіи по святымъ мѣстамъ. Помню, какъ я нерѣдко, особенно по вечерамъ, со слезами молилъ Бога перенести меня къ святынямъ, а ночью мнѣ снилось, будто въ какомъ то чудномъ, невѣдомомъ для меня мѣстѣ ласкаютъ меня святые».

<sup>42</sup> АРПМА. Док. № 3979.

<sup>43</sup> АРПМА. Док.: № 518, 3978, 3894.

<sup>44</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Жизнь святогорца іеросхимонаха Сергія. Святая Гора Аѳонъ, 1864. См. также: Шевелкинъ И. Воспоминанія о жизни святогорца іеросхимонаха Сергія // Душеполезное чтеніе. 1864. № 12. Т. 3. С. 279–318.

На одиннадцатомъ году жизни Симеона отправили въ Вятку учиться въ духовномъ училищѣ, и, несмотря на то, что онъ съ большимъ трудомъ почти два года привыкалъ къ новымъ условіямъ жизни, но все же, наконецъ освоившись, сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

На третій годъ пребыванія въ училищѣ Симеона поразило страшное горе: въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ лишился одного за другимъ отца, брата и горячо и нѣжно любимой имъ матери! Тяжелая утрата сильно подѣйствовала на нѣжное и чувствительное сердце. Но учиться онъ продолжилъ съ еще большимъ рвеніемъ и отвѣтственностью, не изъ-за страха наказанія, а ради уваженія памяти желавшихъ ему добра родителей. Онъ особенно горячо полюбилъ словесныя науки: сталъ читать все, что попадало подъ руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ отваживался и самъ писать, и даже сочинять стихотворенія.



На пятнадцатомъ году Симеонъ, какъ отличный и благонадежный воспитанникъ, былъ переведенъ въ семинарію, гдѣ открылось ему еще большее поприще. Семинаристъ Веснинъ вскорѣ сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и въ особенности обратилъ на себя вниманіе профессора словесности, который, предвидя въ немъ литературный талантъ, занимался съ нимъ съ особенной любовью, стараясь развить въ немъ Божій даръ излагать свои мысли просто и краснорѣчиво.

Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Симеонъ закончилъ семинарію и поселился въ домѣ своего брата отца Дмитрія въ селѣ Круглышки. «Въ началѣ новой жизни прося Господа Бога и Богоматерь, — вспоминалъ впослѣдствіи отецъ Сергій, — устроить мою жизнь къ сердечному благу и управить стопы мои на путь истины и правды, — разъ я заснулъ, и мнѣ представилось, будто я быстро несусь съ запада на востокъ и будто за мной была чрезвычайная тьма, мракъ и ужасные дебри, такъ что западъ весь былъ въ какомъ то безжизненномъ отверженномъ состояніи, а между тѣмъ востокъ игралъ свѣтомъ. Мнѣ казалось, какъ изъ мрачныхъ дебрей я вышелъ и быстро приближался къ храму на родинѣ, — шель въ ту самую церковь, гдѣ былъ крещенъ и принялъ печать, званіе и имя христіанина. При этомъ радости сердца, восторга духа и истинно райскаго блаженства всѣхъ моихъ чувствъ, которыя охватили меня, не могу выразить. Обратившись

къ мрачному западу, я увидѣлъ, что вышелъ изъ такого страшнаго мѣста... Весело и съ умиленіемъ вступилъ я въ теплую церковь».

Этотъ сонъ Симеонъ принялъ какъ явное указаніе Божіе идти въ монастырь. Но родственники его думали иначе, и по настоянію родныхъ Симеонъ началъ хлопотать о занятіи мѣста духовнаго пастыря, а роднымъ предоставилъ возможность отыскать ему будущую подругу жизни. Въ 1834 году Симеонъ женился на дочери священника Алексѣя Никонова, Аннѣ, которую онъ вскорѣ очень полюбилъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отецъ Симеонъ получилъ мѣсто священника въ селѣ Ацвежѣ, которое находилось всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Круглышки. Итакъ, кажется, все благопріятствовало Симеону: невѣста — по душѣ и по сердцу, мѣсто — почти возлѣ брата и друга. Оставалось жить и благодарить Господа! Но не такъ думалъ этотъ человѣкъ, казавшійся счастливецемъ. Мечты дѣтства и настоящее положительное настроеніе его души жаждали и искали не этого суетнаго скоропреходящаго счастья, они стремились не туда, куда почти насильно былъ приведенъ онъ, а куда то далеко-далеко! Но дѣло было сдѣлано, слово въ угоду роднымъ дано. Надо было покоряться своей судьбѣ. А завѣтныя свои мечты и желанія Симеонъ сокрылъ въ самой глубинѣ своего сердца.

Всего черезъ два года счастливой супружеской жизни отецъ Симеонъ потерялъ любимую жену — она умерла вскорѣ послѣ рожденія дочери. А черезъ годъ съ небольшимъ умерла и маленькая дочка. Безконечно было горе отца Симеона. Чрезвычайно горька была ему потеря жены и дочери, но онъ быстро собрался съ духомъ, подчинился волѣ Божіей и во всемъ случившемся увидѣлъ особенное произволеніе Божіе. «Сердце мое, — говорилъ онъ тогда, — умерло для удовольствій земли и, безусловно, отозвалось на благодатный призывъ неба. Путешествіе по святымъ мѣстамъ мнѣ стало представляться уже какъ единственное утѣшеніе».

Съ 1838 года отецъ Симеонъ началъ свое странствованіе по святымъ мѣстамъ Россіи, при этомъ не покидая мысли о жизни иноческой въ тихомъ монастырѣ. Въ августѣ 1839 года въ церкви при Вятскомъ Архіерейскомъ домѣ на 25-мъ году жизни отецъ Симеонъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Серафимъ. Какъ будто какая то пелена спала теперь съ душевныхъ очей отца Серафима, и узы, которыми, казалось, былъ онъ опутанъ до этого времени, разрушились сами собой. Тогда только почувствовалъ онъ, что монашество было настоящимъ назначеніемъ его жизни, а путь, по которому онъ шелъ до постриженія, былъ только подготовительнымъ этапомъ для этого.

Въ іюль 1843 года отецъ Серафимъ приступилъ къ осуществленію своей давней мечты — посѣтить Палестину и Святую Гору Аѳонъ. 10 октября онъ достигъ давно желаемой имъ цѣли — вступилъ на Святую Гору! Съ глубокимъ благоговѣніемъ и религіознымъ восторгомъ цѣловалъ онъ землю, которой касалась Божественная стопа Царицы Небесной, и со слезами сердечнаго умиленія благодарилъ Господа и Пречистую Его Мать, что Они допустили его въ мѣсто столь священное, куда съ самага дѣтства стремилась душа его!

Отець Серафимъ гостилъ въ Руссикѣ, а игумень Герасимъ, и духовникъ Іеронимъ, и вся братія съ перваго же дня стали смотрѣть на него какъ на человѣка, отмѣченнаго особенной печатью Божіей. Отець Іеронимъ такъ писалъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ отъ встрѣчи съ отцомъ Серафимомъ: «Не зная событій и горькихъ испытаній въ жизни нашего гостя, мы немало удивлялись, что іеромонахъ въ такія еще молодая лѣта пріобрѣлъ уже столько монашескихъ добродѣтелей, и полагали, что онъ былъ ученикомъ старца опытнаго, въ совершенствѣ изучившаго и постигшаго жизнь монашескую».

Отець Серафимъ обошелъ почти весь Аѳонъ и близко познакомился съ жизнью святогорцевъ, что привело его къ окончательному рѣшенію остаться здѣсь навсегда. Онъ сталъ убѣдительно просить игумена Герасима причислить его къ своимъ чадамъ.

23 марта 1844 года, въ Великій четвертокъ Страстной седмицы, на тридцатомъ году жизни отецъ Серафимъ принялъ великій ангельскій образъ — схиму съ именемъ Сергій. Съ этой поры онъ уже всецѣло сталъ святогорцемъ.

Въ 1845 году въ петербургскомъ журналѣ «Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности» начали печататься его первыя письма съ Аѳона, и они обратили на себя вниманіе публики. Послѣ этого отецъ Сергій занялся вплотную литературными трудами съ цѣлью посвятить ихъ исключительно на пользу пріютившей его обители святого Пантелеимона. Вся братія дивилась неутомимости, трудолюбію и дѣятельности отца Сергія. Присутствуя неопустительно при всѣхъ продолжительныхъ монастырскихъ богослуженіяхъ, онъ какъ будто не чувствовалъ усталости, пренебрегалъ необходимымъ отдыхомъ и находилъ время вести обширную переписку съ братьями и друзьями въ Россіи, писать и переводить съ греческаго различныя статьи о чудесахъ и замѣчательныхъ событіяхъ на Аѳонѣ.

Желая привести въ порядокъ и подготовить къ печати особую книжку своихъ писемъ о Святой Горѣ Аѳонъ, отецъ Сергій въ 1847 году отправился въ Россію. Онъ посѣтилъ Москву и Санктъ-Петербургъ, и вездѣ его встрѣчали какъ знаменитаго уже писателя. Его писательская слава особенно умножилась послѣ появленія его книги объ Аѳонѣ «Письма святогорца». Множество знатныхъ особъ, желая познакомиться съ нимъ, приглашали его къ себѣ или пріѣзжали къ нему сами. Его вездѣ принимали особенно ласково и милостиво. Всеобщая любовь къ отцу Сергію очень помогала ему собрать въ Москвѣ и Петербургѣ довольно значительную финансовую помощь для Руссика, которая была чрезвычайно важна для возрождающейся обители.

Въ мартѣ 1851 года отецъ Сергій вернулся на Аѳонъ, гдѣ вся братія монастыря торжественно встрѣтила любимаго и уважаемаго собрата, возвратившагося домой послѣ четырехлѣтней разлуки.

По желанію и просьбѣ отца Сергія, душа и сердце котораго стремились къ болѣе уединенной жизни, по рѣшенію собора старцевъ, для него была специально построена особая келлія съ небольшою въ ней церковью на мѣстѣ, которое избралъ самъ отецъ



*Космодемьянская келлія Руссика во времена отца Сергія. Сегодня полностью разрушена*

Сергій еще до отъзда своего въ Россію. Съ помощью благотворителя Козьмы Бѣляева, пожертвовавшаго для этого достаточную сумму, келлія за самое непродолжительное время была отстроена и церковь при ней освящена во имя святыхъ безсребрениковъ Космы и Даміана.

Поселившись въ Космодемьянской келліи, отецъ Сергій всецѣло предался аскетическимъ подвигамъ и литературнымъ занятіямъ. Всего за три года онъ, благодаря своей огромной трудоспособности, сталъ авторомъ слѣдующихъ книгъ:

- 1) «Путеводитель по Святой Аѳонской Горѣ и указатель ея святынь и прочихъ достопримѣчательностей съ 31 видомъ монастырей, скитовъ и картою Аѳона». Эта книга была напечатана въ 1854 году въ Санктъ-Петербургѣ;
- 2) «Аѳонскій патерикъ, или Жизнеописанія святыхъ, на Святой Аѳонской Горѣ просіявшихъ». Эту книгу онъ оставилъ незаконченной, но впоследствии она была завершена отцомъ Азаріемъ (Попцовымъ);
- 3) «Стихотворенія святогорца, собранныя послѣ его смерти и посвященныя любителямъ и благотворителямъ Святой Горы Аѳонской», которыя были изданы въ Санктъ-Петербургѣ въ 1862 году;
- 4) «Русскій Пантелеимоновъ монастырь на Св. Аѳонской Горѣ». Этотъ трудъ былъ напечатанъ въ Санктъ-Петербургѣ въ 1854 году;

- 5) «Акаѳистъ св. великомученику и цѣлителью Пантелеимону». Переводъ съ греческаго впервые былъ напечатанъ въ Санктъ-Петербургѣ въ 1861 году;
- 6) «Описаніе Эсфигмено-Вознесенскаго монастыря»;
- 7) «Палестинскія записки»;
- 8) «Русскіе иноки на Св. Горѣ Аѳонской съ X до XIX вѣка», гдѣ жизнеописанія были доведены отцомъ Сергіемъ до XVI вѣка.

Послѣднія три произведенія вмѣстѣ съ другими были опубликованы въ 1865 году въ Санктъ-Петербургѣ въ четырехтомномъ изданіи «Собраніе сочиненій и писемъ святогорца къ друзьямъ своимъ о Св. Горѣ Аѳонской, Палестинѣ и русскихъ святыхъ мѣстахъ».

Несмотря на разносторонніе интересы, отецъ Сергій въ первую очередь былъ искуснымъ рассказчикомъ. Какъ писалъ епископъ Порфирій (Успенскій): «Сергій былъ поэтъ, а не историкъ и археологъ. Рѣчь у него чисто русская, пріятная и индѣ увлекательная»<sup>45</sup>. Именно сила его краснорѣчія возбудила въ сердцахъ тысячъ вѣрующихъ интересъ къ Аѳону. Многие, убѣжденные силой его слова, шли въ монахи, а иные съ радостью жертвовали средства аѳонскимъ обителямъ.

Строгая подвижническая жизнь и усиленныя литературныя занятія сильно разстроили и безъ того слабое здоровье отца Сергія. За годъ до кончины ему было видѣніе, что Господь скоро призоветъ его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ серьезно готовиться къ смерти. Въ это время началась Крымская война, и отецъ Сергій хотѣлъ на время военныхъ дѣйствій отправиться въ Россію, но по волѣ Бога онъ не смогъ осуществить свой замыселъ. Онъ смирился и встрѣтилъ свой смертный часъ въ своей отшельнической келліи. Незадолго до смерти онъ написалъ: «Господи! Помяни мя во Царствіи Твоемъ! Помяни и всѣхъ моихъ друзей и враговъ: вси бо есмы чловѣцы: слабость и немощи — это принадлежность нашего сердца и ума. Потому-то, Господи, всѣхъ насъ прости, помилуй и спаси, яко Единъ Безгрѣшный и Непостижимо Благій и Милостивый. Аминь. Слава Богу о всемъ! Слава и Царицѣ Небесной о всемъ».

Преставился ко Господу отецъ Сергій 17 декабря 1853 года.



<sup>45</sup> Порфирій (Успенскій), епископъ. Исторія Аѳона: Въ 2 т. М., 2007. С. 1013.

## Иеромонахъ Арсеній (Мининъ)



Мірское имя отца Арсенія — Александръ. Родители его, люди благочестивые, Иоаннъ и Александра Минины, были купеческаго званія, уроженцами Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи и жили въ Казанской губерніи, въ Мамадышскомъ уѣздѣ, на мельницѣ, гдѣ вели хлѣбную торговлю. Здѣсь въ августѣ 1824 года и родился будущій отецъ Арсеній. Александръ былъ третьимъ по счету сыномъ. Вообще въ семьѣ ихъ было семь дѣтей — пять сыновей и двѣ дочери. Изъ нихъ на монашеское поприще также вступилъ его братъ Иоаннъ, который сталъ монахомъ Саровской пустыни, и сестра Екатерина, которая послѣ смерти своего мужа поступила съ дочерью Ольгой въ Звѣринъ-Покровскій женскій монастырь въ Новгородѣ.

Въ 1857 году въ возрастѣ 33 лѣтъ Александръ Ивановичъ Мининъ поѣхалъ въ качествѣ паломника въ Иерусалимъ. Сопутствовавшіе ему богомольцы пожелали

побывать и на Святой Горѣ Аѳонъ. Чудная природная красота Аѳона такъ плѣнила Александра Ивановича, что онъ мысленно рѣшился остаться здѣсь навсегда. «Благодарю Господа Бога, — воскликнулъ онъ отъ полноты духовной радости, — что Онъ сподобилъ меня вступить въ жребій Пречистой Своей Матери, прошу Ея материнскаго заступленія и милосердія принять меня, грѣшника».

Первыя послушанія Александръ Ивановичъ проходилъ на кухнѣ, затѣмъ подметалъ коридоры, носилъ сѣно, собиралъ маслины — все дѣлалъ съ горячимъ усердіемъ. Впослѣдствіи ему дали послушаніе, сообразное его образованію и способностямъ, а именно перевели его въ письменную канцелярію. На этомъ послушаніи сразу проявились его опытность и способности. Но Александръ Ивановичъ былъ такъ смиренъ,

что и при этомъ послушаніи вменилъ себѣ въ обязанность подметать ежедневно коридоры, чего не оставлялъ онъ до самого посвященія въ іеромонаха. Духовникомъ его былъ отецъ Іеронимъ, и, согласно его совѣту, онъ непрестанно упражнялся въ Іисусовой молитвѣ, растворенной глубокимъ самоукореніемъ и всегдашней памятью о смерти. Впослѣдствіи у него явилось благодатное дарованіе слезъ.

Черезъ полтора года Александръ Ивановичъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Арсеній. Онъ продолжалъ исполнять послушаніе въ канцеляріи, но при этомъ не упускалъ малѣйшей возможности приумножать въ себѣ, благодатью Божіей, любовь къ Богу и ближнимъ. Нельзя умолчать о подвигѣ самоотверженной любви его въ отношеніи тяжело заболѣвшаго схимонаха обители отца Неофита, жизнь котораго вкратцѣ онъ описалъ. Начавъ служить страдальцу еще послушникомъ, онъ и въ монашествѣ служилъ ему до самой его смерти. Когда этотъ добродѣтельнѣйшій старецъ совсѣмъ слегъ въ постель и келья его отъ гніенія тѣла стала наполняться тяжелымъ запахомъ, отецъ Арсеній почти неотлучно былъ при немъ, усердно ухаживая за больнымъ. За такое самоотверженное служеніе болящему Господь сподобилъ отца Арсенія несказаннаго утѣшенія. По кончинѣ старца при чтеніи имъ Псалтири надъ почившимъ, а также при отпѣваніи отецъ Арсеній ощущалъ обильнѣйшее благоуханіе, исходившее отъ подвижническаго тѣла страдальца Христова. Благоуханіе это въ нѣкоторой степени ощущала и братія.

Посвятивъ себя всецѣло Господу Богу, новоначальный инокъ не хотѣлъ, чтобы мірское задерживало его въ дѣлѣ спасенія, посему вырученную сумму денегъ отъ продажи своего завода и присланную ему отъ родныхъ онъ тотчасъ принесть въ даръ обители. Святой Аѳонъ онъ возлюбилъ всѣмъ сердцемъ своимъ и укрѣпилъ себя въ намѣреніи окончить здѣсь свою земную жизнь. Но не такъ судилъ Господь.

Въ 1861 году по крайней скудости средствъ русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря высочайше былъ разрѣшенъ сборъ по Россіи добровольныхъ пожертвованій. Для этой цѣли старцами обители былъ избранъ отецъ Арсеній. 8 іюля 1861 года онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 11 іюля — въ іеромонаха. Уже черезъ годъ, а именно 28 августа 1862 года, отецъ Арсеній отправился въ Россію исполнять данное ему послушаніе. Онъ взялъ съ собой Крестъ съ частицей Животворящаго Древа, часть отъ камня Живоноснаго Гроба Господня, часть мощей святаго Пантелеимона и многихъ другихъ угодниковъ Божіихъ. Кромѣ сего въ напутствіе отцу Арсенію была дана еще чудотворная икона Тихвинской Царицы Небесной малаго размѣра.

Тяжелымъ и хлопотнымъ было послушаніе, возложенное на отца Арсенія. Но всѣмъ своимъ сознаниемъ почитавшій волю Божію выше всѣхъ своихъ желаній, сомнѣній и недоразумѣній, онъ всецѣло, какъ смиренный и покорный рабъ, подчинился ей, хотя и очень прискорбно ему было разставаться съ возлюбленнымъ мѣстомъ уединенія. Всегда энергичный и дѣятельный, онъ новому послушанію своему посвятилъ всѣ свои силы.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ объѣхалъ почти всю Россію. Усердіе русскаго народа къ святынямъ несказанно воодушевляло отца Арсенія, и онъ, не чувствуя усталости, двигался все дальше и дальше. А Господь, богатый на милости, съ избыткомъ вознаграждалъ труды вѣрнаго раба Своего. Отъ афонскихъ путешествующихъ святынь благодатью Божіей повсюду стали истекать для приближавшихся къ нимъ съ вѣрою и теплымъ моленіемъ обильный источникъ исцѣленій отъ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней. Эти благодатныя явленія чудесъ отъ нихъ были задокументированы и впоследствии изданы отцомъ Арсеніемъ отдѣльной книгой. Такая обильная милость Бога, естественно, повсюду возжигала огонь усердія въ сердцахъ людей для умноженія добровольныхъ пожертвованій на Святой Аѳонъ. Отецъ Арсеній, умиленный происходящими чудесами, воскликнулъ: «Великая милость Божія осѣняетъ насъ, Господь, видимо, благоволитъ къ нашимъ немощнымъ трудамъ!»

Особенно прославились святыни въ столицѣ Россіи Москвѣ, когда они находились въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ все болѣе и болѣе являлось богомольцевъ и откуда все болѣе и болѣе шло пожертвованій на Святой Аѳонъ. Это побудило отца Арсенія рекомендовать старцамъ Руссика открыть постоянное подворье въ Москвѣ. И вскорѣ старцами Руссика на Высочайшее имя и въ Святѣйшій Синодъ было подано прошеніе объ устроеніи въ Москвѣ при Богоявленскомъ монастырѣ часовни во имя святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона. При содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ разрѣшеніе на строительство часовни у Владимірскихъ воротъ Кремля было получено.

«Угодникъ Божій возлюбилъ Москву, — говорилъ обрадованный такимъ рѣшеніемъ отецъ Арсеній, — и возжелалъ не временно пребывать въ ней, а постоянно. Слава и благодареніе Богу!» Всѣ хлопоты по построенію часовни лежали на плечахъ отца Арсенія, и онъ вполне оправдалъ довѣріе къ себѣ старцевъ. Фасадъ часовни имѣлъ изящный видъ, а внутри она была украшена иконами, присланными съ Аѳона. Здѣсь же была помѣщена икона Тихвинской Божіей Матери, а слѣва отъ нея — икона святаго великомученика Пантелеимона съ частью святыхъ его мощей. Часовня была торжественно открыта и освящена въ началѣ 1873 года епископомъ Дмитровскимъ Леонидомъ (Краснопѣвцовымъ) въ сослуженіи отца Арсенія.

«Вотъ и мы теперь съ помощью угодника Божія постоянные жители Москвы, — радостно говорилъ отецъ Арсеній. — Могли ли мы прежде о томъ подумать?»

Отецъ Арсеній завелъ такой порядокъ въ часовнѣ, чтобы здѣсь въ опредѣленное время служились общіе молебны съ акаѳистами. Для москвичей и гостей города она стала однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ молитвы и духовнаго отдохновенія.

Отецъ Арсеній не ограничивался только заботами о часовнѣ. Дѣла чистой безкорыстной христіанской любви онъ считалъ выше всякаго другаго подвига. «Особенно дѣла любви намъ не должно оставлять, — говорилъ онъ. — Поститься какъ слѣдуетъ — мы не постимся. Молиться — плохо молимся. Одно средство у насъ остается для наслѣдованія Царствія Небеснаго — это именно дѣла любви. И съ сими дѣлами спѣшить надобно, ибо жизнь наша коротка».

Во время поѣздки по Россіи и остановокъ на мѣстахъ и въ новой часовнѣ въ Москвѣ келья отца Арсенія всегда была переполнена посѣтителями. Онъ старался всѣхъ удовлетворить, съ каждымъ побесѣдовать, кого наставить, кого утѣшить, и въ теченіе цѣлаго дня не было у него ни одной свободной минуты. «Дѣло Божіе надо дѣлать не откладывая», — обычно говорилъ онъ и этому правилу былъ вѣренъ до конца жизни, иногда совершенно забывая о пищѣ и тѣлесномъ покоѣ.

Около отца Арсенія, какъ глубоко вѣрующаго и строгой подвижнической жизни аскета, постоянно собирался кругъ многихъ и многихъ искренне преданныхъ ему людей, жаждавшихъ духовнаго совѣта для разрѣшенія различныхъ духовныхъ недоразумѣній и дѣлъ. Отецъ Арсеній умѣлъ какъ то сразу распознать человѣка, пришедшаго къ нему за духовной помощью, а потому и могъ преподавать каждому нужное духовное врачевство. Впослѣдствіи, когда отецъ Арсеній находился на Аѳонѣ, его російскія чада въ письмахъ продолжали съ нимъ общеніе. Послѣ отца Іеронима и отца Макарія у него была самая обширная переписка съ міромъ.

Отецъ Арсеній, несмотря на занятость, писалъ много поучительныхъ писемъ, составлялъ духовно-нравственныя наставленія, былъ инициаторомъ начала издательскаго дѣла монастыря. Онъ умѣлъ изъ святоотеческихъ твореній составлять весьма назидательныя книги и брошюры. Въ 1866 году издалъ книгу подъ заглавіемъ «Бесѣда о молитвѣ», въ 1868 году — книгу «Единое на потребу», а въ 1876 году — книгу подъ заглавіемъ «Маргаритъ, или Избранныя душеспасительныя изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ бесѣдъ, относящихся исключительно къ женскимъ обителямъ».

Отецъ Арсеній составилъ жизнеописанія нѣкоторыхъ современныхъ ему подвижниковъ, которыя впослѣдствіи были изданы монастыремъ подъ названіемъ «Аѳонскіе современные подвижники». Написалъ много статей духовнаго содержанія, которыя публиковались въ разныхъ журналахъ тогдашней Россіи, былъ основателемъ періодическаго изданія Руссика, которое сначала называлось «Душеполезныя размышленія», а затѣмъ «Душеполезный собесѣдникъ».

Въ 1870 году отецъ Арсеній посѣтилъ святой градъ Іерусалимъ и по впечатлѣніямъ отъ своей поѣздки составилъ «Путеводитель во святой градъ Іерусалимъ...», который былъ изданъ въ 1872 году. Послѣ кончины отца Арсенія монастырь опубликовалъ собраніе его писемъ подъ названіемъ «Письма въ Бозѣ почившаго аѳонскаго старца іеросхимонаха Арсенія Минина къ разнымъ лицамъ съ добавленіемъ мыслей и замѣтокъ о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности».

Послѣ открытія и освященія часовни въ Москвѣ отецъ Арсеній просилъ своихъ старцевъ снять съ него послушаніе служенія при часовнѣ и позволить ему возвратиться на Аѳонъ, по которому постоянно тосковала его душа. Къ тому же зрѣніе и ноги его стали ослабѣвать. Но Господь, вѣдающій сущія Своя, судилъ ему иначе. Старцы не только

не сняли съ него послушанія при часовнѣ, но дали ему новое, еще болѣе трудное и въ болѣе отдаленномъ уголкѣ Россіи. Ему поручили найти на Кавказѣ мѣсто, гдѣ бы могла быть устроена обитель, которая служила бы нѣкимъ прообразомъ Руссика въ Россіи, гдѣ соблюдались бы его же иноческія традиціи и Уставъ.

Задача эта вполнѣ совпадала съ духовными устремленіями отца Арсенія, вся послушническая дѣятельность котораго до этого проходила въ повиновеніи своимъ старцамъ и осуществленіи дѣятельной любви. Онъ вскорѣ нашель весьма удобное мѣсто для обители въ мѣстечкѣ Анакопія, около города Сухуми, гдѣ стоялъ разрушенный храмъ во имя святаго апостола Симона Кананита. О превращеніи этого храма въ новую Ново-аѳонскую Симоно-Кананитскую обитель въ 1875 году, по мысли отца Арсенія, и было подано старцами Руссика прошеніе на имя Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича, намѣстника Кавказскаго. Это прошеніе, къ несказанной радости отца Арсенія, увѣнчалось успѣхомъ.

Въ теченіе года при помощи благотворителей онъ успѣлъ уже въ новой обители устроить церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, а также построить кельи для нѣсколькихъ братьевъ, присланныхъ къ нему съ Аѳона. Также удалось открыть и училище для мальчиковъ тамошнихъ туземцевъ, которыхъ набралось до 20 человекъ. Несмотря на то что дѣло устроенія обители на Кавказѣ требовало отъ отца Арсенія нечеловѣческихъ усилій, онъ не оставлялъ и прежняго своего послушанія при Аѳонской часовнѣ въ Москвѣ. Всѣ удивлялись его энергіи и энтузіазму. Священникъ Николай Воиновъ замѣчалъ, что «огонь духовной ревности горѣлъ въ его душѣ сильнымъ пламенемъ, что ясно отпечатлѣвалось въ глазахъ его, быстрыхъ, насквозь какъ бы проникающихъ».

Во время Русско-турецкой войны, когда подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны открылось Общество Краснаго Креста, отецъ Арсеній тотчасъ сталъ членомъ его. Онъ принялъ активное участіе въ сооруже- ній на Дѣвичьемъ полѣ лазарета, за что былъ удостоенъ благодарности отъ Императрицы. Однако отецъ Арсеній этимъ не ограничился. Онъ устроилъ пріютъ для раненыхъ солдатъ въ домѣ на Полянкѣ, который чуть ранѣе пожертвовали Руссику Сушкины, родственники игумена Макарія, тѣмъ самымъ показавъ себя патриотомъ, безкорыстной чистой любви христіаниномъ.

Никто никогда не слышалъ изъ его устъ празднаго слова. Отецъ Арсеній часто былъ молчаливъ и задумчивъ, присутствующіе при немъ чувствовали, что онъ въ сердцѣ своемъ творить молитву, и не смѣли его отвлекать разговорами.

Смиреніе отца Арсенія было изумительно. Онъ всегда считалъ себя первымъ изъ грѣшниковъ. Весьма смущало его то, что среди разнообразныхъ занятій вдали отъ Святаго Аѳона онъ не могъ исполнять во всей точности устава иноческой жизни. Это нарушеніе онъ старался восполнять дѣлами христіанской любви.

Духъ бодръ, но тѣло немощно. Здоровье отца Арсенія при столь сложныхъ и многообразныхъ послушаніяхъ дрогнуло, и вдобавокъ ко всѣму въ началѣ осени 1879 года въ Петербургѣ онъ нечаянно споткнулся, упалъ и ушибъ ногу такъ, что былъ вынужденъ продолжать долгое время лѣчиться.

Во время своего пребывания на Святой Горѣ въ 1878 году отецъ Арсеній какъ бы предчувствовалъ, что онъ болѣе не увидитъ возлюбленнаго своего Аѳона. Послѣ отъѣзда съ Аѳона, по окончаніи храмоваго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, въ его кельѣ нашли пакетъ съ такой надписью: «Прошу распечатать и прочитать по смерти моей. Иеромонахъ Арсеній». Послѣ смерти его, согласно пожеланію, старцами и былъ распечатанъ пакетъ. И что же въ немъ оказалось? Духовное завѣщаніе, собственноручно написанное отцомъ Арсеніемъ.

Вотъ это завѣщаніе:

«Святые отцы, батюшка, отецъ духовникъ Іеронимъ и батюшка игуменъ Макарій! Благословите именемъ Господнимъ! Когда распечатаете это письмо, то меня уже не будетъ на землѣ. Богъ вѣсть, кто изъ насъ кого переживетъ. Его святая власть!

Прошу во всемъ отеческаго благословенія и разрѣшенія. По милости Божіей я отъ васъ никакихъ секретовъ не имѣлъ и не имѣю. Это очень облегчало путь моей немощной жизни. Васъ имѣю въ сердцѣ моемъ какъ первыхъ на землѣ благодетелей моихъ. Вы по милосердію Божію научили меня знать Бога, любить Его и Пречистую Его Матерь и каяться въ моихъ грѣхахъ.

Безъ сомнѣнія, я могъ бы быть болѣе полезнымъ и для обители, и для души своей, но моя немощъ и любленіе плоти склоняли меня къ небреженію и лѣности. Раздражительность по дѣйствию діавольскому и прочія грѣховныя мои страсти вамъ извѣстны, во всемъ прошу прощенія и разрѣшенія. Въ послѣднее время я удостоиваюсь быть особаго благоволенія и милосердія отъ Небесныя нашея Владычицы, хотя и недостойнъ, но имѣю великую надежду на Ея матернее милосердіе и ходатайство. Уповаю, что не лишень буду вашихъ святыхъ отеческихъ молитвъ. Простите за малое писаніе. Собираюсь на Кавказъ. Можетъ, по времени еще что напишу. Недостойный послушникъ Вашъ, убогій іеромонахъ Арсеній. 2 октября 1878 года. Вечеръ. Св. Аѳонъ».

15 ноября 1879 года, ослабленный разными недугами и уже больной ногой, отецъ Арсеній вдобавокъ еще заболѣлъ острымъ воспаленіемъ легкихъ. 17 ноября, послѣ совершенія надъ нимъ молитвеннаго послѣдованія на «исходъ души», около двухъ часовъ дня, онъ мирно почилъ о Господѣ. 19 ноября отецъ Арсеній былъ похороненъ въ московскомъ Крестовоздвиженскомъ Алексіевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На его могильномъ крестѣ были написаны слова премудраго Соломона: «Скончався вма́лѣ испóлни лѣта дóлга: угóдна бо бѣ́ Господеву душá егó, сегó рáди потщáся отъ среды́ лукавствіа...», «...да не злóба измѣнѣтъ рáзумь егó, или́ лѣсть прельстѣтъ дúшу егó» (Прем. 4:13–15; Прем. 4:11).

## Схимонахъ Никодимъ (Санинъ)

Мірское имя отца Никодима<sup>46</sup> — Николай Ивановичъ Санинъ. Родомъ онъ изъ Смоленской губерніи, города Сычевки, мѣщанскаго сословія, православнаго исповѣданія, былъ женатъ.

Съ дѣтства жилъ въ самомъ городѣ при родителяхъ и занимался мелочной торговлей, а потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался полотеромъ. Впослѣдствіи онъ самъ сталъ хозяиномъ и имѣлъ свою артель. Наживалъ деньги успѣшно, но въ семьѣ не былъ счастливъ. Съ женой своей жилъ не въ ладу, такъ какъ она не хранила ему супружеской вѣрности.

Это огорчало Санина до крайности. Съ досады онъ и самъ иногда предавался съ мастеровыми разгульной жизни, но совѣсть не оставляла его въ покоѣ, внушала ему, что онъ во время скорби долженъ искать утѣшенія у Бога и что рано или поздно ему не избѣжать смерти и Суда Божія. Таковыя и подобныя имъ обличенія совѣсти мало-помалу начали приводить Санина къ исправленію его жизни. Онъ сталъ все чаще вспоминать о смерти и Судѣ Божіемъ, боялся какъ бы не умереть безъ покаянія, что и побуждало его на добрыя дѣла. Онъ началъ щедро подавать милостыню, ходить въ церковь, читать священныя книги, посѣщать святыя мѣста. Въ частности, ходилъ онъ и въ Іерусалимъ.

По возвращеніи оттуда рѣшился наконецъ вовсе оставить міръ и удалиться на Святую Аѳонскую Гору, дабы тамъ въ покаяніи провести остатокъ дней своихъ. Съ женой Санина съ этого времени также случилась разительная перемѣна: оставивъ прежнюю жизнь, она стала также заботиться о спасеніи души, и когда Николай предложилъ ей отпустить его въ монастырь, то сему нисколько не воспротивилась и даже пожелала, въ свою очередь, по примѣру его идти въ женскій монастырь.

Рѣшившись посвятить себя монашеской жизни, Николай въ 1844 году прибылъ въ Руссикъ, гдѣ былъ принятъ въ число русской братіи. Его духовнымъ отцомъ сталъ духовникъ Руссика іеросхимонахъ Іеронимъ (Соломенцовъ), который и повелъ его къ желанной цѣли — спасенію души.

Вначалѣ онъ ревностно и съ усердіемъ исполнялъ разныя послушанія, но не обращалъ при этомъ вниманія на свое внутреннее состояніе. Когда же ему духовникъ объяснилъ, что при упражненіи тѣла во внѣшнемъ послушаніи необходимо и умомъ упражняться во внутреннемъ послушаніи совѣсти, тогда Николай сталъ болѣе прежняго

---

<sup>46</sup> Жизнеописаніе составлено по записямъ духовника Іеронима (Соломенцова). См.: АРПМА. Док. № 518.

внимать себѣ, а по принятіи монашества съ именемъ Никодимъ — жить еще строже, обуздывая языкъ и чрево. Духовникъ, видя въ немъ особое къ себѣ довѣріе, простоту, рѣшительную готовность къ послушанію, вознамѣрился приблизить его къ себѣ.

Взявъ благословеніе отца игумена, духовникъ принялъ отца Никодима къ себѣ въ келейники. Кромѣ этого послушанія отецъ Никодимъ занималъ одновременно должности эконома, рухольнаго, будильщика и архондаричнаго (гостинника). При такихъ многозаботливыхъ внѣшнихъ занятіяхъ онъ показалъ себя достойнымъ подвижникомъ. Исполненіе столькихъ безпокойныхъ дѣлъ не помѣшало ему усовершенствоваться въ духовной жизни. Всѣ внѣшнія препятствія онъ побѣждалъ дѣтской евангельской вѣрой и послушаніемъ, былъ простъ и несвѣдущъ въ Священномъ Писаніи, но при этомъ стяжалъ такія высокія добродѣтели, которыя и въ уединенной жизни съ большимъ трудомъ не всегда пріобрѣтаются даже болѣе способными къ само-наблюденію людьми.

Опытные знаютъ различіе браней вблизи предметовъ, возбуждающихъ страсти, и вдали отъ нихъ. Одно дѣло побѣждать страсти въ уединеніи, а иное — въ общежитіи. Одно дѣло — хранить мирное состояніе духа сидящему съ рукодѣліемъ въ кельѣ, а совершенно другое — находящемуся на должности при исправленіи разныхъ общихъ нуждъ. Для послѣдняго потребенъ сугубый трудъ.

Отецъ Никодимъ, принявъ на себя четыре разныя должности, вначалѣ встрѣтилъ большія препятствія къ исполненію порученнаго ему со стороны своихъ прежнихъ мірскихъ привычекъ. Но какъ побѣждать ихъ? Когда онъ былъ въ міру, то позволялъ себѣ много ѣсть, пить и спать безвременно, а также празднословить. Не зная, что дѣлать, онъ спросилъ духовника, какъ ему въ такомъ случаѣ поступать, съ чего начать. Духовникъ посовѣтовалъ ему начать съ исполненія заповѣди: *«Безъ совѣта ничесѣже твори, и егда сотвориши, не раскаявайся»* (Сир. 32:21), — т. е. обо всемъ спрашивать духовника — какъ о худомъ, такъ и о добромъ. И если когда либо придетъ ему какая нибудь добрая мысль сдѣлать что противъ своей дурной мірской привычки, не приводитъ бы ее въ исполненіе, пока не скажетъ прежде о томъ духовнику, и искоренять привычки свои не разомъ, а мало-помалу и не иначе какъ по совѣту духовника.

Съ того времени отецъ Никодимъ обо всемъ говорилъ духовнику и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ. Онъ могъ о себѣ сказать: *«Уготѣвихся и не смутѣхся сохранити заповѣди твоѣ»* (Пс. 118:60), — потому что все сказанное отъ духовника принималъ съ несомненною вѣрою, а потому и силенъ былъ исполнять приказанное.

Въ мірской жизни отецъ Никодимъ любилъ выпить, поэтому духовникъ, снисходя къ немощи его, не запрещалъ ему употребить немного вина и въ монастырѣ. Но и это небольшое нѣсколько вредило ему, потому что онъ былъ косноязыченъ и заика и не безъ затрудненія бесѣдовалъ съ другими. А когда хотя бы немного выпивалъ краснаго вина, тогда еще болѣе затруднялся въ разговорѣ.

Однажды духовникъ вышелъ изъ трапезной и увидѣлъ отца Никодима, подобнымъ образомъ, заикаясь, разговаривающаго съ другими, и сказалъ ему: «Отецъ Никодимъ, я говорилъ тебѣ, что для тебя бесполезно наравнѣ съ другими пить вино, ты долженъ пить его меньше другихъ вполонину, потому что, и не пивъ вина, ты объясняешься такъ худо, что паломники, не зная причины сему, соблазняются, думая, что ты пьянъ». Отецъ Никодимъ, поклонившись, отвѣтилъ: «Простите, батюшка, съ того времени, какъ вы мнѣ приказали, я такъ и дѣлаю: пью вино въ отличіе отъ другихъ вполонину меньше, но и это мѣшаетъ мнѣ, и я желалъ бы вовсе не пить его, но самъ не смѣлъ сего сдѣлать. Отнынѣ не благословите ли мнѣ вовсе оставить вино?» Духовникъ отвѣчалъ: «Богъ благословитъ». Съ того времени отецъ Никодимъ не пилъ ничего хмельнаго до смерти своей.

Многосложная должность его требовала частыхъ объясненій съ духовникомъ, а потому тотъ назначалъ время для бесѣды съ нимъ къ вечеру, послѣ повечерія. Въ это время онъ обыкновенно передавалъ духовнику все, что имѣлъ на совѣсти, и спрашивалъ, что ему было нужно.

Для молитвы отецъ Никодимъ не имѣлъ свободнаго времени по причинѣ многочисленныхъ своихъ должностей. Впрочемъ, сколько имѣлъ свободнаго времени, проводилъ его въ усердной молитвѣ. Нерѣдко случалось ему молиться до послѣднихъ силъ своихъ, такъ, что, сдѣлавъ земной поклонъ, онъ засыпалъ въ томъ положеніи и весьма утѣшался, проснувшись въ подобномъ молитвенномъ положеніи. Такая молитва ему очень нравилась. Братія, не зная причины молчанія его, говорила: «Нашъ отецъ Никодимъ отъ старости сдѣлался глухъ и молчаливъ». Впрочемъ, нѣкоторые постигали духовную его настроенность. Особенно видѣли это отецъ Сергій (Веснинъ) Святогорецъ и отецъ Григорій (Лисянскій). Послѣдній очень уважалъ отца Никодима и нерѣдко говорилъ о немъ, что отецъ Никодимъ — старецъ рѣдкій — какъ послушаніемъ и терпѣніемъ, такъ и молчаніемъ.

Отецъ Никодимъ отличался любовью и вниманіемъ къ собратіямъ: несмотря на свою занятость, онъ заботливо ухаживалъ за больными и немощными братіями, его часто можно было видѣть у постели смертельно больнаго брата своей простосердечностью и любвеобиліемъ утѣшавшимъ послѣдняго.

Одинъ изъ русскихъ безмолвниковъ, жившій на Капсалѣ\*, именемъ Анастасій приходилъ иногда въ русскій монастырь къ духовнику для исповѣди. Отцу Никодиму было приказано принимать его. Однажды духовникъ сказалъ отцу Никодиму, чтобы онъ обращалъ особенное вниманіе свое на этого старца и, чѣмъ только можетъ, утѣшалъ бы его, потому что этотъ старецъ достигъ высокаго устроенія духовнаго и сможетъ помогать монастырю своими молитвами въ усовершенствованіи духовной жизни. Выслушавъ это, отецъ Никодимъ наклонилъ голову къ груди и послѣ минутнаго молчанія, поклонившись до земли, спросилъ съ замѣтнымъ умиленіемъ: «Можно ли, батюшка, мнѣ узнать, въ чемъ состоитъ это высокое устроеніе духоноснаго отца Анастасія?» Духовникъ отвѣчалъ: «Можно и полезно

будеть открыть тебѣ о его добродѣтеляхъ для поощренія твоего». Потомъ духовникъ разсказалъ ему о подвигахъ старца Анастасія, о его постѣ и нестяжательности, о томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ прилежно понуждалъ себя къ слезамъ, за что Богъ даровалъ ему высокій даръ слезъ по его волѣ, и онъ когда только захочетъ поплакать, тогда и плачетъ, а это все дано ему было за послушаніе духовному отцу, безъ совѣта котораго онъ ничего не дѣлалъ.

Выслушавъ это, отецъ Никодимъ пришелъ въ восторгъ, плѣнился высокимъ даромъ свободныхъ слезъ, упалъ въ ноги духовнику и со страхомъ спросилъ:

— Мнѣ, батюшка, можно ли стремиться къ этому?

— Почему же не можно? — отвѣчалъ ему духовникъ.

— А долго терпѣть мнѣ? — спросилъ отецъ Никодимъ.

— А ты опять за маловѣріе берешься?! — возразилъ ему духовникъ. — Я и прежде говорилъ тебѣ, что исполненіе должностей не препятствуетъ восходить къ совершенству христіанскому, а маловѣріемъ нашимъ мы унижаемъ благодать Божью, которая всемогуща и вседѣйственна, а потому, безъ сомнѣнія, можетъ и при разсѣянныхъ и безпокойныхъ должностяхъ даровать то, чего мы съ вѣрой просимъ у Бога. Ты вѣруешь ли, что Господь можетъ дать Тебѣ этотъ даръ?

При этихъ словахъ отецъ Никодимъ, со слезами опять поклонившись до земли, сказалъ:

— Вѣрую, отче, что Господь силенъ и можетъ даровать мнѣ этотъ даръ твоими святыми молитвами.

Духовникъ на это отвѣтилъ ему:

— Итакъ, если вѣруешь, то Богъ благословитъ тебя по сказанному имъ: *«Просіте, и да́тся вамъ: ищѣте, и обрѣцете: толцѣте, и отвѣрзетъся вамъ...»* (Мѡ. 7:7). И, давъ ему благословеніе, отпустилъ его.

Съ этого времени отецъ Никодимъ тщательно понуждалъ себя, чтобы ежедневно плакать, и встрѣчавшіяся къ тому препятствія онъ устранялъ или побѣждалъ.

Зная по опыту, что многояденіе осушаетъ слезы, чтобы побѣдить это препятствіе, онъ оставилъ сперва сладкія снѣди, а потомъ и отъ обыкновенныхъ воздерживался, а по пятницамъ и вовсе не ѣлъ. Спалъ на землѣ, вмѣсто подушки имѣлъ камень, покрытый полотномъ. Чтобы не побѣждаться празднословіемъ и гнѣвомъ, держалъ камень во рту. Все это онъ дѣлалъ по совѣту духовника и другимъ никому объ этомъ не открывалъ.

Послѣ памятной бесѣды съ духовникомъ о слезахъ у отца Никодима началъ увеличиваться и страхъ Божій. Онъ все болѣе говорилъ о вѣчныхъ мученіяхъ, иногда выражая свой ужасъ отъ мысли, какъ будетъ умирать, какъ будетъ проходить мытарства бѣсовскія, боялся, какъ бы бѣсы не задержали его на мытарствахъ своихъ за многіе грѣхи, содѣянные имъ въ мірѣ, нерѣдко при этомъ восклицалъ: «Боюсь бѣсовъ, какъ бы они меня въ часъ смертный не привели въ отчаяніе. Говорятъ, что они всѣми силами своими нападаютъ на человека умирающаго, напоминаютъ ему всѣ грѣхи, обличаютъ его, ужасно кричатъ и вопіютъ: „Наша душа, мы ее возьмемъ себѣ!“ И тому подобное.

Что въ такомъ случаѣ дѣлать надобно? Какъ и чѣмъ отбиваться отъ нихъ? И думаю, что въ это время отъ страха и ужаса умирающей человѣкъ какъ бы изумится и оцѣпенѣтъ».

На эти вопросы отца Никодима духовникъ сказалъ ему слѣдующее: «Надобно за-  
благовременно заботиться и часто размышлять объ этомъ. Многіе изъ святыхъ отцовъ  
во всю жизнь свою болѣе проводили время въ размышленіи о смерти, и само Слово  
Божье поучаетъ насъ помнить послѣдняя наша. Надобно обращать особенное внима-  
ніе на стихъ молитвы церковной и этимъ стихомъ почаще молиться Господу: „Христи-  
анскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны и добраго отвѣта  
на Страшномъ Судищи Христовѣ просимъ у Тебѣ, Отче, именемъ Господа нашего  
Иисуса Христа“. Всякій же грѣхъ свой должны мы исповѣдовать духовному отцу и о немъ  
скорбѣть, плакать и совѣтоваться почаще съ духовникомъ, какъ лучше приготовить се-  
бя къ смерти, и заблаговременно обучаться, какъ въ страшный тотъ часъ смертный бо-  
роться съ бѣсами, какъ имъ противорѣчить и не вѣрять совѣтамъ ихъ, не бояться угрозъ  
ихъ и совершенно не принимать отчаянія, которое они обыкновенно внушаютъ умирающему.  
И прежде смерти бѣсы стараются внушать болящему сомнѣніе о спасеніи  
и невѣріе въ полученіе милости Божіей, принося такія мысли: „Вотъ, ты не спасе-  
ся, тебя Богъ не приметъ, ты многогрѣшный, плодовъ достойныхъ покаянія не сотво-  
рилъ, ты нечисто исповѣдовалъ грѣхи свои, а многіе вовсе забылъ, а потому ты въ адъ  
пойдешь. Тебя Богъ не проститъ, ты лицемерно жизнь свою прожилъ, и часть твоя —  
въ аду. А можетъ быть, ты и предопредѣленъ къ гибели“. Таковыя и подобныя имъ  
мысли враги наши внушаютъ намъ и предъ смертью, и въ часъ нашей смерти, и пото-  
му надобно заблаговременно обучить себя утверждаться въ вѣрѣ въ заслуги Господа  
нашего Иисуса Христа и всей душой полагаться на нихъ. Онъ за насъ воплотился, по-  
страдалъ, кровь Свою пролилъ на Крестѣ, умеръ и вѣрующимъ въ Него и кающимся  
въ грѣхахъ своихъ даруетъ прощеніе и вводитъ въ жизнь вѣчную блаженную. Вотъ ос-  
нова нашего спасенія. На томъ твердомъ основаніи и нужно намъ утверждаться всегда,  
и особенно во время часа смертнаго, на этомъ стоять, этимъ защищаться отъ нападеній  
враговъ, этимъ отгонять ихъ отъ себя, этимъ успокаивать и утѣшать, съ этимъ только  
однимъ жить, потому что если бы кто и имѣлъ многія добрыя дѣла, то надѣяться на нихъ  
не долженъ, ибо Самъ Господь сказалъ: *„Тако и вы, егда сотворите вся повелѣнная вамъ,  
слагайте, яко раби неключими есмь: яко, еже должи бѣхомъ сотворити, сотворихомъ“*  
(Лк. 17:10). Какъ бы грѣхи наши ни были велики и сколько бы ихъ ни было, мы не долж-  
ны отчаиваться въ полученіи милости Божіей.

Слово Божье увѣряетъ насъ, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божье. От-  
чаяніе рождается отъ гордости, потому что, предавшись ей, человѣкъ обвиняетъ Бога,  
какъ будто Богъ является причиной его грѣховъ, якобы Онъ его сотворилъ склоннымъ  
ко грѣху, и потому не смиряется, не проситъ прощенія у Бога, но гнѣвается на Бога.  
А кто уповаетъ на милосердіе Божье, тотъ и отъ всѣхъ своихъ многихъ и тяжкихъ

грѣховъ не оправдывается, но себя осуждаетъ подобно благоразумному разбойнику и мытарю, молится и испрашиваетъ прощенія. Если же кто повѣритъ внушенію враговъ и приметъ мысли ихъ, что не спасется или что онъ будетъ осужденъ или отверженъ Богомъ, или что предопредѣленъ къ гибели, то душу такого челоука бѣсы увлекутъ къ себѣ, потому что онъ отчаяніемъ своимъ отвергъ искупленіе и уничтожилъ милосердіе Божіе и, подобно Каину, счель свои грѣхи превышающими милосердіе Божіе.

Но, какъ уже сказано, не надо внимать подобнымъ бѣсовскимъ внушеніямъ и во все не вѣритъ имъ, но именемъ Божьимъ запрещать имъ, противорѣчить имъ и съ сильнымъ гнѣвомъ проклинать ихъ, ибо для того намъ дана отъ Творца раздражительность, чтобы мы гнѣвались на бѣсовъ, а не на людей. Надобно отвѣчать бѣсамъ такъ: “Хотя я и многогрѣшный, но отчаиваться во спасеніи не хочу, ибо надѣюсь на милосердіе Божье. Богу моему одному я согрѣшилъ, Ему и каюсь. Онъ одинъ мой Судья, а не вы, проклятые бѣсы. Какое вамъ до меня дѣло? Вы сами отступники отъ Бога и отверженные отъ него, вы не имѣете права истязать меня, вы сами осуждены на вѣчную гибель, я знать васъ не хочу, проклятыхъ. Богъ — моя сила, Богъ — мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависитъ отъ Его помилованія, страха же вашего не боюсь я, и не сможете меня смутить, если бы и въ тысячу разъ больше моихъ грѣховъ вы бы нашли, то и тогда я не принялъ бы внушенное мнѣ вами отчаяніе, надѣясь на неизреченную милость Божію, на молитвы Божіей Матери, святыхъ ангеловъ и угодниковъ Божьихъ, которыхъ я призываю на помощь».

Полезно также держать себя какъ въ продолженіе жизни, такъ и при концѣ ея посреди страха Божія и надежды, какъ апостоль сказалъ: „...во всѣмъ скорбѣще, но не стужающе сѣ: нечѣеми, но не отчаявѣеми“ (2 Кор. 4:8), — и на всякое время надѣяться на милость Божью, ибо Слово Божье таковыхъ ублажаетъ: „Блажѣни, — говоритъ псалмопѣвецъ, — всѣ надѣющіися на нѣ“ (Пс. 2:12).

Вотъ, отецъ Никодимъ, тебѣ сказано кратко, какъ надобно приготовляться къ исходу изъ сего міра и какъ при помощи благодати Божіей надобно правильно дѣйствовать предъ смертью и въ самъ часъ смертный. Ты понялъ, что хорошо, и теперь знаешь объ этомъ, но исполненіе этого совѣта надо предоставить опять-таки Богу милосердія и щедротъ. Его надобно молить, чтобы Онъ привелъ предположеніе наше въ исполненіе, даровалъ бы намъ въ тотъ страшный часъ вѣру твердую, и упованіе, и необходимое благое дерзновеніе. А это надобно дѣлать заблаговременно. Ты знаешь, что безъ помощи благодати мы и одной минуты не можемъ провести благополучно, даже и помыслить о добрѣ и пожелать добраго безъ благодати не можемъ. Потому Церковь въ ночи молится Богу: „Сподоби, Господи, въ ночь сію безъ грѣха сохранитися намъ“. Также и днемъ, и вечеромъ, утромъ и въ полдень. Тѣмъ болѣе намъ очень нужно часто молиться, чтобы сподобилъ Господь благополучно пройти врата смертныя и мытарства бѣсовскія и достигнуть обѣтованнаго намъ Небеснаго Царствія и блаженства».

Отецъ Никодимъ вѣрно слѣдовалъ совѣту духовника, и отъ частыхъ слезъ глаза у него постоянно были красными. Духовникъ иногда спрашивалъ его, имѣетъ ли онъ слезы и плачетъ ли. Онъ отвѣчалъ, что плачетъ. Братья, заботясь о немъ, говорили, что онъ отъ старости худо видитъ и слышитъ, и потому нѣкоторые изъ состраданія просили о немъ духовника, чтобы успокоилъ его. Духовникъ, призвавъ его къ себѣ, спросилъ у него, не страдаетъ ли онъ зрѣніемъ или слухомъ. Отецъ Никодимъ отвѣчалъ духовнику, что онъ здоровъ. Духовникъ, посмотрѣвъ ему въ глаза и замѣтивъ въ нихъ красноту, спросилъ тогда:

— Отчего жъ у тебя глаза очень красны и какъ будто воспалены и рѣсницъ у нихъ нѣту? Часто ли ты плачешь?

Отецъ Никодимъ отвѣчалъ:

— Плачу.

— А какъ часто ты плачешь? — опять спросилъ у него духовникъ.

Отецъ Никодимъ, наклонивъ голову къ груди, съ улыбкой повторилъ тотъ же отвѣтъ:

— Плачу.

Потомъ духовникъ сказалъ ему:

— Мнѣ какъ духовнику нужно знать, сколь часто ты плачешь: черезъ день, или каждый день, или нѣсколько разъ въ день, потому что хитрые враги наши умѣютъ обольщать насъ и съ доброй стороны.

На этотъ вопросъ отецъ Никодимъ, не перемѣняя своего положенія, еще съ большей улыбкою отвѣчалъ духовнику:

— Плачу, отче, когда захочу.

Духовникъ спросилъ у него:

— Давно ли ты это имѣешь?

Отецъ Никодимъ отвѣчалъ:

— Два года съ половиной, съ того времени, какъ я послѣ бесѣды моей съ тобой объ этомъ дарованіи Божьемъ сдѣлалъ тебѣ поклонъ и испросилъ благословеніе у тебя искать этого дара Божья. А до того времени я по твоему благословенію три года съ трудомъ понуждалъ себя къ ежедневнымъ слезамъ.

На что духовникъ замѣтилъ ему:

— Видишь ли, что ты получилъ этотъ даръ вѣрою за послушаніе, а не за заслуги твои, и знай, что всякій даръ Божій сохраняется смиреніемъ. Берегись отъ возношенія. Не осуждай никого, постоянно укоряй себя. И другіе имѣютъ этотъ даръ, но считаютъ себя хуже всѣхъ.

Послѣ этой бесѣды духовникъ хотѣлъ было уволить отца Никодима отъ заботливыхъ должностей его, чтобы тотъ спокойно могъ въ кельѣ своей упражняться въ молитвѣ и слезахъ. Но Богъ устроилъ иначе, чтобы отецъ Никодимъ прямо отъ трудовъ своихъ перешелъ въ вѣчность.

Вскорѣ отецъ Никодимъ заболѣлъ. Болѣзнь его продолжалась 40 дней. Передъ смертью своей, за нѣсколько дней, онъ читалъ какую-то записку, которая находилась у него подъ подушкой. Приближаясь къ смерти, онъ читалъ эту записку нѣсколько разъ въ день и мирно почилъ о Господѣ. Послѣ смерти записку эту нашли, она имѣла слѣдующее содержаніе: «Я уповаю на милость Божью, на заслуги Христовы, Онъ мой Судія, а не вы, окаянные, что вамъ за дѣло до меня? Ему согрѣшилъ, Ему и каюсь, а вы не имѣете во мнѣ никакого мѣста, лукавые бѣсы. Отыдите отъ меня къ вашему сатанѣ».



Отецъ Никодимъ ростомъ былъ невысокъ, лица пріятнаго, плѣшивъ, бороду имѣлъ длинную и густую съ просѣдью, говоръ у него былъ скорый, немного заикался, но въ церкви пѣлъ и читалъ безъ затрудненія. При служеніи духовникомъ ранней Литургіи почти всегда пѣлъ одинъ. Скончался отецъ Никодимъ въ 1853 году, проживъ въ монастырѣ восемь лѣтъ.

## Схимонахъ Пантелеимонъ (Овсянниковъ)

Схимонахъ Пантелеимонъ<sup>47</sup> (въ міру Григорій Петровичъ Овсянниковъ) былъ родомъ изъ крестьянъ Воронежской губерніи. Поступилъ въ Русскіе въ 1841 году, гдѣ и постриженъ въ схиму. Послушаніе проходилъ въ иконописной мастерской. Расписалъ старую трапезную. Гдѣ онъ научился мастерству иконописи и какъ онъ рѣшился стать монахомъ — неизвѣстно. По всей видимости, онъ отправился на Аѳонъ послѣ встрѣчи въ Одессѣ съ іеросхимонахомъ Сергіемъ (Веснинымъ), который въ письмахъ называетъ его своимъ близкимъ другомъ. «Много у меня остается здѣсь милыхъ и добрыхъ друзей, — писалъ отецъ Сергій, — а что всего чувствительнѣе — одинъ изъ нихъ при послѣднемъ почти издыханіи, и какъ разъ тотъ, который дѣлалъ со мной радости и горе, мои страданія сердечныя, безпечность поэтическаго досуга и часть странствій по Аѳону». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ о немъ такъ: «Въ числѣ здѣшнихъ друзей моихъ я недосчитался по пріѣздѣ лучшаго друга моей

<sup>47</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Іеросхимонахъ Сергій (Веснинъ)*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С.: 212, 227.

афонской жизни, съ которымъ я сроднился сердечно, съ которымъ дѣлилъ радости и горе и его труженическія занятія. Этотъ другъ мой былъ хороши́й живописецъ, имя его въ монашествѣ Пантелеимонъ. Больно было моему сердцу, когда долетѣла до меня вѣсть еще въ Смирнѣ, на пути моемъ въ Іерусалимъ, что другъ мой скончался. Я не зналъ, какъ онъ отходилъ къ Богу, съ какимъ чувствомъ приближался къ конечнымъ минутамъ своей жизни и какъ испустилъ послѣдній вздохъ, и меня тревожила его загробная участь. Но теперь я узналъ это и благодарю Бога, что другъ мой сподобился праведной кончины.

При отбытіи моемъ со Святой Горы въ Палестину я оставилъ живописца въ самомъ трудномъ положеніи: онъ тяжело болѣлъ и не могъ вставать съ постели. Но при прощаніи еще дружески обнялъ меня въ надеждѣ свиданія. Знали ли мы тогда, что свиданіе будетъ уже въ вѣчности? Послѣ меня только недѣлю томился другъ мой въ недугѣ, въ предсмертной борьбѣ.

Духовникъ видѣлъ, что онъ близокъ къ смерти, а потому предложилъ ему принять схиму. Больной съ радостью согласился. И послѣ пострига нѣсколько дней подрядъ пріобщался Святы́хъ Таинъ, и въ послѣдній день — тоже. Ему предложили, не хочетъ ли онъ послушать акаѳистъ Божіей Матери. „Съ радостью“, — отвѣчалъ тотъ. И одинъ монахъ началъ читать. Послѣ каждаго икоса и кондака больной пѣлъ своимъ слабымъ, замирающимъ уже голосомъ „Аллилуія“ и „Радуйся, Невѣсто неневѣстная“. Когда третій разъ былъ прочтенъ послѣдній кондакъ акаѳиста: „О Всепѣтая Мати, рождающая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово“ и проч., живописецъ пропѣлъ трижды „Аллилуія“, и съ этими звуками ангельскаго славословія улетѣла душа его на небо, гдѣ поется Богу и Всепѣтой вѣчная „Аллилуія“. Въ это время одинъ изъ братіи слѣдилъ за движеніями умирающаго и видѣлъ, что, когда онъ пропѣлъ въ послѣдній разъ, судорожное движеніе появилось на лицѣ его. Пантелеимонъ обернулся налѣво, и какъ будто что-то встревожило его, но въ то же мгновеніе онъ повелъ глазами направо, умиленно посмотрѣлъ вверхъ и съ райской улыбкой на устахъ испустилъ послѣдній свой вздохъ.

Покойный другъ мой прожилъ на Святой Горѣ три года съ небольшимъ. Я познакомился съ нимъ еще въ Россіи въ 1840 году, когда странствовалъ до Одессы, но тамъ мы разошлись, и только въ 1843 году я снова сошелся съ нимъ въ Руссикѣ. Богъ знаетъ, былъ ли кто изъ русскихъ святогорцевъ въ такой мысленной брани, въ такомъ бурномъ смятеніи духа, какъ этотъ юный живописецъ. Вѣрно, для врага онъ былъ несносенъ. Нѣсколько разъ покойный порывался оставить Руссикъ, гдѣ стѣсняются своеволие и причуды желаній, и хотѣлъ жить гдѣ нибудь на свободѣ, но Богъ не допустилъ этого.

Грозныя сновидѣнія двукратно останавливали моего друга отъ задуманнаго имъ выхода изъ Руссика. Разумѣется, если бы онъ обольстился влеченіемъ обрѣсти мнимую свободу, врагъ сокрушилъ бы его. Само постриженіе въ монашество живописецъ принялъ по особенному убѣжденію таинственныхъ посѣтителей, послѣ многихъ и тщетныхъ со стороны духовника предложеній къ принятію иноческой одежды. Однажды

Григорій послѣ живописной работы въ трапезной заснулъ. И ему представилось, что онъ тамъ же, въ трапезной, сидитъ за настѣнной росписью и работаетъ.

Въ трапезной, кромѣ него, не было ни одной души. Вдругъ Григорій слышитъ, что дверь тихо растворяется и кто-то входитъ. Онъ мелькомъ оглянулся, но, не обративъ особеннаго вниманія на посѣтителей, снова углубился въ свое занятіе. Между тѣмъ приближаются къ нему двое: первый изъ нихъ — старецъ самой привлекательной и почтенной наружности, а второй — юноша прекрасный собой, въ древнемъ эллинскомъ одѣяніи. Молча встали они — одинъ одесную, а другой по лѣвую сторону отъ живописца — и слѣдили за бѣгомъ его труженической кисти. Наконецъ старецъ, положивъ руку на плечо Григорія, кротко спросилъ его: „Ты еще не постригся?“ Григорій внимательно посмотрѣлъ на старца и смутился. Видъ старца поразилъ Григорія. Въ чертахъ его онъ узрѣлъ ликъ святителя Митрофана Воронежскаго. „Нѣтъ еще, — отвѣтилъ за Григорія юный незнакомецъ и съ чувствомъ продолжилъ, — сколько я ни говорю Григорію, чтобы онъ принялъ ангельскій образъ, такъ нѣтъ, не слушается. А надобно бы ему постричься“.

Эти слова юноши, произнесенныя трогательнымъ голосомъ, полнымъ любви и состраданія, сильно потрясли сердце живописца. Онъ тогда же проснулся и, несмотря на то, что было уже около полуночи и всѣ спали, побѣжалъ къ духовнику и разбудилъ его. Духовникъ не смутился безвременнымъ приходомъ живописца, потому что зналъ его постоянную брань и тяжелые искусы, которые часто наводилъ на него демонъ, а потому старецъ отворялъ для Григорія дверь свою во всякое время. Только на сей разъ дѣйствія и слова Григорія сильно удивили духовника.

Дотолъ упорный и не всегда сговорчивый живописецъ, заливаясь слезами, палъ духовнику въ ноги и умиленно просилъ постриженія.

— Что это ты вдругъ? — спросилъ духовникъ.

— Ради Бога постригите, — сквозь слезы умолялъ Григорій и, немного успокоившись, рассказалъ духовнику про свое сновидѣніе.

— Хорошо! — съ улыбкой отвѣчалъ тотъ, выслушавъ Григорія. — Видишь, самъ святой Пантелеимонъ скорбитъ изъ-за твоего упорства и отлагательства постриженія.

Такимъ образомъ, Григорій былъ постриженъ, и дано ему было имя Пантелеимонъ въ томъ убѣжденіи, что самъ святой великомученикъ Пантелеимонъ принималъ особое участіе въ судьбѣ живописца, который былъ дѣтской простоты и самаго любезнаго характера въ отношеніи ко всѣмъ.

Обитель много потеряла въ другѣ моемъ, потому что съ его кончиной кончилось и занятіе здѣсь живописью. По окончаніи работы в трапезной покойный живописецъ совсѣмъ было принялся за настѣнную роспись въ соборѣ, но Богъ позвалъ его въ Свои райскія обители. Такова была жизнь и кончина моего лучшаго изъ друзей аеонскихъ, отъ котораго я принималъ уроки рисованія и живописи, съ которымъ любилъ работать



въ трапезной, распѣвая съ нимъ любимый его концертъ: „Рѣку Богу: заступникъ мой, почто мя забылъ еси“. Нѣжный голосъ его звучно разливался тогда по пространной трапезной и замиралъ въ глубокихъ оконечностяхъ креста, въ видѣ котораго она расположена. Одни лишь безмолвные лики святыхъ угодниковъ, написанныхъ по стѣнамъ во весь ростъ, внимали нашимъ тоскующимъ напѣвамъ, потому что мы любили оставаться въ совершенномъ уединеніи, такъ что никто не препятствовалъ намъ въ занятіяхъ...

Да удостоить Царица Небесная видѣться и ликовать мнѣ съ моимъ другомъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, но гдѣ жизнь и радости безконечныя! Вѣчная ему память!»

Отецъ Пантелеимонъ преставился 9 сентября 1844 года.

## Схимонахъ Геннадій

Схимонахъ Геннадій<sup>48</sup> былъ родомъ изъ Вологодской губерніи, изъ крестьянъ. На Святую Гору онъ прибылъ вмѣстѣ съ іеросхимонахомъ Сергіемъ (Веснинымъ) послѣ его поѣздки въ Іерусалимъ.

Вотъ какъ описываетъ его кончину въ своихъ письмахъ Святгорець: «Когда Григорій прибылъ въ Руссикъ въ первый разъ (таковымъ было мірское имя вологжанина), то наша жизнь ему чрезвычайно понравилась. Однако старцы наши его не приняли по причинѣ того, что за крайнимъ недостаткомъ свободныхъ келій рѣшительно некуда было его помѣстить.

Съ прискорбіемъ юный Григорій удалился отъ насъ и поступилъ ненадолго въ Кавсокаливскій скитъ. Такъ, въ одночасье, однажды навсегда привязалъ его къ себѣ нашъ мирный Руссикъ. Бѣдный Григорій тосковалъ по намъ, изнемогая духомъ. Наконецъ, не сдержавъ порывовъ души, требовавшей высокихъ подвиговъ послушанія и болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, нежели въ скитскомъ безмолвіи, гдѣ онъ скучалъ отъ праздности тѣла, свыкшагося съ трудами крестьянской жизни, онъ снова пришелъ къ намъ и смиренно признался, что не можетъ нигдѣ жить на Святой Горѣ, кромѣ Руссика.

<sup>48</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ. Сочиненія и письма Святгорца*. М., 2006.

Но что мы могли сдѣлать? Мы только сочувствовали его затруднительному положенію и болѣе ничего предпринять не могли, такъ какъ не было ему надежды на поступленіе къ намъ. Къ счастью для Григорія, паломникъ-слѣпецъ былъ еще тогда у насъ. Мы посовѣтовали обратиться къ нему и просить ходатайствовать передъ геронтой\* и духовникомъ, пребывая въ полной увѣренности, что слѣпцу не откажутъ въ его просьбѣ. Такъ и было. Григорія дѣйствительно оставили въ Русикѣ въ угоду слѣпцу и дали послушаніе помогать на штукатуркѣ стѣнъ Пантелеимонова собора.

Съ усердіемъ и ревностью принялся новый послушникъ за свое дѣло и сталъ вести самый строгій образъ жизни. Не хотѣлъ даже носить на ногахъ сандалій, несмотря на то что приходилось постоянно ступать по холодному мрамору и граниту, которыми вымощены были полы всѣхъ монастырскихъ зданій.

Въ чувствѣ особенной моей внимательности къ послушному Григорію я однажды дружески замѣтилъ ему, что здѣсь полы опасны для ногъ. „Ничего, — скромно отвѣчалъ онъ, — я вѣдь привыченъ ко всѣму“.

Опасенія мои не прошли даромъ. По окончаніи штукатурки въ соборѣ Григорій простудился и занемогъ. Первымъ дѣломъ монастырскаго начальства въ подобныхъ случаяхъ бываетъ душевное спасеніе больного, котораго тотчасъ постригаютъ въ великую схиму и напутствуютъ Святыми Христовыми Тайнами каждый день. Такъ поступили и съ Григоріемъ, который, впрочемъ, по истеченіи двухъ недѣль оправился и началъ было выходить, но, къ сожалѣнію, покушалъ арбуза и вторично впалъ въ горячку, скоро уложившую его въ могилу.

Около двухъ недѣль страдалъ юный Григорій и наконецъ сталъ просить схиму, по принятіи которой приобщился и Святымъ Тайнамъ. Это случилось въ Успенскій постъ. Такъ какъ Геннадій (имя, данное въ схимѣ Григорію) изнемогалъ и былъ уже въ отчаянномъ положеніи, нѣкоторые изъ нашего братства, собираясь на престольный праздникъ, который былъ 15 августа, въ Иверъ, пришли попрощаться съ больнымъ.

— Ради Бога, — говорилъ Геннадій слабымъ голосомъ прощающимся съ нимъ братьямъ, — ради Бога попросите тамъ, въ Иверѣ, Царицу Небесную, чтобъ мнѣ не выздоровѣть, а умереть...

Растроганные иноки съ чувствомъ оставили своего дивнаго брата... Наканунѣ смерти, 14 августа, духовникъ навѣстилъ Геннадія и замѣтилъ, что онъ уже находится въ предсмертной слабости. При видѣ своего духовника больной оживился.

— Отче, — сказалъ онъ прерывающимся голосомъ, — пособируйте меня масломъ.

— Къ чѣму жъ это? — спросилъ съ улыбкою духовникъ. — Тебѣ, вѣрно, хочется пожить еще?

— Не знаю, — съ сомнѣніемъ въ голосѣ отвѣчалъ Геннадій. — А что теперь лучше для меня, отче, жить ли или умереть? — спросилъ онъ духовника.



— Разумѣтся, лучше умереть, — замѣтил тотъ. — Ты только что принялъ святую схиму и причастился Святыхъ Таинъ, значить, тебѣ остается теперь только идти къ Богу, въ рай.

— Такъ благослови, отче! Я умру! — рѣшительно и весело произнесъ Геннадій.

— Богъ благословить! — отвѣчалъ духовникъ. — Съ Богомъ въ рай!

И наутро, въ день Успенія Божіей Матери

(1845-го года), съ окончаніемъ Литургіи дѣйствительно окончилъ свое земное поприще удивительный схимонахъ Геннадій. Тихо отлетѣлъ душой своей въ райскія обители».

## Схимонахъ Григорій (Лисянскій)

Схимонахъ Григорій (въ міру Юрій Юрьевичъ Лисянскій) родился въ городѣ Санктъ-Петербургѣ. Онъ былъ сыномъ знаменитаго флотоводца, капитана первого ранга Юрія Ѳедоровича Лисянскаго (1773–1837), участника первого кругосвѣтнаго плаванія кораблей русскаго флота подъ начальствомъ И. Ф. Крузенштерна. Юрій Юрьевичъ по желанію своего отца получилъ прекрасное военное образованіе и сталъ офицеромъ, но военная карьера не привлекала его. Онъ только отдавалъ дань славы своего отца, искалъ любую возможность оставить военную службу и посвятить свою жизнь служенію Богу. Такая возможность ему представилась только послѣ смерти его знаменитаго родителя.

Въ 1843 году онъ подалъ въ отставку и немедля направился въ святой городъ Іерусалимъ. Поклонившись святымъ мѣстамъ Іерусалима, Юрій Юрьевичъ отправился на Аѳонъ. Въ 1844 году онъ ступилъ на давно желанную аѳонскую землю и направился въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Тамъ припалъ къ ногамъ отца Іеронима и долго исповѣдовался. Отецъ Іеронимъ, видя его искреннее и глубокое покаяніе, принялъ его въ монастырь.

Вскорѣ его постригли въ мантию съ именемъ Григорій. Послушаніе онъ проходилъ на строительствѣ Митрофаньевскаго храма. «Онъ былъ очень ревностенъ къ послушанію, — пишетъ отецъ Селевкій (Трофимовъ), — особенно любилъ пѣть на клиросѣ, а голосъ имѣлъ очень пріятный. Онъ совершенно отсѣкалъ свою волю, безъ благословенія ничего не дѣлалъ; даже бывало на трапезѣ, когда лишнее покушаетъ или безъ времени

когда напьется водицы, то всегда признается въ томъ и попроситъ прощенія. Вообще онъ былъ жизни очень хорошей и къ братьямъ любезенъ»<sup>49</sup>.

Непрестанная Иисусова молитва была основнымъ внутреннимъ дѣланіемъ отца Григорія, молитвой онъ очищалъ свое сердце и молитвой возрасталъ въ любви. Не разъ онъ сподоблялся чудныхъ видѣній. Есть описаніе случая, какъ въ глубокомъ молитвенномъ созерцаніи отецъ Григорій видѣлъ огонь, охватившій со всѣхъ сторонъ, но не опаляющій его. Испугавшись этого пламеннаго Утѣшителя, Григорій обхватилъ лицо руками...<sup>50</sup>

Въ 1850 году отца Григорія постригли въ схиму. Несмотря на утѣшенія, получаемыя отъ Господа, отецъ Григорій не переставалъ проливать горькихъ слезъ покаянія и просилъ ниспослать ему особую болѣзнь, чтобы черезъ физическія страданія еще болѣе очистить свою совѣсть. Милостивый Господь услышалъ молитву своего раба, и отецъ Григорій тяжело заболѣлъ чахоткой. Болѣзнь была настолько тяжелой, что онъ слегъ въ постель, харкалъ кровью, мучился сильнымъ жаромъ. Тогда духовникъ приказалъ отцу Никодиму (Санину) ходить за больнымъ и строго блюсти его, чтобы тотъ не умеръ безъ присмотра.

Отецъ Никодимъ очень уважалъ и любилъ отца Григорія за примѣрную монашескую жизнь и его любвеобиліе и хотѣлъ послужить ему при кончинѣ его жизни. Но затруднялся тѣмъ, что ему по его послушанію нужно было часто отлучаться отъ больного, и онъ боялся, чтобы тотъ во время его отсутствія не умеръ. Впрочемъ, изъ такого затрудненія вывела отца Никодима прозорливость отца Григорія.

Отецъ Никодимъ пришелъ къ отцу Григорію и, объяснивъ ему свое затрудненіе, просилъ его, чтобы тотъ сказалъ ему, когда будетъ умирать. Отецъ Григорій съ подобной же простотой и увѣренностью отвѣчалъ: «Не безпокойся, отецъ мой, когда я буду умирать, тогда объ этомъ скажу тебѣ». И дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ дней онъ сказалъ сидѣвшему при немъ отцу Никодиму: «Вотъ, отче, я скоро умру». Отецъ Никодимъ спросилъ у него, откуда онъ это знаетъ. Больной отвѣчалъ: «Развѣ ты, отче, не видишь, вотъ уже пришли за мной двое и сказали мнѣ: „Пойдемъ домой“». Отецъ Никодимъ торопливо началъ спрашивать его: «Гдѣ они, гдѣ они? Я не вижу ихъ». Отецъ Григорій, сдѣлавъ ему рукою знакъ, сказалъ: «Молчи, молчи, я тамъ тебѣ скажу». И вслѣдъ за этими словами мирно окончилъ свою страдальческую жизнь<sup>51</sup>. Покаяніемъ, непрестанной молитвой и страданіями отецъ Григорій изгладилъ свои прежніе грѣхи и смогъ такъ умягчить свое сердце, что въ немъ воцарилась Божественная любовь. Преставился отецъ Григорій 2 февраля 1852 года.

<sup>49</sup> Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ. СПб., 1860. С. 24.

<sup>50</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 531.

<sup>51</sup> АРПМА. Док. № 518.



Говорятъ, что у великихъ людей рѣдко бывають великія дѣти, и какъ будто бы нашъ примѣръ подтверждаетъ эту мысль: Лисянскій-отець записанъ въ исторіи Россіи огромными буквами, а Лисянскій-сынъ даже біографами его отца не замѣченъ. Но это поверхностное заключеніе! Очень трудно сопоставить другъ съ другомъ дѣйствительно достойные поступки отца съ неимовѣрнымъ смиреніемъ и любовью сына. Они дѣйствовали въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, одинъ — въ матеріальной, земной, а другой — въ духовной, небесной. И если первый

свою славу и честь получилъ отъ людей, то второй свой вѣнецъ получилъ отъ Господа. Первая награда видимая, а вторая невидимая. Первая — временная, а вторая — вѣчная, совершенная. Многіе на землѣ знаютъ, какъ достигъ такихъ же результатовъ, какихъ достигъ Лисянскій-отець, но почти никто не знаетъ, какія нужны нечеловѣческія усилія, чтобы достигъ того, чего достигъ его сынъ.

## Схигумень Парѳеній (Агеевъ)

Схигумень Парѳеній<sup>52</sup> (въ міру Петръ Савичъ Агеевъ) родился 14 ноября 1806 года въ городѣ Яссы, въ Молдавіи. Очень рано осиротѣлъ, но вскорѣ его усыновили добрые люди. Впослѣдствіи о своихъ пріемныхъ родителяхъ онъ вспоминалъ: «Хотя они и были заражены расколомъ, но были весьма богобоязненны, милостивы и гостеприимны. Домъ нашъ всегда былъ открытъ для странниковъ и нищихъ, за что Господь не оставилъ ихъ погибнуть въ расколѣ. На старости лѣтъ они все же присоединились къ Святой Церкви... Учили меня страху Божьему, отъ самаго младенчества отвлекали мое юное сердце отъ всѣхъ соблазновъ міра, рассказывали про уединенную иноческую жизнь и всегда о ней читали и говорили со слезами: „О, блаженны тѣ, кто оставилъ этотъ суетный міръ и отложилъ всякое житейское попеченіе, удалился въ тихія и безмолвныя мѣста: въ монастыри и пустыни, въ горы и лѣса и посвятилъ себя на служеніе Единому истинному своему Господу Богу, кто воспѣваетъ Его день и ночь“».

<sup>52</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Парѳеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи...* Ч. 1–4. М., 1855–1856.

Отець Парөөній оказался достойнымъ ученикомъ своихъ набожныхъ родителей и съ юныхъ лѣтъ проявилъ стремленіе къ монашеской жизни. Едва получивъ паспортъ, онъ пустился въ странствіе по россійскимъ монастырямъ. О томъ, чего онъ искалъ во время своего путешествія, впослѣдствіи писалъ такъ: «Какъ мнѣ безпорочно препроводить жизнь свою и какъ укротить необузданную свою юность? Какъ мнѣ прожить опасные молодые свои годы? Какъ переплыть страшное и многоволнистое житейское море, исполненное всякихъ опасностей, душевныхъ и тѣлесныхъ? Какъ мнѣ достигнуть тихаго и небурнаго пристанища безстрастія и какъ приобрѣсти совершенную любовь ко Господу и къ ближнему своему? Какъ мнѣ побѣдить страсти, и получить соединеніе съ Богомъ, и наслѣдовать Царствіе Небесное?»

Стремясь къ этимъ святымъ цѣлямъ, онъ обошелъ почти всѣ обители Россіи и наконецъ остановился въ раскольническомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ на Буковинѣ, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Паисій. Но мечта побывать на Аѳонѣ и, если будетъ на то воля Бога, остаться тамъ навсегда вынудила его оставить этотъ монастырь и двинуться на югъ, къ завѣтной цѣли.

По дорогѣ изъ-за болѣзни ему пришлось надолго остановиться въ раскольническомъ Мануиловскомъ скитѣ въ Молдавіи, на разстояніи 100 верстъ отъ города Яссы, недалеко отъ города Фэлтичени. Именно здѣсь Господь сподобилъ его освободиться отъ давно мучившаго его совѣсть тяжелаго груза — раскольничества. Очищенный и жаждущій чистаго источника — Православія, онъ со своими единомышленниками — новообращенными друзьями отправился въ православный Нямецкій монастырь — наслѣдіе великаго старца Паисія (Величковскаго).

Укрѣпившись здѣсь въ истинной вѣрѣ, они отправились въ Россію для ознакомленія съ ученіемъ и повседневной жизнью Русской Православной Церкви. Въ іюль 1837 года прибыли въ Кіево-Печерскій монастырь. Вотъ какъ описываетъ свои новыя впечатлѣнія отецъ Парөөній: «Въ теченіе многого времени, которое мы провели въ Кіевѣ, ежедневно мы посѣщали святыя мѣста, пещеры и лобызали мощи святыхъ угодниковъ Божьихъ. Дѣлали это не такъ, какъ прежде въ расколѣ, грустно, темно и мрачно, но свѣтло, весело и радостно. Намъ казалось, что все кругомъ благо и пріятно, все приводило насъ въ умиленіе и слезы».

Изъ Кіева отецъ Парөөній отправился въ Нижній Новгородъ, въ Высоковскій единовѣрческій монастырь, гдѣ жилъ подъ руководствомъ великаго старца Тимона. Довольно подготовившись, отецъ Парөөній съ друзьями вернулся въ Молдавію, въ православный монастырь Ворону, гдѣ надъ нимъ было совершено таинство муропомазанія. Какъ вспоминалъ впослѣдствіи отецъ Парөөній: «Архимандритъ приказалъ всѣмъ намъ снять съ себя раскольническую монашескую одежду, послѣ чего на насъ надѣли послушническую. Потомъ духовникъ всѣхъ исповѣдалъ и испыталъ совѣсть каждаго, кто кѣмъ и какъ былъ крещенъ. Потомъ семь дней препроводили

мы въ постѣ и молитвѣ, проклиная всѣ ереси и расколы. На восьмой день всѣхъ насъ, десять человѣкъ, присоединили къ Единой Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви: однихъ снова крестили, другихъ только помазали святымъ муромъ. Затѣмъ всѣхъ причастили Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой... потомъ объявили насъ послушниками и причислили къ братству».

Радости отца Парѣенія не было границъ. Но старая завѣтная мечта объ Аѳонѣ не оставляла его. Вскорѣ онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добраться до Святой Горы. И, наконецъ, 8 ноября 1839 года прибылъ на давно желанный Аѳонъ.

Жилъ въ келліи у старца Арсенія. Потомъ по его благословенію нѣкоторое время подвизался одинъ. Послѣ чего спасался у старца Іеронима (Соломенцова) въ келліи пророка Іліи Ставроникитскаго монастыря, гдѣ по благословенію отца Арсенія былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Памва.

Онъ очень полюбилъ своего новаго старца — отца Іеронима. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ: «И возлюбила душа моя его, поэтому считалъ за великую потерю, если не видѣлъ его нѣсколько часовъ и не слышалъ отъ него полезнаго слова... И положилъ я намѣреніе: никогда не разлучаться съ нимъ, даже до смерти». Съ отцомъ Іеронимомъ вмѣстѣ 20 октября 1840 года онъ переѣхалъ въ Руссикъ.

Въ 1841 году былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Парѣеній въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ. Постригалъ его духовникъ Іеронимъ, а подводилъ игуменъ Герасимъ. «О, какой я исполнился неизреченной радости, — говорилъ отецъ Парѣеній, — яко сподобился принять великій иноческій образъ въ жребіи Царицы Небесной на Святой Горѣ Аѳонской и въ великой царской русской обители святаго великомученика Пантелеимона!»

Но недолго продолжалась радость отца Парѣенія. Вотъ какъ онъ описываетъ новый поворотъ въ своей жизни: «Видимо, Царь Небесный не хочетъ, чтобы мы радовались, живя въ этой маловременной жизни. Поистинѣ „...многими скорбьми подобаетъ намъ внѣсти въ царствіе Божіе“ (Дѣян. 14:22). Погостилъ я у Царицы Небесной полтора года, и показались мнѣ они за полтора денечка. Въ эти полтора года каждый день моя радость умножалась. Но когда моя радость преисполнилась и мѣстожителство мое совершенно укрѣпилось, когда радостная весна наступила и красное солнце возсіяло, тогда вдругъ нашла туча темная, откуда я не чаялъ, ударилъ сильный громъ и мало что до смерти не убилъ меня»<sup>53</sup>.

Отъ духовника Іеронима отецъ Парѣеній получилъ благословеніе ѣхать въ Россію для сбора пожертвованій въ пользу обители. 8 апрѣля 1841 года, послѣ полтора лѣтъ пребыванія на Аѳонѣ, онъ былъ вынужденъ, слѣдуя благословенію, оставить удѣлъ Божіей Матери. Возвратился онъ только черезъ три года. Въ 1845 году

---

<sup>53</sup> Парѣеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Ч. 2. М., 1855. С. 233.

побывалъ въ Иерусалимѣ. Свои приключенія и впечатлѣнія во время пребыванія на Аѳонѣ и во время поѣздки по Россіи и въ Иерусалимъ онъ описалъ въ книгѣ «Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ», которая была издана въ 4-хъ частяхъ въ 1855 и 1856 годахъ. Эта книга является обильнымъ источникомъ по исторіи Аѳона, русскихъ обитателей и для жизнеописаній многихъ выдающихся подвижниковъ Святой Горы.

Въ маѣ 1846 года отецъ Парөөній вернулся на Аѳонъ и уже не засталъ въ живыхъ своего перваго духовника отца Арсенія. Проживъ тамъ еще шесть мѣсяцевъ, по благословенію старцевъ обители вновь былъ посланъ въ Россію, гдѣ опять занимался сборомъ пожертвованій.

Еще въ 1853 году, находясь въ Россіи, онъ былъ официальнымъ сборщикомъ Руссика, чѣмъ свидѣтельство его письмо, посланное изъ Геосиманскаго скита 13 марта 1853 года, гдѣ онъ сообщаетъ о посылкѣ денегъ въ монастырь<sup>54</sup>. А въ письмѣ отъ 18 февраля 1856 года онъ пишетъ о себѣ слѣдующее: «Уже другой годъ какъ священствую, а живу въ Москвѣ, при домѣ митрополита Московскаго Филарета, и служу завсегда съ нимъ при домовою церкви, также и по разнымъ приходскимъ церквямъ и прохожу послушаніе апостольское, и занимаюсь печатаніемъ и продажей книгъ моего многолѣтняго странствія, которое не даетъ мнѣ покоя день и ночь. Завсегда полны мои кельи посѣтителеми. Однако, хотя и нахожусь въ самомъ обширномъ кругу знакомствъ, но самъ все-таки ничего временнаго не пріобрѣтаю, кромѣ книгъ и иконъ, ибо въ точности покудова исполняю заповѣдь своего старца Арсенія, чтобы ничего ни отъ кого не просить. Но все живу, какъ странникъ на чужой сторонѣ, все летѣлъ бы во Святую Гору Аѳонскую, если бы были у меня крылья. Но еще все-таки не отчаиваюсь окончить послѣдніе дни моей жизни на Аѳонѣ, а болѣе всего прошу Господа Бога моего, чтобы Онъ устроилъ мою жизнь по Своей святой волѣ и помогъ бы мнѣ потрудиться въ пользу Своей Святой Церкви и Отечества и для спасенія душъ человѣческихъ»<sup>55</sup>.

«Въ Москвѣ отецъ Парөөній получилъ возможность опубликовать написанныя имъ ранѣ сочиненія и трудился надъ новыми произведеніями. Достаточно быстро вышли въ свѣтъ два важныхъ его сочиненія, законченныя еще въ Томскѣ. Это, во-первыхъ, „Сказаніе о жизни и о подвигахъ въ Бозѣ почившаго старца Даніила, подвижавшагося въ Сибирской странѣ, въ Енисейской губерніи, въ предѣлахъ города Ачинска, и скончавшагося въ Енисейскомъ Христорожественскомъ женскомъ монастырѣ 15 числа апрѣля 1843 года, въ четвертокъ на Пасхѣ, при игуменіи Евгеніи“ (М., 1855 и др.), завершено 28 іюня 1854 года передъ самымъ отъѣздомъ изъ Томска. Во-вторыхъ, дважды выходило законченное еще въ маѣ 1849 года „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ“ (М., 1855; 2-е изд. М., 1856).

<sup>54</sup> АРПМА. Док. № 3681. С. 2.

<sup>55</sup> АРПМА. Док. № 3681. С. 6–8.

И въ эти же годы отдѣльно были опубликованы три извлеченія изъ него: „Воспоминаніе аѳонскаго инока Парѳенія о разговорѣ съ безпоповцами Поморской секты въ 1825 году“ (М., 1856), „Воспоминаніе аѳонскаго инока Парѳенія о посѣщеніи Святой Горы Аѳонской Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1845 году“ (М., 1856), „Свѣтлый праздникъ въ Іерусалимѣ“ (М., 1856). Кроме того, въ теченіе первыхъ 3 лѣтъ пребыванія въ Москвѣ отцомъ Парѳеніемъ была создана и опубликована „Книга о Промыслѣ Божіемъ, какъ онъ чрезъ Православіе ведетъ ко спасенію, а неправославныхъ обличаетъ собственными ихъ дѣлами“ (М., 1857).

Въ 1856 году отецъ Парѳеній написалъ „Автобіографію“, которая, съ одной стороны, въ болѣе краткомъ видѣ повторяетъ знаменитое „Сказаніе о странствіи и путешествіи...“, а съ другой — является его продолженіемъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ главъ она была напечатана въ 1898–1901 гг., т. е. только черезъ 20 лѣтъ послѣ преставленія отца Парѳенія. Созданныя въ 1855 году „Сказаніе о скопцахъ“ и такъ называемый „Цвѣтникъ“ въ настоящее время впервые готовятся къ изданію»<sup>56</sup>.

Въ іюнѣ 1856 года отецъ Парѳеній святителемъ Филаретомъ Московскимъ былъ назначенъ настоятелемъ Николаевской Берлюковской пустыни<sup>57</sup>, а съ 1858 года онъ уже настоятель Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря<sup>58</sup>, который подъ его энергичнымъ руководствомъ почти съ нуля быстро выросъ до громаднаго монастыря. «За ревностные труды и за построеніе въ короткій срокъ Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря по Высочайшему соизволенію отецъ Парѳеній былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ, который лично былъ на него возложенъ митрополитомъ Филаретомъ. На день памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго, 25 сентября 1863 года, іеромонахъ Парѳеній митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Филаретомъ былъ возведенъ въ санъ игумена»<sup>59</sup>. Строительство Гуслицкаго монастыря стало завершающимъ этапомъ въ трудахъ отца Парѳенія на благо Церкви Православной, стало «воплощеніемъ могучей молитвы старцевъ Святой Горы Аѳонской».

Посылая въ Россію отца Парѳенія, старецъ-духовникъ Святой Горы Аѳонской Арсеній сказалъ: «Господь тебѣ будетъ помощникъ, и онъ тебя заступитъ; ты же все терпи съ благодареніемъ и переноси безъ роптанія. И не имѣй надежды ни на что тлѣнное и мимоходящее, ни на деньги, ни на людей; но уповай только на Единого Бога, и Онъ всѣ твои дѣла исправитъ и совершитъ». «Отецъ Парѳеній всю свою жизнь старался претворять сіи словеса старца въ жизнь, старался послужить многимъ въ дѣлѣ

---

<sup>56</sup> Левшина Ж. А. Матеріалы о схигуменѣ Парѳеніи (Агеевѣ) въ НИОР РГБ // Записки Отдѣла рукописей [РГБ] (въ печати). С. 4.

<sup>57</sup> АРПМА. Док. № 3681. С. 10–12.

<sup>58</sup> АРПМА. Док. № 3681. С. 40–42.

<sup>59</sup> Парѳеній (Агеевъ), инокъ. Автобіографія. М., 2009. С. 243.

обрѣтенія для нихъ православною вѣры какъ своими трудами, книжными и писательскими талантами, такъ и собственнымъ примѣромъ»<sup>60</sup>.

Несмотря на многія заботы на игуменскомъ посту, онъ до конца своей жизни не прекращалъ общенія со старцами Руссика. Въ 1871 году онъ писалъ отцу Иерониму: «Только вспомню мое у васъ пребываніе и ваше ко мнѣ расположеніе, не могу не плакать»<sup>61</sup>.

Въ іюнѣ 1872 года его перевели на покой въ Геосиманскій скитъ Святой Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ онъ и преставился 17 мая 1878 года.

## Схимонахъ Селевкій (Трофимовъ)

Схимонахъ Селевкій<sup>62</sup> (въ міру Степанъ Трифионовичъ Трофимовъ) родился въ городѣ Свистовѣ Бессарабской губерніи въ довольно богатой семьѣ. Когда мальчику было два года, его семью постигло несчастье: при пожарѣ сгорѣлъ домъ, послѣ чего вся семья оказалась въ однѣхъ рубашкахъ на улицѣ. Послѣ этого случая семья нищенствовала, вскорѣ родители умерли, и остался мальчикъ со своей сестрой на попеченіи бабушки.

Во время турецкой войны 1829 года его усыновилъ находящійся тогда въ городѣ русскій офицеръ Павелъ Андреевичъ Скворцовъ. Такъ какъ послѣдній былъ военнымъ, то мальчикъ вынужденъ былъ дѣлать съ нимъ всѣ невзгоды воинской службы: частые переходы и скитанія съ мѣста на мѣсто, участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; однажды мальчикъ даже былъ раненъ.

Офицеръ нашель для мальчика воспитателя, и тотъ обучалъ его элементарной грамотѣ. Вскорѣ его усыновилъ другой офицеръ, полковникъ Илья Ереемевичъ А., который родомъ былъ изъ села Софроново Рыльскаго уѣзда. Степанъ наконецъ обрѣлъ постоянное мѣсто жительства. Ставъ повзрослѣе, онъ сталъ помогать своему пріемному отцу по хозяйству и довольно преуспѣлъ въ этомъ дѣлѣ.

Одно время они съ пріемнымъ отцомъ жили, по причинѣ торговыхъ дѣлъ, въ Санктъ-Петербургѣ. Молодой Степанъ увлекся жизнью большаго города и началъ посѣщать его увеселительныя заведенія. Однажды въ Петербургѣ давали театральное представленіе «Страшный Судъ» (это было на Масленицу). Степанъ посѣтилъ это представленіе, и, увидѣвъ священную сцену въ неприличномъ мѣстѣ, вознегодовалъ на глупость

<sup>60</sup> Парвеній (Агеевъ), *инокъ*. Автобіографія. М., 2009. С. 244.

<sup>61</sup> АРПМА. Док. № 3681. С. 47.

<sup>62</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ*. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ. СПб., 1860; *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 267.



театра, и даже бѣжалъ изъ него. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его выхода театръ вспыхнулъ, начался пожаръ.

Вскорѣ послѣ этого онъ сильно захворалъ и два мѣсяца былъ въ крайнемъ изнеможеніи. Однажды, когда болѣзнь брала уже надъ нимъ верхъ, онъ видитъ и слышитъ, какъ двое юношей вошли къ нему, взяли его за руки и сказали: «Слѣдуй за нами!» Больному представилось, что онъ, не чувствуя никакой болѣзни, всталъ, оглянулся на свою постель и увидѣлъ, что тѣло его осталось на ней...

Тогда только понялъ онъ, что оставилъ земную жизнь и долженъ явиться въ иной міръ. Въ юношахъ онъ узналъ Ангеловъ и въ сопровожденіи ихъ долго шель по чрезвычайно труднымъ и мрачнымъ мѣстамъ. Наконецъ ему послышался шумъ какъ будто огненной лавы, визгъ и вопль лю-

дей. Въ страхъ и трепетъ онъ увидѣлъ что-то вроде печей, въ которыхъ бушевалъ огненный вихрь, крутилось пламя и посреди него раздавались страдальческіе стоны людей. Но печи были наглухо закрыты, и только огонь проглядывалъ сквозь трещины ихъ. Тогда юноши начали объяснять, за какой грѣхъ уготовано то или другое огненное мѣсто. Наконецъ показали ему страшное наказаніе, тоже пламень и различные виды мученій за народныя безчинныя увеселенія, а трепетавшему Степану сказали: «Если ты не отстанешь отъ своихъ грѣховъ и привычекъ прежней жизни, вотъ твое мѣсто...»

Несчастный, видя огненное свое жилище на цѣлую вѣчность, дрожалъ какъ осиновый листъ и ни слова не могъ вымолвить. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ Ангеловъ восхитилъ одного человѣка изъ среды пламени, и Степанъ увидѣлъ, что этотъ несчастный черенъ какъ уголь, весь обгорѣлъ и вдобавокъ окованъ съ ногъ до головы такъ, что ужасно было посмотреть на гибельное его положеніе. Тогда же оба Ангела сняли съ мучившагося оковы, и, какъ мрачная шелуха, слетѣла съ него чернота. Этотъ человекъ сдѣлался чистъ и свѣтелъ, какъ Ангелъ, вышелъ прекрасенъ и съ неопикуемой райской веселостью въ очахъ. Богъ вѣсть, откуда Ангелы взяли одѣяніе, похожее на царскую порфиру, блиставшее какъ свѣтъ, и одѣли ее на страдальца... Степанъ между тѣмъ, видя все это, недоумѣвалъ, восхищался и благоговѣлъ предъ тайной совершающагося чуда видоизмѣненія человѣка, дотолѣ страшнаго и обгорѣлаго, какъ головня...

— Что это значить? — наконецъ смиренно спросилъ онъ Ангеловъ. — Ради Господа, объясните и скажите мнѣ.

— Это душа, — отвѣчалъ одинъ изъ Ангеловъ, — была очень грѣшна и потому, отлученная отъ Бога, должна была по дѣламъ своимъ вѣчно горѣть въ этомъ пламени. Между тѣмъ родители этого грѣшника по смерти его много подавали за него милостыни, много дѣлали поминовеній на Литургіи и панихидахъ, и вотъ ради поминовенія и молитвъ родительскихъ и ходатайства Церкви Богъ умилостивился, душа эта избавлена вѣчнаго мученія и теперь пойдетъ предстать предъ лицомъ своего Господа и радоваться со святыми Его вовѣки. А ты, — продолжалъ Ангель, — иди еще въ свое мѣсто и, если хочешь избавиться от этой геенской муки, исправься и перестань грѣшить.

При этихъ словахъ видѣніе закончилось. Степанъ очнулся отъ сна и увидѣлъ, что его домашніе плачутъ по нему и распоряжаются приготовленіемъ тѣла его къ погребенію.

Съ этого времени Степанъ въ своемъ сердцѣ окончательно рѣшилъ пойти въ монастырь. Но на его пути встала преграда. Довольный его торговыми способностями, отецъ хотѣлъ его женить и сдѣлать своимъ преемникомъ, и, какъ назло, вдругъ сразу же откуда-то появились многія кандидатки въ невѣсты. Юноша все время уговаривалъ своего отца отложить это меропріятіе. Но наконецъ его уговорили, и вотъ отецъ назначилъ день помолвки. Собралась вся родня, вывели невѣсту, мѣстную красавицу, но, какъ только она стала подходить къ Степану, онъ вдругъ ужаснулся: она ему показалась отвратительной и какъ будто съ рогами. Онъ закричалъ: «Нѣтъ воли Божіей, чтобы я женился на чужой сторонѣ!» — убѣжалъ въ свою комнату и закрылся. Пришелъ отецъ. Уговаривалъ его, обѣщая многія богатства и свое имѣніе, но Степанъ со слезами умолялъ его: «Ничего не хочу, батюшка. Что мнѣ имѣніе и богатство! Въ будущемъ вѣкѣ не надо будетъ ничего этого. Я хочу идти въ монахи!»

Отецъ разсердился и началъ на него кричать: «Какой ты будешь монахъ!?» Но Степанъ былъ непреклоненъ, говорилъ: «Вы видите сами, что нѣтъ воли Божіей жениться мнѣ. Я самъ хотѣлъ быть хозяиномъ и имѣть семейство, но невозможно поступить противъ Божіей воли». Отецъ, увидѣвъ упорство сына, на этотъ разъ отступилъ.

Степанъ былъ частымъ гостемъ находящейся поблизости Софроновой пустыни. Строгая монашеская жизнь притягивала боголюбиваго юношу. Однажды онъ поѣхалъ туда со своимъ отцомъ, который, увидѣвъ, какъ захвачена душа Степана всѣмъ окружающимъ, спросилъ его: «Что, Степанушка, нравится ли тебѣ этотъ монастырь?» Степанъ отвѣтилъ: «О, батюшка Илья Ереемеевичъ, оставьте меня здѣсь; я очень возлюбилъ это мѣсто и буду молиться за васъ и за себя, чтобы Богъ простилъ мои грѣхи».

Несмотря на то что отецъ высмѣялъ его отвѣтъ, Степанъ въ этотъ моментъ рѣшилъ окончательно, что посвятить свою жизнь Богу. Это взбѣсило пріемнаго отца, и онъ избилъ его такъ сильно, что Степанъ лежалъ неподвижно цѣлую недѣлю и послѣдствія

этого избіенія мучили его всю оставшуюся жизнь: онъ страдалъ головной болью, волосы всѣ облѣзли и часто темнѣло у него въ глазахъ.

Послѣ выздоровленія Степанъ оставилъ домъ, своего отчима и пошелъ скитаться по монастырямъ Россіи, пока у него не зародилась мысль посѣтить святыя мѣста Востока. Съ помощью добрыхъ людей онъ смогъ собрать нужныя для поѣздки средства и отправился въ Константинополь, на Кипръ, въ Іерусалимъ. Его жаждущая всего святаго душа была вдоволь утолена встрѣчей съ многочисленными христіанскими святынями. Вотъ съ какимъ восторгомъ онъ описываетъ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ: «Въ Вербное воскресенье были мы у Гроба Господня, гдѣ раздавали вайи финиковъ, такія красивыя, что любо смотрѣть. Послѣ утрени стали собираться священники изъ окрестныхъ церквей, іеромонахи, архимандриты, епископы, архіепископы и митрополиты. Освѣтили весь храмъ, такъ что лампады и сосчитать невозможно. А народу было такое множество, что нѣкоторые забрались на самый верхъ иконостаса и даже выше. Я, грѣшный, заплакалъ отъ радости, видя такую торжественную сцену, и думалъ: „Что это такое будетъ?“ — Вдругъ ведутъ Патріарха и поютъ сладкимъ голосомъ: „Аксіонъ эстинъ“ („Достойно есть“). О, любезные читатели, ума моего не хватаетъ передать, когда облачились всѣ митрополиты, архіепископы и пр., пошли кругомъ Кувукліи въ два ряда и запѣли: „Благословенъ грядый во имя Господне!“ Боже мой! Что тогда со мной было... „Неужели и на небесахъ такъ будетъ?!“ — подумалъ я. Это такая радость, что и описать невозможно! Желаю всѣмъ православнымъ христіанамъ видѣть такое торжество».

Изъ Іерусалима Степанъ отправился на Святую Гору Аѳонъ и въ іюнѣ 1844 года достигъ пристани Русскаго Пантелеимонова монастыря, который такъ его впечатлил, что онъ рѣшилъ остаться здѣсь навсегда. Но Руссикъ былъ еще не обустроенъ и бѣденъ и не имѣлъ возможности принимать новыхъ членовъ. Поэтому духовникъ Іеронимъ благословилъ его пожить пока гдѣ нибудь въ одной изъ келлій.

Степанъ устроился въ келліи Иверскаго монастыря, у старца Товифы, гдѣ онъ прожилъ полгода, а послѣ переселился къ братьямъ Корневымъ, которые имѣли собственную каливу\*. Здѣсь онъ выполнялъ послушаніе повара, пекъ хлѣбъ и просфоры. Въ этой келліи на Рождество Христово онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Сильвестръ.

«О, какая была радость, — пишетъ онъ, — когда исполнилось давнишнее мое желаніе и на самый день Рождества Христова облекли меня въ ангельскій образъ. Былъ Стефанъ — нарекли Сильвестромъ! Какъ легко мнѣ стало, какъ будто скинулъ съ себя тяжкое бремя грѣховное. Нѣтъ силы описать то сладостное ощущеніе!» Вскорѣ умеръ старецъ келліи отецъ Филиппъ, и оставшіеся безъ духовника монахи переселились въ Руссикъ. Среди нихъ и отецъ Сильвестръ. Его приняли въ братство и отправили на послушаніе къ старцу Харитону въ келлію «Живоносный Источникъ», гдѣ онъ выполнялъ послушаніе повара и хлѣбопека. Черезъ полгода дали ему послушаніе садовника-виноградара. Онъ трудился въ виноградникахъ прилегающихъ къ монастырю келлій: на Троицкой, Георгіевской и др.

1 октября 1849 года старцы монастыря благословили отца Сильвестра вмѣстѣ съ двумя другими монахами ѣхать въ Россію для сбора пожертвованій. Онъ объ этомъ пишетъ такъ: «Это неожиданное предложеніе очень меня напугало. Я не зналъ, что отвѣтить, и сталъ отговариваться, но тщетны были мои попытки».

Старцы Руссика съ похожей миссіей уже посылали въ Россію отца Парвенія (Агеева), но тогда эта миссія не увѣнчалась успѣхомъ, а монастырь сильно нуждался въ средствахъ. Поэтому была предпринята новая попытка, и, слава Богу, на этотъ разъ предпріятіе было довольно успѣшнымъ. Въ этомъ огромную роль сыграли опубликованныя къ этому времени



«Письма Святогорца» отца Сергія (Веснина). Это подтверждаетъ и самъ отецъ Сильвестръ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Онъ очень вдохновился первыми успѣхами и приступилъ къ дѣлу съ большимъ рвеніемъ. Обошелъ почти всю Россію и почти вездѣ имѣлъ огромный успѣхъ. Вотъ какъ онъ описываетъ свое пребываніе въ городѣ Старый Осколь: «Потомъ я пріѣхалъ въ Старый Осколь (Курской губерніи). О, какая была радость! Во всѣхъ домахъ встрѣчали и принимали меня какъ роднаго. А хлѣбосольство, любовь и добродѣтель жителей этого города нѣтъ силы и описать». При такой благосклонности почти во всѣхъ городахъ Россіи отецъ Сильвестръ собралъ сумму въ четыре тысячи рублей серебромъ. Но главнымъ его пріобрѣтеніемъ была икона Божіей Матери «Знаменіе», точная копія съ оригинала, которую ему подарили въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ и которую онъ украсилъ серебряной, вызолоченной ризой съ брилліантами и драгоценными камнями.

На обратномъ пути домой онъ познакомился съ Михаиломъ Ивановичемъ Сушкинымъ, будущимъ игуменомъ Руссика, который собирался въ поѣздку по святымъ мѣстамъ Востока, и они вмѣстѣ отправились въ Одессу, а оттуда въ Константинополь.

На Аѳонѣ отецъ Сильвестръ прибылъ наканунѣ новаго, 1851 года. Вотъ его описаніе этого момента: «Когда мы вышли на берегъ, я взялъ икону Божіей Матери, для которой справилъ въ Курскѣ серебряную, вызолоченную и украшенную брилліантами и драгоценными камнями ризу. Какъ стали мы подходить къ воротамъ, тотчасъ зазвонили во всѣ колокола и встрѣтили насъ архимандритъ (настоятель нашъ), духовникъ и вся братія. Я отдалъ геронтѣ (настоятелю) икону, поклонился ему въ ноги, а онъ



*Дальняя Георгіевская келлія во времена отца Селевкія. Сегодня полностью разрушена*

благословилъ меня и поцѣловалъ въ голову. И духовникъ отецъ Іеронимъ благословилъ меня и сказалъ: „Благодаримъ тебя, отецъ Сильвестръ, за труды твои; не отъ насъ ожидай награды, а отъ Царицы Небесной!“»

Въ Великій постъ постригли отца Сильвестра въ схиму съ именемъ Селевкій и дали ему новое послушаніе — разбивать камни порохомъ. Послѣ долгихъ испытаній ему благословили жить въ Георгіевской\* (дальней) келліи, которая къ этому времени была совершенно разорена. Многими трудами и стараніями отецъ Селевкій смогъ возстановить келлію: «Сдѣлалъ я себѣ маленькую берложечку, — какъ писалъ впослѣдствіи онъ, — (келеечку) только по своему росту, т. е. въ нее можно влѣзть, только нагнувшись. Она освѣщается дневнымъ свѣтомъ черезъ маленькое окошко. А для приходящихъ была другая келлія. Господь помогъ намъ поправить иконостасъ, оштукатурить церковь и исправить келлію».

Но недолго ему пришлось наслаждаться пустынножительствомъ. Въ 1857 году ему благословили опять ѣхать въ Россію на сборъ пожертвованій, на этотъ разъ съ іеромонахомъ Макаріемъ (Семыкинымъ)<sup>63</sup>. Онъ отчаянно сопротивлялся, но духовникъ Іеронимъ

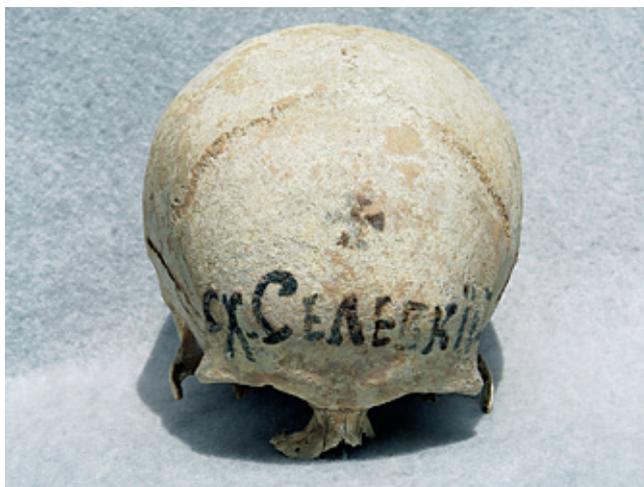
<sup>63</sup> Схііеромонахъ Макарій (въ міру Максимъ Ермиловичъ Семыкинъ) — бывший купеческій сынъ изъ города Старый Осколь Курской губерніи. Сынъ схимонаха Геннадія и братъ монаха Артемія. Прибылъ на Аѳонъ въ 1838 году и поступилъ въ Ильинскій скитъ. Въ 1839 году выѣхалъ на родину, послѣ чего въ 1840 году

сказалъ ему: «Мы созданы не для того, чтобы жить только для себя; надо и для другихъ потрудиться. Ты можешь быть многимъ на пользу».

Онъ безоговорочно послушался своего любимаго духовника. И на этотъ разъ миссія отца Селевкія была удачной. Онъ своей святой жизнью и простотой вновь привлекъ много боголюбивыхъ людей, и опять черезъ него была большая матеріальная польза для монастыря. Во время этой поѣздки онъ началъ записывать свои воспоминанія, которыя подъ названіемъ «Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ съ подробнымъ описаніемъ службы на 1 октября въ Русикѣ и краткими сказаніями о нѣкоторыхъ старцахъ русскаго монастыря на Святой Горѣ Аѳонѣ» были изданы въ 1860 году. Также въ архивѣ монастыря сохранены его письма<sup>64</sup>, которыя онъ посылалъ старцу Іерониму изъ разныхъ городовъ Россіи и которыя подчеркиваютъ его предѣльную честность и преданность монастырскому дѣлу. Въ этихъ письмахъ сохранилась память о тѣхъ многихъ истинныхъ христіанахъ, которые съ великой радостью помогали монастырю святаго великомученика Пантелеимона въ процессѣ возстановленія.

Въ 1862 году отецъ Селевкій вернулся въ родную обитель, которая его стараніями уже достаточно укрѣпилась матеріально. Благодарные старцы больше не беспокоили его, и онъ до своего смертнаго часа въ теченіе 17 лѣтъ жилъ и подвизался въ одиночествѣ въ Георгіевской келліи, которую братія изъ-за святой жизни отца Селевкія также называла Селевкіевской келліей. Старець достигъ высшихъ уровнейъ духовнаго совершенства, позналъ сладость умной молитвы, чѣмъ былъ очень полезенъ для многихъ новоначальныхъ монаховъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ щедро раздавалъ своимъ многочисленнымъ собратіямъ и мирянамъ тѣ духовные дары, что получилъ за смиреніе и послушаніе.

Преставился схимонахъ Селевкій 5 сентября 1879 года, кончина его была мирной и тихой.



возвратился на Аѳонъ и поступилъ въ Русикѣ, постриженъ въ схиму въ 1841 году, въ томъ же году рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1844 году — въ іеромонаха. Послушанія проходилъ въ переплетной, въ Россіи — по сбору пожертвованій. По его ходатайству устроена на Крумичной пристани гостиница съ церковью святителя Петра, митрополита Московскаго, и святителя Тихона, епископа Задонскаго. Награжденъ Палицею въ 1876 году. Преставился 31 августа 1879 года, отъ роду 62 лѣтъ. Въ 1861–1863 годахъ писалъ письма духовнику Іерониму изъ Россіи во время сбора пожертвованій (см. АРПМА. Док.: № 1215, 1217).

<sup>64</sup> АРМПА. Док.: № 1215, 1216.

## Преподобный Тимофей Валаамский

Преподобный Тимофей<sup>65</sup> (в миру Тимофей Николаевич (фамилия его неизвестна) был уроженцем города Устюга Вологодской губернии, сыном бедного селянина-перевозчика. В юности он проживал в Петербурге. Видя суету и непостоянство этого мира, оставил дом свой, родителей, родственников своих и имение свое и пришел на остров Валаам, где в Валаамском монастыре был пострижен в мантию с именем Тихон. Лето до двадцати отец Тихон подвизался на Валааме, и наконец, чтобы праздностью беседы не отвлекаться от Иисусовой молитвы, которую стяжал строгими изнурительными трудами послушания, задумал закрыть уста своим молчанием. Вследствие этого он притворился, будто его язык поразила апоплексическая ударь. На все вопросы начальства и братии он не отвечал, всячески показывая невозможность общения, а потом мало-помалу утвердился в подвиге молчания.

Знаменитый русский духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев в своей популярной книге «Путешествие по святым местам русским», описывая свое паломничество на Валаам в 1830 году, писал об отце Тимофее так: «На следующий день, за ранней обедней, увидел я при мощах преподобных (Сергия и Германа) изнуренного инока, который, казалось, с трудом мог стоять. Мне сказали, что он молчальник и уже 8 лет как положил на себя обет безмолвия, беседуя только на исповеди с духовником. Причина столь тяжкого искуса, превышающего строгий устав, неизвестна». Носились, впрочем, слухи о том, что отец Тихон притворно, а не по болезни молчал, но никто не был в силах развязать его языка ни убеждениями, ни ловкостью, ни легкой пыткой, исключая некоторых особенных случаев и крайностей, когда сам он без всякой просьбы со стороны других раскрывал свои уста, из которых вылетали слова утешения и назидания. Но это было так редко и так таинственно, что только те знали об этом, кто удостоивался его особенного расположения и доверия или когда кто нибудь находился в опасности или в отчаянном положении.

Прошло пятнадцать с лишним лет, а для скромного и молчаливого Тихона ничего не менялось. Он думал, желал и даже ожидал того, чтобы свои подвижнические

---

<sup>65</sup> Жизнеописание составлено по книгам: *Селевкий (Трофимовъ), схимонахъ*. Рассказъ святогорца схимонаха Селевкия... СПб., 1860. Прилож. С. 21; *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Біографія Святогорца, письма его къ друзьямъ своимъ о Святой Горѣ Аѳонской, до сихъ поръ не изданныя, и келейныя записки. СПб., 1873. С. 59; *Пароеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Ч. 4. М., 1856. С. 270; *Русскій Паломникъ*. 2001. № 23. С. 47.

кости нигдѣ не уложить, кромѣ какъ на Валаамѣ, но Господь судилъ вопреки его волѣ и чаянію.

Настоятель Валаамской обители отправилъ его въ Петербургъ, на подворье. Послушливый Тихонъ не могъ найти причины, чтобы отказать отъ новой своей жизни. Того требовало смиреніе и самыя иноческія обѣты. Онъ нехотя отправился въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ до двухъ лѣтъ съ половиной, не мѣняя, впрочемъ, образа жизни и не измѣняя молчаливому своему языку. Онъ оставался для всѣхъ нѣмъ, кромѣ немногихъ, что само собой привлекало къ нему толпы любопытныхъ. Въ концѣ концовъ вѣсть о его доброй подвижнической жизни разнеслась такъ, что онъ сдѣлался, наконецъ, дивомъ для многихъ. Даже дѣти знали, что у этого бѣднаго монаха нѣтъ языка.

«Часто, — говорилъ позже на Аѳонѣ отецъ Тихонъ, — зная, пріѣзжая въ часовню съ дѣтьми, трогала меня до глубины сердца. Маленькія дѣти, бывало, подбѣгали къ своимъ родственникамъ и, указывая имъ на меня, въ простотѣ и съ сердечнымъ чувствомъ восклицали: „Маменька, маменька, бѣдный этотъ монахъ: у него нѣтъ языка!“» Эта добрая черта нѣжнаго дѣтскаго характера невольно увлекала отца Тихона. Онъ улыбался, глядя на милыхъ дѣтей, и втайнѣ благословлялъ сострадательность ихъ ангельскаго сердца.

Впрочемъ, какъ ни силенъ былъ отецъ Тихонъ въ своихъ подвигахъ, а жизнь столичная казалась для него свинцовымъ крестомъ. Слезно и пламенно молился онъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, прося Ея промысла и помощи выйти изъ столицы. Въ своихъ желаніяхъ онъ искренне признался духовнику Александро-Невской Лавры, опытному отцу Мелхиседеку, требуя его совѣтовъ и молитвъ о себѣ. И общая для всѣхъ Утѣшительница не оставила его въ этомъ затруднительномъ положеніи. Случайно пришла какъ-то мысль отцу Тихону попроситься на поклоненіе въ Иерусалимъ. Эту мысль онъ передалъ отцу Мелхиседеку, который благословилъ его и даже самъ ходатайствовалъ за него передъ митрополитомъ Серафимомъ, прося объ увольненіи отца Тихона за границу.

Не шель или ѣхаль, а летѣлъ изъ Петербурга отецъ Тихонъ въ Москву. Здѣсь онъ впервые явнымъ образомъ началъ славить Бога своими устами и говорить обо всемъ и со всѣми, кто только былъ ему знакомъ и близокъ. Въ Кіевѣ и всюду потомъ его уста точили всѣмъ нуждающимся сладкія утѣшенія и дивныя назиданія, которыя при простоте его ума и сердца были образованы строгими и горькими опытами дивнаго подвижничества.

Отецъ Тихонъ, собираясь въ путь, не имѣлъ ни гроша. Впрочемъ, это его нисколько не смущало. При наличіи живой вѣры въ Отеческій Небесный Промыселъ (послѣ кончины отца Тимоѳея въ его молитвенникѣ нашли лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: «Я обѣщался никакими лѣкарствами не лѣчиться и ни у кого ничего не брать») задуманное казалось осуществимымъ. Знакомыя туго набили его

дорожный кошелекъ, который онъ, однако, при своей сострадательности такъ истощилъ на бѣдныхъ, что, явившись на Аѳонъ, имѣлъ въ карманѣ только полуимперіаль.

Русскій монастырь принялъ его съ любовью. Согласно его желанію, ему отдали пустынную келлію во имя святаго Георгія Побѣдоносца (дальнюю), гдѣ и поселился нашъ молчальникъ. Въ схимѣ, которую отецъ Тихонъ принялъ вскорѣ по прибытіи изъ Іерусалима, онъ былъ нареченъ Тимоѳеемъ.

Келлія эта находилась къ юго-востоку отъ Ксенофонтскаго скита, у подошвы одного изъ пустынныхъ холмовъ. Тамъ отецъ Тимоѳей полагалъ начатки безмолвія аѳонскаго и провелъ три года, если не больше. Его обыкновеннымъ ложемъ былъ стулъ — стасидія\*, родъ высокаго кресла, на ручки котораго можно опираться стоя. Только въ крайнихъ случаяхъ, по болѣзни, отецъ Тимоѳей спалъ на койкѣ, и то всегда сидя и очень мало. Пустынные его подвиги зналъ и видѣлъ только Богъ. Ноги его отъ постоянныхъ молитвенныхъ стояній отекали. Кожа на нихъ была какъ у верблюда, такъ что ему не нужны были сандаліи. Если же кто-то непременно захотѣлъ бы его обуть, то ихъ пришлось бы нарочно шить, потому что никакая обыкновенная обувь не подходила къ его отекавшимъ, а иногда и гноящимся ногамъ, на которыя жалко было смотрѣть, тѣмъ болѣе когда закипали онѣ ранами.

Отецъ Сергій (Веснинъ) въ своихъ письмахъ пишетъ: «По особенной любви моей къ этому дивному пустыннику и я пользуюсь взаимностью его чувствъ и отеческимъ расположеніемъ, такъ что онъ всегда и на всякое время дозволяетъ мнѣ приходить къ нему въ пустыню. Вслѣдствіе сего я подслушивалъ иногда его горькій плачь, его неутѣшныя слезы и сердечныя страданія. О чемъ онъ груститъ? Отчего его слезы?.. Про это знаетъ только Богъ и сердце отца Тимоѳея, который для назиданія моего и въ утѣшеніе изнемогающаго духа моего подъ крестомъ иноческихъ подвиговъ признавался мнѣ, что плоть его остается въ дѣвственной чистотѣ. Бывало иногда, въ крайнемъ моемъ изнеможеніи, я начну жаловаться отцу Тимоѳею на мою лѣность, на нерадѣніе къ молитвѣ и славословію. Онъ тяжело вздохнетъ, а по временамъ и со вздохомъ произнесетъ: „Ахъ, брате, брате! Когда мы искренне Бога возлюбимъ, повѣрь мнѣ, не будемъ лѣнны. Лѣность въ молитвѣ значитъ недостатокъ любви къ Богу. Терпи, чадо, терпи, — прибавитъ онъ къ этому съ улыбкой. — Терпѣть не будешь, бѣсу жертвой будешь“. И я, бывало, всегда чувствовалъ неизъяснимое удовольствіе въ бесѣдахъ съ отцомъ Тимоѳеемъ. При возвышенныхъ своихъ понятіяхъ объ аскетикѣ, въ особенности о созерцательной жизни, при строгой опытности своей, онъ иногда меня съ дѣтскимъ простодушіемъ спроситъ: “Скажи, пожалуйста, что это значитъ богословіе, которому васъ учатъ. Я такой глупый, что ничего не знаю. Я вѣдь не ученый, сынъ перевозчика. Ахъ, если бы мнѣ знать по твоему богословію.. Сь чувствомъ я всегда пытался отвѣчать на его дѣтскій вопросъ. Отецъ Тимоѳей улыбается при этомъ, потупится и замолчитъ».

Въ послушники ему на келлію старцы благословили отца Парөөенія (Агеева), который такъ описываетъ подвижничество отца Тимоѳея: «Меня отпустили къ нему послужить <...> и сподобился я быть очевидцемъ его жизни и подвиговъ. Жилъ съ нимъ полгода и не видѣлъ его никогда на ребрахъ лежащаго, да и сидящаго весьма мало, только развѣ во время трапезы. Но всегда онъ былъ на ногахъ, хотя ноги были больны и опухли, но онъ на то не смотрѣлъ. Каждую ночь, съ вечера, среди церкви онъ становился на молитву и стоялъ неподвижно до наступленія дня. Таковъ его былъ уставъ! Кельи для себя не имѣлъ, а церковь ему была вмѣсто кельи. Въ теченіе дня прочитывалъ часть изъ Апостола и часть изъ Евангелія, акаѳистъ Богородицѣ. Потомъ занимался трудами. Пищу употреблялъ самую постную. Послѣ трапезы входилъ въ церковь, садился на мѣсто и всего часъ дремалъ — это было его упокоеніе, которое онъ позволялъ своей немощной плоти. Потомъ вставалъ и исполнялъ монашеское правило: триста поклоновъ земныхъ, тысячу триста поясныхъ, а молитву читалъ не устами, но сердцемъ и умомъ. Таковы были его жизнь и подвиги, что я не могъ безъ слезъ на него и смотрѣть. Я, окаянный, не только не могъ въ чемъ нибудь ему подражать, но боялся на него и смотрѣть. Но, впрочемъ, желалъ препроводить жизнь свою съ нимъ и послужить ему до смерти. Думаю, за его святыя молитвы простилъ бы Господь мои великія согрѣшенія и помиловалъ бы мою окаянную душу, но великихъ грѣховъ моихъ ради не сподобился я до конца совершить мое желаніе и послужить такому великому старцу».

Недолго отецъ Тимоѳей оставался на Георгіевской келліи, потому что келлія, принадлежащая ему, требовала отъ него много домашнихъ хлопотъ, отъ которыхъ онъ такъ отвыкъ и которыя такъ отвлекали его отъ богомыслія, что онъ рѣшился перейти въ монастырь, гдѣ, посвятивъ себя совершенно Богу, уединился въ глубокомъ затворничествѣ, являясь посреди братства только въ субботу для принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ и никуда не выходя болѣе въ другіе дни.

Когда старецъ Тимоѳей пришелъ на Святую Аѳонскую Гору, то духовникъ Іеронимъ благословилъ его говорить со всѣми и, кто будетъ требовать, давать наставленія. Разговоры и наставленія его были только о томъ, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву и чтобы каждый болѣе всего старался очищать внутренняго человѣка, очищать свое сердце отъ помысловъ и отъ прилоговъ вражьихъ. Онъ всегда говорилъ, что монахъ потому называется воиномъ Царя Небеснаго, что имѣетъ брань и войну не съ плотью и кровью и не съ человѣками, но съ началами тьмы вѣка сего и съ духами злобы, которые безпрестанно воюютъ съ нашимъ умомъ и безпрестанно пускаютъ свои стрѣлы въ наше сердце и уязвляютъ насъ. Не въ нашей волѣ состоитъ, что они стрѣляютъ, и невозможно намъ этого имъ запретить, но въ нашей волѣ состоитъ то, чтобы намъ безпрестанно имъ противиться и отражать ихъ стрѣлы, т. е. помыслы, безпрестанной Иисусовой молитвой. Если случится, что они насъ очень больно уязвятъ, то надобно скорѣе эту рану открывать врачу, т. е. духовному отцу, и излѣчивать ее покаяніемъ и слезами.

Еще онъ часто говорилъ такъ: «Срамно и стыдно тому воину называться воиномъ, который не исполняетъ въ точности царской службы. Онъ еще подвергнется и наказанію. Такъ же стыдно и срамно будетъ передъ Царемъ Небеснымъ и намъ, монахамъ, не старающимся въ очищеніи внутренняго человѣка и не старающимся совершать умную сердечную молитву, которая очищаетъ наше сердце, и отгоняетъ всѣ вражьи помыслы и прилоги, и соединяетъ насъ съ Самимъ Богомъ. Какое мы, монахи, принесемъ оправданіе, если, оставивъ міръ, освободившись отъ мірскихъ попеченій, удалившись въ пустыню, отрекшись отъ самихъ себя и уже одолѣвъ половину пути, не захотимъ дойти до конца его и не постараемся достигъ настоящей нашей цѣли? Настоящая же наша цѣль — очистить внутренняго человѣка, возлюбить Господа Бога отъ всего сердца своего и отъ всего помышленія своего и соединиться съ Нимъ молитвой, т. е. безпре-  
станнымъ съ Нимъ собесѣдованіемъ черезъ умную молитву. Когда достигнемъ такого истиннаго монашескаго состоянія и будетъ сладостно для нашего ума и сердца имя Сладчайшаго нашего Господа Иисуса Христа, тогда съ Нимъ сможемъ побѣдить и страсти. И не только ихъ тогда побѣдимъ, но и умертвимъ. А кромѣ умной молитвы, невозможно намъ побѣдить страсти, и очистить свое сердце, и соединиться съ Богомъ. Умная молитва есть начало и источникъ всѣмъ добродѣтелямъ. И Апостоль говоритъ, что *„... хоцѹ пѣть словесѹ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую, нежели тми словесѹ языкомъ“* (1 Кор. 14:19). И Самъ Господь нашъ Спаситель міра сказалъ: *„Себо царствіе Божіе внѣ въ васъ есть“* (Лк. 17:21). И еще: *„Блажени чистиі сердцемъ: яко тии Бѣга узрятъ“* (Мѣ. 5:8).

Какъ намъ тогда будетъ нерадостно, когда не узримъ внутри насъ Царствія Небеснаго? Какъ намъ тогда будетъ невесело, когда не сможемъ очистить свое сердце отъ страстей и отъ нечистыхъ помысловъ? Какъ намъ тогда будетъ неутѣшительно, когда душевными нашими очами узримъ самого Бога? Вотъ какіе намъ Господь открываетъ неизреченныя таинства и какіе изливаетъ свои неизреченныя милости, а мы не хотимъ постараться очистить свое сердце, не хотимъ понуждать себя въ благотворной умной молитвѣ! Ибо *„...царствіе небесное нудится {съ нудею воспріемлется}, и нудницы восхищаютъ е“* (Мѣ. 11:12). Это дѣло наше — иноковъ, монашествующихъ, оставившихъ міръ и мірское попеченіе и всю суету. Міръ, т. е. любители міра, не достигаютъ этого, и даже не вмѣщаютъ, и не могутъ достигъ этого, потому что они всегда упражняются въ житейскихъ попеченіяхъ и имѣютъ умъ свой привязаннымъ къ міру и его прелестямъ».

Къ себѣ по необходимости отецъ Тимоѳей не возбранялъ входъ братіи, но, дорожа его затворничествомъ, они не иначе бывали у него, какъ только въ крайности своего положенія, для раскрытія предъ нимъ своихъ мыслей и совѣсти и для полученія назиданія отъ его старческой бесѣды. Кушать ему приносили въ келью.

Келья его въ монастырѣ была наверху, надъ отхожими мѣстами, и полна клоповъ. У него не было ни кровати, ни постели. Вмѣсто кровати служило ему кресло, а надъ головой лежала Псалтырь. Когда онъ, бывало, сидѣлъ на скамейкѣ, то у него на колѣняхъ

лежала чурочка, въ которой выдолблены были двѣ ямочки, а въ нихъ — масличныя зерна. Онъ бралъ по одному зернышку, перекладывалъ изъ одной ямки въ другую, а самъ творилъ Иисусову молитву.

Схимонахъ Селевкій (Трофимовъ) вспоминаетъ: «Дивный былъ старецъ! Я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Бывъ у него однажды въ келье, говорю ему: „Отецъ Тимоѳей, благослови меня обмести стѣны твоей кельи отъ клоповъ“. А онъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, отче, клопы для меня полезны, у меня пахнутъ ноги, а они вытягиваютъ изъ нихъ дурную кровь“. А мы и ничтожную боль, и даже укусъ блохи не можемъ стерпѣть. Отецъ Тимоѳей былъ самовольный мученикъ».

Иеросхимонахъ Сергій (Веснинъ) и въ монастырѣ не прекращалъ съ нимъ духовнаго общенія. Онъ пишетъ: «Разъ я разговорился съ нашимъ строгимъ затворникомъ отцомъ Тимоѳеемъ о свойствахъ истиннаго смиренія, и между прочими своими замѣчаніями на этотъ важный предметъ онъ сказалъ: „Чтобы достигъ совершенства и всей высоты евангельскаго смиренія, человѣкъ долженъ приучить себя думать и вѣрить, что онъ хуже не только скота, но и демона...“ — „Помилуй, — возразилъ я, — это уже слишкомъ, это даже не совмѣстимо съ понятіями о высокомъ достоинствѣ нашей души. Что я хуже скота, это очень естественно, но хуже демона, — я думаю, сказать такъ о человѣкѣ, искупленномъ за вѣтной кровью Богочеловѣка, не только нехорошо, но даже погрѣшительно“. „По вашей ученой гордости можетъ быть и такъ, — отвѣчалъ съ улыбкой отецъ Тимоѳей, — но со стороны нашего иноческаго невѣжества это — непререкаемая истина, подтверждаемая Евангеліемъ. Ты согласенъ, — продолжалъ онъ, — со словами Писанія: «...яко всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха» (Ин. 8:34) — съ тѣмъ вмѣстѣ — и дьявола, который называется начальникомъ зла, княземъ тьмы вѣка сего, т. е. владыкой беззаконія. А кто изъ насъ чуждъ грѣха, кто не рабъ беззаконій? А рабъ можетъ ли быть выше своего владыки? Самъ суди объ этомъ. И съ другой стороны, мы хуже демона. А именно: за него не пролита безцѣнная кровь Богочеловѣка и нѣтъ для него Жертвы искупленія. А между тѣмъ мы всѣ искуплены цѣной крови Владычней, и всѣ средства къ оправданію и наслѣдію Царствія Небеснаго со стороны Божьей намъ доставлены. Такъ лучше ли мы демона, если все это оставляемъ въ пренебреженіи? Разумѣется, гораздо хуже его и неблагодарнѣе предъ такъ неизъяснимо благодѣющимъ намъ Господомъ!..“»

Преставился отецъ Тимоѳей 13 августа 1848 года. Вспоминая его тяжелые подвиги, отецъ Парѳеній (Агеевъ) добавляетъ: «Зато какая была его кончина! Почти цѣлый мѣсяцъ онъ каждый день приобщался Святыхъ Таинъ и скончался тихо и мирно. Откопанныя его косточки были желтыя какъ воскъ. И у меня была его кость въ сундукѣ, и какъ я, бывало, открою сундукъ, такъ и пойдетъ благоуханіе неизреченное»<sup>66</sup>.

<sup>66</sup> Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ. СПб., 1860. Прил. С. 22.

## Схіархимандритъ Михаилъ (Козловъ)

Схіархимандритъ Михаилъ<sup>67</sup> (въ міру Макарій Кузьмичъ Козловъ) родился въ 1826 году въ городѣ Сычевкѣ Смоленской губерніи, у родителей-старообрядцевъ. Съ восьмилѣтняго возраста онъ обучался грамотѣ и вскорѣ началъ самъ читать Псалтырь и прочія духовныя книги. Но бѣда его была въ томъ, что родители пытались обучить его въ своей старообрядческой вѣрѣ, а съ 10 лѣтъ вовсе вынудили оставить учебу и заниматься торговымъ дѣломъ. Мальчикъ же жаждалъ заниматься и нерѣдко просилъ своихъ родителей отдать его въ училище. Они тогда съ гнѣвомъ отвѣчали: «Для чего тебѣ еще учиться?! Ты хорошо уже наученъ, умѣешь писать и читать. Что тебѣ еще нужно?» — послѣ чего мальчикъ безутѣшно плакалъ.

Только послѣ смерти его отца мать согласилась отдать его въ уѣздное сычевское училище, но вмѣшались родственники-старообрядцы, и мальчикъ вынужденъ былъ покинуть училище. Послѣ этого Макарій самостоятельно старался изучить Законъ Божій, грамматику, риторику, логику и прочія науки. Его любовь къ чтенію и книгамъ при своихъ богослуженіяхъ использовали старообрядцы и заставляли его читать не только каѳизмы и каноны, но часто, изъ-за неимѣнія старшихъ грамотныхъ мужчинъ, и Апостоль, и Евангеліе.

Взрослѣя, юный Макарій все болѣе понималъ ложность старообрядческихъ заблужденій. Особенно его сомнѣнія усугубились, когда онъ обнаружилъ, что есть много старообрядческихъ общинъ, которыя проклинаятъ другъ друга. Тогда юный искатель истины спросилъ себя: «Въ которой же изъ этихъ сектъ находится Святая Церковь?» И долго-долго надъ этимъ размышлялъ, и охватила его глубокая печаль. Онъ началъ въ тайнѣ своего сердца молить и просить Бога: «Господи, покажи мнѣ путь истинный, вонъже пойду».

Наконецъ, когда ему исполнилось 18 лѣтъ, въ январскую лунную ночь 1844 года, усердно помолившись Богу и возложивъ на Него всю свою надежду, онъ покинулъ свой домъ и началъ странствовать по Россіи. Сначала прибылъ въ Москву, а оттуда пошелъ по разнымъ городамъ. Во время странствій его подозрѣнія о жалкомъ состояніи старообрядческой вѣры еще болѣе укрѣпились. Въ 1846 году онъ остановился въ старообрядческомъ Климовскомъ Покровскомъ монастырѣ, о которомъ старообрядцы говорили, что въ немъ «корень благочестія». Богъ услышалъ его молитву и черезъ одно печальное

---

<sup>67</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Михаилъ (Козловъ), схіархимандритъ. Письма къ друзьямъ изъ Афона*. М., 1864; Душеполезныя размышленія за 1884. 2-е изд. М., 1901. С. 169.

событіе окончательно открылъ ему глаза, что нѣтъ у мнимыхъ старообрядцевъ истинной Христовой Церкви, нѣтъ Ея таинствъ и въ какомъ ужасномъ заблужденіи они находятся, уклоняясь отъ истиннаго пути. Онъ сталъ свидѣтелемъ ужасной кончины одного старообрядческаго монаха, который умеръ безъ исповѣди и безъ причастія. Здѣсь же онъ узналъ, что всѣ старообрядческія таинства мнимы и выдуманы. Онъ оставилъ этотъ монастырь и поѣхалъ въ Кіево-Печерскую Лавру, поклонился всѣмъ ея святынямъ и, при явномъ ощущеніи Божіей благодати, принялъ тамъ окончательное рѣшеніе обратиться въ истинную Православную Церковь.

За помощью онъ обратился къ православному протоіерею города Ржева Матѳею Александровичу и открылъ ему свое намѣреніе обратиться въ православную вѣру. Отецъ Матѳеи принялъ его покаяніе и объявилъ ему, что онъ принятъ въ лоно Церкви Христовой, но Макарій считалъ себя нечистымъ отъ ереси и искалъ муропомазанія, котораго онъ не получилъ при крещеніи. Для этой цѣли онъ отправился в Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ 8 ноября 1846 года черезъ святое муропомазаніе окончательно былъ присоединенъ къ Православной Церкви.

Послѣ этого Макарій еще нѣсколько лѣтъ жилъ въ своемъ домѣ и только послѣ смерти матери приступилъ къ осуществленію своей мечты — стать монахомъ. До 1854 года по благословенію преосвященнаго Тимоѳея, епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, исполнялъ миссіонерскія обязанности, упражнясь въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ съ прежде бывшими единомышленниками-старообрядцами въ разныхъ селеніяхъ Сычевскаго уѣзда.

Въ 1854 году по собственному желанію поступилъ въ единовѣрческій первоклассный монастырь Черниговской епархіи и до 1856 года исполнялъ въ немъ клиросное и прочія послушанія. По полученіи увольненія въ монашество отъ общества сычевскихъ гражданъ по собственному желанію и усердію отправился на Святую Гору Аѳонъ. 15 апрѣля 1857 года онъ прибылъ на Аѳонъ. Тамъ онъ поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ черезъ годъ, 21 марта 1858 года, былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Мелетій.

Въ это время отецъ Мелетій написалъ воспоминанія о пребываніи въ расколѣ и о своемъ обращеніи, которыя подъ названіемъ «Письма къ друзьямъ изъ Аѳона» были два раза изданы въ Россіи<sup>68</sup>. Отецъ Мелетій писалъ дневникъ, который является прекраснымъ источникомъ по исторіи монастыря и всего Аѳона, а также для изученія біографій отдѣльных подвижниковъ того времени<sup>69</sup>.

Въ 1860 году монахъ Мелетій съ Высочайшаго разрѣшенія и по благословенію Священнаго Синода ѣздилъ въ Россію для сбора милостыни. Онъ успѣшно выполнилъ это послушаніе и черезъ четыре года вернулся въ обитель. Здѣсь по милости Божіей съ нимъ

<sup>68</sup> АРПМА. Док. № 513 — автографъ о. Мелетія.

<sup>69</sup> АРПМА. Док. № 517.

произошло одно событіе, которое стало большимъ урокомъ ему на всю жизнь. Этотъ случай онъ самъ описалъ въ своихъ дневникахъ въ третьемъ лицѣ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: «Одинъ монахъ [самъ архимандритъ Михаилъ (Козловъ)] былъ посланъ отъ обители въ Россію для сбора милостыни. Окончивъ послушаніе, онъ вернулся въ Руссикъ. Врагъ, ненавидя добро, ухитрился осквернить послушаніе его святотатствомъ, внушивъ ему такую мысль, что, можетъ быть, онъ не уживется въ обители и ему придется выйти изъ нея куда либо въ другое мѣсто. Если такъ, то хорошо бы утаить ему сколько нибудь изъ собранныхъ денегъ. Онъ принялъ такой душепагубный совѣтъ змѣиный: дѣйствительно удержалъ у себя двѣ тысячи рублей, хотя совѣсть много препятствовала ему это сдѣлать. Но врагъ попущеніемъ Божиимъ и мудрыхъ сумѣетъ перехитрить и одурачить, а всѣму злу причиною для монаха есть безсовѣстность.

Такъ какъ онъ своимъ святотатствомъ осквернилъ святое общежитіе, то Промысль Божій для поддержанія чистоты совершеннаго общежитія не оставилъ его безъ яснаго явнаго вразумленія. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ того какъ онъ утаилъ деньги съ намѣреніемъ употребить ихъ въ случаѣ, если оставитъ обитель, то вслѣдствіе сего дьявольскаго внушенія и жить онъ сталъ нерадиво и разсѣянно. Однажды онъ гостилъ на келліи святыхъ безсребрениковъ, у жившаго тамъ іеромонаха Макарія. И вотъ вечеромъ, когда онъ прогуливался въ кругѣ келліи, предъ нимъ является огромнаго роста чучело, грозящее ему трехаршиннымъ пальцемъ и съ гнѣвомъ восклицающее: „Зачѣмъ ты утаилъ монастырскія деньги, отдай ихъ монастырю, а то я тебя убью!“

Монахъ страшно испугался этого ужаснаго страшилища, кинулся бѣжать въ монастырь и, прибѣжавъ туда, не медля, раскаялся въ своемъ грѣхѣ и возвратилъ утаенныя деньги, все подробно рассказавъ о страшномъ видѣніи, представившемся ему наяву. Съ того времени сталъ онъ слышать бѣсовскіе гласы день и ночь, которые не давали ему покоя, всѣ угрожали ему, проклинали, ругали, хвалились погубить его. Онъ убоялся, сталъ много молиться и поститься, каяться во всѣхъ своихъ грѣхахъ, много плакалъ, сталъ чувствовать, что множество бѣсовъ вошли внутрь его и безпрестанно говорятъ ему, что „ты теперь нашъ, а потому напрасно ты молишься и постишься“. „Напрасно противишься намъ, — говорили они, — ибо мы скоро погубимъ тебя и отнесемъ во адъ“. И съ великой яростью бранили его самыми скверными словами и проклинали, терзали внутренность его, надували чрево, не давали ему покоя день и ночь, лишили сна и аппетита, чтобы такимъ образомъ изнурить его тѣло и умертвить, приговаривая: „Уже кончено, мы вотъ скоро убьемъ тебя“.

Онъ, бѣдный, отъ этихъ ихъ угрозъ приходилъ въ большой страхъ и отчаяніе. И все передавалъ подробно духовникамъ своимъ [отцу Іерониму и отцу Макарію], которые молились за него и подкрѣпляли его своими совѣтами, чтобы онъ не вѣрилъ имъ, не отчаивался въ спасеніи своемъ, не боялся ихъ, но мужественно противился бы имъ, и чтобы самъ проклиналъ ихъ, и что это искушеніе попущено ему отъ Бога за святотатство.

И все это попущено, чтобы этимъ наказаніемъ и другихъ вразумить, дабы не дерзали разорять общежитіе. И что все это пройдетъ, и будетъ онъ отъ сего исцѣлень, а потому можетъ не сомнѣваться и не думать, что скоро умретъ.

Но все же монахъ сталъ просить, чтобы его постригли въ схиму. Духовникъ приказалъ ему готовиться къ принятію схимы. За недѣлю до пострига онъ много страдалъ отъ бѣсовъ, которые отчаянно и съ великой яростью нападали на него. Духовники отчитывали его, а братія тянула четки за него. Въ субботу, когда онъ пришелъ въ церковь къ постригу въ схиму и причастію Святыхъ Таинъ, тогда бѣсы надули его чрево и кричали: „Не допустимъ до пострига въ схиму и къ причастію Святыхъ Таинъ, сейчасъ задушимъ тебя, разорвемъ на куски...“ Воротили въ немъ кишки и всю внутренность и всѣ вопили: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не выйдемъ!“ Онъ изнемогъ до обморока. А когда стали его постригать, тогда бѣсы стали выходить изъ него и чрево у него стало уменьшаться. Когда же постригъ закончили, тогда бѣсы, вышедши изъ него, возопили: „Ну вотъ, всѣ труды наши погибли, мы не успѣли погубить его!“ А когда онъ пріобщился Святыхъ Таинъ, тогда бѣсы вовсе оставили его, и онъ уже не слышалъ голосовъ ихъ. Получившій такой страшный назидательный урокъ за нарушеніе правилъ общежитія святотатствомъ, онъ сталъ съ тѣхъ поръ жить внимательнѣе прежняго»<sup>70</sup>.

Постригъ въ схиму произошелъ 29 октября 1866 года съ наименованіемъ Мелетія Михаиломъ. Послѣ этого отецъ Михаилъ шесть лѣтъ выполнялъ послушаніе благочиннаго въ монастырѣ.

Въ 1872 году по благословенію Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго Анѳима онъ былъ посланъ старцами Пантелеимонова монастыря къ русскимъ раскольникамъ-некрасовцамъ, проживавшимъ въ Малой Азій, въ селеніи Майнось и на рѣкѣ Дунаѣ, для религіозныхъ собесѣдованій съ ними, вразумленія и обращенія ихъ къ Святой Православной Церкви. Потомъ по письменному приглашенію Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа Казанскаго и Свѣжскаго, 12 іюля 1874 года уволенъ настоятелемъ Русскаго Пантелеимонова монастыря въ Казанскую епархію и принятъ въ Казанскій Архіерейскій домъ. Тѣмъ же архіепископомъ Антоніемъ въ Казанскомъ кафедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ 14 сентября того же года рукоположенъ въ іеродіакона, а 20 октября — въ іеромонаха.

27 ноября 1874 года по распоряженію епархіального начальства перемѣщенъ изъ Казанскаго Архіерейскаго дома въ Свѣжскій первоклассный Богородицкій монастырь съ опредѣленіемъ миссіонеромъ по обращенію раскольниковъ въ Православіе. 15 декабря 1875 года награжденъ набедренникомъ. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 января 1879 года № 16 онъ былъ назначенъ по представленію Высокопреосвященнаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго, настоятелемъ Селенгинскаго

<sup>70</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 569.

Троицкаго монастыря и начальникомъ Забайкальской противораскольнической миссиі съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. А 28 января 1879 года возведенъ въ этотъ санъ тѣмъ же архіепископомъ Антоніемъ въ Казанскомъ каедральномъ соборѣ.

Служеніе архимандрита Михаила за Байкаломъ въ назначенномъ ему Селенгинскомъ монастырѣ продолжалось почти пять лѣтъ. Все это время онъ неустанно трудился, успѣлъ многое сдѣлать для старообрядческаго міра, для убѣжденія раскольниковъ въ неправотѣ ихъ дѣйствій отчужденія отъ Святой Церкви и надѣялся при помощи Божіей направить ихъ на путь истины.

Къ сожалѣнію, онъ не смогъ здѣсь найти надежныхъ и свѣдущихъ сотрудниковъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ. Вездѣ долженъ былъ дѣйствовать почти одинъ, хотя и приглашалъ къ соучастію какъ единовѣрческихъ, такъ и православныхъ священниковъ въ качествѣ свидѣтелей истиннаго ученія и для пріученія ихъ къ этой практикѣ. По статистикѣ, которая приводится военнымъ губернаторомъ Забайкальской епархіи, раскольниковъ считалось въ ней тогда болѣе 25 тысячъ. Большею частью они были бѣзпоповцы, выселенные изъ Вятки при императрицѣ Екатеринѣ II. Еще двѣ тысячи безпоповцевъ жили отъ нихъ отдѣльно, особнякомъ.

Отецъ Михаилъ посѣтилъ всѣ селенія до одного, гдѣ жили старообрядцы и единовѣрцы, вначалѣ для ознакомленія, гдѣ ему предлежало творить дѣло введенія единовѣрія и устроенія Божіихъ церквей, а потомъ уже специально для собесѣдованій съ раскольниками по предметамъ ихъ разномыслія съ Православной Церковью. Такихъ собесѣдованій въ году бывало около 50. Образцы этихъ бесѣдъ печатались въ «Иркутскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» и были весьма назидательны какъ для старообрядцевъ по убѣдительности доводовъ къ соединенію съ Христовой Церковью, такъ и вообще для любителей благочестія по теплотѣ христіанскаго чувства и любви къ спасаемымъ.

Въ подавляющей массѣ своей старообрядцы, исключая, конечно, своекорыстныхъ вожаковъ, вполнѣ соглашались съ доводами проповѣдника истины, но сдѣлать рѣшительный шагъ къ вступленію на путь истины каждый изъ нихъ по отдѣльности боялся, такъ какъ это значило бы, какъ заявлялъ самъ миссіонеръ, стать жертвой мѣсти, какую обыкновенно испытываютъ одиночки, передовые ревнители правды отъ подстрекателей раздора. Отецъ Михаилъ, близко къ сердцу принимавшій подобные безпорядки и своеволіе между старообрядцами, горѣлъ желаніемъ посѣтить своихъ колеблющихся собесѣдниковъ, но предсмертная болѣзнь не позволила ему это исполнить.

Среди старообрядческаго міра остался, впрочемъ, и видимый памятникъ его заботѣ о приведеніи на пажить Святой Церкви послушныхъ овецъ. Это Бороховская Введенская единовѣрческая церковь, построенная его неусыпными стараніями.

Самое же главное въ трудахъ блаженнаго благовѣстника — это голосъ истины, запечатлѣнный въ его письменныхъ трудахъ, начиная съ писемъ къ друзьямъ со Святой Горы

Аѳонъ до монографіи «Искатель непрестанной молитвы»<sup>71</sup> и бесѣдъ со старообрядцами. Въ нихъ свѣтитъ освященный благодатью духъ подвижника и видны всѣ степени восхожденія его изъ пагубнаго раскола на путь спасительный, когда онъ, укрѣпившись силой Духа благодати Божіей, смогъ стать путеводителемъ и для другихъ.

Съ большимъ усердіемъ заботился архимандритъ Михаилъ и о благоустройствѣ ввѣренной ему Селенгинской обители. При немъ были построены многія зданія и была обстроена главная церковь. Во внутреннемъ устроеніи монастырскаго порядка и богослуженія онъ держался, сколько возможно, аѳонскаго устава и порядковъ другихъ образцовыхъ монастырей. Духовную связь съ Аѳономъ и со своими горячо любимыми духовниками, отцомъ Иеронимомъ, отцомъ Макаріемъ и отцомъ Арсеніемъ, онъ поддерживалъ до конца своей жизни, чѣму свидѣтельство огромная переписка съ ними<sup>72</sup>.

Вотъ что пишетъ онъ своему духовному отцу игумену Макарію 8 іюля 1883 года, за шесть мѣсяцевъ до своей кончины: «На меня, немощнаго, возложено столько дѣлъ, сколько я и въ молодыхъ лѣтахъ никогда не дѣлалъ. Исполняя волей-неволей возложенныя на меня порученія, я часто задумываюсь о томъ, не будутъ ли тщетными мои труды и бесполезными для моей многогрѣшной души. Думаю, вы со мной согласитесь, что для меня полезно было бы оплакивать только содѣянные мною грѣхи, а не другими людьми управлять, служить предъ алтаремъ, а не начальствовать надъ другими. Однако подъ старость жизнь моя сложилась совершенно иначе»<sup>73</sup>. Отвѣтомъ на эти смиренныя слова великаго старца можетъ быть только одно: нѣтъ, его труды не были тщетными, такъ какъ онъ помогъ тысячамъ людей найти истиннаго Бога, обрѣсти душевный

<sup>71</sup> Произведеніе (1859 года) подъ такимъ названіемъ нами обнаружено въ рукописяхъ монастыря. Полное его названіе «Искатель непрестанной молитвы или рассказъ странника». Оно написано на 46 листахъ (L033141) и по содержанію почти полностью совпадаетъ съ извѣстнымъ текстомъ книги «Откровенныя рассказы странника духовному своему отцу», которая была издана въ 1881 году настоятелемъ Черемисскаго монастыря игуменомъ Паисіемъ. А онъ, въ свою очередь, навѣрное, переписалъ текстъ для книги на Аѳонѣ именно съ этой рукописи. Къ сожалѣнію, въ этой рукописи не обозначенъ авторъ произведенія, и это не оригинальная рукопись о. Михаила. Однако примѣчательно то, что современные архимандриту Михаилу насельники Руссика считали, что авторомъ этого произведенія былъ о. Михаилъ и именно этотъ трудъ сталъ прототипомъ знаменитаго духовнаго произведенія «Откровенныя рассказы странника духовному своему отцу», который, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, только послѣ редакторскихъ поправокъ и добавокъ святителя Ѳеофана появился на свѣтъ съ новымъ названіемъ. Такую версію не исключаютъ и нѣкоторые современные изслѣдователи (см.: *Иеромонахъ Василій (Гролемундъ). Послѣсловіе // Откровенныя рассказы странника духовному своему отцу.* ИМКА-ПРЕССЪ. Парижъ. 1989. С. 299). Но такъ какъ не найдена оригинальная рукопись этого произведенія, достовѣрно утверждать, что эта версія правдива, мы не можемъ (въ библиотекѣ Руссика хранятся двѣ рукописныя копіи конца XIX вѣка съ этой рукописи, но уже подъ названіемъ «Откровенныя рассказы странника духовному своему отцу» объемомъ 75 листовъ (L033127) и 226 листовъ (L033273). Тѣмъ болѣе что по послѣднимъ изслѣдованіямъ достовѣрно установлено, что авторомъ этого произведенія является іеромонахъ Арсеній (Тропольскій) (см. Журналъ Московской Патріархіи за 2010 годъ. № 1. С. 54–59).

<sup>72</sup> АРПМА. Док. № 1378.

<sup>73</sup> АРПМА. Док. № 1378. С. 289.

миръ и вернуться въ лоно Православной Церкви и тѣмъ самымъ исполнилъ долгъ христіанской любви.

Умеръ архимандритъ Михаилъ какъ праведникъ. За 15 лѣтъ до своей кончины, еще на Афонѣ, во время тяжелой болѣзни, онъ слышалъ голосъ въ откровеніи, что ему надлежитъ быть еще въ Сибири, определено прожить еще 15 лѣтъ и тогда Господь пошлетъ за его душой. Время это близилось. И онъ не скрывалъ этого, многимъ рассказывалъ, даже врачамъ, лѣчившимъ его, говорилъ объ этомъ роковомъ предѣлѣ жизни, указанномъ ему свыше. Такъ и случилось. Болѣзнь не уступала медицинскимъ пособіямъ. Потому онъ успѣлъ сдѣлать всѣ распоряженія на случай своей смерти, два раза былъ елеопомазанъ, исповѣдовался и причащался Святыхъ Таинъ. Кончина его была столь тихая, что сидящіе рядомъ не замѣтили, какъ отецъ ихъ архимандритъ испустилъ послѣдній вздохъ. Это свершилось въ день Трехъ святителей (30 января 1884 года), въ два часа пополудни, послѣ пятимесячной тяжелой болѣзни подвижника, которую онъ переносилъ въ благодушномъ терпѣніи.

Погребеніе совершилъ прибывшій къ тому времени, какъ нарочно, изъ Читы на пути въ Иркутскъ преосвященный Мелетій, епископъ Селенгинскій. Онъ также имѣлъ о смерти архимандрита нѣкоторое предувѣдомленіе. Прибывъ въ монастырь на другой день по кончинѣ настоятеля, уже вынесеннаго изъ кельи въ церковь, послѣ полуночи на 1 февраля, владыка въ легкомъ снѣ слышалъ пѣніе пасхальной службы въ исполненіи ликовъ иноковъ и, пробудившись въ пріятномъ ощущеніи, принялъ это, конечно, за добрый признакъ торжества и побѣды почившаго подвижника надъ врагами спасенія.

Архимандритъ Михаилъ былъ погребенъ за алтаремъ главной монастырской Троицкой церкви, съ южной ея стороны. Ему было всего 58 лѣтъ.

## Схимонахъ Серафимъ (Комаровъ)

Схимонахъ Серафимъ<sup>74</sup> (въ міру Симеонъ Максимовичъ Комаровъ) происходилъ изъ ярославскихъ крестьянъ. Былъ призванъ на военную службу и дослужился до капитана, а послѣ отставки жилъ въ Санктъ-Петербургѣ, занимаясь торговымъ дѣломъ, въ чемъ весьма преуспѣлъ, ставъ купцомъ 3-й гильдіи. Онъ собралъ огромное состояніе, такъ что имѣлъ свою гостиницу. Сдѣлавъ своими компаньонами родныхъ братьевъ, онъ поспособствовалъ тому, что со временемъ они стали даже придворными поставщиками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ вѣрующимъ и очень набожнымъ человекомъ, свое состояніе использовалъ для благотворительности, щедро надѣляя многіе монастыри, а среди

---

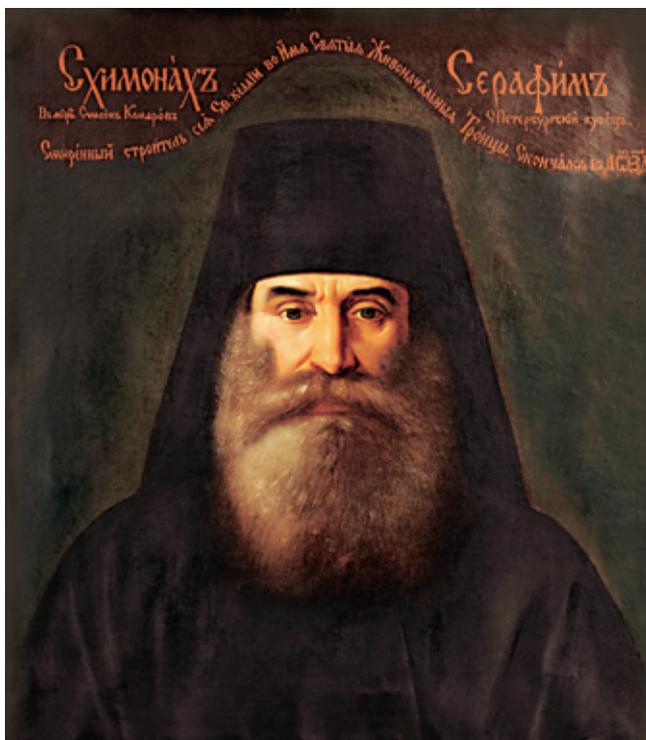
<sup>74</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ. Сочиненія и письма Святогорца*. М., 2006. С. 267.

прочихъ и аѳонскую русскую обитель, пожертвованными средствами. Свою единственную дочь Елену онъ воспитывалъ въ вѣрѣ и любви къ Богу. Въ 1843 году умерла его жена, и тогда онъ рѣшилъ навсегда оставить мiръ и посвятить себя полностью Богу. Свое дѣло онъ передалъ братьямъ, а дочь, тоже мечтавшая о монашествѣ, поступила въ Староладожскій монастырь, гдѣ вскорѣ была пострижена съ именемъ Ерміонія. Послѣ отъѣзда своего отца на Аѳонъ она была въ постоянномъ духовномъ общеніи съ нимъ и съ другими старцами Руссика, чѣмъ свидѣтельство ея письма въ Руссикъ<sup>75</sup>.

Въ концѣ 1843 года Симеонъ Максимовичъ пріѣхалъ на Аѳонъ какъ паломникъ. Старецъ Іеронимъ съ радостью принялъ своего бывшаго благотворителя и узналъ о его намѣреніи стать монахомъ. Но Симеонъ Максимовичъ, видя острую нехватку средствъ у монастыря, понял, что можетъ по-другому послужить обители, и, вернувшись въ Россію, всѣ свои оставшіяся средства употребилъ для поддержки Руссика. Также къ этому дѣлу онъ активно подключилъ своихъ родныхъ.

Его усердіемъ наконецъ былъ достроенъ Митрофаньевскій храмъ, пріобрѣтенъ иконостасъ для этого храма и храма Успенія Пресвятыя Богородицы. На собственныя средства недалеко отъ обители онъ построилъ Троицкую\* келлію.

Вотъ какъ описываетъ освященіе Митрофаньевскаго храма отецъ Сергій (Веснинъ): «Не такъ давно у насъ совершилось освященіе новаго, собственно русскаго, Митрофаніева храма. Освященіе совершалъ адрианопольскій митрополитъ Григорій, пребывающій на покоѣ въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей, а именно въ Ватопедѣ. <...> Для русскаго сердца было чрезвычайно трогательнымъ это рѣдкое и, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ событіе (освященіе Митрофаніева храма) на священныхъ высотахъ Аѳона. Признательность русскаго монастыря Господу Богу за Его Отеческій Промыселъ о немъ свидѣтельствовалась всенощнымъ на этотъ отраднѣй день освященія бдѣніемъ, продолжавшимся восемь часовъ, а благодарность къ Россіи за ея вниманіе и участіе въ судьбахъ сей обители живо выразилась въ теплыхъ молитвахъ о вождѣнномъ здравіи нашего Государя Императора Николая



<sup>75</sup> АРПМА. Док. № 2848.

Павловича и всей Высочайшей Фамилии, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о спасеніи всѣхъ, въ особенности благотворящихъ русскому монастырю.

Назадъ тому шесть уже лѣтъ, какъ положенъ былъ въ основаніе камень храму новоявленнаго чудотворца и святителя Митрофана. Въ теченіе этого времени онъ строился медленно, стѣсняясь внѣшними обстоятельствами, и донынѣ, вѣроятно, не достигъ бы еще въ совершенствѣ внутренней отдѣлки, если бы не послалъ Богъ сюда сверхъ чаянія поклонника, санктъ-петербургскаго купца Семена Максимовича Комарова, который, растрогавшись бѣднымъ положеніемъ русскаго монастыря, при отбытіи своемъ со Святой Горы Аѳонъ далъ священный обѣтъ: устроить иконостасъ въ новый Митрофаніевъ храмъ, а также озаботиться внутреннимъ его украшеніемъ на собственное свое иждивеніе, что и исполнилъ какъ нельзя лучше.

Три года спустя, 1 сентября 1846 года, онъ прибылъ на Святую Гору со сдѣланнымъ въ Россіи иконостасомъ, самъ лично досматривалъ за конечной отдѣлкой храма, и къ 23 ноября храмъ Митрофаніевъ красовался уже иконостасомъ и драгоценной утварью. Толпы любопытствующихъ тѣснились въ храмъ. Греки радовались усердію Россіи къ благолѣпію храмовъ Господнихъ, а сердца русскихъ преисполнялись чувствами неизъяснимаго восторга. Благословеніямъ Россіи и державному Царю ея и изъявленіямъ чувствъ сердечной признательности г. Комарову не было конца... Зрѣлище было истинно умилительное!.. Въ день, когда празднуется память святителя Христова Митрофана, предположено было освятить его храмъ и русскій монастырь. Чувствуя важность и понимая, насколько рѣдко случаются подобныя событія, монастырь почелъ недостаточнымъ совершать это празднество безъ архіерея. Вслѣдствіе того и былъ заранѣе приглашенъ престарѣлый Адрианопольскій митрополитъ Григорій, который и прибылъ еще за восемь дней до освященія храма. Въ теченіе этого времени часто навѣщая новый храмъ русскій и любуясь его драгоценными украшениями, онъ святительски благословлялъ имя Россіи и ея Державнаго Вѣнценосца, а обращаясь къ г. Комарову, указывалъ ему то на иконы святыхъ, то на небо, не въ состояніи будучи объяснить по-русски своихъ сердечныхъ ему желаній награды за его пожертвованія тамъ, на небесахъ!..

22 ноября, когда все уже было готово къ освященію, въ четыре часа пополудни въ новомъ храмѣ началась малая вечерня, послѣ которой мощи святаго великомученика Пантелеимона, заранѣе внесенные въ него, отправлены были обратно самимъ Высокопреосвященнымъ въ греческій соборъ на свое мѣсто. До шести часовъ вечера братіи данъ былъ отдыхъ къ оживленію и укрѣпленію силъ для совершенія всенощнаго бдѣнія, которое началось съ потухающею зарею и длилось, какъ уже сказано, восемь часовъ. Русскіе, греки и всѣ, кто пришелъ на этотъ русскій праздникъ (ихъ было около 500 человекъ), соединились для бдѣнія въ новомъ храмѣ. Пѣніе было общее: начало было положено русскими, потомъ ихъ смѣнили греки, и наоборотъ. Послѣ

вечерни греки удалились въ свой соборъ на утреню, но самъ преосвященный остался съ нами, и для него, собственно, тогда же было читано на греческомъ языкѣ житіе святителя Христова Митрофана.

Послѣ первой каѳизмы на утрени по-русски было произнесено слово, въ которомъ особенно выражались признательныя чувства русской братіи Господу Богу и Россіи съ историческимъ, между прочимъ, указаніемъ на первоначальное происхождение и достоинство христіанскихъ храмовъ, имѣющихъ основаніе въ словахъ святаго апостола Петра, который еще на Фаворѣ предложилъ поставить три сѣни, что указываетъ намъ на право посвященія храмовъ имени не одного только Господа Бога, но и святыхъ Его. Этого совершенно была чужда Церковь Ветхозавѣтная, строго ограничившаяся поклоненіемъ Единому Богу, и то во храмѣ только Іерусалимскомъ.

Вслѣдъ за нимъ началось освященіе, и совершилось оно еще до разсвѣта. Глубокая тьма преполовившейся уже въ славословіяхъ ночи чрезвычайно много придавала трогательности обряду освященія. Въ особенности это было подчеркнуто троекратнымъ обхожденіемъ вокругъ церкви всей братіи передъ его началомъ. Все братство и пришельцы съ возженными свѣчами, а нѣкоторые — съ лампадами и хоругвями предшествовали и послѣдовали святителю Божию. Вся эта процессія, утопая во свѣтѣ пылающихъ свѣчей, живо напомнила собою древняго Израиля, руководимаго въ нощи огненнымъ столпомъ къ далекимъ предѣламъ Обѣтованной земли. Русскій колокольный звонъ довершалъ картину торжественности русскаго праздника, невольно переносившаго насъ мыслью въ далекую и милую отчизну нашу. Литургія, начавшаяся по освященіи безъ расхода, закончилась въ девять часовъ утра, и, такимъ образомъ, вся служба этого русскаго праздника въ непрерывномъ ея порядкѣ длилась цѣлыхъ пятнадцать часовъ, что до такой степени истощило силы маститаго старца преосвященнаго Григорія, что его на рукахъ отнесли изъ церкви въ гостиную.

Трапеза какъ въ самый праздникъ, такъ и наканунѣ поставлялась здѣсь за счетъ единственнаго благодѣтеля русскаго храма г. Комарова, лично дѣлившаго съ нами нашу радость. Здѣсь, въ трапезной, престарѣлымъ греческимъ дидаскаломъ\* архимандритомъ Прокопіемъ была произнесена краткая рѣчь, въ особенности трогательная выраженіемъ затруднительныхъ обстоятельствъ настоящаго положенія русскаго монастыря и изъявленіемъ признательности отъ лица всей братіи г. Комарову, тостъ котораго былъ заключеніемъ не роскошной, но довольно вкусной трапезы.

Изъ трапезной все братство съ настоятелемъ удалилось въ русскій новоосвященный храмъ, гдѣ по краткомъ славословіи возглашено было многолѣтіе Государю Императору, Высочайшей Фамиліи, потомъ Священному Синоду, всѣмъ любителямъ и благотворителямъ русскаго монастыря и наконецъ г. Комарову. Возглашеніе многолѣтій, потрясая легкіе своды храма, звучнымъ эхомъ далеко разносилось въ воздухѣ и, конечно, отзывалось въ самихъ небесахъ!



*Троицкая келлія въ 70-хъ годахъ XIX вѣка. Сегодня полностью разрушена*

По выходѣ изъ храма г. Комаровъ принималъ отъ всѣхъ поздравленія съ благополучнымъ окончаніемъ праздника. Затѣмъ въ гостиной, за кубкомъ лознаго вина, желанія многолѣтій Государю Императору повторились, и взаимность скромныхъ бесѣдъ ликующаго братства длилась почти до полудня. Къ вечеру торжественность праздника смѣнилась обычнымъ безмятежіемъ иноческой жизни. Только русскій чай напоминалъ намъ торжество и знаменательность протекшаго дня. Такъ совершилось освященіе русскаго Митрофаніева храма! Мы прославили за то Господа Бога, въ чувствѣ искренней признательности молились Ему за Россію и сердечно просили, да даруетъ Онъ славу ей, могущество и силу и многая-многая лѣта нашему Батюшкѣ, ея Великому Царю!

С. М. Комаровъ теперь уже былъ въ иноческой одеждѣ и названъ былъ Серафимомъ. Поначалу г. Комаровъ, когда прибылъ сюда съ иконостасомъ, даже до освященія храма, на вопросъ братіи, останется ли жить съ нами, обыкновенно отвѣчалъ:

„А вотъ подожду освященія храма. Когда это дѣло совершится и я исполню вполнѣ мой обѣтъ, тогда посмотрю, что со мною сдѣлаетъ святой Митрофанъ и что онъ скажетъ мнѣ... Теперь я ничего не предполагаю“.

Освященіе храма Митрофаньева было совершено 23 ноября, а 5 декабря г. Комаровъ принялъ на себя ангельскій образъ. Такимъ образомъ, истощивши все свое состояніе на украшеніе святаго храма, онъ составилъ собою красоту наконецъ и нашего русскаго общества. Отецъ Серафимъ — прекрасный инокъ!»

Отецъ Серафимъ былъ человѣкомъ весьма общительнымъ, многоопытнымъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ и всѣми пріѣзжающими особами былъ весьма любимъ. Къ старцу Іерониму имѣлъ великое почтеніе<sup>76</sup>. По его благословенію онъ выполнялъ тяжелую работу эконома и много преуспѣлъ въ этомъ.

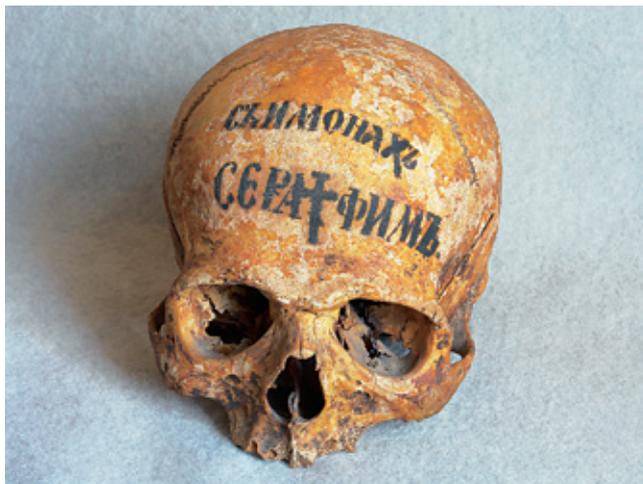
Отецъ Серафимъ подарилъ обители дорогую для себя и его семьи икону Симеона Богопріимца, о чемъ свидѣтельствуеетъ отецъ Мина (Будановъ): «На правой сторонѣ Покровскаго храма, на четвертой колоннѣ отъ алтаря, находилась икона св. Симеона Богопріимца и иныхъ святыхъ. Въ кіотѣ, но безъ ризы эта св. икона принадлежала схимонаху Серафиму Комарову и, по-видимому, была семейная, ибо его мірское имя Симеонъ Максимовичъ»<sup>77</sup>.

Въ 1852 году отецъ Іеронимъ благословилъ отца Серафима поѣхать въ Россію для сбора пожертвованій. Тотъ не смогъ отказать своему любимому духовнику и опять вернулся въ міръ, который, думалъ, оставилъ навсегда. Въ Россіи онъ жилъ у своей дочери въ Староладожскомъ Никольскомъ монастырѣ и оттуда осуществлялъ выѣзды по дѣламъ. Онъ очень переживалъ разлуку съ Аеономъ и съ духовнымъ своимъ отцомъ. Вотъ что онъ пишетъ отцу Іерониму 11 января 1853 года: «Высокопреподобный отецъ Іеронимъ, духовникъ и наставникъ мой добрый, благословите... Если Господь поможетъ окончить мои дѣла, то и дня [здѣсь] напрасно жить не буду, я уже очень скучаю»<sup>78</sup>.

Хотя старыя его связи и знакомства быстро помогли ему собрать внушительныя средства, но изъ-за Крымской войны отецъ Серафимъ смогъ вернуться въ дорогую его сердцу обитель только къ концу 1855 года.

Возвратившись наконецъ въ родную обитель, отецъ Серафимъ поселился на построенной имъ Троицкой келліи, гдѣ въ полномъ затворѣ, въ покаяніи, молитвѣ и постѣ провелъ послѣдніе девять лѣтъ своей жизни. Онъ всегда пользовался огромной любовью и уваженіемъ всей братіи.

Преставился отецъ Серафимъ 12 апрѣля 1864 года.



<sup>76</sup> АРПМА. Док. № 112. С. 95.

<sup>77</sup> АРПМА. Док. № 112. С. 47.

<sup>78</sup> АРПМА. Док. № 1233. С. 1.

## Схимонахъ Панкратій

Схимонахъ Панкратій<sup>79</sup> имѣлъ мірское имя Парамонъ. Происходилъ изъ крестьянъ. Мѣсто его рожденія неизвѣстно. Въ 1838 году пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Панкратій.

«Это былъ рѣдкій старецъ, — пишетъ отецъ Селевкій (Трофимовъ), — и большой страдалецъ. Любовь его была совершенно дѣтская. Когда къ нему кто придетъ, то онъ тотчасъ соскочитъ съ кровати и закричитъ: „Добре!“ (это была его поговорка) — и долго затѣмъ обнимаетъ. Послѣ чего усадитъ гостя и начнетъ угощать всѣмъ, что только у него найдется. Я, бывало, стану его унимать, чтобы онъ успокоился и сѣлъ, и говорю ему: „Отецъ Панкратій, вѣдь у тебя ноги болятъ“. — „Ничего, отче, — отвѣчаетъ, — когда ко мнѣ кто приходитъ, то я забываю, что у меня ноги болятъ“. Однажды я попросилъ показать больную ногу, и онъ открылъ ее. Какъ я взглянулъ — тотчасъ упалъ! Она вся сгнила и была кругомъ покрыта червями. Онъ часто примачивалъ ее острой водкой.

По причинѣ нестерпимой болѣзни отецъ Панкратій часто причащался Святыхъ Таинъ. Наканунъ его смерти я пришелъ къ нему изъ своей пустыньки. О, какъ онъ обрадовался!

— Добре, хорошо, что ты пришелъ, — радовался онъ. — Прошу садиться на лавочкѣ. Прошлую ночь у меня была Божья Матушка, вотъ на этой лавочкѣ сидѣла.

Я спросилъ:

– А что Она тебѣ сказала?

– Поблагодарила меня за перенесенныя страданія и сказала: „Вотъ тебѣ уготованъ вѣчный покой“.

Святогорецъ отецъ Сергій передъ смертью удостоился видѣть отца Панкратія въ прекрасныхъ палатахъ посреди чудныхъ садовъ.

Отецъ Панкратій былъ столяръ и очень много трудился. Мнѣ онъ сдѣлалъ столъ вроде шкафа. Я часто его поминаю. Простота его была — совершенно дѣтская. Онъ скончался мирно. Косточки его желтыя и благоуханныя».

Подвижничество отца Панкратія описано въ письмахъ отца Сергія (Веснина). Вотъ отрывокъ одного изъ нихъ: «Съ изумленіемъ смотрю здѣсь на русскаго схимника Панкратія, который уже шесть лѣтъ страдаетъ ранами на ногахъ и въ такой степени, что сердце обливается кровью, когда смотришь на его Іовскіе страданія.

---

<sup>79</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 185; *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ*. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ... СПб., 1860. Прил. С. 25.

Отець Панкратій въ міру былъ господскимъ человѣкомъ. Въ дѣтствѣ жестокая госпожа рѣшила глубокой осенью, когда уже снѣгъ и ледъ покрывали землю, погонять его босикомъ... Парамонъ ходилъ тогда за господскими гусями и утками босикомъ. Онъ дѣлалъ это отъ самой юности и потому жестоко страдалъ, имѣя плохое здоровье. Казалось, суровая госпожа его готова была высосать изъ него всю кровь. Бѣдный отрокъ не вытерпѣлъ, тайкомъ убѣжалъ отъ своей барыни и рѣшился выбратъ за границу, ушелъ за Дунай, гдѣ нѣкоторое время оставался въ услуженіи у русскихъ, тоже перебѣжавшихъ за границу.

Приходъ Панкратія на Аѳонъ страненъ. Онъ былъ задушевнымъ другомъ одного малоросса, который почему-то удавился. Чувствительнаго Панкратія сильно тронула потеря сердечнаго друга. Онъ пламенно молился Богу о помилованіи несчастнаго и, видя, какъ суетна мірская жизнь, бросилъ ее и ушелъ на Святую Гору. Здѣсь, въ Русикѣ, онъ нашель желаемое спокойствіе духа, несмотря на то, что нога его сгнивала отъ ранъ, которыя были слѣдствіемъ простуды. Впрочемъ, какъ ни ужасны были страданія отца Панкратія, онъ часто ликовалъ въ себѣ и даже говорилъ мнѣ:

— Повѣрь, я согласенъ сгнить всѣмъ тѣломъ, только молюсь Богу, чтобъ избавилъ меня отъ сердечныхъ страданій, потому что они невыносимы. Охъ! Если сердце заболитъ, бѣдовое дѣло! Это адское мученіе. А мои раны, будь ихъ въ десять разъ болѣе, — пустошь. Я не нарадуюсь моей болѣзни, потому что по мѣрѣ страданій утѣшаетъ меня Богъ. Чѣмъ значительнѣе боль, тѣмъ и веселѣе, оттого что надежда райскаго блаженства покоитъ меня, надежда царствовать на небесахъ — всегда со мной. А въ небесахъ вѣдь очень хорошо!

— Откуда ты знаешь это? — спросилъ я его однажды.

— Прости меня, — отвѣчалъ онъ, — на подобный вопросъ я бы не долженъ тебѣ отвечать откровенно, но мнѣ жаль тебя въ твоихъ сердечныхъ страданіяхъ, и я хочу доставить тебѣ хоть малое утѣшеніе моимъ рассказомъ. Ты видѣлъ, какъ я временами мучаюсь: боль бываетъ невыносимой! Зато о томъ, что бываетъ со мной послѣ, знаетъ только оно, — таинственно замѣтилъ Панкратій, приложивъ руку къ сердцу. — Ты помнишь, какъ я однажды отъ боли метался на моей постелькѣ и даже что-то похожее на ропотъ вырвалось изъ моихъ устъ. Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись отъ меня по своимъ кельямъ, и я сладко задремалъ. Не помню, долго ли я дремалъ, только мнѣ видѣлось... Я и теперь, какъ только вспомню то видѣніе, чувствую на сердцѣ неизъяснимое райское удовольствіе и радъ бы вѣчно болѣть, только бы повторилось еще хоть разъ незабвенное видѣніе. Такъ мнѣ было хорошо тогда!

— Что же ты видѣлъ? — спросилъ я отца Панкратія.

— Когда я задремалъ, ангельской красоты отрокъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „Тебѣ больно, Панкратій?“ — „Теперь ничего, — отвѣчалъ я, — слава Богу!“ — „Терпи, — продолжалъ отрокъ, — ты скоро будешь свободенъ, потому что тебя купилъ Господинъ, и очень дорого...“ — „Какъ, я опять купленъ?“ — „Да, купленъ, —

отвѣчалъ съ улыбкой отрокъ, — за тебя дорого заплачено, и Господинъ твой требуетъ тебя къ себѣ. Не хочешь ли пойти со мной?“

Я согласился. Мы шли по какимъ-то опаснымъ мѣстамъ. Дикіе огромные псы, кидаясь, готовы были растерзать меня, но одно слово отрока — и... они вихремъ неслись отъ насъ. Наконецъ мы вышли на пространное, чистое и свѣтлое поле, которому не было, кажется, и конца. „Теперь ты въ безопасности, — сказалъ отрокъ, — иди къ Господину, который, вонъ, видишь, сидитъ вдали“.

Я посмотрѣлъ и увидѣлъ трехъ человекъ, сидѣвшихъ рядомъ другъ съ другомъ. Удивляясь красотѣ мѣста, радостно пошелъ я впередъ, неизвѣстные мнѣ люди въ чудесномъ одѣяніи встрѣчали и обнимали меня. Даже множество прекрасныхъ дѣвицъ въ бѣломъ царственномъ убранствѣ видѣлъ я. Они скромно привѣтствовали меня и молча указывали намъ въ даль, гдѣ сидѣли три незнакомца.

Когда я подошелъ къ сидѣвшимъ, двое изъ нихъ встали и отошли въ сторону, третій, казалось, ожидалъ меня. Въ тихой радости и въ какомъ-то умильномъ трепетѣ я приблизился къ Незнакомцу.

„Нравится ли тебѣ здѣсь?“ — кротко спросилъ меня Незнакомецъ.

Я взглянулъ на Его лицо. Оно сіяло свѣтомъ! Царственное величіе отличало моего новаго Господина отъ людей обыкновенныхъ. Молча упалъ я къ Нему въ ноги и съ чувствомъ поцѣловалъ ихъ. На ногахъ Его были пробитыя насквозь раны. Послѣ того я почтительно сложилъ на груди своей руки, прося позволенія прижать къ моимъ грѣшнымъ устамъ и десницу Его. Не говоря ни слова, Онъ подалъ ее мнѣ. И на рукахъ Его были такія же глубокія раны. Нѣсколько разъ облобызавъ десницу Незнакомца, я въ тихой невыразимой радости смотрѣлъ на Него. Черты моего новаго Господина были удивительно хороши. Они дышали кротостью и состраданіемъ, улыбка любви и привѣта была на устахъ Его, взоръ выражалъ невозмутимое спокойствіе сердца.

„Я откупилъ тебя у госпожи твоей. И ты теперь навсегда уже Мой, — началъ говорить мнѣ Незнакомецъ. — Мнѣ было жаль видѣть твои страданія, твой дѣтскій вопль доходилъ до Меня, когда ты жаловался Мнѣ на госпожу свою, томившую тебя холодомъ и голодомъ, и ты теперь свободенъ навсегда. За твои страданія Я вотъ что готовлю тебѣ,“ — Незнакомецъ показалъ вдали. Тамъ было очень свѣтло: красивые сады въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, и великолѣпный домъ блистали подъ эдемской сѣнью деревьевъ. — Это твое, — продолжалъ Незнакомецъ, — только не совсѣмъ еще готово, потерпи. Когда наступитъ пора твоего вѣчнаго покоя, Я возьму тебя къ Себѣ. А пока побудь здѣсь, посмотри на красоты мѣста сего, потерпи до временъ: *„...претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ!“* (Мѡ. 10:22).

„Господи! — воскликнулъ я внѣ себя отъ радости, — я не стою такой милости!“

Я бросился Ему въ ноги, облобызалъ ихъ, но, когда поднялся, передо мной никого и ничего уже не было. Я пробудился. Стукъ въ било къ заутрени раздавался по нашей

обители. Я всталъ тихонько съ постели на молитву. Мнѣ было очень легко, а то, что я чувствовалъ, что было у меня на сердцѣ, — это моя тайна. Тысячи лѣтъ страданій отдалъ бы я за повтореніе подобнаго видѣнія. Такъ оно было хорошо!..

Однажды, въ праздникъ святаго Пантелеимона, послѣ обѣдни, когда предъ Литургіей на монастырской площади совершилось водосвятіе, отецъ Панкратій, отвѣчая на мои вопросы, меня крайне удивилъ:

— Тебя, вѣрно, очень беспокоитъ болѣзнь твоя? — съ участіемъ спросилъ его я.

— Какая болѣзнь? — возразилъ онъ, значительно взглянувъ на меня. — Это-то? — продолжалъ онъ, указывая на ногу, толсто перевитую сукномъ. — Я и думать забылъ про нее!

— О чемъ же ты плачешь? — спросилъ я его.

— Охъ! Какъ мнѣ не плакать! — со стономъ произнесъ онъ. — Если послѣ всѣхъ моихъ заблужденій и безчисленныхъ грѣховъ да Господь въ рай пошлетъ, что я буду дѣлать?

— Что дѣлать? Блаженствовать! — смѣясь, отвѣчалъ я.

— А если не по заслугамъ? — вздохнулъ страдалецъ. — Пожалуй, и въ раю заплачешься, если посадятъ туда, гдѣ недостойнъ быть. А при слезахъ что за блаженство?

— Въ рай-то только пустили бы, — съ улыбкой замѣтилъ я. — Да и ты что за чудакъ? Люди вѣкъ свой бьются, плачутъ и молятся о достиженіи рая, а ты плачешь, что въ рай попадешь.

Разсмѣявшись, я всталъ и удалился отъ счастливицы, плачущаго о раѣ.

Въ одинъ изъ страдальческихъ дней отца Панкратія болѣзнь его дошла до такой степени невыносимости, что онъ потерялъ присутствіе духа и впалъ въ тихое безсознательное состояніе.

Съ чувствомъ братской любви окружили мы нашего страдальца, молились о немъ и сострадали духомъ. О трудномъ положеніи отца Панкратія довели до свѣдѣнія игумена, который приказалъ прочесть надъ больнымъ все Евангеліе, а потомъ поборовать его.

Едва только въ первый разъ ознаменовали больнаго святымъ елеемъ, какъ онъ пришелъ въ себя, успокоился и по совершеніи таинства погрузился въ тихій сонъ. Въ тотъ же день онъ оправился и, оставаясь только въ изнеможеніи, рассказалъ намъ свое таинственное видѣніе въ минуты самозабвенія. Ему грозили пыткой и клокотавшей геенной какія-то страшилища. На вопросъ, за что они грозятъ ему, тѣ отвѣчали: „За то, что ты молился за удавившагося. Самая теперешняя болѣзнь твоя — наказаніе тебѣ за молитвы, которыми ты огорчалъ величество Божье и нимало не доставлялъ утѣшенія отверженнику, для котораго нѣтъ уже ни жертвы искупленія, ни помилованія вовѣки“.

Съ тѣхъ поръ отецъ Панкратій остается въ одинаковомъ болѣзненномъ положеніи, умоляя Господа не о здоровьѣ, но о ниспосланіи духа терпѣнія къ достойному ношенію страдальческаго креста».

Схимонахъ Панкратій преставился въ 1853 году.

## Схимонахъ Макарій

Схимонахъ Макарій<sup>80</sup> (въ міру Михаилъ) родился въ Елисаветградѣ въ 1772 году. Начальное образование получилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Впослѣдствіи сталъ отличнымъ гренадеромъ. Участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Голландіи, при Алькмарѣ и Гелдернѣ. Оттуда переѣхалъ въ Шотландію, гдѣ, случайно разбогатѣвъ, не захотѣлъ больше служить въ арміи, а потому досталъ себѣ нѣмецкій паспортъ. Хорошо зная французскій и нѣмецкій языки, онъ достигъ большихъ успѣховъ въ торговлѣ и, желая расширить свои торговыя отношенія, прибылъ въ Петербургъ, а оттуда въ Екатеринославль, гдѣ и былъ уличенъ въ самозванствѣ однимъ изъ прежнихъ своихъ товарищей-кадетовъ. На всѣ допросы начальства, коверкая русскій языкъ и перемежая его съ нѣмецкимъ, онъ отзывался о себѣ какъ о природномъ нѣмцѣ, впрочемъ, російскомъ подданномъ. Но вслѣдствіе неопровержимыхъ уликъ противъ него онъ былъ сосланъ на службу въ отдаленные линейные полки безъ выслуги (на Кубань).

Но Промыслъ не судилъ загладить ему вину свою вѣрностью службы, а указалъ страдальческій путь взамѣнъ проступковъ прежней вольной жизни. Разъ въ числѣ пяти человекъ онъ сторожилъ передовую цѣпь и кружился въ легкихъ разѣздахъ, какъ вдругъ нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы черкесовъ налетѣли и схватили ихъ. Отбиться по превосходству противниковъ не было никакой возможности. Михаилъ достался въ плѣнъ князю Морадину (около Анапы) и былъ имъ увлеченъ въ горные его улусы, гдѣ вскорѣ выкупилъ его у князя зажиточный черкесь Айтикъ Сумайскій (Сумай — названіе поселенія) и навсегда присвоилъ его себѣ въ видѣ раба.

Можно себѣ представить, какъ тяжелъ былъ этотъ плѣнъ бѣдному русаку послѣ раздольной жизни. Но дѣлать нечего: всякая надежда на свободу оставила его, и только мысль о побѣгѣ нѣсколько успокаивала его сердце. Михаилъ рѣшился во что бы то ни стало убѣжать въ горы. Попытка удалась, онъ ушелъ, но попалъ опять къ горцамъ и испыталъ новый плѣнъ, и здѣсь-то начались его страданія за вѣру.

Михаила убѣждали отречься отъ христіанства, но онъ съ твердостью вынесъ пытки и даже смогъ совершить новый побѣгъ. На этотъ разъ онъ бѣжалъ въ южномъ направленіи и скрылся въ дикихъ горахъ Анатолиі. Однако вскорѣ былъ схваченъ турками и вмѣстѣ съ однимъ малороссіяниномъ перепроданъ на трапезундскомъ базарѣ

---

<sup>80</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Сергій (Веснинъ), іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 174; *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ*. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ... СПб., 1860. С. 191.

одному турецкому пашѣ. Здѣсь тоже его пытками и уговорами принуждали отречься отъ Христа, но Михаилъ оставался твердъ какъ камень.

Неволя и страданія закалили его, и, вынеся съ удивительнымъ великодушіемъ множество пытокъ, онъ снова бѣжалъ отъ своего мучителя. Но, какъ и прежде, Михаилъ попалъ въ руки невѣрныхъ и былъ доставленъ въ Искилипъ, къ начальнику этого мѣстечка. Здѣсь жизнь его была не отраднѣй минувшей: тяжелыя работы изнуряли бѣднаго плѣнника, а постоянное усиліе принудить его къ принятію ислама выводило изъ терпѣнія, такъ что новая попытка бѣжать закралась въ страдальческую голову. Эта мысль еще болѣе утвѣрилась, когда наперсникъ паши, мальчикъ, измученный жестокостью своего хозяина, объявилъ о готовности бѣжать вмѣстѣ съ нимъ.

Они условились скрыться при первой возможности и, оставя пашу, украли у него пистолеты, ружья и кобуры, присланные ему изъ Мекки, отъ гроба Магомета. Дорога увлекла ихъ къ дорогимъ берегамъ Чернаго моря. День и ночь бѣжали они, и только вторая ночь усыпила ихъ усталыя чувства глубокимъ сномъ. Они спали долго и сладко, и каково же было ихъ изумленіе и ужасъ, когда при первомъ взглядѣ на разсвѣтъ бѣлаго дня увидѣли, что со всѣхъ сторонъ окружены слугами паши!..

Старуха мать паши, упражнявшаяся въ колдовствѣ, открыла сыну своему побѣгъ невольниковъ и указала даже на самое мѣсто ихъ пребыванія. Взбѣшенный паша немедленно отправилъ сорокъ человекъ въ погоню. Тѣ догнали бѣглецовъ. Началось сраженіе. Семеро турокъ и даже одинъ христіанинъ пали отъ руки Михаила, но въ концѣ концовъ бѣглецы опять были схвачены.

Здѣсь-то началась потѣха для грознаго паши! Въ запальчивости онъ приказалъ бить виновниковъ по пяткамъ безъ всякой жалости, и ихъ били до того, что слезла кожа съ отбитыхъ пять. Было только одно средство избѣжать мученій — отречься отъ вѣры во Христа, но Михаилъ согласился лучше умереть, чѣмъ измѣнить обѣтамъ крещенія.

Мучители придумывали все новые и новые виды пытокъ, но Промыселъ Божій по тайнымъ судьбамъ своимъ отсрочивалъ конецъ его жизни, предоставляя ему возможность загладить искреннимъ и долгимъ покаяніемъ всѣ его заблужденія и проступки.

Въ концѣ концовъ паша, истощившись въ пыткахъ и мучительствахъ, приказалъ повѣсить Михаила. Еще нѣсколько мгновений, и духъ Михаила въ славу страдальческой предсталъ бы Престолу Господа Іисуса Христа, но судьбы Божьи неизъяснимы!.. Въ то самое мгновеніе, когда Михаилъ былъ подхваченъ петлей и вздернутъ на воздухъ, во дворъ вбѣжалъ маленькій сынъ паши, крича во весь голосъ: «Папа, подари мнѣ этого невѣрнаго!» Паша нѣжно поглядѣлъ на любимаго сына: «Пускай онъ будетъ твой». Приказалъ палачу освободить повѣшеннаго, и Михаилъ упалъ на землю... Глухой стонъ вырвался изъ груди его, и паша, увидѣвъ, что Михаилъ живъ, приказалъ поднять его вверхъ ногами и дать ему по пяткамъ еще нѣсколько сильныхъ ударовъ.

Подъ ребяческимъ господствомъ послѣ страшныхъ пытокъ страдалецъ немного отдохнулъ. Вся новая служба Михаила заключалась въ томъ, чтобы каждый день носить своего новаго господина къ муллѣ, въ школу. Турчонокъ не понималъ еще наслажденій звѣрскаго характера, обращался ласково со своимъ рабомъ и даже угощалъ его, съ младенческой улыбкой приговаривая: «Ты мой рабъ!»

Шло время. Михаилъ былъ спокоенъ, но сердце его трепетало при каждой предположительной мысли о новыхъ страданіяхъ. Силы его слабѣли, однако духъ не измѣнялся въ крѣпости. И тогда онъ рѣшился выдерживать при помощи Божіей всѣ пытки и до послѣдняго вздоха быть вѣрнымъ Господу своему... Паша надумалъ женить Михаила, рассчитывая, что супружеское ложе заставитъ его забыть объ обѣщанномъ христіанамъ небесномъ блаженствѣ и непременно увлечетъ въ исламъ. Михаилъ видѣлъ всю опасность своего положенія. А потому всѣ предложенія паши имъ были отринуты съ твердостью духа.

— Не хочу ничего! Умру, а не отрекусь отъ вѣры моей!

— Умирай же, собака! — завопилъ паша. — Абдула! Растяни его на эту самару!

И въ одно мгновеніе Михаилъ былъ растянутъ на воловье ярмо и около сутокъ оставался въ мучительномъ распятіи. Его члены онѣмѣли, все тѣло совершенно распадалось по составамъ, и наконецъ, будучи не въ силахъ далѣе выносить мучительности своего положенія, онъ отчаянно крикнулъ:

— Снимите меня и дѣлайте что хотите. Я отдаюся на вашу волю!

Едва онъ успѣлъ это произнести, паша и дворъ его окружили страдальца, и ласки посыпались со всѣхъ сторонъ. Съ той минуты звонкій металлъ не переводился въ кошелькѣ Михаила. Турки не отходили ни на шагъ отъ новаго своего собрата. Они выучили его турецкой грамотѣ и рѣшили въ наступающій праздникъ Курбанъ-байрамъ обрѣзать и сопричислить къ своей вѣрѣ. Но Михаилъ, внѣшне давъ слово принадлежать Магомету, внутренне принадлежалъ Господу своему. Онъ вовсе не думалъ измѣнять своей вѣрѣ, хотя немощъ естества извлекла у него невольное обѣщаніе отречься отъ нея. Онъ снова задумалъ бѣжать, тогда какъ весь городъ уже говорилъ о немъ.

Небольшая часть жившихъ въ этомъ городѣ вѣрныхъ христіанъ съ трепетомъ ожидала богомерзкаго праздника, на которомъ ожидалось совершеніе обрѣзанія ихъ собрата.

Михаилъ грустно бродилъ по городу, придумывая средства къ новому побѣгу. Дивный сонъ еще болѣе утвердилъ его въ мысли бѣжать. Ему приснился святитель Христовъ Николай, который, показывая способъ избавиться отъ вѣрной гибели, говорилъ Михаилу: «Не бойся! Вѣра наша чище воды и краше солнца. Вѣруй во Христа — не погибнешь вовѣки! Не бойся, бѣги. Я тайно буду съ тобой и не оставлю тебя!»

Вскорѣ послѣ этого сна Михаилъ бродилъ по базару и наткнулся на стараго знакомаго лавочника-христіанина.

— Что, сынку? — съ участіемъ спросилъ старикъ. — Отрекся отъ своей вѣры?.. Страшно это!

— Что же мнѣ дѣлать! — возразилъ со вздохомъ отчаянія Михаилъ. — Не могу перенести мученій!

— Что дѣлать? Бѣжать!

Тутъ добрый старикъ сталъ объяснять Михаилу путь къ Черному морю, гдѣ есть русскіе и гдѣ могъ бы онъ безбоязненно и по своей волѣ жить. Старикъ начертилъ ему путевую карту и, секретно передавая ея, прибавилъ: «Смотри береги этотъ листъ. Если попадешься, прежде всего разорви его на мелкія частички и не давай его въ руки невѣрныхъ, иначе я погибъ!»

Въ ту же ночь, пробивъ стѣнку въ своей комнатѣ, выходящей на улицу, Михаилъ убѣжалъ отъ грознаго мучителя. Тайно, по ночамъ, пробрался онъ до города Баферы и здѣсь случайно попалъ на двоихъ русскихъ изъ раскольниковъ, переселившихся сюда, которые увели его съ собой въ свои черноморскія поселенія. Тамъ уже тихо и спокойно началъ вести жизнь свою бѣдный страдалецъ, занимаясь рыболовствомъ со своими соотечественниками — русскими.

Чего бы желать ему еще при такой довольной жизни? Но нѣтъ! Сердце при всѣхъ земныхъ наслажденіяхъ ноетъ, если нѣтъ для него пищи существенной, нѣтъ утѣшительной благодати, нѣтъ чувствъ, достойныхъ загробнаго предназначенія. Какъ бы глубоко ни спала совѣсть, но бываютъ въ ней сильныя потрясенія, когда мы совершенно разочаровываемся въ лучшихъ и въ самыхъ скромныхъ и невинныхъ наслажденіяхъ. Такъ было и съ нашимъ страдальцемъ. Пролитая имъ вольно или невольно кровь человѣческая тревожила душу бѣднаго Михаила, да такъ, что на раздольяхъ страннической жизни онъ оставался въ жалкомъ положеніи. Сердце его трепетало при мысли о грядущемъ Судѣ Божьемъ, душа не довольствовалась настоящимъ, и совѣсть съ невольнымъ вздохомъ приводила на память давно минувшія проступки. Тогда онъ рѣшился уйти на Святую Гору Аѳонъ — тамъ оплакивать жизнь свою и схимой покрыть и преступныя движенія сердца, и дѣла, достойныя многихъ слезъ кающейся души или грозной кары небеснаго правосудія.

Михаилъ достигъ Святой Горы и съ 1826 года посвятилъ себя всей строгости покаянія. Здѣсь 15 лѣтъ жилъ онъ на келліи у одного строгаго старца, гдѣ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Макарій. Схима преобразила его. Изъ прежняго разгульнаго бродяги онъ превратился въ скромнаго инока.



Въ 1839 году вмѣстѣ съ отцомъ Павломъ онъ перешель въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Къ этому времени онъ уже былъ довольно старъ, но при всемъ томъ благообразенъ. Слѣдствія пытокъ и страданій отразились на всемъ его существѣ. Онъ едва ходилъ, по временамъ плакалъ и съ грустью рассказывалъ о заблужденіяхъ улетѣвшей молодости.

Вотъ что пишетъ о его послѣднихъ дняхъ отецъ Селевкій (Трофимовъ): «Онъ былъ очень искусный старецъ, и я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Какъ, бывало, ни приду къ нему, а онъ все на молитвѣ стоитъ. Въ стѣнѣ у него было устроено что-то вроде шкафа. А по сторонамъ были сдѣланы двѣ доски, чтобы ему не упасть во время молитвы. Вотъ какъ старецъ молился Богу. Едой его была пупара (родъ соломаты) изъ сухарей, а хлѣба онъ ѣсть не могъ, потому что у него не было ни одного зуба. Ему было около 100 лѣтъ. А какъ онъ себя изнурялъ!»

Точная дата смерти отца Макарія не установлена.

## Схимонахъ Неофитъ (Васильевъ)

Схимонахъ Неофитъ<sup>81</sup> (въ міру Никита Васильевичъ Васильевъ) родился въ 1807 году въ крестьянской семьѣ въ Вятской губерніи. На военной службѣ дослужился до чина унтеръ-офицера. Отдавъ 25 лѣтъ царю земному, вступилъ въ ряды побѣдоноснаго воинства Царя Небеснаго и доблестно совершилъ предназначенное ему свыше поприще духовной жизни. Вначалѣ онъ 12 лѣтъ подвизался служителемъ при Казанскомъ соборѣ въ Санктъ-Петербургѣ, а потомъ пожелалъ отправиться на Востокъ. Прибывъ въ 1844 году на Святую Гору Аѳонъ, избралъ Русскій Пантелеимоновъ монастырь мѣстомъ своей подвижнической жизни. Исполняя съ примѣрнымъ усердіемъ и смиреніемъ монастырскія послушанія, въ послѣдніе годы своей жизни онъ исправлялъ должность экклесіарха\* и тщательно заботился о порядкѣ и благолѣпіи церковномъ. Усердно подвизался въ молитвѣ.

Въ 1845 году Никита Васильевичъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Никонъ. Вотъ какъ пишетъ о немъ отецъ Селевкій (Трофимовъ): «Былъ очень ревностенъ къ службѣ, усердно подвизался; былъ сухъ какъ щепочка и будто живой мертвецъ. Часто пріобщался Святыхъ Таинъ».

Врагъ рода человѣческаго не потерпѣлъ его богоугодной жизни и, желая пресѣчь его подвиги, часто наносилъ ему огорченія. Когда утружденный инокъ ложился ночью для отдыха, то духъ злобы сталкивалъ его съ койки на полъ. Сначала отецъ Неофитъ очень боялся такого вражескаго нападенія, а потомъ, укрѣпленный благодатью Божіей,

---

<sup>81</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Арсеній (Мининъ), іеромонахъ. Аѳонскіе современные подвижники*: 10-е изд. М., 1900. С. 29; *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ. Разсказъ святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ...* СПб., 1860. Прил. С. 27.

мужественный ратоборець уже не обращалъ вниманія на демонскую злобу и продолжалъ свои молитвенные постническіе подвиги.

Въ 1848 году онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Неофитъ.

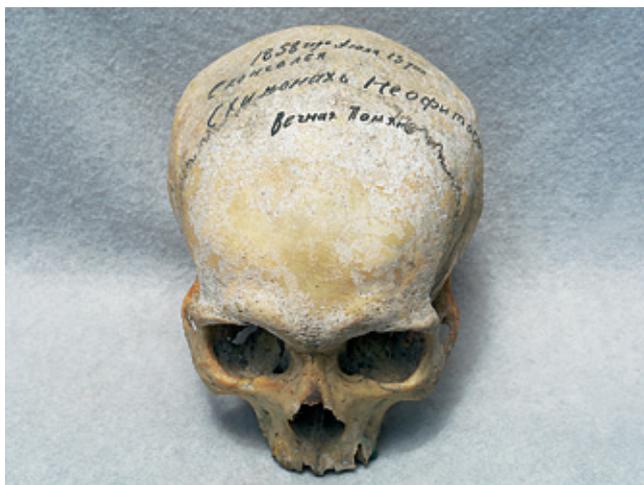
Въ концѣ его жизни Господу угодно было, для большаго ему воздаянія въ вѣчности, посѣтитъ тяжелой болѣзнью. Онъ нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ на спинѣ неподвижно, причемъ жестоко страдалъ судорогами въ ногахъ, что явилось слѣдствіемъ продолжительныхъ стояній на молитвѣ. Но, несмотря на такое свое мучительное положеніе, онъ постоянно благодарилъ Бога. Тѣло его сгнивало отъ неподвижнаго лежанія и стало издавать тяжелый запахъ.

Ухаживалъ за нимъ послушникъ (впослѣдствіи іеромонахъ Арсеній (Мининъ)), который его молитвами не зналъ усталости при подвигахъ своихъ, и когда, случалось, во время утрени тянулъ у него четку, то не ощущалъ дремоты, тогда какъ въ храмѣ, внѣ кельи отца Неофита, на него сильно нападала дремота.

Когда скончался труженикъ отецъ Неофитъ и по обычаю былъ вынесенъ въ церковь святаго Димитрія, то ухаживавшій за нимъ послушникъ простился съ нимъ, поцѣловавъ его, и ощутилъ необыкновенное благоуханіе. На вопросъ послушника духовникъ Іеронимъ сказалъ ему: «Это тебѣ отъ почившаго благодарность»<sup>82</sup>.

До смерти отецъ Неофитъ ежедневно сподоблялся причащенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Когда же сталъ приближаться къ блаженной кончинѣ своей, то, бесѣдуя о спасеніи души, между прочимъ, сказалъ: «Желалъ бы еще пожить, чтобъ братіи послужить». Изъ этихъ предсмертныхъ его словъ видно, съ какой онъ любовью относился къ братіи, всегда поступая въ исполненіи сказаннаго: «Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ» (Гал. 6:2).

Во время своей продолжительной и тяжелой болѣзни отецъ Неофитъ, подобно праведному Іову, никогда не ропталъ, но все время благодарилъ Бога и съ миромъ отошелъ въ жизнь вѣчную 13 іюля 1858 года. Когда по кончинѣ тѣло страдальца было перенесено въ церковь, то оно издавало пріятнѣйшее благоуханіе, которое ощущалъ не только отецъ Арсеній, но и другіе братія, что было несомнѣннымъ доказательствомъ милости Божіей, явленной ему. Это благоуханіе было какъ бы для него еще на землѣ наградой за его терпѣніе и добродѣтели.



<sup>82</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 544.

## Схимонахъ Гавріиль (Седлецкій)

Схимонахъ Гавріиль<sup>83</sup> (въ міру Георгій Аркадьевичъ Седлецкій) родился въ 1845 году въ городѣ Дорогобужъ Смоленской губерніи. Родители его были дворянами и имѣли возможность отдать мальчика въ уѣздное училище. Но юный Георгій всѣмъ сердцемъ тянулся къ монашеской жизни. Любовь къ Богу всецѣло захватила его молодую душу.

Тайно отъ родителей въ 15-лѣтнемъ возрастѣ онъ сбѣжалъ изъ дома и поступилъ въ Бѣлобережную пустынь. Старцы этой обители сначала никакъ не хотѣли его принимать въ обитель, но, видя его неимоверное стремленіе къ монашеству и его рвеніе, наконецъ согласились это сдѣлать. Когда же Георгію исполнилось 18 лѣтъ, постригли его въ рясофоръ съ именемъ Паисій.

Онъ былъ племянникомъ преосвященнаго Поликарпа (Радкевича), епископа Орловскаго, и его рекомендаціи и поддержка помогли юному подвижнику осуществить свою мечту — стать монахомъ.

Была у него еще одна мечта — посѣтить святыя мѣста Іерусалима и Святую Гору Аѳонъ, которую онъ вскорѣ смогъ осуществить. Прибывъ въ 1865 году на Аѳонъ, онъ былъ очарованъ образомъ здѣшней монашеской жизни и рѣшилъ навсегда остаться въ удѣлѣ Пресвятыя Богородицы.

Вотъ какъ описываетъ дальнѣйшія приключенія Паисія его духовный отецъ іеросхимонахъ Іеронимъ: «По прибытіи его на Аѳонъ онъ сначала присталъ къ монастырю Хиландарь. Потомъ обошелъ нѣкоторые монастыри, скиты и келліи, прося, чтобы гдѣ либо приняли его на жительство, но ему вездѣ отказывали по причинѣ молодости и слабаго сложенія. Такимъ образомъ, онъ дошелъ и до нашего монастыря, явился ко мнѣ и просилъ о принятіи въ монастырь на всегдашнее жительство. Я сказалъ ему:

— Пожить у насъ гостемъ или странникомъ ты можешь хоть годъ и два, а принять тебя вовсе невозможно по причинѣ молодости твоей, а болѣе по слабому сложенію твоему. Что ты здѣсь будешь дѣлать? — спросилъ я его. — Ты здѣшнихъ трудовъ не можешь понести, ты не можешь простоять всенощнаго бдѣнія, которое длится десять часовъ, и такъ же, какъ мы, не можешь поститься и трудиться. Я удивляюсь, зачѣмъ ты сюда пришелъ. Развѣ въ Россіи нѣтъ спасенія? Спасеніе вездѣ можно обрѣсти. Гдѣ только человѣкъ понудится творить волю Божью, тамъ и спасется.

---

<sup>83</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Арсеній (Мининъ), іеромонахъ. Аѳонскіе современные подвижники*: 10-е изд. М., 1900.

На это мое замѣчаніе Паисій отвѣтилъ съ улыбкой:

— Я читалъ, батюшка, въ книгахъ, что Святая Гора Аѳонъ есть жребій Божіей Матери и что Она особенно печется о спасеніи здѣшнихъ насельниковъ. Такъ какъ я люблю Божию Матеръ и имѣю къ Ней вѣру, потому и надѣюсь, что здѣсь, въ Ея жребіи, удобнѣе и скорѣе спасусь, нежели въ Россіи.

— А какимъ образомъ, — спросилъ я его, — ты, будучи молодъ, слабаго сложенія и нѣжнаго воспитанія, къ тому жъ безъ средствъ, отважился пуститься въ такое далекое путешествіе за границу, въ варварское царство, не узнавъ напередъ о бѣдственныхъ обстоятельствахъ здѣшняго края, и рѣшаешься остаться здѣсь на всегдашнее жительство?

— Простите, батюшка, — отвѣчалъ онъ, — обо всемъ этомъ я слышалъ и читалъ, но при всемъ томъ я шель къ Аѳону какъ къ любезному родительскому дому съ большой радостью, ободрялъ себя вѣрой и упованіемъ на покровительство и помощь Божіей Матери, и Она, Всеблагословенная моя Попечительница, помогла мнѣ во всѣхъ моихъ нуждахъ. Какъ только я помолюсь Ей усердно, то скоро и получаю просимое. Самое большое препятствіе моему намѣренію я встрѣтилъ въ Орлѣ отъ дяди моего, преосвященнаго Поликарпа, который хотѣлъ оставить меня у себя навсегда, но я не согласился.

И хотя онъ всю зиму удерживалъ меня, всячески упрашивалъ и испытывалъ меня тяжелыми послушаніями, заставлялъ въ саду копать мерзлую землю, чтобы устрашить меня и показать мнѣ на опытъ, что я не способенъ къ таковымъ трудамъ, которые на Аѳонѣ для меня необходимы, но я при помощи Божіей Матери всѣ его испытанія выдерживалъ. Наконецъ онъ рѣшился отпустить меня на Аѳонъ и предлагалъ мнѣ рекомендательныя письма къ знакомымъ его на Аѳонѣ, потому что онъ самъ былъ тамъ, но я, имѣя въ душѣ вѣру къ Божіей Матери, отказался отъ его предложенія. На что онъ сказалъ мнѣ: „Какой ты гордый!“ Зато на дорогу далъ мнѣ денегъ пять рублей. Но я о деньгахъ и не думалъ. До Одессы шель пѣшкомъ, одинъ, милостыни не просилъ, и вездѣ боголюбивые люди кормили меня и сами предлагали деньги. Какъ только спросятъ, куда я иду, и лишь услышатъ, что путь мой на Святую Гору Аѳонскую, то съ удивленіемъ скажутъ: „Ахъ, какой молодой, куда идешь спасаться“. И затѣмъ даютъ денегъ. Такимъ образомъ, на пути въ Одессу мнѣ дали до 50 рублей, которыхъ до Аѳона я не могъ всѣхъ истратить. И вотъ Божія Матеръ оправдала мою къ Ней вѣру, помогла исполнить мое желаніе. Я теперь здѣсь и всей душой вѣрю и надѣюсь, что Она спасетъ меня. А въ Россію я уже ни за что не возвращусь, и если вы не примете меня, то буду жить у васъ хоть поклонникомъ, потому что мнѣ, отче, все у васъ понравилось. А когда заболѣю, то вы, вѣрно, не оставите меня умереть безъ пострига, какъ это у васъ въ обычаѣ.

Послѣ этого объясненія ему было дозволено жить въ гостиницѣ въ числѣ поклонниковъ. Но по прошествіи полугода, видя его добрый нравъ, всѣ отцы полюбили его и просили о принятіи его въ общежитіе. Онъ былъ принятъ и опредѣленъ для жительства за монастыремъ, въ келлію преподобныхъ Печерскихъ подъ надзоромъ іеромонаха

иконописца отца Василия (Селезнева). Тамъ занимался писаніемъ писемъ и разныхъ бумагъ монастырскихъ, пономарилъ въ церкви. Въ недѣлю разъ приходилъ на всенощное бдѣніе въ монастырь, по обычаю разъ въ двѣ недѣли приобщался Святыхъ Таинъ.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ для исповѣди и говоритъ:

— Отче святой! Я имѣю большое желаніе сдѣлаться мученикомъ, благослови пойти мнѣ въ Солунь или въ Смирну пострадать за Христа. Ужасно мнѣ этого хочется. Сердце мое горитъ день и ночь, все влечетъ меня положить жизнь мою за Христа.

Услышавъ это, я съ удивленіемъ спросилъ:

— Откуда такая странная мысль пришла къ тебѣ въ голову? Для чего это?

— Для того, — отвѣчалъ онъ, — что, во-первыхъ, этимъ средствомъ я могу скорѣе спастись, а во-вторыхъ, буду въ вѣчности въ чинѣ мучениковъ, которые въ Царствіи Божіемъ болѣе всѣхъ прославляются. Вотъ почему мнѣ хочется быть мученикомъ.

На это я много говорилъ ему изъ Писанія, убѣждалъ, что всякій христіанинъ, тѣмъ болѣе монахъ, долженъ быть готовъ въ случаѣ нужды пожертвовать жизнью своей для Бога, но самовольно вдаваться въ искушенія намъ запрещено. Напротивъ, заповѣдано намъ молиться, чтобы мы не были введены въ искушеніе.

— А ты, — продолжалъ я, — безъ нужды дерзаешь идти на такое страшное дѣло. Желаніе твое понятно, но приводитъ его въ исполненіе — дѣло небогоугодное, для спасенія твоего очень опасное по причинѣ немощи нашей природы. Вспомни примѣръ апостола Петра. Да и, кромѣ того, много было несчастныхъ, которые дерзнули безъ призванія свыше на такое великое дѣло и не выдержали мукъ, отпавъ отъ Христа. Это легко можетъ случиться и съ тобою.

Но онъ мало былъ успокоенъ моими увѣщаніями. Послѣ нашего разговора съ нимъ еще болѣе года мысль о мученичествѣ не оставляла его. Онъ не понималъ, что влекла его къ мученичеству не любовь къ Богу, а любовь къ самому себѣ, чтобы прославиться и превзойти другихъ. Это желаніе родилось у него отъ непониманія самой сущности самоотверженія. Но когда я пригласилъ его, чтобы онъ собственнымъ опытомъ въ малыхъ и даже въ ничтожныхъ дѣлахъ удостовѣрился въ трудности самоотверженія или отсѣченія воли, тогда онъ вполне убѣдился, что именно отсѣченіе воли своей есть истинное мученіе.

Это было такимъ образомъ. Видя, что онъ не слѣдуетъ моимъ увѣщаніямъ и все еще стремится идти на мученіе, я сказалъ ему:

— Если ты не вѣришь, что послушаніе есть истинное мученичество, какъ свидѣлствуютъ богоносные отцы, то испытай самъ на дѣлѣ и убѣдишься въ истинѣ. Если ты истинно желаешь сдѣлаться мученикомъ и попасть въ ихъ чинъ, то я помогу тебѣ въ этомъ дѣлѣ и покажу легкія и удобныя средства для этого. Если ты не будешь уклоняться отъ несенія крестовъ, то есть скорбей внутреннихъ и внѣшнихъ, то ты сдѣлаешься даже великомученикомъ.

Вотъ, на примѣръ, тебѣ даны четыре креста послушанія внѣшняго: 1) ходить въ церковь на всякую службу къ началу и выстаивать тамъ до конца; 2) пономарить въ малой нашей церкви; 3) заниматься переписываніемъ; 4) въ недѣлю разъ являться въ Русикъ.

Если ты все это исполняешь по совѣсти, старательно, безъ лѣности и ропота, то ты несешь эти четыре креста. Къ наружнымъ крестамъ принадлежатъ явныя насмѣшки отъ другихъ, укоризны, брань, клевета. Если ты въ такихъ случаяхъ не воздаешь зломъ за зло, то ты несешь и эти кресты. А внутренніе кресты, или тайные, состояются изъ мыслей и желаній. На примѣръ, если ты услаждаешься злыми мыслями: гнѣвными, или блудными, или гордыми и тщеславными, — то ты не несешь тайнаго твоего креста или тяжести, а, уклоняясь въ услажденіе таковыми мыслями, не имѣешь терпѣнія и мужества, чтобы бороться съ ними. Борьба со злыми мыслями есть своего рода мученичество. Вотъ ты желаешь пострадать за Христа, чтобъ турки за вѣру отрубили тебѣ голову, а того не знаешь, что можно и малыми дѣлами сдѣлать себя мученикомъ, потому что и малыя дѣла, совершаемыя нами ради Бога, дѣлаются великими. Если я дамъ тебѣ и самыя малыя заповѣди, и даже ничтожныя, но ты по високоумію не выдержишь испытанія, то и они покажутся тебѣ страшно тяжелыми и даже невозможными, и ты откажешься отъ нихъ.

На это Паисій возразилъ:

— Я на все готовъ. Только, быть можетъ, я себя не такъ понимаю. Но желаю исполнить все, что вы мнѣ прикажете, лишь бы только мнѣ сравняться съ мучениками. Испытайте, укажите и наставьте меня, какъ вамъ угодно.

— Хорошо, — говорю ему, — начнемъ, при помощи Божіей, восходить на степень мученическую снизу вверхъ, какъ бы по лѣстницѣ, а не сверху внизъ, какъ ты хотѣлъ. Теперь слушай да внимай, а послѣ и дѣломъ исполняй. Мученики постились, а ты по четыре раза въ день ѣшь. Такъ, съ этого времени вкушай пищу хотя бы два раза въ день. Мученики вовсе чая и не знали, а ты пьешь его два раза въ день, да еще по шесть и по семь чашекъ, а довольно будетъ для тебя пить чай одинъ разъ въ день и по три чашки. Мученики мало спали, а ты по восемь часовъ спишь въ сутки. Будь доволенъ шестью часами. Мученики бдѣнія совершали усердно, а ты всегда дремлешь въ церкви на службахъ. Понуждай себя, чтобы не дремать въ церкви. Мученики терпѣли страшныя мученія, а ты ради вѣнца мученическаго хоть бы отъ блохъ и клоповъ терпѣлъ, ни мало дѣйствуя, и если они когда будутъ кусать тебя, то ты терпи ради Бога, не чешись.

Паисій при этихъ словахъ, горько улыбнувшись, сказалъ:

— Вы, батюшка, смѣтаетесь надо мной, какъ надъ глупенькимъ мальчикомъ. Развѣ можно такими ничтожными дѣлами пріобрѣсти степень мученическую?

— Ну, посмотримъ, — сказалъ ему я, — исполнишь ли ты хотя бы эти ничтожныя мелочи. Но не забывай вначалѣ мной сказаннаго, что общее главное средство къ мученичеству — не уклоняться отъ скорбей, но терпѣть ихъ благодушно. Ты хвалишься вѣрой

въ помощь Божіей Матери, но если вѣра у тебя правильная, то ты можешь у Нея испросить даръ мученическаго подвига и пріобрѣсти вѣнецъ мученическій. Ибо это болѣе зависитъ отъ вѣры, и вѣра многое можетъ. Посмотри, если когда дастся тебѣ какая либо мучительная страсть или болѣзнь, тогда терпи, не малодушествуй. Ибо я знаю, что нѣкоторые и выпросили себѣ крестъ, а послѣ стали роптать. Такъ смотри, чтобы и съ тобой подобнаго не случилось. А черезъ эти ничтожныя мои заповѣди ты увидишь свою немощь и забудешь о мученичествѣ.

— Если ужъ въ самомъ дѣлѣ я не возмогу этого исполнить, — сказалъ Паисій, — то послѣ этого куда жъ я гожусь. Нѣтъ, я увѣренъ, что и болѣе этого буду дѣлать, только помогайте мнѣ вашими молитвами и благословите съ этого времени начать.

И, поклонившись до земли, принялъ благословеніе и удалился.

Съ этого времени Паисій дѣйствительно началъ дѣлать все, что было ему велѣно. Такъ продолжалось болѣе года, потомъ онъ началъ ослабѣвать, иногда побѣждался лишнимъ сномъ, или питіемъ чая, или ѣлъ болѣе, иногда жаловался на дремоту въ церкви. Дана была ему заповѣдь молчать за трапезой, а такъ какъ онъ любилъ говорить, потому болѣе мѣсяца не могъ выдержать этой заповѣди. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Батюшка, прочія твои заповѣди хотя и несовершенно, но исполняю, а одну твою заповѣдь, которую я считалъ вовсе за ничтожную, исполнять не могу. Что хотите дѣлайте со мной, смущаюсь, мучаюсь и ничего не могу подѣлать. Прошу васъ, увольте меня отъ нея.

— Какая же заповѣдь тебѣ столь тяжела, что ты нисколько не можешь ее исполнить?

Онъ отвѣчалъ:

— Вы дали мнѣ заповѣдь, чтобы отъ укуса блохъ не чесаться, а ради Бога терпѣть. Но чтобы я ни дѣлалъ, какъ ни терпѣлъ, какъ ни мужался, не смогъ вытерпѣть. И теперь вовсе исполнить ее не могу. Вѣдь какъ бываетъ. Какъ будто бѣсъ научилъ ее, окаянную, блоху. Она сидитъ долгое время на одномъ мѣстѣ и кусаетъ такъ, что какъ иглой жалитъ. Терплю, терплю, да и почешу то мѣсто, послѣ смущаюсь, совѣсть укоряетъ, что преступилъ заповѣдь. А иногда до того разсержусь на этихъ мучителей, что начну бранить ихъ.

Я, разсмѣявшись, замѣтилъ ему, что мученики еще болѣе терпѣли.

— Да не отъ блохъ, — возразилъ Паисій. — Мнѣ кажется, что блохъ никто не вытерпитъ, — прибавилъ онъ. — Это такіе окаянные мучители, ужъ хоть кого доймаютъ. Правда ваша, что опытъ — вѣрный учитель, я прежде этого не зналъ, потому и смѣялся надъ вашими заповѣдями, объ исполненіи которыхъ вы часто напоминаете мнѣ и спрашиваете меня.

— Да, — сказалъ я ему, — я и теперь о томъ же спрошу тебя. Почему заповѣди въ точности не исполняешь?

— Да оттого, — отвѣчалъ онъ, — что я на опытѣ не зналъ еще сказаннаго въ Писаніи: *„...яко безъ менѣ не можете творити ничесѡже“* (Ин. 15:5). Но вотъ и малый опытъ

мой показалъ мнѣ, что безъ особой помощи Божіей я ничего не могу сдѣлать добраго. А мое желаніе мученичества не что иное, какъ искушеніе или ревность не по разуму. Куда ужъ мнѣ до мучениковъ! Хоть бы въ послѣдній чинъ преподобныхъ пасть. Теперь о мученичествѣ я пересталъ и думать. Вижу себя немощнымъ во всѣхъ заповѣдяхъ Божьихъ и старческихъ, и меня поддерживаетъ только одна надежда на Божію Матерь и на ваши молитвы.

— Этого-то и надобно было, — заключилъ я. — Слава Богу, что Онъ вразумилъ тебя.

Съ теченіемъ времени Паисій началъ просить меня о постригѣ въ схиму. Я отказалъ ему по причинѣ его молодости и потому, что онъ мало жилъ еще въ обители, всего два года. Но онъ и послѣ часто просилъ меня объ этомъ, указывая на то, что нѣкоторые тоже молодые монахи, но давно уже пострижены. Я объяснилъ ему, что случилось это по причинѣ тяжкой ихъ болѣзни. Полагали, что они помрутъ.

— Если и ты заболѣешь къ смерти, тогда и тебя постригутъ, — сказалъ я ему.

Узнавъ о моемъ рѣшеніи, онъ предложилъ мнѣ такой вопросъ:

— Если я буду просить Божію Матерь, чтобъ Она исходатайствовала мнѣ тяжкую болѣзнь, для того чтобы поскорѣе постригли меня въ схиму, не грѣхъ ли это будетъ?

Я отвѣтилъ ему, что это не грѣхъ, потому что и нѣкоторые святые испрашивали себѣ болѣзни.

— А увѣренъ ли ты, что Божія Матерь исполнитъ твое прошеніе? — спросилъ я его. — Не прежній ли духъ самонадѣянности побуждаетъ тебя къ этому? Въ такомъ случаѣ ты не получишь просимаго тобой.

При этихъ словахъ онъ возмущенъ духомъ и какъ бы съ восторгомъ сказалъ:

— Увѣренъ, совершенно увѣренъ, что непременно выпрошу у Нея болѣзнь.

— Ну, если такъ, — сказалъ я ему, — то съ этого времени молись Божіей Матери, а иначе прежде времени мы не можемъ постричь тебя не только въ схиму, но и въ мантию, потому что есть тѣ, которые прежде тебя пришли въ Руссикъ, но еще не пострижены.

Въ обители нашей установленъ обычай совершать постриги въ Великій постъ. Въ это время нашъ Паисій заболѣлъ и радъ былъ своей болѣзней, думая, что, можетъ быть, ради болѣзни постригутъ его. Но болѣзнь прошла, онъ выздоровѣлъ и опять остался непостриженнымъ, а потому желаніе его и не исполнилось. Онъ объ этомъ долго жалѣлъ. Послѣ этого всю свою надежду онъ возложилъ на Божію Матерь съ увѣренностью, что Она скоро или нескоро, но исполнитъ его желаніе, которое, впрочемъ, къ удивленію многихъ, дѣйствительно вскорѣ чудеснымъ образомъ исполнилось.

Было это такъ. 15 іюня 1867 года, въ воскресеньѣ, по выходѣ изъ церкви послѣ долгой службы Паисій, встрѣтивъ нѣкоторыхъ старцевъ, объявилъ имъ свой ропоть на прибавленіе въ службѣ моленій о благодѣтеляхъ. Старцы, услышавъ ропоть, вознегодовали на него. Услышали это и прочіе старцы и тоже начали негодовать. Чтобы успокоить братство, я призвалъ Паисія, и предъ другими обличилъ его

въ несправедливости его поступка, и тутъ же сказалъ ему, что такъ какъ онъ не хочетъ молиться даже и за великихъ благотворителей обители нашей, то ему слѣдуетъ оставить нашу обитель и удалиться куда хочетъ. Паисій смирился, просилъ прощенія, извиняясь, что онъ сдѣлалъ это ненамѣренно, а затѣмъ, придя въ мою келью, просилъ меня, чтобы я не выгонялъ изъ обители, а далъ бы ему за вину его какой угодно канонъ. Я сказалъ ему: „Слово то я произнесъ для успокоенія братіи, а на самомъ дѣлѣ я не имѣю намѣренія отлучать тебя отъ обители. Но такъ какъ ты многократно просилъ у меня благословенія повидать Аѳонъ, то теперь для тебя время, къ тому удобное. Пойди осмотри тѣ монастыри и скиты, которыхъ ты еще не видѣлъ, и побывай на вершинѣ Аѳона, а къ памяти святыхъ апостоловъ возвратись въ Руссикъ. А между тѣмъ братство успокоится, и тогда я объявлю старцамъ, что ты исправился и опять принять въ Руссикъ“.

Взявъ благословеніе, Паисій въ тотъ же день отправился въ путь. Посѣтивъ монастыри и нѣкоторыя келліи, въ одиночку, безъ проводника онъ взошелъ на вершину Аѳона, что у насъ считается дѣломъ опаснымъ. День клонился къ вечеру, гора въ то время была покрыта облаками, и онъ не могъ насладиться окрестной красотой природы, которую очень любилъ. Потому онъ рѣшился остаться тамъ ночевать, думая, что, можетъ быть, къ утру облака разсѣются и онъ тогда будетъ имѣть удовольствіе вдоволь насладиться обзорѣніемъ красотъ природы всей Горы Аѳонъ. Онъ не зналъ, что въ облачное время оставаться на горѣ ночевать опасно. Когда совсѣмъ стемнѣло, нашъ неустрашимый странникъ вошелъ въ церковь, помолился передъ иконами, осмотрѣлъ алтарь, всталъ на лѣвой сторонѣ и началъ за повечеріе тянуть четки.

Между тѣмъ облака болѣе прежняго сгустились, загудѣлъ страшный вѣтеръ, за сверкали частыя молніи и загремѣлъ громъ. Паисій не терялъ присутствія духа, стоялъ бодро и молился. Гроза усилилась еще болѣе. Молнія чрезъ отверстіе проникла въ храмъ и начала гулять по церкви. Паисій прижался къ стѣнѣ, думая, что она не коснется его, но вдругъ онъ почувствовалъ ударъ въ голову, отчего четки выпали у него изъ рукъ. У него пробило скуфью, волосы на головѣ сгорѣли, платье висѣло лохмотьями, и все тѣло его было обожжено. Но при всемъ этомъ онъ еще чувствовалъ, что можетъ сойти съ горы, а потому поспѣшилъ удалиться оттуда. И хотя съ большимъ трудомъ, но смогъ еще самъ спуститься съ горы внизъ, къ Богородичной церкви, гдѣ, къ счастью его, онъ нашелъ двухъ русскихъ старцевъ, укрывшихся отъ непогоды. Тѣ помогли ему дойти до ближняго скита старца Георгія, постника, а тотъ уже на лодкѣ доставилъ Паисія въ нашъ монастырь. Всѣ отцы смотрѣли на него какъ на чудо, всѣ удивлялись, какъ онъ могъ въ такомъ положеніи не умереть, потому что все тѣло его было повреждено какъ снаружи, такъ и внутри. Только лицо да руки остались чистыми, а все прочее было покрыто страшными струпьями.

Когда я первый разъ посѣтилъ его, онъ, увидѣвъ меня, съ воплемъ возопилъ:

— Вотъ, батюшка, ужъ теперь вы не оставите меня, не откажите мнѣ въ вашей милости, постригите меня въ схиму поскорѣе.

Я сказалъ ему:

— Теперь мы всѣ видимъ, что на это есть воля Божья, а потому нечего медлить.

Тутъ онъ разсказалъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ это съ нимъ случилось. На вопросъ мой, какъ онъ отважился ночевать на вершинѣ Аѳона въ облачное время, онъ отвѣчалъ, что не зналъ ничего объ опасности. При осмотрѣ его докторами оказалось, что молнія повредила даже всѣ его внутренности. Докторъ, ранѣ служившій при великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ, рѣшительно сказалъ: „Этотъ больной не можетъ долго жить“. Вслѣдствіе этого Паисій немедленно былъ постриженъ въ схиму съ перемѣной имени на Гавріиль.

Послѣ пострига онъ жилъ двѣ недѣли. Однажды я пришелъ навѣстить его. Онъ увидѣлъ меня, обрадовался и, устремивъ взоръ на меня, протяжно проговорилъ:

— Батюшка, голубчикъ, пришелъ ко мнѣ.

Я подошелъ къ нему и, благословивъ, сказалъ:

— Вотъ видишь, чадо Христово, ты просилъ съ вѣрой у Господа и у Божіей Матери мученичества и схимы, теперь все это дано тебѣ. Сознаешь ли ты это и благодаренъ ли за полученное тобою чуднымъ образомъ?

Онъ отвѣчалъ:

— А какъ же! Сознаю, батюшка, сознаю и благодарю. Но вотъ бѣда, не могу терпѣть этого ужаснаго мученія, болѣзнь ужасно донимаетъ меня.

Я сказалъ ему:

— Что же? Это-то и хорошо. Черезъ это ты будешь истинный мученикъ. Вѣдь ты самъ пожелалъ и просилъ у Бога и у Божіей Матери мученичества или страданія.

— Ахъ, батюшка, да я и не зналъ, что такъ будетъ больно и люто, — отвѣчалъ Гавріиль. — Когда начнутъ сдирать съ меня кожу, тогда дѣлается мнѣ до того больно и невыносимо, что я теряю терпѣніе и кричу изо всей моей силы, и такъ дѣлають со мной каждый день.

— Кто жъ сдираетъ съ тебя кожу? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да докторъ, — отвѣчалъ онъ.

Я, обратившись къ доктору, спросилъ его:

— Какъ вы это дѣлаете?

— Да у него и кожи-то нѣтъ, — отвѣчалъ докторъ. — Все дѣло въ томъ, что повязки и простыни присыхаютъ къ струпьямъ, и когда нужно перемѣнить ихъ, хоть разъ въ сутки, тогда онъ легко не отстають, а отдираются съ усиліемъ.

На это я замѣтилъ доктору, что такимъ образомъ можно больнаго вывести изъ терпѣнія такъ, что будетъ роптать, а лучше всего отдать это на его волю.

Тогда Гавриилъ попросилъ, чтобы не мучили его болѣе отдираніемъ струпьевъ отъ тѣла, да и другимъ чѣмъ не беспокоили.

Съ того времени онъ сталъ спокойнѣе, лежалъ все время на спинѣ. Приобщался каждый день, быстро слабѣлъ. Многія изъ братіи посѣщали его.

Въ день кончины его, 27 іюня, поутру я посѣтилъ Гавриила, хотя онъ по виду казался очень худъ, но разговаривалъ ясно и бодро. За часъ до смерти пришелъ къ Гавриилу отецъ Макарій, духовникъ. Увидѣвъ его, Гавриилъ попросилъ: „Мнѣ стало хуже, можетъ быть, умру скоро, прочитайте отходную“. Отецъ Макарій прочиталъ ему отходную и, благословивъ его, сказалъ ему: „Ты, отецъ Гавриилъ, если обрѣтешь милость у Бога, тогда помяни и меня предъ Нимъ“.



Онъ отвѣчалъ: „Я васъ прошу, батюшка, вы молитесь обо мнѣ, и если я обрѣту дерзновеніе у Бога, тогда помяну и васъ“. Сказавъ это, онъ мирно испустилъ духъ».

Было это 27 іюня 1867 года. Черезъ нѣкоторое время одному старцу обители пришлось однажды видѣть его душу на рукахъ ангеловъ и слышать: «Эта душа — наследница райскаго блаженства».

## Схимонахъ Іустинъ

Схимонахъ Іустинъ<sup>84</sup> родился въ 1785 году въ городѣ Кинешмѣ Костромской губерніи. Съ юности онъ былъ набоженъ. Хотя въ молодости и былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, однако въ его боголюбивомъ сердцѣ сѣмя благочестія съ годами зрѣло примѣтнымъ и для другихъ образомъ.

Отличаясь тихостью нрава, прилежаніемъ къ церкви, какъ человекъ Божій, онъ пользовался между людьми уваженіемъ и уже въ молодости началъ приобрѣтать опытную разсудительность старцевъ. Такъ до 40 лѣтъ въ подвигахъ благочестія и протекала его жизнь, когда въ 1825 году проявилась для всѣхъ пребывающая въ немъ благодать Божія. Въ Таганрогѣ во время полевыхъ работъ отецъ Іустинъ увидѣлъ, какъ изъ разсѣкающагося по направленію Таганрога небосклона спускается на землю огненное вѣтвистое

<sup>84</sup> Жизнеописаніе составлено по записямъ отца Парвонія (Заблоцкаго). См.: АРПМА. Док. № 4066.

дерево. И такъ повторилось нѣсколько разъ: оно то подымалось вверхъ, то спускалось внизъ. Необычное это явленіе видѣлъ не только онъ, но и около тридцати другихъ работниковъ изъ мѣстныхъ жителей, которые были вмѣстѣ съ нимъ и предъ которыми отецъ Іустинъ истолковалъ это явленіе какъ знаменіе о смерти ихъ барина. При этомъ онъ предсказалъ точное время и мѣсто его кончины. Баринъ дѣйствительно умеръ. И послѣ того какъ всѣ узнали о подробностяхъ его смерти, то оказалось, что предсказаніе было вѣрнымъ.

Съ этого времени отецъ Іустинъ, стремясь къ уединенной жизни и съ дозволенія своей помѣщицы, вдовы умершаго барина, устроилъ въ близлежащемъ лѣсу себѣ хижину. Въ этой хижинѣ въ полномъ уединеніи отъ міра, въ ежедневномъ подвигѣ, во вниманіи къ себѣ, съ храненіемъ своей совѣсти провелъ онъ слѣдующія 35 лѣтъ своей жизни, которые протекли для него быстро и незамѣтно.

Съ молитвой, въ благодареніи Богу за всѣхъ и за вся, день и ночь пребывалъ онъ въ молитвѣ, въ трудѣ надъ очищеніемъ своего сердца, въ борьбѣ со страстями и похотями, а болѣе въ борьбѣ съ силой бѣсовской. Въ самоумервщеніи трудился надъ собой рабъ Божій ради Господа, ради спасенія своей души.

И вотъ однажды, во время одного изъ молитвенныхъ своихъ стояній, когда онъ, рассматривая окружающую его природу, познавалъ и всей душой восхвалялъ Творца всяческихъ, вдругъ сначала надъ нимъ, а потомъ надъ его хижинкой началъ кружиться рой пчелъ. Облетѣвъ нѣсколько разъ кругомъ его уединенную хижину, пчелы спустились къ его окну и стали на немъ устраивать себѣ жилище. При этомъ, что странно, не было отъ нихъ слышно не только обыкновеннаго, но и никакого шума.

«Выйду, — говорилъ впослѣдствіи отецъ Іустинъ, — бывало, къ нимъ, и, какъ только приближусь, онѣ и голову мою облетятъ, по всѣму моему тѣлу пропутешествуютъ, и я, бывало, ихъ рукой поглажу. А они, мои пчелки, на это по-своему ласково мнѣ отвѣчаютъ. Пою ли священныя пѣснопѣнія, а особенно „Достойно есть“, и пчелки начинаютъ какъ то пріятно, усладительно гудѣть. Ихъ родъ былъ какой то особенный, необыкновенно крупный.

Въ такомъ духовномъ наслажденіи и благодареніи промышляющему обо всѣхъ Богу протекли многіе уже дни въ моемъ единоборствѣ за свое спасеніе. И вотъ въ одно время мои пчелки, смотрю, стали проявлять безпокойство. Потомъ одна за другой начали сниматься съ окошка и улетать. Въ недоумѣніи выхожу изъ кельи и къ крайнему сожалѣнію своему вижу, что онѣ всей массой своей, кружась надъ моей головой, поднимаются все выше и выше, пока наконецъ совсѣмъ не скрылись изъ вида.

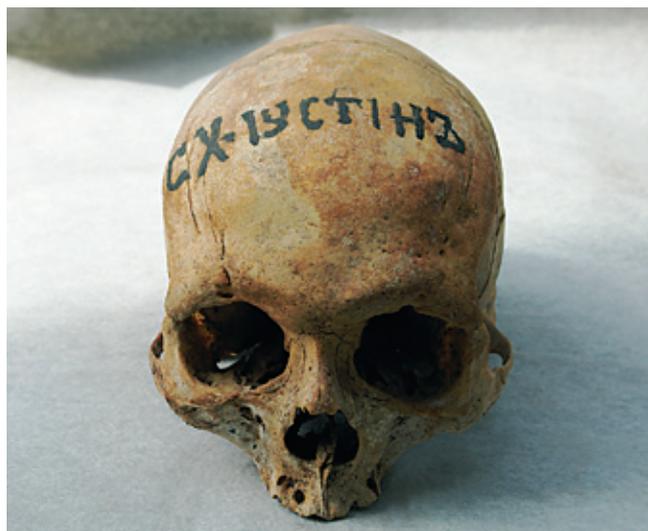
Черезъ три дня послѣ этого управляющій имѣніемъ перенесъ деревянную мою хижину въ деревню на баню, а меня приставилъ къ церкви старостой. Но я не могъ

съ должнымъ вниманіемъ исполнять эту обязанность, а потому испросилъ заграничный паспортъ и отправился на Святую Гору Аѳонъ»<sup>85</sup>. Было это въ 1859 году.

На Аѳонѣ отецъ Іустинъ поступилъ въ Русскій Свято-Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ прожилъ до самой своей блаженной кончины въ подвигахъ иноческаго самоотверженія девять лѣтъ. Все это время онъ ни разу не выходилъ за ограду монастыря. Только на самомъ закатѣ дней своихъ задумалъ поклониться и помолиться святогорскимъ святынямъ.

И вотъ 82-лѣтній хилый старецъ съ благословенія своего духовника отца Іеронима, не зная ни мѣстности, ни греческаго языка, напутствуемый Единымъ Богомъ, отправился пѣшкомъ въ путь. По возвращеніи онъ рассказывалъ, что вездѣ, гдѣ бы онъ ни побывалъ, всюду былъ радушно принимаемъ. Но, приближаясь къ источнику преподобнаго Аѳанасія, изъ-за крайней старческой немощи заболѣлъ. Присутствовавшій здѣсь же случайный прохожій приговорилъ было его къ смерти, но онъ, собравъ послѣднія силы, кое-какъ подползъ къ самому источнику и какъ только по бывшему ему повелѣнію отъ Богоматери облился текущей тамъ въ изобиліи водой, то тотчасъ почувствовалъ такую крѣпость въ тѣлѣ, что сталъ даже на дорогѣ обгонять приговорившаго его къ смерти спутника.

Они оба благодарили Бога за свершившееся чудо. Но тамъ же, у источника, случилось еще, по-видимому, незначительное обстоятельство, которое доказываетъ, до какой малости человѣколюбивый Богъ исполняетъ желанія своихъ избранныхъ. Въ имѣющійся у него стеклянный сосудецъ отецъ Іустинъ набралъ изъ священнаго источника уврачевавшую его воду. Приближаясь къ монастырю, онъ замѣтилъ, что сосудъ протекаетъ. Со скорбью и сердечнымъ сожалѣніемъ, что не донесъ воду, возвратился старецъ въ свою келью, но вотъ чудо: взявъ въ руки трѣснувшую бутылочку, онъ вдругъ замѣтилъ, что течи въ ней уже не оказалось. Трещина сама собой, Божьимъ повелѣніемъ, исчезла. И болѣе трехъ лѣтъ вода въ ней послѣ того не умялась, хотя до самой своей кончины старецъ, рассказывая про это чудо, раздавалъ всѣмъ эту благословенную воду.



Въ 1868 году блаженный старецъ началъ замѣтно слабѣть, пока, наконецъ, 25 ноября, какъ догорѣвшая свѣча, не угасъ, оставивъ въ сердцѣ братіи вѣчную о себѣ память. Вотъ что записалъ въ своемъ

<sup>85</sup> АРПМА. Док. № 4066. С. 4–5.

дневникъ въ день кончины старца архимандритъ Михаилъ (Козловъ): «Онъ отличался предѣльной простотой. Жизнь проводилъ въ воздержаніи и былъ усерденъ въ монашестве. Рассказывалъ, что никогда ничѣмъ не лѣчился, ни одного раза не открывалъ крови, даже самое незначительное лѣкарство принимать считалъ за грѣхъ, говоря такъ: „Если угодно будетъ Богу, чтобы я былъ здоровъ, то Онъ вылѣчитъ меня Самъ безъ всякихъ лѣкарствъ и человѣческихъ пособій. А если угодно Ему, чтобы я похворалъ или вовсе умеръ, да будетъ на то Его святая воля“.

Отецъ Іустинъ роста былъ высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, имѣлъ на головѣ и бородѣ обильные и сѣдые волосы. Лицо его было чистое и пріятное. За простоту я уважалъ этого старца и часто посѣщалъ его келью. Передъ смертью онъ занемогъ, физическія силы его постепенно начали ослабѣвать, аппетита не было, вотъ и вся была его болѣзнь»<sup>86</sup>.

## Монахъ Клавдій (Мошковъ)

Монахъ Клавдій (въ міру Кодратъ Ивановичъ Мошковъ), сынъ православнаго крестьянина, былъ родомъ изъ Херсонской губерніи Николаевского уѣзда. Будучи 20-ти лѣтъ отъ роду, просился у родителей отпустить его въ монастырь, на что получилъ отъ нихъ благословеніе. Послѣ чего въ 1864 году онъ отправился въ Іерусалимъ и прожилъ тамъ три года при Русской миссіи, исправляя въ церкви послушаніе псаломщика.

Отяготившись тамошней городской суетой, онъ оставилъ Іерусалимъ и отправился на Аѳонъ, гдѣ и опредѣлился въ Русскій святаго Пантелеимона монастырь, въ которомъ проходилъ различныя послушанія: былъ архондаричнымъ, пѣлъ на клиросѣ, писалъ свнодики, затѣмъ посланъ былъ въ Константинополь, гдѣ находился на подворьѣ монастыря.

По прохожденіи испытаній на послушаніяхъ, которыя онъ исполнялъ безукоризненно, Кодратъ Ивановичъ до отѣзда Великимъ постомъ 1871 года въ Константинополь былъ постриженъ въ мантию и нареченъ Клавдіемъ. Въ 1873 году, по возвращеніи изъ Константинополя, по благословенію старцевъ онъ ходилъ на клиросъ, гдѣ былъ помощникомъ уставщика, а въ свободное отъ богослуженій время продолжалъ вписывать въ свнодики имена для поминовенія. Такимъ образомъ, жилъ тихо и спокойно, продолжая исполнять монастырскія послушанія, наложенныя на него, до начала 1876 года.

---

<sup>86</sup> АРПМА. Док. № 517. С. 65.

Послѣ этого онъ впалъ въ большое искушеніе, которое изъ-за особеннаго своего назидательнаго характера счелъ нужнымъ описать его духовный отецъ іеросхимонахъ Іеронимъ: «На 25 января 1876 года служили въ обители всенощное бдѣніе, которое въ этотъ день совершается ради памяти святителя Григорія Богослова. Въ этотъ день къ пѣснопѣніямъ и молитвословіямъ святителя Григорія прилагалась служба Пресвятой Богородицѣ ради празднуемой въ этотъ же день памяти чудотворной Ея иконы „Утоли моя печали“. Во время бдѣнія, когда на вечернѣ на стиховнѣ пѣли стихиры Божіей Матери, пѣвчіе по обычаю стояли посреди церкви. Сзади пѣвчихъ стояли паломники, изъ числа которыхъ одинъ былъ бѣсноватымъ. И вотъ этотъ бѣсноватый внезапно вскрикнулъ такъ сильно, что перепугалъ многихъ стоявшихъ въ церкви. Отецъ Клавдій, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, перепугался такъ, что чуть не упалъ. Испугъ такъ поразилъ его, что онъ нѣкоторое время и въ кельѣ своей не находилъ покоя. Въ то время онъ задалъ себѣ такой вопросъ: „Если я такъ сильно испугался крика бѣснующагося человѣка, то что со мною будетъ во время часа смертнаго, когда представятся безчисленнѣйшіе, безобразнѣйшіе, озлобленные духи и будутъ вопить и кричать?“

Подобныя мысли заставили его задуматься о всей своей жизни, что онъ и началъ дѣлать и затѣмъ горько плакалъ о грѣхахъ своихъ. Это продолжалось съ нимъ двѣ недѣли. Онъ безпрестанно плакалъ. Потомъ началъ понемногу успокаиваться и въ это же время сталъ замѣчать, что какой-то помыселъ ясно и отчетливо распоряжается имъ, какъ молиться и что читать.

Однажды онъ пришелъ къ духовнику и спросилъ его объ этомъ помыслѣ. Отъ Бога онъ или нѣтъ и слѣдуетъ ли его слушать или не должно? Духовникъ ему отвѣтилъ, что это бываетъ и отъ Бога, и отъ врага и что надобно строго слѣдить за собой и обо всемъ открывать духовнику, потому что и прелесть если вначалѣ кого прельщаетъ, то всегда дѣлаетъ это какъ бы съ доброй стороны и такъ тонко и такъ запутанно, что неопытному никакъ невозможно сего разрѣшить и понять.

Отецъ Клавдій усомнился въ духовной силѣ отца Іеронима. Дьяволъ подалъ ему мысль, что онъ самъ лучше духовника во всемъ этомъ разберется. А если самомнѣніе утвердится въ подвижникѣ, то онъ начинаетъ свысока смотрѣть на своего духовнаго отца. Врагъ внушаетъ ему, что духовникъ духовно ниже его, что онъ не въ силахъ разобраться въ его сложныхъ проблемахъ. Если подвижникъ начнетъ вѣрить такимъ помысламъ, то обрывается духовная связь между нимъ и духовникомъ, и онъ остается безъ благодатной защиты. Недовѣріе духовнику есть въ конечномъ счетѣ недовѣріе къ Богу. И не имѣетъ рѣшающаго значенія, дѣйствительно ли высокъ духовный уровень у духовника или нѣтъ. Решающее въ отношеніи духовника съ ученикомъ — довѣріе. Если подвижникъ изъ-за любви къ Богу полностью довѣрился духовнику, то Богъ за его довѣріе никогда не допуститъ, чтобы духовникъ ошибся въ отношеніи

его, какого бы духовнаго уровня не былъ самъ духовникъ. Скорѣе, наоборотъ, только черезъ такого духовника Онъ будетъ открывать подвижнику Свою волю. Но если это довѣріе шатко или оно вообще отсутствуетъ, то подвижникъ удаляется отъ Бога и впадаетъ въ прелесть. Искушитель подсовываетъ ему новый помыселъ, что гдѣ-то есть очень хорошій духовникъ, что онъ долженъ искать его, и подвижникъ пускается въ безконечный круговоротъ поиска высокодуховнаго старца, и этотъ поискъ обрывается только въ моментъ его смерти.

Монаху Клавдію помыселъ внушалъ, что онъ достоинъ священства и вскорѣ будетъ рукоположенъ въ іеромонаха. Онъ не открылъ этого помысла своему духовнику, такъ какъ другой помыселъ его убѣдилъ, что этотъ духовникъ не въ состояніи постичь происходящаго съ нимъ. Недѣли черезъ двѣ онъ былъ назначенъ въ Константинополь на послушаніе, но повѣрилъ своему помыслу и всѣми силами старался остаться въ обители. Ему было сказано о послушаніи въ субботу, 13 марта, а въ ночь на 14-е долженъ былъ прійти пароходъ, на которомъ онъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь. Но Клавдій отговорился тѣмъ, что ему поздно сказали объ этомъ и онъ не успѣлъ собраться. Старцы благословили его остаться въ монастырѣ до другого парохода, не подозрѣвая объ его умыслѣ.

На другой день, съ 14-го на 15 марта, уже поздно, передъ полночью, отецъ Клавдій внезапно прибѣжалъ въ келью отца игумена, которому открылъ, что онъ такъ напуганъ въ кельѣ страшилищами, что отъ испуга и волненія чувствуетъ сильное стѣсненіе въ груди, и притомъ просилъ облечь его въ великую схиму. Отецъ игумень его какъ могъ успокоилъ и приставилъ къ нему людей, чтобы тѣ понаблюдали за нимъ. По благословенію отца игумена отецъ Клавдій провелъ эту ночь въ архондарикѣ при людяхъ и освѣщеніи, лечь въ постель не смогъ, а просидѣлъ въ качающемся стулѣ, сдѣланномъ спеціально для больныхъ.

На другой день отецъ игумень доложилъ отцу духовнику объ этомъ дѣлѣ. Духовникъ позвалъ къ себѣ отца Клавдія и говорилъ ему: „Ты жаловался на страхованія, но причины не открылъ. Что тебя такъ перепугало? Ты обо всемъ долженъ подробно рассказать, а иначе погибнешь“. Тогда тотъ раскрылъ подробно все, что съ нимъ случилось, и объяснилъ, что когда онъ началъ довѣрять тому помыслу, который принялся имъ повелѣвать, то мало-помалу этотъ помыселъ началъ приказывать ему совершать дѣла сомнительныя. Напримѣръ, сначала заставлялъ молиться Богу, потомъ приказывалъ ходить по кельѣ, а потомъ приказывалъ прыгать съ пѣніемъ тропаря „Боготецъ убо Давидъ“.

„Я, — говорилъ отецъ Клавдій, — усомнившись, спросилъ его, для чего это требуется. Помыселъ отвѣчалъ мнѣ, что это требуется для того, чтобы показать его послушаніе, послѣ этого онъ обѣщалъ, что я получу великіе дары отъ Бога. Я ему говорилъ, что сомнѣваюсь въ этомъ, мнѣ совѣсть говоритъ пойти спросить духовника.

На это мнѣ было отвѣчено, что, когда Самъ Богъ тобою распоряжается, въ такомъ случаѣ духовникъ тебѣ не нуженъ. А чтобы я убѣдился, что все это отъ Бога, то мнѣ будутъ показаны знаменія и чудеса: «Вотъ смотри на эту стѣну, ея сейчасъ не будетъ», — говорилъ мнѣ помысль. Я смотрю, а стѣны нѣтъ. «Смотри на потолокъ, его не будетъ». Я смотрю — потолокъ нѣтъ. «Смотри на помость, всѣ доски будутъ двигаться». Я смотрю на помость — всѣ доски ходятъ. Потомъ помысль говоритъ мнѣ: «Теперь ты не долженъ сомнѣваться, встань и молись предъ иконой Божіей Матери». И я, когда сталъ молиться, вдругъ вижу: около иконы явилось небольшое розовое пятно, которое вскорѣ превратилось въ букетъ цвѣтовъ, по всей келье разлилось благоуханіе, а отъ иконы показались свѣтлые лучи, которые прямо мнѣ освѣщаютъ лицо. Въ это время помысль говоритъ мнѣ: «Глотай, глотай, это дары Божіи». И я глоталъ ихъ. Потомъ говоритъ: «Приложись къ иконѣ». И когда я приложился къ иконѣ, то изъ иконы вылѣзла благословляющая рука. Послѣ чего помысль сказалъ: «Сейчасъ придетъ Спаситель и причаститъ тебя, чтобы ты уже не имѣлъ надобности въ Причащеніи». И дѣйствительно, кто-то взошелъ въ образѣ Спасителя и причастилъ меня чѣмъ-то вроде бѣлой кашицы, и я, когда положилъ поклонъ, увидѣлъ лапы вмѣсто ногъ и, пришедши въ великій страхъ и ужасъ, выско- чилъ изъ кельи и побѣжалъ къ отцу игумену“.

Духовникъ спросилъ его: „Для чего ты пожелалъ видѣть эти видѣнія, когда знаешь, что они запрещены и что они душепагубны? Притомъ тебѣ же было сказано, чтобы ты открывалъ все подробно и о добромъ, и о худомъ“. На это онъ сказалъ: „Необыкновенное желаніе приблизиться къ Богу и получить извѣщеніе о полученіи надежды на спасеніе заставило меня такъ поступать. Но теперь я уже знаю свою ошибку и началъ бояться, какъ бы мнѣ не погибнуть за то, что я бѣсовъ слушалъ и имъ кланялся“.

Духовникъ на это сказалъ такъ: „Если ты вполне сознаешь свою ошибку, и считаешь все это за прелесть, и отъ всего отрицаешься, и въ этомъ каешься, то ты получишь прощеніе отъ Бога“. Потомъ духовникъ сказалъ, чтобы онъ ничѣму этому не вѣрилъ и подобныхъ вещей не принималъ, но обо всемъ бы спрашивалъ, а если что случится, то чтобы открывалъ, и для успокоенія его прочиталъ разрѣшительную молитву и отпустилъ его.

Съ этого времени отецъ Клавдій совершенно успокоился, но стѣсненіе въ груди его не прекращалось, а усиливалось. Поэтому онъ былъ перемѣщенъ въ больницу, гдѣ пролежалъ недѣлю, часто причащаясь Святыхъ Таинъ, и мирно скончался 23 марта 1876 года вечеромъ»<sup>87</sup>.

---

<sup>87</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 195.

## Монахъ Азарій (Попцовъ)

Монахъ Азарій<sup>88</sup> (въ міру Александръ Ивановичъ Попцовъ) родился въ городѣ Вяткѣ. Окончивъ курсъ богословія въ Вятской семинаріи и получивъ званіе учителя, онъ нѣкоторое время былъ преподавателемъ греческаго языка въ одномъ изъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ. Въ вятской семинаріи онъ познакомился со святогорцемъ отцомъ Сергіемъ (Веснинымъ), который произвелъ на него огромное впечатлѣніе. Онъ зачитывался его книгой объ Аѳонѣ и мечталъ самъ попасть въ уѣздъ Божіей Матери. Наконецъ его мечта осуществилась, и онъ, пріѣхавъ на Аѳонъ, 3 ноября 1851 года поступилъ въ Русскіе, гдѣ 17 декабря 1852 года былъ постриженъ въ мантию. Послушаніе проходилъ секретаремъ при російскомъ консульствѣ въ Солуни, въ обители на клиросѣ, уставщикомъ и въ библіотекѣ.

Отець Азарій обратилъ на себя вниманіе отца Іеронима своимъ глубокимъ природнымъ умомъ, соединеннымъ съ проницательностью, а также неистоцимымъ чисто русскимъ живымъ юморомъ. Его смѣло можно назвать создателемъ библіотеки Руссика. До него библіотека насчитывала только нѣсколько сотъ древнихъ греческихъ рукописей и актовъ, а при немъ началась цѣленаправленная реорганизація библіотеки и увеличеніе книжнаго фонда. Онъ началъ систематизировать имѣвшійся въ наличіи архивный матеріалъ и поставилъ вопросъ о строительствѣ новаго зданія библіотеки монастыря. Отець Азарій привелъ въ порядокъ монастырскую библіотеку, приобрѣлъ огромное количество книгъ какъ современныхъ ему, такъ и древнихъ, наладилъ отношенія со многими издательствами того времени.

Отець Азарій благодаря усидчивости и упорному труду быстро освоился, изучивъ жизнь монастыря, вошелъ во всѣ дѣла и сталъ, можно сказать, правой рукой отца Іеронима и отца Макарія. Всякое дѣло, такъ или иначе касавшееся монастыря, не прежде начиналось, какъ старцы посоветуются съ отцомъ Азаріемъ. Никакія бумаги монастырскія не миновали зоркихъ его глазъ, и всѣ совѣты его и замѣчанія имѣли въ глазахъ старцевъ весьма важное значеніе.

Особенную услугу оказалъ отецъ Азарій монастырю во время распри русскихъ съ греками изъ-за правъ на монастырь. Отець Азарій, можно сказать, одинъ вынесъ эту борьбу на своихъ могучихъ плечахъ.

Посреди дѣловой и весьма сложной обширной официальной переписки отецъ Азарій находилъ время еще и для того, чтобы писать для газетъ историческіе очерки о монастырѣ.

<sup>88</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Дмитріевскій А.* Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 136.

Его перу принадлежат статьи, печатавшиеся в некоторых константинопольских, афонских и российских газетах<sup>89</sup>. Под псевдонимом «Любитель истины» эти статьи были изданы в 1874 году на трех языках (русском, греческом и французском) отдельной книгой под названием «По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеимона»<sup>90</sup>. Спокойное изложение фактов истории и трезвый взгляд на дело много содействовали положительному решению греко-русского спора. Ему же принадлежала мысль о публикации всех известных, имеющих в наличии древних документов обители и об издании их в русском переводе. В 1873 году его чаяниями данная книга под названием «Акты Русского Пантелеимонова монастыря» была напечатана. До сих пор она является основным источником для изучения истории монастыря. Эту книгу высоко оценил большой знаток афонских древностей епископ Порфирий (Успенский)<sup>91</sup>. В 1876 году отец Азарий издал также книжку «Тринадцать писем Патриарха Григория», в которой поместил личные переводы писем священномученика Григория V, Патриарха Константинопольского, зверски убитого турками в 1821 году.

Не остались без должной оценки заслуги отца Азария и в научных кругах России. Он был принят членом-корреспондентом Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии.

Перу отца Азария также принадлежат еще несколько его трудов, не утративших своего значения и ценности и в настоящее время. Это «Вышний покров над Афоном», «Афонский патерик». Сохранились также в рукописном виде его некоторые духовные и научные заметки<sup>92</sup>. Его ясное осознание того, где он подвизался, хорошо показывают слова, записанные в предисловии книги «Вышний покров над Афоном»: «Святая Гора Афонская, удостоившаяся быть жребием евангельского слова Пресвятыя Госпожи Девы Богородицы, по Ея неложному обетованию, была, и есть, и должна быть даже до скончания века предметом Ея любви и нежного промысла о всех посвятивших себя в ней трудам подвижнической жизни. Безчисленные опыты оправдали и оправдывают Ея Божественное обетование. С материнской заботой надзирая Святую Гору Афонскую, как Свое наследие, Богоматерь в некоторых случаях иногда явно и чувственно являлась и является на помощь требующим от Ней помощи. Временами же необыкновенными знаменами от Божественнаго Своего

---

<sup>89</sup> Домашняя беседа. 1874. № 32–44. С. 837–839, 859–863, 876–880, 896–903, 922–925, 997–1001, 1022–1024, 1037–1041, 1064–1067, 1104–1107, 1138–1143. Перепечатано в русском переводе из газеты «Византизм» (1874. Июль — сентябрь); Московскія Вѣдомости. 1874. № 218, 221–224, 226, 227, 229, 233–236, 239, 241, 244, 254, 264, 271, 277. Некоторые исследователи по ошибке приписывают эти статьи архимандриту Арсеню (Иващенко): см. *Спаский А. А.* Преосвященный Арсеній (Иващенко) и его труды по византологіи // *Византійскій временникъ.* 1903. Т. 10. Вып. 3/4. С. 671.

<sup>90</sup> По поводу вопроса о монастыре Святого Пантелеимона. Статьи «Любителя истины». СПб., 1875.

<sup>91</sup> *Порфирий (Успенский), епископ.* История Афона. М., 2007. С. 1014.

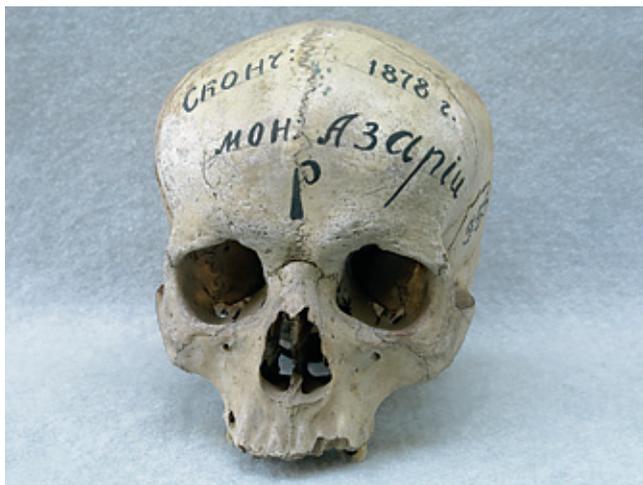
<sup>92</sup> АРПМА. Док. № 3904.

лика, на иконахъ изображеннаго, являла неизъяснимую Свою благодать, и державное заступленіе, и Промысль, а всего болѣе незримо и таинственно изливаетъ благодатные дары Свои на Свой евангельскій жребій и на удостоившихся въ немъ проходить путь жизненный подѣ крестомъ иноческаго отреченія и царствуетъ надъ ними какъ Царица неба и земли»<sup>93</sup>.

Духовная жизнь его неразрывно связана съ его духовнымъ отцомъ — отцомъ Іеронимомъ, съ которымъ онъ имѣлъ тѣсную связь какъ въ обычныхъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ, чѣму свидѣтельство его многочисленныя письма къ отцу Іерониму изъ Константинополя<sup>94</sup>, гдѣ онъ долгое время жилъ.

Отецъ Азарій былъ истиннымъ сыномъ своей обители. Онъ переживалъ за любую мелочь, которая касалась дѣлъ обители. Вотъ что онъ пишетъ въ одномъ изъ писемъ: «Не скажетъ ли кто мнѣ, что я хлопочу о пустякахъ. О пустякахъ! Да вѣдь и горы состояются изъ песчинокъ, а не изъ самихъ горъ. Такъ какъ же презирать намъ и гроши! А мнѣ кажется, такъ мы должны благодарить Бога и благодѣтелей своихъ за все, даже и за самую малость. Вѣдь крупныхъ, миллионныхъ доходовъ у насъ нѣтъ. Такъ зачѣмъ же намъ убѣгать отъ мелочей? Мнѣ кажется такъ: мы должны бы всѣ — и крупныя и мелкія, — все складывать вмѣстѣ въ одну нашу сокровищницу»<sup>95</sup>. Его неустанныя заботы о матеріальномъ состояніи обители хорошо видны также въ письмахъ<sup>96</sup> къ эконому монастыря іеросхимонаху Павлу (Дурневу)<sup>97</sup>.

Несмотря на свой высокій интеллектуальный и духовный уровень, отецъ Азарій отличался крайнимъ смиреніемъ и кротостью. Ему неоднократно предлагали рукоположеніе въ священный санъ, но онъ всегда отказывался, считая себя недостойнымъ такого высокаго служенія. При встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ кланялся ему до земли и цѣловалъ ему руку, объясняя это тѣмъ, что каждый человѣкъ есть храмъ Божій.



<sup>93</sup> Азарій (Попцовъ), монахъ. Вышній покровъ надъ Аѳономъ. СПб., 1860. Предисловіе. С. 1.

<sup>94</sup> АРПМА. Док. № 798.

<sup>95</sup> АРПМА. Док. № 789. С. 8.

<sup>96</sup> АРПМА. Док. № 1371.

<sup>97</sup> Схііеромонахъ Павелъ (въ міру Петръ Михайловичъ Дурневъ) — бывшій крестьянинъ Новосотенской волости Острожскаго уѣзда Воронежской губерніи. Родился въ 1833 году. Прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскіе 25 августа 1857 года, постриженъ въ мантию 18 февраля 1858 года, въ схиму — 24 марта 1882 года. Послушаніе проходилъ экономомъ и казначеемъ на подворьяхъ въ Константинополь и Москвѣ. Рукоположенъ въ іеродіакона 23 ноября 1863 года, а въ іеромонаха — 30 сентября 1867 года. Преставился 5 декабря 1895 года.

Однимъ изъ многочисленныхъ заслугъ отца Азарія было то, что онъ подготовилъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго себѣ ученика и преемника въ лицѣ отца Матѳея (Ольшанскаго), съ которымъ интенсивно переписывался во время его пребыванія въ Константинополь<sup>98</sup>.

Преставился монахъ Азарій 4 апрѣля 1878 года отъ воспаленія желудка.

## Схимонахъ Матѳей (Ольшанскій)

Схимонахъ Матѳей<sup>99</sup> (въ міру Михаилъ Павловичъ Ольшанскій) родился 5 ноября 1840 года въ купеческой семьѣ города Купянска Харьковской губерніи. По окончаніи школьнаго образованія нѣкоторое время принималъ участіе въ торговыхъ операціяхъ своего отца. Наряду съ общимъ развитіемъ душевныхъ силъ и способностей въ юношѣ Михаилъ все болѣе и болѣе укоренялась и развивалась религіозная настроенность. Его мало занимала городская торговая жизнь съ ея коммерческими интересами. Въ сердцѣ его постепенно зрѣло рѣшеніе оставить суетный міръ и уйти въ монастырь, чтобы тамъ, въ монастырской тишинѣ, всецѣло и нераздѣльно посвятить себя на служеніе Богу. Выборъ его палъ на Оптину пустынь.

И вотъ, оставивъ, по слову Спасителя, домъ, родителей и вся красная міра сего, 19-лѣтнимъ юношей Михаилъ удаляется въ скитъ, состоящій при Оптиной пустыни. Здѣсь подъ руководствомъ великаго старца іеросхимонаха Макарія получилъ онъ первые уроки иноческой жизни. Эти уроки были особенно важны и необходимы для молодого послушника: они научили его терпѣнію, смиренію, послушанію и строгому вниманію къ себѣ — добродѣтелямъ, которыя потомъ составили главныя черты его характера.

Около трехъ лѣтъ пробылъ онъ въ Оптиной, исполняя разнообразныя послушанія. Смерть старца Макарія (въ 1860 году) нарушила теченіе его мирной жизни. Михаилъ сталъ все чаще думать объ Аѳонѣ. Монашество аѳонское со своими тысячелѣтними традиціями, съ идеалами высокосозерцательной жизни давно привлекало его вниманіе. На Аѳонѣ, вдали отъ міра, въ безмолвіи мечталъ онъ созидать свое спасеніе. Тамъ безвѣстные міру иноки совершали высокіе аскетическіе подвиги, восходили на высшія

---

<sup>98</sup> АРПМА. Док. № 1488.

<sup>99</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ. М., 1912. С. 112. См. также: *Дмитріевскій А. А.* Русскій самородокъ на Святой Аѳонской Горѣ // Сообщенія Православнаго Палестинскаго общества. 1912. Т. 23. Вып. 1. С. 122–141; *Инокъ Матѳей*, бібліотекаръ Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ // Церковныя Вѣдомости. 1912. № 4. С. 133–134; *Инокъ Матѳей*, бібліотекаръ Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ и секретаръ монастыря // Русскій Инокъ. 1912. Вып. 54. Мартъ. С. 62; *Лопаревъ Д. С.* Схимонахъ Матѳей (бібліотекаръ Руссика) // Византійскій временникъ. 1913. Т. 20. Отд. 3. С. 355–358.

степени христіанскаго совершенства. Тамъ при полной бѣдности внѣшней обстановки господствовало духовное довольство и яркимъ пламенемъ горѣла чистая любовь къ Богу и людямъ. Тамъ ревностно и благолѣпно совершались продолжительныя церковныя богослуженія. Однимъ словомъ, Аѳонъ вполнѣ отвѣчалъ его желаніямъ. Ему захотѣлось самому повидать ту жизнь, поучиться ей у богомудрыхъ старцевъ, которыхъ немало было въ то время на Аѳонѣ. Недолго были сборы. Взявъ благословеніе у начальника скита отца Амвросія, Ольшанскій отправился въ путь.

Михаилу было 22 года, когда онъ прибылъ на Аѳонъ и вступилъ въ братство обители святаго великомученика Пантелеимона. Скоро острый умъ и постоянная сосредоточенность молодого послушника обратили на него вниманіе старцевъ обители. Онъ былъ посланъ въ здѣшнюю аѳонскую греческую школу въ Кареѣ для изученія греческаго языка. Въ 1865 году Михаилъ былъ постриженъ въ монашество и нареченъ Матѳеемъ. А черезъ два года посланъ въ посольскую церковь Константинополя пѣвчимъ.

У него рано развилась охота къ пѣнію. Въ Оптиной онъ пѣлъ на клиросѣ и былъ канонархомъ. И здѣсь, на Аѳонѣ, эта склонность сохранилась у него до самой смерти. Иногда, уже будучи почтеннымъ старцемъ, онъ раскрывалъ ноты и одинъ въ своей кельѣ распѣвалъ догматики.

У него рано развилась охота къ пѣнію. Въ Оптиной онъ пѣлъ на клиросѣ и былъ канонархомъ. И здѣсь, на Аѳонѣ, эта склонность сохранилась у него до самой смерти. Иногда, уже будучи почтеннымъ старцемъ, онъ раскрывалъ ноты и одинъ въ своей кельѣ распѣвалъ догматики.

Занимая послушаніе пѣвчаго при посольствѣ, отецъ Матѳей не оставлялъ и своихъ работъ по самообразованію. Онъ бралъ уроки турецкаго языка, французскаго, тщательно изучалъ греческій, древній и новый языки, пополняя въ то же время свои знанія и по общеобразовательнымъ предметамъ.

Въ 1873 году онъ былъ вызванъ въ монастырь и назначенъ помощникомъ бібліотекаря отца Азарія, съ которымъ уже давно имѣлъ дѣловую и духовную связь. Въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ опять въ Константинополь по дѣлу греко-русскаго процесса и былъ тамъ до конца 1875 года. Въ 1878 году отецъ Матѳей послѣ смерти бібліотекаря, почтеннаго старца монаха Азарія, замѣстилъ его должность старшаго бібліотекаря и вмѣстѣ съ тѣмъ монастырскаго граматевса (секретаря). Такое назначеніе вполнѣ



соответствовало его склонности. Въ библиотекѣ онъ проводилъ все свое время, роясь въ книгахъ, знакомясь съ ихъ содержаніемъ. Тридцать три года завѣдовалъ онъ ей, и за этотъ періодъ времени онъ сдѣлалъ огромную работу для расширения и обогащенія монастырской библиотеки, которая въ его время благодаря его любви и неусыпнымъ заботамъ встала въ одинъ рядъ съ лучшими книгохранилищами Аѳона — Ватопедскимъ и Великой Лавры. Чтобы судить о трудолюбіи отца Матѳея, о его любви къ книгамъ, надо принять во вниманіе то, что при немъ библиотека увеличилась болѣе чѣмъ вдвое, а число книгъ и рукописей достигло почтенной цифры (болѣе 20 000 томовъ). Онъ самъ присматривалъ текущую литературу и все полезное выписывалъ для монастыря.

Отецъ Матѳей не только привелъ библиотеку въ образцовый порядокъ, обогатилъ ее многими цѣнными экземплярами греческихъ и южнославянскихъ рукописей, имѣющихъ важное научное значеніе, но его стараніями само зданіе старой библиотеки было вновь отреставрировано и увеличено прибавленіемъ новаго этажа. Какъ истинный любитель древностей, онъ съ любовью относился къ разнымъ древнимъ достопримѣчательностямъ. Его трудами была приобрѣтена и впоследствии значительно увеличена новыми рѣдкими экземплярами нумизматическая коллекція при монастырской библиотекѣ. Немало терпѣнія, времени употреблялось имъ, чтобы научно опредѣлить значеніе какой либо истертой монеты или историческаго достоинства какого нибудь пожелтѣвшаго листа пергамента. Какъ знатокъ византійской письменности, археологъ и опытный палеографъ, отецъ Матѳей былъ много полезенъ молодымъ ученымъ, пріѣзжавшимъ на Аѳонъ за матеріалами.

Каждому, кто посѣщалъ Святую Гору съ научной цѣлью, приходилось имѣть дѣло съ отцомъ Матѳеемъ. Онъ радушно принималъ всякаго приходящаго къ нему за совѣтомъ или какой либо справкой и съ полной готовностью дѣлалъ для просящаго все, что могъ. Съ обширными разнообразными свѣдѣніями по многимъ отраслямъ знаній въ немъ соединялась готовность подѣлиться этими свѣдѣніями съ каждымъ человекомъ, искавшимъ общенія съ нимъ. Обладая громадной памятью, онъ и самъ былъ богатой живой библиотекой, которой можно было пользоваться всякому. У него всегда можно было встрѣтить теплый пріемъ и участливое слово. Простота общенія, мягкость и деликатность дѣлали его пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ переписывался съ такими выдающимися востоковѣдами Россіи того времени, какъ И. С. Пальмовъ, А. А. Дмитріевскій, Н. Ф. Красносельцевъ, И. Е. Троицкій, А. И. Алмазовъ, В. М. Истринъ, Е. К. Рѣдинъ, Н. П. Кондаковъ, А. С. Павловъ, П. А. Сырку и другія, письма которыхъ сохранены въ архивѣ монастыря<sup>100</sup>. Также онъ имѣлъ переписку съ извѣстными французскими учеными Емилемъ Леграномъ<sup>101</sup> и Луи Пети<sup>102</sup>.

---

<sup>100</sup> См. АРПМА. Опись № 38.

<sup>101</sup> АРПМА. Док. № 1574.

<sup>102</sup> АРПМА. Док. № 1581.

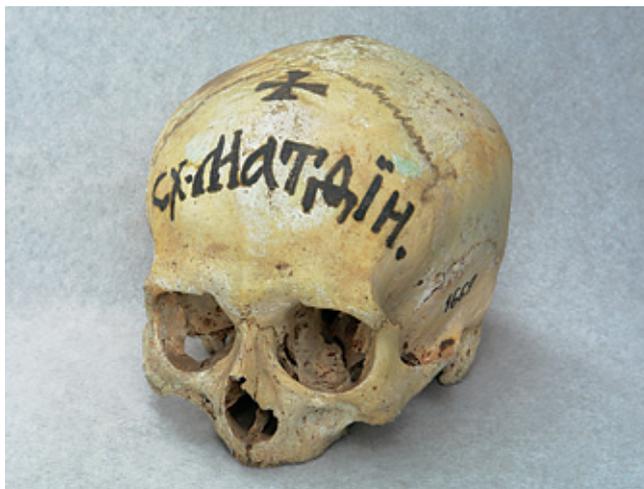
Заслуги отца Матѳея для науки были достойно оценены всѣми, кто интересовался тогда исторіей христіанскаго Востока. Онъ былъ признаннымъ авторитетомъ для Русскаго археологическаго института въ Константинополь, сотрудникомъ котораго онъ состоялъ съ 1896 года. Онъ былъ по заслугамъ оцененъ и на Западѣ: Парижская академія наукъ прислала ему въ 1902 году дипломъ, присвоивъ званіе своего члена. Аѳинское историко-этнографическое общество считало его полезнымъ своимъ членомъ еще съ 1895 года.

Не чуждъ былъ отецъ Матѳей и монашескаго подвига. Онъ былъ истиннымъ носителемъ лучшихъ иноческихъ завѣтовъ, умѣлъ соединять свой аскетизмъ съ практической дѣятельностью. Въ первую очередь онъ былъ настоящимъ послушникомъ своихъ духовныхъ отцовъ — отца Іеронима и отца Макарія. Находясь на послушаніи въ Константинополь, онъ не прерывалъ духовнаго общенія съ отцомъ Макаріемъ и постоянно переписывался съ нимъ<sup>103</sup>.

Послѣ смерти старцевъ его духовнымъ отцомъ сталъ іеросхимонахъ Агаѳодоръ (Будановъ), и, несмотря на относительную молодость новаго духовника, отецъ Матѳей проявлялъ безграничную преданность ему до самой своей смерти, чѣму свидѣтельство его обширная переписка съ нимъ<sup>104</sup>.

Послѣднія десять лѣтъ отецъ Матѳей почти никуда изъ кельи не выходилъ. Это давало ему возможность больше заняться самоуглубленіемъ и анализомъ собственной души, заглянуть въ ея тайники, заняться достиженіемъ нравственнаго идеала. Ему извѣстны были всѣ оттѣнки той борьбы, какую врагъ ведетъ съ каждымъ истиннымъ христіаниномъ. Онъ зналъ богатство души человѣческой съ ея неумолкаемымъ движеніемъ чувствъ и темными глубинами страстей. И тотъ свѣтлый обликъ отца Матѳея, который привлекалъ къ нему многихъ, былъ не что иное, какъ плодъ неустанной 50-лѣтней работы надъ собой.

Въ половинѣ августа 1911 года отецъ Матѳей занемогъ. Сначала онъ не придавалъ этому никакого значенія, объясняя дѣло легкой простудой. Но время шло, а улучшения не было. Призванный врачъ не нашелъ ничего серьезнаго. Между тѣмъ при отсутствіи какихъ либо рѣзкихъ симптомовъ силы его угасали, организмъ слабѣлъ и отецъ Матѳей таялъ съ каждымъ днемъ. 27 августа онъ принялъ постригъ великой схимы съ именемъ Матѳій. Умиралъ онъ напутствованный всѣми таинствами Святой Церкви, окруженный все-



<sup>103</sup> АРПМА. Док. № 1494.

<sup>104</sup> АРПМА. Док. № 1366.

общей любовью и заботой. До послѣдняго вздоха шепталь молитвы и былъ въ полномъ сознаніи. Въ ночь на 3 сентября въ послѣдній разъ старецъ удостоился приобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ и затѣмъ тихо и мирно предалъ духъ свой въ руки Господа. На другой день послѣ Литургіи и соборнаго отпѣванія многочисленная братія проводила тѣло искренно уважаемаго всѣми отца Матѳея на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

## Иеромонахъ Василій (Селезневъ)



Иеромонахъ Василій (въ міру Владиміръ Дмитріевичъ Селезневъ) былъ родомъ изъ города Воронежъ. Поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь въ 1851 году, гдѣ былъ постриженъ въ мантию въ 1852 году. Онъ сразу привязался къ духовнику Иерониму, былъ однимъ изъ лучшихъ его послушниковъ, за что Богъ сподобилъ его многихъ духовныхъ даровъ. Рукоположенъ въ іеродіакона 3 іюля 1856 года, а въ іеромонаха — 8 сентября 1857 года.

Иеромонахъ Василій выполнялъ послушаніе иконописца, такъ какъ обладалъ даромъ рисованія. Онъ устроилъ въ монастырѣ первую иконописную мастерскую, гдѣ собралъ нѣсколько одаренныхъ иноковъ-иконописцевъ. Нѣкоторыя написанныя имъ иконы посылались въ Россію, и многіе изъ нихъ стали тамъ чудотворными<sup>105</sup>. Рядъ иконъ, написанныхъ имъ, былъ предназначенъ для поднесенія въ даръ Ихъ Величествамъ Высокимъ Особамъ.

Въ 1867 году схимонахъ Василій написалъ для Пантелеимоновскаго храма икону святаго великомученика Пантелеимона, которая съ тѣхъ поръ прославилась многими чудесами. Икона эта въ большомъ позолоченномъ кіотѣ находится у праваго столпа напротивъ архіерейской каѳедры. Написана на цинкѣ. Риза на ней серебро-вызолоченная, съ камнями<sup>106</sup>.

Кромѣ иконописи онъ выполнялъ послушаніе пѣвца, пѣлъ партію втораго тенора. Онъ былъ очень любимъ братіей. Вотъ что пишетъ о немъ отецъ Селевкій (Трофимовъ): «Любезный живописецъ былъ исполненъ всѣми дарованіями: былъ живописцемъ, чтецомъ, пѣвчимъ, канонархомъ. Онъ очень простъ и ко всѣмъ любовь имѣетъ. Богъ помогъ ему расписать половину [Пантелеимоновскаго] собора, и онъ, вѣроятно, все окончилъ

<sup>105</sup> АРПМА. Док. № 321. С. 355.

<sup>106</sup> АРПМА. Док. № 492. С. 46.

бы, но съ нимъ случилось несчастье: оборвался съ лѣсовъ, съ самага верха, крѣпко разбился и былъ долго боленъ. Теперъ онъ часто служитъ. И какъ онъ умиленно служитъ и хорошо читаетъ! У отца Василія особенно замѣчательны его большіе и пронизательные глаза».

Послѣ паденія съ лѣсовъ въ 1875 году старцы благословили отца Василія поѣхать въ Россію на лѣченіе, гдѣ онъ прожилъ на подворьѣ въ Москвѣ цѣлый годъ и часто переписывался со старцами Іеронимомъ и Макаріемъ. Болѣзнь и суета міра наводили на него грустныя мысли. «При размышленіи о смерти, — писалъ онъ, — невольно обладаетъ мной боязнь, чтобы не встрѣтить смерть не готовымъ и не прійти бы на мѣсто мученія. Это бываетъ особенно въ минуты горькаго моего плача о грѣхахъ моихъ, о своемъ нерадѣніи... скажу Вамъ просто откровенно, какъ духовному моему отцу, чѣмъ больше усиливается плачь о своихъ недостаткахъ, грѣхахъ и страстяхъ и отрекаюсь отъ нихъ, тѣмъ болѣе страдаю отъ нихъ. Чѣмъ больше стараюсь успокоить себя, тѣмъ болѣе чувствую себя растерзаннымъ и возмущеннымъ. Плачь, окаянный, да не напрасно, а за свои грѣхи и за обиду ближняго, за свою смерть»<sup>107</sup>.

Преставился отецъ Василій 27 ноября 1878 года отъ водянки. Черезъ три года по аѳонскому обычаю откопали его останки, и когда принесли отцу Іерониму его желтую главу, то отецъ Іеронимъ поцѣловалъ и высказался: «Вотъ и мы, бывало, осуждали его, а Господь благоволитъ къ нему».



## Иеросхимонахъ Іезекіиль (Сливкинъ)

Иеросхимонахъ Іезекіиль (въ міру Игнатій Васильевичъ Сливкинъ) родился въ 1810 году въ крестьянской семьѣ села Ликинки Тульской губерніи. Его мать звали Маврой Ѳедоровной. Его отецъ Василій бѣжалъ отъ своихъ господъ въ Бессарабскую область, въ г. Кишиневъ. Но вскорѣ онъ тамъ умеръ и оставилъ сиротами четверыхъ дѣтей: мальчиковъ, Игнатія и Сергѣя, и двухъ дѣвочекъ, Евдокію и Ирину.

Мать хоть и была молодой женщиной, не болѣе 30 лѣтъ отъ роду, но ей было очень тяжело на чужбинѣ прокормить четверыхъ дѣтей. Игнатій былъ старшимъ и старался изо всѣхъ силъ помогать матери. Порой ему приходилось выполнять тяжелыя

<sup>107</sup> АРПМА. Док. № 615. С. 12.



мужскія работы. Вскорѣ мать вышла замужъ, и малышамъ попался злонравный отчимъ, который съ ними обращался жестоко, особенно съ Игнатіемъ. Истерзанный побоями мальчикъ находилъ утѣшеніе въ молитвѣ. Онъ твердо вѣрилъ, что зло будетъ побѣждено, что любовь Божія все-сильна и если бы не его грѣхи, то помощь отъ Бога была бы немедленной.

Отчимъ отдалъ Игнатія на службу одному мѣстному барину, Михаилу Петровичу Иванчину-Писареву, который по милости Божіей оказался очень добрымъ и набожнымъ человѣкомъ. Онъ вникъ въ тяжелое положеніе семьи Игнатія и началъ имъ посильно помогать. Часто приглашалъ всю семью къ себѣ домой и дѣтей угощалъ разными сладостями. Во время одной такой встрѣчи онъ сказалъ матери Игнатія: «Этотъ твой сынъ родился счастливымъ, ему предстоитъ служить Царю Небесному». Тогда гости не поняли, о чемъ онъ го-

ворить, но впоследствии отецъ Іезекииль, уже бывший монахомъ, вспоминалъ это пророчество своего барина.

Послѣ трехъ лѣтъ служенія у барина Игнатія отправили въ Москву, гдѣ отдали въ ученики Никанору Григорьевичу Сухареву, мастеру по деревяннымъ дѣламъ. И опять по милости Божіей новый хозяинъ былъ добрымъ и заботливымъ человѣкомъ. Мастерская у него была около Высокопетровскаго монастыря, и юный Игнатій часто заходилъ туда, имѣя возможность благодарить Бога за свою судьбу.

Мастеръ позаботился, чтобы Игнатій получилъ начальное образованіе, онъ купилъ ему азбуку и всемѣрно способствовалъ въ обученіи. Въ монастырѣ Игнатій познакомился съ іеромонахомъ Іереміей, который сталъ его первымъ путеводителемъ на пути спасенія души. Отецъ Іезекииль впоследствии писалъ: «Вся моя жизнь въ Москвѣ проходила въ дружбѣ съ монахами, я такъ ихъ полюбилъ, какъ ангеловъ Божьихъ»<sup>108</sup>.

Въ это время зародилась въ его сердцѣ завѣтная мечта — самому стать монахомъ. И когда обученіе его у мастераваго завершилось, онъ отправился въ Святую Троице-

<sup>108</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 20.

Сергіеву Лавру, къ мощамъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, получить благословеніе на монашество. Здѣсь онъ встрѣтился съ монахомъ со Святой Горы Аѳонъ, который разсказалъ ему объ удѣлѣ Божіей Матери, и благодать утвердила Игнатія въ его намѣреніи стать монахомъ.

Онъ рѣшилъ подвизаться на Аѳонѣ. Когда вернулся домой, то началъ просить своего барина разрѣшить ему пойти въ монастырь. Услышалъ Богъ молитвы Игнатія, и отпустилъ его баринъ. Послѣ многихъ препятствій Игнатій добрался до Одессы, но чиновники не дали ему заграничный паспортъ для выѣзда на Святую Гору Аѳонскую. Тогда по совѣту одного старца Игнатій отправился туда по сушѣ, по дорогѣ останавливаясь въ монастыряхъ.

Такъ онъ добрался до Нямецкаго монастыря, гдѣ изъ-за неимѣнія средствъ для продолженія пути ему пришлось остановиться. Такъ какъ онъ былъ хорошимъ столяромъ, то оказался очень полезенъ монастырю, выполняя различныя столярныя работы. Только черезъ два года онъ смогъ продолжить свой путь.

Въ августѣ 1832 года онъ прибылъ на Святую Гору. Сначала онъ жилъ въ монастырѣ Зографъ, а черезъ пять мѣсяцевъ перешелъ въ Ильинскій скитъ. Здѣсь принялъ его іеросхимонахъ Павелъ, игумень скита, который очень его полюбилъ и сталъ его духовнымъ отцомъ. Игнатій выполнялъ послушаніе столяра, а черезъ годъ его постригли въ мантию съ именемъ Израиль. Въ 1835 году его рукоположили въ іеродіакона.

Въ это время врагъ челоуѣчества навелъ на него страшную плотскую страсть «такъ сильно, что онъ боролся съ нимъ день и ночь. На этомъ дьяволъ не успокоился и, когда онъ вставалъ ночью на молитву, навелъ на него великій страхъ, да такъ, что не могъ онъ ни перекреститься, ни поклоны дѣлать, а только поднималъ руки къ небу и, такъ крестообразно стоя, искалъ помощи отъ Господа Бога и Пречистой Матери Его, творилъ Иисусову молитву и Божіей Матери, и только послѣ этого онъ могъ дѣлать поклоны. Послѣ молитвеннаго стоянія, когда онъ ложился на постель и засыпалъ, дьяволъ начиналъ его сильно давить. Отчего онъ въ страхѣ пробуждался. «Вѣрно, такъ было Богу угодно, — писалъ онъ впослѣдствіи, — по попущенію духовному, что врагу была дана возможность надругаться надо мной, грѣшнымъ, для моего смиренія и въ душевную мою пользу»<sup>109</sup>.

Отецъ Павелъ, видя многія духовныя добродѣтели отца Израиля, вознамѣрился сдѣлать его намѣстникомъ, но дьяволъ возмутилъ противъ этого намѣренія нѣкоторыхъ изъ братіи, которые говорили, что отецъ Іезекіиль не достоинъ этой должности, онъ только что рукоположенъ и вдобавокъ на богослуженіи плохо читаетъ.

Отецъ Павелъ всячески старался обучить его богослужебной практикѣ и привить навыки управленія скитомъ. Онъ ни секунды не позволялъ ему быть въ праздности. «Какъ только я выйду изъ церкви, — писалъ отецъ Израиль, — онъ гонитъ меня безъ

<sup>109</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 44.

оглядки въ келью. Главная цѣль его заключалась въ томъ, чтобы меня какъ можно скорѣе просвѣтити и возвести на высокую духовную степень»<sup>110</sup>.

Особенно переживалъ отецъ Павелъ, когда отецъ Израиль очень плохо читалъ во время богослуженія. Самъ отецъ Израиль понималъ это и очень старался исправить свою рѣчь, но безуспѣшно. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ со слезами и поклонами молить о помощи Пресвятую Богородицу. Всю ночь онъ молился. И только къ утру, упавъ отъ изнеможенія на полъ, заснулъ.

На слѣдующее утро случилось чудо. На службѣ ему надо было читать канонъ. И его какъ будто подмѣнили. Онъ началъ читать такъ выразительно и внятно, что всѣ удивились. Особенно удивился сему отецъ Павелъ. Когда онъ узналъ о происшедшемъ съ отцомъ Израилемъ ночью, онъ возблагодарилъ Божию Матерь за Ея милосердіе и материнскую заботу.

Вскорѣ послѣ этого Богъ попустилъ учителю и ученику новое искушеніе. Въ скиту произошелъ раздоръ между малороссами и великороссами, и ради сохраненія мира отецъ Павелъ рѣшилъ оставить скитъ и игуменскій постъ и съ группой монаховъ-великороссовъ разойтись по нѣсколькимъ маленькимъ келліямъ. Отецъ Израиль поселился во Введенской келліи Ставроникитскаго монастыря. Вскорѣ Божья Матерь утѣшила огорченныхъ русскихъ монаховъ и устроила такъ, чтобы ихъ пригласили не въ какой нибудь скитъ или въ келлію, а въ царскій великій Русскій монастырь святаго великомученика Пантелеимона.

Отецъ Павелъ съ нѣсколькими русскими монахами обосновался въ Руссикѣ, но черезъ 8 мѣсяцевъ онъ умеръ. И тогда вновь въ Руссикѣ сталъ вопросъ о наставникѣ русскихъ монаховъ. Отецъ Израиль былъ однимъ изъ кандидатовъ на этотъ постъ, но онъ смиренно осознавалъ, что не имѣетъ достаточныхъ духовныхъ даровъ, чтобы взять на себя такую огромную отвѣтственность. Тогда онъ самъ проявилъ инициативу и обратился съ просьбой стать пастыремъ русскихъ въ Руссикѣ къ отцу Іерониму (Соломенцову), кандидатуру котораго на этотъ постъ одобрялъ и духовникъ отецъ Арсеній. Въ отцѣ Іеронимѣ онъ обрѣлъ новаго духовника, котораго полюбилъ всѣмъ сердцемъ. «Къ отцу Іерониму, — писалъ онъ, — имѣлъ безграничную любовь, увидѣлъ въ немъ многія дарованія духовныя»<sup>111</sup>.

Отецъ Израиль смогъ уговорить отца Іеронима (Соломенцова), и тотъ согласился стать духовникомъ русскихъ, и тогда по благословенію отца Арсенія русскіе монахи Руссика обрѣли новаго духовника. Въ это самое время отцу Израилю приснился его усопшій духовный отецъ Павелъ, который призывалъ его присоединиться къ русскимъ монахамъ въ Руссикѣ, и онъ, немного думая, исполнилъ благословеніе своего усопшаго духовника. Вскорѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, а черезъ мѣсяць вмѣстѣ

<sup>110</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 45.

<sup>111</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 54.



*Келлія «Живоносный Источникъ» во времена отца Іезекиля. Сегодня полностью разрушена*

съ отцомъ Іеронимомъ былъ постриженъ въ схиму и былъ названъ Іезекилемъ. Съ этого времени онъ сталъ правой рукой отца Іеронима и поровну раздѣлялъ съ нимъ огромныя заботы по возстановленію монастыря.

Въ 1843 году его послали на Дунай, гдѣ монастырь занимался ловлей и заготовленіемъ рыбы и гдѣ постоянно находилось до десяти челоуѣкъ братіи, которые нуждались въ духовномъ руководствѣ. Ихъ духовное окормленіе и было новымъ послушаніемъ отца Іезекиля. Здѣсь врагъ опять ополчился противъ него немощныхъ братій, изъ-за чего огорченный отецъ Іезекиль помышлялъ даже оставить монастырь. Тогда къ нему во снѣ явилась икона Успенія Божіей Матери, и голосъ изъ нея сказалъ ему: «Ты мнѣ обѣщаль терпѣть всѣ напасти, а теперъ изнемогаешь?»<sup>112</sup>

Ища утѣшенія, отецъ Іезекиль отправился въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ встрѣтился со схимницей Ефросиніей, которая сказала ему: «Зачѣмъ ты сюда пришелъ, оставилъ Святую Аѳонскую Гору, пришелъ сюда на соблазнъ, ступай отсюда поскорѣй назадъ». Этотъ случай убѣдилъ отца Іезекиля, что онъ въ искушеніи и что надо ему немедленно возвращаться въ родную обитель. Что онъ и сдѣлалъ.

<sup>112</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 59.

Но вскорѣ врагъ опять вооружился на него и внушилъ ему мысль перейти въ только что созданный Андреевскій скитъ. Въ скиту его приняли съ радостью и послѣ смерти отца Варсонофія (Вавилова) даже назначили казначеемъ. Но совѣсть мучила его, что онъ оставилъ родную обитель и своего духовника.

И вотъ во снѣ ему было такое видѣніе. «Представился мнѣ русскій монастырь, — писалъ впослѣдствіи отецъ Іезекииль, — гдѣ на русской сторонѣ росло зеленое дерево, многолиственное и многими плодами обросшее. Передъ деревомъ сидѣлъ отецъ духовникъ Іеронимъ, и я спросилъ его: „Могу я кушать отъ этихъ плодовъ?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Можешь, если ты самъ этого хочешь“. Но я понялъ видѣніе такъ, что лишился этихъ плодовъ, такъ какъ не захотѣлъ нести монастырскихъ трудовъ».

Было ему и другое видѣніе: «Вижу я, несутъ братья большой крестъ, несутъ съ великимъ трудомъ и приглашаютъ меня на помощь, но я совершенно отказался отъ помощи имъ». Было третье видѣніе: «Какъ будто я переселъ съ большаго корабля на малое судно»<sup>113</sup>. Послѣ всѣхъ этихъ видѣній отецъ Іезекииль понялъ, что врагъ его обманулъ, и онъ вернулся въ Русикъ, упалъ въ ноги къ отцу Іерониму и просилъ прощенія. Добрый отецъ Іеронимъ простилъ его и принялъ какъ брата обратно въ обитель.

Отецъ Іезекииль ежеминутно оплакивалъ свои ошибки, и такъ какъ онъ имѣлъ даръ слезъ, то плакалъ непрестанно о своей немощи и своихъ грѣхахъ. За искреннее покаяніе Господь удостоилъ его многихъ видѣній и наградилъ безграничной любовью къ ближнимъ. Этотъ даръ былъ настолько сильнымъ, что ему постоянно хотѣлось послужить любому брату и даже отдать свою жизнь за когонибудь изъ нихъ. Братія чувствовала и видѣла его преданность и любовь и сама отвѣчала тѣмъ же.

Врагъ рода человѣческаго позавидовалъ такому духовному настрою отца Іезекииля, и онъ вновь возсталъ противъ подвижника. Отецъ Іезекииль ходатайствовалъ за одного монаха о передачѣ ему монастырской келліи и, получивъ отъ старцевъ отказъ и укоризны за это, вновь оставилъ обитель и поселился на этотъ разъ въ монастырѣ Зографъ. Но милостивый Господь и теперь не оставилъ заблудшаго подвижника, пришелъ къ нему на помощь. Навелъ на него угрызения совѣсти и великую скуку, да такую сильную, что отецъ Іезекииль не смогъ вынести ее и ушелъ изъ монастыря Зографъ.

Не смѣя возвращаться въ родную обитель, отецъ Іезекииль вознамѣрился поѣхать въ Россію, въ Саратовскую пустынь. Но Господь и здѣсь не оставилъ его. По волѣ Божіей въ Одессѣ онъ сталъ нечаяннымъ защитникомъ интересовъ монастыря и имѣлъ успѣхъ въ этомъ, что прибавило ему смѣлости опять вернуться въ русскій монастырь.

Кромѣ этого Господь послалъ ему одного схимника, который рассказалъ ему исторію изъ «Древняго Патерика». Суть ея вотъ въ чемъ: «Былъ одинъ монахъ,

---

<sup>113</sup> АРПМА. Док. № 452. С. 64.

который не могъ долго оставаться въ одной обители. Онъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой, оправдываясь разными причинами. Вотъ въ очередной разъ, рѣшивъ переѣхать въ другую обитель, укладывалъ онъ свои вещи и вдругъ видитъ бѣса, который тоже занимается укладкой своихъ вещей. Удивленный монахъ спросилъ его: „Ты что тамъ дѣлаешь?“ — „Укладываю свои вещи, я тоже переѣзжаю“, — отвѣтилъ бѣсъ. — „А куда ты переѣзжаешь?“ — спросилъ его монахъ. — „Куда ты, туда и я“, — отвѣтилъ бѣсъ».

«Вотъ такъ, — сказалъ Іезекіилю старый монахъ, — куда бы мы ни пошли, бѣсъ всегда преслѣдуетъ насъ. Если мы не смиримся, не отсѣчемъ свою волю, нѣтъ отъ него спасенія. Древніе монахи говорили: когда человѣкъ въ первый разъ попадаетъ въ монастырь, то это воля Божія, когда онъ рѣшается перейти въ другой монастырь, то это его воля. А когда онъ рѣшается перейти въ третій монастырь, то это воля дьявола».

Этотъ разсказъ старца окончательно открылъ отцу Іезекіилю глаза на его заблужденія, и онъ, вернувшись на Аѳонъ, со слезами опять палъ къ ногамъ отца Іеронима и просилъ прощенія. Добрый пастырь снова простилъ свою заблудшую овцу и принялъ его обратно въ обитель.

Старцы обители благословили отца Іезекіиля жить на келліи «Живоносный Источникъ»\*, которая была почти разрушена, такъ какъ за ней некому было смотрѣть. Отецъ Іезекіиль ревностно приступилъ къ возстановленію келліи, въ чемъ пригодился его профессиональный навыкъ столяра. Онъ отремонтировалъ храмъ: иконостасъ, престоль, жертвенникъ и прочія части храма. Все дѣлалъ собственноручно.

Въ этой келліи онъ провелъ ровно 20 лѣтъ своей монашеской жизни. Богъ утѣшилъ его даромъ постоянного плача, его глаза были всегда влажные и красные. Отецъ Іезекіиль владѣлъ искусствомъ Іисусовой молитвы, которая текла въ его сердцѣ непрестанно. Онъ былъ также очень усерденъ къ богослуженію, всегда бывалъ за полунощницей и утреней, почти каждый день служилъ Литургію. У себя онъ имѣлъ голову Святогорца — иеросхимонаха Сергія (Веснина), отъ которой всегда исходило благоуханіе и истекало миро и которую онъ очень почиталъ. Преставился отецъ Іезекіиль 23 іюня 1884 года.



## Иеросхимонахъ Даміанъ (Вьюковъ)

Иеросхимонахъ Даміанъ (въ міру Дмитрій Николаевичъ Вьюковъ) родился въ 1832 году въ городѣ Зарайскѣ Рязанской губерніи въ зажиточной купеческой семьѣ. Юный Дмитрій прочиталъ книгу Святогорца объ Аѳонѣ, которая «случайно» попала къ нему въ руки, и впечатлѣнія отъ прочитаннаго были такъ глубоки, что онъ не могъ больше ни о чемъ думать, кромѣ какъ объ Аѳонѣ. Онъ рѣшилъ стать аѳонскимъ монахомъ, но для исполненія своего рѣшенія ему пришлось преодолѣть огромныя трудности. Родители и родственники видѣли въ немъ наследника отцовскаго дѣла и рѣшительно противились такому настрою молодого Дмитрія. Особенно противился его рѣшенію отецъ, который то угрозами, то разными ухищреніями пытался отговорить сына отъ своего намѣренія. Только послѣ смерти отца Дмитрію удалось исполнить свою мечту. Онъ рѣшительно отвергнулъ всѣ свои права на отцовское наследство и немедля поѣхалъ на Аѳонъ.

Въ 1862 году Дмитрій Николаевичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Съ первыхъ дней своего пребыванія въ обители онъ полностью довѣрился отцу Макарію (Сушкину) и неукоснительно исполнялъ всѣ его указанія какъ духовнаго, такъ и практическаго характера. Въ 1865 году отецъ Макарій постригъ его въ мантию съ именемъ Досиѳей. Ученикъ полюбилъ старца сыновней любовью и оставался лучшимъ его послушникомъ до своего смертнаго дня, и старецъ отвѣчалъ ему взаимной отцовской любовью. Часто, когда спрашивали отца Макарія, «какъ намъ спастись», онъ говорилъ: «Подражайте отцу Досиѳею и спасетесь». Всѣ дивились такому совѣту, потому что отецъ Досиѳей былъ еще новоначальнымъ и, кромѣ того, имѣлъ такое послушаніе, которое съ перваго взгляда совсѣмъ не подходило для подвижнической жизни.

Первые десять лѣтъ отецъ Досиѳей проходилъ послушаніе въ иконной лавкѣ. Можно сказать, что онъ первымъ организовалъ это учрежденіе въ монастырѣ, которое въ его время и впослѣдствіи стало источникомъ достаточно большихъ доходовъ монастыря. Онъ оборудовалъ помѣщеніе для лавки и наладилъ регулярное ея снабженіе иконами и другими издѣліями аѳонскихъ монаховъ. Очевидно, что не важно, чѣмъ мы занимаемся, если на то есть благословеніе, а важно, какъ мы исполняемъ послушаніе. Если мы дѣлаемъ во славу Бога, въ любви къ собратіямъ нашимъ и съ молитвой въ сердцѣ нашемъ, то Господь дастъ намъ черезъ молитву нашихъ старцевъ силу благодати, чтобы достойно исполнить любое послушаніе.

2 февраля 1873 года отецъ Досиѳей былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 1 января 1879 года — въ іеромонаха. Уже послѣ рукоположенія въ іеродіакона отецъ Макарій рѣшилъ послать своего вѣрнаго послушника на самое отвѣтственное въ то время мѣсто,

на подворье въ Москву, гдѣ отцу Досиѣю предстояло быть однимъ изъ главныхъ помощниковъ отца Арсенія (Минина). Послѣ рукоположенія въ іеромонаха онъ сталъ духовникомъ братіи подворья и исполнялъ это послушаніе почти 10 лѣтъ.

Трудно было ему разставаться со своимъ старцемъ, но онъ хорошо понималъ важность послушанія и безропотно приступилъ къ исполненію новаго для него дѣла. Вотъ что онъ пишетъ отцу Макарію и отцу Іерониму послѣ ихъ благословенія на духовничество: «Припадаю къ стопамъ ногъ Вашихъ и прошу Вашихъ старческихъ и отеческихъ молитвъ и благословенія. Письмо Ваше я получилъ. За отеческія наставленія и вразумленія Ваши приношу Вамъ мою сыновнюю благодарность. Я Вамъ писалъ и теперъ такихъ же убѣжденій о себѣ, что нахожусь въ такомъ духовномъ возрастѣ, что недостаточенъ принимать на себя обязанность исповѣдовать братство, а потому и просилъ Васъ поручить это другимъ, болѣе способнымъ и понимающимъ братьямъ. Но какъ Вы благословляете не отказываться болѣе отъ этого Вашего назначенія, то да будетъ на то воля Божія и Ваша старческая. Буду при помощи Божіей и за Ваши старческія молитвы порученное мнѣ дѣло продолжать. Для меня только нужно Ваше благословеніе да молитвы Ваши, чтобы Господь мнѣ, немощному, помогъ проходить неукоризненно возложенное на меня Ваше послушаніе и да получить бы мнѣ прощеніе моихъ грѣховъ и избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ»<sup>114</sup>. Каждый свой шагъ онъ согласовывалъ съ отцомъ Макаріемъ, съ которымъ имѣлъ постоянную переписку<sup>115</sup>.

Огромное духовное вліяніе имѣлъ отецъ Досиѣй на преподобнаго Аристоклія (Амвросіева), съ которымъ вмѣстѣ подвизался на подворьѣ съ 1883 года. Онъ былъ духовникомъ отца Аристоклія и оказалъ благотворное вліяніе на его мировоззрѣніе.

Въ началѣ 1888 года отецъ Досиѣй заболѣлъ неизлѣчимой тогда болѣзнью, чахоткой, и вынужденъ былъ оставить свое послушаніе въ Москвѣ. Онъ отправился на Аѳонъ. Здѣсь 27 мая 1888 года былъ постриженъ въ великую схиму съ именемъ Даміанъ, но его состояніе съ каждымъ днемъ ухудшалось. Отецъ Макарій благословилъ отправить его въ Константинополь на лѣченіе въ русской больницѣ, но Богъ призывалъ своего вѣрнаго послушника къ себѣ, и отецъ Даміанъ съ полнымъ смиреніемъ шелъ навстрѣчу этому зову.

Преставился отецъ Даміанъ въ Константинополь 18 августа 1888 года. Отецъ Макарій распорядился не хоронить его въ Константинополь, а привезти на Аѳонъ, что и было сдѣлано. Отецъ Даміанъ былъ погребенъ на братскомъ кладбищѣ монастыря.



<sup>114</sup> АРПМА. Док. № 629.

<sup>115</sup> АРПМА. Док.: № 629, 1055, 1705.

## Схимонахъ Пантелеимонъ (Прохоровъ)

Схимонахъ Пантелеимонъ<sup>116</sup> (въ міру Петръ Савельевичъ Прохоровъ) былъ сыномъ крестьянина села Старые Костычи Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Родился въ 1811 году. Съ самаго ранняго дѣтства мальчикъ любилъ посѣщать храмъ Божій и учить со словъ матери и другихъ людей молитвы. Любилъ слушать, когда читали священные книги, въ особенности житія святыхъ подвижниковъ. Самъ же читать не умѣлъ.

Юноша любилъ уединеніе и, когда его сверстники шумно играли во дворѣ, прятался то на чердакѣ, то на сѣновалѣ, то подъ кроватью и молился тамъ съ дѣтской наивностью. Просилъ Боженку, чтобы онъ поскорѣе пришелъ и измѣнилъ все вокругъ: чтобы братья и сестры не болѣли, чтобы бабушки и дѣдушки не умирали, чтобы былъ всегда солнечный день и была безконечная радость. Онъ какимъ-то особымъ чувствомъ ощущалъ, что Богъ Отецъ слышитъ его, и онъ, довольный, въ этомъ радостномъ сознаніи невольно засыпалъ.

Такъ проходили часы, а его перепуганная родня искала мальчика. А когда находила, то прилично наказывала. Но онъ не могъ уже жить безъ этой бесѣды съ Господомъ и вновь и вновь искалъ встрѣчи съ нимъ наединѣ.

Отецъ его Савелій, какъ только юношѣ минуло 17 лѣтъ, женилъ его, не спрашивая на то согласія сына и противъ его желанія, что впоследствии причинило ему немало горя. Петръ покорно подчинился волѣ отца и противорѣчить ему не сталъ. Это было въ 1829 году. Съ этого времени, какъ при жизни отца, такъ и послѣ смерти его, онъ былъ примѣрнымъ семьяниномъ и работникомъ. При этомъ своей привычкѣ уединяться и бесѣдовать съ Господомъ онъ не измѣнилъ.

Петръ былъ ревностнымъ прихожаниномъ своей сельской церкви. Его любовь къ Богу возрастала съ каждымъ днемъ, и вся мірская суета постепенно становилась ему невыносимой. Онъ каждую полночь вставалъ на молитву и горячо молился Богу сподобить его уединенной затворнической жизни, чтобы имѣть возможность каяться и постигать любовь Божью. И вотъ Богъ послалъ ему болѣзнь, да такую, что, видя его разслабленность и мученія, жена его согласилась отпустить его въ монастырь. Уѣзжая на Аѳонъ, онъ захватилъ къ боярынь Сопляковой, у которой имѣлась чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, которую Петръ просилъ въ дорогу, но боярыня отказала. Послѣ этого икона вдругъ упала на полъ. То же самое повторилось и ночью, и утромъ другаго дня. Боярыня сочла это за знакъ Божій и отдала икону Петру. Во время своего

---

<sup>116</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Жизнеописаніе основателя Костычевской Смоленской женской общины старца Петра Савельева Прохорова (въ схимѣ Пантелеимона). Симбирскъ, 1889.

послѣдующаго путешествія по святымъ мѣстамъ онъ хранилъ икону въ ранцѣ на спинѣ. Когда приходилъ на новое мѣсто или начиналъ новый путь, то вынималъ ея изъ ранца, ставилъ передъ собой и молился. Такъ онъ всегда начиналъ и оканчивалъ всякое дѣло.

Слава подвижнической жизни иноковъ Горы Аѳонъ, гдѣ въ то время въ монастырѣ святаго великомученика Пантелеимона подвизались многіе русскіе иноки, давно влекла Петра. Но нескоро ему удалось прибыть на Аѳонъ. Вслѣдствіе какихъ-то политическихъ замѣшательствъ выѣздъ россійскихъ гражданъ въ турецкія владѣнія въ то время былъ ограниченъ, а потому Петръ около трехъ лѣтъ прожилъ въ Одессѣ на подворьѣ, собирая подаянія на монастырь. При этомъ онъ былъ энергиченъ какъ въ сборѣ пожертвованій, такъ и въ усердіи къ молитвѣ, посту и нестяжанію. Завѣдующій Одесскимъ подворьемъ послѣ трехлѣтняго испытанія постригъ его въ рясофоръ съ именемъ Пахомій.

По прибытіи на Аѳонъ, въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, отецъ Пахомій началъ вести самую строгую иноческую жизнь. Въ храмъ приходилъ всегда первымъ и уходилъ послѣднимъ, пищи вкушалъ мало, любилъ слушать чтеніе житій святыхъ въ трапезной, былъ крайне воздержанъ въ общеніи съ братіей и молча выполнялъ свое послушаніе.

У него была одна мечта — добиться того, чтобы богослуженіе въ храмѣ продолжалось въ его сердцѣ даже тогда, когда служба тамъ заканчивалась. Онъ хотѣлъ, чтобы служба шла и когда онъ трапезничалъ, и когда исполнялъ послушаніе — однимъ словомъ, непрерывно. Въ многоядномъ монастырѣ этого добиться было нелегко, но онъ старался довести до минимума необходимое для монастырской жизни общеніе съ братіей. Его огорчало и удивляло то, какъ нѣкоторые изъ братіи, только что стоявшіе въ храмѣ съ крайнимъ благоговѣніемъ, выйдя изъ него, съ невѣроятной легкостью предавались суетнымъ разговорамъ и моментально теряли прежнее благоговѣніе. Онъ всѣми силами старался убѣждать въ келью, чтобы не участвовать в такихъ разговорахъ.

Вскорѣ его постригли въ мантию съ именемъ Пантелеимонъ. Тогда онъ еще болѣе усугубилъ свои иноческіе подвиги. Духовникъ Іеронимъ благословилъ ему творить въ сердцѣ непрерывную молитву, что точно соотвѣтствовало расположенію его души. Онъ спалъ только три часа въ сутки, остальное время старался непрерывно творить Іисусову молитву въ храмѣ, въ кельѣ, во время послушанія или трапезы. Послѣ семи лѣтъ такого подвига тонко чувствовавшій его духовный настрой отецъ Іеронимъ благословилъ отца Пантелеимона подвизаться въ уединенной келліи въ совершенномъ одиночествѣ. Счастьемъ отца Пантелеимона не было границъ. Вотъ наконецъ исполнилась его давняя завѣтная мечта — полное уединеніе съ Богомъ и постоянное предстояніе передъ Создателемъ.

Но Промыслъ Божій по отношенію къ нему былъ иной. Черезъ годъ проживанія на келліи его вызвалъ отецъ Іеронимъ и сказалъ: «Гряди, чадо Божье, въ Россію и обращай тамъ раскольниковъ. Здѣсь такихъ, какъ ты, много, а тамъ нѣтъ! Мѣсто, гдѣ ты остановишься, тамъ будетъ тебѣ и многимъ во спасеніе. Тамъ ты построишь новую иноческую обитель и въ ней окончишь дни свои».

Глубоко озадаченный, отец Пантелеимонъ повиновался благословенію своего любимаго старца и въ 1849 году вернулся въ Россію. Здѣсь, у окраины своего роднаго села Старые Костычи, самъ построилъ себѣ келью-землянку и затворился тамъ. Онъ никого не принималъ и никому не отвѣчалъ, исключеніе дѣлалъ только для своего духовника, который приходилъ къ нему, чтобы исповѣдовать и причастить его Святыхъ Таинъ. Въ келлію ему приносили прѣсный хлѣбъ и кувшинъ воды.

Въ первое время ѣду ему приносила священническая жена, а потомъ по ея примѣру стали приносить и другіе — тайно клали черезъ маленькое окошко въ сѣни. Двадцать лѣтъ безвыходно подвизался отецъ Пантелеимонъ въ своей убогой келліи. Выходилъ онъ изъ нея только передъ праздникомъ Благовѣщенія для того, чтобы исповѣдаться и причаститься въ приходскомъ храмѣ Святыхъ Таинъ. Въ келліи имѣлъ большой плоскій гранитный камень, на который становился на молитву и который отъ продолжительнаго стоянія и частыхъ колѣнопреклоненій сдѣлался чернымъ и какъ бы отполированнымъ.

На этомъ камнѣ всю ночь до самаго утра, не засыпая, стоялъ онъ на молитвѣ и клалъ земные поклоны. Во всѣ время своихъ дивныхъ подвиговъ, съ 1840-хъ по 1880-е годы, постели онъ не имѣлъ. Никто не видѣлъ, чтобы онъ когда нибудь ложился спать. Но часто находили его около полуночи дремлющимъ стоя. Дѣлалъ онъ это прислонившись спиной къ печкѣ и опершись на костыль. Поэтому многіе думали и утверждали даже, будто онъ никогда не ложился спать. Только когда онъ достигъ глубокой старости, тѣлесныя немощи заставили его лечь на кровать, состоявшую изъ голыхъ досокъ. Въ головахъ вмѣсто подушки лежалъ камень, покрытый кожаными ранцемъ. Пищу онъ вкушалъ не каждый день. Среду и пятницу проводилъ вообще безъ пищи, а въ остальные дни ѣлъ прѣсный хлѣбъ. Воду пилъ изъ колодца.

Слава о подвигахъ старца Пантелеимона распространялась по всей округѣ, и люди стали со всѣхъ сторонъ приходить къ нему, ища утѣшенія и духовной поддержки. Тогда подвижникъ послѣ двадцатилѣтняго уединенія и подвиговъ, въ 1869 году, открылъ двери своей келліи и съ удивительнымъ дѣтскимъ незлобіемъ, простотой и кротостью принималъ всѣхъ, кто нуждался въ его помощи. Многіе священники, а также образованные люди, видѣвшіе его и разговаривавшіе съ нимъ, говорили: «Въ немъ воистину обитаетъ благодать Божія». Множество болящихъ, одержимыхъ, бѣсноватыхъ получили отъ него исцѣленіе.

Особенной заботой старца стала борьба противъ раскольниковъ. А борьба эта выражалась не въ силѣ проповѣди, а въ очевидности его высокой христіанской жизни. Видя его добрую жизнь, безграничную любовь къ людямъ и чудесныя исцѣленія страждущихъ, раскольники немедленно обращались и оставляли свои заблужденія. По возвращеніи домой они распространяли о затворникѣ добрую славу, и по примѣру ихъ все новые и новые люди приходили къ отцу Пантелеимону и обращались въ Православную вѣру.

Благодарный народъ началъ щедро жертвовать отцу Пантелеимону, и онъ рѣшилъ создать на мѣстѣ своего подвига обитель, но передъ реализаціей задуманнаго отправился

въ Іерусалимъ, чтобы тамъ укрѣпиться въ своемъ рѣшеніи. «Девять мѣсяцевъ, — разсказывалъ онъ впослѣдствіи, — и днемъ и ночью я молился у Гроба Господня. Въ послѣднюю ночь, утромъ, я какъ-то задремалъ и вижу во снѣ, будто Ангель Господень спустился ко мнѣ и далъ мнѣ вѣтку винограда. На ней три ягоды, крупныя, продолговатыя. Я одну съѣлъ самъ, а двѣ отдалъ митрополиту. Въ этотъ день меня постригли въ схиму и нарекли Пантелеимономъ».

Послѣ возвращенія изъ Іерусалима отецъ Пантелеимонъ энергично приступилъ къ строительству обители. Ничто не могло остановить его: ни препятствія, ни обиды, ни обманы. Онъ твердо шелъ къ своей намѣченной цѣли. Многіе удивлялись, какъ этотъ неграмотный крестьянинъ безъ всякихъ средствъ могъ осуществить такое трудное предпріятіе. Но благодать Божія творитъ чудеса, она преобразовываетъ человѣка полностью.

Отецъ Пантелеимонъ семь разъ ѣздилъ въ Петербургъ по дѣламъ обители и былъ представленъ Государю Императору. Онъ посѣтилъ также Дивеевскій женскій монастырь, по образу котораго и намѣревался создать свою новую обитель. Одной изъ причинъ его намѣренія созданія женской общины считали его стремленіе помѣститъ туда свою бывшую жену и дочерей, что впослѣдствіи было осуществлено.

Вначалѣ онъ построилъ деревянную церковь въ честь Смоленской Иконы Божіей Матери, которая была освящена въ 1869 году. Послѣ этого обитель, несмотря на многочисленныя препятствія, стала быстро разрастаться. Многія дѣвицы и вдовы пожелали поступить въ новую обитель и поселились въ построенныхъ помѣщеніяхъ около храма. Старецъ далъ имъ уставъ, и община зажила обычной монашеской жизнью.

Официально властями новая обитель была признана только 15 декабря 1883 года, за нѣсколько дней до кончины старца. Продолжительныя препятствія, несправедливость, ложные доносы, обманы, которые онъ встрѣчалъ на пути обустройства монастыря, отецъ Пантелеимонъ переносилъ съ христіанскимъ терпѣніемъ и съ удивительнымъ дѣтскимъ незлобіемъ. Никогда никого не винилъ въ своихъ неудачахъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ и съ любовью принималъ всѣхъ ищущихъ у него утѣшенія. Получивъ первое извѣстіе объ утвержденіи общины властями, онъ воскликнулъ: «Ну, теперь, слава и благодареніе Богу, я могу уйти на покой и совсѣмъ удалиться отъ васъ». Черезъ нѣсколько дней онъ почувствовалъ приближеніе смерти. А за двѣ недѣли до своей кончины началъ говорить всѣмъ: «Я скоро уйду отъ васъ».

Схимонахъ Пантелеимонъ преставился 3 января 1884 года. Передъ смертью старецъ началъ учащенно творить на себѣ крестное знаменіе. Между тѣмъ рука его ослабѣвала все болѣе и болѣе. Когда онъ въ послѣдній разъ положилъ на себя крестное знаменіе, то рука его бессильно упала на голову, и тотчасъ же онъ уснулъ вѣчнымъ сномъ праведника. Кончина его была спокойной и безмятежной, какъ тихій сонъ. Такъ Аѳонскій постриженникъ и воспитанникъ положилъ начало въ Россіи монастырю, который сталъ мѣстомъ спасенія многихъ христіанъ.

## Схимонахъ Григорій (Крупченковъ)



Схимонахъ Григорій<sup>117</sup> (въ міру Герасимъ Николаевичъ Крупченковъ) родился въ 1828 году въ Курской губерніи въ семьѣ крѣпостнаго крестьянина. Съ младенчества у него проявился рѣдкій музыкальный талантъ, развитію котораго способствовалъ его помѣщикъ — большой цѣнитель и любитель пѣнія и музыки. Свои музыкальныя способности онъ развилъ въ составѣ хора и оркестра своего хозяина. Съ теченіемъ времени баринъ сдѣлалъ своего двороваго человѣка регентомъ и дирижеромъ, а потомъ за труды, послѣ того какъ хоръ и оркестръ были приведены въ образцовый порядокъ, отпустилъ его на свободу.

Герасимъ переѣхалъ въ городъ Старый Осколь, гдѣ продолжилъ свою музыкальную дѣятельность. Здѣсь онъ давалъ уроки музыки, пѣнія, управлялъ хорами при многихъ приходскихъ церквяхъ. Увлеченный общимъ стремленіемъ старооскольской молодежи, которая

въ началѣ пятидесятихъ годовъ принимала монашество на Аѳонѣ, Герасимъ рѣшился и самъ оставить суетный міръ и искать удовлетворенія своей артистической душѣ въ мірѣ идеальномъ, въ жизни аскетической, гдѣ царитъ одна гармонія, а диссонансы становятся едва уловимы или совершенно не слышны.

По пути на Аѳонъ, въ Одессѣ, Герасимъ встрѣтился съ Михаиломъ Сушкинымъ, будущимъ игуменомъ Макаріемъ, который тоже ждалъ разрѣшенія для выѣзда на Аѳонъ. Здѣсь въ ожиданіи разрѣшенія на выѣздъ за границу Герасимъ составилъ весьма недурной хоръ изъ своихъ сотоварищей-паломниковъ. Подъ его руководствомъ этотъ хоръ

<sup>117</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Дмитріевскій А.* Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 150.

на корабль, идущемъ по изумруднымъ водамъ Босфора, въ присутствіи отца Сергія (Веснина) Святогорца, привѣтствовалъ Царьградъ могучими звуками національнаго русскаго гимна «Боже, Царя храни».

Хористы сопровождали отца Сергія до самаго Пантелеимонова монастыря. У береговъ Святой Горы Аѳонъ, цѣли своего путешествія, Герасимъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ сыгралъ себѣ и своимъ товарищамъ послѣднюю мірскую лебединую пѣсню на гитарѣ, инструментѣ, которымъ превосходно владѣлъ и съ которымъ онъ не разставался и во время своего паломничества, и здѣсь на глазахъ у всѣхъ сломалъ ее и выбросилъ въ море, рѣшившись отнынѣ никогда не брать въ руки ни одного музыкальнаго инструмента, хотя особенно любилъ онъ скрипку и кларнетъ-пистонъ. Однако еще болѣе любилъ онъ «пѣть Богу своему разумно, дондеже есмь». Этому своему рѣшенію онъ не измѣнилъ до самой смерти.

Отецъ Іеронимъ, большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія, сразу оцѣнилъ дарованія новоначальнаго инока и поручилъ ему организовать хоръ изъ русскихъ иноковъ. Отнынѣ до конца своей жизни Герасимъ проходилъ послушаніе какъ уставщикъ и регентъ, учитель церковнаго пѣнія. Въ 1853 году онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Григорій, а въ 1855 году — въ схиму съ тѣмъ же именемъ.

Съ самаго начала своей жизни въ обители отецъ Григорій съ любовью и увлеченіемъ отдавался любимому дѣлу и потратилъ на него всѣ свои богатые духовныя и физическія силы, благодаря чѣму достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Изъ полуграмотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, которые составляли главный контингентъ монаховъ русской Пантелеимоновой обители, онъ образовалъ такой богатый голосами, музыкально дисциплинированный хоръ, что приводилъ въ восторгъ не только простыхъ паломниковъ, но даже знатоковъ музыки и пѣнія, попавшихъ на Гору Аѳонъ. Своимъ пѣніемъ хоръ заслужилъ одобреніе и восхищеніе у высокопоставленныхъ лицъ русскихъ и иностранцевъ и даже у нѣкоторыхъ царственныхъ особъ, посѣтившихъ Аѳонъ.

Въ это время оберъ-прокуроръ [Священнаго Синода] снаряжаетъ на Аѳонъ своего помощника, Керскаго Сергѣя Владиміровича, который прибылъ на Аѳонъ 21 ноября 1886 года. Три дня онъ провелъ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ, затѣмъ путешествовалъ по Святой Горѣ. Его донесеніе К. П. Побѣдоносцеву — одно изъ интереснѣйшихъ и объективнѣйшихъ свидѣтельствъ о жизни монастыря того періода. Вотъ что написалъ Сергѣй Владиміровичъ о русскомъ монастырѣ: «Поютъ просто, такъ сердечно и трогательно, что такое пѣніе, полагаю, способно потрясти даже



каменные сердца и неопишимоу небесной радостью преисполняет души человеческія. Да, нигдѣ не умѣютъ такъ торжественно и достойно величія Божія славить Господа, какъ въ монастырѣ св. Пантелеимона»<sup>118</sup>.

Отецъ Григорій записалъ и переложилъ на голоса весьма много мелодій такъ называемаго нынѣ аѳонскаго распѣва и сдѣлалъ немало переложений и упрощеній въ пьесахъ извѣстнѣйшихъ русскихъ композиторовъ духовной музыки. Традиціи, заложенныя отцомъ Григоріемъ, еще долго жили на Аѳонѣ и поддерживались его регентами-учениками.

Послѣдніе годы своей жизни этотъ въ высшей степени скромный, но богатый талантами человекъ доживалъ, окруженный всеобщей любовью братства, въ келліи на Крумицѣ и являлся въ монастырь на клиросъ только въ храмовые праздники, во время которыхъ всѣ слышали подъ его руководствомъ образцовое аѳонское пѣніе.

Преставился отецъ Григорій 20 іюля 1890 года.

## Іеросхимонахъ Агаѳодоръ (Будановъ)

Іеросхимонахъ Агаѳодоръ — одинъ изъ важнѣйшихъ представителей русскаго Пантелеимонова монастыря. Достойный ученикъ старцевъ Іеронима и Макарія на протяжении 30-ти лѣтъ поддерживалъ духовныя традиціи, заведенныя ими въ обители. Трудно переоцѣнить его роль въ процессѣ сохраненія духовной преемственности въ монастырѣ. Онъ цѣленаправленно и послѣдовательно старался передавать своимъ ученикамъ тѣ духовныя навыки, которымъ его научили выдающіеся старцы.

Іеросхимонахъ Агаѳодоръ (въ міру Александръ Ивановичъ Будановъ) родился 18 января 1845 года въ семьѣ зажиточнаго фабриканта и купца въ городѣ Москвѣ. Отецъ его, Иванъ Петровичъ Будановъ, имѣлъ свою (вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ Петровичемъ) фабрику за Серпуховской заставой, недалеко отъ Данилова монастыря. Въ 1849 году отецъ купилъ домъ на Малой Ордынкѣ въ приходѣ святой великомученицы Екатерины, куда вся семья ходила по праздникамъ на богослуженіе.

На пятомъ году жизни маленькій Александръ уже научился читать, а въ шесть лѣтъ уже стоялъ на клиросѣ своей приходской церкви святой великомученицы Екатерины, гдѣ пѣлъ, читалъ и помогалъ пономарю, подавая кадило.

Съ 8 лѣтъ Александра отдали учиться сначала въ городское училище, а послѣ — въ уѣздное нѣмецкое училище, гдѣ всѣ ученики для практики говорили между собой по-нѣмецки. Въ этомъ училищѣ преподавались языки, кромѣ русскаго, французскій,

---

<sup>118</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 304.

англійскій и нѣмецкій. Отець хотѣлъ приготовить своихъ сыновей для дѣлъ коммерціи, но Богъ судилъ иначе.

Иванъ Петровичъ любилъ по вечерамъ назидать свою семью чтеніемъ Священнаго Писанія и Четвѣхъ Миней, все это не могло не отразиться на душахъ его дѣтей. Въ семьѣ Будановыхъ, кромѣ отца и матери, было три сына и дочь. Благодаря тому что семейство жило церковной жизнью, у всѣхъ дѣтей рано проявилось стремленіе къ монашеству.

Когда Александру исполнилось 18 лѣтъ, мать семейства Степанида умерла отъ чахотки, а черезъ годъ послѣ ея смерти умеръ и отецъ. Дѣти остались сиротами. Послѣ смерти Ивана Буданова торговое дѣло было вскорѣ ликвидировано.

Въ 1868 году старшій братъ Петръ (впослѣдствіи іеромонахъ Уріиль) заявилъ, что онъ уѣзжаетъ на Аѳонъ для принятія монашества. Съ нимъ пожелалъ ѣхать и младшій братъ Александръ. Средній же Михаилъ (впослѣдствіи іеромонахъ Мина) сказалъ, что и онъ пріѣдетъ къ нимъ, если имъ удастся тамъ утвердиться. Черезъ некоторое время так и случилось — онъ присоединился къ своимъ братьямъ.

Помолившись роднымъ святынямъ, путники отправились на Святую Гору, куда и пріѣхали благополучно 14 апрѣля 1869 года. Остановившись въ русской обители святаго великомученика Пантелеимона, они были вскорѣ приняты въ братство и поступили подъ духовное окормленіе старца іеросхимонаха Іеронима. Молодой послушникъ Александръ былъ безгранично радъ получить въ наставники такого многоопытнаго старца. Впослѣдствіи онъ такъ вспоминалъ объ этомъ: «Я просилъ мысленно Господа послать мнѣ наставниковъ по Его святой волѣ. И это Господь исполнилъ, ибо далъ мнѣ незабвенныхъ отца Іеронима и отца Макарія»<sup>119</sup>.

Дальнѣйшая судьба обоихъ братьевъ различна: старшій избралъ отшельническую жизнь и поселился въ принадлежащей монастырю пустынѣ Новая Оиваида, младшему Богъ судилъ потрудиться въ обители. Черезъ два года послушникъ Александръ былъ



<sup>119</sup> АРПМА. Док. № 502. С. 7.

постриженъ въ мантию съ именемъ Агаѳодоръ, а затѣмъ въ 1873 году былъ посланъ пѣвчимъ въ константинопольское русское посольство, гдѣ и пробылъ до 1877 года. Послѣ того какъ онъ вернулся въ обитель, вскорѣ послѣ окончанія Русско-турецкой войны, ему пришлось опять ѣхать въ Царьградъ, въ посольскую церковь пѣвчимъ. Возвратился онъ на Святую Гору только въ 1882 году.

Съ этого времени до самой кончины старца Макарія онъ находился подъ его непосредственнымъ духовнымъ руководствомъ. Старецъ обѣщалъ ему за полное послушаніе вымолить у Господа для него Божью благодать, и молодой послушникъ полностью довѣрился своему духовнику, неукоснительно выполнялъ всѣ его указанія, за что Богъ дѣйствительно одарилъ его своей благодатью.

Впослѣдствіи онъ такъ писалъ о своемъ опытѣ общенія съ духовникомъ: «Въ прелесть впадаютъ лишь тѣ, которые вѣрятъ своему разсужденію. Поэтому никто безъ благословенія своего старца, которому обязанъ имѣть откровеніе, не долженъ ничего начинать своевольно или вѣрить своему мнѣнію или видѣнію, не открывъ ему всего. Надо слѣдовать его мнѣнію и указанію (одобренію), полагаясь безъ сомнѣнія на его сужденіе... Когда кто руководствуется такими указаніями своего старца, и все дѣлаетъ по его благословенію, и самыя мысли не иначе принимаетъ, какъ предварительно воспросивъ того о нихъ, таковой, будучи охраняемъ его благословеніемъ, не можетъ впасть въ прелесть, легко избѣгаетъ коварства разставленныхъ врагомъ сѣтей, какъ бы онѣ ни были прикрыты тонко и хитро, ибо разъ держится правила, указаннаго ему старцемъ, — не довѣряетъ себѣ, пока не воспроситъ старца, — то какъ можетъ обмануть его дьяволь? Онъ по смиренію считаетъ себя недостойнымъ никакого явленія отъ Бога, вопрошая о всемъ таковомъ старца. Если же и послѣдуетъ что либо отъ Бога, то онъ сочтетъ это [какъ даръ] по молитвамъ старца, а не за свое достоинство, чѣмъ и избѣгаетъ возношенія. А кто безъ благословенія, самочинно, хотя бы и доброе что либо дѣлалъ, легко можетъ попасть въ прелесть, и если вскорѣ не скажетъ объ это старцу, то можетъ и совсѣмъ повредиться, и, будучи обольщенъ врагомъ (ложнымъ свѣтомъ, благоуханіемъ, разными видѣніями во снѣ и наяву, запрещеніемъ отъ врага открывать объ этомъ старцу), можетъ совсѣмъ потерять разсудокъ и остаться навсегда неисправимымъ»<sup>120</sup>.

21 ноября 1882 года отецъ Агаѳодоръ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а затѣмъ 10 апрѣля слѣдующаго года — въ іеромонаха. Съ того времени начинается его дѣятельность сначала какъ антипросопа, а потомъ духовника. Прекрасно изучивъ греческій языкъ, онъ съ успѣхомъ выполнялъ отвѣтственное послушаніе въ Кинотѣ.

Потрудившись въ Кареѣ около 10 лѣтъ, отецъ Агаѳодоръ по болѣзни (бронхитъ) долженъ былъ навсегда оставить это послушаніе. Но главная заслуга отца Агаѳодора — это духовничество. На этомъ святомъ серьезномъ поприщѣ онъ не имѣлъ равныхъ. Всегда

---

<sup>120</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 94.

внимательный, ласковый, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ сердца многихъ иноковъ — какъ новичковъ-послушниковъ, такъ и убѣленныхъ сѣдинами старцевъ. Двери его кельи были всегда открыты для желающихъ очистить свою совѣсть таинствомъ покаянія. Скорбящіе, малодушествующіе находили въ немъ заботливаго, внимательнаго отца, и рѣдко кто изъ нихъ уходилъ неуспокоеннымъ, неудовлетвореннымъ. Большинство его духовныхъ чадъ искренне любили своего старца и готовы были пойти за него на любое самопожертвованіе. Его отцовская любовь и забота о своихъ духовныхъ дѣтяхъ отчетливо видна въ его перепискѣ съ ними<sup>121</sup>.

Онъ такъ училъ своихъ духовныхъ чадъ: «Цѣль нашей жизни — приготовиться, усовершенствоваться въ добродѣтеляхъ для жизни вѣчной, чтобы славословить Бога вѣчно съ Ангелами и всѣми святыми. Душа наша всегда тяготѣетъ къ безконечному добру — Богу — и только въ Немъ, въ памяти о Немъ, находитъ себѣ успокоеніе. Чтобы быть всегда умомъ и сердцемъ съ Нимъ, святые отцы приказываютъ держать въ умѣ молитву Иисусову, наблюдая съ вниманіемъ за сердцемъ, дабы не появились тамъ какіе либо худые помыслы, ибо врагъ, особенно въ это время, сѣетъ въ немъ все худое, дабы осквернить святую бесѣду съ Богомъ — молитву. Но не должно прекращать ее, а всѣми силами стараться не прерывать ее, ибо она соединяетъ нашъ духъ съ Господомъ еще здѣсь, на землѣ, чтобы такъ, соединившись съ Нимъ, жить вѣчно въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ.

Какое счастье и блаженство обѣщано человѣку! Но какъ устроить себя, чтобы возможно было безпрепятственно шествовать этимъ путемъ? Хотя для скорѣйшаго усовершенствованія въ добродѣтеляхъ и способствуетъ отшельничество, безмолвіе, уединеніе, но съ Божіей помощью возможно вездѣ этого достигъ. Жизнь святаго Ѳеодора Студита и святаго Симеона Новаго Богослова служитъ этому доказательствомъ. Они и въ общезжитіи сподобились великихъ даровъ отъ Бога. Святой Симеонъ написалъ даже и правило для молитвы. Также и современные подвижники: Паисій (Величковскій), ученикъ его Ѳеодоръ, епископъ Игнатій (Брянчаниновъ), а также оптинскіе старцы: Левъ, Макарій, Амвросій, Іосифъ и многіе другіе — сподобились великихъ дарованій отъ Господа, чѣмъ и доказали, что для Бога нѣтъ препятствій для усовершенствованія людей, предавшихся Ему во всемъ и возлюбившихъ Его всѣмъ сердцемъ и которыхъ Онъ и укрѣпляетъ и при суетливой жизни. Надо только неуклонно трудиться [въ непрерывной Иисусовой молитвѣ], за что Господь и подаетъ Свои дары. Ибо молитва и вообще всякое дѣланіе духовное прежде всего это трудъ, а какъ награда за него — благодать. Сказано въ Священномъ Писаніи, что Господь даетъ молитву (благодать) молящемуся (за его трудъ)»<sup>122</sup>.

30 марта 1888 года отца Агаѳодора постригли въ схиму.

Въ послѣдніе годы отцу Агаѳодору выпало тяжкое испытаніе: онъ невольно сталъ инициаторомъ возникновенія на Аѳонѣ споровъ объ имени Божьемъ. Объ этомъ онъ

<sup>121</sup> АРПМА. Опись № 40, дѣло № 28.

<sup>122</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 45.

впоследствіи вспоминалъ такъ: «Отець Иларіонъ<sup>123</sup> [авторъ книги „На горахъ Кавказа“] просилъ меня письменно узнать отъ здѣшнихъ подвижниковъ, занимающихся Іисусовой молитвой, какого они мнѣнія о его книгѣ, и между ними просилъ узнать [мнѣніе] и отца Хрисанѳа<sup>124</sup> [насельника] Ильинскаго скита. Этотъ послѣдній отвѣтилъ отцу Иларіону цѣлой рецензіей на его книгу. По просьбѣ отца Хрисанѳа я послалъ эту рецензію къ отцу Иларіону, такъ какъ отецъ Хрисанѳъ за незнаніемъ адреса прислалъ ее ко мнѣ для пересылки, сказавъ, что рецензія эта написана по его [отца Иларіона] просьбѣ лишь только лично для него, но не для печати»<sup>125</sup>.

На рецензію отецъ Иларіонъ оскорбился и началъ активно пропагандировать свои идеи, вовлекая въ споръ объ имени все больше и больше аѳонскихъ монаховъ, что въ концѣ концовъ привело къ формированію имябожнической ереси. По требованію имябожниковъ, которые въ одно время взяли власть въ монастырѣ, отецъ Агаѳодоръ былъ удаленъ изъ обители на Оиваиду, гдѣ перенесъ немало скорбей отъ окружающихъ. Но онъ за причиненныя скорби никого не осуждалъ, а, наоборотъ, благодарилъ Бога за посланныя ему испытанія.

«Какъ бываетъ отрадно и благотворно, — писалъ онъ, — когда приходится заглянуть въ себя поглубже черезъ какой либо толчокъ [испытаніе]. Тогда душа смирится и глядитъ на себя безпристрастно. Каждая пылинка видится на совѣсти. Хотя и бываетъ это нелегко, но послѣ чувствуется на душѣ легкость. Духъ примиряется и съ Богомъ, и съ людьми, которые казались до того несправедливыми, а теперь любезными, снисходительными по отношенію ко мнѣ. Такъ и всегда должно было бы быть, но гордость мѣшаетъ. А когда приходится стряхнуть ее и смириться, тогда на душѣ отрада и свѣтъ и она приходитъ въ свое нормальное, свойственное ей состояніе.

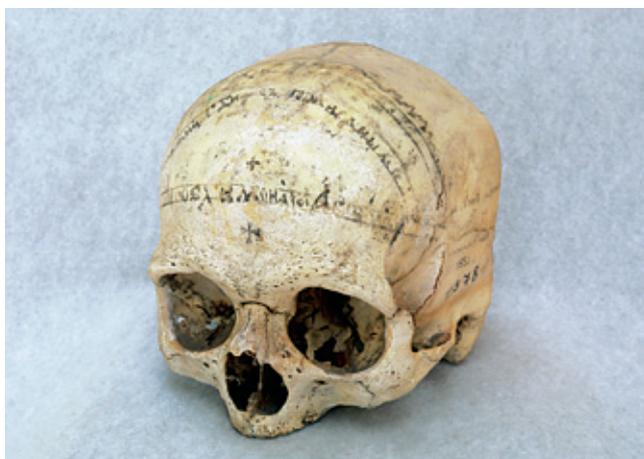
Гордость все помрачаетъ. Самому человѣку безъ помощи Божіей невозможно выйти изъ такого положенія. И вотъ Господь приходитъ на помощь, попуская ему какое

<sup>123</sup> Схимонахъ Иларіонъ (мірское имя Иванъ Ивановичъ Домрачевъ) родился въ 1845 году, роста средняго, волосы русые, глаза сѣрые. Бывшій сельскій учитель изъ Вятской губерніи. Прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русикъ 9 августа 1872 года. Постриженъ въ мантию 10 марта 1877 года съ именемъ Іаннуарій. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи, на подворьѣ въ Константинополѣ, въ обители епископскаго архимандрита, на Новомъ Аѳонѣ. Въ 1891 году писалъ письма изъ Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря игумену Андрею (см. архивъ РПМА, док. № 1169 и 1180). Вышелъ въ пустыню на безмолвіе 31 декабря 1897 года. 12 апрѣля 1903 года уѣхалъ въ Россію на Кавказъ. Былъ постриженъ въ схиму. Авторъ книги «На горахъ Кавказа», первое изданіе которой вышло въ 1907 году. Она была настольной книгой имябожниковъ. Въ 1903–1909 гг. писалъ письма схіеромонаху Агаѳодору (Буданову) (см. архивъ РПМА, док. № 1723). Преставился 1 марта 1916 года на Кавказѣ.

<sup>124</sup> Иеромонахъ Хрисанѳъ (въ міру Христофоръ Ивановичъ Потапьевъ, онъ же Минаевъ) — бывшій дворянинъ. Родился 1833 году, служилъ по ученой части въ межевомъ корпусѣ въ Москвѣ. Съ 1864 года — насельникъ Ильинскаго скита. Однимъ изъ первыхъ выступилъ съ рѣзкой критикой книги монаха Иларіона «На горахъ Кавказа». Преставился 25 августа 1916 года. Въ 1882–1885 годахъ изъ Константинополя писалъ письма схіеромонаху Наѳанайлу (Кобелеву). (См. архивъ РПМА. Док. № 1344). Въ 1895 году написалъ письмо схіеромонаху Агаѳодору (Буданову). (См. архивъ РПМА. Док. № 1796).

<sup>125</sup> РПМА. Док. № 502. С. 134.

либо искушеніе, ошибку и скорбь, и тогда съ глазъ какъ бы спадаетъ покрывало, чело-вѣкъ смиряется и видитъ ясно все, а главное — себя недостаточнымъ, неразумнымъ и грѣшнымъ. И тогда возопіетъ онъ ко Господу со смиреніемъ о прощеніи себя и о Его помощи. Поэтому бѣды, искушенія, скорби и болѣзни — цѣлебный пластырь, излѣчивающій отъ гордости и унынія. Чтобы пребывать въ порядкѣ, должно всегда держаться самоукоренія и молиться: „Даруй мнѣ, Господи, зрѣти моя согрѣшенія!“ Ибо гордость затемняетъ намъ духовныя очи, и отъ этого мы, какъ слѣпые, постоянно спотыкаемся»<sup>126</sup>.



Послѣ удаленія имябожниковъ съ Аѳона отецъ Агаѳодоръ вновь занялъ постъ антипросопа. По смерти грамматика и библиотекаря отца Матѳея отцу Агаѳодору пришлось замѣстить его, и онъ былъ также библиотекаремъ.

Въ августѣ 1920 года старецъ, по-видимому, заболѣлъ лихорадкой. Время шло, и болѣзнь периодически то ослабляла свое дѣйствіе, то усиливалась и наконецъ 4 октября вынудила его уйти въ больницу. 6 октября его соборовали. Послѣ этого положеніе больного какъ будто стало улучшаться, но 13–14 августа ему опять стало хуже... 17 ноября утромъ онъ приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, говорилъ, но во время перевязки ранъ (пролежней) почувствовалъ себя дурно и сталъ умирать. Въ 6-м часу дня, послѣ 50-лѣтней иноческой жизни, его душа перешла въ вѣчность. Отецъ Агаѳодоръ оставилъ шестисотстраничную рукопись съ подробнымъ описаніемъ въ ней своего духовнаго опыта, изданіе которой могло бы украсить любое собраніе святоотеческихъ твореній<sup>127</sup>.

## Іеросхимонахъ Мина (Будановъ)

Іеросхимонахъ Мина (въ міру Михаилъ Ивановичъ Будановъ) родился 30 сентября 1840 года въ семьѣ зажиточнаго фабриканта и купца въ Москвѣ. Отецъ его, Иванъ Петровичъ Будановъ, имѣлъ свою (вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ Петровичемъ) фабрику за Серпуховской заставой, недалеко отъ Данилова монастыря. О семьѣ Будановыхъ мы уже рассказывали въ жизнеописаніи его брата Александра, впоследствии іеросхимонаха Агаѳодора.

<sup>126</sup> АРПМА. Док. № 502. С. 65.

<sup>127</sup> АРПМА. Док. № 605.



Когда умерли их родители, Михаилу было 23 года, и всё заботы о семье легли на его плечи. Он вель фабрику отца, но вскорѣ она была продана, а дядя отдѣлился. Михаилу пришлось работать приказчикомъ. Вскорѣ ихъ сестра вышла замужъ, а всё три брата получили полную свободу въ дѣлѣ осуществленія ихъ давней мечты — стать монахами на Аѳонѣ.

Въ 1868 году старшій братъ Петръ объявилъ братьямъ, что принялъ рѣшеніе отправиться на Аѳонъ и поступить тамъ въ какой нибудь монастырь. Младшій Александръ тоже рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но изъ-за слабости здоровья сомнѣвался и сталъ совѣтоваться съ Михаиломъ, какъ ему поступить. Тотъ сказалъ ему: «Сила Божія въ немощи совершается». «Послѣ этого, — вспоминалъ впослѣдствіи отецъ Агаѳодоръ, — отвалился у меня камень отъ сердца, и я, упова на всемогущую силу Божию, болѣе

уже не волновался»<sup>128</sup>. Братья отправились на Аѳонъ, а Михаилъ обѣщалъ, что присоединится къ нимъ, послѣ того какъ уладитъ всё имущественныя дѣла.

Въ 1872 году онъ дѣйствительно пріѣхалъ на Аѳонъ и присоединился къ своимъ братьямъ. Старцы монастыря съ любовью приняли Михаила и опредѣлили на послушаніе въ трапезную. 15 февраля 1874 года его постригли въ мантию съ именемъ Мина. Вскорѣ онъ былъ отправленъ на московское подворье монастыря, гдѣ принималъ активное участіе въ строительствѣ часовни святаго великомученика Пантелеимона у Владимирскихъ воротъ.

Послѣ окончанія Русско-турецкой войны онъ вернулся на Аѳонъ. «Любознательный отъ природы, очень начитанный и усердный писака, отецъ Мина долгое время состоялъ при покойномъ игуменѣ отцѣ Макаріи въ качествѣ личнаго секретаря. По своей любознательности онъ переписывалъ каждую исходящую и входящую бумагу игумена въ особую, специально заведенную для этого книгу, куда, кромѣ того, попадали и другія бумаги, письма и даже выдержки изъ газетъ, такъ или иначе относящіяся къ исторіи

<sup>128</sup> АРПМА. Док. № 502. С. 6.

монастыря. Такимъ образомъ и составилъ обширный сборникъ весьма любопытнаго характера, который при другомъ къ нему отношеніи навсегда былъ бы утраченъ для исторіи монастыря»<sup>129</sup>.

Отець Мина написалъ книгу «Указаніе особенностей церковнаго богослуженія на Аѳонѣ», которая была издана въ Москвѣ. Онъ оставилъ послѣ себя также нѣсколько рукописныхъ томовъ разнообразнаго содержанія. Въ нихъ были свѣдѣнія по исторіи монастыря, описаніе монастыря, описаніе храмовъ и церквей монастыря и многое другое<sup>130</sup>. Онъ первымъ въ монастырѣ началъ систематическую регистрацію братіи, завелъ такъ называемый монахологія<sup>131</sup> и тѣмъ самымъ способствовалъ сохраненію информации о насельникахъ монастыря. Отець Мина обладалъ необыкновенной памятью, зналъ всѣхъ келіотовъ и братію и составилъ краткія жизнеописанія многихъ изъ нихъ.

Отець Мина былъ рукоположенъ въ іеродіакона 10 февраля 1880 года, а въ іеромонаха — 14 сентября 1882 года. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу своему брату отцу Агаѳодору: «Я, совершенно неожиданно для меня, 14 сентября былъ рукоположенъ во пресвитера... Такъ, вѣрно, угодно Господу Богу, я не искалъ, и не желалъ, и боялся принять такой великій санъ, ибо я человекъ слабосильный и немощный, а быть совершителемъ Святыхъ Великихъ Таинствъ — великая отвѣтственность. И отвѣтъ за нихъ нужно отдавать передъ Господомъ. Прошу тебя, помолись за меня, дабы Господь подкрѣпилъ мои немощи и сподобилъ достойно предстоять предъ Святимъ Престоломъ величія Божія. Голова моя идетъ кругомъ, и думается, не сонъ ли это?»<sup>132</sup>

Отець Мина имѣлъ переписку не только со своимъ братомъ отцомъ Агаѳодоромъ, но и съ другими насельниками монастыря<sup>133</sup>. Онъ очень любилъ служить панихиды, поминалъ много именъ, однако было замѣчено, что не любилъ поминать императора Петра I. Былъ боленъ ногами, но служилъ часто. Несмотря на болѣзнь ногъ, ходилъ служить на Старый Русикъ и по разнымъ келліямъ монастыря. 4 апрѣля 1884 года отецъ Мина былъ постриженъ въ схиму.

Преставился іеросхимонахъ Мина 3 декабря 1888 года.



<sup>129</sup> Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 7.

<sup>130</sup> АРПМА. Док.: № 27, 29, 30, 31, 471.

<sup>131</sup> АРПМА. Док.: № 11, 16, 17, 18, 19, 56.

<sup>132</sup> АРПМА. Док.: № 1752. С. 13.

<sup>133</sup> АРПМА. Док.: № 606, 1353, 1523, 1752.

## Геросхимонахъ Алексій (Проскурнинъ)



Геросхимонахъ Алексій<sup>134</sup> (въ міру Александръ Яковлевичъ Проскурнинъ) родился въ 1843 году въ городѣ Лебедянске Тамбовской губерніи. Онъ былъ сыномъ купца второй гильдіи. О его жизни до поступленія въ монастырь ничего не извѣстно. Въ 1869 году онъ пріѣхалъ на Аѳонъ и былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ черезъ два года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Алексій.

Съ самаго начала своего иноческаго пути онъ проходилъ послушаніе архондаричнаго\*. Былъ очень гостепріименъ и внимателенъ къ каждому гостю монастыря, готовъ послужить каждому человѣку, съ радостью бѣжалъ, куда бы его ни послали, выполняя порученія любого, кто бы его объ этомъ ни попросилъ. Онъ былъ послушникомъ и старшихъ, и младшихъ, и своей братіи, и гостей, и священноначалія, и постороннихъ людей. Всѣ удивля-

лись его постоянной готовности съ радостью послужить людямъ.

«Я всегда удивлялся, — писалъ отецъ Алексій, — когда видѣлъ мою мать, загруженную заботами и трудами по дому. Она умудрялась одновременно работать по дому и ухаживала за дѣтьми. Казалось, вотъ теперъ она свалится съ ногъ отъ усталости, но нѣтъ: она все дальше продолжала выполнять свою нелегкую работу. При этомъ по выраженію ея лица было видно, что она была счастлива и довольна.

Только теперъ, въ монастырѣ, я понялъ, почему она не уставала и почему она была такъ счастлива. Она дѣлала свою работу для очень любимыхъ ею людей: своего мужа

<sup>134</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Дмитріевскій А.* Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 220.

и дѣтей. Только съ любовью служеніе людямъ можетъ быть легкимъ и радостнымъ. Только любя, можно выполнять послушаніе, и оно не будетъ превращаться въ наказаніе. Только любя, можно ощущать, что священноначаліе не кажется тираномъ. Только любя, мы понимаемъ, что служеніе людямъ приноситъ духовные плоды и глубокое внутреннее удовлетвореніе.

Если наши мысли устремлены только на исполненіе послушанія монастырскихъ начальниковъ и мы не замѣчаемъ нужду рядомъ стоящаго брата, то мы служимъ бѣсу челоукоугодія. Только тогда, когда мы служимъ всѣмъ одинаково преданно, только тогда мы исполняемъ заповѣдь Господа «*да любите другъ друга*», (Ин. 13:34) и являемся истинными христианами»<sup>135</sup>.

Вскорѣ жизнь отца Алексія рѣзко измѣнилась. Старцы, видя его готовность къ полному послушанію, видя его безграничную преданность монастырю, живой характеръ и организаторскія способности, благословили ему организовать подворье монастыря въ городѣ Солуни. Ему предстояло рѣшить нелегкую задачу, такъ какъ турецкая администрація города всячески препятствовала возникновенію въ городѣ христіанскихъ церквей и обителей. Вслѣдствіе того, что это дело рѣшалось въ столицѣ турецкой имперіи, отцу Алексію пришлось нѣсколько лѣтъ провести въ Константинополѣ. Всѣ вопросы онъ согласовывалъ со старцами обители, чѣму свидѣтельство его огромная переписка съ игуменомъ Макаріемъ<sup>136</sup>.

Несмотря на многочисленныя препятствія, наконецъ ему удалось достичь определеннаго успѣха. Къ этому времени отца Алексія рукоположили въ іеродіакона, и онъ началъ заниматься устроеніемъ храма святаго Димитрія Солунскаго на подворьѣ въ Солуни.

Но вскорѣ началась Русско-турецкая война, и бѣды одна за другой посыпались на Солунское подворье. 29 августа 1877 года турки устроили тамъ страшный погромъ и отца Алексія съ товарищами заключили въ темницу. Его обвиняли въ шпіонажѣ въ пользу Россійской имперіи, за что ему грозила смертная казнь. Но никакихъ уликъ у турокъ не было. Очевидно было, что отца Алексія и его товарищей преслѣдовали только потому, что они были русскими. Турки бы ихъ всѣхъ потихоньку перерѣзали, если бы не героическій поступокъ схимонаха Гликерія (Никитина), который прибылъ послѣ ареста отца Алексія въ Солунь и поднялъ большой шумъ, подключивъ къ дѣлу освобожденія узниковъ даже французскаго консула. Послѣ этого турецкое правительство было вынуждено какъ-то «цивилизованнѣе» поступить съ арестантами. Отецъ Алексій предсталъ передъ судомъ, и рѣшеніемъ суда его съ товарищами отправили въ Константинополь для дальнѣйшаго разбирательства дѣла.

---

<sup>135</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 10.

<sup>136</sup> АРПМА. Док. № 760.

Въ Константинополѣ узниковъ содержали въ ужасныхъ условіяхъ. Въ каждой камерѣ — по 50 человекъ арестантовъ. Сырость, темнота, вонь, вши, клопы и всякаго рода нечистота... Пища — хлѣбъ и вода. Неизвѣстно, что было бы съ заключенными, если бы не вмѣшательство Вселенскаго Патріарха. Послѣ долгихъ переговоровъ Патріархіи съ турками отца Алексія и его товарищей отпустили. Все время заключенія отецъ Алексій укрѣплялъ своихъ товарищей духовно, въ камерѣ вычитывались наизусть всѣ службы, поочередно читали вслухъ Иисусову молитву и тѣмъ самымъ облегчали себѣ невыносимыя условія заключенія.

Бывшія узники вернулись въ родную обитель. Игуменъ Макарій поблагодарилъ отца Алексія за проявленное мужество и заботу о товарищахъ, и вскорѣ его рукоположили въ іеромонаха.

Только послѣ окончанія Русско-турецкой войны отецъ Алексій смогъ вернуться на подворье въ Солунь. Здѣсь онъ жилъ до 1885 года, послѣ чего былъ направленъ старцами сначала на подворье въ Санктъ-Петербургъ, а потомъ въ Симоно-Кананитскій монастырь на Новый Аѳонъ для исполненія послушанія духовника. Въ этомъ святомъ послушаніи онъ очень преуспѣлъ и заслужилъ уваженіе и любовь не только братіи, но и общественности, имѣвшей отношенія съ этимъ монастыремъ. Слава о высотѣ его духовной жизни дошла до экзарха Грузіи архіепископа Флавіана (Городецкаго), и по его настойчивому требованію отецъ Алексій былъ переведенъ настоятелемъ Сафарскаго Саввинскаго монастыря близъ города Ахалцыхе (Грузія) съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Это случилось 3 сентября 1900 года.

Онъ энергично приступилъ къ возстановленію этой древней обители, но мысли объ Аѳонѣ никогда не оставляли его. Вотъ что пишетъ игумену Андрею (Вережкину) истинный послушникъ Церкви въ своемъ письмѣ 21 мая 1903 года: «Конечно, спросить можно: не скучаешь ли о тишинѣ аѳонской?.. Но судьбы Божіи [неисповѣдимы]. Не удостоили меня насладиться ей... Вся моя жизнь текла среди шума и гама въ Константинополѣ, Солуни, Питерѣ и на Новомъ Аѳонѣ. Особенно трудно было мнѣ какъ духовнику.

Конечно, вспоминаю о мѣдѣ, что сладокъ, но [зато], накушавшись его досыта, оскомина не мучитъ. Судьбы Божіи намъ непостижимо знать, и мы не можемъ видѣть наше предопредѣленіе. А можетъ быть, когда нибудь и возвратятъ меня на Аѳонъ, и я смогу уложить свои останки въ землѣ Святой Горы, потому что, куда ни ѣдешь и гдѣ ни бываешь, родной Аѳонъ и родная о Господѣ обитель всегда на умѣ. Но воля Божія да будетъ! Хотѣлъ было изъ Сафары ударить въ аѳонскіе предѣлы, но судьба иначе устроила пути мои»<sup>137</sup>.

Въ 1903 году отецъ Алексій былъ переведенъ настоятелемъ саранскаго Петропавловскаго монастыря. Въ новой обители отца Алексія, по всей видимости, встрѣтило многочисленное братство. «По даннымъ 1895 года, братія состояла изъ игумена, пяти

---

<sup>137</sup> АРПМА. Док. № 1115.

іеромонаховъ, двухъ іеродіаконовъ, трехъ послушниковъ и девяти состоящихъ на испытаніи. То есть вмѣстѣ съ непостриженными штатъ насчитывалъ 20 человекъ. Въ 1907 году штатъ уменьшился до 11 монаховъ и послушниковъ, а къ 1912 году иноки въ большинствѣ своемъ совсѣмъ покинули Саранскъ и ушли въ разные монастыри. Рѣшеніемъ Синода Петропавловская обитель была передана женщинамъ-инокинямъ»<sup>138</sup>.

Причина такого оскудѣнія Петропавловскаго монастыря, навѣрное, кроется въ общественно-политическомъ состояніи тогдашней Россіи. Революція 1905 года, къ сожалѣнію, сильно измѣнила настроеніе простыхъ людей. Большинствомъ народа овладѣлъ непонятный психозъ: люди перестали бояться Бога, потеряли всякое благоговѣніе и страхъ Божій, перестали цѣнить человѣческую жизнь, что хорошо подтверждаетъ письмо отца Алексія отъ 23 апрѣля 1908 года. «До того, — писалъ онъ, — жизнь монастырская въ Россіи дошла переверотами своими, что невозможно никакъ управлять монастырями и братіей. Я нѣсколькимъ монастырямъ былъ благочиннымъ, но по обстоятельствамъ отказался. Невозможно. Недавно даже ударили чѣмъ-то въ голову, и едва отошелъ. И въ своемъ монастырѣ не безъ бѣды. Бѣжалъ бы сломя голову, но куда, не знаю...»<sup>139</sup>.

Когда въ 1912 году самарскій Петропавловскій мужской монастырь былъ закрытъ, отцу Алексію рѣшеніемъ Священнаго Синода разрѣшили вернуться на Аѳонъ. Ему представилась возможность осуществить свою давнюю мечту, но онъ смогъ добраться только до Новоаѳонской обители, тяжелая болѣзнь не позволила ему продолжить путь. Здѣсь онъ и преставился. Точная дата его смерти не установлена. Но, по всей видимости, онъ умеръ во время Первой міровой войны, когда сообщеніе между Новымъ Аѳономъ и Россіей полностью прекратилось, чѣмъ и можно объяснить отсутствіе информации о его смерти.

## Схимонахъ Гликерій (Никитинъ)

Схимонахъ Гликерій<sup>140</sup> (въ міру Григорій Петровичъ Никитинъ) былъ крестьяниномъ Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи. Родился онъ въ 1822 году. Роста былъ средняго, волосы имѣлъ русые, глаза сѣрые. О его жизни въ міру ничего не извѣстно, знаемъ только, что когда ему исполнилось 53 года, то онъ рѣшился стать монахомъ. Въ 1875 году Григорій Петровичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ былъ постриженъ въ мантию 14 октября 1876 года съ именемъ Гликерій.

<sup>138</sup> Бахмутовъ С. Монастыри Мордовіи. Саранскъ, 2000. С. 168.

<sup>139</sup> АРПМА. Док. № 1115.

<sup>140</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 223.

Вначалѣ онъ проходилъ послушаніе въ больницѣ, ухаживалъ за больными. Потомъ работалъ на огородѣ. А послѣ пострига его отправили въ Каламарію, гдѣ были сельскохозяйственныя угодья монастыря. Началась Русско-турецкая война, и вмѣстѣ съ тѣмъ начались гоненія и притѣсненія русскихъ, находящихся на территории Турецкой имперіи. Было разгромлено Солунское подворье монастыря, братію арестовали.

Вскорѣ послѣ того, какъ отцы были посажены подъ арестъ, въ Солунь прибылъ изъ Каламарійскаго метоха монахъ Гликерій и, узнавъ о случившемся на подворьѣ, обратился за совѣтомъ къ солунскому митрополиту Іоакиму (впослѣдствіи Патріарху Константинопольскому Іоакиму III), но тотъ посовѣтовалъ отцу Гликерію подобру-поздорову уѣзжать восвояси, дабы и самому не испить той же чаши, которая досталась на долю его собратьевъ.

У каждого человека есть хотя бы одна возможность въ жизни доказать искренность своей вѣры къ Богу, показать свою любовь къ Нему и людямъ, но мы часто именно въ этотъ рѣшающій моментъ не можемъ возвыситься надъ собственными немощами и упускаемъ этотъ важнѣйшій моментъ своей жизни. А послѣ этого, если мы даже и проявимъ чудеса подвижничества и если даже напишемъ толстыя книги о любви и порядочности, все равно наша заслуга передъ Богомъ и людьми будетъ ничтожной. Эти всѣ дѣйствія будутъ только нашими жалкими умозаключеніями, но никакъ не результатомъ освященія благодатью Божіей, такъ какъ благодать Божія даруется только тѣмъ, кто всегда и во всякое время готовъ отдать свою жизнь „за другі своя“ (Ин. 15:13)<sup>141</sup>.

Отецъ Гликерій послѣ такого совѣта іерарха могъ бы со спокойной совѣстью вернуться въ Каламарію, но онъ не упустилъ дарованную имъ Богомъ возможность проявить свою любовь къ собратіямъ. Его христіанская душа не удовлетворилась словомъ митрополита. Онъ не могъ оставить въ бѣдѣ своихъ собратіевъ и, несмотря на то, что это было смертельно опасно, началъ искать пути, какъ помочь имъ.

По совѣту нѣкоторыхъ доброжелателей изъ грековъ онъ отправился къ французскому консулу, чтобы рассказать ему обо всемъ случившемся на русскомъ подворьѣ. Консулъ принялъ его ласково и, узнавъ обстоятельства дѣла, тутъ же отправился къ пашѣ, управляющему городомъ, для объясненій. Паша доложилъ консулу о причинѣ заключенія аѳонскихъ отцовъ. Онъ сказалъ, что монахи подворья подозреваются правительствомъ Турціи въ помощи Россіи и что они будутъ отправлены въ Константинополь къ высшему начальству. Изъ отвѣта паши, переданнаго консуломъ, отецъ Гликерій понялъ, что на освобожденіе отцовъ нѣтъ никакой надежды.

Тогда онъ рѣшился черезъ аѳонскаго представителя (эпитропа\*) добиться у паши свиданія съ узниками. Но когда эпитропъ и отецъ Гликерій пришли къ пашѣ, то тотъ

---

<sup>141</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 11.

спросилъ у него, не жаловался ли онъ французскому послу. Когда отецъ Гликерій далъ утвердительный отвѣтъ, паша грозно вопрошалъ его: «Развѣ ты не знаешь мѣстнаго правительства и обращаешься къ чужому? Кто научилъ тебя?» Отецъ Гликерій отвѣтилъ, что онъ не помнитъ, кто далъ ему такой совѣтъ. А къ консулу онъ обратился, испугавшись за судьбу братіи и желая помочь ея освобожденію. Паша пригрозилъ ему тюрьмой, если онъ не назоветъ имени совѣтчика. Но отецъ Гликерій стоялъ на своемъ, говорилъ, что ничего не помнитъ, а потому тоже былъ посаженъ въ тюрьму. Случилось это 3 сентября 1877 года.

Въ темницѣ онъ подвергся самымъ тяжелымъ испытаніямъ: его били розгами, издѣвались надъ нимъ и морили голодомъ... Но старецъ не выдалъ никого. Всѣмъ было ясно, что его ждала смерть. Никто не смогъ бы въ его возрастѣ выдержать такихъ пытокъ. Но Богъ помогъ Своему вѣрному слугѣ и побудилъ добрыхъ людей позаботиться о немъ. Они заставили того же французскаго консула похлопотать объ освобожденіи отца Гликерія, и черезъ два мѣсяца заключенія и пытокъ его освободили.

Послѣ освобожденія отецъ Гликерій вернулся на мѣсто своего послушанія. Послѣдніе годы онъ провелъ въ своемъ родномъ Пантелеимоновомъ монастырѣ. 28 марта 1881 года отецъ Гликерій былъ постриженъ въ схиму.

Нѣтъ смысла описывать его монашескіе подвиги, которыхъ, несомнѣнно, было множество. Онъ былъ уже на землѣ подобенъ ангеламъ, такъ какъ проявилъ высшую на землѣ степень человѣческой добродѣтели — готовъ былъ отдать жизнь свою за другихъ людей.

На судъ читателя приведемъ одно изъ его писемъ отъ 5 іюня 1889 года, которое 67-лѣтній старецъ послалъ своему духовнику архимандриту Макарію. Это письмо показываетъ намъ его благодатное смиреніе, что стало, несомнѣнно, основаніемъ его подвига и не позволило ему превозноситься даже послѣ вышеописанныхъ событій. Вотъ что онъ пишетъ: «Ваше Высокопреподобіе, всечестной батюшка, отецъ игумень, благословите. Питая къ Вамъ благоговѣйныя чувства сыновней любви, я со смиреніемъ повергаюсь къ стопамъ ногъ Вашихъ и всеусерднѣйше прошу Вашего отеческаго благословенія и святыхъ молитвъ въ помощь мнѣ, грѣшному и недостойному тѣломъ и душой. Затѣмъ докладываю Вамъ, какъ мнѣ желательно, чтобы лично рассказать Вамъ и исповѣдовать свои грѣхи и душевныя скорби. Поэтому смиренно прошу Васъ, батюшка, соблаговолить и разрѣшить мнѣ пріѣхать въ монастырь на нѣкоторое время. За что съ чувствомъ искренней любви, благожеланія и преданности остаюсь нижайшимъ Вашимъ почитателемъ, грѣшный и недостойный сынъ Вашъ схимонахъ Гликерій»<sup>142</sup>.

Преставился схимонахъ Гликерій 20 мая 1892 года.

<sup>142</sup> АРПМА. Док. № 921. С. 1.

## Иеросхимонахъ Михаилъ (Савицкій)

Иеросхимонахъ Михаилъ<sup>143</sup> (въ міру Михаилъ Ивановичъ Савицкій) родился въ 1827 году въ городѣ Поречье Смоленской губерніи. Родители его принадлежали къ купеческому сословію. Кромѣ Михаила у нихъ было еще два сына и двѣ дочери. Людьми они были богобоязненными и дѣтей своихъ воспитали въ страхѣ Божьемъ.

Подвижникъ Михаилъ еще ребенкомъ былъ тихъ и серьезенъ, что очень радовало его родителей, которые видѣли въ этомъ задатки будущихъ его дѣловыхъ качествъ. По окончаніи школы онъ долженъ былъ принимать участіе въ торговыхъ дѣлахъ отца.

И дѣйствительно, окончивъ учебу, онъ началъ помогать отцу. Вскорѣ, отдѣлившись отъ него и переѣхавъ на жительство въ Псковъ, онъ сталъ самостоятельнымъ купцомъ. Дѣло его процвѣтало. Но не къ коммерціи лежало сердце молодого Михаила. Искра любви къ Богу и людямъ, зароненная въ его сердце настоящимъ христіанскимъ воспитаніемъ, чтеніемъ Слова Божія и святыхъ отцовъ, не погасла, но, съ возрастомъ все болѣе и болѣе разгораясь, наконецъ привела его къ мысли о монашествѣ. Благочестивая жизнь въ міру мало удовлетворяла молодого Савицкаго, душа его жаждала высшаго совершенства. И чѣмъ больше предавался онъ разнымъ аскетическимъ упражненіямъ, тѣмъ болѣе укрѣплялось въ немъ желаніе бросить міръ и всецѣло предаться волѣ Божіей въ иноческомъ званіи. Наконецъ мечта его осуществилась: онъ продалъ свое дѣло и всѣ полученныя средства раздалъ нищимъ. Часть средствъ пожертвовалъ въ разные монастыри.

Передъ уходомъ въ монастырь Михаилъ рѣшилъ оказать послѣднюю услугу своему земному царю, Императору Александру II. Онъ случайно узналъ о готовящемся нападеніи террористовъ на Императора и рѣшилъ предупредить Государя. Вотъ что впоследствии онъ самъ объ этомъ разсказалъ иеросхимонаху Владиміру (Колесникову), который записалъ его разсказъ въ свой дневникъ: «Дѣло было въ Петербургѣ. 22 іюля 1860 года онъ стоялъ у дворца, гдѣ долженъ былъ идти Государь. Полиція за подарокъ допустила его поближе, полагая, что онъ хочетъ только взглянуть на Государя. А отецъ Михаилъ (въ то время еще купецъ) подалъ ему письмо. Но Государь, не взглянувъ на пакетъ, велѣлъ передать его адъютанту. Отецъ Михаилъ вручилъ пакетъ великому князю Константину Николаевичу. 29 іюля его взяли къ шефу жандармовъ Тимашеву

---

<sup>143</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1911 годъ. М., 1911. С. 152.

для допроса и отвезли въ Петропавловскую крѣпость. Въ то время, конечно, о немъ навели справки. Посидѣлъ онъ въ крѣпости до 29-го августа. Много разъ являлись къ нему и допрашивали, но онъ рѣзко объяснялся съ начальниками, недоумѣвая, зачѣмъ держатъ его какъ преступника. Наконецъ Тимашевъ объявилъ ему, что Государь хочетъ его отблагодарить, но не знаетъ какъ и спрашиваетъ о наградѣ. Отецъ Михаилъ отвѣтилъ, что онъ не желаетъ никакой награды, ибо ни въ чемъ не нуждается и уже на пути къ поступленію въ монашество. А довель онъ до свѣдѣнія Государя информацію о заговорщикахъ ради исполненія вѣрноподданнической присяги.

Тимашевъ передалъ Государю слова отца Михаила. Тогда Государь пожелалъ по крайней мѣрѣ поручить его покровительству митрополита Московскаго Филарета, на что отецъ Михаилъ согласился. Къ митрополиту Филарету его проводилъ до Москвы жандармскій полковникъ съ бумагой, подписанной самимъ Государемъ. Филаретъ принялъ его благосклонно, помѣстилъ въ Чудовъ монастырь, велѣлъ являться къ нему разъ въ недѣлю и поручилъ его нѣсколькимъ ученымъ для преподаванія богословія и прочихъ наукъ, желая скоро произвести его въ священнѣйшій санъ. Но отецъ Михаилъ уклонился отъ этого»<sup>144</sup>. Недолго пришлось пожить молодому послушнику въ стѣнахъ древней обители. Сердце его лежало къ Аѳону. Разказы странниковъ, слышанные въ дѣтствѣ, глубоко запали въ его душу.

И вотъ въ 1861 году послушникъ Михаилъ, взявъ у начальства разрѣшеніе ѣхать на богомолье въ Іерусалимъ, отправился въ дорогу. Когда онъ прибылъ на Аѳонъ, то дивная красота Аѳона, строгій уставъ обители святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ онъ остановился, и благолѣпное служеніе такъ поразили его душу, что онъ рѣшился остаться здѣсь навсегда. Какое-то чувство подсказывало ему, что именно здѣсь мѣсто его подвиговъ, трудовъ, иноческой жизни.



<sup>144</sup> АРПМА. Док. № 305. С. 103.

Принятый въ число братіи обители, Михаилъ началъ ревностно проходить назначаемыя ему послушанія. Внутренняя же жизнь его развивалась и зрѣла подъ руководствомъ знаменитаго старца-духовника іеросхимонаха Іеронима.

Изо дня въ день молодой инокъ привыкалъ къ монастырской жизни, руководствуясь во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ богомудрыми наставленіями старца Іеронима. Умный, отъ природы надѣленный даромъ слова, Михаилъ Савицкій скоро сталъ выдѣляться изъ числа прочей братіи своими дарованіями и быстрымъ духовнымъ ростомъ. Въ 1862 году по благословенію старца Іеронима онъ былъ постриженъ въ мантію съ нареченіемъ ему имени Малахія. Вскорѣ, 21 ноября 1863 года, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 23 ноября 1863 года — въ іеромонаха.

Съ этого времени іеромонаху Малахіи послѣ сравнительно недолгаго пребывания въ обители надлежало снова идти въ міръ, но уже въ качествѣ труженика обители. Ему было поручено, по крайней скудности средствъ монастыря, дѣлать въ Россіи по Высочайшему разрѣшенію сборъ добровольныхъ пожертвованій, а также закупать и готовить всѣ жизненно необходимые для обители продукты. Для отца Малахіи началась новая, вдвойнѣ трудная жизнь. Привыкнувъ волю Божью считать выше всѣхъ своихъ желаній, онъ покорно подчинился указаніямъ отца игумена и своего духовника.

Всегда энергичный и дѣятельный, отецъ Малахія посвятилъ новому послушанію всѣ свои силы. Въ продолженіи почти сорока лѣтъ пришлось ему поработать на этомъ поприщѣ. Онъ основалъ подворья Руссика въ Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ. Устроилъ рыбный заводъ въ Чумбурѣ, гдѣ заготавливалась рыба не только для обители, но и для всего Аѳона.

Исполненная многихъ заботъ должность не мѣшала, однако, ему усовершенствоваться въ духовной жизни. Отецъ Малахія видѣлъ въ своемъ послушаніи не одну матеріальную сторону, но главнымъ образомъ духовную. Въ своихъ разѣздахъ по Россіи онъ видѣлъ средство сѣять Слово Божье въ горячо имъ любимомъ народѣ.

Не довольствуясь громадной бесплатной раздачей листовъ и мелкихъ брошюръ монастыря въ самомъ Ростовѣ, гдѣ онъ обыкновенно проживалъ, отецъ Малахія рассылалъ въ большомъ количествѣ изданія обители по разнымъ мѣстамъ Россіи: въ школьныя бібліотеки, богадѣльни, армію... Такъ, во время войны съ Японіей онъ послалъ русскимъ плѣннымъ на Дальній Востокъ книгъ и брошюръ на очень значительную сумму. Нѣкоторые его духовныя дѣти изъ мирянъ, видя его неутомимую энергію и горячую миссіонерскую ревность, поручали ему значительныя средства специально на распространеніе религіозно-нравственныхъ изданій въ народѣ.

Стараясь развить въ народѣ глубокое религіозное чувство, любовь къ Родинѣ, престолу, отецъ Малахія не отказывалъ никому и въ устномъ назиданіи, совѣтѣ. Проникнутое твердой вѣрой въ Бога, искренностью и теплымъ участіемъ слово его имѣло сильное вліяніе на слушателей.

Служа нравственнымъ оплотомъ для другихъ, самъ отецъ Малахія находилъ для себя духовную поддержку какъ въ частной перепискѣ со старцами обители<sup>145</sup>, такъ и въ своихъ ежегодныхъ посѣщеніяхъ на нѣкоторое время Аѳона.

Во время своихъ недолгихъ пребываній на Аѳонѣ онъ наслаждался душевнымъ миромъ и покоемъ, съ удовольствіемъ погружаясь въ атмосферу монастыря. Причемъ всегда при этомъ онъ служилъ для братіи примѣромъ точнаго исполненія монастырскаго устава. Приходилъ въ церковь первымъ, а уходилъ — послѣднимъ.

Являясь прекраснымъ чтецомъ, отецъ Малахія нерѣдко утѣшалъ братію на всенощныхъ бдѣніяхъ своимъ выразительнымъ чтеніемъ поученій. Читалъ онъ твердымъ раздѣльнымъ языкомъ, подчеркивая главныя мѣста, что свидѣтельствовало о его глубокомъ пониманіи смысла прочитаннаго.

Но особенно любилъ отецъ Малахія совершать Божественную Литургію, которая у него отличалась значительной продолжительностью. При совершеніи проскомидіи онъ самъ, безъ діакона, поминалъ всѣ свои многочисленные записочки. Въ свой синодикъ онъ имѣлъ обыкновение записывать всѣхъ благодѣтелей монастыря (несмотря на то что они и такъ особо поминались въ соборѣ согласно уставу обители), братію и вообще каждого, кто имѣлъ къ нему какое либо отношеніе. Изъ-за большаго количества помиваемыхъ служба длилась 5–6 часовъ. Для совершенія такой длинной Литургіи ему былъ отведенъ въ обители особый параклисъ\* (примѣльный храмъ), въ которомъ онъ и совершалъ службу съ двумя своими келейниками, замѣнявшими ему пѣвцовъ и чтецовъ.

Твердая вѣра въ Промыселъ Божій была отличительной чертой характера отца Малахія. Келейная обстановка его была самая простая, и по одеждѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ прочей братіи. Простой, поношенный подрясникъ былъ обычнымъ его одѣяніемъ.

7 апрѣля 1881 года отца Малахія постригли въ схиму съ нареченіемъ имени Михаилъ.

Вѣренъ оставался отецъ Михаилъ своему образу жизни и внѣ обители. Такъ же какъ и въ монастырѣ, онъ старался неукоснительно слѣдовать монастырскому богослужебному уставу, т. е. не опускалъ церковныхъ службъ, келейныхъ занятій и прочаго. Въ извѣстное время, согласно уставу, онъ старался аккуратно вычитывать церковное правило. Ъхалъ ли онъ на поѣздѣ или трясся въ тарантасѣ, когда приходилъ опредѣленный часъ, то раскрывалъ книгу и начиналъ, зачастую вслухъ, править вечерню, часы и прочее. Когда слѣдовало читать Святое Евангеліе, если ѣхалъ въ экипажѣ, то велѣлъ останавливаться и, стоя, читалъ положенное Благовѣстіе.

Живя въ Ростовѣ, на подворьѣ, всю утреню вычитывалъ самъ, причемъ любилъ чтеніе внятное, неспѣшное. Прекрасный знатокъ церковнаго устава, онъ требовалъ и отъ другихъ точнаго, внимательнаго отношенія къ исполненію дѣла Божьего. Ввѣренная

<sup>145</sup> АРПМА. Док.: № 1015, 1049, 1071, 1222, 1381, 1561, 1710.

ему братія на подворьѣ въ Ростовѣ, Таганрогѣ и Чембурѣ, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, была всегда имъ довольна, несмотря на то что онъ отъ своихъ подчиненныхъ требовалъ строгаго послушанія, однажды сказавъ, не любилъ повторять или мѣнять своего слова.

Пользуясь благосклоннымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался по дѣламъ обители, отецъ Михаилъ никогда при этомъ никакихъ личныхъ интересовъ не преслѣдовалъ. Все сдѣланное имъ въ области благотворительности, борьбы съ расколомъ и сектантствомъ черезъ распространеніе въ народѣ листовъ нашего монастыря отецъ Михаилъ относилъ не къ своимъ заслугамъ, а къ заслугамъ обители.

Такъ, когда Священный Синодъ рѣшилъ наградить его наперснымъ крестомъ, отецъ Михаилъ спрашивалъ монастырь, можетъ ли онъ принять предлагаемую награду. И только по благословенію отца игумена возложилъ на себя наперсный крестъ, который, впрочемъ, никогда въ обители не носилъ.

Лѣтъ пять-шесть до смерти отецъ Михаилъ уже безвыѣздно проживалъ на Аѳонѣ. Все это время онъ былъ соборнымъ старцемъ. Его занимало любое дѣло, касающееся чистоты Православнаго исповѣдованія. Въ библиотекѣ обители хранится его рукопись — отвѣтъ на статью праведнаго Іоанна Кронштадтскаго о Крестѣ Христовомъ<sup>146</sup>.

До самой смерти онъ не переставалъ участвовать въ духовномъ руководствѣ братіей монастыря. Но возрастъ бралъ свое. Онъ не могъ уже такъ активно, какъ бы желало его сердце, участвовать въ дѣлахъ обители. Ему было уже за 80 лѣтъ, когда силы его замѣтно упали. Приближался конецъ земной жизни.

Однако, несмотря на старческіе недуги, онъ неопустительно являлся ко всѣмъ церковнымъ службамъ и частенько читалъ поученія. Чтеніе его мало измѣнилось, оно было такое же громкое и внятное, какъ раньше. Трудно было представить, что читаетъ 80-лѣтній старецъ. Только слабость зрѣнія вслѣдствіе операціи по поводу катаракты

заставила его отказаться отъ любимаго занятія — назидать братію святоотеческими писаніями.

Глубокая вѣра въ благодатную помощь святаго великомученика Пантелеимона въ недугахъ никогда не оставляла его. И святой покровитель обители не разъ являлъ ему свою милость, возставляя отъ одра болѣзни. Предсмертной болѣзнью его была водянка, первые признаки которой появились мѣсяца за 3–4



<sup>146</sup> БРПМА. Док. № 41925.

до кончины. Болѣзнь долгое время не представляла опаснаго характера. Но къ концу 1910 года она замѣтно стала усиливаться. Онъ уже пересталъ выходить изъ кельи. Всѣ службы вычитывалъ ему келейникъ.

Наканунѣ смерти, 25 января, во время всеобщаго бдѣнія на память святаго Григорія Богослова, по желанію отца Михаила надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія. Затѣмъ онъ былъ приобщенъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ и попрощался съ братіей. 26 января онъ еще говорилъ съ окружающими и благословилъ келейнику начало чтенія утрени, но послѣ утрени, въ то время, когда читали часы, въ 8.30 часовъ утра по восточному времени, онъ мирно и тихо предалъ духъ свой Господу.

По обычаю Святой Горы погребеніе умершихъ совершается (по совершеніи заупокойной Литургіи) въ первые-вторые сутки послѣ смерти. Поэтому въ этотъ же день тѣло почившаго было перенесено въ соборъ святаго Пантелеимона, гдѣ по окончаніи вечерни митрополитомъ Ниломъ (бывшимъ Карпафскимъ и Касскимъ) въ сослуженіи архимандрита Мисаила и многихъ іеромонаховъ надъ нимъ было совершено отпѣваніе. Послѣ отпѣванія тѣло почившаго было поднято на руки священнослужителей и отнесено подъ сѣнь кипарисовъ, къ приготовленной могилѣ на братскомъ кладбищѣ. Печальный перезвонъ колоколовъ сливался съ тихимъ трогательнымъ пѣніемъ «Святый Боже...» и сопровождалъ усопшаго къ мѣсту его упокоенія.

## Иеросхимонахъ Пантелеимонъ (Курбатовъ)

Иеросхимонахъ Пантелеимонъ<sup>147</sup> былъ сыномъ учителя, губернскаго секретаря Михаила Онисимовича Курбатова. Родился онъ въ 1839 году въ Казани. Мать его звали Александрой. По окончаніи Казанскаго военнаго училища Петръ Курбатовъ поступилъ на службу въ комиссаріатскій департаментъ, гдѣ прослужилъ три года. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ рѣшилъ оставить міръ съ его тлѣнными, суетными обольщеніями и посвятить свои молодыя силы на службу Богу. Для испытанія твердости своего намѣренія Петръ отправился на Валаамъ и тамъ подъ богомудрымъ руководствомъ игумена Дамаскина положилъ основаніе своей новой жизни.

Но недолго пришлось ему прожить на Валаамѣ, этомъ сѣверномъ Аѳонѣ. Его манилъ другой Аѳонъ, который издревле славится какъ центръ монашеской жизни всего православнаго міра.

---

<sup>147</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1911 годъ. М., 1911. С. 312.



И вот съ благословенія отца игумена послушникъ Петръ отправляется въ Иерусалимъ съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути оттуда побывать и на Аѳонѣ. Въ концѣ 1859 года, поклонившись святымъ мѣстамъ Палестины, Курбатовъ прибылъ на Святую Гору и поступилъ въ число братіи Пантелеимонова монастыря. Въ это время ему было 20 лѣтъ.

Самый расцвѣтъ своей жизни, утро своего земнаго бытія посвящаетъ онъ Богу какъ жертву чистую, непорочную. Жизнь особенно привлекательна въ юности. Въ это счастливое время молодыя силы бьютъ ключомъ. Умъ стремится къ знанію. Вѣра горяча и пылка. Сердце чутко ко всѣму прекрасному, горитъ ревностью къ доброму, любовью къ ближнимъ, готово на всѣ скорби и лишенія ради завѣтной цѣли. Но и врагъ спасенія при этомъ не дремлетъ, воздвигая на юнаго подвижника цѣлую бурю страстей, плѣняя умъ разнообразнѣйшими помыслами о при-

зрачномъ счастье міра. Много надо имѣть любви къ Богу, нравственной крѣпости, чтобы противостоятъ всѣмъ кознямъ врага. Но и при всемъ этомъ только одна благодать Божія да молитвы старцевъ обители сохраняютъ молодаго инокъ отъ коварныхъ искушеній и навѣтовъ злокозненнаго духа. Въ такую-то пору жизни пришелъ Петръ въ Руссикъ, ища въ немъ спасенія и тишины.

Какъ способный къ чтенію и пѣнію, онъ былъ опредѣленъ на клиросное послушаніе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служилъ въ канцеляріи. Возрастая физически, Петръ подъ мудрымъ руководствомъ старцевъ обители созрѣвалъ и духовно. Въ 1862 году его постригли въ рясофоръ съ именемъ Тихонъ.

Отецъ Тихонъ отличался необычайной доброжелательностью къ людямъ, былъ очень внимательнымъ и готовымъ прійти на помощь любому человѣку. Каждый день посѣщалъ больныхъ и немощныхъ братій, ухаживалъ и прислуживалъ имъ.

«Боже, что моя любовь къ людямъ по сравненію съ Твоей высочайшей милостью, — писалъ онъ. — Я не увѣренъ, что вообще способенъ любить. Да, здѣсь, въ монастырѣ, по Твоей милости я имѣю возможность служить братіямъ.

И я, грѣшный, дѣлаю это съ величайшей радостью. Но здѣсь проявленіе вниманія къ другимъ какъ бы обязанность. А какъ бы я поступилъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда стоялъ бы вопросъ о жизни и смерти? Я не увѣренъ въ своихъ силахъ, я, ничтожный, чувствую, что подведу Тебя. Укрѣпи меня, Боже. Научи меня любви Твоей»<sup>148</sup>.

Отецъ Тихонъ составилъ для себя спеціальный канонъ любви и по благословенію духовника ежедневно вычитывалъ его передъ сномъ, прося Господа, чтобы Онъ даровалъ ему добродѣтель любви. Такъ протекло семь лѣтъ его мирной трудовой иноческой жизни. Въ 1866 году онъ былъ постриженъ въ мантию, причемъ ему было дано новое имя Памво, а спустя два года рукоположенъ въ іеродіакона гостившимъ въ то время на Аѳонѣ, въ Русикѣ, епископомъ Полтавскимъ Александромъ (Павловичемъ). Прошло еще пять лѣтъ, и іеродіаконъ Памво былъ рукоположенъ въ іеромонаха (1873 г.), а черезъ три года, принявъ схиму, былъ нареченъ Пантелеимономъ. Онъ счелъ за особую милость Бога и честь носить имя великомученика Пантелеимона въ его же обители, со слезами благодарилъ Господа и просилъ дать ему возможность хоть чѣмъ-то отблагодарить его.

Неожиданно въ 1877 году игумень Макарій призвалъ его къ себѣ и благословилъ отправиться на Новый Аѳонъ въ помощь при постройкѣ новаго монастыря. Онъ, какъ настоящей послушникъ, немедленно отправился въ путь. Но отецъ Пантелеимонъ былъ еще въ пути, когда разразилась Русско-турецкая война 1877–1878 годовъ. Корабль не смогъ причалить въ сухумскомъ порту, такъ какъ тамъ уже находились турки. Тогда онъ отправился въ Азовъ.

Здѣсь отецъ Пантелеимонъ для исполненія церковныхъ требъ и оказанія духовной помощи раненымъ на позиціи Маура — Крюковъ — Дара вступилъ въ Общество Краснаго Креста. Онъ работалъ въ госпиталѣ Краснаго Креста простымъ санитаромъ, спасъ много раненыхъ солдатъ, вытаскивая ихъ прямо съ поля боя.

Въ госпиталѣ его любили всѣ: и раненые, и сотрудники. Немало трудовъ и скорбей пришлось ему пережить, но зато и пользы принесъ онъ много. Во всякое время дня и ночи являлся къ тяжелобольнымъ и раненымъ, стараясь по возможности, чѣмъ могъ, облегчить положеніе страдальцевъ. Евангельское слово, исходя изъ его добраго, участливаго, согрѣтаго любовью сердца, дѣйствовало на душу слушателей какъ чудодѣйственное лѣкарство.

Много страданій было облегчено имъ, много слезъ отерто словомъ любви и соучастія. Съ дѣтской довѣрчивостью обращались къ нему солдаты со всѣми своими душевными и тѣлесными скорбями и тяготами и оставались имъ утѣшенными, ободренными, примиренными съ Богомъ и людьми.

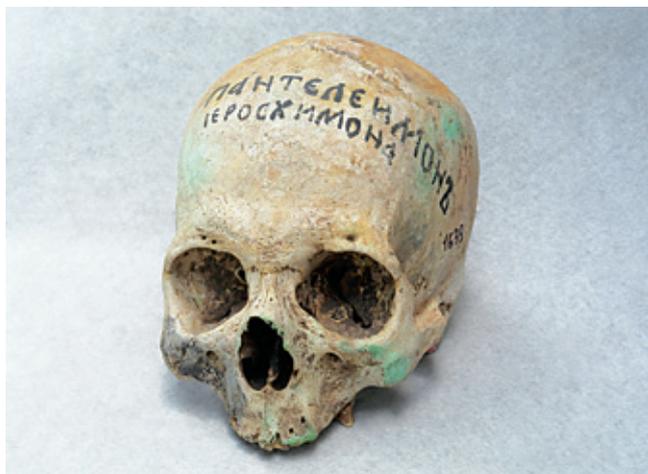
<sup>148</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 12.

Какой запасъ самообладанія надо было имѣть отцу Пантелеимону при видѣ всѣхъ ужасовъ войны, тѣхъ нечеловѣческихъ страданій, которыя съ ней неизбежно связаны, чтобы самому оставаться спокойнымъ и тѣмъ самымъ укрѣплять другихъ. Однажды ночью, неся на своихъ плечахъ раненаго русскаго солдата, онъ споткнулся обо что-то мягкое и, посмотрѣвъ внимательнѣе, увидѣлъ раненаго человѣка. Это былъ турокъ. Ему снарядомъ оторвало ногу. Раненый, видимо, послѣ того, какъ самъ себѣ перевязалъ ремнемъ ногу, впалъ въ лихорадку и былъ безъ сознанія. Но прерывистые стоны доказывали, что онъ былъ еще живъ.

Отецъ Пантелеимонъ перекрестился и, поправивъ свою «ношу», продолжилъ путь. Тутъ заговорилъ русскій солдатъ, котораго онъ несъ: «Батюшка, оставь меня пока, я еще поживу, а этотъ долго не протянетъ, отнеси его въ госпиталь». — «Онъ же турокъ!» — вырвалось изъ устъ отца Пантелеимона. И вдругъ его охватилъ ужасъ, его совѣсть отъ стыда сокрушилась, и онъ, положивъ раненаго солдата на землю, заплакалъ: «Боже, прости меня! Вотъ и вся моя хваленая любовь. Ничтожество я!» Потомъ подошелъ къ русскому солдату, поклонился ему до земли и, взявъ его руку, началъ цѣловать ее: «Благодарю тебя, братъ, ты — святой человѣкъ, я не достоинъ быть даже твоимъ слугою. Ты открылъ мнѣ глаза на мое ничтожество и гордость. Прости меня, грѣшнаго». Изумленный солдатъ молчалъ. Послѣ этого отецъ Пантелеимонъ вернулся къ раненому турку и понесъ его въ госпиталь.

Ревностная служба отца Пантелеимона не осталась безъ награды. По окончаніи кампаніи онъ былъ Высочайше награжденъ орденомъ Святой Анны III степени.

Возвратившись затѣмъ на Аѳонъ, отецъ Пантелеимонъ на цѣлыхъ 32 года посвятилъ свою жизнь покаянію. У cadaго встрѣчнаго монаха или мірянина просилъ прощенія и постоянно оплакивалъ свои грѣхи. Онъ часто служилъ, справляя череду священнослуженія и другія случающіяся требы. Въ послѣдніе годы жизни у него замѣтно стало падать зрѣніе, и онъ вынужденъ былъ совсѣмъ оставить священнослуженіе и удалиться на покой.



Восемь лѣтъ прожилъ отецъ Пантелеимонъ на покой, почти совершенно лишившись зрѣнія и никуда не выходя изъ отведеннаго ему помѣщенія при монастырской богадельнѣ. Однажды одинъ паломникъ, узнавъ о его прошлой жизни, съ удивленіемъ спросилъ: «Какъ могъ Господь наказать слѣпотой такъ Ему потрудившагося старца?» Услышавъ это, отецъ Пантелеимонъ отвѣтилъ ему: «Слѣпота моя — не наказаніе, а награда.

Будучи слѣпымъ для міра, я могу все время зрѣть на Господа. Ничѣмъ не отвлекаясь, могу быть съ Богомъ любви непрерывно. Это высочайшая награда, которую я хотѣлъ бы получить. Благодарю Тебя, Боже, за все!»

Богомысліе и молитва были единственнымъ утѣшеніемъ старца, а большего онъ и не желалъ. Преставился отецъ Пантелеимонъ 12 марта 1911 года. Кончина его была тихой и мирной. Всего потрудился онъ во славу Божью и на благо обители 52 года.

## Схіархимандритъ Паисій (Балабановъ)

Схіархимандритъ Паисій<sup>149</sup> (въ міру Василій Филипповичъ Балабановъ) родился въ 1832 году въ Каменно-Озерной станицѣ Нежинскаго казачьяго отряда Елецкаго уѣзда Оренбургской губерніи. Мать его звали Екатериной. Родители его были благочестивыми православными христіанами и къ тому же, сколько могли, учили своихъ дѣтей. Впослѣдствіи отецъ Паисій всегда съ любовью вспоминалъ наставленіе своей матери: «Вы, дѣти, хоть и играете, а Бога помните всегда. Не забывайте творить молитву Іисусову и „Богородице Дѣво, радуйся“». Онъ всю жизнь старался исполнять его.

Въ юношескіе годы молодой Василій, какъ и всѣ его сверстники, увлекся мірскими радостями и впалъ во многіе грѣхи, а потому благодать крещенія отступила отъ него и дьяволь увлекъ его въ еретическое ученіе. Онъ примкнулъ къ хлыстовской сектѣ. Благочестивые родители, видя странное измѣненіе въ поведеніи Василія, рѣшили его женить, но это только на нѣкоторое время отвлекло его отъ заблужденій. Врагъ рода человѣческаго все болѣе и болѣе уводилъ его отъ истины.

Увлекающійся и чувствительный Василій вскорѣ преуспѣлъ въ этой сектѣ болѣе всѣхъ. Бросилъ жену, сталъ странствовать по окрестностямъ, ходилъ босой и даже сталъ «пророкомъ». Къ счастью, милостивый Господь не оставилъ его погибать въ этомъ заблужденіи, и Василій, осознавъ свои ошибки, покался и вернулся въ лоно истинной Церкви. Онъ впослѣдствіи вспоминалъ: «Послѣ этого я сталъ жить безвыходно въ своемъ семействѣ. Совѣсть моя хоть и очистилась покаяніемъ, но полного мира въ душѣ моей грѣшной я не находилъ. Нужно было стяжать достойные плоды покаянія. Я не переставалъ плакать о своемъ пагубномъ заблужденіи и о томъ, что былъ виновникомъ заблужденій многіхъ. Мнѣ было стыдно за себя, ничто меня не утѣшало. Я думалъ, что тогда только обрѣту въ душѣ покой, когда, оставивъ мірскую жизнь и суету, удалюсь

---

<sup>149</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Паисій (Балабановъ), схіархимандритъ*. Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденія. СПб., 1876; *Дмитріевскій А.* Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 143.

въ монастырь, чтобы тамъ плакать до конца жизни о тяжелыхъ моихъ грѣхахъ». Для исполненія этого замысла «препятствіемъ» была его жена, которая теперь ни на шагъ не отходила отъ него. Такъ онъ прожилъ еще четыре года. Жена его заболѣла: ее стали мучить боли въ ногахъ. Тогда она позвала его и сказала ему: «Вотъ вылѣчи мои ноги, тогда я и одного дня не буду держать тебя, отпущу съ Богомъ въ монастырь».

Услышавъ это, Василиій залился горькими слезами и обратился съ горячей молитвой къ Заступницѣ всѣхъ христіанъ, Пресвятой Богородицѣ. Онъ умолялъ Ее исцѣлить его жену. «Если, Владычица, — говорилъ онъ въ молитвѣ, — Господу и Тебѣ угодно мое намѣреніе удалиться отъ міра и уйти въ монастырь, то прошу Тебя, утверди мою вѣру и надежду, Госпоже моя, исцѣленіемъ болящей жены моей». Случилось чудо: его жена полностью исцѣлилась и отпустила его въ монастырь.

Въ 1866 году Василиій прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Черезъ три года онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Васой. Послушаніе проходилъ вначалѣ на кухнѣ, а впослѣдствіи на подворьѣ Константинополя, гдѣ съ 1876 года, послѣ пострига въ схиму съ именемъ Паисій, былъ настоятелемъ и оказалъ немало услугъ монастырю.

Болѣе двадцати лѣтъ отецъ Паисій занималъ должность настоятеля подворья. Полуграмотный, но обладающій отъ природы незауряднымъ умомъ, завидной силой воли и настойчивымъ характеромъ, отецъ Паисій былъ весьма энергичнымъ и неустаннымъ работникомъ своей обители. Руководимое имъ подворье являлось образцомъ для другихъ русскихъ подворій, Андреевскаго и Ильинскаго, и всегда привлекало большое число русскихъ поклонниковъ.

Для нихъ отецъ Паисій всегда былъ хорошимъ рассказчикомъ, проповѣдникомъ, прозорливцемъ, оказывалъ огромное вліяніе на паломниковъ не только этими своими талантами, но и постояннымъ обличеніемъ ихъ въ грѣхахъ и мірскихъ увлеченіяхъ. Имя его было весьма популярно среди паломниковъ, которые подъ вліяніемъ его рассказовъ объ Аѳонѣ нерѣдко измѣняли направленіе своего паломническаго путешествія и ѣхали на Аѳонъ вопреки своимъ намѣреніямъ, лишь бы провѣрить подлинность рассказовъ отца Паисія. И только поэтому отцу Паисію удалось привлечь въ свою обитель многихъ благодѣтелей.

Благодаря общительному характеру его радушно принимали въ русскомъ посольствѣ Константинополя. Надо отмѣтить, что тамъ нерѣдко у отца Паисія по особенно важнымъ дѣламъ испрашивали совѣта. А потому не удивительно, что отецъ Паисій всегда находилъ для себя самую сильную поддержку у своихъ знаменитыхъ старцевъ, отца Иеронима и игумена Макарія, которые сердечно его любили, съ которыми онъ велъ постоянную переписку<sup>150</sup> и безъ совѣта съ ними ничего не дѣлалъ.

---

<sup>150</sup> АРПМА. Док.: № 751, 901.

Отець Паисій сыгралъ огромную роль въ процессѣ греко-русскихъ споровъ, привлекая вниманіе къ этой проблемѣ многихъ важныхъ персонъ. Отець Іоасафъ (Донсковъ) въ своемъ письмѣ къ отцу Макарію писалъ слѣдующее: «Скажу Вамъ, батюшка Макарій, нѣсколько словъ объ отцѣ Паисіи. Здѣсь, въ Константинополь, онъ уважаемъ всѣми, какъ высокопоставленными лицами, такъ и нищими. Пріѣзжающіе и приходящіе сюда первымъ долгомъ спрашиваютъ отца Паисія, при свиданіи съ нимъ просятъ его благословенія. Конечно, онъ не благословляетъ, а они руки ему все равно цѣлуютъ... Вначалѣ кидаются въ ноги, а потомъ цѣлуютъ руки и грѣхи свои ему исповѣдуютъ. А ко мнѣ на исповѣдь приходятъ послѣ. Я такъ полагаю, батюшка, что для пользы святой обители отца Паисія слѣдуетъ рукоположить въ іеромонаха. Пусть онъ занимался бы одной исповѣдью. Этимъ онъ не уступилъ бы отцу Іонѣ Кіевскому. Поэтому осмѣливаюсь Васъ, батюшка, просить рукоположить отца Паисія. Въ этомъ Вы не будете раскаиваться»<sup>151</sup>.

Навѣрное, отецъ Макарій принялъ бы совѣтъ отца Іоасафа и рукоположилъ бы отца Паисія, но здѣсь въ дѣло вмѣшался врагъ всего добраго, а отцу Паисію пришлось пережить еще одно серьезное искушеніе.

Еще въ 1866 году, на пути къ Аѳону, въ сонномъ видѣніи ему явился бѣсъ и сказалъ: «Хотя ты и будешь на Аѳонѣ, но я и тамъ тебѣ не дамъ покоя». Къ сожалѣнію, такъ и случилось. Этотъ весьма полезный обители аѳонскій инокъ не чуждъ былъ стремленія къ проповѣди и миссіонерству. Это стремленіе и привело его къ искушенію.

На монаховъ Богомъ ниспослана особая благодать. Конечно, мы являемся объектомъ особой защиты и покровительства Божіей Матери. Но это безусловно такъ при одномъ непремѣнномъ условіи: если мы сохраняемъ нашу первоначальную ревность къ монашескимъ подвигамъ и не даемъ погаснуть огню любви въ нашихъ сердцахъ. Въ противномъ случаѣ мы теряемъ данную намъ благодать и наше монашеское дѣланіе превращается въ обычную, рутинную жизнь. Мы расслабляемся. Чтобы самооправдаться и создать впечатлѣніе дѣятельности, ввергаемъ себя въ пучину надуманныхъ суетныхъ попеченій, вмѣсто благодати ищемъ человѣческой славы. Именно въ этомъ состояніи врагу рода человѣческаго легче всего ввести насъ въ заблужденіе. Онъ исподволь внѣдряетъ въ насъ самомнѣніе, что мы уже достаточно покаялись, что намъ больше не нужно исповѣданіе помысловъ, что мы всегда готовы руководить и поучать другихъ людей. Въ концѣ концовъ мы вѣримъ такимъ помысламъ и ставимъ себя даже выше своего духовника. Наша исповѣдь изъ наивнаго дѣтскаго лепета передъ духовнымъ отцомъ превращается въ «серьезныя разсужденія зрѣлаго мужа» или вообще въ молчаніе. Послѣ этого мы полностью оказываемся во власти нашего врага, пока вновь по милости Божіей не осознаемъ своей ошибки и вновь не приступаемъ къ покаянію.

<sup>151</sup> АРПМА. Док. № 796. С. 21.

Увлеченный обѣщаніями почестей и архимандритскаго сана со стороны вольнаго казака Н. И. Ашинова, который въ то время проживалъ въ Константинополь, отецъ Паисій наклонѣ лѣтъ своихъ забылъ о своихъ прежнихъ намѣреніяхъ до конца своей жизни оплакивать свои грѣхи въ монастырѣ и оставилъ Константинополь и русскій Аѳонскій монастырь. Послѣ рукоположенія въ санъ архимандрита въ санктъ-петербургской Александро-Невской Лаврѣ онъ рискнулъ связать свою судьбу съ судьбой вышеупомянутаго авантюриста и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Абиссинію устраивать тамъ миссію, ставъ тамъ ея настоятелемъ. Все это завершилось полнымъ проваломъ. Абиссинія тогда находилась подъ протекторатомъ французовъ, а имъ очень не понравилась активность русскихъ казаковъ и миссіонеровъ. Они разгромили миссію, а отцу Паисію съ сотрудниками пришлось вернуться обратно въ Россію<sup>152</sup>.

Когда монахъ по своей волѣ уходитъ изъ монастыря, то нарушаетъ обѣтъ, данный имъ передъ Богомъ, не оставляя обители до конца своей жизни. Своимъ бѣгствомъ онъ наноситъ огромный уронъ самому себѣ, а кромѣ того, причиняетъ страшную боль своему духовному отцу. Мы можемъ себѣ представить боль матери, отъ которой уходятъ ея дѣти, или горе отца, у котораго умираетъ ребенокъ, но мало кто можетъ знать, какъ велика боль духовнаго отца, отъ котораго уходитъ его духовное чадо. Эта боль несравненно тяжелѣе, чѣмъ всѣ другія, потому что она сопряжена съ глубокимъ вѣдѣніемъ происшедшаго. Только духовный отецъ знаетъ истинную причину паденія чада — побѣду дьявола надъ нимъ. Только духовный отецъ знаетъ всѣ послѣдствія произошедшаго для своего чада. Только онъ знаетъ, какъ трудно и долго надо будетъ чаду бороться, чтобы вырваться изъ когтей искушителя.

Монахъ уходитъ, обрываетъ всѣ нити, соединяющія его съ духовникомъ, а духовникъ, зная истинную суть происходящаго, до конца жизни остается съ прельщеннымъ чадомъ, непрестанно молясь за него. Сколько бессонныхъ ночей, сколько горькихъ слезъ, сколько земныхъ поклоновъ духовника понадобится для того, чтобы Господь вернулъ на путь истины оступившееся чадо? Одинъ Богъ знаетъ! Иногда и всей жизни ему недостаточно, чтобы вымолить свое чадо. Поэтому боль духовника, знавшаго все, всю суть произошедшаго, несравненно тяжелѣе, чѣмъ даже самая сильная боль родной матери или роднаго отца.

Послѣдніе годы своей жизни отецъ Паисій провелъ вначалѣ въ Саровской пустыни, а потомъ въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. Здѣсь въ теченіе 10-ти лѣтъ ему представилась возможность въ уединеніи и смиреніи продолжить начатое на Аѳонѣ покаяніе и со многими слезами оплакивать свои грѣхи и ошибки.

Преставился отецъ Паисій въ 1907 году.

---

<sup>152</sup> Николаева Л. Абиссинская миссія архимандрита Паисія и Н. И. Ашинова. Одесса, 1889.

## Схигуменъ Парѳеній (Заблоцкій)

Схигуменъ Парѳеній (въ міру Петръ Александровичъ Заблоцкій) родился въ Полтавской губерніи, былъ сыномъ священника<sup>153</sup>. По окончаніи семинарскаго курса онъ не пожелалъ вступить въ бракъ и принимать священство.

Въ 1860 году Петръ пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ исполнялъ послушаніе писца и пѣвца, такъ какъ обладалъ хорошимъ голосомъ и зналъ нотную грамоту. Вскорѣ онъ серьезно заболѣлъ, и старцы постригли его въ схиму съ именемъ Парѳеній. Однако послѣ постриженія онъ полностью выздоровѣлъ.

Такъ какъ отецъ Парѳеній былъ отмѣннымъ пѣвчимъ, то старцы послали его въ Константинополь, чтобы онъ находился тамъ при посольской церкви. Тогда монастырь только еще возстанавливался, а потому всѣми способами искалъ поддержки у російскихъ официальныхъ лицъ и отправлялъ на послушаніе въ посольскую церковь лучшихъ монаховъ.

Въ 1870 году онъ вернулся въ обитель, и старцы благословили его въ монастырскій метохъ Крумица, который только возрождался и еще не былъ сильно заселенъ. Тамъ онъ жилъ въ пустынной каливкѣ.

Отецъ Парѳеній собиралъ и записывалъ всѣ чудесныя событія, которыя происходили на Аѳонѣ въ прошломъ и настоящемъ времени<sup>154</sup>. Поводомъ къ этому дѣланію послужило чудесное видѣніе ему въ 1863 году Божіей Матери во время праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, которое онъ описалъ слѣдующимъ образомъ: «Началось бдѣніе... Съ самаго начала я почувствовалъ какую-то во всемъ моемъ существѣ легкость, духовную радость. Впрочемъ, это продолжалось не все время въ одинаковой степени. Начали пѣть хвалитныя псалмы, величаніе Владычицъ и... опять меня охватило чувство неизреченной радости, которая и ранѣе уже была со мной. Послѣ этого опять оскудѣніе, какая-то разсѣянность. Начали акаѳистъ... смотрю: на воздухѣ Царица Небесная, Матерь Божья! Въ простомъ Своемъ одѣяніи Она выглядѣла именно такъ, какъ изображаютъ Ее у насъ на иконахъ Покрова. Стоитъ лицомъ къ намъ, держитъ на рукахъ Своихъ омофоръ вроде длиннаго полотенца необыкновенной бѣлизны. Омофоръ этотъ былъ необыкновенно тонкимъ, какимъ-то необъяснимо прозрачнымъ. Длинное полотнище его сгибалось посрединѣ такъ, что на немъ можно было разглядѣть золотые кресты.

---

<sup>153</sup> АРПМА. Док. № 4063. С. 1.

<sup>154</sup> АРПМА. Док. № 493.

На хвалитѣхъ я усомнился въ дѣйствительности видѣнія, тѣмъ болѣе что на 9-й пѣснѣ канона оно уже не повторилось. И что же? Хоть и не такъ ясно, какъ въ первый разъ, но я вновь увидѣлъ Пресвятую тамъ же, гдѣ и раньше.

Тутъ я ощутилъ сильное дѣйствіе Божіей благодати. По всѣму моему существу быстрымъ потокомъ разливалась какая-то непостижимая сила. Я какъ бы обновлялся. Слабость ушла. Я почувствовалъ приливъ силъ, сдѣлался крѣпокъ, бодрѣ. Мнѣ стало какъ никогда легко и свободно, и я съ особеннымъ удовольствіемъ и радостью сталъ пѣть службу дальше. Съ большой охотой я остался еще и на водосвятіе, потому что дѣйствительно почувствовалъ необыкновенную бодрость.

Приливы этой бодрости повторялись со мною до самаго вечера. При одномъ воспоминаніи увидѣннаго пріятная радость разливалась по мнѣ, наполняя мое сердце. Вполнѣ состоянія своего изобразить я не въ силахъ... При этомъ меня постоянно не покидало осознаніе всего своего недостойнства, своей немощи... Я никакъ не могъ по своимъ грѣхамъ сподобиться такой милости, изливаемой на меня Владычицей Божьей. Радуйся, Радосте наша, покрывающая насъ честнымъ Своимъ омофоромъ»<sup>155</sup>.

Въ 1876 году старцами монастыря отецъ Парѣеній былъ посланъ на Новый Аѳонъ въ качествѣ законоучителя школы, которая открылась при Ново-Аѳонскомъ Симоно-Кананитскомъ монастырѣ. Но черезъ годъ по случаю начала Русско-турецкой войны 1877–1878 годовъ онъ былъ вынужденъ отправиться на свою родину. Тамъ его рукоположили вначалѣ въ іеродіакона, а затѣмъ въ іеромонаха и назначили настоятелемъ Макарьевского монастыря города Переяслава съ возведеніемъ въ санъ игумена.

Вмѣстѣ съ управленіемъ монастыремъ на отца Парѣенія была возложена обязанность благочиннаго всѣхъ монастырей Полтавской епархіи. Въ Полтавской епархіи онъ велъ также активную просвѣтительскую дѣятельность. Въ архивѣ Руссика сохранилось нѣсколько его проповѣдей, произнесенныхъ имъ во время церковныхъ праздниковъ<sup>156</sup>.

За время своего пребывания въ Россіи отецъ Парѣеній не прекращалъ общенія со своимъ духовнымъ отцомъ игуменомъ Макаріемъ, въ письмѣ которому отъ 30 декабря 1882 года мы слышимъ вопль его души: «Я радъ былъ бы убѣжать на Святую Гору Аѳонскую, но архіерей меня не пускаетъ, несмотря на мои прошенія, личныя и письменныя»<sup>157</sup>. Онъ интенсивно переписывался также и съ другими насельниками<sup>158</sup>, особенно часто писалъ письма бібліотекарю монастыря отцу Матѳію (Ольшанскому)<sup>159</sup>.

---

<sup>155</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 144.

<sup>156</sup> АРПМА. Док. № 493.

<sup>157</sup> Тамъ же.

<sup>158</sup> АРПМА. Док.: № 1409, 1493, 1700, 1703.

<sup>159</sup> АРПМА. Док. № 1493.

Въ 1883 году отецъ Пароеній все-таки получаетъ разрѣшеніе Священнаго Синода и, ни дня не медля, выѣзжаетъ на Аѳонъ. Послѣ того какъ онъ вернулся на Святую Гору, то вначалѣ поселился на Капсалѣ. Вскорѣ, однако, онъ возвращается въ Русскіе. И старцы отправляютъ его тогда на послушаніе въ Трехсвятительскую\* келлію обители, которая находилась въ пяти верстахъ къ сѣверо-западу отъ монастыря. Тамъ онъ прожилъ въ полномъ затворѣ двѣнадцать лѣтъ до самой своей блаженной кончины. Богъ удостоилъ его многихъ чудесныхъ видѣній.



Вернувшись на Аѳонъ, онъ все такъ же продолжалъ свое прежнее занятіе — собраніе разныхъ чудесныхъ событій, которыя усердно записывалъ, чѣмъ оказалъ большую услугу обители. Кроме этого, онъ постоянно собиралъ интересные факты изъ жизни современныхъ ему насельниковъ обители, жизнеописанія многихъ изъ которыхъ были написаны имъ же и впослѣдствіи вошли въ составъ изданныхъ книгъ объ аѳонскихъ подвижникахъ благочестія. Также они вошли и въ наше изданіе.

Преставился отецъ Пароеній 13 мая 1894 года.

## Схимонахъ Серафимъ (Калмыковъ)

Схимонахъ Серафимъ (въ міру Сергѣй Павловичъ Калмыковъ) родился въ 1809 году въ Лебедянскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. О деталяхъ его жизни до поступленія въ монастырь ничего не извѣстно, но по его письмамъ можно увѣренно сказать, что онъ получилъ хорошее образованіе.

Отецъ Серафимъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь въ 1869 году. Тогда ему было уже 60 лѣтъ. Но, несмотря на это, своей набожностью и кротостью онъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе старцевъ обители. Черезъ годъ его постригли въ рясофоръ съ именемъ Серафимъ и довѣрили одно изъ самыхъ трудныхъ послушаній — ѣхать въ Россію для сбора пожертвованій.

Видимо, такое рѣшеніе было связано съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ обществѣ еще до поступленія въ монастырь. Это наше предположеніе подтверждаетъ и то, съ какой относительной легкостью онъ смогъ привлечь многихъ набожныхъ людей къ проблемамъ Руссика и вскорѣ собрать вспомошествованіе обители.

Вотъ что онъ пишетъ о своихъ успѣхахъ въ этомъ дѣлѣ отцу Макарію: «Наши благодѣтели нисколько не оставляютъ насъ своими пожертвованіями, но такъ же, если не лучше, принимаютъ меня»<sup>160</sup>.

Уже въ 1870 году его усердіемъ была построена на Крумицѣ келлія съ церковью преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ\*. Построеніе церкви ознаменовано было нѣсколькими чудесными откровеніями и указаніями.

Въ 1868 году Аѳонъ посѣтилъ преосвященный Александръ, епископъ Полтавскій. При посѣщеніи пчелиной пасѣки, которая располагалась на мѣстѣ теперешней церкви, владыка сказалъ: «На этомъ мѣстѣ нужно выстроить церковь Соловецкихъ чудотворцевъ». Но ему отвѣтили, что на это нѣтъ средствъ.

Прошло всего два года. Однажды въ разговорѣ между іеросхимонахами Анатолиемъ (Дурневымъ)<sup>161</sup> и отцомъ Серафимомъ зашла рѣчь о томъ, почему до сихъ поръ не исполнили пожеланіе владыки. Еще черезъ нѣсколько дней отецъ Серафимъ въ тонкомъ снѣ увидѣлъ подошедшихъ къ нему двухъ благообразныхъ старцевъ, которые сѣли по обѣ стороны подлѣ него. Отецъ Серафимъ спросилъ:

— Что вы за монахи?

Они отвѣтили:

— Зосима и Савватій Соловецкіе.

— Зачѣмъ вы возлѣ меня сѣли? — спросилъ отецъ Серафимъ.

— Хотимъ показать тебѣ мѣсто, гдѣ долженъ быть престоль нашего храма, — отвѣтили они и тутъ же повели его къ полѣнницѣ кипарисныхъ дровъ, гдѣ стали размѣчать мѣсто подъ церковь сначала по одной сторонѣ, потомъ по другой, указывая рукой и говоря:

— Тутъ долженъ быть нашъ престоль.

Затѣмъ они стали невидимы, и отецъ Серафимъ проснулся.

Послѣ этого отецъ Серафимъ сталъ заботиться о постройкѣ храма, для чего нашель благодѣтелей. Черезъ два года храмъ былъ освящен<sup>162</sup>.

Въ 1879 году отца Серафима постригли въ мантию и благословили жить на Крумицѣ, въ построенной имъ Зосимовской келліи. Здѣсь съ нимъ подвизался еще одинъ монахъ, который при уходѣ изъ міра въ монастырь встрѣтилъ большія препятствія со стороны своихъ родителей. Тѣ никакъ не хотѣли его отпустить. Тогда онъ началъ просить помощи, сталъ усердно молиться и ежедневно служить молебень Казанской иконѣ Божіей Матери, послѣ чего родители наконецъ отпустили его, благословивъ ѣхать на Аѳонъ.

---

<sup>160</sup> АРПМА. Док. № 3692. С. 2.

<sup>161</sup> Схіеромонахъ Анатолій (въ міру Александръ Дмитріевичъ Дурневъ) изъ купеческаго сословія города Старый Осколь Курской губерніи. Родился въ 1829 году. Принятъ въ Русскихъ въ мартѣ 1852 года, постриженъ въ мантию въ 1855 году, въ схиму — по случаю болѣзни. Послушаніе проходилъ на Крумицѣ, въ обители на пекарнѣ. Рукоположенъ въ іеродіакона 8 сентября 1857 года, въ іеромонаха — 21 ноября 1857 года. Преставился 9 марта 1888 года.

<sup>162</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 110.

Онъ тогда же далъ обѣщаніе, что если будетъ жить на Аѳонѣ, то построитъ тамъ пусть самый маленькій, но храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери. И вотъ прошло уже съ тѣхъ поръ болѣе 20-ти лѣтъ, а онъ не исполнилъ своего обѣщанія.

Однажды отецъ Серафимъ сталъ спрашивать его:

— Когда же вы исполните свое обѣщаніе построить храмъ Божіей Матери Казанской?

Монахъ отвѣчалъ:

— Я уже хочу оставить эту мысль навсегда.

Тогда отецъ Серафимъ сказалъ ему:

— Какъ же хочешь бросить это дѣло, оставить Божию Матерь? Вѣдь за это придется отвѣтить въ будущемъ.

Монахъ спросилъ тогда его:

— Что же будемъ дѣлать?

— А вотъ что, — отвѣчалъ отецъ Серафимъ. — Давай напишемъ двѣ бумаги. Одна бумага будетъ пустой, а другая — со словами «строить храмъ».

Такъ и сдѣлали. Отецъ Серафимъ пошелъ въ церковь и передъ мѣстной иконой Казанской Божіей Матери, положивъ три поклона со словами: «Царица Небесная, твори что хочешь», — оставилъ бумаги. Вынули жребій разъ, другой и третій разъ, и всегда имъ въ руки попадала бумага со словами «строить».

Въ ту же ночь отецъ Серафимъ во снѣ увидѣлъ, будто отъ церкви Зосимы и Савватія и отъ находящейся въ этой церкви иконы Казанской Божіей Матери исходитъ необыкновенный свѣтъ. Онъ направился туда, зашелъ въ храмъ, поклонился передъ иконой до земли, а Царица Небесная отъ иконы подала ему для лобзанія руку со словами:

— Приди въ домъ ко Мнѣ.

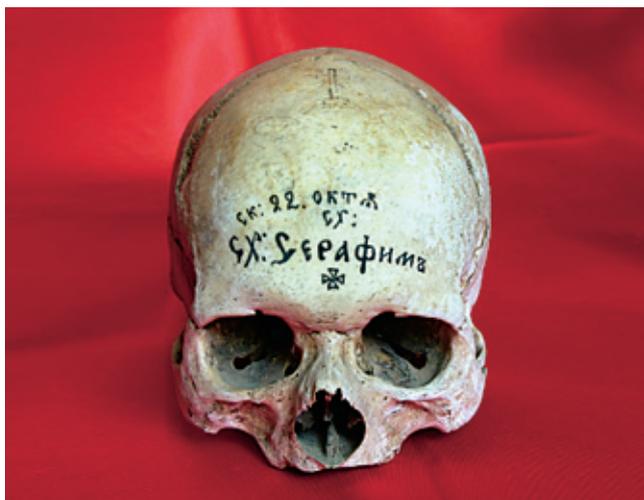
Отецъ Серафимъ отвѣчалъ Ей:

— Матерь Божія, я не знаю, гдѣ Твой домъ.

Она говоритъ:

— Найдешь.

И въ это самое время является ему и святой Иоаннъ Богословъ. Отецъ Серафимъ попросилъ его объяснить, чего хотѣла Матерь Божія, приглашая его въ Свой домъ, вѣдь онъ не знаетъ, куда идти. Святой апостоль отвѣчалъ ему: «Ты не знаешь, а я знаю. Пойдемъ со мной...» — въ это время онъ проснулся<sup>163</sup>.



<sup>163</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 111.

Послѣ этого отецъ Серафимъ началъ усердно хлопотать о возведеніи храма въ честь Казанской иконы Божіей Матери\*. Онъ смогъ привлечь къ этому святому дѣлу благотворителей и самъ физически очень много работалъ на его строительствѣ. Съ Божіей помощью ему удалось довести начатое дѣло до конца. Въ 1882 году храмъ былъ освященъ. Именно въ этомъ храмѣ 2 апрѣля 1897 года онъ былъ постриженъ въ схиму.

Послѣ этого отецъ Серафимъ прожилъ еще четыре года и, преданно послуживъ обители въ теченіе 30-ти лѣтъ, съ миромъ предалъ душу свою горячо имъ любимому Господу. Случилось это 22 октября 1900 года, въ воскресенье, въ день празднованія Казанской Иконы Божіей Матери. Господь сподобилъ его умереть именно въ тотъ самый день, когда празднуется память Казанской иконы Божіей Матери, на постройкѣ храма въ честь которой онъ такъ много потрудился.

## Схіархимандритъ Андрей (Верекинъ)

Схіархимандритъ Андрей (Верекинъ) на поприщѣ игуменскаго служенія былъ преемникомъ схіархимандрита Макарія. Отецъ Іеронимъ, провидѣвшій своимъ пророческимъ взглядомъ далеко впередъ, не только позаботился о своемъ восприемникѣ, но и приложилъ всѣ силы, чтобы въ будущемъ, послѣ схіархимандрита Макарія, игуменскій постъ переходилъ въ надежныя руки.

Схіархимандритъ Андрей<sup>164</sup> (въ міру Алексѣй Ивановичъ Верекинъ) родился въ 1834 году въ Старобѣльскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Родители его были православными христіанами изъ государственныхъ крестьянъ. Отецъ Іоаннъ Корниловичъ былъ кузнецомъ и 25 лѣтъ безпорочно отслужилъ на государственной службѣ, скончавшись около 70 лѣтъ отъ роду. А родительница Акулина Ефимовна скончалась 97 лѣтъ отъ рожденія.

Первоначальной грамотѣ мальчика съ малолѣтства обучалъ родной отецъ, который не только былъ грамотенъ, но и имѣлъ усердіе къ чтенію Священнаго Писанія и церковному пѣнію. Съ 7 лѣтъ Алексѣй обучался въ казенномъ училищѣ. А въ 14 лѣтъ, въ 1846 году, его взяли отъ родителей и послали въ Боровскій уѣздъ Воронежской губерніи, на Хреновскій государственный конный заводъ. Здѣсь, въ госпиталѣ, Алексѣй

---

<sup>164</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Душеполезный собесѣдникъ за 1903 годъ. М., 1903. С. 365; Душеполезный собесѣдникъ за 1904 годъ. М., 1904. С. 241; Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 355.



обучался фельдшерскому искусству и ухаживал за больными. Когда учеба была закончена, то молодой фельдшеръ въ 1851 году былъ посланъ въ Усманскую волость Воронежскаго округа, гдѣ состоялъ на службѣ до 1860 года.

Такъ какъ село Усманъ находилось недалеко отъ города (всего въ 15-ти верстахъ), то по служебнымъ дѣламъ Алексѣю приходилось бывать въ Воронежѣ. Здѣсь онъ часто молился на богослуженіяхъ въ монастырѣ святителя и чудотворца Митрофана и сподоблялся прикладываться къ его святымъ мощамъ.

Въ то время ему было около 30-ти лѣтъ отъ рожденія, и онъ, какъ любой обычный человѣкъ, проводилъ свою жизнь въ борьбѣ съ грѣховными страстями. Его бороли разные помыслы, а особенно плотскіе. Одни внушали вступить въ законный бракъ, а другіе — возбуждали страхъ къ мірской семейной жизни. Такъ, долгое время онъ пребывалъ въ немаломъ затрудненіи, не зная, въ какую вступить жизнь — въ брачную или безбрачную.

Наконецъ Промысломъ Божиимъ Алексѣй познакомился съ благочестивыми людьми господами Шагановыми, которые жили въ собственномъ домѣ около Покровскаго женскаго монастыря Воронежа. Въ бесѣдахъ они неоднократно спрашивали его, какую жизнь онъ думаетъ проводить. Если хочетъ вступить въ бракъ, то обѣщали найти невѣсту, а если онъ желаетъ жизни безбрачной, то совѣтовали проводить ее въ воздержаніи и благочестіи. Онъ отвѣчалъ имъ, что ему болѣе подошла бы жизнь безбрачная. Тогда они порекомендовали ему поступить въ монастырь. Посовѣтовали также, чтобы узнать волю Божию, бросить жребій. Такъ и поступили. Помолившись Богу, написали двѣ записки... Выпалъ жребій проводить жизнь безбрачную и вступить въ монастырь. Между прочимъ, господинъ Шагановъ сказалъ ему (какъ пророчествовалъ), что ему придется жить на Святой Горѣ Аѳонъ.

Итакъ, Алексѣй, поблагодаривъ своихъ доброжелателей, съ тѣхъ поръ сталъ думать, какъ бы поскорѣе ему сподобиться вступить въ монастырь. Къ тому времени онъ уже прослужилъ 12 лѣтъ. Чтобы выйти въ отставку, оставалось служить еще 8 лѣтъ. Тогда онъ попросилъ начальство перевести его въ свою Харьковскую губернію, поближе къ родителямъ. Начальники, что удивительно, немедленно перевели его въ Евсугскую волость Старобѣльскаго уѣзда, что въ 20-ти верстахъ отъ его родины.

Здѣсь, на родинѣ, съ Алексѣемъ произошло еще одно чрезвычайное происшествіе, которое окончательно подтолкнуло его къ монашеской жизни. Человѣколюбивый Господь непрерывно призываетъ насъ къ Себѣ и постоянно стучится въ двери нашего сердца, но мы, къ сожалѣнію утонувшіе въ каждодневныхъ мірскихъ заботахъ, подчасъ не слышимъ этого призыва. Тогда милостивый Богъ, который жаждетъ нашего спасенія, посылаетъ намъ различныя испытанія, чтобы черезъ страданія повернуть насъ къ истинѣ и принудить насъ къ покаянію. Но даже тогда, при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, до насъ рѣдко доходитъ настоящей смыслъ, причина попущенія этихъ

испытаній. Чаще происходитъ совсѣмъ все наоборотъ, мы не понимаемъ, за что намъ поущено испытаніе, и ропщемъ на Бога.

Неоднократно за его молодую жизнь Господь попускалъ Алексѣю утопать въ рѣкахъ и озерѣ безъ всякой надежды на спасеніе. Выбираясь изъ этихъ критическихъ ситуацій, онъ по-прежнему не слышалъ призыва Божія. Но теперь, когда зимой поущеніемъ Божьимъ онъ нечаянно упалъ съ воза и сильно, почти до смерти, расшибся, то Господь внушилъ ему мысль призвать на помощь святителя Николая. И не успѣлъ онъ окончить молитву святителю, какъ почувствовалъ, что спасенъ отъ смерти и отдѣлался только сильнымъ ушибомъ. Наконецъ онъ понялъ, что означаетъ для него это очередное знаменіе, и далъ обѣтъ передъ Богомъ: если Господь дастъ ему выздоровѣть, то пойдетъ въ монастырь. Это случилось въ 1860 году. А уже въ 1863 году Господь помогъ ему исполнить свой обѣтъ.

Начальство въ 1861 году по случаю болѣзни увольняетъ его со службы. Послѣ чего немедленно онъ проситъ родителей дать ему благословеніе пойти на Святую Гору Аѳонъ.

Отъ паломниковъ, бывшихъ на Аѳонѣ, онъ слышалъ, что тамъ много монастырей и службы необыкновенныя, продолжаются всю ночь, съ вечера до утра... Родители не стали его удерживать, дали благословеніе. При родителяхъ остался младшій братъ Алексѣя Андрей, который также согласился съ тѣмъ, что братъ его уйдетъ въ монастырь.

По пути на Аѳонъ онъ заѣхалъ въ Кіевъ, побывалъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ. Здѣсь Промысломъ Божьимъ встрѣтилъ богомольца Сергія изъ Тамбовской губерніи. Вмѣстѣ съ этимъ рабомъ Божьимъ (въ будущемъ насельникомъ Руссика въ схимѣ Серафимомъ (Калмыковымъ) Алексѣй, оставивъ всѣ послѣднія сомнѣнія, отправился въ путь.

Въ Одессѣ, получивъ заграничныя паспорта, путники, положившись на волю Божию и на молитвы Царицы Небесной, сѣли на пароходъ. Итакъ, съ помощью Божіей 3 сентября 1863 года они благополучно прибыли на Аѳонъ.

Здѣсь Алексѣй немедленно сталъ проситься принять его въ число братіи. По ходатайству русскихъ старцевъ, іеросхимонаховъ отца Іеронима и отца Макарія, игумень Герасимъ изволилъ принять его. Когда его одѣли въ монашескую одежду, то новый послушникъ подробно разсказалъ отцу Макарію всю свою жизнь. Разсказалъ и о томъ, какъ въ Кіевѣ отецъ Іона направлялъ его въ Софроніеву, или Глинскую, пустынь, не давая благословенія идти на Аѳонъ. Какъ вся эта непредвидѣнно возникшая ситуація очень смущала его. Разсказалъ, какъ товарищъ его посоветовалъ обратиться къ другому духовнику, печерскому старцу Вассіану, за советомъ, и тѣмъ самымъ было преодолено послѣднее препятствіе на пути къ Аѳону. На все это отецъ Макарій сказалъ ему, какъ бы поставивъ окончательную точку во всѣхъ искушеніяхъ Алексѣя: «Тебя привелъ сюда Промыселъ Божій, молитвами Божіей Матери».

Только тогда Алексѣй успокоился и по назначенію старцевъ проходилъ послушаніе въ монастырѣ. Черезъ восемь мѣсяцевъ по ихъ же благословенію онъ былъ посланъ на Крумицу, гдѣ были разведены монастырскіе виноградники и масличныя сады. Тамъ онъ проходилъ послушаніе около 10-ти лѣтъ, былъ постриженъ и въ мантию съ именемъ Андрея, а еще черезъ пять лѣтъ, 27 іюля 1868 года, по волѣ старцевъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона.

Рукополагаль его русскій епископъ Александръ, бывшій на Аѳонѣ проѣздомъ изъ Іерусалима. Въ то время въ монастырѣ былъ устроенъ и готовъ къ освященію храмъ во имя святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Старцы просили епископа Александра освятить этотъ храмъ и при этомъ рукоположить въ іеромонаха отца Андрея, что и свершилось 28 іюля 1868 года.

Въ 1873 году старцы послали его на послушаніе въ Москву. Тамъ іеромонахомъ Арсе-ніемъ (Мининымъ) на Никольской улицѣ, при Богоявленскомъ монастырѣ, была начата постройка часовни. Съ нимъ были посланы въ Москву и мощи святаго великомученика Пантелеимона, которые послѣ этого до 1918 года находились въ этой часовнѣ. Отецъ Андрей пробылъ на послушаніи при часовнѣ шесть съ половиной лѣтъ. Затѣмъ по его просьбѣ старцы благословили ему возвратиться на Аѳонъ, куда онъ прибылъ въ 1879 году. Вскорѣ по благословенію старцевъ онъ былъ назначенъ братскимъ духовникомъ, а въ 1889 году былъ избранъ по жребію намѣстникомъ.

Отецъ Макарій глубоко цѣнилъ и уважалъ отца Андрея за его благоговѣйный молитвенный кроткій молчаливый нравъ, за любовь къ богослуженію и хотѣлъ имѣть въ немъ, согласно волѣ отца Іеронима, своего преемника. Однако, желая явить чудо Промысла Божія для тѣхъ, кто мыслить по-мірски, онъ не назначилъ его своимъ непосредственнымъ словомъ или рѣшеніемъ, но благословилъ провести выборы путемъ жребія изъ множества кандидатовъ, которыхъ, однако, избралъ самъ. Среди этихъ кандидатовъ, избранныхъ отцомъ Макаріемъ, были: архимандритъ Іеронъ (Носовъ), отецъ Иларіонъ (Кучинъ), отецъ Павелъ (Дурневъ), отецъ Рафаиль (Трухинъ)<sup>165</sup>, отецъ

---

<sup>165</sup> Схіархимандритъ Рафаиль (въ міру Николай Іоновичъ Трухинъ) — бывшій дворянинъ Вятской губерніи, отставной канцелярскій служитель Ижевскаго оружейнаго завода. Родился въ 1844 году. Прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскіе 10 октября 1867 года, постриженъ въ рясофоръ 25 марта 1868 года, въ мантию — 28 марта 1869 года, въ схиму — 13 августа 1877 года. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи, регентомъ, ризничнымъ, сосудохранителемъ, уставщикомъ, благочиннымъ. Ъздилъ съ важнымъ порученіемъ къ послу Н. П. Игнатъеву и Вселенскому Патріарху Іоакиму II. Въ 1878 году, въ День Святаго Духа, былъ поставленъ духовникомъ. Рукоположенъ въ іеродіакона 23 ноября 1872 года, а въ іеромонаха — 28 сентября 1875 года. Награжденъ набедренникомъ въ 1883 году, палицей съ должностью эпитропа — 29 іюня 1889 года. По приглашенію Священнаго Синода и по благословенію старцевъ обители выѣхалъ въ Россію въ 1890 году и причисленъ къ Саровской пустыни, гдѣ сталъ игуменомъ. Затѣмъ въ 1894–1899 годахъ былъ начальникомъ Духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Послѣ былъ перемѣщенъ настоятелемъ Краснохолмскаго монастыря Тверской епархіи, гдѣ преставился 21 іюня 1901 года.

Наѡанаиль (Кобелевъ), отецъ Михаилъ (Савицкій), отецъ Андрей (Верекинъ) и отецъ Виссаріонъ (Расторгуевъ). Имена ихъ были написаны на бумажкахъ и положены въ ковчегъ изъ-подъ мощей святаго Пантелеимона, который поставили на престолъ Покровскаго соборнаго храма.

На третій день послѣ Литургіи самый старшій насельникъ обители іеросхимонахъ Авель<sup>166</sup> по благословенію отца Макарія вынулъ изъ упомянутаго ковчега одинъ изъ шести билетиковъ. Имя избранника было провозглашено вслухъ для всего братства.

Въ тотъ день отецъ Андрей спокойно молился у престола въ алтарѣ, будучи совершенно увѣренъ: жребій пройдетъ мимо него, самага послѣдняго и никчемнаго среди такихъ выдающихся кандидатовъ.

«Андрей!.. Выбранъ іеромонахъ Андрей!» — слова эти словно громомъ поразили отца Андрея. И онъ, павъ на землю предъ игуменомъ Макаріемъ, со слезами просилъ освободить его отъ сего послушанія. Но великій игумень и не думалъ этого дѣлать, радуясь исполненію воли Божіей и воли покойнаго тогда уже общаго ихъ старца-духовника Іеронима. «Не мы тебя избрали, а Самъ Господь Богъ! Ты не можешь противиться волѣ Божіей», — прозвучали въ отвѣтъ слова игумена, подводя итогъ выборовъ.

Избраніемъ отца Андрея на должность духовника отецъ Іеронимъ еще до своей смерти какъ бы ненавязчиво указывалъ на него отцу Макарію какъ на будущаго его помощника, а затѣмъ и преемника. «Опытъ святыхъ отцовъ, — писалъ отецъ Іеронимъ въ одномъ изъ писемъ, — необходимымъ показываетъ настоятелю имѣть при себѣ вѣрнаго друга, духовнаго совѣтника, безпристрастнаго, разсудительнаго. А гдѣ этого нѣтъ, тамъ и правленіе душами бываетъ бѣдственно»<sup>167</sup>.

И дѣйствительно, великіе старцы не ошиблись въ своемъ выборѣ. Отецъ Андрей былъ ревностнымъ продолжателемъ всѣхъ ихъ начинаній, хранителемъ и приумножателемъ ихъ духовной традиціи.

Именно имъ была учреждена ежегодная двукратная память двухъ старцевъ-строителей, Іеронима и Макарія, въ дни ихъ Ангеловъ и въ дни упокоенія, о чемъ до сего дня напоминаетъ мѣдная доска у жертвенника Покровскаго собора.

Основу духовной жизни онъ видѣлъ, какъ и его великіе предшественники, въ непрекословномъ послушаніи духовному руководителю. Онъ считалъ, что отсѣченіе воли падшаго, ветхаго человѣка — вотъ подвигъ, на который долженъ обратить всѣ свои

<sup>166</sup> Іеросхимонахъ Авель (въ міру Александръ Антоновичъ Щербининъ) — бывший мѣщанинъ изъ города Тулы. Родился въ 1828 году. Роста средняго, волосы имѣлъ черные, а глаза — каріе. Начало монашества полагалъ въ Москвѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, гдѣ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Александръ. Прибылъ на Аѡонъ и поступилъ въ Руссикъ въ 1860 году, постриженъ въ схиму въ 1862 году. Послушанія проходилъ на Троицкой келліи, въ обители портнымъ. Рукоположенъ въ іеродіакона 26 сентября 1862 года, а въ іеромонаха — 1 октября 1862 года. Преставился 9 ноября 1896 года.

<sup>167</sup> Изъ письма игуменіи Максимилѣ отъ 1869 года (Великая стража. С. 186).

силы послушникъ, вотъ добродѣтель, которая привлекаетъ милость Божию и даетъ всѣ дарованія, вотъ трудъ, дѣлатели котораго сподобляются истинной молитвы. А гдѣ нѣтъ сего, тамъ прочее все неосновательно, сомнительно и опасно.

Въ общей сложности архимандритъ Андрей пробылъ игуменомъ монастыря 14 лѣтъ и 4 мѣсяца. Время дѣйствительно немалое, если принять во вниманіе постоянно увеличивающееся число братіи, а соотвѣтственно, ихъ нужды, продолжительность богослуженій, сопряженную со званіемъ игумена должность старшаго духовника. Ежедневная исповѣдь большей части братіи, очень обширная дѣловая переписка съ благодѣтелями и прибывающими на послушаніе при подворьяхъ и метохахъ на Аѳонѣ и внѣ Аѳона, а также постоянный приѣмъ братіи со всякаго рода нуждами и просьбами, а иногда и постороннихъ и бѣдныхъ пустынниковъ — вотъ далеко не весь перечень всѣхъ ежедневныхъ дѣлъ, которыя слѣдовало исполнять игумену монастыря. Кромѣ этого отецъ архимандритъ по примѣру игумена Макарія почти ежедневно совершалъ раннюю Литургію. Правилась она по большей части въ маломъ храмѣ — параклисѣ во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, находящемся около игуменской кельи.

Привыкнувъ большую часть времени находиться въ своей кельѣ, тѣмъ болѣе въ званіи игумена, онъ былъ вынужденъ проводить почти сидячую жизнь. Изрѣдка только на небольшомъ монастырскомъ пароходикѣ онъ посѣщалъ метохъ Крумицу на границѣ Аѳона съ множествомъ на немъ виноградниковъ и масличныхъ деревьевъ, да оттуда и новый скитъ, именуемый пустыней Новая Оиваида, гдѣ на очень большомъ пространствѣ проживало почти 250 человекъ монашествующей братіи и общежительно, и отшельнически, въ отдѣльныхъ каливахъ, т. е. въ малыхъ келліяхъ.

Однажды въ годъ, на праздникъ святаго великомученика Георгія Побѣдоносца (23 апрѣля) и на праздникъ въ честь Божіей Матери, ради скитской чудотворной иконы Ея «Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе» (19 ноября), онъ посѣщалъ болгарскій Зографскій монастырь и Русскій Андреевскій скитъ. Лишь нѣсколько разъ онъ побывалъ въ подвѣдомственномъ монастырю Успенскомъ скиту Ксилургу и въ Ильинскомъ скиту.

Никогда никакихъ прогулокъ за монастырскія ворота онъ не совершалъ не только въ должности игумена, но и въ прежнія времена, что, конечно, могъ бы дѣлать, если бы только хотѣлъ. Онъ зналъ, что монаху не полагается безъ надобности выходить за монастырскіе ворота, и строго соблюдалъ это святоотеческое постановленіе.

Однажды, въ 1882 году, одинъ молодой послушникъ, рассказывая ему, гдѣ онъ ходилъ за монастыремъ, помянувъ при этомъ, что былъ въ гостяхъ у архидіакона Лукіана (Роева). Отецъ Андрей съ улыбкой сказалъ ему тогда: «А я и дороги-то къ нему не знаю», — между тѣмъ какъ разстояніе отъ монастыря до каливы старца Лукіана можно было преодолѣть всего за пятнадцать минутъ.

Если же и случалось отцу игумену ходить пѣшкомъ, то развѣ только по крайней необходимости съ метоха Крумицы въ монастырь и обратно. Но это было нечасто.

Незадолго до своей кончины пришлось ему пройти моремъ на монастырскомъ паровомъ катерѣ до греческаго монастыря Ватопедъ. Дорогой онъ замѣтилъ своимъ спутникамъ: «Тридцать пять лѣтъ прошло съ того времени, когда я былъ здѣсь въ первый разъ, да вотъ теперь вторично».

Послѣ кончины отца Макарія отецъ Андрей съ тѣмъ же воодушевленіемъ благословилъ продолжать книгоиздательство, которое все болѣе и болѣе потомъ расширялось. Когда пребывавшій въ затворѣ въ Вышенской пустыни преосвященный епископъ Ѳеофанъ (†1894 г.) узналъ о благорасположеніи къ этому дѣлу отца Андрея, то весьма одобрительно отнесся къ этому и все свое литературное наслѣдіе благословилъ послѣ своей смерти передать для изданія монастырю.

Статусъ русскаго монастыря какъ общаго для всѣхъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ дома именно при игуменствѣ отца Андрея достигъ своей максимальной высоты. А почетное и высокое званіе игумена всѣхъ русскихъ святогорцевъ, пріобрѣтенное благодаря заслугамъ игумена Макарія, перешло и къ сему его преемнику, не по наслѣдству только, но и по достоинству, какъ истинному и чадолюбивому общему отцу. Единство и сплоченность русскаго Аѳона, неожиданный всплескъ духовнаго развитія вызывали искреннюю радость у разумныхъ и сочувствующихъ всякому доброму дѣлу людей. У кого-то, однако, это вызывало страхъ и опасенія. Врагъ готовилъ новыя искушенія...

Вселенскій Константинопольскій Патріархъ Іоакимъ, послѣ перваго своего патріаршества (1878–1884) прожившій на покоѣ на Аѳонѣ почти двѣнадцать лѣтъ (1889–1901), былъ очень расположенъ къ отцу Андрею. Дѣйствительнымъ доказательствомъ сего служила пожалованная имъ игумену священная панагія съ изображеніемъ на ней распятія Господа нашего Иисуса Христа, съ особой по этому случаю его собственноручной грамотой. Эта панагія съ тѣхъ поръ стала неотъемлемымъ атрибутомъ игуменской интронизаціи Пантелеимонова монастыря.

Удостоился онъ и Высочайшихъ государственныхъ наградъ: Государь Императоръ Николай Александровичъ изволилъ пожаловать ему золотой наперсный крестъ изъ собственнаго кабинета и ордена Святой Анны II степени и святаго Владиміра IV степени; сербскій король Александръ I, лично посѣтившій Аѳонъ и русскую обитель въ мартѣ 1896 года, пожаловалъ ему орденъ Святаго Саввы III степени. Даже турецкій султанъ Абдуль-Гамидъ пожаловалъ ему орденъ Меджидіе II степени со звѣздой.

Характера отецъ Андрей былъ миролюбиваго, снисходительнаго, искренне благожелательнаго, довѣрчиваго, постоянно желалъ сдѣлать все для всѣхъ и cadaго, только бы отпустить съ миромъ, успокоеннымъ, утѣшеннымъ. Для посѣтителей обители онъ всегда былъ неподдѣльно любвеобилень.



При обращеніи къ нему за какими нибудь нуждами онъ одинаково былъ слугой какъ старшему, такъ и младшему и хотѣлъ, чтобы ни у кого ни въ чемъ не было недостатка, и рѣдки были случаи его отказовъ въ необходимомъ. Часто онъ самъ ободрялъ новоначальныхъ и несмѣлыхъ всегда одинаковымъ образомъ, спрашивалъ: «А еще что? А еще что?» И такъ до тѣхъ поръ, пока пришедшій не набиралъ чего надо и чего не особенно надо.

Вотъ какъ писалъ объ игуменѣ Андреѣ отецъ Агаѳодоръ (Будановъ): «...Онъ хозяйственной частью монастыря не занимался, человекъ былъ духовный, „не отъ міра сего“. Былъ простъ какъ дитя и довѣрчивъ. Не зналъ, что такое скупость. Да и во зло какъ бы не вѣрилъ, считалъ всѣхъ земными ангелами. Раздавалъ щедрой рукой направо и налево... И Господь посылалъ и жертву большую, и во всемъ изобиліе. И, несмотря на массу раздачи требующимъ и деньгами, и вещами, ежегодно въ продолженіе его игуменства оставалось по 100 тысячъ рублей. Гостившій въ монастырѣ адмиралъ Скрыдловъ съ изумленіемъ сказалъ о немъ: „Во всю жизнь мою не видѣлъ я такого добраго человека“»<sup>168</sup>.

<sup>168</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 98.

Именно въ игуменство архимандрита Андрея, незадолго до его смерти, обитель сподобилась посѣщенія Божіей Матери.

Щедрость и нищелюбіе отца Андрея не всѣмъ были по душѣ. Особенно отъ этого страдали нѣкоторые братья изъ экономской службы, смущавшіеся добродѣтелью своего старца, называя его раздачу расточительствомъ. Но Матерь Божія посрамила ропотниковъ, утвердила обитель въ сей добродѣтели и утѣшила праведнаго старца-игумена. Случилось это удивительнымъ образомъ. Протать прислалъ обители письмо, въ которомъ запрещалъ раздачу милостыни по воскресеньямъ на Святыхъ вратахъ. Для разсмотрѣнія этого письма былъ созванъ духовный соборъ. Мнѣнія на немъ раздѣлились. Большинство отцовъ считали невозможнымъ оставить милостыню и нарушить тѣмъ самымъ благословеніе отцовъ Іеронима и Макарія. Недовольные же, воспользовавшись письмомъ, просили немедленно прекратить расточительство казны.

Выслушавъ всѣхъ, отецъ Андрей сказалъ, что поскольку Матерь Божія здѣсь Игуменія, постольку нужно Ей и помолиться, чтобы Она Сама все устроила, какъ Ей угодно. А раздачу милостыни въ воскресеньѣ отецъ Андрей, невзирая на запрещеніе, ради бѣдныхъ сиромановъ, ничего не знающихъ объ этомъ обстоятельстве, велѣлъ все-таки провести.

Въ воскресный день, во время раздачу милостыни, схимонахомъ Гавріиломъ была сдѣлана фотографія. Дивное дѣло! Когда она была проявлена, всѣ увидѣли смиренный образъ Божіей Матери, пріемлющей изъ рукъ отца Алипія Свой чурекъ (хлѣбъ). Послѣ очевиднаго чуда отецъ игуменъ посчиталъ вопросъ исчерпаннымъ. Милостыня не была отмѣнена. Раздача ея продолжалась даже въ самыя трудныя для обители времена и была засвидѣтельствована новымъ чудомъ.

Послѣ начала Первой міровой войны и разрыва связей съ Отечествомъ аѳонскія русскія обители, да и греческіе, впали въ крайнюю нужду. Особенно не хватало продовольствія. Монахи страшно бѣдствовали. Особенно доставалось сироманамъ — бѣднымъ странствующимъ пустынноикамъ. Монахъ Сергій (Токаревъ) завѣдовалъ тогда раздачей бесплатныхъ пайковъ муки бѣднымъ пустынноикамъ. Обладая добрымъ сердцемъ и видя бѣдственное положеніе сиромановъ, онъ не могъ отказать многимъ изъ нихъ въ просьбѣ о надбавкѣ лишней горстки муки. Между тѣмъ количество ея для раздачу отпускалось опредѣленное. Такъ было и на этотъ разъ. Стояла толпа бѣдныхъ иноковъ, ожидая пайка. Раздача подходила къ концу. Весьма многіе получали надбавку въ видѣ одной-двухъ горстей. По ходу спѣшной работы отецъ Сергій не обращалъ вниманія на количество муки, оставшейся въ ларяхъ послѣ отпуска ея нуждающимся. Когда же послѣдній инокъ-пустынноикъ получилъ свою долю, тогда только отецъ Сергій заглянулъ туда, гдѣ была мука, ожидая найти лари порожними. Но они оказались полными, какъ были при началѣ раздачу<sup>169</sup>.

<sup>169</sup> АРПМА. Док. № 154. С. 35.



Отець Андрей имѣлъ даръ читать во время богослуженія громко, внятно и, что всего дороже, отъ сердца. Начиная читать, на примѣръ, въ праздничные дни на бдѣніяхъ слово или поученіе по книгѣ, онъ дѣлалъ это обыкновенно обычнымъ тономъ, но затѣмъ мало-помалу входилъ, проникался сутью чтенія и какъ бы читалъ уже не чужое слово, а свое.

Нося въ міру имя Алексія, человекъ Божія, онъ ежегодно въ день памяти его, 17 марта, а также на день памяти святаго Іосифа Прекраснаго самъ читалъ житія этихъ святыхъ, послѣдняго — въ изложеніи преподобнаго Ефрема Сирина, и всегда отъ начала и до конца. И каждый разъ эти чудесныя и трогательныя житія онъ читалъ съ особымъ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ, отъ всего сердца, со слезами, такъ, что его глубокое чувство передавалось всѣмъ слушателямъ. Многіе изъ нихъ, если не сказать, что всѣ паломники — посѣтители обители, слышавшіе когда нибудь хотя бы одно изъ его чтеній въ церкви, плакали и потомъ на всю жизнь запоминали услышанное.

До игуменства онъ исполнялъ по большимъ праздникамъ на всенощныхъ бдѣніяхъ обязанности канонарха. Но дѣлалъ онъ это не потому, что числился штатнымъ канонархомъ, а былъ приглашаемъ за даровитость въ этомъ дѣлѣ, за внятность чтенія и за сердечность при совершеніи богослуженія.

Относительно тщательности выполненія монашескихъ обязанностей отецъ Андрей во всю свою жизнь въ монашествѣ былъ истиннымъ и примѣрнымъ монахомъ. Молитвенникъ и безмолвникъ, онъ, будучи простымъ монахомъ, никогда не смотрѣлъ напередъ на другихъ, но прежде всего со всей строгостью внималъ себѣ, чтобы самому быть исправнымъ и благодарнымъ Богу за всѣ Его неисчислимыя милости. Когда же онъ сталъ игуменомъ, то со всей отвѣтственностью, какъ истинный и добрый пастырь, неустанно старался о духовномъ возрастаніи и преуспѣяніи ввѣренной ему паствы. Онъ безкомпромиссно обличалъ пороки и призывалъ всѣхъ къ спасительной бодрости и духовному вниманію. Сохранилось множество его воззваній, словъ, проповѣдей и объявленій, адресованныхъ къ братіи. Предсмертное завѣщаніе его было немногословно и предѣльно кратко, поскольку много было сказано имъ душеспасительныхъ наставленій при жизни. Если собрать ихъ всѣхъ въ совокупности, то они и составляютъ безсмертный его завѣтъ братіи всѣхъ будущихъ поколѣній.

Приводимъ одно изъ словъ великаго пастыря, которое не потеряло своей актуальности и по сей день: «Возлюбленные о Господѣ отцы и братія! Внимайте своему спасенію, и своему званію, и священнымъ обѣтамъ иноческаго ангельскаго образа. Помните, ради чего оставили вы міръ и все земное, приняли святой сей ангельскій образъ монашескій. Помните обѣты Господу, за которые истязаны будемъ на Страшномъ Судѣ Божьемъ. Если здѣсь станемъ слѣдовать мірскимъ грѣховнымъ привычкамъ и пристрастіямъ, не будемъ вести себя, какъ приличествуетъ и должно монаху, тогда сіе званіе наше, и одѣяніе, и обѣты никакой не принесутъ намъ пользы, а послужатъ даже къ сугубому осужденію.

Болѣ всего препятствуютъ спасительному вниманію своей совѣсти и совершенно истребляютъ въ сердцѣ страхъ и любовь ко Господу празднословіе, сходки братіи въ коридорахъ или на портаряхъ, посѣщенія другъ друга въ кельяхъ, праздныя бесѣды, воспоминаніе мірскаго и прочее. Посему нѣтъ благословенія никому входить въ келью для празднословія, а послѣ повечерія нѣтъ исключенія въ этомъ правилѣ ни для кого, хотя бы старшій или іеромонахъ ты былъ, кромѣ духовника, къ которому только для исповѣди благословляется входить во всякое время. Сіе посѣщеніе келій и праздные разговоры на портаряхъ строжайше воспрещаютъ, а ослушники и преступающіе безъ страха отеческую заповѣдь да убоятся Суда Божія, ибо они обѣщали предъ святымъ алтаремъ Господнимъ отреченіе отъ своей воли и послушаніе отцамъ духовнымъ.

Внимайте своему спасенію и взыщите вѣчной жизни и блаженства будущаго нескончаемаго, ибо для этого и собралъ здѣсь всѣхъ насъ Всеблагій Промыслъ Божій!

Призываю на васъ благословеніе Божіе и Покровъ Царицы Небесной, присный о васъ молитвенникъ, игумень Русскаго святаго Пантелеимона монастыря, архимандритъ Андрей».

Относительно тщательности выполненія монашескихъ обязанностей отецъ Андрей былъ во всю свою жизнь истиннымъ и примѣрнымъ монахомъ. Въ послѣдніе же годы по причинѣ частыхъ недуговъ и упадка силъ онъ уже рѣдко ходилъ въ церковь къ суточнымъ богослуженіямъ, а въ общей братской трапезѣ сталъ бывать лишь по праздникамъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, изнемогая уже, онъ еще собирався съ силами и совершалъ соборнѣ Божественную Литургію. Такъ, изъ послѣднихъ силъ священнодѣйствовалъ онъ въ день открытія святыхъ мощей преподобнаго Серафима Саровскаго, и уже едва-едва онъ смогъ закончить въ этотъ день молебень новоявленному угоднику Божію.

15 августа отецъ Андрей служилъ послѣднюю свою Литургію въ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы. Примѣчательно, что въ этомъ же храмѣ служилъ послѣднюю Литургію и предшественникъ его, отецъ Макарій. Преставился отецъ Андрей послѣ продолжительной болѣзни 30 октября 1903 года.

Изъ духовнаго завѣщанія отца архимандрита Андрея мы узнаёмъ слѣдующее: «...Хотя я грѣшнѣйшій, и недостойнѣйшій, и нерадивѣйшій изъ всѣхъ, все же желаю отъ Господа какъ себѣ, такъ и вамъ всѣмъ вѣчнаго спасенія. А посему и прошу и даю совѣтъ при помощи благодати Божіей внимать своему спасенію, помнить данные нами обѣты Господу Богу при постриженіи, принятіи ангельскаго образа. Помнить, какъ обѣщались предъ святымъ алтаремъ Господнимъ, предъ Ангелами и челоуѣками отреченіемъ своей воли выказывать послушаніе отцамъ духовнымъ и вообще старшимъ. Исполненіемъ правила церковнаго и келейнаго и святаго послушанія не разсѣянно и со страхомъ Божіимъ проводить свою жизнь, въ чемъ и заключается наше душевное вѣчное спасеніе.

Кромѣ сего, еще прошу васъ съ усердіемъ молиться Господу Богу за ктиторовъ и благодѣтелей, которые по Божьему внушенію подавали и подаютъ отъ усердія своего лепту, необходимое содержаніе для нашей жизни. Мы же обязаны, съ нашей стороны, помнить ихъ благодѣянія и по силѣ нашей молиться за нихъ. А за сію любовь и насъ Всеблагой Господь не оставитъ Своей великой и богатой милостью въ сей и въ будущей жизни. Аминь».



## Схимонахъ Иларіонъ

Схимонахъ Иларіонъ происходилъ изъ мѣщанъ одного изъ російскихъ городовъ. Родился онъ приблизительно въ 1911 году. Мѣсто рожденія его неизвѣстно. Живя на Аѳонѣ, онъ старательно скрывалъ свое прошлое, считая, что человекъ, вступая въ монахи, умираетъ для міра и все, что съ нимъ было до пострига, уже совершенно не имѣетъ никакого значенія. Извѣстно только, что онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка поѣхалъ изъ Россіи въ Іерусалимъ какъ паломникъ, но Святая Земля такъ его плѣнила, что онъ остался въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей (точно неизвѣстно въ какомъ), гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Иларіонъ.

Болѣе 50-ти лѣтъ онъ подвизался въ Іерусалимѣ, удивляя всѣхъ своей строгой подвижнической жизнью. Во всю свою монашескую жизнь не вкусилъ ничего скоромнаго, даже растительнаго масла, не говоря уже о спиртныхъ напиткахъ, которыхъ бѣгалъ какъ огня. Ему было уже болѣе 70 лѣтъ, когда онъ отъ пріѣхавшихъ въ Іерусалимъ на поклоненіе аѳонскихъ монаховъ узналъ, что русскій монастырь специально для отшельниковъ построилъ скитъ. И тогда старецъ рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ, гдѣ и завершилъ свой монашескій путь.

На Аѳонъ онъ пріѣхалъ въ 1886 году, поступилъ въ пустынноческій скитъ Русскаго Пантелеимонова монастыря, называемый Новая Оиваида, гдѣ былъ постриженъ въ схиму. Послѣднія 12 лѣтъ жизни отецъ Иларіонъ провелъ въ маленькой келии въ полуверстѣ на востокъ отъ Крумицы. Онъ велъ строжайшую затворническую жизнь, рѣшительно никого не принималъ къ себѣ, не отворялъ дверей, а самъ разъ въ недѣлю приходилъ къ метоху (Крумица) и приобщался Святыхъ

Таинъ. Послѣ причащенія онъ тотчасъ, ни съ кѣмъ не видясь и не разговаривая, шель къ себѣ въ пустынь.

Келейное правило исполнялъ такое: ежедневно читалъ великое повечеріе, затѣмъ тянулъ 60 четокъ, послѣ чего сидя отдыхалъ, а потомъ тянулъ схимонашескій канонъ — 16 четокъ, спалъ три часа, вставъ ото сна, читалъ часы и пилъ чай, единожды вкушалъ пищу, потомъ вечерня и опять повечеріе. Несмотря на свой 90-лѣтній возрастъ, онъ не оставлялъ свое постническое правило и никогда не участвовалъ въ общихъ трапезахъ. Его подвигамъ дивились всѣ и, славя Бога, говорили, что такая мѣра подвижничества человѣку доступна только по особому благословенію Божию.

Возникаетъ естественный вопросъ: какой толкъ отъ подвиговъ и духовнаго совершенства подвижника, чѣмъ онъ полезенъ міру и какъ проявляется его Богомъ дарованная христіанская любовь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: подвижникъ, совершенствуя себя въ духовной жизни, тѣмъ самымъ привлекаетъ на землю благодать Божию, а потому вноситъ огромный вкладъ въ общую энергію добра, противостоящую энергіи зла. Эта энергія добра такъ же необходима для духовности человѣка, какъ кислородъ для его тѣла. Безъ нея люди давно бы превратились въ звѣрей, не было бы ни духовности, ни культуры, ни науки. Благодать Божія не видна, не осязаема, но безъ нея человѣчество не можетъ никакъ обойтись, а ее «производятъ» исключительно святые люди. Несомнѣнно, именно поэтому призываетъ насъ Господь: *«Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершёнъ есть»* (Мф. 5:48). Но что значитъ быть совершеннымъ? Если учесть тотъ фактъ, въ какомъ контекстѣ былъ произнесенъ Господомъ этотъ призывъ, а именно послѣ словъ: *«...любите врагівъ вашихъ, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напастъ и изгоняющихъ вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ»* (Мф. 5:44–45), — то очевидно, что совершенень тотъ, кто стремится любить какъ Христосъ. Нельзя считать совершеннымъ того, кто, желая не дать себѣ присѣсть и отдохнуть своему тѣлу, привязываетъ себя волосами къ стѣне и такъ недѣлями не спитъ, а любви не имѣетъ и не стремится къ ней. Но однозначно святъ тотъ, кто не спитъ недѣлями, удрученный мыслями о страданіяхъ другихъ людей, и даже цѣной собственной жизни желаетъ помочь каждому Божьему созданію: и друзьямъ и врагамъ, и роднымъ и чужимъ, и добрымъ и злымъ, и бѣлымъ и чернымъ, не выбирая ихъ ни по какому признаку. Но при этомъ такого сочувствія и силы любви можно достигъ только исключительными подвигами, съ ихъ помощью уничтожая свой эгоизмъ и естественныя потребности своего тѣла.

Съ какой бы стороны мы ни подходили къ описанію средствъ достиженія цѣли духовной жизни, мы въ любомъ случаѣ придемъ къ универсальному итогу размышлений о нихъ святыхъ отцовъ: безъ любви подвижничество невозможно и бесполезно, а безъ подвижничества любовь недостижима. Иначе говоря, любовь есть и цѣль, и средство духовной жизни, а подвижничество — лишь средство совершенствованія въ любви.

Но мы иногда именно эти средства идеализируемъ, полностью забывая о главной цѣли. Неординарныя внѣшнія средства совершенствованія подвижниковъ приводятъ насъ въ восторгъ и восхищеніе, и мы слѣпо подражаемъ имъ, совсѣмъ не ставя себѣ цѣли достиженія Христовой любви. Истинные же подвижники только для этой цѣли и живутъ, и дѣйствуютъ, каждое ихъ дѣланіе: постъ ли, бдѣніе ли, молитва ли — направлены исключительно къ этой завѣтной цѣли. Они тѣмъ самымъ приносятъ огромную пользу и себѣ, и всѣму человѣчеству, участвуя въ привлеченіи Божіей благодати, этой мощной энергіи добра, на весь міръ. Они одновременно пріобрѣтаютъ дерзновение предъ Господомъ и просятъ Его о милости къ намъ, еще находящимся въ плѣну грѣха и зла, чтобы и мы имѣли возможность совершенствоваться въ любви и не лишились участія въ вѣчномъ блаженствѣ.



Преставился 90-лѣтній отецъ Иларіонъ 21 октября 1901 года, въ день своихъ именинъ, и похоронили его въ храмовый праздникъ метоха Крумица — въ день памяти Казанской иконы Божіей Матери. Еще 20 октября, въ субботу, онъ пріобщился въ церкви Святыхъ Христовыхъ Таинъ и просилъ отвести его въ его каливу, сказавъ, чтобы не приходили къ нему до завтра. Но когда въ воскресенье, 21 октября, въ день именинъ его, пришли къ нему утромъ, то уже нашли его умершимъ, въ полусидячемъ положеніи на койкѣ, съ лицомъ спокойнымъ, закрытыми глазами, и даже пальцы руки его какъ бы были приготовлены для крестнаго знаменія<sup>170</sup>.

## Схимонахъ Аркадій (Любовиковъ)

Схимонахъ Аркадій<sup>171</sup> (въ міру Алексѣй Алексѣевичъ Любовиковъ) родился въ 1830 году въ селеніи Святопольѣ Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи въ семьѣ священника Алексѣя Любовикова и супруги его Ирины. Мальчикъ получилъ въ святомъ крещеніи имя Алексѣя въ честь святителя Алексія, митрополита Московскаго.

По нѣкоему утвердившемуся святому обыкновенію, широко распространенному въ тогдашней Россіи, отецъ его, священникъ, готовилъ и сына своего къ духовному

<sup>170</sup> АРПМА. Док. № 306. С. 147.

<sup>171</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1909 годъ. М., 1909. С. 149.

званію. Отрокъ Алексѣй именно съ этой цѣлью, окончивъ Глазовское духовное училище, поступилъ въ Вятскую духовную семинарію, гдѣ нѣсколько лѣтъ готовился къ принятію священства, предполагая стать преемникомъ своему отцу. Но, какъ вѣрно говоритъ намъ пословица, «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». То же мы находимъ и у святаго царя и пророка Давида, изрекшаго жившимъ въ немъ и глаголавшимъ черезъ него Духомъ Святымъ, что отъ Господа стопы (пути жизни) человѣку исправляются (направляются) (Пс. 36:23). Отроку Алексѣю свыше назначенъ былъ не тотъ путь жизни, на который задумалъ поставить его благочестивый сельскій батюшка и къ которому онъ уже и самъ направлялся, а другой.

Въ 1847 году по благословенію старцевъ обители, игумена Герасима и духовника іеросхимонаха Іеронима, въ Россію отправился съ Аѳона извѣстный потомъ всѣмъ Святогорецъ, тогда еще іеромонахъ Серафимъ, а впоследствии іеросхимонахъ Сергій (Веснинъ). Ъхалъ онъ для напечатанія своихъ литературныхъ трудовъ. Будучи уроженцемъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи и воспитанникомъ Вятской духовной семинаріи, отецъ Сергій прежде всего заѣхалъ на свою родину. Тамъ онъ находился то въ Вяткѣ, на дачѣ Архіерейскаго дома, то въ Орловѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ до отбытія на Аѳонъ былъ казначеемъ, то въ селѣ Пищальскомъ, въ кругу своихъ родственниковъ. Проживая въ Вяткѣ, бывалъ онъ, конечно, въ тамошней своей родной духовной семинаріи. И вотъ здѣсь въ одномъ изъ учениковъ-семинаристовъ онъ заронилъ желаніе послѣдовать за нимъ на Святую Гору Аѳонъ. Юнаго семинариста звали Алексѣй Любовиковъ. Но такъ какъ Святогорцу Серафиму еще надлежало закончить свои дѣла, да еще и исполнить массу другихъ немаловажныхъ порученій, то, слѣдовательно, онъ еще не скоро могъ уѣхать на Аѳонъ. Однако, навѣрное, между ними было условлено: Святогорцу ожидать окончанія своихъ дѣлъ, а Алексѣю тѣмъ временемъ продолжать обученіе въ семинаріи.

Такъ продолжалось до конца 1850 года. Въ январѣ 1851 года Алексѣй, получивъ заграничный паспортъ, распрощался навсегда со своими дѣтскими мечтами, со своей дорогой Родиной и, напутствованный родительскими молитвами, благословеніями и благими пожеланіями родныхъ и знакомыхъ, отправился на Святую Аѳонскую Гору. Неизвѣстно, гдѣ онъ сѣхался со Святогорцемъ, но мы доподлинно знаемъ, что они вмѣстѣ черезъ Одессу и Константинополь въ мартѣ того же года прибыли на Аѳонъ, въ монастырь.

Молодой семинаристъ Алексѣй былъ принятъ въ число братіи святой обители и опредѣленъ на послушаніе въ келейники къ Святогорцу Серафиму.

Въ слѣдующемъ, 1852 году послушникъ Алексѣй былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Аркадій въ честь преподобнаго Аркадія, сына преподобныхъ Ксенофонта и Маріи. Вскорѣ послѣ этого ему было чудесное видѣніе, которое на долгіе годы опредѣлило весь его духовный настрой.

«Разъ случилось, — вспоминалъ онъ, — что вскорѣ послѣ постриженія я забылъ о днѣ памяти прежняго моего Ангела, чѣму отчасти способствовало и перенесеніе службы ему въ храмъ на слѣдующее число. При слушаніи въ тотъ день утрени на клиросѣ Покровской церкви, во время чтенія 1-й каѳизмы, нечаянно покрылъ меня тонкій сонъ. Вижу себя въ Московскомъ Кремлѣ, у главной церкви Чудова монастыря. Поднявшись по лѣстницѣ на верхъ паперти, черезъ растворенныя церковныя врата вижу, что храмъ полонъ молящагося народа, который то и дѣло ставитъ свѣчи передъ святыми иконами, а особенно предъ иконой св. Алексія. Это удивило меня. Теперь простой день, думалось мнѣ, отчего же здѣсь столько народа и ставятъ столько свѣчъ? Въ недоумѣніи я спросилъ стоящаго возлѣ меня: „А что сегодня развѣ праздникъ какой?“ Тотъ покачалъ головой и отвѣтилъ: „А еще монахъ! И ты забылъ своего покровителя, молитвенника отъ святаго Крещенія? Знай и помни впредь, что сегодня память святителя Христова Алексія, всея Россіи чудотворца, святыя мощи котораго почиваютъ здѣсь!“ Услышавъ такое обличеніе, я сразу очнулся, и дѣйствительно оказалось, что это день памяти святаго покровителя моего»<sup>172</sup>.

17 декабря 1853 года Святогорецъ іеросхимонахъ Сергій (Веснинъ) мирно представился ко Господу. Болѣзнь благодѣтеля и духовнаго воспитателя по монашеству, а потомъ вдругъ и утрата его на всю жизнь, вѣроятно, сильно подѣйствовали на молодаго инока Аркадія. Онъ сильно заболѣлъ. А такъ какъ въ Русскіхъ тяжелобольныхъ, не имѣвшихъ святой схимы, срочно постригали, хоть болящій и былъ молодъ, то и отецъ Аркадій въ томъ же декабрѣ 1853 года былъ постриженъ въ великій ангельскій образъ подъ тѣмъ же именемъ.

Но ему не суждено было отойти въ иной міръ, а надлежало еще прожить много лѣтъ и много потрудиться здѣсь, на аѳонской землѣ. Онъ выздоровѣлъ, и замѣчательно, что потомъ онъ во всю свою дальнѣйшую 55-лѣтнюю жизнь не болѣлъ никакими особыми болѣзнями, чтобы нужно было ложиться въ больницу.

Вся его жизнь въ монастырѣ безвыѣздно протекала мирно, тихо и почти замкнуто. На первыхъ порахъ онъ, какъ было сказано выше, помогаль Святогорцу Сергію въ переписываніи его сочиненій и писемъ. Потомъ долгое время состоялъ при канцеляріи, записывая церковнославянскими буквами имена братіи и благодѣтелей въ церковныя синодики для поминовенія. Занимался также переписываніемъ со старыхъ рукописей разныхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій. Впослѣдствіи ему было поручено переводить съ греческаго языка на церковнославянскій нѣкоторыя службы, каноны, тропари и кондаки. Кромѣ этого имъ самимъ были составлены и особыя полныя бдѣнныя службы Божіей Матери ради Ея чудотворныхъ иконъ: «Іерусалимской»,

<sup>172</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 11.

«Избавительницы», «Отрады и Утѣшенія»<sup>173</sup>. Также имъ были составлены: служба на память святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, т. е. на 26 іюля, вмѣстѣ съ поліелейной службой святому священномученику Ермолаю какъ духовному отцу и наставнику святаго Пантелеимона; предпразднственная служба съ канонами на Покровъ Пресвятыя Богородицы, собственно на 30 сентября; восемь каноновъ (по числу восьми гласовъ) предпразднству Покрова Божіей Матери, читаемыхъ на восьми предпразднственныхъ молебствіяхъ, торжественно совершаемыхъ въ Покровскомъ соборномъ храмѣ обители ежедневно послѣ вечерни начиная съ 22 сентября и заканчивая 29 сентября. Затѣмъ имъ были переведены съ греческаго на славянскій полныя бдѣнныя службы: всѣмъ святымъ новомученикамъ, пострадавшимъ на Востокѣ, общая память которыхъ празднуется во второе воскресенье Петрова поста; всѣмъ святымъ безсребренникамъ, общая память которыхъ въ обители совершается въ воскресенье, ближайшее къ 1 ноября; святой праведной Еввулѣ, матери святаго Пантелеимона, память которой въ обители совершается въ четвертое воскресенье Великаго поста вмѣстѣ съ памятью преподобнаго Іоанна Лѣствичника; поліелейная служба святымъ преподобномученикамъ Іуліану и Василисѣ иже съ ними 10-ти тысячамъ инокамъ и одной тысячѣ инокинь, за Христа пострадавшимъ въ 313 году, въ царствованіе Діоклетіана (память ихъ 8 января); святому Іоанну Русскому, новому исповѣднику, жившему и скончавшемуся въ плѣну въ Турціи около 1730 года; святому новому преподобномученику Пахомію Россіянину, соплѣннику святаго Іоанна, пострадавшему отъ турокъ; святому новому преподобномученику Никитѣ, іеромонаху Пантелеимонова монастыря, пострадавшему за Христа отъ турокъ 4 апрѣля 1808 года; святителю Григорію Двоеслову, папѣ Римскому; святому новому преподобномученику Павлу Пелопонесскому, подвизавшемуся въ обители и пострадавшему за Христа отъ турокъ на своей родинѣ 22 мая 1818 года; святителю Модесту, Патриарху Іерусалимскому.

Имъ же, надо полагать, переведена съ греческаго и потомъ въ 1871 году напечатана въ Санктъ-Петербургѣ бдѣнная служба святымъ новымъ преподобномученикамъ афонскимъ: Евѡимію, Игнатію и Акакію, пострадавшимъ за Христа отъ турокъ въ началѣ XIX вѣка; восемь каноновъ на память святаго великомученика Пантелеимона, написанныхъ преподобнымъ Іосифомъ Пѣснописцемъ, торжественно читаемыхъ въ обоихъ соборныхъ храмахъ обители послѣ вечерни, въ восемь дней предпразднственныхъ памяти святаго Пантелеимона начиная съ 18 іюля. Кромѣ этихъ полныхъ службъ имъ самимъ написаны и переведены съ греческаго нѣсколько требовавшихся по временамъ или исходя изъ его личнаго усердія тропарей и кондаковъ.

Старець Аркадій съ самаго начала былъ постояннымъ сотрудникомъ издаваемого обителью «Душеполезнаго собесѣдника». Его перу принадлежатъ много статей и житій

---

<sup>173</sup> БРПМА. Док. № 40584.

святыхъ, переведенныхъ имъ съ греческаго языка, а также передовыя статьи въ «Душе-полезномъ собесѣдникѣ» подъ рубрикой «Уроки слова благодатнаго», состоящія изъ выписокъ на разныя темы изъ Священнаго Писанія.

Ему поручалось иногда написаніе отвѣтовъ на письма благодѣтелей по какимъ ли-бо особеннымъ и вообще затруднительнымъ вопросамъ, а также составленіе писемъ къ важнымъ особамъ и рѣчей въ особо важныхъ случаяхъ.

Онъ весьма интенсивно переписывался со своимъ духовнымъ отцомъ игуменомъ Макаріемъ<sup>174</sup>, когда тотъ находился въ Константинополѣ во время русско-греческихъ споровъ, давая ему весьма полезныя совѣты для успѣшнаго завершения этого дѣла. Тѣсно сотрудничалъ съ бібліотекаремъ монастыря отцомъ Матѳіемъ (Ольшанскимъ)<sup>175</sup> и духовникомъ отцомъ Агаѳодоромъ (Будановымъ)<sup>176</sup> по издательскимъ вопросамъ и обогащенію монастырской бібліотеки.

Старець Аркадій, несмотря на такую активную дѣятельность, тѣмъ не менѣ вель самую тихую и скромную жизнь. Въ теченіе всей своей многолѣтней жизни въ обители онъ остался въ скромномъ званіи простаго инока, отказываясь отъ рукоположенія въ іеромонахи, не разъ ему предлагаемаго старцами обители.

Лѣтомъ 1909 года онъ сталъ прихварывать, но крѣпился. Наконецъ, все болѣе и болѣе изнемогая, вынужденъ былъ лечь въ больницу. Никакой особой болѣзни у него не было, а только присутствовало общее старческое разслабленіе и ослабленіе аппетита. Затѣмъ онъ по обыкновенію нѣсколько разъ былъ приобщаемъ Святыми Таинами. Въ началѣ всенощнаго бдѣнія на 20 октября ради памяти святаго великомученика Артемія надъ нимъ было совершено святое таинство елеосвященія. Во вторникъ, 21 октября, онъ былъ послѣдній разъ приобщенъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ и послѣ полудня мирно отошелъ ко Господу.

22 октября, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери, о прославленіи которой старецъ много потрудился въ своей жизни, торжественно, соборно было совершено отпѣваніе усопшаго. И такъ не стало почтеннаго схимонаха Аркадія, добраго, и смиреннаго, и простодушнаго инока, истинно преданнаго обители и весьма для нея полезнаго старца.



<sup>174</sup> АРПМА. Док. № 1396.

<sup>175</sup> АРПМА. Док. № 1546.

<sup>176</sup> АРПМА. Док. № 1767.

## Иеросхимонахъ Виссаріонъ (Расторгуевъ)

Иеросхимонахъ Виссаріонъ (въ міру Василій Яковлевичъ Расторгуевъ) родился въ 1834 году въ городѣ Воронежѣ. Имя его матери — Марія. Онъ былъ изъ мѣщанскаго сословія, и родители дали ему хорошее начальное образованіе, надѣясь, что онъ поступитъ въ гимназію и получитъ хорошую профессію.

Но юнаго Василія занимала другая мысль: онъ съ дѣтства мечталъ посвятить свою жизнь служенію Богу и искалъ возможности поступить въ монастырь. Достоверно неизвѣстно, какъ ему удалось получить на это благословеніе родителей, но фактомъ остается то, что 18-лѣтній юноша въ 1862 году уже былъ на Аѳонѣ и просился въ послушники въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Старцы, видя его безграничную любовь къ Богу и его особое рвеніе къ монашеству, приняли его и дали послушаніе архондаричнаго.

6 марта 1864 года его уже постригли въ мантию съ именемъ Владиміръ. На послушаніи архондаричнаго онъ былъ еще пять лѣтъ, а послѣ этого по благословенію старцевъ обители началась его скитальческая жизнь по подворьямъ монастыря. Дѣло въ томъ, что онъ проявилъ себя на послушаніи архондаричнаго очень хорошимъ организаторомъ и аккуратнымъ исполнителемъ, что, по всей видимости, побудило старцевъ послать его на подворья монастыря для лучшей организаціи тамъ дѣлъ. Отецъ Владиміръ вездѣ, куда бы его ни послали, велъ дѣла очень тщательно, былъ примѣромъ для многихъ. Вотъ какъ характеризуетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «...дѣловой человекъ и почти всю жизнь находился внѣ обители. Былъ настоятелемъ подворій Константинопольскаго, Одесскаго и Петербургскаго. Жилъ и въ Москвѣ. Былъ степенный, богомольный, говорилъ и дѣлалъ все тихо, отстраняя себя вездѣ и не выдѣляясь»<sup>177</sup>.

Отецъ Владиміръ дѣйствительно былъ настолько скромнень и кротокъ, что даже никогда не фотографировался. Несмотря на скромность, именно онъ стоялъ у истоковъ открытія монастырскаго подворья въ Санктъ-Петербургѣ. Именно онъ привелъ въ такой порядокъ дѣла Одесскаго подворья, что болѣе не требовалось вмѣшательства мірскихъ лицъ, что до него широко практиковалось. Онъ также помогъ встать на ноги и новому Симоно-Кананитскому монастырю на Кавказѣ.

О его любви къ монастырю и высокой отвѣтственности въ дѣлахъ обители свидѣлствуютъ многочисленныя письма изъ разныхъ мѣстъ къ старцамъ обители<sup>178</sup>, гдѣ онъ до малѣйшихъ подробностей информируетъ ихъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ и будущихъ планахъ.

<sup>177</sup> АРПМА. Док. № 319. С. 130.

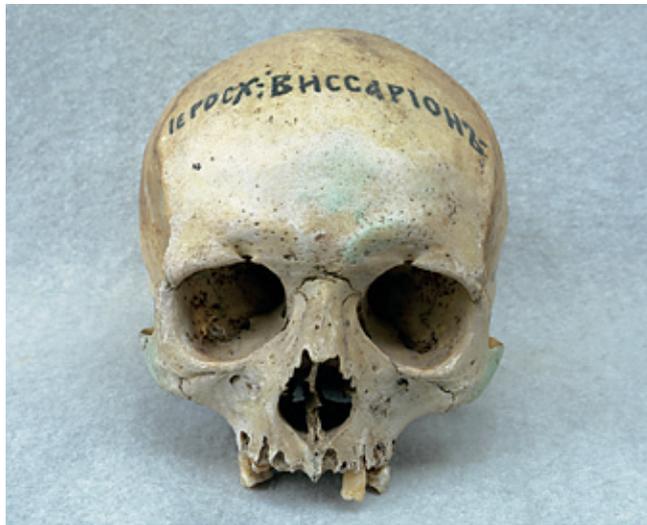
<sup>178</sup> АРПМА. Док.: № 699, 861, 1023, 1147, 1383, 1433, 1509.

Для нагляднаго показа его исполнительности и старанія приведемъ фрагментъ изъ письма отъ 14 февраля 1889 года, гдѣ онъ отчитывается своему духовному отцу игумену Макарію о наложенномъ на него старцами обители послушаніи передать въ знакъ благодарности архіепископу Херсонскому и Одесскому Никандру икону Иверской Божіей Матери. «Праздникъ Иверской Божіей Матери, — писалъ онъ, — 12 февраля праздновали торжественно. Служилъ Литургію Высокопреосвященнѣйшій Никандръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, а съ нимъ два архимандрита — намѣстникъ Лавры Иннокентій и казначей архимандритъ Арсеній, и мы — три іеромонаха. Пѣвчіе наши пѣли всенощное бдѣніе и раннюю Литургію, а позднюю пѣли пѣвчіе хора Высокопреосвященнѣйшаго Никандра. Съ нимъ была вся его свита — два дьякона и два уподьякона. Изъ высокихъ персонъ присутствовали Владиміръ Карловичъ Саблеръ, Сергѣй Васильевичъ Керскій, Лермонтовъ и прочіе наши благодѣтели. Дѣлали и приличный обѣдъ, которымъ Владиміръ Карловичъ остался недоволенъ. Совѣтовалъ намъ, чтобы впредь не заводить обѣдовъ, а дѣлать одну закуску и чай, на что мы, пожалуй, будемъ согласны, если будетъ на то Ваше благословеніе. А теперъ сдѣлали, какъ Вы приказали. Всѣ обѣдали съ владыкой, и, кажется, всѣ остались довольны. На другой день отвезли владыкѣ икону Иверской Божіей Матери и поднесли. Икона хорошо отдѣлана, съ серебряной рамочкой и въ футлярѣ. Къ ней приложили по Вашему назначенію благодарность. Владыка принялъ и сказалъ, что она пойдетъ въ благотворительное какое-либо заведеніе и онъ предастъ это огласкѣ. А лично ему ничего не нужно. Но это уже какъ онъ самъ хочетъ. Слава Богу, что всѣ смогли исполнить такъ, какъ Вы желали»<sup>179</sup>.

Если учесть, что вышеназванный Владиміръ Карловичъ Саблеръ — это не кто иной, какъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, т. е. самый высокій начальникъ іеромонаха Виссаріона, то случай съ обѣдомъ хорошо показываетъ, какъ онъ былъ нацѣленъ на точное исполненіе указаній своего игумена. Ктонибудь можетъ возразить, что исполнительность — это мірская добродѣтель и болѣе украшаетъ дѣловыхъ людей, чѣмъ оставившихъ все мірское монаховъ. Но если вникнуть глубже, дѣло представится совсѣмъ иначе: если даже два человѣка живутъ вмѣстѣ, тамъ уже не избѣжать житейскихъ заботъ. А въ монастырѣ заботъ по обезпеченію жизнедѣятельности обители не меньше, чѣмъ въ любомъ другомъ человѣческомъ сообществѣ. Въ такихъ условіяхъ только непрекословное послушаніе руководству монастыря и точная исполнительность могутъ обезпечить отдѣльному монаху тотъ духовный миръ и спокойствіе, которые необходимы для общенія съ Богомъ. Въ Русикѣ въ опредѣленное время одновременно жило до двухъ тысячъ монаховъ! И тѣмъ монахамъ, которые обезпечивали жизнедѣятельность этого огромнаго учрежденія, приходилось очень нелегко. Однимъ изъ такихъ подвижниковъ былъ отецъ Виссаріонъ.

Старцы высоко цѣнили его преданность и трудолюбіе. Въ 1873 году его рукоположили въ іеродіакона, а затѣмъ и въ іеромонаха. А въ 1887 году отецъ Макарій постригъ

<sup>179</sup> АРПМА. Док. № 699. С. 21.



его въ схиму съ именемъ Виссаріонъ. Въ 1889 году отецъ Макарій представилъ его однимъ изъ кандидатовъ на должность намѣстника и будущаго игумена, но по жребію онъ не прошелъ. Послѣднія 10 лѣтъ отецъ Виссаріонъ жилъ на Аѳонѣ въ монастырѣ такъ же тихо и незамѣтно, какъ вельдѣла обители раньше, внѣ ея. Онъ былъ въ общежитіи молчальникомъ, всячески избѣгалъ общенія и бесѣдъ. Имѣя къ нему огромное уваженіе, никто и не смѣлъ нарушить его уединенія съ Богомъ.

Преставился отецъ Виссаріонъ 4 декабря 1907 года. Смерть его была предѣльно упорядоченной и тихой. 4 декабря утромъ онъ самъ ходилъ въ алтарь пріобщаться, а часовъ въ пять вдругъ почувствовалъ сильное колотье, о чемъ сказалъ врачу отцу Викентію, тотъ побѣжалъ къ игумену и, возвратившись, нашелъ отца Виссаріона уже мертвымъ.

## Преподобный іеросхимонахъ Аристоклій (Амвросіевъ)

Іеромонахъ Аристоклій (въ міру Алексѣй Алексѣевичъ Амвросіевъ) родился въ 1848 году. Онъ былъ оренбургскимъ мѣщаниномъ. Въ 1879 году поступилъ въ Русскій Свято-Пантелеимоновъ монастырь.

11 марта 1880 года Алексѣй Амвросіевъ принялъ монашескій постригъ съ именемъ Аристоклій въ честь священномученика Аристоклія (память 20 іюня). 2 декабря 1884 года его рукополагаютъ въ санъ іеродіакона, а 12 декабря того же года — въ санъ іеромонаха. 12 февраля 1886 года онъ принимаетъ схиму безъ смѣны имени. Все это время онъ исполняетъ послушаніе въ иконной лавкѣ.

Въ 1887 году іеросхимонахъ Аристоклій прибываетъ въ Москву на послушаніе въ часовнѣ святаго великомученика Пантелеимона. Іеромонахъ Аристоклій былъ строителемъ Аѳонскаго подворья въ Москвѣ, на Большой Полянкѣ. Трехэтажное зданіе сохранилось до настоящаго времени. Въ немъ заботами старца была устроена домовая церковь въ честь иконы Божіей Матери «Скоропослушница». Въ этомъ же зданіи находилась келья іеросхимонаха Аристоклія, въ которой онъ принималъ посѣтителей. У него была огромная паства, и благодаря духовнымъ чадамъ удалось сохранить цѣнныя свѣдѣнія о его праведной жизни.

Въ 1891–1894 годахъ преподобный Аристоклій былъ настоятелемъ аѳонской часовни въ Москвѣ, значеніе которой для духовнаго укрѣпленія народа было чрезвычайно

велико. Сюда стекалось множество православныхъ.

Важной заботой старца были поѣздки со святынями Аѳона къ больнымъ и бѣдствующимъ людямъ въ ихъ дома. Въ 1895–1909 годахъ старецъ снова несъ послушаніе на Святой Горѣ Аѳонѣ. Въ 1895 году онъ былъ казначеемъ. Съ 1900-хъ годовъ состоялъ однимъ изъ духовниковъ многочисленной братіи монастыря. Съ 1909 года по 1918 годъ, вплоть до своей кончины, онъ вновь настоятель аѳонской часовни въ Москвѣ.

Въ общей сложности на этомъ посту онъ провелъ 12 лѣтъ и все это время имѣлъ постоянную переписку со старцами обители. Поразительно, какъ скрупулезно и тщательно отчитывался онъ о происходящемъ на подворьѣ. Онъ даже придумалъ специальный бланкъ, который былъ раздѣленъ на семь частей соответственно каждому дню недѣли, и вписывалъ въ нихъ всѣ происшедшіе въ этотъ день событія. Въ концѣ недѣли бланкъ отсылался на Аѳонъ. Такимъ образомъ, всѣ его отчеты составляютъ болѣе двухъ тысячъ страницъ.

Преподобный Аристоклій былъ неутомимымъ труженикомъ на поприщѣ духовнаго окормленія, до послѣднихъ дней земной жизни служилъ дѣлу спасенія страждущихъ, немощныхъ и обремененныхъ разными тяготами житейскихъ невзгодъ православныхъ людей. Это былъ опытный старецъ, обладавшій дарами прозорливости и чудотворенія. Его евангельская жертвенная любовь притягивала души самыхъ закоренелыхъ грѣшниковъ. Отъ него исходила благодать, умиротворяющая духъ всякаго потерявшаго было смыслъ жизни человѣка. Въ день онъ принималъ порой не одну сотню людей. И послѣ первой же встрѣчи и бесѣды съ духоноснымъ старцемъ богомольцы уже не теряли связи съ нимъ.

За жертвенную любовь къ ближнимъ, за святость жизни Господь даровалъ преподобному Аристоклію великую силу чудотворенія. Вотъ лишь нѣкоторыя свидѣтельства очевидцевъ обладанія имъ этимъ даромъ.

Однажды духовная дочь старца Аристоклія тяжело заболѣла, у нея были парализованы ноги. Тогда старецъ пришелъ къ ней, чтобы ее навѣстить и утѣшить. Пробывъ у нея нѣкоторое время и собираясь уже уходить, онъ благословилъ ее и сказалъ: «Ну что же,



чадушко мое любимое, мнѣ пора уже уходить, ты не унывай, а молись и благодари Господа. Я вотъ пойду, и, когда буду выходить, ты подойди къ окошку и помаши мнѣ ручкой, а я помашу тебѣ». Духовная дочь старца смутилась и говоритъ ему: «Батюшка, я же не могу встать, а вы говорите: подойди и помаши». Старецъ улыбнулся и отвѣтилъ: «Ничего-ничего, помаши».

Только старецъ вышелъ за дверь, какъ эта раба Божія почувствовала въ ногахъ своихъ силу и встала. Она, еще сама себѣ не вѣря, подошла къ окну, а въ это время изъ дверей дома на улицу вышелъ батюшка и, повернувшись, помахалъ ей рукой, а она — ему. Всѣ родные болящей были потрясены этимъ явнымъ чудомъ Божиимъ, случившимся по молитвѣ старца.

А вотъ свидѣтельство объ исцѣленіи слѣпорожденнаго мальчика. По совѣту мѣстныхъ врачей одна молодая женщина со слѣпорожденнымъ сыномъ пріѣхала въ Москву. Большой сынъ былъ показанъ лучшимъ врачамъ, и назначенъ былъ день операціи, но мать не могла окончательно на нее рѣшиться. Проходя случайно мимо часовни великомученика Пантелеимона, она увидѣла множество народа. Узнавъ отъ людей о старцѣ, о его прозорливости и дарѣ чудотворенія, она рѣшила прійти къ батюшкѣ съ сыномъ и все ему рассказать.

Увидѣвъ ее, батюшка сталъ пристально смотрѣть на вошедшую женщину, продолжая дѣлать помазаніе масломъ. Народъ подходилъ къ нему по очереди. Когда она подошла, батюшка крестообразно помазалъ мальчику оба глаза, а матери чело и, взглянувъ на нее, спросилъ: «У тебя мужъ-то кто?» — и, не получивъ отъ нея отвѣта, сказалъ: «Самъ сатана!»

Женщина рассказала ему все о своей жизни. Выслушавъ все молча, батюшка благословилъ ее и сказалъ: «Мой совѣтъ тебѣ такой: операцію не дѣлать, а всѣ дни, которые ты здѣсь, въ Москвѣ, пробудешь, приходи сюда, въ часовню, ежедневно съ мальчикомъ на молебень, а на будущей годъ опять пріѣзжай съ сыномъ ко мнѣ. А потомъ ты ко мнѣ пріѣдешь съ мужемъ». Она не могла въ это повѣрить.

Однако на слѣдующій годъ она опять пріѣхала къ батюшкѣ одна съ сыномъ, какъ онъ ей и сказалъ. Женщина рассказывала, что какъ сказалъ отецъ Аристоклій, такъ все буквально исполнилось. Прожила она въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ и ежедневно приходила въ часовню на молебень, а батюшка каждый разъ дѣлалъ крестообразно помазаніе глазъ мальчику. Передъ ея отъѣздомъ домой батюшка помазалъ глаза мальчику и, благословивъ его, сказалъ: «Господь знаетъ, кому что нужно».

И вотъ эта женщина пріѣхала къ нему съ мужемъ и мальчикомъ, не слѣпымъ, но уже съ открытыми голубыми глазами. А когда ея мужа подводили къ батюшкѣ нѣсколько мужчинъ, онъ подпрыгивалъ такъ высоко и съ крикомъ падалъ на полъ, такъ, что было страшно на него смотрѣть. Если бы не молитва батюшки, то онъ, навѣрное, не остался бы въ живыхъ. Послѣдній разъ подпрыгнувъ, онъ упалъ и лежалъ какъ мертвый. Долго не приходилъ онъ въ чувство, но потомъ вскочилъ, бросился къ батюшкѣ въ ноги и зарыдалъ.

Женщина рассказывала о чудномъ прозрѣніи сына такъ. «Рано утромъ я, какъ всегда, читала акаѳистъ иконѣ Божіей Матери „Скоропослушница“, а затѣмъ стала читать акаѳистъ великомученику Пантелеимону и вдругъ слышу: „Мама, мама, подойди ко мнѣ скорѣ!“ Бѣгу къ сыну, и что же! Мальчикъ-то мой сидитъ на кровати, а глазки-то открыты, и смотритъ на меня и говоритъ: „Мама, я тебя вижу, мамъ, я вижу тебя!“ И вотъ мы всѣ вмѣстѣ пріѣхали къ вамъ».

О дарѣ прозорливости преподобнаго мы также узнаёмъ изъ великаго множества сообщеній, которыя были тщательно записаны.

Преподобный Аристоклій блаженно скончался 24 августа (6 сентября) 1918 года въ своей кельѣ на Полянкѣ. Послѣдній разъ обративъ свой молитвенный взоръ на горячо чтимую имъ икону «Скоропослушницы», онъ трижды истово перекрестился большимъ крестомъ и тихо предалъ свою душу въ руки Божіи.

Тѣло праведника было погребено подъ сѣнью его дѣтища — храма во имя иконы Божіей Матери «Скоропослушница», въ подвальномъ помѣщеніи. Однако въ 1923 году, чтобы убереечь могилу отъ поруганія, гробъ съ тѣломъ старца, какъ объ этомъ предсказывалъ въ свое время самъ праведникъ, былъ перенесенъ на Даниловское кладбищѣ.

Послѣ кончины святаго старца Аристоклія чудеса не прекращаются до сихъ поръ. Въ 2001 году Синодальная комиссія по канонизаціи святыхъ Русской Православной Церкви, изучивъ поступившіе матеріалы о старцѣ іеросхимонахѣ Аристокліи, приняла рѣшеніе, что нѣтъ препятствій для прославленія іеросхимонаха Аристоклія въ ликѣ преподобныхъ какъ мѣстнотимаго святаго Московской епархіи.

Въ 2004 году милостью Божіей, молитвами старца были обрѣтены его мощи, а вскорѣ состоялось дѣло прославленія.

24 августа (6 сентября) въ Успенскомъ соборѣ Московскаго Кремля Святѣйшій Патріархъ Московскій и всея Руси Алексій II зачиталъ «Опредѣленіе о канонизаціи въ ликѣ мѣстнотимыхъ святыхъ преподобнаго Аристоклія Аѳонскаго, старца московскаго».



## Схіархидіаконъ Тихонъ (фонъ Рамбахъ)

Схіеродіаконъ Тихонъ (въ міру Константинъ Константиновичъ фонъ Рамбахъ) родился 13 апрѣля 1853 года въ Москвѣ. Намъ ничего не извѣстно о его жизни до поступленія въ монастырь, кромѣ того, что онъ былъ домашнимъ учителемъ-гувернеромъ, а его братъ Николай Константиновичъ фонъ Рамбахъ былъ докторомъ и служилъ при императорскомъ дворѣ. Впослѣдствіи именно онъ сопутствовалъ наслѣднику престола и будущему императору Николаю II во время его путешествія по свѣту<sup>180</sup>.

Въ 1882 году въ 29-лѣтнемъ возрастѣ Константинъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ 12 августа того же года былъ постриженъ въ рясофоръ, черезъ годъ, 8 сентября 1883 года, — въ мантию, а еще черезъ три года, 5 марта 1886 года, — въ схиму. Въ этомъ же году, 14 июня, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона.

Отецъ Тихонъ съ самаго начала заслужилъ довѣріе и любовь старцевъ. Онъ сталъ личнымъ секретаремъ игумена Макарія, долгое время руководилъ канцеляріей обители, гдѣ всѣ дѣла велъ съ предѣльной аккуратностью. Но любили его не только за его дѣловыя качества, а въ первую очередь за его высокую духовную жизнь.

Очень скупой въ оцѣнкахъ своихъ собратіевъ отецъ Флегонтъ (Лебедевъ) характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Былъ великимъ подвижникомъ»<sup>181</sup>. И отецъ Владиміръ (Колесниковъ), подтверждая его слова, говорилъ о немъ такъ: «Подвижникъ замѣчательный и хорошій, секретарь покойнаго игумена отца Макарія, подвижался необыкновенно... несомнѣнно, что онъ получитъ милость у Бога»<sup>182</sup>.

Отецъ Тихонъ въ своемъ письмѣ духовному отцу игумену Макарію писалъ: «Какъ желательно, какъ дорого, какой источникъ всякой отрады, всякаго полезнаго вразумленія и мира душевнаго то, чтобы въ Господѣ умъ и сердце хранить. Краткое время — и то какъ оживляетъ. А если бы неотступно помнить и это единеніе хранить, это воистину жизни вѣчной предвкушеніе и миръ, котораго никто и нарушить, кажется, не могъ бы. И вотъ сего никакъ не приобрѣту, никакъ не сохраню. Вотъ горе-то, батюшка!»<sup>183</sup>

Но очевидно, что по молитвамъ своего старца онъ впослѣдствіи получилъ отъ Господа даръ непрестанной молитвы. «Все дѣланіе мое, — писалъ онъ впослѣдствіи въ своемъ

---

<sup>180</sup> АРПМА. Док. № 3909.

<sup>181</sup> АРПМА. Док. № 242. С. 189.

<sup>182</sup> АРПМА. Док. № 299. С. 14.

<sup>183</sup> АРПМА. Док. № 3909. С. 9.

дневникъ, — все вниманіе, и тщаніе, и долгъ, и званіе сіе есть: неотступно взывать, непрестанно обращать и память, и чувство ко Господу и Его благодати»<sup>184</sup>.

Человеческій умъ самъ по себѣ не можетъ остановиться на одномъ предметѣ, только любящее сердце можетъ заставить его обратить вниманіе на объектъ любви. Поэтому если мы хотимъ съ Божіей помощью пріобрѣсти навыкъ постоянной памяти о Богѣ, то въ первую очередь должны учиться любить. Наша цѣль — Богъ, любовь, и средство наше тоже любовь. «Азъ есмь ѱфа и омега» (Апок. 1:8), — сказалъ намъ Господь, чѣмъ далъ намъ ясно понять, что мы безъ Него не можемъ ничего. Онъ Средство, и Онъ Цѣль. «Принадлежать Господу, искать Его, жить въ Немъ, ходить передъ Нимъ, — пишетъ отецъ Тихонъ, — противъ сего есть попущеніе разсѣянiя и суетнаго скитанiя и пребы-



ванiя внѣ Господа, внѣ наученiя въ Немъ и взысканiя Его. Противъ этого единственное усиліе — постоянное разсужденіе о Господѣ. Это разсужденіе заключаетъ въ себѣ молитву Господу, чтеніе о Господѣ, работу съ именемъ Господа, твореніе добра отъ имени Господа. Такое разсужденіе вмѣстѣ съ искреннимъ покаяніемъ есть вѣрнѣйшій залогъ единенiя съ Господомъ»<sup>185</sup>. Дай Богъ намъ силу творить любовь, чтобы непрестанно быть съ Богомъ!

За духовное руководство отецъ Тихонъ былъ безгранично благодаренъ своему духовному отцу — игумену Макарію. Онъ писалъ: «Какъ мнѣ отрадны, какъ оживили меня духовно и малыя и короткія съ Вами, батюшка, бесѣды лицомъ къ лицу. Какъ желалъ бы подольше съ Вами бесѣдой насладиться, какъ сердце мое отъ этого оживляется. Долго я вслѣдъ вамъ смотрѣлъ, какъ бы хотѣлъ уцѣпиться за вашу рясу, да нечего дѣлать, пришлось смириться. Превеликое благодареніе Ваше и великую духовную милость Вашу не знаю какъ мнѣ и цѣнить»<sup>186</sup>. Нѣтъ сомнѣнiя, что именно тѣсное духовное сотрудничество духовника и ученика стало основой для возрожденiя ищущей единенiя съ Богомъ души.

Преставился отецъ Тихонъ 15 января 1898 года.

<sup>184</sup> АРПМА. Док. № 3909. С. 66.

<sup>185</sup> АРПМА. Док. № 3909. С. 145.

<sup>186</sup> АРПМА. Док. № 3909. С. 9.

## Схимонахъ Израиль (Мерзликинъ)

Схимонахъ Израиль<sup>187</sup> (въ міру Яковъ Іовлевичъ Мерзликинъ) родился въ крестьянской семьѣ въ 1812 году въ одномъ изъ сель Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Ему было 20 лѣтъ, когда онъ въ качествѣ паломника отправился въ Саровъ, къ знаменитому подвижнику преподобному Серафиму. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ великимъ старцемъ о своемъ намѣреніи стать монахомъ.

Прозорливый старецъ принялъ его ласково и на вопросъ Якова о томъ, есть ли воля Божія стать ему монахомъ, отвѣтилъ: «Монахомъ станешь, когда научишься любить!» Тогда Яковъ спросилъ: «Когда это будетъ?» Старецъ уклончиво отвѣтилъ: «Молись, и Божія Матерь подскажетъ».

Огорченный такимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, Яковъ пошелъ обратно домой. Дорога его лежала черезъ дремучіе тамбовскіе лѣса. И хотя онъ здѣсь былъ своимъ чело-вѣкомъ, но, погрузившись въ свои думы, не замѣтилъ, какъ заблудился. Ночевать въ лѣсу было опасно. Тогда онъ, уже отчаявшись найти дорогу, хотѣлъ было залѣзть на какое нибудь дерево и тамъ переночевать, какъ вдругъ среди деревьевъ увидѣлъ маленькую избу, похожую на монашескую отшельническую келлію. Онъ добрался до келліи, постучался, дверь почти сразу отворилась, и въ ней показалась монахиня. Она пригласила гостя въ свою келью, усадила, помыла ему ноги, накормила и указала уголь для ночлега.

Въ крайнемъ изумленіи Яковъ не могъ выговорить ни слова, только замѣтилъ, что у монахини-отшельницы необычайно свѣтилось лицо, да такъ, что его охватило глубочайшее благоговѣніе къ ней. Утомленный Яковъ быстро заснулъ, а утромъ, когда проснулся, то обнаружилъ, что онъ лежитъ подъ огромнымъ дубомъ, ни избы-келліи, ни монахини не было. Онъ понялъ, что ему явилась Божія Матерь и что Она благословила ему въ этомъ пустынномъ мѣстѣ построить страннопріимный домъ для идущихъ въ Саровъ паломниковъ.

Голыми руками, безъ какихъ либо на то средствъ Яковъ приступилъ къ осуществленію своего замысла. Работа продвигалась на удивленіе быстро. Черезъ два года былъ готовъ не только домъ, но была построена и маленькая часовня въ честь Покрова Божіей Матери. Всѣ, къ кому бы онъ ни обращался, съ радостью помогали ему въ этомъ дѣлѣ.

И вотъ, съ самаго момента завершения строительства, въ теченіе послѣдующихъ 40 лѣтъ въ этомъ страннопріимномъ домѣ Яковъ принималъ для ночлега

---

<sup>187</sup> Жизнеописаніе составлено по матеріаламъ АРПМА. См.: Док. № 1. С. 87; № 11. С. 65.

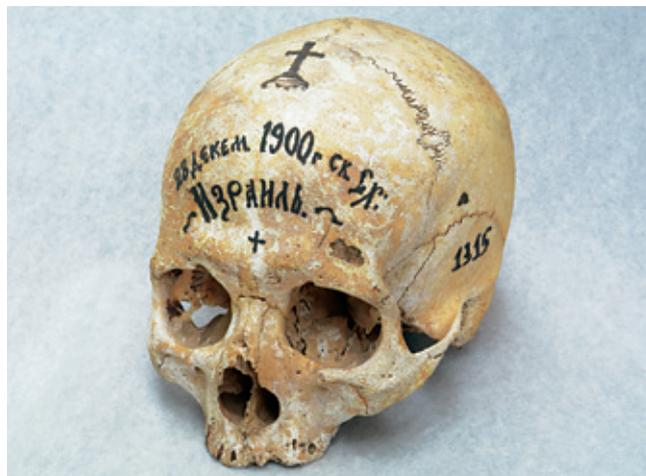
паломниковъ, и какъ ему однажды услужила Богородица (омыла ноги и накормила), такъ и онъ прислуживалъ каждому, кто бы ни приходилъ къ нему, невзирая на его происхожденіе и возрастъ.

О его гостепріимствѣ и любвеобиліи всѣ въ округѣ говорили съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Однако своего первоначальнаго намѣренія стать монахомъ онъ никогда не забывалъ. Но насыщенная заботами о другихъ жизнь заставляла его откладывать на неопредѣленное время осуществленіе сей цѣли.

Послѣ такого 40-лѣтняго служенія людямъ въ одну прекрасную ночь въ тонкомъ снѣ ему опять явилась Божія Матерь, но теперь уже въ игуменскомъ одѣяніи въ тѣни какой-то дивной горы и сказала ему: «Теперь пора тебѣ облечься въ ангельскій образъ и служить Моимъ сугубымъ подопечнымъ». Проснувшись, Яковъ побѣждалъ къ своему духовному отцу и, рассказавъ ему свой сонъ, получилъ слѣдующее объясненіе. «Пора, видно, идти тебѣ на Аѳонъ, — говорилъ духовникъ, — въ удѣлъ Божіей Матери, и тамъ облечься въ ангельскій образъ».

Яковъ Іовлевичъ прибылъ на Аѳонъ въ 1871 году и поступилъ въ Руссикъ. Старецъ Макарій, выслушавъ его исповѣдь, опредѣлилъ его на Троицкую келлію работать въ виноградникъ, а послѣ четырехъ лѣтъ искуса постригъ его въ схиму съ именемъ Израиль. Послѣ пострига до самаго конца своего жизненнаго пути онъ проходилъ послушаніе на Старомъ Руссикѣ архондаричнымъ въ ночлежномъ домикѣ, который обслуживалъ множество сиромановъ, жившихъ вокругъ Руссика въ лѣсахъ. Преній опытъ любвеобильнаго пріема паломниковъ ему тутъ очень пригодился, и онъ съ необычайнымъ рвеніемъ приступилъ къ выполненію этого послушанія. На протяженіи 25 лѣтъ отецъ Израиль былъ почти единственнымъ утѣшеніемъ для сотни сиромановъ, за что и они его любили и почитали. Вотъ что пишетъ о немъ отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Былъ старецъ очень простосердечный, добрый и милостивый къ сироманамъ-ночлежникамъ»<sup>188</sup>.

Отца Израиля лично зналъ и преподобный Силуанъ Аѳонскій. Въ своихъ запискахъ онъ пишетъ: «Тамъ же [на Старомъ Руссикѣ] былъ отецъ Израиль. Онъ видѣлъ Божию Матерь. Былъ очень старъ, а когда жилъ еще въ Россіи, то ходилъ къ преподобному Серафиму Саровскому и видѣлъ его живымъ еще. Жилъ отецъ Израиль въ томъ самомъ домикѣ, гдѣ теперь кипера (огороды). Тамъ была трава,



<sup>188</sup> АРПМА. Док. № 304. С. 194.

и мы ее косили. Однажды пошелъ я къ нему. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подѣ зеленымъ дубомъ. Росту онъ былъ высокаго, самъ сухой, сидитъ, четки въ рукахъ. Я былъ молодой монахъ, подошелъ къ нему, низко съ благоговѣніемъ поклонился и говорю: „Благослови, отче“. А онъ ласково сказалъ: „Богъ тебя благословитъ, чадо Христово“. Я и говорю ему: „Батюшка, вотъ вы одинъ. Хорошо вамъ здѣсь умной молитвой заниматься“. А онъ отвѣчаетъ: „Молитва дура не бываетъ, а вотъ мы-то дураки“. Мнѣ стало стыдно, и я не посмѣлъ его болѣе беспокоить, но и смысла его словъ не понялъ. Послѣ уже понялъ я, что „мы-то дураки“, потому, что жить, какъ должно, и работать Богу не умѣемъ»<sup>189</sup>. Конечно, преподобный Силуанъ не имѣлъ въ виду отца Израиля, который точно умѣлъ поработать Господу.

Преставился отецъ Израиль 29 декабря 1900 года.

## Монахъ Иринеѣ (Канатниковъ)

Монахъ Иринеѣ (въ міру Иванъ Ефимовичъ Канатниковъ) родился въ 1850 году въ крестьянской семьѣ села Трофимовка Макарьевского уѣзда Нижегородской губерніи. Въ юности онъ жилъ и учился въ городѣ Васильсурскѣ, у своей бабушки — вдовы, которая служила въ городскомъ домѣ барина и пользовалась полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ послѣдняго. Мальчикъ былъ очень способнымъ и начальное училище закончилъ съ отличіемъ, но поступить въ гимназію родители ему не разрѣшили. Они желали, чтобы онъ поскорѣе приступилъ къ изученію торговаго дѣла, и отдали его знакомому купцу въ ученики. Здѣсь Ивана сильно угнетала окружающая его атмосфера: торговля, лавка, вѣчная суета...

Мальчикъ очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности продолжить свое образование, но самостоятельныя занятія не оставилъ. Очень любилъ читать. Вотъ что писалъ 15-лѣтній Иванъ въ своемъ дневникѣ: «Въ пользу или во вредъ такъ сильно развилась во мнѣ страсть къ чтенію, она похожа на бурный потокъ, который я не въ силахъ остановить. Прямо дрожу, когда увижу хорошую книгу или даже худую. Изъ-за книгъ я даже рѣшаюсь на предосудительныя поступки, опасаюсь, чтобы не погибнуть изъ-за нихъ. Въ чемъ причина такой чрезмѣрной страсти къ чтенію? Какъ я полагаю, недостатокъ книгъ. Голодъ усиливается тогда, когда не хватаетъ пищи... Однажды я прочиталъ, что нужно читать съ разборомъ, а читающаго безъ разбора человекъ можно сравнить съ собакой, которая есть все, что ей бросаютъ. Какъ уменьшить эту страсть? Опять молить Господа, который можетъ сдѣлать все, что ни просимъ? Безъ Него я погибну душой и тѣломъ»<sup>190</sup>.

<sup>189</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старецъ Силуанъ Афонскій. М., 1996. С. 390.

<sup>190</sup> АРПМА. Док. № 464. С. 7.

Но только одно чтение не удовлетворяло живой умъ и горячее сердце юноши. Онъ явно чувствовалъ какую-то неполноцѣнность въ прочитанномъ, какую-то недосказанность. Его душа стремилась къ совершенному, идеальному, абсолютному. И онъ былъ увѣренъ, что найдетъ то, что искалъ. И онъ нашель Его, Господа и Создателя. Нашель онъ Его не въ книгахъ, а въ своемъ сердцѣ.

«Ахъ, если бы мнѣ навсегда не раскрывать своихъ глазъ и поступать осмотрительно! — пишетъ 15-лѣтній Иванъ. — На Тебя надежда, мой Создатель. Ты одинъ можешь спасти меня. Открой мои глаза видѣть и познавать руку Твою. Дай мнѣ уразумѣть, что изъ несчастій Ты дѣлаешь счастье человѣка. Ты одинъ, Всещедрый, истинно любишь и желаешь добра человѣку»<sup>191</sup>.

Бабушка, видя нерасположенность Ивана къ торговому дѣлу, выхлопотала черезъ барина, чтобы Ивана опредѣлили помощникомъ писаря въ канцелярію мѣстной городской думы, такъ какъ онъ умѣлъ грамотно писать. Но и здѣсь его душа продолжала

тосковать о Богѣ. Только въ церкви онъ находилъ утѣшеніе, только во время богослуженія онъ забывалъ о своей монотонной и суетной жизни, и въ немъ постепенно крѣпла мысль, что надо бросить все и навсегда всего себя отдать служенію Церкви. Онъ понималъ, что въ мірѣ ему невозможно освободиться отъ страстей.

15 января 1868 года, какъ разъ передъ поступленіемъ въ монастырь, онъ записалъ: «Смѣшно смотрѣть, если нѣмой хочетъ многословить, немощный показываетъ себя сильнымъ, низкій — высокимъ. Мои поступки смѣшны и безумны. Ужасно страдаетъ душа! Никогда, кажется, не была она такъ худа и изранена. Посмотри на себя: чѣмъ ты гордишься? Что въ тебѣ есть хорошаго, кромѣ безчисленныхъ пороковъ? А ты гордишься, тщеславишься. И вмѣсто того, чтобы благодарить Господа за такую милость, что Онъ Самъ отнимаетъ поводъ ко многимъ грѣхамъ, ты стараешься быть многорѣчивымъ,



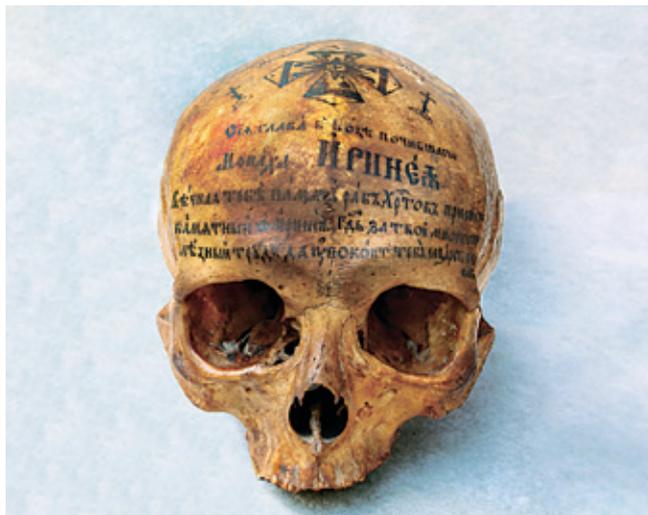
<sup>191</sup> АРПМА. Док. № 464. С. 11.

даже злорѣчивымъ. Какого достойно это наказанія? Не льсти себѣ, что ты лучше другихъ, не вѣрь своему заклятому врагу, ты идешь по пути гибельному»<sup>192</sup>. Послѣ такого заключенія Иванъ нашель въ себѣ мужество и въ 1868 году, когда ему было только лишь 18 лѣтъ, навсегда оставилъ мѣръ.

Начало монашества Иванъ положилъ въ Геѳсиманскомъ скиту Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ въ 1871 году былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Ириней. Въ Лаврѣ тогда жили монахи, побывавшіе на Аѳонѣ. Ихъ рассказы объ удѣлѣ Божіей Матери глубоко запали въ душу отца Ириней, и онъ сталъ помышлять отправиться на Святую Гору и тамъ продолжить свою монашескую жизнь.

Наконецъ ему представилась такая возможность, и онъ отправился въ желанное путешествіе. Отецъ Ириней прибылъ на Аѳонъ 6 марта 1874 года и сразу сталъ проситься въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Старцы, видя его искреннее намѣреніе послужить Богу и людямъ, приняли его. Здѣсь 24 марта 1876 года онъ былъ постриженъ въ мантию. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи. Все время былъ писаремъ такъ называемой верхней канцеляріи, которая занималась перепиской съ благотворителями и жертвователями. Обитель многимъ обязана ему за труды по письменной части при общеніи съ благодѣтелями. Онъ даже завелъ спеціальныя для каждаго россійскаго города книги, гдѣ регистрировалъ письма каждаго жертвователя монастыря. Такъ постепенно собралась важная информация обо всѣхъ жертвователяхъ. Благодаря его трудамъ мы, современные насельники, и черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ имѣемъ возможность получить информацию о нашихъ давно почившихъ благотворителяхъ и обратиться къ Богу наши немощныя молитвы за нихъ.

Отецъ Ириней былъ примѣрнымъ монахомъ, очень любилъ церковныя службы и почти всегда отъ умиленія плакалъ во время церковнаго пѣнія. Онъ постоянно



смирять себя передъ людьми, считалъ себя самымъ послѣднимъ грѣшникомъ и постоянно старался уничтожить себя. «Что касается до стиховъ, о которыхъ прежде я писалъ, — пишетъ онъ отцу Агаѳодору (Буданову), — то они, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны, но я-то столько же понимаю въ нихъ толку, сколько извѣстное животное — въ апельсинахъ»<sup>193</sup>.

Преставился отецъ Ириней 15 января 1898 года.

<sup>192</sup> АРПМА. Док. № 464.

<sup>193</sup> АРПМА. Док. № 1768. С. 2.

## Схимонахъ Мелетій (Котельницкій)

Схимонахъ Мелетій<sup>194</sup> (въ міру Василій Николаевичъ Котельницкій) родился въ 1826 году въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, въ семьѣ дворянина. Первоначальное образованіе получилъ дома, для него были приглашены гувернеры. А съ 14-ти лѣтъ учился въ военномъ училищѣ. Любовь къ Богу въ его сердцѣ посѣяла мать. Она боялась, что ея сынъ, опредѣленный на военную службу, станетъ грубымъ солдаономъ, и поэтому все время пыталась воспитывать его въ духѣ Священнаго Писанія, постоянно водила его на церковныя богослуженія. Труды ея не оказались напрасными. Въ сердцѣ юнаго Василія стало возрастать удивительное, чудное чувство — благоговѣніе передъ любимымъ Создателемъ, которое онъ до самаго своего смертнаго часа лелѣялъ и приумножалъ.

По окончаніи курса наукъ Василій былъ направленъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, но имѣлъ твердое намѣреніе, отслуживъ предписанное закономъ время, уволиться изъ арміи и поступить въ монастырь. Началась Крымская война. Здѣсь Василій особенно мужественно проявилъ себя во время обороны Севастополя, былъ тяжело раненъ, но выжилъ и за храбрость былъ награжденъ орденами святаго Георгія Побѣдоносца и святой Анны.

Послѣ войны съ нимъ произошелъ случай, который измѣнилъ всѣ его планы. Въ 1859 году, когда онъ имѣлъ уже чинъ капитана, его полкъ былъ расквартированъ въ городѣ Корсунѣ Симбирской губерніи. Здѣсь въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время онъ посѣщалъ семейство помѣщика, потомственнаго дворянина Василія Александровича Сабина, происходившаго изъ древняго татарскаго рода владѣтельнаго казанскаго князя Сабана. Имѣніе В. А. Сабина, село Зимненки, было расположено недалеко отъ г. Корсуня, поэтому Василій Николаевичъ часто бывалъ въ домѣ Сабининыхъ и близко познакомился съ его семействомъ, которое отличалось исключительной набожностью.

Однажды вечеромъ по какому-то случаю въ домѣ Сабина собралось много гостей изъ родныхъ и почетныхъ гражданъ. Былъ приглашенъ и Василій Николаевичъ. Въ тотъ вечеръ, когда всѣ гости и хозяйева развеселились, Василій Николаевичъ остался наединѣ съ дочерью Сабининыхъ, Надеждой, съ которой бесѣдовалъ о вѣрѣ и о Богѣ. Надежда была больна какой-то неизлѣчимой болѣзнью и впала отъ этого въ отчаяніе, жаловалась Василію Николаевичу на свою судьбу, недоумѣвала, за что ее такъ наказалъ Господь, что она изъ-за болѣзни даже матерью никогда не сможетъ стать. Василій Николаевичъ

<sup>194</sup> Жизнеописаніе составлено по архивнымъ документамъ: АРПМА. Док.: № 51. С. 75; № 315. С. 49; № 518. С. 786.



убѣждалъ ее, что болѣзни посылаются намъ любящимъ Отцомъ только для того, чтобы мы въ трудныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ учились любить, а Господь единственный знаетъ, какія условія для насъ самыя подходящія для этого.

Но въ отчаяніи дѣвушка не хотѣла и слышать его объясненій. Въ этотъ моментъ преисполненный чувствомъ истиннаго христіанскаго состраданія Василій Николаевичъ сдѣлалъ Надеждѣ предложеніе. Она хоть и поняла, что онъ пожалѣлъ ее, но все-таки заявила о своемъ согласіи вступить въ бракъ, чѣму всѣ гости, а особенно родители, были чрезвычайно рады. Тогда же въ присутствіи всѣхъ гостей родители Надежды благословили молодыхъ иконой Божіей Матери Казанской, которая считалась семейной реликвіей и была унаслѣдована и благоговѣнно почитаема Сабининымъ и его предками со временъ владѣтельнаго татарскаго казанскаго князя Сабана, современника царя Иоанна Васильевича Грознаго.

Семейное преданіе о происхожденіи иконы гласило, что казанскій князь Сабанъ противостоялъ царю Ивану Грозному и не уступалъ ему города Казани, за что былъ наказанъ Богомъ — ослѣпъ. Никто не помнилъ, сколько времени онъ страдалъ слѣпотой, но достовѣрно извѣстно о его исцѣленіи. Произошло оно такъ: ослѣпленному Сабану было видѣніе, во снѣ ему явилась икона Божіей Матери Казанской, отъ которой былъ голосъ: «Если примешь христіанскую вѣру и крестишься, я исцѣлю тебя». Князь тутъ же далъ обѣщаніе принять христіанскую вѣру и сразу послѣ произнесенія обѣта получилъ исцѣленіе, сталъ видѣть, какъ и прежде. Немедленно онъ принялъ Святое крещеніе.

По принятіи крещенія Сабанъ пожелалъ имѣть въ своемъ домѣ икону Божіей Матери, которая ему явилась и отъ которой онъ слышалъ голосъ. Увидѣнная имъ икона была чудотворной Казанской и находилась въ женскомъ монастырѣ города Казани. Съ нея была сдѣлана точная копія, которая называлась аналойной. Уже послѣ покоренія Казани Сабанъ обратился къ царю Иоанну Грозному и просилъ у него разрѣшенія взять эту аналойную икону къ себѣ въ домъ. Царь позволилъ Сабану обрѣсти икону.

Эта святая икона и переходила по наслѣдству отъ Сабана изъ рода въ родъ. Такъ дошла она до Василія Александровича, которымъ дана была какъ благословеніе новобрачнымъ Василію и Надеждѣ. Вскорѣ они были обвѣнчаны и жили мирно супружеской жизнью. При нихъ неразлучно находилась и святая икона. Изъ-за болѣзни Надежды дѣтей у нихъ не было.

Впослѣдствіи, когда Бутырскій полкъ переводился въ другія мѣста и по долгу службы Василій Николаевичъ вездѣ находился при немъ, то съ нимъ переѣзжала и жена его, а при нихъ и святая икона слѣдовала за полкомъ. Наступилъ 1877 годъ. Началась Русско-турецкая война. По распоряженію начальства Василій Николаевичъ, уже въ чинѣ подполковника, былъ назначенъ начальникомъ 7-го Петербургскаго госпиталя, который былъ направленъ на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію. Жена его поѣхала съ нимъ въ качествѣ сестры милосердія.

По прибытіи въ Турцію госпиталь былъ развернуть близъ Плевны. Василій Николаевичъ и Надежда усердно выполняли свои обязанности, самоотверженно ухаживая за страдающими ранеными воинами, при этомъ показывая истинно христіанскіе любовь и милосердіе. Святая же икона, неразлучная ихъ спутница, была установлена въ особой палатѣ, гдѣ передъ ней неугасимо горѣла лампада. Всѣ военнослужащіе благоговѣнно чтили Пречистый образъ Владычицы и усердно молились Царицѣ Небесной, вручая Ей свою жизнь, просили Ее милостиваго заступленія и помощи.

Молитвы воиновъ не остались тщетными. Владычица міра не посрамила ихъ упованія и явила имъ Свое материнское милосердіе, благодатное заступленіе и помощь. Башибузуки, извѣстные своими звѣрствами, не одинъ разъ покушались истребить госпиталь и всѣхъ раненыхъ въ немъ. Но имъ никакъ не удавалось осуществить свои замыслы. Сколько бы разъ они ни нападали, всегда были поражаемы какой-то необъяснимой силой. Попадавшіе въ плѣнъ къ русскимъ воинамъ башибузуки рассказывали, что видѣли, какъ госпиталь во время ихъ нападений былъ окруженъ огненнымъ свѣтомъ, отъ котораго они слѣпли и приходили въ замѣшательство, отступая назадъ. Русскіе же, слыша такіе рассказы, еще усерднѣе молились Царицѣ Небесной предъ Ея Пречистымъ образомъ и со слезами благодарили Владычицу за Ея покровительство, помощь и заступленіе.

Послѣ взятія Плевны въ войскахъ сталъ свирѣпствовать тифъ, отъ котораго многіе умирали. Заразилась тифомъ и сестра милосердія Надежда, жена и сотрудница Василія Николаевича. Въ предсмертный часъ, пребывая въ полномъ сознаніи, Надежда обратила свой страдающій взоръ на святую икону Божіей Матери Казанской, просила у Царицы Небесной милостиваго заступленія и заступничества за ея душу предъ Господомъ при приближающемся исходѣ жизни. Съ дѣтской вѣрой обращалась она въ молитвѣ къ Божіей Матери, вручая всю себя Ея материнскому покровительству. Молилась она о себѣ и о мужѣ Василіи, который находился въ это время при ней. Умирая, просила Матерь Божію быть свидѣтельницей ея предсмертнаго завѣщанія. Обратившись къ своему мужу, слабымъ голосомъ сказала ему: «Василій! По окончаніи войны не связывай себя узами втораго брака, но исполни свой обѣтъ, данный Богу, и вступи въ монашество». Сказавъ это, она мирно скончалась.

Война закончилась. Василій Николаевичъ, возвратившись въ Петербургъ, немедленно сдалъ свои дѣла, уволился со службы, подавъ прошеніе объ отставкѣ, которую онъ вскорѣ и получилъ вмѣстѣ съ полнымъ пенсіономъ, положеннымъ ему по чину, даже несмотря на то, что его намѣреніе поступить въ монастырь вызвало негодованіе всѣхъ начальствующихъ.

Освободившись отъ служебныхъ обязанностей, онъ вспоминалъ о времени минувшихъ молодыхъ лѣтъ, со всѣми поворотами, происходящими въ его жизни, при кото-

рыхъ незамѣтнымъ образомъ все ближе подвигался къ исполненію своего завѣтнаго желанія вступить въ монашество.

Съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности молился онъ передъ святой иконой Божіей Матери, вспоминая свое первоначальное предложеніе о бракѣ болѣзнующей Надеждѣ, которое онъ сдѣлалъ какъ будто необдуманно, опрометчиво. И дѣйствительно, слѣдовало бы удивляться его предложенію. Вѣдь онъ зналъ, что Надежда больна, и, несмотря на это, откуда-то появилась мысль соединиться съ ней узами брака. Теперь же онъ благодарилъ Господа и Его Пречистую Матерь за то, что помогъ Надеждѣ обрѣсти новую жизнь въ упованіи на Господа. И самому ему было это полезно, такъ какъ, пріобрѣтя чуднаго друга и спутника жизни, онъ предохранилъ себя и свою душу отъ гибели, которая ему грозила отъ развратной жизни, которую по большей части вели въ то время военные люди.

Дивны и непостижимы дѣла Твои, Господи! Подъ прикрытіемъ брака онъ провелъ большую часть жизни мирно, и теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ свободенъ, и путь къ иноческой жизни открытъ. Слава Богу за все! По окончаніи своихъ служебныхъ обязанностей ему оставалось одно — исполнить задуманное, поступить въ какой либо монастырь въ Петербургѣ. Это совѣтовалъ ему сдѣлать самъ преосвященный митрополитъ Исидоръ, съ которымъ Василій Николаевичъ былъ лично знакомъ. Но духъ его не былъ расположенъ къ мѣстнымъ обителямъ, и на предложеніе митрополита онъ не согласился.

По указанію извѣстнаго старца іеромонаха Феодосія, подвижника Юрьевского монастыря Новгородской губерніи, онъ отправился на Гору Аѳонъ, взявъ съ собой и икону Божіей Матери Казанской. Прибывъ благополучно на Аѳонъ, онъ остановился въ Свято-Андреевскомъ скиту, гдѣ былъ принятъ въ число братства. Въ 1882 году съ величайшаго соизволенія и по благословенію архимандрита Феодорита Василій Николаевичъ былъ удостоенъ постриженія въ ангельскій чинъ (въ мантию) съ именемъ Мина.

Нѣсколько лѣтъ прожилъ отецъ Мина въ Андреевскомъ скиту, но затѣмъ заболѣлъ тифомъ. Его отправили въ Константинополь на излѣченіе. Святая же икона осталась на Аѳонѣ. По прибытіи въ Константинополь отецъ Мина былъ помѣщенъ въ русскую Николаевскую больницу. Однако практика и способы лѣченія, которыя примѣнили тамошніе доктора, не дѣйствовали на его серьезную болѣзнь. По свидѣтельству докторовъ, ему оставалось жить уже совсѣмъ немного. Даже часъ его смерти былъ назначенъ.

Слабыя и болѣзненные его чувства уже созерцали приближающуюся кончину, силы все болѣе и болѣе слабѣли, наступила предсмертная агонія, не часы, а, можетъ быть, минуты раздѣляли его жизнь отъ смерти. Молиться онъ не могъ, но, чувствуя приближеніе смерти, къ которой онъ не былъ готовъ, воздыхалъ и просилъ Матерь Божию дать ему хотя бы малое время на покаяніе.

Въ предсмертной агоніи по ходатайству Владычицы мира ему была оказана милость Божія. Напротивъ своей постели на стѣнѣ онъ увидѣлъ икону Божіей Матери — Пречистый образъ, который былъ явленъ ему въ такомъ видѣ: Матерь Божія была изображена сидящей, во всемъ блескѣ царскаго величія и славы. На Пречистой главѣ Богородицы была царская корона, украшенная и сіяющая брилліантами. Богомладенецъ Иисусъ Христосъ сидѣлъ на колѣняхъ у Пречистой Своей Матери съ лѣвой стороны, поддерживаемый полусогнутой рукой Владычицы. Въ правой рукѣ Матерь Божія держала земной шаръ (знакъ самодержавія и власти). Богомладенецъ Христосъ въ Своей правой рукѣ держалъ царскій скипетръ, а лѣвой рукой съ указательнымъ пальцемъ, приподнятымъ вверхъ, символически выражалъ Свою Божественную волю даровать намъ небесныя блага и, указывая вверхъ, какъ бы говорилъ: «Покайтесь! И ищите Царствія Божія!»

Всматриваясь въ этотъ Пречистый образъ, отецъ Мина какъ будто забылъ о наступающемъ смертномъ часѣ. Въ это время онъ замѣтилъ перемену въ явленномъ ему образѣ: въ лѣвой рукѣ Божіей Матери вмѣсто земнаго шара онъ увидѣлъ потиръ (чашу), въ которую Пречистая Владычица опустила Свою правую руку и, омочивъ персты кровью, провела по верху одежды на Своей Пречистой груди. Въ отвѣтъ на его нѣмой вопросъ: «Какъ спастись?» — она большими буквами написала слово «сердце». Затѣмъ, обратившись къ нему, съ неизъяснимой материнской любовью вслухъ произнесла: «Дается тебѣ срокъ на покаяніе, а икону Мою отдай туда, куда Я укажу». Послѣ этихъ словъ видѣніе прекратилось, и онъ почувствовалъ себя исцѣленнымъ, немедля всталъ съ постели и объявилъ всѣмъ, что здоровъ.

Своимъ выздоровленіемъ отецъ Мина привелъ въ ужасъ всѣхъ служащихъ больницы, особенно докторовъ. Кто изъ нихъ вѣрилъ въ Бога, прославлялъ Его вмѣстѣ съ нимъ. Благодарили и Царицу Небесную за дарованное по Ея предстательству чудесное исцѣленіе. Вскорѣ послѣ этого отецъ Мина выѣхалъ изъ Константинополя на Аѳонъ, но не въ Андреевскій скитъ, а въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ по милости Божіей и благословенію Царицы Небесной нашель окончательное свое убѣжище.

Черезъ посредство русскаго посла въ Константинополь господина Нелидова и по его просьбѣ онъ получилъ благословеніе игумена Андрея (Веревкина) на жительство въ Новой Оивайдѣ, куда и пожертвовалъ святую икону Божіей Матери Казанской въ церковь святыхъ преподобныхъ афонскихъ въ утѣшеніе свое и братства Оиваиды. Видѣнную же имъ въ Константинополь на стѣнѣ госпиталя икону Божіей Матери ему написалъ почтенный іеромонахъ Уриль (Будановъ), братъ отца Агаѳодора (Буданова). Отецъ Уриль, какъ опытный иконописецъ, сразу понялъ, что увидѣнная отцомъ Миной икона была похожа на ту, которая въ то время находилась въ Москвѣ, въ храмѣ Христа Спасителя. Эта святая икона именуется «Путеводительница».

18 марта 1898 года отца Мину постригли въ схиму съ именемъ Мелетій. Благодарный Богу за всѣ благодѣянія, оказанныя ему въ продолженіе всей его жизни, отецъ Мелетій

всѣми силами старался быть примѣрнымъ монахомъ и подвижникомъ. Онъ съ солдатской дисциплинированностью исполнялъ всѣ монашескія правила, очень любилъ церковныя богослуженія.

Вотъ что пишетъ 70-лѣтній отецъ Мелетій духовнику отцу Андрею (Веревкину), поздравляя его съ Рождествомъ Христовымъ: «Вотъ всѣ радуются и веселятся, я же, окаянный, пребываю не исцѣленнымъ въ грѣхахъ, не исполняя своего канона схимонашескаго иногда по болѣзни и немощамъ, а болѣе по своей лѣности. Умоляю Васъ, отче святыи со слезами, Вашими святыми молитвами помочь мнѣ избавиться отъ обычной лѣности, да совершу начало спасенія моего безъ пощады окаяннаго тѣла моего и нерадивой души моей, пребывающей въ усыпленіи. Истинно вѣрую, что если Вы поможете своими любвеобильными молитвами ко Господу, то смогу безъ сожалѣнія вступить на узкій и тернистый путь, предложенный всѣмъ желающимъ спасенія Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ за ходатайство Пречистой Матери Его»<sup>195</sup>.

И это пишетъ старецъ, тѣло котораго носило на себѣ слѣды многочисленныхъ военныхъ раненій! Въ другомъ письмѣ онъ вынужденъ признаться, что причина его лѣности — его военное прошлое: «Раны мои открылись, какъ и всегда, но въ этомъ году гораздо чувствительнѣе, и не позволяютъ выходить на свѣжій воздухъ, и при движеніи усиливаютъ кровотечение»<sup>196</sup>.

Вся братія любила отца Мелетія. Онъ былъ ко всѣмъ очень вѣжливъ, со всѣми любезенъ, въ бесѣдѣ назидателенъ. Онъ и матеріально помогаль монастырю. Свою военную пенсію въ 350 рублей, которую получалъ до конца жизни, всю отдавалъ обители.

Отецъ Мелетій при приближеніи конца земнаго пути завѣщалъ слѣдующее: «Святая икона „Путеводительница“, написанная для меня, да будетъ при мнѣ до смерти въ утѣшеніе и напоминаніе о срокѣ, данномъ мнѣ на покаяніе. Послѣ смерти же и эта святая икона должна перейти въ пользу обители въ ту же церковь преподобныхъ аѳонскихъ».

Преставился отецъ Мелетій 26 сентября 1905 года. 25 сентября въ началѣ бдѣнія ему стало плохо, и во второмъ часу на 26 сентября онъ отошелъ ко Господу. Умеръ тихо, безмятежно и болѣлъ-то всего передъ смертью недѣлю. Погребли его 26 сентября, послѣ вечерни, соборно, въ присутствіи всей оивайдской братіи.



<sup>195</sup> АРПМА. Док. № 1304. С. 4.

<sup>196</sup> Тамъ же. С. 9.

## Схіархимандритъ Іоасафъ (Донсковъ)



Схіархимандритъ Іоасафъ (въ міру Яковъ Петровичъ Донсковъ) родил-ся въ 1816 году въ семьѣ казака города Уральскъ Оренбургской губерніи. Яковъ не пошелъ по пути своего отца и не сталъ военнымъ, а поступилъ въ духовную семинарію, послѣ окончанія которой сталъ сельскимъ священникомъ. Послѣ смерти жены онъ поступилъ въ уральскій Николаевскій мужской монастырь, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Іоанникій. Впослѣдствіи онъ сталъ настоятелемъ этого монастыря и почти 20 лѣтъ руководилъ имъ. Въ возрастѣ 62-хъ лѣтъ отецъ Іоанникій оставилъ свой игуменскій постъ и, передавъ его своему ученику, рѣшилъ остатокъ жизни провести на Святой Горѣ Аѳонъ.

Въ 1878 году отецъ Іоанникій прибылъ на Аѳонъ, гдѣ отцы Пантелеимонова монастыря съ радостью приняли извѣстнаго тогда по всей Россіи опытнаго старца

въ число братіи. 29 марта 1879 года отецъ Іоанникій былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Іоасафъ. Старцы монастыря дали ему самое трудное послушаніе — быть духовникомъ въ Старомъ Русикѣ, который славился по всѣму Аѳону строгостью монашескаго устава. Братія Стараго Руссика съ большимъ энтузіазмомъ приняла новаго духовника, искуснаго во всѣхъ дѣлахъ духовной жизни.

Въ 1882 году старцы обители попросили отца Іоасафа поѣхать на Новый Аѳонъ для духовнаго окормленія тамошняго братства, на что смиренный послушникъ безропотно согласился, хотя его душа оставалась на Аѳонѣ. То, какъ онъ заботился о благополучіи и повышеніи статуса Симоно-Кананитской обители, хорошо видно изъ его письма, отправленнаго въ апрѣлѣ 1884 года къ отцу Макарію. Вотъ что онъ пишетъ: «Спѣшу увѣдомить Васъ о радостномъ для насъ событіи. Нашъ отецъ игумень (іеромонахъ

Іеронъ (Носовъ) по моему ходатайству награжденъ наперснымъ крестомъ... Для пользы нашей юной обители я нахожу нужнымъ дать отцу Іерону митру по примѣру того, какъ въ Михайловской пустыни настоятель имѣетъ ее. Поэтому прошу Васъ, не благословите ли мнѣ вновь объ этомъ ходатайствовать, но чтобы отецъ Іеронъ не зналъ»<sup>197</sup>.

Черезъ три года, въ 1885 году, по благословенію отца Макарія отца Іоасафа направили для духовной помощи подворью монастыря въ Константинополь. О его глубокомъ смиреніи свидѣтельствуеетъ письмо отъ 20 декабря 1885 года: «Прибыль благополучно въ Константинополь и принялъ послушаніе духовника служащей братіи и пріѣзжающихъ на подворье паломниковъ ввѣренной вамъ обители, которое я благодатью Божіей и Вашими святыми молитвами по силѣ возможности моей постараюсь исполнять. Чтобы исповѣдаться самому, какъ требуетъ того священный долгъ, я предложилъ духовнику отцу Протасію исповѣдаться у него. Но онъ отказался, ссылаясь на то, что не имѣетъ отъ батюшки игумена благословенія. Вслѣдствіе этого я прошу Ваше преподобіе предложить отцу Протасію меня исповѣдовать»<sup>198</sup>.

Любовь отца Іоасафа къ собратіямъ и здѣсь проявилась всесторонне. Онъ какъ на Новомъ Аѳонѣ тайно заботился объ отцѣ Іеронѣ, такъ и здѣсь старался во всемъ помочь отцу Паисію (Балабанову). Вотъ отрывокъ изъ его письма къ отцу Макарію: «Я полагалъ бы, батюшка, для пользы святой обители отца Паисія рукоположить въ іеромонахи. Пусть онъ занимался бы одной исповѣдью, этимъ онъ не уступилъ бы отцу Іонѣ Кіевскому. Поэтому осмѣливаюсь Васъ, батюшка, просить отца Паисія рукоположить въ іеромонаха, въ этомъ вы не будете раскаиваться»<sup>199</sup>.

Послѣ отъѣзда отца Паисія въ Россію отецъ Іоасафъ былъ назначенъ настоятелемъ подворья въ Константинополь. Столичная суетная жизнь тяготила истиннаго монаха. Онъ съ честью выполнялъ возложенное на него послушаніе, но съ трудомъ переносилъ тѣ издержки повседневной жизни подворья, которые никакъ не способствовали исполненію монашескаго дѣланія. Вотъ что пишетъ 70-лѣтній старецъ, проведеншій свою 40-лѣтнюю монашескую жизнь въ горнилѣ непрерывныхъ испытаній, въ своей исповѣди, посланной имъ къ отцу Макарію 10 сентября 1886 года: «Я, многогрѣшный, вѣду здѣсь жизнь не соотвѣтственно монашеской. Батюшка, простите меня,



<sup>197</sup> АРПМА. Док. № 112. С. 19.

<sup>198</sup> АРПМА. Док. № 796. С. 2.

<sup>199</sup> АРПМА. Док. № 796. С. 21.

многогрѣшнаго, каюсь, въ пищѣ не воздержанъ, осуждаю, празднословлю...»<sup>200</sup> Смиранный старецъ и словомъ не обмолвился о томъ, что онъ въ пищѣ «невоздержанъ» потому, что обязанъ безконечно угощать высокопоставленныхъ гостей, а «осуждаетъ» и «празднословитъ», обсуждая съ тѣми же гостями разныя дѣла, касающіяся интересовъ монастыря.

Наконецъ Милостивый Господь услышалъ вопль души Своего вѣрнаго раба: братія Руссика стала настоятельно просить отца Макарія вернуть отца Иоасафа въ обитель, на что прозорливый старецъ согласился въ 1888 году, и отецъ Иоасафъ вновь вернулся на Аѳонъ на радость братіи Стараго Руссика. Тамъ онъ вновь былъ назначенъ духовникомъ. Съ того времени Господь далъ ему еще шесть лѣтъ жизни для того, чтобы насладиться уединеніемъ съ Богомъ. Вооруженный непрестанной Іисусовой молитвой и искреннимъ смиреніемъ, онъ достигъ очень высокаго уровня духовнаго состоянія, чѣмъ помогъ тысячамъ людей найти путь ко спасенію.

Отецъ Иоасафъ за заслуги предъ Православной Церковью по указу Россійскаго императора былъ награжденъ орденомъ святой Анны III степени.

Преставился отецъ Иоасафъ 12 октября 1894 года.

## Схимонахъ Серафимъ (Ковалищенковъ)

Схимонахъ Серафимъ (въ міру Симеонъ Петровичъ Ковалищенковъ) родился въ 1821 году въ семьѣ зажиточнаго купца I гильдіи города Бирючь Воронежской губерніи. Симеонъ получилъ гимназическое образованіе и сталъ правой рукой своего отца. Въ 20 лѣтъ его женили на дочери другаго бирючинскаго купца, и отъ этого брака родились дѣти — трое сыновей и дочка. Послѣ смерти отца все торговое дѣло перешло къ Симеону Петровичу, которое онъ умѣло приумножалъ и которымъ разумно распоряжался. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ среди горожанъ города Бирючь, такъ что былъ назначенъ городскимъ главой. Все было у Симеона Петровича. По мірскимъ мѣркамъ онъ былъ очень счастливымъ человѣкомъ: у него была прекрасная семья, онъ былъ очень богатъ, пользовался огромнымъ уваженіемъ и властью въ своемъ родномъ городѣ. И казалось, ничто не могло поколебать этого счастья. Но Богъ судилъ иначе, Онъ призвалъ его для высшаго счастья, по сравненію съ которымъ земное счастье ничто.

Въ 1867 году жена его вдругъ тяжело заболѣла. Онъ не щадилъ силъ и средствъ, чтобы помочь ей, но ея состояніе только ухудшалось. Когда всѣ средства были испробованы, отчаявшись, Симеонъ Петровичъ наконецъ пришелъ въ церковь. Да, мы приходимъ

---

<sup>200</sup> АРПМА. Док. № 796. С. 32.

къ Богу часто именно тогда, когда намъ больше некуда идти. Но честны ли мы тогда предъ Богомъ? Вѣдь мы приходимъ къ Нему въ такой моментъ только для того, чтобы вымолить необходимое намъ, не задумываясь о томъ, а есть ли на то, что мы просимъ, воля Божія. Разсуждая по-земному, говоримъ: если Богъ — любящій Отецъ, то Онъ долженъ намъ помочь, долженъ дать то, что намъ такъ нужно сейчасъ. Но Богъ имѣетъ другое промышленіе о насъ. У Него другія представленія о счастье. Оно заключается не въ томъ, чтобы обезпечить наше земное счастье, а въ томъ, чтобы использовать любяща средства для спасенія нашей души и благополучнаго перехода ея къ вѣчному, нескончаемому блаженству. И какъ бы мы ни умоляли Господа, не отговоримъ Его отъ этого Своего Промышленія о насъ. Именно Его безграничная любовь, неимоვნно желающая нашего спасенія, заставляетъ Бога быть «неумолимымъ». Поэтому блаженъ человекъ, который при любыхъ обстоятельствахъ жизни сможетъ спокойно сказать: «Да будетъ воля Твоя на мнѣ, Господи!» Какъ бы ни было намъ больно въ случившемся несчастіи, это единственный и вѣрнѣйшій способъ спасенія нашей души, попущенный милостивымъ Богомъ! Но, къ сожалѣнію, принять это и тѣмъ болѣе понять это — выше человѣческаго сознанія. Хотя бываютъ и рѣдкія исключенія. Именно о такомъ мы разскажемъ въ этомъ жизнеописаніи.

Симеонъ Петровичъ пришелъ въ церковь не выпрашивать у Бога здоровья для своей жены, а искренне покаяться въ грѣхахъ и узнать волю Бога. Господь открылъ ему глаза, и тогда онъ увидѣлъ свою жизнь какъ бы со стороны и понялъ, что въ ней въ дѣйствительности все было неправильно, даже уродливо. Онъ понялъ, что его счастье было не что иное, какъ самообманъ, что онъ всю жизнь служилъ исключительно своему тщеславію и гордости. Богоносные отцы говорятъ, что покаяніе открываетъ путь къ Богу, а смиреніе приводитъ къ Нему. Симеонъ Петровичъ выбралъ именно этотъ путь и не прогадалъ. Богъ устроилъ такъ, что жена его умерла съ миромъ, напутствованная молитвой Церкви и Святыми Дарами Христовыми. Послѣднія ея слова были словами благодарности за возможность умереть, примирившись съ Богомъ.

Послѣ смерти жены Симеонъ Петровичъ продалъ все свое имущество, малую часть отдалъ добрымъ людямъ для обезпеченія будущаго своей дочери, а большую часть раздалъ нищимъ. Взялъ всѣхъ своихъ троихъ сыновей, которые были уже взрослыми юношами, и поѣхалъ на Аѳонъ, чтобы навсегда остаться тамъ въ какомъ нибудь монастырѣ.

Въ 1869 году онъ со своими сыновьями поступилъ въ Андреевскій скитъ, но испытаніе его рѣшимости неуклонно идти по пути спасенія этимъ не закончилось. Неожиданно заболѣли его старшіе сыновья, видимо, заразились отъ матери еще дома, и черезъ годъ онъ похоронилъ и ихъ. Даже это невыносимое горе не поколебало Симеона Петровича въ вѣрѣ, и онъ сказалъ твердое «да», когда игумень скита предложилъ ему постригъ въ монахи. Его постригли въ мантию съ именемъ Андрей. Скоро онъ былъ вынужденъ разстаться и съ младшимъ сыномъ, котораго призвали на военную службу въ Россію.



Отец Андрей не смогъ жить рядомъ съ могилами своихъ сыновей и попросилъ благословенія настоятеля скита перейти въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, что и случилось въ 1876 году. Начался новый этапъ его 30-лѣтней монашеской жизни, во время котораго онъ служилъ уже не своей гордости, а Богу и людямъ, творилъ дѣла христіанской любви и шагъ за шагомъ прокладывалъ путь къ человѣколюбивому Богу. 14 марта 1878 года его постригли въ схиму съ именемъ Серафимъ.

Въ 1878 году отца Серафима послали въ Москву на послушаніе — управлять Полянскимъ домомъ, а потомъ наблюдать за постройкой новой монастырской часовни у Владимірскихъ воротъ.

Онъ часто переписывался со своими духовными отцами, духовникомъ Иеронимомъ и игуменомъ Макаріемъ<sup>201</sup>. Возвратился на Аѳонъ черезъ шесть лѣтъ, въ 1884 году. За это время дочка его стала совершеннолѣтней и рѣшила послѣдовать примѣру отца и поступить въ монастырь. Она стала монахиней въ Покровскомъ монастырѣ Кіева съ именемъ Евдокія, при этомъ поддерживала тѣсныя духовныя связи съ роднымъ отцомъ, переписываясь съ нимъ. Въ архивѣ монастыря сохранились всѣ ея письма<sup>202</sup>.

Съ 1884 года до самой смерти отецъ Серафимъ проходилъ послушаніе въ канцеляріи монастыря. Онъ отличался смиреніемъ и полнымъ довѣріемъ волѣ Божіей. Монашескія обязанности исполнялъ въ точности, особенно былъ ревностенъ на богослуженіяхъ.

Преставился отецъ Серафимъ 20 ноября 1899 года.

## Схіархидіаконъ Лукіанъ (Роевъ)

Схіархидіаконъ Лукіанъ (въ міру Левъ Григорьевичъ Роевъ) родился въ 1834 году въ мѣщанской семьѣ города Азовъ Екатеринославской губерніи. Его мать звали Евдокіей. О перипетіяхъ мірской жизни отца Лукіана намъ ничего не извѣстно, но по его письмамъ можно судить, что онъ получилъ хорошее образованіе.

Въ 1851 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Ему было тогда чуть больше 17-ти лѣтъ, а потому духовникъ

<sup>201</sup> АРПМА. Док. № 626.

<sup>202</sup> АРПМА. Док. № 3351.

Іеронимъ далъ ему послушаніе келейника. Въ 1854 году его постригли въ мантию съ именемъ Лукіанъ.

Отець Іеронимъ часто уединялся по разнымъ кельямъ монастыря и почти на протяженіи 15-ти лѣтъ повсюду съ нимъ слѣдовалъ его келейникъ отецъ Лукіанъ. Ему выпало счастье быть постоянно рядомъ со святымъ человѣкомъ, котораго онъ очень любилъ и почиталъ. Братія бѣлой завистью завидовала отцу Лукіану.

Въ 1865 году отца Лукіана рукоположили въ іеродіакона. Вскорѣ послѣ этого старцы обители задумали устроить въ монастырѣ типографію и для изученія типографскаго дѣла выбрали отца Лукіана, такъ какъ онъ имѣлъ даръ рисованія и занимался иконописью. Его отправили въ Константинополь.

Первымъ его заданіемъ было приготовить фотоальбомъ объ Аѳонѣ, который старцы желали передать послуграфу Николаю Игнатьеву, ктитору и благодѣтелю обители, для преподнесенія Императорской фамилии. Вотъ какъ онъ описываетъ старцамъ то, какъ долженъ былъ бы выглядѣть альбомъ: «Альбомъ Его Высочеству долженъ быть сдѣланъ какъ можно изящнѣе. Для этой цѣли намъ надо найти хорошаго рѣзчика, который бы могъ вырѣзать на деревѣ и на кости на лицевой сторонѣ альбома изображеніе Святой Горы Аѳонъ, а кругомъ ея должно быть расположено простенькое рококо (т. е. плетушки или гирлянды), по угламъ — бордюръ. Посерединѣ — Гора, а подъ горой — крестъ. Повыше креста будетъ написано заглавіе этого альбома (циркуляромъ)»<sup>203</sup>.

Отець Лукіанъ освоилъ технику типографской печати и, закупивъ нужное оборудование, вернулся въ обитель. Здѣсь онъ организовалъ типографію, гдѣ въ основномъ печатались иконки и малые листки духовнаго содержанія, дѣлали разныя литографіи. Отець Лукіанъ передалъ свое знаніе многимъ собратіямъ, которые продолжали его дѣло вплоть до Первой міровой войны.



<sup>203</sup> АРПМА. Док. № 1562. С. 7.



*Лукіановская калива времяъ отца Лукіана. Сегодня полностью разрушена*

Въ 1885 году умеръ духовникъ Іеронимъ, человекъ, который былъ очень дорогъ отцу Лукіану. Это было для него очень тяжелой утратой. Послѣ этого отецъ Лукіанъ обратился съ просьбой къ отцу Макарію благословить ему построить недалеко отъ монастыря маленькую каливу, гдѣ онъ могъ бы уединиться для молитвы. Послѣ безкорыстныхъ трудовъ на благо обители въ теченіе 34-хъ лѣтъ онъ дерзалъ теперь продолжить служить обители молитвенно, постепенно усовершенствуя себя духовно. Отецъ Макарій благословилъ, и отецъ Лукіанъ въ масличномъ саду на юго-восточной сторонѣ монастыря построилъ себѣ каливу, гдѣ онъ прожилъ въ полномъ затворѣ болѣе 30-ти лѣтъ, и она была названа братіей Лукіановской каливой. Здѣсь онъ сталъ исполнять то монашеское правило, которое его блаженный старецъ исполнялъ во время своихъ уединеній по келліямъ, — жесточайшій постъ, соединенный съ непрестанной Іисусовой молитвой.

Когда тѣло не пресыщено пищей, то молитва получается болѣе глубокой и болѣе духовной. Отецъ Лукіанъ никогда ничего не варилъ, употреблялъ только свѣжіе овощи, приправленные солью и маслинами. Съ салатомъ онъ ѣлъ намоченные въ водѣ сухари, которые ему давали въ обители. Вотъ и вся его ѣда. А вина и другихъ спиртныхъ напитковъ не употреблялъ никогда.

Молитвенное правило его начиналось съ великаго повечерія, которое онъ зналъ наизусть, послѣ чего онъ садился на скамью и начиналъ творить Иисусову молитву — 60 четокъ. Затѣмъ три часа отдыхалъ. Вставъ утромъ, опять брался за четки и творилъ Иисусову молитву (30 четокъ). Обѣдалъ. Обѣдъ вмѣстѣ съ приготовленіемъ пищи занималъ у него не болѣе получаса. Даже во время обѣда онъ не прекращалъ Иисусовой молитвы. Послѣ обѣда онъ садился къ своему рукодѣлію — иконописи. Отецъ Лукіанъ написалъ для обители много иконъ, а также видовъ Аѳонской Горы, которые пользовались большимъ спросомъ у пріѣзжающихъ паломниковъ. Во время рукодѣлія онъ также не прерывалъ Иисусовой молитвы. Послѣ четырехъ часовъ иконописи шелъ отдыхать всего одинъ часъ. Послѣ отдыха два часа посвящалъ своему маленькому огороду, отъ котораго и кормился, а послѣ все правило начиналъ творить заново.

Первые 15 лѣтъ онъ не имѣлъ ни келейника, ни послушника. Послѣ по настоянію старцевъ обители онъ согласился имѣть одного келейника, но кандидаты на это послушаніе не выдерживали его строгой жизни. Они не могли продержаться даже трехъ мѣсяцевъ и убѣгали. Однимъ изъ такихъ послушниковъ былъ будущій выдающійся карульскій отшельникъ іеросхимонахъ Θεодосій (Харитоновъ), который выдержалъ у него полтора года.

13 августа 1910 года отца Лукіана постригли въ схиму, послѣ чего онъ по просьбѣ Собора Старцевъ нѣсколько ослабилъ режимъ пріема къ нему людей и сталъ принимать давно жаждущихъ духовной бесѣды съ нимъ братіи и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ паломниковъ. Въ монастырѣ онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ, былъ соборнымъ старцемъ, и, не посовѣтовавшись съ нимъ, въ обители не начинали ни одного дѣла.

Преставился схіархидіаконъ Лукіанъ 4 іюля 1916 года, послуживъ обители физически и духовно 65 лѣтъ. Скончался онъ въ своей келии, сидя въ креслѣ, тихо, какъ бы уснулъ. Находящійся рядомъ послушникъ даже не замѣтилъ, когда онъ отдалъ свою душу Господу. Подойдя къ нему, онъ сталъ спрашивать его о трапезѣ, не понявъ сразу, что онъ умеръ.



## Схіархимандритъ Нифонтъ (Четвериковъ)

Схіархимандритъ Нифонтъ (въ міру Николай Васильевичъ Четвериковъ) родился въ 1842 году въ городѣ Перемышль Калужской губерніи, въ семьѣ мѣщанъ Василя и Пелагии Четвериковыхъ. «Когда отцу Нифонту было 15 лѣтъ отъ роду, то онъ со своей матерью пошелъ къ извѣстному юродивому, чтобы узнать что нибудь о себѣ и о своемъ спасеніи. Юродивый всталъ, сталъ молиться и что-то лепеталъ такъ, что ничего невозможно было понять, и наконецъ сказалъ: „Прилѣпляй воскъ“. Онъ сталъ лѣпить его къ стѣнамъ. Затѣмъ приказалъ: „Кади“. Николай сталъ кадить. Потомъ потребовалъ: „Давай деньги“. Тотъ далъ немного, — на что юродивый говоритъ: „Все давай“. Отдалъ. Юродивый взялъ деньги и ушелъ...

Впослѣдствіи, прибывъ на Аѳонъ, онъ понялъ сказанное юродивымъ. Пришелъ отецъ Нифонтъ въ греческій храмъ, гдѣ греки поютъ и читаютъ. Онъ же ничего не понималъ, и потому его сдѣлали въ греческомъ соборѣ ексхемонахомъ, и онъ ставилъ свѣчи. По принятіи священства пришлось кадить фиміамомъ. Когда былъ принятъ въ Руссикъ, то старцы велѣли отдать всѣ деньги, ничего не оставляя себѣ»<sup>204</sup>.

Въ юношескомъ возрастѣ Николай заболѣлъ, его соборовали масломъ, и онъ наяву видѣлъ Царицу Небесную, которая, указывая рукой по направленію къ Аѳону, велѣла идти на Святую Гору.

На Аѳонъ онъ прибылъ въ 1870 году и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ былъ постриженъ въ мантію въ 1873 году. Послушаніе сначала проходилъ въ часовой мастерской помощникомъ часоваго мастера. Онъ былъ очень исполнительнымъ послушникомъ. Кромѣ своего прямаго послушанія по благословенію старца Макарія былъ пономаремъ на раннихъ Литургіяхъ, которыя почти ежедневно служилъ самъ отецъ Макарій.

15 августа 1880 года отецъ Нифонтъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 23 ноября того же года — въ іеромонаха. Въ 1881 году старцы благословили ему проходить послушаніе на подворьѣ въ Константинополѣ. Это стало для него настоящимъ испытаніемъ, такъ тяжело было ему разставаться съ любимымъ духовникомъ. Но онъ твердо вѣрилъ, что исполненіе послушанія дастъ ему благодать отъ Бога, что духовникъ будетъ особо за него молиться и духовная связь между ними не прервется. Не прерывалъ онъ и письменнаго общенія съ духовниками, что было для него огромнымъ утѣшеніемъ. Онъ писалъ письма отцу Макарію и отцу Іерониму<sup>205</sup>.

<sup>204</sup> АРПМА. Док. № 311. С. 61.

<sup>205</sup> АРПМА. Док. № 788, 1177.



Такъ прошло пять лѣтъ, послѣ чего его отправили на Новый Аѳонъ, въ Симоно-Кананитскій монастырь. Результатомъ пребыванія на Новомъ Аѳонѣ стала его книга объ Абхазіи и Симоно-Кананитскомъ монастырѣ, которая вышла въ 1889 году подъ названіемъ «Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь», которая являлась дополненіемъ къ одноименному труду архимандрита Леонида (Кавелина)<sup>206</sup>. 138-страничный трудъ ученаго архимандрита отецъ Нифонтъ превратилъ въ 339-страничную книгу съ многочисленными иллюстраціями и картами, чѣмъ оказалъ неоцѣнимую услугу какъ Руссику, такъ и Симоно-Кананитскому монастырю.

Въ 1886 году отца Нифонта благословили вернуться на Аѳонъ, гдѣ въ родной обители онъ исполнялъ послушаніе духовника.

Въ 1886 или 1887 году, живя въ кельѣ рядомъ съ параклисомъ святаго великомученика Димитрія, однажды ночью задремавъ, онъ увидѣлъ, какъ вошла величественно сіяющая Жена (Божья Матерь) и говоритъ: «Скажи отцу Макарію (игумену), чтобы не затворялъ врата для нищихъ, ибо у Меня много золота и серебра». Сказавъ это, Она стала удаляться изъ кельи. Онъ проснулся, но и послѣ ухода Царицы Небесной ощутилъ Ея недавнее присутствіе и видѣлъ продолжающееся сіяніе. Усомнившись въ дѣйствительности случившагося, онъ походилъ по кельѣ, помолился и опять задремалъ. И опять увидѣлъ то же видѣніе и услышалъ тѣ же слова. Онъ подумалъ: «Не вражескія ли это козни?» Опять задремалъ. Тогда и въ третій разъ увидѣлъ и услышалъ то же. И, проснувшись, опять оба раза какъ бы видѣлъ продолжавшееся сіяніе. Однако отецъ Нифонтъ постѣснялся рассказать отцу Макарію о видѣніи. Но удивительно, что впослѣдствіи въ своемъ завѣщаніи отецъ Макарій именно въ такихъ словахъ, которыя услышалъ отецъ Нифонтъ, говорилъ о необходимости продолжить милостыню: «Да не затворятся врата обители»<sup>207</sup>.

11 февраля 1896 года отецъ Нифонтъ по жребію былъ избранъ изъ четырехъ кандидатовъ въ намѣстники. 17 февраля 1896 года онъ былъ постриженъ въ схиму.

Послѣ смерти игумена Андрея, 3 ноября 1903 года, онъ былъ возведенъ въ санъ игумена, а 8 ноября 1904 года — въ санъ архимандрита. За свои заслуги передъ Церковью 18 февраля 1896 года отецъ Нифонтъ былъ награжденъ палицею и 28 іюня 1898 года — наперснымъ крестомъ. Должность игумена Руссика отцу Нифонту пришлось занимать менѣе двухъ лѣтъ, и ничего особо выдающагося онъ сдѣлать не успѣлъ.

Преставился отецъ Нифонтъ 24 октября 1905 года. Въ воскресеньѣ, 23 октября, онъ былъ еще вполне здоровъ, дѣятеленъ. На второй день, во время утрени, по обыкновенію читалъ шестопсалміе, потомъ ходилъ по церкви, осматривая присутствующихъ, готовился служить и Божественную Литургію соборно въ главномъ соборѣ во имя святаго великомученика Пантелеимона. Когда за полчаса до Литургіи, т. е. въ 12 часовъ утра по восточному время-

---

<sup>206</sup> Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ. Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь. М., 1885.

<sup>207</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 862.

исчисленію, пришелъ за нимъ чередной іеродіаконъ, то отецъ Нифонтъ сказалъ ему: «Что-то у меня въ животѣ не ладится», — но все-таки пошелъ служить. Придя въ соборъ, онъ еще до звона совершилъ проскомидію, помянулъ тѣхъ, кто былъ записанъ въ церковномъ и его собственномъ синодикѣ.

Литургія началась обычнымъ порядкомъ. Когда было прочитано Евангеліе, отецъ Нифонтъ, надо полагать, почувствовалъ себя плохо, болѣзнь его усилилась, и онъ уже не смогъ продолжать и окончить



священнослуженіе, разоблачился, ушелъ въ свою келью и слегъ въ постель. Немедленно появившійся въ его кельѣ монастырскій докторъ монахъ отецъ Викентій сдѣлалъ все, что могъ, для облегченія его страданій. Во время вечерни по желанію больного братскій духовникъ отецъ Агаѳодоръ принесъ запасные Святые Дары и прочиталъ положенныя для причащенія тяжелобольныхъ молитвы. Отецъ игуменъ, приподнявшись на постели, кратко поисповѣдовался передъ духовникомъ, стоявшимъ предъ нимъ со Святыми Дарами, затѣмъ былъ приобщенъ. Отецъ Агаѳодоръ прочиталъ благодарственныя молитвы. Больной поблагодарилъ и попросилъ прочитать канонъ молебный Пресвятой Богородицѣ на исходъ души, что отцомъ Агаѳодоромъ было тотчасъ же исполнено.

На предложеніе послать за ученымъ докторомъ-грекомъ изъ Ватопеда отецъ Нифонтъ сказалъ: «Не надо, все равно онъ меня не застанетъ, впрочемъ, какъ хотите». Разумѣется, было послано за врачомъ. Болѣзнь же все усиливалась. И около 12-ти часовъ утра онъ тихо и мирно скончался. Слѣдовательно, отъ начала болѣзни до исхода его изъ этого міра протекли всего одни сутки.

## Іеросхимонахъ Пантелеимонъ (Шиляевъ)

Іеросхимонахъ Пантелеимонъ (въ міру Андрей Матвеевичъ Шиляевъ) родился въ 1842 году въ семьѣ мѣщанина города Елабуга Вятской губерніи. Имѣлъ двухъ сестеръ и брата Емельяна. Послѣдній впослѣдствіи нажилъ большое состояніе, сталъ купцомъ второй гильдіи и являлся благотворителемъ Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. Начальное образованіе Андрей получилъ въ городѣ Пермь, послѣ чего поступилъ въ гимназію въ Петербургѣ, гдѣ учился въ учительскихъ и писарскихъ классахъ. Больше о его жизни въ міру намъ ничего не извѣстно.

Въ 1866 году 24-лѣтній Андрей Матвеевичъ пріѣхалъ на Аѳонъ и сталъ проситься въ послушники въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Старцы съ радостью приняли его и дали послушаніе въ канцеляріи, такъ какъ онъ былъ отмѣннымъ каллиграфомъ.

12 марта 1869 года Андрея Матвеевича постригли въ мантию съ именемъ Амосъ, а 14 сентября того же года рукоположили въ іеродіакона. Къ этому времени онъ сталъ управляющимъ канцеляріей и съ полной отдачей исполнялъ это послушаніе до 1881 года.

Въ 1880 году отца Амоса постригли въ схиму съ именемъ Пантелеимонъ, а въ слѣдующемъ году, 8 сентября, его рукоположили въ іеромонаха. Вскорѣ послѣ этого по рѣшенію Собора Старцевъ его благословили ѣхать на Новый Аѳонъ для исполненія послушанія духовника. Ему было очень тяжело разставаться со своими любимыми старцами и съ Аѳономъ, но, помня наставленіе старца Арсенія (Минина), что монахъ долженъ быть какъ гвоздь — куда его вобьютъ, тамъ и долженъ торчать, — онъ, смирившись, поѣхалъ исполнять свое новое послушаніе, не подозревая, что уже никогда не вернется въ родную обитель на Аѳонъ.

Отецъ Пантелеимонъ постоянно переписывался со своими старцами: съ духовникомъ Іеронимомъ и игуменомъ Макаріемъ. Посылалъ имъ по два письма въ одномъ конвертѣ, каждому — свое<sup>208</sup>.

Воспоминанія объ Аѳонѣ не оставляли его. Уже черезъ годъ послѣ пріѣзда на Новый Аѳонъ онъ писалъ прошеніе духовнику Іерониму съ просьбой вернуть его въ родную обитель. На Новомъ Аѳонѣ онъ былъ не только духовникомъ, но и законоучителемъ въ школахъ при монастырѣ. Кромѣ всего прочаго, онъ велъ издательскія дѣла Пантелеимонова монастыря. Именно по его рекомендаціи монастырское изданіе «Душеполезный собесѣдникъ» получило свою окончательную форму.

Пріѣздъ отца Пантелеимона на Новый Аѳонъ совпалъ съ убійствомъ террористами Царя-Освободителя Александра II. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу духовнику Іерониму: «Итакъ, не стало нашего возлюбленнаго Государя! Враги Креста и Отечества нашего достигли своей цѣли. Но наше Отечество основано на Православной вѣрѣ, врата адавы не одолѣютъ его!»

По благословенію Священнаго Синода 3 апрѣля 1887 года отецъ Пантелеимонъ поступилъ въ драндскій Успенскій монастырь Сухумской епархіи, гдѣ былъ также духовникомъ и управителемъ дѣлъ. Здѣсь онъ пробылъ всего годъ, но его помощь возрождающемуся монастырю была огромной, такъ какъ онъ уже имѣлъ большой опытъ по организаціи монастырскихъ дѣлъ съ нуля, пріобрѣтенный въ Симоно-Кананитскомъ монастырѣ.

---

<sup>208</sup> АРПМА. Док. № 1084.

За свои заслуги епископомъ Сухумскимъ Геннадіемъ отецъ Пантелеимонъ былъ награжденъ набедренникомъ. Послѣ этого по распоряженію того же епископа онъ вновь вернулся въ Ново-Аѳонскій монастырь, гдѣ жилъ съ мая 1888 года по 1890 годъ. А 20 апрѣля 1891 года указомъ Казанской духовной консисторіи онъ былъ причисленъ къ Раифской Богородицкой пустыни въ Казанской епархіи, гдѣ вскорѣ сталъ игуменомъ. Преставился отецъ Пантелеимонъ въ сентябрѣ 1902 года.

## Архимандритъ Мисаиль (Сапегинъ)

Архимандритъ Мисаиль<sup>209</sup> (въ міру Михаилъ Григорьевичъ Сапегинъ) родился въ 1852 году въ крестьянской семьѣ села Ижевскъ Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи. Его мать звали Анастасіей. Освобожденные Царемъ-Освободителемъ отъ крѣпостнаго права крестьяне получили право на образование, и дѣти неграмотныхъ крестьянъ пошли въ сельскія школы. Въ одной изъ такихъ школъ получилъ свое начальное образование и юный Михаилъ. Въ возрастѣ 22-хъ лѣтъ онъ рѣшился стать монахомъ, на что получилъ благословеніе своихъ родителей.

На Аѳонъ Михаилъ прибылъ въ 1874 году и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Но его тутъ же отправили обратно въ Россію въ послушники отцу Михаилу (Савицкому), который на Чумбурѣ устраивалъ рыбный заводъ. Тамъ онъ подвизался пять лѣтъ. Затѣмъ его вновь вернули на Аѳонъ и 7 марта 1879 года постригли въ мантию съ именемъ Мисаиль. Послѣ пострига ему дали послушаніе въ канцеляріи помощникомъ отца Тихона (фонъ Рамбаха). Наконецъ-то исполнилось его завѣтное желаніе — насладиться близостью старцевъ обители, отца Іеронима и отца Макарія, которые также возлюбили отца Мисаила. 9 марта 1885 года его рукоположили въ діакона, а 6 октября 1885 года — въ іеромонаха. Послѣ смерти отца Макарія отца Мисаила благословили возглавить Константинопольское подворье, а потомъ и Одесское подворье, гдѣ онъ пребывалъ до самаго избранія его игуменомъ въ 1905 году.

29 мая 1905 года отецъ Мисаиль по жребію былъ избранъ намѣстникомъ, а послѣ смерти игумена Нифонта (Четверикова), 13 ноябрю того же года, въ день памяти вселенскаго учителя святителя Іоанна Златоуста, преосвященнымъ Досіѳеемъ отецъ Мисаиль былъ возведенъ въ санъ архимандрита и утвержденъ Протатомъ въ званіи игумена. Въ этой должности онъ пробылъ почти 35 лѣтъ. Тяжелый крестъ выпалъ на долю игумена Мисаила. Все его игуменство было непрерывнымъ подвигомъ.

<sup>209</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Веринъ С.* Архимандритъ Мисаиль, игуменъ Русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ // Православный русскій календарь за 1931 годъ. Владиміровка, 1930. С. 66–69.



Вскорѣ послѣ принятія имъ управленія монастыремъ случилось великое наводненіе, уничтожившее много зданій и причинившее громадныя убытки. Затѣмъ началось имябожническое движеніе, которое нанесло огромный вредъ монастырю и всѣмъ, а особенно игумену, причинило великую скорбь. Не успѣло забыться это несчастье, какъ послѣдовали новыя: міровая война, а за ней крушеніе Родины, окончательно подорвавшее матеріальное благосостояніе обители.

Надо имѣть очень крѣпкую вѣру въ Промыслъ Божій, чтобы не пасть духомъ послѣ такихъ тяжкихъ потрясеній. Всѣ эти несчастья требовали отъ отца игумена неимоверныхъ усилій, необычайныхъ заботъ и энергіи, чтобы найти средства къ существованію многочисленнаго (въ началѣ его игуменства численность братіи составляла 1700 человекъ, а къ концу игуменства — около 500 человекъ) братства.

Съ начала его игуменства до 16 ноября 1934 года, когда онъ былъ парализованъ и больше не выходилъ изъ кельи, онъ не пропускалъ ни одной службы, развѣ что по крайней нуждѣ и сильной болѣзни. Онъ считалъ день потеряннымъ, если не служилъ Божественной Литургіи. Всегда и во всемъ будучи пунктуальнымъ, онъ въ числѣ первыхъ являлся въ церковь, гдѣ звучнымъ и мощнымъ голосомъ читалъ шестопсалміе на утрени, а въ праздничные дни — поученіе братіи. Зная, что праздность — мать всякому злу, отецъ Мисаилъ строго слѣдилъ, чтобы никто не могъ «празденъ въ кельѣ сидѣть» и чтобы каждый инокъ несъ какое либо послушаніе для общей пользы. Заботы отца Мисаила о внѣшнемъ благоустройствѣ монастыря выразились въ постройкѣ новыхъ зданій, церквей.

Какъ человекъ, но въ то же время монахъ, отецъ Мисаилъ объединялъ въ себѣ многія добродѣтели. Онъ отличался добротой, любовью, снисходительностью, незлобіемъ и смиреніемъ. Терпѣніе же и благодушіе его были поразительны до изумленія. Иноческую жизнь понималъ онъ только въ возвышенномъ ея значеніи, какъ постоянное стремленіе къ самоусовершенствованію въ духѣ христіанской любви служенія ближнему. Въ отношеніи монастырской братіи, своихъ о Господѣ духовныхъ чадъ, онъ проявлялъ постоянную заботу какъ родной отецъ. Всѣ немощи чадъ своихъ отечески долготерпѣливо носилъ, исправляя ихъ духомъ кротости. Его нелицемѣрная доброта, искренность, смиреніе и врожденное чувство такта невольно располагали къ нему всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

Видѣвшій его писатель Борисъ Зайцевъ такъ передаетъ свое впечатлѣніе о немъ: «Отецъ Мисаилъ держится съ той глубоко русской, народной простотой и твердостью, которой чужда всякая рисовка. Одинаково увѣренно и крѣпко служитъ онъ: и читаетъ баритономъ шестопсалміе, и даетъ цѣловать руку, и самъ кладетъ земные поклоны, и слушаетъ, какъ ему поютъ „Испола эти деспота“»<sup>210</sup>.

<sup>210</sup> Зайцевъ Б. Аѳонъ. Парижъ, 1928. С. 37.

А вотъ какъ описываетъ встрѣчу съ нимъ и его жизненный путь другой писатель, Вл. Маевскій: «„Отецъ игумень уже ждетъ васъ! — сказалъ намѣстникъ. — Изъ своихъ покоевъ онъ никуда не выходитъ, но дорогихъ гостей принимаетъ съ любовью и радостью... Что подѣлаешь, такова, видно, Господня воля: приходится отцу Игумену не покидать кресла... Параличъ. Да и возрастъ преклонный, больше восьми десятковъ годовъ... Но голова у нашего отца игумена и понынѣ свѣтлая. Дай, Господи, такую голову каждому и молодому. Впрочемъ, сами убѣдитесь...“

Отецъ Иоанникій былъ правъ.

Прошло не болѣе получаса, а я уже уходилъ отъ архимандрита Мисаила, очарованный настоящимъ обаяніемъ, явившимся слѣдствіемъ прекрасныхъ впечатлѣній, полученныхъ мной послѣ визита къ этому удивительному, маститому старцу.

Знаменитый игумень восьмидесятидвухлѣтній старецъ Мисаиль — пожизненный настоятель обители по избранію братіи. Нечего и говорить о томъ, какимъ всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ пользовался на всемъ Аѳонѣ этотъ замѣчательный человекъ, мудрый и заботливый отецъ многочисленнаго иночества, находящагося у него въ братскомъ подчиненіи.

...Еще безусымъ юношей прибылъ онъ на Аѳонъ по горячему и полному вѣры побужденію и поступилъ въ Пантелеимоновъ монастырь. Тогда и началось длительное и упорное прохожденіе монашеской школы подъ строгимъ руководствомъ опытныхъ старцевъ, постепенно возводящихъ молодаго инокъ на непонятную для мірскаго человека духовную высоту, открывавшую ему путь къ высокимъ подвигамъ. Онъ прошелъ много послушаній, изъ которыхъ самое важное — многолѣтнее настоятельство въ Константинополь, на монастырскомъ подворьѣ. Именно это послушаніе дало ему большой житейскій опытъ и сильно расширило его кругозоръ.

Вообще, несмотря на почти полное отсутствіе какого либо школьнаго образованія, отецъ Мисаиль всегда отличался не только большимъ природнымъ умомъ, но и умѣніемъ держать себя съ самыми разными представителями общества. Онъ обладалъ въ разговорѣ большимъ природнымъ тактомъ, житейской мудростью и находчивостью. Иногда только нѣкоторая природная застѣнчивость замѣчалась въ этомъ выдающемся монахѣ, но отвѣты его всегда были мѣткі и живы. Лишняго онъ не говорилъ никогда и вообще всегда держался скорѣе сдержанно, съ истиннымъ монашескимъ достоинствомъ и рѣдкой скромностью.

Прошли годы. Изъ молодаго инокъ выросъ проникновенный и опытный старецъ, славившійся своей строгой жизнью и являвшійся образцомъ истинно аскетической жизни для другихъ монаховъ... И пришло время, когда братія сама съ любовью и уваженіемъ возложила на отца Мисаила игуменство надъ собой. Но это явилось для него наиболѣе тяжкимъ послушаніемъ въ безконечномъ ряду всѣхъ другихъ, исполненныхъ тогда, когда онъ самъ находился подъ игуменской властью.

...Необходимо было обладать колоссальными силой воли, опытностью и умомъ, чтобы нести отвѣтственность за благополучіе обители, поддерживать престижъ и высоту духовной власти. И этихъ качествъ съ избыткомъ хватало у отца Мисаила, несмотря на его возрастъ и развившіяся подъ конецъ жизни различныя недомоганія, приковавшія маститаго старца къ креслу. Но это обстоятельство, однако, ничуть не мѣшало ему принять меня у себя съ исключительной любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренне наслаждаться интересной бесѣдой съ нимъ и отеческими наставленіями, исполненными жизненной мудрости, душевной ясности...

Въ обликѣ игумена отца Мисаила было что-то патріархальное, нѣчто отъ идеальнаго монаха добраго стараго времени. Не входя самъ въ подробности административно-хозяйственной жизни огромнаго монастыря, отецъ Мисаилъ имѣлъ даръ избирать хорошихъ помощниковъ, которымъ довѣрялъ веденіе всѣхъ дѣлъ. При этомъ онъ всегда любилъ покровительствовать людямъ съ образованіемъ, прекрасно относился къ нимъ и старался дать имъ подходящее послушаніе. Это былъ человѣкъ мира. Благодатное спокойствіе, сіяющая ясность духа, кротость и терпѣніе — вотъ отличительныя черты характера этого необыкновеннаго, воистину святаго и благодатнаго человѣка...

„Стяжи миръ, и вокругъ тебя спасутся тысячи“, — эти слова преподобнаго Серафима Саровскаго вспоминаются при мысли объ отцѣ Мисаилѣ. И, какъ плоды этой святой жизни, у отца Мисаила были несомнѣнные дары Святаго Духа: даръ прозорливости и предвидѣнія. Но выше всего — даръ отеческой любви.

Шло время. А я все съ большимъ и большимъ наслажденіемъ прислушивался къ густому баску мудраго старца, который продолжалъ ласково одаривать меня своими отеческими наставленіями какъ безконечно дорогимъ подаркомъ, наполнявшимъ всю мою душу самыми лучшими чувствами.

Отецъ Мисаилъ какъ-то невольно подчинялъ себѣ всѣхъ окружающихъ своими богатыми душевными качествами, вліяніе которыхъ въ значительной степени подкрѣплялось еще и внѣшней импозантностью его величественной фигуры. Этотъ знаменитый старецъ являлся какъ бы настоящимъ аллегорическимъ изображеніемъ добраго и могучаго духа старой Россіи — той самой „Святой Руси“, о которой я уже говорилъ выше. Онъ былъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ и крѣпокъ тѣлосложеніемъ. И эти особенности ярко бросались въ глаза даже тогда, когда этотъ гигантъ-старецъ сидѣлъ въ своемъ глубокомъ креслѣ, скованный тяжкимъ недугомъ.

И въ то же время cadaго посѣтителя поражала трогательная, почти дѣтская ласковость и доброта отца Мисаила. Въ ней, въ этой ласковости ребенка опять такъ и чудилась Святая Русь съ ея тихимъ свѣтомъ и необыкновенными возможностями»<sup>211</sup>.

<sup>211</sup> Маевскій В. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 30.

Келейная обстановка отца Мисаила была самой простой, и в одеждѣ онъ почти не отличался отъ остальной братіи. Въ общую братскую трапезу ходилъ неопустительно. Двери кельи его были открыты съ ранняго утра до поздней ночи. Непрестанно приходили люди: то своя братія съ разными нуждами, то иноки другихъ обителей и пустынники за пособіемъ. Всѣхъ надо было выслушать, сдѣлать распоряженіе, оказать духовную и матеріальную помощь. И такъ непрерывно продолжалось 35 лѣтъ! Очень рѣдко отецъ игумень покидалъ обитель. Развѣ иногда посѣщалъ метохъ Крумицу, находящійся въ 30-ти верстахъ отъ обители, чтобы повидать тамошнюю братію, преподавать благословеніе труждающимся, утѣшить скорбящихъ, ободрить малодушныхъ. Несмотря на чрезвычайное матеріальное оскудѣніе обители къ концу его игуменства, отецъ Мисаиль продолжалъ поддерживать прекрасныя старыя традиціи — окормлять русскихъ людей, въ міру сущихъ. Каждый, кто побывалъ на Аѳонѣ изъ русской эмиграціи, навсегда запечатлѣлъ въ душѣ своей дивный образъ благостнаго старца игумена Пантелеимоновскаго монастыря.

Вотъ что писалъ о своей встрѣчѣ съ отцомъ Мисаиломъ въ 1931 году іеромонахъ изъ Владиміровской миссіи Серафимъ: «Достаточно лишь разъ взглянуть на сего святаго старца, чтобы полюбить его крѣпкой сыновней любовью. Кого не согрѣла, не успокоила и не ободрила его веселая лучезарная улыбка?! „Ангеломъ во плоти“ зовутъ его духовныя чада. И ни къ кому на Аѳонѣ такъ не подходитъ это имя, какъ къ батюшкѣ отцу Мисаилу. Болѣе совершеннаго воплощенія незлобія и святой любви Христовой мнѣ не приходилось видѣть. 26 лѣтъ править отецъ Мисаиль обителью въ духѣ сей великой любви. И хотя много пришлось пережить ему скорбей и тревоженій, по-прежнему исполненъ мира, кротости и ангельскаго добродушія его благолѣпный старческій ликъ.

Увы, годы, однако, сказываются, и отецъ Мисаиль, видимо, уже началъ изнемогать. Пришлось оставить ему ежедневное совершеніе Божественной Литургіи, такъ какъ врачи запретили ему громко говорить, но всѣ долгія службы онъ посѣщаетъ неукоснительно и выстаиваетъ ихъ до конца...

Ласково принялъ меня въ своей скромной приѣмной отецъ архимандритъ. Долго спрашивалъ о нашей миссіи. Съ трогательной любовью и глубокимъ уваженіемъ отзывался онъ о трудахъ архимандрита Виталія, за миссіонерской и церковно-издательской работой котораго онъ слѣдитъ уже давно. И съ охотой согласился благословить нашу миссіонерскую обитель во Владиміровой на Карпатахъ»<sup>212</sup>.

А вотъ воспоминаніе тогда еще студента Бѣлградскаго богословскаго института С. Верина: «Помню, въ 1923 году, будучи студентами, приѣхали мы на Пасху на Святую Гору Аѳонскую. Какъ въ рай попали. Какъ будто и революціи никогда не было. Весь величавый бытъ большаго старорусскаго монастыря сохранился во всей своей

---

<sup>212</sup> Серафимъ, іеромонахъ. На Святомъ Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года / Православный русскій календарь за 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 46.

благолѣпной красѣ: громадныя храмы съ чудесной росписью, иконы въ тяжелыхъ серебряныхъ ризахъ, сіяющія паникадила. И все это поддерживается въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ семидесятилѣтними еkkлeсiархами (монахами-пономарями), желающими ни въ чемъ не отстать отъ своего патріарха — игумена. Обошли мы всѣ громадныя монастырскія строенія. Долго оставались въ пріемномъ залѣ „царскаго архондарика“ (гостиница для почетныхъ гостей). Это прямо музей духовной красоты старой великой Россіи. Всѣ стѣны украшены живописными фотографическими изображеніями интереснѣйшихъ событій русской духовной жизни послѣдняго времени. Портреты государей, выдающихся архипастырей, изображенія монастырей, храмовъ и т. д. — все это погружаетъ васъ въ бывшій еще такъ недавно, а теперь, можетъ быть, навсегда потерянный русскій церковный міръ...

Наконецъ попали мы въ книжно-иконную лавку монастыря. Боже, сколько прекрасныхъ книгъ, святоотеческихъ твореній! Разгорѣлись глаза у насъ, бѣдныхъ богослововъ, такъ давно не видѣвшихъ духовной литературы. Все бы купили, да денегъ въ карманѣ разъ-два и обчелся — 500–1000 динарѣ. Докладываетъ добрый старецъ отецъ Меѳодій, лавочникъ монастырскій, отцу игумену: „Нашествіе на мою лавку студентовъ-богослововъ. Голодъ у нихъ на книги. Видно большое желаніе имѣть ихъ, да купить не на что“. Покачалъ головой отецъ Мисаиль: „Сами мы бѣдны, отецъ Меѳодій... Но да не будетъ такъ, чтобы мы вмѣсто хлѣба подали камень. Ты ужь устрой все какъ нибудь, отецъ Меѳодій...“ И намъ была предоставлена скидка въ 75 процентовъ! Т. е. почти даромъ мы приобрѣли множество прекрасныхъ святоотеческихъ книгъ. Это, конечно, лишь малая песчинка изъ моря добродѣтелей сего дивнаго старца.

А вотъ эпизодъ изъ самага послѣдняго времени. Послѣ уничтоженія большевиками Иверской часовни въ Москвѣ русскіе эмигранты воздвигнули въ Бѣлградѣ точную копию ея. Хотѣлось имѣть новую точную копию и чудотворной иконы Иверской Божіей Матери. Не такъ просто выпросить у греческихъ монаховъ Иверскаго монастыря разрѣшеніе списать его, ибо для этого надо сдвигать съ мѣста подлинный образъ. И вотъ, чтобы добиться этого разрѣшенія, 78-лѣтній старецъ отецъ Мисаиль самъ отправляется въ далекій путь по горнымъ тропамъ на мулѣ въ Иверскій монастырь. И не напрасно. Такому просителю иверскіе старцы не рѣшились отказать, и икона была написана. Нынѣ она уже находится въ Бѣлградѣ, рядомъ съ другой великой святыней нашей Зарубежной Церкви — Курской Знаменской иконой Божіей Матери»<sup>213</sup>.

Горячо любилъ и цѣнилъ своего игумена и преподобный Силуанъ Аѳонскій. Одинъ изъ эпизодовъ ихъ общенія со своими комментаріями оставилъ намъ отецъ Софроній (Сахаровъ): «Старецъ Силуанъ бесѣдовалъ съ игуменомъ архимандритомъ

<sup>213</sup> Веринъ С. Архимандритъ Мисаиль, игумень Русскаго Пантелеимонова Монастыря на Аѳонѣ // Православный русскій календарь за 1931 годъ. Владиміровка, 1930. С. 66–69.

Мисаиломъ, мужемъ духовнымъ, которому благоволилъ и которому явно покровительствовалъ Богъ.

Отець Силуанъ спросилъ игумена:

— Какъ монахъ можетъ познать волю Божию?

— Первое слово мое онъ долженъ принять за волю Божию, — сказалъ игумень — кто такъ дѣлаеть, на томъ почіеть благодать Божія, а если кто воспротивится мнѣ, то я, какъ человѣкъ, отступлю.

Слово Игумена Мисаила имѣеть слѣдующій смыслъ: духовный отецъ, когда его спрашиваютъ, молитвой ищеть вразумленіе отъ Бога, но какъ человѣкъ онъ отвѣчаетъ въ мѣру своей вѣры, по слову апостола Павла: „...и мы вѣруемъ, тѣмъже и глаголемъ“ (2 Кор. 4:13), но „отъ части бо разумѣаемъ и отъ части пророчествуемъ“ (1 Кор. 13:9). Въ своемъ стремленіи не погрѣшитъ самъ онъ, давая совѣтъ или дѣлая указаніе, пребываетъ на Судѣ Божиемъ, и потому, какъ только встрѣтитъ возраженіе или хотя бы внутреннее сопротивление со стороны вопрошившаго, не рѣшается настаивать на словѣ своемъ, не дерзаетъ утверждать его какъ выраженіе воли Божіей и „какъ человѣкъ отступаетъ“.

Знаніе этого очень ярко выразалось въ жизни игумена Мисаила. Однажды онъ вызвалъ къ себѣ новоначального монаха отца С. и возложилъ на него сложное и трудное послушаніе. Послушникъ съ готовностью принялъ его и, сдѣлавъ положенный поклонъ, направился къ двери. Вдругъ игумень позвалъ его. Послушникъ остановился. Наклонивъ голову на грудь, игумень спокойно, но значительно сказалъ: „Отець С., помни: Богъ дважды не судитъ, поэтому когда ты что нибудь дѣлаешь за послушаніе мнѣ, то я буду судимъ отъ Бога, а ты свободенъ отъ отвѣта“.

Когда кто либо на порученіе или наставленіе игумена Мисаила возражалъ хотя бы въ малой мѣрѣ, то этотъ мужественный вообще подвижникъ, несмотря на занимаемый имъ постъ администратора, обычно отвѣчалъ: „Ну что же, дѣлайте, какъ хотите“, — и послѣ не повторялъ своего слова.

Почему же это такъ? Потому что, съ одной стороны, Духъ Божій не терпитъ ни насилія, ни спора, съ другой — слишкомъ великое дѣло — воля Божія. Въ словѣ духовнаго отца, которое всегда несетъ на себѣ печать относительности, она не можетъ вмѣститься, не можетъ получить совершеннаго выраженія, и только тотъ, кто воспринимаетъ слово какъ угодное Богу, не подвергая его своему суду или, какъ часто говорятъ, “безъ разсужденія”, только тотъ нашель вѣрный путь, ибо онъ дѣйствительно вѣруетъ, что „...у Бѣга же всѣя възможна“ (Мѣ. 19:26)»<sup>214</sup>.

Заслуги отца Мисаила передъ монастыремъ нельзя оцѣнить. Вся братія съ огромной благодарностью отмѣчала важность и размѣры его стараній и заботъ. Но самымъ большимъ испытаніемъ, какъ было выше сказано, стало для отца Мисаила противостаніе

---

<sup>214</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старець Силуанъ Аѣонскій. М., 1996. С. 74.

насельниковъ обители другъ противъ друга изъ-за споровъ вокругъ имени Божія. Отець Мисаилъ, желая примирить противодѣйствующія стороны, сначала опредѣленно уступилъ сторонникамъ новаго ученія, такъ какъ они были агрессивно настроены. Онъ думалъ, уступка умиротворитъ ихъ и споръ не перерастетъ за рамки дискуссіи о методахъ Іисусовой молитвы. Съ этой цѣлью онъ отправился въ скитъ Новая Оиваида, гдѣ жило большинство имябожниковъ, и согласился принять ихъ воззваніе съ формулировками, предложенными имяславцами. Но впоследствии, когда въ процессъ включился отецъ Антоній (Булатовичъ) и простой споръ переросъ въ догматическое противостояніе, то отецъ Мисаилъ занялъ рѣшительную позицію — всталъ на защиту чистоты Православной вѣры. На Пасху 1912 года игумень Мисаилъ направилъ въ Оивайдскій скитъ посланіе, въ которомъ призывалъ иноковъ: «...оставить душепагубныя пререканія между собою и споръ о Сладчайшемъ и спасительномъ Имени Господа нашего Іисуса Христа».

«Если кто дерзнетъ возбуждать послѣ сего споръ и пререканіе, дѣлать сходки, собирать подписи, то таковые — еще монахъ — да отлучится отъ причащенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ на три года, а если священнослужитель — отъ священнодѣйствія на три года, — писалъ игумень Мисаилъ. — А если кто дерзнетъ произнести на кого либо слово „еретикъ“, тотъ отлучается отъ приобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ на годъ... Духовникамъ строго наказываю не входить въ сужденія о догматическихъ вопросахъ со своими духовными чадами».

20 августа 1912 года противники имяславія въ Пантелеимоновомъ монастырѣ во главѣ съ игуменомъ Мисаиломъ составили «Актъ о недостопоклоняемости имени „Іисусъ“», въ которомъ содержался неприемлемый для имяславцевъ пунктъ о томъ, что имени Божію нельзя поклоняться: «Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ... въ двухъ естествахъ не слитно, нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно соединенныхъ. Поэтому, когда произносимъ Его Пресвятое и Божественное Имя, т. е. Іисусъ Христосъ, то представляемъ себѣ невидимое присутствіе Самого Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа — Второго Лица Пресвятой Троицы, не отдѣляя Его Имени отъ существа и не сливая, о Немъ же, по Апостолу, подобаетъ намъ спастись, но чествуемъ Его и поклоняемся Ему — Самому Господу Богу».

Свою рѣшительную позицію отецъ Мисаилъ подтвердилъ 9 іюля 1913 года, когда послѣ Божественной Литургіи онъ въ присутствіи консула и всей монастырской братіи зачиталъ вслухъ посланіе Синода объ осужденіи имяславскаго ученія. По окончаніи чтенія монахъ Иринея (главарь имябожниковъ) спросилъ игумена: «Имя Господа нашего Іисуса Христа, Имя Сладчайшій „Іисусъ“ Богъ или нѣтъ?» Игумень отвѣтилъ: «Имя „Іисусъ“ не Богъ!» Тѣмъ самымъ онъ окончательно отвергъ имябожническую ересь. Къ сожалѣнію, имяславцы не смирились, и не преклонили головы предъ своимъ игуменомъ, и твердо стояли на своемъ новомъ ученіи, что стало причиной ихъ удаленія



съ Аѳона. Происшествіе это нанесло отцу Мисаилу на сердце глубочайшую рану, и онъ тяжело переживалъ при каждомъ воспоминаніи объ этихъ дняхъ и молился непрестанно за своихъ заблудшихъ чадъ.

Заслуги отца Мисаила передъ Церковью были достойно оцѣнены какъ священноначаліемъ, такъ и свѣтскими правителями. Въ сентябрѣ 1900 года онъ былъ награжденъ Константинопольскимъ Патріархомъ Константиномъ крестомъ и палицею, а также ему было присвоено званіе протопрес-

витера и сингелла. 14 октября 1913 года Константинопольскимъ Патріархомъ Германомъ по случаю избавленія отъ еретическаго ученія онъ былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ. Въ маѣ 1916 года былъ награжденъ орденомъ святой Анны I степени за усердіе въ оказаніи помощи воинамъ.

Преставился отецъ Мисаилъ въ воскресеньѣ, въ 10.30 утра, 22 января 1940 года.

## Схимонахъ Трифілій (Мальковъ)

Схимонахъ Трифілій (въ міру Трофимъ Наумовичъ Мальковъ) родился въ 1830 году въ крестьянской семьѣ села Старицы Черноярскаго уѣзда Астраханской губерніи. Когда Трофиму исполнилось 18 лѣтъ, онъ оставилъ свою семью и переселился въ городъ Острогъ, гдѣ постепенно смогъ собрать приличное состояніе для того, чтобы стать купцомъ. Черезъ 20 лѣтъ стараній и трудовъ у него уже была своя торговля и артель по переработкѣ рыбы. Трофимъ Наумовичъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей.

Однажды у себя въ Острогѣ онъ познакомился съ афонскимъ монахомъ, отцомъ Тимономъ (Щербатовымъ), который по порученію своей обители пріѣхалъ для сбора пожертвованій. Бесѣда съ нимъ произвела на Трофима Наумовича огромное впечатлѣніе. Но онъ такъ былъ захваченъ водоворотомъ своихъ мірскихъ дѣлъ, что не имѣлъ времени глубоко поразмыслить о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говорилъ съ нимъ чудный старецъ.

«Разъ, послѣ очередной ссоры съ женой, — вспоминалъ потомъ впослѣдствіи отецъ Трифілій, — я, чтобы немного успокоиться, рѣшилъ пройтись до артели пѣшкомъ. Ужасныя мысли будоражили мою голову, душа была въ полномъ смятеніи и отчаяніи. И вдругъ, не знаю какъ, я оказался рядомъ съ храмомъ, прямо у его стѣны. Мнѣ стало

какъ-то неловко и стыдно. Я хоть и былъ вѣрующимъ, но особой набожностью не отличался. Однако я точно зналъ, что гдѣ-гдѣ, а здѣсь мнѣ сейчасъ совершенно не мѣсто. Но, не знаю почему, я перекрестился, поцѣловалъ стѣну храма и пошелъ дальше на работу.

День, какъ и всѣ мои рабочіе дни, былъ переполненъ заботами: распоряженія, споры, договоры, уговоры, ругань, крики, — и такъ безъ конца. И все это ради денегъ, ради прибыли. Только поздно вечеромъ, когда я наконецъ смогъ остаться одинъ и сталъ размышлять о происшедшихъ за день событіяхъ, вдругъ появилось въ моемъ сердцѣ какое-то очень малозамѣтное, но невѣроятно пріятное ощущеніе. Я не могъ понять причину этого. Прожитый мной ужасный день не давалъ для этого никакихъ основаній. Хотя вспомнилъ, что у храма со мной произошло что-то необычное. И какъ только я это вспомнилъ, мое сердце наполнилось неопикуемой радостью. Я никогда не испытывалъ такого чувства. У меня появилось непреодолимое желаніе упасть на колѣни и плакать, что я и сдѣлалъ»<sup>215</sup>.

Трофимъ Наумовичъ сталъ благотворителемъ Руссика и много потрудился по сбору пожертвованій съ отцомъ Тимономъ (Щербатовымъ)<sup>216</sup>. Послѣ того какъ всѣ его дѣти были устроены: сыновья женились, дочери вышли замужъ, — онъ началъ подумывать оставить бранный міръ и посвятить свою жизнь Богу.

Въ 1886 году въ компаніи со студентомъ Авксентіемъ Стадницкимъ, будущимъ епископомъ Арсеніемъ, Трофимъ Наумовичъ въ качествѣ паломника прибылъ на Аѡонъ. Здѣсь въ монастырѣ святаго великомученика Пантелеимона съ нимъ произошла окончательная переменна. Вотъ какъ описываетъ это епископъ Арсеній: «Сегодня во время обѣда я увидѣлся со своимъ старымъ знакомымъ Наумычемъ. Я сразу не узналъ его. На немъ была монашеская полурыска, поверхъ нея — поварской фартукъ, на головѣ — монашескій куколь. Онъ подавалъ намъ кушанье.

— Здравствуй, Егорычъ! — привѣтствовалъ онъ меня.

— Что это съ вами, Трофимъ Наумовичъ? Не поступаете ли въ монахи?

— Теперь на монашескомъ послушаніи. Хочу испытать, что это за жизнь такая, монашеская. А то, что такъ жить, — нужно все испытать. Вотъ вчера я пошелъ къ батюшкѣ отцу Макарію и говорю ему: „Батюшка, благословите меня на какое нибудь монашеское послушаніе. Хочу испытать все. На всѣхъ послушаніяхъ буду, а потомъ и поѣду домой, и буду уже знать, что это за жизнь монашеская“. Батюшка Макарій засмѣялся да и благословилъ сперва на это поварское послушаніе. Нужно, Егорычъ, все испытать.

Я замѣтилъ, что онъ какъ будто стыдится меня и другихъ обѣдающихъ, а потому когда говоритъ, то какъ будто защищается, хотя никто не нападаетъ на него. И дѣйствительно, чувствовалось, что ему неловко: недавно былъ баринкомъ, ему прислуживали, а теперь онъ другимъ прислуживаетъ»<sup>217</sup>.

<sup>215</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 13.

<sup>216</sup> АРПМА. Док. № 306. С. 73.

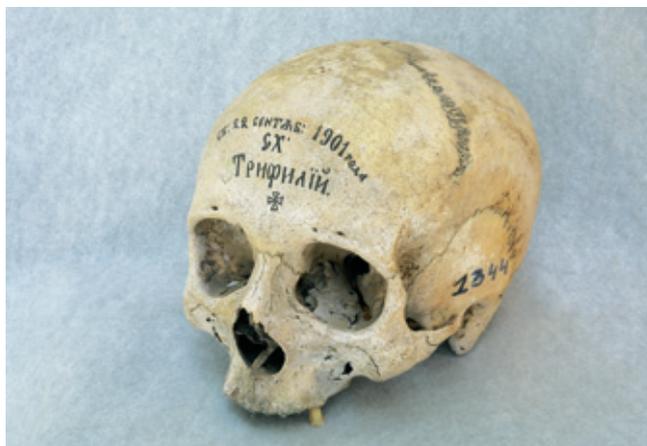
<sup>217</sup> Арсеній (Стадницкій), архіепископъ. Дневникъ студента-паломника на Аѡонъ. Кіевъ, 1886. С. 155.

Слѣдующій день владыка описываетъ такъ: «Сегодня за обѣдомъ не было Трофима Наумыча. Мнѣ сказали, что онъ уже бросилъ это послушаніе. Скоро, думаю, испыталъ онъ на себѣ монашескія послушанія. Послѣ обѣда я прилежъ немного отдохнуть. Только задремалъ, слышу, кто-то стучитъ въ двери. Отворяю, и... предо мной предстаетъ Наумычъ. Онъ уже безъ ряски, безъ фартука, безъ куколя... однимъ словомъ, прежній Наумычъ, но только какой-то разбитый, разслабленный.

— Что это вы не въ монашескомъ одѣяніи? — спрашиваю его.

— Что же дѣлать? Вотъ руки попухли, какъ колоды. Только вѣдь день поработалъ. А что если бы мѣсяць или годъ? Вѣдь оно какъ будто и хорошо на этомъ поварскомъ послушаніи. Не счесть кушаньевъ и питія. Но работы страхъ сколько! Всякому, кто ни придетъ, подавай. Онъ-то все это загадитъ, а ты послѣ и мой. Кажется, она — легкая работа: подай, вымой, да и только. Такъ я сначала и думалъ. Поужинали мы вчера прекрасно. Пошелъ я спать. Чувствую, что-то начинаетъ покалывать въ пальцахъ, да каждый разъ все сильнѣе, да сильнѣе. Да такъ, что цѣлую ночь и не спалъ. Гляжу утромъ, вся рука распухла. Бѣгу я къ монастырскому доктору. Онъ чѣмъ-то помазалъ, и вотъ теперь стало нѣсколько лучше. Ну его совсѣмъ, съ монашескимъ послушаніемъ! Что за нужда! Я вѣдь никогда не работалъ. У меня дома артель человекъ въ 50, а тутъ работай. Иду я сегодня послѣ Литургии къ батюшкѣ отцу Макарію, да и говорю ему: «Батюшка, плюну я теперь въ глаза тому, кто скажетъ, что монахамъ живется легко. Всякому, кто захочетъ идти на Аѳонъ посвящаться въ монахи, скажу: „Заворачивай и иди въ Сибирь. Тамъ гораздо лучше, чѣмъ монахамъ на Аѳонѣ“». Батюшка засмѣялся, да и говоритъ: «Зачѣмъ тебѣ, братъ Наумычъ, монашеское послушаніе? Жилъ бы себѣ, какъ живутъ другіе благородные».

Черезъ четыре года послушанія на кухнѣ, а именно 26 марта 1890 года, Трофимъ Наумычъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Трофимъ, черезъ годъ, 3 апрѣля 1891 года, — въ мантию съ именемъ Трифилій, а еще черезъ два года, 5 марта 1893 года, — въ схиму, послѣ чего до своей кончины имѣлъ послушаніе чтеца неусыпаемой Псалтыри. Вотъ



что пишетъ о немъ отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Жизни очень благочестивой, внималъ своему спасенію, почти каждую службу плакалъ, особенно при чтеніи житій святыхъ»<sup>218</sup>. Вотъ какъ благодать Божія призвала его на монашеское служеніе, и какъ благодать Божія преобразила его изъ обычнаго смертнаго въ ангелоподобнаго.

Преставился отецъ Трифилій 22 сентября 1901 года.

<sup>218</sup> АРПМА. Док. № 306. С. 73.

## Схимонахъ Ксенофонтъ (Вяземскій)

Схимонахъ Ксенофонтъ (въ міру Константинъ Александровичъ Вяземскій) родился въ 1852 году въ городѣ Старица Тверской губерніи. Онъ происходилъ изъ древняго княжескаго рода. Отецъ его князь Александръ Вяземскій былъ генераломъ, ветераномъ Крымской войны. Имѣніе у отца было въ поселкѣ Дубна Тверской губерніи. Надо сказать, что онъ сыгралъ огромную роль въ воспитаніи Константина. Когда онъ умеръ, то послѣднему было 15 лѣтъ, и это явилось величайшимъ горемъ для Константина, какъ онъ запишетъ въ своемъ дневникѣ.

Но главной воспитательницей все-таки была его мать — рожденная въ Россіи француженка, о которой онъ тоже напишетъ: «Она, можно сказать, одна меня воспитала. Ей главнымъ образомъ я обязанъ тѣмъ, что во мнѣ есть хоть что-то доброе. Она меня наставила на путь правды. Она одна была моей истинной руководительницей... Если отецъ научилъ меня, что есть честь и что подобаетъ князю русскому, то мать научила меня тому, что есть любовь къ ближнему и что подобаетъ христіанину»<sup>219</sup>. «Я и въ Бога вѣрую потому, что она въ Него вѣровала. И люблю Христа, потому что она Его любила... Она часто подолгу молилась, соблюдала всѣ посты, любила читать духовныя книги, рассказывала намъ разные эпизоды изъ Священнаго Писанія, въ ея устахъ каждый изъ нихъ получалъ какой-то особенный сердечный оттѣнокъ. Насъ никогда не заставляли ходить въ церковь, но, видя, съ какой ревностью мать посѣщаетъ всѣ службы, мы также охотно ходили въ нее. По ея совѣту я вслушивался въ церковные



<sup>219</sup> АРПМА. Док. № 512. С. 15.

напѣвы, и многое изъ слышаннаго тогда въ дѣтствѣ мнѣ запало въ душу»<sup>220</sup>. Такую дорогую наставницу, къ своему горю, 15-лѣтній юноша Константинъ потерялъ черезъ три мѣсяца послѣ смерти отца. Она не смогла пережить смерти любимаго мужа.

Опекунство надъ мальчикомъ взялъ на себя его дядя по отцовской линіи, который позаботился о его образованіи. Константинъ сначала поступилъ въ приготовительный пансіонъ, а затѣмъ въ Пажескій корпусъ въ Петербургѣ. Юноша былъ мечтательнымъ и очень любознательнымъ, что сформировало его будущіе интересы. Много времени онъ посвящалъ литературному творчеству.

«Написалъ я много, — вспоминалъ онъ впослѣдствіи, — изъ-подъ моего пера выходили и проза, и стихи: романы, повѣсти, драмы, комедіи, поэмы, басни и прочее. Однако ничего изъ моихъ сочиненій не напечатано... Цензура не пропускала мои сочиненія... Я прочиталъ большую часть своихъ сочиненій людямъ, весьма компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ и очень скупымъ на похвалы, а именно Л. Н. Толстому и профессору Буслаеву. Оба сверхъ моего ожиданія одобрили прочитанное, и оба посовѣтовали печатать»<sup>221</sup>. Но произведенія Константина Вяземскаго, видимо, такъ и не увидѣли свѣтъ. И ихъ судьба намъ не извѣстна. Лишь малая часть изъ нихъ послѣ его смерти осталась въ архивѣ Руссика<sup>222</sup>.

Онъ также занимался естественными науками. Очень любилъ природу. Константинъ писалъ: «Многіе любятъ природу. Еще большее количество людей увѣряютъ, что любятъ ее, оставаясь, однако, къ ней индифферентными. Но любить ее такъ, какъ я любилъ въ молодости природу, совсѣмъ неестественно. И я никогда не встрѣтилъ того, кто бы любилъ ее такъ, какъ я. Лѣса, ручейки, пригорки, овраги, скалы, болота, цвѣты, жуки, облака, звѣзды, змѣи, птицы, камни, мохъ, плоды, овощи, кусты, лягушки, яйца, гнѣзда, озера... — все это во мнѣ возбуждало неопикуемый восторгъ... Я готовъ былъ вынести любыя трудности, чтобы полюбоваться хотя бы даже очень посредственнымъ видомъ»<sup>223</sup>.

Съ цѣлью наблюденія за природой въ разныхъ частяхъ свѣта онъ началъ путешествовать по міру все больше сухимъ путемъ, а не моремъ. Семь лѣтъ онъ ѣздилъ по Россіи. Послѣ объѣхалъ весь Китай, Индію, Европу. Интересуясь исключительно природой, онъ тщательно наблюдалъ за различными растеніями и записывалъ результаты своихъ наблюденій. Записки о своихъ путешествіяхъ Константинъ Александровичъ печаталъ въ журналѣ «Русское Обозрѣніе».

Собравъ огромный матеріалъ въ области ботаники, онъ имѣлъ возможность научно обработать и систематизировать его и тѣмъ самымъ принести огромную пользу наукѣ.

---

<sup>220</sup> АРПМА. Док. № 512. С. 26.

<sup>221</sup> Тамъ же. С. 77–79.

<sup>222</sup> Нѣкоторыя его незаконченныя литературныя произведенія и переводы съ французскаго хранятся въ архивѣ Руссика. См.: АРПМА. Док. № 4170.

<sup>223</sup> Тамъ же. С. 100.

Эта польза была тѣмъ вѣсомѣй потому, что Константинъ Александровичъ имѣлъ для своего времени необычный, очень прогрессивный взглядъ на взаимоотношенія науки съ религіей. Въ то время преобладающимъ было мнѣніе, что эти двѣ области человѣческой жизни абсолютно несомѣстимы и взаимоисключаютъ другъ друга. А онъ понималъ ихъ какъ дополняющіе другъ друга сферы одного цѣлаго. Вотъ какъ онъ позднѣ сформулировалъ свое представленіе объ этомъ: «Люди думаютъ, что наука противорѣчитъ религіи. Это чушь. Ихъ области слишкомъ различны. При правильномъ взглядѣ на дѣло ясно, что они и сталкиваться не могутъ. Одна печется о земномъ, о вещественномъ, а другая о небесномъ, о духовномъ. Одна есть достояніе ума, другая сердца. Одна изслѣдуетъ окружающія насъ внѣшнія условія, а другая обращаетъ вниманіе исключительно на внутреннюю жизнь. Онѣ обѣ необходимы человѣку, и обѣ его отличаютъ отъ животныхъ»<sup>224</sup>.

Наука есть постепенное постиженіе матеріальной сущности творенія Творца, а религія — прямое общеніе съ Творцомъ, поэтому онѣ являются двумя сторонами одной медали — мірозданія — и другъ безъ друга не даютъ полнаго представленія о твореніи и Творцѣ. «Если бы кто спросилъ: что полезнѣе человѣку, наука или религія, — продолжаетъ Константинъ Александровичъ, — пришлось бы отвѣтить ему, что для разумнаго житія необходимы обѣ. Это походитъ на то, если бы кто спросилъ, что полезнѣе человѣку, ѣсть или пить? Для здоровья необходимо и то и другое»<sup>225</sup>.

Позднѣ, когда онъ сталъ монахомъ, свою позицію по отношеніи къ наукѣ онъ сформулировалъ въ письмѣ къ своему духовнику отцу Агаѳодору (Буданову) такъ: «Именно наука привела меня ко Христу. Только благодаря моей любви къ наукамъ я сдѣлался сознательнымъ христіаниномъ. Только благодаря моимъ постояннымъ занятіямъ науками я убѣдился въ суетѣ мірской жизни и рѣшилъ бросить ее и удалиться въ монастырь. Только любовь къ просвѣщенію и умственному труду сдѣлала то, что я не сталъ безбожникомъ. Только наука меня убѣдила въ истинности Христова ученія. Только благодаря своимъ научнымъ трудамъ я не сталъ послѣдователемъ Толстова. Только черезъ науку я убѣдился въ превосходствѣ Православія надъ прочими культурами. Наука — моя жизнь, она одна привела меня къ Богу»<sup>226</sup>.

Съ такими прогрессивными взглядами и установками Константинъ Александровичъ, несомнѣнно, добился бы большихъ успѣховъ, но у него была одна страсть, которая погубила въ немъ ученаго и которая довела его жизнь до полнаго краха. Это страсть блуда. Онъ хотъ и былъ женатъ законнымъ бракомъ, но страсть блуда захватила его и стала причиной нескончаемыхъ бѣдъ, уничтожившихъ его жизнь. Онъ не только не принесъ никакой пользы, занимаясь науками, но и довель свою душу до катастрофическаго состоянія. Внутренне опустошенный и уничтоженный, стоялъ онъ въ январѣ

<sup>224</sup> БРПМА. Док. № 33293. С. 36.

<sup>225</sup> Тамъ же. С. 38.

<sup>226</sup> АРПМА. Док. № 1779. С. 2.

1897 года у гроба своей жены, чувствуя свою огромную вину предъ усопшей и предъ всѣмъ міромъ. Ему было тогда 45 лѣтъ.

12 апрѣля 1897 года Константинъ Александровичъ прїѣзжаетъ на Аѳонъ и просится въ послушники въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Игуменъ Андрей принимаетъ его, давъ послушаніе помощника бібліотекаря. Вскорѣ его постригаютъ въ рясофоръ съ именемъ Кипріанъ.

Глубочайше покаяніе, плачь о своей ничтожности и винѣ предъ Богомъ и людьми были его единственнымъ занятіемъ въ послѣдующія шесть лѣтъ, которые онъ провелъ въ обители. «Не своей волей я пришелъ на Святой Аѳонъ, — пишетъ онъ въ своей исповѣди. — Господь призвалъ меня. Мнѣ по человѣческимъ суетнымъ законамъ надлежало бы въ Сибирь идти на каторгу, а Господь отправилъ меня на Святую Гору, сподобилъ быть сопричисленнымъ къ избранному своему стаду»<sup>227</sup>. «Пишу исповѣдь свою для обличенія самого себя, пусть, прочитавъ ее, судъ надо мной составятъ и увидятъ изъ нея, какъ жить не надо и чѣму подражать не слѣдуетъ. Пишу я ее для назиданія возлюбленныхъ братій, такъ милостиво принявшихъ меня въ свою среду и относящихся ко мнѣ съ такой любовью и уваженіемъ, каковыхъ я вовсе не стою. Пусть увидятъ они, какъ жилъ Кипріанъ, который имъ кажется смиреннымъ и благочестивымъ, а въ дѣйствительности онъ совсѣмъ грѣшный человѣкъ. Пусть они увидятъ, какъ всю жизнь Господь Іисусъ Христосъ призывалъ меня къ покаянію, вразумлялъ неустанно, всякими путями и какъ, несмотря на явную и непрестанную помощь Его, я все колебался въ вѣрѣ, какъ волны на морѣ, и творилъ неуютное предъ Господомъ. Теперь уже ничто въ сей жизни земной меня не привлекаетъ, и я жду смерти какъ утѣшенія и избавленія отъ скорбей. Такъ ли это будетъ? Не худшая ли еще участь ждетъ меня въ загробной жизни? Про то знаетъ одинъ вѣчный Богъ. Я вѣрую, что, несмотря на мое недостойнство, Онъ силенъ меня спасти»<sup>228</sup>.

Одни люди пишутъ свои мемуары-воспоминанія изъ гордости, желая прославить себя. Другіе изъ-за страсти къ письму, подвигаемыя вдохновеніемъ. Третьи изъ-за скуки, стремясь убѣжать отъ своего «я». Но рѣдко кто осмѣлится писать изъ-за покаянія, цѣленаправленно обличая самого себя. Отецъ Кипріанъ не испугался и написалъ самоуничижающую исповѣдь, отрѣзая для себя малѣйшую возможность для будущаго уваженія и признанія. Такимъ безжалостнымъ самоосужденіемъ онъ полностью обнажился отъ своего грѣховнаго прошлаго и предсталъ съ плачущей и умоляющей душой предъ милостивымъ Богомъ.

17 марта 1900 года отецъ Кипріанъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Ксенофонтъ. Послѣ этого онъ прожилъ еще три года, но не считалъ себя достойнымъ даже жить и ожидалъ смерти какъ милости Божіей. «Величайшее милосердіе Божіе, — писалъ онъ, — состоитъ въ томъ, что онъ сотворилъ смерть, т. е. положилъ предѣлъ зем-

---

<sup>227</sup> АРПМА. Док. № 512. С. 4.

<sup>228</sup> АРПМА. Док. № 512. С. 1–3.

ной жизни человека! Чтобы было бы, если земная жизнь наша при всѣхъ ея несовершенствахъ была безконечна? Какой же это былъ бы ужасъ, страшно даже подумать. Зачѣмъ предугадывать мученія ада, стоитъ лишь продолжить нашу брентную жизнь вѣчно, съ нашей духовной нищетой, съ окружающимъ насъ жестокимъ міромъ, при тѣхъ убійственныхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся, и вотъ онъ — адъ: страшный, возмутительный, ужасный адъ»<sup>229</sup>.

5 сентября 1903 года отецъ Ксенофонтъ умеръ отъ разрыва сердца.



## Схіархимандритъ Іеронъ (Носовъ)

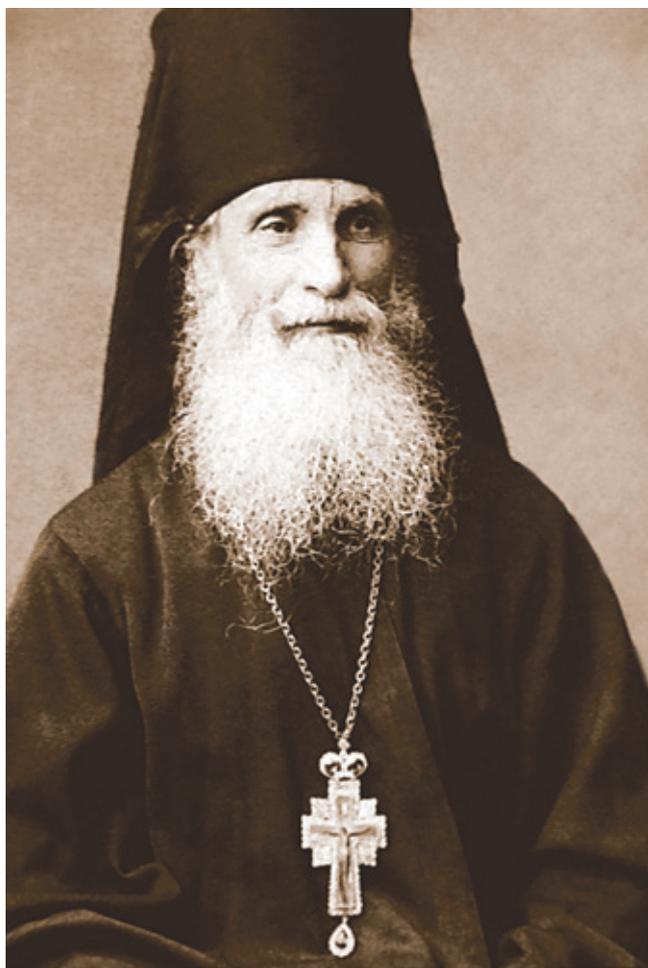
Схіархимандритъ Іеронъ<sup>230</sup> (въ міру Иванъ Васильевичъ Носовъ<sup>231</sup>) родился въ 1829 году въ крестьянской семьѣ села Лоходомово Контіевской волости Буйскаго уѣзда Костромской губерніи. Его мать звали Епистиміей. О юношескихъ годахъ и первоначальномъ воспитаніи мы знаемъ немного. Извѣстно только, что по окончаніи школы мальчикъ былъ отправленъ родителями въ Петербургъ на службу къ знакомому купцу. Честность и усердіе молодаго Носова пріобрѣли ему впослѣдствіи такое довѣріе хозяина, что тотъ хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь, а вмѣстѣ съ тѣмъ передать ему и свое довольно обширное торговое дѣло. Судьба, казалось, улыбалась Ивану Васильевичу, но онъ предпочелъ богатству нищету Христову.

Надо замѣтить, что дивное проявленіе Промысла Божія въ его жизни было очевидно еще въ юности. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ домъ его родителей приходилъ юродивый Иванушка. Разъ какъ-то блаженнаго спросили: «Вотъ Ваня хочетъ на Аѳонъ ѣхать и сдѣлаться монахомъ, что ты на это скажешь?» «Будетъ на Аѳонѣ, будетъ и на Кавказѣ, гдѣ станеть церкви строить, мельницы, корпуса, будетъ, будетъ!» — отвѣчалъ

<sup>229</sup> БРПМА. Док. № 33293. С. 17.

<sup>230</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1912 годъ. М., 1912. С. 396. См. также: *Бронзовъ А. А.* Архимандритъ Іеронъ, настоятель Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря // Христіанское Чтеніе. 1913. № 3. С. 325–349; № 4. С. 458–468; № 5. С. 630–649; № 6. С. 747–768.

<sup>231</sup> Такова его фамилія по монастырскому монахологію, хотя нѣкоторые авторы считаютъ, что его фамилія не Носовъ, а Васильевъ. См.: Къ Свѣту. № 16. С. 89.



блаженный. Слова эти тогда казались всё́мъ непонятными, но впоследствии сбылись въ точности.

Пророчество блаженнаго глубоко запаало въ душу мальчика, и, уже будучи въ Петербургѣ, взрослымъ человѣкомъ онъ частенько его вспоминалъ, и мысль объ иночествѣ не оставляла его. Наконецъ рѣшеніе оставить міръ и «вся яже въ немъ» окончательно созрѣло, и онъ, покинувъ Петербургъ, въ 1862 году прибылъ на Святую Гору Аѳонъ и поступилъ въ число братіи Пантелеимонова монастыря.

Жизнь на Аѳонѣ въ то время напоминала собой древнія времена монашества. Наравнѣ съ другими новоначальный братъ Иванъ проходилъ въ монастырѣ трудныя послушанія. Послѣ продолжительныхъ церковныхъ службъ ему приходилось исправлять еще разныя монастырскія работы. Вотъ какъ впоследствии онъ самъ говорилъ о своемъ первоначальномъ образѣ

жизни въ обители: «По поступленіи въ монастырь я былъ назначенъ исполнять послушаніе на кухнѣ. Первое время, подражая старцу и другимъ своимъ сотрудникамъ, ночью, бывало, встанешь и выйдешь на кухню что либо прибрать или почистить — смотришь, и самъ старецъ тутъ какъ тутъ или кто либо изъ братіи. Конечно, скажешь, что, мошь, вышелъ потому, что не спится, а самъ скорѣе уйдешь назадъ. Вотъ такъ мы одинъ отъ другаго къ труду непрестанному навывкали». Черезъ три года послѣ поступленія послушникъ Иванъ былъ постриженъ въ мантию и получилъ имя Іеронъ.

Пребываніе на Аѳонѣ подъ руководствомъ духовника отца Іеронима, правила и образъ жизни окружающей его братіи, наконецъ, безпрекословное исполненіе послушаній имѣли сильное вліяніе на образованіе, характеръ и нравственное усовершенствованіе отца Іерона. Здѣсь онъ положилъ начало своей иноческой жизни, которое, благодатью Божіей, и создало впоследствии тотъ нравственный образъ старца, который невольнo располагалъ къ нему всѣхъ.

26 сентября 1867 года инокъ Іеронъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и назначенъ помощникомъ эконома. Въ этомъ званіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ по возобновленію Нагорнаго Руссика. 25 марта 1875 года отецъ Іеронъ былъ хиротони-

санъ въ іеромонаха. Въ это время обитель святаго великомученика Пантелеимона начала устраивать на Кавказѣ новый монастырь, куда отецъ Іеронъ, какъ опытный строитель, и былъ посланъ старцами, игуменомъ отцомъ Макаріемъ и отцомъ Іеронимомъ, на помощь іеромонаху Арсенію, который велъ дѣло основанія новой обители. Съ этого времени вся остальная жизнь отца Іерона протекла на Новомъ Аѳонѣ.

За все время своего пребывания на Кавказѣ онъ только два раза смогъ посѣтить Аѳонъ: въ 1880 году, когда онъ былъ избранъ игуменомъ устроенной имъ Ново-Аѳонской обители, и въ 1889 году, чтобы почтить память усопшаго своего старца архимандрита Макарія на 40-й день послѣ его кончины. Это было послѣднее посѣщеніе имъ своей духовной Родины.

Въ теченіе своего 37-лѣтняго управленія Ново-Аѳонскимъ Симоно-Кананитскимъ монастыремъ отецъ Іеронъ ясно показалъ, какъ хорошо былъ онъ подготовленъ предшествовавшей своей жизнью на Аѳонѣ подъ руководствомъ старцевъ къ важнымъ и труднымъ обязанностямъ настоятеля и руководителя иноковъ. Въ короткое время онъ успѣлъ положить прочное основаніе внутреннему и внѣшнему благоустройству юной Ново-Аѳонской обители. Управляя ею по завѣту своихъ аѳонскихъ старцевъ, онъ главное вниманіе обращалъ не столько на внѣшнее ея благолѣпіе, сколько на внутреннее духовное устроеніе братіи и строгое соблюденіе церковныхъ службъ и монастырскихъ правилъ по уставу монастыря святаго великомученика Пантелеимона на Аѳонѣ, отраслью котораго и являлся Симоно-Кананитскій монастырь. Духовная опытность настоятеля и порядокъ, введенный имъ, скоро начали привлекать въ монастырь благочестивыхъ паломниковъ и сдѣлали его широко извѣстнымъ въ средѣ простаго русскаго вѣрующаго народа.

Съ полнымъ упованіемъ на молитвенную помощь пославшихъ его старцевъ отецъ Іеронимъ приступилъ къ созиданію обители. Десятки лѣтъ трудился онъ въ этомъ святомъ дѣлѣ съ той неутомимой ревностью и опытностью, которыми запечатлѣна вся его разнообразная дѣятельность, и привелъ обитель въ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ оказалась она ко времени его смерти. При этомъ очевидно, что главнымъ источникомъ его духовнаго вдохновенія былъ Аѳонъ, а именно старцы, которые его воспитали и съ которыми онъ не прерывалъ духовнаго и дѣловаго общенія, чѣму свидѣлствуютъ тысячи страницъ писемъ, которыя онъ послалъ имъ<sup>232</sup>. По благословенію своихъ незабвенныхъ старцевъ отецъ Іеронъ 2 мая 1880 года былъ постриженъ въ схиму.

Стараясь о водвореніи иноческаго духа между братіей, того духа, въ которомъ онъ самъ воспитывался на Аѳонѣ, т. е. духа смиренія, незлобія, чистоты помысловъ и мира, — такъ какъ и самые суровые подвиги безъ любви и искренняго смиренія не принесутъ никакой пользы иноку, — отецъ Іеронъ училъ обращающихся къ нему

<sup>232</sup> АРПМА. Док.: № 1079, 1191, 1198, 1208, 1373, 1761.

за духовнымъ окормленіемъ, что съ «братьями надо жить въ мирѣ и любви. Хотя бы кто тебя и обидѣлъ — смолчи, перенеси, и такъ самъ не разстроишься и разстроеннаго чѣмъ либо терпѣніемъ своимъ и смиреніемъ съ помощью Божіей лучше всякихъ словъ успокоишь. Иногда это сдѣлать очень трудно. Трудно стерпѣть! Нападаютъ сразу помыслы: „И зачѣмъ онъ такъ сказалъ мнѣ, развѣ я такой?“ И непремѣнно необходимо побороть эти помыслы, не поддаваться желанію отвѣтить обидчику. А когда перетерпишь, потомъ и не нарадуешься, что не сказалъ тѣхъ ядовитыхъ, оскорбительныхъ словъ. Потому мы и монахи, что обязались Господа ради терпѣть всѣ напасти и переносить ихъ съ благодарностью. Значить, никакъ намъ нельзя дерзать совершать такія зазорныя монашеству дѣла, чтобы кого либо словомъ или дѣломъ оскорблять».

Предохраняя отъ грѣха осужденія, отецъ Іеронъ рассказывалъ лично ему извѣстный слѣдующій весьма поучительный случай: «У насъ, на моей родинѣ, — говорилъ онъ, — въ маленькомъ городкѣ былъ пьяница-чиновникъ, который почти всегда находился въ нетрезвомъ состояніи. Проживалъ въ то время въ томъ же городѣ и одинъ купецъ, который никогда не выпивалъ, вель примѣрный по своему образцовому повѣденію образъ жизни, отличался умѣніемъ хорошо вести дѣла. Однажды рано утромъ бредеть пьяненькій чиновникъ на службу въ свое управленіе, и какъ разъ дорога его проходила мимо лавки зажиточнаго вышеупомянутаго купца. Лишь только уже изрядно нагрузившійся канцелярскій служащій поравнялся съ его магазиномъ, какъ тотъ началъ поносить его бранными словами: „У, скотина, уже нажрался спозаранку винища!“ — И при этихъ словахъ даже плюнулъ вслѣдъ несчастному чиновнику. Конечно, нехорошо поступаетъ человѣкъ, когда утромъ, вмѣсто того чтобы посвятить начатокъ дня прославленію Творца, напивается допьяна, погружаясь въ безсознательное, ненормальное состояніе. Но и купецъ по гордости своей поступалъ также неблагоразумно и погрѣшительно, дерзнувъ взять на себя принадлежащее Господу право судить ближняго. И вотъ прошло совсѣмъ немного времени, когда уже и торговецъ этотъ послѣ нѣсколькихъ крупныхъ неудачъ вдругъ запилъ горькую. Да такъ пристрастился къ вину, что сдѣлался отчаяннымъ пьяницей. Торговья дѣла его при таковой беспорядочной жизни пошатнулись, а потомъ и совсѣмъ пошли плохо, такъ что онъ совершенно разорился. Прежде богатый человѣкъ сталъ чуть не послѣднимъ въ городѣ бѣднякомъ, нищимъ, просящимъ милостыню, которую и пропивалъ въ первомъ же кабакѣ. Охъ, избави, Господи, cadaго изъ насъ отъ тяжкаго грѣха осужденія!»

По уставу обители каждый изъ братіи непремѣнно долженъ былъ присутствовать при богослуженіи, въ свободное отъ котораго время обязанъ былъ являться на определенное ему послушаніе. «Трудъ, — говорилъ отецъ Іеронъ, — единственное спасеніе человѣка отъ многихъ грѣховъ и отъ обладанія разными помыслами, отъ которыхъ, въ случаѣ согласія съ ними, до совершенія самого грѣха при содѣйствующей къ тому праздности одинъ только шагъ».

Но нельзя сказать, что въ одномъ внѣшнемъ трудѣ видѣлъ отецъ Іеронъ цѣль и значеніе иноческаго подвига. «Помни, — наставлялъ онъ, — что все занятіе твое (послушаніе) — подѣліе, а первое твое дѣло монашеское, чтобы совѣсть не укоряла тебя въ неисполненіи своихъ прямыхъ иноческихъ обязанностей, — старайся ихъ всемѣрно на послушаніи исполнять прежде всего». «Намъ, монахамъ, — предостерегалъ онъ отъ совершенія постороннихъ дѣлъ, — надо прежде покрывать свою крышу, а не чужую. Иначе пойдетъ дождь, настанетъ непогода — куда денешься? Чужая, хотя и тобой крытая крыша, не всегда тебя прикроетъ. Замѣчай самъ, что все, что ты дѣлаешь по своей волѣ, хотя бы и въ нѣсколько разъ было дѣло тяжелѣе заповѣданнаго, легко выполнять, а лишь только вздумаешь игуменскій наказъ привести въ исполненіе, такъ и силъ не хватаетъ. Значитъ, кому-то очень и очень не нравится, когда инокъ исполняетъ по благословенію послушаніе, когда этимъ исполненіемъ показываетъ полную покорность игумену. Вотъ этотъ-то нѣкто — дьяволъ — и старается всѣми коварными и льстивыми способами помѣшать исполненію заповѣди, чтобы оставить монаха безъ награды за трудъ послушанія. А за самоволіе, хотя бы ты и цѣлый день трудился, нѣтъ такой награды, потому что это самочиніе, непокорность, непослушаніе!»

Правила, установленныя отцомъ Іерономъ, конечно, не имѣли бы силы обязательности для братіи, если бы онъ самъ своей жизнью не показывалъ примѣра самаго точнаго ихъ выполненія. Его жизнь дѣйствительно служила для каждаго образцомъ. Онъ не пропускалъ въ обители ни одной церковной службы, всѣ онѣ начинались и заканчивались въ его присутствіи. Неопустительно ходилъ съ братіей и на монастырскую трапезу, хотя за ужиномъ совсѣмъ мало касался пищи. Вообще его отношеніе къ монашествующимъ, запечатлѣнное глубокимъ смиреніемъ, незлобіемъ, снисходительностью и любовью, служило поучительнымъ примѣромъ для братіи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ на пути истинно иноческой жизни. Подъ руководствомъ такого мудраго и опытнаго въ духовной жизни наставника и подъ сѣнью такой благоустроенной обители, естественно, стекались многіе желавшіе посвятить себя монашескому дѣланію, такъ что число братіи въ обители къ началу Первой міровой войны возросло до 500 человекъ.

Характерное описаніе метода управленія монастыремъ отца Іерона далъ отецъ Трифонъ (Упорниковъ), посланный старцами обители на Новый Аѳонъ для инспекціи: «Объ управленіи и распоряженіяхъ отца Іерона я много слышалъ противорѣчиваго, но свой взглядъ оказался вѣрней уха. Я въ отцѣ Іеронѣ усмотрѣлъ то, что онъ дѣйствительно избранъ Богомъ на это служеніе, которое онъ проходитъ достойно своего званія. Его простое обращеніе со всѣми братіями и его собственный примѣръ смиренія достоинъ восхищенія. Онъ при мнѣ неоднократно спрашивалъ даже у младшихъ братій ихъ совѣта и мнѣнія, такъ что я даже удивлялся такому смиренію»<sup>233</sup>.

<sup>233</sup> АРПМА. Док. № 3678.

Многочисленные богомольцы всѣхъ званий и состояній, посѣщавшіе Симоно-Кананитскій монастырь, частенько обращались за совѣтомъ и помощью къ мудрому старцу, о благочестивой жизни и добротѣ сердца котораго далеко распространились слухи. Съ одинаковой любовью принималъ онъ каждого, кто желалъ получить отъ него наставленіе для пользы души. Доступъ къ нему для всѣхъ одинаково былъ свободенъ и легокъ. Кромѣ духовной помощи нуждающимся онъ часто оказывалъ при этомъ и матеріальную помощь. Память о немъ какъ объ очень добромъ и сердечномъ человѣкѣ надолго сохранилась въ сердцахъ какъ мѣстныхъ жителей — абхазцевъ и грузинъ, такъ и пріѣзжихъ, пользовавшихся его пособіями. Дружескія отношенія сложились у него съ мѣстнымъ священноначаліемъ. Особенно тѣсную связь онъ поддерживалъ съ архіепископомъ Гавріиломъ (Кикодзе), также съ благочиннымъ Сухумской епархіи протопресвитеромъ Давидомъ Мачаваріани, съ которыми постоянно переписывался и которыхъ высоко цѣнилъ и уважалъ.

Между тѣмъ подъ бременемъ преклоннаго возраста, постоянныхъ трудовъ и иноческихъ подвиговъ силы неустоимаго старца начали ослабѣвать. Вѣдь онъ почти четыре десятка лѣтъ подвизался въ устроении и управленіи Ново-Аѳонской обители. Въ апрѣлѣ 1912 года на Иверской горѣ вблизи обители, гдѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ производилась постройка новаго храма, онъ сильно простудился, что окончательно подломило его немолодые силы. По этой причинѣ онъ рѣшилъ просить увольненія отъ должности настоятеля. На что 5 мая послѣдовалъ указъ Священнаго Синода, согласно которому отецъ Іеронъ оставался въ своей обители старцемъ, духовнымъ руководителемъ братства, а на его мѣсто утверждался настоятелемъ намѣстникъ іеромонахъ Иларіонъ (Кучинъ), который 11 июня преосвященнымъ Андреемъ, епископомъ Сухумскимъ, и былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Сдавъ новому настоятелю всѣ монастырскія дѣла, отецъ Іеронъ сталъ готовиться къ переходу въ вѣчность. «Васъ братья, — писалъ отецъ Іеронъ въ своемъ наставленіи передъ своей кончиной, — прошу: прежде всего имѣйте любовь и страхъ Божій; не ищите незаконно, подпольными происками чести, старшинства, власти; подчиняйтесь властямъ, Богомъ поставленнымъ, и чтите старцевъ. Подпольныя домогательства не приведутъ къ добру. Идите праведнымъ путемъ, чтобы совѣсть ваша всегда была чиста и ни въ чемъ васъ не укоряла. Только тогда у васъ будетъ легко на душѣ»<sup>234</sup>.

Послѣднія силы старца быстро угасали. Онъ уже никуда не выходилъ. Недѣли за двѣ передъ кончиной у него пропалъ аппетитъ, такъ что онъ не принималъ почти никакой пищи. Только иногда онъ могъ выпить полчашки чая да немного миндальнаго молока. Въ это время преосвященный Андрей, епископъ Сухумскій, былъ въ отпускѣ, и угасающій для земной жизни старецъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія, часто

---

<sup>234</sup> Къ Свѣту. № 16. 1997. С. 99.

справляясь у окружающихъ о времени его прїѣзда. Незадолго до кончины отецъ Іеронъ сталъ ежедневно причащаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ, отказываясь даже отъ миндальнаго молока, употребляя изрѣдка одну лишь святую воду. Когда 13-го числа раннимъ утромъ постоянно находившійся при отцѣ Іеронѣ монахъ-фельдшеръ сказалъ, что въ монастырь прибылъ преосвященный Андрей, то онъ, истово осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, радостно повторялъ: «Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ, Господи!»

Преосвященный не замедлилъ прямо съ дороги тутъ же навѣстить болящаго. Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій отецъ Іеронъ попросилъ владыку прочитати ему «отходную». Фельдшеръ-монахъ незадолго передъ этимъ на вопросъ отца Іерона о состояніи его здоровья откровенно заявилъ, что всѣ даже сильнодѣйствующія медицинскія средства становятся уже бесполезны и ему не помогаютъ. Преосвященный, поговоривъ со старцемъ наединѣ, прочиталъ канонъ на исходъ души и разрѣшительную молитву. По окончаніи въ храмахъ ранней Литургіи владыка отбылъ въ Сухуми. Весь этотъ день, затѣмъ слѣдующій отецъ Іеронъ находился какъ будто въ полузабытїи, но замѣтно было, какъ его не оставляло молитвенное горѣніе духа, потому что иногда онъ истово крестился.

Утромъ 14 августа онъ прїобщился Святыхъ Таинъ, вечеромъ выслушалъ вечерню и акаѳистъ Царицѣ Небесной. А когда въ обители совершалось всенощное бдѣніе празднику Успенія Божіей Матери, въ началѣ одиннадцатаго часа ночи, онъ, предчувствуя близкую кончину, сталъ просить, чтобы для него въ Вознесенскомъ храмѣ отслужили раннюю Литургію, такъ какъ изъ этого храма въ его келью имѣлось слуховое окно. Но когда ему сказали, что нѣтъ еще полуночи, слѣдовательно, Литургію совершать рано, и предложили прїобщиться запасными Святими Дарами, то онъ на это согласился. Передъ этимъ (по его желанію) онъ былъ одѣтъ въ великую схиму и епитрахиль. Прїобщившись Святыхъ Таинъ, отецъ Іеронъ принялъ немного размоченнаго въ святой водѣ антидора, перекрестился, попросилъ снять епитрахиль и легъ въ постель. Духовникъ сталъ читать благодарственныя послѣ прїобщенія молитвы, но только лишь успѣлъ закончить «Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко...», какъ умирающій старецъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ попросилъ опять посадить его на кровати. Въ такомъ положеніи, обратясь лицомъ къ востоку и устремивъ сосредоточенный взоръ на святой крестъ, бывшій въ рукахъ его духовника, отецъ Іеронъ тихо, мирно почилъ о Господѣ вѣчнымъ сномъ праведника. «Честнѣ предъ Гбсподемъ смѣрть преподбныхъ егб» (Пс. 115:6). Замѣчательно то, что и въ соборѣ на всенощномъ бдѣніи въ это время пѣли тоже «Нынѣ отпускаеши».

17 августа преосвященнымъ Андреемъ Сухумскимъ въ обители было совершено заупокойное бдѣніе. На другой день заупокойная Литургія началась въ шесть часовъ утра. Ее совершалъ владыка Андрей со множествомъ священнослужителей при большомъ

стеченіи духовныхъ чадъ почившаго и окрестныхъ жителей. На Литургіи священникъ сосѣдняго съ обителью прихода сказалъ слово, посвященное памяти почившаго отца Іерона какъ строителя обители, имѣющей глубокое значеніе для православной вѣрующей Россіи и мѣстнаго населенія. Передъ отпѣваніемъ глубоко прочувствованное слово произнесъ владыка. Затѣмъ говорилъ отъ лица всей братіи послѣднее «прости» новый настоятель обители архимандритъ Иларіонъ. Похоронили старца у храма святаго апостола Симона.

## Схиіеродіаконъ Лазарь (Деминскій)

Схиіеродіаконъ Лазарь (въ міру Александръ Ильичъ Деминскій) родился въ 1830 году въ Рязанской губерніи. Съ юныхъ лѣтъ онъ мечталъ посвятить свою жизнь служенію Богу и поступить въ монастырь.

Въ 1866 году Александръ Ильичъ поступилъ въ Вышенскую пустынь, гдѣ вскорѣ сталъ келейникомъ святителя Теофана (Говорова), находившагося здѣсь въ затворѣ. Именно имъ онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Аполлосъ и рукоположенъ въ іеродіакона. Онъ лично переписывалъ многія произведенія святителя и помогалъ ему въ подготовкѣ къ изданію его книгъ. Святитель зналъ о внутренней тягѣ отца Аполлоса къ безмолвной жизни и о тайномъ желаніи его подвизаться на Аѳонѣ.

Въ 1873 году онъ благословилъ отца Аполлоса на отшельническую жизнь на Святой Горѣ. Отецъ Аполлосъ немедля выѣхалъ на Аѳонъ и поселился тамъ въ заброшенной келии около Крестовоздвиженской келліи\*, въ которой въ полномъ затворѣ подвизался 10 лѣтъ. Все это время Іисусова молитва была его утѣшеніемъ. А его ѣдой былъ дикій лукъ, грецкіе орѣхи и сухари. Огородъ онъ не разводилъ. Да и нѣгдѣ было, такъ какъ его келия находилась въ скалистой мѣстности.

Отецъ Аполлосъ былъ безмѣрно счастливъ такому своему положенію. Наконецъ-то его мечта осуществилась: онъ, не отвлекаясь ни на что, могъ предстоять предъ своимъ Создателемъ — Господомъ, все болѣе и болѣе размягчая свое сердце непрестанной молитвой для принятія благодати. Все бы оставалось такъ до его кончины, если бы одинъ случай не измѣнилъ его жизнь.

Въ 1883 году по просьбѣ своего сосѣда, 92-лѣтняго отшельника, жившаго въ своей келии на разстояніи одной отъ него версты, онъ написалъ письмо къ игумену Русскаго Пантелеимонова монастыря отцу Макарію, прося его помочь немощному старцу починить водопроводъ. Послѣ чего завязалась переписка между отцомъ Аполлосомъ и отцомъ Макаріемъ. Они оба почувствовали невѣроятную близость другъ другу

и духовное родство, слѣдствіемъ чего стало предложеніе отца Макарія отцу Аполлосу переселиться въ старый Нагорный Русскій. Отецъ Апполосъ счелъ это за волю Божию и согласился, тѣмъ болѣе что ему очень хотѣлось быть поближе къ великому старцу.

Въ началѣ 1884 года онъ переѣхалъ въ Нагорный Русскій, а въ 1905 году, послѣ смерти отца Кипріана<sup>235</sup>, ктитора церкви въ честь Почаевской\* иконы Божіей Матери, поселился рядомъ съ этой церковью, гдѣ 30 марта того же года самимъ игуменомъ Макаріемъ онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Лазарь.

Съ этого времени между отцомъ Лазаремъ и отцомъ Макаріемъ сложились самыя тѣсныя духовныя отношенія. Отецъ Лазарь уже не представлялъ свою жизнь безъ духовнаго руководства игумена всѣхъ русскихъ аѳонцевъ. Приведемъ отрывокъ изъ одного письма отца Макарія, адресованнаго отцу Лазарю, которое наглядно показываетъ отцовскую заботу старца о своемъ чадѣ:

«Скажу Вамъ нѣсколько словъ по поводу мысленной брани, которая, по словамъ Вашимъ, своимъ крайнимъ усиленіемъ едва ли не доводитъ Васъ до „отчаянія“, чего, впрочемъ, слѣдовало ожидать. Припомните сказанное Вамъ при святыхъ вратахъ алтаря Господня: „Вѣждь, яко наипаче отнынѣ примуть ты множайшіе подвижи къ брани на него (врага спасенія), никакоже бо на тя возможесть, ограждена ты обрѣтая, къ наставляющему тя вѣрою крѣпкою и любовію“. Вотъ Вы были предупреждены противъ сего отъ Лица Самаго Воспріемшаго васъ, дабы не смуцалось сердце Ваше и не малодушествовалъ бы духъ Вашъ. Ибо въ самомъ изнеможеніи Вашемъ вы сильны силою Пресущаго Вамъ, который затѣмъ паки обѣтовалъ къ утѣшенію Вашему и слѣдующее: „Твое вѣдїи желаніе и къ предложенію твоему прилагая яже отъ Себѣ силу къ исполненію заповѣдей своихъ, Той да восприметь и обыметъ и защититъ тя. И будешь ты стѣна тверда отъ лица вражія, утѣшенія вина, благомошїя податель, мужества сподвижникъ,



<sup>235</sup> Схимонахъ Кипріанъ (въ міру Кононъ Алексѣевичъ Бирюковъ) — уроженецъ Московской губерніи. Прибылъ на Аѳонъ въ 1870 году. Пустынникъ, жилъ на Капсалѣ, на келліи св. Димитрія Пантократорскаго монастыря. Ктиторъ Почаевской церкви на Старомъ Русскіѣ. Преставился 1 іюня 1905 года.

совозлегая, совозстая, услаждая и веселя сердце твое утѣшеніемъ Святаго Духа Своего“. Такимъ благожелательнымъ прореченіемъ напутствуется воинъ Христовъ на предлагаемое безкровное мученичество свое. Замѣтите въ приведенномъ текстѣ особенно въ умиротвореніи духа Вашего сказанное: „къ предложенію твоему прилагая яже отъ Себѣ силу“. Ваше лишь предложеніе, а сила къ осуществленію Его свыше отъ Подвигоположника Христа»<sup>236</sup>.

Благодарный отецъ Лазарь такъ отвѣчалъ своему дорогому старцу: «Благодарю Васъ отъ души, досточестнѣйшій, за все: заботитесь обо мнѣ, питаете и терпите меня, какъ мать свое родное дѣтище»<sup>237</sup>.

Отецъ Лазарь прожилъ у церкви Почаевской иконы Божіей Матери почти 20 лѣтъ, прилагая огромныя усилія для спасенія своей души и одновременно бывъ наставникомъ и утѣшителемъ многихъ братій, жившихъ на Старомъ Русикѣ. Онъ для себя составилъ ежедневныя правила, которыми руководствовался всю жизнь и которыя висѣли у него на двери его кельи. Вотъ эти правила:

1. Быть до самой бездѣлицы во всемъ справедливымъ и безпристрастнымъ.
2. Никогда, даже въ шуткѣ, никого не обманывать.
3. Быть безкорыстнымъ до самой мелочной бездѣлицы.
4. Искать случая, гдѣ только можно, быть кому нибудь полезнымъ.
5. Во всѣхъ непріятностяхъ судить строже всѣхъ самого себя и быть снисходительнымъ къ другимъ.
6. Никогда ни надъ кѣмъ не шутить и не надсмѣхаться.
7. О себѣ никогда ничего хорошаго не говорить и забывать самого себя для другихъ.
8. Болѣе молчать, нежели говорить, выслушивать другихъ и какъ можно избѣгать споровъ.
9. Стараться, сколько возможно, менѣе быть празднымъ.
10. Не горячиться, а если будешь чувствовать, что гнѣвъ такъ и овладѣваетъ тобой, что тяжело преодолѣть себя, то тотчасъ замолчать и, если можно, уйти.

По благословенію отца Макарія отецъ Лазарь на Великій постъ имѣлъ особый канонъ: за каждую недѣлю прочитавъ всю псалтырь и всѣ Евангеліе по три раза, ежедневно чередуя ихъ между собой, т. е. каждый день по десять каѳизмъ и 40 главъ Евангелія. Все остальное время онъ творилъ Иисусову молитву по четкамъ. Спалъ три часа. Въ Великаго поста у него было слѣдующее правило — 100 четокъ въ день. Огородомъ и послушаніемъ онъ не занимался, ѣду ему приносила братія со Старога Руссика.

Преставился схіеродіаконъ Лазарь 13 августа 1903 года въ преддверіи праздника Успенія Божіей Матери. На второй день послѣ праздничной Литургіи вся братія Старога Руссика провожала въ послѣдній путь уважаемаго всѣми старца.

<sup>236</sup> АРПМА. Док. № 1395. С. 43.

<sup>237</sup> Тамъ же. С. 15.

## Схимонахъ Венедиктъ (Матвеевъ)

Схимонахъ Венедиктъ (въ міру Василій Матвеевичъ Матвеевъ) родился въ 1830 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Далматовка Яжелбицкой волости Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи.

Отецъ Василія умеръ, когда ему было три года. Мать его была набожной женщиной, соотвѣтственно, и сына воспитывала въ духѣ любви къ Богу и людямъ. Съ раннихъ лѣтъ Василій сталъ мечтать посвятить свою жизнь Богу, однако помѣщикъ, на котораго онъ работалъ, не хотѣлъ его отпускать. Но милостивый Господь услышалъ его горячія молитвы и поспособствовалъ осуществленію его мечты. Однажды маленькій сынъ барина заболѣлъ такъ, что доктора отказались лѣчить его, думая, что тотъ скоро умретъ. Отчаявшійся баринъ рѣшилъ пойти къ знахарю и искать у него помощи. По дорогѣ къ знахарю онъ разговаривался съ молодымъ кучеромъ (это былъ Василій), который ему сказалъ: «Баринъ, по что хотите прогнѣвать Бога, мало вамъ испытаній? Знахари вѣдь — слуги дьявола, молиться Богу истинному надо, и если есть Его святая воля, то выздоровѣетъ вашъ сынишка». Удивленный и смущенный баринъ отвѣтилъ: «Не умѣю я молиться, да и грѣшенъ слишкомъ, все равно Богъ не услышитъ, вотъ если бы ты попросилъ бы Его исцѣлить моего сына, Онъ тебя бы послушалъ, ты вѣдь въ монахи рвешься». Тогда Василій остановилъ лошадей и, ставъ на колѣни посреди поля и закрывъ глаза, началъ горячо молиться Богу. Баринъ, видя, какъ непосредственно и просто онъ это дѣлалъ, послѣ нѣкотораго колебанія тоже всталъ на колѣни рядомъ съ нимъ и тоже про себя началъ молиться. Черезъ нѣкоторое время баринъ залился слезами и почувствовалъ, что что-то дрогнуло въ его сердцѣ, что-то измѣнилось, ему хотѣлось такъ стоять и молиться какъ можно дольше. Онъ боялся открыть глаза, чтобы это ощущение не исчезло. «Пойдемъ, баринъ, пора намъ домой», — услышалъ онъ голосъ Василія, который и вывелъ его изъ этого состоянія. Онъ повиновался, и они вернулись домой, гдѣ имъ сообщили, что больному мальчику стало легче и онъ началъ выздоравливать. На слѣдующій день баринъ далъ Василію вольную.

20-лѣтнимъ юношей онъ поступилъ въ одинъ изъ монастырей Новгородской епархіи, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Венедиктъ. 35 лѣтъ онъ безвыѣздно жилъ и подвизался въ этомъ монастырѣ, показывая примѣры послушанія и смиренія. Въ 1886 году ему представилась возможность осуществить свою давнюю мечту — посѣтить святыя мѣста Іерусалима. На обратномъ пути изъ Іерусалима 11 октября того же года онъ заѣхалъ на Аѳонъ.

Аѳонъ привелъ его въ восхищеніе, и онъ рѣшилъ остаться здѣсь навсегда, а потому сталъ проситься въ Пантелеимоновъ монастырь. Но старцы обители отказали ему на томъ

основаніи, что онъ не имѣеть отъ своего игумена благословенія остаться на Аѳонѣ. Отецъ Венедиктъ началъ переписку со своимъ монастыремъ, но дѣло затянулось почти на три года. Его родной монастырь не хотѣлъ лишаться такого старца. Все это время, пока шла переписка, онъ жилъ въ одной заброшенной каливѣ, которую самъ починилъ. Наконецъ изъ Россіи пришло извѣстіе о согласіи игумена, и онъ былъ принятъ въ Русикъ 1 октября 1889 года.

Отецъ Агаѳодоръ (Будановъ) сталъ его духовникомъ, и хотя они были почти сверстниками, отецъ Венедиктъ съ полнымъ смиреніемъ началъ выполнять всѣ указанія своего наставника. По его благословенію онъ четыре года выполнялъ послушаніе огородника. 11 марта 1893 года его постригли въ схиму, послѣ чего послали на послушаніе на Георгіевскую (Ближнюю) келлію\*.

Вся братія сразу полюбила смиренного, молчаливаго старца. Вотъ какъ характеризуетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Простой и благочестивый, ревностный къ подвигамъ»<sup>238</sup>. Его подвижническая жизнь привлекала къ нему и другихъ подвижниковъ, желавшихъ подѣлиться съ нимъ опытомъ. Сохранилась запись его духовныхъ бесѣдъ съ отцомъ Леономъ (Воскресенскимъ), который подвизался въ маленькой каливѣ недалеко отъ Георгіевской келліи и который впослѣдствіи записалъ эту бесѣду: «Въ іюльскую ночь въ саду при Георгіевской келліи встрѣтились два схимонаха Венедиктъ (Матвеевъ) и Леонъ (Воскресенскій). Поздоровавшись по-иночески, сели на траву подъ маслиной, чтобы подышать чистымъ, ароматнымъ воздухомъ Аѳона. Луна тихо плыла по небу и своимъ свѣтомъ освѣщала садъ. У обоихъ собесѣдниковъ на душѣ было спокойно. Разговаривали о милости Божіей къ грѣшнымъ людямъ и о томъ, почему Господь къ намъ особенно благоволитъ.

Отецъ Венедиктъ рассказалъ одинъ случай изъ своей прошлой жизни. Онъ говорилъ, что прошло отъ того времени лѣтъ пятьдесятъ. Онъ былъ еще тогда мальчикомъ семи лѣтъ. Жилъ въ деревнѣ Долматовка Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи. Имѣлъ товарища — сироту восьми лѣтъ, имя котораго уже позабылъ. Мальчикъ этотъ былъ родомъ не изъ ихъ деревни и ходилъ изъ дома въ домъ. Его всѣ любили, потому что онъ на память пѣлъ стихи про Георгія Побѣдоносца и про другихъ угодниковъ Божіихъ. Ему за это давали кто пирога, кто рубашку и т. п.

Разъ деревенскія дѣти собрались на улицѣ, а онъ и говоритъ, что вотъ если нынче по-постимся и всю ночь будемъ молиться (въ это время былъ канунъ праздника Преображенія), то увидимъ Господа, апостоловъ, и солнце будетъ играть, и земля трястись. Двое мальчишекъ лѣтъ пятнадцати высказали недовѣріе къ его словамъ, но онъ увѣрялъ всѣхъ въ правдивости своихъ словъ и говорилъ, что не разъ видѣлъ подобное. Ему повѣрили. И пятнадцать челоѣкъ постились весь день.

Вечеромъ потихоньку отъ старшихъ всѣ собрались въ назначенное мѣсто и стали молиться, кто какъ умѣлъ. Кто клалъ земные, а кто поясные поклоны. А молитву творили та-

---

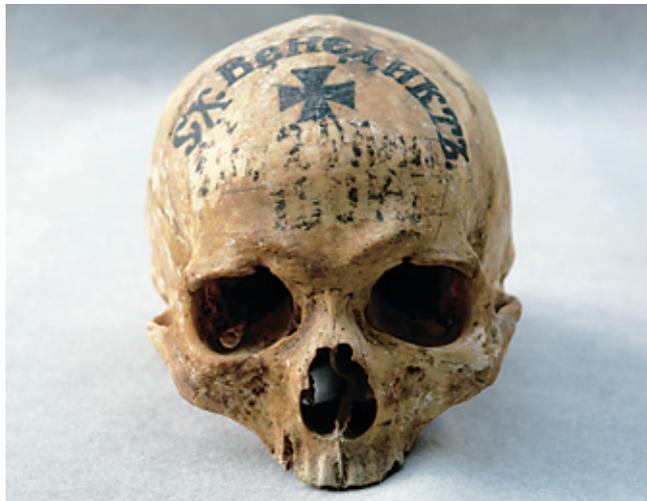
<sup>238</sup> АРПМА. Док. № 312. С. 156.



*Фотографія Ближней Георгіевской келліи времяъ отца Венедикта.  
Сегодня почти полностью разрушена*

кими словами: „Господи, покажись намъ, покажи намъ видѣніе“. Молились долго. Возраста всѣ были примѣрно одного — отъ 7 до 8 лѣтъ, лишь двое были по 15-ти лѣтъ отъ роду.

Молились по направленію между востокомъ и югомъ. Вдругъ ударилъ сильный громъ, земля затряслась, и отъ испуга всѣ попадали. Но когда, ободрившись, подняли головы, то увидѣли на востокѣ играющее солнце,двигающееся вправо и влево. Потомъ оно стало двигаться сверху внизъ, а затѣмъ на солнцѣ образовался громадный и свѣтлый крестъ. На западѣ слышенъ былъ шумъ. Обратившись взоромъ на этотъ шумъ, ребята увидѣли, какъ по небу, по направленію къ востоку, пролегла широкая свѣтло-краснаго цвѣта дорога. Она постепенно какъ будто поднималась въ гору. По ней шло много народа. Всѣ эти люди были въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ. И, наконецъ, на востокѣ открылось непостижимое зрѣлище, описать которое умъ не можетъ. Ребята увидѣли Господа Иисуса Христа, сидящаго на высокомъ преславномъ престолѣ. Въ рукахъ Онъ держалъ скипетръ и державу съ крестомъ на верху. Кругомъ Его въ непостижимой славѣ въ бѣлыхъ и свѣтлыхъ одеждахъ сидѣли 12 учениковъ — апостоловъ. Это видѣніе было схоже съ тѣмъ, какъ пишутъ Тайную Вечерю. Но оно передавало картину несравненно болѣе величественную.



Когда все закончилось, то всѣ ребяташки стали отъ радости обнимать другъ друга. Судя по общимъ для всѣхъ рассказамъ, было очевидно, что всѣ они видѣли одно и то же. Что же касается тѣхъ двоихъ, которымъ было по пятнадцать лѣтъ и которые вначалѣ сомнѣвались, то именно они ничего не увидѣли, за исключеніемъ того, что слышали шумъ и ощущали трясеніе земли. Одинъ изъ нихъ едва очнулся послѣ тряски, все время лежалъ на землѣ безъ сознанія, и его лицо было немного опалено.

Они не повѣрили рассказамъ товарищей о видѣніи. Вотъ такъ милость Божія проявляется только тогда, когда вѣра въ него искренна и по-дѣтски чиста.

„Да, это истинно такъ, — согласился отецъ Леонъ, — но какъ же намъ тогда доказать сомнѣвающимся, что милость Божія проявляется явно, если имъ этого видѣть не дано?“ „Да, это самый трудный вопросъ, споръ между нами, вѣрующими, и сомнѣвающимися длится столько, сколько существуетъ человѣкъ. Нынче тоже ученые спорятъ съ нами, что они ничего не видятъ, что они никакого чуда Божія не могутъ видѣть. А мы знаемъ, что это имъ не дано. Они же вѣрятъ только въ то, что видятъ. Поэтому, отецъ Леонъ, споръ между нами безсмысленъ. На словахъ мы другъ другу ничего не сможемъ доказать. Единственное, что мы, вѣрующіе, можемъ, — это стараться жить такъ, чтобы собственной святостью доказывать существованіе Бога. На нихъ только наша святость можетъ подѣйствовать, и тогда, можетъ, милостивый Богъ ихъ какъ нибудь да обратитъ къ вѣре“<sup>239</sup>.

Преставился отецъ Венедиктъ 25 іюня 1904 года.

## Схимонахъ Варсонофій (Югановъ)

Схимонахъ Варсонофій (въ міру Василій Алексѣевичъ Югановъ) родился въ 1838 году въ одномъ изъ селъ Донской области. Онъ былъ сыномъ дьякона сельской церкви. Отецъ готовилъ его въ священники и съ дѣтства пріучалъ къ церковной жизни, но Богъ рѣшилъ по-другому привести его въ свой храмъ. Началась Крымская война, и въ 1855 году 17-лѣтній Василій былъ призванъ въ армію. Онъ показалъ себя очень храбрымъ воиномъ, чѣмъ привлекъ вниманіе своихъ начальниковъ. Послѣ Крымской

<sup>239</sup> АРПМА. Док. № 518, 516.

войны ему пришлось участвовать и въ военныхъ операціяхъ при подавленіи возстанія въ Польшѣ. Здѣсь съ нимъ произошелъ одинъ случай, о которомъ впослѣдствіи онъ самъ рассказывалъ:

«Въ 1859 году находился я на военной службѣ въ Польшѣ. Когда я былъ въ Варшавѣ, то заболѣлъ. Сія болѣзнь развилась у меня до такой степени, что я харкалъ сукровицей съ примѣсью гнили. Ни пить, ни ѣсть, ни горячаго, ни холоднаго я не могъ изъ-за сильной боли въ груди. Въ такомъ состояніи я выѣхалъ изъ Варшавы до Бердичева по желѣзной дорогѣ, а изъ Бердичева — на почтовыхъ, домой на Донъ. Ыхать слѣдовало мнѣ черезъ Кіевъ. И вотъ по пріѣздѣ въ Кіевъ я отправился прямо въ Кіево-Печерскій монастырь. Тамъ и остановился съ той цѣлью, чтобы поговѣть и, покаявшись въ своихъ грѣхахъ, причаститься Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Началъ я говѣть, ходитъ въ церковь къ утрени, обѣднѣ... Чтобы приготовить себя къ принятію Святыхъ Христовыхъ Таинъ, думалъ, что надо поговѣть хотя бы недѣлю. Такъ я и сдѣлалъ.

Въ это время у меня явилось особенное желаніе къ молитвѣ, явились слезы и раскаяніе въ грѣхахъ. Умирать не хотѣлось, хотя я зналъ, что чахотка — болѣзнь неизлѣчимая. Въ груди у меня рана, а вѣдь ее, какъ доктора мнѣ сказали, не залатаешь. Но все-таки, подумалъ я, избавиться милостью Божіей можно и отъ нея. А потому всю свою надежду возложилъ на милость Божію и Царицу Небесную. Началъ усердно и слезно молиться Ей, просить Ея помощи и заступленія. Просить, чтобы Она — Пресвятая Богородица — исходатайствовала у Сына Своего и Господа нашего Іисуса Христа, чтобы еще мнѣ пожить сколько можно подольше на семь свѣтъ.

Такъ я молился Божіей Матери, просилъ милости Ея и заступленія о мнѣ грѣшномъ, чтобы Господь благословилъ мнѣ пожить. Въ субботу я приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, пришелъ изъ церкви въ свой номеръ, наскоро разстегнулъ у себя чекмень\*, ибо чувствовалъ сильную боль въ груди, легъ на койку лицомъ вверхъ и сейчасъ же забылся. Когда я заснулъ, то увидѣлъ, какъ на воздухѣ противъ моей груди, явился въ серебряномъ кивотѣ и въ серебряной ризѣ образъ Божіей Матери. Лучи свѣта отъ этого образа ударили прямо въ мою грудь, въ больное мѣсто, на мою рану. И отъ лучей на груди, на самой ранѣ, образовался изъ серебряной нити крестъ величиной вершка\* въ три, зашелъ въ мою рану...

Очнувшись, я всталъ, и у меня сейчасъ же начался особенный какой-то кашель и харканье. Съ кашлемъ у меня вышелъ какой-то комокъ съ сукровицей и гнилью, и я сразу почувствовалъ легкость въ груди, сердечную радость и почти не ощущалъ никакой боли, до того сталъ здоровъ, что даже забылъ совершенно о болѣзни. Грудь моя стала какъ каменная, какъ будто и никогда не болѣла»<sup>240</sup>.

<sup>240</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 279.

Этотъ случай полностью измѣнилъ жизнь Василя Алексѣевича. Онъ воспринялъ происшедшее съ нимъ чудо какъ призывъ Господа и рѣшилъ оставить бранный мѣръ и полностью посвятить себя Богу. Но осуществленіе своего рѣшенія ему пришлось отложить почти на 30 лѣтъ. Онъ былъ связанъ военной обязанностью и могъ осуществить свою мечту только послѣ увольненія со службы.

Послѣ войны по рекомендаціи военного руководства его приняли въ военное училищѣ, которое располагалось въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ окончанія училища онъ женился и съ женой проживалъ по разнымъ гарнизонамъ. Участвовалъ въ Русско-турецкой войнѣ, гдѣ за храбрость былъ возведенъ въ званіе полковника и награжденъ многими орденами. Василий Алексѣевичъ такъ и остался бы военнымъ человѣкомъ, если бы не пониманіе со стороны жены, которая была очень набожной женщиной и знала тайныя устремленія души своего мужа. Она согласилась отпустить его въ монастырь.

Въ 1888 году Василий Алексѣевичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Черезъ два года, а именно 21 марта 1890 года, онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Варсонофій, а еще черезъ четыре года, 8 апрѣля 1894 года, — въ мантию. Послушаніе отецъ Варсонофій проходилъ въ канцеляріи. Всѣ удивлялись его смиренію и кротости. Вѣдь человѣкъ, привыкшій на протяженіи 30-ти лѣтъ командовать, видѣвшій много жестокости и крови, теперь готовъ былъ выполнить любое послушаніе, любую просьбу брата.

За смиреніе Господь сподобилъ отца Варсонофія новаго чудеснаго видѣнія, которое онъ описалъ впослѣдствіи такъ: «Лѣтомъ 1893 года пришелъ я изъ церкви послѣ вечера въ свою убогую келью. Помолился Богу и сѣлъ на койку съ цѣлью возлечь на своемъ убогомъ одрѣ и заснуть до утренняго звона. Какъ только сѣлъ на койку, то мнѣ пришло въ голову, что вотъ, молъ, я столько времени живу въ обители (уже семь лѣтъ), каждый день бываю въ церкви Божіей, каждую недѣлю исповѣдуюсь и приобщаюсь Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а значить, уже кое-что да заработалъ у Всевышняго Творца. А жена-то моя А. ...въ церковь не ходитъ, Богу не молится, живетъ скверно, срамно и даже пасквильно. Что же ее ожидаетъ? Конечно, вѣчная мука, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, адъ — и больше ничего! О горе, горе, что ее ожидаетъ, несчастную, на томъ свѣтѣ за ея скверную, безобразную жизнь. Съ этими мыслями я легъ и какъ бы забылся, заснулъ. Что же я вижу: вдругъ засіяло въ кельѣ, стало свѣтло какъ днемъ, отворяются двери, входитъ какой-то молодой человѣкъ, средняго роста, блондинъ, на головѣ волнистые волосы, одѣтъ онъ весьма благообразно: голубая рубашка и таковаго же цвѣта кушакъ, бѣлые панталоны... Беретъ онъ меня за правую руку и говоритъ: „Пойдемъ, я покажу тебѣ твое мѣсто“. Я всталъ и пошелъ за нимъ.

Вышли мы изъ кельи... Какъ только вышли, то намъ открылось зеленое поле, по нему-то мы и пошли безъ дороги, прямо по хорошей мягкой зеленой травѣ, устланной различными цвѣтами съ хорошимъ запахомъ. Шли какъ бы въ гору, подымаясь все

выше и выше къ небу. Наконецъ добрались до вершины сей горы. Когда взошли на гору, то на востокъ возсіяло солнце. До этого солнца видно не было, но все-таки было очень свѣтло. Я смотрѣлъ прямо на солнцѣ, и оно не слѣпило мнѣ глаза.

Съ вершины этой горы открылась прекрасная равнина. На ней росла высокая трава, цвѣты. Попадались кустарники и деревья, по которымъ съ вѣтки на вѣтку перепархивали мелкія птички. Только прекрасное пѣніе этихъ птицъ нарушало тишину. Къ великому своему удивленію, вижу среди сей громадной, а можетъ быть, и безконечной степи сидитъ на стулѣ одна-одинешенька моя жена, и никого больше нѣтъ. Сидя, она наслаждается благопріятнымъ воздухомъ и пѣніемъ райскихъ птицъ. Скрестивъ руки на груди, благодушно смотритъ на востокъ. Одѣта она въ хорошо знакомую мнѣ блузу. И вся одежда ея выглядѣла прилично.

Увидѣлъ я ее еще издалека, такъ какъ мѣсто было ровное. Когда мы проходили мимо нея, то я невольно посмотрѣлъ на себя. И что же вижу? Одѣтъ я въ давно изношенный, порванный подъ мышками военный мундиръ. На ногахъ изорванные брюки и нечищенные, дырявые сапоги. Стыдно стало мнѣ идти мимо своей жены такимъ оборванцемъ. Она меня въ такомъ видѣ никогда не видѣла. Что же, думаю, дѣлать? Хоть бы намъ миновать ее какимъ нибудь образомъ, свернуть въ сторону, чтобы пройти мимо нея, не бывъ ею замѣченнымъ, а то вовсе срамъ. Только я это помыслилъ, какъ мой провожатый разгадалъ мой помыселъ, взглянулъ на меня, какъ бы улыбнулся и направился вправо, чтобы мы прошли мимо такъ, чтобы она насъ не увидѣла. Она же пристально смотрѣла на востокъ. Какъ будто кого-то ждала оттуда.

Шли мы по сей прекрасной степи долго. Наконецъ оказались среди сухой, песчаной, каменистой и невзрачной мѣстности. Подошли къ большому, длинному чугунному погребу съ чугунной громадной дверью, на которой висѣлъ большой плоскій замокъ. Былъ у этой двери также и внутренній замокъ. Спутникъ мой открылъ наружный плоскій замокъ, а затѣмъ и внутренній. Двери же какъ бы сами собой отворились. Мы вмѣстѣ вошли въ небольшое помѣщеніе. Тамъ оказалась другая дверь съ такими же замками. Спутникъ мой отперъ и эту дверь. Когда мой провожатый открывалъ дверь, то взялъ лѣвой рукой за верхній желѣзный уголь, изъ-за большой тяжести съ трудомъ отворилъ ее, а правой рукой молча указалъ мнѣ, чтобы я вошелъ внутрь, переступивъ черезъ порогъ, который былъ очень высокъ. До послѣдней минуты я думалъ, что и онъ послѣдуетъ за мной внутрь, но ошибся. Лишь только я переступилъ порогъ, то онъ, глядя въ полуотворенную дверь и придерживая ее лѣвой рукой, говоритъ мне: „Вотъ твое мѣсто“. И вмѣстѣ съ этими словами захлопнулъ дверь. Слышу: щелкъ, щелкъ, щелкъ — замокъ закрылся, а я, несчастный, остался въ этомъ таинственномъ погребѣ, гдѣ чугунная дверь и чугунныя же стѣны.

Тутъ я почувствовалъ невыносимую вонь, смрадь. Услышалъ страшный гулъ, неистовые крики, увидѣлъ дымъ, отъ котораго дышать мнѣ не было возможности. Я закрылъ

себѣ лицо руками и залился горькими слезами со словами: вотъ это твое и есть мѣсто. Видя свое безысходное положеніе въ этой кромѣшной тѣмѣ, наполненной невыносимымъ смрадомъ, долго я проливалъ слезы. Насытившись ими, очнулся немного, сталъ разсматривать этотъ погребъ, думая: можетъ, можно найти изъ него выходъ. Затѣмъ захотѣлъ узнать: что это слышится за шумъ, откуда исходитъ огонь, дымъ. Разсмотрѣлъ, что внизъ ведетъ лѣстница, а въ концѣ ея, лѣвѣе, большое отверстіе, изъ котораго по временамъ выскакиваютъ языки пламени и клубы дыма. Я осмѣлился осторожно спуститься по ней къ отверстию и заглянулъ вовнутрь. Тамъ я увидѣлъ громадную, бесконечно горящую печь, а въ ней множество людей. Они располагались въ печи кто сидя, кто лежа, кто стоя. И всѣ эти несчастные кричали разными голосами отъ невыносимыхъ страданій. Отъ нихъ-то изъ сей печи и исходилъ такой крикъ, что онъ сливался въ дикій, неистовый гулъ. Я про себя подумалъ: выходитъ, что я нахожусь какъ бы на порогѣ этой страшной печи.

Поднялся я опять по лѣстницѣ и вижу при входѣ въ дверь, на правой сторонѣ, величиной со старинный мѣдный пятакъ круглое окошко. Только черезъ него ко мнѣ исходитъ свѣтъ. Я взглянулъ въ него и вижу опять свою жену, сидящую на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ее, проходя мимо, оставилъ. Мнѣ представилось ея наслажденіе. А я-то, несчастный, нахожусь во адѣ. Она этого не знаетъ. И я опять залился слезами, жалѣя о томъ, что не показался ей, когда проходилъ мимо. Если бы я сказалъ ей, то ужъ она, навѣрное, подошла бы къ сему окошечку и хотя бы утѣшила меня чѣмънибудь. А можетъ быть, отомкнула какимъ либо образомъ въ этомъ погребѣ дверь и освободила меня изъ сего критическаго положенія.

Вотъ до чего довели меня мои мечты. Вотъ мой загробный заработокъ. А лучше всего считать себя хуже любой твари. Одному Творцу вѣдомо наше загробное положеніе. Такъ я очнулся. И не знаю, вышелъ ли я изъ этого погреба или нѣтъ!><sup>241</sup>

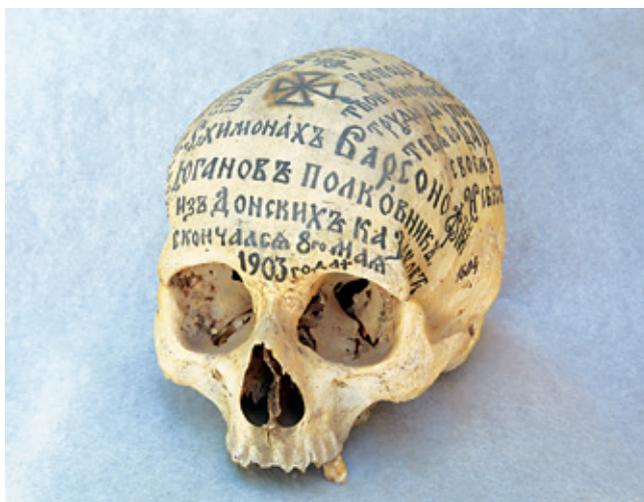
Отецъ Варсонофій такъ комментировалъ свое видѣніе: «Такъ вотъ жена моя и сидитъ теперь въ сей чистотѣ и приличной блузѣ въ прекрасной степи, наслаждаясь пріятнымъ воздухомъ и пѣніемъ райскихъ птицъ. А я-то, окаянный мечтатель, гдѣ? Во тѣмѣ кромѣшной! Вотъ мое мѣсто. Теперь о томъ, почему я шель въ своемъ старомъ военномъ мундирѣ. Что это за изорванный военный мундиръ и какъ онъ на мнѣ очутился. Помню, что когда-то, еще въ молодости, пожертвовалъ я его своему товарищу... Послалъ ему его. На, моль, товарищъ, тебѣ то, что мнѣ не негоже. Такъ вотъ въ этомъ пожертвованномъ рваномъ мундирѣ я и увидѣлъ себя.

Теперь о блузѣ, въ которой была моя жена. Хочу сказать, что она пожертвовала ее одной нищей старушкѣ. Случилось сіе такъ. Была у нея старенькая блузка. Она ее постирала, высушила, выгладила утюгомъ, обложила рюшью, и въ тотъ моментъ, когда

---

<sup>241</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 272.

закончила всѣ свои дѣла, мимо проходила нищяя старушка, которая просила милостыньку и просила дать ей что нибудь изъ стараго платья. Жена спросила у нея: „А что у тебя въ домѣ есть ли кто нибудь изъ молодыхъ?“ Та отвѣчала, что у нея есть внучка — невѣста. Тогда моя жена взяла, завязала эту самую блузу въ узелъ, вложила туда же бѣлье, чулки, свои полусапожки, да и отдала ей, говоря: „Вотъ на все сіе твоей внучкѣ“. Старуха осталась весьма довольна, поблагодарила ее и ушла»<sup>242</sup>.



12 февраля 1896 года отца Варсонофія постригли въ схиму. Послѣ этого онъ еще девять лѣтъ прожилъ въ обители, проводя жизнь въ покаяніи и смиреніи. Онъ былъ преисполненъ духовной радости, когда присутствовалъ на богослуженіи въ храмѣ. Всѣ видѣли его восторженный взоръ, направленный въ сторону алтаря, какъ будто онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ выхода оттуда горячо имъ любимаго Господа. И одинъ Богъ знаетъ, сколько разъ онъ сподобился этого видѣнія.

Преставился отецъ Варсонофій 8 мая 1905 года.

## Схіархимандритъ Іоасафъ (Завадскій)

Схіархимандритъ Іоасафъ (въ міру Егоръ Ефремовичъ Завадскій) родился въ 1865 году въ крестьянской семьѣ села Николаевка Слоновской волости Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи. Начальное образованіе получилъ въ сельской школѣ. Потомъ поступилъ въ Курскую духовную семинарію, готовился стать священникомъ, но, не желая жениться, рѣшилъ стать монахомъ. Его выборъ мѣста для будущаго проживанія палъ на Аѳонъ.

Въ 1889 году 24-лѣтній Егоръ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Его духовнымъ отцомъ сталъ отецъ Агаѳодоръ (Будановъ), съ которымъ онъ былъ связанъ вполсѣдствіи тѣснѣйшими духовными узами. 31 марта 1890 года Егора постригли въ рясофоръ съ именемъ Іоасафъ, а черезъ годъ, 5 апрѣля 1891 года, — въ мантию. Послушаніе онъ проходилъ въ канцеляріи помощникомъ отца Тихона (фонъ Рамбаха).

<sup>242</sup> Тамъ же. С. 275.



Духовникъ Агаѳодоръ поощрялъ духовный ростъ отца Іоасафа постоянными испытаніями его смиренія. А отецъ Іоасафъ съ пониманіемъ принималъ напутствія и наставленія своего старца. 11 мая 1895 года его рукоположили въ іеродіакона, а 17 февраля 1896 года постригли въ схиму. Еще черезъ четыре года, 27 іюля 1899 года, его рукоположили въ іеромонаха. Вскорѣ послѣ пострига его послали на подворье въ Москву, гдѣ онъ провелъ, исполняя послушаніе, цѣлый годъ, принимая активное участіе въ издательскомъ дѣлѣ монастыря.

Въ 1900 году отецъ Іоасафъ вернулся на Аѳонъ. Именно въ это время онъ пишетъ очеркъ «О различіи вѣры и науки», который даетъ намъ хорошую воз-

можность понять тогдашній духовный уровень отца Іоасафа. Вотъ что онъ пишетъ, размышляя о вопросахъ отношеній вѣры и науки: «Несмотря на различіе областей вѣры и науки, онѣ, тѣмъ не менѣе, должны быть объединены по своей цѣли. Вопросъ о различіи вѣры и науки и апостоломъ Павломъ былъ рѣшенъ только въ смыслѣ разграниченія областей той и другой. Что же касается ихъ цѣли, то и сей вселенскій учитель давалъ имъ одно общее направленіе: познаніе Бога и спасеніе міра. Да иначе и нельзя, ибо, если допустить различія цѣлей вѣры и науки, тогда въ жизни человѣчества не было бы смысла. Для чего созданъ человѣкъ? Для того, чтобы вѣчно блаженствовать съ Богомъ. Но въ чемъ заключается это блаженство? Прямымъ безуклончивымъ отвѣтомъ должно быть слѣдующее утвержденіе: „въ вѣчной жизни“. Но зададимъ себѣ еще вопросъ: чѣмъ будетъ заполнена эта вѣчная жизнь, какая должна быть ея дѣйствительность? На этотъ вопросъ отвѣтъ далъ Самъ Господь: „...да знаютъ тебѣ еди́наго и́стиннаго Бóга, и егóже послáлъ еси́ Исусъ Христá“ (Ин. 17:3; Лк. 20:35–36). Изъ этихъ словъ Господа намъ понятно, въ чемъ будетъ заключаться дѣятельность человѣка въ будущемъ вѣкѣ. Она будетъ заключаться въ вѣчномъ познаніи непостижимости Бога и такомъ же вѣчномъ прославленіи Его величія. Но эта дѣятельность должна начаться здѣсь, на землѣ. Наука служитъ именно этой цѣли. Ибо что такое наука? Наука есть знаніе. Чего? Всего, что есть въ мірѣ и въ природѣ. Апостоль Павелъ говоритъ: „...занé разумное Бóжіе {éже возможно разумѣти о Бóзъ} я́вль ёсть въ нѣхъ, Бóгъ бо явилъ ёсть имъ: невидимая бо егó, отъ создáнія міра творёнъми помышляема,

*видима сѹть, и присносущная сила его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ*“ (Рим. 1:19–20)<sup>243</sup>. Вотъ главная цѣль всей красоты и гармоніи міра! Вотъ та область, въ которой работаетъ человѣчскій разумъ! Но далека ли эта область отъ области вѣры? Нисколько! Она совершенно едина съ областью науки, такъ что между ними нѣтъ и малѣйшаго промежутка. Какъ о свойствахъ розы свидѣтельствуя два различныхъ нашихъ чувства — зрѣніе и обоняніе, такъ и о свойствахъ Единаго Божества мы имѣемъ свидѣтельство посредствомъ двухъ способовъ — вѣры и науки. Ибо предметъ науки есть Богъ, и предметъ вѣры есть тотъ же Богъ. Разница только въ томъ, что наука познаетъ Бога въ его твореніяхъ, а вѣра въ Откровеніи Священнаго Писанія. Выходитъ, что цѣль той и другой — истинное познание Бога и приближеніе къ Нему человѣчества въ спасеніи»<sup>244</sup>.

Отецъ Іоасафъ твердо вѣрилъ, что эти двѣ области человѣческой дѣятельности — богословіе и точная наука — когда нибудь, на опредѣленномъ уровнѣ ихъ развитія, пересѣкутся и превратятся въ единую дисциплину. «Какъ человѣкъ можетъ познать Бога? — спрашиваетъ онъ самого себя и самъ же отвѣчаетъ. — Богъ, по благодати Своей, воззавшій человѣка къ жизни и не восхотѣвшій, по любви къ нему, чтобы человѣкъ остался въ невѣдѣніи относительно Творца своего, открылъ ему три пути, приводящіе его къ истинному богопознанію. Эти пути слѣдующіе: разумная душа человѣческая, вѣчный миръ и Священное Писаніе. Всѣ эти пути суть различные виды Откровенія Бога въ созданномъ имъ мірѣ и восполняютъ другъ друга»<sup>245</sup>. По глубокому убѣжденію отца Іоасафа, постепенное развитіе человѣка въ духовномъ и матеріальномъ познаніи приводитъ его къ пониманію Божественной природы.

Отецъ Іоасафъ отличался строгостью монашеской жизни. Всѣ монашескія правила онъ исполнялъ въ точности. Былъ всегда отзывчивымъ и внимательнымъ къ братіи.

30 іюня 1905 года отецъ Іоасафъ по приглашенію Священнаго Сѹнода и по благословенію старцевъ обители выѣхалъ въ Россію для исполненія должности духовника въ Нижегородскій Печерскій монастырь. Впослѣдствіи онъ сталъ настоятелемъ Троицкаго Островоезерскаго монастыря Нижегородской епархіи. Отецъ Іоасафъ ввелъ въ этомъ монастырѣ Аѳонскій чинъ богослуженія и поминовенія благодѣтелей. Дальнѣйшая судьба отца Іоасафа намъ не извѣстна.

<sup>243</sup> «Ибо, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, потому что Богъ явилъ имъ. Невидимая бо его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима сѹть, и присносущная сила его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ» (Рим. 1:19–20).

<sup>244</sup> БРПМА. Док. № 33309. С. 1–3.

<sup>245</sup> Тамъ же. С. 29–30.

## Иеросхимонахъ Никодимъ (Наумовъ)



Иеросхимонахъ Никодимъ (въ міру Николай Васильевичъ Наумовъ) родился въ 1854 году въ крестьянской семьѣ въ одномъ изъ селеній Сапожковскаго уѣзда Рязанской губерніи. Его мать звали Вѣрой. Какой была его жизнь до поступленія въ монастырь, мы ничего не знаемъ. Но по его письмамъ можно судить, что онъ получилъ хорошее образование и въ 1877–1878 годахъ участвовалъ простымъ солдатомъ въ Русско-турецкой войнѣ.

Въ 1883 году Николай Васильевичъ сталъ послушникомъ Одесскаго подворья русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. Черезъ годъ его перевели на старый Аѳонъ, гдѣ 30 мая 1885 года постригли въ рясофоръ съ именемъ Никодимъ.

Его радости не было конца оттого, что онъ сподобился благословенія на постригъ отъ отца Іеронима, и оттого, что самъ постригъ совершенъ былъ игуменомъ Макаріемъ.

Вѣдь всего черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого отецъ Іеронимъ умеръ. Въ мантию же отца Никодима постригли 17 марта 1888 года. Послѣ чего его отправили на Новый Аѳонъ, а оттуда — на Ново-Аѳонское подворье въ Санктъ-Петербургъ.

Трудно ему было спастись въ большомъ шумномъ городѣ, но по молитвамъ старца онъ нашель прибѣжище въ церкви, гдѣ постоянно проводились службы и различныя требы и для чего нужны были пѣвчіе. «Я теперь исполняю клиросное послушаніе, — пишетъ онъ своему духовному отцу игумену Макарію, — постоянно нахожусь въ церкви и для исполненія другаго послушанія совершенно не имѣю

времени. Съ публикой не общаюсь, уклоняюсь отъ этого, знаю только церковь, келью да трапезу»<sup>246</sup>.

Въ Санктъ-Петербургѣ, именно въ его бытность тамъ, было достроено Ново-Аѳонское подворье. О благолѣпїи храма подворья отецъ Никодимъ писалъ отцу Макарію слѣдующее: «Такъ благотворно дѣйствуетъ (благолѣпіе) на душу, производитъ такія религіозныя впечатлѣнія, что посѣтители невольно высказываются: „Да, дѣйствительно все это сдѣлано по благодати Божіей“. И все сдѣлано съ такимъ благоговѣніемъ, такъ скромно, дышитъ какой-то невѣроятной благодатью, услаждающей сердце каждаго вѣрующаго. Слава Богу, теперь намъ осталось только благодарить Господа и прославлять за это Его святое Имя»<sup>247</sup>.

Впослѣдствїи отца Никодима перевели на подворье въ Одессѣ, а въ 1890 году ему благословили вернуться на Аѳонь. Черезъ годъ, 24 іюня 1891 года, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и сталъ исполнять послушаніе, данное ему въ канцеляріи. 28 іюля 1897 года онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, а 13 марта 1898 года былъ постриженъ въ схиму. Вскорѣ послѣ этого его поставили старцемъ на Благовѣщенской\* келліи, гдѣ у монастыря были виноградники.

Отецъ Никодимъ очень любилъ физическій трудъ и почти все свободное отъ богослуженія время проводилъ въ виноградникахъ. Братія келліи съ удовольствіемъ работала вмѣстѣ съ нимъ. Онъ благословлялъ братію во время работы поочередно громко читать Іисусову молитву, такъ что работа и молитва шли одновременно. За трудолюбіе, открытость и простоту братія очень полюбила его.

Въ 1905 году его перевели въ монастырь, и онъ сталъ въ обители духовникомъ — помощникомъ главнаго духовника братіи отца Агаѳодора (Буданова). Его и здѣсь всѣ любили. Ему довѣряла и любила его не только братія монастыря, но и насельники другихъ русскихъ обителей: скитовъ, келлій, каливъ и даже сиромахи. Отецъ Флегонтъ (Лебедевъ) въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ его: «Былъ всегда ласковымъ, мудрымъ въ словѣ, всѣми любимъ, на погребеніи было небывалое число братіи, пустынниковъ и паломниковъ»<sup>248</sup>. А отецъ Владиміръ (Колесниковъ) пишетъ о немъ такъ: «Къ отцу Никодиму расположено братство и почти половина исповѣдуются у него. Привлекаетъ паломниковъ своими бесѣдами и обхожденіемъ, и къ нему отъ всѣхъ большое уваженіе. Послѣ его смерти было много сожалѣющихъ и даже плачущихъ... ибо онъ былъ единственнымъ изъ духовниковъ нашихъ, къ которому свободно обращались. Похороны вышли торжественныя... Игумень и до 20 іеромонаховъ, братіи множество. Трудовъ его было очень

<sup>246</sup> АРПМА. Док. № 709. С. 2.

<sup>247</sup> Тамъ же. С. 8.

<sup>248</sup> АРПМА. Док. № 212. С. 193.



много, и удивительна его энергія къ дѣлу до послѣдняго времени. Очень развитый, съ образованіемъ»<sup>249</sup>.

Преставился отецъ Никодимъ 30 марта 1908 года. Когда онъ умеръ, ему было всего 54 года, двадцать пять изъ которыхъ онъ отдалъ самоотверженному служенію Богу и людямъ, находясь на послушаніи въ обители.

## Иеросхимонахъ Арсеній (Ворвулевъ)

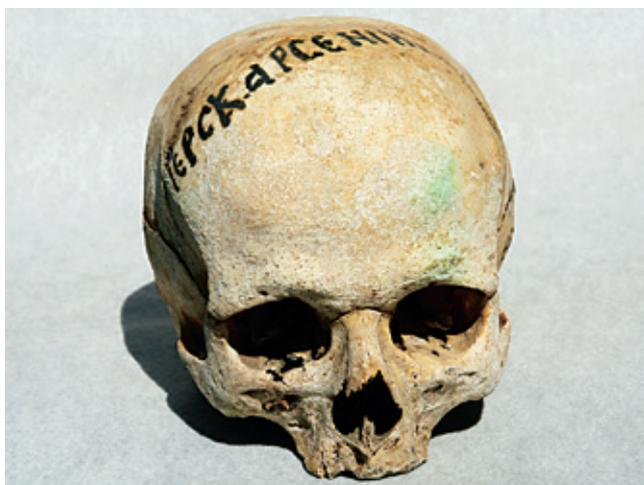
Иеросхимонахъ Арсеній (въ міру Александръ Козьмичъ Ворвулевъ) родился въ 1835 году въ крестьянской семьѣ слободы Борисовка Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи. Его мать звали Анной. Ворвулевы принадлежали къ крѣпостнымъ крестьянамъ графа Шереметьева. Обладая хорошимъ голосомъ, Александръ былъ избранъ въ число пѣвчихъ графской капеллы и уже восьми лѣтъ отъ роду отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ до 18-лѣтняго возраста.

Затѣмъ онъ возвратился на родину, гдѣ цѣлыхъ четыре года прожилъ съ родителями, прежде чѣмъ ему удалось опредѣлиться послушникомъ въ Ахтырскій монастырь Харьковской епархіи. Тихій, миролюбивый Александръ быстро приобрѣлъ расположеніе братства. Вскорѣ онъ былъ постриженъ въ мантию и нареченъ Анатолиемъ. Проживъ въ Ахтырскомъ монастырѣ пять лѣтъ, отецъ Анатолій былъ переведенъ въ Архіерейскій домъ Харькова, гдѣ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Послѣ 15-ти лѣтъ службы при Архіерейскомъ домѣ, какъ скромный, способный іеромонахъ, онъ былъ переведенъ въ новооткрытый Роснянскій Свято-Дмитріевскій монастырь той же епархіи. Здѣсь онъ занималъ отвѣтственныя должности регента, эконома, благочиннаго, казначея вплоть до отъѣзда своего на богомолье въ Іерусалимъ въ 1888 году.

Послѣ Іерусалима отецъ Анатолій посѣтилъ Аѳонъ, куда прибылъ за полгода до смерти игумена Макарія. Во время первой исповѣди онъ былъ пораженъ глубиной духовнаго созерцанія старца Макарія, у котораго исповѣдовался. Проведя всю ночь въ молитвѣ, наутро онъ опять пошелъ къ старцу Макарію и началъ просить принять

<sup>249</sup> АРПМА. Док. № 317. С. 101.

его въ братство монастыря. «Отець Анатоій, если я Васъ приму, — говорилъ ему отецъ Макарій, — то Вы не сможете занимать такихъ высокихъ должностей, которыя Вы занимали въ Вашей обители, и Вамъ придется въ теченіе пяти лѣтъ исполнять самыя простыя послушанія, пройдя срокъ испытанія. Готовы ли вы на это?» Отець Анатоій немедленно далъ согласіе и былъ принятъ въ число братства Руссика.



Шесть мѣсяцевъ до смерти старца онъ выполнялъ послушаніе вурдунаря\* — ухаживалъ за мулами, что считалось самымъ труднымъ послушаніемъ на Аѳонѣ. Передъ смертью отца Макарія онъ, какъ и вся братія, пришелъ проститься съ умирающимъ игуменомъ. Поцѣловавъ его руку и попросивъ благословенія, онъ услышалъ слѣдующее благословеніе великаго старца: «Отнынѣ будешь ежедневно поминать усопшихъ братій на проскомидіи, и меня не забудь въ концѣ». Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 20-ти лѣтъ, послушаніемъ отца Анатоіа было ежедневное служеніе Литургіи въ маленькомъ параклисѣ святаго Димитрія Солунскаго, гдѣ на проскомидіи онъ поминалъ всѣхъ усопшихъ братій монастыря.

29 марта 1894 года онъ принялъ великій ангельскій образъ (схиму) съ именемъ Арсеній. Аскетически настроенный, благоговѣйный отецъ Арсеній до послѣдняго времени, несмотря на свои 75 лѣтъ, оставался вѣренъ своей примѣрной подвижнической жизни. Въ молитвахъ былъ неусыпный, въ воздержаніи — постоянный. Отець Владиміръ (Колесниковъ) пишетъ о немъ такъ: «Служилъ ежедневно Литургію, долго поминая на проскомидіи братскій синодикъ. Служилъ ее такъ, что Литургія всегда продолжалась около трехъ часовъ. Жизни былъ очень духовной. Дѣлатель молитвы Иисусовой, великій постникъ»<sup>250</sup>.

Сама смерть его была какъ бы вѣнцомъ послушанія. Какъ-то ночью онъ отправился напутствовать больнаго брата, поскользнулся, упалъ съ лѣстницы и сильно расшибся, слегъ въ больницу и больше уже не вставалъ. Скончался тихой, мирной, христіанской кончиной, напутствованный таинствами Святой Церкви.

Преставился отецъ Арсеній 26 сентября 1910 года. Въ архивѣ монастыря хранятся его памятные замѣтки и письма къ неизвѣстнымъ лицамъ, которыя являются дополнительнымъ свидѣтельствомъ высокодуховной жизни отца Арсенія<sup>251</sup>.

<sup>250</sup> АРПМА. Док. № 322. С. 130.

<sup>251</sup> АРПМА. Док. № 4072.

## Схіархимандритъ Трифонъ (Упорниковъ)

Схіархимандритъ Трифонъ<sup>252</sup> (въ міру Тимоѳеѣй Маркеловичъ Упорниковъ) родился въ 1837 году въ семьѣ вольнаго казака станицы Букановской Донской области.

Двадцати шести лѣтъ отъ роду въ 1863 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ число братіи Русскаго Пантелеимонова монастыря. Съ любовью и смиреніемъ исполняя разные послушанія, братъ Тимоѳеѣй былъ образцомъ трудолюбія. Черезъ три года онъ былъ постриженъ въ мантию съ нареченіемъ имени Трифонъ. Послушаніе проходилъ простымъ матросомъ на суднѣ монастырскаго парохода, а между плаваніями пѣлъ на клиросѣ.

При обычныхъ внѣшнихъ монашескихъ подвигахъ, незримо для міра, подъ богомудрымъ водительство старцевъ обители созидалась внутренняя жизнь инока Трифона. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе преуспѣвая въ христіанскомъ совершенствованіи своего духа, онъ постепенно готовился къ той дѣятельности, которую суждено было ему исполнять впослѣдствіи. Отца Трифона рукоположили въ іеродіакона 28 сентября 1875 года, а въ іеромонаха — 20 марта 1876 года, послѣ чего онъ былъ посланъ на подворье Руссика въ Москвѣ, гдѣ пробылъ три года. Послѣ этого старцы благословили ему быть братскимъ духовникомъ на монастырскомъ суднѣ, на которомъ онъ неоднократно ходилъ въ Россію. Во время одного изъ этихъ плаваній онъ встрѣтился на суднѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, которому глубоко въ душу запади духовныя размышленія отца Трифона. Это сыграло огромную роль въ дальнѣйшей судьбѣ судоваго духовника.

Въ 1885 году іеромонахъ Трифонъ по распоряженію Священнаго Синода былъ вызванъ съ Аѳона и назначенъ духовникомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича и настоятелемъ храма въ Оріандѣ въ Крыму, гдѣ служилъ до кончины Великаго Князя. Стяжавъ себѣ славу добраго пастыря, отецъ Трифонъ былъ потомъ приглашенъ П. И. Голубинскимъ на должность настоятеля Гурзуфской курортной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, въ которой, съ благословенія епархіальнаго начальства, настоятельствовавъ 16 лѣтъ, назидая паству словомъ, личнымъ примѣромъ и любовью. Деликатный, ласковый, отзывчивый, онъ скоро пріобрѣлъ симпатіи своихъ прихожанъ, которая выразилась въ поднесеніи ему золотого наперснаго креста.

Многолѣтняя служба отца Трифона въ Гурзуфѣ по достоинству была оцѣнена Священнымъ Синодомъ, по указу котораго 17 іюня 1907 года епископомъ Таврическимъ

---

<sup>252</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1911 годъ. М., 1911. С. 150.

Алексіемъ въ мужскомъ Георгіевскомъ монастырѣ онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Несмотря на долгую разлуку, онъ никогда не прекращалъ переписки со своими духовными наставниками духовникомъ Геронимомъ и игуменомъ Макаріемъ, а послѣ ихъ смерти съ игуменомъ Андреемъ, игуменомъ Нифонтомъ и игуменомъ Мисаиломъ<sup>253</sup>, стремясь получить отъ нихъ хоть часть того аѳонскаго духовнаго опыта, который считалъ высочайшимъ достиженіемъ въ монашеской жизни. Этотъ опытъ достиженія святости онъ и старался передать своимъ прихожанамъ и духовнымъ чадамъ.

Но, всегда тяготѣя къ своей духовной Родинѣ — Аѳону, онъ не разъ высказывалъ желаніе оставить настоятельство въ Гурзуфѣ и окончить дни свои подъ сѣнью родной обители на Аѳонѣ. Однажды, когда у него заболѣли ноги, онъ съ досадой писалъ игумену Андрею: «Я всегда вспоминаю родную свою обитель и всѣ подвиги, происходящіе въ ней. Но меня смущаетъ болѣзнь ноги и что я уже не смогу быть полезнымъ тамъ, такъ какъ для меня простоять три часа почти невозможно. Вотъ это меня и смиряетъ. Будьте увѣрены въ томъ, что я въ душѣ, всегда и вездѣ, какъ былъ, такъ и теперь остаюсь такимъ же благодарнымъ и доброжелательнымъ духовнымъ сыномъ и не теряю надежды на свое возвращеніе въ святую обитель»<sup>254</sup>.

Аѳонскіе старцы съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія отца Трифона. Вотъ что писалъ ему въ 1901 году игумень Андрей еще за семь лѣтъ до его возвращенія на Аѳонъ: «Преподобнѣйшій отецъ Трифонъ, Вы пишете, что все ожидаете указа о назначеніи вмѣсто Васъ другаго священника. Если это состоялось или скоро состоится, тогда пожалуйста къ намъ въ обитель, какъ только окончите свои дѣла. Милости Васъ просимъ пріѣзжать къ намъ, нисколько не сомнѣваясь»<sup>255</sup>.



<sup>253</sup> АРПМА. Док.: № 614, 755, 904, 990, 1054, 1536, 3678.

<sup>254</sup> АРПМА. Док. № 3678. С. 3.

<sup>255</sup> АРПМА. Док. № 3678. С. 125.



Въ концѣ концовъ Господь исполнилъ желаніе сердца отца Трифона и благословеніе старцевъ обители. Въ августѣ 1908 года, въ день храмоваго праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, отецъ Трифонъ служилъ послѣднюю Лигурию и прощался съ прихожанами своего храма, а въ сентябрѣ прибылъ уже на Аѳонь.

Утомленнаго пребываніемъ въ міру отца архимандрита благословили остатокъ дней своихъ провести въ тиши безмолвія, для чего поселили въ одной изъ келлій вблизи монастыря.

Отецъ Трифонъ былъ характера мягкаго, скромнаго, воздержанный во всемъ<sup>256</sup>. Онъ совершенно былъ чуждъ стяжательства. Всѣ деньги, которыя его прежнія духовныя чада подарили ему на прощаніе (а это восемь тысячъ рублей), онъ пожертвовалъ на постройку больничной церкви на Крумицѣ.

Прошло два года такой уединенной жизни. Отецъ Трифонъ все это время по субботамъ и воскресеньямъ приходилъ въ монастырь, гдѣ у него была своя келья. Многие изъ братіи стремились получить хоть частицу отъ того огромнаго опыта, который онъ приобрѣлъ за свою 47-лѣтнюю монашескую жизнь. Онъ съ большой охотой принималъ всѣхъ жаждущихъ его наставленій. Двери его кельи были открыты и днемъ и ночью. Но недолго пришлось братіи обители насладиться его мудрыми совѣтами и отеческой заботой. Никто не ожидалъ его скорой смерти. Здоровье его, несмотря на почтенныя лѣта, было хорошее, и никто не могъ предполагать его внезапной кончины.

Въ августѣ 1910 года онъ заболѣлъ — разлилась желчь. Болѣзнь, несмотря на усилія врача, не поддавалась лѣченію. Больной съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя хуже и хуже. Незадолго до смерти отецъ архимандритъ пожелалъ постричься въ схиму, что и было исполнено.

Напутствованный Святыми Таинствами Церкви отецъ Трифонъ мирно почилъ о Господѣ 31 октября 1910 года. Отецъ Трифонъ оставилъ дневникъ<sup>257</sup> и большое количество писемъ<sup>258</sup>, въ которыхъ красочно описана приходская жизнь Гурзуфа.

<sup>256</sup> АРПМА. Док. № 322. С. 165.

<sup>257</sup> АРПМА. Док.: № 475; № 4084.

<sup>258</sup> АРПМА. Док.: № 614, 904, 990, 1059, 1536, 3678.

## Іеросхимонах Михаил (Фомичев)

Іеросхимонахъ Михаилъ (въ міру Петръ Семеновичъ Фомичевъ) родился въ 1852 году въ крестьянской семьѣ въ одномъ изъ селеній Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи. Его мать звали Іуліаніей. Начальное образованіе онъ получилъ въ сельской школѣ. Мальчикъ имѣлъ прекрасный голосъ, поэтому былъ зачисленъ въ хоръ сельской церкви. Постоянное общеніе со служителями церкви не прошло безъ слѣда. Юный Петръ часто задумывался о смыслѣ и цѣли жизни человѣка въ этомъ мірѣ и въ концѣ концовъ пришелъ къ выводу, что лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ въ этомъ мірѣ, — постараться уподобиться Христу. Съ тѣхъ поръ онъ началъ думать о поступленіи въ монастырь.

Въ 1876 году Петръ Семеновичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 28 ноября 1878 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Патрикій. Послушаніе, какъ и многіе новоначальные насельники Руссика, онъ проходилъ на Крумицѣ, на виноградныхъ плантаціяхъ обители, но послѣ пострига былъ переведенъ въ больницу обители, гдѣ былъ помощникомъ фельдшера. Одновременно пѣлъ на клиросѣ, имѣлъ голосъ — басъ.

Съ 1890 года отца Патрикія, какъ пѣвчаго, посылаютъ на подворье въ Москву, а оттуда въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ при Ново-Аѳонскомъ подворьѣ онъ становится регентомъ и организуетъ хоръ. Въ 1895 году отецъ Патрикій былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а затѣмъ и іеромонаха и назначенъ духовникомъ подворья въ Санктъ-





Петербургу. О его деятельности там мы можем судить из его писем<sup>259</sup> к старцам обители.

На подворье Санкт-Петербурга, как духовник, он заслужил огромный авторитет не только среди братии подворья, но и среди прихожан, среди которых было немало представителей высшего общества. Вот что пишет об этом в своем дневнике отец Владимир (Колесников): «В Петербургском Ново-

Афонском подворье [отец Михаил] получил сщнодальный крест и украшение с камнями от почитателей, кажется, от князей Юсуповых, где много лет совершал богослужение. Возвратившись из Петербурга, отдал в Русские подаренные лично ему разными лицами семь тысяч рублей. Чистый русак, простой характером. В Петербурге его любили и уважали. В 1905 году был записан кандидатом в наместники»<sup>260</sup>.

От наместничества он отказался, но до своей смерти оставался Соборным Старцем. 8 апреля 1908 года отец Патрикий был пострижен в схиму с именем Михаил. В последние пять лет своего пребывания в обители отец Михаил вел затворнический образ жизни, привилегий никаких не требовал, хотя и имел на то право. Скорее, наоборот, всячески старался остаться в тени, незамеченным, не хотел выделяться из числа братии.

Преставился отец Михаил 15 февраля 1910 года, умер тихо и мирно.

## Схимонахъ Леонъ (Воскресенскій)

Схимонахъ Леонъ (в миру Леонидъ Андреевичъ Воскресенскій) родился в 1862 году в мещанской семье в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Его мать звали Екатериной. По всей видимости, он получил хорошее образование и работал в уездном управлении. Здесь он даже стал личным почетным гражданином уездного города Макарьева.

Но, очевидно, Промыселъ Божій готовил его для другаго поприща, что доказывает одинъ случай изъ его мирской жизни. Вот какъ онъ самъ вспоминалъ объ этомъ впослед-

<sup>259</sup> АРПМА. Док.: № 637, 722, 767, 1143.

<sup>260</sup> АРПМА. Док. № 321. С. 101.

ствіи: «Жиль я въ Нижнемъ Новгородѣ. И вотъ ко мнѣ изъ села — родины моей — пріѣхала погостить мать. И что же? Какъ-то она узнала, что въ городѣ есть старая дѣва по имени Муза. Она обладала нѣкоторымъ даромъ прозорливости. По врожденному женскому любопытству отыскала эту Музу, принесла ей яблокъ и спрашивала ее о будущей судьбѣ своего рода.

Возвратившись отъ нея, она говоритъ мнѣ, что была у Музы. Говоритъ, что у нея было очень много народа. Спрашивающимъ она отвѣчала. Иныхъ ругала за порочную жизнь, а другихъ вовсе гнала и не принимала никакихъ подношеній. „Я, — рассказывала дальше мать, — ее спрашивала о Машѣ (сестра моя, теперь умершая въ первыхъ родахъ). Выдать ли ее замужъ? Она коротко отвѣтила: скоро выдашь за мальчишку“. Я матери на это сказалъ что-то вроде



того, что эта женщина — бѣсноватая. Въ молодости влюбилась въ одного человѣка, а онъ ее и не взялъ замужъ. Она же затосковала, осталась дѣвой и отъ тоски сдѣлалась бѣсноватой.

На самомъ дѣлѣ лично Музы я не видѣлъ и истинныхъ обстоятельствъ ея жизни не зналъ.

Вскорѣ послѣ этого, разочаровавшись въ той жизни, которую проводилъ въ мірѣ, по милости Божіей и Царицы Небесной, вздумалъ я оставить міръ и служить Богу, почему поѣхалъ на родину, дабы проститься съ родными. По пріѣздѣ моемъ туда вдругъ явился женихъ, молодой человѣкъ, и сестру отдали за него замужъ. Я объяснилъ родителямъ, что хочу отправиться спасаться на Аѳонъ. Въ это время мать моя и говоритъ: „А помнишь ли, какъ я ходила къ Музѣ? Вѣдь она вѣрно сказала о Машѣ, что скоро та выйдетъ замужъ за мальчишку! Да и о тебѣ она сказала тогда. Только я тебѣ не открыла этого. Она сказала, что старшій сынъ уйдетъ въ монахи, и вотъ ты ѣдешь“. Я тогда подивился, а теперь и еще болѣе удивляюсь и славлю Бога за всѣ Его милости»<sup>261</sup>.

Слава Богу, призывъ Господа Леонидъ услышалъ и въ 26-лѣтнемъ возрастѣ пріѣхалъ на Аѳонъ. Было это въ 1888 году. Здѣсь онъ сразу поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ ему дали послушаніе трапезаря\*. 15 марта 1890 года

<sup>261</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 516.

его постригли въ мантію съ именемъ Леонъ, а черезъ пять лѣтъ, 23 марта 1895 года, — въ великую схиму. За это время его отправляли на послушаніе на Новый Аѳонъ и на подворье въ Москву, откуда онъ присылалъ письма къ своимъ духовнымъ отцамъ: игумену Андрею и отцу Агаѳодору (Буданову)<sup>262</sup>. Къ послѣднему онъ особенно привязался и, вернувшись на Аѳонъ въ 1897 году, до самой своей смерти имѣлъ съ нимъ тѣсное духовное общеніе.

До 1906 года отецъ Леонъ исполнялъ послушаніе писаря въ канцеляріи, такъ какъ у него былъ красивый, разборчивый, каллиграфическій почеркъ, поэтому ему давали переписывать старыя рукописи изъ библіотеки монастыря.

Въ 1906 году въ жизни отца Леона происходятъ кардинальныя измѣненія. Его духовникъ отецъ Агаѳодоръ благословляетъ ему жить въ отшельнической келии недалеко отъ монастыря и вести затворническую жизнь. Заодно онъ долженъ былъ сторожить масличный садъ. Радости отца Леона не было границъ. Такъ какъ всѣ 18 лѣтъ его пребыванія до этого момента въ обители и дня не прошло, чтобы онъ не думалъ о затворѣ ради Бога, но самъ не дерзалъ просить объ этомъ, ждалъ проявленія воли Божіей. Вотъ что онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Сталъ давненько замѣчать за собой, что какое-то въ душѣ является тяготѣніе, хочется все быть одному, ни съ кѣмъ не разговаривать. Явилась особенная скука о уединеніи, явились мысли уединиться недѣли двѣ, такъ, чтобы не говорить, чтобы испробовать совершенное молчаніе. Мысли свои сообщилъ духовнику отцу Агаѳодору, и онъ одобрилъ»<sup>263</sup>.

Новую жизнь съ Богомъ отецъ Леонъ использовалъ для самосовершенствованія. «Врядъ ли придется испытать совершенную христіанскую жизнь здѣсь, на землѣ, по своей худости и безпечности и грѣховной жизни, — пишетъ онъ. — А вѣдь люди ревновали и достигали, начинали подвигъ съ нежалѣнія себя и трезвѣнія. Вотъ этого-то и не хватаетъ у меня. Что дѣлать? Вопить: Господи, Господи, призри съ высоты и виждь немощь и худость, помогай и имиже всѣи судьбами спасай грѣшнаго раба Твоего»<sup>264</sup>.

Отецъ Леонъ такъ понималъ цѣль своего уединенія: «Истинное безмолвіе состоитъ въ самоотверженіи, совершающемся въ средоточіи человѣка, въ духѣ его, въ устремленіи всѣхъ помышленій къ служенію Богу. Постоянное самопознаніе вводитъ въ непрерывающійся подвигъ покаянія и плача и познанія своего ничтожества. Познаніе себя — драгоцѣнное познаніе. Оно приводитъ къ живому и обширному познанію Бога, приводитъ къ вѣрному и правильному управленію и распоряженію съ собой. Назначеніе человѣка — быть сосудомъ и орудіемъ Божества. Необходимо искать смиреніе, которымъ достигается прощеніе во всѣхъ грѣхахъ и исцѣленіе отъ всѣхъ страстей»<sup>265</sup>.

---

<sup>262</sup> АРПМА. Док.: № 1183, 1758.

<sup>263</sup> БРПМА. Док. № 33175. С. 2.

<sup>264</sup> Тамъ же. С. 4.

<sup>265</sup> Тамъ же. С. 95.

Строгимъ постомъ и ежедневнымъ бдѣніемъ преодолевая свои тѣлесныя немощи, непрестанной Иисусовой молитвой и трезвѣніемъ усовершенствуя свой внутренній миръ, отецъ Леонъ, съ Божіей помощью, достигъ высокаго уровня христіанскаго совершенства. Въ своей ежедневной подвижнической жизни онъ строго руководствовался ученіемъ великаго Исаака Сирина, который писалъ: «Высшее благо для чело­вѣка Божія въ этомъ мірѣ есть чистая мо­литва, и если чело­вѣкъ не умретъ по отношенію къ другимъ людямъ и не останется наединѣ съ самимъ собой и не будетъ подвизаться въ безмолвіи какъ мертвецъ во гробѣ, то онъ не сможетъ достичь этого, такъ какъ чистая молитва требуетъ отреченія отъ все­го». «Чтобы наследовать молитву, — пишетъ отецъ Леонъ, вторя своему великому небесному покровителю, — необходимо отвергнуться всего и подняться на крестъ самоот­верженія, предай Богу духъ, душу и тѣло твое, а отъ Него прими святую молитву, которая по ученію Апостола есть дѣйствіе въ чело­вѣкѣ Святаго Духа. Жертвенникъ, на кото­ромъ приносится молитва Богу, — есть смиреніе. Жертва же внимательная — раство­ренная покаяніемъ молитва. Плоды истинной молитвы: святой миръ души; соединеніе съ тихой, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнѣнія и разгоряченныхъ порывовъ и движеній; любовь къ ближнимъ, не различающая добрыхъ отъ злыхъ, до­стойныхъ и недостойныхъ, изъ которой возсіяетъ чистѣйшая любовь къ Богу»<sup>266</sup>.



Несомнѣнно, что отецъ Леонъ, съ Божіей помощью, достигъ такой любви, о чемъ свидѣлствуютъ его многочисленныя духовныя записки<sup>267</sup>, которыя безусловно заслуживаютъ, чтобы ихъ увидѣлъ свѣтъ. Приведемъ лишь одинъ отрывокъ изъ многихъ прекрасныхъ духовныхъ заключеній отца Леона: «Очевидно, основаніемъ созданія міра и чело­вѣка служило не одно только безмѣрное могущество Божественной воли, но и неизмѣнное богатство Божественной любви. Поэтому именно, если чело­вѣкъ не можетъ исполнить своего назначенія въ мірѣ, т. е. если онъ не можетъ явить собой живой образъ Бога и черезъ это сдѣлать міръ дѣйствительнымъ причастникомъ Божественныхъ совершенствъ, то какъ собственная жизнь чело­вѣка, такъ и существованіе всего міроваго бытія, несомнѣнно, не имѣетъ никакого смысла. Вотъ задача на всю жизнь мою!»<sup>268</sup>

Выполнивъ поставленную предъ собой задачу сполна, старецъ Леонъ въ возрастѣ 52-хъ лѣтъ представился ко Господу 9 марта 1914 года.

<sup>266</sup> Тамъ же. С. 92.

<sup>267</sup> БРПМА. Док.: № 33167, 33175, 33212, 33253, 33267.

<sup>268</sup> БРПМА. Док. № 33175. С. 110.

## Иеросхимонахъ Исидоръ (Молчановъ)

Иеросхимонахъ Исидоръ (въ міру Иванъ Дмитриевичъ Молчановъ) родился въ 1847 году въ крестьянской семьѣ въ слободѣ Великая Михайловка Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи. Мы ничего не знаемъ о его жизни до поступления на Аѳонъ. Не знаемъ: какъ онъ пришелъ къ мысли о монашествѣ? Какъ рѣшился осуществить этотъ замыселъ? Можно лишь предположить, что долгій стукъ Господа въ двери его сердца былъ наконецъ имъ услышанъ, и вотъ 34-лѣтній Иванъ въ 1872 году, полный рѣшимости посвятить всю свою жизнь дѣлу постиженія Божественной любви, пріѣзжаетъ на Аѳонъ.

Ивана сразу опредѣлили на послушаніе на Крумицу, гдѣ среди виноградниковъ и масличныхъ садовъ до 1881 года проходила его жизнь. Тамъ же, на Крумицѣ, его опредѣлили затѣмъ въ сапожную мастерскую, гдѣ онъ въ совершенствѣ освоилъ сапожное дѣло. Въ это же время въ 1875 году съ именемъ Исидоръ его постригли въ рясофоръ, а 24 марта 1876 года — въ мантию. У отца Исидора былъ хорошій голосъ — басъ, и онъ поэтому, ко всѣму прочему, исполнялъ еще послушаніе пѣвчего на клиросѣ.

14 сентября 1882 года отца Исидора рукоположили въ іеродіакона и благословили ѣхать на Новый Аѳонъ, гдѣ онъ выполнялъ также послушаніе сапожника. Отецъ Исидоръ очень скучалъ по Аѳону и писалъ объ этомъ старцамъ обители: «Очень мнѣ хочется поѣхать на Святой Аѳонъ, убѣждалъ бы къ Вамъ, но какъ будетъ Ваша отеческая милость»<sup>269</sup>.

Отецъ Исидоръ тогда не могъ и подозревать, что онъ уже никогда не увидитъ Аѳона, а Промысломъ Божиимъ ему предстоитъ потрудиться во славу Божию въ Россіи. Въ сентябрѣ 1889 года отца Исидора постригли въ схиму и дали ему новое послушаніе въ рухольной Новоаѳонскаго монастыря. Онъ всѣми силами старался помочь игумену Іерону въ расширеніи возможностей матеріальнаго обезпеченія Симоно-Кананитскаго монастыря, активно участвовалъ во всѣхъ экономическихъ начинаніяхъ обители. 25 мая 1892 года отца Исидора рукоположили въ іеромонаха.

Внѣшняя активность на благо обители не мѣшала внутреннему духовному развитію отца Исидора. Совсѣмъ наоборотъ, чѣмъ больше онъ посвящалъ себя безкорыстной заботѣ о благѣ монастыря, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ невѣроятный приливъ благодати Божіей, который еще болѣе окрылялъ его труды.

---

<sup>269</sup> АРПМА. Док. № 1093. С. 4.

Отець Исидоръ очень любилъ богослуженіе и имѣлъ чудный даръ отъ Бога полностью отстраняться отъ жизни озабоченнаго дѣлами труженика и превращаться во вдохновеннаго молитвенника.

Въ 1895 году на отца Исидора наложили великую отвѣтственность — быть духовникомъ братіи. Со страхомъ и благоговѣніемъ приступилъ онъ къ исполненію этого послушанія и въ теченіе семи лѣтъ былъ утѣшителемъ и отцомъ для своихъ собратіевъ. За его преданность обители и благоговѣйность всѣ его очень любили. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе и священноначалія. 1 іюля 1902 года по требованію Священнаго Синода и благословенію старцевъ обители онъ былъ назначенъ игуменомъ Саратовскаго Преображенскаго монастыря.

30 лѣтъ отецъ Исидоръ съ сыновней преданностью служилъ Русскому Пантелеимонову монастырю и его отрасли — Симоно-Кананитскому монастырю, и теперь ему предстояло оставить любимую обитель и послужить Матери Церкви на другой нивѣ. Онъ съ болью въ сердцѣ смирился передъ волей Божіей и отправился на свое новое поприще.

Саратовскій Преображенскій монастырь былъ къ тому времени не очень большимъ, его населяло всего 26 иноковъ. Отець Исидоръ со свойственной ему энергіей приступилъ къ укрѣпленію обители какъ матеріально, такъ и духовно и многого бы добился, если бы не его болѣзни.

Преставился отецъ Исидоръ 6 апрѣля 1914 года въ пасхальную недѣлю. Смерть его была истинно кончиной праведника. Послѣднее время онъ болѣлъ и не могъ ходить въ церковь, поэтому въ Свѣтлый Понедельникъ его причастили Святыхъ Даровъ въ кельѣ, послѣ чего онъ громко пѣлъ пасхальныя молитвы. Предвидя свою кончину, послалъ келейника на кладбище, говоря, чтобы тотъ черезъ 40 минутъ вернулся. Но келейникъ на нѣсколько минутъ задержался и, вернувшись, увидѣлъ старца стоящимъ на колѣняхъ со скрещенными руками. Не получивъ отвѣта на свой вопросъ, послушникъ тронулъ его и увидѣлъ, что отецъ Исидоръ уже умеръ<sup>270</sup>.

## Іеросхимонахъ Θεотекнъ (Галкинъ)

Іеросхимонахъ Θεотекнъ (въ міру Θεодоръ Александровичъ Галкинъ) родился въ 1851 году въ городѣ Ярославлѣ въ зажиточной купеческой семьѣ. Его мать звали Параскевой. Давъ ему приличное образованіе, родители готовили его для торговаго дѣла, но душа Θεодора тянулась къ Богу. Онъ не могъ представить свою жизнь внѣ Церкви, но противостоятъ волѣ родителей тоже не могъ. Θεодоръ согласился вести дѣла отца съ условіемъ,

<sup>270</sup> АРПМА. Док. № 327. С. 182.



что его не будут принуждать вступить в брак. Несмотря на данное слово, он смог выдержать суету торговой жизни только до 30-летнего возраста. Больше терпеть не было сил, и он решительно заявил своим родителям, что уѣзжает на Афон, чтобы посвятить свою жизнь Богу.

Федор прибыл на Афон и в 1881 году поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. 11 марта 1883 года он был пострижен в мантию с именем Феотекн. Первое его послушание — помощник писаря в канцелярии. 6 октября 1885 года его рукоположили в иеродиакона, а 12 июня 1886 года — в иеромонаха.

Вскорѣ послѣ этого отцу Феотекну пришлось на долгое время разстаться с Афоном. Его отправили исполнять послушание на Московское подворье, гдѣ онъ и пробылъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Все это время, безупречно исполняя послушание, онъ не остав-

лялъ надежды навсегда вернуться на Афон. Его очень угнетала шумная городская жизнь, отъ которой онъ когда-то уже бѣжалъ. Крикомъ его утомленной городской суетой души являются слѣдующіе слова: «Благословите ѣхать на Афонъ, — писалъ онъ отцу игумену Андрею, — жду отвѣта съ благословеніемъ съ нетерпѣніемъ. Сколько возможно пожилъ, а больше не могу, всѣ мы немощны, хочется въ обители немножко пожить. А вы всѣ какъ отгоняете отъ обители меня. Чего я вамъ худаго сдѣлалъ? Простите, пожалуйста, меня!»<sup>271</sup>

Несмотря на стѣсненія души, отецъ Феотекнъ прекрасно понималъ, что послушание есть основа духовной жизни, что безъ него невозможенъ никакой духовный ростъ, что пріобрѣсти благодать невозможно внѣ исполненія послушанія, что наши устремленія и желанія не всегда совпадаютъ съ волей Божіей. Поэтому онъ съ достоинствомъ и покорностью воспринялъ неожиданное для него извѣстіе съ Афона о новыхъ назначеніяхъ для него внѣ родной обители.

Въ 1896 году отца Феотекна перевели на подворье въ Одессѣ, гдѣ вскорѣ онъ сталъ настоятелемъ и исполнялъ это важное послушание вплоть до 1910 года. Все это время онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Афонъ и даже былъ на короткое время главнымъ ризничимъ.

<sup>271</sup> АРПМА. Док. № 656. С. 45.

Но въ основномъ его общеніе съ Аеономъ ограничивалось перепиской со старцами монастыря<sup>272</sup>.

Изъ этой огромной переписки можно хорошо прослѣдить, съ какой любовью и преданностью къ обители исполнялъ онъ свои обязанности. А обязанностей было хоть отбавляй. Черезъ Одессу шли почти всѣ матеріальные ресурсы для удовлетворенія нуждъ обители, поэтому ему приходилось быть и настоятелемъ, и экономомъ, и духовникомъ одновременно.



Онъ зналъ, какъ жизненно необходимо для монастыря его послушаніе и, не жалѣя себя, своихъ силъ, отдавался точному исполненію своего дѣла.

Не забывалъ отецъ Θεοτεκнъ и о духовныхъ нуждахъ своихъ подопечныхъ. Онъ всегда былъ съ ними по-отцовски заботливъ и по-братски друженъ. Но прежде всего онъ былъ монахомъ и никогда не забывалъ о своихъ монашескихъ обязанностяхъ. Настоящая жизнь у него начиналась послѣ вечерни, когда все затихало. Несмотря на усталость, онъ вставалъ въ своей кельѣ съ постели для того, чтобы благоговѣнно повторять въ сердцѣ Иисусову молитву, а послѣ каждой молитвы класть земные поклоны. И такъ продолжалось цѣлыхъ три часа. При этомъ его душа восхищалась до небесъ, онъ чувствовалъ, что отъ небеснаго міра его отдѣляетъ всего лишь тончайшая грань. Онъ явно ощущалъ дыханіе этого другаго міра, но при этомъ полностью забывалъ о заботахъ и суетѣ земнаго міра. Въ эти часы онъ жилъ только для Бога и только Богомъ. Слѣдующій день былъ лишь ожиданіемъ этого переживанія вновь. Поэтому ежедневная суета ничуть не трогала и не касалась его внутренняго устройства. Онъ старался творить молитву и при оживленныхъ разговорахъ съ портовыми работниками, и при эмоціональныхъ исповѣдяхъ мирянъ, и при духовныхъ бесѣдахъ съ братіей. Всюду и вездѣ съ нимъ былъ его Утѣшитель — Господь Иисусъ Христосъ. Дѣлая любой шагъ, онъ думалъ только о Немъ и старался угодить Богу и людямъ.

Въ 1910 году по рѣшенію Собора Старцевъ обители отца Θεοτεκна наконецъ-то возвратили на Аеононъ. Отъ этого извѣстія онъ какъ будто заново родился и, преисполненный чувствомъ благодарности милостивому Богу, не медля вернулся въ родную обитель. Въ ней отецъ Θεοτεκнъ принялъ послушаніе главнаго ризничаго. Еще четыре года пришлось наслаждаться ему аеононской подвижнической жизнью.

Преставился отецъ Θεοτεκнъ 1 ноября 1914 года. Кончина его была мирной и по настоящему христіанской.

<sup>272</sup> АРПМА. Док.: № 656, 1024, 1043, 1044, 1047, 1048, 1534.

## Иеросхимонахъ Авраамій (Ложниковъ-Ждановъ)

Иеросхимонахъ Авраамій (въ міру Александръ Алексѣевичъ Ложниковъ-Ждановъ) родился въ 1847 году въ семьѣ мѣщанина изъ города Михайлова Рязанской губерніи. Точными данными о его жизни до поступления въ монастырь мы не располагаемъ, но можно почти точно предположить, что онъ получилъ хорошее образование и пріобрѣлъ специальность строителя.

Въ 1875 году въ возрастѣ 26-ти лѣтъ Александръ Алексѣевичъ поступилъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона и сразу сталъ правой рукой старцевъ Иеронима и Макарія, особенно по строительной части. Тогда монастырь активно обустроивался, и знающій строительное дѣло молодой человекъ былъ какъ никогда кстати.

Черезъ два года его постригли въ рясофоръ съ именемъ Игнатій, а еще черезъ два года — въ мантию съ именемъ Августалій. Точная дата его рукоположенія не установлена, но извѣстно, что въ 1885 году онъ уже былъ іеромонахомъ. Въ этомъ году монастырь по инициативѣ духовника Иеронима и подъ руководствомъ игумена Макарія началъ строительство пустыни для монаховъ, нуждающихся въ отшельническомъ образѣ жизни, подъ названіемъ «Новая Оиваида». Оба старца единогласно рѣшили поручить это дѣло отцу Августалію, и онъ не посрамилъ довѣрія своихъ любимыхъ старцевъ. Всего за пять лѣтъ основныя постройки пустыни уже были возведены и освящены. Аѳонская братія до конца жизни называла отца Августалія строителемъ обители «Новая Оиваида», но онъ былъ не только строителемъ, но одновременно настоятелемъ скита и духовникомъ для всей братіи.

Вотъ какъ характеризуетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Былъ энергичный, важный дѣятель и строитель, и настоятель, и духовникъ, и сборщикъ, и благотворитель. Съ 1883 года онъ неустанно трудился для скита, строилъ корпуса, разводилъ огороды, находилъ и проводилъ обильную воду, работая и самъ съ братьями, умѣлъ привлекать въ скитъ нужныхъ людей со средствами, помогалъ и бѣднымъ строить каливы»<sup>273</sup>. За свои огромные труды — и духовные, и физическіе — на благо монастыря онъ 9 декабря 1895 года былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Авраамій, а 25 января 1898 года былъ награжденъ набедренникомъ.

Въ 1896 году отецъ Авраамій очень серьезно заболѣлъ водянкой. Чувствовалъ онъ себя очень плохо, изъ-за чего удалился отъ дѣлъ и около двухъ лѣтъ прожилъ на Трехсвятительской\* келліи монастыря, гдѣ чудомъ вылѣчился отъ своей болѣзни. Это былъ

---

<sup>273</sup> АРПМА. Док. № 329. С. 93.



*Фотографія Трехсвятительской келліи времянь отца Авраамія. Сегодня полностью разрушена*

единственный случай въ исторіи монастыря, когда больной водянкой остался живъ. Всѣ этому дивились, тѣмъ болѣе что болѣзнь въ случаѣ съ отцомъ Аврааміемъ дошла до послѣднихъ своихъ стадій. Что случилось на Трехсвятительской келліи? Мы теперь можемъ только гадать. Отецъ Авраамій никому не рассказывалъ о подробностяхъ своего пребыванія тамъ. Но точно зная, что онъ никакихъ лѣкарствъ не изобрѣлъ для излѣченія этой болѣзни, можно лишь предположить, что Господь услышалъ многочисленныя молитвы старцевъ и братіи обители о выздоровленіи отца Авраамія, тѣмъ болѣе что за него молились не только старцы и братія обители, но весь Өивайдскій скитъ и сотни отшельниковъ.

Милостивый Богъ посылаетъ намъ болѣзни, чтобы испытать нашу вѣру и провѣрить силу нашей любви къ нему, а также для нашего сплоченія въ братской любви. Возводя искреннюю молитву за страдающаго брата, мы не только помогаемъ ему, но и сами растемъ въ любви, духовно сближаемся другъ съ другомъ и сплываемся въ одну христіанскую семью — Церковь, глава которой Господь Іисусъ Христосъ.

Послѣ чудеснаго своего излѣченія отецъ Авраамій вернулся въ обитель и съ прежней энергіей сталъ трудиться для ея блага. Въ 1905 году старцы монастыря предложили ему

быть настоятелемъ Старога Руссика. Вся братія радовалась этому назначенію, такъ какъ, зная неутомимый характеръ отца Авраамія, они надѣялись, что онъ сдвинетъ съ мертвой точки уже длившееся тридцать лѣтъ на Старомъ Руссикѣ строительство храма св. великомученика Пантелеимона. Дѣло въ томъ, что этотъ храмъ былъ заложенъ въ 1871 году, но изъ-за недостатка средствъ его строительство было пріостановлено, а возобновленіе постоянно откладывалось. И вотъ братія монастыря не прогадала. Дѣйствительно, отецъ Авраамій убѣдилъ Соборныхъ Старцевъ продолжать постройку собора и очень скоро и энергично взялся за дѣло. Пять лѣтъ онъ неутомимо трудился на постройкѣ этого храма. Это строительство особенно было затруднено съ началомъ Первой міровой войны. Но, съ Божіей помощью, отецъ Авраамій довелъ дѣло до такой стадіи, что послѣ его смерти оставалось лишь додѣлать мелочи для полного завершенія строительства храма. Храмъ былъ освященъ въ 1920 году въ день памяти святаго великомученика Пантелеимона митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ). Если бы не старанія и самоотверженный трудъ отца Авраамія, этотъ прекрасный храмъ и сегодня лежалъ бы въ руинахъ.

За свое высокое подвижничество отецъ Авраамій получилъ отъ милостиваго Бога особую благодать, о чемъ намъ прекраснымъ образомъ свидѣтельствуеетъ въ своихъ запискахъ преподобный Силуанъ Аѳонскій: «Великимъ постомъ на вечернѣ, въ Старомъ Нагорномъ Руссикѣ, одному монаху далъ Господь увидѣть іеросхимонаха Авраамія въ образѣ Христа. Старецъ-духовникъ стоялъ въ епитрахили и исповѣдовалъ, когда въ исповѣдальню вошелъ тотъ монахъ. Онъ увидѣлъ духовника, сѣдаго старца, съ лицомъ молодаго, какъ у мальчика, челоуѣка. Ликъ его весь сіялъ и былъ похожъ на Христа»<sup>274</sup>. То, что вышеназванный монахъ — самъ преподобный Силуанъ, онъ признается въ другомъ мѣстѣ своихъ писаній: «Далъ мнѣ Господь увидѣть на Старомъ Руссикѣ во время исповѣди іеромонаха-духовника въ образѣ Христа. Онъ стоялъ въ исповѣдальнѣ невыразимо сіяющей, и, хотя онъ былъ весь бѣлый отъ сѣдины, лицо его было прекраснымъ и юнымъ, какъ у мальчика»<sup>275</sup>.

Преставился отецъ Авраамій 17 марта 1915 года.

## Іеромонахъ Паисій (Платоновъ)

Іеромонахъ Паисій (въ міру Петръ Васильевичъ Платоновъ) родился въ 1850 году въ купеческой семьѣ города Орла. Его мать звали Татьяной. Петръ получилъ хорошее образованіе, изучилъ греческій и нѣмецкій языки. Родители рассчитывали, что онъ наслѣдуетъ дѣло отца, но у Петра были свои планы насчетъ своего будущаго. Онъ еще во время учебы въ гимназіи твердо рѣшилъ посвятить свою жизнь служенію Богу. Конфликтъ

<sup>274</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старецъ Силуанъ Аѳонскій. Москва, 1996. С. 346.

<sup>275</sup> Тамъ же. С. 333.

съ родителями усугубился, когда 18-лѣтняго Петра рѣшили женить. Онъ началъ сопротивляться, но его повѣнчали насильно. Петръ рѣшилъ, что если онъ немедленно не приметъ рѣшительныхъ мѣръ, то его мечтамъ не суждено будетъ сбыться. На второй день послѣ вѣнчанія онъ убѣжалъ изъ дома и скрылся подъ чужимъ именемъ въ одномъ изъ російскихъ монастырей. Три года онъ скрывался, но когда почувствовалъ, что его тайна вскорѣ будетъ раскрыта, то незамедлительно отправился въ путь по направленію къ Аѳону.

На Аѳонѣ Петръ Васильевичъ прибылъ въ 1871 году и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ старцы его утѣшили и укрѣпили въ его рѣшимости стать монахомъ. Черезъ два года онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Паисій, а еще черезъ годъ — въ мантию. Первые свои послушанія отецъ Паисій проходилъ на Старомъ Руссикѣ, на подворьѣ въ Солуни, въ обители архондаричнымъ. Въ 1884 году его рукоположили въ іеродіакона, а затѣмъ и въ іеромонаха. Въ качествѣ старшаго архондаричнаго ему вмѣнялось въ обязанность общаться съ высокопоставленными гостями. И онъ пользовался среди нихъ большимъ успѣхомъ, такъ какъ былъ очень культурнымъ и обходительнымъ человѣкомъ. Однимъ изъ такихъ гостей былъ графъ Гейденъ, который былъ пораженъ радушнымъ приѣмомъ и безграничнымъ гостепріимствомъ отца Паисія. Именно онъ сыгралъ рѣшающую роль въ дальнѣйшей судьбѣ отца Паисія.

Въ 1886 году по благословенію игумена Макарія отецъ Паисій отправился на Новый Аѳонъ въ качествѣ духовника Симоно-Кананитскаго монастыря. Несмотря на разлуку со своимъ духовнымъ отцомъ, онъ письменно поддерживалъ съ нимъ связь и получалъ отъ него нужные для спасенія его души мудрые совѣты<sup>276</sup>. Два года онъ провелъ здѣсь и заслужилъ любовь и уваженіе здѣшней братіи и не только братіи, но всѣхъ прихожанъ монастыря. Въ то время въ Сухуми проживалъ владыка Геннадій (Павлинскій), которому также очень понравился образованный и обходительный отецъ Паисій, и онъ, по благословенію старцевъ обители, взял его къ себѣ въ помощники.

Въ 1889 году епископъ Геннадій умеръ, и отецъ Паисій собрался ѣхать на Старый Аѳонъ. Но знавшій его графъ Гейденъ рассказалъ о немъ оберъ-прокурору Священнаго Синода В. Саблеру, который искалъ духовное лицо, владѣющее нѣмецкимъ языкомъ, для служенія въ фамиліной церкви православнаго немца графа Адлерберга. И вотъ по указу оберъ-прокурора отецъ Паисій былъ отправленъ въ Баварію для служенія въ церкви при имени графа. Ровно девять лѣтъ провелъ онъ на нѣмецкой землѣ. Тамъ онъ не только служилъ въ церкви и духовно окормлялъ графскую семью, но участвовалъ во всѣхъ начинаніяхъ Австрійской духовной миссіи. Такъ продолжалось до самой смерти графа, когда отецъ Паисій былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей служенія въ семейной церкви, послѣ чего онъ немедленно отправился на Аѳонъ, по которому безконечно тосковалъ.

<sup>276</sup> АРПМА. Док.: № 647, 1138.



Въ 1898 отецъ Паисій прибылъ въ родной Руссикъ и былъ встрѣченъ съ радостью игуменомъ Андреемъ и всей братіей монастыря. Такъ, черезъ 12 лѣтъ разлуки, онъ вновь вернулся въ свою родную обитель и больше никогда не разставался съ ней. Оставшіяся 19 лѣтъ жизни отецъ Паисій провелъ внѣшне незамѣтно, вель предѣльно скромную жизнь. Онъ, смиренный и кроткій, очень не любилъ рассказывать о своемъ прошломъ, и по его виду никто не могъ бы сказать, что онъ прошелъ черезъ множество жизненныхъ перипетій. Если вначалѣ, послѣ возвращенія, братія еще интересовалась его прошлымъ, то постепенно всѣ забыли о молчаливомъ старцѣ, который ходилъ почти какъ тѣнь: ни съ кѣмъ не общался, ни съ кѣмъ не имѣлъ близкихъ отношеній. Впрочемъ, съ однимъ вѣчно Сущимъ онъ имѣлъ очень близкія отношенія, безгранично любилъ

Его и считалъ потерянной каждую секунду, проведенную безъ Него. Милостивый Господь тоже отвѣчалъ преданному старцу взаимностью, Онъ послалъ ему такую болѣзнь, которая позволяла отцу Паисію свою жизнь полностью безъ остатка посвящать молитвенному общенію со своимъ Создателемъ. Старцу парализовало ноги, и послѣднія десять лѣтъ онъ не выходилъ изъ кельи.

Преставился отецъ Паисій 19 сентября 1917 года.

## Схієродіаконъ Сисой (Савченко)

Схієродіаконъ Сисой (въ міру Николай Евстаѣевичъ Савченко) родился въ 1842 году въ мѣщанской семьѣ города Ейска Кубанской области. Съ дѣтства воспитывался въ духѣ христіанскаго благочестія, съ дѣтской простотой полюбилъ Господа и жаждалъ посвятить жизнь служенію Христовой церкви. Окончивъ семинарію, но, не желая жениться, 18-лѣтнимъ юношей онъ поступаетъ въ монастырь. Вскорѣ онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Трифілій, а еще черезъ три года былъ рукоположенъ

въ ієродіакона. Прожилъ онъ въ этомъ монастырѣ (къ сожалѣнію, не извѣстно въ какомъ) ровно 25 лѣтъ, послѣ чего, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ и тамъ продолжить свою подвижническую жизнь.

Въ 1885 году отецъ Трифілій прибылъ на Аѳонъ и сталъ просить старца игумена Макарія принять его на Новую Оиваиду въ качествѣ отшельника. Отецъ Макарій немедленно благословилъ отца Трифілія поступить въ скитъ, гдѣ въ 1888 году онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Сисой. Жилъ онъ тамъ въ отдаленной каливѣ пустынникомъ и безмолвникомъ около 35-ти лѣтъ.

Первые шесть лѣтъ отецъ Трифілій былъ въ полномъ затворѣ, совершенно не общаясь съ людьми, только разъ въ мѣсяць приходилъ въ скитскую церковь и причащался Святыхъ Христовыхъ Таинъ и вновь исчезалъ, уходя въ свою каливу. Чѣмъ онъ питался въ это время, одному Богу извѣстно. И не извѣстно, сколько бы длился его полный затворъ, если бы не одинъ случай, принудившій его принять послушника. Въ то время отшельническія келліи были объектомъ интереса разнаго рода разбойниковъ. И вотъ однажды они напали и на каливу отца Сисоя. Этотъ случай и побудилъ его принять послушника.

Вотъ какъ онъ описываетъ случившееся съ нимъ происшествіе въ своемъ письмѣ игумену Андрею (Веревкину): «Великое благодареніе Господу, соблюдающему меня. Извѣстно уже Вамъ, что были у меня разбойники, оставившіе по себѣ память на побитой двери, вѣроломно силившіеся ворваться въ нее. Но помѣшалъ сосѣдъ, за что самъ чуть не пострадалъ. А что выпилъ чашу разнообразныхъ отъ обнаженнаго ятагана\* страхованій, я до гроба не смогу забыть. Благоволилъ Богъ въ провидѣніи Своемъ соблюсти участь мою для славы Своей. Но это прошло, слава и благодареніе Богу. Но на будущее Онъ даетъ мнѣ напоминаніе и предупрежденіе, что пребываніе одному стало опасно. Хотя упованіе на Господа имѣемъ непоколебимое, но разумно было бы и осторожность проявлять. Со дня того покушенія, на второй день послѣ этого событія, явился ко мнѣ братъ съ письмомъ отъ одного старца — подвижника съ рекомендаціей о немъ, гдѣ было сказано, что можетъ быть онъ угодень будетъ Господу и вамъ въ сожитіи. Удивился я его приходу, случившемуся ко времени. И самъ спасень, и братъ предлагается во упокоеніе. Не Промысль ли тутъ свыше? Вслѣдствіе чего извѣщаю и Вамъ объ этомъ и предлагаю почтительнѣйшую просьбу имени ради воскресшаго Господа, благословите допустить этому брату пребывать при мнѣ, если укрѣпится съ образомъ моей жизни, тѣмъ болѣе такое для меня смутное положеніе»<sup>277</sup>.

Отецъ игумень благословилъ ихъ совмѣстное проживаніе. И стали подвизаться вдвоемъ старецъ и послушникъ, проживъ вмѣстѣ, во славу Бога, двадцать шесть лѣтъ.

<sup>277</sup> АРПМА. Док. № 1450. С. 1–4.

Непрерывная Иисусова молитва была ихъ главнымъ занятіемъ. Въ каливѣ ли, во время рукодѣлія ли, на огородикѣ ли — они не прерывали своего молитвеннаго правила.

Правила отца Сисоя были таковы: ничего не должно отвлекать монаха отъ Господа, руки работаютъ, а сердце творитъ молитву; устанетъ сердце, разумъ размышляетъ о Господѣ; устанетъ разумъ, глаза читаютъ Священное Писаніе — и опять все заново. Только такъ возможно размягчить окаменѣлое сердце падшаго человѣка. Всѣ говорятъ, что капля камень точитъ, но никто не видѣлъ, чтобы одна капля упала на камень и она его хоть какъ-то повредила. Не то что одна, а миллионы капель не смогутъ одолѣть каменную твердь, но постоянный, неотступный, цѣленаправленный трудъ воды черезъ тысячу лѣтъ дѣйствительно можетъ продырявить камень. Такъ и наше каменное сердце. Только непрестанное пребываніе съ Богомъ можетъ вернуть ему первоначальную мягкость и способность любить.

Мы часто удивляемся, что даже ежедневное молитвенное правило и пребываніе на богослуженіяхъ не приносятъ намъ ощутимыхъ духовныхъ результатовъ. Это только потому, что между этими Божественными дѣйствіями мы расслабляемся и допускаемъ обратное отвердѣніе только что размягченнаго нашего сердца. И такъ топчемся на одномъ мѣстѣ, а чаще всего при одномъ шагѣ впередъ дѣлаемъ два шага назадъ.

О духовной высотѣ отца Сисоя свидѣтельствуется слѣдующее описаніе отцомъ Денасіемъ (Юшковымъ) встрѣчи съ нимъ:

«Не очень далеко отъ Оиваиды подвизается одинъ древній благочестивый старецъ, котораго я прежде незадолго предъ симъ посѣтилъ. Онъ удостоилъ меня своей многополезной бесѣды. Я просилъ старца сказать мнѣ что нибудь для пользы моей грѣшной души, и глубоко внимательный старецъ началъ поучать меня. Вотъ что онъ говорилъ:

— Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Нынѣ! Когда оно въ нашихъ рукахъ, а не послѣ, не завтра, какъ мы, часто искушаемые врагомъ или своей растлѣнной повредившейся природой, говоримъ себѣ или, правильнѣе сказать, обманываемъ себя, когда и совѣсть вопіетъ на насъ: доколь? Богъ милостивъ... Онъ насъ любитъ, за насъ пострадалъ... А если пострадалъ, то и намъ надо спострадать Ему, чтобы войти въ славу Его. Онъ милостивъ, но вмѣстѣ и правосуденъ. Милуетъ, долготерпитъ, ожидая съ нашей стороны обращенія къ нему всѣмъ сердцемъ.

Старецъ, какъ будто углубившись въ какую-то безпредѣльную даль, продолжалъ: „Ахъ! Любовь Божественная, колико ты велика, безмѣрна и непостижима! Христе Иисусе! Онъ душу свою положилъ за насъ... Намъ остается только обратиться къ нему съ полнымъ покаяніемъ о своей виновности предъ Нимъ, и Онъ проститъ насъ. Будемъ искать Его и найдемъ. Онъ яко Человѣколюбивый явится намъ и пребудетъ съ нами, если не охладѣемъ снова злымъ нечувствіемъ... если будемъ понуждать себя во всемъ слѣдовать Его всесвятѣйшимъ заповѣдямъ, заключеннымъ въ Святомъ Евангеліи, часто противнымъ нашему грѣховному человѣческому разуму... Больше силъ нашихъ

Онъ не требуетъ, и заповѣди Его не тяжки <...> Не думайте, что разъ вы на Аѳонѣ, такъ ужъ и въ рай попадете. Нѣтъ, съ насъ болѣе взыщется, чѣмъ съ мірскихъ. У насъ нѣтъ заботъ ни о семействахъ, ни о купляхъ, ни о продажахъ. Отъ всего этого мы избавились, но дали обѣтъ послушанія самому Господу исполнять во всемъ Его святую волю и повиноваться старцамъ и братіи обители, если они не будутъ требовать противнаго воли Божественной“.

— Но какъ же, старче, святые отцы говорятъ, — спросилъ его я, — что безъ безмолвія нельзя приобрѣсти покаяніе, а у насъ вѣдь, сами знаете, многолюдіе и всегдашнія сообщенія по послушанію другъ съ другомъ, такъ что иной разъ и голова закружится, и самъ какъ будто не свой.

— Да, кромѣ покаянія, нѣтъ инаго пути къ небу. Дѣйствительно, безмолвная тишина рождаетъ подвигъ, а подвигъ — плачь, слезы, а съ ними и сама собой молитва слѣдуетъ. Но вѣдь иначе куда же вамъ дѣваться? Въ пустыню? Но не приготовленнымъ къ ней она недоступна. <...> Пустыня, безмолвіе дѣйствительно плодоноснѣе и удобнѣе для принесенія покаянія и самооплакиванія, но я сказалъ уже, что она не для всѣхъ. Иногда и бѣсы, видя получаемую нами пользу въ общежитіи, подстрекаютъ къ непомѣрнымъ подвигамъ безмолвія и едва слышно шепчутъ: „Будьте яко божи“. Не денно-ночно ли строятъ они намъ разныя сѣти? Если не успѣваютъ побѣдить насъ сначала страстями, они — губители рода человѣческаго — начинаютъ дѣйствовать съ благовидной стороны, искушая насъ желаніемъ высшихъ подвиговъ. Случается, они борются какого нибудь подвижника, а потомъ, чтобы обмануть его, съ отчаяннымъ крикомъ о побѣдѣ надъ ними и пускаются бѣжать. А этотъ, неразумный, какъ левъ, съ рыканіемъ пускается за ними вдогонку съ гордымъ намѣреніемъ, что наконецъ-таки побѣдилъ ихъ, окаянныхъ. А на самомъ дѣлѣ бываетъ самъ побѣжденъ бѣсомъ высокоумія <...> поэтому выходитъ изъ обители я почти всегда затруднялся совѣтовать, развѣ только есть тому благословныя причины и искушенія. Терпи, будешь мученикъ.

— Старче, — продолжалъ я, — мнѣ говорилъ одинъ нашъ внимательный монахъ, что при принятіи его въ число братства послушникомъ духовникъ отецъ Іеронимъ, преподавая на это ему благословеніе, изволилъ сказать самымъ выразительнымъ тономъ, что онъ ради спасенія непременно долженъ озаботиться тѣмъ, чтобы стяжать умную молитву въ сердцѣ. Послѣ того, спустя уже довольно времени по постриженіи, когда онъ пришелъ къ нему съ этой радостной вѣстью, поздравляя его съ принятіемъ великаго ангельскаго образа, повторилъ прежнее замѣчаніе. Потомъ, передъ отходомъ своимъ въ вѣчность, третій разъ и съ большой настойчивостью онъ сказалъ то же самое.

— Воистину такъ, — воодушевленно замѣтилъ на это старецъ, — хотя сказанное, быть можетъ, по особому намѣренію относилось именно къ тому лицу, но это полезно и для всѣхъ, особенно для насъ, иноковъ. Это необходимый и вѣрнѣйшій путь



къ достиженію Царства Божія внутри насъ еще здѣсь, на землѣ, а затѣмъ и блаженства въ вѣчности.

— Какъ же, отче святой, — продолжалъ я, — многіе вѣдь изъ монаховъ и изъ мирянь, не имѣя даже и понятія о молитвѣ умно-сердечной, избавлены вѣчныхъ мученій и удостоены всеблагимъ Господомъ небесныхъ радостей? И вы сами знаете, какъ въ Евангеліи ублажаются и нищіе, и плачущіе, и кроткіе, и милостивые, а о молитвѣ умно-сердечной тамъ ничего не сказано.

— Иное дѣло быть помилованнымъ, а иное — быть освященнымъ. Иное дѣло быть рабомъ, а иное — быть другомъ-сотаинникомъ. Иное дѣло со страхомъ предстоять у порога, а иное — дерзновенно, т. е. свободно входить во внутренніе покои Господина. А иноку даже при постриженіи молитва Иисусова поставляется въ обязанность. Ибо при врученіи четокъ говорится постригаемому: „Прими, брате, мечъ духовный, иже есть глаголь Божій. Пребывай во всегдашней молитвѣ Иисусовой. Всегда бо имя Господа Иисуса въ умѣ, въ сердцѣ, въ мысляхъ, и во устѣхъ своихъ имѣти долженъ еси, глаголя присно: Господи, Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“.

Блаженный старецъ Серафимъ Саровскій, достигшій великаго преуспѣянія въ этой молитвѣ, постоянно совѣтовалъ всѣмъ инокамъ проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовой молитвой. Посѣтилъ его однажды одинъ юноша, окончившій курсъ въ духовной семинаріи (впослѣдствіи архимандритъ Никонъ), и открылъ старцу о намѣреніи своемъ вступить въ монашество. Старецъ преподавалъ душеспасительныя наставленія, въ числѣ коихъ далъ завѣщаніе обучаться Иисусовой молитвѣ. Говоря о ней, онъ присовокупилъ, что одна внѣшняя молитва недостаточна. Богъ внимаетъ уму, а потому тѣ монахи, которые не соединяютъ внѣшней молитвы со внутренней, не суть монахи, а черныя головешки»<sup>278</sup>.

Проживъ долгую 57-лѣтнюю монашескую жизнь, 75-лѣтній старецъ Сисой 17 апрѣля 1917 года преставился ко Господу въ своей келиѣ и былъ погребенъ тамъ же. Черезъ три года его кости откопали, и желтую какъ воскъ главу его забралъ въ свою келью почитавшій его отецъ Денасій (Юшковъ), гдѣ она хранилась до кончины послѣдняго.

<sup>278</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1890 годъ. М., 1890. С. 315.

## Іеросхимонахъ Владиміръ (Колесниковъ)

Іеросхимонахъ Владиміръ (въ міру Василій Васильевичъ Колесниковъ) родився 27 іюля 1851 года въ селѣ Чудово Новгородской губерніи. Его отецъ Василій и мать Евдокія скончались отъ чахотки въ 1858 году съ разницей всего въ три мѣсяца. Семилѣтній Василій, четырехлѣтняя сестра Екатерина (впослѣдствіи ставшая монахиней Новгородскаго Звѣрина-Покровскаго монастыря) и двухъ лѣтъ братъ Викторъ остались на попеченіи бабушки его Матроны и тетки — сестры отца.

Дѣдушка Тимоѳеѣй умеръ еще до смерти родителей Василія, но онъ успѣлъ сыграть большую роль въ формированіи истинно христіанскаго міровоззрѣнія мальчика. Вотъ какъ отецъ Владиміръ вспоминалъ впослѣдствіи своего перваго наставника: «Дѣдъ былъ весьма религіозенъ, любилъ меня и еще четырехъ лѣтъ отъ роду носилъ въ церковь съ собой на клирость, гдѣ любилъ пѣть»<sup>279</sup>. Позже, вслѣдствіе этого, у уже повзрослѣвшаго мальчика появилась внутренняя потребность исполнять молитвенное правило. А первоначальной грамотѣ Василія научила тетка. Затѣмъ съ теченіемъ времени у юнаго Василія проявилась большая любовь къ книгамъ, и онъ зачитывался сутки подрядъ. «Однажды, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — рассматривая книгу съ картиной Страшнаго Суда, размышлялъ я о безконечной вѣчности и мученіяхъ съ желаніемъ избавиться отъ нихъ и себѣ, и всѣмъ, особенно близкимъ. И вотъ, кажется, тогда же, молясь Богу, я далъ обѣщаніе не жениться, не пить водки и не курить. Но о монашествѣ и понятія не имѣлъ, да и до 20-ти лѣтъ ничуть не думалъ, что буду монахомъ. Одно только было намѣреніе — жить благочестиво и спастись»<sup>280</sup>.

До двадцатилѣтняго возраста Василій жилъ съ братомъ своего дѣдушки въ Санктъ-Петербургѣ, гдѣ тотъ занимался мелкой торговлей. Юноша учился въ начальной школѣ, а впослѣдствіи сначала помогалъ въ его торговомъ дѣлѣ знакомому дѣда купцу Ивану Максиму, а передъ самымъ поступленіемъ въ монастырь работалъ въ конторѣ ткацкой фабрики нѣкоего Константина Ильича, который и сыгралъ рѣшающую роль въ принятіи Василіемъ рѣшенія стать монахомъ. Этотъ человекъ былъ очень благочестивымъ и церковнымъ. Онъ быстро понялъ духовныя устремленія своего новаго подопечнаго и, находясь съ паломнической миссіей на Аѳонѣ, написалъ письмо Василію съ предложеніемъ пріѣхать на Аѳонъ. «Все это чрезвычайно изумило

<sup>279</sup> АРПМА. Док. № 332. С. 4.

<sup>280</sup> АРПМА. Док. № 332. С. 12.



меня, — писалъ отецъ Владиміръ въ своихъ воспоминаніяхъ, — и вдругъ явилось сильное желаніе ѣхать»<sup>281</sup>.

Но не сразу онъ смогъ поѣхать на Аѳонъ. Сначала онъ поступилъ на подворье Руссика въ Москвѣ, гдѣ въ то время жилъ великій старецъ Арсеній (Мининъ). Василію посчастливилось быть у него писаремъ и здѣсь, въ Москвѣ, и впоследствии на Аѳонѣ почти до смерти старца въ 1879 году.

1 іюня 1874 года онъ наконецъ-то пріѣхалъ на Аѳонъ, и его, какъ было сказано выше, сразу опредѣлили въ канцелярію отца Арсенія. 6 апрѣля 1874 года отецъ Арсеній постригъ его въ рясофоръ, а 3 мая того же года — въ мантію.

Послушникъ сопутствовалъ старцу Арсенію всюду, куда бы ни ѣздилъ этотъ неутомимый старецъ: и въ Москву слѣдить за строительствомъ часовни, и на Новый

Аѳонъ выбирать мѣсто для строительства новаго монастыря, и въ другія мѣста.

Послѣ смерти отца Арсенія отецъ Владиміръ окончательно осѣлъ въ обители и до конца жизни не покидалъ его, кромѣ одного случая — посѣщенія Іерусалима въ 1901 году. 12 декабря 1884 года его рукоположили въ іеродіакона, а 16 апрѣля 1888 года — въ іеромонаха.

Послушаніемъ же отца Владиміра была организація издательскаго дѣла монастыря. На этомъ поприщѣ онъ много потрудился и принесъ огромную пользу. Онъ былъ организаторомъ изданія ряда книгъ, редакторомъ-составителемъ серіи «Душеполезный Собесѣдникъ», въ которомъ отдѣлъ «Аѳонская Лѣтопись» принадлежалъ исключительно его перу, кромѣ нѣкоторыхъ выпусковъ 1911–1915 гг. Онъ же былъ редакторомъ и издателемъ писемъ отца Арсенія (Минина). Занимался не только изданіемъ книгъ, но и организаціей ихъ распространенія по всей Россіи. Кромѣ того, отецъ Владиміръ былъ очень наблюдательнымъ и внимательнымъ человѣкомъ и детально описалъ бытъ монастыря, оставивъ обширные дневники<sup>282</sup> и переписку съ разными лицами (однимъ изъ его адресатовъ была племянница іеросхимонаха Арсенія (Минина) монахиня

<sup>281</sup> Тамъ же. С. 27.

<sup>282</sup> АРПМА. Док.: № 294–332; 505–510.

Ольга (Шилова), насельница Новгородскаго Звѣринъ-Покровскаго монастыря, которая скончалась 30 декабря 1892 года)<sup>283</sup>.

Несмотря на свои огромные труды на благо монастыря, отецъ Владиміръ не смогъ избѣжать искушенія и очень идеализировалъ своего духовнаго отца. Онъ такъ привязался къ отцу Арсенію (Минину), что послѣ его смерти уже не смогъ никого воспринять какъ духовнаго руководителя, что привело къ тому, что онъ замкнулся въ себѣ и долго былъ охваченъ духомъ противленія. Ни игуменовъ, ни духовниковъ монастыря онъ не могъ уже принять такъ близко, какъ было съ отцомъ Арсеніемъ. Онъ всѣхъ сравнивалъ съ нимъ и рѣшительно отвергалъ всѣхъ.

Мы уже говорили выше о вредѣ недооцѣнки роли духовника въ жизни подвижника, но немало опасна и переоцѣнка личности духовника. Эта такъ называемая болѣзнь старцеманіи — одна изъ формъ тщеславія. Всѣ мы ищемъ для себя какихъ-то особыхъ, опытныхъ, выдающихся духовниковъ. Наша гордость намъ диктуетъ: мы одинъ разъ живемъ, мы одинъ разъ спасаемся, и мы должны позаботиться, чтобы у насъ былъ самый лучшій руководитель въ этомъ дѣлѣ. Но наше духовное возрастаніе зависитъ не отъ духовнаго уровня нашего духовнаго наставника, а исключительно отъ нашего смиренія. Богъ даритъ намъ благодать не потому, что мы нашли лучшаго наставника, а только потому, что мы решаемся отказаться отъ самомнѣнія и своего «я», полностью подчиняемъ себя волѣ Божіей и со смиреніемъ принимаемъ любого, Богомъ благословеннаго, наставника, если даже онъ и не соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о духовникѣ.

Особенно трудно смириться намъ, если мы образованны и начитанны. Вѣдь не всякій духовникъ имѣетъ высшее образованіе, и мы смущаемся и считаемъ ниже своего достоинства принимать совѣты отъ человѣка менѣе образованнаго, чѣмъ мы. Но Богъ именно черезъ этого человѣка передаетъ намъ свою волю, именно онъ является проводникомъ Святаго Духа, онъ рукоположенъ Апостолами и, какъ они, имѣетъ благословеніе доводить до насъ волю Бога, несмотря на уровень своего интеллекта и образованія. Намъ нужно только смириться и открыть наши сердца для принятія Божіей воли. А поиски особенныхъ старцевъ лишь отговорка и уступка нашей гордости.

Къ концу жизни отецъ Владиміръ понялъ свою ошибку и покаялся отцу Агаѳодору (Буданову). Душа его сразу умиротворилась и успокоилась. Въ утѣшеніе милостивый Господь сподобилъ его видѣнія о будущей судьбѣ горячо имъ любимой Родины — Россіи. «Какой-то удивительный сонъ, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ въ сентябрѣ 1917 года, — отъ котораго и проснувшись не скоро могъ опомниться и увѣриться, что все по-прежнему. Видѣлъ сначала, будто днемъ ѣхали съ отцомъ Савиномъ по какой-то большой дорогѣ, какъ бы въ телѣгѣ, потомъ вышли, а лошади ушли. Мы уже пѣшкомъ

<sup>283</sup> АРПМА. Док. № 332.



шли къ какому-то большому городу вроде Москвы, входимъ въ него, на улицахъ идетъ множество народа. Вдругъ среди дня начинается темнѣть, и все болѣе и болѣе, сначала, думалось, не затменіе ли, но нѣтъ, народъ ѣдетъ уже въ темнотѣ, снимаетъ шапки, а кто-то говоритъ: „Это что-то великое совершается. Какъ будто стали зажигать фонари, но я взглянулъ на небо и въ глубинѣ его вижу массу движущихся свѣтящихся фигуръ, которые становятся все отчетливѣе, и видно, что это бесчис-

ленное множество силъ небесныхъ приближается къ землѣ. И уже вполне убѣдился, что это Второе Христово пришествіе“».

Господь далъ понять своему вѣрному рабу, что надъ его Родиной надвигается большая опасность. Отецъ Владиміръ очень переживалъ за судьбу Россіи. Всю жизнь, не переставая, онъ поминалъ въ своихъ молитвахъ императорскую семью, а особенно Царя-Освободителя Александра II, къ которому испытывалъ чувство безграничной благодарности, такъ какъ считалъ, что именно благодаря его дѣйствіямъ онъ — потомокъ крѣпостныхъ крестьянъ — смогъ получить образованіе и возможность свободно распоряжаться своей жизнью.

Преставился отецъ Владиміръ 10 декабря 1918 года.

## Схимонахъ Владиславъ (Поповъ)

Схимонахъ Владиславъ (въ міру Василій Николаевичъ Поповъ) родился въ 1849 году въ семьѣ мѣщанъ Николая и Дарьи Поповыхъ въ городѣ Жиздра Калужской губерніи. Василій получилъ хорошее образованіе. Учился вначалѣ въ гимназіи въ Калугѣ, послѣ чего закончилъ Московскій Императорскій университетъ. Работалъ въ Москвѣ въ издательствѣ И. Ефимова, гдѣ ему поручили редактированіе книгъ, издаваемыхъ Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ. Это и стало рѣшающимъ моментомъ въ дальнѣйшей судьбѣ Василія.

Очень много общаясь съ монахами московскаго подворья Руссика, онъ проникся глубиной ихъ духовности и благочестія. Особенно повліялъ на его міросозерцаніе великій старецъ Арсеній (Мининъ), высокая духовная жизнь котораго приводила

въ восторгъ всѣхъ знавшихъ его. Послѣ долгихъ размышленій Василій рѣшается полностью посвятить свою жизнь Богу, тѣмъ болѣе что онъ не былъ обремененъ семейными узами.

Въ 1881 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Здѣсь онъ пребывалъ всего четыре года, выполняя послушаніе въ книжной лавкѣ монастыря. 12 февраля 1885 года его постригли въ мантию, и старцы благословили ѣхать обратно, поручивъ ему возглавить издательское дѣло монастыря въ Москвѣ. Онъ энергично принялся за работу и почти 30 лѣтъ неизмѣнно съ огромнымъ успѣхомъ велъ издательскія дѣла обители. Имъ было составлено и отредактировано безчисленное количество книгъ. Онъ тѣсно сотрудничалъ съ отвѣтственнымъ за издательское



дѣло обители отцомъ Владиміромъ (Колесниковымъ) и съ бібліотекаремъ отцомъ Матѳіемъ (Ольшанскимъ), съ которымъ имѣлъ постоянную переписку<sup>284</sup>. Ни одного своего дѣла онъ не начиналъ безъ совѣта со старцами, о чемъ свидѣлствуютъ тысячи писемъ, присланныхъ имъ въ обитель на имя игуменовъ Макарія, Андрея и Мисаила<sup>285</sup>. Изучая эти письма, можно детально возстановить исторію издательскаго дѣла монастыря.

Послѣ тридцати лѣтъ разлуки Богъ сподобилъ его вернуться въ свою родную обитель. Это было воистину промысленіе Божіе, такъ какъ онъ прибылъ на Аѳонъ лѣтомъ 1914 года, а уже черезъ мѣсяцъ началась Первая міровая война, и всякое сообщеніе съ Россіей полностью прекратилось. Отецъ Владиславъ еще три года послужилъ обители, выполняя послушанія ризничего и казначея. 24 февраля 1917 года его постригли въ схиму.

Несмотря на внѣшнюю активность, отецъ Владиславъ постоянно былъ занятъ устройеніемъ своего внутренняго мира. Интеллектуальный трудъ никакъ не мѣшалъ ему поддерживать постоянное молитвенное настроеніе духа. Наученный еще на Аѳонѣ

<sup>284</sup> АРПМА. Док. № 1519.

<sup>285</sup> АРПМА. Док. № 669, 670.



старцами Иеронимомъ и Макариемъ постоянно внутреннему бдѣнію, онъ старался отсѣкать отъ себя любой помысль — и добрый, и злой, занималъ свой умъ только размышленіемъ о Господѣ, часто анализируя слова изъ Священнаго Писанія. Онъ выбиралъ опредѣленную тему и, разыскивая по этой темѣ соотвѣтствующія фразы и изреченія изъ Священнаго Писанія, съ начала до конца прочитывалъ его. И такъ продѣлывалъ онъ это неисчисли- мое количество разъ. И если при первыхъ

чтеніяхъ у него появлялось много вопросовъ и недоумѣній, то постепенно Слово Божіе стало для него близкимъ, живымъ источникомъ истины. Со временемъ всѣ его помыслы вошли въ русло евангельскаго ученія, и это приносило ему неописуемую духовную радость.

Не оставлялъ отецъ Владиславъ и внѣшняго дѣланія. За все время своего пребывания на подворьѣ въ Москвѣ онъ ни разу не пропустилъ богослуженія, хотя, сославшись на свою занятость, могъ бы это дѣлать свободно. Онъ никогда не выходилъ за ворота подворья, хоть и имѣлъ множество связей и знакомствъ съ видными людьми въ городѣ. Онъ общался со всѣми авторами, редакторами, финансистами и издателями исключительно по почтѣ или съ помощью курьеровъ.

Послѣ прибытія на Аѳонъ подвижническая жизнь стала главной цѣлью отца Владислава. Теперь, освободившись отъ многочисленныхъ заботъ издательскаго дѣла, онъ полностью сконцентрировался на дѣлѣ собственнаго усовершенствованія. Братія обители очень полюбила простаго и смиреннаго старца. Читая изданныя монастыремъ книги, они ощущали въ нихъ частицу души отца Владислава, вложенную въ эти книги имъ, и съ благодарностью молились о немъ.

Преставился отецъ Владиславъ 31 іюля 1918 года. Вотъ что записалъ въ своемъ дневникѣ въ день его смерти его другъ и сотрудникъ по издательскому дѣлу отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Хорошо пожилъ и хорошо окончилъ жизнь, во все время жизни велъ себя по-монашески степенно, воздержанно, не любилъ говорить лишнее, а болѣе молчалъ и исполнялъ все въ точности. Очень ревностно ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ»<sup>286</sup>.

<sup>286</sup> АРПМА. Док. № 4067. С. 93.

## Иеромонахъ Иларій (Сапожниковъ)

Иеромонахъ Иларій (въ міру Іоакимъ Ивановичъ Сапожниковъ) родился въ 1840 году въ городѣ Твери въ семьѣ зажиточнаго купца. Его мать звали Александрой. До 14-лѣтняго возраста Іоакимъ проводилъ между своими родными совершенно обычную жизнь, былъ тихаго нрава и любилъ уединеніе.

Къ монашеской жизни его побудилъ слѣдующій случай. Однажды ночью, когда всѣ спали, онъ почему-то не могъ уснуть. Лежа между своими братьями и сестрой, смотрѣлъ на стѣну, которая была оштукатурена. Черезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ, будто на эту стѣну спускаются какія-то тѣни, и мало-помалу на ней начала проявляться картина Страшнаго Суда Божія такъ ясно, какъ она пишется на иконахъ. Долго онъ смотрѣлъ и ужасался, видя праведныхъ во славу Божіей и грѣшныхъ, идущихъ въ озеро огненное. Затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ вдругъ изъ этого озера вышло чудовище наподобіе быка... Это видѣніе заставило испугавшагося мальчика укрыться съ головой одѣяломъ.

Долго еще онъ находился подъ впечатлѣніемъ отъ увидѣннаго. Благодаря этому событію юный Іоакимъ сталъ болѣе предрасположенъ къ благочестивой жизни. Онъ сталъ удаляться дѣтскихъ игръ и захотѣлъ поближе познакомиться съ монашествующими.

Впослѣдствіи, когда Іоакимъ подросъ, то встрѣтился съ однимъ сборщикомъ Руссика, человѣкомъ благочестивымъ, подвижникомъ, у котораго отъ поклоновъ на лбу даже образовалась шишка. Его бесѣды, очень простыя, располагали юношу къ благочестію, а при чтеніи книги «Письма Святогорца» его поразило, съ какимъ самоотверженіемъ живутъ на Святой Горѣ монахи. Болѣе же всего его поразило то, какъ долго продолжаютъ тамъ бдѣнія и другія церковныя службы.



Все это восхищало его и одновременно останавливало отъ принятія рѣшенія немедленно идти на Аѳонъ. Но однажды онъ, лежа въ своей комнатѣ, сталъ разсуждать о томъ, съ какимъ большимъ трудомъ сопряжено наше спасеніе. Въ это время онъ увидѣлъ, какъ дверь его комнаты потихоньку отворилась и входитъ человѣкъ. Лицо его сіяло особенной Божественной благодатью. Подойдя къ нему, явившійся присѣлъ на кровать, и вдругъ на его рукѣ очутился самъ Іоакимъ, но въ маленькомъ видѣ, а лежащее его тѣло осталось какъ бы бездушнымъ. На рукѣ Ангела Іоакимъ ощущалъ себя не тѣмъ плотскимъ человѣкомъ, которымъ былъ въ жизни, а какимъ-то воздушнымъ, хотя имѣлъ подобіе человѣка. Ангель, держа его на рукахъ, обращался какъ бы къ душѣ его и говорилъ: «Видишь этотъ лежащій трупъ, который не можетъ сдѣлать никакого движенія. Безсмысленно о немъ заботиться. Онъ долженъ остаться такимъ, какимъ ты видишь, — безъ души и безъ движенія, и стоитъ ли жалости онъ. Ты боишься утрудить тѣло, но оно тлѣнно и разсыплется, а ты вѣчна».

Еще много было сказано и другихъ словъ, которыхъ Іоакимъ не запомнилъ. По окончаніи этой бесѣды Ангель опять приклонился къ трупу и сдѣлался невидимымъ. Послѣ этого видѣнія Іоакимъ пошелъ въ церковь, отстоялъ утреню и Литургію, молился съ необыкновеннымъ усердіемъ и принялъ при этомъ рѣшеніе отправиться на Аѳонъ съ вышеозначеннымъ сборщикомъ. Что и было исполнено<sup>287</sup>.

Въ 1862 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. 6 марта 1864 года Іоакимъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Иларій. У него съ дѣтства была склонность къ рисованію, и, узнавъ объ этомъ, старецъ Іеронимъ далъ ему послушаніе въ иконописной мастерской подъ руководствомъ отца Василія (Селезнева), гдѣ отецъ Иларій вскорѣ обучился искусству иконописи. 26 сентября 1871 года его рукоположили въ іеродиакона, а 21 ноября 1875 года — въ іеромонаха.

Отецъ Иларій былъ настоящимъ послушникомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Вотъ какъ характеризуетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Какъ давній искренній ученикъ покойныхъ знаменитыхъ старцевъ (Іеронима и Макарія), онъ былъ истинно монашескаго молитвеннаго духа, боялся всякаго грѣха или обиды на кого либо, всегда старался быть въ мирномъ настроеніи. Всю жизнь служилъ почти ежедневно. Характера очень простаго, добраго. Любилъ бесѣды съ подвижниками»<sup>288</sup>. Его всѣ любили за любвеобиліе и доброту.

Съ 1902 по 1910 годъ онъ былъ настоятелемъ на Старомъ Русикѣ, а потомъ старцемъ на келліи Почаевской\* иконы Божіей Матери. Отецъ Иларій сподобился многихъ видѣній, особенно Божіей Матери, многіе изъ нихъ описаны<sup>289</sup>. Такъ, когда въ 1863 году на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы во время вечерни отецъ Иларій

---

<sup>287</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 528–530.

<sup>288</sup> АРПМА. Док. № 331. С. 320.

<sup>289</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 530–539.

въ числѣ 24 служащихъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ совершалъ входъ, а на хорахъ закончили стихиру и начали пѣть: «Свѣте тихій», то онъ вдругъ увидѣлъ, что передъ Царскими Вратами опускается облако необыкновенной красоты. Опускаясь ниже и ниже, оно вошло внутрь алтаря, и отецъ Иларій понялъ, что это сходитъ Царица Небесная. Онъ тутъ же залился слезами, чувствуя въ своей душѣ необыкновенный духовный восторгъ. Когда пораженный этимъ видѣніемъ, онъ вновь поднялъ свои глаза, то уже ничего не увидѣлъ.

Однажды онъ, стоя на клиросѣ, усердно держалъ Иисусову молитву. Отъ умиленія онъ началъ ощущать дѣйствіе ея отъ ума въ сердцѣ. Свѣтъ, исходящій какъ бы изъ прозрачныхъ облаковъ, осѣнилъ лицо, что привело его въ неопиcуемый восторгъ. Но онъ, будучи еще неопытнымъ въ этомъ дѣлѣ, испугался этого дѣйствія.

Однажды, въ день святаго Іоанна Богослова, передъ которымъ отецъ Иларій испыталъ чрезвычайныя скорби, когда онъ молитвенно обратился къ проповѣднику любви, вдругъ во время этой молитвы онъ видѣлъ, что Іоаннъ Богословъ въ томъ видѣ, какъ пишется на иконахъ, подошелъ къ нему, препоясалъ его ораремъ, сказавъ ему нѣсколько разъ: «Терпи, терпи, терпи».

Въ другой разъ, когда въ день святителя Митрофана Литургію въ его храмѣ совершалъ архіепископъ Пантелеимонъ (Янинскій), который послѣ проживалъ въ Симонопетровскомъ монастырѣ, гдѣ и принялъ схиму съ именемъ Симона, во время хиротоніи одного келіота въ іеромонаха, при словахъ архіерея надъ приклонившимъ колѣни посвящаемымъ: «Божественная благодать...» — вдругъ отецъ Иларій увидѣлъ, что кровля церкви открылась и съ высоты небесъ снисходитъ Духъ Святой. Увидѣлъ онъ также все небесное воинство, лики Ангеловъ, многихъ святыхъ, которые также сходили въ алтарь къ священнодѣйствующему.

«7 мая 1878 года было у меня страшное и ужасное сонное видѣніе, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ отецъ Иларій, — но что сіе предзнаменовало? Я не знаю! Богъ знаетъ! Думаю, что видѣніе было ради моего нерадѣнія, въ лѣности и безстрастіи жизнь свою провождающему, чтобы хотя малость приду въ страхъ Божій и попекусь о загробной моей жизни. Былъ день субботній, и я, придя послѣ Литургіи въ келью свою, утомившійся по немощи своей, хотѣлъ немного отдохнуть. Вдругъ представилось мнѣ: что я нахожусь въ монастырѣ своемъ и вижу собраніе народа, не только братіи, но и извнѣ пришедшихъ келіотовъ и прочихъ. И я будто нахожусь на архондарикѣ греческаго корпуса, гдѣ расположена келья покойнаго геронды. Съ этого архондарика была видна вершина Аѳонской Горы и пространство моря съ его отдаленными островами. И кто-то былъ со мной... Но вдругъ я былъ пораженъ страшнымъ и свѣтозарнымъ величественнымъ видѣніемъ, исходящимъ съ неизмѣримой высоты востока. Великое свѣтозарное продолговатое облако сходило на середину Святой Аѳонской Горы, т. е. къ ея монастырямъ. День былъ сумрачный, солнце покрыто облаками. И какъ только это великое

свѣтозарное облако спустилось ниже по горизонту, то я вижу, что на немъ стоитъ Преблагословенная Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія, Царица Неба и земли, съ распростертыми руками держащая свѣтлый омофоръ. По обѣимъ сторонамъ Ея множество ангеловъ. Она была въ такомъ видѣ, какъ пишется на иконѣ Покрова. Верхнее Ея одѣяніе было краснымъ, нижнее — голубымъ. Глаза Ея съ молитвой были устремлены вверхъ. Вся Она была окружена небеснымъ свѣтомъ.

Видя это молитвенное Ея сошествіе, я былъ твердо увѣренъ, что Она — Преблагословенная, снизошла ради насъ. Не имѣя возможности долго зрѣть это величіе и для удостовѣренія въ дѣйствительности его, въ великомъ трепетѣ, слезахъ и радости я скоро вышелъ на площадь около собора св. Пантелеимона для сообщенія и прочимъ находящимся тамъ о томъ ужасномъ видѣніи. Но когда я оказался на площади, то обнаружилъ, что они тоже созерцаютъ это видѣніе, со слезами, ужасаясь, падаютъ лицомъ на землю. Тогда я немедленно возвратился опять на архондарикъ, чтобы вновь еще что нибудь узрѣть. Но уже увидѣлъ только свѣтъ, исходящій отъ середины мѣстности всей Аѳонской Горы.

Я продолжалъ смотрѣть на него... Но вдругъ возсіялъ величайшій свѣтъ отъ юго-востока. Одесную Аѳона, надъ пространствомъ моря, я увидѣлъ страшнѣйшее и ужаснѣйшее видѣніе. Сошло величайшее лучезарное облако. Вмѣстѣ съ нимъ и прочія облака совокупно спускались, чуть не достигая моря. И это свѣтозарное облако лучами, исходящими отъ него, озарило всю поднебесную. Облако стало какъ бы огненнымъ. Видѣніе было настолько страшнымъ, что я не могъ ни кричать, ни бѣжать. Я почувствовалъ, что колѣни мои подкашиваются отъ великаго страха, ибо свѣтъ отъ этого облака былъ сильнѣе солнца, на которомъ былъ виденъ Господь съ распростертыми руками. Волосы на головѣ у Него были бѣлыми отъ исходившаго свѣта, борода бѣлая, большая, на концѣ немного раздвоенная. Одежда въ видѣ фелони, свѣтло-зеленая, а нижняя — сиреневая или голубая цвѣтомъ.

Величественное видѣніе это, казалось, находилось надъ пространствомъ моря противъ Ксиропотама. По правую сторону, высоко отъ него, а отъ нашего монастыря по лѣвую стоялъ великой величины Архангелъ, подобный изображаемому архангелу Гавріилу. Такъ какъ онъ самый высшій служитель Божіихъ Таинъ, то онъ былъ въ свѣтлой длинной бѣлой одеждѣ, крестовидно препоясанный златоблестящимъ поясомъ, съ неизреченной красоты лицомъ, преисполненный великой добротой. Крылья у него были изъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Онъ стоялъ неподвижно одесную Господа своего. А по лѣвую сторону отъ него виднѣлось множество небесныхъ ангеловъ. И подъ видѣніемъ Господа, а также въ свѣтоносномъ облакѣ, на которомъ Онъ стоялъ, были видны головки съ крылышками, какъ изображаются херувимы, которые какъ бы поддерживали это облако.

Внезапно какъ бы отъ моря явился страшный дьяволъ, древній змій и взошелъ на нижнее облако передъ Господомъ съ великимъ рабскимъ страхомъ и трепетомъ. Ро-

стомъ онъ былъ великъ, страшенъ видомъ, сторбленный, самъ весь черный и съ рогами на головѣ. Крылья имѣлъ нагія, безъ перьевъ, покрытыя какъ бы только черной кожей, какъ у летучей мыши. Онъ какъ бы что-то просилъ у Господа.

Потомъ взволновалось и вскипѣло все море. Отъ этого страшнаго и свѣтовиднаго видѣнія волны взыграли огневидными бликами. Вдали было видно нѣсколько кораблей, два или три, которые вспыхнули огнемъ. Монастырскія Святыя врата казались запертыми изнутри. Все это наводило неизъяснимый страхъ...

Съ трудомъ выскочилъ я во внутренній дворъ монастыря. Увидѣвъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ братьевъ, я едва могъ разговаривать съ ними. Не конецъ ли всѣму наступаетъ? И поспѣшилъ скорѣе въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, чтобы тамъ умереть. Въ это время я проснулся въ великомъ страхѣ, какъ бы все это со мной было наяву. Вижу, что нахожусь въ кельѣ своей, сердце бьется, а самъ въ великомъ ужасѣ.

Благодарю Господа Бога, что еще, по великой милости Своей, долготерпитъ нашимъ грѣхамъ! Я едва успокоился, потомъ пошелъ заниматься своимъ рукодѣліемъ, но страхъ и памятованіе объ этомъ все еще не оставляло меня даже и на бдѣніи наступающей ночи. Остается оно въ памяти до сихъ поръ.

Примѣчаніе: непременно долженъ замѣтить, что съ 12 апрѣля 1877 года была объявлена война Россіи съ Турціей, но благодатью Божіей и заступленіемъ Царицы Небесной мы остались цѣлы и невредимы»<sup>290</sup>.

Проживъ на Аѳонѣ безвыѣздно 56 лѣтъ, отецъ Иларій преставился ко Господу 24 января 1918 года, и, какъ старца Почаевской церкви, его похоронили за алтаремъ ея.

---

<sup>290</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 530–539.

## Схиіеродіаконъ Θεодосій (Никольскій)

Схиіеродіаконъ Θεодосій (въ міру Θεодоръ Васильевичъ Никольскій) родился 13 іюня 1841 года въ городѣ Тулѣ въ семьѣ мѣстнаго священника Василія Степановича и его супруги Екатерины Θεодоровны. Дѣтство онъ провелъ въ селѣ Рыхоткѣ Тульской губерніи. Учился въ Тульской духовной семинаріи въ философскомъ классѣ, но по болѣзни не смогъ закончить учебу.

Послѣ выздоровленія, взявъ благословеніе у родителей, поступилъ въ Почаевскую Успенскую Лавру, гдѣ принялъ монашество съ именемъ Θεοφάνη и былъ рукоположенъ. Проживъ въ Лаврѣ почти 25 лѣтъ, онъ рѣшается поѣхать на Аѳонъ и тамъ продолжить свою подвижническую дѣятельность.

Въ 1886 году отецъ Θεοφάνη прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ 15 сентября 1888 года былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Θεοδοσίη. Послушаніе онъ проходилъ на Старомъ Русикѣ, который отличался особо строгимъ уставомъ.

Отецъ Θεοδοσίη былъ безгранично радъ, что отецъ Макарій опредѣлилъ его именно туда, такъ какъ жаждалъ строгаго образа подвижничества, черезъ которое онъ надѣялся обрѣсти чистоту сердца и пріобрѣсти благочестіе. «Человѣкъ рождается въ мірѣ, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — чтобы жить по образу и по подобию Божію въ правдѣ и истинѣ Господа нашего Иисуса Христа, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія и жизни райской въ Царствіи Небесномъ съ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и избѣгнуть вѣчныхъ мученій въ аду, уготованномъ дьяволу и ангеламъ его, а также всѣмъ не покающимся грѣшникамъ, которые будутъ мучиться тамъ вѣчно!

Вѣчность и адъ не постижимы уму человѣческому при его жизни на землѣ, хотя Царство Небесное, по Евангелію, внутри насъ есть! Въ „Добротолубіи“, у святыхъ отцовъ Церкви Православной, мы читаемъ, что адъ выше всякой муки на землѣ. Вотъ почему и возродилась любовь нѣкоего богача въ аду къ своимъ роднымъ братьямъ, какъ видимъ изъ притчи Евангельской. А невѣріе въ Бога Трѣипостаснаго и во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь Христову есть уже хула на Духа Святаго, которая, по Евангелію, не простится ни въ суетной жизни на землѣ, ни въ будущей по смерти! Ибо Церковь Божія учитъ: будьте святы и совершенны, яко Святъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, даровавшій роду человѣческому побѣду надъ смертью Своимъ Животворящимъ Крестомъ. „...аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себѣ и възметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ“ (Мѡ. 16:24), „...іго бо мое благо, и брѣмя мое легко есть“ (Мѡ. 11:30).

И, дѣйствительно, всякій вѣрующій и стремящійся къ жизни благочестивой можетъ просто вѣрить, что крестная жизнь во имя Богочеловѣка Господа нашего Иисуса Христа достойна жизни вѣчной и уготовляемыхъ каждому подвижнику благочестія неизреченныхъ благъ по смерти, какъ видимъ мы, грѣшные, изъ житій святыхъ мужей и женъ, а равно многихъ во славу Божию и по заповѣдямъ Синайскимъ и Евангельскимъ въ любви къ Богу и ближнимъ нашимъ благочестиво жившихъ на землѣ православныхъ христіанъ. Всѣ святые мужи и жены, которые жили на землѣ, спасались и подвизались во благочестіи, пребываютъ въ Царствіи Небесномъ. Многіе изъ нихъ подвизались явно въ званіи монашескомъ, а нѣкоторые тайно, живя въ мірѣ. Но Всевѣдущій и Всемогущій Богъ и Промыслитель нашего спасенія, правосуднѣйшій Сердцевѣдецъ, на землѣ уже и наградилъ ихъ за святую благочестивую христіанскую жизнь, одаривъ ихъ своей благодатью, а по смерти Церковь наша прославила ихъ молитвами, пѣснями, канонами и причислила всѣхъ, жившихъ въ правдѣ и преподобіи истины Христовой, именно по образу Божию и по подобію, къ лику святыхъ за всѣ тѣ чудеса, которыми они ознаменовали жизнь свою во славу Божию съ любовью искренней къ Богу и всѣмъ ближнимъ, по Евангелію. Вотъ единственное назначеніе жизни человѣка — и для чего онъ сотворенъ по образу и по подобію Божию»<sup>288</sup>.

Судя по его дневниковымъ записямъ, имѣя такую грандіозную цѣль, отецъ Θεодосій искалъ все болѣе и болѣе тяжелыхъ формъ подвижничества, но здѣсь его подстерегалъ ищущій погибели человѣка врагъ. Лукавый искушалъ его тѣмъ, что гдѣ-то есть еще болѣе строгій уставъ и есть еще болѣе высокая духовность. И онъ попался на эту уловку дьявола. Онъ рѣшилъ перейти въ монастырь Есфигмень, который дѣйствительно славился своимъ строгимъ уставомъ.

И вотъ 14 января 1895 года онъ оставилъ Старый Руссикъ и поступилъ въ монастырь Есфигмень. Но многоопытный старецъ быстро понялъ, что попался въ дьявольскія сѣти и немедля вернулся въ Руссикъ. Павъ на колѣни передъ игуменомъ Андреемъ, просилъ прощенія и милости. Отецъ Андрей, конечно, простилъ его и опредѣлил на жительство на Новой Оивайдѣ, гдѣ въ покаяніи и молитвѣ отецъ Θεодосій провелъ оставшіеся дни своей жизни. Онъ все время находился въ затворѣ въ своей кельѣ и полностью посвящалъ себя молитвѣ. Свои переживанія и мысли онъ постоянно записывалъ. Эти записки хранятся въ архивѣ монастыря и представляютъ неоцѣнимое свидѣтельство конкретнаго неповторимаго духовнаго опыта<sup>289</sup>. Переписывался отецъ Θεодосій и съ игуменами Андреемъ и Мисаиломъ<sup>290</sup>.

Только однажды онъ покинулъ свою келью. Въ 1902 году по благословенію игумена отецъ Θεодосій поѣхалъ въ Іерусалимъ поклониться христіанскимъ святынямъ. Вотъ что онъ писалъ оттуда игумену Андрею: «Въ аскетическомъ отношеніи въ этой поѣздкѣ

<sup>288</sup> АРПМА. Док. № 494. С. 7–13.

<sup>289</sup> АРПМА. Док.: № 494, 497.

<sup>290</sup> АРПМА. Док.: № 1318, 1501.

я потерпѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ немалый ущербъ, что стало очевиднымъ при сравненіи правилъ иноческаго житія Аѳонскаго и внѣ его во время путешествія и плаванія. Но, думаю, это случилось не безъ промысла Божія, чтобы я смогъ сравнить это съ жизнью на каливѣ Ѡивайдской. Теперь я точно знаю, что много еще мнѣ надо потрудиться, чтобы пріобрѣсти совершенство и добродѣтели. Оказалось на опытѣ, что я еще и не приступилъ къ нимъ близко. А потому очень сожалею, что пришлось прервать свои келейные Ѡивайдскіе подвиги, и стараюсь всячески вернуться на Аѳонъ»<sup>291</sup>. Послѣ этого путешествія онъ больше никогда не покидалъ свою каливу на Ѡивайдѣ и многими подвигами пробилъ себѣ дорогу, ведущую въ Царствіе Небесное.

Только послѣ 20-лѣтняго затвора изъ-за тяжелой болѣзни онъ оставилъ свою каливу и переѣхалъ въ монастырскую больницу, гдѣ, недолго проболѣвъ, 28 октября 1918 года преставился ко Господу.

## Иеросхимонахъ Вероникъ (Каменскій)

Иеросхимонахъ Вероникъ (въ міру Василій Григорьевичъ Каменскій) родился 30 іюля 1846 года въ городѣ Тулѣ. Онъ былъ сыномъ дьячка Григорія и супруги его Анны — очень набожныхъ и благочестивыхъ людей. Сына они воспитывали въ страхѣ Божіемъ. А потому Василій съ дѣтства соединилъ свою судьбу съ Церковью. Несмотря на то что онъ былъ ученикомъ Тульской духовной семинаріи, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ священникомъ Василій не сталъ, но мысль стать монахомъ не покидала его никогда.

Въ іюнѣ 1872 года двадцатилѣтній Василій прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ старцы дали ему послушаніе въ трапезной и пѣвчимъ на клиросѣ. 5 января 1875 года Василю постригли въ мантию съ именемъ Вероникъ, а 28 марта 1881 года въ схиму съ тѣмъ же именемъ.

Старцы видѣли его большую любовь къ богослуженію и рвеніе въ исполненіи монашескаго правила, поэтому 26 іюля 1883 года его рукоположили въ іеродіакона, а черезъ мѣсяць, 30 іюля, въ іеромонаха. Въ это время формировались подворья въ Москвѣ и Санктъ-Петербургѣ, гдѣ была большая нужда въ челоѣкѣ, разбиравшемся въ уставѣ богослуженія. Поэтому отца Вероника благословили ѣхать туда. Здѣсь онъ провелъ почти два года, но связь со своимъ духовнымъ отцомъ игуменомъ Макаріемъ не прерывалъ.

Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ письмѣ къ нему: «Живу я по-прежнему плохо. Да Вы и сами изволите знать, если я и на св. Аѳонѣ не по-монашески жилъ, то что

---

<sup>291</sup> АРПМА. Док. № 1318. С. 1–3.

же въ міръ мятежномъ? Постоянно грѣшная душа моя угнетается многоразличными искушеніями и страстями. Прошу Васъ, Господа ради, батюшка, помолитесь за грѣшнаго Вероника, чтобы помиловалъ милосердный Господь. Я и прежде былъ увѣренъ, несомнѣнно, въ Вашихъ молитвахъ за меня, но вопіющая моя духовная нужда заставляетъ меня беспокоить Васъ и до смерти моей. Ибо я всю жизнь нуждаюсь въ святоотеческихъ Вашихъ молитвахъ и буду нуждаться и по смерти. О немощахъ моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ я Вамъ писалъ, и Вы мнѣ простили во всемъ. Это сдѣлала ваша отеческая любовь. Но я самую малость покусился открыть гноя изъ своего змѣинаго гнѣзда. Я нѣсколько упомянулъ о страстяхъ своихъ, но еще въ душѣ ихъ у меня цѣлое море, и Вы въ этомъ не сомнѣвайтесь. Петръ Дамаскинъ насчитываетъ такихъ страстей около трехсотъ, и какъ послѣ этого не просить Васъ и всю братію за себя помолиться»<sup>292</sup>.

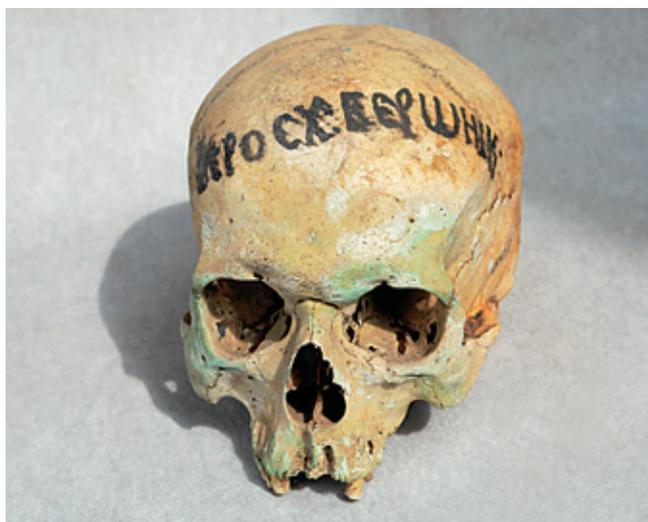


Такое глубокое съ сокрушеніемъ покаяніе было свойственно отцу Вероникѣ всю жизнь, даже когда онъ былъ уже духовникомъ другихъ монаховъ. За это милостивый Господь утѣшилъ его многими добродѣтелями, особенно непрестаннымъ плачемъ. Онъ плакалъ по любой причинѣ, даже когда кто-то жаловался ему на плохую погоду. Слезами онъ настолько очистилъ свое сердце, что оно было полностью заполнено любовью. Ему было свойственно абсолютное незлобіе и невозмутимость. Мирной душой и спокойствіемъ онъ возносилъ въ своемъ сердцѣ славу Богу. Воистину путь спасенія начинается покаяніемъ.

Въ 1886 году отца Вероника вернули на Аѳонъ и опредѣлили уставщикомъ на Старомъ Руссикѣ, гдѣ онъ жилъ въ непрерывныхъ подвигахъ поста и молитвы.

Въ 1901 году отца Вероника назначили духовникомъ обители — помощникомъ отца Агаѳодора (Буданова). 18 лѣтъ онъ несъ это труднѣйшее послушаніе и выполнялъ его

<sup>292</sup> АРПМА. Док. № 634. С. 8–10.



безукоризненно. Братія очень любила вѣчно плачущаго старца и безъ стѣсненія открывала ему свою душу. Каяться предъ тѣмъ, кто самъ являлся образцомъ покаянія, было всѣмъ очень легко, и всѣ къ нему тянулись. Онъ не только принималъ покаянные исповѣди и напутствовалъ своихъ чадъ, но съ любовью записывалъ всѣ ихъ необычные видѣнія и сны<sup>293</sup>. Онъ всѣхъ просилъ только объ одномъ — любить другъ друга. Одновременно онъ былъ снисходителемъ и къ немощи человѣческой.

«Господь, говоря намъ въ Евангеліи о любви, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — сказалъ: „...болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя“ (Ин. 15:12–13). Если такую любовь Господь называлъ образцомъ и совершенствомъ всякой прочей духовной любви, или, точнѣе, основаніемъ всего духовнаго закона Божія, то что я долженъ сказать о себѣ, немощнѣйшемъ и худѣйшемъ? Ибо и верховный апостоль Петръ, когда сидѣлъ съ Господомъ за трапезой на вечери, смотрѣлъ на своего учителя и Господа, то не могъ и допустить въ душѣ той мысли, что онъ откажется отъ него трижды. Такова немощь человѣка»<sup>294</sup>.

Творя постоянно дѣла любви и требуя отъ другихъ того же, отецъ Вероникъ никогда не осуждалъ людей за ихъ немощи.

Преставился отецъ Вероникъ 4 декабря 1919 года.

## Иеросхимонахъ Анастасій (Модзалевскій)

Иеросхимонахъ Анастасій (въ міру Александръ Николаевичъ Модзалевскій) родился въ 1850 году въ дворянской семьѣ въ Гдовскомъ уѣздѣ Санкт-Петербургской губерніи. Его мать звали Ольгой. Мы ничего не знаемъ о его жизни до поступления въ монастырь, кромѣ того, что онъ получилъ университетское образование и занимался педагогической дѣятельностью. Въ 35-лѣтнемъ возрастѣ онъ решаетъ оставить міръ и полностью посвятить свою жизнь служенію Богу.

Въ 1885 году Александръ Николаевичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ въ слѣдующемъ году 6 августа его постригли

<sup>293</sup> АРПМА. Док. № 518.

<sup>294</sup> АРПМА. Док. № 634. С. 20–21.

въ рясофоръ съ именемъ Анастасій, а 19 марта 1887 года въ мантію. Послушаніе онъ проходилъ въ канцеляріи синодиковъ, гдѣ велась интенсивная переписка съ жертвователями и благотворителями монастыря. 8 ноября 1890 года его рукоположили въ іеродіакона, а 14 апрѣля 1896 года въ іеромонаха.

Все это время онъ подъ руководствомъ старцевъ черезъ покаяніе и смиреніе пытался достигъ очищенія своей души. Иисусова молитва была его основнымъ оружіемъ для совершенствованія своей души. Такъ въ подвигахъ и смиреніи прошло 15 лѣтъ. Отецъ Анастасій сталъ свѣрять свой прежній педагогическій опытъ съ новымъ опытомъ духовной жизни и обнаружилъ между ними огромную пропасть. Онъ увидѣлъ много грубыхъ ошибокъ мірскаго воспитанія: «Причинъ, ошибокъ, конечно, можетъ быть много, — заключилъ онъ послѣ долгихъ раздумій, — но главнѣйшая изъ нихъ, по моему наблюденію и заключенію, есть недостатокъ, а иногда и полное отсутствіе духовно-нравственнаго и религіознаго воспитанія. Родители такихъ дѣтей, прилагая старанія о ихъ внѣшнемъ воспитаніи, всю надежду возлагаютъ только на одни учебныя руководства и учителей, но забываютъ самое главное: обратиться за помощью къ Господу, который сказалъ: „...безъ менѣ не можете творити ничесѣже“ (Ин. 15:5). Забываютъ, что судьба, благополучіе, счастье и несчастье — все зависитъ отъ Него Единого. Забываютъ повелѣніе Господа: пустить дѣтей приходить къ нему (Мк. 10:14), чтобы у Него — Источника всѣхъ благъ почерпнуть благодать „во благовременну поможь“ (Евр. 4:16) на пути жизни»<sup>295</sup>.

Придя къ такому заключенію, отецъ Анастасій рѣшилъ по благословенію игумена Андрея написать книгу, которая была издана монастыремъ въ 1902 году подъ названіемъ: «Духовно-нравственная педагогика, или совѣты родителямъ и наставникамъ, какъ воспитывать въ дѣтяхъ нравственность и благочестіе». Въ этой книгѣ отецъ Анастасій подѣлился съ читателями нѣкоторыми своими наблюденіями.

Увлеченныя научными достиженіями и быстрымъ прогрессомъ цивилизаціи, люди стали гнаться исключительно за знаніями, но количество знаній не можетъ сдѣлать человека счастливымъ. Для этого нужно, чтобы онъ умѣлъ любить искренне и преданно. Но любить невозможно безъ вѣры въ Бога, безъ внутренняго очищенія и безъ постоянного совершенствованія. Поэтому, чтобы быть счастливымъ, человечеству наряду со знаніями нужна живая вѣра въ Бога. Такую вѣру нужно воспитывать съ младенческихъ лѣтъ.

Невѣрующій человекъ, какимъ бы онъ ни былъ высокообразованнымъ и какой бы самой высокой моралью ни обладалъ, любить прежде всего себя. А такая эгоистическая любовь не приноситъ истиннаго счастья. Только самоотверженная, христіанская любовь, которая сильна вѣрующему человеку, является гарантомъ его счастья. Роль родителей въ дѣлѣ зарожденія сѣмени вѣры въ ребенкѣ громадна.

<sup>295</sup> Анастасій (Модзалевскій), іеросхимонахъ. Духовно-нравственная педагогика, или совѣты родителямъ и наставникамъ, какъ воспитывать въ дѣтяхъ нравственность и благочестіе. М., 1902. С. 4.



Отецъ Анастасій съ такими словами обращается ко всѣмъ разумнымъ родителямъ: «Великии святы ваши обязанности. Высоко ваше положеніе въ мірѣ. Чадо ваше есть благословеніе Божіе. Велика ваша отрада видѣть рождающіяся и возрастающія ваши чада, но велика и забота ваша о нихъ, велики труды въ ихъ воспитаніи и добромъ направленіи. Если вы вырастите дѣтей вашихъ крѣпкими и здоровыми, то это еще не будетъ достаточно. Если они будутъ хорошо умственно развиты, хорошо образованны, то и это еще не все. Нужно, чтобы дѣти выросли съ добрыми душевными качествами, чтобы у нихъ было развито чувство совѣсти, милосердіе, кротость и любовь — тѣ качества, которыя необходимы для каждаго человѣка въ достиженіи цѣли бытія.

Ваша отрада въ дѣтяхъ. Польза и благосостояніе общества, государства и личное счастье самихъ дѣтей вашихъ зависятъ исключительно отъ хорошаго и полного ихъ воспитанія, а увлекаться въ этомъ серьез-

номъ дѣлѣ новомодными обычаями міра, эгоистично преслѣдующаго только временное и притомъ призрачное счастье, въ достиженіи котораго не щадится ни совѣсть, ни честь, ни нравственность, — болѣе чѣмъ бессмысленно. Ибо какая польза родителямъ и чадамъ ихъ, если послѣднія при хорошемъ внѣшнемъ образованіи, при тѣлесномъ и умственномъ развитіи миръ весь приобрѣтутъ, а души свои погубятъ? (Мѡ. 16:26)»<sup>296</sup>.

Разсматривая разные способы духовно-нравственнаго воспитанія дѣтей, отецъ Анастасій выдѣляетъ два главныхъ изъ нихъ: личный примѣръ благочестивой жизни родителей и молитву родителей за чада своихъ. Безъ личнаго примѣра благочестія всѣ педагогическія усилія тщетны. Ребенокъ — пристальный наблюдатель, и его невозможно обмануть. Если онъ почувствуетъ и увидитъ разницу между тѣмъ, къ чѣму родители его призываютъ, и тѣмъ, какъ они сами себя ведутъ, то бессмысленны всѣ усилія

<sup>296</sup> Тамъ же. С. 8–10.

послѣднихъ. Благочестіе словами украшается, но основа его личный примѣръ. Но и безъ молитвы также невозможно ничего достигъ, такъ какъ «отъ Господа стопы́ человѣку исправляются» (Пс. 36:23). Поэтому отецъ Анастасій призываетъ родителей: «Усилить свои старанія и заботы настолько, чтобы привлечь ими особенную милость Божию. Здѣсь-то и требуется подвигъ молитвы съ вѣрой и упованіемъ на помощь Божию».



«Знайте, — пишетъ отецъ Анастасій, — что какъ бы ни были хороши ваши учебныя руководства, которыми пользуются дѣти, какъ бы ни были искусны воспитатели вашихъ дѣтей, все это не принесетъ имъ того истиннаго счастья, къ которому должны стремиться христіане. Поэтому надо усердно просить Господа, дабы Онъ Самъ посѣялъ добрыя сѣмена въ сердцахъ винограда Христова»<sup>297</sup>.

Кромѣ этого труда отецъ Анастасій составилъ также свѣдѣнія о храмахъ обители, описалъ виды послушаній, отмѣтилъ особенности аѳонскихъ богослуженій, ввелъ четкую регистрацію суммъ, пожертвованныхъ на поминовенія и др.<sup>298</sup> Онъ же составилъ лѣтопись монастыря съ 1890 по 1916 годъ<sup>299</sup>, которая является прекраснымъ источникомъ для изученія исторіи обители этого періода.

Изъ личныхъ качествъ отца Анастасія особенно нужно отмѣтить его невѣроятную скромность. Представитель знаменитаго дворянскаго рода никакимъ образомъ не выдавалъ своего знатнаго происхожденія, а, наоборотъ, все время старался принизить себя предъ другими людьми. За это его всѣ любили и уважали.

5 декабря 1908 года отца Анастасія постригли въ схиму. Послѣ этого онъ сталъ еще болѣе закрытымъ въ себѣ. Всѣ свои помыслы онъ направлялъ къ Господу, и сердце его было наполнено лишь однимъ — непрестанной молитвой къ Богу.

Проживъ въ монастырѣ 35 лѣтъ, отецъ Анастасій въ 70-лѣтнемъ возрастѣ преставился передъ Господомъ 15 ноября 1920 года.

<sup>297</sup> Тамъ же. С. 11–12.

<sup>298</sup> АРПМА. Док. № 127.

<sup>299</sup> АРПМА. Док. № 121.

## Архимандритъ Иларіонъ (Кучинъ)

Архимандритъ Иларіонъ (въ міру Иванъ Петровичъ Кучинъ) родился въ 1842 году въ семьѣ мѣщанина города Кашира Тульской губерніи. Его мать звали Анастасіей. Учился онъ въ гимназіи города Тулы, послѣ окончанія которой работалъ въ канцеляріи одного изъ тульскихъ заводовъ. Но мірская жизнь не привлекала Ивана. Онъ желалъ болѣе высокаго и чистаго, чѣмъ ежедневный трудъ чиновника, житія. Иванъ зналъ, что это возможно только въ томъ случаѣ, если бы онъ смогъ отречься отъ самого себя, своего положенія въ обществѣ и посвятить свою жизнь Богу.

Въ 1868 году въ возрастѣ 26 лѣтъ онъ отправился на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Черезъ два года его постригли въ рясофоръ съ именемъ Иларіонъ, а въ 1871 году въ мантию. Первымъ его послушаніемъ было послушаніе архондаричнаго. Почти восемь лѣтъ онъ преданно служилъ и гостямъ, и братіи, проявляя авраамово гостепріимство. Старцы высоко цѣнили его духовный и умственный потенциалъ и готовили его для рѣшенія въ будущемъ болѣе серьезныхъ задачъ.

26 сентября 1876 года его рукоположили въ іеродіакона. Вскорѣ послѣ этого отца Иларіона отправили на подворье въ Константинополь, гдѣ нужны были умѣлые организаторы. Отецъ Иларіонъ отлично справился съ задачей. Онъ наладилъ систему приѣма и отправки на Аѳонъ паломниковъ изъ Россіи и Іерусалима, которая долго работала и послѣ него. Выполнивъ эту задачу, онъ вернулся вновь въ обитель, гдѣ старцы дали ему важнѣйшее послушаніе старшаго эконома. И здѣсь отецъ Иларіонъ проявилъ наилучшія свои качества — четкое планированіе работъ и педантичное отношеніе къ каждой детали, мелочи, что вызывало у старцевъ большое къ нему уваженіе. И когда игуменъ Новоаѳонскаго монастыря отецъ Іеронъ сталъ настойчиво просить помощи въ строительствѣ и организаціи монастыря, то они остановили свой выборъ на отцѣ Иларіонѣ.

Съ 1883 года онъ сталъ казначеемъ на Новомъ Аѳонѣ. Главной отличительной чертой отца Иларіона была не только предѣльно четкая исполнительность, но и предѣльно точная отчетность, которую онъ установилъ въ монастырѣ. Поражаетъ воображеніе также и его интересъ ко всѣмъ деталямъ и желаніе имѣть точное мнѣніе старцевъ объ этихъ деталяхъ. Письма его къ отцу Макарію являются подробнымъ описаніемъ всѣхъ процессовъ, происходящихъ въ новомъ монастырѣ<sup>300</sup>.

---

<sup>300</sup> АРПМА. Док.: № 700, 748, 779, 1114, 1198, 1208, 1246, 1348, 1511, 1760.

Отецъ Иларіонъ былъ активнымъ дѣятелемъ не только въ монастырѣ, но и внѣ его. Именно его усердіемъ было построено Ново-Аѳонское подворье въ Санктъ-Петербургѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ отецъ Никодимъ (Наумовъ): «Настолько хорошо построена церковь наша, настолько массивно, величественно и красиво, что даже вся Санктъ-Петербургская высшая публика (что называется, знаменитости) въ восторгѣ. Съ чувствомъ огромной духовной радости всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ ея освященія. Такъ что въ праздничные дни бываетъ масса посѣтителей, осматривающихъ церковь. Всѣ относятся сочувственно, съ величайшимъ благоговѣніемъ и радостью, но и не безъ удивленія смотрятъ на эту святую постройку, во всеуслышаніе говорятъ, что ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ нѣтъ и не было красивѣе этого собора. Одинъ совершенно неизвѣстный намъ, т. е. незнакомый, намъ полковникъ, служащій въ Санктъ-Петербургѣ, настолько былъ восхищенъ благолѣпіемъ храма нашего, что взялъ на себя трудъ, отыскалъ на постройкѣ строителя (отца Иларіона), благодарилъ и поцѣловалъ его. По постройкѣ и по всѣму хозяйству вездѣ хлопочетъ отецъ Иларіонъ, помощи ему Господи»<sup>301</sup>.



14 января 1897 года отецъ Иларіонъ бы избранъ намѣстникомъ игумена Симоно-Кананитскаго монастыря и утвержденъ въ этой должности указомъ Священнаго Синода. Въ этомъ качествѣ онъ продолжалъ самоотверженно служить братіи и приумножать матеріальное и духовное благо обители. За свои труды онъ заслужилъ всеобщую любовь, а особенно отцовскую любовь отца Іерона.

Чувствуя приближеніе своей кончины, отецъ Іеронъ назначилъ преемникомъ по управленію обителью ближайшаго своего помощника. Указывая на него, старецъ говорилъ братіи: «Этого великаго труженика оставляю своимъ замѣстителемъ, почитайте и уважайте его, онъ трудился больше меня. Я вспыльчивъ и иногда не могу сдержатъ себя: накричу на иного, укорю его, если знаю какую либо его вину. А вотъ

<sup>301</sup> АРПМА. Док. № 709. С. 1.

онъ, отецъ Иларіонъ, при своемъ великодушїи и терпѣнїи все дѣлалъ спокойно и могъ успокоить всякаго». «Васъ, владыка, — продолжалъ батюшка, обращаясь къ преосвященному епископу Сухумскому Андрею, — прошу назначить на мое мѣсто этого труженика, который и много потрудился, и обо всемъ умѣлъ подумать, и сдѣлать все, что требовалось для обители. Спаси его, Господи, за послушаніе»<sup>302</sup>. 11 іюня 1912 года отецъ Иларіонъ, согласно желанію отца Іерона, былъ утвержденъ настоятелемъ Ново-Аѳонскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита преосвященнымъ Андреемъ, епископомъ Сухумскимъ.

Современники почитали отца Иларіона какъ опытнаго старца и руководителя духовнаго, у котораго многимъ должно учиться. Профессоръ А. Бронзовъ писалъ: «Отецъ Іеронъ и отецъ Иларіонъ — нынѣшній новоаѳонскій игумень... стоятъ во главѣ цѣлой когорты руководителей, наставниковъ иноковъ. А святитель Тихонъ, Патріархъ Московскій, въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ протоіереемъ Георгіемъ Голубцовымъ назвалъ новоаѳонскаго игумена отца Иларіона „настоящимъ рабомъ Божиимъ“.

Архимандритъ Иларіонъ игуменствовалъ въ Ново-Аѳонской обители вплоть до закрытія ея въ 1924 году. Въ день закрытія монастыря онъ служилъ послѣднее всенощное бдѣніе и Божественную Литургію, послѣ чего его арестовали и на слѣдующій день увезли въ Сухуми. Вскорѣ отца Иларіона отпустили»<sup>303</sup>.

Преставился отецъ Иларіонъ 8 марта 1931 года въ Сухуми, будучи въ изгнанїи, въ поселкѣ на Маякѣ, въ домѣ одной русской женщины. Похороненъ онъ на Маякскомъ кладбищѣ города Сухуми.

## Іеросхимонахъ Андрей (Жековъ)

Іеросхимонахъ Андрей (въ міру Андрей Степановичъ Жековъ) родился въ 1865 году въ одномъ изъ селеній Одесскаго уѣзда Херсонской губерніи. Его мать звали Параскевой. Про его жизнь въ міру намъ ничего не извѣстно. Лишь можно предположить, что онъ получилъ приличное образованіе и съ раннихъ лѣтъ намѣревался стать монахомъ.

Въ 1888 году въ возрастѣ 23 лѣтъ Андрей Степановичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона, гдѣ былъ постриженъ въ рясофоръ

---

<sup>302</sup> Къ Свѣту. № 16. 1997. С. 103.

<sup>303</sup> Тамъ же. С. 103.

8 апрѣля 1889 года съ именемъ Андрей, а 6 іюня 1891 года въ мантию. Первое послушаніе онъ проходилъ на Дмитріевской\* келліи, гдѣ у монастыря былъ большой масличный садъ.

27 іюля 1897 года отца Андрея рукоположили въ іеродіакона и благословили ѣхать въ Россію помощникомъ отца Михаила (Савицкаго) на Чумбурѣ. Тамъ онъ провелъ почти два года. Съ 1899 по 1906 годъ по благословенію старцевъ обители онъ былъ посланъ въ Солунь въ распоряженіе Россійскаго генеральнаго консула, гдѣ принималъ активное участіе въ строительствѣ русской больницы Солуни.

Въ 1907 году онъ вернулся на Аѳонъ, и ему дали послушаніе еkkлeсiарха. 5 іюля 1908 года его рукоположили въ іеромонаха и отправили на Кассандру,\* въ метохъ обители, духовникомъ тамошняго братства. 26 сентября 1910 года отца Андрея постригли въ схиму.

Несмотря на свою внѣшнюю активную жизнь, отецъ Андрей былъ очень внутренне собраннымъ монахомъ. «Какъ челоѣкъ, — пишетъ о немъ отецъ Денасій (Юшковъ), — пользовался любовью братства за свой ласковый, общительный характеръ»<sup>304</sup>. За своей общительностью онъ скрывалъ полную сосредоточенность въ Богѣ. При любыхъ обстоятельствахъ творилъ Іисусову молитву. Нѣкоторые знавшіе о его внутренней непрестанной молитвѣ удивленно спрашивали его: почему онъ не бѣжитъ отъ людей и не посвятить себя только молитвѣ? Онъ имъ отвѣчалъ: «Я не могу бѣжать отъ тѣхъ, кого люблю, а молитву, я увѣренъ, мнѣ, грѣшному, милостивый Господь подарилъ именно за любовь къ людямъ».

5 августа 1917 года при пожарѣ сгорѣлъ верхній этажъ Солунскаго подворья Руссика съ церковью, и старцы послали отца Андрея возстановливать подворье, съ чѣмъ онъ



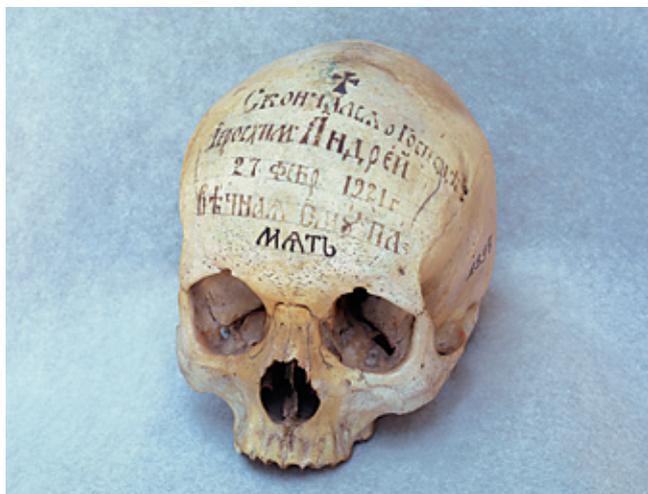
<sup>304</sup> АРПМА. Док. № 154. С. 69.

отлично справился. Все вскорѣ было отремонтировано, за что онъ былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ.

Въ это же время отецъ Андрей по благословенію игумена Мисаила сталъ вмѣстѣ съ отцомъ Симеономъ (Булатовымъ) и отцомъ Θεодоритомъ (Константиновымъ) активно сотрудничать съ русской второй особой пѣхотной дивизіей, которая участвовала въ боевыхъ дѣйствіяхъ на сторонѣ Антанты на Македонскомъ фронтѣ. Отецъ Андрей не только духовно окормлялъ русскихъ солдатъ, но въ качествѣ фельдшера и санитаря помогалъ раненымъ. Въ русской больницѣ города Солуни излѣчивали свои раны не только солдаты, воевавшіе противъ нѣмцевъ на Македонскомъ фронтѣ, но и впослѣдствіи раненые изъ Россіи, пострадавшіе въ братоубійственной гражданской войнѣ.

Страшные слухи съ Родины, которые приносили раненые и бѣженцы, сильно огорчали отца Андрея. «Дождемся ли мы еще свѣтлыхъ дней и когда? — пишетъ отецъ Андрей въ своемъ письмѣ отъ 25 февраля 1920 года къ игумену Мисаилу. — Надо надѣяться, что Господь смилуется надъ нашей многострадальной Родиной и мы дождемся свѣтлыхъ будущихъ дней, но пока Родина наша еще страдаетъ и не отъ добра бѣжитъ изъ нея народъ, будемъ надѣяться на милосердіе Божіе и твердо вѣрить, что Господь не оставитъ насъ»<sup>305</sup>.

Въ одной изъ бомбардировокъ нѣмецкими самолетами Солуни отецъ Андрей былъ раненъ въ ногу и три мѣсяца пролежалъ въ когда-то имъ самимъ построенной русской больницѣ.



7 марта 1918 года вмѣстѣ съ отцомъ Симеономъ (Булатовымъ) и отцомъ Θεодоритомъ (Константиновымъ) за усердное исполненіе своихъ обязанностей отецъ Андрей командиромъ дивизіи господиномъ Тарановскимъ былъ награжденъ орденомъ Святой Анны третьей степени.

Преставился отецъ Андрей въ Солуни 27 февраля 1921 года послѣ продолжительной чахотки.

<sup>305</sup> АРПМА. Док. № 946.

## Схимонахъ Викентій (Готовъ)

Схимонахъ Викентій (въ міру Василій Іосифовичъ Готовъ) родился въ 1850 году въ бѣдной крестьянской семьѣ въ слободѣ Ильинской Яранскаго уѣзда Вятской губерніи. Мать его звали Ѳеклой. Съ раннихъ лѣтъ Василій былъ постояннымъ посѣтителемъ сельской церкви. Она находилась рядомъ съ его домомъ, и онъ любилъ частенько туда заходить, особенно когда тамъ никого не было. Онъ становился тогда въ углу у иконы Божіей Матери и никакъ не могъ досыта насладиться таинственнымъ духомъ величаваго молчаливаго храма. Ему нравилось здѣсь все: и запахъ, и таинственный тусклый свѣтъ, и блескъ золота и серебра, и сіяніе лампадъ предъ иконами. Священникъ не только не мѣшалъ мальчику находиться въ храмѣ, а, наоборотъ, всѣми силами поощрялъ его рвеніе къ вѣрѣ. Онъ поручалъ ему разжигать кадило, поставить свѣчи, убрать въ алтарѣ. Мальчикъ съ радостью выполнялъ всѣ эти заданія. Единственной его дѣтской мечтой было стать священникомъ.



Но Божій Промыселъ распорядился по-другому. Когда онъ достигъ 12-лѣтняго возраста, то родители отдали его въ специальное училище, гдѣ готовили фельдшеровъ, надѣясь, что, приобрѣтя эту нужную профессію, онъ сможетъ хорошо обезпечить свою будущую жизнь. Мальчикъ сначала очень горевалъ, но его старшій другъ и наставникъ — священникъ утѣшилъ его словами: «Ты хотѣлъ стать врачомъ душъ человѣческихъ, а Богъ благословилъ стать врачомъ тѣлъ людей. Смирись, повинуйся родителямъ, и кто знаетъ, можетъ, милостивый Богъ и первое тебѣ позволить сдѣлать».

Василій смирился, пошелъ въ училище, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Профессія фельдшера ему дѣйствительно понравилась. Ему доставляло огромное удовольствіе помогать старшимъ при уходѣ за больными.

Послѣ четырехлѣтняго обученія Василія опредѣлили въ уѣздную больницу младшимъ фельдшеромъ. Онъ съ большимъ энтузіазмомъ приступилъ къ выполненію своихъ обязанностей, былъ всегда готовъ помогать больнымъ. И было бы все нормально, если бы его не оставляла мысль, желаніе постиженія того далекаго таинственнаго Божественнаго Духа, присутствіе котораго онъ такъ близко ощущалъ въ дѣтствѣ въ своемъ сельскомъ храмѣ. Онъ и здѣсь, въ Яранскѣ, неопустительно посѣщалъ Божій храмъ, въ чемъ находилъ огромное утѣшеніе.

Однажды во время богослуженія къ нему подошелъ одинъ монахъ и попросилъ помощи. У него на ногѣ открылась рана, и онъ нуждался въ перевязкѣ. Василій, конечно, немедленно согласился и, выйдя съ нимъ въ пристройку храма, открылъ свою сумочку, въ которой всегда носилъ при себѣ все необходимое, и приступилъ къ дѣлу. Монахъ заговорилъ съ нимъ, и оказалось, что онъ пріѣхалъ съ Аѳона для сбора пожертвованій. Въ концѣ бесѣды онъ добавилъ: «Намъ бы на Аѳонѣ такого, какъ ты, а то некому о насъ позаботиться». Эти слова глубоко запади въ сердце Василія, и онъ уже не могъ освободиться отъ мысли, что онъ нуженъ Аѳону, а Аѳонъ нуженъ ему. Эта мысль сыграла опредѣляющую роль въ устройствѣ его дальнѣйшей судьбы. Наконецъ имъ было принято однозначное рѣшеніе — онъ ѣдетъ на Святую Гору.

Въ 1869 году 19-лѣтній Василій прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Старцы дали ему послушаніе въ аптекѣ помощникомъ аптекаря и врача схимонаха Евлогія<sup>306</sup>, гдѣ онъ пробылъ до постриженія въ мантію въ 1873 году съ именемъ Викентій. Послѣ пострига старцы перевели его въ больницу обители фельдшеромъ. А послѣ смерти въ 1909 году отца Евлогія онъ самъ сталъ старшимъ врачомъ.

Отецъ Викентій пользовался огромной любовью и уваженіемъ братіи<sup>307</sup>. Онъ всегда былъ готовъ помочь любому. Ни днемъ, ни ночью, ни во время богослуженія или исполненія послушаній онъ никогда не отказывалъ никому изъ нихъ въ посильной помощи. И такъ продолжалось всѣ 52 года его безвыѣзднаго проживанія въ обители. Не только монастырская братія, но и монахи со всего Аѳона обращались къ нему за помощью. А если представить, что въ то время однихъ русскихъ монаховъ одновременно проживало на Аѳонѣ до пяти тысячъ и плюсъ еще до двухъ тысячъ рабочихъ и паломниковъ, то можно себѣ представить, какую огромную работу приходилось выполнять

---

<sup>306</sup> Схимонахъ Евлогій-грекъ изъ епархіи Драма (Турція) селенія Предторіана. Родился въ 1839 году. Поступилъ въ Русскіе въ 1861 году. Постриженъ въ схиму. Послушаніе проходилъ какъ докторъ, врачъ, медикъ и цѣлитель. Начальникъ аптеки. Преставился 30 марта 1909 года.

<sup>307</sup> АРПМА. Док. № 154. С. 71.

отцу Викентію. Несмотря на то что у него была большая группа помощниковъ, онъ все равно самъ обслуживалъ каждого потерпѣвшаго. Да и сами пострадавшіе не довѣряли себя никому, кромѣ отца Викентія. Они считали его чудотворцемъ и святымъ. Довѣріе къ отцу Викентію возрастало еще по той причинѣ, что онъ былъ настоящимъ подвижникомъ и дѣлателемъ Иисусовой молитвы. Больные чувствовали, что онъ въ своемъ врачебномъ дѣлѣ полагался не столько на свое мастерство лѣкаря, сколько на помощь милостиваго Бога. Онъ непрестанно молился за всѣхъ своихъ паціентовъ, и они видѣли въ его благообразномъ обликѣ сіяніе особаго внутренняго духа.



Преставился отецъ Викентій 19 октября 1921 года. На похоронахъ было очень много братіи, пришедшей отдать послѣдній долгъ усопшему. Благодарная братія эта собралась со всего Аѳона, чтобы проводить отца Викентія въ послѣдній путь.

## Схіархимандритъ Симеонъ (Булатовъ)

Схіархимандритъ Симеонъ (въ міру Димитрій Дмитріевичъ Булатовъ) родился въ 1856 году въ крестьянской семьѣ въ селеніи Спасское Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи. Его мать звали Александрой.

Въ 1887 году Димитрій Дмитріевичъ въ 21-лѣтнемъ возрастѣ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ 22 марта 1889 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Серафимъ. Первое послушаніе проходилъ въ монастырской лавкѣ.

Отецъ Серафимъ отличался невѣроятнымъ оптимизмомъ и активнымъ характеромъ. Для него не существовало невозможныхъ дѣлъ. Онъ любилъ говорить: «Съ Божіей помощью все возможемъ». И дѣйствительно, куда бы его ни послали, тамъ все какъ бы начиналось заново, оживало и кипѣло. При этомъ онъ далеку былъ отъ любаго самоволія и произвола. Всѣ свои дѣла онъ согласовывалъ съ игуменомъ и другими отвѣтственными лицами монастыря, чѣму является свидѣтельствомъ его переписка<sup>308</sup> съ наставниками обители.

<sup>308</sup> АРПМА. Док.: № 848, 936, 937, 939, 945, 952, 1426, 1518.



Старцы, видя его неутомимый характеръ, посылали отца Серафима туда, гдѣ что-то не получалось или больше никто не хотѣлъ туда идти. Братія любила жизне-радостнаго старца и сама загоралась энтузиазмомъ, видя его настойчивость въ осуществленіи задуманныхъ дѣлъ. При внѣшней активности онъ былъ большимъ подвижникомъ, всю жизнь держалъ почти непосильный постъ, никогда не вкушалъ скоромнаго. Къ концу жизни его тѣло имѣло только кожу да кости, но его неутомимый характеръ отъ этого ничуть не пострадалъ.

25 января 1897 года отца Серафима рукоположили въ іеродіакона и на короткое время отправили на Константинопольское подворье. 3 октября 1901 года его рукоположили въ іеромонаха и вскорѣ послѣ этого перевели въ Карею\* на кунакъ\*, гдѣ онъ служилъ въ церкви святаго Георгія. Съ 1907 года онъ сталъ настоятелемъ Солунскаго подворья. Съ 1911 года его благословили быть настоятелемъ на Новой Оивайдѣ. Съ 1916 года отецъ Серафимъ вновь сталъ настоятелемъ Солунскаго подворья.

Съ 6 февраля 1917 года по 1 декабря 1920 года по благословенію игумена Мисаила отецъ Серафимъ находился при русской арміи на Солунскомъ фронтѣ, гдѣ былъ главнымъ духовникомъ русской арміи и самъ выполнялъ всѣ требы. Онъ сопутствовалъ русскимъ солдатамъ на всѣхъ фронтахъ. Пропутешествовалъ съ ними даже въ Африку и всѣми силами укрѣплялъ и поддерживалъ измученныхъ долгой войной солдатъ. Можно сказать, что онъ былъ единственнымъ ихъ утѣшеніемъ. Солдаты, видя высочайшій патриотизмъ и безграничный оптимизмъ этого хилаго, тщедушнаго на видъ священника, и сами воспламенялись надеждой. 17 марта 1918 года за усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей отецъ Серафимъ вмѣстѣ съ отцомъ Андреемъ (Жековымъ) и отцомъ Θεодоритомъ (Константиновымъ) командиромъ второй особой пѣхотной дивизіи господиномъ Тарановскимъ въ Вѣреѣ (Греція) былъ награжденъ орденомъ Святой Анны третьей степени.

17 марта 1920 года за участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Македонскомъ фронтѣ и проявленное при этомъ мужество и любовь къ солдатамъ отецъ Серафимъ митрополитомъ

Платономъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ.

19 декабря 1920 года отецъ Серафимъ возвратился наконецъ въ родной Русикъ, но наслаждаться покоемъ и отдыхомъ ему не пришлось. Игуменомъ Мисаиломъ онъ былъ назначенъ настоятелемъ Константинопольскаго подворья. Это была самое сложное мѣсто служенія въ то время, такъ какъ существовала опасность экспроприаціи имущества подворья со стороны новаго турецкаго правительства. Кромѣ того, Константинополь былъ заполненъ бѣженцами изъ Россіи и нужно было окормлять ихъ духовно и какъ-то помогать матеріально. Для рѣшенія этой трудной задачи подходилъ только одинъ кандидатъ — отецъ Серафимъ.

Четыре года онъ прожилъ въ Константинополь, гдѣ въ 1923 году былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Симеонъ. Натруженное непрерывнымъ постомъ и многими испытаніями во время военныхъ походовъ тѣло отца Симеона было уже не въ силахъ сопротивляться болѣзнямъ. Къ концу 1923 года онъ сильно заболѣлъ. Свою завѣтную мечту — умереть на Аѳонѣ и положить свои кости въ Аѳонскую землю — онъ такъ и не смогъ исполнить, но зато его очищенная многими трудами на благо обители и людей душа спокойно переселилась въ Царствіе Небесное.

Преставился отецъ Симеонъ въ Константинополь 5 января 1924 года.

## Схимонахъ Денасій (Юшковъ)

Схимонахъ Денасій (въ міру Димитрій Ивановичъ Юшковъ) родомъ изъ города Сарапуль Вятской губерніи. Его мать звали Фаиной. Родился онъ въ 1859 году.

Въ 1882 году въ 23-лѣтнемъ возрастѣ онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ былъ постриженъ въ мантию 15 марта 1885 года. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи и библіотекѣ.

Въ 1889 году, незадолго до своей смерти, игумень Макарій благословилъ отца Денасія ходить по всѣму Аѳону и записывать все, что онъ сочтетъ важнымъ и особеннымъ. Съ тѣхъ поръ, почти до своей кончины, на протяженіи болѣе 30-ти лѣтъ отецъ Денасій со всѣмъ возможнымъ стараніемъ выполнялъ это благословеніе старца. Въ результатѣ его неустанной деятельности мы имѣемъ прекрасный источникъ для изученія аѳонскаго быта того времени. Свои наблюденія онъ передалъ намъ въ серіи статей «Душеполезнаго собесѣдника» подъ названіемъ «Записки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ».

Отецъ Денасій является также авторомъ-составителемъ еще нѣсколькихъ книгъ. За свою книгу «Повѣсть объ обращеніи на Аѳонѣ угрорусса униата въ православіе



и о русскихъ, о православіи, объ униі въ прикарпатской подъяремной Руси прежде и теперъ», напечатанную въ Калугѣ въ 1913 году, онъ получилъ благодарность лично отъ Государя Николая II.

Кромѣ всего прочего отецъ Денасій въ газетѣ «Церковныя Вѣдомости» печаталъ статьи подѣ псевдонимомъ «Святогорець», былъ редакторомъ «Душеполезнаго собесѣдника», написалъ лѣтопись монастыря съ 1918 по 1927 годъ<sup>309</sup>. Онъ велъ переписку съ бібліотекаремъ отцомъ Матіемъ (Ольшанскимъ)<sup>310</sup>, главнымъ редакторомъ «Душеполезнаго собесѣдника», отцомъ Владиміромъ (Колесниковымъ)<sup>311</sup> и княземъ Дмитріемъ Голицынъ-Муравлинымъ<sup>312</sup>. Былъ активнымъ противникомъ имябожническаго ученія, за что въ 1914 году Священнымъ Синодомъ былъ награжденъ образомъ Спасителя.

О духовной жизни отца Денасія можно хорошо судить по его записямъ. «Гдѣ, какъ не здѣсь, въ усыпальницѣ, — пишетъ онъ, находясь въ гробницѣ одного монастыря, — при видѣ останковъ умершихъ и надмогильныхъ небольшихъ крестиковъ удобнѣе и свободнѣе поговорить о вѣчности. Здѣсь самъ собой, безъ малѣйшаго напряженія зарождается, развивается и рассматривается вопросъ о смерти и жизни будущаго вѣка.

О вѣчность! Часто ли мы помышляемъ о тебѣ? Помышляемъ ли мы, что вѣчность есть безбрежный океанъ, не имѣющій предѣловъ? Вопрошали ли мы себя: для чего мы созданы? Каково наше предназначеніе? Что насъ ожидаетъ, когда мы оставимъ этотъ міръ, столь много обѣщающій утѣхъ и радостей? Вѣдь онъ ничего намъ не даетъ, развѣ только суету, крушеніе и томленіе духа и пустоту сердечную. Что такое вѣчность, ожидающая насъ въ будущемъ? Не есть ли она для насъ въ существѣ своемъ только безконечное продолженіе однажды начавшейся и никогда не имѣющей окончиться жизни? Не есть ли она уже наше наслѣдіе и теперъ, въ эту минуту, которую мы переживаемъ какъ одно изъ мгновений, которымъ уже не будетъ конца и въ которую мы дѣлаемъ только еще шагъ

<sup>309</sup> АРПМА. Док. № 154.

<sup>310</sup> АРПМА. Док. № 1530.

<sup>311</sup> АРПМА. Док. № 1419.

<sup>312</sup> АРПМА. Док. № 2693.

по пути въ вѣчность? Придетъ время, когда мы не будемъ исчислять, какъ теперь, каждой минуты бытія, будемъ только жить, бесконечно жить. Но эта бесконечная жизнь будетъ только бесконечнымъ продолженіемъ нашего существованія только нѣскольکو въ другомъ видѣ. Мы, именно тѣ самые, которые теперь здѣсь существуемъ, будемъ жить тамъ вѣчно. И такъ что же? Мы уже по природѣ вѣчны, и вѣчность къ намъ гораздо ближе, чѣмъ мы думаемъ. Она въ насъ.

Что же мы дѣлаемъ съ собой, когда забываемъ о томъ, что ждетъ насъ. Не употребляемъ никакихъ мѣръ по приготовленію къ будущему. Напротивъ, безчеловѣчно убиваемъ въ себѣ зародыши всего, что могло бы перейти съ нами на небо? Сами у себя похищаемъ блаженство! Сами для себя бываемъ жалкими душеубійцами! Вѣдь предъ нами откроется міръ блаженства, передъ очами нашими будутъ всѣмъ существомъ своимъ ликовать братья и сестры присные и знаемые наши, оказавшіеся на судѣ достойными вѣчнаго блаженства. А мы будемъ томиться въ мукахъ адскихъ. Представьте, что это блаженство, котораго мы лишимся, будетъ вѣчно. Какая страшная для насъ потеря! Представьте, что это мученіе, которое наследуютъ недостойные неба, будетъ вѣчно. Какое страшное приобрѣтеніе! Вѣчно! Тамъ уже не будетъ часовъ, дней, мѣсяцевъ, лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій. Будетъ только или блаженство безысходное, или мука безъ ослабленія, безъ конца. То, что мы теперь называемъ мгновеніемъ, станетъ длинной какъ тысяча лѣтъ. И тысяча лѣтъ будетъ меньше въ отношеніи къ вѣчности, чѣмъ теперь мгновеніе въ отношеніи тысячъ лѣтъ, потому что вѣчность есть непрерывное продолженіе одного и того же состоянія нашего и всего, что будетъ окружать насъ.

Вѣчно! Взвѣсьте: что слѣдуетъ за этимъ словомъ? И потомъ спросите у своей совѣсти, у своего смысла жизни: стоитъ ли вниманія наше будущее, нужны ли усиленные приготовления къ жизни будущаго вѣка?»<sup>313</sup>

«Зависть, самолюбіе и властолюбіе — кого не погубили они и не погубятъ? — пишетъ отецъ Денасій. — Это самыя злыя страсти. Они изгнали прародителей изъ рая. Они и до сего времени препятствуютъ возвращенію туда. Да еще и на землѣ — въ этой странѣ изгнанія, странѣ томленія и скорбей — они, подавшіеся имъ, прежде времени мучаютъ, подобно будущимъ мученіямъ во адѣ. Врагъ человѣческаго спасенія всегда, предчувствуя скорое окончаніе своего тиранства надъ созданіемъ Божиимъ, стремящимся занять то мѣсто въ блаженной вѣчности, откуда ниспали гордые и возмутившіеся ангелы, трепещетъ и мятется, всеусильно стараясь увлечь за собой „въ па́губу“ (Апок. 17:8) и все человѣчество, и даже и изъ избранныхъ Божіихъ (Мѡ. 24:24; Мк. 13:22)»<sup>314</sup>.

«Когда я былъ здѣсь въ первый разъ по прибытіи на Святую Гору еще простымъ паломникомъ, — пишетъ отецъ Денасій, находившійся тогда въ Иверскомъ монастырѣ, — то передъ ликомъ Пречистой со мной случилось нѣчто необычайное. Я былъ сильно

<sup>313</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1894 годъ. М., 1894. С. 306.

<sup>314</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1895 годъ. М., 1895. С. 320.

утомленъ отъ продолжительнаго путешествія, но когда предъ иконой совершалъ земные поклоны, то вдругъ почувствовалъ облегченіе. Какъ будто и не было никакого утомленія. Оно сразу исчезло. Мнѣ показалось, что я вдругъ сталъ необыкновенно легкимъ. Радость наполнила тогда „...вся внутренняя моя“ (Пс. 102:1). Подобное случилось со мной и въ Ватопедѣ предъ чудотворной „Елеоточивой“ иконой Божіей Матери, всегда находящейся тамъ въ „дохіарной\*“ (въ келарной\*), т. е. на складѣ монастырской провизіи. Точно такія же ощущенія испытывалъ я всякій разъ, когда выходилъ изъ параклиса въ честь Иверской иконы Божіей Матери съ чувствами радости, утѣшенія и упокоенія»<sup>315</sup>.

«Отъ Ивера въ гору, — пишетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ отецъ Денасій, — на разстояніи болѣе получаса ходу находится Иверскій скитъ во имя святаго Іоанна Предтечи. На пути сюда можно зайти и даже заѣхать, только по другой дорогѣ, въ убогое обиталище прокаженныхъ. Объ этихъ горемыкахъ мало кто знаетъ, развѣ только понаслышкѣ. Не всякій, пожалуй, рѣшится побывать у нихъ, страшась одного слова „прокаженные“, какъ будто это равнозначительно со словомъ „бѣсноватые“, „разбойники“ или „чародеи“. Это хотя и несчастные, но братья наши во Христѣ, вполне достойные всякаго сожалѣнія, состраданія и возможнаго благодѣянія. Мнѣ думалось объ опасности заразы, но я во что бы то ни стало пожелалъ непременно побывать у нихъ и воочию увидѣть этихъ бѣднягъ и ихъ проказу. Посѣщеніе этихъ страдальцевъ, по моему мнѣнію, низведетъ благословеніе Божіе на посѣтителей, потому что въ этомъ случаѣ исполняется завѣтъ Спасителя: „...болень, и постыісте менѣ“ (Мѡ. 25:36). Эти же прокаженные живутъ безъ надежды на выздоровленіе, какъ бы отверженные обществомъ, среди подобныхъ же унылыхъ страдальцевъ. Благословенъ тотъ, кто внесетъ отраду и свѣтъ въ среду скорби ихъ и мрака душевнаго! Благословенъ тотъ, кто принесетъ симъ страдальцамъ слово утѣшенія и братской любви! Эти люди — страдальцы. Они почти совершенно лишены сихъ утѣшеній, а съ теченіемъ времени чувствуютъ себя какъ бы умершими и погребенными... Одно только отъ нихъ не отнято и никогда и никѣмъ не можетъ быть отнято, это — спокойствіе совѣсти, что дороже всѣхъ сокровищъ земли и самихъ царскихъ діадемъ. И счастливъ тотъ изъ страдальцевъ, кто имѣетъ этотъ внутренній свѣтъ. Можно предполагать, что, страдая тѣломъ, подобнымъ страдальцамъ, съ ихъ спокойной совѣстью и „мира сущимъ суетнаго кромѣ“ (изъ послѣдованія на погребеніи монаховъ), могутъ быть знакомы такія душевныя состоянія, какія не только мирянамъ, но и монашествующимъ и пребывающимъ въ пустыняхъ не вѣдомы и чужды»<sup>316</sup>.

«Недалеко показалась чистенькая постройка Артемьевской келліи, — пишетъ еще отецъ Денасій, — освѣщаемая лучами солнца, всплывшаго на горизонтѣ, солнца, привѣтливо возвѣщающаго о новомъ днѣ, новой милости Божіей къ твари Своей и человѣку.

---

<sup>315</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ. М., 1896. С. 55.

<sup>316</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ. М., 1896. С. 317; Душеполезный собесѣдникъ за 1897 годъ. М., 1897. С. 22.

О, какъ отрадно человѣку быть въ подобныхъ обстоятельствахъ и читать по книгѣ природы о премудрости Божіей и о милости Его къ человѣку. Къ сожалѣнію, человѣкъ такъ привыкъ къ этимъ обыденнымъ милостямъ Божьимъ, что не замѣчаетъ ихъ. Часто забываетъ за нихъ не только поблагодарить Творца, Благодѣтеля и Промыслителя, но и понятія объ этихъ благодѣяніяхъ не имѣетъ. Но что всего еще хуже и больнѣе для человѣка, такъ это то, что часто люди мудрые земной мудростью обо всемъ этомъ мудрствуютъ совершенно превратно, какъ древніе язычники, воздавая хвалу не Богу, а какимъ-то естественнымъ законамъ и причинамъ. Подумали бы они хотя такъ: есть ли какая нибудь, хотя самая маленькая машинка, которая сама собой двигалась бы, работала исправно и непрерывно, не требуя двигателя, и пребывала навсегда безъ посторонней помощи? Нѣтъ и быть не можетъ. Все видимое нами: земля и все, что на ней; вода и все, что въ ней; небеса и эти міриады звѣздъ, луна и солнце — эти неодушевленные и вмѣстѣ живые предметы, всегда исполняющіе волю Создателя ихъ, — неужели не имѣютъ Двигателя? Если какой нибудь искусный человѣкъ при помощи своего изобретательнаго ума, щедро даннаго ему Творцомъ, изобрететъ что нибудь новое, прекрасное и полезное, то кого восхваляютъ и награждаютъ: художника ли или художество, увѣряя, что оно само собой устроилось? Восхваляютъ искусство, но честь и награды отдають изобретателю, въ нѣкоторой степени творцу искусства. Точно такъ же, видя нашими тѣлесными глазами прекрасную тварь и все прекрасное и премудрое сочетаніе силъ природы и вѣнецъ прекрасныхъ тварей — человѣка, надобно удивляться и благоговѣть и воздавать денно и ночью хвалы и благодаренія Всепремудрому Творцу всяческихъ, всегда заботясь познавать и творить Его святую волю, весьма живо и ясно сказанную человѣку въ Евангеліи и весьма пространно истолкованную и изложенную святыми Апостолами, святыми отцами и богомудрыми учителями Церкви въ ихъ писаніяхъ и сочиненіяхъ»<sup>317</sup>.

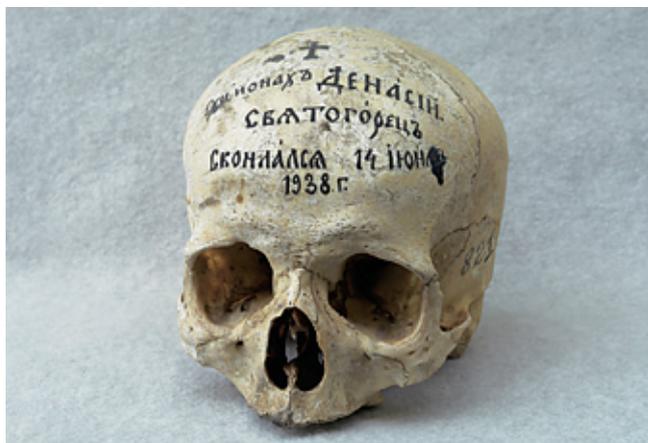
«Я вышелъ на площадку, — дѣлится своими впечатлѣніями съ нами отецъ Денасій на вершинѣ Аѳонской Горы, — полюбоваться прекраснымъ видомъ на всѣ четыре стороны. Здѣсь, между небомъ и землей, умъ человѣческой неволью, самъ собой, безъ малѣйшаго напряженія естественно очищается, просвѣтляется. И зрѣніе его становится чище, яснѣе. Подобно вѣдь и въ жизни духовной: насколько человѣкъ отрѣшается отъ многмятежныхъ и суетныхъ дѣлъ человѣческихъ, настолько духъ его, который вдохнулъ Творецъ, возвышается надъ міромъ, который, по Писанію, „весь во злѣ лежитъ“ и не удержиимо устремляется къ Виновнику своего бытія и блаженства. Внутреннія чувствованія какъ бы обновившагося здѣсь разрушеннаго дольней суетой ума человѣческаго на этомъ высококомъ горнемъ и многоотрадномъ пунктѣ не могутъ быть изъяснены языкомъ человѣческимъ, перомъ и чернилами, а могутъ быть понимаемы, и то отчасти самимъ чувствующимъ.

<sup>317</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1898 годъ. М., 1898. С. 92.

Куда ни посмотришь, очаровательно, прекрасно, восхитительно. Широко, на нѣсколько сотъ верстѣ раскинулось во всѣ три стороны море со множествомъ какъ бы плавающихъ по нему острововъ, виднѣющихся въ разныхъ сторонахъ. А берега материковъ, исчезавшіе вдали, какъ бы соединялись съ небосклономъ. Къ сожалѣнію, облака покрывали почти всю Святую Гору и постоянно ползали по ущельямъ и кружились около конуса горы, часто совсѣмъ скрывая меня отъ Вселенной.

Чтобы удобнѣе наслаждаться видами на всѣ четыре стороны, я поднялся на куполь церкви и сѣлъ у самаго креста. Надъ поверхностью моря, какъ бы на самомъ морѣ, виднѣлись кое-гдѣ, подобно большимъ кускамъ хлопчатой бумаги, облака. Плавающие по морю пароходы, корабли, суда и суденышки казались весьма малыми, подобно неподвижнымъ чернѣющимъ и бѣлѣющимъ точкамъ. По временамъ кое-гдѣ просвѣтлялось по хребту горы, и тогда виднѣлись нѣкоторые монастыри, скиты, келліи и каливы, но въ ту же минуту опять и скрывались. Далекій Олимпъ съ бѣлымъ хребтомъ видѣлся отсюда гигантомъ, выросшимъ изъ глубины морской»<sup>318</sup>.

Глубоко возмущали отца Денасія сомнѣнія нѣкоторыхъ людей объ истинности преданія о посѣщеніи Аѳона Божіей Матерью. «Нѣкоторые ученые, — писалъ онъ, — не хотятъ довѣрять мѣстному аѳонскому преданію о посѣщеніи Аѳона Пресвятой Богородицей во дни Ея земной жизни, а слѣдовательно, и о восхожденіи Ея на вершину. Пытливый разумъ вѣдь иногда доходитъ до того, что по-своему трактуетъ цѣлыя сочиненія даже относительно созданія видимаго міра и происхожденія человѣка и его предназначенія и, наконецъ, до того запутывается и заговаривается, что и себя самого производитъ происходящимъ отъ обезьяны. Туда имъ и дорога. Хотя, по правдѣ сказать, и очень жаль ихъ. Но есть много милліоновъ истинно вѣрующихъ и, конечно, не мало есть и желающихъ вѣрить и сомнѣвающихся. Но пусть подумаютъ и отвергающіе, и сомнѣвающіеся: неужели это простая случайность, что такой маленькій полуостровъ, около 80-ти верстѣ въ длину и около 20-ти верстѣ въ шири-



ну весь, и уже болѣе тысячи лѣтъ (если не полторы) принадлежитъ единственно православнымъ монахамъ? Неужели простая случайность, что, будучи во власти турокъ — этихъ ярыхъ магометанъ, — онъ охраняется ими въ неприкосновенности его собственнаго монашескаго самоуправленія и въ неприступности для женскаго пола? Пусть бы это было только на протяженіи послѣдней освободительной войны

<sup>318</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1907 годъ. М., 1907. С. 120.

1877–1878 годовъ. Но все время, цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ и даже болѣе, со времени подчиненія Аѳона туркамъ, всегда, и въ особенности въ прежнее время, когда они деспотически и безчеловѣчно распоряжались имуществомъ христіанъ и незаконно убивали ихъ, рѣзали какъ овецъ, продолжалось все то же»<sup>319</sup>. Отвѣтъ на эти вопросы у всѣхъ истинныхъ православныхъ, какъ и у отца Денасія, одинъ: это объяснимо только всеблагимъ покровительствомъ Пресвятыя Богородицы!

Преставился отецъ Денасій 14 іюня 1928 года, за два дня до смерти онъ былъ постриженъ въ схиму.

## Преподобномученикъ Иларіонъ (Громовъ)

Преподобномученикъ Иларіонъ (въ міру Иванъ Андреевичъ Громовъ) родился въ 1867 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Круйшевѣ Коблуковской волости Тверской губерніи и уѣзда.

16 января 1895 года онъ пріѣхалъ на Аѳонъ и былъ принятъ въ русскій Пантелеимоновъ монастырь. Въ томъ же году 30 ноября былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Іоаннъ, а 2 апрѣля 1902 года въ мантию съ именемъ Иларіонъ. Послушаніе проходилъ на подворьѣ въ Одессѣ, а въ самой обители на книжномъ складѣ. Съ 1908 года исполнялъ послушаніе на подворьѣ въ Москвѣ. Съ 1910 по 1912 годъ вновь проживалъ въ обители. Въ 1912 году его опять отправили въ Москву.

Послѣ отъѣзда на Аѳонъ отца Владислава (Попова) основнымъ занятіемъ отца Иларіона стало издательское дѣло обители. Кромѣ того, съ началомъ Первой міровой войны при подворьѣ былъ открытъ лазаретъ для раненыхъ, и отцу Иларіону приходилось работать и тамъ.

Вотъ что пишетъ онъ игумену Мисаилу 5 мая 1915 года: «У меня на подворьѣ взяли тоже четырехъ моихъ помощниковъ, безъ которыхъ мнѣ приходится трудненько. Теперь нужно въ каждое дѣло вникать самому. Кромѣ того, еще и лазаретъ, да приходящихъ къ намъ на перевязку хватаетъ съ четырехъ другихъ лазаретовъ. За всѣми нужно смотрѣть»<sup>320</sup>.

Послѣ кончины въ 1918 году отца Аристоклія (Амвросіева) отецъ Иларіонъ возглавилъ московское подворье. Несмотря на наступившія трудныя времена, онъ имѣлъ тѣсную связь со старцами монастыря. Съ 1913 по 1929 годъ изъ Москвы постоянно писалъ письма отцу Мисаилу<sup>321</sup>.

<sup>319</sup> Душеполезный собесѣдникъ за 1907 годъ. М., 1907. С. 186.

<sup>320</sup> АРПМА. Док. № 877.

<sup>321</sup> АРПМА. Док. № 877.



9 ноября 1920 года отец Иларіонъ въ Москвѣ Патріархомъ Московскимъ и всея Руси святителемъ Тихономъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а затѣмъ и въ іеромонаха. Но вскорѣ большевистское правительство перешло въ наступленіе противъ духовенства и Церкви. Подворье было разгромлено. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ отецъ Иларіонъ въ своемъ письмѣ къ игумену Мисаилу 21 декабря 1922 года: «Батюшка! Дополнительно посылаю Вамъ настоящее письмо о нашемъ великомъ испытаніи, которое постигло насъ, а именно: наше подворье отобрано и теперь перешло въ коммунальное хозяйство Горной Академіи студентовъ. Намъ пока временно для жилья дали уголокъ — помѣщеніе бывшего пріюта. Изъ церкви, а также изъ могилки вывезли все. Только гробъ

старца [отца Аристоклія (Амвросіева). — *Сост.*] пока находится въ усыпальницѣ, которая запечатана. Мы стараемся тѣло старца перевезти на одно изъ кладбищъ московскихъ монастырей. Однимъ словомъ, съ закрытіемъ храма мы теперь лишены духовнаго утѣшенія.

Дорогой Батюшка! Тяжело и горько намъ живется. Нѣтъ словъ выразить Вамъ поспѣтившей насъ печали. Мы — Ваши дѣти, находимся здѣсь какъ сироты, застигнутыя судьбой бушующаго житейскаго моря. Вся цѣль и стремленіе здѣшней вѣрнной мнѣ братіи — уѣхать въ святую обитель»<sup>322</sup>.

Но отецъ Иларіонъ съ братіей подворья такъ и не смогъ выѣхать за границу. Зато своей активностью въ дѣлѣ получения заграничныхъ паспортовъ для себя и для братіи привлекъ вниманіе властей. На него начались гоненія. На первыхъ порахъ отцу Иларіону удавалось избѣжать ареста. Съ 1922 года онъ служилъ сверхштатнымъ священникомъ въ храмѣ святаго Григорія Неокесарійскаго въ Москвѣ. Но гоненія на духовенство усиливались, и отецъ Иларіонъ былъ вынужденъ скрываться. Его пріютилъ у себя дома будущій мученикъ Николай Александровичъ Рейнъ, гдѣ отецъ Иларіонъ совершалъ богослуженія<sup>323</sup>.

<sup>322</sup> Тамъ же.

<sup>323</sup> *Дамаскинъ (Орловскій), игумень. Мученики, исповѣдники и подвижники благочестія Русской Православной Церкви XX столѣтія. Кн. V. Тула, 2001. С. 302.*

Въ 1932 году отца Иларіона все-таки арестовали, и онъ по обвиненію въ «антисо-вѣтской агитаціи» былъ осужденъ на три года высылки въ Сѣверный край (въ Архангельскъ). «Въ 1934 году онъ вернулся въ Москву, но въ выдачѣ паспорта ему опять было отказано, и онъ переѣхалъ въ поселокъ Новые Петушки (нынѣ г. Петушки) Владимірской области. Отецъ Иларіонъ часто пріѣзжалъ въ Москву для окормленія своихъ духовныхъ дѣтей, тайно совершалъ богослуженія у нихъ на квартирахъ, въ частности на квартирѣ дьякона священномученика Іоанна Хренова. Матеріально помогаль ему его духовный сынъ Николай Рейнъ»<sup>324</sup>.

Вторично арестовали отца Иларіона 27 августа 1937 года. На этотъ разъ его приговорили къ смертной казни, и онъ былъ разстрѣлянъ 11 октября 1937 года въ Бутово<sup>325</sup>. Имя отца Иларіона опредѣленіемъ Священнаго Синода отъ 7 мая 2003 года включено въ Соборъ новомучениковъ и исповѣдниковъ Россійскихъ.

## Преподобномученикъ Іона (Санковъ)

Преподобномученикъ Іона<sup>326</sup> (въ міру Иванъ Андреевичъ Санковъ) родился въ благочестивой купеческой семьѣ 20 іюля 1879 года<sup>327</sup> въ селѣ Солчино Алпатьевской волости Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи. Отецъ его Андрей Никитичъ Санковъ занимался хлѣбной торговлей въ Москвѣ, и вся семья въ это время жила вмѣстѣ съ нимъ. Въ 1890 году, когда Ивану исполнилось одиннадцать лѣтъ, тяжело заболѣла его мать, и по совѣту врачей она уѣхала на родину въ село Солчино, гдѣ у семьи былъ домъ и небольшой земельный участокъ. Ивана она взяла съ собой.

Живя въ Солчино, Иванъ окончилъ два класса, но тутъ скончалась мать, и онъ возвратился въ Москву къ отцу. Здѣсь онъ закончилъ свое образованіе и сталъ заниматься вмѣстѣ съ нимъ торговлей. Но сердце благочестиваго юноши не было расположено ни къ занятію торговлей, ни къ семейной жизни. Въ ихъ семьѣ существовала традиція, чтобы кто-то изъ дѣтей посвящаль свою жизнь служенію Богу, становясь за всѣхъ родныхъ сугубымъ молитвенникомъ. Поэтому Иванъ пожелалъ уйти на Аѳонъ и принять монашество. Отецъ съ радостью далъ на это свое согласіе и родительское благословеніе.

<sup>324</sup> Православная энциклопедія. Т. 22. Москва, 2009. С. 154.

<sup>325</sup> Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 68.

<sup>326</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Дамаскинъ (Орловскій), игуменъ. Мученики, исповѣдники и подвижники благочестія Россійской Православной Церкви XX столѣтія*. Кн. VII. Тверь, 2002. С. 97.

<sup>327</sup> Въ монахологіи монастыря годомъ рожденія указанъ 1879 годъ, а игуменъ Дамаскинъ считаетъ годомъ его рожденія 1873 годъ.



Въ 1897 году, когда юношѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, онѣ отправился на Аѳонъ и поступилъ послушникомъ въ Пантелеимоновъ монастырь. Здѣсь въ славной и древней обители и завершилось, по его словамъ, его духовное образование. Здѣсь 17 апрѣля 1899 года онѣ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Іона, а 12 марта 1902 года въ мантию. 5 июня 1905 года онѣ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 14 сентября 1913 года въ іеромонаха. Послушаніе отецъ Іона проходилъ въ канцеляріи, а съ 1914 года на подворьѣ въ Константинополѣ.

1 марта 1914 года іеромонахъ Іона былъ командированъ на подворьѣ Пантелеимонова монастыря въ Константинополѣ, гдѣ онѣ прослужилъ до начала войны Турціи съ Россіей. Въ іюлѣ 1914 года, когда всѣ русскіе подданные были высланы

изъ Константинополя, отецъ Іона выѣхалъ оттуда поѣздомъ вмѣстѣ со служащими русскаго консульства. Все время своего пребыванія въ Константинополѣ онѣ писалъ письма игумену отцу Мисаилу, поддерживая съ нимъ духовную связь<sup>328</sup>.

По прибытіи въ Россію онѣ былъ опредѣленъ на подворьѣ Пантелеимонова монастыря въ Одессѣ и прослужилъ здѣсь до закрытія подворья при безбожной власти въ 1923 году. Лишившись храма, отецъ Іона перешелъ въ Благовѣщенскую церковь Одессы, гдѣ прослужилъ до 1927 года, когда власти закрыли и эту церковь. Тогда отецъ Іона сталъ служить въ храмѣ Всѣхъ святыхъ на кладбищѣ, но и эта церковь въ 1930 году была закрыта.

Въ томъ же году отецъ Іона получилъ съ родины письмо, въ которомъ его знакомые сообщали, что у нихъ въ селѣ Алпатьево, находящемся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ села Солчино, скончался священникъ и они приглашаютъ его служить въ этомъ храмѣ. Отецъ Іона тутъ же отправился на родину и былъ направленъ священноначаліемъ въ храмъ села Алпатьево, гдѣ и прослужилъ до своего ареста.

Въ концѣ 1937 года въ связи съ массовыми репрессіями противъ Русской Православной Церкви сотрудники НКВД допросили предсѣдателя сельсовѣта и предсѣдателя

<sup>328</sup> АРПМА. Док. № 852.

колхоза въ Алпатьево, а также дежурныхъ свидѣтелей относительно дѣятельности отца Іоны. Тѣ показали, что въ 1937 году былъ поставленъ вопросъ о закрытіи храма и передачѣ зданія подѣ школу. По этому поводу было созвано собраніе. Узнавъ объ этомъ, священникъ сообщилъ о случившемся вѣрующимъ. Они тутъ же пошли на собраніе и воспрепятствовали закрытію храма, едва не сорвавъ и само собраніе. Лжесвидѣтели говорили, что священникъ ежедневно бесѣдуетъ съ женщинами, особенно со вдовами, и тѣ собираются къ нему въ сторожку при церкви, гдѣ онъ живетъ. Они также показали, будто священникъ говорилъ, что въ прошломъ году былъ плохой урожай и это было для колхозниковъ плохо. А въ этомъ году — хорошій урожай, и это тоже для колхозниковъ плохо, такъ какъ все равно весь урожай съѣдятъ мыши и имъ ничего не останется. Когда отца Іону спросили: почему онъ ночами сидитъ впотъмахъ, не зажигаетъ свѣта? То онъ отвѣтилъ, что керосина даютъ всего одну бутылку на годъ.

Одна изъ женщинъ показала, что хотя она сама разговоровъ между священникомъ и вѣрующими никакихъ не слышала, такъ какъ при ея приближеніи вѣрующіе тутъ же прекращаютъ бесѣду, но благодаря его агитаціи хозяйка дома, гдѣ она снимаетъ комнату, заставляетъ своихъ дѣтей молиться Богу.

Другая свидѣтельница показала, будто однажды священникъ обратился къ прихожанамъ съ проповѣдью въ храмѣ, въ которой ругалъ мѣстныхъ власти, которыя намѣреваются закрыть храмъ, а также призывалъ вѣрующихъ записываться въ двадцатку и такимъ образомъ отстоять храмъ и воспрепятствовать его закрытію. Также онъ пришелъ къ ней домой и пытался уговорить ея мужа вступить въ члены церковнаго совѣта. Въ это время онъ ругалъ совѣтскую власть, говоря, что надо платить тысячу рублей налога, а народъ въ церковь не ходитъ. И скоро ее, навѣрное, закроютъ. Вотъ тогда народъ затужитъ, но только совѣтская власть храма уже не откроетъ. Свидѣтельница также показала, что хотя отецъ Іона и занесъ ее въ члены двадцатки, но она въ ней не состоитъ и своей подписи не ставила. А дѣлаетъ все это священникъ противъ власти, чтобы не закрыли церковь.

24 февраля 1938 года отецъ Іона былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму въ городѣ Коломна. При арестѣ священнику было предъявлено постановление на арестъ и предложено его подписать, но отецъ Іона подписывать отказался. Въ тотъ же день слѣдователь допросилъ священника. Вотъ текстъ допроса:

— Среди вашихъ бумагъ найдена записка слѣдующаго содержанія: «Говорилъ о предстоящемъ пришествіи антихриста, сперва коллективнаго, а затѣмъ воплощеннаго въ отдѣльномъ лицѣ». Скажите, кто это говорилъ и какъ понимать содержаніе вашей записки? — спросилъ слѣдователь.

— Эта записка написана мной, выписана изъ Библии, но что эти слова значатъ, разъяснить и я не могу. Я самъ заинтересовался этими словами и выписалъ ихъ, — отвѣтилъ отецъ Іона.



— Васъ обвиняють въ контрреволюціонной агитаціи среди населенія и распространеніи контрреволюціонной клеветы на руководителей партіи и правительства, а также въ высказываніи недовольства противъ существующаго строя.

— Контрреволюціонной агитаціей и распространеніемъ контрреволюціонной клеветы противъ существующаго строя я не занимался и виновнымъ себя въ этомъ не признаю, — отвѣтилъ священникъ.

Послѣ допросовъ священника слѣдователь снова допросилъ свидѣтелей. Одинъ изъ нихъ показалъ, что видѣлъ, какъ священникъ разговаривалъ съ церковнымъ старостой въ присутствіи другихъ вѣрующихъ, фамилій которыхъ онъ не знаетъ.

И староста сказала, что вотъ скоро выборы и хорошо бы, чтобы отъ вѣрующихъ была кандидатура, но отецъ Юна ее перебилъ и сказалъ, что организація наша не зарегистрирована и отъ насъ кандидатуры не примутъ. На это староста сказала, что если наши люди не будутъ выбраны, то нашу церковь могутъ закрыть. Также свидѣтель показалъ, что священникъ будто бы говорилъ: «Конституція, это только бумага, въ ней никакого равенства нѣтъ. Съ кого налогъ берутъ тридцать рублей, а со священника двѣ тысячи, а въ конституціи указано, что всѣ равны. А какъ понять тогда, кто тутъ равный. Налогъ наложили, чтобы закрыть церковь. Это вы должны понимать, а разъ это такъ, то необходимо не допустить закрытія церкви и собрать деньги».

Послѣ допросовъ свидѣтелей слѣдователь снова приступилъ къ допросу священника, который къ этому времени уже третій мѣсяць находился подъ арестомъ въ тюрьмѣ.

— Признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что среди колхозниковъ села Алпатьева вели контрреволюціонную агитацію противъ существующаго строя, распространяли гнусную контрреволюціонную клевету на руководителей партіи и правительства? Въ іюль 1937 года вы организовали женщинъ выступить противъ закрытія церкви. Подтверждаете ли вы это? — спросилъ слѣдователь.

— Въ предъявленномъ мнѣ обвиненіи въ контрреволюціонной агитаціи виновнымъ себя не признаю. Также не было съ моей стороны никакой агитаціи среди женщинъ въ іюль 1937 года противъ закрытія церкви...

7 юня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Иону къ разстрѣлу. Послѣ рѣшенія тройки отецъ Иона былъ перевезенъ въ Таганскую тюрьму Москвы. 13 юня тюремный фотографъ сдѣлалъ его фотографію. Иеромонахъ Иона (Санковъ) былъ разстрѣлянъ 4 юля 1938 года и погребенъ въ общей безвѣстной могилѣ на полигонѣ Бутово подъ Москвой<sup>329</sup>.

## **Преподобномученикъ Донактъ (Калашниченко)**

Преподобномученикъ Донактъ (въ міру Григорій Яннуарьевичъ Калашниченко) родился въ 1882 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Самородки Ташлитской волости Черкаскаго уѣзда Кіевской губерніи.

6 апрѣля 1904 года 18-лѣтнимъ юношей пріѣхалъ на Аѡнъ и былъ принятъ въ русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 6 апрѣля 1905 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Дометіанъ, а 21 марта 1908 года въ мантию съ именемъ Донактъ. Первое послушаніе проходилъ на Крумицѣ въ виноградникахъ монастыря, послѣ чего былъ переведенъ въ больницу монастыря, гдѣ выполнялъ послушаніе санитаря и помощника фельдшера.

Въ 1914 году незадолго до начала войны отца Донакта отправили на послушаніе на подворье въ Москвѣ. Послѣ начала Первой міровой войны онъ уже не смогъ возвра-



*Метоха Крумица времен отца Донакта*

<sup>329</sup> Россія — Аѡнъ: Тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 67.

титься на Аѡнѣ. Первое время жилъ на подворьѣ въ Москвѣ, гдѣ по благословенію игумена Мисаила 29 іюня 1928 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона. Съ 1923 года служилъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ. Въ 1929 году осужденъ большевиками на три года исправительно-трудовыхъ лагерей. Вернувшись изъ ссылки, поселился въ городѣ Владимірѣ, гдѣ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Служилъ во Владимірской Рождественской церкви (1933–1935 годы), затѣмъ переѣхалъ въ Московскую область.

Вскорѣ отца Донакта снова арестовали и по подложнымъ обвиненіямъ онъ былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ 15 декабря 1937 года въ Бутово<sup>330</sup>.

## **Преподобномученикъ Іоаннъ (Лаба) и преподобномученикъ Иларіонъ (Цуриковъ)**

Преподобномученикъ Іоаннъ (въ міру Филиппъ Ивановичъ Лаба) — бывший крестьянинъ села Серебри Гайсинскаго уѣзда Каменецъ-Подольской губерніи. Родился онъ въ 1869 году.

Въ 1895 году въ возрастѣ 26 лѣтъ Филиппъ Ивановичъ пріѣхалъ на Аѡнѣ съ желаніемъ посвятить свою жизнь Богу. Поступилъ въ пустынный скитъ Русскаго Пантелеимонова монастыря подъ названіемъ Новая Оиваида, гдѣ 20 марта 1896 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Филиппъ, а 4 февраля 1898 года въ мантию съ именемъ Флавій. 16 іюня 1901 года отецъ Флавій былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 25 января 1910 года въ іеромонаха. Послушаніе вначалѣ исполнялъ въ скитской трапезной, а послѣ въ скитской больницѣ — ухаживалъ за больными монахами. Послѣ рукоположенія онъ возглавилъ скитскую бібліотеку.

Въ это время на Аѡнѣ началъ разгораться споръ по поводу имени Божія. Большинство приверженцевъ имяславія не понимали догматическихъ особенностей этого ученія. Они считали его ученіемъ объ Іисусовой молитвѣ. А такъ какъ Іисусова молитва была основнымъ молитвеннымъ дѣланіемъ всѣхъ аѡнскихъ монаховъ, то многіе ревностные молитвенники примкнули къ нему. Среди нихъ былъ и отецъ Флавій.

Преподобномученикъ Иларіонъ (въ міру Иродіонъ Ѳеодоровичъ Цуриковъ) родился въ крестьянской семьѣ въ 1867 году въ Городской волости Токмакскаго уѣзда Семиреченской области.

Иродіонъ Ѳеодоровичъ прибылъ на Аѡнѣ 27 октября 1887 года и въ теченіе пяти лѣтъ жилъ одинъ въ заброшенной каливѣ отшельникомъ. 15 марта 1892 года онъ былъ принятъ

---

<sup>330</sup> Россія — Аѡнѣ: Тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 68.

въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Черезъ годъ, 27 марта, онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Иродіонъ, а 3 марта 1898 года въ мантию съ именемъ Ириней. Послушаніе отецъ Ириней проходилъ въ пожарной командѣ обители, а также на подворьяхъ въ Москвѣ и Одессѣ. Онъ обладалъ хорошимъ голосомъ и исполнялъ также обязанности пѣвчаго.

Съ 1910 года отца Иринейя вернули на Аѳонъ, гдѣ онъ вскорѣ сыгралъ ведущую роль въ развернувшемся спорѣ объ имени Божіемъ. Отецъ Ириней еще со временъ его отшельнической жизни былъ ревностнымъ дѣлателемъ Иисусовой молитвы и приобрѣлъ большой опытъ въ этомъ дѣлѣ, такъ что многіе изъ братіи совѣтовались у него о методахъ этой молитвы. Навѣрное, поэтому, когда разгорѣлся споръ на Аѳонѣ объ имени Божіемъ, то волей-неволей отецъ Ириней сталъ во главѣ защитниковъ новаго



ученія. Онъ не писалъ никакихъ догматическихъ обоснованій для защиты своего ученія, а лишь руководствовался своимъ личнымъ опытомъ дѣланія Иисусовой молитвы. А такъ какъ онъ былъ ревностнымъ ея дѣлателемъ, то постепенно сталъ вождемъ имябожниковъ и возглавлялъ всѣ непріятные процессы въ монастырѣ, связанные съ этимъ дѣломъ.

Какъ могло случиться, что молитвенникъ и подвижникъ оказался вождемъ раскола? Этому можетъ быть только одно объясненіе — прелесть ввела его въ заблужденіе. Но какъ впалъ этотъ дѣлатель Иисусовой молитвы въ прелесть? Мы, монахи, легко можемъ впасть въ прелесть, если въ процессѣ нашего подвижничества хоть на секунду допустимъ мысль, что источникомъ иногда нами получаемой благодати является не милостивый Богъ, а наши собственныя усилія или опредѣленныя формы нашего подвижничества. Дѣйствіе благодати настолько мощно, что память о немъ у любого подвижника остается на всю жизнь, если даже оно длилось всего нѣсколько секундъ. И, къ сожалѣнію, мы, находясь подъ дѣйствіемъ такого сильнаго впечатлѣнія, часто дѣлаемъ губительное заключеніе, что въ происшедшемъ есть и наша заслуга или что какая-то форма молитвы, которой мы занимаемся, обеспечила притокъ этой благодати. Этотъ помысль, это утвержденіе и является основой прелести, потому что оно въ корнѣ не вѣрно. Единственнымъ источникомъ благодати является одинъ только

Богъ! То, что мы непрерывно повторяемъ имя Господа, не обезпечитъ намъ благодати, если мы это не дѣлаемъ въ сознаниі полнаго нашего ничтожества и въ совершенномъ послушаниі духовнику. И одинъ Богъ знаетъ, когда и почему онъ пошлетъ намъ въ утѣшеніе свою благодать. Поэтому любая форма молитвы, между ними и Іисусова, есть не цѣль подвижничества, а его средство. Для большинства имябожниковъ она превратилась въ цѣль, поэтому они и впали въ прелесть.

Какъ мы можемъ узнать, что мы въ прелести? Когда насъ охватываетъ духъ противленія — это вѣрный признакъ того, что мы въ прелести. Какими бы благими намѣреніями мы ни руководствовались, но, выступая противъ Матери-Церкви или ея священноначалія, въ любомъ случаѣ мы пребываемъ въ прелести! Что ясно показываетъ поведеніе имябожниковъ. Они ради своей идеи сопротивлялись всѣмъ и вся.

За имябожническое ученіе отецъ Флавій и отецъ Ириней вмѣстѣ съ сотнями другихъ монаховъ, приверженцевъ этого ученія, 17 іюля 1913 года на пароходѣ «Чихачевъ» были отправлены въ Россію.

Очевидно, что для отца Флавія и отца Иринея потеря Аѳона, лишеніе благословенія Церкви и отлученіе отъ Святыхъ Таинствъ Ея стало мѣрой, которая привела ихъ къ отрезвленію. Они, осознавъ свою ошибку, вскорѣ покаялись въ содѣянномъ, и Матерь Церковь приняла ихъ обратно въ свое лоно. Они поступили въ Московскій Покровскій монастырь, гдѣ были пострижены въ схиму — отецъ Флавій съ именемъ Іоаннъ, а отецъ Ириней съ именемъ Иларіонъ.

Многіе имябожники, какъ и отецъ Флавій съ отцомъ Иринеємъ, покаялись и вернулись въ лоно Матери-Церкви, чѣму свидѣтельство огромная переписка<sup>331</sup>, которую они вели со старцами монастыря послѣ ихъ изгнанія съ Аѳона. И, навѣрное, большинство ихъ вернулось бы на Аѳонъ, если бы не начавшаяся вскорѣ война, которая перекрыла имъ всѣ дороги на Святую Гору. Но милостивый Господь не оставилъ своихъ чадъ безъ возможности спасенія. Многихъ покаявшихся бывшихъ имябожниковъ Онъ сподобилъ загладить свою вину вѣнцомъ мученичества. Среди нихъ были и отецъ Іоаннъ, и отецъ Иларіонъ.

Они стали неразлучными сомолитвенниками и до смерти раздѣляли между собой всю тяжесть большевистскаго гоненія на Церковь. Съ 1924 года преслѣдуемые властями друзья переѣхали жить на хуторъ Солёный Кубанской области, гдѣ 29 іюня 1924 года ихъ арестовали по обвиненію въ томъ, что они «шли противъ совѣтской власти и держались за старое»<sup>332</sup>. Они были осуждены на три года ссылки въ Нарымскій край. Послѣ освобожденія отецъ Іоаннъ вмѣстѣ съ отцомъ Иларіономъ поселились въ горахъ, на пасѣкѣ, въ Киргизіи, близъ г. Фрунзе. Въ 1929 году они были вновь арестованы и осуждены на три года ссылки въ г. Кизыль-Орда. Послѣ освобожденія они поселились въ г. Мирзоянъ (нынѣ Таразъ, Казахстанъ). Туда къ нимъ пріѣхали сестры отца

<sup>331</sup> АРПМА. Док. № 3778.

<sup>332</sup> Православная энциклопедія. Т. 22. М., 2009. С. 155.

Иларіона монахини Магдалина и Гавріила. Всѣ вмѣстѣ они организовали маленькій монастырь и «тайно совершали богослуженія и монашескіе постриги, принимали обращающихся за совѣтомъ мѣстныхъ жителей»<sup>333</sup>.

24 іюня 1937 года они были вновь арестованы и осуждены какъ руководители тайнаго монастыря.

Отецъ Іоаннъ и отецъ Иларіонъ были разстрѣляны вмѣстѣ 4 сентября 1937 года въ Южной Казахстанской области около г. Чимкента въ мѣстечкѣ Лысая Балка<sup>334</sup>. Отецъ Иларіонъ и отецъ Іоаннъ были прославлены Архіерейскимъ юбилейнымъ соборомъ Русской Православной Церкви 2000 года.

## Преподобномученикъ Антипа (Кирилловъ)

Преподобномученикъ Антипа (въ міру Антоній Петровичъ Кирилловъ) родился въ 1872 году въ крестьянской семьѣ села Братково Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи.

11 іюня 1898 года Антоній Петровичъ пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 14 марта 1901 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Антипа, а 5 марта 1903 года въ мантию. Отецъ Антипа проходилъ разнообразныя послушанія: работалъ на огородѣ, былъ морякомъ на большомъ суднѣ обители, работалъ въ свѣчной мастерской, былъ пѣвчимъ на подворьяхъ въ Константинополь, Москвѣ и Одессѣ.

Отецъ Антипа хоть и не былъ самъ приверженцемъ имябожническаго ученія, но тяжело перенесъ высылку своихъ собратіевъ съ Аѳона. Огорченный и удрученный происшедшими событіями, онъ



<sup>333</sup> Тамъ же.

<sup>334</sup> Россія — Аѳонъ: Тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 70.

12 октября 1913 года вышел из Одесского подворья и поступил в Московский Новоспасский монастырь, где жил до 1917 года. После революционных переворотов 1917 года он вернулся на родину и до 1929 года служил псаломщиком в храм Воронежской епархии. Потом был рукоположен в иеромонаха и служил священником в одном из селений около Москвы.

В 1933 году отец Антипа написал письмо отцу Мисаилу, что было почти чудом и, по всей вероятности, сыграло роковую роль в его жизни. Приведем цѣликомъ это небольшое письмо, темъ болѣе что, подозреваемъ, что это единственное, что осталось отъ блаженного мученика: «Ваше высокопреподобіе, досточтимый отецъ архимандритъ, отецъ игуменъ съ братіей, благословите! Примите отъ меня, грѣшнаго, братское мое почтеніе и низкій мой Вамъ поклонъ. Отъ души желаю Вамъ всего лучшаго, спасенія души и мира отъ Бога.

Хотя я и за дальнимъ рубежомъ отъ Васъ, но душа моя скорбитъ о Васъ, такъ какъ давнымъ-давно не вижу Васъ. По милости Божіей съ отцомъ Макаріемъ<sup>335</sup> на Полянкѣ вижу очень часто, онъ уже сталъ дряхлымъ старичкомъ, а я, грѣшный, по милости Божіей служу на приходѣ за священника в 50 верстахъ отъ Москвы. И сколько можно въ нуждѣ помогаю отцу Макарію отъ своихъ трудовъ. И такъ, добрѣйшій отецъ игуменъ, если Вы не гнушаетесь мной, грѣшнымъ, то не помяните моихъ грубостей и напишите хотя два-три слова, кто послѣ отца Іакинфа сталъ намѣстникомъ и сколько васъ въ живыхъ.

Вашъ покорный и грѣшный послушникъ иеромонахъ Антипа Кирилловъ, бывшій пѣвчій.

Адресъ:

Московской области Коломенскаго округа Бронницкаго района село Татаринцево. Антипѣ Кириллову.

Прошу Вашихъ святыхъ молитвъ и жду отвѣта какъ великаго утѣшенія. 3 февраля 1933 года»<sup>336</sup>.

---

<sup>335</sup> Схимонахъ Макарій (въ міру Михаилъ Дмитріевичъ Чирковъ) бывшій писарь перваго разряда Варшавскаго интендантскаго окружнаго управления, родомъ изъ Вятской губерніи Елабужскаго уѣзда Кураковской волости села Тихихъ Горъ. Имя матери Аѳанасія. Родился въ 1854 году. Прибыль на Аѳонъ и поступилъ въ Русикъ въ 1882 году, постриженъ въ рясофоръ 25 марта 1884 года, въ мантию — 3 апрѣля 1886 года, въ схиму — 18 февраля 1909 года. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи, съ 1909 года на подворьѣ въ Москвѣ казначеемъ. Въ 1909–1910 годахъ писалъ письма схимонаху Матѳію (Ольшанскому) (см. архивъ РПМА. Док. № 1527). Въ 1919 году былъ арестованъ большевиками и сидѣлъ въ Таганской тюрьмѣ. Въ 1930–1932 годахъ писалъ письма игумену Мисаилу изъ Россіи (см. архивъ РПМА. Док.: № 877, 1241). Дата смерти не установлена. Похороненъ на территоріи, прилегающей къ храму въ честь Успенія Божіей Матери въ Пѣтушкахъ (Подмосковье). На его могилѣ стоитъ крестъ съ табличкой «Аѳонскій монахъ Макарій».

<sup>336</sup> АРПМА. Док. № 1250.

НКВД заподозрил отца Антипу въ шпіонажъ противъ совѣтскаго правительства, и на него начались гоненія. До 1937 года онъ скрывался отъ преслѣдованій.

Въ 1937 году отецъ Антипа былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни за антисовѣтскую агитацію. Его разстрѣляли 13 марта 1938 года въ Бутово<sup>337</sup>.

## **Іеросхимонахъ Адріанъ (Саѳоновъ)**

Іеросхимонахъ Адріанъ (въ міру Андрей Васильевичъ Саѳоновъ) родился въ 1863 году въ семьѣ Василя и Евдокии Саѳоновыхъ — мѣщанъ изъ города Козловъ Тамбовской губерніи. О его дѣтствѣ и юности намъ ничего не извѣстно, но, судя по его письмамъ, онъ получилъ приличное образованіе.

Въ 1889 году въ возрастѣ 26 лѣтъ Андрей Васильевичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 2 марта 1890 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Адріанъ, а 23 февраля 1895 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ. Все это время онъ проходилъ послушаніе въ монастырскомъ огородѣ, а послѣ пострига въ мантию — помощникомъ эконома по части садоводства и огородничества. 26 января 1897 года отецъ Адріанъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 30 сентября 1900 года въ іеромонаха. Послѣ хиротоніи старцы монастыря послали отца Адріана исполнять послушаніе настоятеля подворья въ Константинополь, а черезъ три года онъ былъ назначенъ настоятелемъ на подворье въ Солуни, гдѣ находился почти до 1916 года. Послѣ возвратился въ обитель



<sup>337</sup> Россія — Аѳонъ: Тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 68.



и некоторое время был старшим экономом. А с 1923 года почти до смерти он был антипросопом монастыря в Кареѣ. 4 марта 1931 года отца Адриана постригли в схиму безъ измененія имени.

Главной отличительной чертой отца Адриана была самоотверженная преданность обители и искренняя любовь къ братіи монастыря. Гдѣ бы онъ не представлялъ монастырь, онъ ревностно защищалъ

его интересы, вездѣ продвигалъ дѣла, имѣющія исключительную пользу для монастыря. При этомъ всюду и во всемъ всегда руководствовался прямыми указаніями старцевъ обители, любую деталь согласовывалъ съ ними. Это засвидѣтельствовано въ его письмахъ изъ Константинополя<sup>338</sup>, Солуни<sup>339</sup> и Кареи<sup>340</sup>.

Но это все-таки внѣшнія достоинства отца Адриана, которыя являлись слѣдствіемъ его глубокаго, какъ колодець въ пустынь, внутренняго духовнаго мира. Вслѣдствіе его правильнаго духовнаго настроя онъ получилъ отъ Господа даръ искренняго, глубокаго покаянія. Постоянно укоряя и уничижая себя, онъ всю жизнь оплакивалъ свою немощь и ничтожество, считая себя недостойнымъ даже элементарнаго человѣческаго вниманія. Онъ, какъ постникъ и дѣлатель Иисусовой молитвы, въ день своего пострига въ схиму удостоился видѣнія самого Господа, послѣ чего до самаго своего смертнаго часа уже ни съ кѣмъ, кромѣ своего духовнаго отца, не разговаривалъ. Онъ затворился въ своей кельѣ и посвятилъ свою оставшуюся жизнь еще большому покаянію.

Преставился отецъ Адрианъ 12 января 1933 года.

## Иеросхимонахъ Θεодоритъ (Константиновъ)

Иеросхимонахъ Θεодоритъ (въ міру Θεодоръ Семеновичъ Константиновъ) родился въ 1856 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Погожемѣ Тимскаго уѣзда Курской губерніи. Его мать звали Параскевой. Мальчикъ получилъ начальное образованіе въ сельской школѣ, а при достиженіи совершеннолѣтія былъ призванъ на военную службу, завершилъ которую въ 1882 году въ чинѣ унтеръ-офицера. Участвовалъ въ Русско-турецкой войнѣ 1877–1878 годовъ, гдѣ отличился особой храбростью и отвагой, за что

<sup>338</sup> АРПМА. Док.: № 850, 851.

<sup>339</sup> АРПМА. Док.: № 943, 945, 949.

<sup>340</sup> АРПМА. Док. № 1265.

былъ награжденъ многими военными наградами.

Но главнымъ результатомъ его участія въ военныхъ дѣйствіяхъ было полное преобразование его внутренняго міра. Массовая рѣзня, обесцѣниваніе человѣческой жизни, бессмысленныя страданія и жестокость побудили молодого воина задуматься о смыслѣ жизни. Долго размышляя надъ этими вопросами, онъ пришелъ къ выводу, что люди убиваютъ другъ друга потому, что потеряли въ себѣ образъ Божій. Грѣхъ уничтожилъ въ насъ первородное, заложное самимъ Творцомъ естественное свойство любить, и мы поэтому, какъ обычные животные, истребляемъ другъ друга. Тяжело стало на душѣ Ѳедора Семеновича, и онъ, среди царствія безбожной ненависти, рѣшилъ любыми средствами хотя бы въ себѣ возстановить первородный образъ Божій.

Въ 1883 году Ѳедоръ Семеновичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона. Старцы Иеронимъ и Макарій опредѣлили его на послушаніе въ больницу обители. Мудрые наставники человѣческихъ душъ сразу поняли, что израненная жестокостями войны душа молодого послушника требовала жертвеннаго служенія другимъ людямъ. И, дѣйствительно, Ѳедоръ Семеновичъ полностью предался дѣлу служенія болящимъ, находя въ этомъ оправданіе своимъ прежнимъ вынужденнымъ жестокимъ дѣйствіямъ. 21 сентября 1885 года онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Ѳеодоръ, а 24 февраля 1887 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ. Послѣ пострига его отправили на Новый Аѳонъ, гдѣ онъ принималъ активное участіе въ строительствѣ Ново-Аѳонской обители.

Въ 1889 году отца Ѳеодора отправили на подворье въ Москву, гдѣ онъ провелъ почти двадцать лѣтъ. Былъ правой рукой отца Аристоклія (Амвросіева), завѣдовалъ складомъ при часовнѣ, продавалъ книги, иконы и различные сувениры, связанные съ Аѳономъ.

Предѣльно аккуратно выполняя свои обязанности, онъ ни на секунду не переставалъ думать объ Аѳонѣ. Его душа жила постоянными мыслями о Святой Горѣ, тѣмъ болѣе что его очень удручала назойливая суета большого города, ежедневное общеніе съ сотнями



мірскихъ людей. Наконецъ, не выдержавъ, онъ попросилъ игумена Андрея позволить ему вернуться на Аѳонъ. «Голова кругомъ ходитъ, — писалъ онъ 25 іюня 1890 года, — чуть не помрачился умомъ потому, что мои тѣлесныя силы совершенно ослабли, а о душевныхъ и говорить нечего. Я Васъ прошу, прошу, а Вы только отвѣчаете — терпи»<sup>341</sup>. Отецъ Ѳеодоритъ, несмотря на скорби, все-таки продолжалъ смиренно исполнять благословеніе своего духовнаго отца и дальше вель необходимое для обители дѣло.

15 іюля 1894 года отецъ Ѳеодоръ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 10 мая 1897 года въ іеромонаха. Послѣ рукоположенія онъ смиренно продолжалъ исполнять свое тяжелое послушаніе въ Москвѣ. Милостивый Господь за послушаніе и смиреніе удостоилъ отца Ѳеодора быть свидѣтелемъ многихъ чудесныхъ видѣній и событий. «1913 года, въ Москвѣ, въ день Святой Пасхи была моя череда ходить по Замоскворѣчью со святыми мощами<sup>342</sup>, — писалъ онъ въ своемъ письмѣ. — Въ числѣ адресовъ была Знаменка — домъ генераль-лейтенанта Батурлина. Пригласила меня къ болящему сыну-лицеисту 19-ти лѣтъ Іоанну его супруга (сестра преосвященнѣйшаго Трифона). Онъ на Страстной недѣлѣ простудился и заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Не приглашая врачей, а прямо обращаясь къ небесному врачу святому великомученику Пантелеимону, она просила меня отслужить молебень съ акаѳистомъ и водоосвященіемъ съ молитвой Господу Богу. Когда я все совершилъ, то, покротивъ святой водой и помазавъ святымъ елеемъ болящаго, поднявъ ковчегъ со святыми мощами, осѣнивъ больнаго крестообразно, ибо онъ лежалъ какъ бы въ огнѣ, мы отправились по слѣдующимъ адресамъ. На второй день я справился о здравіи Іоанна, и мнѣ съ радостью отвѣтили, что онъ совершенно здоровъ»<sup>343</sup>.

Почти 30 лѣтъ пришлось отцу Ѳеодору выполнять монастырскія послушанія внѣ Аѳона, и только передъ началомъ Первой міровой войны его благословили вернуться въ родную обитель. Здѣсь онъ былъ назначенъ духовникомъ, и его духовная жизнь пошла такъ, какъ онъ объ этомъ давно мечталъ. Но съ 1 марта 1917 года игумень Мисаилъ назначилъ его настоятелемъ подворья въ Солуни и одновременно духовникомъ русскихъ военныхъ соединеній, дѣйствовавшихъ въ то время на Македонскомъ фронтѣ. И ему пришлось раздѣлить съ солдатами всѣ невзгоды военной жизни. Но отецъ Ѳеодоръ все переносилъ стойко и спокойно. 17 марта 1918 года за усердное исполненіе своихъ обязанностей при войскахъ отецъ Ѳеодоръ вмѣстѣ съ отцомъ Андреемъ (Жековымъ) и отцомъ Симеономъ (Булатовымъ), командующимъ второй особой пѣхотной дивизіи господиномъ Тарановскимъ въ городѣ Веріи (Греція) былъ награжденъ орденомъ Святой Анны третьей степени.

---

<sup>341</sup> АРПМА. Док. № 659.

<sup>342</sup> Въ московской часовнѣ св. великомученика Пантелеимона была такая традиція — ходить со святыми мощами св. Пантелеимона по конкретнымъ адресамъ.

<sup>343</sup> АРПМА. Док. № 659. С. 45.

Въ 1920 году отецъ Θεодоръ вернулся въ обитель. Какъ разъ въ это время умеръ главный духовникъ обители отецъ Агаѳодоръ (Будановъ). По рѣшенію Собора Старцевъ обители отца Θεодора назначили главнымъ духовникомъ и соборнымъ старцемъ. 6 мая 1922 года отца Θεодора постригли въ схиму съ именемъ Θεодоритъ. Огромный житейскій и духовный опытъ отца Θεодорита помогаль ему быть мудрымъ наставникомъ братіи. Для каждаго у него былъ готовъ совѣтъ и духовное утѣшеніе, за что всѣ его любили и уважали.

Преставился отецъ Θεодоритъ 6 ноября 1933 года.

## Иеромонахъ Теофанъ (Сердобинцевъ)

Иеромонахъ Теофанъ (въ міру Θεодоръ Яковлевичъ Сердобинцевъ) родился въ 1870 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Мордово-Карайскомъ Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Родители его были крещеными цыганами, ведущими осѣдлый образъ жизни и занимавшимися земледѣліемъ. Они были очень благочестивыми людьми и своихъ дѣтей воспитывали какъ истинныхъ христіанъ въ духѣ любви и смиренія.

Мальчикъ Θεодоръ былъ очень одареннымъ ребенкомъ, имѣлъ способность къ рисованію, пѣнію и учебѣ вообще. Былъ лучшимъ ученикомъ въ сельской школѣ, и всѣ думали, что онъ продолжитъ свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но Θεодоръ уже съ раннихъ лѣтъ вознамѣрился полностью посвятить свою жизнь Богу, на что родители съ радостью согласились.

Въ 1888 году 18-лѣтнимъ юношей Θεодоръ прибылъ на Аѳонъ и былъ принятъ послушникомъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Его сразу опредѣлили въ иконописную мастерскую. 1 марта 1895 года Θεодора постригли въ мантию съ именемъ Теофанъ.

Отецъ Теофанъ былъ очень искусенъ въ дѣлѣ иконописи. Написанныя имъ иконы пользовались большимъ успѣхомъ у пріѣзжавшихъ на Аѳонъ паломниковъ. Игуменъ



Макарій съ перваго дня поступленія его на послушаніе благословилъ ему во время написанія иконъ творить Иисусову молитву. А если молитва не шла, то прекращать иконописание. Съ тѣхъ поръ отецъ Теофанъ неукоснительно исполнялъ благословеніе великаго старца, и въ результатѣ его иконы получались особенно теплыми, въ нихъ чувствовалось присутствіе благодати. Братія знала объ этомъ, и всѣ просили написать его и имъ маленькія иконочки, въ чемъ, естественно, отецъ Теофанъ никому не отказывалъ. Занимался онъ одновременно и фотографіей, и благодаря его стараніямъ мы сегодня имѣемъ изображенія многихъ старцевъ и подвижниковъ тогдашняго Аѳона.

15 августа 1900 года отецъ Теофанъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 28 марта 1909 года въ іеромонаха. Въ это время въ Москвѣ на подворьѣ отецъ Аристоклій (Амвросіевъ) въ домѣ на Полянкѣ устроилъ маленькій храмъ въ честь иконы Божіей Матери «Скоропослушница» и для росписи его выпросилъ съ Аѳона отца Теофана. Съ большой скорбью согласился отецъ Теофанъ оставить Аѳонъ. Онъ ѣхалъ съ той надеждой, что вскорѣ вернется въ родную обитель. Но ему больше не суждено было возвратиться туда. 1 ноября 1909 года отецъ Теофанъ приступилъ на подворье въ Москвѣ въ домѣ на Полянкѣ къ росписи храма. Начавшаяся война и переворотъ въ Россіи не позволили ему вернуться въ родную обитель, хотя онъ и приложилъ для этого немало усилій.

Совѣтское правительство стало преслѣдовать его. Въ 1927 году его арестовали. По рѣшенію суда онъ былъ сосланъ на два года въ Нарымскій край Томской губерніи. Въ 1929 году его освободили, но вскорѣ опять арестовали и сослали еще на три года.

Въ 1930 году онъ написалъ письмо игумену Мисаилу, которое приведемъ цѣликомъ, такъ какъ это единственное письмо отца Теофана, присланное изъ ссылки, тѣмъ болѣе что оно ярко показываетъ силу его духа и воли:

«Глубокоуважаемый батюшка, отецъ игумень, благословите! Увѣдомляю Васъ о томъ, что я — вашъ послушникъ — недостойный іеромонахъ Теофанъ по Вашимъ святымъ молитвамъ благополучно закончилъ первую ссылку еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1929 года, но недолго пришлось жить въ неопредѣленномъ положеніи и черезъ девять мѣсяцевъ получилъ извѣщеніе, что мнѣ постановили еще три года прожить въ Сибири. И я теперь переѣхалъ еще сѣвернѣе на 300 верстъ, хотя тоже въ Норымскомъ краѣ въ село Кривоуцкое Александровскаго района Томскаго округа. Хотя здѣсь еще глуше, чѣмъ въ Каргаскѣ, потому что почтовое отдѣленіе находится въ 70 верстахъ отъ нашего села Кривоуцкаго. Но я радъ, что мнѣ разрѣшено служить въ мѣстномъ храмѣ Рождества Христова, гдѣ давно не было священника, и я съ перваго же дня началъ исполнять всѣ требы для вѣрующихъ. Прибылъ я сюда 17/30 іюня. Благочинный поручилъ мнѣ, если справлюсь, обслуживать еще три сосѣднихъ храма. Одинъ изъ нихъ находится на разстояніи 60 верстъ въ селѣ Никольскомъ, другой за 70 верстъ въ противоположную сторону въ селѣ Александровка. Я буду служить безъ всякаго жалованія, чтобы не отягощать вѣрующихъ, а только чтобы совсѣмъ

не одичали безъ церковныхъ Таинствъ. Не знаю, какъ мнѣ Господь поможетъ въ этомъ дѣлѣ? Зимой придется ѣздить по 40-градусному морозу!.. Хотя природа и климатъ здѣсь суровые, но я все-таки утѣшаюсь тѣмъ, что здѣсь продолжается сибирская тайга, изобилующая большимъ кедровымъ лѣсомъ, который для мѣстныхъ жителей служитъ какъ манна для евреевъ въ Синайской пустынѣ. На кедрахъ растутъ вкусные орѣхи, которыхъ осенью собираютъ сотни пудовъ, выручаютъ за нихъ хорошія деньги. А я еще придумалъ изъ кедровой благовонной смолы дѣлать ладанъ наподобіе аѳонскаго, только безъ розоваго масла. А такъ какъ въ настоящее время въ Россіи заграничнаго ладана-капанца нѣтъ, то и моему ладану рады. Онъ ходитъ подъ именемъ Сибирскаго, и я очень радъ, что мой трудъ пошелъ на пользу Церкви!..

Итакъ, я и на слѣдующій сезонъ остаюсь на сибирскихъ курортахъ, которые признаны полезными для моего темперамента!.. Первый сезонъ съ Божіей помощью я перенесъ легко и бодро, а второй, по-видимому, будетъ труднѣе. Но я въ надеждѣ на милость Божію и на Ваши святыя молитвы вступаю и на этотъ подвигъ бодро!.. Земно кланяюсь Вамъ, дорогой батюшка, а также отцу намѣстнику и всей братіи и смиренно прошу у всѣхъ святыхъ молитвъ и отеческаго благословенія. Недостойный іеромонахъ Теофанъ Сердобинцевъ. 1930 года 7/20 іюля»<sup>344</sup>.

Отецъ Теофанъ хоть и дожилъ до своего освобожденія изъ ссылки, но здоровье его было полностью подорвано. Онъ еле добрался до Москвы. Въ Подмосковьѣ въ селѣ Пѣтушки у храма Успенія Божіей Матери жили нѣсколько братіевъ изъ Московскаго подворья во главѣ со схимонахомъ Макаріемъ (Чирковымъ). Они и приютили его. Онъ былъ настолько боленъ, что уже не могъ самостоятельно передвигаться. Скорая смерть избавила его отъ физическихъ мученій и очередныхъ преслѣдованій властей.

Преставился отецъ Теофанъ 8 ноября 1933 года.

## Схіархидіаконъ Кипріанъ (Рыженковъ)

Схіархидіаконъ Кипріанъ (въ міру Кодратъ Григорьевичъ Рыженковъ) родился въ 1860 году въ крестьянской семьѣ въ слободѣ Великой Михайловкѣ Новоскольскаго уѣзда Курской губерніи. Мать его звали Меланіей. Семья была глубоко религіозной, и дѣти тоже всѣ были очень набожными, особенно младшій Кодратъ. Еще малышомъ онъ любилъ играть въ монаха, надѣвалъ на себя льняной мѣшокъ и завязывалъ поясъ веревкой, на шею — деревянный крестъ и такъ ходилъ по слободѣ. При этомъ любилъ пѣть импровизированныя пѣснопѣнія, которыя

---

<sup>344</sup> АРПМА. Док. № 245. С. 3–5.



самъ и придумывалъ. Также у него былъ даръ. Онъ хорошо рисовалъ, изображая углемъ на доскѣ святыхъ. Монаховъ въ этомъ селѣ почитали особо. Дѣло въ томъ, что только изъ этой слободы въ разныхъ обителяхъ Аѳона подвизались ровно 40 (!) человекъ<sup>345</sup> и каждая семья имѣла хотя бы одного родственника — аѳонскаго монаха, а то и по два или по три. Въ монахи уходили семьями. Поэтому не удивительно, что основной игрой маленькихъ дѣтей слободы была игра въ монаховъ.

Но Кодратъ не удовлетворился дѣтскими играми и, будучи 15-лѣтнимъ юношей, серьезно рѣшилъ уйти въ монастырь. И, никого не предупредивъ, онъ оставилъ родной домъ и почти пѣшкомъ дошелъ до Одессы, гдѣ договорился съ однимъ капитаномъ, и тотъ за опредѣленную сумму провезъ его безъ документовъ прямо до Аѳона.

На Аѳонъ Кодратъ прибылъ въ 1875 году и вначалѣ устроился жить на келліи одного своего односельчанина. Но черезъ годъ попросился въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, и его приняли. Отецъ Кодрата послѣ смерти жены тоже рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ и поступить въ монастырь. Свое имѣніе онъ раздѣлилъ между двумя сыновьями и въ 1876 году поѣхалъ на Аѳонъ и тоже поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ вскорѣ его постригли въ мантию съ именемъ Гурій. Такимъ образомъ отецъ и сынъ оказались опять въ одной семьѣ, но теперь въ семьѣ христіанскаго братства.

29 марта 1876 года Кодратъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Киприанъ, и, чтобы не имѣть частаго общенія съ роднымъ отцомъ, что могло бы его отвлечь отъ духовной жизни, старцы отправили его на послушаніе на Старый Руссикъ. Тамъ же 2 апрѣля 1886 года его постригли въ мантию съ тѣмъ же именемъ.

<sup>345</sup> Абсолютнымъ рекордсменомъ изъ селъ, пославшихъ на Аѳонъ своихъ представителей — будущихъ монаховъ (51 человекъ съ 1850 по 1914 годъ), является село Таркановка, находившееся въ Ободовской волости Ольгопольскаго уѣзда Каменецъ-Подольской губерніи.

Отець Кипріанъ сочинялъ стихи, занимался живописью, былъ отмѣннымъ пѣвчимъ — обладалъ хорошимъ басомъ. Братія Старога Руссика очень полюбила молодого любвеобильнаго монаха. Его вѣра была такъ жива и непринужденна, что онъ всѣхъ заражалъ своимъ оптимизмомъ.

Особенно укрѣпилъ въ вѣрѣ отца Кипріана случай, происшедшій съ нимъ въ самомъ началѣ его монашескаго пути. Вотъ какъ описываетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Въ 1875 или 1876 году на Старомъ Руссикѣ жили отецъ Гликерій и отецъ Кипріанъ (Рыженковъ) — пѣвчій, теперь іеродіаконъ. Присланъ туда былъ колоколь въ 40 или 50 пудовъ, который захотѣлось имъ повѣсить на приготовленный брусъ непременно наканунѣ храмоваго праздника святаго Саввы. Утромъ послѣ трапезы собралось челоуѣкъ тридцать монаховъ вмѣстѣ съ пришедшими на праздникъ. Отець Гликерій закрѣпилъ веревки съ блоками. Стали тянуть колоколь, но, сколько ни старались, не могли никакъ оторвать его отъ земли. Послѣ тщетныхъ усилій всѣ разошлись спать. У колокола остались только двое — отецъ Гликерій и отецъ Кипріанъ, которые, какъ самые молодые и ревностные, все пытались придумать, что бы имъ такое сдѣлать, чтобы колоколь все же былъ поднятъ. Такъ они стояли и размышляли и вдругъ видятъ, подходитъ къ нимъ какой-то старецъ монахъ-странникъ и спрашиваетъ: „Что дѣти дѣлаете?“ Тѣ отвѣчаютъ: „Хотѣлось бы поднять ради праздника колоколь, но не смогли, не знаемъ, что и дѣлать“. Затѣмъ они спросили, кто онъ и не сможетъ ли имъ помочь. Старець отвѣчаетъ: „Я странникъ — сербъ. Что же, попробуемъ, можетъ, и подыдемъ. Иди, — говоритъ онъ отцу Гликерію, — прикрѣпляй какъ нужно“. Тутъ у отца Гликерія появилась какая-то надежда, что странникъ дѣйствительно поможетъ. Пошелъ прикрѣплять. Странникъ спрашиваетъ: „Готово ли?“ И, получивъ утвердительный отвѣтъ, они втроемъ начали подъемъ. И что же? Колоколь пошелъ свободно, почти безъ всякихъ усилій, и они подняли его до бруса. Странникъ велѣлъ отцу Гликерію идти поскорѣе привязывать его, и, закончивъ это дѣло, отецъ Гликерій отъ радости сейчасъ же началъ звонить, а отецъ Кипріанъ тоже побѣждалъ звонить въ маленькіе колокола. Позвонивъ, они хотѣли пригласить странника на трапезу, откусать того, что Богъ послалъ, но его уже нигдѣ не было. Тутъ они подумали, что случилось нѣчто чудесное. А взглянувъ на икону св. Саввы, признали его похожимъ на странника»<sup>346</sup>.

Послѣ смерти въ 1890 году роднаго отца, схимонаха Гурія, отца Кипріана перевели въ прибрежный Руссикъ и дали ему послушаніе уставщика и пѣвчаго. 5 іюня 1894 года его рукоположили въ діакона, а 15 августа 1912 года въ архидіакона. Все это время онъ былъ главнымъ діаконѣмъ всѣхъ праздничныхъ богослуженій. Его прекрасный

<sup>346</sup> АРПМА. Док. № 307. С. 2.

голосъ очень любила братія и умилялась, слыша, какъ онъ произноситъ ектеніи. Несмотря на это, во внѣшнемъ поведеніи отца Кипріана не было ни малѣйшаго намека на гордость или тщеславіе. Наоборотъ, громкій и звучный во время богослуженія, онъ былъ тише воды и ниже травы при ежедневномъ общеніи съ братіей. Его любвеобиліе не знало границъ. Онъ всѣхъ любилъ одинаково сильно и стремился быть всѣмъ полезнымъ.

Естественно, что для него сталъ личной трагедіей расколъ среди братства изъ-за имябожническихъ споровъ. Не вынеся братскаго раздора, онъ попросилъ игумена Мисаила отпустить его на время въ Россію. Хорошо знавшій внутреннія переживанія отца Кипріана по поводу братскихъ раздоровъ, старецъ согласился на его отъѣздъ.

Отецъ Кипріанъ поселился въ Бизюковскомъ монастырѣ и жилъ тамъ вплоть до окончательнаго рѣшенія имябожническаго вопроса. Въ ноябрѣ 1913 года онъ вернулся въ родную обитель и въ смиреніи и послушаніи доживалъ здѣсь свой вѣкъ.

Преставился отецъ Кипріанъ 20 ноября 1936 года въ возрастѣ 76 лѣтъ, шестьдесятъ изъ которыхъ онъ провелъ въ стѣнахъ монастыря, подавая всѣмъ примѣръ истинной христіанской любви и благочестія. Любезному читателю представимъ на судъ его стихотвореніе, которое условно можно назвать его духовнымъ завѣщаніемъ намъ всѣмъ, желающимъ спастись:

Зашель я въ келлію въ пустынь  
И вижу, въ ней стоитъ монахъ,  
Онъ на убогой рогозинѣ  
Творитъ молитву. Легкій страхъ  
Объялъ меня, но, ободрившись,  
Сказалъ: «Отецъ, благослови!» –  
Еще разъ онъ, перекрестившись  
(Весь полонъ Божіей любви)...  
Потомъ подалъ благословенье,  
И тутъ же онъ спросилъ меня:  
«Зачѣмъ ты, чадо, въ это время  
Прійти ко мнѣ трудилъ себя?»  
Духовной жаждою томимый,  
Я какъ елень притекъ къ тебѣ,  
И духомъ Божіимъ водимый,  
Вотъ благо, что нашель тебя.  
«Я понялъ, ты чего желаешь.  
Да, есть водичка для тебя,  
Напьешься и не возжаждаешь,  
Увидишь здравымъ ты себя.

Всегда ты будешь въ чудномъ свѣтѣ,  
И жить ты будешь какъ въ раю,  
И радость въ сердцѣ будешь зрѣти  
Всю остальную жизнь твою.  
И я сперва терпѣлъ крушенья,  
Когда вселился въ пустынь сей,  
Врагъ наносилъ мнѣ искушенья,  
Стремясь вредить душѣ моей.  
При вражескомъ такомъ прилогѣ  
Всегда я Господа молилъ,  
И умъ мой весь тогда былъ въ Богѣ,  
Предъ нимъ въ молитвѣ слезы лилъ.  
И такъ помалу подвизаясь,  
Теперь живу уже въ тиши,  
И ты, о чадо, постарайся,  
Совѣтъ мой въ сердцѣ напиши:  
Въ монастырѣ пребудь до гроба,  
Смирай себя и слезы лей,  
Грѣховъ прощенія у Бога  
Всегда проси души твоей.

Будь тихъ, и кротокъ, и любезенъ,  
Будь сострадателенъ и благъ,  
Обители ты будь полезенъ,  
И, словомъ, добрый будь монахъ.  
Ты не подсматривай за братомъ,  
Свои проступки не скрывай,  
Но все отъ сердца ежекратно  
Духовну мужу открывай.  
Старайся быть всегда въ молитвѣ,  
А празднословья избѣгай.  
О Сынъ! Сидитъ врагъ на ловитвѣ,  
Сѣтей его ты убѣгай.  
Стяжи молчаніе, о чадо!  
И симъ враговъ ты устрашишь,  
А Ангеламъ подашь отраду  
И всѣхъ святыхъ возвеселишь.  
„Я на кого воззрю?“ — И вѣрно  
Сказаль Господь въ словахъ своихъ:  
„На молчалива и смиренна,  
Трепещуща словесъ моихъ“.  
Душеспасительныя книги  
Читай, мой сынъ, и не лѣнись,  
За свѣтскія, мірскія, ни, ни!  
Храни Господь, и не берись.  
Онѣ монаху не полезны,  
Мірскія въ нихъ стихи, слова  
Родятъ душевныя болѣзни,  
Отъ нихъ кружится голова.  
Ты къ похвалѣ будь равнодушенъ,  
Пей укоризну какъ млеко,  
Будь глухъ и нѣмъ, и какъ бездушень,  
Не возносись ты высоко.  
Храни свой взоръ, какъ огонь опасень,  
Не подымай безъ нужды глазъ  
Въ лицо иль на предметъ прекрасенъ,

Сіе наибольше губить насъ.  
Худые помыслы, о чадо,  
Старайся вонъ искоренять.  
Иисусовой молитвой надо  
Ихъ постоянно отгонять.  
На бдѣніяхъ не будь лѣнивымъ,  
Стой твердо, о душѣ молись,  
Да и всегда не будь сонливымъ,  
Чтобы чертогъ не затворить.  
Вина, сикера и не трогай,  
Отъ брашенъ также воздержись,  
Иль пьешь и ѣшь, только немного,  
Во всемъ на Бога возложись.  
Люби враговъ твоихъ какъ братій,  
Обидающимъ всегда прощай,  
За всѣхъ молися многократно  
И съ даромъ нищихъ отпускай.  
Къ вещамъ земнымъ или богатству  
Ты сердце здѣсь не прилагай,  
Но смерть, и судъ, и рай, и Царство  
Ты предъ собою полагай.  
Но безъ рѣшимости не можно  
Сихъ добродѣтелей стяжать,  
Но твердо и рѣшимо должно  
На добрый и благой путь стать.  
Тогда увидишь облегченіе  
И проведешь ты мирно жизнь,  
Не будетъ совѣсти мученье  
И будешь какъ на небѣ жить».  
И я тутъ взяль сіе лѣкарство,  
Началь помалу принимать,  
Какую старецъ далъ водичку,  
И какъ на свѣтѣ надо жить,  
Чтобъ смыть грѣховную привычку,  
И какъ намъ Богу угодить.

## Иеросхимонахъ Іоанникій (Кутиревъ)



Иеросхимонахъ Іоанникій (въ міру Иванъ Григорьевичъ Кутиревъ) родился въ 1875 году въ крестьянской семьѣ въ поселкѣ Гусь Хрустальный Закоиневской волости Меленковского уѣзда Владимірской губерніи. О его жизни до поступления въ монастырь намъ ничего не извѣстно.

Иванъ былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь 3 сентября 1902 года, гдѣ его определили на послушаніе въ монастырскую типографію. Здѣсь онъ работалъ вплоть до остановки типографіи въ 1920 году. Онъ отъ простаго помощника печатника дошелъ до старшаго въ типографіи. Прилагалъ большія усилія для расширенія и модернизациі ея, но начавшаяся Первая міровая война навсегда разрушила его планы.

27 марта 1904 года Ивана постригли въ рясофоръ съ именемъ Іоаннъ, а 22 марта 1907 года въ мантию съ именемъ Исхирионъ. На духовномъ поприщѣ онъ былъ

такъ же старателенъ, какъ и въ послушаніи. Безопустительно посѣщалъ церковныя службы, былъ простъ въ общеніи съ братіей. 20 октября 1914 года отца Исхириона рукоположили въ іеродіакона, а 1 февраля 1926 года въ іеромонаха. Къ этому времени типографія закрылась и его назначили благочиннымъ.

Послѣ смерти намѣстника Іокима (Кузнецова)<sup>347</sup> 31 мая 1927 года, въ День сошествія Святаго Духа, отецъ Исхирионъ изъ трехъ кандидатовъ былъ избранъ по жребію

<sup>347</sup> Схиіеромонахъ Іоакимъ (въ міру Иванъ Кононовичъ Кузнецовъ) бывшій крестьянинъ села Поозерье Ложголовской волости Гдовскаго уѣзда Санктъ-Петербургской губерніи. Имя матери Агаѡья. Родился въ 1862 году. Прибылъ на Аѡнъ и поступилъ въ Русскіе въ 1888 году. Постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Іоаннъ 8 апрѣля 1889 года, въ мантию съ именемъ Іакинфъ 29 мая 1890 года, въ схиму 2 апрѣля 1919 года.

въ новые намѣстники. Вся братія радовалась счастливому проявленію воли Божіей. Всѣ его очень любили и уважали за скромность. Его прекрасныя человѣческія качества не остались не замѣченными и у священноначалія. 8 іюня 1927 года онъ былъ награжденъ набедренникомъ и палицей, а 27 іюля того же года наперснымъ крестомъ. 17 апрѣля 1929 года онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Іоанникій.

Въ это время обитель была въ большой матеріальной нуждѣ, и для поправки финансоваго состоянія почти каждый годъ посылались монахи въ Сербію, которая была тогда почти единственнымъ пріютомъ для вынужденныхъ уѣхать въ тѣ трудныя для Россіи времена русскихъ людей. Аѳонскіе монахи обращались за помощью не только къ своимъ землякамъ, но и къ правительству Сербіи и Патріархіи Сербіи. Однимъ изъ такихъ посланниковъ былъ и отецъ Іоанникій. Онъ въ 1929 году посѣтилъ Бѣлградъ и приложилъ немало усилій для сбора помощи монастырю.

Послѣ того какъ игумена Мисаила парализовало, всѣ заботы о монастырѣ легли на плечи отца Іоанникія. И съ этой огромной нагрузкой и отвѣтственностью онъ справился съ честью. Вотъ какимъ увидѣлъ писатель В. Маевскій отца Іоанникія во время своего пребыванія на Аѳонѣ: «Интересна личность пантелеимоновскаго намѣстника отца Іоанникія. Помимо высокой религіозной настроенности, примѣрной монашеской жизни и трудовъ по экономіи онъ принесъ монастырю огромную пользу и завидной стойкостью своихъ убѣжденій. Такъ, во время имябожнической смуты онъ опредѣленно сталь на сторону противниковъ этого движенія, удерживая слабыхъ и мятущихся. И въ качествѣ опытнаго типографа оказалъ значительныя услуги неимябожнической части братіи и представителямъ Святѣйшаго Синода печатаніемъ воззваній, обращеній и т. д.».

И далѣе писатель говоритъ: «Сидѣли мы съ намѣстникомъ отцомъ Іоанникіемъ, попивали чаекъ и такъ оживленно дружески разговаривали, будто были хорошо знакомы много, много лѣтъ. При этомъ я искренне наслаждался его рѣчью, отъ которой такъ вѣяло крѣпкимъ сѣверомъ далекой и милой Родины.

Отецъ Іоанникій чистой воды великороссъ, несмотря на долгій срокъ пребыванія на Аѳонѣ сохранившій характеръ подлинно русской народной рѣчи, казавшійся мнѣ теперь особенно дорогой и очаровательной... А она такъ и лилась, эта замѣчательная рѣчь „говоркомъ“, сверкая меткими народными словечками и поговорками, поражая своей находчивостью и остроуміемъ, знаніемъ людей и человѣческой жизни.

---

Рукоположенъ въ іеродіакона 12 октября 1896 года, а въ іеромонаха 16 декабря 1899 года. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи монастыря, казначеемъ на подворьѣ въ Москвѣ. 31 мая 1909 года по жребію избранъ намѣстникомъ. 15 іюля 1909 года награжденъ крестомъ и набедренникомъ. 7 декабря 1912 года указомъ Его Императорскаго Величества, Святѣмъ Правительственнымъ Синодомъ награжденъ наперснымъ крестомъ за труды по доставкѣ розоваго и оливковаго масла для нуждъ святаго мироваренія. 14 октября 1913 года Константинопольскимъ Патріархомъ Германомъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ по случаю избавленія отъ еретическаго ученія. Въ маѣ 1916 года былъ награжденъ орденомъ Святой Анны II степени за усердіе къ нуждамъ войны. Преставился 16 января 1927 года.

Такъ говорили когда-то въ старой и доброй Россіи торговые люди. Такъ, вѣроятно, говорили русскіе бояре и замоскворецкіе купцы при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I. И отецъ Иоанникій, пронеся эту русскую рѣчь черезъ десятилѣтія, теперь щедро ей одаривалъ меня.

Время въ пріятной бесѣдѣ проходило быстро, и жаль было уходить отъ такого замѣчательнаго русскаго самородка. Въ его лицѣ соединялась ревность о славѣ Божіей и высококомъ достоинствѣ русскаго монашества на Аѳонѣ съ личнымъ подвигомъ иноческаго житія; неослабное попеченіе о строгомъ соблюденіи устава богослуженія и жизни родной обители съ несокрушимой энергіей въ настойчивой работѣ для устраненія вопіющей матеріальной нужды иноковъ во всемъ.

Вездѣ онъ успѣвалъ побывать, все увидѣть и во всемъ принять личное участіе... При такихъ наклонностяхъ и горѣннѣй въ работѣ, по волѣ Божіей, ему естественно было взять на свои крѣпкія рамена и управленіе обителью, когда богомудрый старецъ монастыря, архимандритъ Мисаиль, изнурительнымъ недугомъ лишень былъ способности передвигаться»<sup>348</sup>.

Отецъ Иоанникій съ огромнымъ уваженіемъ относился къ игумену отцу Мисаилу. Даже когда старецъ былъ уже въ парализованномъ состояніи, безъ него онъ самостоятельно не позволялъ себѣ ни малѣйшей вольности въ принятіи тѣхъ или иныхъ рѣшеній. Въ 1929 году во время своего пребыванія въ Сербіи онъ писалъ отцу Мисаилу письма съ подробнымъ описаніемъ происходящаго тамъ<sup>349</sup>.

Преставился отецъ Иоанникій 11 сентября 1937 года внезапно, умеръ отъ разрыва сердца.

## Схіархимандритъ Кирикъ (Максимовъ)

Схіархимандритъ Кирикъ — одна изъ центральныхъ фигуръ въ исторіи Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. Онъ поступилъ въ монастырь въ то время, когда игумень Макарій былъ еще живъ, и успѣлъ получить у него немало уроковъ благочестія и духовности. Но главнымъ его руководителемъ и наставникомъ на этомъ пути былъ все-таки отецъ Агаѳодоръ (Будановъ), который безъ прикрасъ и измѣненій передалъ ему все богатое ученіе великихъ старцевъ отца Іеронима и отца Макарія. Схіархимандритъ Кирикъ оказался не только хорошимъ ученикомъ, но и самъ сумѣлъ передать ученіе старцевъ своимъ ученикамъ.

Схіархимандритъ Кирикъ (въ міру Константинъ Никифоровичъ Максимовъ) родился въ 1864 году въ крестьянской семьѣ села Вышнемелевое Верхососенской волости

<sup>348</sup> Маевскій Вл. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 27.

<sup>349</sup> АРПМА. Док. № 1256.

Малоархангельскаго уѣзда Орловской губерніи. Его мать звали Екатериной. Мальчикъ съ раннихъ лѣтъ былъ задумчивымъ и впечатлительнымъ. Онъ съ горящими глазами слушалъ рассказы матери о чело-вѣколюбивомъ Господѣ и мечталъ когда нибудь стать его вѣрнымъ слугой. Въ свое время Константина отдали учиться въ уѣздное училище, послѣ окончанія котораго онъ работалъ въ канцеляріи уѣзднаго правленія писаремъ. Но не это было его мечтой, онъ постоянно думалъ, какъ опредѣлится ему въ монастырь. Родители сначала были противъ этого намѣренія сына, но мольбы и настойчивость Константина размягчили ихъ сердце, и они дали свое согласіе.

Въ 1886 году Константинъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона, гдѣ его опредѣлили на послушаніе въ канцелярію монастыря. Почти три года Константинъ имѣлъ счастье общаться съ великимъ игуменомъ Макаріемъ. Онъ не пропускалъ ни одной малѣйшей возможности приступить къ окруженному заботами и людьми старцу, исповѣдываться у него или получить благословеніе.

15 іюня 1887 года отъ игумена Макарія Константинъ удостоился пострига въ рясофоръ съ именемъ Кирикъ, что воистину было вершиной счастья для молодого подвижника. 6 марта 1892 года его постригли въ мантию съ тѣмъ же именемъ. 30 ноября 1894 года отецъ Кирикъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 27 іюля 1898 года въ іеромонаха.

Съ 1890 года его духовнымъ отцомъ былъ отецъ Агаѳодоръ, вѣрность которому отецъ Кирикъ сохранилъ до самой кончины старца. Въ хранящемся въ архивѣ монастыря дневникѣ отца Агаѳодора на первой страницѣ есть надпись отца Кирика: «Рукопись сію унаслѣдовалъ я лично отъ старца іеромонаха Агаѳодора при жизни его, незадолго передъ кончиной Аввы»<sup>350</sup>, что свидѣтельствуетъ о тѣсной духовной связи этихъ двухъ подвижниковъ.



<sup>350</sup> АРПМА. Док. № 502. С. 1.

Въ 1899 году отца Кирика отправили на Одесское подворье монастыря, гдѣ онъ сначала выполнялъ послушаніе казначея, а съ 29 октября 1905 года сталъ настоятелемъ подворья. За пять лѣтъ несенія этой службы отецъ Кирикъ проявилъ себя какъ опытный духовникъ, онъ заслужилъ любовь и уваженіе не только братіи Одесскаго подворья, но и огромнаго количества прихожанъ, ежедневно осаждавшихъ его храмъ. Большое уваженіе онъ заслужилъ также у знати и руководства города. Даже одесскій градоначальникъ исповѣдовался у него и испрашивалъ у него духовнаго наставленія. А когда старцы вызвали отца Кирика въ обитель, то онъ письменно просилъ ихъ оставить его въ Одессѣ.

Кромѣ духовнаго окормленія людей и практическаго руководства подворьемъ отецъ Кирикъ занимался активной разносторонней общественной дѣятельностью. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годовъ онъ выполнялъ пастырскія обязанности въ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, за что былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ и набедренникомъ. Въ 1909 году онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Православнаго Палестинскаго Общества.

Въ 1910 году старцы Руссика постановили вызвать отца Кирика на Аѳонъ, куда онъ немедля поѣхалъ и гдѣ жилъ до марта 1914 года, выполняя послушаніе духовника и казначея. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ много времени посвятилъ изученію исторіи монастыря и обогащенію ея новыми лѣтописными записями<sup>351</sup>.

Въ мартѣ 1914 года по рѣшенію Собора Старцевъ монастыря отецъ Кирикъ былъ вновь назначенъ настоятелемъ Одесскаго подворья. Видимо, основой этого рѣшенія стали многочисленныя просьбы одесситовъ вернуть любимаго духовника. Въ Одессѣ отецъ Кирикъ оставался до 1920 года.

Въ это трудное для Россіи время вѣрный сынъ ея отецъ Кирикъ не оставался въ сторонѣ отъ происходящихъ событій, а посильно участвовалъ въ судьбѣ Родины. Онъ при подворьѣ организовалъ лазаретъ для раненыхъ и самъ активно участвовалъ въ дѣлѣ духовнаго окормленія воиновъ и ихъ начальниковъ. За свою активную дѣятельность на благо Родины и за усердіе къ нуждамъ войны по постановленію Святѣйшаго Синода онъ былъ награжденъ въ 1916 году орденомъ Святой Анны III степени и возведенъ въ санъ архимандрита. По постановленію Россійскаго общества Краснаго Креста отъ 25 января 1916 года ему предоставлено было право ношенія установленнаго 24 іюня 1899 года знака Краснаго Креста.

Отецъ Кирикъ оставилъ Одессу только вмѣстѣ съ отступавшими бѣлогвардейцами.

Возвратившись въ родную обитель, отецъ Кирикъ вновь взялъ на себя исполненіе нелегкихъ обязанностей духовника. Наступили тяжелыя для обители времена, и братія нуждалась въ особенно сильной личности, способной поддержать ихъ. Именно такимъ

---

<sup>351</sup> АРПМА. Док.: № 142, 154.

духовникомъ и сталъ отецъ Кирикъ. Онъ личнымъ примѣромъ вдохновлялъ братію на новыя духовныя подвиги.

Тяжелое матеріальное положеніе заставило игумена Мисаила искать помощи въ братской Сербіи. По его благословенію отецъ Кирикъ нѣсколько разъ ѣздилъ туда для сборовъ пожертвованій для обители. Послѣдній разъ онъ ѣздилъ въ Сербію въ октябрѣ 1931 года съ иконами для новой Иверской церкви въ Бѣлградѣ, и на этотъ разъ, пославъ огромную помощь въ монастырь, отецъ Кирикъ задержался въ Бѣлградѣ.

По многочисленнымъ просьбамъ видныхъ представителей русской эмиграціи въ Сербіи патріархъ Сербскій Варнава назначилъ его духовникомъ всего Бѣлградскаго духовенства. «Святѣйшій Патріархъ, ученикъ митрополита Антонія (Храповицкаго) по Петербургской Духовной академіи, съ правомъ понадѣялся, что, какъ и въ прежніе вѣка, русскіе духовники помогутъ возрожденію истиннаго духа иночества. Онъ поддерживалъ русско-сербскую обитель въ древнемъ монастырѣ Мильково, во главѣ съ мудрымъ архимандритомъ Амвросіемъ (Кургановымъ), откуда вышли такія духовныя чада Аввы, какъ: святитель Іоаннъ Шанхайскій, сербскій старецъ Авва Фаддей Витовницкій; іерархи: Антоній Санъ-Францискій (Медвѣдевъ), Леонтій и Антоній Западно-Европейскіе (Бартошевичи), Антоній Лось-Анджелесскій (Сенькевичъ); архимандриты: Никандръ (Бѣляковъ), Теофанъ (Шишмановъ); игумень Лука (Родионовъ) и многіе другіе...

Еще болѣе важную роль сыграло прибытіе въ Сербію Лѣснинско-Богородицкой женской обители (около 60 инокинь) во главѣ съ игуменіей Екатериной (Ефимовской), духовной дочерью святаго праведнаго Іоанна Кронштадтскаго. Ихъ помѣстили въ древній монастырь Хопово (на Фрушкой Горѣ), и оттуда „отроилось“ около 30 новыхъ женскихъ сербскихъ монастырей! Такъ исполнились пророческія слова святаго Іоанна: „Екатеринушка, изъ твоего улья выйдутъ многіе новыя рои!“

И вотъ аѳонскій инокъ, архимандритъ Кирикъ, сталъ духовникомъ многихъ сербскихъ монастырей, но въ первую очередь этого Лѣснинско-Хоповскаго духовнаго очага.

Въ Бѣлградѣ его принялъ къ себѣ основатель и первый настоятель бѣлградскаго прихода Святой Троицы протоіерей Петръ Бѣловидовъ (проживавшій по адресу: улица Крунская, № 20). Это дало возможность отцу Кирику писать и издавать свои труды. Хотя онъ много силъ отдавалъ и поѣздкамъ по разнымъ сербскимъ монастырямъ, и неоднократно пребыванію у „лѣсняночекъ“ (какъ ихъ прозвалъ святой Іоаннъ) въ монастырѣ Хопово»<sup>352</sup>.

Одновременно отецъ Кирикъ былъ почти единственнымъ утѣшителемъ простаго русскаго народа, потерявшаго Родину и здѣсь на чужбинѣ нуждающагося въ наставленіи и укрѣпленіи.

<sup>352</sup> Со словъ очевидца событій Андрея Витальевича Тарасьева.

Отец Кирикъ до послѣдняго момента своей жизни не сомнѣвался въ возрожденіи Россіи. Какъ доказательство этого приведемъ фрагментъ изъ его письма, написаннаго въ февралѣ 1932 года: «На дняхъ мнѣ пришлось служить со Святѣйшимъ Патріархомъ Варнавой въ русской церкви въ качествѣ перваго священника, а затѣмъ былъ обѣдъ у настоятеля храма протоіерея Петра Бѣловидова. Тамъ обѣдали и митрополитъ Антоній [Храповицкій], и еще два архіерея, которые служили вмѣстѣ съ Патріархомъ. Патріархъ говорилъ очень сильную рѣчь, такъ что всѣ русскіе люди, бывшіе во святомъ храмѣ, плакали. Онъ увѣрялъ, что Россія и Церковь Россійская не пропали и не пропадутъ, но возстанутъ съ большимъ величіемъ. За обѣдомъ сказалъ буквально слѣдующее: „Вы не думайте, что Церковь Россійская пропала — нѣтъ, Богъ дастъ, и Россія, и Церковь вновь будутъ въ большемъ величіи, чѣмъ прежде“»<sup>353</sup>.

Это прозорливое предсказаніе святаго человѣка абсолютно было созвучно душевному настрою и убѣжденію отца Кирика, и онъ старался и другихъ настраивать на такой же душевный ладъ. Онъ не только ежедневно служилъ въ храмѣ и исповѣдовалъ сотни людей, но и составлялъ немало духовныхъ книгъ, которыя пользовались большой популярностью среди русскихъ эмигрантовъ.

Преставился отецъ Кирикъ въ Сербіи въ Панчовѣ въ русскомъ лазаретѣ 2 декабря 1938 года и погребенъ около Иверской церкви на новомъ кладбищѣ въ Бѣлградѣ. Часть архива отца Кирика сохранена въ архивѣ Руссика: его письма<sup>354</sup>, письма къ нему разныхъ лицъ, личные документы и его нѣкоторыя творенія<sup>355</sup>.

## Преподобный Силуанъ (Антоновъ)

Преподобный Силуанъ Аѳонскій<sup>356</sup> (мірское имя Симеонъ) родился въ 1866 году въ селѣ Шовскомъ Лебединскаго уѣзда Тамбовской губерніи въ благочестивой семьѣ крестьянина Іоанна Антонова и супруги его Соломонида.

Родители его были людьми трудолюбивыми, кроткими и отъ природы мудрыми, хотя и неграмотными. Большая и дружная семья, какъ вспоминалъ впослѣдствіи старецъ, жила бѣдно, однако нуждающимся въ помощи никогда не отказывала, порой дѣлясь съ ними послѣднимъ. Особенно радушно въ семьѣ принимали странниковъ. Отецъ бесѣдовалъ съ ними о Богѣ и христіанской жизни, и эти бесѣды производили сильное впечатлѣніе на воспримчивую душу отрока.

---

<sup>353</sup> АРПМА. Док. № 1257.

<sup>354</sup> АРПМА. Док.: № 664, 959, 1030, 1045, 1046, 1048, 1256, 1257, 1412, 1515.

<sup>355</sup> АРПМА. Док. № 495.

<sup>356</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Софроній (Сахаровъ), іеромонахъ. Старецъ Силуанъ. Фессалоники, 1994.*

Съ дѣтства Симеонъ трудился вмѣстѣ со старшими, въ мѣру силъ помогая отцу въ полѣ и братьямъ на строительныхъ работахъ въ помѣщичьемъ имѣніи. По этой причинѣ, видимо, онъ вынужденъ былъ оставить сельскую школу, проучившись въ ней только двѣ зимы. Но стремленіе къ знаніямъ (которое характеризовало его отца, «томившагося своей темнотой») было присуще преподобному всегда.

Жизнь набожной семьи Антоновыхъ была неразрывно связана съ храмомъ, посѣщеніе котораго прививало Симеону съ младенчества чувство благоговѣнія передъ Словомъ Божиимъ, воспитывало его въ духѣ христіанскаго смиренія и другихъ добродѣтелей. Въ храмѣ онъ постигалъ



церковную грамоту, учился сосредоточенной молитвѣ, внималъ чтенію «Житій святыхъ». Спустя нѣсколько лѣтъ юноша, возлюбивъ Господа всей душой, пожелалъ удалиться въ монастырь и принять постригъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Его стремленіе, однако, не встрѣтило поддержки у отца, который настоялъ на томъ, чтобы сынъ сначала поступилъ на воинскую службу и лишь послѣ ея прохожденія рѣшилъ, кѣмъ ему быть.

Повинуясь родительскому слову, Симеонъ вернулся къ своей обычной жизни. Было ему въ ту пору девятнадцать лѣтъ. Благочестивое намѣреніе вскорѣ оставило его, и онъ, подобно многимъ своимъ сверстникамъ, поддавался соблазнамъ міра. Молодой, красивый, сильный, а къ тому времени уже далеко не бѣдный, онъ наслаждался жизнью и въ шумной суетѣ міра началъ было забывать первый зовъ Божій къ иноческому служенію.

Но Господь уберегъ его отъ погруженія въ грѣховную пучину, вновь призвавъ уйти отъ мірской суеты и вступить на путь монашества. Произошло это, по свидѣтельству старца, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды, вернувшись домой съ гулянья, онъ задремалъ и въ тонкомъ снѣ, глядя на себя какъ бы со стороны, увидѣлъ, какъ въ него проникаетъ злосмраднй змій. Почувствовавъ отвращеніе, онъ проснулся и въ моментъ пробужденія услышалъ произнесенныя Самой Пресвятой Богородицей слова: «Ты проглотилъ змія во снѣ, и тебѣ противно, такъ и Мнѣ нехорошо смотрѣть на то, что ты дѣлаешь». Осознавъ свои грѣхи, юноша горячо раскаялся въ нихъ передъ Господомъ и возблагодарилъ Божию Матерь за явленную къ нему доброту. Это событіе имѣло рѣшающее значеніе для выбора дальнѣйшаго его пути. Къ нему вновь вернулось желаніе посвятить свою жизнь Богу.

Воинскую службу Симеонъ проходилъ въ Санктъ-Петербургѣ. Былъ онъ воиномъ исполнительнымъ и примѣрнаго поведенія, въ отношеніяхъ съ товарищами по службѣ вѣрнымъ, за что его любили сослуживцы. Въ арміи съ особой силой проявился даръ его мудраго совѣта, слѣдуя которому многіе обрѣли душевный покой и благополучіе. Поступивъ на службу съ живой вѣрой и глубокимъ покаяннымъ чувствомъ, Симеонъ никогда не забывалъ о Богѣ. Къ тому времени чудеснымъ образомъ опредѣлилось и мѣсто его будущихъ монашескихъ подвиговъ — Святая Гора Аѳонъ, куда онъ былъ «отъ мрака грѣховнаго къ свѣту Истины Христовой призванъ Самой Пречистой». Онъ часто думалъ объ иноческой жизни и, желая хоть какъ-то помочь насельникамъ монастыря, нѣсколько разъ посылалъ на Аѳонъ накопленные имъ деньги. О внутреннемъ состояніи преподобнаго въ тотъ періодъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ слова его сослуживцевъ: «А онъ умомъ на Аѳонѣ и на Страшномъ судѣ».

Незадолго до окончанія воинской службы Симеонъ решаетъ испросить молитвъ и благословенія отца Іоанна Кронштадтскаго. Не заставъ его, онъ оставляетъ записку со словами: «Батюшка, хочу пойти въ монахи, помолитесь, чтобы міръ меня не задержалъ». Въ казармѣ онъ уже на слѣдующій день почувствовалъ вокругъ себя «адское пламя», которое «гудѣло» съ тѣхъ поръ не переставая повсюду, гдѣ бы онъ ни находился.

Много лѣтъ спустя въ запискахъ преподобнаго прочтутъ: «О великій отецъ Іоаннъ, молитвенникъ нашъ! Благодарю я Бога, что видѣлъ тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоихъ молитвъ я разстался съ міромъ и пришелъ на Святую Гору Аѳонскую, гдѣ увидѣлъ великую милость отъ Бога».

Послѣ возвращенія со службы Симеонъ всего одну недѣлю пробылъ дома. Собравъ подарки для монастыря и необходимое въ дорогу, онъ попрощался со всѣми и отправился на Аѳонъ. Осенью 1892 года преподобный прибылъ на Святую Гору и 1 января 1893 года былъ принятъ послушникомъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Это случилось въ пору расцвѣта обители.

Жизнь старца въ монастырѣ была проста, доступна и внѣшне ничѣмъ не примѣчательна. Сначала его послушаніемъ была тяжелая работа на мельницѣ, на смѣну которой пришелъ хлопотливый трудъ эконома, завѣдованіе мастерскими, продовольственнымъ складомъ, а на склонѣ лѣтъ — торговой лавкой.

Пройдя путь начальныхъ иноческихъ испытаній, онъ 23 февраля 1896 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Силуанъ, а 10 марта 1911 года — въ схиму съ оставленіемъ прежняго имени.

Своихъ учениковъ преподобный не имѣлъ и въ послушаніи у какого либо опредѣленнаго старца не находился. «Трудно жить безъ старца, — говорилъ онъ впослѣдствіи. — Неопытная душа не разумѣетъ воли Божіей, и много скорбей перенесетъ она прежде, чѣмъ научится смиренію». Самъ онъ, подобно большинству монаховъ, воспитывался въ атмосферѣ общей для иноковъ Аѳона духовной традиции, проводя дни, какъ

того требовалъ многовѣковой укладъ жизни въ обители, въ непрестанной Иисусовой молитвѣ, длительныхъ богослуженій въ храмѣ, постахъ и бдѣнїяхъ, частой исповѣди и причащенїи Святыхъ Христовыхъ Таинъ, чтенїи духовныхъ книгъ и трудѣ.

Съ перваго и до послѣдняго дня преподобный явилъ собой образъ совершеннаго послушанїя. Для него игумень, духовникъ и просто старшїй братъ — добрые наставники. Если монахи и миряне, считалъ онъ, будутъ слушать духовниковъ и пастырей своихъ безъ ихъ осужденїя, безъ возраженїя и безъ внутренняго сопротивленїя, то и они сами не лишатся спасенїя, и во всей Церкви будетъ полнота жизни.

Проживъ сорокъ шесть лѣтъ въ обители съ общежительнымъ уставомъ, подвижникъ никогда не стремился къ уходу въ затворъ или къ удаленїю въ пустынь, считая, что безъ благоволенїя Божїя они сами по себѣ являются лишь вспомогательными средствами, а не цѣлью христіанской жизни. Въ то же время онъ былъ далекъ и отъ мірскихъ интересовъ. Постоянно находясь среди людей, старецъ хранилъ умъ и сердце отъ постороннихъ помысловъ, очищалъ ихъ отъ страстей для молитвеннаго предстоянїя Богу, утверждая, что это самый короткій путь ко спасенїю. Онъ не искалъ мученичества, но всей своей жизнью повторилъ аскетическій опытъ отцовъ Церкви — извѣстныхъ подвижниковъ благочестїя. Какимъ былъ этотъ путь для преподобнаго?

По аеонскому обычаю новоначальнаго послушника вводили въ жизнь монастыря исповѣдью. Испытавъ въ Таинствѣ Покаянїя радость очищенїя и освобожденїя отъ отягцавшихъ его грѣховъ, Симеонъ, однако, сразу же подвергся нападенїю помысловъ — о возвращенїи въ міръ и женитьбѣ. Сознанїе того, что онъ снова опечалилъ Божїю Матерь, потрясло послушника, открыло ему, что и здѣсь, на Святой Горѣ, какъ казалось, въ пристани спасенїя, возможны искушенїя и даже погибель. Отрезвленный своимъ духовнымъ паденїемъ, онъ сталъ много и усердно молиться, прибѣгая преимущественно къ Иисусовой молитвѣ, которая вскорѣ вошла въ его сердце и стала сама совершаться въ немъ непрестанно. Этотъ даръ былъ полученъ преподобнымъ отъ Пресвятыя Богородицы по сокрушенной молитвѣ передъ Ея образомъ и явился прочной основой его духовной жизни.

Послушникъ Симеонъ продолжалъ подвигъ бдѣнїя, поста и сердечной молитвы, но не покидала его и духовная борьба съ новыми искушенїями — тщеславіемъ и гордостью. Они, не давая душѣ возможности «вступить на путь вѣры», то возносили Симеона «на небо», вызывая въ немъ чувство якобы собственной непогрѣшимости — «ты теперь святой», то низвергали долу, казалось, уже въ вѣчную гибель, говоря ему: «Ты не спасешься». Дїавольскїя нападенїя все возрастали, привнося чувство богооставленности, доводя Симеона до отчаянїя. И когда онъ посчиталъ, что «Бога умолить невозможно», Господь непостижимо явился послушнику во время вечерни въ храмѣ пророка Божїя Іліи и духомъ ввелъ его въ Небесную обитель. Въ тотъ моментъ, по свидѣтельству старца, онъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, какъ благодать мученичества наполнила его и онъ позналъ Господа Духомъ Святымъ. Съ тѣхъ поръ все происходящее

въ мірѣ онъ разсматривалъ лишь въ соотношеніи съ опытомъ души, познавшей своего Творца. «Иное дѣло вѣровать въ Бога, — говорилъ онъ, — и иное знать Бога».

Явленіе Господа Иисуса Христа принесло послушнику радость Пасхи, воскресенія, ощущеніе перехода отъ мрака духовной смерти къ неизъяснимому свѣту жизни. Однажды познавъ Духомъ Святымъ Божественную любовь, онъ начинаетъ несравненно глубже и острѣе переживать потерю благодати: «Кто потерялъ ее, тотъ неутомимо день и ночь ищетъ ее и влечется къ ней. Она теряется нами за гордость и тщеславіе, за неприязнь къ брату, за осужденіе брата, за зависть. Она оставляетъ насъ за блудную мысль, за пристрастіе къ земнымъ вещамъ, за все сіе уходитъ благодать, и опустошенная и унылая душа скучаетъ тогда о Богѣ, какъ скучалъ отецъ нашъ Адамъ по изгнаніи изъ рая».

Старець Силуанъ часто вспоминаетъ иноческое служеніе преподобнаго Серафима Саровскаго, чудотворца, душа котораго, познавъ Господа, неудержимо стремилась къ новымъ подвигамъ ради стяжанія благодати. «Познавшая Бога душа, — запишетъ преподобный Силуанъ позднѣе, — ничѣмъ не можетъ удовлетвориться на землѣ, но все стремится ко Господу и кричитъ, какъ малое дитя, потерявшее мать: скучаетъ душа моя по Тебѣ и слезно ищу Тебя».

Какъ обрѣтается и удерживается благодать, почему и за что оставляетъ она душу вѣрующаго человѣка — эти вопросы становятся важнѣйшими въ жизни подвижника.

Постоянно пребывая въ подвигѣ, онъ воздерживается во всемъ и отъ всѣго, что могло бы мѣшать стяжанію благодати: спалъ мало, урывками, до двухъ часовъ въ сутки, сидя на табуретѣ; не дѣлалъ послабленій въ постѣ и ограничивалъ себя въ ѣдѣ, совѣтуя обращавшимся къ нему «кушать столько, чтобы послѣ принятія пищи хотѣлось молиться»; отсѣкалъ свою волю, считая, что это приноситъ «пользу большую» для души. Она тоскуетъ, молится, плачетъ, пребывая въ борьбѣ, чтобы удержать благодать, но Божественный свѣтъ если и возвращается, то ненадолго, а затѣмъ, какъ прежде, снова оставляетъ послушника. «За то страдаемъ мы, — пояснялъ старецъ, — что не имѣемъ смиренія. Въ смиренной душѣ живетъ Духъ Святой, и Онъ даетъ душѣ свободу, миръ, любовь, блаженство». Стяжать смиренный духъ — «это великая наука, которую скоро не одолѣешь».

Прошло 15 лѣтъ со дня явленія преподобному Господа. Его умъ вновь омрачается дьявольскими нападеніями и потерей мира въ душѣ. Со временемъ эти страданія усиливаются мучительными бореніями съ бѣсами, по ночамъ отрывавшими его отъ непрестанной внутренней молитвы. О томъ, какую душевную боль ему пришлось претерпѣть при этомъ, подвижникъ говорилъ впослѣдствіи такъ: «Если бы Господь не далъ мнѣ вначалѣ познать, какъ много Онъ любитъ человѣка, то я и одной такой ночи не вынесъ бы, а ихъ у меня было множество».

Въ одну изъ такихъ ночей, когда, несмотря на всѣ старанія, молитва не приходила къ преподобному, онъ съ сокрушеніемъ въ сердцѣ воззвалъ: «Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебѣ чистымъ умомъ, но бѣсы не даютъ мнѣ. Научи меня, что я долженъ

дѣлать, чтобы они не мѣшали мнѣ?» — «Гордые всегда такъ страдаютъ отъ бѣсовъ», — былъ ему отвѣтъ. — «Господи, научи меня, что долженъ я дѣлать, чтобы смирилась моя душа?» И снова въ сердцѣ прозвучалъ отвѣтъ отъ Бога: «Держи умъ твой во адѣ и не отчаивайся».

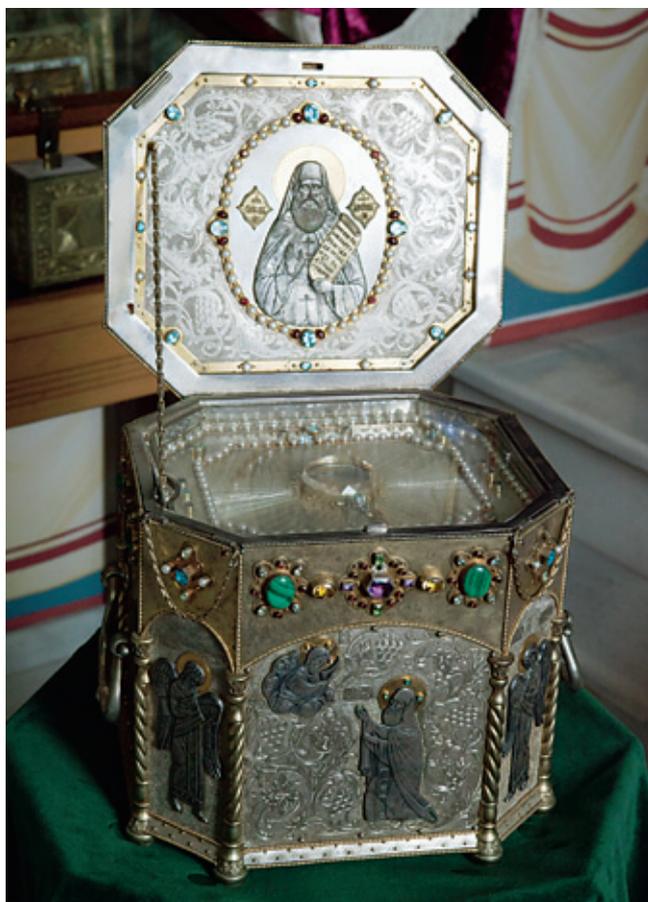
По словамъ старца, Господь пожалѣлъ его и Самъ научилъ, какимъ образомъ душа должна смиряться и становиться непрístupной для враговъ. При приближеніи грѣховныхъ помысловъ она признаетъ себя достойной вѣчной муки и нисходитъ во адъ, чтобы силою адскаго пламени выжечь въ себѣ дѣйствіе всякой страсти и съ чистой молитвой обратиться къ Господу, уповая на спасительное дѣйствіе любви Христовой и тѣмъ самымъ избѣгая отчаянія. «И этимъ, — говорилъ преподобный, — побѣждаются враги; а когда я умомъ выхожу изъ огня, то помыслы снова приобрѣтаютъ силу». Эта способность возобновлять въ себѣ подлинное переживание адскихъ страданій ради очищенія души отъ страстей съ тѣхъ поръ не покидала его.

Дарованное Господомъ откровеніе явилось для монаха Силуана не только чрезвычайно важнымъ практическимъ указаніемъ, но и положило начало новому этапу въ его духовной жизни. Постепенно въ молитвѣ подвижника начинаетъ преобладать скорбь о мірѣ, не вѣдающемъ Бога. Какъ объяснялъ старецъ, люди забыли Господа, сотворившаго ихъ, и ищутъ своей свободы, не понимая, что внѣ Бога, внѣ истиннаго Источника жизни ее нѣтъ и быть не можетъ. Свобода только въ Господѣ, Который по милости Своей даетъ прибѣгающимъ къ Нему благодать Святаго Духа. Въ Немъ, Святомъ Духѣ, въ Его познаніи содержится освобожденіе отъ рабства грѣха и страха смерти.

Онъ учитъ любви Божіей и даетъ душе силу жалѣть даже идущихъ грѣховнымъ путемъ. «Гдѣ нѣтъ любви къ врагамъ и грѣшникамъ, тамъ нѣтъ Духа Господня». Рѣчь здѣсь идетъ о врагахъ вѣры Христовой. Самъ старецъ дѣлилъ людей не на враговъ и друзей, а на познавшихъ Бога и не познавшихъ Его.

Подлинно по-христіански спасти ближняго можно только любовью. Въ любви ко всѣмъ людямъ преподобный видѣлъ уподобленіе Господу Иисусу Христу, Который «руки распротеръ на Крестѣ», чтобы всѣхъ собрать. Любовь Христова не можетъ претерпѣть ничьей гибели и въ своей заботѣ о спасеніи всѣхъ объемлетъ не только міръ нынѣ живущихъ на землѣ, но и уже умершихъ и сошедшихъ въ самый адъ. И если ликуетъ и радуется душа при спасеніи людей, то столь же сильно плачетъ и молится она, видя обратное — ихъ гибель.

«Молиться за людей — это кровь проливать», — говорилъ преподобный. И онъ жилъ страданіями всего міра, забывая самого себя, и не было конца его молитвѣ, призывавшей всѣ народы Земли познать Господа Духомъ Святымъ. По глубокому убѣжденію старца, если бы это совершилось и люди, оставивъ свои увлеченія, всей душой устремились бы къ Богу, то измѣнилось бы лицо Земли и судьбы всѣхъ людей и весь міръ преобразились бы «въ одинъ часъ».



Вся жизнь его была сердечной молитвой «до великихъ слезъ», исключительно высокимъ подвигомъ любви къ Господу. «Міръ стоитъ молитвою, — утверждалъ преподобный, — а когда ослабнетъ молитва, тогда міръ погибнетъ». Въ этой молитвенной устремленности онъ достигъ такого внутренняго состоянія, при которомъ провидѣлъ происходящее и прозрѣвалъ будущее человѣка, открывая глубокія тайны его души и призывая всѣхъ вступить на путь спасительнаго покаянія. Непрестанная молитва не оставляла подвижника до послѣдняго часа его земныхъ странствій.

11/24 сентября 1938 года старецъ схимонахъ Силуанъ мирно скончался. Онъ явилъ своей подвижнической жизнью примѣръ кротости, смиренія и любви къ ближнимъ.

Спустя пятьдесятъ лѣтъ, въ годъ празднованія 1000-лѣтія Крещенія Руси, Свя-

щенный Синодъ Константинопольской Православной Церкви причислилъ блаженнаго старца къ лику святыхъ. По благословенію Святѣйшаго Патріарха Московскаго и всея Руси Алексія II имя преподобнаго Силуана Аѳонскаго внесено въ мѣсяцесловъ Русской Православной Церкви подъ 11/24 сентября. Однако задолго до официальной канонизаціи для поклоненія честной главѣ преподобнаго, покоящейся въ Покровскомъ храмѣ святогорской Пантелеимоновой обители, пріѣзжало немало паломниковъ съ вѣрой въ его молитвенное предстательство предъ Господомъ.

Врачуютъ души вѣрующихъ и писанія подвижника о сущности христіанской жизни и монашескаго дѣланія, переведенныя на многіе языки и получившія большую извѣстность за глубокую духовность и мудрость содержащагося въ нихъ слова. Его слово — простое и доброе, но, чтобы слѣдовать ему, необходимо вступить на путь самоотреченія и всецѣлаго послушанія волѣ Божіей, какимъ прошелъ и самъ святой старецъ. Будучи нашимъ современникомъ, сыномъ Россійской земли и Церкви Русской, онъ свидѣтельствовалъ о спасительности евангельской истины, преподанной всѣмъ намъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, о высокомъ значеніи ученія Православной Церкви, подтверждая тѣмъ самымъ, что въ мірѣ преходящихъ цѣнностей неизмѣнными и подлинно цѣнными для всѣхъ временъ являются лишь нравственныя, духовныя основанія жизни человѣка.

## Схимонахъ Амвросій (Болотовъ)

Схимонахъ Амвросій (въ міру Александръ Владиміровичъ Болотовъ) былъ потомственнымъ дворяниномъ Тульской губерніи. Родился въ 1866 году въ Санктъ-Петербургѣ, гдѣ его отецъ былъ мировымъ судьей. Его мать звали Софіей. Александръ росъ въ имѣніи своего отца въ полной роскоши и богатствѣ. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ объ этомъ времени: «Помню, какъ избалованный бабушкиными сливочками и печеньями, я съ жадностью глоталъ густые, розоватые сливки, поѣдалъ пушистый, теперъ уже невѣроятной бѣлизны домашній хлѣбъ, какъ за обѣдомъ я упитывался грибными пирогами, гдѣ корочка хрустѣла, пирожками съ укропцемъ, набитыми печенками или щучиной, потрошками да воздушными пирогами, а весной карасиками въ сметанѣ. И все это запивалось домашними сухарными или лимонными квасами, сливянками и всякими запеканками.



Яства смѣнялись яствами, изысканность барской кухни доходила до апогея, и тогда, когда уже мысли мѣшались, глаза невольно закрывались отъ сладкой истомы послѣ вкуснаго, тонкаго и сытнаго домашняго обѣда, на балконъ выносился подносъ, уставленный произведеніями собственной оранжереи, подавался въ обворожительныхъ чашечкахъ ароматный кофе и пузатенькія бутылки старинной наливки или долго сохранявшагося десертнаго французскаго вина, или запыленная бутылка стараго арманьяка дополняли оконченный обѣдъ»<sup>357</sup>.

<sup>357</sup> Болотовъ А. В. Святые и грѣшные. Воспоминанія бывшаго человѣка. Парижъ, 1924. С. 40–41.

Послѣ такого замѣчательнаго дѣтства Александръ Владиміровичъ окончилъ факультетъ правовѣденія, служилъ въ Санктъ-Петербургѣ въ Министерствѣ юстиціи мировымъ судьей, секретаремъ прокурора въ Харьковѣ, съ 1894 года въ государственной канцеляріи Санктъ-Петербурга. Въ томъ же году женился на Стефанидѣ Сергѣевнѣ Толстой.

Съ 1897 года служилъ въ Новгородѣ членомъ Новгородской земской управы, затѣмъ земскимъ начальникомъ въ Любани и Новгородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Съ ноября 1905 года былъ назначенъ Пермскимъ губернаторомъ. Дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Но отгремѣла революція, и Александръ Владиміровичъ былъ вынужденъ эмигрировать въ Европу. Вотъ какъ онъ описывалъ свое новое положеніе: «Я бѣженецъ, потерявшій все: и семью, кромѣ жены, и родныхъ, и имущество, и родовой уголь, — потерявшій Родину и даже надежду ее вновь увидѣть. Я жалкій обломокъ русской государственности, русскаго богатства и былой русской мощи»<sup>358</sup>. Вскорѣ еще одно горе постигло его: въ Бухарестѣ въ изгнаніи въ 1929 году скончалась любимая жена. Дѣтей у нихъ не было, и остался Александръ Владиміровичъ совсѣмъ одинъ. Но, къ его чести, онъ не сталъ отчаиваться и озлобляться на внѣшній міръ, а, наоборотъ, сталъ искать причины своего несчастья въ себѣ самомъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что все потерялъ по собственной винѣ, потому что никогда не боролся за свое счастье. Міръ — даръ Божій, и, вмѣсто того чтобы трепѣтно и съ заботой къ нему относиться, мы его безжалостно эксплуатируемъ, только теряя его или замазавъ грязью нашего грѣха, мы осознаемъ его цѣну, а потомъ уже бываетъ поздно. Наученный горькимъ опытомъ жизни, Александръ Владиміровичъ всѣ свои внутреннія силы направилъ для обрѣтенія истиннаго счастья въ Богѣ.

Есть мнѣніе, что нѣкоторые люди, потерпѣвъ въ мірской жизни неудачу и крушеніе своихъ плановъ, рѣшаются идти въ монастырь, чтобы тамъ спокойно дожить свою неудавшуюся жизнь. Да, есть и такіе. Двери Матери-Церкви открыты для всѣхъ. И если такіе люди смогутъ смириться, откажутся отъ своей воли и не поддадутся уловкамъ бѣса зависти, они смогутъ спастись. Но ясно и то, что для достиженія успѣха въ духовной жизни необходимы именно тѣ качества, которыя обязательны для достиженія успѣха въ мірской жизни. Господь насъ предупредилъ, что Царствіе Небесное силою берется, а тѣ усилія, которыя мы дѣлаемъ, чтобы приобрѣсти его, суть: мощная сила воли, принципальность, разсудительность, самообладаніе, наблюдательность, концентрація на поставленной цѣли и т. д. Поэтому не проявляющіе такихъ качествъ въ духовной жизни такъ же обречены на провалъ, какъ и въ мірской жизни. Александръ Владиміровичъ, имѣвшій такія качества, принялъ единственно вѣрное

---

<sup>358</sup> Тамъ же. С. 7.

рѣшеніе: отречься отъ своей воли и въ покаяніи и самосовершенствованіи завершить свой жизненный путь. Это было самымъ тяжелымъ рѣшеніемъ въ его жизни, такъ какъ, привыкшій всю жизнь командовать и принимать рѣшенія за другихъ, теперь онъ долженъ былъ самъ стать послушнымъ исполнителемъ указаній другихъ людей, но онъ смогъ пересилить свое тщеславіе и ради Бога склонилъ голову предъ судьбой. Высокое нравственное достоинство этого поступка станетъ очевиднымъ, если мы вспомнимъ, что сотни тысячъ русскихъ эмигрантовъ не смогли поступить подобнымъ образомъ и отказаться отъ мнимой свободы и предпочли стать наемными музыкантами или гарсонами въ кабачкахъ Европы.

7 ноября 1931 года Александръ Владиміровичъ поступилъ послушникомъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 8 ноября 1931 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Амвросій, 27 марта 1937 года въ мантию, а 2 февраля 1938 года въ схиму. Въ монастырѣ онъ прожилъ всего семь лѣтъ, но именно эти семь лѣтъ были самыми счастливыми годами его жизни, потому что онъ здѣсь приобрѣлъ миръ души, надежду на спасеніе и, что самое главное, приобрѣлъ самого себя.

Отецъ Амвросій еще въ міру написалъ книгу своихъ воспоминаній, которая подъ названіемъ «Святые и грѣшныя. Воспоминанія бывшаго человѣка» была издана въ Парижѣ въ 1924 году. Онъ написалъ также книгу «Страстные и Свѣтлыя дни на Аѳонѣ», которая была издана въ Варшавѣ въ 1929 году и гдѣ описывается его первое посѣщеніе Аѳона. После его смерти въ архивѣ монастыря остались его дневники, письма отъ разныхъ корреспондентовъ и нѣкоторыя незавершенныя литературныя произведенія<sup>359</sup>. До поступленія въ монастырь въ 1929–1930 годахъ онъ писалъ письма архимандриту Мисаилу (Сапегину), которыя тоже хранятся въ архивѣ монастыря<sup>360</sup>.

Преставился отецъ Амвросій 13 февраля 1938 года.



<sup>359</sup> АРПМА. Опись № 15, дѣло № 59.

<sup>360</sup> АРПМА. Док. № 1714.

## Схимонахъ Онисифоръ (Ищенко)



Схимонахъ Онисифоръ<sup>361</sup> (въ міру Онисимъ Карповичъ Ищенко) родился въ 1872 году въ крестьянской семьѣ села Рубанское Брацлавскаго уѣзда Каменецъ-Подольской губерніи. Съ дѣтства онъ былъ молчаливымъ и смиреннымъ. Любилъ одинъ бродить по лѣсу и любоваться природой. При этомъ всегда одна и та же мысль посѣщала его: если такъ прекрасна земная природа, то какъ прекрасенъ долженъ быть Божій рай! Но какъ сподобиться житія въ раю? Какъ заслужить милость Бога? Отвѣтовъ на эти вопросы мальчикъ не находилъ, пока однажды вечеромъ бабушка не прочитала ему отрывокъ изъ Священнаго Писанія, гдѣ Господь говоритъ: *«...научитесь отъ менѣ, яко кротокъ есмь и смиренъ сѣрдцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ»* (Мѡ. 11:29). Онъ спросилъ бабушку, какъ научиться такому смиренію, какъ у Господа. Та сначала растерялась, но потомъ, собравшись съ мыслями, отвѣтила: *«Христовому смиренію, внучекъ, можно научиться только въ монастырѣ, гдѣ люди живутъ, подражая ангеламъ»*.

Слова бабушки глубоко запали въ душу мальчика, и съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ думать о монастырѣ и о монашествѣ.

Свою мечту Онисимъ смогъ осуществить въ возрастѣ двадцати четырехъ лѣтъ. 3 декабря 1896 года онъ пріѣхалъ на Аѡнъ и былъ принятъ въ Русскій Пантеле-

<sup>361</sup> Жизнеописаніе составлено по матеріаламъ архива РПМА: см. Док.: № 1. С. 137; № 12. С. 323.

имоновъ монастырь. Черезъ три года, 12 марта 1899 года, онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Онисифоръ, а 15 марта 1902 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ. Послушаніе все это время онъ проходилъ въ Космодамиановской келліи и Старомъ Русикѣ. Послѣдній славился строгостью своего устава.

Отецъ Онисифоръ хотя и былъ молодъ и неопытенъ, но со смиреніемъ переносилъ всѣ тяготы строгаго монашескаго устава. Онъ выдѣлялся абсолютнымъ послушаніемъ всей братіи, смиреннымъ и кроткимъ нравомъ. Въ это время съ нимъ



на Старомъ Русикѣ жилъ въ будущемъ преподобный Силуанъ Аѳонскій, который такъ характеризовалъ еще молодого подвижника: «Этотъ многихъ людей привлекъ къ себѣ кротостію, и смиреніемъ, и даромъ слова. Онъ былъ такой кроткій и смиренный, что и безъ словъ, только смотря на него, будешь исправляться, такой у него былъ спокойный и здравый характеръ»<sup>362</sup>.

11 декабря 1918 года отца Онисифора постригли въ схиму съ тѣмъ же именемъ. Еще 20 лѣтъ въ ангельскомъ образѣ схимника онъ жилъ въ Старомъ Русикѣ, являясь примѣромъ монашескаго смиренія и ангельской кротости для всей братіи монастыря. Онъ постоянно помнилъ поученія своего духовнаго отца іеросхимонаха Агаѳодора (Буданова): «Иисусова молитва должна сопровождаться крайнимъ смиреніемъ, ибо безъ смиренія молитва будетъ фарисейской и плоды ея будутъ гордость, осужденіе, самооправданіе. И врагъ не боится такой молитвы и легко уловяетъ въ прелести, поэтому только смиренная молитва угодна Господу, молитва мытаря приемлема бываетъ отъ подвижника, только она охраняетъ отъ прелести»<sup>363</sup>.

Внутренняя жизнь монаха, особенно кроткаго и молчаливаго, является нераскрытой книгой, и знанъ о ея деталяхъ внѣшнимъ наблюдателямъ не дано. Но такъ какъ истинное смиреніе невозможно безъ любви, то даже самый скрытный подвижникъ не сможетъ удержать въ себѣ порывовъ сей добродѣтели.

Преставился отецъ Онисифоръ 28 сентября 1938 года.

<sup>362</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старецъ Силуанъ Аѳонскій. М., 1996. С. 390.

<sup>363</sup> АРПМА. Док. № 501. С. 38.

## Схимонахъ Вивіанъ (Обуховъ)



Схимонахъ Вивіанъ (въ міру Владиміръ Андреевичъ Обуховъ) — крестьянинъ изъ села Борецкаго Сапожковскаго уѣзда Рязанской губерніи родился въ 1864 году. Родители его — Андрей и Акулина — жили очень благочестиво и дѣтей воспитывали въ страхъ Божіемъ. У Владиміра было два старшихъ брата. Когда ему исполнилось 16 лѣтъ, родители умерли. Вотъ какъ онъ впослѣдствіи вспоминалъ свою тогдашнюю жизнь: «Дома я занимался крестьянскими работами совмѣстно съ братьями. Гулять не любилъ, а, кое-какъ научившись грамотѣ, имѣлъ прилежаніе читать духовныя книжки. Посѣщалъ храмъ Божій. Въ плотскіе грѣхи, по милости Божіей, не впадалъ. Меня имѣли намѣреніе женить, но я уклонился, потому что еще въ юности былъ расположенъ оставить міръ и быть мо-

нахомъ на Аѳонской Горѣ. Затѣмъ поступилъ служить на Кавказскую желѣзную дорогу. Получалъ хорошее жалованье, въ годъ по 300 рублей, изъ котораго посылалъ братьямъ деньги на уплату податей. Въ продолженіи 8 лѣтъ моей службы я имъ выслалъ 600 рублей.

Не имѣя возможности ходить въ церковь по служебнымъ обстоятельствамъ, я часто скорбѣлъ и наконецъ уволился со службы, дабы оставить совсѣмъ міръ и уйти въ монахи. Когда я прибылъ домой и родные узнали, что я бросилъ службу, то набросились на меня съ руганью. Я же ихъ спросилъ: „Что вамъ сдѣлалъ дурнаго, что вы меня такъ браните? Смотри, братъ Алешка, и ты, братъ Николай, отвѣтите на Страшномъ Судѣ Божіемъ, это такъ вамъ не пройдетъ!“ А они на мои слова расхохотались.

Предъ окончаніемъ моей службы на Батаевской станціи около Ростова я встрѣтилъ странника — старичка, средняго роста, съ сѣденькой бородкой, по виду онъ былъ похожъ на святителя Николая Чудотворца. Я его спросилъ:

— Куда идешь?

А онъ отвѣтилъ:

— На Новый Аѳонъ.

Я его вторично спросилъ:

— А былъ ли на старомъ Аѳонѣ?

— Былъ, — говоритъ, — въ 1887 году. Ну братъ, тамъ чисто рай земной!

— А я все подумываю оставить міръ и идти на Аѳонъ, да все не соберусь.

А онъ и говоритъ:

— Не откладывай, иди скорѣй, Матерь Божія тебѣ поможетъ.

— А какъ тебя, дѣдушка, зовутъ?

— Николаемъ, — отвѣтилъ онъ.

Я какъ-то взоромъ отвернулся, а потомъ смотрю, странникъ мой исчезъ. Спрашиваю сторожей, не видали ли старичка. Но никто его не видѣлъ. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ положительно идти на Аѳонъ; собрался въ двѣ недѣли и, простившись съ родными, немедленно поѣхалъ»<sup>364</sup>.

Въ октябрѣ 1893 года Владиміръ прибылъ на Аѳонъ. Обошелъ часть монастырей Святой Горы и наконецъ въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ сталъ проситься у архимандрита Андрея о принятіи его въ число братіи. Игуменъ Андрей принялъ его и послалъ на послушаніе на Крумицу, гдѣ онъ былъ сначала помощникомъ архондаричнаго, потомъ три года подвизался въ столярной. Затѣмъ его перевели въ хлѣбную, въ которой онъ трудился 10 лѣтъ. 6 марта 1895 года его постригли въ рясофоръ съ именемъ Владиміръ, а 11 марта 1898 года его постригли въ мантию съ именемъ Вивіанъ.

По описанію отца Флегонта (Лебедева) у отца Вивіана «лицо было пріятное и очень простодушное; былъ въ словахъ весьма простъ; мудрствованій внѣшнихъ и внутреннихъ міра сего въ немъ не обрѣтается, поистинѣ младенецъ»<sup>365</sup>. Самъ же отецъ Вивіанъ любилъ говорить: «За старческія молитвы живу хорошо — благодушно время провожу, въ душѣ моей радостно, хотя и случаются скорбишки, но скоро проходятъ».

Онъ часто размышлялъ въ простотѣ своей о смерти, Страшномъ Судѣ, адѣ, Царствіи Небесномъ, о страданіяхъ Спасителя. Много скорбѣлъ о своихъ грѣхахъ, и часто приходили къ нему слезы отъ молитвы и размышленій. Въ своихъ молитвахъ онъ все время просилъ Господа сподобиться видѣнія загробной участи людей. И Богъ услышалъ молитву его простой души. Вотъ какъ онъ описалъ видѣнный имъ дивный сонъ: «Въ 1901 году, въ концѣ сентября, день не упомню, послѣ слушанія въ церкви повечерія я пришелъ въ свою келью. Канончикъ монашескій протянулъ, сталъ ложиться спать на свою постель, укрылся одѣяломъ. Особенныхъ думъ не было, и въ скорости около трехъ часовъ ночи заснулъ.

<sup>364</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 808.

<sup>365</sup> АРПМА. Док. № 212. С. 725.

Сознаніе мнѣ представило весьма ясно: что я нахожусь на Крумицѣ, внутри корпусовъ, а братія была на разныхъ послушаніяхъ. День былъ очень свѣтлый. Затѣмъ стало смеркаться, и увидѣлъ я, что звѣзды съ неба стали падать сильно, вроде того какъ бываетъ падаетъ снѣгъ во время метели или капли воды въ дождь. Братія вдругъ вся бѣжитъ съ послушаній къ своимъ кельямъ, въ слезахъ и въ великомъ страхѣ, съ мыслями, что насталь свѣту конецъ.

Я стою и ихъ утѣшаю, не бойтесь, вѣдь вы были при дѣлѣ. Но они не обращаютъ на меня никакого вниманія. Затѣмъ кругомъ стало все измѣняться: горы двигались, Крумица со строеніями превратилась въ прахъ, виноградникъ исчезъ, образовалось громадное поле; загремѣлъ сильный громъ, засверкала молнія, заблесталъ свѣтъ. Великій ужасъ напалъ на всѣхъ, всѣ плакали, а я почему-то нѣтъ, и не особенно и боялся.

Вдругъ явился свѣтоносный Ангелъ, средняго роста, на видъ красивый, лицо подобно дѣвическому, одѣтъ въ длинную свѣтлую одежду вроде дьяконской, подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Володя! Пойдемъ на небо“. А я ничуть не смутился и охотно, молча послѣдовалъ за Ангеломъ по направленію на югъ. Дорогой Ангелъ и говоритъ: „Володя, я прежде покажу тебѣ адскія мученія“. Я согласно киваю, и мы повернули на западъ. А братія вся осталась на мѣстѣ, неутѣшно рыдая.

Стали спускаться куда-то внизъ. Тамъ окружила насъ неприглядная тьма. Вдали были видны какіе-то огни вроде костровъ, иные очень ярко горятъ, другіе — чуть замѣтно. Ангелъ мнѣ говоритъ: „Это разныя адскія мученія“.

Немного сѣвернѣе я увидѣлъ огненную рѣку, протекавшую въ какомъ-то оврагѣ — глубокомъ и широкомъ. Протянулась она очень далеко. И конца ее глазомъ не видать. И брызги отъ клокотанія огня въ ней летятъ кверху и опять въ рѣку падаютъ. Я ужаснулся и трепеталъ, думая, чтобы не попасть и самому туда.

Ангелъ и говоритъ: „Володя, эти муки для невѣрныхъ“. Затѣмъ продолжилъ: „Володя, а теперь пойдемъ и на небо“. Очень скоро достигли мы неба. Тамъ я былъ пораженъ необыкновеннымъ свѣтомъ, который происходилъ отъ востока и который былъ несравненно свѣтлѣ нашего солнца. Я спросилъ: „Ангелъ святой, что это на горахъ возсіяло?“ А Ангелъ отвѣчаетъ: „Володя, это вышній горній Іерусалимъ. Въ немъ живетъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ“.

По мѣрѣ приближенія къ святому Іерусалиму я сталъ обонять чудное благоуханіе, которое разносилось на громадное разстояніе, какъ облако, по всей окрестности. Сталъ разсматривать Іерусалимъ. Увидѣлъ какіе-то церкви, величиной подобныя Кіево-Печерской. Кровли крышъ были подобны куполамъ, отъ которыхъ исходило блистаніе. На храмахъ были кресты, обычные, какъ и у насъ на церквяхъ, но только сіяющіе. Эти святые храмы были расположены рядами. А сколько рядовъ и храмовъ, не знаю. Издалека мнѣ была видна лишь малая ихъ часть. Храмы стояли рядами къ востоку. И конца имъ не видать. Между храмами улицы шириной въ 100 сажень. Въ Іерусалимѣ 12 большихъ вратъ...

Не доходя около одной версты до Іерусалима, я увидѣлъ дивное и для ума немислимое испытаніе дѣлъ человѣческихъ — Господь производилъ Страшный Судъ.

Мы подошли ближе, встали съ Ангеломъ по правую сторону отъ Іерусалима такъ, что Іерусалимъ я зрѣлъ стоящимъ на воздухѣ, и подъ нимъ ничего, нѣтъ основанія, попросту сказать стоитъ на воздухѣ. Мы же стояли на землѣ, которая подобна нашей землѣ, но ни травы, ни деревьевъ на ней видно не было. Предъ взоромъ раскинулась необыкновенная равнина, по которой двигалось неисчислимое количество людей, вся вселенная! Шли отъ запада и юга только, а съ сѣверной стороны ничего не было видно, и всѣ приближались къ намъ. Я стоялъ предъ Престоломъ Божьимъ не далѣе какъ въ 15 саженьяхъ и зрѣлъ сидящаго Господа нашего Іисуса Христа.

Престолъ, по виду золотой, блеститъ, величиной болѣе нашихъ, которые стоятъ въ алтаряхъ, на престолѣ стоитъ тронъ, какъ пишутъ на святыхъ иконахъ, и на ономъ возсѣдаетъ Господь и Богъ нашъ. Въ это время я радовался духомъ, страха не ощущалъ. По правую сторону Господа стоитъ Царица Небесная, роста средняго, одѣта въ золотыя одежды. Къ сожалѣнію, Богоматерь хорошенько не разглядѣлъ, все вниманіе мое было приковано ко Господу и Іерусалиму. Дивился я всѣму этому.

По правую сторону отъ Господа и позади Царицы Небесной, вблизи ихъ, стоялъ дивной красоты Архистратигъ Божій Михаилъ, но въ чемъ одѣтъ и имѣлъ ли оружіе, не знаю. Но по виду онъ былъ очень красивъ. Позади Престола Господа стояло множество небесной силы — ангеловъ всѣхъ родовъ. По виду они были похожи на родъ человѣческій, но одежды у всѣхъ были разныя. Всѣ они стояли благоговѣнно, въ страхѣ. По лѣвую сторону Господа какъ будто стоялъ святой Іоаннъ Креститель... Спереди престола, немного пониже, стоялъ, должно быть на воздухѣ, большой величины Крестъ. Отъ него шло дивное сіяніе. По правую сторону отъ Креста висѣла красная одежда и лежалъ терновый вѣнецъ. Что еще было, я не разсмотрѣлъ»<sup>366</sup>.

Не каждый монахъ сподобляется видѣнія Горняго Іерусалима. Очевидно, что для этого нужна крайняя простота и полное довѣріе Богу. Дѣтская наивность и простота отца Вивіана стали той почвой, гдѣ Господь посѣялъ свою благодать и гдѣ ростки добродѣтелей съ лихвой взошли и дали свои многочисленные плоды.

Извѣстный писатель Вл. Маевскій оставилъ намъ чудное воспоминаніе объ отцѣ Вивіанѣ, котораго онъ встрѣтилъ во время своего пребыванія на Аѳонѣ: «Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, весь залитый лучами яркаго солнца, усердно копошился какой-то ветхій старецъ въ холщевомъ подрясникѣ и съ такой длинной сѣдой бородой, какой я положительно еще не встрѣчалъ на Аѳонѣ.

По всѣму было видно, что старикъ-инокъ несъ на себѣ такое бремя лѣтъ, какое едва ли могло ему позволить дѣлать какую либо работу, а тѣмъ болѣе ту, какую онъ все

<sup>366</sup> АРПМА. Док. № 518. С. 808–849.

же выполнялъ подъ палящимъ солнцемъ. А работа эта заключалась въ окапываніи довольно тяжелой сапой виноградныхъ лозъ, на что въ жаркое время лѣтняго дня требуется немало силъ и настойчивости и отъ молодого, крѣпкаго человѣка. Но длиннородый старецъ продолжалъ свое дѣло, ни на минуту не подымая при этомъ головы, такъ что мое появленіе на его безмятежно-тихомъ горизонтѣ по-прежнему оставалось ему неизвѣстнымъ.

— Не испугать бы! — подумалъ я, рѣшивъ все же привѣтствовать почтеннаго труженика. И совсѣмъ тихо, такъ, чтобы голосъ мой все же долетѣлъ до его слуха, я произнесъ:

— Христосъ воскресе, отецъ!

Старикъ медленно поднялъ голову, а затѣмъ сталъ разгибаться. Но было ясно, что одно уже это разгибаніе причиняло немало труда и заботъ его костямъ, настолько долго совершалъ онъ это дѣйствіе. Наконецъ мой длиннородый дѣдушка выпрямился во весь свой крупный ростъ и, тяжело опираясь одной рукой на кирку и приложивъ другую къ глазамъ, сталъ пристально смотрѣть въ мою сторону, стремясь распознать того, кто столь неожиданно нарушилъ его покой и полное уединеніе.

Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и уже вплотную подошелъ къ старцу, дабы дать ему возможность свободно ознакомиться съ моей личностью. И, по-видимому, она произвела на него благопріятное впечатлѣніе, ибо я тотчасъ же увидѣлъ уже озаренное доброй улыбкой старческое лицо и такіе же добрые голубые глаза, просто смотрѣвшіе на меня изъ-подъ нависшихъ бровей, вполне соответствовавшихъ своей сѣдиной всей бѣлоснѣжной растительности, окаймлявшей лицо моего новаго знакомаго.

— Воистину! — прозвучалъ негромкій отвѣтъ инока. — Воистину воскресъ Христосъ!.. А вы откуда здѣсь обрѣлись, господинъ? И ужъ не русскій ли будете?

— Русскій... конечно, русскій, дорогой отецъ!.. Самый настоящій русскій... приѣхалъ къ вамъ помолиться изъ Сербіи.

Искренняя радость засвѣтилась въ глазахъ милого старца, и онъ даже почти пересталъ опираться на свою тяжелую кирку, настолько его воодушевило извѣстіе о моей русскости и прибытіе изъ братской страны.

— Владыка Милостивый! — заговорилъ онъ. — Великая радость для меня ваше посѣщеніе, господинъ! И какъ это вы только догадались, что я, грѣшный, здѣсь нахожусь? Видать, услышали со стороны мою кирку... А я вѣдь и ковыряю-то ей едва... Вотъ все же услышали... что значитъ молодья уши... Воистину Самъ Господь привелъ васъ сюда!.. Такъ русскій вы человѣкъ... О Господи Милосердный!..

И не прошло минуты, какъ мы уже, будто старые друзья, разговаривали со старцемъ, причемъ онъ самъ, оживившись и весь сіявшій искренней радостью, такъ и засыпалъ меня вопросами.

Отцу Вивіану, какъ оказалось, было 86 лѣтъ<sup>367</sup>. Возрастъ настолько уже почтенный, что при нормальныхъ условіяхъ всякая работа была уже излишней. И тѣмъ не менѣе этотъ дряхлый и слабый старецъ долженъ былъ на закатѣ своей многотрудной подвижнической жизни еще трудиться на виноградникахъ, какъ обыкновенный и здоровый молодой инокъ-работникъ. И притомъ это являлось для него вовсе не добровольнымъ препровожденіемъ времени, а настоящимъ монашескимъ послушаніемъ, необходимымъ для существованія другихъ братій и благосостоянія ихъ обители.

— Ничего не подѣлаешь, господинъ, при теперешнемъ нашемъ бѣдственномъ положеніи, когда нѣтъ молодыхъ иноковъ, а остались только дряхлые старцы, нужно трудиться! — со вздохомъ сообщилъ мнѣ отецъ Вивіанъ, поправляя сухой старческой ладонью прядь сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ старенькой скуфейки.

— Что ни мѣсяцъ, все меньше и меньше становится насъ, русскихъ иноковъ, на Святой Горѣ... Оскудѣваетъ нашъ русскій сосудъ монашескій... Не позволяютъ власти нашимъ братьямъ пріѣзжать теперь на Аѳонъ, закрыли для нихъ всякій доступъ. Да и не только для русскихъ людей закрыли они Гору Святую, а вообще для всѣхъ славянъ... Не пускаютъ даже румынъ. Вотъ и нѣтъ больше притока новыхъ силъ въ нашу братію... Мы, старики, кончаемъ нашъ грѣховный жизненный путь, а замѣнить-то насъ вотъ и некому...

Старецъ помолчалъ немного, а затѣмъ, грустно кивнувъ на свою кирку, продолжалъ:

— Вотъ и съ работой тоже бѣда... Все намъ самимъ, старикамъ, приходится дѣлать. Нѣтъ у насъ молодыхъ и здоровыхъ работниковъ. А силы-то падаютъ, едва-едва въ рукахъ какойнибудь инструментъ держится. Что дѣлать? Если нельзя безъ работы оставить обитель. Какъ жить-то дальше будемъ? Не окопаешь виноградникъ, не вырубишь лѣсъ, не вспашешь поля — и весь скитъ пропадетъ, въ пустыню превратится! Вотъ какъ можемъ, такъ и трудимся, дабы не пропасть совсѣмъ... Власти ввели суровыя правила... суровые... и, если будетъ идти все такъ и дальше, — совсѣмъ пропадутъ на Аѳонѣ русскія обители. А не станетъ русскихъ иноковъ, какой же тогда будетъ русскій монастырь?!

Старецъ умолкъ въ печальномъ раздумьѣ. Не начиналъ разговора и я послѣ его грустныхъ и правдивыхъ словъ.

— А все это идетъ оттуда, господинъ, съ нашей матушки-Родины многострадальной... Все отъ нея! — возобновилъ отецъ Вивіанъ свою рѣчь послѣ длинной паузы. — Вѣдь слыхалъ я немало о томъ, что сотворилось въ Россіи... Доходили и до насъ эти

<sup>367</sup> Въ дѣйствительности отцу Вивіану въ это время было 76 лѣтъ.

скорбныя вѣсти... Испытываетъ насъ Господь Всемогущій!.. Ничего не подѣлаешь: попустилъ онъ за наши грѣхи... попустилъ и вотъ уже сколько лѣтъ не хочетъ помиловать... И никто не знаетъ, никто не скажетъ, когда же ждать конца нашимъ испытаніямъ.

Неожиданно старикъ поднялъ одной рукой свою кирку, а затѣмъ снова опустилъ ее, ударивъ при этомъ съ такой силой, что я невольно обратилъ вниманіе на необычайный приливъ старческой энергіи.

— Бога забыли... Вотъ и вся причина страшныхъ бѣдствій! — воскликнулъ отецъ Вивіанъ увѣренно. — Забыли заповѣди Господни!.. Вотъ и мучается такъ долго весь народъ, мятется, какъ въ преисподней, не вѣдая, что творить, и не видя ни въ чемъ ни конца, ни начала!.. Князь тьмы гуляетъ по Руси, храмы разрушаетъ, пастырей Христовыхъ убиваетъ, безчестіе и распутство сѣетъ... Только все же придетъ и этому конецъ... Придетъ!.. Дождется русскій народъ своего воскресенія... Дождется!..

Старецъ легко коснулся моей руки своими сухими пальцами и проговорилъ совѣмъ тихо, одновременно и упорно посмотрѣвъ на меня парой старчески добрыхъ голубыхъ глазъ:

— Вѣрите мнѣ, господинъ, что помилуетъ Господь Богъ нашу матушку-Россію... и ударитъ часъ обѣтованный, когда проснется народъ отъ грѣха своего и опомнится... Придетъ, ударитъ этотъ долгожданный часъ... Только намъ, грѣшнымъ, посильнѣе молиться надобно!.. А вы откуда, изъ какихъ мѣстъ матушки-Россіи будете, господинъ хорошій? Имѣете жену, дѣтокъ?..

Я, какъ могъ, отвѣчалъ на всѣ вопросы старца Вивіана, стараясь удовлетворить его вполне понятную и разумную любознательность.

Въ бесѣдѣ съ этимъ замѣчательнымъ старцемъ время летѣло незамѣтно. И я нескоро вспомнилъ о своемъ намѣреніи пораньше добратъся до сіявшаго вдали своими золотыми куполами русскаго скита.

Старецъ Вивіанъ заботливо проводилъ меня обратно къ тропинкѣ, оставленной мной около часа тому назадъ.

— Отселѣва уже недалеко до обители... Пospѣете, пока еще солнышко высоко... Пошелъ бы и я, да только ужъ очень плохой я спутникъ для молодаго человѣка. Ноги уже не носятъ какъ нужно. Да и работы здѣшной бросить нельзя, некому исполнить послушаніе. А безъ работы этой не вырастетъ виноградъ какъ нужно... Ужъ вы идите одинъ, дорогой нашъ гость, съ Богомъ... Вотъ такъ и доберетесь до скита по этой тропинкѣ, не собьетесь!..

При нашемъ прощаніи старецъ опять забросалъ меня вопросами о Сербіи, причемъ обнаружилъ большое знакомство со всѣми наиболѣе замѣчательными событіями этой близкой и милой страны, волновавшими ее за послѣдніе годы.

— Придетъ часъ, и весь міръ выйдетъ на истинную дорогу Христову... И исчезнетъ дымъ, расточатся Божіи враги!

Я съ нескрываемымъ благоговѣніемъ поцѣловаль сухую, почти дѣтскую по размѣрамъ руку отца Вивіана и спустя короткій срокъ уже уходилъ отъ него вдаль, оставляя позади себя и замѣчательное мѣсто, съ котораго открывалась незабываемо прекрасная панорама, и самого старца, такъ неожиданно встрѣтившагося на моемъ пути.

При входѣ въ новый зеленый коридоръ, начинавшійся въ шагахъ двухстахъ отъ мѣста, гдѣ я распрощался съ отцомъ Вивіаномъ, я оглянулся и еще разъ увидѣлъ этого посвятившаго свою жизнь Богу русскаго человѣка, проводившаго на землѣ девятый десятокъ положенныхъ ему лѣтъ.

Старець стоялъ на небольшомъ холмѣ, весь залитый солнцемъ, смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ и, по-видимому, никуда не хотѣлъ уходить, пока я не скроюсь изъ вида. И когда я оглянулся, онъ явственно осѣнилъ меня напутственнымъ крестнымъ знаменіемъ... Я въ свою очередь низко поклонился благословляющему меня старцу, и, думаю, онъ такъ же хорошо видѣлъ мой поклонъ, какъ и я его крестное знаменіе»<sup>368</sup>.

«Люди говорятъ, — писалъ отецъ Вивіанъ, — что слишкомъ я озабоченъ своей Родиной, что не прилично монаху такъ много говорить и думать о Родинѣ, что давно пора всѣ мысли направлять только къ Богу. Это было бы справедливымъ упрекомъ, если любовь къ Родинѣ была бы чѣмъ-то отдѣленнымъ отъ любви къ Богу. Но я люблю мою Родину, потому что люблю Бога, и, наоборотъ, только потому, что я люблю мою Родину, моя любовь къ Богу такъ сильна и чиста. Какъ бы духовно близко ни приблизился человѣкъ къ Богу, развѣ онъ сможетъ забыть свою мать? Развѣ болѣзнь и страданія матери не выдавятъ изъ него каплю слезы? Такъ же и съ Родиной: кто не любитъ свою мать, тотъ не любитъ Родину, а кто не любитъ Родину, тотъ не сможетъ полюбить Бога! Я увѣренъ, что всѣ эти любви въ принципѣ одна любовь, одна Божественная любовь, дарованная намъ Богомъ. Эта любовь какъ морская волна, прибывающая къ берегу, она покрываетъ всѣ камни одинаково: черные и бѣлые, большіе и маленькіе, и ни одинъ не можетъ обойти стороною. Такъ же и Богомъ дарованная любовь — она одинаково обнимаетъ мать, Родину, брата, врага и муравья и ничего не можетъ съ этимъ подѣлать. Поэтому я не вѣрю человѣку, который говоритъ, что любитъ только Бога, и не проронитъ даже одной слезы, видя бѣду своей Родины. „Аще кто́ речётъ, яко люблю́ Бóга, а брáта своего́ ненави́дитъ, лóжь е́сть: íбо не любя́й брáта своего́, егóже ви́дѣтъ, Бóга, егóже не ви́дѣтъ, како́ мо́жетъ любíти?“ (1 Ин. 4:20)»<sup>369</sup>.

Преставился отецъ Вивіанъ 22 сентября 1940 года, Богъ избавилъ его быть свидѣтелемъ очередной страшной бѣды, вскорѣ нагрянувшей на его любимую Родину.

<sup>368</sup> Маевскій Вл. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 62–68.

<sup>369</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 12.

## Схимонахъ Діадохъ (Дружининъ)



Схимонахъ Діадохъ (въ міру Дмитрій Митрофановичъ Дружининъ) родился въ 1866 году въ семьѣ мѣщанина изъ города Ростова Ярославской губерніи. Благочестивые родители воспитывали мальчика въ вѣрѣ и согласіи. Дмитрій съ раннихъ лѣтъ полюбилъ ходить въ церковь, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ субботняго вечера, когда вся семья шла въ храмъ на повете и исповѣдь.

Когда другія дѣти шумно бѣгали вокругъ храма, онъ уходилъ въ самые затѣнные уголки внутри церкви и внимательно наблюдалъ оттуда за происходящимъ. Его удивляло, что здѣсь, внутри церкви, даже самые буйные его сосѣди вели себя очень тихо, спокойно и смиренно. «Навѣрное, они кого-то боятся или кого-то стѣсняются, — думалъ мальчикъ. — Но кого? Почему Его не видно?» Эти вопросы очень волновали будущаго подвижника.

Мама говорила, что есть Всемогуцій Богъ, который все знаетъ и который все видитъ. Но почему Онъ не показывается здѣсь и почему люди Его боятся, если Его здѣсь нѣтъ? Онъ не зналъ, кому задать эти свои дѣтскіе вопросы. Опять помогла ему мама, сказавъ, что Богъ въ его сердцѣ! Но у Дмитрія теперь возникли новыя недоумѣнія: какъ можетъ Всемогуцій Богъ вмѣститься въ его сердцѣ? И какъ Онъ можетъ жить одновременно во всѣхъ сердцахъ? Ему было неудобно больше беспокоить маму, и онъ рѣшилъ эти вопросы задать человѣку, котораго всѣ считали главнымъ знатокомъ Господа Бога, — приходскому священнику. Священникъ, выслушавъ мальчика, отвѣтилъ: «Чадо, Богъ

есть Духъ, невидимая сила и можетъ быть вездѣ одновременно, и, если ты позовешь Его, Онъ придетъ и въ твое сердце, только ты сильно попроси и выброси изъ своего сердца все лишнее: мечты, сны, игры и прочее, и тогда Богъ поселится въ твоёмъ сердцѣ».

Вернувшись домой, Дмитрій пошелъ въ свою комнату и, сѣвъ въ углу, сталъ просить Господа, чтобы Онъ пришелъ къ нему. Долго онъ такъ сидѣлъ. Вскорѣ непонятно отчего потекли у него слезы, и Дмитрій почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что-то необычное, невѣроятно сладкое и совсѣмъ необъяснимое. Онъ упалъ на колѣни и еще сильнѣе заплакалъ. Это не было похоже ни на что изъ того, что онъ испытывалъ раньше, — слезы были пріятными и успокаивающими. Дмитрій хотѣлъ что-то сказать, но у него вырвалось изъ устъ лишь одно слово: «Господи!» Его душа успокоилась и наполнилась радостью, онъ явственно чувствовалъ, что Господь дѣйствительно вселился въ его дѣтское сердце. Дмитрію очень захотѣлось подѣлиться своей радостью съ мамой, и онъ побѣждалъ сломя голову въ мамины покои.

Жить съ Богомъ, жить для Бога стало единственной мыслью Дмитрія на всю оставшуюся жизнь. Окончивъ гимназію, онъ сразу же хотѣлъ поступить въ монастырь, но ему предстояло еще пройти много испытаній, пока это желаніе осуществилось. Вдругъ умерли его родители, и многочисленная семья лишилась кормильцевъ. Родственники обязали Дмитрія какъ самаго старшаго взять на себя заботу о младшихъ, и онъ былъ вынужденъ поступить въ подмастерье къ одному портному. Проявляя огромное трудолюбіе и талантъ, Дмитрій вскорѣ самъ сталъ мастеромъ и своими трудами обеспечивалъ пропитаніе и учебу младшихъ братьевъ и сестеръ. Только когда младшему изъ нихъ исполнилось двадцать лѣтъ, онъ смогъ вернуться къ мысли объ осуществленіи своей давней мечты.

25 октября 1895 года Дмитрій Митрофановичъ вступилъ на Аѳонскую землю и былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Естественно, его сразу опредѣлили на послушаніе портнымъ въ мастерскую по шитью одежды. Впоследствии онъ сталъ завѣдующимъ этой мастерской и руководилъ ею до самой своей смерти.

1 апрѣля 1899 года Дмитрій Митрофановичъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Діадохъ. Его первымъ духовникомъ сталъ отецъ Агаѳодоръ (Будановъ), котораго молодой монахъ очень возлюбилъ. Узнавъ о его прежнемъ опытѣ общенія съ Богомъ, отецъ Агаѳодоръ благословилъ ему заниматься Иисусовой молитвой. Отецъ Діадохъ съ радостью выполнялъ это благословеніе, тѣмъ болѣе что ему не требовалось особыхъ усилий, чтобы сосредоточиться на молитвѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Господь вошелъ въ его дѣтское сердце, Онъ больше не покидалъ его. Ему только нужно было не отвлекаться отъ своего сердца и умомъ наблюдать за нимъ.



Архимандритъ Софроній (Сахаровъ) въ своей книгѣ «Старець Силуанъ» такъ характеризуетъ отца Діадоха: «Въ течение многихъ лѣтъ большой швальней монастыря завѣдовалъ отецъ Діадохъ, монахъ во всемъ примѣрный, до педантичности аккуратный, любитель богослуженія, начитанный, тихій нравомъ и благородный въ общеніи съ людьми, онъ пользовался общимъ уваженіемъ»<sup>370</sup>.

Духовный настрой отца Діадоха раскрывается въ одномъ изъ его писемъ духовнику: «Насталъ святой Рождественскій постъ, который, и не увидишь какъ, приведетъ къ великимъ святымъ праздникамъ, радостнымъ христіанскому духу. У меня отъ одного воображенія сейчасъ замираетъ духъ отъ восхищенія, почему, питаю къ Вашей честнѣйшей особѣ нелицемѣрную духовную любовь, съ дѣтской простотой спѣшу привѣтствовать Васъ съ приближеніемъ сихъ дней, какъ Рождества Христова, новаго года и святаго Богоявленія. <...> Благодать Божія, щедро всѣхъ надѣляющая, и меня грѣшнаго не по достоинству утѣшаетъ. Я дѣлаюсь подобнымъ дитяти отъ радости; по грѣхамъ надобно бы плакать день и ночь, а мнѣ житіе кажется раемъ и скорбное монашеское житіе даже и не чувствуется»<sup>371</sup>.

Преставился отецъ Діадохъ 30 апрѣля 1940 года.

## Иеросхимонахъ Палладій (Козловъ)

Иеросхимонахъ Палладій (въ міру Петръ Матвѣевичъ Козловъ) родился въ 1843 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Смышляевка Чертановской волости Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи. Его мать звали Анной. О его жизни до поступленія въ монастырь намъ ничего не извѣстно. Очевидно только одно, что онъ получилъ хорошее образованіе.

Въ 1879 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ послушникомъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Первое его послушаніе было на пекарнѣ. Петру это

<sup>370</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старець Силуанъ Аѳонскій. М., 1996. С. 68.

<sup>371</sup> БРПМА. Док. № 41926. С. 200.

послушаніе очень нравилось. Несмотря на тяжелую работу, обстановка пекарни настраивала его на молитву. Горящія печи, ароматный запахъ, молчаливыя движенія братіи пробуждали въ немъ желаніе молиться.

27 ноября 1882 года Петра постригли въ мантию съ именемъ Палладій. Черезъ годъ, 22 ноября, его рукоположили въ ієродіакона, а 23 ноября 1896 года въ ієромонаха. Послѣ этого внѣ обители на благо ея началась бурная дѣятельность отца Палладія. Сначала его послали въ Россію на Чумбуру, гдѣ онъ помогаль отцу Михаилу (Савицкому), потомъ въ метохъ обители — Каламарію, а съ 1910 года онъ уже на подворьѣ въ Одессѣ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ все и всегда дѣлалъ только по послушанію отцу игумену, съ которымъ имѣлъ постоянную переписку<sup>372</sup>.

Въ Одессѣ его застало начало Первой міровой войны.

Въ 1914 году Херсонской духовной консисторіей онъ былъ назначенъ находиться при санитарномъ отрядѣ Краснаго Креста, прошелъ всю войну, побываль на разныхъ фронтахъ, спасъ жизни многихъ раненыхъ солдатъ, самъ былъ раненъ и много разъ смотрѣлъ смерти въ глаза и не избавился даже отъ несчастія плѣна. Попавъ въ плѣнъ къ австрійцамъ какъ санитаръ, черезъ 12 дней онъ былъ освобожденъ. Послѣ этого онъ принялъ рѣшеніе вернуться на Аѳонъ, и, пройдя почти весь путь пѣшкомъ съ австрійскихъ владѣній до Святой Горы, онъ наконецъ-то въ мартѣ 1920 года добрался до родной обители. Игуменъ Мисаиль за его любовь къ собратіямъ и за проявленное мужество на войнѣ наградиль отца Палладія набедренникомъ.

9 апрѣля 1921 года отца Палладія постригли въ схиму и назначили духовникомъ въ обители. Огромный опытъ практической жизни и духовнаго совершенствованія помогаль отцу Палладію почти 20 лѣтъ быть добрымъ пастыремъ душъ своихъ



<sup>372</sup> АРПМА. Док.: № 849, 934, 935, 1073, 1553.



собратьевъ. Всѣ любили его за глубокое знаніе человѣческой души и сочувственное пониманіе человѣческихъ немощей.

Преставился отецъ Палладій 26 декабря 1940 года.

## Иеросхимонахъ Вассой (Горборуковъ)



Иеросхимонахъ Вассой (въ міру Владиміръ Козьмичъ Горборуковъ) родился въ 1866 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Волотово Новобезгинской волости Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи.

Прибыль на Аѳонъ 7 ноября 1888 года, принятъ въ Русскіе 21 марта 1889 года, постриженъ въ рясофоръ 11 марта 1892 года, въ мантию 6 апрѣля 1894 года. 28 мая 1909 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 19 октября 1914 года въ іеромонаха.

Послушаніе проходилъ на Крумицѣ, въ обители, въ аптекѣ, въ канцеляріи, на подворьяхъ въ Константинополь, Одессѣ и Москвѣ. Послѣ начала Первой міровой войны былъ санитаромъ въ отрядѣ Краснаго Креста, а въ гражданскую войну былъ въ составѣ санитарнаго отряда бѣлогвардейской добровольческой арміи. На фронтѣ среди солдатъ за простодушіе и самоотверженную любовь его очень любили. Въ своей части

онъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, которому любой измученный войной солдатъ могъ излить свою душу. Отецъ Вассой до конца своей жизни молился и переживалъ за каждого человѣка, хоть однажды встрѣтившагося съ нимъ. Вмѣстѣ съ отступавшими отрядами бѣлой арміи онъ сначала попалъ на территорию Польши, а оттуда почти пѣшкомъ добрался до Аѳона. Возвратился въ Руссикъ отецъ Вассой 9 апрѣля 1923 года, а 13 марта 1925 года былъ постриженъ въ схиму. Всю оставшуюся жизнь прожилъ на Старомъ Руссикѣ.

Интересенъ разсказъ о встрѣчѣ отца Вассоя съ писателемъ Б. Зайцевымъ, который находимъ мы въ его книгѣ про Аѳонъ. Вотъ что онъ пишетъ: «Пришелъ съ огорода отецъ Вассой съ живыми и веселыми глазами лѣснаго человѣка, весь заросшій сѣдѣющимъ волосомъ, благодушный, полный и какой-то уютный. Узнавъ, что я изъ Парижа, таинственно отвелъ въ сторонку и справился объ общемъ знакомомъ — его другѣ. Получивъ вѣсть пріятную, отецъ Вассой такъ просіялъ, такъ хлопалъ себя руками по бокамъ, крестился и присѣдалъ отъ удовольствія, что на все наше недолгое бытіе въ Руссикѣ остался въ восторженно-размягченномъ состояніи.

— Ну и утѣшили, ужъ какъ утѣшили, и сказать не могу! — говорилъ онъ мнѣ, показывая скромные параклисы Руссика, гдѣ нѣтъ ни жемчужныхъ крестовъ, ни золотыхъ чашъ, ни безцѣнныхъ миниатюръ на Псалтыряхъ.

— Пожалуйте, сюда, пожалуйста, тутъ вотъ пройдемъ къ пиргу святаго Саввы...

Мы заглянули въ залитую солнцемъ галерейку — вся она занята разложенными для просушки маками, жасминами и розами — на нихъ отецъ Вассой настаиваетъ чай.

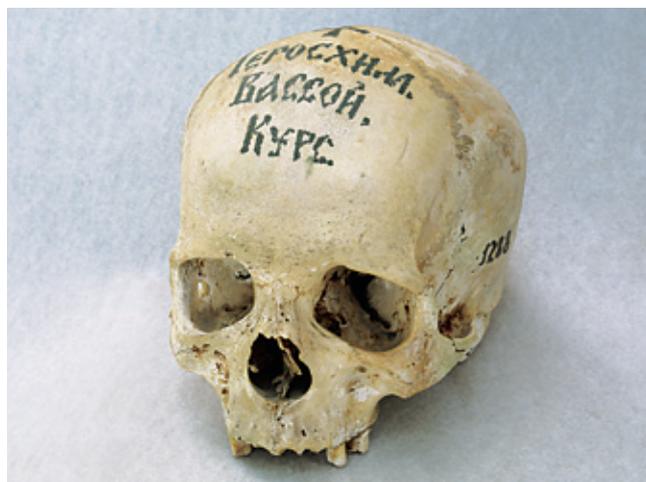
— Это мое тутъ хозяйство, вотъ утѣшаемся...

Сладковатый и нѣжный запахъ стоялъ въ галерейкѣ. Темно-красные лепестки маковъ, переходящіе въ черное, и пунцовый пухъ розъ, все истаивало, истлѣвало подъ аѳонскимъ солнцемъ, обращалось въ тончайшія какъ бы тени Божьихъ созданий, въ полубезплотныя души, хранящіе, однако, капли святыхъ благоуханій.

Отецъ Вассой вдругъ опять весело засмѣялся и слегка присѣлъ, вспомнивъ что-то, его зеленоватые глаза заискрились.

— Прямо какъ праздникъ для меня нынче, ужъ такъ вы меня порадовали, прямо порадовали!

И отецъ Вассой, цвѣтоводъ и, кажется, пчеловодъ Руссика, веселое простое сердце, повелъ меня въ древнюю башню, главную святыню монастырька, откуда нѣкогда царевичъ сербскій Савва, впоследствии прославленный святой, сбросилъ посланнымъ отца царскія свои



одежды, отказавшись возвратиться во дворецъ, избравъ безхитростный путь отца Вассоя»<sup>373</sup>.

Изъ этого простаго разсказа видно, какъ отецъ Вассой переживалъ за своихъ друзей, за которыхъ непрестанно молился. Онъ не ждалъ благодарности и вознагражденія за свои молитвы, а радовался простой доброй вѣсти о своихъ подопечныхъ. Самая великая награда за молитву — это реальное сознаніе того, что вершится воля Божья. Ничего не роднитъ людей, какъ взаимная молитва, даже самый заклятый врагъ въ нашемъ сердцѣ чудомъ превращается въ роднаго человѣка, если мы заставимъ себя за него искренне молиться. Въ этомъ случаѣ самъ Богъ примиряетъ насъ, Онъ осуществляетъ невозможную для человѣка перемѣну. Поэтому беспочвенны утвержденія нѣкоторыхъ, что невозможно молиться за враговъ. Что невозможно человѣку, то возможно Богу. Намъ нужно только принять рѣшеніе начать такую молитву, а остальное сдѣлаетъ Господь.

Преставился отецъ Вассой 2 сентября 1942 года.

## Схимонахъ Спиридонъ (Поквала)



Схимонахъ Спиридонъ (въ міру Спиридонъ Θεодосѣвичъ Поквала) родился въ 1858 году въ крестьянской семьѣ въ мѣстечкѣ Большой Токмакъ Бердянскаго уѣзда Таврической губерніи. Его отецъ Θεодосій умеръ 26 іюля 1892 года. Онъ былъ очень набожнымъ человѣкомъ и всю свою жизнь старался дѣлать угодное Богу и дѣтей воспитывалъ въ благочестіи. Спиридонъ съ дѣтства подражалъ отцу и постоянно сопровождалъ его при посѣщеніи имъ церкви. Повзрослѣвъ, онъ открылъ отцу, что желаетъ посвятить свою жизнь Богу, и просилъ благословенія пойти въ монастырь. Обрадованный отецъ сразу же согласился, но Спиридонъ былъ военнообязаннымъ и только послѣ окончанія военной службы смогъ осуществить свою мечту.

---

<sup>373</sup> Зайцевъ Б. Аѳонъ. Парижъ, 1928. С. 83.

Спиридонъ Ѳеодосьевичъ прибылъ на Аѳонъ 30 января 1889 года и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Его сразу отправили на послушаніе на Крумицу, гдѣ на виноградникахъ трудились многіе изъ братіи. 18 марта 1892 года онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Серапіонъ, 15 марта 1894 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ, а 15 ноября 1919 года въ схиму съ именемъ Спиридонъ.

Послѣ пострига въ мантию отецъ Спиридонъ проходилъ послушаніе на пристани Крумицы, а съ 1909 по 1939 годъ тамъ же, на Крумицѣ, былъ главнымъ экономомъ. Это послушаніе считалось самымъ отвѣтственнымъ и труднымъ. Огромныя плантаціи виноградниковъ и обширныя масличныя сады требовали не только высокыхъ организаторскихъ способностей, но и гибкаго, духовно подкованнаго ума, чтобы умѣло и на пользу душѣ распоряжаться рабочей силой, которая состояла въ основномъ изъ новоначальныхъ монаховъ. Отецъ Спиридонъ идеально справлялся съ этой задачей: у него не только кипѣла работа въ рукахъ, но и люди были имъ всецѣло довольны. При его экономствѣ съ Крумицы въ монастырь не поступило ни одной жалобы на руководство отъ работавшихъ тамъ монаховъ, что представляло сильный контрастъ съ другими періодами жизни метоха.

Отецъ Спиридонъ лично зналъ даже самыя мелкія нужды своихъ подопечныхъ. Читателя его дневника поражаетъ<sup>374</sup>, съ какой отцовской любовью онъ заботился о каждомъ изъ нихъ. У него не было любимчиковъ или особо приближенныхъ, онъ всѣхъ любилъ одинаково сильно, истинно, какъ чадъ Божьихъ. И братія въ свою очередь очень полюбила умѣлаго, трудолюбиваго и духовно очень тонкаго наставника.

Эта идиллія длилась ровно тридцать лѣтъ! Все это время онъ былъ неизмѣннымъ экономомъ и неформальнымъ отцомъ монаховъ Крумицы. Вотъ что пишетъ о немъ знавшій его лично отецъ Софроній (Сахаровъ): «Въ числѣ братіи монастыря былъ замѣчательный подвижникъ, схимонахъ Спиридонъ, прожившій въ обители полвѣка. Отъ природы это былъ человѣкъ кряжистый, крѣпкій тѣломъ и душой и очень трудолюбивый. Это былъ подлинный монахъ, сильный въ подвигѣ. Съ первыхъ лѣтъ монастырской жизни онъ полюбилъ молитву Иисусову и неизмѣнно пребывалъ въ этомъ дѣланіи, требующемъ исключительнаго терпѣнія, вниманія и самоограниченія. Какъ большинство монаховъ Святой Горы, отецъ Спиридонъ былъ очень простой, почти безграмотный, но все же мудрый человѣкъ. Изъ долгаго опыта умнаго дѣланія онъ вынесъ ясное пониманіе человѣческихъ силъ, свойствъ души. Онъ понималъ, что умная молитва требуетъ свободы ума отъ всякихъ впечатлѣній, и съ твердостью глубокой вѣры несъ этотъ непостижимый для большинства людей подвигъ.

Послушаніе у отца Спиридона было хлопотливое: онъ былъ экономомъ на монастырскомъ метохѣ, называемомъ Крумица... Послѣдніе три-четыре года своей жизни

<sup>374</sup> АРПМА. Док. № 348.



онъ провель въ монастырской больницѣ, такъ какъ сильно страдалъ отъ ревматизма, изуродовавшего суставы рукъ и ногъ и лишившаго его трудоспособности»<sup>375</sup>.

Преставился отецъ Спиридонъ 8 августа 1942 года, вѣрно и преданно послуживъ монастырю и братіи 52 года и при этомъ непрестанно пребывая съ Богомъ.

## Иеросхимонахъ Сергій (Тютинъ)

Иеросхимонахъ Сергій (въ міру Сергѣй Николаевичъ Тютинъ) родился въ 1869 году въ селѣ Старо-Костичевскомъ Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Его мать звали Евдокіей. Сергѣй окончилъ учительскую семинарію и сталъ преподавателемъ Старо-Костичевскаго двухкласснаго училища. Онъ проработалъ въ этой должности почти 20 лѣтъ. Былъ очень любимъ и уважаемъ односельчанами за отзывчивость и любовь къ дѣтямъ. За свои заслуги въ дѣлѣ образованія получилъ званіе личнаго почетнаго гражданина.

Но, несмотря на всѣ внѣшніе успѣхи Сергѣя Николаевича, его душа была какъ бы заточена въ клѣткѣ, ей хотѣлось чего-то большаго, возвышеннаго, прекраснаго, и она все время стремилась вырваться изъ рамокъ сѣрой мірской жизни. Поэтому Сергѣй Николаевичъ все время подумывалъ о поступленіи въ монастырь. Но осуществить свой замыселъ онъ смогъ, только когда отъ чахотки умерла его жена.

12 августа 1910 года онъ поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь на Аѳонѣ, гдѣ 29 февраля 1912 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Сергій, 21 марта 1914 года въ мантию съ именемъ Смарагдъ, а 9 марта 1927 года въ схиму съ именемъ Сергій. 28 іюля 1922 года отецъ Сергій былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 30 апрѣля 1930 года въ іеромонаха.

Съ первыхъ дней своего пребывания въ обители отецъ Сергій проходилъ послушаніе въ канцеляріи. Съ 25 ноября 1928 года по 1 января 1937 года онъ исполнялъ обязанности антипросопа въ Кареѣ, а съ 1937 года до смерти былъ казначеемъ обители.

Писатель Вл. Маевскій такъ вспоминаетъ встрѣчу съ нимъ въ Кареѣ: «Отецъ Иллѳодоръ доставилъ меня въ карейскій кунакъ Свято-Пантелеимонова монастыря,

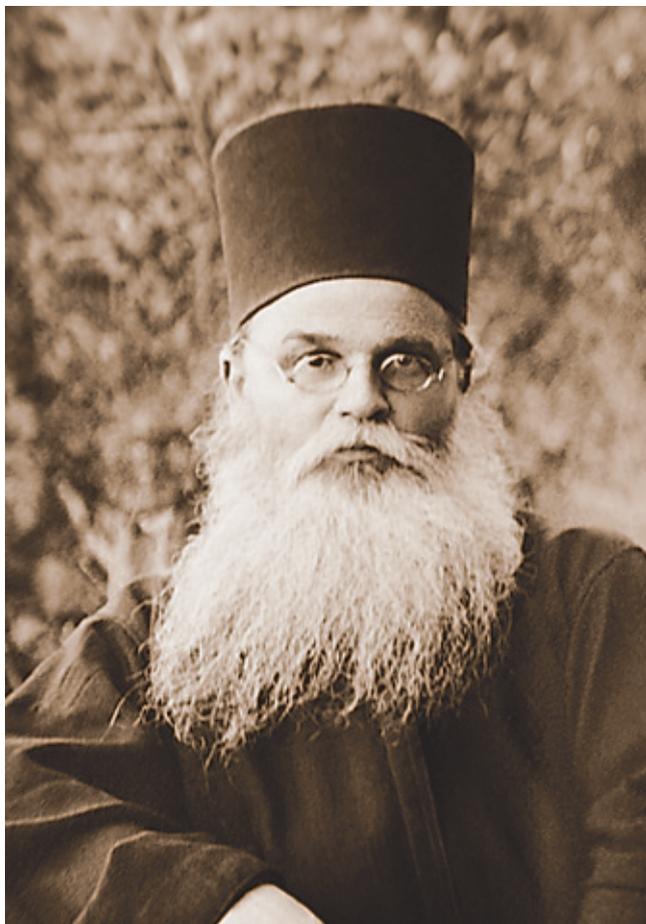
<sup>375</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старець Силуанъ Аѳонскій. М., 1996. С. 114.

прямо къ ихъ антипросопу іеросхимонаху отцу Сергію. Гостеприимный старикъ встрѣтилъ меня съ большимъ радушіемъ и сразу же окружилъ истинно-отеческой заботой, снабдивъ нужной інформаціей.

Здѣсь я умылся, переодѣлся и отдохнулъ. А затѣмъ, за чашкой чая, долго наслаждался интересной бесѣдой съ отцомъ Сергіемъ, который являлся во всѣхъ отношеніяхъ на рѣдкость культурнымъ человѣкомъ и замѣчательнымъ монахомъ. Его жизненно-мудрыя сужденія, его отечески-поучительныя наставленія и сердечныя утѣшенія на всю жизнь врѣзались въ мою память и душу, наполнивъ ее благодарностью къ этому прекрасному человѣку и примѣрному монаху»<sup>376</sup>.

Отець Сергій представлялъ монастырь въ Кинотѣ въ то время, когда происходили серьезныя измѣненія уклада жизни монаховъ Аѳона: принимался новый уставъ Аѳона, мѣнялись отношенія съ новымъ греческимъ правительствомъ. Все это требовало постоянной напряженной работы и отъ отца Сергія. Именно его заслугой является то, что прибывшіе въ 1925–1927 годахъ изъ Карпатской Руси молодые люди, желающіе остаться въ Руссикѣ, не были выдворены съ Аѳона. Онъ смогъ доказать, что они истинно православные, въ чемъ сомнѣвался Священный Синодъ. Въ своемъ выступленіи на эту тему на засѣданіи Синода отецъ Сергій говорилъ: «Вся Европа знаетъ, что угоруссы полтора столѣтія боролись за свое Православіе и только насиліемъ были вынуждены поминать имя папы при богослуженіи, и какъ только они освободились отъ австрійской власти, сейчасъ же возвратились въ Православіе. <...> Они сто лѣтъ боролись за Православіе, и такіе люди не могутъ не знать догматовъ. Патріархія [Вселенская] должна радоваться, что полтора–два милліона уніатовъ обратились въ Православіе»<sup>377</sup>. Настойчивость отца Сергія въ этомъ вопросѣ возымѣла успѣхъ, и Синодъ отказался отъ выдворенія карпатороссовъ съ Аѳона.

Отець Сергій былъ въ первую очередь настоящей монахъ-подвижникъ. Невѣроятная нестяжательность была его отличающимъ свойствомъ. Въ его кельѣ не было ни одного



<sup>376</sup> Маевскій Вл. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 49.

<sup>377</sup> АРПМА. Док. № 1338. С. 2–3.



предмета въ количествѣ двухъ экземпляровъ. Имѣлся въ наличіи всего одинъ подрыжникъ, онъ пользовался однимъ стуломъ, однимъ одѣяломъ и т. д. Какъ только кто-то ему дарилъ какую-то вещь, которая у него уже была, онъ ее или подкидывалъ другимъ братіямъ, или вѣшалъ на двери рухольной\*.

Отецъ Сергій былъ большимъ любителемъ Иисусовой молитвы. Творить молитву было его основнымъ занятіемъ и утѣшеніемъ.

Передъ смертью, когда онъ серьезно заболѣлъ и не могъ ходить въ храмъ, онъ, сидя въ кельѣ, творилъ Иисусову молитву непрерывно, и, какъ говорилъ его келейникъ, его послѣдними словами были «Исусе Христе...»

Преставился отецъ Сергій 13 октября 1942 года.

## Схіархимандритъ Алексій (Киреевскій)

Схіархимандритъ Алексій (въ міру Владиміръ Леонидовичъ Киреевскій) былъ представителемъ знаменитаго дворянскаго рода, племянникомъ извѣстныхъ славянофиловъ братьевъ Киреевскихъ. Родился онъ въ 1870 году въ Орловской губерніи, гдѣ его отецъ имѣлъ обширныя помѣщичьи угодья и помѣстье. Владиміръ Леонидовичъ до поступления въ монастырь въ возрастѣ 26 лѣтъ успѣлъ побывать на военной службѣ, былъ прапорщикомъ запаса, поучиться въ университетѣ и Духовной академіи, овладѣть нѣсколькими европейскими языками.

22 октября 1896 года Владиміръ Леонидовичъ пріѣзжаетъ на Аѳонъ и сразу просится въ послушники Русскаго Пантелеимонова монастыря, куда его съ радостью принимаютъ. Черезъ годъ, 17 марта, онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Алексій, 17 марта 1903 года въ схиму съ тѣмъ же именемъ. 7 іюня 1901 года онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а черезъ три дня въ іеромонаха.

Послушаніе отецъ Алексій сначала проходилъ въ библіотекѣ, былъ помощникомъ отца Матѳія (Ольшанскаго); съ 23 сентября 1903 года онъ на Новой Оивайдѣ; съ 1910 года на подворьѣ въ Константинополѣ — настоятель<sup>378</sup>; съ 1914 года на подворьѣ

<sup>378</sup> АРПМА. Док. № 852.

въ Одессѣ — духовникъ; а съ августа 1917 года вновь въ обители, гдѣ онъ окончательно поселяется въ пустынь Новая Оиваида и ведетъ тамъ отшельнической образъ жизни.

Отецъ Алексій былъ однимъ изъ активныхъ противниковъ имябожническаго ученія. Онъ опубликовалъ много статей по этому вопросу въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», за что былъ награжденъ отъ Священнаго Синода наперснымъ золотымъ крестомъ.

По приглашенію представителей Русской Церкви въ эмиграціи и по благословенію старцевъ обители 25 ноября 1925 года отецъ Алексій выѣхалъ въ Парижъ и сталъ настоятелемъ скита во имя Всѣхъ Святыхъ, въ землѣ Россійской просіявшихъ, подъ Верденомъ, устроенномъ на могилахъ русскихъ воиновъ. Старцы обители въ интересахъ монастыря считали необходимымъ имѣть своего представителя въ одномъ



изъ центровъ русской эмиграціи, поэтому, несмотря на многочисленныя просьбы отца Алексія вернуть его обратно въ обитель, они настаивали на его пребываніи тамъ.

Вотъ что пишетъ отецъ Алексій въ отвѣтномъ письмѣ игумену Мисаилу 4 апрѣля 1929 года: «Въ прошломъ году, возвратившись изъ храма, въ Великій Пятокъ, получилъ я Ваше письмо, въ которомъ Вы совѣтовали мнѣ отложить свой прїѣздъ на святой Аѳонъ до окончанія церковной смуты [Карловацкаго раскола]. Это былъ большой ударъ для меня! Съ Божьей помощью я пережилъ его, и теперь идутъ у меня хлопоты о моей визѣ. По слухамъ, Вы, батюшка, лично желаете моего возвращенія. Какъ отрадно было бы мнѣ нынѣ къ Пасхѣ получить отъ Васъ отеческое письмо съ вѣстью, что виза мнѣ есть. Я ни о чемъ другомъ не мечтаю, какъ о безмолвіи на Аѳонѣ на своей каливкѣ на Оивайдѣ. <...> Долго ли намъ осталось жить? Неужели, умирая, приближаясь къ смертнымъ вратамъ, мы съ Вами не увидимся»<sup>379</sup>.

26 апрѣля 1937 года при освященіи построеннаго храма въ скиту во имя Всѣхъ Святыхъ, въ землѣ Россійской просіявшихъ, отецъ Алексій былъ возведенъ въ санъ

<sup>379</sup> АРПМА. Док. № 3679.

архимандрита. Впоследствии, когда стало очевидно, что русская эмиграция не может оказывать достойную помощь монастырю, отец Алексій приложил немало усилий, чтобы возвратиться на Аѳонъ. Но безуспѣшно. Хотя руководство монастыря нѣсколько разъ просило Кинотъ разрѣшить ему вернуться въ обитель, но Кинотъ не давалъ разрѣшенія на его возвращеніе, ссылаясь на его возведеніе въ санъ архимандрита внѣ юрисдикціи Вселенскаго Патріарха. Но, несмотря на это, отецъ Алексій не переставалъ поддерживать духовную связь съ Аѳономъ и постоянно переписывался съ игуменомъ Мисаиломъ<sup>380</sup>. Съ 15 октября по 26 ноября 1937 года онъ смогъ посѣтить Аѳонъ какъ паломникъ, что было большимъ утѣшеніемъ для соскучившейся по Аѳону его души.

Преставился отецъ Алексій въ 1945 году.

## Схимонахъ Ниль (Гарбарь)

Схимонахъ Ниль (въ міру Наркиссъ Евстаѳьевичъ Гарбарь) родился въ 1863 году въ селѣ Ясковцы Кременецкаго уѣзда Волынской губерніи. Имя его матери Татьяна. Именно она стала его первой учительницей и наставницей. Именно она зажгла въ его сердцѣ пламенную любовь къ Богу. Еще совѣмъ мальчишкой онъ мечталъ о монашеской жизни, и когда ему исполнилось 16 лѣтъ, онъ ушелъ изъ дома и сталъ бродить по святымъ мѣстамъ Россіи. Въ Кіевѣ онъ встрѣтился съ монахами изъ Аѳона и вмѣстѣ съ ними въ 1879 году пріѣхалъ на Святую Гору.

Сначала онъ жилъ въ каливѣ съ однимъ русскимъ старцемъ на Капсалѣ, который постригъ его въ мантию съ именемъ Ниль. Послѣ смерти своего старца въ 1907 году отецъ Ниль поступилъ на Новую Оиваиду, гдѣ его постригли въ схиму съ тѣмъ же именемъ. Здѣсь почти 25 лѣтъ онъ жилъ въ отшельнической каливкѣ и велъ строго безмолвную жизнь. Лишь изрѣдка беспокоили его посѣтители.

Объ одномъ такомъ посѣщеніи сообщаетъ намъ писатель Б. Зайцевъ: «Отецъ Петръ провелъ насъ къ отдѣльно стоявшей, среди фиговыхъ деревьевъ, крохотной каливѣ.

— Здѣсь живетъ пустынный отецъ Ниль, — сказалъ онъ мнѣ. — Вотъ, извольте взглянуть.

Къ намъ вышелъ старикъ съ воздушно-снѣговымъ обрамленіемъ лысаго черепа, въ накинутаго на плечи какъ бы малороссійской свиткѣ, покорный и нѣсколько удивленный. Глаза его, ровно-выцвѣтшіе, съ оттѣнкомъ вѣчности, слегка слезились. Онъ оперался на высокую палку.

---

<sup>380</sup> АРПМА. Док. № 3679.

— Простой человекъ, изъ крестьянъ, — шепнулъ отецъ В., — много лѣтъ здѣсь въ одиночествѣ спасается. Насчетъ бесѣды — не особенно рѣчистъ; а живетъ подвижнически...

Мы вошли въ его хатку. Все было предѣльно бѣдно и убого. Ложе — почти голыя доски. Но и у него моленная, иконки... Самъ отецъ Нилъ имѣлъ видъ нѣсколько изумленный — точно казалось ему страннымъ, почему это имъ, человекомъ незамѣчательнымъ и уединеннымъ, интересуется прїѣзжій изъ-за моря. Частію и меня смущало, какъ это мы вторгаемся въ чужую чистую и высокую жизнь. Но утѣшала цѣль. Вѣдь не простое же это любопытство!

Отецъ Петръ, поглаживая свою рѣдкую буренькую бородку, сказалъ ему:

— Отецъ Нилъ, ты бы гостя фигами своими попотчевалъ.

Отецъ Нилъ слегка смутился и покорно полѣзъ куда-то въ темноту, въ чуланы. Мы вышли на воздухъ.

— Какъ же онъ тутъ живетъ?

Отецъ Петръ тихимъ своимъ голосомъ отвѣтилъ:

— А вотъ такъ и пустынножительствуетъ... уже лѣтъ тридцать. По ночамъ стережетъ монастырскій виноградникъ отъ дикихъ кабановъ, чтобъ не озорничали... Днемъ же Псалтырь читаетъ, канончикъ тянетъ, молится... Мѣсто глухое, для пустынничества очень способное.

Отецъ Нилъ выбрался изъ своихъ чулановъ въ еще большей растерянности. Фигъ не принесъ.

— Ужъ не взыщите, господинъ, не больно хороши... Ужъ что подѣлаешь...

— Да ладно, ладно, не беспокойтесь, отецъ. Извините, что потревожили. Мы вѣдь и проголодаться-то не успѣли.

Мы недолго пробыли у отца Нила. А когда его хибарка скрылась въ кустахъ, отецъ Петръ разсмѣялся тихимъ, беззлобнымъ смѣхомъ.

— Господи, ну чѣмъ только этотъ человекъ питается, прямо удивительно... И мы, скитскіе, не такъ сладко едимъ, ну а онъ...

— Да что жъ такое?

— Хотя бы эти самыя фиги. Они у него на цѣльный годъ запасены, больше вѣдь и ничего нѣтъ! И, не думайте, чтобы тамъ хлѣбца, картошечки. А фиги-то зимой загниваютъ. Прямо ко рту не поднесешь, вся слизкая, запахъ... а онъ потребляетъ и всегда здоровъ, вѣдь это подуматъ только. Онъ, значить, и ходилъ, искалъ для васъ, не осталось ли свѣжихъ. Куда тамъ! Съ прошлаго года лежать, развѣ удержишь? Къ нему и въ чуланъ-то отъ смрада этого не войти.

Прихожу къ нему однажды, слышу, каѳизму читаетъ. Прочелъ и за другую взялся. Думаю, дай кончитъ, не стану мѣшать. Сижу подъ окошечкомъ. А онъ каѳизму за каѳизмой... Посидѣлъ я, думаю, время идетъ, и его перебивать не хочется... Оставилъ ему

знакъ, что былъ, положилъ предметецъ, а самъ домой, хе-хе... Кабановъ своихъ стережетъ да Псалтырь читаетъ, по тысячь поклоновъ въ день выкладываетъ»<sup>381</sup>.

29 ноября 1932 года отецъ Ниль тяжело заболѣлъ и былъ вынужденъ оставить свою каливку и переѣхать въ Руссикъ. Еще 13 лѣтъ пришлось ему бороться со своей болѣзною, но все время былъ спокоенъ и уравновѣшенъ, за испытанія все время благодарилъ Бога.

Преставился отецъ Ниль 21 июля 1945 года.

## Схимонахъ Іоаннъ (Поповичъ)

Схимонахъ Іоаннъ (въ міру Иванъ Андреевичъ Поповичъ) родился въ 1904 году въ крестьянской семьѣ Андрея и Маріи въ селѣ Горинчево Марамарошской губерніи Карпатской Руси, которая до Первой міровой войны входила въ составъ Австро-Венгерской имперіи, а между двумя міровыми войнами въ составъ Чехословакіи. Карпатская Русь изъ-за извѣстныхъ событій въ Россіи оставалась однимъ изъ немногихъ мѣстъ внѣ территоріи Совѣтскаго Союза, гдѣ въ неизмѣнномъ видѣ сохранились традиціи старой дореволюціонной Россіи. Именно сюда стекались большія группы первой волны эмиграціи, среди которыхъ было немало духовенства.

Подъ вліяніемъ этихъ дѣятелей церкви и культуры въ этомъ регионѣ возникло и стало активно развиваться русское національное и культурное движеніе: основывались новыя церкви, открывались духовныя миссіи, возобновлялись монастыри. Результатомъ этой дѣятельности стало рѣшеніе цѣлой дюжины ребятъ изъ мѣстной молодежи поѣхать на Аѳонъ и поступить въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, который въ тѣ времена очень нуждался въ людяхъ. Среди этихъ молодыхъ людей былъ и 22-лѣтній Иванъ.

Иванъ Поповичъ вмѣстѣ съ другими соотечественниками поступилъ въ Руссикъ 4 августа 1926 года, гдѣ ему дали одно изъ самыхъ трудныхъ послушаній — ухаживать за быками. Дѣло въ томъ, что монастырь имѣлъ на своей территоріи кожевенный заводъ, гдѣ использовалось собственное сырье. Поэтому во владѣніяхъ монастыря держали большое стадо быковъ, а ухаживали за ними физически сильные монахи. Иванъ былъ физически очень сильнымъ юношей, и поэтому ему досталась такая работа. 24 марта 1928 года Ивана постригли въ рясофоръ съ именемъ Іасонъ.

Въ это время сильно заболѣлъ на Крумицѣ главный пасѣчникъ монастыря, и изъ-за неимѣнія ему замѣны огромному мѣдовому хозяйству грозила гибель. Но тутъ

---

<sup>381</sup> Зайцевъ Б. Аѳонъ. Парижъ, 1928. С. 98–103.

вспомнили, что отецъ Іасонъ въ юношесствѣ въ хозяйствѣ своего отца занимался пчеловодствомъ, и его немедленно направили на Крумицу помощникомъ пасѣчника. Послѣдній вскорѣ умеръ, и отецъ Іасонъ остался одинъ. Это было огромнымъ испытаніемъ для молодого монаха, такъ какъ ему приходилось начинать доселѣ невѣдомую ему жизнь отшельника. Дать ему помощника не было никакой возможности. Но, по молитвамъ старцевъ, Богъ не оставилъ мужественнаго послушника, и онъ не только успѣшно справился съ возложеннымъ на него заданіемъ, но и самъ достигъ высокихъ духовныхъ вершинъ. На протяженіи 20 лѣтъ онъ одинъ снабжалъ такъ необходимымъ всѣмъ продуктомъ питанія — мѣдомъ своихъ монастырскихъ собратіевъ и одновременно, не жалѣя себя и упражняясь въ аскетическихъ подвигахъ, шагъ за шагомъ продвигался по духовной лѣстницѣ.



Любопытное воспоминаніе о встрѣчѣ съ нимъ оставилъ намъ писатель Вл. Маевскій: «Тропинка вилась среди густыхъ зарослей... И не помню, какъ я добрелъ до этого чудеснаго уголка, открывавшагося на моемъ пути какъ бы совсѣмъ случайно, ибо о его существованіи, по-видимому, забылъ и мой спутникъ — монахъ.

— Да здѣсь никакъ пасѣка Крумицы! — спохватился онъ, стараясь рассмотреть что-то за густой зеленью листвы. — Такъ и есть... она самая!.. Здѣсь отецъ Іасонъ спасается и Божьихъ пчелокъ обслуживаетъ... Любопытный монахъ... Вотъ сейчасъ сами увидите! — закончилъ мой спутникъ, іеромонахъ Харалампій, смѣло сворачивая куда-то въ сторону отъ тропинки.

Минута — и онъ, отодвинувъ какой-то засовъ, уже пропускалъ меня въ небольшую калиточку, за которой вилась узенькая тропинка, пробѣгавшая надъ глубокимъ оврагомъ, густо заросшимъ кустарникомъ и деревьями. А вокругъ, казалось, на много километровъ не было никакого человѣческаго жилья — настолько дикой представлялась вся окружающая мѣстность.

И вдругъ мы почти вплотную подошли къ маленькому домику, въ который вели двѣ двери: прямо, по-видимому, въ жилое помѣщеніе, а по террасѣ направо — въ крошечную

церковку, гдѣ мерцали лампадки. И я невольно, сразу же, направился внутрь этого рѣдкаго миниатюрнаго храма, чтобы приложиться къ святынямъ его...

— Отецъ Іасонъ, а... отецъ Іасонъ! — прокричалъ мой спутникъ, по-видимому предпочитавшій издали сообщить хозяину о нашемъ приходѣ и не рѣшавшійся переступить завѣтныхъ границъ пасѣки, гдѣ жужжали пчелы. — Бросьте работу, отецъ Іасонъ... я вамъ гостя привелъ... идите сюда!..

Монахъ-пасѣчникъ помахалъ намъ издали рукой въ знакъ своего согласія. И вскорѣ его освѣщенная яркимъ солнцемъ фигура стала приближаться къ келейкѣ, гдѣ мы дожидались его на терраскѣ. Съ невольнымъ любопытствомъ сталъ я поджидать этого старца-пасѣчника, ибо иной встрѣчи и не могъ себѣ представить... Каково же было мое удивленіе, когда вскорѣ на террасу взошелъ не старецъ, а еще очень молодой инокъ, всего нѣсколько лѣтъ назадъ вступившій на землю Аѳона простымъ міряниномъ-паломникомъ изъ Прикарпатской Руси, а затѣмъ уже навсегда оставшійся для монашеской жизни у подножья Святой Горы.

Отцу Іасону на видъ было не болѣе тридцати лѣтъ. Но какой серьезностью и глубокимъ пониманіемъ принятаго на себя суроваго подвига вѣяло отъ всей его скромной фигуры, облаченной въ грубый подрясникъ! А вмѣстѣ съ этой серьезностью какъ-то удивительно сочеталось и дѣтское простодушіе, и искренняя ласка въ голосѣ, и способность безъ всякаго усилія съ его стороны вселять въ душу своего собесѣдника покой и тишину, чего въ мірской обстановкѣ рѣдко можно ожидать и отъ пожилаго человѣка.

Весь этотъ инокъ былъ какъ бы сотканъ изъ умиротворенія и ласковости. И спустя двѣ-три минуты послѣ начала нашей съ нимъ бесѣды я уже чувствовалъ, что нахожусь всецѣло во власти этого молодаго человѣка, тихаго и скромнаго инока, несмотря на значительную разницу нашихъ лѣтъ.

— Радъ, очень радъ, дорогіе гости, что посѣтили мою пасѣку, — медленно говорилъ отецъ Іасонъ, здороваясь съ нами. — Здѣсь у меня хорошо, тихо... Никто и не заглядываетъ сюда подолгу... Въ сторонѣ отъ дороги стоитъ моя пасѣка. Да это и лучше для пчелокъ... А вы изъ Сербіи, господинъ? — спросилъ онъ, посмотрѣвъ на меня чистыми глазами. — Хорошая эта страна, Сербія, православная... Какъ тамъ здравствуетъ молодой король и Святѣйшій Патріархъ? Вѣдь это наши дорогіе защитники и покровители... У меня и фотографіи ихъ есть. Вседневно молю о нихъ Бога, дабы Онъ, Всевышній, далъ имъ силы и духовную мощь для великой работы во славу нашей Церкви.

Я едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы монаха-пасѣчника, стараясь въ то же время удовлетворить его вполнѣ понятную любознательность.

— Впрочемъ, что же это я, грѣшникъ? — снова спохватился нашъ любезный хозяинъ. — Вѣдь вы, вижу, измучились за дорогу подъ зноемъ, а я все болтаю и болтаю... Сейчас принесу вамъ холодненькаго кваску, а вы тѣмъ временемъ посидите и отдохните.

И онъ быстро скрылся для того, чтобы спустя немного времени появиться съ кувшиномъ, наполненнымъ холоднымъ и шипящимъ домашнимъ квасомъ.

— Рѣдкій человѣкъ! — замѣтилъ мой спутникъ. — Добрый и работающій, и монахъ замѣчательный этотъ отецъ Іасонъ... Изъ карпатороссовъ онъ... Вотъ пришелъ съ партіей своихъ земляковъ, да такъ и остался... „Не хочу, — говоритъ, — больше возвращаться въ міръ: истина только здѣсь — и нигдѣ больше...“ Послушаніе проходило у замѣчательнаго старца-пасѣчника... Постригли его, и вотъ оказался и самъ прекраснымъ пчеловодомъ, когда схоронилъ своего старца... Больше ста ульевъ имѣетъ теперь, со всѣми ими самъ управляетъ. Цѣлый день на работѣ, а ночью въ церкви... Очень строгій подвижникъ!..

— Вѣдь и карпатороссъ, православный, русскій... — говорилъ намъ отецъ Іасонъ. — Никогда ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не былъ, а все же Россію за свою любимую Родину почитаю... Не привелъ Господь увидѣть — такова Его Святая воля, но молиться за всѣхъ васъ и за матушку Россію мы, грѣшные, не перестаемъ... И придетъ часъ... воскреснетъ она изъ мертвыхъ... развѣ можетъ быть иначе?..

— Какъ вы свыклись здѣсь въ одиночествѣ, отецъ Іасонъ? — спросилъ я немного позднѣе, когда на столѣ кипѣлъ небольшой самоварчикъ, а на чистой скатерти вмѣстѣ съ мѣдомъ красовались и куски чернаго, вкуснаго хлѣба. — Не тоскуете вы по роднымъ мѣстамъ, по вашимъ Карпатамъ, по роднымъ, близкимъ?

Молодой монахъ спокойно улыбнулся.

— Что же тосковать о нихъ?.. Господь и надъ ними всѣми, и надо мной, грѣшнымъ... Если бы я зналъ, что буду о мірѣ вздыхать въ монашествѣ, — и не шелъ бы въ монахи... По своей вѣдь волѣ остался здѣсь... Да и чего скучать-то о мірѣ? Вы сами видите, какая здѣсь у насъ благодать... Чего же еще больше человѣку нужно? Только работать и молиться подобаетъ. Тогда никакая тоска и въ сердце не войдетъ... Работы здѣсь достаточно. Пчелы требуютъ, чтобы во всякое время года имъ служить. Но не оставляетъ меня Господь ни силами физическими, ни милостями духовными... А пчелки... ну, право же, замѣчательное твореніе Господне, эти пчелы: отъ нихъ однихъ многому научиться можно...

Отецъ Іасонъ замолчалъ, продолжая смотрѣть на меня съ тихой и доброй улыбкой.

Я уже больше не рѣшился беспокоить его ненужными вопросами о его жизни и переживаніяхъ, такъ какъ хорошо понималъ, что у этого молодаго инока былъ свой опредѣленный и вѣрный кругозоръ, которому можно было только позавидовать»<sup>382</sup>.

14 февраля 1942 года отца Іасона постригли въ схиму и дали ему новое имя Іоаннъ. Онъ безропотно продолжалъ нести свое послушаніе въ одиночествѣ, вознося хвалу

<sup>382</sup> *Маевскій* Вл. Аѳонскіе разсказы. Парижъ, 1950. С. 14–152.



и благодарность Богу въ своей отшельнической кельѣ.

Преставился отецъ Іоаннъ 30 апрѣля 1951 года. Милостивый Богъ ко многимъ своимъ утѣшеніямъ ему добавилъ еще одно: сподобилъ отца Іоанна умереть въ любимой имъ обители среди своихъ братьевъ во Христѣ. Напутствованный Святыми Дарами и благодарной братіей монастыря, онъ отправился въ свой послѣдній путь.

## Іеросхимонахъ Пинуфрій (Ерофеевъ)



Іеросхимонахъ Пинуфрій (въ міру Поліевктъ Ивановичъ Ерофеевъ) родился въ 1866 году въ крестьянской семьѣ въ селѣ Выѣздновское Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Закончилъ сельскую школу и гимназію. Желалъ поступить въ духовную семинарію, но семейная нужда не позволила ему это сдѣлать. Несмотря на житейскія трудности, онъ принялъ твердое рѣшеніе при первомъ удобномъ случаѣ стать монахомъ.

8 іюня 1891 года Поліевктъ Ивановичъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 27 марта 1893 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Поліевктъ, 24 марта 1895 года въ мантию съ именемъ Пинуфрій, а 25 марта 1906 года въ схиму. 13 іюля 1914 года отецъ Пинуфрій былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 14 іюля 1914 года въ іеромонаха.

Послушаніе отецъ Пинуфрій проходилъ въ иконной лавкѣ, на кунакѣ въ Кареѣ, на подворьяхъ въ Константинополѣ и Москвѣ, въ канцеляріи обители. Съ 3 января 1937 года онъ былъ назначенъ антипросопомъ въ Протатѣ.

Переписка отца Пинуфрія съ старцами обители<sup>383</sup> — прекрасное доказательство его безпредѣльной преданности обители и такой же любви къ братіи. За выдающіеся заслуги передъ монастыремъ 20 февраля 1939 года отцомъ игуменомъ отецъ Пинуфрій былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ.

Отца Пинуфрія характеризовало всегдашнее невозмутимое спокойствіе и безконечное довѣріе Богу. Никто никогда его не видѣлъ гнѣвающимся и раздраженнымъ. Выполняя отвѣтственныя порученія и общаясь съ людьми разныхъ характеровъ, онъ умудрялся держать себя совершенно невозмутимо. Даже при разговорѣ съ людьми онъ творилъ Иисусову молитву и когда его спрашивали, какъ онъ это умудряется имѣть постоянную память о Богѣ при бесѣдахъ съ людьми, то онъ отвѣчалъ такъ, что «любую бесѣду, даже самую дѣловую, можно повернуть въ сторону Бога, главное — поставить себѣ задачу не говорить ни о чемъ внѣ Бога».

Интересныя воспоминанія объ отцѣ Пинуфрій оставилъ намъ писатель Б. Зайцевъ. Онъ писалъ слѣдующее: «Рядомъ со мной черный съ просѣдью, кареглазый, спокойный и ровный, слегка окающій по-нижегородски отецъ Пинуфрій. Опустивъ руку въ воду, онъ пальцемъ чертитъ серебряный слѣдъ. Негромкимъ привычнымъ голосомъ начинаетъ пѣть: „Христось Воскресе изъ ме-ертъ-выхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ жи-вотъ дарова-въ!“»<sup>384</sup>. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о немъ: «Разговоръ [съ эпитропомъ монастыря Великой Лавры] шель по-гречески съ [помощью] отца Пинуфрія. Видимо, онъ объяснялъ кто я. „Синграфевсь, синграфевсь (писатель)“, — говорилъ внушительно отецъ Пинуфрій. Эпитропъ равнодушно глядѣлъ на меня огромными красными глазами и повторялъ: „Кала, кала (хорошо)“. Еще часто слышалъ я: „Охи, охи (нѣтъ)“, — и это нѣсколько веселило. Видимо, перешли на домашнія дѣла и обо мнѣ, къ моему удовольствію, забыли. Я любовался сдержанностью и достоинствомъ, прекраснымъ аристократизмомъ своего спутника [отца Пинуфрія], бѣгло и любезно, точно онъ привыкъ къ салонамъ, бесѣдовавшаго съ эпитропомъ. Вотъ онъ — крѣпкій и чистый лѣсной русскій типъ, заквашенный на Византіи, родившій своеобразную высоту древняго зодчества, русской иконописи... Такимъ, какъ отецъ Пинуфрій, могъ быть посольскій временъ Іоанна III, живописецъ Андрей Рублевъ или мастеръ Діонисій»<sup>385</sup>.

Отецъ Пинуфрій переживалъ не только за русскія обители Аѳона, но по возможности старался поддержать новые очаги Православія, которые возникали благодаря

<sup>383</sup> АРПМА. Док.: № 844, 963, 1265, 1333.

<sup>384</sup> Зайцевъ Б. Аѳонъ. Парижъ, 1928. С. 53.

<sup>385</sup> Тамъ же. С. 167.



дѣятельности русскихъ эмигрантовъ въ Европѣ. О томъ, какъ онъ заботился о русскихъ обителяхъ внѣ Аѳона, намъ сообщаетъ насельникъ Почаевскаго монастыря во Владиміровкѣ іеромонахъ Серафимъ. Вотъ что онъ пишетъ: «Весьма утѣшилъ нашу обитель пантелеимоновскій іеромонахъ Пинуфрій. Онъ принесъ мнѣ собраніе камней и священныхъ реликвій изъ разныхъ мѣстъ Палестины и Синая, которые въ благолѣпномъ ковчегѣ, снабженные соответствующими надписями и фотогра-

фіями, служатъ нынѣ украшеніемъ нашего миссіонерскаго храма»<sup>386</sup>.

Преставился отецъ Пинуфрій 15 юля 1953 года, проживъ въ монастырѣ 62 года.

## Іеросхимонахъ Виссаріонъ (Хлыстовъ)

Іеросхимонахъ Виссаріонъ (въ міру Вячеславъ Ивановичъ Хлыстовъ) родился въ 1878 году въ мѣщанской семьѣ города Москвы. По окончаніи философскаго факультета Московскаго императорскаго университета ему сулили на поприщѣ науки большое будущее, но одна встрѣча измѣнила всю его жизнь. Однажды онъ сопровождалъ своего друга въ Кронштадтъ, дабы тотъ, давно планируя поступить въ монастырь, получилъ на это дѣло благословеніе отъ отца Іоанна Кронштадтскаго. Встрѣча съ великимъ святымъ такъ поразила Вячеслава Ивановича, что онъ тоже рѣшилъ посвятить свою жизнь Богу и не философскими размышленіями занимать ее, а фактической реализаціей христіанской любви. Позже въ дневникѣ онъ такъ обоснуетъ свое рѣшеніе: «Въ нашъ вѣкъ опыта, когда тысячи философскихъ разсужденій затемняютъ разумъ читателя, явленіе Богочеловѣка есть камень, на которомъ зиждется богопознаніе. Само Евангеліе опытно утверждаетъ человѣка въ дѣйствительности общенія человѣка съ Божествомъ. Но оно дѣйствительно только тогда, когда приводится въ жизнь на самомъ дѣлѣ, а не мысленно»<sup>387</sup>.

21 ноября 1904 года Вячеславъ Ивановичъ пріѣхалъ на Аѳонъ и попросился въ послушники. Его приняли и опредѣлили на послушаніе въ канцелярію. 24 марта 1906 года онъ

<sup>386</sup> Серафимъ, іеромонахъ. На святомъ Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года // Православный Русскій Календарь за 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 47.

<sup>387</sup> БРПМА. Док. № 33176. С. 3.

былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Вячеславъ, а 5 марта 1908 года въ мантию съ именемъ Виссаріонъ. Послѣ чего онъ активно сотрудничалъ съ редакціей «Душеполезнаго собесѣдника», въ 1911–1914 годахъ писалъ статьи въ рубрикѣ «Аѳонская лѣтопись». Отдѣльно въ своемъ дневникѣ онъ написалъ лѣтопись монастыря<sup>388</sup>. Послѣ смерти отца Матѳея (Ольшанскаго) одно время былъ бібліотекаремъ, а съ 1920 года былъ назначенъ казначеемъ обители. 12 марта 1931 года отецъ Виссаріонъ былъ постриженъ въ схиму съ тѣмъ же именемъ и послѣ отъѣзда духовника монастыря отца Кирика (Максимова) въ Сербію въ концѣ того же года Соборомъ Старцевъ былъ избранъ духовникомъ всего братства. Это сложнѣйшее послушаніе въ труднѣйшій для монастыря періодъ онъ несъ на протяженіи 25 лѣтъ, и несъ достойно съ истинно христіанской любовью къ людямъ.



Происшедшія страшныя историческія событія той эпохи и послѣдовавшій за ними упадокъ монастыря породили среди братіи пессимистическія настроенія. Отцу Виссаріону, какъ духовнику монастыря, пришлось проводить много разъяснительной работы, чтобы поднять духъ подвижничества среди братіи. Если задачей однихъ старцевъ было матеріальное обезпеченіе обители, то на плечи отца Виссаріона легла задача укрѣпленія пошатнувшейся надежды на Божью милость. «Многими скорбями, — пишетъ онъ, — подобаесть намъ войти въ Царствіе Божіе. Это необходимо. Таковъ духовный законъ. При самомъ поступленіи въ монастырь надо во что бы то ни стало строго соблюдать уставъ обители. Ни (дурные) примѣры другихъ, ни скорби не должны отторгнуть насъ отъ этого. Это постройка зданія на камнѣ, когда придутъ рѣзки-искушенія — зданіе устоитъ; въ противномъ случаѣ можетъ случиться выходъ изъ монастыря подъ вліяніемъ скорбей и напастей. А скорби придутъ непременно — тогда-то понадобится намъ особенно чистая совѣсть, а черезъ нее дерзновеніе къ Богу. Однимъ словомъ — ни на йоту нельзя отступать отъ общаго правила или давать себѣ потачки въ чемъ

<sup>388</sup> АРПМА. Док.: № 60, 72.

нибудь. Послѣ очень трудно будетъ исправлять дурные навыки. Лучше предупреждать ихъ. Главное дѣло монаха — молитва. О ней надо думать, ее выработывать. Не слѣдуетъ молитву мѣнять на другое какоенибудь дѣло, хотя и благовидное (напр. чтение духовныхъ книгъ). Все хорошо въ свое время. Нельзя пристрачиваться къ чѣму либо. Послушаній не бѣгать, какія бы они ни были. Господь знаетъ, что каждому послать. Надо переносить ихъ съ терпѣніемъ. Разъ мы предались всецѣло волѣ Божіей, то должны принять посылаемое на насъ съ благодарностью. Больше должны мы молчать да внимать себѣ. Господь не оставитъ того, кто ввѣрился ему съ любовью совершенно. Чѣмъ страшнѣе, суровѣе жизнь — тѣмъ производительнѣе покаяніе. Ни въ успокоеніи и всевозможномъ утѣшеніи себя, а въ лишеніяхъ, трудахъ и скорбяхъ сможемъ обрѣсти благодать. Господь сказалъ: призови меня въ скорбяхъ и скоро услышу тебя. Лично отъ себя мы не можемъ принести Богу никакихъ благихъ дѣлъ, въ нашей волѣ только покаяніе. Не помѣняемъ Христа на утѣшеніе плоти, на славу и почести отъ людей. Не для этого мы пришли въ монастырь, не для этого бросили матерей и все дорогое сердцу, отказались отъ личнаго мірскаго счастья. Христосъ все — Онъ Альфа и Омега, будемъ Его искать, къ Нему стремиться. Только Онъ одинъ можетъ исцѣлить насъ отъ душевныхъ глубокихъ болѣзней. Только Онъ одинъ воскреситъ умершій нашъ духъ. Счастье человѣка въ сознаніи, что онъ живетъ, любитъ и любимъ. Спаситель даетъ это счастье въ неизмѣримомъ количествѣ. Онъ даетъ вѣчную жизнь, которая для вѣрующихъ начинается здѣсь на землѣ и продолжается въ вѣчности. Онъ даетъ и любовь вѣчную, которую явилъ на дѣлѣ, пострадавъ за людей.

Очень полезно во время длинныхъ ночныхъ богослуженій (бдѣній) останавливаться мысленно на величайшей милости Божіей къ падшему человѣчеству — воплощеніи Сына Божія и Его земной жизни. Совершилось чудо всемірной исторіи — Богъ явился на землю въ образѣ простаго человѣка! Съ нами Богъ! Пади гордый человѣкъ въ прахъ предъ такимъ смиреніемъ Создателя»<sup>389</sup>.

Отецъ Виссаріонъ смогъ поддержать высокой подвижнической духъ въ монастырѣ, и главнымъ оружіемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его личный примѣръ. Онъ былъ абсолютно невозмутимъ даже въ самыхъ трудныхъ ситуаціяхъ, и его лицо постоянно сіяло спокойствіемъ, любовью и увѣренностью въ будущемъ возрожденіи обители.

За заслуги въ дѣлѣ укрѣпленія братскаго единства 26 марта 1939 года отецъ Виссаріонъ былъ награжденъ отцомъ игуменомъ набедренникомъ и наперснымъ золотымъ крестомъ. Онъ былъ утѣшителемъ не только братіи монастыря, но и многихъ мирянъ — эмигрантовъ изъ Россіи, съ которыми имѣлъ постоянную переписку. Сохранились адресованныя ему письма<sup>390</sup> разныхъ лицъ, отъ князей до простыхъ людей, которыя искали у него духовнаго совѣта и заступнической молитвы.

Преставился отецъ Виссаріонъ 29 декабря 1954 года.

---

<sup>389</sup> БРПМА. Док. № 33176. С. 5–9.

<sup>390</sup> РПМА. Док.: № 2050, 3719.

## Іеросхимонахъ Флегонтъ (Лебедевъ)

Іеросхимонахъ Флегонтъ (въ мірѣ Ѳедоръ Самуиловичъ Лебедевъ) родился 18 декабря 1875 года въ крестьянской семьѣ села Мичково Татарковской волости Старицкаго уѣзда Тверской губерніи. Родители его были очень набожными церковными людьми. Мальчикъ съ 1884 по 1888 годъ обучался въ земской школѣ грамотѣ. Въ дальнѣйшемъ Ѳедоръ занимался письмоводствомъ при волостныхъ правленіяхъ и земскомъ начальникѣ и торговлей въ Петербургѣ. Въ 1897 году поступилъ на военную службу писаремъ при уѣздомъ воинскомъ начальникѣ. Затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ, въ главное управленіе казачьихъ войскъ, гдѣ и оставался до конца военной службы въ бухгалтерскомъ отдѣленіи. Здѣсь онъ имѣлъ много свободнаго времени и поэтому рѣшилъ учиться въ вечернее время на счетоводческихъ курсахъ, гдѣ получилъ по окончаніи ихъ свидѣтельство установленнаго образца.

Но эта внѣшняя активная дѣятельность была все-таки для Ѳедора второстепенной. Онъ съ раннихъ лѣтъ ощущалъ въ себѣ желаніе духовныхъ подвиговъ и мечталъ объ удаленіи отъ мірской суеты. Онъ также имѣлъ особое стремленіе къ путешествію по святымъ мѣстамъ и чтенію книгъ. Въ 1896 году Ѳедоръ совершилъ первое путешествіе въ города Тверь, Москву и Троице-Сергіеву Лавру. Посѣтилъ Пѣшношскій и Хотьковскіе монастыри, Новый Іерусалимъ, Волоколамскій монастырь. Во время военной службы въ Старицѣ Ѳедоръ часто посѣщалъ Успенскій монастырь и женскій монастырь великомученика Пантелеимона въ селѣ Коноплинѣ. Состоя на службѣ въ Петербургѣ, въ маѣ 1900 года онъ посѣтилъ знаменитую Валаамскую обитель, ѣздилъ въ Кронштадтъ, бралъ благословеніе досточтимаго протоіерея отца Іоанна (Кронштадтскаго), впослѣдствіи получилъ отъ него благословеніе и на поступленіе въ монашество.

16 ноября 1901 года закончился срокъ военной службы Ѳедора, и онъ, вытребовавъ срокомъ на пять лѣтъ у волостнаго правленія паспортную книжку, никому ничего не сказавъ, не объявляя своего намѣренія родственникамъ и знакомымъ, 6 декабря уѣхалъ изъ Петербурга съ цѣлью достигнуть святаго города Іерусалима. По пути онъ посѣтилъ Тверь, Москву и Троице-Сергіеву Лавру съ ея скитами, всюду не спѣша, молясь и поклоняясь святынямъ. Такъ, отъ боговдохновеннаго старца іеросхимонаха Варнавы онъ получилъ благословеніе на дальнѣйшее путешествіе и поступленіе въ иночество. 18 декабря Ѳедоръ выѣхалъ въ Кіевъ, 4 января прибылъ въ Одессу и остановился до 16 января въ ожиданіи парохода на подворьѣ



Пантелеимонова монастыря. 18 января на пароходъ «Цесаревичъ» онъ благополучно достигъ Константинополя, гдѣ оставался около сутокъ, подробно обозрѣвая достопримѣчательности древней Византіи. Изъ Константинополя 20 января, въ воскресенье вечеромъ, онъ прибылъ на Святую Аѳонскую Гору, гдѣ остановился въ монастырѣ святаго великомученика Пантелеимона, и нѣсколько дней путешествовалъ по Святой Горѣ. Подымался на ея вершину, покрытую снѣгомъ. 3 февраля, въ воскресенье, съ отрадными воспоминаніями о Святой Горѣ онъ отбылъ въ Иерусалимъ.

11 февраля 1902 года Ѳедоръ прибылъ въ святой городъ — давно желанный Иерусалимъ — и остановился на Русскомъ Палестинскомъ подворьѣ.

Въ Иерусалимѣ онъ оставался до праздника Святой Троицы, посѣщая святыя мѣста: побывалъ на мѣстѣ Благовѣщенія и во градѣ Назаретѣ, затѣмъ на Ѳаворѣ и Тиверіадскомъ озерѣ. Все прошло благополучно и благодатно. Въ Великую Субботу онъ сподобился отъ Гроба Господня, черезъ блаженнѣйшаго Патріарха Даміана, получить святой благодатный огонь, а 14 апрѣля радостно праздновалъ вмѣстѣ со всѣми Христово Воскресеніе.

21 іюня 1902 года въ числѣ прочихъ паломниковъ Ѳедоръ прибылъ въ городъ Бари, а оттуда 23 іюня по желѣзной дорогѣ достигъ Рима. Посѣтивъ всѣ достопримѣчательности Италіи, возвращаясь по желѣзной дорогѣ, онъ останавливался во Флоренціи и Венеціи и 5 іюля прибылъ въ Вену. Затѣмъ побывалъ въ Будапештѣ, Бѣлградѣ и 8 іюля прибылъ въ Солунь, гдѣ оставался до 13 іюля въ ожиданіи паспортовъ и вещей, отобранныхъ на турецкой границѣ.

14 іюля 1902 года, въ воскресенье, послѣ столь долгихъ странствованій и пережитыхъ впечатлѣній, за все благодаря Бога, исполняющаго желанія просящихъ и все устраняющаго во благое ихъ, Ѳедоръ съ товарищами по поѣздкѣ вновь возвратился въ тихое пристанище — удѣлъ Божіей Матери. Это было послѣднее путешествіе Ѳедора. Въ послѣдующіе 53 года своей жизни онъ будетъ путешествовать только во внутреннемъ своемъ мирѣ на пути христіанскаго совершенствованія. Онъ больше никогда не покинетъ не только Святую Гору, но и свою родную обитель.

Прибывъ на Аѳонъ, Ѳеодоръ сразу сталъ проситься въ послушники и намѣстникомъ Нифонтомъ (Четвериковымъ) былъ зачисленъ въ число братства, съ опредѣленіемъ послушанія для письменныхъ занятій при духовникѣ и завѣдующемъ паломниками іеросхимонахѣ Никодимѣ (Наумовѣ), такъ какъ тотъ имѣлъ большую корреспонденцію. Въ Великую Субботу, 27 марта 1904 года, въ параклисѣ Введенія іеросхимонахомъ Арсеніемъ (Ворвулевымъ) онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Ѳеодоръ.

24 октября 1904 года ему дали новое послушаніе — завѣдовать архондарикомъ на 50 человекъ. А 16 января 1906 года отецъ Ѳеодоръ былъ назначенъ на послушаніе въ казначейство писаремъ, гдѣ и оставался до 8 августа 1920 года. 22 іюня 1906 года онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Флегонтъ.

15 іюля 1914 года въ соборѣ вмч. Пантелеимона епископомъ Паисіемъ, грекомъ, отецъ Флегонтъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона.

15 января 1922 года онъ былъ опредѣленъ ризничнымъ большой ризницы.

27 іюля 1925 года въ соборѣ великомученика Пантелеимона митрополитомъ Фотіемъ, грекомъ, живущимъ на покоѣ, онъ былъ хиротонисанъ въ іеромонаха.

12 іюля 1929 года на него возложили завѣдываніе и Покровской ризницею. 11 февраля 1933 года онъ былъ освобожденъ отъ обоихъ послушаній, и было дано ему новое послушаніе духовника. Одновременно онъ былъ назначенъ соборнымъ старцемъ. 9 марта 1938 года онъ былъ постриженъ въ схиму.

Выполняя всѣ послушанія съ абсолютной точностью и невѣроятной аккуратностью, отецъ Флегонтъ возложилъ на себя еще одно дополнительное дѣланіе: во все время своего пребыванія въ монастырѣ онъ писалъ дневникъ-лѣтопись монастыря, обильно снабжая свой текстъ фотографіями. Результатомъ 50 лѣтъ такой дѣятельности стали 50 огромныхъ альбомовъ, детально передающихъ исторію монастыря за это время. Трудно выразить словами, какъ мы — современные насельники монастыря — благодарны отцу Флегонту за его титанической трудъ. Безъ него мы бы не смогли идентифицировать девяносто процентовъ фотографій и не имѣли бы историческихъ данныхъ о многихъ событіяхъ того времени.

Но все-таки главнымъ дѣланіемъ отца Флегонта была молитва. Отецъ Флегонтъ всю жизнь старался подражать своему первому духовному наставнику отцу Никодиму (Наумову), дѣлателью непрестанной Іисусовой молитвы. Онъ использовалъ для молитвы любое время дня и ночи. Особенно любилъ онъ закрываться въ тихой и безлюдной ризницѣ и молиться. Очень любилъ отецъ Флегонтъ церковныя богослуженія и самъ служилъ въ алтарѣ передъ престоломъ Божиимъ съ рѣдкой самоотдачей, полностью забывая о существованіи окружающаго міра. Онъ служилъ не для находящихся въ храмѣ, а какъ бы одинъ на одинъ предстоя передъ Господомъ. Внѣшнее проявленіе такой самоотверженной и самозабвенной службы отца

Флегонта описываетъ въ своемъ дневникѣ монахъ Ипатій (Фредериксъ): «Служилъ старенькій, но бодрый отецъ Флегонтъ. Голосъ у него сильный и звонкій. Непривычно только для уха вибрирование голоса на цѣлую терцію и почти на каждомъ словѣ. А кончается каждый возгласъ не низкимъ тономъ вибраціи, какъ обычно глаголетъ человекъ, а высокимъ»<sup>391</sup>.

Преставился отецъ Флегонтъ 1 ноября 1955 года.

## Схіархимандритъ Іустинъ (Соломатинъ)

Схіархимандритъ Іустинъ (въ міру Иванъ Семеновичъ Соломатинъ) родился въ 1878 году въ крестьянской семьѣ деревни Студенець Пронскаго уѣзда Рязанской губерніи. О его жизни до поступленія въ монастырь намъ ничего не извѣстно.

23 декабря 1896 года 18-лѣтнимъ юношей Иванъ пріѣхалъ на Аѳонъ и былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Старцы обители опредѣлили его для работы въ серебряной мастерской, гдѣ онъ такъ усовершенствовался въ своемъ ремеслѣ, что впослѣдствіи сталъ старцемъ этой мастерской и руководилъ производствомъ въ продолженіе 41 года до избранія его въ намѣстники. 28 марта 1900 года его постригли въ рясофоръ съ именемъ Іаковъ, а 24 февраля 1906 года — въ мантию съ именемъ Іустинъ.

Отецъ Іустинъ вель тихую жизнь. Онъ никогда не выдѣлялся среди братіи. Почти всегда молчалъ и работалъ на послушаніяхъ съ полной отдачей. Только его духовникъ отецъ Агаѳодоръ (Будановъ) зналъ глубину его души. Ни одинъ братъ не зналъ ничего ни о его прошлой жизни, ни о нынѣшнихъ переживаніяхъ. Съ рѣдкимъ самообладаніемъ несъ онъ свой монашескій крестъ. И если бы не его духовникъ, онъ бы такъ и остался никѣмъ не замѣченнымъ среди братіи. Но отецъ Агаѳодоръ зналъ, что этотъ колодецъ духа очень глубокъ, поэтому по его представленію отецъ Іустинъ 14 сентября 1913 года епископомъ Досиѳеемъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона. Послѣ смерти отца Агаѳодора его духовникомъ сталъ отецъ Кирикъ (Максимовъ), который тоже должнымъ образомъ оцѣнилъ глубину души отца Іустина и попросилъ отца игумена рукоположить его. 8 мая 1924 года митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ) отецъ Іустинъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

12 декабря 1937 года умеръ намѣстникъ отецъ Іоанникій (Кутиревъ), и были назначены новые выборы намѣстника. Отецъ Іустинъ былъ однимъ изъ трехъ кандидатовъ

---

<sup>391</sup> АРПМА. Док. № 465. С. 146.



и был избран по жребию в наместники монастыря. Через год, а именно 5 марта 1938 года, его постригли в схиму.

В 1940 году, после смерти игумена Мисаила (Сапегина), 1 апреля митрополитомъ Ерофеемъ отецъ Иустинъ былъ возведенъ в санъ игумена монастыря и архимандрита. 17 декабря 1937 года онъ былъ награжденъ набедренникомъ, палицею и наперснымъ крестомъ.

Отцу Иустину досталось тяжелое наследство. Материальное положение монастыря пошатнулось, людские ресурсы все убывали — все это достаточно скоро могло довести обитель до крайнего оскуднения. Поэтому отецъ Иустинъ понималъ, что надо что-то делать. Но никакихъ возможностей изменить положение практически не было. Тогда отецъ Иустинъ пошелъ на неимоверно мужественный шагъ — попытался установить контактъ съ Московской Патриархіей. Этотъ поступокъ былъ равенъ самоубійству, если учесть, какое давление оказывалось на монастырь со всѣхъ сторонъ — своихъ и чужихъ, противостоящихъ Совѣтскому Союзу и ошибочно считавшихъ Московскую Патриархію частью совѣтской системы. Но отецъ Иустинъ преодолѣлъ страхъ и сдѣлалъ верный шагъ — попытался восстановить контактъ съ родной Церковью и Родиной. В своемъ посланіи на имя Святѣйшаго Патриарха Московскаго и всея Руси Алексія I игумень Иустинъ писалъ:

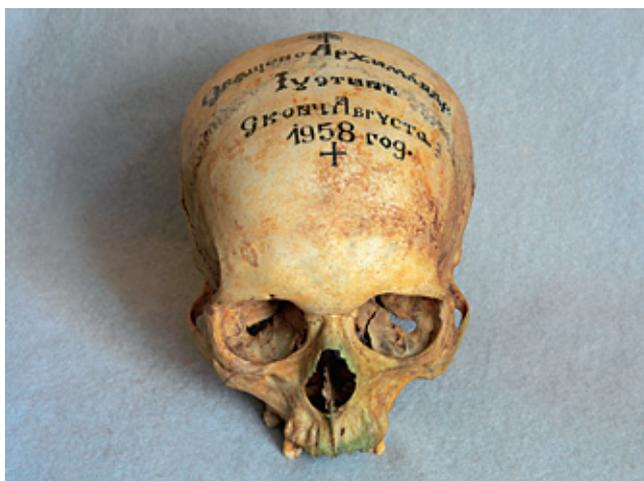
«Ваше Святѣйшество, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, благословите! Русский монастырь Святаго Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона на Святой Горѣ Афонской сыновне шлетъ настоящимъ письмомъ свои искреннѣйшія и теплѣйшія поздравленія Вашему Святѣйшеству по случаю избранія Васъ на древній Московскій Патриаршій престолъ и торжественнаго поставленія Святѣйшимъ Патриархомъ Московскимъ и всея Руси. Недавнее восстановление патриаршества въ Россіи, избраніе на Патриаршій престолъ сначала Вашего приснопамятнаго предшественника — блаженно о Господѣ почившаго Патриарха Сергія, а теперь и Вашего Святѣйшества наполнили наши сердца, русскихъ православныхъ людей, чувствами глубокой радости и благодарности Богу. Отраднo думать, что святая Православная вѣра, какъ и въ древнія времена, вновь сіяетъ на Святой Руси, что въ эти тяжелые годы войны съ исконнымъ внѣшнимъ врагомъ-завоевателемъ Святая Православная Церковь въ лицѣ Святѣйшаго Патриарха Сергія и Вашемъ воодушевляла и наставляла (какъ и во всѣ трудныя времена исторіи Россіи) вѣрующій русский народъ на святое дѣло защиты Родины. Еще съ большею радостью слышимъ мы отовсюду, что Православная вѣра и Церковь въ Россіи обладаютъ сейчасъ полной свободой и что правители державы Россійской относятся къ Церкви Христовой съ подобающимъ ей уваженіемъ и доброжелательствомъ. Радостно также, что Русская Православная Церковь вновь занимаетъ подобающее ей почетное мѣсто среди другихъ Автокефальныхъ Церквей и что въ Москвѣ обсуждаются и рѣшаются во благо Православія важнѣйшіе вопросы, касающіеся всей Православной Церкви въ цѣломъ...

Пользуясь случаемъ этого перваго послѣ многихъ лѣтъ перерыва письменнаго общенія съ Русскою Церковью, мы обращаемся отъ имени нашего Русскаго монастыря Святаго Пантелеимона и всѣхъ русскихъ монаховъ Святой Горы къ Вашему Святѣйшеству съ нижеслѣдующей просьбой: вотъ уже 30 лѣтъ, какъ Святая Гора Аѳонская перешла безъ согласія на то Россіи во власть грековъ. Съ этихъ поръ нашъ монастырь и всѣ русскія обители на Аѳонѣ начали подвергаться тяжелымъ притѣсненіямъ со стороны греческаго правительства... Негреческія обители Святой Горы обречены на вѣрное и сравнительно быстрое вымирание и уничтоженіе, за которыми послѣдуетъ общая гибель Святой Горы какъ особой монашеской автономной области. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ, что въ нашей бѣдѣ, бѣдѣ русскихъ людей на далекомъ Аѳонѣ, намъ можетъ помочь одна лишь Россія. Поэтому мы умоляемъ Ваше Святѣйшество: взять насъ подъ свое отеческое духовное покровительство...

Почтительнѣйше испрашивая святыхъ молитвъ Вашихъ и благословенія, честь имѣемъ быть Вашего Святѣйшества нижайшими послушниками и смиренными богомольцами. Игуменъ Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря Архимандритъ Іустинъ со всею о Христѣ братіей»<sup>392</sup>.

Правда, вслѣдствіе этого письма давленіе на монастырь усилилось какъ со стороны греческаго правительства, такъ и со стороны Аѳонскаго Протата. Правдой является и то, что та мизерная финансовая помощь, которую присылали въ обитель представители русской зарубежной церкви, въ знакъ протеста почти полностью прекратилась. Но въ результатѣ мужественнаго поступка отца Іустина стало возможнымъ постепенное возстановленіе отношеній съ Московскою Патріархіей, и впоследствии грандіозными усиліями послѣдней была спасена Русская обитель на Аѳонѣ. Результаты письма отца Іустина не заставили себя ждать: уже 7 октября 1954 года монастырь посѣтилъ посоль СССР въ Греціи, а 25 апрѣля 1955 года на Аѳонѣ прибыла делегация Московскою Патріархіи въ составѣ: митрополита Никодима (Ротова) и епископа Мелхиседека. Такъ черезъ 27 лѣтъ разлуки была возстановлена связь между аѳонскимъ русскимъ монастыремъ и Матерью-Церковью въ Россіи. Великая благодарность и нижайшій поклонъ за это отъ потомковъ мужественному и мудрому старцу!

Преставился схіархимандритъ Іустинъ 3 августа 1958 года.



<sup>392</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 95.

## Архимандритъ Спиридонъ (Майдаченко)



Архимандритъ Спиридонъ (въ міру Симеонъ Гордеевичъ Майдаченко) родился въ 1879 году въ крестьянской семьѣ на хуторѣ Фирсово-Майданово Плахтеевской волости Аккерманскаго уѣзда Бессарабской губерніи. Его мать звали Параскевой. Со своимъ двоюроднымъ братомъ по линіи матери Наумомъ, который впоследствии сталъ схимонахомъ Никифоромъ<sup>393</sup>, Симеонъ еще въ дѣтствѣ рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ и тамъ стать монахомъ, что оба и исполнили.

18 марта 1902 года Симеонъ Гордеевичъ былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь и 27 марта 1904 года постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Спиридонъ, а 21 марта 1906 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ. Первые послушанія отецъ Спиридонъ проходилъ въ дохіарной — въ продуктовыхъ складахъ монастыря. Позже, по экономической части, велъ хозяйственныя дѣла

на подворьяхъ въ Константинополѣ и Солуни<sup>394</sup>, на метохѣ Каламарія.

19 сентября 1927 года отецъ Спиридонъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и отправленъ въ Константинополь настоятелемъ подворья. Это были чрезвычайно трудныя для

<sup>393</sup> Схимонахъ Никифоръ, въ міру Наумъ Несторовичъ Бобровъ, бывший крестьянинъ изъ села Телицкое Бендерскаго уѣзда Бессарабской губерніи. Имя его матери Матрона. Двоюродный братъ по линіи матери отца Спиридона (Майдаченко). Родился въ 1880 году. Принятъ въ Русскіе 24 марта 1904 года, постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Наумъ 1 апрѣля 1906 года, въ мантию съ именемъ Никифоръ 27 февраля 1909 года, въ схиму 28 марта 1935 года. Послушаніе проходилъ въ кожевнѣ, больницѣ, магазинѣ и вновь въ кожевнѣ. Преставился 23 іюля 1953 года.

<sup>394</sup> АРПМА. Док.: № 946, 950.

подворья времена. Новыя турецкія власти создавали многія препятствія для его нормального функціонирования, принуждая монастырь продать здание. Поэтому нужна была сильная личность, которая смогла бы противостоять всѣмъ ухищреніямъ турецкихъ чиновниковъ. Отецъ Спиридонъ съ этой задачей справился великолѣпно, и благодаря его стараніямъ монастырь донинѣ сохраняетъ въ своемъ владѣніи здание подворья.

Отецъ Спиридонъ заботился не только о подворьѣ Руссика, но и обо всѣхъ подворьяхъ русскихъ афонскихъ обителей. Онъ сумѣлъ объединить усилія всѣхъ русскихъ подвижниковъ, находящихся тогда въ Константинополѣ, въ дѣлѣ совмѣстнаго отстаиванія правъ на русское имущество въ этомъ городѣ. Отецъ Спиридонъ активно сотрудничалъ съ настоятелемъ Андреевскаго подворья архимандритомъ Софроніемъ<sup>395</sup>. Отцу Спиридону приходилось отстаивать подворье не только отъ притязанія турокъ, но и отъ нѣкоторыхъ представителей монастыря, которые были сторонниками продажи его. Весь этотъ трудный процессъ хорошо отраженъ въ его перепискѣ съ игуменомъ Мисаиломъ<sup>396</sup>.

28 августа 1939 года отца Спиридона рукоположили въ іеромонаха и послали на другое, не менѣе ответственное послушаніе — антипросопомъ въ Кареѣ, гдѣ онъ пробылъ два года<sup>397</sup>. Послѣ начала Второй міровой войны и вступленія Турціи въ войну имущественныя дѣла въ Константинополѣ вновь обострились, и старцы обители рѣшили вновь направить отца Спиридона на Константинопольское подворье, гдѣ онъ оставался до 1955 года. Здѣсь онъ опять проявилъ себя тонкимъ дипломатомъ и прекраснымъ хозяйственникомъ. Въ 1947 году за заслуги передъ Церковью Вселенскимъ Патріархомъ отецъ Спиридонъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Заслуги отца Спиридона передъ Церковью не ограничивались лишь внѣшнимъ дѣланіемъ. Въ первую очередь онъ былъ монахомъ-подвижникомъ и умѣло сочеталъ хозяйственную дѣятельность съ внутреннимъ непрерывнымъ самосовершенствованіемъ. Главнымъ его оружіемъ была Іисусова молитва, которую онъ творилъ постоянно, при любыхъ обстоятельствахъ. Являясь точнымъ исполнителемъ всѣхъ порученій священноначалія, онъ тѣмъ не менѣе добился стяжанія внутренняго мира въ своей душѣ и спокойствія, что позволяло ему молиться при самыхъ неподходящихъ обстоятельствахъ: на шумной палубѣ корабля, въ многолюдныхъ пріемныхъ чиновниковъ, въ турецкихъ правительственныхъ судахъ и т. п. Онъ, полностью довѣрившись Промыслу Божию, невозмутимо воспринималъ происходящее вокругъ себя и былъ

---

<sup>395</sup> Архимандритъ Софроній, въ міру Семень Ивановичъ Бариновъ, уроженецъ Казанской губерніи, сынъ купца 2-й гильдіи. Родился въ 1853 году. Съ 1873 года жилъ въ Андреевскомъ скиту. Рукоположенъ въ діакона въ 1884 году. Много лѣтъ провель въ Константинополѣ, имѣлъ богатую бібліотеку, былъ любителемъ древностей. Преставился 22 іюня 1934 года. Въ 1924 и 1927–30 годахъ писалъ письма игумену Мисаилу (Сапегину) изъ Константинополя (см. архивъ РПМА. Док.: № 854, 858).

<sup>396</sup> АРПМА. Док. № 857.

<sup>397</sup> АРПМА. Док. № 1336.



сконцентрированъ на молитвѣ. Второго отличительной чертой было полное незлобіе. Отецъ Спиридонъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ никогда никого не осуждалъ, хотя споры съ разными сторонами доходили до крайней точки кипѣнія. Онъ съ невѣроятнымъ спокойствіемъ выслушивалъ всѣ стороны и настойчиво продолжалъ отстаивать интересы монастыря, никого при этомъ не осуждая.

Послѣдніе два года отецъ Спиридонъ провелъ въ обители. Онъ серьезно болѣлъ, но болѣзнь переносилъ мужественно. Преставился отецъ Спиридонъ 24 мая 1957 года въ обители и былъ погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ.

## Монахъ Власій (Осипенко)

Монахъ Власій (въ міру Василій Яковлевичъ Осипенко) родился въ 1885 году въ крестьянской семьѣ села Александровка Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Его мать звали Матроной. Въ 1905 году Василій женился на рабѣ Божіей Надеждѣ. У нихъ была счастливая благополучная семья. Василію отъ отца досталось хорошее доходное хозяйство, такъ что онъ съ женой могъ жить безбѣдно. Они оба были набожными, благочестивыми людьми и вели церковный образъ жизни. Ихъ огорчало только то, что у нихъ не было дѣтей, но они успокаивали себя тѣмъ, что полагались на волю Божію. Идиллію ихъ семейной жизни разрушила война.

Съ первыхъ дней Первой міровой войны Василія Яковлевича призвали на фронтъ, и онъ, по волѣ Бога, навсегда распрощался съ семьей и Родиной. Сначала онъ воевалъ на южныхъ фронтахъ противъ австро-венгерской арміи, а послѣ начала бѣлаго движенія вступилъ рядовымъ солдатомъ въ бѣлую армію. Въ 1920 году съ остатками бѣлогвардейскихъ частей онъ эмигрировалъ въ Константинополь, гдѣ жилъ послѣдующія 12 лѣтъ въ тяжелѣйшихъ условіяхъ, работая въ порту грузчикомъ.

Въ 1933 году Василій Яковлевичъ пріѣхалъ на Аѳонъ и устроился наемнымъ рабочимъ на Крумицѣ, гдѣ прожилъ девять лѣтъ. Все это время онъ не терялъ надежды на возвращеніе домой въ Россію къ своей семьѣ. И только послѣ того, какъ узналъ о смерти въ Россіи своей жены, рѣшилъ стать монахомъ.



*Фотографія причала метоха Крумица 80-хъ годовъ XIX вѣка*

14 апрѣля 1942 года Василій Яковлевичъ поступилъ въ Руссикъ послушникомъ, гдѣ былъ постриженъ въ мантию 18 марта 1944 года. Послушаніе проходилъ опять на Крумицѣ, гдѣ давно полностью освоился и хорошо зналъ все хозяйство. Въ 1951–1953 годахъ его опредѣлили на арсану\* Франко-Кастро (пристань метоха Крумица), стратегически важный тогда для монастыря пунктъ. Здѣсь онъ жилъ въ полномъ одиночествѣ, обслуживая изрѣдка прибывающія сюда лодки и корабли. Вотъ что онъ записалъ въ своемъ дневникѣ 16 октября 1952 года: «Этотъ день чувствовалъ себя очень плохо: ничего не варилъ, даже не грѣлъ для себя чая. Причиной этому служитъ то, что я простудился, и, несмотря на то что принялъ хинину и аспиринъ, улучшенія не было. Условія жизни моей въ одиночествѣ заставляютъ подниматься съ кровати при каждомъ наружномъ окликѣ: „Патеръ Власій“, „паракало“ и такъ далѣе. Многіе мнѣ говорятъ, какъ нужно поступать, но не всѣ могутъ поступать такъ, какъ говорятъ. И на вопросъ мой: кто желаетъ быть на арсанѣ, прошу занять мое послушаніе, а я по способности буду исполнять монастырскія послушанія, какъ то: за мулами ухаживать, свиней кормить, коридоры подметать, кубъ грѣть для чая и, наконецъ, послѣднее дѣло: всѣ отхожія мѣста чистить, — никто замѣнить меня не соглашается»<sup>398</sup>.

Вскорѣ сбылась его мечта, ему благословили жить въ монастырѣ, и съ августа 1953 года онъ проходилъ послушаніе въ муларнѣ\*. Ослики стали его новыми друзьями. Они нравились ему въ первую очередь за свою молчаливость и терпѣніе.

<sup>398</sup> АРПМА. Док. № 346.



Онъ считалъ, что человекѣ слѣдовало бы поучиться у нихъ этимъ двумъ свойствамъ. Ослы, имѣя такія прекрасныя качества, не по разуму имѣютъ ихъ, поэтому они не святые. А люди, имѣющіе разумъ, также бываетъ, не хотятъ приобрѣсти этихъ прекрасныхъ качествъ, поэтому они тоже не святые.

Отецъ Власій послѣ вступленія въ монашество сталъ писать дневникъ, благодаря которому мы знаемъ его какъ наблюдательнаго и захватывающаго рассказчика. Изслѣдуя его записи, мы имѣемъ возможность возстановить исторію повседневной жизни монастыря въ 50-хъ годахъ XX вѣка.

Преставился отецъ Власій 20 февраля 1963 года.

## Схимонахъ Трофимъ (Кочинъ)

Схимонахъ Трофимъ<sup>399</sup> (въ міру Тихонъ Григорьевичъ Кочинъ) родился въ 1870 году въ мѣщанской семьѣ города Старобѣльскъ Харьковской губерніи. Его мать звали Матроной. Тихонъ былъ послѣднимъ ребенкомъ въ многодѣтной семьѣ Кочиныхъ. Самый старшій изъ нихъ Павелъ былъ на 14 лѣтъ старше Тихона, но именно онъ сыгралъ рѣшающую роль въ судьбѣ младшаго брата. Павелъ былъ по природѣ очень добрый и любвеобильный человекъ, съ дѣтства былъ послушенъ родителямъ и вель церковный образъ жизни. Еще съ раннихъ лѣтъ онъ рѣшилъ стать монахомъ, но по требованію родителей былъ вынужденъ жениться. Семейная жизнь не помѣшала Павлу продолжать церковную жизнь. Болѣе того, онъ вскорѣ сталъ старостой мѣстной церкви и почти каждый день бывалъ тамъ по дѣламъ.

Маленькій Тихонъ всегда сопутствовалъ старшему брату и наслаждался рассказами его о святыхъ и изъ исторіи христіанской Церкви. Онъ тоже рѣшилъ стать монахомъ, но ему помѣшало то, что онъ былъ военнообязаннымъ. И только послѣ военной службы въ 1900 году онъ смогъ осуществить свою давнюю мечту.

12 августа 1900 года Тихонъ пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ вскорѣ, 12 апрѣля 1902 года, былъ постриженъ въ рясофоръ

<sup>399</sup> Жизнеописаніе составлено по матеріаламъ архива РПМА: см. Док.: № 1. С. 175; № 13. С. 43.

съ именемъ Трофимъ. Все это время онъ проходилъ послушаніе въ муларнѣ среди муловъ. Но это тяжелое послушаніе только укрѣпляло его въ вѣрѣ.

Въ 1904–1905 годахъ во время Русско-японской войны Тихонъ отбывалъ воинскую повинность — воевалъ въ Маньчжуріи и чудомъ остался живъ. Ужасы войны и потеря любимыхъ товарищей еще болѣе укрѣпили его въ намѣреніи полностью посвятить свою жизнь Богу. Послѣ окончанія войны онъ вернулся въ родную обитель и подвизался на Космодемьянской келліи и на Старомъ Русикѣ.

7 марта 1908 года Тихона постригли въ мантию съ именемъ Трофимъ, послѣ чего почти до Первой міровой войны онъ проходилъ послушаніе на большомъ суднѣ обители — ходилъ на немъ въ Россію и обратно, перевозя грузы для монастыря.

Въ 1910 году въ его жизни произошло пріятное для него событіе: на Аѳонѣ для принятія пострига пріѣхалъ его любимый братъ и другъ Павелъ. У него недавно умерла жена, и онъ рѣшилъ исполнить свое давнее желаніе стать монахомъ. Онъ вскорѣ сталъ схимонахомъ Прохоромъ и, какъ и въ дѣтствѣ и юности, сталъ духовнымъ другомъ и наставникомъ отца Трофима. Но главными духовными наставниками отца Трофима, конечно, были духовникъ Агаѳодоръ (Будановъ), а послѣ его смерти духовникъ Кирикъ (Максимовъ). Именно они воспитали въ немъ духъ простоты, смиренія и любви.

Послѣ начала Первой міровой войны отецъ Трофимъ поселился на Ефимовской келліи, гдѣ провелъ свои оставшіяся 40 лѣтъ. Благодаря его неусыпнымъ стараніямъ келлія не переставала жить духовной жизнью и одновременно снабжала монастырь всѣми необходимыми овощами и фруктами. Послѣднія 17 лѣтъ онъ прожилъ тамъ въ полномъ одиночествѣ, но не терялъ духовной выдержки и достоинства. «Я не одинъ, — говорилъ онъ всѣмъ, — со мной мой Господь, и кто можетъ утѣшить болѣе, чѣмъ Онъ».

Въ 1944 году его на келліи посѣтилъ монахъ Ипатій (Фредериксъ), который записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «Чѣмъ ближе узнаю его, тѣмъ больше проникаю къ этому старцу уваженіемъ. Какой духовной силы человекъ! Какъ отрадно съ нимъ бесѣдовать, сколько разумнаго въ его поученіяхъ и какъ безхитростенъ онъ при этомъ»<sup>400</sup>.

Именно предѣльная простота и безхитростность были главными чертами отца Трофима. Онъ имѣлъ одно прекрасное свойство характера — умѣлъ радоваться успѣхамъ другихъ людей, а убивающая все человѣческое въ человекѣ зависть никогда не затронула его чистое сердце.

Авторитетные люди въ міру утверждаютъ, что зависть является основой прогресса. Въ міру, можетъ, это и такъ, но въ духовной жизни зависть — абсолютный тормозъ.

<sup>400</sup> АРПМА. Док. № 465. С. 131.

Если, не дай Богъ, въ сердцѣ подвижника возникнетъ хоть малая доля зависти къ кому нибудь, то его духовный ростъ немедленно прекратится, и, хуже того, онъ начнетъ духовно деградировать. Но если подвижникъ, видя успѣхи собрата, въ своемъ сердцѣ ощущаетъ неподдѣльную радость, то это вѣрный знакъ того, что онъ на правильномъ пути. Побѣдить зависть можно только позитивнымъ настроеньемъ ума. Мы всегда должны помнить, что каждый изъ насъ — составная часть единой Церкви и каждый выполняетъ ту или иную Богомъ опредѣленную миссію. Поэтому бессмысленно, чтобы одна часть цѣлаго завидовала другой. Наоборотъ, успѣхъ одного обогащаетъ и другого, такъ какъ обогащается цѣлое. Церковь едина молитвенно, и всѣ члены Церкви должны поддерживать другъ друга молитвой независимо отъ индивидуальныхъ способностей каждаго. А для молитвы не нуженъ талантъ, достаточно только любви и силы воли.

Отецъ Трофимъ обладалъ чистымъ отъ всякой зависти сердцемъ, о чемъ оставилъ прекрасное свидѣтельство архимандритъ Софроній (Сахаровъ). Онъ писалъ: «Изъ старѣйшихъ монаховъ монастыря схимонахъ Трофимъ весьма замѣчательный подвижникъ, жизнь котораго могла бы послужить благимъ примѣромъ для многихъ. Послѣ кончины старца [Силуана] читалъ часть его записокъ... [они] произвели на него глубокое впечатлѣніе. Помню нашу встрѣчу съ нимъ у малаго порта монастыря. Остановивъ меня, онъ сказалъ: „Теперь я увидѣлъ, что отецъ Силуанъ достигъ въ мѣру святыхъ отцовъ... Кончина его меня убѣдила“»<sup>401</sup>.

14 апрѣля 1937 года отца Трофима постригли въ схиму, облаченіе въ ангельскій образъ только подчеркнуло его ангельскій характеръ. Братія съ огромнымъ уваженіемъ относилась къ почтенному старцу и старалась при всякихъ обстоятельствахъ спрашивать его мнѣніе. Простодушный и открытый ко всѣмъ отецъ Трофимъ никому не отказывалъ въ совѣтѣ и дѣлалъ это съ такой наивной простотой, что никто



никогда не заподозрилъ его въ самомнѣніи или гордости. Наоборотъ, всѣ знали и чувствовали, что онъ говоритъ по любви и исключительно изъ собственнаго опыта.

Дата смерти отца Трофима не установлена, но навѣрняка можно предположить, что преставился онъ между 1956 и 1958 годами, такъ какъ именно въ этотъ періодъ статистика о смертяхъ и отсутствуетъ въ архивѣ монастыря.

<sup>401</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старецъ Силуанъ Аѳонскій. М., 1996. С. 225.

## Епископъ Кассіанъ (Безобразовъ)

Епископъ Кассіанъ (въ міру Сергій Сергѣевичъ Безобразовъ) родился въ 1892 году въ городѣ Санктъ-Петербургѣ въ семьѣ сенатора Сергѣя Владиміровича Безобразова и супруги его Вѣры Антоновны Арцымовичъ. Въ 1914 году онъ окончилъ историко-филологическій факультетъ Петербургскаго Императорскаго университета и тамъ же занимался преподавательской дѣятельностью. Во время революціи былъ арестованъ и сосланъ въ Туркестанъ. Въ 1922 году вернулся въ Петроградъ, смогъ съ родителями выбратъся въ Сербію, а оттуда въ Парижъ, гдѣ сталъ профессоромъ Богословскаго института.

Сергій Сергѣевичъ женился на рабѣ Божіей Любви, которая вскорѣ умерла, не оставивъ ему дѣтей. Послѣ ея смерти,



7 іюня 1932 года, онъ рѣшилъ принять монашество и въ церкви Сергіевскаго подворья въ Парижѣ митрополитомъ Евлогіемъ (Георгіевскимъ) былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Кассіанъ. Тамъ же 10 іюня 1932 года онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, 13 іюня того же года въ іеромонаха, а 28 декабря 1936 года былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

26 ноября 1940 года отецъ Кассіанъ пріѣхалъ на Аѳонъ съ цѣлью поступить въ братство Пантелеимонова монастыря, гдѣ старцы его съ радостью приняли. Основное послушаніе отецъ Кассіанъ проходилъ какъ чередной іеромонахъ. Вся братія дивилась его рѣшительности проводить строго подвижническую жизнь. Его невозможно было никакъ выдѣлнить изъ братіи. Онъ со всѣми ходилъ на трапезу, со всѣми исполнялъ общія послушанія, со всѣми стоялъ на службѣ, одѣвался какъ всѣ. Онъ пересталъ заниматься своими богословскими трудами и подъ руководствомъ духовника Виссаріона (Хлыстова) всецѣло предался дѣланію Іисусовой молитвы. Все шло самымъ лучшимъ образомъ, пока не случилось одно несчастье, которое заставило его вновь измѣнить направленіе своей жизни.

Его сестра Ольга, которая была замужем за доктором Григорием Чеботаревым, и их сын Алексѣй жили и работали на Пиргѣ\* (около Аѳона). Въ августѣ 1944 года они были убиты съ цѣлью ограбленія арнаутами (крещеными турками). Этотъ случай былъ для него тяжелымъ ударомъ. Отецъ Кассіанъ не смогъ больше находиться рядомъ съ этимъ трагическимъ мѣстомъ и вскорѣ послѣ этого, 17 іюля 1946 года, уѣхалъ въ Парижъ.

Такъ закончилось шестилѣтнее пребываніе отца Кассіана на Аѳонѣ. Съ одной стороны, это короткій срокъ для подвижничества, но на міровоззрѣніе отца Кассіана пребываніе на Святой Горѣ повліяло рѣшительнымъ образомъ. Именно на Аѳонѣ онъ понялъ, что духовный миръ и земной миръ — двѣ не совмѣстимыя другъ съ другомъ реальности, два параллельно существующихъ міра, какъ огонь и вода. И любая попытка объединить ихъ обречена на провалъ.

Въ своей книгѣ «Царство Кесаря передъ судомъ Новаго Завѣта», которая вышла въ Парижѣ въ 1949 году, онъ пишетъ: «На протяженіи своего многолѣтняго историческаго пути христіанская Церковь, въ лицѣ носителей ея сознанія, не только осуществляла — снова и снова — свое право судить о государствѣ, съ которымъ она имѣла дѣло, по его достоинству, но пыталась привлечь его на служеніе Христу, пронизать государственныя учрежденія свѣтомъ Христовымъ, вдохнуть Его духъ въ государственныя формы. Ни одна изъ этихъ попытокъ не удалась. Наши предки — въ XV вѣкѣ — были свидѣтелями крушенія Византіи. Третій Римъ рухнулъ на нашихъ глазахъ. И трагедія Россіи, причина ея паденія, заключалась прежде всего въ томъ, что она пыталась соединить несоединимое: тоталитарное государство съ христіанскимъ строемъ жизни, царство кесаря съ Царствомъ Божьимъ»<sup>402</sup>.

Несмотря на такой печальный опытъ Церкви, отецъ Кассіанъ призываетъ насъ, христіанъ, не складывать руки, а неутомимо работать во славу Бога при любыхъ обстоятельствахъ и при любыхъ государственныхъ системахъ. «Опытъ прошлаго и познаніе истинной природы государства, — заключаетъ отецъ Кассіанъ, — не позволяетъ намъ мечтать о христіанской державѣ на землѣ. Но путь христіанскаго дѣланія въ государствѣ открытъ и намъ, даже больше: онъ намъ указанъ какъ нашъ долгъ. По слову апостола (см. 2 Петр. 3:12), грядущее преображеніе предуготовляется нашимъ усиліемъ здѣсь, на землѣ. И когда въ пророческомъ видѣніи Тайнозрителя вострубилъ седьмой ангель, тогда *„...бѣша гласи велицы на небесѣхъ, глаголюще: бѣсть царство міра Гѳспода нашего и Христа его, и воцаритъся во вѣки вѣковъ“* (Апок. 11:15). Невозможное челоуѣкамъ возможно Богу. Посаженному въ землю дереву ростъ даетъ Богъ, но челоуѣкъ насаждаетъ и поливаетъ (см. 1 Коръ. 3:6–9). Въ Царство Славы ведетъ далекій путь, начинающійся въ царствѣ міра. И Божественная благодать вѣнчаетъ трудъ челоуѣка — долгій, упорный и неблагодарный — въ царствѣ міра и надъ царствомъ міра»<sup>403</sup>.

<sup>402</sup> Кассіанъ (Безобразовъ), епископъ. Царство Кесаря передъ судомъ Новаго Завѣта. Парижъ, 1949. С. 49.

<sup>403</sup> Тамъ же. С. 49–50.

Въ Парижѣ отецъ Кассіанъ былъ назначенъ ректоромъ Свято-Сергіевскаго Богословскаго института. Вскорѣ онъ опубликовалъ большую монографію: «Христосъ и первое христіанское поколѣніе», которая была издана въ Парижѣ въ 1950 году.

15 іюля 1947 года отецъ Кассіанъ былъ возведенъ въ санъ епископа Катанскаго (Сицилія). Владыка Кассіанъ постоянно поддерживалъ связь со старцами обители. Въ 1957–1964 годахъ писалъ письма игуменамъ Руссика<sup>404</sup>.

Преставился владыка Кассіанъ 22 января/4 февраля 1965 года.

## Архієпископъ Василій (Кривошеинъ)

Архієпископъ Василій (въ міру Всеволодъ Александровичъ Кривошеинъ) родился въ 1900 году въ дворянской семьѣ въ селѣ Шатрошаны Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи.

Дѣдъ Всеволода служилъ въ Варшавѣ офицеромъ, гдѣ въ 1857 году и родился его отецъ — Александръ Васильевичъ. Впослѣдствіи онъ приобрѣлъ имѣніе въ Симбирской губерніи и былъ причисленъ къ дворянскому сословію. Онъ былъ женатъ на дочери одного изъ московскихъ профессоровъ Еленѣ Карповой, которая умерла въ Парижѣ въ 1942 году. Они имѣли трехъ сыновей — Игоря, Всеволода и Кирилла. До октябрьскаго переворота 1917 года Александръ Васильевичъ занималъ должность министра земледѣлія Россіи. Послѣ революціи онъ обосновался въ Берлинѣ, гдѣ скончался 15 октября 1921 года, послѣ чего супруга его и переѣхала въ Парижъ.

Во время гражданской войны Всеволодъ Александровичъ участвовалъ въ военныхъ событіяхъ на сторонѣ бѣлой арміи, получилъ раненіе, изъ-за чего на одной



<sup>404</sup> АРПМА. Док. № 3710.

рукъ отсутствовали два пальца, что впоследствии долгое время было препятствиемъ къ рукоположенію. Послѣ раненія онъ выѣхалъ за границу и присоединился къ своей семьѣ въ Парижѣ, гдѣ получилъ высшее образованіе, овладѣлъ нѣсколькими европейскими языками.

2 октября 1925 года Всеволодъ Александровичъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Сахаровымъ (будущимъ архимандритомъ Софроніемъ) посѣтилъ Аѳонъ и сдѣлалъ такую запись въ гостевой книгѣ обители: «Русскому православному человѣку, заброшенному въ глубину, въ далекую по духу иновѣрную среду, особенно отрадно и умирительно посѣщеніе Святой Аѳонской Горы. Здѣсь онъ успокаивается отъ шума и суеты современности, видитъ подлинную православную жизнь, прекрасная, какъ нигдѣ въ мірѣ, богослуженія. Дай Богъ всѣмъ русскимъ лучше узнать эту великую святыню. Тѣ же, кому Господь далъ радость лично побывать на Святой Горѣ, навсегда сохранять о своемъ путешествіи святое и укрѣпляющее духъ воспоминаніе. Всеволодъ Кривошеинъ»<sup>405</sup>. Всего черезъ мѣсяць, 27 ноября 1925 года, онъ уже вступилъ въ братство монастыря святаго великомученика Пантелеимона, самъ ставъ частью этой «великой святыни».

24 марта 1926 года Всеволодъ Александровичъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Валентинъ, а 5 марта 1927 года въ мантию съ именемъ Василій. Первые послушанія онъ проходилъ въ ризничной, въ библиотекѣ, помощникомъ антипросопа монастыря. Съ 8 февраля 1942 года онъ былъ антипросопомъ въ Кареѣ, а съ 1946 года въ обители казначеемъ. Вотъ какъ характеризуетъ его бывший баронъ, монахъ Ипатій (Фредериксъ): «Отецъ Василій одинъ изъ немногихъ образованныхъ монаховъ. За нимъ парижское Ceile de le Hres и солидное духовное практическое самообразованіе, которымъ онъ занимался всѣ девятнадцать лѣтъ пребыванія на Аѳонѣ. Съ нимъ можно говорить о чемъ угодно. Онъ все пойметъ и ничего не осудитъ. Вѣрный сынъ Православной Церкви, безъ мудрствованія, лукавства и безъ религіознаго жонглерства»<sup>406</sup>.

За 22 года своего пребыванія въ обители отецъ Василій сдѣлалъ очень многое для монастыря: онъ переводилъ всѣ указы и постановленія Вселенской Патріархіи и священнаго Кинота; отвѣчалъ на письма греческихъ и французскихъ адресатовъ; составлялъ историческія очерки для обоснованія тѣхъ или иныхъ историческихъ событій и фактовъ, связанныхъ съ монастыремъ; велъ переговоры со всѣми сторонами, обращающимися къ монастырю, такими, какъ греческое правительство или нѣмецкія оккупационныя войска.

22 сентября 1947 года произошла парадоксальная, нелѣпая ошибка правосудія, которая за основу своего рѣшенія взяла голые, формальные факты и не учла мотивацию и реальную обстановку, породившую эти факты. Отецъ Василій вмѣстѣ

---

<sup>405</sup> АРПМА. Док. № 125. С. 349.

<sup>406</sup> АРПМА. Док. № 465. С. 38.

со схимонахомъ Протогеномъ<sup>407</sup> и монахомъ Веніаминомъ<sup>408</sup> былъ арестованъ по обвиненію якобы въ сотрудничествѣ съ нѣмцами. Да, онъ сотрудничалъ съ нѣмцами и болгарами, но это сотрудничество ограничивалось исключительно обезпеченіемъ элементарныхъ условій жизнедѣятельности монастыря, и не только Русскаго монастыря, но и всѣхъ монастырей Аѳона. Если бы не это «сотрудничество», далекое отъ всякой политики, то монахамъ Аѳона грозила бы голодная смерть. Но все это вершители правосудія не учли, и отца Василія на два года сослали на островъ Макронисъ и вдобавокъ лишили гражданства. Послѣ окончанія срока наказанія отецъ Василій, несмотря на многія усилія со стороны руководителей монастыря, не смогъ вернуться на Аѳонъ.

Въ февралѣ 1951 года отецъ Василій уѣхалъ въ Англію, гдѣ въ Лондонѣ 8 мая 1951 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 9 мая 1951 года въ іеромонаха. Въ апрѣлѣ 1957 года по благословенію Святѣйшаго Партріарха Московскаго и всея Руси Алексія I (Симанскаго) онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, 26 мая 1958 года былъ назначенъ 2-мъ викаріемъ экзарха Московской Патріархії въ Западной Европѣ съ титуломъ епископа Волоколамскаго и пребываніемъ въ Парижѣ. Хиротонисанъ онъ былъ позже, въ ноябрѣ 1959 года. Въ апрѣлѣ 1960 года указомъ Патріарха Алексія I онъ былъ назначенъ епископомъ Брюссельскимъ и Бельгійскимъ.

Уже въ качествѣ іерарха Русской Православной Церкви владыка Василій вновь оказалъ услугу своему монастырю, ведя активные переговоры отъ лица Московскаго Патріарха о пополненіи числа братства изъ Россіи какъ съ Вселенскою Патріархіею, такъ и съ греческимъ правительствомъ. Въ апрѣлѣ 1977 года онъ смогъ посѣтить Аѳонъ и родную обитель.

---

<sup>407</sup> Схимонахъ Протогенъ (въ міру Петръ Алексѣевичъ Овчинниковъ) бывшій крестьянинъ села Старомелавское Нижнедѣвизкаго уѣзда Воронежской губерніи. Имя матери Пелагія. Родился въ 1878 году. Принятъ въ Русскіе 18 августа 1905 года. Постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Петръ 13 апрѣля 1907 года, въ мантию съ именемъ Протогенъ 21 марта 1908 года, въ схиму 15 марта 1947 года. Послушаніе проходилъ на Крумицѣ, въ экономскою, на Касандрѣ, съ 6 мая 1939 года антипросопомъ и эпистатомъ въ Кареѣ, съ 1 января 1942 года въ обители старшимъ экономомъ. 26 сентября 1947 года посаженъ въ Солунскую тюрьму на одинъ годъ якобы за сотрудничество съ болгарами. Срокъ отбывалъ на островѣ Закиноосъ. Возвратился въ Русскіе 7 іюня 1950 года. Преставился 1 марта 1951 года. Въ 1915–1926 и 1938 годахъ писалъ письма игумену Мисаилу изъ Ксандры и Солуни (см. архивъ РПМА. Док.: № 944, 947, 951). Въ 1938–1940 годахъ писалъ письма отцу Іустину (Соломатину) (см. архивъ РПМА. Док. № 1440). Въ качествѣ проестаса въ 1939–1941 годахъ писалъ письма отцу Мисаилу изъ Карен (см. архивъ РПМА. Док. № 1337).

<sup>408</sup> Монахъ Веніаминъ (въ міру Викторъ Михайловичъ Григоровичъ) бывшій мѣщанинъ изъ города Луганска Екатеринославской губерніи. Имя матери Антонина. Родился въ 1899 году. Участникъ бѣлого движенія и Ледяного похода. Поступилъ въ Русскіе 9 сентября 1924 года, постриженъ въ рясофоръ 15 апрѣля 1926 года, въ мантию 8 марта 1941 года. Послушаніе проходилъ въ муларнѣ, на суднѣ монастыря, въ канцеляріи. 26 сентября 1947 года посаженъ въ Солунскую тюрьму на одинъ годъ якобы за сотрудничество съ нѣмцами. Возвратился въ Русскіе 7 іюня 1950 года. Преставился 18 января 1968 года.

Преставился владыка Василий 22 сентября 1985 года в Ленинградѣ. Погребенъ на Серафимовскомъ кладбищѣ в Санктъ-Петербургѣ. Докторъ богословія написалъ много научныхъ книгъ и статей. Въ архивѣ монастыря хранится его личный фондъ подъ номеромъ 25, который состоитъ изъ слѣдующихъ дѣлъ:

- 1) Письма къ архіепископу Василию (Кривошеину) отъ матери (Елены Карповой) и роднаго брата (Кирилла) за 1925–1950-е годы.
- 2) Письма къ архіепископу Василию (Кривошеину) отъ разныхъ лицъ (В. Маевского, архимандрита Софонія (Сахарова), А. Карташова, М. Лотъ-Бородина и др.) за 1934–1950-е годы.
- 3) Переписка съ Г. А. Данчевымъ (8 писемъ ему и 27 отъ него) архіепископа Василия (Кривошеина) за 1929–1932-е годы на французскомъ языкѣ.
- 4) Письма къ разнымъ лицамъ архіепископа Василия (Кривошеина) за 1925–1948-е годы.
- 5) Тезисы и библиографическія замѣтки къ разнымъ статьямъ и очеркамъ архіепископа Василия (Кривошеина) за 1925–1948-е годы.
- 6) Очеркъ противъ новаго календаря архіепископа Василия (Кривошеина) съ приложеніемъ его перевода съ греческаго соборнаго постановленія въ опроверженіе новой Пасхалии.
- 7) Историческая справка архіепископа Василия (Кривошеина) о подданствѣ русскихъ афонскихъ монаховъ съ древнѣйшихъ временъ до 1946 года.
- 8) Историко-аналитическій очеркъ архіепископа Василия (Кривошеина) о самоуправленіи Афона съ древнѣйшихъ временъ до 1940 года.
- 9) Жизнеописаніе архіепископа Веніамина (Новицкаго), написанное архіепископомъ Василиемъ (Кривошеинымъ) въ 1977 году. Печатная копія<sup>409</sup>.

## Схіархимандритъ Софоній (Сахаровъ)

Схіархимандритъ Софоній (въ міру Сергѣй Семеновичъ Сахаровъ) родился 22 сентября 1896 года в городѣ Москвѣ в мѣщанской семьѣ. Его мать звали Екатериной. Родители Сергѣя были глубоко вѣрующими людьми, что сыграло решающую роль в судьбѣ будущаго монаха. Сергѣй Семеновичъ имѣлъ талантъ в рисованіи, поэтому учился в Академіи художествъ, которую послѣ революціи переименовали в Московскую школу живописи, скульптуры и архитектуры. В 1921 году, закончивъ курсъ обученія, онъ выѣхалъ изъ Россіи на Западъ. Здѣсь, в Парижѣ, происходитъ его полное обращеніе къ вѣрѣ, и это приводитъ къ тому, что, оставивъ занятія искусствомъ,

---

<sup>409</sup> Мы планируемъ в рамкахъ данной серіи отдѣльной книгой издать всѣ эти документы, которые наглядно доказываютъ неоцѣнимый вкладъ владыки Василия в исторію Русскаго Пантелеимонова монастыря.

онъ поступаєть въ Православный Богословскій институтъ при Сергіевскомъ подворьѣ въ Парижѣ.

Въ ноябрѣ 1925 года вмѣстѣ со своимъ другомъ Всеволодомъ Александровичемъ Кривошеинымъ (будущимъ архіепископомъ Васиіемъ) Сергѣй Семеновичъ посѣтилъ Аѳонъ и вмѣстѣ съ нимъ остался тамъ послушникомъ въ Русскомъ монастырѣ святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ 24 марта 1926 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Софроній, 5 марта 1927 года въ мантию, а 18 января 1935 года въ схиму. 30 апрѣля 1930 года отецъ Софроній сербскимъ епископомъ Николаемъ (Велиміровичемъ) былъ рукоположенъ въ іеродіакона. Послушаніе проходилъ въ часовой мастерской, казначействѣ, бібліотекѣ.

Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ монастырѣ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ преподобнымъ Силуаномъ, котораго считалъ своимъ духовнымъ отцомъ и которому онъ открылъ свое желаніе вести безмолвную, отшельническую жизнь. По свидѣтельству отца Флегонта (Лебедева), преподобный Силуанъ предсказалъ ему пустынножителство<sup>410</sup>, и отецъ Софроній написалъ два письма къ Собору Старцевъ съ прошеніемъ благословить его на безмолвіе. Въ первомъ письмѣ онъ пишетъ: «Имѣя непремѣнное желаніе по данному мнѣ всечестнѣйшимъ старцемъ нашимъ отцомъ игуменомъ архимандритомъ Мисаиломъ и братскимъ духовникомъ всечестнѣйшимъ іеросхимонахомъ Сергіемъ [Тютиннымъ] благословенію перейти на пустынное уединеніе по правиламъ и чину святыхъ отцовъ, смиренно прошу Васъ отпустить меня съ миромъ и благословеніемъ и выдать мнѣ отпускное свидѣтельство»<sup>411</sup>. Соборъ Старцевъ, не желая отпускать его далеко отъ монастыря, предложилъ ему поселиться въ Лукьяновской каливѣ, но отецъ Софроній планировалъ вести строгую отшельническую жизнь, а потому во второмъ письмѣ просилъ Соборъ отпустить его въ дальнюю пустыню. «Не оставьте и этой усердной моей мольбы, — писалъ онъ Собору Старцевъ, — безъ отвѣта, подобно предыдущей. Страдаетъ и томится сердце мое, доколѣ не достигну того, чего сильно желаетъ душа моя вотъ уже 15 лѣтъ. Предъ лицемъ Бога свидѣтельствую Вамъ, что я не ищу ничего, кромѣ спасенія отягченной грѣхами, окаянной моей души»<sup>412</sup>. Старцы уступили его желанію.

Отецъ Софроній вышелъ изъ обители въ пустыню на безмолвіе 23 апрѣля 1939 года. Поселился въ плохой, почти разрушенной каливѣ, около Карули, на что Великая Лавра дала согласіе. «Въ одиночествѣ моей пещеры, — напишетъ впослѣдствіи отецъ Софроній, — я получилъ исключительную привилегію цѣликомъ отдаваться беззаботной молитвѣ. Она владѣла мной мѣсяцами. Пересѣкалась въ дневные дни житейскими дѣлами, но, когда заканчивался трудовой день и начиналась безмолвная ночь въ пещерѣ, молитва снова обнимала меня: опять все исчезало изъ памяти, оставалось лишь сознаніе

<sup>410</sup> АРПМА. Док. № 212. С. 561.

<sup>411</sup> АРПМА. Док. № 1713. С. 1.

<sup>412</sup> Тамъ же. С. 3.



страшнаго невещественнаго грѣха, порождавшее во мнѣ сожалѣніе, стыдъ и даже ненависть къ самому себѣ... Милость Бога ко мнѣ выразилась въ томъ, что Онъ даровалъ мнѣ мощный порывъ покаяннаго страданія, которое увлекало меня въ ненасытную молитву — такую, что душа все забыла, ни о чемъ не помнила, но не удержиимо тянулась къ Богу невидимому, но любимому, невѣдомому, но знакомому, недостижимому, но близкому»<sup>413</sup>.

2 февраля 1941 года въ монастырѣ святаго Павла на Аѳонѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Слава о его духовныхъ подвигахъ быстро распространилась по всѣму Аѳону. Къ нему за совѣтомъ потянулись монахи разныхъ національностей, и такъ какъ онъ владѣлъ нѣсколькими языками, то ему было легко ихъ утѣшать на ихъ родномъ языкѣ. Полнаго затвора онъ такимъ образомъ добиться не смогъ, вынужденъ

былъ все чаще открывать двери своей калиты и все больше народу принимать, въ концѣ концовъ согласиться перейти въ ближайшіе монастыри духовникомъ. «Былъ духовникомъ святыхъ обителей святаго Павла, Григорія, Симонопетра, Ксенофонта, различныхъ скитовъ и келлій»<sup>414</sup>. Впослѣдствіи поступилъ въ Андреевскій скитъ. Онъ сильно огорчился несправедливымъ осужденіемъ греческимъ правительствомъ своего друга отца Василія (Кривошеина), тѣмъ болѣе что и онъ не остался свободенъ отъ необоснованныхъ подозрѣній. Видимо, по этой причинѣ онъ принялъ рѣшеніе оставить Аѳонъ. Во второй половинѣ 1947 года онъ уѣзжаетъ въ Парижъ.

Въ общей сложности отецъ Софроній провелъ на Святой Горѣ 22 года. Изъ Парижа онъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ въ 1959 году основалъ въ графствѣ Эссексъ святую обитель Честнаго Іоанна Предтечи.

Преставился отецъ Софроній 11 іюля 1993 года.

Отецъ Софроній написалъ всемірно извѣстную книгу о своемъ духовномъ отцѣ преподобномъ Силуанѣ Аѳонскомъ, чѣмъ оказалъ неоцѣнимую услугу Русскому

<sup>413</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Видѣть Бога, какъ Онъ есть. Эссексъ, 1985. С. 143–144.

<sup>414</sup> Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 151.

Пантелеимонову монастирю и вообще всѣму христіанскому міру. Онъ является также авторомъ многихъ высокодуховныхъ книгъ, которыя для современныхъ подвижниковъ благочестія стали хрестоматіями.

Въ архивѣ монастиря сохранились три его письма<sup>415</sup> къ архіепископу Василю (Кривошеину), съ которымъ онъ всю жизнь дружилъ. Изъ Эссекса отецъ Софроній написалъ также письмо<sup>416</sup> игумену Руссика — Іустину, которое бережно хранится въ архивномъ хранилищѣ обители. Всѣ эти документы будутъ опубликованы въ рамкахъ данной серіи.

## Схіархимандритъ Іліанъ (Сорокинъ)

Схіархимандритъ Іліанъ (въ міру Иванъ Михайловичъ Сорокинъ) родился въ 1885 году въ семьѣ мѣщанъ города Романо-Борисоглѣбска Ярославской губерніи. Его мать звали Анной. Иванъ получилъ хорошее начальное образование, поэтому родители планировали, чтобы онъ продолжилъ свое обученіе. Но по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ въ 16-лѣтнемъ возрастѣ онъ поступаетъ въ Глинскую пустынь, гдѣ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Іоаннъ. Глинская пустынь тогда была однимъ изъ извѣстныхъ духовныхъ центровъ Россіи. Однако, прочитавъ письма Святогорца, отецъ Іоаннъ мечтаетъ попасть на Аѳонъ и тамъ продолжать свою подвижническую жизнь.

25 августа 1905 года Іоаннъ дѣйствительно ступилъ на Аѳонскую землю и былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастирь, гдѣ 7 марта 1908 года былъ постриженъ въ мантію съ именемъ Іліанъ. Послушаніе отецъ Іліанъ проходилъ въ архондарикѣ, канцеляріи, въ 1911–1914 годахъ на подворьѣ въ Константинополѣ, затѣмъ въ обители уставщикомъ и ризничимъ. 25 ноября 1922 года отецъ Іліанъ былъ постриженъ въ схиму. 2 февраля 1926 года онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона.

Въ 1932–1933 годахъ отца Іліана отправили въ Сербію для сбора пожертвованій, гдѣ митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ) онъ 12 декабря 1932 года былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

Въ 1953 году отецъ Іліанъ былъ назначенъ настоятелемъ Константинопольскаго подворья. Но турки не согласились съ его кандидатурой и не дали разрѣшенія на занятіе этого поста отцомъ Іліаномъ, и 1 іюля онъ вернулся въ Русскіе.

3 октября 1958 года отецъ Іліанъ былъ избранъ игуменомъ обители и возведенъ въ санъ архимандрита. Въ іюнѣ 1962 года во время празднествъ 1000-летія Аѳона Московской Патріархіей онъ былъ награжденъ медалью святаго Владиміра за заслуги передъ Церковью.

---

<sup>415</sup> АРПМА. Док. № 560.

<sup>416</sup> АРПМА. Док. № 1713.



Многими были замѣчены выдающіяся человѣческія свойства отца Иліана. Вотъ что пишетъ о немъ писатель Анатолій Даровъ: «Глаза у архимандрита Иліана очень спокойные, а когда не спокойные, то строго-ласковые. Сколько ему лѣтъ — трудно сказать, а спросить у него — еще труднѣе. Есть такіе люди: у нихъ легко просить, но трудно спрашивать. Какой-то мягкій и тонкій запретъ свѣтился въ его глазахъ. Нѣтъ, это не рѣзкая, аскетическая отрѣшенность отца Михаила [андреевскаго игумена. — *Сост.*], не дѣтская и вмѣстѣ мудрая довѣрчивость отца Николая [ильинскій игумень. — *Сост.*], — это печально-озабоченная, вкрадчивая одухотворенность»<sup>417</sup>. И далѣе онъ пишетъ слѣдующее: «Отець Иліанъ изнуряетъ себя службами. Умереть — такого другаго игумена на всемъ свѣтѣ не сыщешь...»<sup>418</sup>

Отець Иліанъ неуклонно придерживался курса своего предшественника отца Іустина на полное возстановленіе отношеній съ Московской Патріархіей. Вотъ фрагментъ изъ письма игумена Иліана отъ 29 октября (11 ноября) 1959 года на имя предсѣдателя Отдѣла внѣшнихъ церковныхъ сношеній Московскаго Патріархата, гдѣ онъ излагаетъ все усугубляющіяся трудности, переживаемыя русскимъ монашескимъ братствомъ на Аѳонѣ:

«Ваше Высокопреосвященство!

Отъ лица всей братіи нашей Русскаго монастыря святаго великомученика Пантелеимона на Аѳонѣ обращаюсь къ Вамъ и въ Вашемъ лицѣ къ нашей Матери — Русской Православной Церкви съ нижеслѣдующей горячей и настоятельной просьбой.

Нашъ монастырь пришелъ въ полный упадокъ, и ему грозитъ полное запустѣніе и переходъ въ чужія руки этого древняго русскаго достоянія, созданнаго трудами и жертвами многихъ поколѣній русскаго православнаго вѣрующаго народа.

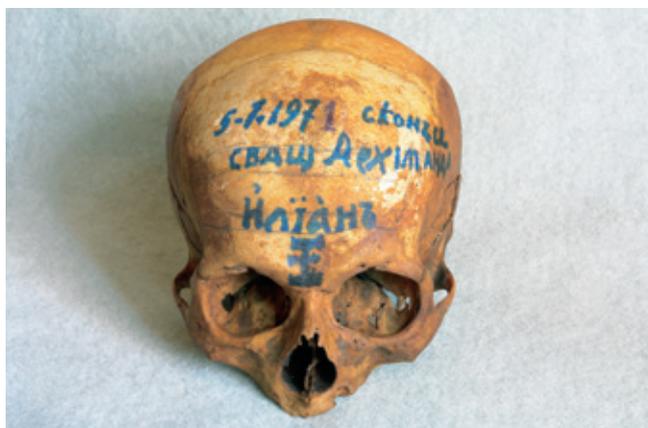
Основная причина этого бѣдственнаго положенія — оскудѣніе нашей братіи изъ-за отсутствія поступленія новыхъ монаховъ въ наше монашеское братство, какъ объ этомъ мы уже сообщали и ранѣе въ Московскую Патріархію. Насъ осталось сейчасъ всего 50 человѣкъ. Самому молодому изъ насъ 54 года. Большинство семидесяти и восьмидесятилѣтніе старчики. Только незамедлительное прибытіе новыхъ молодыхъ силъ въ наше братство можетъ спасти положеніе.

Кромѣ какъ съ нашей Родины, изъ Россіи, ніоткуда не можетъ прибыть къ намъ пополненіе. И вся наша надежда на сохраненіе нашего монастыря послѣ Бога, Пречистой Богородицы и святаго великомученика Пантелеимона на Русскую Православную Церковь, Московскую Патріархію.

Намъ извѣстно, что Московская Патріархія обратилась съ просьбой къ Вселенскому Патріарху, въ канонической юрисдикціи котораго находится нашъ монастырь, допустить изъ Россіи пріѣздъ десяти человѣкъ для поступленія въ братство нашего монастыря. Мы глубоко благодарны всегда Его Святѣйшеству, Святѣйшему Патріарху Алексію и Вамъ за этотъ шагъ и всецѣло его привѣтствуемъ.

<sup>417</sup> Даровъ А. Берегъ — «нѣтъ человѣка» (Аѳонъ современный и вѣчный). Нью-Йоркъ, 1966. С. 34.

<sup>418</sup> Тамъ же. С. 75.



Но намъ извѣстно, что Вселенскій Патріархъ не счелъ возможнымъ отвѣтить на Ваше письмо. Причина тому — давленіе, оказываемое на него со стороны греческаго правительства, противящагося пріѣзду на Аѳонъ русскихъ. Формальный предлогъ для того, чтобы не отвѣчать, — Аѳонъ пользуется извѣстной церковной автономіей и Вселенскій Патріархъ не является первой инстанціей въ такого рода

дѣлахъ... Мы умоляемъ Васъ, Святѣйшаго Патріарха Алексія, и всю Русскую Православную Церковь незамедлительно оказать намъ помощь. Иначе нашъ монастырь обреченъ на погибель.

Испрашивая Вашихъ святыхъ архипастырскихъ молитвъ и святѣйшаго благословенія, остаемся Вашими смиренными послушниками и богомольцами — игуменъ архимандритъ Иліанъ со всею о Христѣ братією»<sup>419</sup>.

Именно во время игуменства отца Иліана наконецъ для пополненія рядовъ братіи монастыря прибыли первые монахи изъ Россіи. Радости старца не было границъ. Теперь въ его чуть было не отчаявшемся уже сердцѣ зародилась твердая надежда, что Русская обитель на Аѳонѣ не погибнетъ, а будетъ стоять какъ оплотъ Православія до втораго пришествія Господа нашего Иисуса Христа.

5 января 1971 года на 88-мъ году жизни игуменъ схимандритъ Иліанъ почилъ о Господѣ. «Это былъ человекъ большой духовной мудрости и доброты, старецъ, которыхъ сейчасъ мало», — такъ писалъ о немъ его духовный сынъ, архіепископъ Василиій (Кривошеинъ)<sup>420</sup>.

## Схимонахъ Мемнонь (Тюринъ)

29 марта 1967 года въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ умеръ 90-лѣтній старецъ схимонахъ Мемнонь<sup>421</sup>. Оставшіеся въ живыхъ престарѣлые монахи монастыря единодушно признавались, что отъ нихъ ушелъ послѣдній великій старецъ Руссика, сохранившій и приумножившій драгоцѣнный опытъ духовной жизни возобновителей обители — старцевъ Арсенія, Иеронима и Макарія.

<sup>419</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 102.

<sup>420</sup> Тамъ же. С. 117.

<sup>421</sup> Жизнеописаніе составлено по матеріаламъ архива РПМА: см. Док.: № 7. С. 135; № 13. С. 89; № 72. С. 2; № 70. С. 3; № 212. С. 556.

Родился отецъ Мемнонь (въ міру Михаилъ Ивановичъ Тюринъ) въ 1878 году въ крестьянской семьѣ села Судниково Синьковской волости Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи. Его мать звали Параскевой. Михаилъ былъ старшимъ ребенкомъ въ многодетной семьѣ. Родители его были благочестивыми и набожными людьми, любили ходить въ церковь и дома нерѣдко устраивали по вечерамъ сборы сосѣдей и родныхъ для общей совмѣстной молитвы и чтенія Священнаго Писанія. Такіе вечера маленькій Михаилъ особенно любилъ. Онъ залѣзалъ на печку и внимательно вникалъ въ каждое произнесенное въ комнатѣ слово. Его восхищала простота и глубина словъ Священнаго Писанія, а нѣкоторыя выраженія изъ него прямо отчеканивались въ его памяти, и послѣ онъ постоянно размышлялъ надъ ними. Одна



фраза особенно привлекла вниманіе юнаго Михаила. *«Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершёнъ ёсть»* (Мф. 5:48), — говоритъ Господь. Но что значитъ быть совершеннымъ и святымъ? Какъ можно стать святымъ? Эти вопросы волновали мальчика. Однажды, найдя удобный моментъ, Михаилъ задалъ ихъ священнику сельской церкви и вотъ что услышалъ въ отвѣтъ: *«Быть святымъ — значитъ любить людей такъ, какъ Господь насъ любитъ; Онъ насъ для того и создалъ, чтобы мы въ этомъ мірѣ учились любить и, постепенно совершенствуя себя въ братской любви, достигали уровня Христовой любви. Это долгій и чрезвычайно трудный путь, это крестный путь, но безъ сего намъ не суждено войти въ Царствіе Небесное, которое и есть царствіе любви. Ежедневными добрыми дѣлами мы должны научать наше сердце любить собратьевъ, а особенно мы должны молитвой о другихъ умягчать наше жестокосердіе и шагъ за шагомъ восходить по лѣстницѣ совершенной любви. Врагъ человѣческаго рода будетъ всѣми силами препятствовать этому нашему намѣренію, но, вооружившись вѣрой во Христа, мы съ Его помощью сможемъ выполнить возложенную на насъ задачу. Съ Христомъ ко Христу, съ любовью къ Любви — вотъ наша цѣль и средство»*.

Юный Михаилъ загорѣлся отъ этихъ словъ священника, и съ этихъ поръ его ежедневной заботой было въ любое время и въ любомъ мѣстѣ творить добро. За такую любовь сосѣди и односельчане прозвали его *«Божіимъ сыночкомъ»*, чего Михаилъ сначала

очень смущался, хотя въ глубинѣ сердца и радовался, что люди причисляютъ его къ малому стаду Божьему. Рвеніе юноши угодить Богу и людямъ съ возрастомъ становилось все больше, и онъ наконецъ рѣшилъ полностью посвятить свою жизнь служенію Богу.

22 декабря 1901 года 23-лѣтній Михаилъ пріѣхалъ на Аѳонъ и сразу попросился въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ его приняли и опредѣлили на послушаніе въ трапезную. Михаилъ съ великимъ усердіемъ приступилъ къ исполненію послушанія. Его невѣроятно радовала возможность послужить братіи. Не чувствуя усталости, онъ старался помочь всѣмъ.

На третьемъ мѣсяцѣ пребыванія въ монастырѣ съ нимъ случилось одно знаменательное событіе, которое кардинально измѣнило его духовный миръ. Было это въ Свѣтлый Вторникъ во время пасхальной Литургіи въ Успенскомъ соборѣ обители. Онъ стоялъ въ притворѣ храма и старался вникать въ ходъ богослуженія, будучи полностью погруженъ въ собственное сердце. Только святое имя Господа занимало его умъ. И вотъ во время возгласа священника «Горе имеемъ сердца» онъ внезапно почувствовалъ мощное неземное движеніе внутри своего сердца, которое одновременно вызвало въ немъ неописуемую радость. Михаилъ не выдержалъ охватившей его благодати и заплакалъ. Слезы потекли ручьемъ, но они были такъ сладостны и утѣшительны, что Михаилъ содрогнулся отъ наплыва наслажденія. Впослѣдствіи онъ не могъ вспомнить, сколько длилось это чудное переживаніе — секунду, или минуту, или десять минутъ, но впечатлѣніе отъ пережитого съ первобытной свѣжестью онъ вспоминалъ, даже когда былъ уже 80-лѣтнимъ старцемъ.

Послѣ окончанія богослуженія онъ первымъ дѣломъ побѣжалъ къ своему духовному отцу іеросхимонаху Агаѳодору (Буданову) и все ему рассказалъ. Мудрый старецъ отвѣтилъ: «Все, что ты пережилъ, — это дѣйстви́е благодати Божіей, Онъ милостиво утѣшилъ тебя, но, увѣряю тебя, не потому, что ты хоть чѣмъ-то это заслужилъ, а исключительно по милосердію Своему, такъ какъ Богъ хочетъ, чтобы ты зналъ, что тебя ожидаетъ въ будущемъ, если сможешь устоять въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Такъ что дерзай, чадо. То, что ты пережилъ, ты долженъ еще долгими годами и тяжелыми трудами зарабатывать, и тогда пережитое будетъ съ тобою вѣчно».

5 апрѣля 1903 года послушникъ Михаилъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Мемнонь. Онъ съ прежнимъ рвеніемъ выполнялъ возложенныя на него различныя послушанія, однако въ его внутреннемъ устроеніи произошли сильныя измѣненія. Послѣ случившагося въ храмѣ онъ не могъ ни о чемъ думать, кромѣ Господа. Непрестанная Іисусова молитва стала его единственнымъ внутреннимъ дѣланіемъ. И хотя два года прошло съ тѣхъ поръ, но какъ будто все случилось только сейчасъ. И даже долгожданный и желанный постригъ не сталъ такимъ событіемъ, которое смогло бы какъ-то затмить это чудное воспоминаніе.

Наступила очередная Свѣтлая Седмица, и въ Свѣтлый Вторникъ уже рясофорный монахъ Мемнонь стоялъ на Литургіи въ Архангельскомъ храмѣ обители. Все его сердце

было заполнено Господомъ, чувство благодарности за пережитое два года назадъ переполняло его, и вотъ, во время возгласа священника «Горе имеемъ сердца», чудо повторилось, но на этотъ разъ намного сильнѣе и четче, намного реальнѣе. Онъ не смогъ устоять на ногахъ, рухнулъ на колѣни и залился сладчайшими слезами. Онъ шепталъ только одно слово: «Благодарю, благодарю, благодарю!...»

Конечно, отецъ Мемнонь сразу подѣлился своимъ счастьемъ съ духовникомъ и задалъ ему такой вопросъ: «Я понимаю, что первый разъ Господь хотель утѣшить меня и укрѣпить въ подвижничествѣ, но зачѣмъ Онъ явился мнѣ еще разъ, новонаначальному, ничтожному, грѣшному и неискушенному, когда, какъ я знаю, многіе заслуженные монахи не сподоблялись этого?» Духовникъ на это отвѣтилъ: «Ты правъ, чтобы привлечь Божию благодать, нуженъ долгій, напряженный, кропотливый трудъ подвижничества, но за самоотверженную любовь къ людямъ Господь и безъ такихъ трудовъ дарить благодать. Если человекъ сможетъ возвыситься надъ самимъ собой, откажется отъ своихъ эгоистическихъ устремлений и посвятить себя служенію другимъ людямъ, то Господь незамедлительно одаритъ его своею благодатью. Это самый вѣрный, но также чрезвычайно трудный путь къ Богу — отказаться отъ самого себя. Дерзай, чадо, сгорай въ любви и воспрянешь для Бога. „...А *иже погубитъ дѹшу свою менѣ ради, обрѣцетъ ю*“ (Мѡ. 10:39), — сказалъ намъ Господь».

24 марта 1906 года отца Мемнона постригли въ мантию и опредѣлили на послушаніе въ храмъ эклессіархомъ. Онъ съ радостью выполнялъ это послушаніе, выходилъ изъ него только въ трапезную, а все остальное время проводилъ въ храмѣ. Между богослуженіями отецъ Мемнонь сидѣлъ въ темномъ углу церкви, оперевшись на стасидію, и тянулъ четку. Онъ не могъ насладиться вдоволь Иисусовой молитвой, не могъ отвлечься на что-то еще — Господь былъ его мыслью, его мечтой, его молитвой. Онъ не чувствовалъ времени и не ощущалъ внѣшнихъ условій.

Такъ протекала его долгая 66-лѣтняя монашеская жизнь, внѣшне монотонно и однообразно, но внутренне богато и разносторонне. Онъ на всѣ драгоценности міра не помѣнялъ бы своего дѣланія. Эта «монотонность» еще разъ была нарушена, и опять чуднымъ образомъ, когда 16 марта 1928 года отца Мемнона постригли въ схиму. Уже будучи схимникомъ, онъ, стоя въ Свѣтлую Седмицу на Литургіи въ Покровскомъ храмѣ, еще разъ пережилъ очередную встрѣчу съ Богомъ. Во время возгласа «Горе имеемъ сердца» его сердце въ очередной разъ залила Божія благодать. На этотъ разъ все было такъ, какъ будто не его посѣтили, а самъ онъ присоединился къ неизреченной силѣ, которая полностью охватила его. Онъ снова палъ на колѣни и, рыдая, началъ говорить: «Не терзай меня, Боже, я ничтоженъ и грѣшенъ, не имѣю силы выдержать таковой благодати, бесконечно благодарю тебя, но больше не посѣщай меня, иначе мое сердце не выдержитъ такой радости и разорвется. Благодарю, благодарю, благодарю, но молю: больше не посѣщай меня».

На его рассказъ духовникъ отвѣтилъ: «Отецъ Мемнонь, тебя три раза посѣтилъ Богъ. Теперь ты духовно видѣлъ Пресвятую Троицу, и твоя вѣра превратилась въ знаніе, что

на тебя возлагаетъ огромную отвѣтственность, тысячу разъ большую, чѣмъ на обыкновеннаго вѣрующаго. Думаю, что ты проживешь долгую жизнь, которую ты долженъ посвятить исключительно дѣламъ христіанской любви».

И дѣйствительно, отецъ Мемнонъ прожилъ долгую жизнь, и, несмотря на случающіяся претыканія и многіе трудности монашескаго подвига, онъ все время былъ какъ зажженная свѣча, освещающая своею любовью все вокругъ себя. Онъ, вооруженный Иисусовой молитвой, на протяжении всей жизни продолжалъ осуществлять многочисленныя дѣла любви, являясь примѣромъ для братіи. Всѣ любили его такъ же, какъ онъ любилъ всѣхъ. Его жизнь была дѣйствительно счастливою какъ по формѣ, такъ и по содержанию. Уже будучи старцемъ, онъ часто говорилъ: «Съ любовью такъ легко жить, не надо никого обманывать, никого предавать, никого унижать, попроси съ любовью — и тебѣ все дастся. Зачемъ губить себя грѣховными ухищреніями, если такъ просто можно быть счастливымъ: люби самоотверженно, и всѣ тебя полюбятъ».

## Иеросхимонахъ Серафимъ (Текза)



Иеросхимонахъ Серафимъ (въ міру Степанъ Ивановичъ Текза) родился въ 1901 году въ крестьянской семьѣ села Березово Марамарошской губерніи (Чехословакія) Карпатской Руси. Его мать звали Еленой.

Степанъ вмѣстѣ съ большой группой своихъ земляковъ пріѣхалъ на Аѳонъ и 15 августа 1925 года поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, 24 марта 1928 года онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Серафимъ, а 21 августа того же года въ мантию съ тѣмъ же именемъ.

Вначалѣ онъ несъ послушаніе «на бычкахъ». Надо было управлять быками, возившими лѣсъ на монастырскую пристань. Этимъ нелегкимъ трудомъ старцы испытывали новопоступившихъ въ обитель. Пригодны ли они для несенія тяжелаго монашескаго подвига? Отецъ

Серафимъ не отличался хорошимъ здоровьемъ, а потому его вскорѣ направили въ портняжную подъ руководство старца отца Діадоха [Дружинина]. Позднѣ онъ былъ помощникомъ завѣдующаго аптекой и больницей отца Θомы<sup>422</sup>, а по смерти старца занялъ его мѣсто. Въ то же время онъ исполнялъ послушаніе письменосца и старшаго въ гостиницѣ. Имѣя мягкій и общительный характеръ и въ то же время будучи сострадательнымъ къ нуждающимся, стараясь всѣхъ утѣшать и всѣмъ помогать, отецъ Серафимъ сталъ близкимъ человѣкомъ какъ для монаховъ, такъ и для приходящихъ богомольцевъ. Особую радость отцу Серафиму доставляли посѣщенія русскихъ паломниковъ. Съ радушіемъ принималъ онъ ихъ въ своей кельѣ, угощалъ, старался одарить ладаномъ, книгами, иконами. Часто ѣздилъ съ ними по обителямъ Аѳона, со многими потомъ поддерживалъ переписку.

28 іюля 1940 года отца Серафима рукоположили въ іеродіакона, а въ 1959 году — въ іеромонаха. Въ одномъ изъ изданій Аѳонскаго Патерика читаемъ о немъ слѣдующее: «Посвящаю эту книгу свѣтлой и доброй памяти покойному іеросхимонаху Серафиму, скончавшемуся 18/31 марта 1982 года въ Свято-Пантелеимоновскомъ монастырѣ на Святой Горѣ». Священникъ Валерій Лукьяновъ такъ пишетъ объ отцѣ Серафимѣ: «Добрѣйшій отецъ Серафимъ рѣшилъ сопровождать насъ въ Дафну и въ Карею. Всѣ знаютъ и уважаютъ этого жизнерадостнаго іеромонаха, который, кстати, свободно владѣетъ греческимъ языкомъ. Весь его монашескій обликъ, радостный и одухотворенный, какъ бы сливается съ аѳонскимъ укладомъ жизни и даже его ландшафтомъ»<sup>423</sup>.

Отецъ Серафимъ, какъ завѣдующій аптекой, собралъ много гомеопатическихъ рецептовъ и изучалъ дѣйствіе многихъ лечебныхъ травъ, растущихъ въ лѣсахъ Аѳона. Онъ былъ всегда готовъ помогать страждущей братіи. Самъ уже старый и немощный, онъ часами сидѣлъ у изголовья больнаго брата, возводя къ Господу молитвы за него. Братія шутила, что его любвеобильное сердце приноситъ больше пользы больнымъ, чѣмъ травы, которыя онъ имъ предлагалъ для лѣченія.

<sup>422</sup> Схимонахъ Θома (въ міру Θеоктистъ Θеодоровичъ Никитенко) бывшій крестьянинъ села Ровное Ровенской волости Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губерніи. Имя матери Елена. Братъ послушника Іакова. Родился въ 1877 году. Принятъ въ Русикъ 28 іюня 1905 года, постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Θеоктистъ 10 апрѣля 1907 года, въ мантію съ именемъ Θома 4 апрѣля 1908 года, въ схиму по случаю болѣзни 12 марта 1932 года. Послушаніе проходилъ на Крумицѣ, въ аптекѣ, зубнымъ врачомъ и докторомъ. Преставился 14 августа 1951 года. Въ 1946 году писалъ письмо Собору Старцевъ о состояніи больницы обители (см. архивъ РПМА. Док. № 3721). Въ книгѣ архимандрита Софронія (Сахарова) «Старецъ Силуанъ Аѳонскій» (М., 1996. С. 219) читаемъ: «Отецъ Θома не получилъ въ міру образованія, но, всю жизнь работая въ больницахъ монастыря, приобрѣлъ солидный опытъ и даже нѣкоторыя теоретическія познанія. Это былъ человѣкъ, одаренный богатой врачебной интуиціей, и былъ очень полезенъ для монастыря, такъ какъ на Аѳонѣ нѣтъ настоящихъ больницъ и врачей».

<sup>423</sup> Серафимъ, іеромонахъ. Святогорцы // ЖМП. 1982. № 7. С. 57.

«25 октября 1972 года Патриархъ Пименъ во время своего визита на Аѡонъ награди́лъ его наперснымъ крестомъ. 27 января 1982 года отца Серафима постригли въ схиму. Но вскорѣ серьезное заболѣваніе принудило отца Серафима удалиться на покой, который былъ непривыченъ и труденъ для дѣятельнаго старца. За мѣсяць до кончины здоровье его рѣзко ухудшилось, и онъ вынужденъ былъ лечь въ солунскую больницу, а черезъ нѣсколько дней, въ среду 18/31 марта 1982 года, онъ мирно отошелъ ко Господу»<sup>424</sup>. Погребенъ отецъ Серафимъ былъ на монастырскомъ кладбищѣ.

## Схіархимандритъ Гавріиль (Легач)

Схіархимандритъ Гавріиль<sup>425</sup> (въ міру Георгій Васильевичъ Легачъ) родился въ 1901 году въ селѣ Копашнево Хустскаго уѣзда Марамарошской губерніи, находящейся въ Карпатской Руси, которая между Первой и Второй міровыми войнами принадлежала Чехословакіи. Его мать звали Маріей. «Родной дѣдъ научилъ его читать и писать. При хорошей памяти онъ за короткое время освоилъ то, что могло ему дать домашнее образованіе»<sup>426</sup>.

На Аѡонъ Георгій поѣхалъ вмѣстѣ съ группой молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ монашество. 4 июня 1924 года онъ былъ принятъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона, гдѣ 24 марта 1926 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Гавріиль, а 20 марта 1930 года въ мантию съ тѣмъ же именемъ. Первое послушаніе онъ проходилъ въ кровельной мастерской.

Тогда многихъ монаховъ отправляли въ Сербію для сбора пожертвованій, и однимъ изъ посланниковъ сталъ отецъ Гавріиль. Онъ установилъ контакты съ Сербской Православной Церковью и приобрѣлъ благосклонность отдѣльныхъ ея представителей. Тамъ же въ Сербіи 22 іюля 1937 года святителемъ Николаемъ (Велиміровичемъ) онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона. А 24 января 1949 года уже въ обители онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

Вернувшись изъ Сербіи въ обитель, онъ продолжалъ выполнять послушаніе кровельщика. «Съ удивлявшимъ братію безстрашіемъ онъ выполнялъ работы по ремонту и окраскѣ кровель. Монастырское начальство посылало его и на другія послушанія. Всѣ, кто его зналъ, говорили о его особомъ трудолюбіи. Если отецъ Гавріиль не былъ

---

<sup>424</sup> Серафимъ, іеромонахъ. Святогорцы // ЖМП. 1982. № 7. С. 57.

<sup>425</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Троицкій П. В. Русскіе на Аѡонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003; Якимчукъ И. Историческія связи Карпатской Руси со Святой Горой Аѡонъ.

<sup>426</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѡонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 342.



въ храмѣ или на келейной молитвѣ, то непременно былъ занятъ трудомъ. Онъ позволялъ себѣ лишь незначительный отдыхъ ночью. Болѣе чѣмъ за 50-лѣтнюю жизнь въ обители не было случая, чтобы онъ когда либо съ кѣмъ-то празднословилъ. Отецъ Гавріиль любилъ храмъ. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, онъ приходилъ въ храмъ на службу. И если не былъ служащимъ-череднымъ, то пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Онъ отлично зналъ Уставъ церковныхъ службъ и, въ частности, усложненный уставъ Пантелеимонова собора, гдѣ соединяются русская и греческая службы. Отецъ Гавріиль свободно служилъ по-гречески, хорошо читалъ греческое Евангеліе. Духовное руководство надъ нимъ имѣли старцы высокой духовной жизни. Отецъ Гавріиль былъ инокомъ-молитвенникомъ. Онъ всегда творилъ молитву Іисусову. Въ своей кельѣ въ ночное время почти не пользовался свѣтомъ: молитвы келейнаго правила онъ прочитывалъ на память»<sup>427</sup>.

Съ 1965 года отецъ Гавріиль былъ намѣстникомъ, 9 апрѣля 1971 года былъ избранъ игуменомъ, 26 апрѣля былъ интронизованъ и 13 мая митрополитомъ Никодимомъ (Ротовымъ) былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Новый игумень продолжилъ линію своего предшественника, видя спасеніе для монастыря исключительно въ укрѣпленіи связи съ Русской Церковью. Въ письмѣ на имя Святейшаго Патріарха Московскаго и всея Руси Пимена отъ 9 сентября 1972 года схіархимандритъ Гавріиль писалъ: «...Нашъ монастырь находится въ крайне затруднительномъ положеніи, и особенно изъ-за неимѣнія братства. Съ теченіемъ времени постепенно число братіи уменьшается — старики умираютъ, а пополненія нѣтъ. Такое положеніе и уже здѣсь живущихъ приводитъ въ уныніе и безнадежность.

Мы, зная любовь русскаго народа къ Святому Аѳону, вѣримъ и надеемся, что Вашимъ Святейшествомъ и всей Русской Церковью будутъ приняты всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы этотъ русскій (почти послѣдній на Аѳонѣ) уголокъ съ его свя-



тынями оставался и продолжалъ свое существованіе для утѣшенія каждого вѣрующаго русскаго человѣка...»<sup>428</sup>

4 іюля 1975 года по причинѣ болѣзненнаго состоянія отецъ Гавріиль оставилъ игуменскій постъ, но до смерти помогалъ совѣтами и молитвой новому игумену Авелю (Македонову).

Преставился отецъ Гавріиль 26 іюня 1977 года.

<sup>427</sup> Кончина схіархимандрита Гавріила въ Русскомъ монастырѣ на Аѳонѣ // ЖМП. 1978. № 6. С. 28–29.

<sup>428</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 118.

## Схієродіаконъ Димитрій (Цубера)

Схієродіаконъ Димитрій (въ міру Дмитрій Ивановичъ Цубера) былъ выдающимся дѣятелемъ русскаго Аѳона. Родился онъ въ 1905 году въ селѣ Колодномъ, находящемся въ тогдашней Марамарошской губерніи (Чехословакія) Карпатской Руси (нынѣ Тячевскій районъ Закарпатской области). Въ 1928 году юношей онъ отправился на Аѳонъ и былъ принятъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ 16 марта 1929 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Давидъ, а 22 марта 1930 года съ тѣмъ же именемъ въ мантию. 14 сентября 1941 года митрополитомъ Іерофеемъ онъ былъ рукоположенъ въ ієродіакона.

Первое послушаніе проходилъ въ столлярной мастерской, въ 1934–1945 годахъ былъ экономомъ, въ 1946–1956 годахъ — антипросопомъ, въ 1956–1972 годахъ — вновь экономомъ, а съ 20 сентября 1972 года — вновь антипросопомъ въ Кареѣ.

Отець Давидъ былъ душой монастыря. Оскудѣвшій и людскими, и финансовыми ресурсами монастырь предпринималъ тогда крайнія усилія, чтобы поддерживать самый элементарный уровень жизни. На протяженіи полувѣка отецъ Давидъ почти въ одиночку стоялъ на защитѣ интересовъ монастыря. «Зная восемь различныхъ языковъ и въ совершенствѣ владѣя греческимъ, ієродіаконъ Давидъ въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ представителемъ Пантелеимонова монастыря въ Священномъ Кинотѣ Святой Горы и одновременно исполнялъ послушаніе эконома русской обители. Отець Давидъ обладалъ незаурядными административными и дипломатическими способностями, пользовался большимъ авторитетомъ во всѣхъ аѳонскихъ монастыряхъ. Все это позволяло ему практически въ одиночку съ успѣхомъ отстаивать интересы монастыря,



такъ что, несмотря на крайнее оскудѣніе братіи, голосъ Пантелеимонова монастыря былъ по-прежнему уважаемъ на Аѳонѣ. Притомъ что обитель не получала никакой помощи со стороны, отцу Давиду все же удавалось десятилѣтіями обеспечивать ее всѣмъ необходимымъ»<sup>429</sup>.

Въ іюнѣ 1962 года, во время празднествъ 1000-лѣтія Аѳона, Московской Патріархіей за заслуги передъ Церковью онъ былъ награжденъ медалью святаго Владиміра.

Начиная съ 1974 года іеродіаконъ Давидъ сталъ регулярно приѣзжать въ СССР (въ 1974, 1976, 1979, 1982 годахъ), что способствовало укрѣпленію связей русской афонской обители съ Русской Православной Церковью. Онъ даже смогъ сдѣлать почти невѣроятное: добился аудіенціи у высокихъ чиновниковъ совѣтскаго правительства и смогъ заинтересовать ихъ проблемами монастыря.

Достигнувъ глубокой старости, 2 января 1983 года отецъ Давидъ принялъ схиму съ именемъ Димитрій.

Преставился схііеродіаконъ Димитрій 12 іюня 1987 года, проживъ въ монастырѣ почти 60 лѣтъ.

## Схіархимандритъ Авель (Македоновъ)

Схіархимандритъ Авель (въ міру Николай Николаевичъ Македоновъ) родился 1 іюня 1927 года въ большой крестьянской семьѣ въ Рязанской области. Самъ отецъ Авель вспоминаетъ, что его «семья была очень трудолюбивая, православная, съ традиціями. Ходили на молебень и въ Николо-Родовицкій монастырь, и въ Іоанно-Богословскій»<sup>430</sup>. Николаю, какъ и всѣмъ дѣтямъ той поры, выпало тяжелое дѣтство: голодъ, лишенія, война. «Въ своихъ воспоминаніяхъ не разъ и не два отецъ Авель возвращался къ яркимъ образамъ дѣтства. За любовь къ Церкви и богослуженію, за молчаливость и уединенность въ дѣтствѣ его звали Коля-монахъ»<sup>431</sup>. 16-лѣтнимъ юношей Николай потерялъ родителей и единственное утѣшеніе находилъ въ церкви. Она стала его домомъ.

«Монашескій постригъ отцу Авелю довелось принять отъ владыки Димитрія въ Раненбургѣ, въ храмѣ на мѣстѣ бывшей раненбургской Петропавловской пустыни»<sup>432</sup>. Было ему тогда всего 18 лѣтъ. Потомъ было рукоположеніе въ іеродіакона (18 августа 1945 года) и іеромонаха (8 октября 1947 года) и служба въ разныхъ храмахъ Рязанской и Ярославской областяхъ.

---

<sup>429</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 345.

<sup>430</sup> Архимандритъ Авель. М., 2008. С. 35.

<sup>431</sup> Тамъ же. С. 42.

<sup>432</sup> Тамъ же. С. 45.



В 1970 году по рекомендации его друга детства и сомолитвенника архиепископа Никодима (Ротова) отец Авель направляется на Афон для пополнения рядов братства Русского Пантелеимонова монастыря. Поступил он в Русские 22 февраля 1970 года. Послушание проходил в библиотеке, канцелярии, был ризничим Покровского собора.

13 марта 1971 года отец Авель был избран игуменом, а 23 марта того же года пострижен в схиму, но священный Киноть, из-за того что он мало прожил на Афоне, его поставления не утвердил<sup>433</sup>. Отец Авель смиренно принял решение Кинота и согласился на выборы нового игумена, которым стал архимандрит Гавриил (Легачь). Отец Авель продолжал выполнять свои прежние послушания. Особенно он старался упрочить связи с Русской Православной Церковью и приумножить число братии обители путем привлечения иночествующих из России. С этой целью в марте 1974 года он выехал в Россию на переговоры с Московской Патриархией, результатом чего стала очередной приток монахов в монастырь. В 1975 году он возвратился в обитель. К этому времени по старческой немощи игумен Гавриил попросил Собор Старцев освободить его от должности игумена, и 4 июля 1975 года состоялись новые выборы, и отец Авель во второй раз был избран игуменом монастыря. 1 октября 1978 года отец Авель поехал в СССР на похороны своего друга и соратника архиепископа Никодима (Ротова) и уже не смог возвратиться. Он становится почетным настоятелем кафедрального собора города Рязани и духовником Рязанской епархии.

16 мая 1989 года архимандрит Авель определением Священного Синода назначается наместником только что возвращенного Церкви Свято-Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии. За годы его управления в монастырь, до того лежавшего в руинах, была возрождена иноческая жизнь, восстановлены прежние и построены новые храмы, собрано множество христианских святынь, привлекающих многочисленных паломников. К нему приезжало очень много людей практически со всех городов нашего Отечества, из Европы, Америки, братия со Святой Горы Афон — русские и греки, ищущие духовного окормления.

6 декабря 2006 года после непродолжительной, но тяжелой болезни на 80-м году жизни отец Авель почил о Господе в родной его сердцу Богословской обители. Свое «Послание в связи с кончиной архимандрита Авеля (Македонова)» приснопоминаемый Святейший Патриарх Алексий II заключил словами: «Мысленно даю последнее целование почившему служителю алтаря Господня в день его напутствия в путь всея земли и молюсь об упокоении его души в обителях небесных. Вѣрю, что за свое преданное служение Церкви и Отечеству он услышит от Отца Небесного милостивое призывание: „...раба благий и вѣрный: о малъ [мѹ] былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость гѹспода твоего“ (Мѹ. 25:21)»<sup>434</sup>.

<sup>433</sup> АРПМА. Док.: № 194, 2727, 3313, 3728.

<sup>434</sup> Жизнь, посвященная Богу. Фотобуклеть. Рязань, 2010.

## **Іеромонахъ Анѳимъ (Гощукъ)**

Іеромонахъ Анѳимъ (въ міру Несторъ Гощукъ) родился въ Ташкентѣ 6 ноября 1964 года отъ благочестивыхъ родителей — іерея Дмитрія и матушки Анны. Послѣ смерти матери отецъ Дмитрій принялъ монашество съ именемъ Дороѳей и былъ въ Ташкентѣ духовникомъ женскихъ монастырей.

Несторъ имѣлъ еще двухъ братьевъ, которые были летчиками. Въ летное училище поступалъ и самъ Несторъ, однако не прошелъ медицинскую комиссію. Въ семьѣ царилъ атмосфера благочестія и безусловнаго послушанія, которыми Несторъ руководствовался во всей своей послѣдующей жизни.

Примѣромъ послушанія Нестора родителю можетъ служить такой эпизодъ. Послѣ того какъ Несторъ не прошелъ медицинскую комиссію въ летномъ училищѣ изъ-за врожденнаго заиканія, безмѣрно любящая его бабушка, желавшая во что бы то ни стало, чтобы и ея третій, самый любимый внучекъ сталъ летчикомъ, предложила выпить ему отваръ зелья, съ помощью котораго, какъ она была увѣрена, долженъ былъ навсегда устраниваться дефектъ рѣчи. Однако отецъ-священникъ не одобрилъ такого способа лѣченія. И, хотя онъ прямо и не запретилъ прибѣгнуть къ такому средству, никакія увѣщанія бабушки не смогли склонить Нестора пойти противъ воли родителя. Послѣ такой неудачи бабушка устроила настоящій погромъ въ домѣ зятя-пресвитера. Однако Господь вскорѣ вознаградилъ юнаго Нестора за его послушаніе: вмѣсто летнаго онъ поступилъ въ духовное училище — Московскую Духовную семинарію, куда вскорѣ поступилъ и его старшій братъ — летчикъ Іоаннъ, который впослѣдствіи, послѣ принятія священническаго сана, былъ настоятелемъ одного изъ соборовъ города Углича.

1 іюня 1987 года Несторъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Анѳимъ и черезъ мѣсяць рукоположенъ во діакона Троице-Сергіевой Лавры. Черезъ годъ его перевели изъ Лавры во вновь открывшійся въ Москвѣ Даниловъ монастырь, гдѣ 9 іюля 1989 года отецъ Анѳимъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

Имѣя горячее желаніе послужить Сыну Божію въ земномъ удѣлѣ Его Пречистой Богоматери, іеромонахъ Анѳимъ 18 іюля 1990 года по благословенію Патріарха Пимена прибылъ на Святую Гору Аѳонъ, гдѣ по прошествіи шести лѣтъ за свое благочестіе и послушаніе былъ избранъ въ соборные старцы монастыря и проходилъ самыя отвѣтственныя послушанія: архондаричнаго, регента, эконома, ризничаго, антипросопа и эпистата въ Священномъ Кинотѣ Святой Горы Аѳонъ.



Отличительными чертами его характера, за которые онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью святогорской братіи, были скромность и кротость.

Проживъ семнадцать лѣтъ въ монастырѣ и исполнивъ свой долгъ, отецъ Анѳимъ «скончався вмаль» въ возрастѣ 44 лѣтъ. «Угодна бо бгъ Гбсподеви душá егб», предпочищенная богоугодной жизнью, потщася бо «...отъ среды лукавствія» (Прем. 4:13–14).

Многіе изъ братіи, узнавъ о его неизлѣчимой болѣзни (опухоли головного мозга), молили Бога, чтобы имъ умереть вмѣсто нужнаго обители собрата. Однако Господь судилъ иначе и призвалъ избраннаго отъ людей Своихъ какъ «благовонную жертву отъ обители земной во обители небесныя», какъ выразился о кончинѣ его архимандритъ, игумень сосѣдняго монастыря Ксенофонтъ.

Главнымъ девизомъ земной жизни отца Анѳима было послушаніе. «Передъ духовникомъ, — говорилъ онъ, — надо быть чистымъ, какъ солнышко». Поэтому онъ старался ежедневно исповѣдываться. Правилomъ его было, кромѣ исполненія обычнаго келейнаго канона, полагать отъ 300 до 500 земныхъ поклоновъ, а иногда и больше.

Къ каждому послушанію и важному, и незначительному — онъ относился одинаково отвѣтственно, выполняя его такъ, словно чувствовалъ на себѣ взоръ Бога Живаго.

О внутренней жизни отца Анѳима мы узнаемъ изъ его дневниковыхъ записей, которыя онъ велъ по примѣру святаго праведнаго «всероссійскаго батюшки» Иоанна Кронштадтскаго, въ городѣ котораго онъ проходилъ военную службу и котораго «весьма почиталъ», стараясь всячески подражать ему въ трезвѣннѣи и вниманіи къ своей жизни.

Даже у самого преддверія смерти онъ старался оставаться «въ строю», не допуская расслабленія и не пропуская ни одной службы. Страдая и едва передвигаясь, онъ до самаго послѣдняго своего дня безъ опозданія приходилъ въ церковь, преодолевая трудный для него высокій подъемъ, ведущій въ Покровскій соборъ, чѣмъ подавалъ великій примѣръ братіи.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ дневниковъ отца Анѳима.<sup>435</sup>

1. Надо молитву ставить на первое мѣсто, а потомъ все уже остальное, т. е. вначалѣ настроиться на внутренній молитвенный ритмъ. И въ этомъ ритмѣ уже дѣлать всѣ дѣла, послушанія.

(15 сентября 1991 года)

\*\*\*

2. Много послушаній: ризница, гостиница, уставщикъ, ухаживать за старцемъ Иларіономъ. Да еще благословили сегодня водить паломниковъ по монастырю. Рѣшилъ, что это все вмѣняется мнѣ въ молитву.

3. Попалась очень трудная группа паломниковъ — очень непостоянные и своенравные. Служать, гдѣ захочется, и требуютъ, чтобы ты ихъ обслуживалъ. Вчера я приготовилъ облаченіе въ Покровскомъ соборѣ, а они отказались служить, сегодня убралъ облаченія, а они собрались служить.

Господь меня испытываетъ, настоящей ли я монахъ-послушникъ, испытываетъ мое смиреніе. Гдѣ наше совершенство? Можно таскать облаченія въ простотѣ, и спасешься.

(9 сентября 1991 года)

\*\*\*

5. Въ храмѣ совершаются службы Божіи, и никакъ нельзя допускать, чтобы личныя интриги были помѣхой. Напротивъ, надо прилагать всѣ усилія, чтобы сглаживать всѣ запинки и чтобы въ храмѣ всѣ ектеніи, стихирѣ, тропари составляли настоящую молитву — обращеніе къ Богу, Божіей Матери, святымъ... Я рѣшилъ вовсе не разговаривать на клиросѣ, т. к. отъ этого приходитъ нечувствіе.

(9 ноября 1991 года)

\*\*\*

6. Когда я начиналъ съ братіей много говорить, то терялось содержаніе нашего труда и смыслъ пѣнія — пѣнія ради молитвы, а не только ради пѣнія!

(29 октября 1992 года)

\*\*\*

7. Если вручили тебѣ послушаніе, то надо нести его съ полной отвѣтственностью. Ты отвѣчаешь за это предъ Богомъ, братіей и людьми.

(3 ноября 1991 года)

\*\*\*

8. Самочинія въ общежитіи не должно быть, даже самага малаго и, по-видимому, благаго.

(11 января 1992 года)

---

<sup>435</sup> АРПМА. Док. № 486.

\*\*\*

9. Позавчера, въ день своего мірскаго Ангела — мученика Нестора, рѣшилъ начать жизнь по распорядку. Исполнилъ 500 поклоновъ и весь день былъ занятъ попеченіемъ о душевной пользѣ.

(29 октября 1992 года)

\*\*\*

10. Мнѣ кажется, Соборъ Старцевъ долженъ отличаться единодушіемъ и послушаніемъ игумену.

(5 апрѣля 1994 года)

\*\*\*

11. Монастырь непремѣнно будетъ терпѣть убытки — какъ физическіе, такъ и духовные при такой нехваткѣ братіи и съ неравномѣрнымъ распределеніемъ послушаній, это естественно. Мои послушанія: благочинный, регентъ, ризничный, лѣсникъ, экскурсоводъ, соборный старецъ.

(12 октября 1996 года)

\*\*\*

12. Много скорби отъ ропотниковъ, которые къ тому же ничего не дѣлаютъ. Какъ хорошо было бы безъ нихъ, если бы насъ осталось даже пять человѣкъ... Изъ повседневныхъ искушеній мы познаемъ самихъ себя, въ какомъ состояніи мы находимся.

(30 октября 1996 года)

\*\*\*

13. Правильно преподобный Ниль Аѳонскій писалъ, что послѣдніе монахи займутся многопопечительностью вслѣдствіе оскуднѣнія вѣры и надежды на Промысль Божій.

(29 августа 1997 года)

\*\*\*

14. Начало молитвы — познаніе себя, своей немощи и сознаніе нужды въ Спасителѣ... Чтобы собраться воедино, нужна главнымъ образомъ молитва. Осознать свое безсиліе во всемъ, свое безуміе и только молиться, молиться, молиться, вплоть до непрестанной молитвы. Тогда только начнешь чувствовать себя человѣкомъ.

(29 августа 1997 года)

\*\*\*

15. Господь — жизнь наша. Стремленіе къ Нему да будетъ главной заботой.

\*\*\*

16. Чувствуешь: мертвъ ты къ молитвѣ, но ты только начни, и Господь дастъ молитву молящемуся.

\*\*\*

17. Много есть средствъ къ приобрѣтенію благодати, но не всѣ угодны бываютъ по мѣсту, времени и нашему духовному возрасту, но смиреніе съ терпѣніемъ и молитва умная всегда подъ рукой.

\*\*\*

18. Всякое исправленіе другаго надо начинать съ исправленія себя. Такъ повелѣваетъ намъ Самъ Господь, говоря: *«Лицемѣре, изми пѣрвѣе бревнó изъ очесé твоегó, и тогда úзриши изы́ати сучéцъ изъ очесé брáта твоегó»* (Мѳ. 7:5). Одинъ братъ подворья жаловался на настоятеля, что, молю, у него нѣтъ любви. А вотъ если у самого брата спросить: любишь ли ты своего настоятеля и въ чемъ свою любовь къ нему выражаешь?.. Такъ вотъ, а вѣдь Господь заповѣдалъ намъ любить даже своихъ враговъ (Мѳ. 5:44). Какъ же можемъ мы послѣ этого еще разсуждать о любви?

(18 апрѣля 1998 года)

\*\*\*

19. Надо научиться истинствовать какъ на людяхъ, такъ и наединѣ съ собою, какъ внѣшне, такъ и внутренне, въ мысляхъ.

(18 апрѣля 1998 года)

\*\*\*

20. По возможности хорошо умомъ всегда предстоять на Страшномъ Судѣ.

(27 апрѣля 1998 года)

\*\*\*

21. Келейное правило должно исполнять очень точно — какъ по количеству, такъ и по качеству (безъ разсѣянности и лѣности), — это самый минимумъ, что ты долженъ исполнять. А подвигъ любви къ Богу есть непрестанное памятованіе о Немъ, непрестанная молитва въ теченіе дня. Отъ небрежно исполненнаго правила только больше усиливаются уныніе и нечувствіе.

(13 іюня 1998 года)

\*\*\*

22. Скорби насъ смиряють, а смиреннымъ Господь даетъ Свою благодать. Кто не хочетъ терпѣть скорбей, никогда не получитъ и милостей Божіихъ. Скорби разумѣются всевозможныя — какъ тѣлесныя, такъ и внутреннія — духовныя. Духовныя дарованія безъ скорбей — это прямой путь къ прелести. По мѣрѣ дарованій Господь посылаетъ и скорби... А я думаю уйти отъ скорбей и заняться молитвой. Опасная мысль! Скорбями молитва очищается или восполняется, поэтому и говоритъ Псалмопѣвецъ: *«Яко во смирѣніи нашемъ помяну ны Господь»* (Пс. 135:23). Радоваться подобаетъ скорбямъ, яко предшественникамъ милостей Господнихъ.

(3 ноября 1998 года)

\*\*\*

23. Главная наша забота должна быть о томъ, чтобы Господь жилъ въ нашемъ сердцѣ, тогда и все остальное будетъ дѣлаться съ Его помощью и какъ Ему угодно.

(3 ноября 1998 года)

\*\*\*

24. Какъ хорошо имѣть старца въ своемъ монастырѣ (въ лицѣ игумена или духовника). Тогда въ тебѣ никогда не будетъ раздвоенія. Тогда для тебя монастырь, ты самъ, игумень и... Господь становятся нераздѣльными.

\*\*\*

25. Истинное послушаніе — не только въ словѣ, но и въ духѣ, чтобы исполнять не только то, что тебѣ сказано, какъ роботъ, но и то, что не сказано, но старецъ хотѣлъ бы, чтобы ты такъ поступилъ. Надо чувствовать духъ сказаннаго.

(3 ноября 1998 года)

\*\*\*

26. Если буду освобожденъ отъ должности начальствующаго, буду вынужденъ терпѣть другой крестъ — терпѣніе уничиженій, презрѣній и т. п., и все это по заслугамъ, за то, что отказался отъ креста своего по гордости, лѣности, малодушію, а если не вынесу и этого креста, тогда гибель.

\*\*\*

27. Думаю, что послушаніе — это корень монашества. Нѣтъ послушанія, нѣтъ монашества.

(17 декабря 1999 года)

\*\*\*

28. Сегодня хорошо помолился на службѣ Великаго канона въ четвергъ пятой седмицы. Поспалъ съ утра часокъ и больше не отдыхалъ... Очень не хотѣлось творить по три метанія на каждый запѣвъ канона (хотѣлось больше внимать словамъ, а не метаться). Но на службѣ сталъ дѣлать поклоны равно съ Иисусовой молитвой, слышалъ и канонъ. Прошелъ семь четокъ по 300.

(2003 годъ)

\*\*\*

29. Сильно бороли всякія нечистые помыслы и уныніе, но послѣ 300 поклоновъ съ помощью Божіей человекъ становится вовсе другой.

\*\*\*

31. Чтобы быть внимательнымъ ко всѣмъ окружающимъ, надо ночью за всѣхъ молиться поименно, по поклончику.

\*\*\*

32. Все отъ Бога! Господи, все у Тебя, дай, что мнѣ полезно.

\*\*\*

33. Слава Богу за неудачи, за мое несовершенство во всемъ. Сознаніе сего сильно смиряетъ душу, собираетъ умъ. Удачи же, напротивъ, его будоражатъ, возбуждаютъ къ большей активности, но не къ молитвѣ. Впрочемъ, если во время втораго будемъ помнить о первомъ, а во время перваго — о второмъ, сможемъ и то и другое переносить съ душевной пользой.

\*\*\*

34. Лучше всего плакать о своемъ недостойнствѣ.  
Преставился отецъ Анѳимъ 13 февраля 2008 года.



# **ЧАСТЬ ВТОРАЯ**

**ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ  
СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ  
АНДРЕЕВСКАГО СКИТА  
НА АӨОНЪ**



## Іеросхимонахъ Виссаріонъ (Толмачевъ) и схимонахъ Варсонофій (Вавиловъ)<sup>436</sup>

Основателемъ и первымъ ктиторомъ новаго русскаго Свято-Андреевскаго общежительнаго скита на Святой Горѣ Аѳонъ былъ іеросхимонахъ Виссаріонъ (въ міру Василій Толмачевъ). Онъ былъ сыномъ благочестивыхъ родителей Максима и Мавры Толмачевыхъ. Родился въ 1808 году. Отецъ его принадлежалъ къ московскому купечеству изъ древней фамиліи Толмачевыхъ. У Василія было два брата, Іоаннъ и Александръ. Дѣтство свое онъ провелъ въ родительскомъ домѣ, былъ весьма прилеженъ въ ученіи, тихъ и скромнъ, почиталъ и утѣшалъ ихъ.

Помогая родителямъ въ торговлѣ, Василій Толмачевъ находилъ время для чтенія Священнаго Писанія и другихъ душеспасительныхъ книгъ. Любилъ ходить въ святой храмъ Господень, часто посѣщалъ его, прислуживая священнослужителямъ алтаря. При такомъ духовномъ настроеніи юный Василій искалъ себѣ утѣшенія не въ увеселеніяхъ, свойственныхъ его возрасту и званію, а въ частыхъ бесѣдахъ съ духовными лицами, преимущественно же съ проживавшимъ въ то время въ Москвѣ настоятелемъ Свято-Никольскаго подворья аѳонскаго Иверскаго монастыря архимандритомъ Кирилломъ. Разказы этого опытнаго въ духовной жизни старца — подвижника Святой Аѳонской Горы Василій Толмачевъ слагалъ и хранилъ, какъ неоцѣнимое сокровище, въ боголюбивомъ своемъ сердцѣ. Наконецъ послѣ многихъ раздумій, многихъ самоиспытаній и молитвъ богомудрый и смиренный юноша Василій въ возрастѣ 17 лѣтъ рѣшился оставить міръ. Не прельщали его ни богатства отца, ни любовь родителей, ни суета столицы. Сердце его горячо любило Господа, и онъ во имя Его всѣмъ пренебрегъ, слѣдуя евангельскимъ словамъ: *«Иже любитъ отца или мать паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ»* (Мѳ. 10:37).

Онъ тайно отъ отца и матери рѣшился навсегда оставить родительскій любвеобильный кровъ и о своемъ рѣшеніи повѣдалъ только своему другу Василію Вавилову, котораго онъ сердечно любилъ. Вавиловъ былъ старше Толмачева на одиннадцать лѣтъ, ему было уже 28, но, несмотря на это, друзья всегда дѣлались и мыслями, и чувствами, душа одного была открыта другому. Они были такъ единомышленны и единокорны, что, когда юный Толмачевъ рѣшился оставить міръ, оставилъ его и Вавиловъ. Послѣдній былъ родомъ изъ города

---

<sup>436</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Одесса, 1887. № 1–2. С. 740.



Дмитріева Орловской губерніи и принадлежалъ къ тульскому купечеству. Онъ, какъ и Толмачевъ, происходилъ отъ благочестивыхъ родителей и принадлежалъ къ богатому семейству. Отецъ Вавилова торговалъ хорошо и такъ же имѣлъ достатокъ во всемъ, какъ и отецъ Толмачева. Однако ничто не прельщало друзей, и они, желая испробовать свои силы, по обоюдному согласію мѣстомъ для своихъ первоначальныхъ монашескихъ подвиговъ избрали извѣстную въ то время по своей строгости и благочестію общежительную пустынную Бѣлобережскую обитель, находящуюся въ Орловской губерніи Брянскаго уѣзда и состоявшую тогда подъ управленіемъ мудраго и опытнаго въ духовной жизни старца-строителя іеромонаха Моисея, извѣстнаго всѣмъ своей строгой жизнью. Помолившись, они навсегда простились съ роднымъ своимъ домомъ и отправились въ путь. Бѣлокаменную Москву они оставили безъ сожалѣнія.

Путь изъ Москвы въ Орловскую губернію друзья совершили благополучно. Придя въ обитель, они назвали себя странниками, явились къ настоятелю за благословеніемъ, не открывая ему ни своихъ именъ, ни происхожденія, и были встрѣчены имъ со свойственной ему любовью и добродушіемъ. Онъ предвидѣлъ въ нихъ будущихъ великихъ подвижниковъ Церкви Русской, а потому, узнавъ объ ихъ искреннемъ намѣреніи не возвращаться больше въ міръ, согласился, даже не зная, кто они, на ихъ поступленіе въ число временно трудящихся при обители. При этомъ онъ обоимъ поручилъ духовному руководству опытнаго въ жизни духовной старца іеросхимонаха Серапіона, бывшаго впоследствии настоятелемъ Одринской пустыни. Тотъ полюбилъ обоихъ пришельцевъ, какъ и они полюбили старца. Отношенія между ними установились самыя искреннія, самыя близкія. Новоначальные желали спастись, а старецъ былъ мудръ и опытенъ. Они всецѣло открывали свои души старцу-отцу, а онъ, какъ мудрый руководитель, назидалъ ихъ духомъ кротости и терпѣнія, вразумлялъ и научалъ.

Какую борьбу новоначальные вели сами съ собой, это можетъ быть понятно только тому, кто самъ проходилъ этотъ искусь. Отъ новоначальнаго требуются скромность и смиреніе, послушаніе и повиновеніе, стяжаніе духа цѣломудрія, а для достиженія всѣхъ

этихъ иноческихъ добродѣтелей необходимо большое вниманіе къ самому себѣ и безусловное довѣріе къ своему старцу. Требуется также и постъ, постоянный трудъ и нелѣстная молитва, совершенное отчужденіе отъ всего грѣховнаго и мірскаго.

Юные подвижники, одаренные духомъ разума, сознавали все это и поэтому безъ благословенія своего старца ничего не дѣлали и ничего отъ него не скрывали, во всемъ ему подчинялись, сознавая вполнѣ, что такая борьба со своей собственной волей сплетаетъ монаху славный вѣнецъ мученичества, мученичества безъ крови, мученичества добровольнаго, какъ бы мечомъ обоюдоострымъ отсѣкающаго ежеминутно злую волю его.

Оба Василія, одноименные духовные братья, часто занимались чтеніемъ Священнаго Писанія и вели бесѣды съ опытными старцами, въ числѣ которыхъ былъ и аѳонскій схимонахъ Симеонъ, проживавшій въ Бѣлобережской обители. Все это подкрѣпляло ихъ въ немощи и болѣе и болѣе развивало въ нихъ великую добродѣтель и разумъ.

Долгое время скрывая, кто они, наконецъ Василіи чистосердечно открыли тайну своему любвеобильному и мудрому старцу. Тогда и родителямъ пришлось узнать объ ихъ пребываніи въ брянскомъ Бѣлобережскомъ монастырѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытаній іеросхимонахъ старецъ Серапіонъ сообщилъ настоятелю объ ихъ душевныхъ качествахъ, и тотъ не замедлилъ облечь ихъ въ одѣяніе новоначальныхъ. Василія Толмачева, какъ болѣе сильнаго и крѣпкаго сложеніемъ, опредѣлилъ на монастырскую кухню, а Василія Вавилова, какъ болѣе слабаго здоровьемъ, — въ братскую трапезную. Послушанія эти они исполняли съ усердіемъ, были смиренны и послушливы.

Когда до слуха настоятеля обители дошло, что они оба опытны въ церковномъ чтеніи и пѣніи, то онъ замѣнилъ первыя послушанія клироснымъ. Бѣлобережская обитель посѣщалась въ то время множествомъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ частности изъ Москвы, и молва о юныхъ подвижникахъ дошла до жителей столицы, а также до Тулы и Орла. Стали приѣзжать къ подвижникамъ ихъ родственники, стали ихъ смущать, соблазнять благами міра, предлагать оставить обитель. Привозимая имъ вещественная помощь въ видѣ денегъ, разнородныхъ гостинцевъ и предметовъ роскоши стала расслаблять ихъ духъ. Словомъ, врагъ, не спящій и даже никогда не дремлющій, сталъ наносить имъ немало внутреннихъ скорбей. Они боролись съ ними, но немощь человѣческая дала себя чувствовать, и подвижниковъ нашихъ спасало лишь только ихъ полнѣйшее довѣріе къ старцу Серапіону. Ему было извѣстно все. Они, какъ покорныя отцу дѣти, ежедневно сообщали ему о внутреннемъ состояніи своемъ, исповѣдовали ему и другъ другу всѣ прегрѣшенія свои и, по словамъ Писанія, назидаясь другъ отъ друга, были тверды и разумны.

Сознавая опасность, которая ихъ окружала тогда, они стали настойчиво стремиться на Святую Гору Аѳонъ, гдѣ Матерь Божія обѣщала навсегда инокамъ свою защиту, гдѣ помощью Ея сохранилось еще подвижничество во всей силѣ слова, гдѣ между тысячами иноковъ есть такіе, которые въ своей жизни подражаютъ великимъ отцамъ

египетскимъ, гдѣ и отцовъ аѳонскихъ великое собраніе поможетъ имъ достигнуть той высоты, къ которой стремились ихъ юныя, любвеобильныя сердца. Желаніе свое они сообщили старцу Серапіону, а онъ передалъ объ этомъ настоятелю Бѣлобережской пустыни. Послѣ долгихъ и многихъ совѣщаній опытные и внимательные старцы, хотя со скорбью для себя, дали имъ благословеніе свое оставить навсегда Бѣлобережскую пустынь. Они сознавали тотъ вредъ, который приносили юнымъ подвижникамъ частыя свиданія съ родными, и, усматривая въ нихъ достаточно силъ духа и разума духовнаго, чтобы со временемъ достигнуть совершенства духовнаго, даже посовѣтовали имъ поспѣшить исполнить желаемое — водвориться на Святой Горѣ Аѳонѣ.

Въ Бѣлобережской обители они прожили около четырехъ лѣтъ и за свои добрыя качества покрыты были рясофоромъ. Повинуясь волѣ Божіей, выраженной устами старцевъ, получивъ отъ нихъ назиданіе и напутственное благословеніе, подвижники отправились на родину, простились навсегда съ родителями своими, съ друзьями и родными, выправили себѣ нужные документы, взяли съ собой денегъ по пятьсотъ рублей ассигнаціями и, напутствованные всеобщими молитвами и благословеніями, отправились черезъ Одессу въ Константинополь.

На пути они остановились въ Кіевѣ, посѣтили Кіево-Печерскую Лавру, почтили должнымъ поклоненіемъ святыни кіевскія и святыхъ угодниковъ, почивающихъ въ пещерахъ. Въ Константинополѣ они остановились на одномъ изъ аѳонскихъ подворій, осмотрѣли городъ и всѣ его достопримѣчательности. Затѣмъ отправились на Аѳонѣ. Это было въ 1829 году. Такъ они простились навсегда съ Отечествомъ своимъ, Россіей, которое оставили ради одного только спасенія души. Греческое судно, на которомъ они отправились изъ Константинополя, благополучно причалило къ пристани Святой Горы Аѳонѣ, именуемой Климентова, а именно къ пристани монастыря Иверскаго, куда Василій Толмачевъ уже давно стремился.

Достигнувъ Святой Горы, возжелавшіе спасенія юноши не могли нарадоваться, что Господь сподобилъ ихъ увидѣть эту обетованную Гору, эту Великую Гору, которую Онъ отдалъ Пречистой Дѣвѣ какъ наслѣдіе избранное. Сойдя съ причала 3 іюня 1829 года, они поспѣшили разыскать давно знакомаго имъ архимандрита Свято-Никольскаго монастыря Кирилла, при радостной встрѣчѣ съ которымъ по обычаю аѳонскому сотворили ему метаніе, т. е. поклонъ.

И снова возобновилась радость, давно прошедшая, снова возобновились для Василія Толмачева отрадныя бесѣды съ архимандритомъ Кирилломъ, который принялъ подвижниковъ со свойственной ему любовью, не отказывая имъ никогда ни въ добромъ назидательномъ словѣ, ни въ помощи вещественной. Монастырь Иверскій, братски привѣтствовавшій ихъ, для ихъ безмолвнаго житія уступилъ имъ келлію святаго Николая Чудотворца, находящуюся на горной сѣверо-восточной сторонѣ Аѳона. Тамъ по благословенію старцевъ они поселились вдвоемъ и подъ руководствомъ ихъ положили начало

совершенному безмолвному житію и молитвенному подвигу. Вскорѣ къ нимъ присоединился еще одинъ боголюбивый старецъ по имени Іоасафъ, прежде подвизавшійся въ Переяславскомъ монастырѣ Полтавской губерніи, гдѣ былъ духовникомъ братства. Этотъ Іоасафъ, уроженецъ города Дмитріева Орловской губерніи, былъ постриженникомъ нямецкаго Молдаво-Валашскаго монастыря и прошелъ искусь духовной жизни подъ руководствомъ учениковъ великаго старца Паисія Величковскаго. Юные подвижники съ радостью приняли къ себѣ этого старца, и они, всѣ трое, живя въ уединеніи, постоянно занимались чтеніемъ Слова Божія, которое, по слову Апостола Павла: *«Живо бо слово Божіе и дѣйствено, и острѣйше паче всякаго мечя обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и дѹха, членовъ же и мозговъ, и судително помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ»* (Евр. 4:12). Тамъ, въ уединеніи, они стали готовить себя всецѣло къ принятію великаго ангельскаго образа, т. е. схимы, занялись разнородными посильными трудами: воздѣлывали виноградники, огороды, занимались винодѣліемъ, устроили красильню для окрашиванія монашескаго сукна, пріобрѣтая этими трудами средства къ пропитанію не только для себя, но и многихъ немощныхъ братій своихъ — старцевъ Святой Горы Аѳонъ. Они, по словамъ св. Апостола Павла, днемъ трудились, а ночь провождали въ молитвѣ и псалмопѣніи.

Василій Толмачевъ былъ характера простаго и откровеннаго, нрава веселаго, скорый на труды и находчивый въ отвѣтахъ на вопросы. А Василій Вавиловъ былъ довольно ученъ, отличался любовью къ труду, имѣлъ даръ слова и разсужденія, который былъ основанъ на глубокомъ знаніи Священнаго Писанія.

Изъ келліи святаго Николая Чудотворца подвижники, всѣ трое, перешли на жительство въ келлію того же Иверскаго монастыря, именуемую келліей Преображенской. Но только семь лѣтъ пришлось имъ жить здѣсь втроемъ. По волѣ Божіей и начальства старецъ ихъ и духовникъ былъ вызванъ въ Россію на прежнее свое мѣсто духовника. Тогда по совѣту опытныхъ подвижниковъ, по слухамъ и многимъ испытаніямъ они нашли себѣ въ глубокой и непроходимой пустынѣ старца именемъ Харалампій, славившагося святостью своей жизни. Онъ былъ родомъ болгаринъ. 72 года подвизался въ пустынѣ Лакъ, дикомъ ущельѣ, принадлежащемъ обители святаго Павла. Этотъ великій старецъ Святой Горы Аѳонъ стяжалъ высокую степень совершенства: онъ имѣлъ даръ прозорливости, а также и власть надъ духами злобы. Молодые подвижники уговорили его не оставлять ихъ на тернистомъ пути иноческой жизни, и онъ, усматривая въ нихъ великія добродѣтели, сталъ, несмотря на свою глубокую старость, часто приходитъ къ нимъ и направлять ихъ духовные подвиги.

Вѣдя подъ духовнымъ его руководствомъ строгую аскетическую жизнь, они оба рѣшили принять Святую схиму. Харалампій былъ пріемнымъ отцомъ Василія Толмачева, который былъ названъ Виссаріономъ. Василій Вавиловъ принялъ постриженіе въ Святую схиму съ именемъ Варсонофій отъ руки духовника іеросхимонаха Арсенія,

а приемным отцом его был старец Исидоръ, родомъ изъ города Дмитріева Орловской губерніи. Схимонахъ Арсеній часто бесѣдовалъ съ ними, такъ какъ онъ былъ старецъ весьма искусный и несъ подвиги великіе. Всѣ они были связаны духовнымъ родствомъ и проводили жизнь поистинѣ равноангельскую. Виссаріонъ и Варсонофій были искусны въ чтеніи и пѣніи церковныхъ службъ, были счастливы, и оба за смиреніе свое удостоены великихъ даровъ отъ милостиваго Бога, принявшаго отъ нихъ трудъ и пламенные молитвы.

Въ келліи Преображенія они оставались недолго. По совѣту духовника старца Арсенія они перешли въ третью свою по счету келлію, болѣе удобную и обширную, подъ названіемъ Троицкой, которая находилась въ предѣлахъ монастыря Ставроникиты.

Между тѣмъ къ подвижникамъ присоединилось еще два собрата. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлгородскій купеческій сынъ, а другой — изъ ростовскихъ обывателей. Первый принялъ у нихъ постриженіе, а другой много помогъ имъ какъ своимъ собственнымъ достояніемъ, такъ равно и приглашеніемъ къ тому же своихъ соотечественниковъ. Всѣ пятеро жили вмѣстѣ. Вскорѣ по водвореніи ихъ въ келлію въ предѣлахъ монастыря Ставроникиты духовникъ ихъ старецъ Арсеній былъ отъ нихъ вызванъ для служенія малороссійскому Ильинскому скиту, основанному Паисіемъ Величковскимъ. Здѣсь онъ былъ поставленъ игуменомъ.

Арсеній былъ старцемъ очень высокой жизни. При свѣтломъ разуменіи онъ стяжалъ духъ прозорливости и имѣлъ особый даръ обращать невѣрующихъ къ чистосердечному вѣрованію. Но, сознавая свое безсиліе водворить въ стѣнахъ Ильинской обители надлежащій миръ и спокойствіе послѣ случившагося между братствомъ разногласія, пригласилъ Виссаріона и Варсонофія въ сотрудики къ себѣ для благоустроенія обители. Любя и уважая своего духовника, они не могли ему отказать, раздѣляли съ любовью всѣ его труды, содѣйствовали ему во всемъ, но, однако, уединенной своей Троицкой келліи они совсѣмъ не оставляли, удаляясь въ нея въ свободное отъ трудовъ время.

Труды настоятеля Ильинскаго скита усиліями бѣлобережскихъ старцевъ были значительно облегчены, но возникшія среди братства его, состоящего изъ малороссовъ и великороссовъ, разногласія и неудовольствія не прекращались. Тогда у Виссаріона и Варсонофія по совѣту и благословенію старца Арсенія явилась мысль устроить на Святой Горѣ Аѳонъ особый монастырь исключительно для великороссовъ, оставивъ Ильинскій скитъ для однихъ малороссовъ. Соболезнуя своимъ соотечественникамъ, не имѣвшимъ въ то время никакого пристанища на Святой Горѣ, Виссаріонъ и Варсонофій готовы были на всякую жертву для устроенія ихъ. Тогда великіе старцы и подвижники Святой Горы, въ томъ числѣ и архимандритъ Иверскаго монастыря Кириллъ, избрали на это великое дѣло старцевъ Виссаріона и Варсонофія. Они стали просить и убѣждать ихъ собрать воедино всѣхъ своихъ соотечественниковъ и управлять ими отдѣльно. Однако отцы Виссаріонъ и Варсонофій этого не хотѣли, но архимандритъ



*Видъ первоначальной келліи нынѣшняго Андреевскаго скита. Фото 60-хъ годовъ XIX вѣка*

Кириллъ и духовникъ ихъ Арсеній убѣдили ихъ принять это новое послушаніе, возлагаемое на нихъ Богомъ. Они подчинились волѣ Божіей, молитвенно просили предъ Богомъ о помощи свыше, о вразумленіи при устройствѣ этой новой обители, которой предстояло быть на Святой Горѣ началомъ духовной жизни собственно для великороссіянъ.

Теперь главной заботой подвижниковъ сталъ поискъ свободной келліи, которая впослѣдствіи могла бы быть обращена въ особый русскій скитъ. Обрѣсти такую келлію можно было, только купивъ ее. Они вездѣ искали такую келлію сами, посылали и другихъ искать. Но нигдѣ не находили. Монастырь Ксенофонтъ предлагалъ имъ купить свою келлію, Иверъ предлагалъ купить келлію на Могулъ\*, Лавра святаго Аѳанасія — келлію на Марофанъ\* и на Проватъ\*, Ватопедъ — келлію подъ названіемъ «Гифтатика» съ большимъ при ней участкомъ земли, монастырь же Каракала предлагалъ келлію Честнаго Креста.

Старцы думали, молились и сами осматривали всѣ эти мѣста, соображаясь съ будущимъ, имѣя въ виду не только свое довольство, но и довольство будущихъ насельниковъ обители — русскихъ собратій, желающихъ спастись на Святой Горѣ Аѳонской. Какъ мудрые старцы, они заботились и о выборѣ климата, и объ изобиліи воды, и о чистотѣ воздуха, и многомъ другомъ, дабы будущіе подвижники были всѣмъ довольны

и не роптали на своихъ старцевъ, основателей скита. Опытные въ жизни, они были осторожны и дѣйствовали безъ спѣшки.

Часто проходили они мимо Великой келліи, называемой Серай. Это былъ красивый дворецъ, покоившій Вселенскихъ Патріарховъ. Серай находился на разстояніи одной версты отъ Кареи. Эта келлія была какъ бы Лаврой всѣхъ аѳонскихъ келлій. Она очень сильно отличалась отъ другихъ мѣстъ по величію и красотѣ мѣстности, чистотѣ воздуха и величинѣ своей. Основана она была въ XVII вѣкѣ именно въ видѣ келліи Константинопольскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ, умершимъ въ Россіи, на обратномъ пути изъ Москвы на Аѳонъ, 5 апрѣля 1654 года въ лубенскомъ Преображенскомъ монастырѣ, который находился около уѣзднаго города Лубны Полтавской губерніи. Святыя мощи его находились именно въ этомъ монастырѣ. Вслѣдствіе смерти святаго Аѳанасія келлія Серай осталась незаконченной. Прошло болѣе ста лѣтъ, пока другой Вселенскій Патріархъ, Серафимъ, прибывшій на Аѳонъ, чтобы пребывать на покоѣ, избралъ себѣ для жительства ту же самую келлію Серай. Онъ обустроилъ ее на средства расположенныхъ къ нему лицъ, заложилъ въ видѣ башни храмъ и домъ въ одной связи съ ней. Постройки эти были сооружены въ византійскомъ стилѣ. Въ храмѣ помѣщались двѣ церкви: одна — въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, а другая — во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго.

Но только два года пришлось Святѣйшему Патріарху Серафиму наслаждаться тишиной Святой Горы. По случаю войны Турціи съ Россіей Патріархъ былъ вынужденъ покинуть свой любимый пріютъ. Онъ надѣялся возвратиться на Святую Гору, но вмѣсто этого изволеніемъ Божьимъ скончался на чужбинѣ въ томъ же лубенскомъ Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ умеръ и его предшественникъ, святѣйшій патріархъ Аѳанасій Пателарій.

Ученикъ и преемникъ келліи Патріарха Серафима любимый его архидіаконъ послѣ смерти патріарха перешелъ въ обитель Ватопедъ, и съ тѣхъ поръ келлія Серай стала собственностью этого монастыря. Смуты греческаго возстанія привели въ упадокъ всѣ аѳонскія обители, въ томъ числѣ и роскошныя постройки келліи Серай. Между тѣмъ само провидѣніе готовило это мѣсто для великихъ цѣлей. Попустивъ упадокъ построекъ Серая, оно приготавливало эту келлію для русскихъ подвижниковъ, которымъ не могла она не быть дорога, такъ какъ въ Россіи покоились мощи ея святыхъ строителей.

Старцы Виссаріонъ и Варсонофій, по смиренію своему не рѣшавшіеся вначалѣ даже пойти осмотрѣть эту келлію, по особому указанію Божьему приобрѣли ее, и въ 1841 году она была уже собственностью старцевъ. Дѣло было такъ: однажды утромъ, помолившись Господу Богу, отецъ Виссаріонъ послалъ сотрудника своего Варсонофія въ Ксенофонтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о покупкѣ келліи. Когда, дойдя до серайскаго креста, водруженнаго на пути въ Карею, онъ взглянулъ на великую келлію Серай, то одинъ юродивый, полуголый словунъ по имени Яни, сидѣвшій на лавочкѣ у креста, быстро вскочилъ съ мѣста, поспѣшно подошелъ къ Варсонофію, схватилъ его за плечи и за руки, быстро

повернулъ его по направленію къ Сераю и, указывая ему на него, нечистымъ русскимъ языкомъ сказалъ: «Вотъ вамъ Серай, скитъ руссовъ и москововъ», послѣ чего, съ шумомъ заграждая путь въ Ксенофонтъ, повторялъ тѣ же слова и другимъ проходящимъ. Старецъ Варсонофій въ смущеніи остановился и долго стоялъ на этомъ мѣстѣ, недоумѣвая, что ему дѣлать. Благоразумный старецъ рѣшилъ повиноваться этому указанію, преградившему ему путь въ Ксенофонтъ, и направился въ Карею, мѣсто правленія всего Аѳона. Тамъ онъ прежде всего обратился за рѣшеніемъ вопроса о Сераѣ къ старцу Исайѣ, имѣющему торговую лавку въ Кареѣ. Отъ него онъ узналъ, что старцы монастыря Ватопедъ призывали въ монастырь старшаго Серапіона и рѣшительно приказали ему немедленно продать Серай, огорчившись предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ на соборѣ, объ уничтоженіи верхняго этажа келліи съ древней церковью во имя святаго Андрея Первозваннаго, которая съ того времени переименована греками во имя святаго Антонія Великаго. Къ тому же у нихъ не было и средствъ къ поддержанію и возобновленію серайскихъ строеній. Выслушавъ этотъ рассказъ, Варсонофій поспѣшно возвратился домой и передалъ все бывшее своему собрату отцу Виссаріону. Возрадовались они оба просіявшей надеждѣ пріобрѣсти Серай и, помолившись усердно Господу Богу, на другой день рано утромъ отправились въ монастырь Ватопедъ, взявъ съ собой въ качествѣ драгомана отца Иларіона, занимавшагося дѣланіемъ монастырскихъ шапокъ въ Кареѣ. Прибывъ туда, они всѣ трое явились въ соборъ, гдѣ заявили о своемъ желаніи купить продающуюся келлію Серай. Соборные старцы осмотрѣли пришедшихъ съ ногъ до головы и съ любопытствомъ и недовѣріемъ сказали: «Папа Виссаріонъ! Мы иначе не можемъ продать келлію, какъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы не снимать верхняго этажа». Въ отвѣтъ Виссаріонъ сказалъ: «А я иначе не согласенъ купить, какъ только съ тѣмъ, чтобы его возобновить совершенно». Удивленный его отвѣтомъ соборъ обратилъ тогда на него особое вниманіе, и старцы сказали ему: «Приходите за отвѣтомъ завтра, а мы объ этомъ сегодня подумаемъ». Вечеромъ отецъ Виссаріонъ посѣтилъ многихъ изъ уважаемыхъ ватопедскихъ старцевъ, просилъ ихъ согласія на продажу Серая, а на другой день старцы, собравшись утромъ, сказали: «Папа Виссаріонъ, иди къ старшему сераіоту и договорись съ нимъ относительно цѣны». Виссаріонъ не замедлилъ явиться къ сераіоту, и оба старца окончили дело относительно цѣны. Съ общаго согласія Серай былъ уже окончательно предназначенъ къ продажѣ Виссаріону, и въ 1841 году состоялся актъ продажи Серая русскимъ бѣлобережскимъ подвижникамъ. Акты и омологіи были составлены на имя трехъ владѣльцевъ: первымъ былъ геронда и настоятель Виссаріонъ, вторымъ — іеросхимонахъ Варсонофій, а для записи третьяго оставили пробѣлъ. Итакъ, несмотря на скудность средствъ, совершилось устроеніемъ и помощью Божіей дивное дѣло! Серай, эта великая, знаменитая на Аѳонѣ келлія, стала достояніемъ всѣхъ русскихъ въ лицѣ смиренныхъ старцевъ — москвичей, этихъ безсребрениковъ и тружениковъ. Предсказаніе юродиваго словуна Яни свершилось, и келлія, основанная и обновленная двумя великими Патріархами Вселенскими,

волей Божіей скончавшимся въ Россіи, обратилась въ тихое молитвенное пристанище для русскихъ. Таковъ Промысль Божій!

Приобрѣтеніе Серая для русскихъ подвижниковъ на Аѳонѣ назидательно и утѣшительно для внимательнаго и вѣрующаго человѣка. Подписавъ акты о покупкѣ, старцы приступили къ продажѣ своей келліи и, продавъ ее, перешли въ Серайскую келлію съ твердымъ намѣреніемъ возобновить ее. Но у нихъ была еще одна великая забота: они не знали, изъ какихъ средствъ смогутъ уплатить деньги Ватопеду! Но недолго оставались они въ такомъ затруднительномъ положеніи; милосердный Господь вскорѣ помогъ имъ: отецъ Виссаріонъ изъ рукъ роднаго брата своего благочестиваго Ивана Максимовича Толмачева получилъ нужную для уплаты за келлію сумму. Такимъ образомъ, мѣстность, избранная и освященная покоящимися въ Россіи Вселенскими Патріархами, всегда получавшими помощь отъ великихъ царей русскихъ, перешла отъ грековъ въ собственность русскихъ.

Господь, всегда скорый на помощь рабамъ Своимъ, въ затруднительное для старцевъ время послалъ отцу Виссаріону, настоятелю Серайской келліи, еще одного весьма состоятельнаго гостя. Когда старцы нуждались въ средствахъ, прибылъ на Аѳонъ въ качествѣ поклонника одинъ старецъ по имени Филиппъ, родомъ изъ Ростова-на-Дону. Этотъ благочестивый поклонникъ, движимый ревностью и любовью къ новымъ строителямъ богоугоднаго братства, помогъ имъ какъ собственными капиталами, такъ равно и пожертвованіями своихъ согражданъ.

Нельзя при этомъ не упомянуть и о другомъ поклонникѣ по имени Илія, который нѣсколько ранее прибылъ на Аѳонъ изъ Бѣлгорода и также много помогъ строителямъ какъ своими трудами, такъ равно и пожертвованіями. Возобновленіе великой келліи шло успѣшно. Виссаріонъ былъ избранъ братствомъ въ настоятели келліи, и съ тѣхъ поръ подвиги его все болѣе и болѣе умножались, имя и ревность его стали извѣстными по всей Горѣ.

Въ возобновляемой обители до 1842 года братіи было только пять человѣкъ. Въ томъ же году въ число братства были приняты старцами еще два человѣка торговаго сословія изъ города Сызрани Симбирской губерніи — почтенный старецъ Прокопій и юный, 19-лѣтній, приѣмный сынъ его Ѳедоръ Крестовиковъ. Они не столько матеріально, сколько трудами своими содѣйствовали къ возобновленію зданій Серая. Оставшись навсегда подъ руководствомъ старца Виссаріона, они оба вскорѣ отъ руки его получили постриженіе: старецъ Прокопій — съ именемъ Пимень, а юный Ѳедоръ — Ѳеодорита.

Послѣ вступленія въ число братіи послѣднихъ начали присоединяться къ строителямъ серайскимъ и многіе другіе русскіе изъ братіи. Послѣ возобновленія и устройства келліи дѣла старцевъ приняли такой быстрый и неожиданный къ лучшему оборотъ, что въ скоромъ времени на Аѳонѣ въ одномъ нераздѣльномъ уединенномъ скитѣ собралась многочисленная русская семья, а старцы бѣлобережскіе заслужили отъ всѣхъ одобреніе,

уваженіе и почести, имена ихъ стали извѣстны на Востокѣ и въ Россіи. Всѣ притекали къ нимъ, какъ къ подвижникамъ благочестія и труженикамъ великимъ, всѣ стремились къ нимъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Воспитанные съ раннихъ лѣтъ въ правилахъ монашеской жизни въ Россіи, а потомъ на Аѳонѣ, подъ руководствомъ опытныхъ и мудрыхъ старцевъ-аскетовъ, они пріобрѣли тѣ духовныя добродѣтели, которыя дѣлають инока достойнымъ руководить другими.

Старець Виссаріонъ совѣршалъ великіе тайные подвиги въ кельѣ своей. Онъ читалъ Псалтырь и духовныя поученія всегда стоя. На книгахъ «Добротолубія» и Исаака Сирина имъ были сдѣланы сотни бумажныхъ наклеекъ со своими замѣтками объ иноческой жизни. Онъ неустанно изучалъ писанія святыхъ отцовъ и слѣдовалъ имъ. Не разъ удаивался благодатныхъ явленій, былъ прозорливъ, но запрещалъ своимъ ученикамъ кому либо рассказывать о томъ во время его жизни, связавъ этимъ запрещеніемъ даже ближайшаго къ себѣ послѣ Варсонофія собрата, вышеупомянутаго монаха Феодорита, котораго онъ избралъ третьимъ хозяиномъ Серая. Только послѣ его смерти въ назиданіе другимъ они были благословлены не скрывать сказаній о благодатныхъ явленіяхъ, дарованныхъ ему.

Старець Варсонофій въ особенности любилъ чтеніе и церковное богослуженіе, былъ довольно образованъ, очень кротокъ и смиренъ, очень усерденъ въ молитвѣ, имѣлъ даръ слова, утѣшалъ братію своими разсужденіями и тѣмъ много помогалъ имъ въ духовныхъ подвигахъ. Таковы были старцы бѣлобережскіе, сохранившіе это названіе на Аѳонѣ до пріобрѣтенія Серайской келліи, а потомъ переименованные въ сераитовъ.

Всѣ аѳонцы, особенно греки, любили отца Виссаріона за простоту, доброту, общительный и откровенный характеръ. Онъ этимъ привлекалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ. Его простота соединялась съ мудростью, а его бесѣды всегда приносили всѣмъ большую пользу. Онъ зналъ, какъ, съ кѣмъ и о чемъ говорить, что кому нужно сказать.

До умноженія братіи старцы много трудились сами: сами копали виноградники, воздѣлывали огороды, сами поочередно служили Божественную Литургію, вычитывали правило, пѣли, къ чѣму имѣли большое дарованіе. Они сами были строгими постниками, но для друзей и знакомыхъ, для бѣдныхъ у нихъ всегда была готова трапеза и угощеніе въ гостиницѣ, называемой «Архондарикъ». Не будучи никогда богатыми, они прослыли таковыми по всѣму Аѳону за свою щедрость. Отказывая себѣ во всемъ, они отдавали другимъ все, что присылали имъ ихъ московскіе, тульскіе и орловскіе родные.

Ближайшимъ сотрудникомъ ихъ по устройству Серайской келліи былъ вышеупомянутый схимонахъ Пименъ, который, хорошо понимая каменную кладку, самъ лично трудился при постройкѣ и ремонтѣ зданій. Когда Серайская келлія была устроена, то одинъ за другимъ русскіе люди стали поступать въ нее. Наконецъ владѣльцы келліи стали думать и заботиться о томъ, чтобы переименовать новую обитель въ скитъ. Они пожелали упрочить и возвести келлію въ степень самостоятельнаго скита, много

объ этомъ разсуждали, многихъ о томъ просили, старались узнать, какимъ путемъ начать это дѣло. Старецъ Виссаріонъ неусыпно о томъ думалъ и молился. Молилась о томъ и вся собранная ими братія.

Наконецъ, самъ Господь указалъ имъ путь. Родной братъ отца Виссаріона Иванъ Максимовичъ Толмачевъ при посредствѣ московскаго синодальнаго ризничнаго получилъ въ 1849 году возможность просить извѣстнаго своимъ благочестіемъ и связями въ Петербургѣ Андрея Николаевича Муравьева, отправлявшагося въ то время на Аѳонъ въ качествѣ путешественника, заѣхать въ Серай. Боголюбивый Андрей Николаевичъ исполнилъ просьбу. Прибывъ въ Серай, онъ познакомился съ обителю и старцами ея и далъ имъ слово ходатайствовать за нихъ, предъ кѣмъ слѣдуетъ. Его ходатайство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Въ 1849 году Серайская келлія, называвшаяся до того времени лаврой-келліей, утверждена была Ватопедомъ съ согласія карейскаго Протата самостоятельнымъ скитомъ. Боголюбивый Андрей Николаевичъ Муравьевъ своимъ мудрымъ содѣйствіемъ и добрымъ участіемъ оставилъ послѣ себя вѣчную благодарную память братства Серайской обители. Съ этого времени она уже была переименована въ Свято-Андреевскій афонскій русскій общежительный скитъ. Торжественное его открытіе послѣдовало 22 октября 1849 года. Митрополитъ Адрианопольскій Григорій съ двумя архимандритами и тремя протоигуменами при значительномъ стеченіи монашествующихъ изъ разныхъ монастырей пространнаго Аѳона во время Литургіи поставилъ отца Виссаріона въ игумена, вручивъ ему вмѣстѣ съ посохомъ икону Богоматери «Утѣшеніе въ скорбѣхъ и печалѣхъ» на благословеніе обители. Эта икона хранилась въ кельѣ отца Виссаріона до смерти его. Въ день открытія скита звонъ колоколовъ не умолкалъ, радость была всеобщая. Въ ознаменованіе несказанной радости въ братской трапезной три дня не прекращалось угощеніе приходящихъ. А чтобы выразить свою благодарность всѣмъ представителямъ многочисленныхъ афонскихъ обителей, старцы Виссаріонъ и Варсонофій съ братомъ своимъ Θεодоритомъ приготовили въ Кареѣ и въ самомъ Протатѣ богатую трапезу.

Новый игумень послѣ этого празднества поѣхалъ въ Константинополь для засвидѣтельствованія новаго устава, условій и другихъ актовъ у Вселенскаго Патріарха, архіепископа Святой Горы.

Тамъ ему былъ оказанъ самый благопріятный и благосклонный пріемъ. Патріархъ Анѳимъ выдалъ старцу отъ лица Святѣйшаго Синода хрисовуль, или грамоту, со своей подписью и печатью въ вѣчное и нерушимое утверженіе этого новаго русскаго скита. Братъ во Христѣ и сотрудникъ игумена Виссаріона Варсонофій былъ назначенъ казначеемъ скита, третій изъ товарищей отецъ Θεодоритъ — блюстителемъ благочинія, а отецъ Нифонтъ — духовникомъ.

Всѣ они трудились усердно, но старецъ Варсонофій, всегда слабый здоровьемъ, послѣ открытія скита сталъ постоянно болѣть и вскорѣ послѣ того, какъ отецъ Виссаріонъ

возвратился изъ Константинополя отъ Вселенскаго Патріарха, скончался. Когда Виссаріонъ, возвратившись, разсказалъ Варсонофію о благосклонномъ приѣмѣ Патріархомъ, то Варсонофій, разсматривая документы, перекрестился, поцѣловалъ печать и благодарилъ Бога. Черезъ три дня послѣ этого онъ отошелъ ко Господу, предъ самой смертью сказавъ со слезами: «Благодарю Господа Бога нашего, что Онъ привелъ насъ сюда и при скудныхъ средствахъ и при усиленныхъ трудахъ и заботахъ помогъ намъ приобрѣсти пріютъ своимъ соотечественникамъ и единокровнымъ братьямъ русскимъ!» Это было 14 марта 1850 года.

Тяжело болѣлъ отецъ Варсонофій не болѣе мѣсяца. Въ это время онъ очень часто пріобщался Святыхъ Таинъ, наконецъ просилъ совершить надъ нимъ таинство елеосвященія, послѣ котораго мирно предалъ духъ свой въ руки Господа въ присутствіи братіи и старца Виссаріона.

Любовь братіи подкрѣпляла отца Виссаріона на трудномъ пути начальства, а помощникомъ послѣ смерти своего друга и собрата онъ избралъ іеромонаха Θεодорита, котораго въ послѣдствіи назначилъ и намѣстникомъ своимъ. Уже въ 1852 году на отца Θεодорита было возложено важное дѣло: съ высочайшаго соизволенія онъ былъ отправленъ въ Россію для сбора пожертвованій для скита. Въ эту поѣздку отецъ Θεодоритъ по молитвамъ скитскихъ старцевъ успѣлъ познакомиться со многими именитыми русскими боярами. Графъ Шереметьевъ, Татьяна Борисовна Потемкина, семейство баронессы Розенъ и многія другія присоединили свои усилія къ усердію боголюбиваго Андрея Николаевича Муравьева. Всѣ они вмѣстѣ и каждый порознь старались помочь отцу Θεодориту. Три года провелъ онъ въ то время въ Россіи, высылая своему старцу и игумену нужныя для сооруженія обители средства. На эти средства отецъ Виссаріонъ смогъ воздвигнуть храмъ во имя святителя Петра, митрополита Московскаго, мощи котораго почиваютъ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Съ того времени стараніями и заботами отца Θεодорита обитель все болѣе и болѣе процвѣтала. Братство быстро умножалось, средства прибавлялись. Воздвигались новыя зданія, украшались новыя сады, и всѣму этому былъ свидѣтелемъ бѣлобережскій



старецъ, отецъ игумень Виссаріонъ. Такъ старецъ дожилъ до великихъ и радостныхъ дней. Тутъ онъ проливалъ уже слезы не скорби, а радости, слезы благодарности предъ Богомъ. Онъ далъ завѣтъ своимъ ученикамъ любить другъ друга, молиться другъ о другѣ. Плоды своихъ праведныхъ трудовъ онъ оставилъ въ наслѣдство братіямъ своимъ во Христѣ и въ надеждѣ на будущее воздаяніе отъ Господа, съ упованіемъ на Его милосердіе, веселясь духомъ, доживалъ послѣдніе дни своей труженической жизни.

Около 12 лѣтъ жилъ старецъ Виссаріонъ послѣ смерти своего духовнаго друга и брата Варсонофія. 26 апрѣля 1862 года было днемъ весьма скорбнымъ для братіи скита. Старецъ Виссаріонъ скончался послѣ тяжелой двухдневной болѣзни на 54-мъ году жизни. Великій постъ онъ провелъ еще довольно бодро, бдительно слѣдя за всѣми работами по устроению обители и не упуская и церковнаго пѣнія, хотя братія усердно просила его не утруждать себя. Свѣтлое Христово Воскресенье онъ встрѣтилъ бодрствуя, три дня кряду служилъ, но при слабомъ своемъ здоровьѣ сильно простудился. На Оминой недѣлѣ слегъ въ постель. Медицинскія пособія не помогали ему. Скорбящая братія просила всѣхъ отцовъ, въ афонскихъ обителяхъ живущихъ, молиться о выздоровленіи болящаго. Всѣ подвижники афонскіе усердно молились о немъ, но жизнь его угасала. Господь призывалъ его къ Себѣ. Настало время отдыха для него за исполненіемъ великаго дѣла, предназначеннаго ему свыше.

Почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ пожелалъ, чтобы надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія, послѣ котораго онъ ежедневно пріобщался Святыхъ Христовыхъ Таинъ. 26 апрѣля, сподобившись принять Тѣло и Кровь Христовы, онъ говорилъ слабо, но внятно и пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи духа. Всѣ замѣчали, что приближается часъ перехода его въ вѣчность. Вся братія окружила его ложе. Онъ прощался съ каждымъ отдѣльно и благословлялъ cadaго. Затѣмъ послѣдніе его слова были обращены ко всѣмъ. Это была его заповѣдь молиться о немъ. Молиться о всѣхъ потрудившихся съ нимъ собратіяхъ, молиться о благодѣтеляхъ обители. «Благословенъ Богъ, — сказалъ онъ наконецъ — призвавшій васъ въ сообщество къ намъ, грѣшнымъ, на сей спасительный и многотрудный путь. Теперь я, отходя къ Нему, Отцу нашему, поручаю васъ, чада мои, Покрову милостивой Владычицы всего рода христіанскаго, теплой и скорой Заступницѣ. Она да вознаградитъ и всѣхъ тѣхъ христолюбцевъ, которые оказываютъ намъ помощь во время скудности. Миръ Божій да будетъ со всѣми вами». При этомъ старецъ благословилъ братію и, обратившись къ хранившейся въ его кельѣ иконѣ Божіей Матери «Утѣшеніе въ скорбѣхъ и печалѣхъ», сказалъ: «Она вамъ да будетъ отрадой и утѣшеніемъ въ скорбяхъ и печаляхъ». Затѣмъ языкъ ему измѣнилъ, и дальше словъ старца понять и услышать уже было невозможно.

Во второмъ часу пополудни стали читать молитвы на исходъ души. При чтеніи ихъ блаженная его душа начала разлучаться съ тѣломъ. Мирно, не испустивъ ни одного гласа стенаній, предалъ онъ духъ свой въ руки Господа Бога нашего и, казалось, только



успуль. Братія пала на колѣни. Начался неутѣшный плачь ея, лишившейся добраго отца, мудраго наставника и многолюбимаго пастыря.

Братія всю ночь провела безъ сна, окружая гробъ старца, молилась и плакала. По приглашенію старшихъ послѣ половины дня 27 апрѣля архіепископъ Кириллъ, епископъ изъ монастыря Ватопедъ, священники діакона изъ монастыря Руссика, духовникъ Іеронимъ, отецъ Макарій, изъ Ильинскаго скита отецъ Паисій и игуменъ монастыря Есфигменъ собрались на отпѣваніе и погребеніе тѣла усопшаго. Прощальное слово сказалъ отецъ Θεодоритъ: «Миръ праху твоему, добрый и усердный старецъ, ты былъ истиннымъ раздражателемъ Аврааму страннолюбивому; всѣ приходящіе были тобой утѣшены; твоими неусыпными трудами воздвигнута первая великорусская обитель на Аѳонѣ; во вѣки память твоя здѣсь незабвенна; всякій приходящій будетъ благословлять прахъ твой. Почивай спокойно до дня всеобщаго воскресенія и не забывай о насъ, чадахъ твоихъ». Въ день и часъ кончины старца многимъ пустынникамъ Аѳона были о его смерти чудесныя извѣщенія.

## Архимандритъ Θεодоритъ (Крестовиковъ)

У крестьянина села Суринаскаго Симбирской губерніи Василя Крестовикова и жены его Екатерины 7 февраля 1822 года родился сынъ Θεодоръ<sup>437</sup>, который впослѣдствіи сталъ архимандритомъ Θεодоритомъ, настоятелемъ Русскаго Свято-Андреевскаго общежительнаго скита на Аѳонѣ. Родители отца Θεодорита были люди простые, но богобоязненные, благочестивые и добродѣтельные. Они и сына своего старались воспитать въ благочестіи и добродѣтели. Научившись въ домѣ родителей читать, писать и ариѳметикѣ, отецъ Θεодоритъ на примѣрѣ жизни своихъ родителей привыкалъ также

<sup>437</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Наставленія и утѣшенія св. вѣры христіанской. Т. 1. Одесса, 1887. С. 812–834.



къ благочестію и добродѣтелямъ. Отецъ его, занимавшійся земледѣіемъ въ родномъ селѣ, впослѣдствіи переѣхалъ въ городъ Сызрань для занятій торговлей, но вскорѣ оставилъ всякія мірскія занятія и посвятилъ свою жизнь на служеніе Богу. Въ 1838 году онъ отправился на поклоненіе по святымъ мѣстамъ Россіи и Востока. Обойдя многіе монастыри и пустыни Россіи, онъ побылъ и въ Іерусалимѣ, на Синаѣ и Аѳонѣ. Мать отца Θεодорита, оставшись одна съ сыномъ, въ отсутствіе мужа собрала въ своемъ домѣ дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ для обученія грамотѣ, но въ 1839 году скончалась, не дождавшись возвращенія своего мужа изъ странствій.

По возвращеніи домой отецъ Θεодорита устроилъ въ своемъ родномъ селѣ страннопріимный домъ и началъ готовиться къ поступленію въ монашество. Сынъ хотѣлъ послѣдовать за отцомъ, а потому они вмѣстѣ рѣшили отправиться на Святую

Гору и тамъ принять монашество. Когда стали они уже собираться на Аѳонъ, отца постигла болѣзнь, отъ которой онъ скончался 4 декабря 1840 года, завѣщавъ передъ смертью другу своему, старцу Прокопію, принять сына своего на попеченіе. Съ этого времени отецъ Θεодоритъ не разлучался со старцемъ до самой его смерти. Вмѣстѣ они обходили святыя мѣста для поклоненія и вмѣстѣ отправились на Святую Гору Аѳонскую, которую и выбрали для своего подвижничества.

Въ 1843 году они достигли Святой Горы и поступили въ келлію Серай, которая недавно перешла къ русскимъ подвижникамъ отцу Виссаріону (Толмачеву) и отцу Варсонофію (Вавилову). Старцы съ радостью приняли новыхъ помощниковъ, которые помогли имъ въ дѣлѣ возстановленія обители, и вскорѣ постригли ихъ въ мантию, назвавъ Прокопія Пименомъ, а Θεодора Θεодоритомъ. Послѣдній былъ внесенъ въ омологій\* обители какъ третій собственникъ келліи, которая вскорѣ стала скитомъ.

«Юный русскій скитъ переживалъ всѣ трудности роста: броженіе среди братіи, противодѣйствіе недоброжелателей, нехватку средствъ. Что касается двухъ первыхъ пунктовъ, тутъ можно было воевать только съ помощью смиренія. Добыть же какія либо средства на Аѳонѣ не представлялось возможнымъ. Земли у скита было мало. Да и производство

разныхъ сортовъ масла или иконопись не могли приносить достаточнаго дохода, такъ какъ этимъ занимались на Аѳонѣ многіе крупныя монастыри. Поэтому единственной возможностью обезпечить русскую обитель всѣмъ необходимымъ былъ сборъ средствъ въ Россіи. Практика показала, что использовать какихъ либо постороннихъ людей для сбора было нецѣлесообразно, потому что трудно было ожидать отъ нихъ особаго усердія и, кромѣ того, замѣтное количество денегъ представляло соблазнъ для сборщиковъ. Но самое главное организациія сборовъ требовала разрѣшенія Синода, которое, вѣроятно же всего, могъ получить только насельникъ скита. Вообще въ то время денежными сборами на монастыри и храмы заниматься было гораздо труднее, чѣмъ въ нынѣшнее. Послѣ окончанія опредѣленнаго Синодомъ сбора сборщикъ долженъ былъ сдать Синоду не только собранныя средства, но и учетныя книги, и только послѣ ихъ провѣрки обитель могла получить все, что ей полагалось. Разрѣшеніе на сборы давалось далеко не каждому просящему. Синодальные чиновники удѣляли вниманіе и личности сборщиковъ, и въ случаѣ какихъ либо сомнѣній слѣдовалъ отказъ. Отношеніе къ аѳонскимъ обителямъ было особое, и получить разрѣшеніе было гораздо сложнѣе, чѣмъ россійскому монастырю. Все это говорило о томъ, что для сборовъ нужно было посылать въ Россію насельниковъ скита, и при этомъ самыхъ лучшихъ»<sup>438</sup>.

Старцы остановили свой выборъ на отцѣ Θεодоритѣ, и онъ полностью оправдалъ ихъ довѣріе. Именно его стараніями они получили возможность провести необходимыя строительныя работы и благоустроить скитъ. За три года (съ 1852 по 1855) своего пребыванія въ Россіи отецъ Θεодоритъ успѣлъ познакомиться со многими именитыми русскими боярами. Несмотря на свое отсутствіе на Аѳонѣ отецъ Θεодоритъ не прерывалъ духовнаго общенія со своимъ старцемъ отцомъ Виссаріономъ и постоянно переписывался съ нимъ.

Въ 1862 году умеръ старецъ Виссаріонъ, и, согласно его завѣту, настоятелемъ обители былъ избранъ братіей скита отецъ Θεодоритъ. Новый игумень, по завѣту усопшаго основателя обители, прежде всего приступилъ къ постройкѣ кладбищенской церкви, въ которой установилъ чтеніе неусыпаемой Псалтыри, совершаемое четырьмя выборными старцами-схимонахами. Для нихъ, также по завѣту старца, при церкви былъ построенъ спеціальный жилой корпусъ.

Высокими духовными качествами, заботами, попеченіемъ, трудами и молитвами отца Θεодорита обитель быстро возрастала и благоустраивалась. Если при основаніи обители было только 13 братій, то въ послѣдніе дни управленія отца Θεодорита ихъ было уже болѣе 250. Начавъ съ постройки кладбищенской церкви и корпуса при ней, отецъ Θεодоритъ затѣмъ построилъ въ обители корпусъ, называемый Богородичнымъ, съ церковью во имя чудотворной иконы Богородицы «Утѣшеніе въ скорбѣхъ и болѣзняхъ», корпусъ

<sup>438</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 206.

при трапезной, при которой устроена была церковь во имя Святой Троицы, а также трапезную (залъ на 400 человѣкъ) съ кухнями и прочими хозяйственными отдѣленіями при ней. Надъ корпусомъ при трапезной онъ воздвигъ колокольню, для которой пожертвовала колокола императрица Марія Александровна. Отець Θεодоритъ началъ строить и соборъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, заложенный въ 1866 году Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Также онъ построилъ для охраненія обители въ видѣ крѣпости величественную каменную ограду. Кромѣ того, онъ устроилъ въ Константинополь, Ростовѣ-на-Дону и Одессѣ подворья для бесплатнаго приюта паломниковъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ и на Аѳонъ. При подворьѣ въ Одессѣ выстроилъ большой страннопріимный домъ съ благолѣпнымъ храмомъ при немъ. Приобрѣлъ въ Санктъ-Петербургѣ два дома, доходъ съ которыхъ поступалъ на нужды скита.

Вѣрный завѣту старцевъ Виссаріона и Варсонофія, отецъ Θεодоритъ, принявъ обитель подъ свое руководство и на попеченіе, всю жизнь свою, всѣ силы духа и тѣла посвятилъ на служеніе ей, на служеніе русскимъ инокамъ, подвизавшимся на Святой Горѣ Аѳонъ, и русскимъ паломникамъ. Въ заботахъ о спасеніи другихъ онъ не страшился никакихъ трудовъ, никакихъ лишеній.

Съ самоотверженіемъ истиннаго подвижника онъ несъ тяготы многотруднаго правленія обителью, бывъ по апостолу, «всѣмъ вся». Много разъ онъ совершалъ трудныя путешествія съ Аѳона въ Россію для сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу обители и для устройства ея подворій, находящихся въ Россіи. Уже изнемогая отъ болѣзни, сведшей его въ могилу, онъ не прекращалъ самоотверженной дѣятельности на благо и во спасеніе другихъ. За два года до кончины отъ подвижническихъ трудовъ силы старца начали слабѣть, но онъ еще не думалъ оставлять свою дѣятельность. Больной, едва передвигающійся отъ слабости силъ, осенью 1886 года онъ совершилъ еще одно путешествіе въ Россію для устройства существующихъ въ ней подворій обители. Въ ту же осень, забывая о своихъ тѣлесныхъ немощахъ, онъ много заботился и трудился по устройству страннопріимнаго дома въ Одессѣ и храма при немъ. Кромѣ устройства обители отецъ Θεодоритъ былъ занятъ мыслью и заботами о просвѣщеніи и утвержденіи чадъ Церкви въ истинахъ вѣры Христовой, такъ что его настояніемъ и ходатайствомъ передъ руководствомъ Русской Православной Церкви обитель начала съ 1887 года издавать въ Одессѣ духовный журналъ «Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской».

Отець Θεодоритъ не жалѣлъ также средствъ на дѣла благотворенія. Многія частныя лица или организаціи пользовались его щедрой помощью. Отець Θεодоритъ поддерживалъ непрерывную духовную связь со старцами Пантелеимонова монастыря, съ которыми часто переписывался<sup>439</sup>, и при первой возможности посѣщалъ ихъ. Особенное

---

<sup>439</sup> АРПМА. Док. № 1267.

духовное родство связывало его съ духовникомъ Иеронимомъ, котораго онъ глубоко почиталъ и съ которымъ порой часами бесѣдовалъ о вопросахъ спасенія души.

За неутомимые труды и самоотверженное служеніе дѣлу спасенія другихъ, а также за высокій умъ, соединенный съ простымъ, добрымъ и любвеобильнымъ сердцемъ, братія обители еще при жизни отца Θεодорита выказывала ему свою любовь и благодарность. Въ 1881 году отъ всей братіи ему былъ преподнесенъ благодарственный даръ — Святое Евангеліе, какъ знакъ преданности, любви и благодарности ему.

Послѣдніе дни земной жизни судилъ Господь отцу Θεодориту провести въ Одессѣ, черезъ которую онъ нѣкогда 19-лѣтнимъ юношей шель для подвиговъ на Святую Гору Аѳонъ. Здѣсь же, въ Одессѣ, на одной изъ пригородныхъ дачъ, онъ и почилъ отъ своихъ трудовъ 10 августа 1887 года.

Уже давно начавшіяся тѣлесныя страданія отца Θεодорита особенно усилились къ началу зимы 1886–1887 года. Теперь онъ уже лишился возможности ходить и всю зиму и весну, а также часть лѣта 1887 года постепенно угасалъ, перенося нерѣдко очень тяжелыя страданія. Но за все время болѣзни ни одно слово раздраженія, даже неудовольствія не вышло изъ устъ смиреннаго старца. Состояніе его духа было состояніемъ бодрого, свѣтлаго и яснаго упованія на Господа.

Въ апрѣлѣ, предчувствуя приближеніе смерти, онъ, съ полного и единодушнаго согласія всей братіи, возложилъ должность настоятеля на своего ученика, сотрудника и духовника всей братіи скита іеросхимонаха Θεоклита. Съ того времени онъ всецѣло сосредоточилъ свои духовныя силы на приготовленіи себя къ переходу въ вѣчную жизнь. Тихо, мирно напутствованный Святой Церковью, онъ отошелъ ко Господу на 66-мъ году своей жизни.

Здѣсь же, въ Одессѣ, было совершено и его погребеніе по церковному чинопослѣдованію въ томъ самомъ благолѣпномъ храмѣ, который былъ устроенъ его трудами.

## Схимонахъ Лаврентій (Жиляевъ)

Схимонахъ Лаврентій<sup>440</sup> (въ міру Левъ Васильевичъ Жиляевъ) родился приблизительно въ 1830 году въ деревнѣ Пересухи Малоархангельскаго уѣзда Орловской губерніи. Отецъ его Василій Платоновичъ былъ простымъ крестьяниномъ, а мать Марія Дмитріївна — дочерью священника. Мальчикъ былъ нрава кроткаго, мягкаго и до того былъ любезенъ, что всѣ и вездѣ любили его за его примѣрный характеръ. На улицу онъ не ходилъ, игръ не любилъ. Въ немъ былъ какой-то врожденный

<sup>440</sup> Жизнеописаніе составлено по записямъ іеросхимонаха Пантелеимона (Сапожниковъ). АРПМА. Док. № 450.

интересъ къ учебѣ. Такъ какъ братья были всѣ женаты, онъ вызвался исполнить долгъ семьи передъ государствомъ и пойти на военную службу. Когда онъ уѣзжалъ, то говорилъ младшему брату Петру, чтобы тотъ не оставлялъ своего намѣренія вступить въ монашество, и обѣщалъ ему: «Молись за меня, гдѣ бы ты ни былъ, я найду тебя послѣ службы, если живъ буду».

Съ 1848 по 1853 годъ Левъ проходилъ военную службу. Былъ мастеровымъ. Гдѣ стоитъ часть на квартирахъ, то тамъ онъ обошьетъ всѣхъ. Трудился изъ любви. Всякому желалъ угодить. Трубки не курилъ, вина не пилъ и былъ примѣрнаго поведенія. Когда только это было возможно, не упуская случая сходить въ церковь.

Однажды онъ молился Господу и Божіей Матери, чтобы Они открыли ему, какому угоднику Божьему лучше молиться. И вдругъ на дорогѣ встрѣчаетъ его одинъ старецъ и говоритъ: «Ты мыслишь, кому молиться, какого угодника призывать на помощь? Молись праведнымъ богоотцамъ Іоакиму и Аннѣ!» Левъ хотѣлъ было поговорить со старцемъ, но его вдругъ не стало. На него напалъ тогда ужасъ, а въ сердцѣ его возсіяла такая неизреченная радость, что онъ какъ бы ощутилъ приливъ новыхъ силъ и со слезами и трепетомъ сердца благодарилъ Господа.

Послѣ увольненія со службы Левъ поступилъ въ Оптину пустынь, куда до этого поступилъ его братъ Петръ, который былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Патермуфій. Оптинскіе старцы приняли Льва въ братство. Здѣсь онъ проходилъ разныя послушанія. Но главнымъ его послушаніемъ былъ уходъ за больнымъ іеродіакономъ Меѳодіемъ, котораго разбилъ параличъ и который лежалъ 24 года и только могъ говорить: «Да, да, да, Господи помилуй!»

Послушаніе было труднымъ, но Левъ исполнялъ его съ ревностью и любовью. Оптинскіе старцы хотели постричь его въ монахи, но тутъ разразилась Крымская война, и Льва вновь призвали на военную службу. Левъ сказалъ старцамъ: «Если Богу угодно, чтобы я былъ монахомъ, то это отъ меня никуда не уйдетъ и послѣ службы, а если суждено мнѣ пролить кровь и положить жизнь свою на полѣ брани, то я отъ этого не отказываюсь». Когда у Льва сбрили бороду, постригли волосы и одѣли въ солдатскую форму и онъ пришелъ къ своему старцу Меѳодію проститься, то тотъ не узналъ его. А когда Левъ спросилъ: «Не узнаешь меня отче? Я твой послушникъ Левъ и пришелъ проститься съ тобой», — тогда Меѳодій узналъ его и заплакалъ, такъ какъ Левъ много угодилъ ему.

Много разъ смотрѣлъ Левъ смерти въ глаза, но милостивый Богъ уберегъ Своего избранника. Послѣ окончанія войны онъ рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ. Въ 1860 году онъ поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ, гдѣ вскорѣ его постригли въ мантию съ именемъ Лаврентій. Онъ и здѣсь выполнялъ послушаніе портнаго. Но главнымъ его послушаніемъ было сѣять на каждомъ шагу любовь. Его самоотверженность не знала границъ. Вся братія скита дивились его любвеобилію.

Три раза отцу Лаврентію было явленіе Божіей Матери: однажды во время чтенія Псалтыри и два раза на всенощномъ бдѣніи. Первый разъ онъ видѣлъ Божию Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Въ память этого онъ попросилъ монаха-иконописца, чтобы тотъ по его описанію написалъ икону. Эта икона послѣ его смерти была помѣщена въ гробничной церкви. При этомъ видѣніи Божія Матерь что-то говорила ему, но онъ никому, кромѣ игумена Θεодорита, не рассказалъ объ этомъ. Послѣ этого его постригли въ схиму съ тѣмъ же именемъ.

Преставился отецъ Лаврентій 29 августа 1866 года. Передъ смертью онъ сильно страдалъ отъ тяжелой болѣзни. Въ больницѣ его навѣстилъ игумень и говорилъ ему: «Лаврентій, что же ты завалялся, вставай! Возьми благословеніе!» Тотъ былъ всегда послушенъ ему, готовъ былъ и въ огонь и въ воду. Даже измученный болѣзнию, вскочилъ, взялъ благословеніе и тутъ же упалъ. Послѣ его кончины игумень Θεодоритъ сказалъ братіи: «Вотъ скончался у насъ братъ. Немного пожилъ онъ, но онъ служилъ всѣмъ примѣромъ, и я желалъ бы, чтобы и всѣ были подобны ему».

Вмѣстѣ съ отцомъ Лаврентіемъ умеръ еще одинъ монахъ. Его видѣлъ во снѣ одинъ изъ братій, который подметалъ коридоръ. Умершій проходилъ мимо, и тотъ спросилъ:

— Вѣдь ты, братъ, умеръ?

Тотъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Только начинаю жить!

— Каково же тебѣ тамъ?

— Слава Богу, хорошо!

— А какъ Лаврентій? Онъ отличался здѣсь особенной жизнью?

— О, мнѣ далеко до Лаврентія, ему несравненно лучше.

## Иеросхимонахъ Теоклитъ (Позднеевъ)

Иеросхимонахъ Теоклитъ<sup>441</sup> (въ міру Θεодосій Андреевичъ Позднеевъ) родился въ Москвѣ въ 1833 году у благочестивыхъ родителей Андрея и Надежды Позднеевыхъ, которые были крестьянами деревни Гурьево Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи. Воспитанный въ благочестіи Θεодосій съ ранней юности чувствовалъ влеченіе къ монашеской жизни: посѣщалъ монастыри, присматривался къ житію монашескому и чѣмъ больше знакомился съ иночествомъ, тѣмъ сильнѣе желалъ разстаться съ міромъ и его соблазнами. Въ одномъ изъ монастырей Московской

<sup>441</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 4. Одесса, 1890. С. 565.



губернии Θεодосій провель нѣсколь-ко лѣтъ. Наконецъ, оставивъ этотъ монастырь въ 1860 году, онъ отправился на Аѳонъ, куда давно уже стремился. Здѣсь онъ поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ. Подъ мудрымъ руководствомъ отца Θεодорита Θεодосій успѣшно сталъ проходить труды и подвиги аѳонскаго иноческаго житія. 17 мая 1871 года онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Θεоклитъ, 3 ноября того же года рукоположенъ въ іеродіакона, а 23 сентября 1873 года — въ іеромонаха.

Отець Θεодоритъ, видя, что отецъ Θεоклитъ болѣе всѣхъ братій преуспѣваетъ въ духовной жизни, въ 1878 году назначилъ его духовникомъ всего братства. 10 лѣтъ онъ былъ въ этой должности и за свою опытность и смиреніе пріобрѣлъ расположеніе и любовь отъ всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей по иночеству. Когда

игумень Θεодоритъ почувствовалъ приближеніе смерти, то позаботился, чтобы еще при его жизни былъ избранъ и поставленъ преемникъ ему по духовному управленію обители. Онъ указалъ на отца Θεоклита. Указаніе его было встрѣчено всей братіей съ сочувствіемъ, и вскорѣ состоялось торжественное избраніе и утвержденіе отца Θεоклита въ должности настоятеля обители.

Отець Θεоклитъ продолжилъ всѣ начинанія своего старца отца Θεодорита. Онъ возобновилъ сгорѣвшую въ мартѣ 1887 года братскую трапезную съ церковью во имя Святой Троицы, продолжилъ строительство главнаго храма во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1888 году, послѣ покушенія на императора Александра II, по инициативѣ отца Θεоклита было принято рѣшеніе построить храмъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери съ придѣлами святаго пророка Осіи и преподобнаго Исидора Пелусіота въ Санктъ-Петербургѣ на принадлежащемъ скиту мѣстѣ (на Пескахъ, на углу 5-й Рождественской и Дегтярной улицъ). Высочайшее разрѣшеніе на сооруженіе этого храма послѣдовало 11 мая 1889 года. Вслѣдъ за этимъ немедленно были начаты строительныя работы. За свое усердіе 1 апрѣля 1890 года, въ день Пасхи, отецъ Θεоклитъ Священнымъ Синодомъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ.

Преставился отецъ Теоκληтъ 18 октября 1891 года. Всего четыре года онъ былъ игуменомъ скита, но оставилъ о себѣ добрую память какъ старецъ высокой подвижнической жизни и какъ любвеобильный и кроткій отецъ. Лучшее всего о благочестіи этого игумена можно судить по словамъ его духовнаго завѣщанія: «Прошу у всѣхъ васъ прощенія и усердныхъ молитвъ вашихъ за меня. Да безбѣдно пройду страшныя мытарства злыхъ демоновъ! Вмѣстѣ



съ симъ и я прощаю всѣхъ васъ во всемъ, чѣмъ кто меня обидѣлъ. При этомъ, любя васъ всѣмъ сердцемъ моимъ, не могу не напомнить вамъ объ одной заповѣди Христовой: храните между собой, братіе, миръ, любовь и единомысліе; слезно и убѣдительно прошу васъ помнить, что вы находитесь тамъ, гдѣ пребываетъ незримо Сама Пресвятая Богородица. А въ такомъ святомъ мѣстѣ терпимы ли вражда и несогласіе, наводимыя врагомъ людей?»<sup>442</sup>

## Схіархимандритъ Иларіонъ (Левіцкій)

Схіархимандритъ Иларіонъ (въ міру Іосифъ Степановичъ Левіцкій) былъ уроженцемъ города Москвы. Его родители Степанъ и Екатерина были достаточно богатыми людьми и сыну дали соотвѣтствующее хорошее образованіе. Послѣ смерти супруги отецъ Іосифа Степанъ поступилъ въ монастырь и сталъ монахомъ. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и сынъ, который, постригшись въ монахи впоследствии, сталъ свнодальнымъ ризничнымъ и настоятелемъ московскаго Высоко-Петровскаго монастыря.

Въ 1884 году отецъ Иларіонъ пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ. Игуменъ скита отецъ Теофоритъ высоко цѣнилъ духовныя качества отца Иларіона и назначилъ его духовникомъ скита.

Интересное воспоминаніе о встрѣчѣ съ отцомъ Иларіономъ оставилъ намъ отецъ Денасій (Юшковъ). Онъ писалъ: «Въ скиту съ 1884 года подвизался

<sup>442</sup> Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. 1892. № 6. С. 230–232.



архимандритъ Іосифъ, бывшій синодальный ризничій и настоятель московскаго Высоко-Петровскаго монастыря, авторъ нѣсколькихъ сочиненій. Здѣсь онъ принялъ схиму съ именемъ Иларіонъ. Покойный отецъ Теодоритъ прочилъ его въ преемники себѣ, но Ватопедъ не согласился на это... Онъ въ послѣднее время выполнялъ должность духовника скитскаго. За мѣсяць до его блаженной кончины мнѣ представился случай побывать у нихъ въ скиту. Я выразилъ желаніе по-

видаться съ отцомъ архимандритомъ. Одинъ услужливый инокъ повелъ меня коридорами до его кельи. Когда пришли мы къ кельѣ, постучали легонько, произнося при этомъ обыкновенную въ такихъ случаяхъ молитву, то въ ту же минуту со словомъ „аминь“ отворилась дверь, и въ ней показался одѣтый въ полное облаченіе отецъ Иларіонъ, приготовившійся идти на службу, такъ какъ уже подали повѣстку звонить къ вечернѣ. Отецъ архимандритъ съ особенной любезностью, хотя и не зная меня, попросилъ войти „на минутку“. Я вошелъ. Съ перваго же раза мнѣ невольно бросилась въ глаза особенность кельи, которая была похожа на церковицу. На полу ковры, такъ что самого пола совсѣмъ не видать. Затѣмъ, кромѣ многихъ святыхъ иконъ большаго размѣра и въ хорошихъ ризахъ, я ничего не могъ замѣтить: видѣлъ, что направо и налѣво что-то высоко нагромождено, но, что именно, разглядѣть было нѣкогда. Весьма любезно и съ пріятной улыбкой, но съ нѣкоторой поспѣшностью отецъ архимандритъ, не раздѣваясь, началъ предлагать мнѣ вопросы. Замѣтивъ, что скоро покончить со мной не удастся, предложилъ мнѣ прійти къ нему послѣ вечерни или же онъ самъ зайдетъ ко мнѣ, въ мой номерокъ. При этомъ онъ спросилъ, гдѣ я занимаю номеръ. Теперь же онъ спѣшилъ, уже отзвонили къ вечернѣ. Такимъ образомъ мы и разошлись»<sup>443</sup>.

Послѣ службы отецъ Иларіонъ самъ пришелъ въ келью отца Денасія, чѣмъ достаточно удивилъ его. Бесѣда у нихъ получилась душевная, и отецъ Денасій убѣдился, что въ отцѣ Иларіонѣ равномерно смѣшались глубокая духовность и непритворная простота.

Преставился отецъ Иларіонъ 30 апрѣля 1891 года, отъ роду ему было около 60 лѣтъ.

<sup>443</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-афонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ. М., 1894. С. 300.

## Схимонахъ Иннокентій (Сибиряковъ)

Схимонахъ Иннокентій<sup>444</sup> (въ міру Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ) родился 30 октября 1860 года въ городѣ Иркутскѣ въ семьѣ извѣстныхъ сибирскихъ богачей-золотопромышленниковъ Михаила Александровича и Варвары Константиновны Сибиряковыхъ. Образование онъ получилъ сначала въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ въ Санктъ-Петербургскомъ университетѣ. Послѣ его окончанія онъ много истратилъ средствъ на образовательное путешествіе по Европѣ и посѣтилъ всѣ главные культурные центры. Съ самой ранней юности онъ отличался необыкновенной добротой. Будучи студентомъ, онъ проявилъ большую отзывчивость къ нуждамъ бѣдныхъ своихъ товарищей, которымъ съ сострадательной любовью помогалъ.

Послѣ смерти отца ему и его брату досталось громадное наслѣдство, по нѣсколько милліоновъ рублей каждому. У Иннокентія Михайловича было развито громадное золотопромышленное дѣло, и оно шло съ блестящимъ успѣхомъ. Но вотъ одинъ случай заставилъ его глубже поразмыслить о смыслѣ жизни. Старшій братъ его Александръ Михайловичъ обнаружилъ коварную измѣну своей невѣсты, на которой хотѣлъ жениться. Это сильно подѣйствовало не только на самого Александра Михайловича, но и на его младшаго брата Иннокентія Михайловича, который послѣ этого рѣшилъ, что онъ не найдетъ себѣ счастья ни въ богатствѣ, ни въ семейной жизни, а только въ Богѣ и въ благотворительности.

Первымъ шагомъ его въ дѣлѣ благотворительности было слѣдующее: когда братъ его (Александръ Михайловичъ былъ не менѣе извѣстнымъ благотворителемъ) строилъ соборъ въ Иркутскѣ, то позаимствовалъ на время у него нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Когда же братъ его сталъ отдавать позаимствованныя деньги обратно, то его природная доброта не позволила взять отъ брата деньги, и онъ сказалъ: «Я братъ тебѣ, пусть и моя лепта будетъ вмѣстѣ съ твоей въ святомъ дѣлѣ».

Съ этихъ поръ сердца его коснулась искра Божественной благодати, и онъ сталъ утолять скорбь своего сердца дѣлами милости и благотворенія, прибѣгая къ тому источнику исцѣленія, въ которомъ всегда искали забвенія отъ тяжкихъ мукъ сердца всѣ истинные послѣдователи Христа. Онъ сталъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ и однимъ изъ рѣдкихъ русскихъ благотворителей. Всею своей пламенной любящей душой, всѣми заботами своего чуткаго сердца, чувствительнаго къ горю ближняго, всѣмъ своимъ

<sup>444</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 24. Одесса, 1910. С. 509; Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 25. Одесса, 1911. С. 509.



имуществомъ и положеніемъ наконецъ, даже самой своей фамиліей онъ былъ связанъ неразрывно съ Сибирью, которую любилъ и для которой столько сдѣлалъ добра, что память о немъ остается тамъ донинѣ.

Онъ не жалѣлъ средствъ, широко и щедро надѣлялъ нуждающихся, жертвовалъ крупныя суммы на поощреніе научныхъ работъ по изслѣдованію природныхъ богатствъ Родины и ея населенія, на просвѣщеніе. При его матеріальномъ содѣйствіи открылся Томскій университетъ и Восточно-Сибирскій отдѣлъ Географическаго общества. Онъ поощрялъ разнообразныя мѣстныя экспедиціи и издавалъ труды научныхъ изслѣдователей. По его инициативѣ въ Ачинскѣ возникла въ 1887 году публичная библіотека. Имъ было построено множество церквей и школъ.

Онъ откликался на всякое хорошее и полезное дѣло или предпріятіе и въ этомъ отношеніи пользовался большой извѣст-

ностью не только въ Сибири, но и въ европейской Россіи. Видя, какъ тяжело живетъ присковымъ рабочимъ, онъ далъ 420 000 рублей на созданіе фонда имени своего отца М. А. Сибирякова для выдачи пособій рабочимъ въ случаѣ увѣчій и другихъ несчастій.

Высшіе женскіе курсы получили отъ него въ даръ болѣе 200 000 рублей. Профессоръ Лесгафтъ учредилъ при его помощи біологическую лабораторію въ Петербургѣ, на что имъ было дано 350 000 рублей. Кромѣ того, онъ способствовалъ изданію произведеній многихъ русскихъ классическихъ и современныхъ авторовъ.

Указанными пожертвованіями не исчерпывалась его благотворительная дѣятельность. У него находили поддержку многіе общественные дѣятели въ заботахъ о распространеніи народныхъ школъ и больницъ, библіотекъ, читаленъ и тому подобныхъ учреждений.

Въ концѣ XIX вѣка Иннокентій Михайловичъ поѣхалъ путешествовать по всѣму бѣлому свѣту. Цѣль его послѣдняго путешествія заключалась въ томъ, чтобы лично увидѣть жизнь другихъ народовъ и поискать среди нихъ того счастья, котораго ищетъ всю жизнь каждый человекъ. Но напрасны были его поиски, и онъ прибылъ обратно въ Россію разочарованнымъ.

«Какъ человѣкъ пусть своей жизнью, — говорилъ Сибиряковъ, — какъ ничтожны всѣ его потребности, обусловленныя одной наживой; какъ жадно все человѣчество въ своемъ стремленіи къ богатству... Но что оно намъ приноситъ? Одно грустное разочарованіе. Вотъ я миллионеръ, мое „счастье“ должно быть вполнѣ закончено, но счастливъ ли я? Нѣтъ. Все мое богатство въ сравненіи съ тѣмъ, чего жаждетъ душа моя, есть ничто, пыль, прахъ. А между тѣмъ все человѣчество стремится именно къ достиженію богатства».

«Я обладаю богатствомъ. Какъ это случилось, — думалъ я, — что въ моихъ рукахъ скопились такія средства, которыми могла бы прокормиться тысяча людей? Не являются ли эти богатства, случайно попавшія ко мнѣ въ руки, достояніемъ другихъ людей? И я нашель, что это именно такъ, что мои миллионы — это результатъ труда другихъ лицъ, и я чувствую себя неправымъ, завладѣвъ ихъ трудами. Жизнь наша красна бываетъ тогда, когда все намъ улыбается вокругъ, но если вы чувствуете подлѣ себя нищету, будучи сами богаты, то вамъ какъ-то становится не по себѣ».

«При помощи своихъ денегъ я видѣлъ міръ Божій, повидалъ всѣхъ людей свѣта. Изучилъ ихъ жизнь, бытъ, нравственные достатки, узналъ всѣ ихъ радости, счастье и горе. Но что изъ всего этого прибавилось къ моему личному счастью жизни? Ровно ничего, та же пустота въ сердцѣ, то же сознание неудовлетворенности, то же томленіе души».

«Отсутствіе счастья въ жизни гнететъ мое сознание безотчетнымъ чувствомъ скорби, горести и отчаянія. Такъ чувствую я себя теперь, по возвращеніи въ Россію. Здѣсь, какъ и вездѣ на свѣтѣ, я вижу только одни страданія людей, однѣ муки человѣческія, одну суету мірскую. Какъ будто вся наша жизнь только въ этомъ одномъ состоитъ, какъ будто Господь Богъ всѣхъ насъ создалъ для однихъ страданій на свѣтѣ, и нѣтъ для человѣка никакой отрады, кромѣ одного печальнаго конца — смерти... И я думаю, что всѣ эти пытки, всѣ мученія, всѣ страданія суть лишь вещи, пріобрѣтенныя человѣкомъ, но не наслѣдіе Божіе для насъ на землѣ. Вѣдь Царство Божіе внутри насъ, а мы всѣмъ этимъ пренебрегли и впали въ отчаяніе, въ тоску, въ адъ жизни. Да, слабъ, ничтоженъ и малодушенъ человѣкъ въ выборѣ своего земнаго блага, личного счастья!»

Изъ приведенныхъ высказываній Иннокентія Михайловича ясно, какъ проникла искра Божественной благодати въ сердцѣ молодого миллионера, которое невѣдомо для него самого все болѣе и болѣе освящалось.

Послѣ этого онъ сталъ часто посѣщать храмъ Божій и направилъ свою благотворительность на нужды Церкви. Здѣсь онъ нашель удовлетвореніе своимъ устремленіемъ къ евангельской идеѣ и послѣдніе дни своей жизни всецѣло посвятилъ достиженію христіанскаго совершенства. Около 1890 года онъ прибылъ въ Санктъ-Петербургъ и поселился временно въ своей квартирѣ на Гороховой улицѣ. Часто стали видѣть Сибирякова въ числѣ посѣтителей столичныхъ храмовъ и монастырей. Его щедрыя пожертвованія потекли неиссякаемымъ источникомъ на нужды разныхъ обитателей

и богоугодныхъ заведений. Домъ, гдѣ жилъ Сибиряковъ, обратился въ мѣсто, куда шли алчущіе и жаждущіе. Не было человѣка, котораго онъ выпустилъ бы безъ щедраго подажня. Многіе получали единовременную помощь. Сколько студентовъ при его матеріальной помощи окончили въ Санктъ-Петербургѣ свое образование! Сколько бѣдныхъ дѣвушекъ благодаря его помощи устроили свою судьбу законнымъ замужествомъ! Сколько людей, разорившихся отъ неудачъ, при его помощи взяли за прежній свой честный трудъ!

Входя однажды въ Знаменскую церковь, онъ положилъ на книжку стоявшей на паперти монахини серебряный рубль. Та, привыкнувъ видѣть у себя на книжкѣ въ числѣ добровольныхъ подажній однѣ лишь мелкія монеты, такъ умилилась этимъ даромъ, что сейчасъ же, на глазахъ у жертвователя, упала на колѣни передъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы и стала громко возносить свои молитвы за щедрый даръ на ея бѣдную обитель. Это такъ заинтересовало Сибирякова и такъ тронуло его, что онъ тутъ же спросилъ у монахини ея адресъ и изъ какой она обители. Оказалось, что эта инокиня прибыла сюда изъ Угличскаго женскаго монастыря.

На слѣдующій день Сибиряковъ явился по адресу монахини, на одно изъ столичныхъ подворій, и передалъ ей свои карманныя деньги, тѣ, что были у него съ собой, — около 190 000 рублей. Та пришла въ ужасъ отъ такой суммы. Столько денегъ она въ такомъ количествѣ никогда не видѣла и, подозрѣвая что-то особенное, чего не могла объяснить себѣ по простотѣ душевной, послѣ ухода своего жертвователя не нашла ничего лучше, какъ заявить объ этомъ въ полицію.

Началось слѣдствіе. Родственники Сибирякова настаивали на его невмѣняемости. Но судъ, куда потомъ перешло дѣло, признавъ жертвователя въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, утвердилъ за Угличскимъ женскимъ монастыремъ право на 190 000 рублей, пожертвованныхъ ему Сибиряковымъ.

Судебный процессъ, возбужденный родственниками противъ Иннокентія Михайловича о томъ, что якобы онъ раздаетъ свой капиталъ въ ненормальномъ состояніи, сильно подѣйствовалъ на него. И онъ рѣшилъ навсегда покончить съ многосуетнымъ міромъ, удалиться далеко за предѣлы Россіи въ безмятежную тихую пристань — иноческую обитель Святой Аѳонской Горы, гдѣ и обрѣлъ онъ то счастье жизни, котораго онъ долго искалъ по всѣму свѣту.

Въ 1894 году онъ поступилъ на Андреевское подворье въ Петербургѣ, 1 октября 1896 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Иннокеній и въ этотъ же день отправился на Аѳонъ. Воистину дивны дѣла Твои, Господи! По Божьему человѣколюбію, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла этотъ молодой милліонеръ былъ удаленъ изъ пучины развращеннаго міра подъ покровительство земнаго жребія Царицы Небесной. На немъ въ полной силѣ осуществились слова апостола Павла: *«Свобѣждшеся же отъ грѣхѣ, порабѣтисестея правдѣ»* (Рим. 6:18). Онъ только тогда позналъ въ полную си-

лу лежащій во злѣ мірѣ, когда прибылъ въ святую иноческую обитель. Здѣсь ему ясно представилась ложная, разукрашенная снаружи подноготная этого міра, полная внутри всякой мерзости и гадостей. Онъ на Святой Горѣ понялъ, что нигдѣ, кромѣ какъ съ Богомъ, душевнаго успокоенія не найдетъ и что жизнь среди міра не что иное, какъ *«суета суетствій, всяческая суета»* (Еккл. 1:2).

Вскорѣ отца Иннокентія постригли въ мантию съ именемъ Іоаннъ, а спустя немного времени облекся онъ и въ святой великій ангельскій образъ съ именемъ Иннокентій. Принявъ схиму, онъ проводилъ строго постническую и глубоко безмолвную аскетическую жизнь. Братія удивлялась, какъ онъ, съ дѣтства привыкшій къ изысканной пищѣ, питался грубой монастырской ѣдой безъ вреда для желудка и, проводившій время также съ дѣтства въ веселомъ свѣтскомъ обществѣ, теперь оставался все время въ кельѣ одинъ, бесѣдуя лишь съ Богомъ въ молитвенныхъ подвигахъ и наслаждаясь чтеніемъ душеполезныхъ книгъ.

Но недологъ былъ его подвижническій путь. Очевидно, онъ уже созрѣлъ для житницы небесной. И угодно было Богу переселить его въ расцвѣтѣ лѣтъ въ иной, лучшій міръ, *«да не злѣба измѣнитъ разумъ егѡ, или лѣсть прельститъ дѹшу егѡ»* (Прем. 4:11). Спустя пять лѣтъ послѣ вступленія въ скитъ онъ, немного, но жестоко поболѣвъ, мирно скончался въ кельѣ при больничной Благовѣщенской церкви скита 6 ноября 1901 года, оставивъ образецъ совершенной нестяжательности и подвижнической жизни.

Однимъ изъ главныхъ его благодѣяній для Андреевскаго скита была его финансовая помощь въ возведеніи главнаго храма обители — собора святаго апостола Андрея Первозваннаго, который 25 лѣтъ стоялъ недостроенный. Онъ же достроилъ больничный корпусъ съ церковью во имя святаго Иннокентія, епископа Иркутскаго.

## Схимонахъ Андрей (Путилинъ)

Схимонахъ Андрей<sup>445</sup> (въ міру Александръ Ивановичъ Путилинъ) родился 17 августа 1829 года у благочестивыхъ и благородныхъ родителей въ городѣ Фридрихсгамъ Выборгской губерніи. Съ самаго дѣтства онъ былъ расположенъ къ молитвѣ и безмолвію, потому еще семилѣтнему ему мать предсказывала, что онъ будетъ монахомъ. Воспитывался онъ въ Санктъ-Петербургѣ, состоя въ кантонистахъ, и служилъ на военной службѣ унтеръ-офицеромъ по части письмоводства. Участвовалъ

<sup>445</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 20. Одесса, 1906. С. 531–534.

въ походахъ и двухъ военныхъ кампаніяхъ — Венгерской и Севастопольской. За безпорочно пройденный узаконенный срокъ службы и по экзамену былъ представленъ для производства въ гражданскій чинъ, но отъ него отказался. Былъ уволенъ со службы въ 1860 году съ полной отставкой.

Имѣя отъ юности предрасположеніе къ служенію Богу, онъ послѣ увольненія отправился искать жизни монашеской. Придя въ Кіевъ, 7 ноября 1860 года поступилъ въ число братства Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и прожилъ до 1867 года. Съ этого времени странствовалъ по Россіи, а 20 іюня 1870 года отправился за границу, на поклоненіе святымъ мѣстамъ Востока. Поклонившись Святому Гробу Господню въ Іерусалимѣ, онъ заѣхалъ и на Святую Гору Аѳонъ, гдѣ 28 октября того же года поступилъ въ Русскій св. великомученика Пантелеимона монастырь, а оттуда 19 іюля 1871 года перешелъ въ Свято-Андреевскій скитъ.

19 апрѣля 1872 года отецъ Андрей получилъ отъ игумена благословеніе на особо избранный имъ подвигъ абсолютнаго безмолвія (молчанія) и послѣ этого до самой смерти, въ теченіе почти 34 лѣтъ, не позволилъ себѣ ни однимъ словомъ обмолвиться съ кѣмъ бы то ни было, исключая только духовника, бесѣдуя съ которымъ онъ говорилъ только самое необходимое.

Свои нужды, обращаясь къ обители, онъ излагалъ письменно. Въ схиму былъ постриженъ 28 марта 1874 года, жилъ одинъ въ особой келліи съ церковью Успенія Божіей Матери, которая находилась за оградой обители и гдѣ еженедѣльно, по средамъ и пятницамъ, совершалась Литургія. Старецъ еженедѣльно пріобщался Святыхъ Таинъ. У него былъ благословенный старцами особый постническій уставъ, такъ что жизнь его выдѣлялась особо предъ всей братіей. Обладая духовнымъ разсужденіемъ и опытностью, онъ былъ старцемъ многихъ. По просьбѣ братіи давалъ письменныя наставленія имъ, въ которыхъ больше основывался на Священномъ Писаніи, смиряя самого себя и прося прощенія. Онъ также писалъ сочиненія противъ разныхъ сектантовъ<sup>446</sup>.

Подвигъ молчанія, хотя на первый взглядъ кажется и не особо труднымъ, однако, если строго вникнуть въ него, представляетъ много препятствій къ выполненію его, и надо имѣть великую силу воли, чтобы устоять въ немъ. Многіе пытались подражать отцу Андрею, но этотъ подвигъ, кажущійся легкимъ, становился для нихъ такимъ невыносимымъ бременемъ, что они оставляли его.

Старецъ Андрей, хотя тѣлосложенія былъ и крѣпкаго и на лицѣ его всегда игралъ румянецъ, однако въ одной изъ предсмертныхъ записокъ говоритъ: «Что я перенесъ за свою жизнь и въ особенности послѣднее время, тому одинъ Богъ свидѣтель». Изъ этого видно, что ему было весьма нелегко проходить свой путь и бороться съ врагами нашего спасенія.

---

<sup>446</sup> Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 20. Одесса, 1906. С. 434–440.

Вотъ какъ описываетъ встрѣчу съ нимъ архіепископъ Арсеній (Стадницкій), тогда еще студентъ духовной академіи, путешествовавшей по Аѳону: «Я выразилъ сильное желаніе видѣть этого подвижника. Со мной пошелъ одинъ изъ старцевъ, предупредившій, что онъ вообще не любитъ посѣщеній, а тѣмъ болѣе долгихъ, поэтому просилъ не засиживаться, чтобы не побезпокоить подвижника. Келья его находится въ задней части монастыря и стоитъ совершенно особнякомъ. На стукъ въ дверь и обычное аѳонское привѣтствіе дверь отворилась, и передо мной предстала изсохшая фигура подвижника, который мимикой пригласилъ насъ сѣсть. Старецъ, пришедшій со мной, отрекомендовалъ меня и рассказалъ ему о моемъ сильномъ желаніи видѣть его, благодаря чѣму онъ и рѣшился побезпокоить его. Съ минуту мы молчали. Онъ пристально смотрѣлъ на меня, такъ что мнѣ сдѣлалось неловко, и я потупилъ взоръ. Затѣмъ взялъ лежащій передъ нимъ листъ бумаги и написалъ:

— Гдѣ учитесь?

— Въ Кіевѣ, — говорю, — въ духовной академіи.

— Чѣму учитесь?

— Разнымъ наукамъ, но преимущественно богословскимъ.

— Вѣрите?

— Вѣрю.

— Да будетъ Божья благодать съ вами, и да сохранить васъ Царица Небесная, — и откинулъ бумагу въ сторону, давая этимъ, должно быть, понять, что слѣдовало оставить его. Но я, пораженный его подвигомъ, началъ говорить о тяжести подвига безмолвія и кстати или некстати спросилъ о причинѣ его безмолвія. Не отвѣчая мнѣ прямо на вопросъ, онъ написалъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „...Глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ челоувѣцы, воздадѣтъ о немъ слово въ день сѹдный: отъ словесъ бо своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися“ (Мѳ. 12:36–37). На вопросъ мой: „Долго ли онъ подвизается?“ — отвѣчалъ, т. е. написалъ: „Богу вѣдомо“. Послѣ этого всталъ и далъ мнѣ двѣ книжечки: „О благодатныхъ исцѣленіяхъ, совершившихся предъ святой иконой Божіей Матери «Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе»“ и „О вредѣ табака“. Я вышелъ, проникнутый чувствомъ глубокаго уваженія къ подвижнику»<sup>447</sup>.

Преставился отецъ Андрей 15 февраля 1906 года. На похоронахъ присутствовала вся братія обители во главѣ съ игуменомъ Іосифомъ. 17 февраля его торжественно отпѣли въ соборномъ Свято-Андреевскомъ храмѣ и, давъ ему послѣднее цѣлованіе, погребли на братскомъ скитскомъ кладбищѣ.

<sup>447</sup> Арсеній (Стадницкій), архіепископъ. Дневникъ студента-паломника на Аѳонъ. Кіевъ, 1886. С. 80.

## Архимандритъ Іосифъ (Бѣляевъ)

Архимандритъ Іосифъ<sup>448</sup> (въ міру Иванъ Ивановичъ Бѣляевъ) происходилъ изъ мѣщанъ города Углича, а родился въ 1845 году въ селеніи Никольскомъ Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи. Съ малыхъ лѣтъ онъ служилъ у своего роднаго дяди — купца въ Москвѣ. Молодой человекъ не увлекался обманчивыми прелестями многосуетной мірской жизни. Будучи воспитанъ въ церковномъ духѣ и въ христіанскомъ благочестіи, онъ съ юности имѣлъ склонность и любовь къ монашеской жизни, поэтому проводилъ свою молодость чисто и непорочно. Будучи 16-ти лѣтъ отъ роду, онъ однажды тайно отъ своихъ родственниковъ убѣждалъ въ Геѣсиманскій скитъ, что при Троице-Сергіевой Лаврѣ, съ цѣлю поступить въ монашество. Но, видно, этотъ порывъ его былъ преждевременнымъ, поэтому Господу не было угодно увѣнчать его успѣхомъ, и онъ снова возвратился къ мірской жизни.

Въ самомъ расцвѣтѣ силъ, 22 лѣтъ отъ роду, онъ все-таки оставилъ міръ, отправился на Святую Аѳонскую Гору и здѣсь, въ скиту святаго апостола Андрея Первозваннаго, былъ принятъ въ число братіи. Это было въ 1867 году, когда настоятелемъ скита былъ отецъ Ѳеодоритъ. Девять лѣтъ онъ состоялъ келейникомъ настоятеля. Въ 1870 году былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Іосифъ. Въ 1876 году онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 17 января 1881 года — въ іеромонаха.

Первое время своего пребыванія въ скиту отецъ Іосифъ выполнялъ послушаніе клироснаго пѣвчего и, обладая отъ природы прекраснымъ, звонкимъ голосомъ, былъ хорошимъ канонархомъ; потомъ состоялъ старшимъ въ литографіи и былъ граверомъ; а послѣ посвященія въ санъ іеромонаха въ продолженіе десяти лѣтъ былъ ризничимъ. Въ 1890 году отецъ Іосифъ былъ посланъ съ чудотворной иконой Богоматери «Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе» на скитское подворье въ Санктъ-Петербургъ съ назначеніемъ его настоятелемъ этого подворья.

Въ это время, 18 октября 1891 года, скончался тогдашній, по счету третій, настоятель скита, отецъ Ѳеоклитъ. На его мѣсто большинствомъ братства 3 декабря 1891 года былъ избранъ настоятель скитскаго подворья въ Санктъ-Петербургѣ іеромонахъ Іосифъ. За годъ пребыванія въ Петербургѣ онъ за свой благочестивый нравъ и примѣрную иноческую жизнь приобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Былъ награжденъ отъ Святѣйшаго Синода наперснымъ крестомъ.

---

<sup>448</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: Душеполезный собесѣдникъ. М., 1908. С. 274; Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 16. Одесса, 1902. С. 178; Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. Т. 22. Одесса, 1908. С. 398.

Въ бытность его въ Петербургѣ Царица Небесная благоволила проявить отъ чудотворнаго Своего образа многочисленныя дары благодатныхъ исцѣленій, которыя отецъ Іосифъ, какъ очевидецъ, все самъ лично записывалъ и потомъ помѣстилъ въ особо изданную скитомъ книгу «Описаніе чудесъ, совершившихся предъ чудотворной иконой Божіей Матери „Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе“».

Отецъ Іосифъ хотя и имѣлъ только домашнее образованіе, но, обладая природнымъ свѣтлымъ умомъ, занимался иногда и литературными трудами. Такъ, напри- мѣръ, имъ составленъ синаксарь для отпечатанной по его усердію и ходатайству въ Санктъ-Петербургской синодальной типографіи службы «Всѣмъ святымъ аѳонскимъ», и въ ней прибавлено имъ нѣсколько недостающихъ въ рукописяхъ пѣснопѣній. Онъ составилъ тропарь своему тезоименному святому — преподобному Іосифу Пѣснописцу. Также отецъ Іосифъ написалъ свою автобіографію и велъ дневникъ. Кромѣ того, онъ отличался любовью къ древностямъ и особенно къ древней словесности, рукописямъ. Въ теченіе всей своей жизни на Аѳонѣ, не жалѣя средствъ, онъ старался приобрѣтать древнія иконы, рукописи и книги и успѣлъ собрать ихъ въ большомъ количествѣ.

По прибытіи на Аѳонъ отецъ Іосифъ 1 февраля 1892 года мѣстной властью кириархальнаго, т. е. господствовавшего надъ скитомъ, греческаго Ватопедскаго монастыря былъ официально утвержденъ и поставленъ настоятелемъ, причемъ на него возложена была палица и врученъ ему настоятельской жезлъ.

Въ апрѣлѣ 1894 года отецъ Іосифъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Главной заслугой его для братіи, богомольцевъ и всѣхъ бѣдняковъ, пустынножителей и посѣтителей скита стало построеніе имъ огромнаго соборнаго храма во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго съ двумя придѣлами и особымъ храмомъ подъ соборомъ и больничнаго корпуса съ церковью при больницѣ.

Соборъ этотъ былъ заложенъ въ 1867 году, выложенъ былъ лишь фундаментъ и подняты чуть повыше поверхности земли стѣны. Лѣтъ двадцать пять такъ и стояла эта закладка безъ движенія. Въ 1893 году отецъ Іосифъ энергично приступилъ





*Современный видъ Андреевскаго скита*

къ окончательному завершенію строительства. Нашлись и средства, и благодѣтели. Къ 1900 году великолѣпный величественный соборъ былъ вполне готовъ, и 16 іюня, ровно черезъ 33 года послѣ закладки зданія, онъ былъ торжественно освященъ пребывавшимъ тогда на покоѣ на Аѳонѣ, впослѣдствіи Святѣйшимъ Константинопольскимъ Патріархомъ Іоакимомъ III совмѣстно съ прибывшимъ тогда на поклоненіе на Аѳонѣ преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, впослѣдствіи архіепископомъ Псковскимъ.

Отецъ Іосифъ за время своего игуменства снискалъ себѣ неподдѣльную любовь и глубокое уваженіе братіи. Отъ природы онъ былъ ласковъ, деликатенъ, имѣлъ отзывчивое сердце, всегда располагалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ не только постоянно общался, но и лишь случайно былъ знакомъ. Безукоризненная прямота, неусыпный трудъ на общую пользу были его главными чертами характера. Его организаторскій, хозяйственный умъ во многихъ отношеніяхъ сказался на благоустройствѣ скита. Отецъ Флегонтъ (Лебедевъ) такъ характеризуетъ его: «Весьма дѣятельный, милостивый и любвеобильный»<sup>449</sup>. Безспорно, онъ немало потрудился для своей обители. Именно при немъ Андреевскій скитъ приобрѣлъ свой окончательный видъ, при немъ

<sup>449</sup> АРПМА. Док. № 212. С. 194.

были достроены всѣ основные храмы и жилые корпуса. Потрудился онъ не только въ предѣлахъ Святой Горы, но и внѣ ея. Завершилъ прекрасный храмъ на подворьѣ въ Санктъ-Петербургѣ и другія сооруженія.

Отецъ Іосифъ имѣлъ непрерывную духовную связь со старцами Русскаго Пантелеимонова монастыря, постоянно переписывался съ ними<sup>450</sup> и часто посѣщалъ ихъ. Многіе келіоты\* и сирوماхи\* пользовались его гостепріимствомъ и духовнымъ руководствомъ.

Отецъ Іосифъ отличался также особенной любовью и усердіемъ къ церковнымъ богослуженіямъ. Неопустительно служилъ въ числѣ собора священниковъ во всѣ праздники и воскресные дни. Служеніе его отличалось большимъ благолѣпиемъ и торжественностью. Обладая пріятнымъ, прекраснымъ голосомъ и представительной наружностью, онъ весьма благопрістойно и величественно держалъ себя во время богослуженія, что оказывало особое благотворное дѣйствіе на всѣхъ молящихся. Любилъ благолѣпіе священныхъ облаченій. Служилъ нерѣдко и въ будничные дни раннюю Литургію. Особенно излюбленнымъ мѣстомъ служенія былъ для него нижній соборъ, посвященный его тезоименитымъ святымъ. Послѣ ранней службы онъ всегда имѣлъ обыкновение приходить еще къ поздней Литургіи, стоялъ въ храмѣ до чтенія Евангелія. Продолжительныя аѳонскія бдѣнія выстаивалъ всегда до конца, невзирая ни на жару, ни на духоту. Вкушалаь обязательно всегда съ братіей и никогда не позволялъ себѣ принимать пищу внѣ общей братской трапезы.

За нѣсколько дней до Великаго поста 1908 года отецъ Іосифъ заболѣлъ инфлюэнцей, которая, надо полагать, ослабила его крѣпкое здоровье. Къ этой болѣзни добавилось воспаленіе легкихъ.

7 іюля больной во время утрени пожелалъ причаститься. Послѣ ранней Литургіи надъ нимъ было соборно совершено таинство елеосвященія.

Въ девять часовъ утра къ весьма больному отцу и настоятелю своему пришли всѣ соборные старцы. Старѣйшій изъ нихъ іеросхимонахъ Николай<sup>451</sup> близко наклонился къ больному и сказалъ: «Благослови насъ, батюшка. Вотъ мы пришли къ вамъ, попросить васъ сказать намъ что нибудь на пользу».

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и уже послѣ третьей просьбы отца Николая больной началъ говорить короткими фразами, сначала тихо, а потомъ погромче: «Миръ имѣйте между собой... Миръ и любовь имѣйте между собой... Начальства не ищите... Я не искалъ настоятельства... какъ меня избрала Царица Небесная, такъ Она же Сама изберетъ вамъ и настоятеля... А вы повинуйтесь ему... Какіе мы получили отъ нашихъ старцевъ уставы и порядки, вы ихъ и сохраняйте... Все, что я желалъ, Господь и Препоблагословенная Его

<sup>450</sup> АРПМА. Док. № 1267.

<sup>451</sup> Схіеромонахъ Николай (въ міру Николай Петровичъ Луковниковъ) бывшій мѣщанинъ города Торжка Тверской губерніи. Имя его матери — Агриппина. Родился въ 1835 году. Жилъ въ Андреевскомъ скиту. Преставился 5 февраля 1916 года.



Матерь во всемъ помогли мнѣ... Синодиковъ благодѣтельскихъ поминать не оставляйте... Милостыню бѣднымъ всегда и щедро оказывайте... Хотя я иногда и ропталъ на нихъ, но всегда старался удовлетворять ихъ нуждамъ... За это и насъ Господь не оставитъ... Сами видите, какъ обитель наша увеличилась и благоустроилась, и всего имѣется въ изобиліи... И впредь Господь за это не оставитъ насъ...»

Лишь только больной началъ все это говорить, какъ у старцевъ и у заходившихъ въ это время другихъ братій стали наvertываться на глазахъ слезы, потомъ многіе заплакали, и наконецъ уже многіе плакали навзрыдъ. Послѣ этого больной подозвалъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ, крѣпко обнялъ каждого, поцѣловалъ и благодарилъ за труды и послушаніе ихъ. Нѣкоторымъ далъ особыя краткія наставленія. Затѣмъ утомленный старецъ умолкъ, и больше ни съ кѣмъ не говорилъ, и черезъ нѣсколько минутъ мирно и тихо почилъ о Господѣ.

## Архимандритъ Іеронимъ (Силинъ)

Архимандритъ Іеронимъ (въ міру Иванъ Васильевичъ Силинъ, онъ же Хамилинъ) родился въ 1866 году въ крестьянской семьѣ села Сербилово Гавриловской волости Суздальскаго уѣзда Владимірской губерніи. Его мать звали Варварой. Она рано умерла, и отецъ Ивана Василій, очень набожный и благочестивый христіанинъ, рѣшилъ постричься въ монахи. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ, гдѣ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Варнава.

Мальчикъ Иванъ росъ у своего дяди среди многочисленныхъ племянниковъ. Онъ часто думалъ объ отцѣ и той жизни, которую тотъ велъ далеко на Аѳонѣ, и въ юномъ сердцеѣ постепенно зрѣла мысль и самому вступить на тотъ же путь. Исполнить свой замыселъ онъ смогъ только послѣ отбытія военной службы.

Въ 1888 году 22-лѣтній Иванъ пріѣхалъ на Аѳонъ и поступилъ въ Андреевскій скитъ, гдѣ жилъ и его отецъ. Ивана скоро постригли въ рясофоръ съ именемъ Іеронимъ. Онъ выполнялъ различныя послушанія по хозяйственной части и одновременно былъ пѣвчимъ, пѣлъ басомъ. Въ 1890 году вмѣстѣ съ отцомъ Іосифомъ (Бѣляевымъ) былъ посланъ съ чудотворной иконой на Петербургское подворье. На подворьѣ от-

ецъ Іеронимъ также исполнялъ послушаніе пѣвчаго. Въ 1896 году его постригли въ мантию съ тѣмъ же именемъ.

Послѣ пострига по благословенію игумена Іосифа отецъ Іеронимъ учился въ Карейской школѣ Аѳона, затѣмъ въ извѣстномъ Халкинскомъ богословскомъ училищѣ — высшемъ духовномъ училищѣ на Востокѣ. Въ 1900 году его рукоположили въ іеродіакона, а 1905 году — въ іеромонаха. Послѣ хиротоніи онъ проходилъ послушаніе эконома на Константинопольскомъ подворьѣ скита, а впослѣдствіи сталъ настоятелемъ подворья.

Въ 1908 году умеръ игумень Іосифъ, и братія скита новымъ игуменомъ избрала отца Іеронима. Братія очень уважала и любила молодого и образованнаго настоятеля, чѣмъ позавидовалъ врагъ чело-вѣчества и навелъ на скитъ невѣроятное тяжелое искушеніе — раздоръ, вызванный ученіемъ имябожниковъ. Извѣстно, что



главнымъ идеологомъ этого ученія былъ насельникъ Андреевскаго скита іеромонахъ Антоній (Булатовичъ)<sup>452</sup> и именно съ благословенія отца Іеронима онъ приступилъ къ изученію этого ученія, впослѣдствіи ставъ его рьянымъ сторонникомъ. Изъ-за раздоровъ среди братіи отецъ Іеронимъ даже вынужденъ былъ на время оставить обитель, но его твердая позиція въ защиту Православія и единства Церкви сыграла важную роль въ преодоленіи этого страшнаго искушенія. Послѣ изгнанія имябожниковъ съ Аѳона онъ возвратился въ скитъ въ качествѣ игумена и всѣми силами старался возстановить прежнее единство братіи. За противостояніе имябожнической ереси Вселенскимъ Патріархомъ Германомъ онъ былъ награжденъ панагіей.

<sup>452</sup> Схиіеромонахъ Антоній (въ міру Александръ Ксаверьевичъ Булатовичъ) уроженецъ Орловской губерніи. Сынъ генераль-майора. Былъ ротмистромъ и награжденъ за военную службу многими орденами. Въ 1906 году вышелъ въ отставку. Прибылъ на Аѳонъ и 8 марта 1907 года былъ постриженъ въ схиму. Рукоположенъ въ іеромонаха 8 мая 1910 года. Сталъ главнымъ апологетомъ имябожничества на Аѳонѣ. Написалъ много статей и книгъ въ защиту имябожничества. Основное его сочиненіе на эту тему «Апология вѣры во имя Божье и во имя Іисусъ». За свое ученіе былъ изгнанъ изъ Андреевскаго скита и поступилъ въ Благовѣщенскую келлію къ старцу Парѳенію. Съ февраля 1913 года находился въ Россіи и здѣсь защищалъ свое ученіе. Умеръ 6 декабря 1919 года въ Луциковкѣ, былъ убитъ грабителями.

Отецъ Иеронимъ прилагалъ немало усилій, чтобы возстановить доброе имя обители, по его благословенію, «чтобы упрочить положеніе Андреевскаго скита въ Россіи іеромонахъ Питиримъ, настоятель Одесскаго подворья, и іеромонахъ Макарій добиваются Высочайшей аудіенціи. Они побывали 30 января 1914 въ Царскосельскомъ дворцѣ и въ присутствіи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Саблера были представлены Его Императорскому величеству. Официальное названіе этого приема было таково: „Высочайшая аудіенція, данная уполномоченнымъ Свято-Андреевскаго общежительнаго скита на Аѳонѣ по поводу принесенія ими Его Императорскому Величеству Государю Императору благодарности Скита за прекращеніе иноческой смуты на Святой Горѣ и для поднесенія Государю древняго образа Всемиловитаго Спаса Господа нашего Иисуса Христа“. Эта была первая въ исторіи обители подобная аудіенція. Краткая замѣтка въ скитскомъ журналѣ извѣщаетъ насъ, что аудіенція эта была вызвана желаніемъ архимандрита Иеронима, соборныхъ отцовъ и всей братіи выразить благодарность Русскому Императору, “державной волей коего Свято-Андреевская Аѳонская обитель была избавлена отъ безпорядковъ, смуть и разоренія,,.

Государю былъ подаренъ древній, XV вѣка, образъ Спасителя византійскаго письма (12 вершковъ длиной), Государынѣ Императрицѣ — копія чудотворной иконы „Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе“ въ серебряномъ съ эмалью окладѣ и книга скитскаго изданія „Взбранной Воеводѣ“, Цесаревичу — складень „Въ скорбѣхъ и печалѣхъ Утѣшеніе“ со святителемъ Алексіемъ Московскимъ и св. ап. Андреемъ Первозваннымъ, Великой Княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ — образъ Казанской Божіей Матери, Татьянѣ Николаевнѣ — складень съ иконой Божіей Матери „Достойно есть“, съ апостоломъ Андреемъ и благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ, Маріи Николаевнѣ — складень съ Казанской иконой Божіей Матери, преп. Серафимомъ Саровскимъ и Александромъ Невскимъ, Анастасіи Николаевнѣ — Касперовская икона Божіей Матери. Кромѣ того, были подарены: альбомъ съ видами скита, 36 снимками и поясненіемъ къ нимъ и краткой исторіей скита. Былъ подаренъ также экземпляръ изданія „Наставленія и утѣшенія Святой вѣры христіанской“ за 1912 годъ, кипарисовый ларець съ аѳонскимъ ладаномъ и просфора о здравіи»<sup>453</sup>.

Наступилъ 1914 годъ, и Андреевскій скитъ не остался безучастнымъ и къ судьбѣ Россіи. По благословенію отца Иеронима на подворьѣ въ Одессѣ былъ организованъ лазаретъ на 20 мѣсть. «Уже 24 августа 1914 года устройство лазарета согласовано съ городскимъ комитетомъ Краснаго Креста, а 28 августа уже состоялось освященіе. 2 сентября уже начинаютъ поступать первые раненые. Кромѣ того, обитель жертвуетъ черезъ оберъ-прокурора Синода 5000 рублей на нужды Краснаго Креста и 5000 рублей Его Императорскому Величеству на военныя нужды. Въ дѣйствующую армію было

---

<sup>453</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія кельи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 18.

отправлено 2 миллионъ брошюръ и листовъ религиозно-нравственнаго содержанія, а также многіе тысячи экземпляровъ Евангелій, священныхъ изображеній, крестиковъ. На складъ фонда Ея Императорскаго Величества поступилъ скитскій журналъ въ количествѣ 30 000 экземпляровъ Въ 1914 году лазаретъ принялъ 53 раненыхъ, въ 1915 году — 131 раненаго. На оборудованіе и содержаніе лазарета израсходовано въ 1914 году 34 000 рублей, въ 1915 году — 6250 рублей. Лазарету было присвоено имя Наслѣдника Цесаревича»<sup>454</sup>.



Несмотря на внѣшнюю активность отца Іеронима, его сердце не могло полностью исцѣлиться отъ глубокой раны, нанесенной ему фактомъ лишенія скита многихъ его членовъ. Онъ глубоко переживалъ изъ-за происшедшаго и укорялъ себя, что не смогъ предотвратить это страшное событіе. Скитъ лишился почти 250-ти своихъ насельниковъ, что было такой невосполнимой потерей, что обитель уже не смогла оправиться отъ этого удара. Въ противостоянїи горю отца Іеронима постоянно поддерживалъ его родной отецъ — схимонахъ Варнава. Но 30 декабря 1918 года и онъ оставилъ его — старецъ умеръ. Какъ истинный членъ Церкви, отецъ Іеронимъ всегда былъ увѣренъ въ правильности изгнанія имябожниковъ, но, какъ человекъ, не смогъ пересилить страданій своего сердца, тяжело переживавшаго разлуку съ братьями, и начавшагося упадка родной обители.

10 января 1920 года отецъ Іеронимъ, внѣшне совершенно здоровый, умеръ отъ разрыва сердца во время колки дровъ.

## Іеросхимонахъ Евдокимъ (Евдокимовъ)

Іеросхимонахъ Евдокимъ (въ міру Григорій Васильевичъ Евдокимовъ) былъ уроженцемъ села Турбичева, которое находилось около города Дмитрова Московской губерніи. Его мать звали Ниной. Послѣ ухода въ монастырь единственнаго сына и смерти своего мужа она также поступила въ монастырь и въ монашествѣ носила имя Харалампія (преставилась въ 1938 году). Ея примѣру послѣдовала также сестра Григорія. Она поступила въ монастырь и стала монахиней Анастасіей. Легко представить, въ какой набожной семьѣ росъ Григорій, и понятно, почему онъ рѣшилъ стать монахомъ.

<sup>454</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія кельи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 18–19.



Въ 1906 году Григорій прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ, гдѣ 21 марта 1909 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Геронтій, а 15 февраля 1912 года — въ мантию съ именемъ Харалампій. Въ 1913 году онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1930 году — въ іеромонаха. Послушаніе отецъ Харалампій проходилъ переплетчикомъ и портнымъ. Онъ такъ усовершенствовался въ переплетномъ дѣлѣ, что былъ извѣстенъ по всѣму Аѳону. У него обучались переплетному дѣлу монахи и изъ другихъ обителей. Имъ лично были переплетены книги для Пантелеимонова монастыря, въ которыхъ были помѣщены фотоальбомы, составленные отцомъ Флегонтомъ (Лебедевымъ). Но главное, почему его всѣ знали и любили на Аѳонѣ, — его безграничная доброта и любовь къ людямъ.

Вотъ какъ вспоминаетъ его въ своихъ запискахъ одинъ паломникъ: «Появился мой старый другъ и пріятель отецъ Харалампій. Весьма характерно для аѳонскаго любвеобилія, какъ мы познакомились съ нимъ. Было это въ 1923 году. На Пасху этого года выбрался я на послѣднія деньги со студенческой экскурсіей на Аѳонъ. Студенческая жизнь моя протекала въ великой нуждѣ, и на Аѳонъ я прибылъ въ рваненькомъ пальтишкѣ и старенькомъ костюмчикѣ. Денегъ едва-едва хватило на дорогу. И вотъ, какъ сейчасъ помню, попали мы въ книжную лавку Андреевскаго скита. Глаза разбѣжались передъ множествомъ духовныхъ сокровищъ. Чего бы только не закупить, да вся бѣда — денегъ нѣтъ. Попалось мнѣ жизнеописаніе особенно чтимаго мной старца Амвросія Оптинскаго, и невольно потекли слезы отъ невозможности приобрѣсти даже эту совѣмъ недорогую книжку. Долго я перелистывалъ ее и со вздохомъ положилъ обратно на полку. Такъ и уѣхалъ съ Аѳона безъ этой книги.

Прошло нѣсколько недѣль по возвращеніи моемъ въ Бѣлградъ. Моему другу и однокашнику по богословскому факультету, нынѣ архимандриту Саввѣ (Совѣтову), духовнику митрополита Діонисія Варшавскаго, пришла посылка съ Аѳона, и въ ней „Жизнеописаніе старца Амвросія“ со слѣдующей надписью: „По просьбѣ своего друга іеродіакона Харалампія выпросилъ у лавочника сію книгу и прошу передать студенту съ бородкой, который такъ хотѣлъ и не могъ ее приобрѣсти. Іеродіаконъ Агафангелъ“.

Оказывається, ієродіаконъ Харалампій былъ въ это время въ лавкѣ и имѣлъ возможность наблюдать мою скорбь отъ невозможности приобрѣсти книжку. Такъ завелось мое знакомство съ этимъ милымъ и добрымъ монахомъ»<sup>455</sup>.

Отецъ Харалампій былъ также гидомъ по Аѳону многихъ знаменитыхъ гостей. Писатель Вл. Маевскій называетъ его своимъ другомъ и спутникомъ<sup>456</sup>. Онъ также поддерживалъ духовную связь со многими монахами по всѣму Аѳону, многіе искали его совѣтовъ и утѣшеній. Ієродіаконъ Іоанникій (Погребняковъ), насельникъ келліи Бѣлозерка, послѣ смерти отца Харалампія напишетъ въ своемъ дневникѣ: «Скончался въ Андреевскомъ скиту мой добрый пріятель ієромонахъ Харалампій, а въ схимѣ Евдокимъ. Добрый былъ для многихъ этотъ батюшка»<sup>457</sup>.

23 сентября 1942 года отца Харалампія постригли въ схиму съ именемъ Евдокимъ, онъ въ это время болѣлъ тяжелой болѣзью и почти не выходилъ изъ своей кельи.

16 марта 1943 года отецъ Евдокимъ умеръ отъ водянки. Вся братія Андреевскаго скита и многіе монахи изъ близлежащихъ келлій пришли провожать своего друга и наставника, истиннаго христіанина, жизнь котораго была яркимъ примѣромъ братской любви.

## Схіархимандритъ Митрофанъ (Щербаковъ)

Схіархимандритъ Митрофанъ (въ міру Михаилъ Васильевичъ Щербаковъ) родился въ 1874 году въ Ярославской губерніи.

Въ Свято-Андреевскій скитъ Михаилъ Васильевичъ поступилъ въ 1897 году, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Митрофанъ. Въ 1908 году онъ былъ рукоположенъ въ ієродіакона, а въ 1910 году — въ ієромонаха. Съ самаго начала своего подвижничества онъ былъ на послушаніяхъ при храмѣ: помощникомъ ризничаго, пономаремъ и главнымъ ризничимъ. Въ 1911–1915 годахъ былъ настоятелемъ подворья скита въ Санктъ-Петербургѣ. Во время Первой міровой войны съ трудомъ вернулся на Аѳонъ и сталъ духовникомъ братіи. Послѣ кончины игумена Ієронима онъ былъ избранъ братіей игуменомъ скита. Съ 22 января 1920 года Константинопольскимъ Патріархомъ онъ былъ утвержденъ въ этой должности съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ постриженъ въ схиму съ тѣмъ же именемъ.

<sup>455</sup> *Серафимъ, ієромонахъ*. На св. Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года // Православный Русскій Календарь за 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 48.

<sup>456</sup> *Маевскій В.* Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 70.

<sup>457</sup> АРПМА. Док. № 482. С. 318.



Отца Митрофана, наряду съ игуменомъ Руссика отцомъ Мисаиломъ (Сапегинымъ), называли столпомъ русскаго монашества на Аѳонѣ. За скромность и кротость онъ заслужилъ любовь и уваженіе всѣхъ насельниковъ Аѳона. Вотъ какъ его описываетъ писатель Вл. Маевскій: «Этотъ спокойный и вдумчивый инокъ съ лицомъ аскета сразу произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе какъ всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ, обнаруженнымъ почти съ первыхъ же фразъ нашей первой бесѣды.

Игумень Митрофанъ — типичный монахъ аскетическаго склада, могущій служить отличной моделью для хорошаго художника. Онъ высокъ ростомъ, а вмѣстѣ съ этимъ худощавъ и сухъ, что, несомнѣнно, является слѣдствіемъ его воздержанной и постнической жизни. У него такое же аскетическое,

вполнѣ гармонирующее со всей его фигурой сухощавое лицо, которое озаряютъ два умныхъ, пронизательныхъ, но немного болѣзненныхъ глаза. Отецъ Митрофанъ прекрасно духовно начитанъ и обладаетъ рѣдкой способностью понимать самыя отвлеченныя богословскія сочиненія. Въ то же время онъ самъ является инокомъ высокой и строгой жизни.

Строгій къ себѣ и снисходительно терпѣливый ко всѣмъ окружающимъ, этотъ игумень при первомъ впечатлѣніи, пожалуй, можетъ показаться даже нѣсколько суховатымъ. Но при дальнѣйшемъ знакомствѣ онъ положительно очаровываетъ своей сердечностью, простотой и отеческой заботливостью. Въ разговорѣ отецъ Митрофанъ улыбался рѣдко, но если ужъ улыбался, то дѣлалъ это увлекательно мягко. И всегда ровно, всегда спокойно звучитъ его голосъ, никогда не возвышающійся, но, несомнѣнно, обладающій громадной силой нравственнаго вліянія.

Поэтому послѣ нашей первой бесѣды и полученія благословенія я уходилъ, всецѣло находясь подъ обаяніемъ этого рѣдкаго человѣка, несомнѣнно достигшаго духовныхъ высотъ, совершенно не доступныхъ и не знакомыхъ людямъ мірской суеты»<sup>458</sup>.

Для дополненія этого прекраснаго портрета приведемъ слова іеромонаха Серафима, посѣтившаго Аѳонъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ и тоже пораженнаго простотой

<sup>458</sup> Маевскій В. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 55.

и любовью отца Митрофана: «Окончилась служба. Вотъ первый вышелъ со своей стасидіи высокій худощавый монахъ и, слегка опираясь на небольшой посохъ, направился къ выходу. Это игуменъ св. Андреевскаго скита архимандритъ Митрофанъ. Трудно признать въ семъ скромномъ, простомъ на видъ монахѣ съ ярославскимъ выговоромъ настоятеля большой обители. Архимандритъ Митрофанъ не старый человекъ..., но у него есть свой талантъ — покоряющая сердце скромность.

Разсказываютъ, что однажды такъ же вотъ, какъ и ко мнѣ теперь, подошелъ отецъ Митрофанъ ко вновь прибывшему паломнику. Тотъ послѣ первыхъ разспросовъ сказалъ, что очень усталъ и хотѣлъ бы отдохнуть. Отецъ архимандритъ, не говоря ни слова, отвелъ его на архондарикъ и, не найдя гостинника, самъ сходилъ на кубъ за кипяткомъ, приготовилъ чай и обслуживалъ гостя какъ простой послушникъ, и только на другой день паломникъ тотъ узналъ, кто ему подавалъ чай. Дороже всего то, что скромность эта у отца архимандрита Митрофана не искусственная или выработанная, а природная, присущая его натурѣ.

Встрѣча наша съ милымъ батюшкой Митрофаномъ была теплая, душевная. Повелъ онъ нежданнаго, негаданнаго гостя въ свои настоятельскіе покои угощать чаемъ съ дорожки. А „покои“ состоятъ всего изъ пріемной и небольшой кельи, служащей и спальней, и чайной, и т. п.»<sup>459</sup>.

Отецъ Митрофанъ, несмотря на свою кротость, былъ отличнымъ организаторомъ и внимательнымъ, заботливымъ руководителемъ, ему пришлось возглавлять скитъ при почти полномъ отсутствіи внѣшней помощи, поэтому требовалась мобилизація всѣхъ внутреннихъ силъ, чтобы поддерживать жизнедѣятельность его, съ чѣмъ онъ прекрасно справился. Онъ смогъ установить контакты съ представителями русской эмиграціи и черезъ нихъ организовать матеріальную поддержку скита. Братіи самъ лично подавалъ примѣръ трудолюбія и нестяжательности, трудился на огородѣ и въ саду, при заготовкѣ дровъ и разгрузкѣ кораблей. Онъ былъ всюду рядомъ со своими чадами.

Отецъ Митрофанъ имѣлъ тѣсный контактъ со старцами Руссика и всѣ свои дѣйствія координировалъ съ ними. Онъ прекрасно понималъ, что совмѣстно съ другими русскими обителями было легче пережить тяжелыя времена лишеній и упадка. Онъ постоянно переписывался съ наставниками Руссика не только о дѣлахъ насущныхъ, но и о духовныхъ вопросахъ<sup>460</sup>.

Преставился отецъ Митрофанъ 9 марта 1949 года.



<sup>459</sup> *Серафимъ, іеромонахъ*. На св. Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года // Православный Русскій Календарь за 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 47.

<sup>460</sup> АРПМА. Док. № 1267.

## Схіархимандритъ Михаилъ (Дмитріевъ)

Схіархимандритъ Михаилъ (въ міру Михаилъ Дмитріевичъ Дмитріевъ) родился въ 1887 году въ мѣщанской семьѣ города Новоржева Псковской губерніи. Получилъ гимназическое образованіе, но гражданская служба его не привлекала, такъ какъ съ дѣтства онъ мечталъ стать Божьимъ человѣкомъ — монахомъ.

Въ 1911 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Свято-Андреевскій скитъ, гдѣ въ 1914 году былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Мина, а въ 1920 году — въ мантію съ именемъ Михаилъ. 16 августа того же года онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 11 июня 1942 года — въ іеромонаха.

Все время своего пребывания въ Андреевскомъ скиту отецъ Михаилъ имѣлъ послушанія по экономской части: сначала былъ помощникомъ эконома, послѣ главнымъ экономомъ и казначеемъ. Онъ былъ правой рукой игумена Митрофана, и благодаря его самоотверженной службѣ на благо скита въ тяжелыя для обители времена братіи скита намного было облегчено бремя лишений. Онъ также курировалъ библиотечное дѣло и много заботился о библиотекѣ, ревностно пріобрѣталъ древнія книги для обогащенія книжнаго фонда скитской библиотеки. При этомъ онъ былъ необыкновенно скромнымъ человѣкомъ, думалъ о себѣ, что онъ хуже всѣхъ, и ставилъ себя позади всѣхъ, считалъ себя недостойнымъ даже малой почести. Когда въ 1945 году его постригли въ схиму и игумень Митрофанъ ему открылъ свое намѣреніе поставить его послѣ себя игуменомъ скита, то онъ рѣшилъ любыми средствами избѣжать этой почести. По этой причинѣ онъ попросилъ игумена Митрофана уволить его со скита и 22 февраля 1947 года поступилъ въ Руссикъ, опредѣлившись среди братства Крумицкаго метоха, выполняя рядомъ съ нимъ обычныя послушанія новоначального послушника.

9 марта 1949 года умеръ игумень Андреевскаго скита отецъ Митрофанъ, и братія скита на своемъ собраніи новымъ игуменомъ единогласно избрала отца Михаила. Онъ наотрѣзъ отказался отъ этой должности, но андреевцы не собирались мѣнять своего рѣшенія и въ теченіе шести мѣсяцевъ посылали на Крумицу делегацію за делегаціей къ отцу Михаилу съ просьбой принять должность игумена. Въ концѣ концовъ, убѣдившись, что такова воля Божія, отецъ Михаилъ согласился, и 28 октября 1949 года онъ былъ интронизированъ седьмымъ по счету и, къ сожалѣнію, послѣднимъ русскимъ игуменомъ Андреевскаго скита съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Отецъ Михаилъ въ своей личности прекрасно совмѣщалъ образованность и набожность, его интеллектъ обогащалъ его искреннюю вѣру въ Бога, и, наоборотъ, вѣра

въ Бога укрѣплялась его глубокимъ интеллектомъ. Интересный портретъ отца Михаила далъ намъ писатель Анатолий Даровъ. Вотъ что онъ пишетъ: «На всемъ обликѣ старца — полное невниманіе къ себѣ, будто онъ уже не живетъ на землѣ, а только ходитъ по ней лишь для того, чтобы входить въ алтарь: все богослуженіе совершаетъ самъ! Его подручные пять монаховъ и іеромонаховъ такъ стары, что уже даже стоять на службахъ не всегда могутъ. Прежде всего, „мы псковскіе“. „Значитъ, вы вроде землякъ мой, — говорилъ отецъ Михаилъ. — Сѣверные русскіе — все земляки. Помню мой Псковъ, какъ же... Родина... Она и для монаха остается въ силѣ и славѣ. Въ дѣтстве-то, бывало, охъ какъ трудно было учиться... Въ тѣ времена во всемъ мірѣ простымъ людямъ все давалось съ трудомъ, не то что теперъ. Однажды взмолился даже. И вдругъ полегчало. И ученіе-то пошло быстро, блестяще. Съ тѣхъ поръ и увѣровалъ въ силу молитвы“.

Съ какимъ вниманіемъ спрашивалъ обо мнѣ! Какъ будто я не просто гость, а посланецъ отъ самыхъ дорогихъ и близкихъ друзей. Какіе только вопросы не были затронуты, и самые неожиданные для монаха, и понятные для университетски образованнаго человѣка, но больше всего — о воспитаніи дѣтей, въ чемъ я ничего не смыслю. И о книгопечатаніи на Руси, причемъ почтительно выслушиваю настоящую лекцію съ цитатами наизусть. Послѣднее понятно: отецъ Михаилъ большой книголюбъ и страстный коллекціонеръ. Мы, русскіе, всегда къ книгѣ относились съ большимъ почтеніемъ. Лѣтописецъ говоритъ: „Отъ книжныхъ словъ пріобрѣтаемъ мы мудрость“. Монастыри наши были первыми и библіотеками, и школами. Какъ можно послѣ этого уничтожать святые стѣны? „Вотъ, и Горькій, — отецъ Михаилъ, призвавъ на помощь нѣсколько морщинокъ на высокомъ лбу, вспомнилъ, — писалъ: «Книга, можетъ быть, наиболѣе сложное и великое чудо изъ всѣхъ чудесъ, сотворенныхъ человѣкомъ»“. Но о сгорѣвшей своей библіотекѣ — вскользь и сухо... А вѣдь всю жизнь собиралъ...

Выходимъ во дворъ. Прямо напротивъ выхода стоятъ обгорѣвшія стѣны библіотеки со вставленными въ небо окнами. Потомъ я узнаю, какъ много на Аѳонѣ говорятъ и скорбятъ о ней и о томъ, будто отецъ Михаилъ не старался ее спасти. Конечно, власть игумена велика. Восьмидесятилѣтніе монахи, какъ одинъ, бросились бы по его слову въ огонь и въ воду. Но воды не было. Поэтому игумень запретилъ спасать дѣло всей своей жизни. „Пусть горятъ!“ — будто бы сказалъ онъ»<sup>461</sup>.

Дѣйствительно, 17 іюля 1958 года былъ самымъ страшнымъ днемъ въ жизни отца Михаила. Ночью по неустановленнымъ причинамъ вспыхнулъ пожаръ и загорѣлась библіотека. Спасти ее не было никакой возможности, изъ-за давно испорченнаго водопровода въ скитъ не поступала вода, а братія состояла изъ нѣсколькихъ восьмидесятилѣтнихъ старцевъ. Сгорѣла вся библіотека и весь архивъ. Это стало невосполнимой утратой не только для скита, но и для всего цивилизованнаго міра. Безцѣнное культурное

<sup>461</sup> Даровъ А. Берегъ — «нѣтъ человѣка» (Аѳонъ современный и вѣчный). Нью-Йоркъ, 1966. С. 15.

наслідіе исчезло въ огнѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ тотъ моментъ никто не понималъ масштаба трагедіи такъ отчетливо, какъ отецъ Михаилъ. Онъ зналъ каждый экспонатъ горѣвшей бібліотеки персонально, онъ самъ ихъ когда-то, книгу за книгой, предметъ за предметомъ, собиралъ, и теперь все это передъ нимъ пылало огромнымъ костромъ. Одинъ Богъ знаетъ, что творилось въ его сердцѣ въ эту страшную минуту, только твердая вѣра въ Промыселъ Бога не дала немедленно разорваться его сердцу.

Отецъ Михаилъ имѣлъ постоянный контактъ со старцами Руссика. До пожара, въ 1957–1959 годахъ, онъ часто писалъ письма игумену Іустину<sup>462</sup>. Послѣ пожара онъ полностью затворился и въ теченіе шести лѣтъ уже ни съ кѣмъ не общался. Только въ іюлѣ 1963 года принялъ у себя въ скиту делегацію Московской Патріархіи во главѣ съ митрополитомъ Никодимомъ (Ротовымъ), прибывшими на Аѳонъ для празднованія 1000-лѣтія Аѳона.

Преставился отецъ Михаилъ 18 октября 1965 года.

---

<sup>462</sup> АРПМА. Док. № 3708.

# **ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ**

**ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ  
СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ  
РУССКАГО СВЯТО-ИЛЬИНСКАГО СКИТА  
НА АѦОНѦ**



## Схіархимандритъ Паисій

Схіархимандритъ Паисій<sup>463</sup> родомъ былъ болгаринъ. Его родители переѣхали изъ Филиппополя въ городъ Килію Бессарабской области, гдѣ онъ и родился. Впослѣдствіи они переселились въ Кишиневъ. Въ 15-лѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ Добрушскій монастырь, но пробылъ тамъ недолго. Гавріиль, митрополитъ Кишиневскій и Хотинскій, во время посѣщенія монастыря замѣтилъ его и велѣлъ игумену немедленно прислать его въ митрополию, гдѣ началась общественная дѣятельность отца Паисія какъ вподіакона при экзархѣ Гавріилѣ. Въ 1825 году онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1831 году — въ іеромонаха и былъ поставленъ игуменомъ въ Соручанскій монастырь.

Въ 1839 году отецъ Паисій испросилъ отъ епархіальнаго начальства увольненіе и прибылъ на Святую Гору Аѳонъ. Здѣсь онъ купилъ въ Кавсокаливскомъ скиту келлію, гдѣ поселился со своимъ другомъ и соратникомъ іеродіакономъ, котораго также звали Паисіемъ. Вѣсть о высокой духовности отца Паисія быстро разошлась по всѣму Аѳону. Къ нему за совѣтами рѣшкой потекли иноки разныхъ обителей, всѣ дивились его разсудительности и прозорливости.

Лѣтомъ 1841 года братія Ильинскаго скита по жребію избрала отца Паисія своимъ настоятелемъ и пригласила его въ скитъ. Отецъ Паисій ни за что не хотѣлъ разставаться съ пустынной своей келліей и далъ имъ твердый отказъ. Тогда братія скита второй разъ бросила жребій, и опять выпала кандидатура отца Паисія, и они, увѣренные, что самъ Богъ желаетъ въ настоятели скита отца Паисія, стали его уговаривать болѣе настойчиво, и наконецъ онъ согласился.

Первымъ дѣломъ онъ началъ приводить въ порядокъ церкви скита: завершилъ строительство соборнаго храма во имя святителя Митрофана, и въ ноябрѣ 1842 года она была освящена. На другой годъ отецъ Паисій съ Божьей помощью построилъ новый корпусъ между церквями Благовѣщенія и святителя Митрофана. Онъ разломалъ также всѣ старыя мелкія кельи вокругъ скита и построилъ скитъ въ большемъ размѣрѣ. Въ теченіе семи лѣтъ ему удалось перестроить весь скитъ.

Въ 1850 году перестройка скита была завершена и въ немъ началось умноженіе братства. Несмотря на это, отецъ Паисій не прекращалъ самъ лично трудиться

---

<sup>463</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Краткій очеркъ жизни и трудовъ въ Бозѣ почившаго настоятеля Русскаго Ильинскаго скита, что на Св. Аѳонской Горѣ, архимандрита Паисія. М., 1872. См. также: *Леонидъ (Кавелинъ), архимандритъ. Настоятель Русскаго Ильинскаго скита, что, на Аѳонской Горѣ, архимандритъ Паисій // Душеполезное Чтеніе. Кн. 4. 1872. С. 389–401.*

на обычныхъ послушаніяхъ, подавая личный примѣръ братіи. Днемъ работалъ онъ на огородѣ, копая и насаждая огородную зелень, или носилъ камни для ограды винограднаго сада, а ночью помогаль повару чистить лукъ, картофель, свеклу и все, что потребно было для варки пищи, рубилъ дрова и носилъ воду на кухню. Онъ владѣлъ и мастерствомъ портнаго и шилъ въ особой своей мастерской церковныя облаченія и одежду для братіи. Во время любаго его занятія всегда была открыта предъ нимъ для чтенія какая нибудь назидательная книга. Самъ онъ одежду носилъ простую и ветхую, такъ что приходящіе паломники, видя его одѣтымъ почти въ рубище, не могли признать въ немъ настоятеля.

Такъ однажды, когда собирали виноградъ, одинъ изъ русскихъ паломниковъ нарѣзавъ корзину винограда, даетъ ее отцу Паисію, а отъ него беретъ пустую корзину и говоритъ: «Дай мнѣ старикъ свою корзину, а это отнеси, гдѣ высыпаютъ». Лишь только взялъ отъ него отецъ Паисій наполненную виноградомъ корзину, какъ онъ узналъ въ немъ игумена и, павъ къ ногамъ его, просилъ прощенія за невѣжество свое.

Въ другое время, когда раскапывали источникъ, чтобы найти воду, онъ вмѣстѣ съ братіей и рабочими копаль землю и переносилъ камни. Работа эта продолжалась до двухъ мѣсяцевъ. Въ это время въ скитъ прибылъ одинъ нищій странникъ, чтобы попросить милостыню. Привратникъ на вопросъ объ игуменѣ отвѣчалъ ему, что игумень на работѣ, и затѣмъ отвелъ странника на то мѣсто, гдѣ продолжалась работа, и показалъ ему старца. Бѣднякъ, видя отца Паисія въ старомъ рваномъ подрясникѣ, измазанномъ грязью, оскорбился на привратника, но, не умѣя возможности объясниться по-русски, подумаль, что указанный ему человекъ такой же проситель милостыни, какъ и онъ, и отведенъ на работу. Поэтому онъ и самъ принялся работать съ прочими. Нося же на носилкахъ землю съ однимъ братомъ, онъ просилъ его показать ему игумена. Тотъ указаль на отца Паисія. Грекъ подумаль, что и этотъ братъ издѣвается надъ нимъ, потому что ни одинъ братъ не былъ одѣтъ проще отца игумена. И такъ нищій, оставаясь въ недоумѣніи, работалъ до самаго обѣда. Въ трапезной, видя отца Паисія, сидящаго на первомъ мѣстѣ, одѣтаго во всей монашеской одеждѣ, онъ все еще не вѣрилъ, этотъ ли былъ на работѣ въ рубищѣ. Но когда подошелъ къ нему послѣ трапезы съ прошеніемъ о подачѣ милостыни, то увидѣлъ подъ рясой тотъ же ветхій подрясникъ, изъ кармана котораго отецъ Паисій вынулъ серебрянникъ и подалъ ему. Тогда онъ крайне удивился смиренію и простотѣ настоятеля.

3 августа 1868 года отецъ Паисій былъ возведенъ въ санъ архимандрита, что было признаніемъ его несомнѣнныхъ заслугъ какъ настоятеля и духовнаго отца. Онъ имѣлъ многія дарованія отъ Бога, былъ смиренномудръ, называя себя незнающимъ и неопытнымъ, и въ трудныхъ обстоятельствахъ, не полагаясь на свое разсужденіе, хотя и богатъ

былъ имъ, всегда прибѣгалъ къ совѣту опытныхъ своихъ друзей — сомолитвенниковъ, особенно духовника Руссика отца Иеронима. И въ этомъ онъ находилъ для себя большую духовную помощь и утѣшеніе.

Посѣтивъ однажды отца Иеронима, отецъ Паисій на вопросъ, отчего онъ давно уже не посѣщалъ его, отвѣтилъ: «Предъ этимъ временемъ были у меня большія скорби, и я чувствовалъ большую нужду въ совѣтахъ, но отлучиться изъ обители было невозможно. Обстоятельства мои были тяжелы до крайности, на меня напала боязнь. Въ этомъ состояніи, придя въ церковь, я сталъ предъ иконой Божіей Матери и началъ просить Ее о помощи, и услышалъ отъ Нея голосъ: „Не бойся, Я ношу Носящаго вся“».

Это было за годъ до кончины его. Незадолго до смерти отецъ Паисій въ послѣдній разъ посѣтилъ Руссикъ, присутствовалъ и при освященіи въ старомъ Руссикѣ церкви на Пиргѣ во имя преподобнаго Саввы, епископа Сербскаго, и при закладкѣ собора святаго великомученика Пантелеимона, причемъ самъ положилъ въ его основаніе камень. Изъ Руссика онъ отправился на Крумицу, гдѣ провелъ въ безмолвной пустынѣ двѣ недѣли и, какъ самъ выразился, вполне насладился и утѣшился безмолвіемъ пустыннымъ, служивъ тамъ неоднократно. Возвратившись съ Крумицы въ Руссикъ еще на одинъ день, онъ раздѣлилъ съ братіей Руссика празднованіе дня Ангела отца Иеронима и на другой день, собравшись домой рано утромъ, говорилъ: «Простите, уже болѣе, кажется, не увидятъ очи мои Руссика». Такъ и случилось. Онъ отъ болѣзни слегъ и послѣдніе полгода уже не выходилъ изъ кельи. Посѣтившій его въ послѣдніе дни его жизни отецъ Иеронимъ спросилъ его, исполняетъ ли онъ дневную службу у себя въ кельѣ. Старецъ въ отвѣтъ сказалъ: «Нѣтъ. Съ начала болѣзни я это дѣлалъ, потомъ отяготился и въ безмолвіи, когда вся братія удаляется въ церковь, держу молитву Иисусову. Теперь же, когда болѣе ослабѣлъ, чаще всего повторяю молитву святаго Евстратія (читаемую ежедневно на субботней полунощницѣ): „Величая величаю Тя, Господи...“ и проч. Она меня умиляетъ». И сказавъ это, онъ прочиталъ эту молитву съ большой выразительностью и умиленіемъ до конца, а затѣмъ «Богородице Дѣво радуйся».

Преставился отецъ Паисій 5 сентября 1871 года. Передъ смертью его причастили. Передъ причащеніемъ онъ молился прерывающимся голосомъ словами: «Вѣрую, Господи и исповѣдую! Сподоби мя, Господи, неосужденно причаститься... Помяни мя, Господи». Послѣ причастія Святыхъ Таинъ, несмотря на физическія боли, онъ успокоился. Стонъ его былъ трогательнымъ, смѣшаннымъ съ молитвой, произносимымъ слабымъ и мало внятнымъ голосомъ: «Господи Иисусе, Пресвятая Богородице...» Потомъ онъ поднялъ руки какъ на молитвѣ и опустилъ ихъ на грудь крестообразно. Съ тѣмъ и дыханіе его прекратилось. Глаза и уста его были сомкнуты, и на устахъ показалась улыбка.

## Иеросхимонахъ Гавріиль (Чедаевъ)



Иеросхимонахъ Гавріиль<sup>464</sup> (въ міру Георгій Никитичъ Чедаевъ) былъ уроженцемъ Тульской губерніи. До прихода на Аѳонъ онъ былъ насельникомъ Кіево-Печерской Лавры, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Гервасій и тамъ же былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Онъ состоялъ духовникомъ кіевского митрополита Арсенія и пользовался извѣстностью благочестивѣйшаго подвижника, любившаго безмолвіе и уединеніе. Очевидно, это стремленіе къ тихой уединенной жизни и достиженію полного безмолвія привело его на Святую Гору, гдѣ очень скоро всѣ узнали о его подвижнической жизни и любили.

Самъ отецъ Паисій высоко цѣнили отца Гервасія и рекомендовалъ его въ преемники себѣ на должности настоятеля. Его кан-

дидатуру на этотъ постъ поддерживалъ также тогдашній русскій консулъ въ Солуни, знаменитый философъ Константинъ Леонтьевъ<sup>465</sup>. Вотъ почему отецъ Гервасій, несмотря на свое сравнительно недолгое пребываніе на Аѳонѣ, не болѣе трехъ лѣтъ, былъ избранъ въ настоятели. Но должность эту несъ онъ недолго: преклонный возрастъ и любовь къ безмолвію заставили его оставить скитъ.

Въ 1873 году онъ поселился въ Руссикѣ, гдѣ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Гавріиль. Здѣсь онъ жилъ до своей кончины въ уединенной келліи монастыря, поддерживая тѣсную духовную связь съ игуменомъ Руссика отцомъ Макаріемъ. Послѣдніе два года жизни онъ провелъ на подворьѣ Руссика въ Константинополѣ,

<sup>464</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Русскій общежительный скитъ св. пророка Іліи на св. Аѳонской Горѣ. Одесса, 1913.

<sup>465</sup> Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 242.

такъ какъ тяжелая болѣзнь заставила его оставить свою отшельническую келлію и прибѣгнуть къ помощи врачей. И отсюда онъ не прекращалъ переписываться съ отцомъ Макаріемъ, испрашивая у него духовныхъ совѣтовъ и молитвенной поддержки въ тяжеломъ испытаніи<sup>466</sup>.

Преставился отецъ Гавріиль въ Константинополѣ 5 января 1884 года.

## Іеросхимонахъ Андрей (Полтавскій)

Іеросхимонахъ Андрей (въ міру Аврамій Захаровичъ Полтавскій) былъ уроженцемъ города Измаила Бессарабской губерніи.

Онъ прибылъ на Аѳонъ въ 1847 году и поступилъ въ Ильинскій скитъ, гдѣ былъ постриженъ въ схиму въ 1857 году съ именемъ Андрей, въ 1858 году былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1863 году — въ іеромонаха.

Въ 1873 году послѣ ухода на безмолвіе отца Гавріила игуменомъ скита братіей былъ избранъ отецъ Андрей. Онъ на первыхъ порахъ своего настоятельства встрѣтилъ большое сопротивленіе отъ нѣкоторыхъ считавшихъ себя достойными настоятельства монаховъ, но, опираясь на большинство братіи, быстро смогъ упрочить въ скиту свое положеніе. Поддержали отца Андрея и старцы Руссика, отецъ Іеронимъ и отецъ Макарій, которые рѣшили дать обстоятельное разъясненіе всѣмъ противникамъ новаго игумена. «Желаніе ваше, — писали они имъ, — относительно перемѣны вещь неосуществимая, съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать этотъ предметъ»<sup>467</sup>. А отцу Андрею отецъ Іеронимъ посовѣтовалъ возвести на почетное положеніе въ скиту главнаго своего противника — бывшаго эконома отца Иннокентія.

Отецъ Андрей съ любовью принялъ совѣтъ мудраго старца и поспѣшилъ его же самого поставить судьей тѣхъ недоразумѣній, какія произошли въ скиту между нимъ и отцомъ Иннокентіемъ. «Отеческая Ваша и любвеобильная попечительность, — писалъ отецъ Андрей къ отцу Іерониму, — благоволитъ оказать въ нашей неопытности предосторожность, а тѣмъ болѣе ограничить въ обители миръ и согласіе съ тѣмъ, чтобы поставить въ первобытную должность отца Иннокентія. И тѣмъ намъ сохранить единеніе духа въ союзѣ мира, но мы съ покорностью просимъ Вашего благоволенія принять Ваши мѣры на разсмотрѣніе [происшедшее въ скиту] и оцѣнить ихъ вѣрность»<sup>468</sup>.

---

<sup>466</sup> АРПМА. Док.: № 785, 1347.

<sup>467</sup> Дмитріевскій А. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священноархимандрита Макарія (Сушкина). СПб., 1895. С. 245.

<sup>468</sup> Тамъ же. С. 250.

На этотъ призывъ отца Андрея отецъ Иеронимъ далъ обстоятельный отвѣтъ, гдѣ вновь призвалъ къ примиренію на общее благо скита. Отецъ Андрей смиренно подчинился совѣту великаго старца и протянулъ руку сотрудничества отцу Иннокентію, но окончательное примиреніе все-таки не состоялось. Отецъ Иннокентій добивался большаго, чѣмъ простое примиреніе, поэтому выѣхалъ изъ скита и отправился въ Россію, гдѣ скончался въ Кіевѣ въ 1878 году.

Отецъ Андрей же за свое смиреніе и готовность къ примиренію Господомъ былъ утѣшенъ видѣніемъ чуда, которое было засвидѣтельствовано собственноручными подписями всѣхъ старцевъ скита: «1877 года февраля, 17 дня, въ четвергъ второй седмицы Святой Четыредесятницы, послѣ отправленныхъ часовъ въ соборной церкви во имя св. пророка Іліи, въ третьемъ часу дня, увидѣли мы, нижеподписавшіеся семь человекъ, на иконѣ Божіей Матери Тихвинской, находящейся въ кивотѣ за престоломъ въ алтарѣ этой соборной церкви, ясный мокрый слѣдъ слезъ, пролитыхъ изъ праваго глаза Божіей Матери черезъ всю икону внизъ, которые всѣ остановились на плечѣ иконы. А на лѣвомъ глазу стояла одна большая капля слезы, которая минутъ черезъ 10 при насъ скатилась на  $\frac{1}{2}$  вершка внизъ. И мы въ это время эти слезы вытерли ватюю начисто и саму икону вынимали изъ кивота для осмотра ея съ обѣихъ сторонъ, и она оказалась совершенно сухою, и послѣ поставили ея на свое мѣсто, и, всѣ вышедши, заперли церковь съ тѣмъ, чтобы туда никто не входилъ. Послѣ этого черезъ три часа, въ половинѣ седьмаго, какъ только позвонили къ вечернѣ, мы вошли въ церковь и вновь увидѣли на этой иконѣ не совсѣмъ ясныя засохшія отъ времени слѣды слезъ Божіей Матери, изъ праваго глаза черезъ всю икону внизъ, которые остановились въ значительно замѣтной мокротѣ, на правой щечкѣ, и груди, и внизу на плечѣ, а изъ лѣваго глаза по иконѣ внизъ, которые всѣ остановились на правой благословляющей ручкѣ Предвѣчнаго Младенца Спасителя. А ниже ручки не пошло по иконѣ ни одной капли, тогда какъ вся ручка была замочена слезами, подобно какъ бы въ ту минуту значительно облита водою, и на этой ручкѣ слезы стояли, какъ мы смотрѣли болѣе часа, что было достойно удивленія, и въ это же время мы увидѣли на лѣвомъ глазу одну большую каплю слезы, которая черезъ четверть часа при насъ скатилась по иконѣ внизъ вершка на три, и во все это время на обоихъ глазахъ была отъ слезъ очень замѣтная мокрота. По видѣніи этомъ мы опять всѣ эти слезы вытерли. И послѣ того слезы отъ иконы не видѣли.

Въ истинномъ показаніи всего этого свидѣтельствуемъ собственноручною подписью и подтверждаемъ нашей Ильинской обители печатью 21 февраля 1877 года.

Подпись: Русскаго общежительнаго скита св. пророка Іліи настоятель іеросхимонахъ Андрей; іеромонахъ Паисій; іеросхимонахъ Каллисть; іеромонахъ Ливерій; іеродіаконъ Оеоктисть; монахъ Мануиль; монахъ Герасимъ»<sup>469</sup>.

---

<sup>469</sup> АРПМА. Док. № 1791.

Описанное чудесное явленіе отецъ Андрей принялъ какъ призывъ къ покаянію. Онъ все время сожалѣлъ, что не удалось ему окончательно примириться съ противостоящимъ ему братомъ, и поэтому въ 1878 году рѣшилъ оставить тотъ постъ, который былъ предметомъ спора, и провести оставшуюся жизнь въ безмолвіи, молитвѣ и уединеніи. Послѣ избранія новаго настоятеля отца Товіи 8 сентября 1878 года онъ удалился на безмолвіе въ пустынноическую келлію святителя Тихона Задонскаго на Капсалѣ, на территории Пантократорскаго монастыря, гдѣ прожилъ въ полномъ затворѣ до конца своей жизни. Дата его кончины неизвѣстна. По всей видимости, онъ умеръ въ концѣ XIX вѣка.

## Іеросхимонахъ Товія

Іеросхимонахъ Товія былъ уроженцемъ Харьковской губерніи. Фамилія его намъ неизвѣстна. До переселенія своего на Аѳонскую Гору онъ проживалъ въ Ахтырскомъ монастырѣ Харьковской епархіи, гдѣ былъ постриженъ въ монахи и рукоположенъ въ іеродіакона. На Аѳонѣ онъ поступилъ въ Ильинскій скитъ, гдѣ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, послѣ чего удалился въ Кавсокаливскій скитъ и десять лѣтъ прожилъ тамъ въ полномъ затворѣ. Возвратился онъ въ Ильинскій скитъ по настоятельнымъ и убѣдительнымъ просьбамъ братіи скита и 8 сентября 1878 года былъ избранъ новымъ игуменомъ.

При отцѣ Товіи за вратами монастыря былъ построенъ небольшой двухэтажный корпусъ, гдѣ помѣщалась братія. Но главнымъ начинаніемъ отца Товіи былъ соборный храмъ скита. Въ іюнѣ 1881 года Святую Аѳонскую Гору посѣтила Великая Княгиня Александра Петровна (въ монашествѣ — схимонахиня Анастасія). Настоятель Ильинскаго скита отецъ Товія явился къ Ея Высочеству для засвидѣтельствованія своего почтенія. Тогда же онъ осмѣлился просить ее положить первый камень въ основаніе предполагаемаго въ скиту соборнаго храма, на что Ея Высочество милостиво согласилась. 22 іюня она прислала камень съ соотвѣтствующей надписью, поручивъ контръ-адмиралу Головачеву положить его отъ ея имени въ основаніе собора. Обрядъ закладки храма былъ совершенъ въ тотъ же день. Несмотря на то что строительство храма было завершено только черезъ 33 года, безспорно, честь основанія его принадлежитъ отцу Товіи. Онъ же былъ авторомъ архитектурнаго замысла. Храмъ и по сей день является однимъ изъ лучшихъ среди храмовъ Аѳона, и по праву его можно считать жемчужиной міроваго зодчества.

Отецъ Товія по традиціи активно сотрудничалъ со старцами Руссика, имѣлъ къ отцу Іерониму большое уваженіе и сыновнюю любовь, по многимъ затруднительнымъ вопросамъ онъ то письменно<sup>470</sup>, то лично обращался къ нему за совѣтами.

<sup>470</sup> АРПМА. Док.: № 1268, 1349.



*Соборный храм святого пророка Или. Такимъ его видѣлъ отецъ Товія. Фото 1914 года*

Несмотря на свою активность по благоустройству скита, по свидетельству архіепископа Арсенія (Стадницкаго), «отецъ Товія дѣйствительно тяготился своимъ положеніемъ и съ особенной любовью вспоминалъ о своей уединенной, чисто созерцательной жизни, и всѣ помыслы его туда устремлены»<sup>471</sup>. По всей видимости, именно по этой причинѣ въ 1885 году отецъ Товія оставилъ игуменство и вернулся въ Россію, въ Ахтырскій монастырь.

---

<sup>471</sup> Арсеній (Стадницікій), архіепископъ. Дневникъ студента-паломника на Аѳонъ. Кіевъ, 1886. С. 89.

## Преподобный схіархимандритъ Гавріиль

Схіархимандритъ Гавріиль<sup>472</sup> родился въ 1849 году въ Кіевской губерніи. При крещеніи онъ получилъ имя Георгій. Въ 12-лѣтнемъ возрастѣ онъ остался круглымъ сиротой, а потому не получилъ почти никакого образованія и былъ вынужденъ поступить въ услуженіе къ богатымъ людямъ. Будучи отъ природы любознательнымъ, онъ много читалъ, въ особенности житія святыхъ. Это было тогда однимъ изъ самыхъ любимыхъ чтеній для простаго русскаго народа. Тяжелая болѣзнь побудила его дать обѣтъ въ случаѣ выздоровленія сходить въ Кіевъ и поклониться его святынямъ. Поправившись по милости Божіей, онъ отправился въ Кіевъ и, посѣщая обители, монашествующихъ, самъ задумалъ стать монахомъ. Вскорѣ онъ поступилъ въ Теофановскую пустынь, къ знаменитому тогда старцу Вонифатію. Однако душа его здѣсь не находила покоя, и онъ, побывавъ въ святомъ городѣ Іерусалимѣ, пожелалъ посмотреть на монаховъ, подвизавшихся на Святой Горѣ Аѳонъ. Здѣсь ему понравилось, и онъ поступилъ въ Ильинскій скитъ, когда настоятелемъ въ немъ былъ архимандритъ Паисій.

Въ скоромъ времени, а именно въ 1869 году, когда ему только что минуло 20 лѣтъ, онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Гавріиль, въ 1874 году его рукоположили въ іеродіакона, въ 1876 году — въ іеромонаха, а въ 1885 году послѣ отказавшагося отъ настоятельства іеросхимонаха Товіи (1879–1885) онъ былъ избранъ и утвержденъ настоятелемъ скита. Вселенскій Константинопольскій Патріархъ Неофитъ VIII удостоилъ его



<sup>472</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ. 1902 годъ. М., 1902. С. 147.

въ 1891 году возведенія въ санъ архимандрита, а державный турецкій султанъ Абдуль-Гамидъ II пожаловалъ ему орденъ Меджидіе II степени со звѣздой.

«Въ обители на отца Гавріила возлагались важныя послушанія: казначея, эконома, а также настоятеля Ильинскаго подворья въ Константинополь. Дель по хозяйству было такъ много, что впору лишь было добратся до кельи, хоть немного дать отдыха и покоя своему усталому тѣлу, а затѣмъ идти на богослуженіе и снова браться за свои хлопоты для скита. Отецъ Гавріиль не переставалъ жить напряженной духовной жизнью. Непрестанная молитва, духовная мудрость, отеческое обращеніе съ братіей, сердечная привѣтливость — всѣ эти качества удивительно сочетались въ немъ. Новый настоятель, имѣя отъ Бога высокія духовныя дарованія, искусно управлялъ жизнью обители. Онъ училъ братію необходимости строгаго соблюденія монастырскаго устава, внутренняго совершенствованія.

Много потрудился архимандритъ Гавріиль для благоустройства и процвѣтанія обители, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Со времени закладки въ скиту новаго храма Великой Княгиней Александрой Петровной, въ монашествѣ — схимонахиней Анастасіей, которая прислала первый камень съ надписью въ основаніе собора, произошло сильное противостояніе грековъ противъ русскихъ монаховъ на Аѳонѣ вообще и противъ Ильинскаго скита въ частности. Отцу Гавріилу, какъ извѣстному миротворцу, стяжавшему благодатный миръ Божій, удалось миромъ закончить конфликтъ въ пользу Ильинскаго скита.

Впереди предстояла постройка новаго собора, но средствъ не хватало. По ходатайству отца Гавріила по Высочайшему соизволенію и съ благословенія Святѣйшаго Синода русскому скиту святаго пророка Іліи былъ разрѣшенъ сборъ подаяній по всей Російской имперіи.

Въ концѣ 1893 года архимандритъ Гавріиль въ сопровожденіи братіи прибылъ въ Россію со святынями Ильинскаго скита: чудотворной иконой Божіей Матери „Млекопитательница“, частью Древа Животворящаго Креста Господня и лѣвой стопой отъ мощей апостола Андрея Первозваннаго. По благословенію митрополитовъ Палладія Санктъ-Петербургскаго и Сергія Московскаго, архіепископовъ разныхъ губерній эти святыни были поставлены въ храмахъ столицы и другихъ городахъ для поклоненія благочестивыхъ христіанъ и сборовъ посильныхъ пожертвованій.

Посѣщеніемъ Божіимъ добрые люди откликнулись на святое дѣло и своими приношеніями дали возможность начать въ скиту новыя постройки. Святость жизни отца Гавріила, его духовная сила привлекали къ нему иноковъ и мирянъ. Появились матеріальныя средства, необходимыя для строительства и удовлетворенія другихъ нуждъ.

Имѣя попеченіе о братіи, заботясь о благолѣпії аѳонскаго Ильинскаго скита, отецъ Гавріиль не забывалъ проявлять заботу и о русскихъ паломникахъ, отправляв-

шихся изъ Отечества въ Святую Землю и на Аѳонъ. Для этого въ 1894–1896 годахъ въ городѣ Одессѣ на Ильинскомъ подворьѣ былъ построенъ въ византійскомъ стилѣ великолѣпный трехпрестольный храмъ. 22 декабря 1896 года архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ Іустиномъ былъ освященъ главный придѣлъ его во имя Божіей Матери „Млекопитательницы“, 23 декабря освященъ правый придѣлъ во имя пророка Іліи, а 24 декабря — лѣвый придѣлъ во имя архангела Гавріила. Были также построены помѣщенія со всѣми удобствами для паломниковъ.

Въ 1894 году отецъ Гавріиль заложилъ въ Ильинскомъ скиту на Аѳонѣ новый общежительный корпусъ, постройка котораго была закончена въ 1898 году. Въ слѣдующемъ году онъ приступилъ къ сооруженію фундамента и подвальной части храма.

Заботы звали его въ дорогу, и въ 1901 году, несмотря на слабое здоровье, архимандритъ Гавріиль былъ вынужденъ отправиться въ Россію на скитскія подворья въ Одессѣ, Таганрогѣ и Ново-Николаевскѣ для распоряженій по хозяйству и назиданія братіи.

Передъ отъѣздомъ съ Аѳона старецъ Гавріиль, предчувствуя близкую кончину, обратился къ братіи съ прощальными словами: „Миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ... Если будемъ носить другъ друга тяготы, если будемъ имѣть между собой тотъ миръ, который заповѣдалъ намъ Іисусъ Христосъ, то и сердоболные наши благотворители — истинныя чада Святой Православной Церкви, молитвенно незабвенные сыны возлюбленнаго нашего Отечества — Святой Россіи не имутъ оставить насъ своими щедрыми вспоможеніями, чѣмъ и обитель наша существуетъ по милости Царицы Небесной“.

Посѣтивъ по пути подворья въ Константинополь, Одессѣ и Таганрогѣ, архимандритъ Гавріиль въ октябрѣ прибылъ въ Ново-Николаевскѣ. 14 октября послѣ Божественной Литургіи онъ почувствовалъ недомоганіе. На другой день здоровье его ухудшилось. 18 октября онъ причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, а 19 октября отошелъ въ вѣчную жизнь, туда, куда всегда были устремлены всѣ его мысли и пожеланія. Это случилось въ 1901 году.

Честные останки старца были перенесены въ Одессу и 2 ноября погребены въ склепѣ храма Ильинскаго подворья.

Послѣ революціи подворье Ильинскаго скита сразу же было ликвидировано.

23 октября 1994 года, въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ, въ Свято-Ильинскомъ соборѣ прошли торжества, посвященныя прославленію преподобнаго Гавріила Аѳонскаго»<sup>473</sup>.

<sup>473</sup> Русскій Паломникъ. 2001 годъ. № 23. С. 8.

## Архимандритъ Максимъ



Архимандритъ Максимъ<sup>474</sup> былъ игуменомъ Ильинскаго скита съ 1901 года. Еще за годъ до своей кончины прежній настоятель отецъ Гавріиль предложилъ братіи выбрать ему преемника, который бы послѣ его смерти могъ занять его мѣсто. И самъ отецъ Гавріиль на вопросъ братіи, кого бы онъ назначилъ, указалъ на отца Максима, съ чѣмъ всѣ были согласны и благодарили отца Гавріила за его попеченіе объ обители. Видя, что это внушено ему свыше, братія, какъ только получила извѣстіе о смерти отца Гавріила, стала просить отца Максима принять настоятельство надъ Ильинскимъ скитомъ, и отецъ Максимъ уступилъ ихъ усердной просьбѣ. Весной 1902 года по благо-

словенію Константинопольскаго Патріарха Іоакима III отецъ Максимъ былъ поставленъ въ архимандрита.

До принятія настоятельства іеромонахъ Максимъ несъ нелегкій подвигъ служенія молебновъ предъ святынями. Въ 1893–1896 годахъ онъ находился для сбора пожертвованій въ Россіи, а послѣ возвращенія на Аѳонъ занималъ должность казначея.

Вступивъ въ управленіе обителью съ 400 братіями, архимандритъ Максимъ сразу принялся за окончаніе достройки соборнаго храма. Между тѣмъ скитъ нуждался и въ больницѣ. Благодаря его мудрому руководству уже черезъ три года больница была построена. А въ 1907 году въ скиту рѣшительно приступили къ окончательной достройкѣ храма. До этого времени былъ воздвигнутъ только фундаментъ храма, а отцу Максиму удалось собрать необходимыя финансовыя средства для окончанія его строительства. Объ этомъ мечталъ еще отецъ Товія, но не успѣлъ завершить начатое.

<sup>474</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Русскій общежительный скитъ св. пророка Іліи на св. Аѳонской Горѣ. Одесса, 1913.

Соборъ этотъ, какъ мы уже говорили, является украшеніемъ Аѳона. Онъ былъ освященъ 20 іюня 1914 года, въ день начала Первой міровой войны, какъ бы въ ознаменованіе того, что Божьи планы независимы отъ людскихъ дѣяній и однозначно благи. То, что начали люди въ тотъ день, принесло огромныя страданія всѣму человѣчеству, а то, что Богъ освятилъ въ тотъ день, и донинѣ утѣшаетъ тысячи вѣрующихъ сердець.

Въ концѣ 1914 года отецъ Максимъ серьезно заболѣлъ и въ этомъ увидѣлъ Божій Промысль. Онъ до сихъ поръ выполнялъ Его волю, достраивая соборъ, а теперь настало выполнить другую Его волю — черезъ болѣзнь привести въ порядокъ свое внутреннее состояніе. Отецъ Максимъ рѣшилъ отказаться отъ игуменства и уединился въ отшельнической келліи. Еще пять лѣтъ предстояло ему бороться со своимъ недугомъ и черезъ благодушное перенесеніе физическихъ болей все болѣе и болѣе очищать свою душу для принятія Святаго Духа Божія.

Преставился отецъ Максимъ 11 іюня 1919 года.

## Архимандритъ Іоаннъ (Гетманенко)

Архимандритъ Іоаннъ (въ міру Григорій Васильевичъ Гетманенко) родился въ 1877 году въ Астраханской губерніи.

Григорій Васильевичъ пріѣхалъ на Аѳонъ въ 23-лѣтнемъ возрастѣ и поступилъ въ Ильинскій скитъ, гдѣ былъ постриженъ въ мантию въ декабрѣ того же года. 7 мая 1901 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а затѣмъ въ іеромонаха. Въ іюлѣ 1914 года, когда больной игуменъ Максимъ рѣшилъ снять съ себя обязанности по руководству скитомъ, то братія новымъ игуменомъ избрала отца Іоанна. Въ то время внѣшне скитъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ: только что освятили соборный храмъ, всѣ постройки были завершены, и новому игумену какъ бы не оставалось заботъ. Но въ дѣйствительности состояніе скита было очень



тяжелымъ: изъ-за строительства собора всѣ финансовые резервы были исчерпаны, а новыхъ поступлений уже не было, начавшаяся война прервала всѣ контакты съ Россіей, и, соотвѣтственно, остановился потокъ пожертвованій благодѣтелей.

Отцу Іоанну пришлось проявить всѣ возможные и невозможные организаторскіе таланты, чтобы прокормить братство числомъ въ 400 человекъ. Онъ быстро понялъ, что на внѣшніе доходы рассчитывать не придется, и поэтому началъ устраивать огороды и сады, очищать отъ лѣса территорію для новыхъ площадей для нихъ. Умѣлой организаціей хозяйственной части обители отецъ Іоаннъ добился того, чтобы братія имѣла достаточно пищи. Онъ даже умудрялся снабжать овощами и фруктами Андреевскій скитъ и многія мелкія русскія келліи.

Объ отцѣ Іоаннѣ въ своей книгѣ объ Аѳонѣ упоминаетъ писатель Вл. Маевскій. Вотъ что онъ пишетъ: «Широкоплечій и крѣпко сшитый, средняго роста, съ улыбающимся лицомъ и умными глазами, онъ встрѣтилъ меня въ пріемномъ залѣ для гостей. И вдругъ на меня пахнуло чѣмъ-то роднымъ, уютнымъ и дѣтски близкимъ. Я такъ и почувялъ себя тамъ, у себя... и не только въ Россіи, но на просторахъ родныхъ полтавскихъ и черниговскихъ полей, среди ихъ хуторовъ, высокой конопли и волнующей пшеницы.

Это былъ игумень Свято-Ильинскаго скита, архимандритъ отецъ Іоаннъ. <...> Отецъ Іоаннъ привлекаетъ своимъ радушіемъ и ласковостью. Это человекъ одаренный, съ глубокимъ природнымъ умомъ. Хотя этотъ умъ не чуждъ и своеобразной „хотляцкой хитрецы“, которая иногда невольно проскальзываетъ при разговорахъ о дѣлахъ хозяйственныхъ... Зато хозяйство и дѣловая часть у отца Іоанна поставлены выше всякихъ похвалъ, и видно по всѣму, что отъ его проницательнаго глаза не скроется ничего въ обители — ни въ ея Божіихъ домахъ, ни въ мастерскихъ, ни на огородахъ и виноградникахъ»<sup>475</sup>.

Но веденіе хозяйства было все-таки не главной заботой отца Іоанна, въ первую очередь онъ былъ истиннымъ подвижникомъ. Онъ имѣлъ своимъ духовнымъ отцомъ схимонаха Веніамина (Малышева), котораго часто посѣщалъ въ его отшельнической келліи, какъ только находилъ свободное время. Передъ нимъ онъ былъ не игумень скита, а простой послушникъ и старался исполнять всѣ его духовныя указанія. За такое смиреніе и послушаніе онъ былъ одаренъ Богомъ многими дарами: имѣлъ даръ непрестанной Іисусовой молитвы и даръ плача.

Преставился отецъ Іоаннъ 25 іюля 1952 года.

---

<sup>475</sup> Маевскій В. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 135–138.

## Архимандритъ Николай

Архимандритъ Николай родился 1879 году, мы не знаемъ, въ какомъ мѣстѣ Россіи онъ родился и какъ жилъ до поступленія въ монастырь.

Отецъ Николай прибылъ на Аѳонъ около 1900 года и поступилъ въ Ильинскій скитъ, гдѣ онъ былъ постриженъ въ монахи и рукоположенъ въ іеромонаха. О его дѣятельности въ скиту намъ почти ничего не извѣстно, только знаемъ, что въ 1952 году послѣ смерти игумена Іоанна онъ былъ избранъ новымъ игуменомъ Ильинскаго скита. Ему пришлось руководить скитомъ въ эпоху его полного упадка, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Къ моменту его смерти въ скиту оставались всего три монаха, такъ что послѣ него новаго настоятеля не выбирали.

Объ отцѣ Николаѣ мы можемъ судить лишь по краткому сообщенію писателя Анатоля Дарова, гдѣ хорошо видна его позиція по отношенію къ Московской Патріархіи. Несмотря на сопротивление многихъ дѣлу возстановленія общенія съ Русской Церковью, онъ, какъ и всѣ русскіе насельники Аѳона, въ глубинѣ сердца надѣялся на скорое возстановленіе связей съ Московской Патріархіей. «Такъ и не пріѣхалъ бѣдный Алексій [Патріархъ Московскій и всея Руси], и по человѣчески мнѣ его очень жаль, старъ вѣдь, и, слышно, боленъ, и не у дѣль... Аѳонъ ему охъ какъ нуженъ!»<sup>476</sup> А изъ другаго фрагмента разсказа видно, какъ тѣсно общался отецъ Николай съ игуменами двухъ другихъ русскихъ обителей, съ отцомъ Иліаномъ (Сорокинымъ)<sup>477</sup> и съ отцомъ Михаиломъ (Дмитріевымъ): «Иліанъ, да Михаилъ, да я. И всѣ мы родные, и всѣ мы разные!»<sup>478</sup>.

Преставился отецъ Николай 17 апрѣля 1973 года. Онъ былъ послѣднимъ русскимъ игуменомъ Ильинскаго скита.

---

<sup>476</sup> Даровъ А. Берегъ — «нѣтъ человѣка» (Аѳонъ современный и вѣчный). Нью-Йоркъ, 1966. С. 26.

<sup>477</sup> Въ архивѣ Руссика сохранились его письма: АРПМА. Док. № 3698.

<sup>478</sup> Даровъ А. Берегъ — «нѣтъ человѣка» (Аѳонъ современный и вѣчный). Нью-Йоркъ, 1966. С. 26.



# **ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ**

**ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ  
СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ  
РАЗНЫХЪ РУССКИХЪ ОБИТЕЛЕЙ НА АӨОНЪ  
(КЕЛІЮТОВЪ, ОТШЕЛЬНИКОВЪ, СИРОМАХЪ)**



## Схієродіаконъ Агапій

Схієродіаконъ Агапій<sup>479</sup> былъ великороссомъ и еще въ концѣ XVIII вѣка поступилъ въ Свято-Ильинскій скитъ, гдѣ онъ былъ постриженъ въ мантию и рукоположенъ въ ієродіакона. Почти 30 лѣтъ онъ безропотно и съ любовью къ братьямъ во Христѣ несъ въ скиту различныя послушанія. За его безграничную любовь къ Богу и людямъ старцы нарекли его именемъ Агапій (*греч.* любовь).

Около 1818 года его постригли въ схиму съ тѣмъ же именемъ, и послѣ этого онъ восхотѣлъ поработать Господу Богу одинъ въ пустынѣ, въ безмолвіи и, получивъ благословеніе отъ старцевъ скита, вселился въ глухой пустынѣ между горъ, въ долину, въ непроходимомъ лѣсу.

Отецъ Агапій училъ, что одиночество — это зеркало души, человѣкъ, только оставшись одинъ на одинъ со своимъ внутреннимъ міромъ, можетъ реально оцѣнить состояніе своей души и, соотвѣтственно, принять мѣры для его оздоровленія. Но на келліи въ одиночествѣ можно выстоять только при соблюденіи трехъ условій: во-первыхъ, подвижникъ долженъ всѣми своими наблюденіями и заключеніями немедленно дѣлиться со своимъ духовнымъ отцомъ; во-вторыхъ, у него долженъ быть четкій распорядокъ дня — келейный уставъ, расписанный поминутно, который въ точности онъ долженъ соблюдать; въ-третьихъ, онъ долженъ неуклонно исполнять правило непрестаннаго богомыслия, т. е. непрерывнаго памятованія о Богѣ: если молится, то онъ долженъ молиться умно-сердечной молитвой, если не молится, то долженъ читать Священное Писаніе и другія богодухновенныя книги. Если же подвижникъ въ пустынѣ не молится и не читаетъ, то хотя бы размышляетъ о Богѣ. А если ничего вышеназваннаго не хочется дѣлать, то надо пѣть о Богѣ. Пѣніе вслухъ — очень хорошее средство противъ унынія. А когда вернется молитвенный настрой, то вновь необходимо приступать къ молитвѣ. Ни минуты безъ Христа — вотъ главное дѣланіе отшельника. И если онъ сможетъ четко держаться вышеуказанныхъ правилъ, то ему не страшны никакія бѣсовскія ухищренія. Если же хоть одно изъ этихъ условій будетъ нарушено, то врагъ однозначно обхитритъ его, и онъ или впадетъ въ прелесть, или сойдетъ съ ума.

Отецъ Агапій постоянно дѣлился своими помыслами и наблюденіями со своимъ духовнымъ отцомъ въ Ильинскомъ скиту, гдѣ онъ причащался каждое воскресенье и по праздничнымъ днямъ. Во время одного такого посѣщенія одинъ послушникъ сказалъ ему:

<sup>479</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи...* Часть 4-я, Москва, 1856. С. 285.

— Отецъ Агапій, какъ хорошо тебѣ въ пустынѣ, въ одиночествѣ, тишинѣ и спокойствіи, не то что наша шумная, многосуетная жизнь въ скиту!

На что отецъ Агапій отвѣтилъ:

— Да, спокойно и тихо, пока душегубецъ не придетъ и не начнетъ душить, то тогда порой такъ страшно, что какъ будто кровь замерзаетъ въ жилахъ. Если бы не милость Бога, то пережить это было бы невозможно.

— А почему намъ, киновитамъ, онъ не является такъ? — спросилъ вновь послушникъ.

— А потому, что врагъ смертельно боится братской молитвы, и если не будетъ ему особо поупущено свыше, то онъ не можетъ приблизиться къ общежительнымъ обителямъ, — отвѣтилъ отецъ Агапій.

— А почему тогда ты не сбѣжишь со своей пустыни къ намъ? — доискивался любознательный послушникъ.

— Я тамъ по волѣ Царя Небеснаго. И какъ ратникъ не можетъ оставить мѣсто службы, указанное ему земнымъ царемъ, такъ и мы, монахи — ратоборцы духа, не можемъ оставить то мѣсто, которое намъ опредѣлил нашъ Господь — Царь Небесный, — отвѣтилъ отецъ Агапій.

Съ праздноствіемъ отецъ Агапій боролся съ помощью непрестанной Иисусовой молитвы и рукодѣлія, которымъ онъ зарабатывалъ себѣ на хлѣбъ. Дѣлалъ ложечки и въ субботу носилъ ихъ въ Карею продавать. Но сначала ложки его никто не покупалъ, потому что были они сдѣланы не очень искусно. Одинъ монахъ, родомъ грекъ, видя, что онъ не можетъ продать своего рукодѣлья, изъ жалости купилъ у него нѣсколько ложекъ, привелъ его въ свою келью, далъ ему пищи: хлѣба, масла и крупъ, и велѣлъ ему приходить каждую субботу, и приносить ложки, и получать пищу. Отецъ Агапій ходилъ каждую субботу, приносилъ свои ложки и получалъ нужную пищу. Придя разъ въ келью своего доброжелателя, онъ увидѣлъ, что его ложки горятъ въ огнѣ. Онъ заплакалъ, а монахъ ему сказалъ: «Не плачь, мы покупаемъ твои ложки не для того, что они намъ нужны, но потому, что тебѣ нечѣмъ пропитаться». Но вскорѣ іеродіаконъ научился дѣлать ложки такъ, что онѣ съ успѣхомъ продавались на рынкѣ въ Кареѣ.

Въ одно время, въ Великій постъ, онъ заболѣлъ и не имѣлъ никого, кто бы о немъ позаботился, кромѣ Единаго Бога. Пища вся закончилась, а онъ изъ пустыни выйти не можетъ. Наступилъ праздникъ Святой Пасхи, а онъ въ крайней нужде: нѣтъ ни хлѣба, ни здоровья. На Аѳонѣ есть такой обычай, что вся братія и пустынножители сходятся праздновать праздникъ въ большіе монастыри и скиты или въ богатые келліи. Въ Великую субботу они приходятъ въ Карею и сговариваются, кто гдѣ будетъ праздновать.

И вотъ сговорились три монаха-грека праздновать Пасху на одной келліи, имѣющей церковь и священника. Вечеромъ одинъ монахъ съ ученикомъ наготовили разной пищи и добраго вина, взяли все съ собой и пошли къ утрени въ назначенную келлію, но потеряли дорогу и заблудились, ходили по горамъ и лѣсамъ всю ночь. Слышатъ, въ монастыряхъ

вездѣ звонъ, а выйти не могутъ и мѣста не знаютъ, гдѣ находятся. Потомъ пришли въ глубокую долину, идти далѣе нельзя, и сели отдыхать. Вдругъ услышали подѣ горой стонъ челоуѣка. Они начали звать: «Кто тамъ?» Но никто не отвѣчаетъ, а только стонетъ и плачетъ. Они нашли удобное мѣсто, сошли внизъ и нашли лежащаго въ травѣ больнаго монаха — русскаго іеродіакона, и спросили: «Почему тутъ лежишь, а не пойдешь куда нибудь на праздникъ?» Онъ отвѣтилъ, что былъ долго боленъ, пищи никакой не имѣетъ, а отъ слабости здоровья и отъ голода совсѣмъ изнемогъ. Что онъ вышелъ изъ келліи и хотѣлъ идти, но не смогъ, упалъ на землю и ожидалъ смерти. Они его подняли и сказали: «Провѣди насъ въ свою келлію, Господь послалъ тебѣ всякое утѣшеніе, и у тебя сотворимъ Пасху».

Пришли въ келлію, и, какъ смогли, пропѣли канонъ Пасхи, и отправили часы. Потомъ разговѣлись и подкрѣпили болящаго пищей, и виномъ, и прочимъ, что имѣли, а остальное оставили ему. Онъ много и со слезами благодарилъ Господа Бога, что услышалъ его скорбящаго и укрѣпилъ его въ болѣзни, послалъ ему Свою помощь и утѣшилъ его всѣмъ до изобилія.

Простившись, отцы отправились въ путь свой, и когда взошли на гору, то увидѣли, что всю ночь ходили недалеко отъ той келліи, куда шли. И когда пришли на келлію, то хозяинъ со скорбью имъ говорилъ: «Почему такъ долго не приходили и заставили насъ весьма долго дожидаться?» Они рассказали, что съ ними случилось въ пути и что видѣли. Рассказали, какъ разговѣлись ради любви къ брату. Всѣ слышавшіе прославили Царя Небеснаго, Господа Бога, творящаго дивныя дѣла и утѣшающаго вѣрныхъ рабовъ Своихъ, въ пустынѣ Ему работающихъ. Послѣ трапезы отцы взяли все, что осталось, и пошли опять къ больному. Принесли ему пищи, которой хватило ему на многіе дни. Послѣ этого до самой смерти его посѣщали и носили ему ѣду. И онъ остальные свои дни жилъ спокойно и всѣми матеріальными потребностями былъ доволенъ. Пожилъ отецъ Агапій еще нѣсколько лѣтъ и съ миромъ преставился около 1820 года.

## Схимонахъ Никодимъ (Гончаровъ)

Схимонахъ Никодимъ<sup>480</sup> (въ міру Николай Аѳанасьевичъ Гончаровъ) былъ родомъ изъ города Стараго Оскола Курской губерніи. Онъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія и получилъ приличное начальное образованіе. Но свои знанія использовалъ не для того, чтобы устраивать свою жизнь въ міру, а чтобы читать Божественное Писаніе и святоотеческія творенія.

<sup>480</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Часть 4-я, М., 1856. С. 257. *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Часть 2-я, М., 1856. С. 192.

Въ ранней юности онъ оставилъ мірскія попеченія, домъ, родителей и имѣніе и много странствовалъ по Россіи, проживая по разнымъ россійскимъ монастырямъ. Со временемъ сталъ великимъ ревнителемъ Христовой Церкви и принялъ рѣшеніе поѣхать на Аѳонъ и тамъ послужить Богу.

Вернувшись въ свой городъ для прощанія съ родными, онъ убѣдилъ своихъ двухъ родныхъ по плоти братьевъ оставить суетный міръ со всѣми его прелестями, взять крестъ свой и идти вслѣдъ за Господомъ Иисусомъ Христомъ тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ иноческаго житія. Еще и другихъ нѣкоторыхъ родственниковъ и сосѣдей убѣдилъ онъ послѣдовать Христу. Изъ Старого Оскола, своего города, привелъ онъ съ собой на Святую Гору Аѳонъ пятнадцать человѣкъ, многіе изъ которыхъ навсегда остались тамъ монашествовать<sup>481</sup>. Однимъ изъ нихъ былъ будущій духовникъ Руссика Іеронимъ (Соломенцовъ), родственникъ ему по плоти, а другой — его родной братъ, будущій монахъ отецъ Филиппъ.

Прибыли они на Аѳонъ 17 сентября 1836 года. Изъ прибывшей группы одни вернулись домой, а нѣкоторые разошлись по разнымъ обителямъ. Братья же Гончаровы купили Архангельскую келлію Ставроникитскаго монастыря. Они препоручили себя духовнику Арсенію и постриглись отъ него въ великую схиму. Николай получилъ имя Никодимъ, а его братъ — имя Филиппъ.

Черезъ два года жесткаго подвига здоровье отца Никодима пошатнулось и онъ тяжело заболѣлъ. Но онъ смиренно и безропотно принялъ свою болѣзнь какъ волю Бога и съ терпѣніемъ переносилъ невыносимыя боли почти годъ. Въ 1838 году онъ умеръ.

Черезъ три года по аѳонскому обычаю была открыта могила схимонаха Никодима. Когда вынули и обмыли его кости, то онѣ оказались желты и благоуханны. Сложили ихъ въ корзину и по обычаю внесли въ церковь на всенощное бдѣніе. Былъ при этомъ и старецъ — духовникъ Арсеній. Вмѣстѣ съ отцомъ Іеронимомъ радовался онъ духовной радостью, видя, что его почившее о Господѣ чадо сподобилось милости Божіей. Отецъ Арсеній послалъ скоро за роднымъ его братомъ — монахомъ Филиппомъ, который жилъ недалеко въ своей келліи. Когда же тотъ пришелъ, то много плакалъ отъ радости.

Отпѣли панихиду и поставили кости посреди церкви, и была всѣмъ изобильная трапеза. Съ вечера начали всенощное бдѣніе. Когда пѣли «Хвалите имя Господне», то всѣ ощутили благоуханіе по всѣму храму и на дворѣ, чѣму вся братія весьма удивилась. Они стали даже спрашивать другъ у друга въ храмѣ, также и въ алтарѣ, такъ какъ всѣ недоумѣвали, отчего происходитъ такое благоуханіе.

Старецъ Іеронимъ подошелъ со свѣчой къ костямъ и увидѣлъ, что изъ сухой кости, изъ главы, изъ тѣхъ отверстій, гдѣ были уши, истекаетъ миро, подобное елею, и испускаетъ неизреченное благоуханіе. Онъ велѣлъ перестать пѣнію и сказалъ всѣмъ: «Придите, отцы и братья, и посмотрите своими очами эту дивную вещь, и прославьте Творца Небеснаго».

---

<sup>481</sup> Въ общей сложности съ 1836 по 1914 годъ изъ города Старого Оскола на Аѳонъ монашествовать пріѣхали 37 человѣкъ.

Всѣ видѣвшіе это возрадовались и прославили Бога, творящаго дивныя чудеса. Отецъ Іеронимъ говорилъ братіи: «Отцы святые, почему такъ изъ сухой кости истекло благовонное это мвро? Почему не изъ другаго какого мѣста, а только изъ ушей? Тому, должно полагать, причина та, что эти уши не имѣли сытости слушать Слово Божье и всякое благочестивое писаніе. Всѣ вы знали этого блаженной памяти отца Никодима, какой онъ былъ искусный чтець и пѣвецъ, такъ что другаго, подобнаго ему, изъ русскихъ на Святой Аѳонской Горѣ не обрѣтается. Такъ онъ любилъ слушать Священное Писаніе, что, если бы кто нибудь ему читалъ день и ночь, онъ никогда не могъ утомиться и насытиться. А мнѣ потому это извѣстно, что съ нимъ мы изъ одного города уроженцы. Съ самой юности онъ былъ мнѣ другъ и духовный братъ. И вмѣстѣ мы съ нимъ оставили суетный міръ съ его прелестями: нѣсколько лѣтъ странствовали и проживали по російскимъ монастырямъ, вмѣстѣ пришли на эту Святую Аѳонскую Гору и хотѣли здѣсь въ единой кельѣ жить. Часто случалось, что по цѣлой ночи я ему читалъ, и самъ онъ мнѣ говорилъ: „Столько люблю слушать Божественное Писаніе, что, если бы кто читалъ непрестанно, мнѣ никогда бы не наскучило“. Теперь отцы, явно показалъ намъ Господь, сколь полезно намъ слушать Божественное Писаніе. Эта сухая кость, лежавшая три года въ землѣ, источаетъ такое благовонное масло. Но отецъ Никодимъ былъ не только слушатель, но и творецъ: все услышанное старался исполнить дѣломъ. Для того и оставилъ свое Отечество, славную Россію, и удалился въ это тихое пристанище, и вселился въ эту пустыню. Да поработаетъ Господу Богу своему безъ всякихъ препятствій отъ міра сего. И мы, отцы, если будемъ подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Святое Писаніе и исполнять его дѣломъ, и мы сподобимся съ нимъ вѣчнаго блаженства. Аминь».

## Схимонахъ Николай

Въ жизнеописаніи великаго старца отца Арсенія было сказано, что, находясь въ Кіево-Печерской Лаврѣ, онъ нашель тамъ себѣ спутника по имени Никита, уроженца Тульской губерніи, который съ этого времени до самой смерти, болѣе сорока лѣтъ, во всѣхъ скорбяхъ, трудахъ и подвигахъ былъ ему соучастникомъ. Взявъ благословеніе у кіевскихъ чудотворцевъ и помолившись имъ, отправились они далѣе въ путь<sup>482</sup>.

Въ Молдавіи, въ Балашевскомъ скиту, ихъ обоихъ постригли въ монашество и нарекли Алексѣю имя Авель, а спутнику и сотруднику его Никитѣ — Никандръ. Здѣсь же, не желая жить по своей волѣ, они совмѣстно рѣшили одному у другаго быть

<sup>482</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Пароеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи...* Ч. 4-я. М., 1856. С. 197.

въ послушаніи и не разлучаться до самой смерти. Такъ и исполнили они это на самомъ дѣлѣ. Хотя отецъ Никандръ и желалъ отца Авеля имѣть себѣ за пастыря, потому что тотъ былъ уже іеромонахъ и духовникъ, но отецъ АVELЬ никакъ не соглашался быть за старца. Поэтому и рѣшили жить одному у другаго въ послушаніи, по-братски.

На Аѳонѣ они продолжали исполнять свой договоръ и были другъ у друга въ полномъ послушаніи. Они не только жили вмѣстѣ, но и воспитывали другъ друга. Великій старецъ Арсеній со своей безграничной добротой и любовью благотворно вліялъ на отца Никандра. Видя его Божественную любовь къ людямъ, отецъ Никандръ и самъ умилялся, и падалъ ему въ ноги, плакалъ и просилъ прощенія за свое жестокосердіе, хотя и самъ имѣлъ милостивое сердце. Такъ блаженные старцы соревновались въ любви.

Вскорѣ оба постриглись въ великую схиму. Отецъ АVELЬ, духовникъ, нареченъ былъ Арсеніемъ и принялъ схиму отъ одного схимонаха, Арсенія. А отецъ Никандръ нареченъ былъ Николаемъ и принялъ схиму отъ своего же собрата отца Арсенія, и стали они уже какъ старецъ съ ученикомъ.

Жили они по пустынному уставу. Никакихъ попеченій житейскихъ не имѣли: не занимались ни садомъ, ни огородомъ. Хотя у нихъ и были масличныя деревья, но они за ними не смотрѣли. Когда поспѣвали плоды, то отцы приглашали одного изъ нуждающихся, бѣдныхъ людей и ему поручали набрать себѣ плодовъ.

Они къ себѣ никого не принимали и говорили: «Съ нами жить никто не можетъ. Мы едва за тридцать лѣтъ достигли того, что и теперъ еще искушаемся и изнемогаемъ. Хотя духъ и бодръ, но плоть немощна, и если бы благодать Божья не подкрѣпляла насъ, то и этого не смогли бы».

Съ того времени, какъ они пришли на Святую Гору, отецъ Николай прожилъ девятнадцать лѣтъ, а отецъ Арсеній — двадцать четыре года. За все это время они не позволили себѣ вкусить ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пища ихъ была сухари, моченые въ водѣ. И тѣ приносили они на своихъ плечахъ на гору изъ Иверскаго монастыря. Еще любили черныя баклажаны квашеные, посыпанные краснымъ перцемъ. Много солили стручковаго краснаго перца.

Вотъ повседневная ихъ трапеза: сухари, перецъ и баклажаны, случался и лукъ, если кто принесетъ. Соленыя маслины и смоквы предлагали только гостямъ. И всегда вкушали однажды въ день, въ третьемъ часу пополудни, а въ среду и пятокъ оставались безъ трапезы.

Уставъ ихъ жизни былъ таковъ: послѣ трапезы до вечерни занимались по кельямъ чтеніемъ духовныхъ писаній. Потомъ правили по уставу вечерню, читали ее всегда со вниманіемъ и со слезами, не спѣша, тихо и кротко. Потомъ служили повечеріе съ канонамъ Богородицѣ и на сонъ грядущій читали молитвы. Ночь всю препровождали въ бдѣніи, въ молитвѣ и поклонахъ. Если сонъ ихъ преклонялъ, то, сидя, мало давали мѣсто сну, не болѣе часа за всю ночь и притомъ непримѣтнымъ образомъ, а болѣе нудили себя, часто ночью прохаживались. Часовъ у нихъ не было, но всегда знали они,

который часъ, ибо подъ горою, въ Иверскомъ монастырѣ, на колокольне били часы, и они ихъ слышали.

Въ самую полночь сходились отцы въ церковь на соборную молитву и тамъ читали полунощницу, а потомъ утреню по уставу. Послѣ утрени читали всегда канонъ съ акаѳистомъ Пресвятой Богородицѣ. Затѣмъ предавались безмолвію, пока разсвѣтаетъ. Днемъ занимались рукодѣліемъ — дѣлали по десяти ложекъ на брата, работая въ разныхъ мѣстахъ. Разговоровъ между собой никогда не вели, развѣ только о необходимомъ, и пребывали всегда въ молчаніи, въ храненіи сердца и въ безпрестанной умной молитвѣ. Потомъ читали часы и молебень Божіей Матери, а потомъ трапезничали. И такъ провождали дни и ночи въ безпрестанной молитвѣ и рукодѣліи.

Еще, когда были вино и просфоры, въ которыхъ они имѣли великую нужду, старецъ Арсеній часто любилъ служить Литургію. Если представлялась такая возможность, то служили ее почти каждый день.

Служили Литургію вдвоемъ. Два старца, удрученные и изсушенные постомъ. Одинъ въ алтарѣ, предъ престоломъ Господнимъ, стоялъ и плакалъ и отъ слезъ не могъ говорить возгласовъ, только едиными сердечными воздыханіями тихо произносилъ слова молитвы, а другой на клиросѣ стоялъ и рыдалъ. На ихъ Литургіи призывалъ Самъ Господь по обѣтованію: *«И на когѣ воззрю, то́кмо на крѣткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ?»* (Ис. 66:2). Здѣсь трисвятую пѣснь припѣвали ни единого житейскаго попеченія не имущіе и воистину ничего земнаго не помышляющіе. Здѣсь, посреди двоицы, Самъ Господь пребывалъ по обѣтованію: *«...иди́же бо еста́ два́ или́ три́е со́брани во́ имя моѣ, ту́ есмь посредѣ́ ихъ»* (Мѣ. 18:20).

Эти два старца такъ возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту съ Нимъ не хотѣли разлучаться, но всегда съ Нимъ услаждались бесѣдой умомъ, и сердцемъ, и устами. Только у нихъ и было разговоровъ, что о молитвѣ или о любви къ Богу и къ ближнему, а если кто начиналъ при нихъ говорить плохое о своемъ братѣ, то они прекращали бесѣду. Всякаго ближняго любили больше, чѣмъ себя, что явно показывали дѣла ихъ. Они всегда старались, чтобы каждый былъ спокоенъ. Кто бы къ нимъ не пришелъ, съ какою нуждой, они никого изъ кельи своей не выпускали скорбящимъ. Послѣднія книги свои отдавали въ залогъ и уже послѣ, какъ имъ Богъ поможетъ, выкупали. А кто душевную скорбь имѣлъ, то того утѣшали благими своими бесѣдами. Бѣдные имѣли въ нихъ помощниковъ, скорбящіе — утѣшителей, странники и немощные грѣхами — скорое исправленіе и освобожденіе.

Наконецъ, отецъ Николай упросилъ духовника, чтобы тотъ приходящихъ посѣщать ихъ въ келью къ нему никого не допускалъ, чтобы его не беспокоили. За годъ до смерти отца Николая было имъ обоимъ во снѣ откровеніе. Отцу Николаю былъ голосъ, что онъ уже переплываетъ великое и многоволнистое море и достигаетъ тихаго пристанища. И отцу Арсенію былъ голосъ, что и онъ приближается къ великому и прекрасному

городу и заканчивает свой путь. Оба старца повѣдали другъ другу объ откровеніи и познали, что оно отъ Бога, и уразумѣли, что приближается ихъ кончина. Тогда приложили они постъ къ посту и къ слезамъ слезы и начали готовиться къ отшествію своему.

За полгода до смерти отецъ Николай лишился зрѣнія. И хотя тѣлесными очами ничего не видѣлъ, но душевными зрѣлъ совершенно. Ибо открылъ ему Богъ угодниковъ Своихъ на Святой Горѣ Аѳонской въ живыхъ еще пребывающихъ, о чемъ рассказывалъ онъ отцу Арсенію, боясь, да не впадетъ въ какую бѣсовскую прелесть. Отецъ же Арсеній весьма предостерегалъ его и не велѣлъ ему довѣрять видѣніямъ, а только плакать предъ Богомъ и просить за грѣхи свои прощенія.

Отца Николая посѣтили и другія тѣлесныя болѣзни. Онъ не могъ уже ходить въ церковь, но болѣе сидѣлъ на одрѣ, и то понуждая себя дѣлать это, такъ какъ не хотѣлъ лежать на боку.

Когда въ субботу или въ воскресеньѣ духовникъ хотѣлъ отслужить Литургію, то приходилъ въ келью къ отцу Николаю и говорилъ ему:

— Отецъ Николай, Литургію бы надобно отслужить.

Онъ же веселымъ гласомъ ему отвѣчалъ:

— Служи, отче.

Духовникъ тогда скажетъ:

— Какъ я буду служить? Ты боленъ, а одному невозможно?

Отецъ Николай отвѣтитъ:

— А я приду и помогу тебѣ.

И встанетъ съ одра своего, и пойдетъ, и правило прочитаютъ, и Литургію отслужатъ. Отецъ Николай причастится Тѣла и Крови Христовой, возьметъ просфору, и ей почти недѣлю питается, а другой пищи никакой не беретъ.

И такъ жили они цѣлыхъ полгода. Каждую недѣлю была Литургія, а иногда и двѣ. А пѣвецъ и чтецъ былъ больной и слѣпой, однако за нимъ не было остановки, онъ всегда былъ готовъ исполнить свое послушаніе.

Въ субботу мясопустную также служили Литургію, и отецъ Николай былъ причастникомъ Святыхъ Таинъ. Послѣ Литургіи онъ пошелъ въ свою келью, а духовникъ, убравъ въ алтарѣ, — въ свою. Но вскорѣ отецъ Николай пришелъ къ духовнику въ келью, палъ ему въ ноги и сказалъ ему: «Прости меня, отче святой, что я не вовремя къ тебѣ вошелъ, ибо имѣю нужное тебѣ сказать». Духовникъ отвѣчалъ: «Богъ тебя проститъ, говори, что имѣешь». Тогда отецъ Николай, исполненный слезъ, началъ говорить: «Отче святой, когда послѣ Литургіи я прошелъ въ келью и сѣлъ на одрѣ моемъ, вдругъ открылись очи мои, и началъ я видѣть хорошо. Вдругъ отворилась дверь кельи моей, и вся она исполнилась свѣта. Въ келью мою вошли три человѣка: двое юношей со свѣчами, а посреди нихъ мужъ въ священнической одеждѣ, сіяющій въ неизреченной славѣ. Они подошли ко мнѣ. Мужъ въ священнической одеждѣ говоритъ мнѣ:

— Благослови, отецъ Николай.

Я убоялся и промолчалъ. Онъ же вновь сказалъ мнѣ:

— Узналъ ли меня? Кто я?

Тогда я исполнился дерзновенія и отвѣтилъ ему:

— Воистину узналъ, кто ты!

Онъ вновь спросилъ:

— А кто я?

Я ему отвѣтилъ:

— Ты — отецъ Аникита, нашъ другъ и сопутешественникъ во Иерусалимъ, и уже третій годъ пошелъ, какъ ты померъ.

Онъ же говоритъ мнѣ:

— Воистину, отецъ Николай, это я. Видишь ли, какой славой наградилъ меня Царь Небесный Иисусъ Христосъ. И тебя такой же наградить. Черезъ четыре дня освободишься отъ всѣхъ скорбей и болѣзней, и меня Господь послалъ утѣшить тебя.

И вдругъ они вышли изъ кельи, а я остался единъ, и вновь закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радостью».

Отецъ духовникъ, выслушавъ все это, сказалъ ему:

— Осторожно, отецъ Николай, да не искушенъ будешь, а этому не доверяй, но уповай на Бога и проси Его милости.

Отецъ Николай отвѣтилъ ему:

— Отче святой, прости меня! Буди воля Господня надо мной. Но исполнилось сердце мое неизреченной радости. Прошу тебя, отче святой, служи теперь каждый день Литургію, а я буду готовиться и причащаться Тѣла и Крови Христовой.

Отецъ духовникъ сказалъ ему:

— Хорошо, я буду служить, только чтобы за тобой не было остановки.

И такъ пошелъ отецъ Николай въ свою келью.

Литургія была и въ недѣлю, и въ понеделникъ, и во вторникъ. Отецъ Николай былъ причастникомъ на ней, и ему стало легче. Въ среду на сырной недѣлѣ служили часы, а въ четвертокъ вновь была Литургія. Отецъ Николай читалъ и пѣлъ на Литургіи, и былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой.

Послѣ Литургіи духовникъ по обычаю далъ ему просфору, но онъ не взялъ, а только сказалъ:

— Отче, взойди ко мнѣ въ келью.

Отецъ духовникъ пришелъ къ нему. Отецъ Николай сѣлъ на одрѣ своемъ, спиною оперся на стѣну, и начало лице его измѣняться, играть румянцемъ, и онъ, возведя очи свои въ небо, былъ какъ въ изступленіи. Потомъ пришелъ въ себя и началъ говорить:

— Благодарю тебя, отче святой, что ты претерпѣлъ отъ меня до кончины моей всѣ мои недостатки и довель меня до Царствія Небеснаго.

Духовникъ спросилъ его:

— Отецъ Николай, что видишь?

Онъ же отвѣтилъ:

— Вижу, отче святой, что пришли за мной посланники и разодрали мое грѣховное рукописаніе. Уже, отче, благослови!

Духовникъ сказалъ:

— Богъ тебя благословить.

Онъ же сказалъ:

— Рукой благослови.

Духовникъ благословилъ рукой. Онъ же, взявъ руку, поцѣловалъ ее и, еще не выпустивъ изъ своихъ рукъ руки духовника и поднявъ очи свои на небо, тихо проговорилъ:

— Господи, въ руки Твои прими духъ мой! — и тутъ же испустилъ душу свою Господу. Ему же отъ юности своей работалъ и вѣрой и любовью послужилъ. Воистину «*честнѣ предъ Господемъ смѣрть преподѣбныхъ егѡ*» (Пс. 115:6).

Случилось это 6 февраля 1841 года, на сырной недѣлѣ, въ четвергъ. На погребеніе отца Николая пришло много русскихъ братій — всѣ ученики отца Арсенія. И всѣ удивлялись: лежитъ отецъ Николай какъ живой, въ лицѣ не измѣнился, руки и ноги — какъ у живаго, не окоченѣли, всѣ члены и составы мягки, а изъ устъ исходитъ пріятное благоуханіе. И вся братія радовалась и прославляла Бога. Похоронили почившаго въ недѣлю сырную и разошлись по своимъ мѣстамъ.

## Иеросхимонахъ Филиппъ и схимонахъ Исаакъ (Кореневы)

Среди большой группы молодыхъ людей<sup>483</sup>, которые прибыли на Аѡнъ въ 1836 году, желая посвятить свою жизнь монашеству, были два брата Кореневыхъ, Ѳедоръ и Василій, и ихъ двоюродный братъ Иванъ. Всѣ трое были изъ зажиточной купеческой семьи города Стараго Оскола Курской губерніи. Они съ дѣтства росли въ обстановкѣ христіанскаго благочестія и благоговѣнія, и естественно, что сразу близко къ сердцу приняли горячіе призывы ихъ земляка, будущаго монаха Никодима (Гончарова), посвятить свою жизнь высокой миссіи челоуѣка — совершенствованію въ Богѣ. Вмѣстѣ съ нимъ они рѣшили оставить бранный міръ и жить только для Бога.

---

<sup>483</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ*. Разсказъ Святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ. СПб., 1860. Прил. С. 23.

Василій Михайловичъ Кореневъ поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Виталій, а позже въ схиму съ именемъ Василидъ. Онъ жилъ въ Русикѣ безвыѣздно до самаго своего смертнаго дня — 30 марта 1873 года.

Его братъ Ѳедоръ Михайловичъ Кореневъ и двоюродный братъ Иванъ Кореневъ вмѣстѣ приобрѣли одну заброшенную келлію, гдѣ они подѣ духовнымъ наблюденіемъ старца Арсенія вели отшельническую жизнь. Старець Арсеній впослѣдствіи постригъ ихъ въ мантию: Ѳедора — съ именемъ Филиппъ, а Ивана — съ именемъ Исаакъ. Оба отшельника стали извѣстны по всѣму Аѳону своимъ строгимъ подвижничествомъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ жизнь отецъ Сергій (Веснинъ): «Келлія Кореневыхъ обращаетъ на себя общее вниманіе русскихъ аѳонцевъ. Кореневы — два двоюродныхъ брата, оба — среднихъ лѣтъ. Имена ихъ — Филиппъ и Исаакъ. Родина ихъ въ Старомъ Осколѣ Курской губерніи, происхожденія они купческаго. Тихо течетъ жизнь ихъ въ сокровенной пустыни, подѣ тѣнью душистыхъ кипарисовъ. Оставивъ все ради Бога, они давно уже приняли постригъ и занимаются трудами около келліи, т. е. уборкой виноградниковъ, орѣшника и прочей огородной нивой. Въ безмолвіи вечера они расходятся по своимъ закуткамъ, и только Богъ видитъ ихъ тайные подвиги. При ихъ келліи есть и церковь Преображенія, въ которой они вычитываютъ всю суточную службу, а если случайно проходитъ іеромонахъ, просятъ совершить и Литургію. Старшій изъ нихъ, Исаакъ, болѣе выказываетъ въ себѣ простоты мысли и веселаго расположенія духа, а Филиппъ — зрѣлости ума, твердости и величія духа. Оба они съ ангельской душой и съ чувствами гостепріимства Авраама. Исаакъ болѣе способенъ къ распорядительной и экономической части и принялъ на себя трудъ закупать все нужное для келейной жизни, поэтому онъ имѣетъ выходъ на Карею, а Филиппъ — строгій домосѣдъ и неусыпный труженикъ.

Келлія ихъ живописно расположена на холмѣ значительной высоты. Съ востока даль открывается на Монте-Санто, съ запада и юга заслоняютъ ее сосѣдственныя высоты, а на сѣверъ и сѣверо-западъ развиты виды пустынныхъ келлій Пантелеимонова скита, Кареи и Кутлумуша (монастыря)»<sup>484</sup>.

Авъ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Нѣтъ ничего умильнѣе, какъ наблюдать въ этихъ келіотахъ единеніе духа, строгую воздержанность, изумительные труды и безмолвіе. Подобная жизнь есть тѣнь или, лучше сказать, отраженіе высшаго отшельничества»<sup>485</sup>.

Вскорѣ обоихъ постригли въ великую схиму, оставивъ имъ прежнія имена. Послѣ смерти отца Арсенія схимонахъ Филиппъ самъ сталъ старцемъ келліи и уже дѣлился своимъ духовнымъ опытомъ съ новопоступившими послушниками, которые, въ свою очередь, очень любили своего наставника. Вотъ что пишетъ о немъ отецъ Селевкій (Трофимовъ), бывшій тамъ въ одно время послушникомъ: «Былъ очень трудолюбивый старецъ. Онъ имѣлъ большое усердіе къ церкви, зналъ на память весь уставъ. Голосъ

<sup>484</sup> Сергій (Веснинъ), *іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 160.

<sup>485</sup> Сергій (Веснинъ), *іеросхимонахъ*. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 160, 215.

имѣлъ весьма пріятный и читалъ очень внятно. Я самъ съ нимъ жилъ: вставали мы въ полночь, прочитывали полунощницу. Послѣ первой каѳизмы онъ читалъ поученія; а послѣ второй — канонъ съ распѣвомъ, а потомъ часы»<sup>486</sup>.

Преставился отецъ Филиппъ между 1848 и 1850 годами. Послѣ него старцемъ келліи сталъ схимонахъ Исаакъ, который предпочиталъ болѣе затворническую жизнь, поэтому бывшіе при немъ послушники разошлись по монастырямъ, а отецъ Исаакъ, оставшись одинъ, сталъ проводить совершенно безмолвную жизнь. Въ течение десяти лѣтъ больше никто не слышалъ его голоса, только его духовникъ отецъ Иеронимъ (Соломенцовъ) зналъ, что происходило въ его сердцѣ. Отецъ Исаакъ даже съ братомъ отцомъ Василидомъ не нарушалъ своего правила безмолвія и довольствовался только поклономъ, когда, находясь въ Русикѣ, случайно встрѣчалъ его.

Преставился отецъ Исаакъ 25 сентября 1860 года. Будучи совершенно здоровымъ, сидя на крыльцѣ своей келліи, онъ навѣчно уснулъ. Утромъ проходящій мимо сосѣдъ-отшельникъ замѣтилъ, что старецъ мертвъ.

## Схимонахъ Павелъ Хромой

Схимонахъ Павелъ<sup>487</sup> былъ по происхожденію великороссомъ и жилъ отшельникомъ въ келліи святаго Іоанна Предтечи на землѣ Ставроникитскаго монастыря. Мы о его жизни въ міру ничего не знаемъ. Только извѣстно, что онъ жилъ на Аѳонѣ уже съ начала 30-хъ годовъ XIX вѣка и былъ очень знаменитымъ и уважаемымъ подвижникомъ. Вотъ что сообщаетъ намъ о немъ отецъ Сергій (Веснинъ): «Намъ желалось отсюда пойти въ пустынь Павла, инока, такъ называемаго хромаго, поэтому мы отправились по скату прибрежныхъ скалъ къ его одинокой келліи, красующейся на значительномъ возвышеніи, надъ самымъ моремъ. Пустынь отъ монастыря [Ставроникита] на разстояніи только двухъ верстъ. Не отошли мы и четверти версты отъ Ставроникиты, какъ самъ Павелъ намъ навстрѣчу. Напрасно убѣждали мы его не возвращаться для насъ въ свою пустынь, но пойти въ монастырь, куда требовали его собственныя нужды, но ни подъ какимъ видомъ онъ не согласился отпустить насъ, дорожа страннопріимствомъ какъ отличительной чертой христіанской любви, и вернулся домой.

Въ скромныхъ бесѣдахъ нашихъ при взаимности иноческихъ назиданій быстро шли мы по горной тропѣ... Каждый изъ насъ, что могъ, говорилъ отъ души для утѣшенія

---

<sup>486</sup> Селевкій (Трофимовъ), схимонахъ. Разказъ Святогорца схимонаха Селевкія о своей жизни и о странствіи по святымъ мѣстамъ. СПб., 1860. Прил. С. 23.

<sup>487</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Парѣній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Часть 2-я. М., 1856. С. 160.

подвижническаго сердца. Наконецъ, мы заговорили о сердечной или умной молитвѣ, о важности для каждаго изъ насъ церковныхъ службъ и о непростительности упущенія ихъ. Всѣ мы (насъ было трое) дѣлали на это свое замѣчаніе, и каждый судилъ по чувству собственнаго убѣжденія. <...> Мы прошли остатокъ пути до келліи скромнаго Павла, такъ назидательно занявшаго насъ въ пути своими разсказами... Истинно иноческое страннолюбіе и привѣтливость отца Павла, его трогательныя убѣжденія, самая пустынь его съ очаровательными своими видами невольнo заставили насъ уступить его просьбѣ и остаться здѣсь на ночь.

Келлія пустытника Павла находится на сѣверо-восточномъ склонѣ Святой Горы и принадлежитъ монастырю Ставрoникита. Съ запада она заслоняется значительнаго размѣра скалой, перевитой мелкимъ цвѣтущимъ кустарникомъ. Мѣстность пустыни Павловой ограничена площадкой въ нѣсколько саженой. Тѣнь развѣсистыхъ оливокъ по временамъ ложится на нее. Есть здѣсь персиковыя деревья, и вѣется нѣсколько виноградныхъ лозъ. Невдалекѣ отъ келліи въ скалѣ самой природой образована глубокая пещера, изъ гранитныхъ трещинъ которой вытекаетъ и тихо струится прохладная и чистая вода. Келлія стоитъ на отвѣсной прибрежной скалѣ, о которую съ шумомъ бьется сердитое море. Церковь въ ней посвящена Іоанну Предтечѣ. Видъ съ террасы самый живописный. <...> Самъ Павелъ славится между русскими своей строгой жизнью и... прекрасной выдѣлкой ложекъ, которыя составляютъ здѣсь значительный иноческій торгъ, потому что сбытъ ихъ во время пріѣзда паломниковъ огромный. Наутро, послѣ Литургіи, Павелъ насъ потчевалъ русскими блинами»<sup>488</sup>.

Наряду съ гостепріимствомъ славился отецъ Павелъ также своимъ затворничествомъ. Онъ жилъ всегда одинъ и занимался непрестанной Іисусовой молитвой. Но если кто просился къ нему въ послушники, то онъ изъ-за огромной любви, заполняющей его очищенное молитвой сердце, не могъ никому отказать не только во временномъ пріютѣ, но и въ постоянномъ жительствѣ въ своей келліи.

Именно объ этомъ пишетъ отецъ Парѣеній (Агеевъ) въ своихъ запискахъ: «Я пошелъ къ отцу Павлу хромому и сказалъ ему, что хочу жить на его каливѣ. Онъ же весьма радъ былъ, и привелъ меня къ ней, и сказалъ: „Вотъ, любезный братъ, живи, да Бога моли“»<sup>489</sup>. Несмотря на безотказный характеръ отца Павла, милостивый Богъ все такъ устраивалъ, что отецъ Павелъ все равно оставался одинъ на одинъ съ горячо любимымъ имъ Богомъ, и это были самые счастливые моменты его жизни. Аѳонцы знали, какъ любилъ отецъ Павелъ свою затворническую жизнь, и все рѣже и рѣже беспокоили его.

Отецъ Павелъ, по всей видимости, умеръ въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка, точная дата его смерти неизвѣстна.

<sup>488</sup> *Сергій (Веснинъ), іеромонахъ. Сочиненія и письма Святогорца. М., 2006. С. 320.*

<sup>489</sup> *Парѣеній (Агеевъ), инокъ. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Часть 2-я. М., 1856. С. 160.*

## Іеросхимонахъ Леонтій

Отець Леонтій<sup>490</sup> родился въ Малороссіи. Черезъ годъ умерла его мать, и отецъ отдалъ его въ домъ къ одному богатому бездѣтному молдаванину. 22 лѣтъ отъ роду будущій отецъ Леонтій убѣжалъ отъ своего воспитателя и скрылся въ монастырѣ Калдорашани, находящемся въ 20 верстахъ отъ Бухареста. Здѣсь онъ прожилъ шестнадцать лѣтъ и потомъ отправился на Святую Гору вмѣстѣ со своимъ другомъ, монахомъ Антоніемъ, котораго онъ впослѣдствіи постригъ въ схиму и такимъ образомъ сдѣлался его старцемъ. Обосновались они въ молдавскомъ скиту Лакъ, гдѣ отецъ Леонтій прожилъ 35 лѣтъ, до самой своей смерти.

Старець Леонтій рассказывалъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ: «Въ началѣ поступленія моего въ монашество старецъ далъ мнѣ такое наставленіе: кромѣ первой исповѣди передъ постриженіемъ, о томъ, что было въ мірской жизни, не вспоминать, необходимо также имѣть постоянное откровеніе помысловъ и послушаніе совершенное. Всѣхъ братій считать за ангеловъ и служить имъ въ послушаніи какъ Самому Богу». Потомъ старецъ далъ другое наставленіе, какъ хранить чувства и умъ отъ помысловъ!

Вскорѣ отца Леонтія рукоположили въ іеродіакона. Правило келейное у него было такое: въ день 300 поклоновъ земныхъ съ молитвой Іисусовой, а вмѣсто поясныхъ — читать святое Евангеліе. Земные поклоны онъ выполнялъ даже и тогда, когда былъ въ преклонномъ возрастѣ, что при непрестанномъ занятіи молитвой умно-сердечной было бы даже излишне. Но старецъ, пока чувствовалъ въ себѣ силы, не оставлялъ и подвиговъ тѣлесныхъ.

— Иной, — говорилъ онъ, — можетъ 1000 поклоновъ положить и при этомъ не чувствуетъ утомленія въ тѣлѣ, а иные и послѣ 50 едва дыханіе переводятъ. Но таковыя сравняются съ тѣми, кто много полагаетъ!

— Вотъ мы, отче, — говорилъ собесѣдникъ, — много пьемъ, ѣдимъ и спимъ, а силы у насъ умѣренныя!

— Если не будете давать естеству потребнаго, — замѣтилъ на это старецъ, — то вы еще болѣе ослабѣете. Преподобный Паисій, съ которымъ говорилъ Самъ Господь, увидѣлъ однажды одного брата, отъ двухдневнаго поста въ изнеможеніи лежащаго на землѣ, и удивился, ибо онъ провелъ 60 дней не ѣвъ и не ослабѣлъ. Господь явился ему и сказалъ:

---

<sup>490</sup> Жизнеописаніе взято изъ книги: *Антоній (Святогорець), іеромонахъ. Жизнеописанія афонскихъ подвижниковъ благочестія XIX вѣка.* Джорданвилль, 1988. С. 35.

«Не думай такъ: ты по Моей благодати сдѣлалъ, а онъ — отъ своей силы съ болѣзненнымъ трудомъ!» — «Какое же онъ, — спросилъ Паисій, — получить воздаяніе?» — «Равное съ тобою!» — сказалъ Господь.

Есть и здѣсь, въ скиту, тѣ, которые постятся по два и по три дня и по недѣлѣ, — это съ помощью благодати! «Если хочешь, — говоритъ преподобный Антоній Великій, — испытать того, кто имѣетъ высокое имя, что онъ духовный человекъ, то обезчести, уничижи его. И если перенесетъ, то точно онъ такой, а если нѣтъ, то ничего не имѣетъ. Когда уничижить кто тебя и ты не потеряешь къ нему любовь, это путь Божій!»

Когда предстояло старцу отправиться куда нибудь изъ келліи по своимъ нуждамъ, въ скитъ ли, или въ монастырь, или еще куда, то онъ полагалъ нѣсколько поклоновъ передъ иконой Божіей Матери съ такимъ намѣреніемъ: кто бы ему не встрѣтился, что бы съ нимъ не случилось — все переносить безъ смущенія.

Однажды пришелъ онъ въ Карею къ знакомому болгарину, который принялъ его съ любовью и пригласилъ его отдохнуть въ архондарикъ, пока онъ не управится со своими дѣлами. Старецъ вошелъ, помолившись, и по обычаю сказалъ съ поклономъ: «Благословите!» Въ это время лежалъ тамъ одинъ монахъ. Вдругъ ни съ того ни съ сего онъ бросился на отца Леонтія и сталъ бранить его. Озадаченный старецъ только и говорилъ: «Такъ, отче, такъ. Правду говоришь!» Тотъ кинулся искать палку, но не нашелъ на архондарикѣ ничего подходящаго и выскочилъ наружу. Старецъ остался въ ожиданіи его. Вздохнувъ къ Божіей Матери, онъ сказалъ себѣ: «Ну, Леонтій, вотъ теперъ покажи то, къ чѣму готовился!» Вѣра Матери Божіей не оставляла его. Онъ надѣялся, что Она укрѣпитъ его настолько, что обидчикъ, уставъ бить его, остановится, а у него до этого момента не изсякнетъ терпѣніе. Прибѣжалъ его поноситель. Старецъ ожидалъ, что онъ кинется на него, но тотъ бросился къ ногамъ отца Леонтія и сталъ просить прощенія. Какой-то валахъ, похожій на старца, обидѣлъ этого монаха, и онъ, обознавшись, думалъ, что это и есть его обидчикъ. Но, сбѣжавъ внизъ за палкой, столкнулся съ хозяиномъ, который спросилъ его о духовникѣ Леонтіи. Тутъ только онъ понялъ свою ошибку. Незлобивый старецъ, видя смиреніе и сокрушеніе монаха, сказалъ: «Богъ да проститъ! Только исполни малый канонъ — положи Божіей Матери 100 поклоновъ!» Едва тотъ началъ класть поклоны, старецъ, замѣтивъ искренность его раскаянія, сказалъ: «Будетъ, довольно!»

Такихъ случаевъ много было въ жизни старца. «Если я, — говорилъ онъ, — не приготовился бы прежде на всякое уничиженіе и побои, что послѣдовало бы? Я бы ему возразилъ, онъ — мнѣ, и дѣло дошло бы до драки. Такъ всегда ко всѣму надо быть готовымъ!»

Отецъ Леонтій былъ человекъ начитанный, разсудительный и добросердечный. Всѣхъ приходящихъ къ нему на исповѣдь врачевалъ и утѣшалъ такъ, что уходили отъ него радостными.

О знаменитомъ афонскомъ подвижникѣ отцѣ Иларіонѣ, грузинѣ, старецѣ Леонтій слышалъ еще до прїѣзда на Святую Гору. И когда прибылъ туда, прежде всего отправился къ нему съ переводчикомъ. Тотъ преподавалъ отцу Леонтію правила умнаго дѣланія и какъ вести себя, идя по сему пути. До этого времени старецъ не занимался умнымъ дѣланіемъ, хотя желалъ этого, но безъ опытнаго руководителя не дерзалъ начать. Послѣ всегда обращался онъ за совѣтами къ старцу Иларіону, и самъ отецъ Иларіонъ иногда приходилъ къ нему. Отецъ Леонтій сталъ глубокимъ дѣлательемъ умной молитвы и потомъ въ этомъ дѣлѣ сталъ наставникомъ молдаванина отца Антипы, который позже переѣхалъ въ Россію и скончался въ Валаамскомъ монастырѣ.

Въ шумномъ и многолюдномъ монастырѣ, по словамъ старца, и по разнохарактерности братіи трудно сохранить вниманіе къ себѣ, но если кто имѣетъ совершенное послушаніе и постоянное откровеніе помысловъ, то и это спасаетъ.

Что бы ни дѣлать, куда бы ни идти — все съ Иисусовой молитвой. Самъ Спаситель нашъ, живя 33 года на землѣ, оказывалъ послушаніе Іосифу и Матери Своей. Никто не видѣлъ Его смѣющимся, а плачущимъ — нѣсколько разъ, показывая тѣмъ, какъ мы должны идти путемъ спасенія. Очищенная совѣсть сама показываетъ преимущество жизни внутренней противъ внѣшней!

Въ борьбѣ со страстями старецъ совѣтовалъ: «Если напала и беспокоитъ, напримѣръ, зависть къ брату, то сейчасъ возьми и найди въ книгѣ какого нибудь отца написанное о зависти и читай. Равно и при другихъ страстяхъ слѣдуетъ посмотреть и прочитать подходящее чтеніе. Такъ пріучается человѣкъ обороняться и противостоять страстямъ. Человѣкъ, имѣющій послушаніе и смиреніе, незамѣтно преуспѣваетъ духовно. Если случается, что и молодой монахъ говоритъ о страхѣ Божіемъ или вообще о пути спасенія, надо слушать и по силѣ исполнять. А если кто имѣетъ и бѣлую бороду и былъ бы хотя и духовникъ, какъ и я, но научаетъ противному и не согласному со святыми отцами, то нечего и слушать его!»

Старецъ совѣтовалъ постоянно имѣть память смертную и плачь. Это путь покаянія, а другого пути нѣтъ.

Отецъ Леонтій обладалъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и крѣпкой надеждой на Бога Промыслителя всяческихъ. Бывало, принесетъ онъ на своей спинѣ изъ Руссика или изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ полную торбу сухарей и иныхъ жизненныхъ припасовъ, но большую часть и все лучшее раздастъ бѣднякамъ, больнымъ и старымъ. Себѣ же онъ оставлялъ только сухарей и что нибудь изъ того, что можно употреблять, не прибѣгая къ огню.

Отецъ Леонтій мирно преставился ко Господу 25 мая 1876 года, будучи оплаканъ всѣми его духовными чадами и всѣми пользовавшимися его духовными совѣтами и утѣшеніемъ.

## Преподобный Анטיפа Валаамскій (Лукіанъ)

Преподобный Анטיפа<sup>491</sup> родился въ 1816 году въ Молдавіи, въ селѣ Калаподешти Текунчскаго уѣзда. Родители его были людьми православными и весьма благочестивыми. Жили они въ большой бѣдности. Отецъ его Георгій Лукіанъ служилъ діакономъ въ убогой сельской церкви, а мать его Екатерина впослѣдствіи поступила въ женскій монастырь и съ именемъ Елизаветы скончалась въ схимѣ.

Долго у Георгія Лукіана не было дѣтей. Наконецъ по молитвамъ жены у него родился сынъ Александръ, впослѣдствіи въ схимѣ получившій имя Анטיפа. Рожденіе будущаго подвижника ознаменовалось особеннымъ благоволеніемъ Божьимъ. Мать родила его безъ болѣзни. Затѣмъ до конца жизни осѣняла его чудная благодать Божья.

Еще въ дѣтствѣ, когда онъ пасъ овецъ отца своего, въ глухомъ лѣсу, гдѣ водились множество ядовитыхъ змѣй, бралъ онъ ихъ живыхъ въ свои руки безъ малѣйшаго вреда и тѣмъ приводилъ въ ужасъ постороннихъ людей.

Одаренный отъ Бога великими духовными дарованіями, въ отрочествѣ Александръ былъ какъ бы лишенъ обыкновенныхъ, естественныхъ способностей: отъ природы онъ былъ очень простоватъ и крайне непонятливъ. Эта двойственность Александра производила соотвѣтствующее впечатлѣніе на его сверстниковъ. Иногда они, поражаемые проявленіемъ въ немъ чего-то дивнаго, необычайнаго, падали передъ нимъ со страхомъ на колѣни, иногда же ругали и били его за его простоватыя выходки. Долго, несмотря на самое усердное прилежаніе, не могъ Александръ научиться грамотѣ. Видя его неспособнымъ, учителя даже совѣтовали ему лучше оставить школу и обучаться какому либо ремеслу. Юноша горько плакалъ. «Нѣтъ, — говорилъ онъ, — мое единственное желаніе — научиться читать. Я до смерти буду заниматься только чтеніемъ божественныхъ книгъ». Усердіе, трудъ и молитва наконецъ взяли верхъ надъ природой, и вскорѣ священныя книги для будущаго отца Анטיפы стали единственнымъ всегдашнимъ источникомъ духовнаго назиданія и самыхъ сладостныхъ утѣшеній.

Александръ ходилъ еще учиться въ школу, какъ скончался у него отецъ, и все ихъ семейство осталось безъ надежды ея и опоры. Его, какъ старшаго, какъ будущаго кормильца, отдала мать въ обученіе переплетному мастерству. Мужественно претерпѣвъ всѣ тяжкія невзгоды въ чужомъ домѣ, у жестокаго хозяина, беззащитный сирота съ помощью Божіей быстро достигъ званія переплетнаго мастера и, возвратившись на родину,

<sup>491</sup> Жизнеописаніе взято изъ книги: *Антоній (Святогорець), іеромонахъ. Жизнеописанія аѳонскихъ подвижниковъ благочестія XIX вѣка.* Джорданвилль, 1988. С. 43.

обзаведясь собственнымъ хозяйствомъ, еще юношей сдѣлался дорогой и единственной отрадой своей матери и кормильцемъ всей семьи.

Полное довольство царило въ семействѣ Лукіана. Но сердце молодого хозяина въ земномъ утѣшеніи не находило. Часто вдали отъ всѣхъ, обливаясь слезами, недоумѣвая, гдѣ обрѣсти покой душѣ, мысленно взывалъ онъ къ Богу: «...скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъже пойду, яко къ тебѣ взяхъ душу мою» (Пс. 142:8). Во время одной изъ такихъ уединенныхъ мысленныхъ бесѣдъ съ самимъ собою на двадцатомъ году жизни внезапно Александръ былъ озаренъ дивнымъ свѣтомъ. Свѣтъ этотъ наполнилъ сердце его невыразимой радостью. Изъ очей его потоками полились неудержимыя сладостныя слезы. Тогда, какъ бы ощутивъ въ этомъ свѣтѣ высшее Божественное призваніе, онъ въ отвѣтъ на зовъ Божій, въ радости воскликнулъ: «Господи, я буду инокомъ!»

Въ одну ночь тихо вышелъ Александръ изъ дома своихъ родителей и направился въ знаменитый въ Молдавіи Нямецкій монастырь. Въ соборномъ храмѣ со слезами повергся онъ передъ чудотворною иконою Божіей Матери. Церковь была совершенно пуста. Вдругъ сдѣлался шумъ, и завѣса, закрывавшая святую икону, отдернулась сама собою. Въ умилении и въ неизъяснимой радости души приложился онъ къ чудотворной иконѣ Царицы Небесной.

Благодатно утѣшенный въ Божьемъ храмѣ, съ великой печалью вышелъ отецъ Антипа изъ настоятельской кельи, когда, несмотря на всѣ его просьбы и мольбы, ему рѣшительно отказали въ пріемѣ въ Нямецкую обитель. Тогда онъ отправился въ Валахію. Тамъ небольшой штатный монастырь принялъ странника въ свои мирныя стѣны. Болѣе двухъ лѣтъ съ полнымъ самоотверженіемъ трудился здѣсь ревностный подвижникъ въ монастырскихъ послушаніяхъ. Жизнь его была исполнена скорбей и лишеній. Ему не давали монастырской одежды, не было у него кельи. Утомленный, засыпалъ онъ гдѣ случится: на хуторѣ, на кухонномъ полу... Разъ, заснувъ на сѣнѣ, онъ занесенъ былъ снѣгомъ. Полузамерзшаго, его едва привели въ чувство.

Съ подвигами тѣлесными, бдѣніемъ, постомъ, соединялъ юный воинъ Христовъ умную молитву, которой научилъ его схимонахъ Гедеонъ, около 30 лѣтъ подвизавшійся въ затворѣ близъ ихъ монастыря. Строгая, самоотверженная жизнь отца Антипы рѣзко выдѣлялась среди общаго монастырскаго строя. Духовникъ совѣтовалъ ему идти на Аeonъ. Туда же стремилось сердце и самого отца Антипы, уже на первыхъ шагахъ своего подвижничества обнаруживая духовную разсудительность — этотъ главнѣйшій признакъ истиннаго подвижника: въ рѣшеніи своего недоумѣнія онъ желалъ слышать голосъ опытного въ духовной жизни старца.

Въ это время въ Молдавіи былъ извѣстенъ и славился своими высокими подвигами и духовной опытностью настоятель монастыря Бразъ архимандритъ Димитрій. До настоятельства онъ проводилъ строгую отшельническую жизнь въ глухомъ лѣсу. Случайно онъ нашелъ въ землѣ сосудъ, наполненный золотыми монетами. При сосудѣ

была записка, объяснявшая, что деньги эти принадлежатъ Молдавскому митрополиту Досиѳею, который спряталъ ихъ, узнавъ о неизбѣжной мученической кончинѣ отъ рукъ турокъ. «Кто найдетъ эти деньги, — говорилось далѣе въ запискѣ, — тотъ долженъ выстроить на нихъ монастырь и три скита. По окончаніи постройки третьяго, послѣдняго скита обрѣтутъ и мои мощи». Объявивъ о чудесной своей находкѣ молдавскому митрополиту, съ его благословенія отецъ Димитрій ревностно приступилъ къ исполненію послѣдней воли блаженнаго митрополита Досиѳея. Былъ воздвигнутъ великолѣпный монастырь. «Какъ Немецкій», — говорилъ отецъ Анטיפа. Окончена была постройка и третьяго, послѣдняго скита, въ оградѣ котораго поручилъ отецъ Димитрій выкопать для себя могилу. Когда въ день освященія скитскаго храма прибылъ въ скитъ отецъ Димитрій, ему объявили, что могила, которую онъ приказалъ вырыть, что-то осыпается. Въ его присутствіи ее углубили и обрѣли ковчегъ съ мощами блаженнаго митрополита Досиѳея. «Я сподобился видѣть эти мощи, — говорилъ отецъ Анטיפа, — прикладывался къ нимъ. Отъ нихъ шло благоуханіе».

Къ этому-то отцу архимандриту Димитрію и обратился отецъ Анטיפа за духовнымъ совѣтомъ. Вообще отецъ Димитрій всегда удерживалъ стремившихся на Аѳонскую Гору, но на этотъ разъ, къ удивленію всѣхъ, онъ согласился отпустить туда отца Анטיפу, прибавивъ, что онъ пострижетъ предварительно въ монахи его самъ. Такъ, монахомъ съ именемъ Алипія, напутствованный благословеніями великаго старца, отправился отецъ Анטיפа на Святую Гору, гдѣ въ одной изъ пустынныхъ келлій Аѳона подвизались въ это время два соотечественника отца Анטיפы, молдаване, іеросхимонахи Нифонтъ и Нектарій. Къ нимъ желалъ онъ поступить въ ученики. «Ты недавно принялъ монашескую мантию, — отвѣчали ему на его просьбу опытные отцы, — и тебѣ слѣдуетъ сперва потрудиться на послушаніяхъ въ монастырѣ».

Повинуясь ихъ совѣту, отецъ Анטיפа поступилъ въ греческій Эсфигменскій монастырь. Около четырехъ лѣтъ трудился онъ въ этой обители поваромъ. Здѣсь въ теченіе цѣлаго года находился онъ въ тягчайшемъ и опаснѣйшемъ для подвижника искушеніи: отъ него отступила умная молитва, и съ ней прекратились всѣ благодатныя утѣшенія. И умъ, и сердце его исполнены были подавляющей темнотой и скорбью. Только твердое упованіе на заступленіе Божіей Матери сохранило его тогда отъ отчаянія. Кончилось время послушническаго искуса, и молдавскіе старцы приняли своего собрата для высшихъ подвиговъ въ пустыню. «Тебѣ надо теперь облечься въ схиму, я постригу тебя», — сказалъ однажды отецъ Нифонтъ отцу Анטיפѣ. — «Я съ великою радостью готовъ принять схиму, только боюсь, что тогда ты не отпустишь меня одного въ пустыню», — отвѣчалъ ему отецъ Анטיפа. «Конечно, не отпускаю», — сказалъ отецъ Нифонтъ.

Въ головѣ отца Нифонта уже зарождалась тогда мысль устроить на Аѳонѣ самостоятельный общежительный молдавскій скитъ, и онъ сознавалъ, что въ дѣлѣ устроенія скита ему будетъ весьма полезенъ отецъ Анטיפа, почему и желалъ самъ постричь его

въ схиму и тѣмъ, по закону духовному, привязать его къ себѣ навсегда. Отецъ Антипа понималъ цѣль старца, и она безмѣрно тяготила его.

Въ недоумѣніи, съ вопросомъ о схимѣ и старецѣ, и ученикъ рѣшились обратиться къ схимонаху Евѣимію, ихъ общему духовному руководителю, пустыннику весьма благочестивому старцу. Отецъ Евѣимій принялъ сторону отца Антипы, и по его совѣту Антипу постригли въ схиму и предоставили ему полную свободу одному проводить отшельническую жизнь. Весьма неохотно отпустилъ отецъ Нифонтъ своего схимонаха въ пустыню. Неохота эта выразилась даже и внѣшнимъ образомъ въ томъ, что онъ не далъ ему рѣшительно ничего, что представлялось необходимымъ для первоначальнаго обзаведенія.

Съ голыми руками вошелъ отецъ Антипа въ полуразвалившуюся отшельническую хижину. Она была совершенно пуста, только въ переднемъ углу, на карнизикѣ, нашель онъ небольшую икону Божіей Матери, на которой отъ многолѣтней копоти нельзя было рассмотретьъ лика. Невыразимо обрадовался отецъ Антипа своей находкѣ. Онъ чувствовалъ, что обрѣлъ драгоценное духовное сокровище. Немедленно, взявъ съ собою святую икону, отправился онъ къ знакомому иконописцу-пустыннику іеродіакону Паисію, переселившемуся со святыхъ горъ Кіевскихъ на Аѳонъ, и сталъ просить его промыть икону. Только промыть какъ можно осторожнѣе, чтобы не повредить ее, и отнюдь не поправлять ее красками.

Отецъ Паисій никакъ не соглашался на такихъ условіяхъ взять икону къ себѣ и только по убѣдительнымъ просьбамъ Антипы рѣшился наконецъ попробовать промыть ее, хотя вполнѣ самъ сознавалъ всю бесполезность такой пробы. Черезъ нѣкоторое время онъ возвратилъ отцу Антипѣ икону совершенно новой, клятвенно увѣривъ его, что она стала такой отъ одной простой промывки и что это явленіе чрезвычайно поразило его самого. Такъ чудно изъ многолѣтней тьмы проявившая себя на свѣтѣ икона Владычицы прославила себя вполсѣдствіи многими благодатными знаменіями. «Она чудотворная», — въ радости всегда свидѣтельствовалъ о ней никогда съ нею не разлучавшійся отецъ Антипа.

Невозможно было жить въ полуразвалившейся сырой хижинѣ; средствъ же на ея поправку у отца Антипы не было никакихъ. Разъ въ задумчивости шелъ онъ по пустыннымъ тропинкамъ Аѳона. Вдругъ его останавливаетъ незнакомый отшельникъ. «Батюшка, — говоритъ онъ ему, — добрые люди дали мнѣ пять червонцевъ и просили передать ихъ бѣднѣйшему пустыннику. Помолясь, я рѣшился отдать эти деньги первому, кого встрѣчу, такъ возьми ихъ: они, должно быть, твои».

Съ благодарностью, какъ отъ руки Божіей, принялъ отецъ Антипа деньги изъ рукъ незнакомца. Онъ пригласилъ къ себѣ одного бѣднаго келіота-плотника, и тотъ приступилъ къ исправленію его келліи. Четыре дня шла успѣшно работа. На пятый день келіотъ опасно заболѣлъ сильнѣйшимъ припадкомъ холеры и въ изнеможеніи упалъ

недалеко отъ келліи, и съ нимъ сдѣлались судороги. Очень встревожился отецъ Антипа, не имѣя силъ втащить больнаго въ свою келью. Въ какомъ-то необъяснимомъ порывѣ, какъ единственную свою надежду на заступленіе, вынесъ онъ икону Божіей Матери и поставилъ ее на возвышеніи противъ лежавшаго замертво на землѣ келіота. Самъ же, углубившись въ чашу лѣса, сталъ молить Господа о его исцѣленіи. Долго молился отецъ Антипа. Когда послѣ молитвы возвратился онъ къ своей пустынькѣ, то съ изумленіемъ и великой радостью увидѣлъ отчаянно больнаго уже совершенно здоровымъ и за работой. «Твоя икона меня исцѣлила, — объяснилъ келіотъ отцу Антипѣ, — она чудотворная. Я лежалъ какъ мертвый и вдругъ почувствовалъ, какъ икона Царицы Небесной обдаетъ меня необъяснимо живительнымъ, теплымъ дыханіемъ. Я совершенно согрѣлся и въ одно мгновеніе здоровымъ всталъ на ноги».

Въ самое короткое время келлія отца Антипы была обустроена, и мирно потекли дни его. Съ подвигомъ молитвеннымъ отшельникъ по необходимости соединялъ безмятежное рукодѣліе — дѣланіе деревянныхъ ложекъ, которыя для своего пропитанія продавалъ въ Кареѣ. За совѣтомъ въ духовной жизни обращался онъ къ пустыннику схимонаху Леонтію, духовному старцу и великому подвижнику. Съ нимъ и въ послѣдующее время онъ находился въ близкомъ духовномъ общеніи. Съ его только благословенія рѣшался онъ совершать какія либо дѣла.

Междутѣмъ мысль отца Нифонта объ устроеніи молдавскаго скита стала мало-помалу осуществляться. Въ Молдавіи, въ городѣ Яссы, устроено было уже имъ подворье, на Аео-нѣ приобрѣтена земля, на которой быстро поднимались скитскія зданія; число братіи росло. Тогда молдавскіе старцы стали просить отца Антипу помочь имъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія скита. Повинуясь совѣту духовныхъ отцовъ, онъ согласился. Его посвятили въ іеродіакона, потомъ скоро въ іеромонаха и сдѣлали келаремъ\*.

Занимая, съ одной стороны, незначительную должность, отецъ Антипа по мѣрѣ силъ своихъ ревновалъ о сохраненіи въ скиту общежительныхъ правилъ. Однажды отецъ Нифонтъ, будучи уже игуменомъ, въ общей братской трапезной благословилъ келарю приготовить для себя и какого-то прибывшаго къ нему гостя отдѣльное кушанье. Келарь не приготовилъ, а игумень разгнѣвался и велѣлъ ему встать на поклоны. «Поклоны я буду класть съ радостью, — отвѣчалъ ему келарь, — но прошу извинить меня. Сдѣлано это съ благой цѣлю, дабы не было претыканія и соблазна братіи, такъ какъ самимъ тобою же начатыя добрые уставы по правиламъ святыхъ отцовъ тобою же и не были бы нарушены. Настоятелю во всемъ надо быть самому примѣромъ для всѣхъ, тогда только будетъ твердо и надежно наше общежитіе». Впослѣдствіи, когда совершенно успокоилось волненіе отца Нифонта, онъ благодарилъ отца Антипу за его благоразумную ревность.

Дѣла по устройству скита побудили отца Нифонта на три года уѣхать въ Молдавію. На все это время управление всѣми отраслями скитскаго общежитія возложено было

на отца Антипу. Ему же потомъ предоставлено было и право исполнять обязанности духовника, для чего по афонскому обычаю въ храмѣ архипастыремъ прочитана была надъ нимъ молитва и выдана была ему особая грамота.

Съ возвращеніемъ отца Нифонта на Святую Гору для отца Антипы настало время навсегда разстаться со священнымъ мѣстомъ многолѣтнихъ своихъ духовныхъ подвиговъ, къ которому онъ привязался всѣми силами души и о которомъ до конца своей жизни сохранилъ глубокую благоговѣйную память. Отецъ Нифонтъ назначилъ его экономомъ на ихъ подворье.

Изъ тихихъ предѣловъ Святой Афонской Горы, неожиданно очутившись среди разнообразныхъ хлопотъ и попеченій въ шумномъ городѣ, отецъ Антипа прежде всего старался и здѣсь, какъ въ минувшіе дни въ пустынь, во всей точности исполнять все схимническое правило по уставу Афона. Такъ заповѣдалъ ему и отецъ Нифонтъ, отправляя его въ Яссы. На всѣ возможныя искушенія, которыя могли вредно повліять на душу подвижника при обиліи всевозможныхъ искушеній, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ, опытный воинъ духовный вооружился мощнымъ оружіемъ — постомъ. Постоянно по два и по три дня, иногда даже по недѣлѣ, онъ совершенно не употреблялъ ни пищи, ни питья. Самъ, проводя строгую, подвижническую жизнь, всею душою любя святую вѣру и благочестіе, отецъ Антипа при всякомъ удобномъ случаѣ, несмотря на лица, съ ревностью обличалъ замѣчаемыя имъ отступленія отъ церковныхъ постановленій. Такая его ревность, соединенная съ простой и искренней любовью, при назидательномъ, проникнутомъ глубокой духовной опытностью его въ словѣ, при собственномъ примѣрѣ его жизни вскорѣ расположила къ отцу Антипѣ сердца людей и сановныхъ, и простыхъ. Всѣ они съ вѣрой и благоговѣніемъ принимали его совѣты и слушали его наставленія.

Особенное благоволеніе оказывалъ ему митрополитъ Молдавскій. Онъ поставилъ его духовникомъ въ двухъ женскихъ обителяхъ и самъ часто бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ духовныхъ. Со своей стороны и отецъ Антипа питалъ къ святителю чувство полного сыновняго довѣрія, которое выразилось, между прочимъ, и въ слѣдующемъ обстоятельстве.

Въ дни подвижничества своего на Афонѣ отъ продолжительнаго поста отецъ Антипа ощущалъ обыкновенно особенную горечь во рту. Въ Молдавіи же спустя два года горечь эта обратилась въ необыкновенную сладость. Въ недоумѣніи, за объясненіемъ этого новаго явленія обратился отецъ Антипа къ Молдавскому Владыкѣ. Архипастырь объяснилъ ему, что такое ощущеніе есть плодъ поста и умной молитвы, что оно есть благодатное утѣшеніе, которымъ Господь ободряетъ подвижающагося на его спасительномъ пути. «Объ этомъ такъ говоритъ преподобный Исаакъ Сиринъ, — заключилъ свое объясненіе святитель, — Самъ Господь горечь постническаго озлобленія мановеніемъ Своимъ перелагаетъ въ сладость Свою неисповѣдимую».

При общемъ расположеніи къ отцу Антипѣ всѣхъ знавшихъ его дѣла по управленію подворьемъ шли прекрасно. Средства на содержаніе подворья росли, самъ сборъ значительно увеличился. Такъ со всей ревностью служа на пользу молдавскаго скита, съ полной любовью отзываясь на духовныя нужды обращающихся къ нему за совѣтомъ въ дѣлѣ спасенія, отецъ Антипа самъ сердцемъ постоянно стремился на пустынную, многолюбезную ему Святую Аѳонскую Гору. Часто онъ просилъ отца Нифонта о возвращеніи его на Аѳонъ.

Но не то было на умѣ у отца Нифонта. Видя большую пользу отъ дѣятельности отца Антипы для ихъ скитскаго общежитія и сознавая множество разнообразныхъ, неотложныхъ нуждъ по устройенію скита и скудость настоящихъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, отецъ Нифонтъ рѣшился ѣхать за сборомъ подаяній въ Россію и взять съ собою туда и отца Антипу. «Не пускаешь ты меня на Аѳонъ, — сказалъ отецъ Антипа игумену, когда тотъ объявилъ ему свое рѣшеніе, — берешь въ Россію. Я чувствую, что, какъ только мы переѣдемъ нашу границу, я уже не буду болѣе нашъ, я буду русскій».

Какъ только отцомъ Антипой подъ руководствомъ отца Нифонта были сдѣланы въ Россіи первыя шаги, такъ вскорѣ отецъ Нифонтъ уѣхалъ въ Молдавію, а отецъ Антипа, вовсе не зная русскаго языка, остался одинъ среди русскихъ. Какъ у родныхъ помѣщенъ онъ былъ въ одномъ благочестивомъ купеческомъ семействѣ. Въ отдѣльномъ домикѣ въ саду проводилъ онъ почти затворническую жизнь, посвящая почти все время молитвѣ. Рѣдко и только по особому приглашенію выходилъ онъ изъ своего затвора. Между тѣмъ дѣла по сбору пожертвованій шли очень успѣшно. Приношенія по большей части доставлялись къ нему на домъ. Вскорѣ обширные залы купеческаго дома наполнились дорогими сосудами, облаченіями, ризами, воздухами, пожертвованными отъ московскихъ благотворителей въ пользу молдавскаго скита. Всего съ колоколами ихъ набралось на сумму свыше 30 000 рублей.

Когда всѣ эти пожертвованія были отправлены на Аѳонъ, то отецъ Антипа утѣшался мыслью о той радости, какую они доставятъ пустыннымъ отцамъ аѳонскимъ. Въ Москвѣ и Санктъ-Петербургѣ по сборной книгѣ собрана была отцомъ Антипой также довольно значительная сумма. Для отправленія ея на Аѳонъ нужно было обмѣнять ее на золотыя монеты. Между тѣмъ по Высочайшему повелѣнію выдача золота изъ главнаго казначейства была въ то время воспрещена. Съ одной стороны, зная крайнія нужды молдавскихъ старцевъ, съ другой — видя неодолимые препятствія, отецъ Антипа обращался съ просьбами о помощи къ вліятельнымъ лицамъ. Когда отказались всѣ, когда не было болѣе никакой человѣческой надежды, тогда повѣргся отецъ Антипа передъ аѳонскимъ образомъ Божіей Матери и сталъ просить заступленія Царицы Небесной. Во время молитвы онъ услышалъ какъ бы гласъ отъ иконы: «Это дѣло митрополита». «Это былъ не то чтобы гласъ, но это тонко пришло на умъ», — объяснялъ впослѣдствіи отецъ Антипа. И, дѣйствительно, сверхъ всякихъ ожиданій, собственно только

вслѣдствіе одного содѣйствія владыки [митрополита Филарета] по предписанію министра финансовъ было сдѣлано исключеніе для отца Антипы, и собранныя деньги золотомъ были отправлены въ молдавскій скитъ.

Такъ успѣшно шли дѣла отца Антипы по сбору приношеній. Этимъ успѣхомъ главнымъ образомъ онъ обязанъ былъ тому глубокому чувству довѣрія и искренней, сердечной расположенности, которую питали къ нему всѣ знавшіе его въ Россіи, какъ и прежде въ Молдавіи. И въ Москвѣ, и въ Санктъ-Петербургѣ люди благочестивые, изъ всѣхъ классовъ общества обращались къ нему за духовными наставленіями и съ благоговѣнною вѣрою внимали его обличительному и назидательному слову.

У него было много искреннихъ учениковъ. Оба митрополита — Санктъ-Петербургскій Исидоръ и Московскій Филаретъ — оказывали ему милостивое вниманіе и бесѣдовали съ нимъ о духовной жизни. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ на вопросъ: «Что особенно необходимо упражняющемуся въ умной молитвѣ?» — ревностный дѣлатель ея отвѣчалъ: «Терпѣніе».

Святителю московскому отецъ Антипа представленъ былъ отцомъ Нифонтомъ. Святителю же Санктъ-Петербургскому онъ сдѣлался извѣстенъ случайно. Однажды, прибывъ изъ Москвы въ Санктъ-Петербургъ для полученія сборной книги изъ Святѣйшаго Синода, отецъ Антипа былъ помѣщенъ какъ странникъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ одной кельѣ съ пріѣхавшимъ по дѣламъ своимъ въ столицу бѣлымъ священникомъ. Вскорѣ наступилъ Великій постъ. По своему обыкновенію отецъ Антипа ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ въ Лаврѣ. А въ кельѣ совершалъ днемъ и ночью всю службу на молдавскомъ языкѣ и исполнялъ схимническое правило. Пищи и питья не употреблялъ вовсе, такъ что и ночь, и день подвижника проходили почти въ одной молитвѣ. Миновалъ первый день поста, миновалъ второй, третій... все то же! Съ удивленіемъ смотрѣлъ на такую жизнь сообитатель отца Антипы. Въ концѣ недѣли, представляясь по своему дѣлу, передалъ онъ между прочимъ все поразившее его митрополиту Исидору. Святитель обратилъ вниманіе на подвижника. Велико было это вниманіе архипастыря къ отцу Антипѣ въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни, и въ первую очередь въ дѣлѣ будущаго перемѣщенія его на Валаамъ.

Въ первый годъ пребыванія своего въ Россіи, какъ только открылась навигація, посѣтилъ отецъ Антипа Валаамскій монастырь. Всею душою полюбилъ онъ тогда пустынный, безмятежный кущи Валаама, и какъ только были завершены его дѣла по сбору подаяній въ пользу молдавскаго скита, съ благословенія своихъ молдавскихъ старцевъ, 6 ноября 1865 года прибылъ онъ на Валаамскіе горы. Маленькая, уединенная келья въ скиту Всѣхъ Святыхъ пріютила здѣсь ревностнаго любителя безмолвія и молитвы.

Велики были молитвенные подвиги отца Антипы въ предѣлахъ Святой Аѳонской Горы и среди шума мірскаго въ городахъ Молдавіи и Россіи, но тамъ они развлека-

емы были по необходимости то рукодѣліемъ съ цѣлью пропитанія, то обращеніемъ съ мірскими людьми по дѣламъ монастырскимъ и по сбору пожертвованій. Въ уединеніи же валаамскомъ молитва сдѣлалась единственнымъ и исключительнымъ его занятіемъ. Она занимала весь день и почти всю ночь. Кромѣ неопустительнаго исполненія денно-нощной службы по церковному уставу отецъ Антина каждый день прочитывалъ два акаѳиста Божіей Матери: общій и другой — Ея Успенію. Ежедневно полагалъ по 300 земныхъ поклоновъ съ молитвою о спасеніи всѣхъ усопшихъ.

Помянникъ отца Антипы былъ очень великъ. Поминалъ онъ всѣхъ благодѣателей прежнихъ за многіе годы, всѣхъ знаемыхъ. Это поминовеніе продолжалось болѣе часа. Въ опредѣленное время, между службами и поклонами, занимался онъ умной молитвой и ей же посвящалъ свободные отъ установленнаго молитвословія часы дня и ночи. Когда случалось ему быть или служить въ монастырѣ, точно такъ же, какъ и каждую субботу, когда онъ причащался Божественныхъ Христовыхъ Таинъ въ скиту, въ алтарѣ, облачаясь сверхъ мантии въ священническую ризу, предварительно въ кельѣ совершалъ онъ полную службу на молдавскомъ языкѣ и потомъ выстаивалъ безъ опущенія и всю церковную службу въ скитскомъ или въ монастырскомъ храмѣ.

Службу келейную совершалъ отецъ Антина со вниманіемъ полнымъ. Не разъ замѣчала братія, какими горькими слезами обливался онъ на молитвѣ. Молитва была такъ сладостна для него, что онъ всегда жалѣлъ, что у него для молитвы недостаетъ времени.

Въ первую недѣлю Великаго поста отецъ Антина вовсе не употреблялъ ни пищи, ни питья. Въ такой же строгости соблюдалъ онъ постъ въ понедельникъ, среду и пятницу въ теченіе всего года и въ навечерія праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ эти два сочельника даже и въ предсмертной болѣзни своей, когда отъ сильнаго жара высыхалъ у него совершенно ротъ, не рѣшался онъ облегчить своихъ тяжелыхъ страданій глоткомъ воды. Для постника была достаточна та пища, которую ему разъ въ недѣлю приносили на обѣдъ въ субботу.

Такъ подвизался отецъ Антипа круглый годъ въ скиту. Когда же приходилъ онъ въ монастырь, здѣсь уже онъ сообразовался съ чиномъ монастырскимъ. Приходилъ же онъ въ монастырь три раза въ годъ — на Рождество Христово, Страстную седмицу, недѣлю Святой Пасхи и на всю недѣлю Пятидесятницы.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ дней приводила его въ монастырь еще необходимость духовнаго собесѣдованія съ близкими ему лицами, пріѣзжавшими собственно для него на Валаамъ. Хотя пріѣзды этихъ лицъ крайне тяготили любителя безмолвія, но на нихъ онъ всегда отзывался со всею полнотою безграничнаго радушія. Здѣсь выражались его глубокая, самоотверженная любовь къ ближнимъ, его тонкое благочестивое чувство, боявшееся чѣмъ нибудь опечалить ихъ.

По цѣлымъ днямъ тогда затворникъ находился въ обществѣ женщинъ, пилъ чай, ѣлъ. «Какъ можешь ты соединять продолжительный скитскій постъ съ такимъ

неожиданнымъ разрѣшеніемъ?» — въ недоумѣніи спрашивалъ его одинъ изъ отцовъ валаамскихъ. Дивно отвѣчалъ онъ ему словами апостола Павла: «...во всёмъ и во всѣхъ навывѣхъ, и насыщѣются и алкаютъ, и избыточествуютъ и лишѣются» (Флп. 4:12). «Батюшка, ты обращался много съ женщинами. Неужели не приходили тебѣ дурныя мысли?» — спрашивалъ его въ послѣдніе дни его земной жизни одинъ изъ преданныхъ ему его учениковъ. «Никогда! — отвѣчалъ ему сохранившій себя въ дѣвственной чистотѣ отецъ Антипа. — Не могутъ прійти такія мысли чадолюбивому отцу. Тѣмъ болѣе не могутъ прійти они отцу духовному. Единственнымъ моимъ желаніемъ по отношенію къ моимъ чадамъ было ихъ преуспѣяніе духовное и вѣчное спасеніе ихъ души».

Между почитателями отца Антипы были люди со средствами. По его предложенію охотно они дѣлали приношенія на нужды монастырей въ Россіи и на Аѳонѣ. Сочувствуя существеннымъ потребностямъ обитателей, отецъ Антипа вообще не одобрялъ ихъ увлеченія къ излишнимъ, пышнымъ сооруженіямъ. «Много я видѣлъ монастырей и въ Россіи, и за границую, — говорилъ онъ, — вездѣ хлопчутъ, строятъ; но и хлопоты, и постройки — дѣла суеты, дѣла мірскія. Монаха жизнь — въ церкви, дѣло его — монашеское правило».

Ничего не искавшій на землѣ, весь умъ свой углубившій въ Богъ, отецъ Антипа съ радостью переносилъ всѣ огорченія, поношенія, упреки. Глубокое смиреніе и всегдашняя готовность къ самоукоренію давали ему полную возможность всегда сохранять невозмутимымъ глубокой миръ души. Жилъ онъ въ нищетѣ крайней. Келья его была совершенно пуста, не было въ ней ни кровати, ни стула. Стояли въ ней небольшой столикъ вмѣсто аналоя и деревянный жезлъ съ перекладной, на который въ борьбѣ со сномъ, въ изнеможеніи упирался онъ во время всенощного бдѣнія. На полу лежалъ войлокъ, на которомъ онъ сидѣлъ и на которомъ въ утомленіи предавался краткому ночному отдохновенію.

Живя самъ въ такой нищетѣ, отецъ Антипа со всею любовью отзывался на нужды братіи, если только открывалась ему къ тому возможность. Полюбивъ всей душой Валаамскій монастырь, съ перваго дня своего прибытія отецъ Антипа сохранилъ свою любовь къ нему до конца. «Одно сокровище есть у меня, — говорилъ онъ, — это моя чудотворная икона Божіей Матери. Я никому не отдамъ ее, я оставляю ее только Валаамскому монастырю».

Многіе годы проводя въ строгомъ подвижничествѣ, отецъ Антипа нисколько не разстроилъ своего здоровья. Вообще онъ обладалъ здоровымъ, крѣпкимъ организмомъ. Къ лѣкарствамъ и къ врачамъ въ случаѣ болѣзни онъ никогда не обращался. Принимая болѣзнь отъ руки Господней, отъ Него же ожидалъ онъ и исцѣленія. Судя по его бодрому виду, трудно было предполагать, что онъ такъ скоро переселится въ селенія горнія. Въ теченіе одного года сильнѣйшій кашель совершенно обезсилилъ и изсушилъ его и тихо привелъ его къ мирному пристанищу.

Въ годъ своей болѣзни Страстную и Пасхальную седмицы отецъ Антипа провелъ въ монастырѣ. Въ Великую Субботу онъ былъ на Божественной Литургіи. Послѣ онъ сказалъ своему ближайшему ученику: «Во время причащенія я былъ въ алтарѣ и взглянулъ изъ южныхъ дверей въ церковь. Монахи уже причащались, и лица нѣкоторыхъ сіяли какъ солнцѣ. Прежде этого я не видѣлъ».

Глухой осенью того же года стоялъ отецъ Антипа въ своей кельѣ на молитвѣ. Вдругъ сдѣлался шумъ. Аѳонскій образъ Божіей Матери самъ собою двинулся съ мѣста. Другія иконы, бывшія на немъ, упали. Образъ Богоматери шествовалъ тихо по воздуху цѣлыхъ два метра и остановился на груди отца Антипы. Ужаснулся старецъ. Съ благоговѣніемъ принявъ образъ, онъ поставилъ его на мѣсто. Со слезами умиленія объ этомъ явленіи онъ открылъ только за три дня до своей кончины.

Болѣзнь отца Антипы быстро развивалась. По желанію старца его соборовали. Онъ видимо угасалъ. Дня за два до кончины отца Антипы въ монастырскомъ храмѣ шла вечерня. Вдругъ что-то сильно стукнуло объ полъ. Это упалъ послушникъ-старичокъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Игумену объяснили, что случилось, и тотъ благословилъ взять святой воды и окропить больного. Думали, что онъ угорѣлъ. Оказалось — онъ уже скончался. Въ эту ночь особенно страдалъ отецъ Антипа. Подъ утро ему стало легче, и онъ обратился къ окружающимъ его ученикамъ съ вопросомъ: «Кто у васъ умеръ въ монастырѣ?» Такъ какъ въ скитъ изъ монастыря еще никто не приходилъ, ученики отвѣтили: «Никто». «Нѣтъ, умеръ, — возразилъ отецъ Антипа, — умеръ простой старикъ въ церкви, ему было трудно. Игумень велѣлъ дать воды... не помогло... умеръ». Въ недоумѣніи слушали его ученики. Около 11-ти часовъ въ скитъ пріѣхалъ духовникъ, тогда только выяснилось, что отецъ Антипа, лежа въ скиту, отстоящемъ отъ монастыря на разстояніи трехъ километровъ, говорилъ о происшествіи, какъ будто оно совершилось передъ его глазами.

Въ послѣднюю ночь часто подымалъ отецъ Антипа руки къ небу и звалъ къ себѣ своего любимого аѳонскаго старца, духовника отца Леонтія: «Леонтій, Леонтій, гдѣ ты Леонтій?» — «Батюшка, да съ кѣмъ ты говоришь? Вѣдь никого нѣтъ», — наклоняясь къ старцу, сказалъ келейникъ. Пристально посмотрѣлъ старецъ на него и тихо пальцемъ постучалъ его по головѣ.

Подъ утро, чувствуя уже близость своего отшествія и желая причаститься Святыхъ Таинъ, отецъ Антипа просилъ поспѣшить совершить Литургію. Въ полномъ разумѣ, сподобившись принятія Божественныхъ Таинъ, отецъ Антипа погрузился въ тихую дремоту. Прошло два часа, ближайшій ученикъ его сталъ читать акаѳистъ Божіей Матери, и въ это время тихо замолкъ на вѣки во всю жизнь ежедневно возносившій Царицѣ Небесной акаѳистныя хваленія отецъ Антипа.

Скончался онъ въ воскресеньѣ, 10 января 1882 года, на 66-мъ году жизни.

## Схимонахъ Георгій (Хаджи)

Старець схимонахъ Георгій<sup>492</sup>, по прозвищу Хаджи Георгій, родился въ 1809 году въ Турціи въ селеніи Кермилъ Каппадокійской области Кесарійской митрополіи, находящейся въ Малой Азіи. Родители были богаты и носили имена Іорданъ и Марія. Въ святомъ крещеніи ему было дано имя Гавріила. По достиженіи отроческаго возраста онъ былъ отданъ родителями въ школу для изученія грамоты. Но грамота маленькому Гавріилу не давалась. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ не только не научился читать по складамъ, но едва смогъ освоить алфавитъ. За это учитель въ школѣ и родители дома наказывали его. Изъ страха передъ наказаніемъ онъ сталъ бояться и школы, и дома и убѣгалъ за селеніе, гдѣ и проводилъ время по мѣсяцу, а то и болѣе въ тамошнихъ пещерахъ, которыя существовали тамъ еще отъ временъ языческихъ. Тамъ онъ прятался до тѣхъ поръ, пока ктонибудь изъ родныхъ не отыщетъ его.

Отъ своей тетки — монахини, у которой онъ иногда бывалъ въ монастырѣ, онъ слышалъ, что есть святые люди, называемые затворниками, которые постятся и молятся Богу. Вотъ и ему пришло желаніе: укрываться въ тѣхъ пещерахъ, поститься и молиться Господу Богу. Что онъ и сталъ дѣлать: подолгу молился; насколько доставало силъ, клалъ множество земныхъ поклоновъ; постился дня по три–четыре, ничего не бралъ въ ротъ, а когда изнемогалъ, то питался огородными овощами или дикими плодами, растущими въ лѣсу. Хлѣба же часто по мѣсяцу не видѣлъ и не ѣдалъ.

Изъ этого видно, что съ юныхъ лѣтъ онъ возлюбилъ пустынную и постническую жизнь. Впрочемъ, не оставляла его скорбь о томъ, что онъ не могъ выучиться грамотѣ, тогда какъ родные братья и товарищи всѣ уже могли читать и писать. Бывало, сами родители, видя его скорбящимъ, говорили ему: «Гавріиль! Иди въ церковь и молись Божіей Матери; она тебѣ поможетъ научиться». Но тогда слова эти не производили на него своего дѣйствія. Теперь же, проживая въ пещерахъ, ему вдругъ захотѣлось идти и просить Царицу Небесную. Въ приходскомъ ихъ храмѣ была мѣстнотимая чудотворная икона Божіей Матери. И вотъ онъ, попостившись три

---

<sup>492</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Схимонахъ Денасій (Юшковъ)*. Замѣтки русскаго инока-афонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1905 годъ. М., 1905. С. 250. См. также: *Жизнь отца Хаджи Георгія, великаго подвижника и постника Святой Афонской Горы*. Изд. отца Парѣенія, настоятеля обители Благовѣщенія Пресвятой Богородицы на Афонѣ. Одесса, 1912.

дня и положивъ тысячу земныхъ поклоновъ, отправился въ церковь, а для того, чтобы не замѣтили родные, избралъ ночное время. Итакъ, придя къ церкви, онъ вошелъ на паперть и здѣсь предъ церковными дверями палъ ницъ на землю и со слезами сталъ умолять Божию Матерь: «Дажь мнѣ, Царица Небесная, Матерь Божія, выучиться грамотѣ». Горяча, должно быть, была молитва юного отрока Гавріила, изъ глубины скорбнаго сердца исторгались вопли ея, и быстрѣе молніи взлетѣли въ небеса до самой Препоблагословенной Владычицы горняго и дольняго міра. И вдругъ обѣ половины желѣзныхъ церковныхъ дверей отворяются, является благолѣпная Жена, беретъ его за руку, подводитъ къ мѣстной иконѣ Спасителя и, обращаясь къ Нему, говоритъ: «Сынъ мой, даждь сему отроку Гавріилу выучиться грамотѣ». Съ этими словами благословила Она его Своей рукой, дала ему ее поцѣловать. «Теперь ты, — сказала Она, — выучился грамотѣ». Проговоривъ это, Она вошла въ сѣверныя двери алтаря.

Видя, что Царица Небесная не выходитъ, Гавріиль поспѣшилъ за ней въ алтарь. Но тамъ ее не нашель. Обошелъ потомъ кругомъ по церкви, но видимой Жены нигдѣ не было. Настало время богослуженія, пришелъ пономарь и, отворивъ церковныя двери, увидѣлъ Гавріила. Въ изумленіи глядя на него, онъ спросилъ его: «Какъ ты сюда попалъ?!» Гавріиль подробно разсказалъ обо всемъ случившемся. Пономарь не повѣрилъ ему и самъ пошелъ искать Жену. Обошелъ всю церковь, но нигдѣ Ее не нашель. Потомъ для удостовѣренія въ истинѣ случившагося взялъ и подалъ ему книгу и говоритъ: «На, прочитай, умѣешь ли ты читать, какъ Она сказала, что ты теперь выучился грамотѣ». Гавріиль взялъ книгу и сталъ читать хорошо и внятно. Тогда пономарь сказалъ: «Да, это была Божія Матерь, а не простая жена».

Послѣ всего случившагося Гавріиль побѣждалъ въ школу. Учитель сталъ спрашивать урокъ его, буквы изъ азбуки, а онъ сталъ читать въ указанномъ мѣстѣ, да не по складамъ, а бѣгло и хорошо. Учитель весьма удивился такому его необыкновенному успѣху. Вѣдь за четыре года онъ не смогъ выучить то, что читалъ сейчасъ. Гавріиль разсказалъ, кто его научилъ грамотѣ. Съ тѣхъ поръ учитель и родные стали относиться къ нему съ уваженіемъ. Тогда онъ уже безбоязненно сталъ собирать своихъ товарищей въ тѣ пещеры, гдѣ они играли слѣдующимъ образомъ. Напримеръ: строили церковь, гдѣ каждый рылъ себѣ въ землѣ келейку; устраивали нѣчто вроде монастыря — одного дѣлали священникомъ, другого дьякономъ, иного экономомъ, а Гавріила избрали въ игумена.

Когда Гавріилу было около 14-ти лѣтъ отъ роду, односельчане его отправились верхомъ на лошадахъ въ Константинополь. Поѣхалъ съ ними и Гавріиль. Проѣзжая мимо одного прекраснаго уединеннаго мѣста, ему пришла мысль: «Здѣсь, въ этомъ лѣсу, должно быть, живутъ пустынники». Гавріиль оставилъ спутниковъ и пошелъ ихъ искать. Но, къ прискорбію своему, никого изъ пустынниковъ не нашель, спутниковъ потерялъ изъ виду и заблудился въ лѣсу. Гавріиль испугался и сталъ призывать

на помощь святого великомученика Георгія, своего соотечественника, бывшего родомъ тоже изъ Каппадокійской области. Вдругъ показался вдали молодой всадникъ на бѣломъ конѣ и, приблизившись къ Гавріилу, говоритъ ему: «Видно, ты дорогу потерялъ?» — «Да, потерялъ», — отвѣтилъ Гавріилъ. Всадникъ былъ въ прекрасномъ воинскомъ одѣяніи, почему Гавріилъ и не осмѣливался съ нимъ разговаривать. «Иди за мной», — сказалъ онъ Гавріилу и вывелъ его на дорогу, на то мѣсто, откуда онъ увидѣлъ своихъ спутниковъ и догналъ ихъ.

По прибытіи въ Константинополь Гавріилъ прежде всего поспѣшилъ побывать у своего родного дяди, который занималъ высокую должность при дворѣ тогдашняго султана Махмуда II (1808–1839). Проживая на родинѣ, тотъ занимался доставкой продовольствія для турецкихъ войскъ. Завистливые люди оклеветали его, чтобы погубить. Доносъ клеветниковъ-завистниковъ имѣлъ силу, и онъ долженъ былъ лишиться жизни. Во избѣжаніе смерти онъ и рѣшилъ принять магометанство, послѣ чего вошелъ въ большое довѣріе и милость султана и сдѣлался однимъ изъ близкихъ ему людей и уже постоянно находился въ его дворцѣ.

Гавріилъ очень сильно желалъ помочь своему дядѣ, вывести его изъ той адской, погибельной пропасти, въ которую тотъ попалъ. И Господь помогъ ему. И не только этого вельможу, но съ нимъ и одного священника и еще другихъ нѣскольکو человекъ, принявшихъ исламъ, онъ смогъ возвратитъ въ христіанство. Всѣ они втайнѣ снова стали православными христіанами и еще нѣкоторое время оставались на прежнихъ мѣстахъ служенія.

Цѣлый годъ Гавріилъ находился въ султанскомъ дворцѣ при дядѣ — вельможѣ султана. Султанъ его замѣтилъ и спросилъ дядю о немъ. А потомъ самъ султанъ Махмудъ лично разговаривалъ съ Гавріиломъ, о многомъ спрашивалъ, послѣ чего весьма полюбилъ его. Находясь во дворцѣ, Гавріилъ не пользовался удобствами роскошной жизни. Его дневной пищей была одна горсть ячменной крупы, сваренной съ солью въ водѣ. Султанъ объ этомъ зналъ отъ дяди. Зналъ и о томъ, что ежедневно онъ полагалъ по 500 земныхъ поклоновъ. Султанъ съ восхищеніемъ, не ожидая отвѣта, часто спрашивалъ своихъ приближенныхъ: «Кто научилъ такого молодаго человека такъ поститься и молиться?»

Объ этомъ султанѣ, благодѣтелѣ христіанъ, говорятъ, что онъ самъ былъ тайнымъ христіаниномъ. Старецъ Хаджи Георгій такъ говорилъ о немъ: «Султанъ Махмудъ былъ втайнѣ христіанинъ. Первая добродѣтель его состояла въ томъ, что до его царствованія не только не могли построить ни одного новаго храма, но не могли даже поправить ни одного обветшавшаго. Онъ далъ до 2000 фирмановъ (разрѣшеній) на построение новыхъ церквей. По разрушеніи въ 1821 году маленькой, низенькой часовни въ Балукліи, построенной надъ живоноснымъ источникомъ Божіей Матери на мѣстѣ древняго великолѣпнаго храма, мѣсто это было отнято турками отъ православныхъ грековъ. Султанъ

Махмудъ по ходатайству Патріарха Константія I (1830–1834) возвратилъ это мѣсто христіанамъ и дозволилъ возстановить отъ самаго основанія древнюю церковь, которая и была построена, но по недостатку средствъ въ меньшихъ размѣрахъ. Причемъ извѣстная своей благотворительностью графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская пожертвовала 50 000 піастровъ. Султанъ даже приказалъ уничтожить само магометанское кладбище, бывшее на этомъ мѣстѣ, а могильные камни отдалъ христіанамъ употребить на постройку церкви. Да еще пожертвовалъ двѣ большія иконы: святаго Іоанна Предтечи, къ которому онъ благоговѣлъ, и отца его святаго пророка Захаріи, и серебряное паникадило».

Видя вокругъ себя честь и славу суетной мірской жизни и какъ трудно со всѣмъ этимъ бороться, юный Гавріиль сталъ молиться Божіей Матери увести его отсюда и указать ему путь спасенія. Однажды за Божественной Литургіей въ патріаршей церкви Гавріиль со слезами молился предъ иконой Божіей Матери мозаичной работы, которая находится за патріаршей каедрой. Когда закончилась Литургія, онъ не вышелъ вмѣстѣ со всѣми изъ церкви, а остался съ юношеской простосердечностью молиться дальше, желая получить откровеніе.

Царица Небесная, какъ рассказывалъ многимъ самъ старецъ, услышала его скорбь и молитву, и случилось слѣдующее: ему показалось, что Царица Небесная сошла къ нему съ иконы въ бѣломъ одѣяніи и спрашиваетъ его: «Чего ты хочешь?» — «Хочу спастись», — отвѣтилъ Гавріиль. Матерь Божія тогда говоритъ ему: «Когда выйдешь изъ церкви, то иди къ фонарнымъ воротамъ на пристань, гдѣ увидишь монаха, съ которымъ поѣдешь на Аѳонъ». Сказавъ это, она снова вошла въ свою икону.

Гавріиль поспѣшилъ на пристань и дѣйствительно увидѣлъ монаха величественнаго вида: постный старецъ, борода сѣдая, длинная. Это былъ игумень бѣднаго греческаго монастыря на Аѳонѣ во имя святителя Николая Чудотворца, именуемаго Григоріатъ, по имени построившаго его основателя — преподобнаго Григорія, который былъ родомъ славянинъ-сербъ. Имя и этого игумена было тоже Григорій. Гавріиль упалъ къ нему въ ноги и сталъ просить его, чтобы тотъ взялъ его съ собой на Аѳонъ. Святогорскій старецъ посмотрѣлъ на него и говоритъ: «Святыми отцами и постановленіями Патріарховъ Константинопольскихъ запрещено принимать на Аѳонъ не только мальчиковъ, какъ ты, но даже и въ лѣтахъ, если они безъ бороды. Какъ объ этомъ ни говори, а на Аѳонѣ тебѣ не быть до совершенныхъ лѣтъ».

Выслушавъ отказъ, опечаленный Гавріиль рассказалъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Божию Матерь и что Она ему сказала, дабы этимъ убѣдить старца взять его на Аѳонъ. Старецъ задумался, но послѣ краткаго недоумѣнія снова говоритъ ему: «Нѣтъ, я не могу взять тебя. У насъ на всемъ Аѳонѣ нѣтъ ни одного мальчика. Какъ же я возьму тебя?» И какъ ни просилъ и ни умолялъ Гавріиль, игумень никакъ не хотѣлъ согласиться взять его съ собой.

Такимъ образомъ Гавріиль получилъ совершенный отказъ. И даже не было обращено никакого вниманія на благоволеніе къ нему Самой Царицы Небесной, верховной Игуменьи Святой Горы, которая, конечно, можетъ попустить что либо и вопреки постановленій человѣческихъ. Все это происходило въ присутствіи капитана того судна, на которомъ игумень Григорій долженъ былъ отправиться на Аѳонъ. Добрый и сострадательный капитанъ, видя такое сильное желаніе молодаго чело-вѣка отправиться на Святую Гору и слыша отказъ игумена взять его съ собой, сжался надъ нимъ и помогъ ему исполнить свое желаніе слѣдующимъ образомъ: «Судно скоро пойдетъ на Аѳонъ, — сказалъ онъ, — пойди и спрячься на кораблѣ, а послѣ, когда выйдемъ далеко въ море, ты откроешься ему, т. е. игумену, и тогда поневолѣ онъ возьметъ тебя». Обрадованный Гавріиль такъ и сдѣлалъ. Судно вышло въ море, на немъ отправился и юный Гавріиль. Не смѣя во время плаванія показываться старцу-игумену, Гавріиль рѣшилъ открыться ему только тогда, когда уже подѣзжали къ Аѳону. Гавріиль робко подошелъ къ старцу и упалъ ему въ ноги. Игумень промолчалъ. Гавріиль былъ въ недоумѣніи, но одно держалъ въ умѣ: Матерь Божія послала меня на Аѳонъ. Выйдя на священный берегъ Святой Горы на пристани Григоріатскаго монастыря, Гавріиль вошелъ черезъ святыя врата внутрь этого монастыря, въ которомъ прибывшій Григорій былъ игуменомъ. Это было въ 1828 году. Самъ игумень и здѣсь не только не хотѣлъ принять его въ число братіи, но даже не хотѣлъ, чтобы онъ показывался ему на глаза. Гавріиль сталъ изливать свою скорбь, если ужъ не всѣмъ, то нѣкоторымъ изъ братіи монастыря, которыхъ было очень немного. Братія упростила игумена принять его въ монастырь, и игумень согласился. Ему дали послушаніе на кухнѣ.

Неописуема была радость Гавріила. Онъ чувствовалъ, какъ будто только что родился на свѣтъ Божій, когда былъ принятъ въ монастырь. При началѣ жизни юноши Гавріила въ Григоріатѣ однажды, какъ онъ рассказывалъ, на храмовый праздникъ святителя Николая по случаю непогоды не могли наловить въ морѣ свѣжей рыбы для общей братской трапезы. И что же? Вдругъ нѣсколько рыбъ выкинулось на берегъ наканунѣ самого праздника. Братія собрала чудомъ дарованную рыбу, которой вполне было достаточно для братской трапезы.

По отъѣздѣ изъ Константинополя юноши Гавріила вышеупомянутый его дядя, при содѣйствіи своего племянника возвратившійся тайно въ христіанство, черезъ годъ скрылся изъ дворца и Константинополя. Переодѣвшись въ бѣдную христіанскую греческую одежду, онъ прибылъ въ Смирну и сталъ служить тамъ при церкви, исполняя должности церковнаго пономаря и сторожа. Черезъ восемь лѣтъ покаянной жизни онъ мирно скончался въ Свѣтлое Христово Воскресеньѣ.

Недолго, кажется, всего мѣсяца два, прожилъ юноша Гавріиль въ монастырѣ Григоріатѣ. Надо полагать, что молодость и великія искушенія за принятіе безбородыхъ

вынудили его удалиться оттуда. Онъ услышалъ, что въ Кавсокаливскомъ скиту есть опытный старецъ-духовникъ, іеросхимонахъ Неофитъ, по прозванію Караманлы, соотечественникъ его, и подвизается тамъ на келліи св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Вотъ онъ и задумалъ отправиться къ нему и просить его принять къ себѣ для спасенія души.

Старецъ Неофитъ принялъ своего земляка — соотечественника Гавріила. Желая не нарушать патріаршихъ и отеческихъ запрещеній относительно приѣма на Аѳонѣ юныхъ и безбородыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить его отъ варварства турокъ, Неофитъ поселилъ Гавріила при пещерѣ преподобнаго Нифонта. Здѣсь Гавріилъ подвизался никѣмъ не видимый года три-четыре.

По окончаніи же греческаго возстанія старецъ-духовникъ продалъ кому-то или подарилъ свою келлію въ Кавсокаливскомъ скиту, а себѣ купилъ у лавры другую опустевшую келлію на Керашяхъ\* во имя святыхъ Апостоловъ. Тутъ они подвизались года три-четыре. Здѣсь старцу Неофиту было какое-то видѣніе, послѣ котораго онъ рѣшилъ принять и установить для своихъ учениковъ «Уставъ совершеннаго постничества». Этотъ уставъ предписывалъ никогда, и ни по какимъ причинамъ, и ни по какимъ благовиднымъ предлогамъ не употреблять ни сыра, ни яицъ, ни молока и ничего подобнаго, а также ни рыбы, ни масла, ни вина и ничего подобнаго. Всю же непостную провизію отправили на мулахъ въ лавру. Потомъ старецъ купилъ другую запустѣвшую келлію во имя святаго великомученика Димитрія Солунскаго. Здѣсь на Керашяхъ, а можетъ быть, еще въ скиту Кавсокаливскомъ старецъ Неофитъ постригъ Гавріила во святую и великую схиму съ именемъ Георгія, въ честь святаго великомученика Георгія, бывшаго родомъ изъ Каппадокійской области.

По закону своей страны отецъ Георгій не имѣлъ права знать и говорить по-гречески и говорилъ только на языкѣ повелителей и поработителей турокъ. Старецъ Неофитъ научилъ его греческому языку уже на Аѳонѣ.

Говорятъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старецъ не позволялъ Гавріилу, а потомъ и Георгію входить внутрь самого храма, т. е. въ среднюю часть его. Онъ могъ стоять только въ притворѣ, откуда и слушалъ богослуженія. Благоговѣйный и простосердечный Георгій былъ увѣренъ, что старецъ служитъ съ ангелами, потому и не допускаетъ его входить внутрь.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ Георгій по благословенію и приказанію старца ежедневно, кромѣ лютой зимы, ходилъ на священную вершину Аѳона, чтобы тамъ въ храмѣ поправить свѣтильники въ лампадахъ предъ иконами Преображенія Господа, Божіей Матери и преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго. Если они потухли, то засвѣтитъ ихъ вновь или добавитъ масла. При быстротѣ хода и безъ торбы на спинѣ можно было сходить съ Керашей наверхъ и возвратиться въ теченіе почти пяти часовъ. Двѣнадцатилѣтній трудъ этотъ достоинъ названія подвига.

Старець, желая смирить его, однажды выгнать его изъ келліи зимой, когда въ то время шель снѣгъ, Георгій въ углу сдѣлалъ себѣ защиту отъ снѣга, но старецъ увидѣлъ это и въ гнѣвъ все раскидалъ, сказавъ: «Ты вздумалъ себѣ келлію строить?!» Такъ Георгій провелъ 12 дней, не могъ уже употреблять пищи и отъ стужи едва не лишился жизни.

Старець, увидѣвъ его въ такомъ положеніи, испугался, что онъ умеръ, сталъ усердно молиться святому Минѣ, говоря: «Ты избавилъ меня въ юности отъ оскверненія турками, теперъ спаси ученика моего». Когда онъ такимъ образомъ молился, то святой мученикъ Мина явился Георгію въ небесной славіи и толкнулъ его, сказавъ: «Что ты спишь, вставай, старецъ молился о тебѣ со слезами передъ моей иконой, если хочешь, то я тебя возьму съ собой. Господь, видя твое терпѣніе, удостаиваетъ тебя мученической славы, ты будешь вмѣстѣ со мной, я много мученій претерпѣлъ, тѣло мое рѣзали на части. Но, впрочемъ, какъ хочешь, это на твою волю, можешь опять возвратиться къ жизни». Георгій отвѣчалъ: «Я ничего не сдѣлалъ богоугоднаго и хочу пожить и потрудиться» — и побѣжалъ къ старцу своему, который въ это время молился передъ иконой святаго Мины. Тотъ какъ только увидѣлъ Георгія воскресшимъ, то обнялъ икону святаго Мины и цѣловалъ ее въ чувствѣ признательности за оказанную милость.

Послѣ такихъ испытаній и подвиговъ отецъ Георгій получилъ особую благодать отъ Господа.

Однажды Георгій шель и дорогой заблудился. Тогда онъ сталъ молить святаго Георгія указать ему путь. Угодникъ Божій скоро явился ему и далъ двѣ торбы (мѣшка) съ яблоками, имѣвшими необычайный аромат и вкусъ. Нѣсколько Георгій съѣлъ, а когда вышелъ на дорогу, то встрѣтившимся съ нимъ рассказалъ, какъ онъ получилъ эти яблоки, послѣ чего у него всѣ ихъ расхватили.

Однажды Георгію былъ гласъ, что онъ будетъ наставникомъ юныхъ, руководя ихъ въ Царствіе Небесное.

Однажды бѣсъ, заклятый имъ въ одномъ человѣкѣ, сказалъ ему, что ни о чемъ онъ не заботится, какъ о томъ, чтобы разорвать связь послушанія старца съ ученикомъ, и что тогда ученикъ будетъ въ его волѣ. Но бѣсъ очень неохотно это говорилъ, понуждаемый силой Христовой.

Въ другой разъ Георгій безъ старца вздумалъ служить бдѣніе. Ему явился бѣсъ. Устремился на него, испуская огонь изъ пасти, чего Георгій такъ испугался, что, несмотря на зимнее время, побѣжалъ по снѣгу въ Карею къ находившемуся тамъ старцу своему, который какъ только его увидѣлъ, то, не спрашивая, уже зналъ причину его прибытія.

Однажды бѣсы за сопротивленіе имъ очень высоко подняли Георгія и грозились сбросить съ высоты и убить его, но имъ не было это попущено, и они безъ вреда спустили его на землю.

Еще Георгій, по искушенію отъ бѣсовъ, какъ-то ушелъ отъ старца. Дьяволь ублажилъ его тѣмъ, что бѣсы приняли видъ ангеловъ. Но Георгій замѣтилъ въ ихъ дѣйствіяхъ

какую-то поспѣшность и торопливость. Они заставляли его поклониться имъ и обѣщали даровать ему благодать Святаго Духа, но когда Георгій призвалъ въ молитвѣ старца, то все это исчезло.

Однажды Георгій, занимаясь рукодѣліемъ, нечаянно проглотилъ иглу большой величины. Имѣя вѣру ко святому мученику Минѣ, онъ обратился къ нему съ теплой молитвой. Святой видимо предсталъ передъ нимъ и, опустивъ руку въ гортань его, извлекъ иглу.

Когда Георгій былъ въ послушаніи у старца, то явился ему бѣсъ въ видѣ молодаго юноши съ муломъ, приглашая его къ себѣ и обѣщая, что онъ и товарищи его сдѣлають Георгія старцемъ и будетъ ему у нихъ жить очень хорошо. Но Георгій распозналъ бѣсовскую прелесть, послѣ чего бѣсъ исчезъ вмѣстѣ съ муломъ.

Когда же Георгій самъ былъ руководителемъ другихъ, то ему было откровеніе, что послушнымъ послушникамъ ангелъ шепталъ на ухо и поучалъ полезному, а непослушныхъ бѣсъ поучалъ на все дурное, спутывая ихъ мысли.

Однажды къ Георгію привели бѣсноватаго турка, который по молитвамъ Георгія былъ избавленъ отъ бѣса и сталъ говорить по-гречески, не учившись. Послѣ этого онъ жилъ у Георгія подвижнически три года и передъ кончиной сподобился явленія Господа.

Одинъ изъ учениковъ Георгія по имени Христофоръ прожилъ у него въ полномъ послушаніи подвижнически три года. При кончинѣ своей онъ сподобился видѣть протцевъ, прочихъ святыхъ и ангеловъ и сталъ просить старца, дабы угостить смоквами пришедшихъ къ нему гостей. Но старецъ отвѣтилъ, что эти гости не требуютъ такого угощенія.

Одинъ изъ учениковъ Георгія, бывшій при смерти, сподобился небеснаго видѣнія: явились ему въ видѣ ангеловъ четверо, одѣтые въ облаченія, перекрещенные ораями, на подобіе діаконвъ, и сказали ему, что посланы за нимъ. Больной отвѣчалъ имъ, что безъ благословенія старца своего онъ не можетъ отправиться съ ними, и объявилъ о всемъ этомъ старцу. Старецъ, опасаясь, нѣтъ ли тутъ прелести со стороны духа тьмы, преобразующагося, по слову апостола Павла, въ ангела свѣта, отвѣчалъ ученику: «Скажи пришедшимъ за тобой, что ты еще не готовъ. Пусть придутъ они черезъ два дня». Такъ онъ и сдѣлалъ. Находящаяся при этомъ братія слышала его отвѣтъ, но ангеловъ видѣть не сподобилась. Больной отпущенный ему небольшой срокъ времени жизни провелъ въ непрестанной молитвѣ. И по прошествіи этихъ двухъ дней въ тотъ же часъ небожители явились къ нему вновь и, кротко отдѣливъ отъ тѣла душу, вознесли ее въ райскія небесныя селенія.

Однажды Георгію было видѣніе Богоматери, по правую Ея сторону стоялъ въ видѣ воиновъ ликъ ангельскій, а по лѣвую — бѣсы въ видѣ турецкихъ воиновъ. Къ Ней на судъ приводили нерадиво живущихъ на Аѳонѣ монаховъ. Она сказала: «Я не терплю, чтобы въ моемъ удѣлѣ были такіе нерадивые монахи». Затѣмъ «турки» избивали ихъ, а по убіеніи тѣла ихъ бросали на воздухъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ учениковъ Георгія — Паисій былъ сыномъ богатаго купца и пришелъ къ нему въ юныхъ лѣтахъ. Въ самомъ началѣ, какъ только онъ пришелъ къ Георгію, онъ былъ подвергнутъ жестокому искушенію. Однажды онъ прогналъ его, и Паисій цѣлую недѣлю провелъ на холодѣ, ожидая милости отъ старца. Проживъ нѣсколько лѣтъ у старца, онъ смутился и хотѣлъ вернуться въ міръ, но Георгій о немъ усердно молился Божіей Матери, и ученикъ сподобился видѣть святыхъ ангеловъ, возносившихъ молитву старца къ Божіей Матери, написанную на хартіи. Царица Небесная даровала Георгію Паисія, онъ провелъ шесть лѣтъ въ подвигахъ въ совершенномъ послушаніи и молчаніи, а при кончинѣ сподобился видѣть Господа. Паисій имѣлъ договоръ со старцемъ умереть прежде него, но старецъ однажды заболѣлъ, и его душу уже несли ангелы на небо и показывали ему неизреченныя красоты райскаго селенія. Старецъ увидѣлъ, какъ ангелъ, несущій его душу, имѣлъ споръ съ Паисіемъ, который говорилъ ему, что онъ условился со старцемъ умереть прежде него. Паисій превозмогъ. Старецъ былъ возвращенъ къ жизни. Очнувшись, онъ увидѣлъ, что лежитъ на своемъ одрѣ, который окружали плачущіе ученики.

Инокъ Исаакъ, сподобившійся священства, жилъ у Георгія двадцать пять лѣтъ. Онъ очень хорошо подвизался, имѣлъ великое усердіе къ молитвѣ. Молился ночью, когда другіе спали. Псалтирь выучилъ наизусть... Но потомъ, по дѣйствию врага, сталъ кое-что пріобрѣтать втайнѣ отъ старца и хранить подъ замкомъ въ своей кельѣ, за что, по попущенію Божію, былъ пораженъ бѣсами замертво. Тогда старецъ взялъ святой воды, окропилъ его крестообразно, и Исаакъ пришелъ въ себя и бросился на шею къ Георгію, прося избавить его отъ бѣсовъ и выкинуть изъ его кельи все то, что онъ тайно хранилъ въ ней. Проживъ богоугодно остатокъ жизни, при кончинѣ онъ сподобился ангельскаго видѣнія.

Однажды Георгій сподобился явленія святителя Николая Чудотворца, который сказалъ ему: «Я въ среду и пятницу не сосалъ сосцу моей матери, а нынѣ въ Россіи не соблюдаютъ посты, за что ихъ постигаютъ многія бѣды и напасти. Я много Россіи помогаю, но живутъ они плохо».

Изъ бесѣдъ Георгія было замѣтно, что онъ полагалъ за основаніе подвижнической жизни послушаніе, которое онъ больше всего уважалъ, заключая въ немъ все спасеніе. Но при этомъ Георгій говорилъ, что необходимо каждый день плакать и переживать о грѣхахъ своихъ и что безъ этого не избавишься отъ сѣтей дьявола.

Въ 1870 году Георгій сталъ скорбѣть, не видя (по его мнѣнію) въ послушникахъ своихъ той строгой жизни, которую самъ проводилъ, и того совершеннаго послушанія, которое имѣлъ онъ къ старцу своему. И пришелъ ему помысль оставить свое убѣжище и стать юродивымъ Христа ради. Когда онъ размышлялъ такъ, то ангеломъ душа его была восхищена на небо. И онъ увидѣлъ тамъ райскія селенія. Показывающей ему дорогу ангелъ подводилъ его ко многимъ прекраснымъ палаткамъ, какъ бы желая войти

въ нихъ, но на стукъ въ дверь имъ отвѣчали, что это мѣсто упокоенія такого-то святаго, причемъ онъ слышалъ имена великихъ святыхъ и думалъ со страхомъ: «Мнѣ ли, убогому, нищему, обитать въ такихъ великолѣпныхъ дворцахъ».

Такъ, обходя райскія селенія, уготованныя святымъ, онъ пришелъ къ одному прекрасному дворцу, и когда отворилъ двери, то онъ видѣлъ тамъ своихъ учениковъ и возрадовался. Видѣлъ онъ мѣсто, приготовленное и ему, и мѣста своихъ учениковъ, еще бывшихъ живыми. Потомъ, слѣдуя далѣе, видѣлъ онъ мѣсто, уготованное братіи разныхъ аѳонскихъ обитателей, въ числѣ которыхъ и для братіи Русскаго Пантелеимонова монастыря. Утѣшившись такимъ видѣніемъ, Георгій не захотѣлъ уже становиться юродивымъ.

Въ этомъ необыкновенномъ небесномъ путешествіи Георгій видѣлъ виноградники. Нѣкоторые изъ нихъ были дивной красоты, и въ нихъ трудились иноки. А иные виноградники были не столь хороши и поросли даже лѣсомъ, что, надо полагать, говорило о разномъ духовномъ состояніи иноковъ.

Послѣ смерти своего старца Хаджи Георгій самъ сталъ настоятелемъ келліи на Керашяхъ, имѣя до тридцати учениковъ-грековъ, и сталъ извѣстенъ не только всѣму Аѳону, но даже почти всѣмъ бывающимъ на Святой Горѣ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые восходили на вершину Горы Аѳонъ, такъ какъ отсюда съ Керашей и отъ его келліи начинается подъемъ наверхъ. Здѣсь у него вкушали пищу и ночевали, а рано утромъ, на зарѣ или какъ получится, начинали подъемъ на Гору. По возвращеніи оттуда опять принимали пищу и, по большей части, оставались еще на одну ночь. И поэтому всѣ его знали, а особенно его авраамово гостепріимство. Всѣ, кто бы ни пришелъ къ нему, брали пищу безвозмѣдно, и онъ нисколько не скорбѣлъ и не жалѣлъ объ этомъ.

Отецъ Пантелеимонъ (Сапожниковъ)<sup>493</sup> такъ описывалъ жизнь отца Георгія: «Во истину Хаджи Георгій живетъ по Евангелію, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Жизнь его во многихъ отношеніяхъ замѣчательна и служитъ дивомъ для многихъ. Ученики же его — это сущіе ангелы. Старецъ ведетъ по пути спасенія весьма сурово и строго: самоотверженіе ихъ и отсѣченіе своей воли неимовѣрно. Всѣ ученики по преимуществу молодые, и онъ для пользы ихъ и для соблюденія отъ нескромнаго взора заходящихъ къ нимъ на перепутье и для отдыха велитъ имъ вымазываться сажей, конечно, слегка.

<sup>493</sup> Архимандритъ Пантелеимонъ (въ міру Павелъ Ивановичъ Сапожниковъ) бывшій крестьянинъ изъ Воронежской губерніи. Поступилъ въ Русскіе въ 1857 году. Постриженъ въ мантию. Послушаніе проходилъ завѣдующимъ канцеляріей, послѣ жилъ на Ближней Георгіевской келліи. По приглашенію Священнаго Синода и по благословенію старцевъ обители въ 1876 году выѣхалъ въ Россію. Преставился въ санѣ архимандрита въ Киренскомъ Тобольскомъ монастырѣ. Авторъ книгъ: «Сказаніе о посѣщеніи Богоматерью Святой Аѳонской Горы и въ русскомъ монастырѣ»; «Объ открытіи и освященіи Аѳонской часовни въ Москвѣ»; «Посѣщеніе Аѳона русскимъ архипастыремъ Александромъ, бывшимъ епископомъ Полтавскимъ»; «Письма съ Аѳона о современныхъ подвижникахъ Аѳонскихъ». Оставилъ также дневникъ (АРПМА. Док. № 450). Сохранились копии его записей о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ (АРПМА. Док.: № 524 (оригинальная рукопись) и № 518. С. 648–728).

И часто можно встрѣтить у него, кромѣ запачканнаго сажей и въ грязи, прямо похожаго на какого-то небывалаго черномазаго негра. Самого Хаджи Георгія нельзя отличить не знающему его не только отъ какого ученика его, всегда грязнаго и оборваннаго, но и отъ простаго рабочего: такъ ведетъ онъ себя сѣро и просто. Келій у него никто не имѣетъ, блохъ и клоповъ не вымываютъ и не убиваютъ, почему только развѣ крайнее утомленіе дастъ возможность заснуть въ его кельяхъ-помѣщеніяхъ для учениковъ.

У него не только когда общее бываетъ послушаніе или когда десять, пятеро или четыре человекъ работаютъ, но если и двое, то одинъ непременно вслухъ читаетъ молитву: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Это дѣлается во избѣжаніе празднословія.

Руководѣіе ихъ — живопись. Разумѣется, занимаются этимъ немногіе, а большая часть выполняетъ разныя тяжелыя послушанія.

По виду старецъ Георгій самый незавиднѣйшій простецъ и невѣжда, но въ бесѣдѣ съ нимъ ясно даетъ о себѣ знать его мудрость, опытность и глубокая начитанность. Во всякой скорби, во всякомъ недоумѣніи у него найдется разрѣшеніе и утѣшеніе скорбящему.

Во время бывшихъ въ 1874–1875 годахъ весьма большихъ неприятностейъ въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ между русскими и греками русскіе старцы — духовники этой обители, іеромонахъ Іеронимъ и архимандритъ Макарій, попросили старца Хаджи Георгія прійти къ нимъ въ монастырь, быть посредникомъ между греками и русскими и водворить между ними миръ. Старецъ съ любовью пришелъ къ нимъ и цѣлыхъ два мѣсяца провелъ въ монастырѣ, всеусердно стараясь о примиреніи.

Наконецъ, не видя успѣха, вышеупомянутые старцы-духовники просятъ старца Георгія помолиться Господу Богу и просить открытъ: „Угодно ли и есть ли на то Божія воля, чтобы отдѣлиться русскимъ отъ грековъ?“ Старецъ „за послушаніе“ исполнилъ просьбу, помолился Господу Богу, и было ему во снѣ откровеніе: видѣлъ онъ, что посреди соборнаго храма во имя святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона стоитъ главный эконоомъ монастыря, передъ нимъ большой чанъ соленыхъ или маринованныхъ маслинъ, которыя онъ раздаетъ — одну чашку русскимъ, а другую грекамъ. Когда старецъ разсказалъ это видѣніе, то изъ этого всѣ заключили, что на раздѣленіе русскихъ съ греками нѣтъ благословенія Божіяго. И, дѣйствительно, русскіе не раздѣлились съ греками. Послѣ того случилось междоусобіе въ Русскомъ Андреевскомъ скиту, и Хаджи Георгій и здѣсь принималъ весьма дѣятельное участіе въ примиреніи, и не тщетны были его труды.

Всѣхъ желающихъ онъ постригалъ въ монашество и по большей части прямо въ великую схиму, основываясь на томъ, что преподобному Пахомію Великому былъ показанъ Ангеломъ одинъ образъ монашескій — схимнической».

До 1870 года старецъ Георгій имѣлъ учениками почти исключительно однихъ грековъ и ни одного русскаго, пока не пріѣхалъ изъ Россіи для поклоненія послушникъ Сергіевой пустыни, что близъ Санктъ-Петербурга, Петръ Константиновичъ

Гвоздевъ, который и сталъ первымъ русскимъ послушникомъ схимонаха Хаджи Георгія. Тотъ постригъ его въ схиму съ именемъ Парѳеній. Будучи человѣкомъ торговымъ, отецъ Парѳеній имѣлъ множество знакомыхъ, а въ особенности предприимчивый и дѣятельный характеръ. Немедленно онъ оповѣстилъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о своемъ прибытіи на Аѳонъ, о поступленіи къ старцу пустыннику и о постриженіи въ великую схиму. И что теперь онъ уже схимонахъ Парѳеній. И потекли къ нимъ обильной струей жертвы. Съ этого времени стали приходиться и проситься къ старцу черезъ отца Парѳенія многіе другіе русскіе. Отецъ Парѳеній научился греческому языку и сдѣлался усерднымъ посредникомъ между приходящими и старцемъ, который и принималъ всѣхъ безъ различія, только съ непремѣннымъ условіемъ совершеннаго постничества. Приходящіе русскіе на все соглашались, только бы сдѣлаться ученикомъ старца Хаджи Георгія.

Въ 1873 году старецъ за благо разсудилъ оставить келлію на Керашяхъ и переселиться въ предѣлы Григоріатскаго монастыря. Мѣстечко это было высоко на горѣ съ малою церковью во имя святаго первомученика и архидіакона Стефана. Въ благодарность за это Хаджи Георгій и отецъ Парѳеній построили для монастыря на огородѣ церковку во имя святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. На новомъ мѣстѣ жительства они построили новый братскій корпусъ и при содѣйствіи петербургскаго купца Александра Никифоровича Старикова вмѣсто старой церкви воздвигли новую, большую и просторную. Здѣсь прожили они всего года два-три и вынуждены были удалиться въ другое мѣсто. Тогдашніе старцы нашей обители предложили имъ принадлежащую монастырю келлію, тоже во имя святаго архидіакона Стефана. Петербургскій купецъ-милліонеръ, потомственный почетный гражданинъ Ефремъ Никифоровичъ Сивохинъ прислалъ имъ для внесенія въ монастырь за эту келлію шесть тысячъ рублей. При переходѣ сюда у нихъ было всего 12 человѣкъ русскаго братства.

Неутомимый отецъ Парѳеній не могъ сидѣть безъ дѣла. Братство росло. Завелись постройки, мастерскіе, пріемы паломниковъ, снабженіе ихъ и благодѣтелей изъ Россіи иконами, маслами и разными святогорскими произведеніями рукъ пустынниковъ. Наконецъ былъ построенъ большой братскій корпусъ. Братство возросло до пятидесяти человѣкъ.

Въ 1883 году нѣкоторыя непріятности заставили отца Георгія и отца Парѳенія оставить эту келлію и даже Святую Гору и удалиться въ Константинополь. Съ ними вмѣстѣ отправились и нѣсколько ихъ учениковъ. Въ Константинополѣ они взяли по тамошнему обычаю въ аренду на определенное время за извѣстную плату одинъ запустѣвшій монастырь во имя святыхъ великомученика Пантелеимона и учителя его священномученика Ермолая. Здѣсь прожили они болѣе двухъ лѣтъ до кончины старца.

Послѣ долголѣтняго пребыванія на Аѳонѣ отецъ Георгій тяжело заболѣлъ. Цѣлый годъ онъ болѣлъ всѣмъ тѣломъ, болѣе всего ногами и не могъ ходить, но докторовъ

не просилъ и лѣкарствъ не принималъ, свой постническій уставъ не оставлялъ и до самой кончины былъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Всѣхъ приходящихъ утѣшалъ, насколько могъ. Предчувствуя близость перехода въ иной мѣръ, онъ за два дня до кончины сказалъ братіи слѣдующее: «Каждый разъ вижу во снѣ богатый магазинъ, наполненный разными дорогими вещами, которыя всѣ раздаю бесплатно въ благословеніе, и, сколько ни раздаю, вещей не убавляется. Наконецъ, утрудившись раздавать, говорю: „Господи, когда же я все это раздамъ и покончу?“ И вдругъ увидѣлъ свой магазинъ совершенно опустѣвшимъ, и ничего въ немъ не осталось, кромѣ моей рясы».

Завѣщалъ онъ похоронить себя въ Балукліи при церкви Живоноснаго Источника Божіей Матери въ могилѣ своего роднаго брата Анастасія, скончавшагося за два года до прибытія его въ Константинополь, т. е. въ 1881 году. Наканунѣ кончины, съ вечера, а также и въ самый день и часъ кончины изнемогавшаго старца пріобщили Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Преподавъ всѣмъ предстоящимъ ученикамъ своимъ прощеніе и благословеніе, старецъ Хаджи Георгій въ мирѣ предаль духъ свой Господу. Это было 17 декабря 1886 года.

## Іеросхимонахъ Парѣеній (Гвоздевъ)

Отецъ Парѣеній (въ міру Петръ Константиновичъ Гвоздевъ) родился 29 іюня 1840 года въ Петергофѣ. Двадцати трехъ лѣтъ онъ поступилъ въ Сергіеву пустынь, а отътуда черезъ семь лѣтъ прибылъ на Аѳонъ.

Старецъ Сергіевой пустыни отецъ Макарій не пускалъ своего послушника на Святую Гору. Но черезъ нѣкоторое время онъ умеръ, и разрушилась преграда на пути къ Аѳону. Но отца Парѣенія долго смущала мысль, что онъ ушелъ туда безъ благословенія игумена Игнатія (Мальшева), настоятеля Троице-Сергіевой пустыни, и старца отца Макарія.

Но когда онъ плылъ на кораблѣ, облокотившись на его бортъ, то задремалъ. И вотъ ему въ сонномъ видѣніи явился старецъ Макарій. Петръ упалъ на колѣни, прося прощенія, что уѣхалъ на Аѳонъ безъ благословенія игумена. Старецъ же ничего не сказалъ своему послушнику, а только поцѣловалъ его. Это означало, что онъ простилъ будущаго аѳонскаго монаха.

Послушникъ Петръ прибылъ сначала въ Русскіе и хотѣлъ остаться тамъ, но волей Божіей старцы не приняли его сразу, а благословили посмотреть другія аѳонскія обители. Въ это время іеромонахъ русскаго монастыря Пантелеимонъ (Сапожниковъ), оставившій записки, которыя легли въ основу книги іеромонаха Антонія

Святогорца «Аѳонскіе подвижники благочестія ХІХ вѣка», по благословенію старца Іеронима обходивъ аѳонскихъ пустынниковъ. Великій русскій старецъ поручилъ собрать ему свѣдѣнія о грузинѣ іеросхимонахѣ Иларіонѣ, аѳонскомъ духовникѣ. Въ качествѣ помощника отецъ Пантелеимонъ выпросилъ у молдаванина отца Теофана, жившаго на Керашяхъ, его ученика — монаха Виссаріона, хорошо знавшаго греческій языкъ и къ тому же знакомаго со многими здѣшними старцами. Мѣсто ученика отца Теофана и занялъ на время Петръ.

Новоскорѣ старецъ узналъ, что живущій неподалеку русскій монахъ Макарій тяжело заболѣлъ, и отправилъ Петра къ нему на помощь. Отецъ Макарій лежалъ въ постели. Наступило время трапезы.

Петръ, прочитавъ въ своей жизни много книгъ о подвижникахъ, зналъ, что многіе изъ нихъ питались обыкновенной травой. Увидѣвъ много зеленой травы, незадачливый послушникъ рѣшилъ пріобщиться къ подвигамъ отцовъ и сварилъ себѣ кушанье изъ травы, которую нарвалъ около кельи. Но лишь только проглотилъ онъ нѣсколько ложекъ, какъ передъ нимъ предстало какое-то страшилище. По бѣсовскому прельщенію показалось Петру, что стоитъ чудище около двери кельи, хотя въ дѣйствительности это было окно, за которымъ была пропасть. Испугавшись страшилища, онъ бросился бѣжать въ «дверь» и, разбивъ стекла, упалъ въ пропасть. Какъ онъ летѣлъ, не помнилъ, не чувствовалъ уже ничего. Но, удивительно, что онъ, упавъ въ пропасть, не разбился, а только повредилъ себѣ ноги, оставшись на всю жизнь хромымъ.

Жившій высоко на горѣ русскій монахъ Павелъ замѣтилъ въ глубинѣ пропасти лежащаго челоуѣка и сказалъ объ этомъ отцу Макарію, который уже недоумѣвалъ, куда девался его послушникъ. Тутъ они увидѣли упомянутое варево, и имъ стало все понятно. Спустившись въ пропасть, они на рукахъ окружнымъ путемъ принесли Петра къ Хаджи Георгію. Опытный старецъ далъ Петру выпить сразу три стакана оливковаго масла, чтобы остановить дѣйствіе ядовитаго зелья. Но больной сильно ослабъ. Старецъ совершилъ надъ нимъ таинство елеосвященія, но улучшения не было. Тогда съ разрѣшенія отца Теофана, у котораго Петръ былъ въ тотъ моментъ послушникомъ, онъ постригъ его въ великую схиму съ именемъ Парвеній. Надъ нимъ прочитали отходную, и старецъ



Хаджи Георгій положилъ на лицо Парѣенія икону «Скоропослушницы», которую взялъ изъ своего храма. Великая схима, принятая на Аѳонѣ, подразумѣваетъ, что тѣло монаха должна принять святогорская земля. Произошло чудо: схимонахъ Парѣеній не умеръ и черезъ два мѣсяца былъ абсолютно здоровъ. Икона была передана новому схимонаху, и онъ до конца своей жизни хранилъ ее и почиталъ какъ чудотворную.

Отнынѣ и до самой смерти мѣсто схимонаха Парѣенія было здѣсь, на аѳонской землѣ. Не онъ выбралъ себѣ дорогу, а Самъ Господь поставилъ его на аѳонскую стезю. И онъ сталъ единственнымъ русскимъ послушникомъ великаго старца. Пришлось выучить греческій языкъ. Постепенно стали приходиться и другіе русскіе, которые искали старцевъ, подобныхъ отцу Георгію. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ этой келліи былъ самый суровый на Аѳонѣ уставъ. Масло, вино, рыбу, сыръ, яйца здѣсь не вкушали даже въ Пасху. Не обходилось и безъ искушеній. Нѣкоторые старцы обвиняли отца Георгія въ томъ, что многіе его молодые послушники умираютъ, не вынося подобнаго сверхтяжелаго устава<sup>494</sup>.

Послѣ смерти Хаджи Георгія въ 1886 году его мѣсто [старца] занялъ схимонахъ Парѣеній. Къ тому времени братство Хаджи Георгія, смѣнивъ нѣсколько мѣстъ, поселилось въ Благовѣщенской келліи около Кареи. Келлія была извѣстна своимъ книгоиздательствомъ и благотворительностью. Раскрываемъ всѣмъ извѣстную книгу «Посмертныя вѣщанія преподобнаго Нила Муроточиваго Аѳонскаго» и читаемъ, что издана эта книга Благовѣщенской келліей старца Парѣенія на Аѳонѣ. Впервые русскій читатель увидѣлъ эту книгу благодаря аѳонскому старцу.

Жизнеописаніе старца Хаджи Георгія было также составлено и издано его ученикомъ Парѣеніемъ, его можно прочесть въ упоминавшейся уже книгѣ іеромонаха Антонія. Кстати, и послѣ смерти старца отецъ Парѣеній со своей многочисленной братіей держался его устава — самаго строгаго на Аѳонѣ. Большевикъ Семеновъ, посѣтившій Аѳонскую Гору до революціи, возмущался въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Россіи съ цѣлью нанести ударъ по авторитету чтимаго въ народѣ святаго мѣста, что никто изъ молодыхъ не можетъ удержаться въ келліи у отца Парѣенія, что подобныя мученія голодомъ могутъ вынести только старики.

Какъ и во многихъ другихъ аѳонскихъ келліяхъ, здѣсь занимались иконописаніемъ, и обитель прославилась своими иконами не только въ Россіи, но и за рубежомъ. Иконы, написанныя братіей Благовѣщенской обители, можно было встрѣтить и въ Берлинѣ, и даже въ Америкѣ. Рижскій архипастырь въ свое время благодарилъ отца Парѣенія за иконы, присланныя для Задвинской Троицкой церкви.

Благотворительность же отца Парѣенія стала легендарной. Мало того что никто изъ аѳонскихъ сиромановъ и бѣдняковъ не уходилъ безъ «благословенія» — такъ на Аѳонѣ

---

<sup>494</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія кельи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 98.

называется специальный даръ, но отецъ Парѣеній получалъ по тридцать писемъ въ день отъ російскихъ бѣдняковъ, на которыя отвѣчалъ.

«На широкомъ дворѣ кучка нищихъ монаховъ пандахусовъ\*, болгаръ, грековъ — всѣ ждали милостыни отъ старца схимонаха Парѣенія... Съ особой наивностью, которая бываетъ только лишь у невинныхъ дѣтей, да чистыхъ сердцемъ и помысломъ людей, онъ тщетно изыскиваетъ способы накормить и напоить алчущихъ и жаждущихъ», — пишетъ одинъ изъ посѣтителей келліи. «Не забывайте бѣдныхъ и помните, что дающему Господь воздастъ вдвое; помните, что мы, бѣдные келіоты, зависимъ отъ всего, отъ всякихъ случайностей, а вы человекъ, пишуцій въ газетахъ, не пишите въ нихъ неправды», — эти слова, сказанныя схимонахомъ Парѣеніемъ при прощаніи, вѣзались въ память одному изъ паломниковъ.

Схимонаха Парѣенія знали далеко за предѣлами Аѳона. Не оставилъ отецъ Парѣеній безъ вниманія даже японскую миссію и отправилъ въ Страну восходящаго солнца четыре иконы съ частицами мощей, за что была получена отъ святителя Николая письменная благодарность. <...>

Какъ истинные русскіе монахи, отецъ Парѣеній и его сподвижники немало потрудились на нивѣ евангельской проповѣди. Въ Благовѣщенской келліи были два монаха — отецъ и сынъ — по рожденію татары. И отецъ Парѣеній разглядѣлъ въ младшемъ изъ нихъ, Іоакимѣ Красильниковѣ, ревность по Богу и отправилъ его въ Палестину для изученія арабскаго языка, чтобы сдѣлать его миссіонеромъ среди арабскихъ народовъ. Но Господь распорядился нѣсколько иначе: Іоакимъ поступилъ на Казанскіе миссіонерскіе курсы и остался въ Россіи для проповѣди среди своего народа. Скоро іеромонахомъ Іоанномъ (таково было его монашеское имя) былъ организованъ Крещенно-Татарскій скитъ въ предѣлахъ Казанской епархіи. Отцу Іоанну было суждено немало потрудиться для просвѣщенія татаръ. Не нужно говорить о тѣсной связи проповѣдника со своимъ аѳонскимъ старцемъ. Такъ, усиліями отца Парѣенія было напечатано двадцать тысячъ экземпляровъ брошюръ религіознаго содержанія на татарскомъ языкѣ. Православное братство святаго равноапостольнаго князя Владимира въ Берлинѣ избрало схимонаха Парѣенія своимъ почетнымъ членомъ.

Въ началѣ двадцатаго столѣтія отецъ Парѣеній началъ постройку еще одного храма во имя Воскресенія Христова.

Въ келліи были свои святыни и достопримѣчательности: чудотворная икона «Скоропослушница» и частицы мощей, а также Святое Евангеліе — даръ Государыни Маріи Александровны.

Въ заключеніе приведемъ слова изъ описанія Благовѣщенской келліи, изданнаго въ 1901 году: «Много разъ пришлось побывать мнѣ на Святой Горѣ — я хорошо ознакомился съ тамошними монастырями, ознакомился съ ихъ уставами, внутренними порядками и образомъ жизни ихъ братіи. Не разъ мнѣ приходилось проводить



*Благовищенская келія начала XX вѣка*

нѣскольکو дней, а иногда даже и недѣль въ монастыряхъ этихъ, причемъ я, конечно, не могъ не отдать справедливости ихъ строгому уставу, труднической жизни ихъ братіи и благолѣпію совершаемаго въ нихъ богослуженія. Однако я долженъ сознаться, что душа моя жаждала чего-то инаго: слишкомъ большое многолюдство, неизбѣжное при этомъ оживленіе — все это заставило меня подумать о болѣ тихой жизни, которая дала бы мнѣ возможность отрешиться отъ всего житейскаго и стать лицомъ къ лицу съ природой и ея Божественнымъ Строителемъ.

Подъ вліяніемъ такого настроенія я невольно обратилъ вниманіе на болѣ мелкія обитатели, извѣстныя на Аѳонѣ подъ именемъ келлій. На разспросы мои относительно этого предмета всѣ монахи, къ которымъ я обращался, какъ бы сговорясь, указывали мнѣ на настоятеля, или, по-аѳонски, старца келліи Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы — отца Парѣенія, говоря, что тамъ найду я тишину и спокойствіе и увижу въ братіи образецъ исполненія христіанскихъ обязанностей»<sup>495</sup>.

Отець Парѣеній съ благоговѣйной ревностью собиралъ по всѣму Аѳону разныя древности. Ему по наслѣдству достались безцѣнныя святыни. Вотъ что пишетъ объ этомъ отецъ Денасій (Юшковъ): «Отець Парѣеній, не обладая излишками тѣнныхъ богатствъ, имѣетъ безцѣнное богатство, заключающееся во множествѣ большихъ и малыхъ частицъ святыхъ мощей Угодниковъ Божіихъ, наслѣдственно перешедшихъ къ нему отъ его старца духовника — Хаджи Георгія, а тому, въ свою очередь отъ его старца, духовника многихъ монастырей, пустынниковъ и двухъ патріарховъ отца Неофита Караманлы, прожившаго на Аѳонѣ 88 лѣтъ, а всего отъ роду 106 лѣтъ»<sup>496</sup>.

Отець Парѣеній сначала былъ большимъ ревнителемъ имябожниковъ, много боролся съ противниками, издавалъ и листки объ этомъ, но въ 1913 году осозналъ губительность дальнѣйшаго раздора среди русскихъ монашествующихъ и отрекся отъ этого ученія.

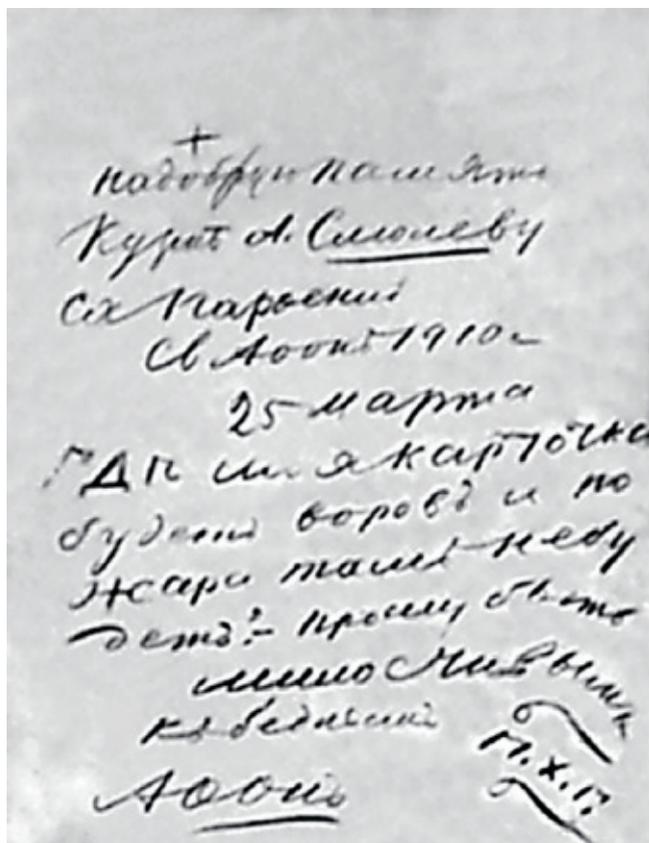
Близкое духовное родство имѣлъ отецъ Парѣеній со старцами Руссика, именно ему было поручено сказать прощальное слово во время погребенія игумена Макарія (Сушкина). И съ послѣдующими игуменами, и съ другими старцами онъ поддерживалъ духовныя отношенія какъ въ видѣ личныхъ отношеній, такъ и письменно<sup>497</sup>.

Жизнеописаніе отца Парѣенія не будетъ полнымъ, если мы не включимъ въ него описаніе одного весьма знаменательнаго и интереснаго событія, произошедшаго въ городѣ Перми въ началѣ этого вѣка: 21 іюля 2006 года въ этомъ городѣ произошелъ пожаръ, вслѣдствіе чего сгорѣлъ почти цѣлый кварталъ. Чудомъ сохранился лишь одинъ домъ, хотя слѣва, справа и сзади стоящіе отъ него дома всѣ сгорѣли дотла. Никто не могъ

<sup>495</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 97–102.

<sup>496</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1895 годъ. М., 1895. С. 248.

<sup>497</sup> АРПМА. Док.: № 1302, 1405.



объяснить, почему пожаръ не затронулъ этотъ домъ, естественныхъ объясненій для этого не было, пока не нашли одну фотографію въ этомъ домѣ. На ней былъ изображенъ іеросхимонахъ Пароеній (Гвоздевъ), а на обратной сторонѣ была слѣдующая надпись, сдѣланная его рукой: «На добрую память кузену А. Смолеву. Гдѣ моя карточка будетъ, воровъ и пожара тамъ не будетъ. Просимъ быть милостивыми къ бѣднымъ. Афонъ. П. Х. Г. (предположительно это первые буквы благословенія — пусть хранитъ Господь). 25 марта 1910 г. Схм. Пароеній».

Преставился отецъ Пароеній 28 декабря 1917 года. Похороны были торжественными: присутствовали архіереи, почти всѣ протатскіе руководители и множество монаховъ.

## Іеросхимонахъ Кирилль (Абрамовъ)

Іеросхимонахъ Кирилль<sup>498</sup> (въ міру Капитонъ Илларионовичъ Абрамовъ) родился 26 февраля 1845 года въ станицѣ Мелеховской Донской области. Первоначальное образование онъ получилъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ, а затѣмъ продолжилъ обучение въ Новочеркасскомъ окружномъ училищѣ, курсъ котораго окончилъ на 15-мъ году жизни въ 1860 году.

Воспитанный въ глубоко и искренне религіозной семьѣ своихъ родителей, Капитонъ, отъ природы одаренный Богомъ блестящими способностями, съ дѣтства искалъ духовной пищи. И въ его душѣ очень рано сложилось опредѣленное желаніе и твердое намѣреніе посвятить себя и свою жизнь иночеству. Въ своихъ душевныхъ помыслахъ и стремленіяхъ къ иноческимъ подвигамъ юный Капитонъ нашель поддержку у своего

<sup>498</sup> Жизнеописание составлено по книгѣ: Іеросхимонахъ Кирилль, настоятель обители св. Іоанна Златоуста на Святой Афонской Горѣ. М., 1915.

отца, который также рѣшилъ окончить свою жизнь въ иночествѣ и для этого отправиться на Святую Гору Аѳонъ.

Съ искренней, неподдѣльной радостью юный Капитонъ узналъ объ этомъ рѣшеніи своего отца и сталъ умолять взять его съ собой. Святая Гора Аѳонъ — излюбленный удѣлъ Божіей Матери, колыбель общежительнаго православнаго иночества, для многихъ благочестивыхъ людей была мѣстомъ истинной реализаціи христіанскаго ученія, мѣстомъ благодатнымъ. Такимъ его видѣли и старикъ Абрамовъ, и юный, благочестиво настроенный его сынъ Капитонъ. Увидѣтъ Святый Аѳонъ, пожить на немъ, стать инокомъ аѳонской обители, принять живое участіе въ молитвенномъ бдѣніи и подвигахъ многочисленнаго аѳонскаго братства стало завѣтной мечтой юнаго Капитона.



15-лѣтній Капитонъ вмѣстѣ съ роднымъ отцомъ прибылъ на Аѳонъ, и они оба поступили въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. Старецъ Иеронимъ съ радостью принялъ ихъ и благословилъ на прохожденіе иноческаго житія, назначивъ каждому изъ нихъ особый видъ послушанія: юному Капитону — клиросное съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ работъ по обители, а старику — отцу его — завѣдываніе канцеляріей и хозяйствомъ.

Но вскорѣ Абрамовы оставили Руссикъ и перешли на келлію святителя Василия Великаго, гдѣ оба были пострижены въ мантию съ переименованіемъ Капитона въ Кирилла, а Иларіона въ Иринарха. Здѣсь же Кириллъ былъ въ 1865 году рукоположенъ въ іеродіакона и въ іеромонаха. Эта была небольшая, бѣдная обитель, но Абрамовымъ понравилась строгая жизнь ея насельниковъ, образцовый порядокъ церковной службы и келейной жизни и особенно высокія качества ея настоятеля — старца Митрофана, извѣстнаго на Святой Горѣ своей мудростью, благочестіемъ и высокими подвигами. Вскорѣ послѣ этого отецъ Кирилла, старецъ Иринархъ, принялъ обѣтъ молчанія и заперся въ уединенной темной кельѣ, гдѣ жилъ до мирной кончины своей, послѣдовавшей въ 1880 году. Смерть любимаго и дорогаго отца еще болѣе укрѣпила въ Кириллѣ молитвенный духъ и окончательно направила его на путь самоотверженнаго служенія Богу.

Въ 1882 году послѣ кончины старца келліи святителя Митрофана отца Кирилла избрали новымъ ея настоятелемъ. Но Промыслу Божию угодно было послать отцу Кириллу въ новомъ званіи настоятеля обители такія тяжкія испытанія, непріятности и страданія, что онъ вынужденъ былъ совершенно оставить ее и искать себѣ пристанища въ новой обители.

Съ 1883 года отецъ Кириллъ сталъ настоятелемъ келліи святителя Іоанна Златоуста Хиландарскаго монастыря. Новая обитель была крайне запущена, не было въ ней ни построекъ, ни хозяйственныхъ принадлежностей, ни удобствъ для жизни иноковъ. Для благоустройства этой древней обители, видимо, Господь послалъ великаго подвижника и неустаннаго труженика, который своимъ усердіемъ, мудростью и трудами сумѣлъ возродить ее. Среди многихъ другихъ новостроекъ былъ величественный храмъ во ознаменованіе чудеснаго спасенія царской семьи въ 1888 году. Мысль отца Кирилла о построеніи этого храма была съ радостью встрѣчена многочисленными его почитателями какъ въ Россіи, такъ и среди балканскихъ славянъ. Явились щедрые жертвователи, потекли многочисленные крупные и малые, но искренніе дары на это святое дѣло. Храмъ былъ заложенъ 27 ноября 1888 года и черезъ три года законченъ. Онъ былъ освященъ 13 ноября 1894 года. Храмъ этотъ являлся однимъ изъ наиболѣе великолѣпныхъ храмовъ Святой Горы и служилъ драгоценнымъ памятникомъ духовно-молитвеннаго общенія Святой Горы съ Россіей.

Отецъ Кириллъ былъ прежде всего высокодуховнымъ подвижникомъ. Вотъ какимъ увидѣлъ отца Кирилла и насельниковъ его келліи одинъ изъ паломниковъ: «Средняго роста, стройный, онъ стоялъ неподвижно во всемъ величїи своего іеромонашескаго облаченія, съ сіяющимъ крестомъ на груди (30 лѣтъ въ священноиночествѣ, имѣетъ на бедренникъ, крестъ и палицу) и съ молитвою на устахъ. Глубокій пламенный взоръ его устремленъ былъ на святой алтарь. Вокругъ него въ благоговѣйномъ порядкѣ стояли іеромонахи, іеродиаконъ и пѣвчіе — монахи, которые похожи скорѣе на ангеловъ, нежели на людей»<sup>499</sup>.

Отецъ Кириллъ былъ также однимъ изъ главныхъ инициаторовъ формальнаго объединенія русскаго иночества на Аѳонѣ. По его личной инициативѣ и трудами 14 мая 1896 года образовалось на Аѳонѣ «Братство русскихъ обителей аѳонскихъ въ память священнаго коронованія Государя Императора Николая II». Его же усиліями и трудами былъ составленъ уставъ братства, которое и стало съ успѣхомъ помогать русскому иночеству на Аѳонѣ. Отецъ Кириллъ также устроилъ русскую школу въ Константинополь для русско-славянскихъ жителей города съ интернатомъ для 14 дѣтей. 19 декабря 1902 года въ присутствіи русскаго посланника и многихъ высокопоставленныхъ лицъ состоялось освященіе школьнаго зданія, главнымъ попечителемъ и управителемъ

---

<sup>499</sup> Троицкій П. В. Братство русскихъ келлій. С. 2.



*Иоанно-Златоустовская келлія начала XX вѣка*

котораго сталъ директоръ русскаго Археологическаго института въ Константинополь Ф. И. Успенскій.

Зная высокій умъ и чрезвычайную энергію отца Кирилла, сербскій митрополитъ Михаилъ рѣшилъ поручить ему великое и весьма трудное дѣло обновленія и благоустройства знаменитаго памятника Сербскаго государства и православной святыни Сербіи — Дечанской Лавры, устроенной сербскими королями и подъ гнетомъ турокъ дошедшей до полного запустѣнія и разоренія. Отецъ Кириллъ принялъ на себя великое и трудное дѣло обновленія и благоустройства этого великаго памятника Сербіи. 14 февраля 1903 года Призрѣнскій митрополитъ Никифоръ съ настоятелемъ обители святаго Иоанна Златоуста отцомъ Кирилломъ заключили и подписали въ городѣ Призрени формальный договоръ о передачѣ Дечанской Лавры Свято-Златоустовской Аѳонской обители въ цѣляхъ ея обновленія и благоустройства какъ внѣшняго, такъ особенно внутренняго. Такъ, съ 1903 года отецъ Кириллъ сталъ одновременно и настоятелемъ Высоко-Дечанской Лавры въ Сербіи. Какъ ни велико было запустѣніе Лавры, ставшей ко времени ея перехода во владѣніе отца Кирилла и его о Христѣ братіи совершенно безлюдной и необитаемой, тѣмъ не менѣе усердіемъ и ревностью отца Кирилла при матеріальной помощи Златоустовской обители Лавра быстро стала

возрождаться и через 10 лѣтъ была полностью восстановлена въ прежнемъ великолѣпїи. Возстановительныя работы требовали много денежныхъ средствъ, поэтому отецъ Кирилль часто прибѣгалъ къ помощи жертвователей изъ Россїи. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ на Родину онъ тяжело заболѣлъ и больше не смогъ возвратиться въ родныя свои обители.

Преставился ко Господу отецъ Кирилль 15 февраля 1915 года въ Москвѣ и былъ погребенъ на кладбищѣ Московской Покровской церкви (въ Царскомъ Селѣ), принадлежащей Алексѣевскому женскому монастырю.

## **Схимонахъ Кириакъ и іеромонахъ Викторъ (Свинолуповы)**

Схимонахъ Кириакъ (въ міру Кирилль Калиновичъ Свинолуповъ) былъ уроженцемъ села Свиноухи Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Еще очень молодымъ родители женили его противъ его воли. Онъ былъ юнъ и подчинился волѣ родителей, но отнынѣ для членовъ своей семьи дома присутствовалъ только внѣшне, внутренне онъ былъ всецѣло съ Богомъ. Кирилль мечталъ о монашествѣ и надѣялся, что когда нибудь его мечта сбудется. И дѣйствительно, на десятомъ году семейной жизни его жена умерла во время родовъ вмѣстѣ съ новорожденнымъ, оставивъ ему лишь одного 9-лѣтняго сына по имени Викентій. Послѣ этого несчастья Кирилль и дня не сталъ ждать: мальчика оставилъ своимъ родителямъ на воспитаніе, а самъ, продавъ свою избу, отправился на Аѳонъ.

Въ 1863 году Кирилль прибылъ на Аѳонъ, три года присматривался, гдѣ бы ему устроиться, жилъ по разнымъ обителямъ, а въ 1866 году за 1000 рублей приобрѣлъ каливу безъ церкви на территорїи Пантократорскаго монастыря, гдѣ черезъ годъ самъ своими руками построилъ новую церковь во имя Срѣтенія Господня. Здѣсь же онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Кирилль, а въ 1869 году въ схиму съ именемъ Кириакъ. Онъ велъ очень строгую монашескую жизнь, жилъ одинъ и такъ собирался закончить свою жизнь въ безмолвіи и молитвѣ. Но въ 1873 году случилось чудо, его посѣтилъ 19-лѣтній сынъ Викентій, который заявилъ, что тоже рѣшилъ стать монахомъ. Радости отца Кириака не было границъ. Онъ благодарилъ милостиваго Бога за такое незаслуженное утѣшеніе и милость. Викентія въ 1877 году постригли въ мантию съ именемъ Викторъ, въ 1880 году рукоположили въ іеродіакона, а въ 1886 году — въ іеромонаха. Послѣ смерти отца именно онъ сталъ старцемъ келліи. Такъ вмѣстѣ въ подвигахъ и молитвѣ жили отецъ съ сыномъ, помогая другъ

другу нести непростое бремя подвижничества. Вскорѣ къ нимъ присоединились еще нѣсколько русскихъ иноковъ, и отецъ Кириакъ сталъ также духовнымъ отцомъ этихъ уже духовныхъ своихъ дѣтей.

Въ августѣ 1891 года отецъ Кириакъ умеръ, и братія новымъ настоятелемъ келліи выбрала отца Виктора. Вотъ какъ описываетъ обстановку этой келліи отецъ Денасій (Юшковъ): «На Капсальской горной мѣстности, или на „Капсалъ“, по здѣшнему выраженію, находится много замѣчательныхъ священныхъ мѣстъ. Когда поднимаешься отъ Ильинскаго по крутому подъему малой тропинкой на самое темя Капсалы, то, немного пройдя, налѣво въ сторонѣ отъ главной дорожки увидишь маленькую невзрачную каливку, но весьма замѣчательную. Въ ней болѣе тридцати лѣтъ постнически подвизался ученѣйшій и извѣстный старецъ Никодимъ Святогорецъ, скончавшійся въ началѣ нынѣшняго [XIX] столѣтія. Неподалеку отъ этой каливки небольшая келлія въ честь Срѣтенія Господа, гдѣ уже лѣтъ 30 подвизались русскіе — отецъ съ сыномъ (по плоти); отецъ, онъ же старецъ келліи — схимонахъ Кириакъ (скончался въ августѣ 1891 года), а сынъ и ученикъ его — іеромонахъ Викторъ. Въ этой келліи прожилъ цѣлую зиму, въ бытность свою на Святой Горѣ, извѣстный старецъ Стефанъ, нынѣ уже перешедшій въ вѣчность, основатель мужскаго монастыря по аѳонскому уставу, что близъ Вятки „на Филейкахъ“. Церковица при келліи маленькая, но чистенькая, иконостасъ русскаго вкуса и для пустыни чистенькій. Кругомъ келліи небольшая мѣстность усажена виноградными лозами, смоковничными, орѣховыми и другими ягодными деревьями, только въ маломъ количествѣ. Есть и большое шелковичное дерево»<sup>500</sup>.

Послѣ смерти своего родителя отецъ Викторъ, имѣя четырехъ помощниковъ, смогъ достойно продолжить начатое имъ дѣло. Онъ всячески старался поддерживать въ обители молитвенный духъ. Служилъ Литургію ежедневно и вдобавокъ выполнялъ тѣ отшельническія правила, которыя установилъ его отецъ. О расширеніи келліи и умноженіи братіи онъ не заботился. Такъ впятеромъ несли они до конца жизни общій братскій крестъ. Отецъ Викторъ никогда не покидалъ своей обители, хотя иногда была въ томъ большая нужда, но онъ полностью довѣрялъ Промыслу Бога и ничуть не заботился о матеріальномъ. И дѣйствительно, Господь въ трудныя времена ихъ чѣмъ-то утѣшалъ: то появлялись благотворители, то изъ Руссика получали матеріальную помощь, и такъ, не поддаваясь суетнымъ помысламъ, они жили спокойно, посвятивъ все свое время молитвѣ и духовному совершенствованію.

Въ 1904 году отца Виктора постригли въ схиму съ тѣмъ же именемъ. Когда онъ умеръ, намъ не извѣстно, по всей видимости, въ концѣ 20-хъ годовъ XX вѣка.

<sup>500</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1891 годъ. М., 1891.

## Схимонахъ Іоаннъ (Гарусь)

Схимонахъ Іоаннъ<sup>501</sup> (въ міру Ілія Гарусь) родился въ 1833 году въ крестьянской семьѣ Черновицкаго уѣзда Буковинской области. Отець его былъ молдаваниномъ, а мать малороссіянкой. Ілія былъ женатъ и имѣлъ двухъ дочерей.

Любимымъ занятіемъ Іліи было чтеніе Псалтири, поэтому всѣ его уважали и въ случаѣ смерти кого нибудь приглашали его читать надъ покойникомъ. Въ скоромъ времени онъ овдовѣлъ и вмѣстѣ съ семействомъ переѣхалъ въ Каменецъ-Подольскую губернію. На новомъ мѣстѣ онъ жилъ недолго и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ поступилъ въ Преображенскій монастырь, близъ мѣстечка Бершадь, а дочерей послалъ въ женскій монастырь на Волыни.

Послушникъ Ілія послѣ смерти отца рѣшилъ поѣхать на Аѳонъ. Забравъ свой увольнительный листъ, онъ отправился въ Одессу, гдѣ тяжело заболѣлъ. Въ такомъ состояніи онъ далъ обѣтъ: если выздоровѣетъ, приѣдетъ на Аѳонъ, станетъ монахомъ, не будетъ есть ни сыра, ни яицъ, ни молока, ни рыбы, ни масла. Вскорѣ послѣ этого онъ выздоровѣлъ и, получивъ разрѣшеніе, выѣхалъ изъ Одессы въ Константинополь, а отсюда на Аѳонъ.

Имѣя стремленіе и ревность подражать древнимъ великимъ подвижникамъ въ житіи постническомъ и пустынномъ, Ілія путешествовалъ по Святой Горѣ и искалъ себѣ духовнаго наставника. Въ это время на Керашяхъ въ пещерѣ высокаго крутаго утеса безмолвно подвизался отецъ Пахомій, сербъ, къ нему и добрался Ілія и усиленно просилъ его принять къ себѣ въ ученики. Отець Пахомій, узнавъ изъ рассказовъ его прошедшую жизнь и стремленіе къ жизни строго-подвижнической, принялъ его и съ теченіемъ времени постригъ въ схиму съ именемъ Іоаннъ.

Постригая его, отецъ Пахомій не снялъ съ него постничества, а подтвердилъ продолжать его до смерти. Въ одно время отецъ Пахомій, желая испытать въ своемъ ученикѣ отсѣченіе воли, приказалъ ему ѣсть все предлагаемое, что отецъ Іоаннъ безпрекословно исполнилъ. Видя такое послушаніе волѣ старца, отецъ Пахомій снова позволилъ ему держаться постаго правила.

Шестнадцать лѣтъ жилъ онъ со своимъ старцемъ, подвизаясь въ различныхъ подвигахъ покаянія и укрощенія плоти. По исполненіи дней жизни старецъ Пахомій мирно

---

<sup>501</sup> Жизнеописаніе составлено по книгамъ: *Антоній (Святогорець), іеромонахъ*. Жизнеописанія афонскихъ подвижниковъ благочестія XIX вѣка. Джорданвилль, 1988. С. 158; *Душеполезный собесѣдникъ* за 1894 годъ. М., 1894. С. 313.

скончался, оставивъ отцу Іоанну въ наслѣдство подвижничество, пустынночество и постничество.

Всю свою жизнь на Аѳонѣ, какъ и старецъ его, отецъ Іоаннъ стремился къ самому глубокому безмолвію въ возможной дали отъ жилищъ другихъ. По этой причинѣ онъ нерѣдко переходилъ съ мѣста на мѣсто, если усматривалъ какія нибудь неудобства для безмолвія.

Въ одно время онъ жилъ въ разныхъ каливахъ на Керашяхъ. За это время у него побывало три или четыре ученика. Три раза онъ селлся въ пустынь Новая Ѳиваида и построилъ тамъ четыре каливки. Живя здѣсь, онъ часто удалялся въ самыя глухія мѣста. Въ такіе походы онъ забиралъ съ собой сухари, топоръ, лопату, кирку, чайникъ и холстянный пологъ — все это въ мѣшокъ и на плечи. Утомившись или при приближеніи ночи, онъ располагался гдѣ нибудь на полянкѣ, расчищалъ мѣсто, раскидывалъ надъ собою на вѣтвяхъ дерева пологъ и такимъ образомъ устраивалъ шатеръ. Въ случаѣ недостатка провизіи или воды онъ не слишкомъ беспокоился и проводилъ по нѣсколько дней безъ нихъ.

Церковное правило онъ исполнялъ по четкамъ. За келейный канонъ онъ пребывалъ по два часа сидя въ занятіи умно-сердечной молитвой. Все остальное время немного читалъ, размышлялъ и большую часть старался пребывать въ молитвѣ.

Въ кельѣ у него не было ни стульевъ, ни табуретокъ, ни койки, ни кровати. Онъ никогда не ложился на бокъ или на спину, а спалъ всегда въ сидячемъ положеніи на полу на разостланномъ войлокѣ. Хотя грамоту зналъ посредственно, но очень ясно и легко объяснялъ труднообъяснимыя мѣста изъ аскетическихъ сочиненій святыхъ отцовъ и изъ Священнаго Писанія. Иногда умными очами онъ видѣлъ козни врага такъ ясно, какъ бы тѣлесными. Отъ всегдашняго пребыванія въ молитвѣ нрава онъ былъ незлобиваго, кроткаго и терпѣливаго.

Жившіе съ нимъ ученики тоже должны были держаться постнаго устава, и очень рѣдко онъ давалъ имъ разрѣшеніе на масло и вино. Святыхъ Таинъ отецъ Іоаннъ приобщался по возможности еженедѣльно. Одинъ ученикъ говорилъ, что однажды видѣлъ отца Іоанна, идущаго по приобщеніи Святыхъ Таинъ въ свою каливку, сіяющаго паче солнца. Ученикъ этотъ рѣшился только черезъ полтора года открыть старцу объ этомъ и просилъ объяснить ему причину этого. «Ради того, — отвѣчалъ старецъ, — чтобы ты имѣлъ ко мнѣ довѣріе!» Отецъ Іоаннъ ежедневно совершалъ бдѣніе, начиная съ вечера и заканчивая его на другой день. Въ это время онъ пребывалъ въ умной молитвѣ.

Подъ конецъ жизни отецъ Іоаннъ оставилъ Ѳиваиду и забрался въ глубочайшую пустынь между Катунаками и Керашями, надъ взморьемъ. Но недолго онъ тутъ жилъ. Въ одно время въ скиту святаго Василія вспомнилъ о немъ близкій ему по духу старецъ отецъ Варнава. Призвавъ своего ученика, онъ послалъ его навѣстить отца Іоанна

и справиться, живъ ли онъ. Дѣйствительно, ученикъ нашель его едва живымъ. Когда онъ вернулся къ отцу Варнавѣ съ этой вѣстью, то тотъ послалъ его къ русскому духовнику отцу Иродіону въ томъ же скиту, но его дома не оказалось. Отсюда онъ побѣжалъ на Катунаки къ духовнику отцу Игнатію болгарину, но, пока тотъ по очень труднымъ тропинкамъ дошелъ до пустыньки умирающаго, отецъ Іоаннъ, не дождавшись, испустилъ духъ свой въ руки Господа. Это было 11 ноября 1892 года. Тутъ же на мѣстѣ онъ и былъ погребенъ.

Всю жизнь свою на Аѳонѣ онъ очень усердно занимался умно-сердечной молитвой и стоялъ на высокой ступени преуспѣнія въ этомъ дѣланіи. Близкіе къ нему говорили, что онъ сподобился весьма многихъ духовныхъ видѣній, многіе изъ подвижниковъ обращались къ нему за совѣтами.

## Схимонахъ Виссаріонъ (Кикодзе)

Отецъ Виссаріонъ<sup>502</sup> родился въ 1807 году въ Гурійскомъ княжествѣ Грузинскаго царства. При святомъ крещеніи ему было дано имя Василій.

Родители его — протоіерей Максимъ и жена его Анна — принадлежали къ дворянской фамиліи Кикодзе. Отецъ состоялъ при дворѣ владѣтельнаго князя Гуріи Мамія Гуріели, скончавшагося въ 1810 году, вскорѣ послѣ того, какъ тотъ добровольно перешелъ со всѣмъ своимъ княжествомъ въ подданство Россіи.

Въ тогдашнее время образованіе молодыхъ людей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовнаго сословія, начиналось дома подъ руководствомъ родителей и старшихъ въ семействѣ, а заканчивалось въ стѣнахъ монастыря. Учебниками служили церковно-богослужебныя книги и святоотеческія сочиненія, находящіяся при церквяхъ, большинство изъ которыхъ были рукописныя. Такое же образованіе получилъ и Василій: сначала дома подъ руководствомъ родителей, а потомъ въ монастырѣ Намарневи, который находился въ Лечхумскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, гдѣ жилъ его дѣдъ съ отцовской стороны — бывший іерей Герасимъ, а теперь схимонахъ Герасимъ. Послѣ кончины своего дѣда Василій немедленно оставилъ своихъ родныхъ и удалился на Святую Гору Аѳонъ.

Въ 1835 году 28-лѣтній Василій высадился на аѳонскій берегъ. Его намѣреніемъ было въ первую очередь повидаться съ извѣстнымъ грузинскимъ подвижникомъ того времени отцомъ Венедиктомъ (Кіотишвили)<sup>503</sup>, который жилъ въ Иверскомъ монастырѣ.

---

<sup>502</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ. М., 1896. С. 22.

<sup>503</sup> Схііеромонахъ Венедиктъ (Кіотишвили) уроженецъ Шорапанскаго уѣзда Кутаисской губерніи. Въ нѣкоторыхъ источникахъ его фамилія Маградзе. Сынъ священника. Прибыль на Аѳонъ въ 1816 году. Жилъ въ Иверскомъ монастырѣ,

Старець обрадовался его прїѣзду, ласково встрѣтилъ и сказалъ: «Давно я желалъ имѣть ученика и жить отдѣльно на келліи, но грузина не находилъ».

Итакъ, отецъ Венедиктъ, принявъ къ себѣ въ ученики Василя, испросилъ себѣ у старцевъ Иверскаго монастыря благословеніе — перейти на безмолвіе на келлію святаго пророка Іліи, находящуюся на высококомъ холмѣ, противъ самого монастыря, и переселился туда вскорѣ по прибытіи Василя.

Послѣ этого отецъ Венедиктъ постригъ Василя въ великій ангельскій образъ, т. е. въ схиму, назвавъ его Виссаріономъ.

Около 30-ти лѣтъ прожилъ отецъ Виссаріонъ вмѣстѣ со своимъ старцемъ и подъ его опытнымъ духовнымъ руководствомъ, восходя по ступенямъ подвижничества. Затѣмъ еще около 30 лѣтъ послѣ блаженной кончины его въ 1862 году. Подвижническая и смиренная жизнь старца извѣстна была только Богу-Всевѣдцу и постороннимъ не могла быть открыта, такъ какъ старецъ Венедиктъ былъ любителемъ глубочайшаго безмолвія. Послѣ же отхода старца въ блаженную вѣчность отецъ Виссаріонъ по незнанію языковъ, ни греческаго, ни русскаго, также мало съ кѣмъ входилъ въ какое либо общеніе, когда нерѣдко сама собой обнаруживается доброта или недоброта внутренней, духовной жизни подвижника. Но для познанія духовнаго состоянія отца Виссаріона не нужно было долгихъ бесѣдъ съ нимъ, онъ обладалъ такимъ смиренномудріемъ и простосердечіемъ, что нерѣдко приходилъ въ состояніе маленькаго ребенка и одинъ взглядъ его достаточенъ былъ видѣвшему его, чтобы познать высоту его духа. Ясно, что его сердце было очищено въ результатѣ долгой и упорной молитвы. Онъ занимался умно-сердечной Іисусовой молитвой, и вотъ это-то прилежное занятіе и неусыпное призываніе на помощь Всесладчайшаго Іисуса перерождаетъ подвижниковъ благочестія и нерѣдко изъ свирѣпыхъ и гнѣвливыхъ дѣлаетъ ихъ подобными незлобивымъ и смиреннымъ младенцамъ. Но младенцами они становятся не обыкновенными, а младенцами о Христѣ Іисусѣ, какъ говоритъ Апостоль: «...злѣбою младенствуйте, умы же совершени бывайте» (1 Кор. 14:20).

На большіе монастырскіе праздники отецъ Виссаріонъ приходилъ въ Иверскій монастырь и тамъ прислуживалъ тѣмъ, кто его приглашалъ. Болѣе всего ему приходилось прислуживать почетнымъ старцамъ, помогая ихъ ученикамъ готовить и подавать ѣду. Монастырскіе рабочіе, узнавъ доброту отца Виссаріона, тогда еще не старца, всегда старались бывать около тѣхъ келій, гдѣ онъ прислуживалъ. Бывало, когда онъ несетъ большой подносъ съ различными угощеніями, его уже осаждаютъ нѣсколько человекъ, прося удѣлить имъ какой нибудь кусочекъ съ подноса. Отецъ Виссаріонъ,

---

а съ 1834 года на келліи св. пророка Іліи. Преставился въ 1862 году. См. его біографію въ книгахъ: Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ; *Антоній, іеромонахъ*. Жизнеописанія афонскихъ подвижниковъ благочестія XIX вѣка. Джорданвилль, Свято-Троицкій монастырь, 1988; или издательства Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 2010.

какъ бы не обращая на нихъ вниманія, по пути раздавалъ чуть не половину подноса. Послушники и соприслужники его, замѣтивъ это, начинали жаловаться своимъ старцамъ на это своеволие добраго отца Виссаріона, но тѣ, зная его простосердечный характеръ, налагали пальцы на свои уста и этимъ по восточному обычаю подавали повелительный знакъ къ молчанію.

Случалось нѣкоторымъ монахамъ въ присутствіи его заводить разговоръ о непріятностяхъ въ Иверскомъ монастырѣ и невольно переходить къ осужденію властныхъ старцевъ и высказываніямъ неудовольствій на нихъ. Едва только, бывало, услышитъ отецъ Виссаріонъ эти пересуды, никогда не извинительные, сейчасъ же старается остановить ихъ: «Нѣтъ, нѣтъ, старцы наши добрые, очень добрые; они насъ поятъ, кормятъ, одѣваютъ, спаси ихъ Господи» и т. п.

Онъ никогда не носилъ новой одежды, бѣлья и обуви. И если случалось, что кто нибудь въ монастырѣ дастъ или пришлетъ ему что нибудь новое, то онъ непременно отдастъ кому нибудь изъ своихъ, а себѣ, если нужно, возьметъ поношенное.

Подъ конецъ жизни старецъ много лѣтъ страдалъ обычнымъ на Аѳонѣ ревматизмомъ: пальцы на рукахъ старца были искривленные, а когда онъ лежалъ, то одну руку вынужденъ былъ всегда держать высоко въ петлѣ, прикрѣпленной къ потолку. Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ старецъ приобщался часто, каждый разъ, какъ только бывала возможность. Старшій его ученикъ, бѣлый какъ лунь и тоже больной ревматизмомъ, духовникъ іеросхимонахъ Христофоръ очень часто совершалъ Божественную Литургію и причащаль своего старца.

Въ октябрѣ 1893 года отецъ Виссаріонъ совсѣмъ слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Онъ до того ослабѣлъ, что не въ силахъ былъ произносить полной Иисусовой молитвы, т. е. «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», а только непрестанно шепталъ: «Господи... Господи...» (по-грузински: «Упало, Упало» — съ удареніемъ на первой и послѣдней буквахъ).

Напутствованный приобщеніемъ Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, съ молитвой на устахъ отецъ Виссаріонъ тихо и мирно предалъ свой духъ въ руки Божіи 9 октября 1893 года.

На другой день, 10 октября, было совершено погребеніе усопшаго, въ которомъ участвовали прибывшіе изъ Иверскаго монастыря два архимандрита и почетные изъ проэстасовъ\* (греки) и почти все братство грузинской Іоанно-Богословской келліи.

Старецъ Виссаріонъ прожилъ на Аѳонѣ 58 лѣтъ, изъ которыхъ 27 лѣтъ былъ при старцѣ Венедиктѣ послушникомъ, и все это время на одномъ мѣстѣ въ названной келліи святаго Пророка Іліи.

## Схимонахъ Григорій (Ратіани)

Схимонахъ Григорій<sup>504</sup> (въ міру Георгій Ратіани) родился около 1820 года въ дворянской семьѣ Кутаисской губерніи. Мальчикъ при святомъ крещеніи былъ наречень Георгіемъ.

О жизни Георгія Ратіани почти до 35-лѣтняго возраста намъ ничего не извѣстно. Какъ и гдѣ онъ провелъ это время, мы не знаемъ. Можно полагать, что онъ находился у родныхъ, воспитывался въ христіанскомъ благочестіи. Семейными узами онъ не былъ обремененъ. Можно лишь догадываться, что въ кругу родныхъ онъ выучился грамотѣ и занимался чтеніемъ житій святыхъ и святоотеческой литературы, такъ какъ, достигнувъ возраста тридцати пяти лѣтъ, онъ задумалъ тайно удалиться въ Іерусалимъ, а оттуда на Святую Гору, чтобы поступить въ монахи.

Никому не сказавъ о своемъ намѣреніи и ни съ кѣмъ не посоветовавшись, не имѣя средствъ и не имѣя возможности получить паспортъ, онъ тайно ушелъ изъ дома, рѣшивъ достигнуть Іерусалима. Но какъ разъ въ это время началась Крымская война, и войска турецкаго военачальника Омаръ-паши заняли большую часть Грузіи на разстояніи 50 верстъ отъ Тифлиса. Были перекрыты всѣ пути къ портамъ, и не было никакой возможности выѣхать изъ Грузіи. Но Георгій настойчиво искалъ путей осуществленія своего замысла и не побоялся обратиться даже къ турецкому начальству. Только Омаръ-паша высадился въ Зугдиди, какъ сразу заявился къ нему Георгій съ покорнѣйшей просьбой принять его.

Предполагая, что неизвѣстный грузинъ желаетъ передать что либо особенно важное, паша приказалъ привести его. Въ это время у паши находились два важныхъ сановника — англійскій и французскій. Георгій, представленный пашѣ, заявилъ, что онъ желаетъ побывать въ Іерусалимѣ, но не имѣетъ средствъ, почему и проситъ его дать ему возможность отправиться туда. Паша, желая понравиться своимъ гостямъ, далъ распоряженіе тотчасъ же отправить его къ мѣсту назначенія на пароходѣ. Но неизвѣстно, какое было на самомъ дѣлѣ распоряженіе этого паши, такъ какъ послѣдующія событія противорѣчили духу его приказа. До Трапезунда Георгій доѣхалъ вполнѣ благополучно, но здѣсь же начались его мытарства. Трапезундскій паша, заподозривъ въ немъ шпіона, приказалъ бросить его

---

<sup>504</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Денасій (Юшковъ), *схимонахъ*. Записки русскаго инока-аеонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ. М., 1896. С. 124–126.

въ темницу. Бѣднаго дворянина отправили въ сырой подвалъ, куда ссыпали уголь и гдѣ не было чистаго воздуха, необходимаго для свободнаго дыханія. Сюда же подавали ему воду, сухари и хлѣбъ. Здѣсь его продержали или, вѣрнѣе, промучили цѣлыхъ полгода. По истеченіи полугода въ угольномъ подвалѣ, его отправили въ Константинополь и здѣсь опять посадили въ тюрьму съ прочими русскими военноплѣнными. Греческій Патріархъ, знатные греки и нѣмецкій посоль присылали плѣнникамъ милостыню — разную провизію, а нѣмецкій посоль самъ лично посѣщаль ихъ и утѣшалъ. Но состояніе заключенныхъ все ровно было ужаснымъ. Только послѣ окончанія войны ихъ всѣхъ освободили. Освободили и Георгія.

Обрѣтя свободу отъ тяжкаго плѣна, Георгій заявился къ Патріарху Кириллу VII, Амасійскому (1855–1860) и просилъ у Его Святѣйшества помощи доѣхать до Святой Аѳонской Горы. Патріархъ съ любовью принялъ его и далъ ему возможность отбыть на Аѳонъ.

Прибывъ на Святую Гору, истомленный и измученный плѣномъ Георгій добрался до отца Венедикта (Кіотишвили), который въ то время подвизался на келліи пророка Іліи съ отцомъ Виссаріономъ (Кикодзе). Онъ былъ имъ принятъ и вскорѣ постриженъ въ монашество съ именемъ Григорій.

Будучи въ плѣну, Григорій волей-неволей приучился къ многоразличнымъ лишеніямъ, къ голоду и холоду и всѣму прочему, что сопряжено съ бытомъ плѣнниковъ, да еще оказавшихся въ рукахъ турокъ, считающихъ всѣхъ христіанъ за нечистыхъ животныхъ. Сдѣлавшись святогорскимъ монахомъ, вдобавокъ къ этому подъ руководствомъ постника и безмолвника отца Венедикта, отецъ Григорій безъ особаго труда превратился въ самага усерднаго постника и молитвенника.

Отецъ Григорій имѣлъ одинъ изъ безцѣнныхъ даровъ Божіихъ — даръ плача слезнаго. Для приученія себя къ бодрствованію, а вмѣстѣ для удобства къ самовниманію онъ по ночамъ ходилъ вокругъ монастыря. Ночное время всегда удобнѣе для подвижниковъ благочестія. Въ это время, когда все движущееся отъ дневнаго утомленія предается сну, они бодрствуютъ, разсматривая свою многогрѣховность и поврежденность и иногда съ воплемъ, стенаніями и слезами горькими взываютъ къ милосердному Господу о пощадѣ, помощи и помилованіи, а иногда въ чувствахъ благодарности къ Господу за Его безчисленныя благодѣянія къ роду человѣческому, къ себѣ самимъ и ко всей твари проливаютъ источники слезъ благодарныхъ, слезъ сладостныхъ.

Подобно этому и отецъ Григорій въ своихъ ночныхъ бодрствованіяхъ переживалъ и перечувствовалъ все это. Даръ плача, даръ драгоцѣннѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимается Дароподателемъ какъ жертва отъ человѣка и щедро вознаграждается любвеобильнѣйшимъ Господомъ.

Отецъ Григорій при жизни на Аѳонѣ не пилъ ни вина, ни раки (водки). Никогда ни въ чемъ онъ не дѣлалъ себѣ послабленій. Очень часто, особенно по ночамъ, бичевалъ

свое тѣло, чтобы оно не препятствовало его духовнымъ устремленіямъ, и спалъ на голомъ полу, и то очень мало. При всемъ этомъ самоистязаніи онъ былъ достаточно крѣпокъ тѣломъ, часто прислуживалъ немощнымъ монахамъ, выполняя за нихъ тяжелыя послушанія.

Все суточное богослуженіе онъ вычитывалъ всегда одинъ и пребывалъ всегда въ страхѣ Божіемъ. Въ свой монастырь (Иверонъ) по совѣту своего духовнаго руководителя, опытнаго іеромонаха отца Θεодосія (Эристави), ходилъ очень рѣдко, только на двенадцатые праздники. Частое хожденіе должно было повлечь за собой и нежелательныя знакомства съ монастырскими монахами и паломниками, а любое ненужное общеніе съ людьми могло дать пищу для пересудовъ и осужденія, что для отца Григорія казалось, какъ и есть на самомъ дѣлѣ, смертнымъ грѣхомъ.

Наконецъ послѣ 35-лѣтняго строгаго подвижничества настало для отца Григорія время отшествія въ нестарѣющую вѣчность. Въ субботу вечеромъ 6 января 1890 года отецъ Григорій пожелалъ сходить въ монастырь. Повидался тамъ со всѣми старшими братьями, поговорилъ, попросилъ благословенія и святыхъ молитвъ. Отсюда отправился къ бывшему Константинопольскому (1878–1884) Патріарху Іоакиму III, пребывающему на покоѣ на Святой Горѣ на разстояніи менѣе часа ходу отъ Иверскаго монастыря. Не заставъ Патріарха, отецъ Григорій возвратился домой. На другой день, въ воскресеньѣ, во время вечерни онъ плакалъ особенно долго. Затѣмъ заболѣлъ и два дня находился въ безчувственномъ состояніи. Когда онъ очнулся, то исповѣдовался и приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ — Тѣла и Крови Христовыхъ. По его личному желанію въ воскресеньѣ, 14 января, пришелъ къ нему его духовный руководитель съ Богословской Грузинской кельи іеромонахъ отецъ Θεодосій.

Отецъ Θεодосій, зная изъ святоотеческихъ писаній, изъ рассказовъ другихъ и изъ своихъ наблюденій, что коварный врагъ человѣческаго спасенія во всю жизнь не оставляетъ возможности строить козни и сплестать сѣти для подвизающихся, а въ особенности въ предсмертныя минуты весьма заботится какъ нибудь уловить въ свои сѣти *«аще возмѣжно, и избранныя»* (Мѡ. 24:24; Мк. 13:22), старался ободрить и возогрѣть въ умирающемъ вѣру и, указывая ему на распятіе, сказалъ: «Вотъ смотри теперь на распятіе Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя всего рода человѣческаго». Изнемогающій отецъ Григорій съ умиленіемъ взглянулъ на изображеніе Распятаго за грѣхи всего міра, и лучъ радости блеснулъ на его лицѣ. Это ясно показало, какой живой вѣрой онъ былъ исполненъ и что онъ отходилъ въ вѣчность въ надеждѣ на милосердіе Божіе. Такъ напутствованный таинствомъ евхаристіи 14 января 1890 года схимонахъ Григорій мирно предалъ духъ свой въ руки Божіи.

## Иеросхимонахъ Евгеній (Дурново)

Иеросхимонахъ Евгеній былъ сыномъ генерала и находился въ родствѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Россійской имперіи Иваномъ Николаевичемъ Дурново (1834–1903). Самъ былъ военнымъ и въ чинѣ поручика участвовалъ въ оборонѣ Севастополя 1853–1855 годовъ. Былъ высокообразованнымъ человѣкомъ и говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ.

Послѣ отставки съ военной службы поступилъ въ Николо-Угрешскій монастырь въ Россіи, гдѣ былъ постриженъ въ монахи и рукоположенъ въ іеромонаха. Былъ ученикомъ и келейникомъ архимандрита Пимена, настоятеля Николо-Угрешскаго монастыря, а впослѣдствіи былъ благочиннымъ, уставщикомъ и регентомъ.

Приѣхалъ на Аѳонъ въ концѣ 1876 году паломникомъ, но начавшаяся Русско-турецкая война не позволила ему вернуться домой. Поселился въ отшельнической келии въ Кавсокаливскомъ скиту. Краткую исторію его житія на Аѳонѣ передаетъ намъ отецъ Денасій (Юшковъ): «Въ недавнее время тутъ же, въ Кавсокаливѣ, безмолвствовалъ съ ученикомъ нѣкто отецъ Евгеній, іеромонахъ Угрешскаго монастыря, и уже много лѣтъ усиленно подвизавшійся на Святой Горѣ. Но послѣ нѣкоторыхъ неудобствъ, причиненныхъ его душевному міру, онъ продалъ свою келію, а полученную за нее сумму всю цѣликомъ укралъ у него ученикъ, который скрылся затѣмъ неизвѣстно куда. Теперь [въ 1889 году] онъ отшельничествуетъ на Капсалѣ въ небольшой келии, находящейся въ очень безлюдномъ мѣстѣ. При ней небольшой виноградникъ, нѣсколько деревьевъ черешни и одна смоковница. На Аѳонѣ онъ не литургисалъ, жилъ очень скромно»<sup>505</sup>. Послѣдніе годы своей жизни отецъ Евгеній провелъ на келии святыхъ Архангеловъ на Капсалѣ.

Отецъ Евгеній активно сотрудничалъ съ бібліотекаремъ Пантелеимонова монастыря отцомъ Матѳеємъ, помогалъ ему въ собираніи древнихъ книгъ и рукописей, давалъ ему совѣты по издательскому дѣлу и переписывался съ нимъ<sup>506</sup> по духовнымъ вопросамъ. Проявляя крайнее смиреніе, онъ въ одномъ письмѣ называетъ себя бездѣльникомъ, на что отецъ Матѳей въ отвѣтномъ письмѣ, видимо, съ этимъ не былъ согласенъ. И тогда отецъ Евгеній въ слѣдующемъ письмѣ объясняется, что онъ имѣлъ въ виду: «Дѣло-то это давно уже испытано, главная причина, конечно, недостатокъ иноческаго

---

<sup>505</sup> Денасій (Юшковъ), *схимонахъ*. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1903 годъ. М., 1903. С. 371.

<sup>506</sup> АРПМА. Док. № 1490.

капитала — блаженнаго смиренія, привычка къ распорядительной части и въ міру, и въ монастырѣ, да трудненько не служащему попу, да еще старику тянуться съ молодыми людьми на послушаніяхъ... Искательности я не подверженъ, благодарю Бога, хотя и получилъ уже на Аѳонѣ не разъ приглашенія на настоятельскія мѣста въ Россіи, но, зная свои немощи и помня совѣтъ святыхъ отцовъ (святаго Варсонуфія Великаго), что „немощному несть иной стези ко спасенію, кромѣ бѣгства и смиренія“, я уклоняюсь отъ почестей, а нахожу удобнѣе пресмыкаться подъ спудомъ смиренномудрія»<sup>507</sup>.

Конечно, отецъ Евгеній далекъ былъ отъ бездѣлія, онъ ежедневно исполнялъ строжайшій келейный канонъ, при этомъ занимался своимъ огородомъ и хозяйствомъ. Хотя онъ тщательно скрывалъ свои подвиги, но о строгости его жизни ходило по Аѳону много слуховъ. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ къ отцу Матѳію старецъ пишетъ: «Частые недуги и немощи напоминаютъ о приближающейся старости и за ней и смерти... а я еще не готовъ къ достойной встрѣчѣ сей гадкой гостыи. Помолитесь Матери Божіей о немощномъ анахоретѣ, да даруетъ мнѣ Господь, по молитвамъ Пречистыя Своей Матери, сподобиться христіанской кончины и улучшить благій конецъ живота, отъ котораго зависитъ и все и вся»<sup>508</sup>.

Преставился отецъ Евгеній 25 января 1893 года въ своей каливкѣ и былъ погребенъ на кладбищѣ Андреевскаго скита.

## Іеросхимонахъ Евгеній (Мордасовъ)

Іеросхимонахъ Евгеній<sup>509</sup> (въ міру Ефимъ Ивановичъ Мордасовъ) былъ крестьяниномъ изъ Ставропольской губерніи. Еще молодымъ поступилъ въ Саровскую пустынь, гдѣ былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Евстратій. Проживъ въ обители двадцать пять лѣтъ, онъ пожелалъ отправиться на Аѳонъ для болѣе пустынной иноческой жизни.

Въ 1878 году онъ прибылъ на Аѳонъ и поселился въ отшельнической каливѣ на Капсальѣ. Здѣсь онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Евгеній и рукоположенъ въ іеромонаха. Вскорѣ сталъ духовникомъ всѣхъ капсальскихъ отшельниковъ и сиромасъ. Его всѣ любили за предѣльное смиреніе, простоту, даръ прозорливости и разсудительности. За 50-лѣтнюю монашескую жизнь онъ приобрѣлъ огромный духовный опытъ, которымъ смиренно дѣлился съ собратіями. Онъ былъ постоянно занятъ то службой,

<sup>507</sup> АРПМА. Док. № 1490. С. 18–20.

<sup>508</sup> АРПМА. Док. № 1490. С. 50–51.

<sup>509</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Александръ, архимандритъ*. Русская Аѳонская общежительная обитель святаго Николая Чудотворца, именуемая Бѣлозерка. Каряя, 1912. С. 26.



то исповѣдью, то напутствіемъ умирающихъ, то другими требами. Со всѣми онъ былъ одинаковъ, всѣ находили у него утѣшеніе. Послѣдніе годы жизни отецъ Евгенийъ провелъ на келліи святителя Николая (Бѣлозерка).

Отецъ Владиміръ (Колесниковъ) въ своемъ дневникѣ рассказываетъ изъ жизни отца Евгенія одинъ интересный случай: «Однажды здѣсь [на Бѣлозеркѣ]

съ Патріархомъ Іоакимомъ [Вселенскій Патріархъ Іоакимъ III, нѣкоторое время проживалъ на Аѳонѣ], бывшимъ за обѣдомъ, онъ [отецъ Евгенийъ] выразился, что Патріархъ Іоакимъ — Цареградскій, Вселенскій, а „...я патріархъ Капсальскій“. Патріархъ не обидѣлся, а назвалъ его „побратенникомъ“»<sup>510</sup>. На первый взглядъ дерзновенное заявленіе отца Евгенія въ дѣйствительности было не чѣмъ инымъ, какъ очередной попыткой отца Евгенія смирить себя, надсмѣхаясь надъ своимъ вынужденнымъ положеніемъ духовника капсальскихъ отшельниковъ.

Отецъ Евгенийъ умеръ 10 марта (по другимъ даннымъ, 2 января) 1898 года на Бѣлозерской келліи. Однажды бѣлозерскій настоятель отецъ Петръ (Крутьковъ) пригласилъ патріарха Іоакима прочесть молитву надъ давно умершими. Патріархъ вспомнилъ объ отцѣ Евгеніи и спросилъ: «Гдѣ же мой побратенецъ?» Отвѣтили, что уже прошло два съ половиной года, какъ умеръ. Тогда патріархъ благословилъ открыть его могилу, хотя еще не прошло трехъ лѣтъ. Открыли могилу, и оказалось — кости чистыя, желтыя. И тогда патріархъ сказалъ: «Въ разумѣ жилъ этотъ человѣкъ»<sup>511</sup>.

## Іеросхимонахъ Θεодосій (Эристави)

Іеросхимонахъ Θεодосій (въ міру Θεодоръ Георгіевичъ Эристави) былъ уроженцемъ Кутаисской губерніи, потомкомъ древняго грузинскаго княжескаго рода. Именно одинъ изъ великихъ представителей этого рода, знаменитый грузинскій полководецъ X вѣка Торникій Эристави былъ основателемъ Грузинскаго Иверскаго монастыря на Аѳонѣ. Несомнѣнно, что отецъ Θεодосій былъ достойнымъ продолжателемъ славныхъ традицій своего рода, что подтверждаетъ неизвѣстный лѣтописецъ Русскаго

<sup>510</sup> АРПМА. Док. № 321. С. 370.

<sup>511</sup> Тамъ же.

Пантелеимонова монастыря. Онъ пишетъ: «Эта свѣтлая личность заслуживаетъ не только краткаго біографическаго очерка, который мы здѣсь предлагаемъ, но цѣлаго жизнеописанія, и дай Господи, чтобы такое рано ли, поздно ли кѣмъ нибудь изъ числа многихъ искреннихъ почитателей его было написано и явлено міру»<sup>512</sup>. А извѣстный изслѣдователь Аѳона П. В. Троицкій такъ вторитъ лѣтописцу: «Достойный украсить исторію Аѳона не только своимъ происхожденіемъ, но и своей монашеской жизнью»<sup>513</sup>.

Родился Теоодоръ Георгіевичъ въ Грузинской области Рача въ семьѣ рачинскихъ князей. Закончилъ Кутаисскую гимназію. Въ 1858 году поступилъ въ Гелатскій Рождества Богородицы мужской монастырь, гдѣ 9 апрѣля 1860 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Теоодоръ. 10 апрѣля 1866 года Имеретинскимъ епископомъ Гавріиломъ (Кикодзе) онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 25 декабря того же года — въ іеромонаха.

Въ 1880 году отецъ Теоодоръ пріѣхалъ на Аѳонъ съ твердымъ намѣреніемъ остаться тамъ навсегда. Но это былъ не первый случай его общенія съ Аѳономъ. О его контактахъ съ Аѳономъ до окончательнаго его переселенія сюда сообщаетъ намъ неизвѣстный лѣтописецъ Руссика: «Еще будучи послушникомъ, а потомъ уже іеромонахомъ, но еще молодымъ, онъ дважды путешествовалъ въ святой градъ Іерусалимъ для поклоненія Животворящему Гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ Святой Земли и оба раза заѣзжалъ и на Святую Гору Аѳонъ, съ которой онъ такимъ образомъ лично познакомился.

Въ семидесятыхъ годахъ позапрошлаго столѣтія [XIX вѣка] покойные русскіе старцы нашего монастыря отецъ Іеронимъ и отецъ Макарій поручили тогдашнему настоятелю принадлежащей монастырю часовни въ Москвѣ іеромонаху Арсенію (Минину) отыскать на Кавказѣ, въ предѣлахъ прежней Иверіи или Грузіи, мѣсто для постройки монастыря на случай необходимости переселенія съ Аѳона. Отецъ Арсеній съ другими изъ числа монашествующихъ отправился на Кавказъ и тамъ нашелъ подходящее мѣсто, гдѣ потомъ и началъ созидаться монастырь. По этому дѣлу отцу Арсенію надобно было часто бывать въ Кутаиси у преосвященнаго Гавріила (Кикодзе), въ предѣлахъ епархіи котораго находилась тогда и Сухумская область, гдѣ нынѣ находится Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь. Бывалъ отецъ Арсеній и въ Моцаметскомъ, и Гаенатскомъ монастыряхъ, здѣсь онъ и познакомился съ отцомъ Теоодоромъ, съ которымъ случилось вмѣстѣ и не разъ ѣздить къ преосвященному Гавріилу. Такимъ образомъ, отецъ Теоодоръ принималъ участіе въ опредѣленіи мѣста для Ново-Аѳонскаго монастыря, въ архипастырскомъ на это соизволеніи и благословеніи и въ устроеніи его именно при древней церкви во имя святаго апостола Симона Зилота или Кананита. Отецъ Арсеній близко познакомился съ отцомъ Теоодоромъ и даже предлагалъ ему перейти къ нимъ

<sup>512</sup> АРПМА. Док. № 4059. С. 2.

<sup>513</sup> Троицкій П. В. Аѳонскія встрѣчи. М., 2002. С. 53.



*Грузинская Иоанно-Богословская келлія времянь отца Θεодосія.  
Сегодня почти полностью разрушена*

въ новоустроенный монастырь на жительство, гдѣ тогда были еще едва ли не единицы монашествующихъ и было тихо и уединенно. Отець Θεодоръ на первыхъ порахъ не отказывался отъ переѣзда, но переходъ его почему-то не состоялся.

Въ семидесятыхъ годахъ на Аѳонъ прибылъ изъ Грузіи дворянинъ Вахтангъ Баркалая, принялъ здѣсь монашество съ именемъ Венедикта, прибрѣлъ у грековъ старинную келлію съ древней церковью и отдѣльно построилъ при ней церковь во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Къ отцу Венедикту стали пріѣзжать изъ Грузіи и поступать на жительство желающіе монашествовать на Аѳонѣ его соплеменники — грузины. Отцу Венедикту часто приходилось бывать въ Грузіи и всего болѣе въ Имеретіи. Всегда при этомъ, бывая у преосвященнаго Гавріила, онъ не только предлагалъ ему всѣхъ желающихъ принимать въ свою новостроящую, такъ называемую имъ Ново-Иверскую обитель, но и просилъ объ этомъ. Въ одной изъ такихъ его поѣздокъ на подобную его просьбу преосвященный Гавріиль предложилъ отцу Θεодору поѣхать къ нему на Аѳонъ. Отець Θεодоръ съ радостью согласился. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ іеромонахъ Герасимъ [въ схимѣ Георгій], который происходилъ изъ дворянъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года они прибыли на Аѳонъ

и вступили въ братство устрояемой отцомъ Венедиктомъ Грузинской Іоанно-Богословскій обители<sup>514</sup>.

Отець Θεодосій очень скоро заслужилъ большую любовь и уваженіе братіи Богословской келліи, такъ что черезъ десять лѣтъ отецъ Денасій (Юшковъ) въ своихъ запискахъ говоритъ о немъ уже какъ о духовникѣ этой обители: «Отець Пахомій [насельникъ Іоанно-Богословской келліи. — *Сост.*] доложилъ старцу отцу Θεодору о моемъ приходѣ и что можно войти ко мнѣ. До этого времени я хотя и слыхалъ объ отцѣ Θεодорѣ очень много хорошаго, но его личности не достаивался видѣть. Черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, входитъ высокій блѣдноватый монахъ, сухощавый, съ большими привлекательными глазами, съ продолговатой рѣдкой бородой съ просѣдью. По фізіономіи его сразу видно было въ немъ грузина, обладавашаго въ молодости тѣлесной красотой. Это и есть отецъ Θεодоръ. Онъ съ любовью подошелъ ко мнѣ. Я сдѣлалъ ему полуметаніе, т. е. полужемной поклонъ, прося его іерейскаго благословенія. Онъ благословилъ и затѣмъ, попривѣтствовавъ по-монашески, цѣлованіемъ въ плечи, съ словами: „Христось воскресе!“ — просилъ меня садиться и самъ сѣлъ противъ меня на стулѣ около стола»<sup>515</sup>.

Вскорѣ отца Θεодора постригли въ схиму и нарекли Θεодосіемъ. Онъ своей высокой духовностью и благочестивой жизнью быстро сталъ знаменитъ по всѣму Аѳону. Вотъ какъ описываетъ его отецъ Владиміръ (Колесниковъ): «Усердный труженикъ... старецъ — духовникъ хорошей жизни, многими почитаемый, но очень смиренный и обходительный»<sup>516</sup>.

Также очень уважалъ его отецъ Денасій (Юшковъ) и всегда старался получить отъ него духовныя наставленія, описывая неоспоримыя духовныя достоинства отца Θεодосія. Съ восхищеніемъ вспоминалъ онъ одинъ случай проявленія удивительнаго гостепріимства смиреннаго старца: «Я просилъ отца Θεодора [въ схимѣ отца Θεодосія] указать мнѣ направленіе дороги до Иверскаго монастыря. Отець Θεодоръ, быть можетъ припомнивъ при этомъ Евангельскую заповѣдь Богочеловѣка: „...аще кто тя поймаеть по силѣ поприще единое, иди съ нимъ два“ (Мѡ. 5:41), самъ лично изъяснилъ желаніе быть путеказателемъ. Только дойдя почти до самыхъ стѣнъ монастыря, мы совсѣмъ разстались»<sup>517</sup>.

Очень почитали его и аѳонскіе пустынники. Вотъ что писалъ въ 1909 году, уже послѣ смерти отца Θεодосія, великій калягрскій отшельникъ схимонахъ Веніаминъ

<sup>514</sup> АРПМА. Док. № 4059. С. 3–5.

<sup>515</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1895 годъ. М., 1895. С. 309.

<sup>516</sup> АРПМА. Док. № 309. С. 140.

<sup>517</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1896 годъ. М., 1896. С. 50.

(Малышевъ) въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ отцу Агаѳодору (Буданову) на его запросъ о высотѣ духовной жизни отца Иларіона (Кузина): «Вспоминая богатое разсужденіе (всестороннее) покойнаго отца Θεодосія — грузина, отдаю пальму первенства не отцу Иларіону, а покойному отцу Θεодосію»<sup>518</sup>.

Знаменательна позиція отца Θεодосія въ такъ называемомъ «грузинскомъ дѣлѣ». До его представленія расскажем немножко о самомъ дѣлѣ. Какъ было уже сказано выше, въ 1869 году на Аѳонъ пріѣхалъ уроженецъ Кутаисской губерніи іеромонахъ Венедиктъ (Баркалая), который взялъ у Иверскаго монастыря заброшенную келлію имени святаго апостола Іоанна Богослова и съ помощью финансовой поддержки грузинской и россійской общественности и россійскихъ государственныхъ учрежденій началъ возстанавливать эту келлію. Особенную помощь ему въ этомъ оказали и аѳонскія русскія обитатели: Пантелеимоновъ монастырь и Андреевскій скитъ. При такой помощи отецъ Венедиктъ въ кратчайшіе сроки сумѣлъ не только возстановить старыя зданія и построить новый храмъ, но и собрать большое количество братіи (до сорока человекъ). Все это старцамъ Иверскаго монастыря не пришлось по душѣ, и они стали накладывать разные запреты на дальнѣйшее развитіе келліи. Тогда отецъ Венедиктъ рѣшилъ принять экстренныя мѣры: заручился поддержкой Россійскаго Императорскаго двора и подалъ въ судъ на монастырь. Этотъ процессъ длился почти сорокъ лѣтъ, и закончился онъ катастрофическими послѣдствіями для всѣхъ грузинскихъ монаховъ, проживающихъ на Аѳонѣ. Въ 1919 году они почти всѣ были выдворены съ Аѳона.

Именно въ этомъ дѣлѣ отецъ Θεодосій имѣлъ особую позицію: онъ былъ противъ правоваго пути рѣшенія споровъ съ Иверскимъ монастыремъ, а предлагалъ особый — духовный путь, что и осуществлялъ по мѣрѣ своихъ возможностей. Въ чемъ былъ смыслъ этого пути? Отецъ Θεодосій утверждалъ, что греки — народъ набожный и единственный аргументъ, который они уважаютъ и передъ которымъ они склоняютъ головы, это — святость. Примѣромъ чего отецъ Θεодосій приводилъ высокое почитаніе греческими монахами умершаго въ 1863 году іеросхимонаха Иларіона Грузина. Поэтому, по мнѣнію отца Θεодосія, грузинскимъ монахамъ нужно было добиваться не правоваго или экономическаго превосходства надъ Иверскимъ монастыремъ, а созданія высокодуховнаго братства, святость, благочестіе и христіанская нравственность котораго вызвали бы желаніе иверскихъ монаховъ съ уваженіемъ относиться къ ихъ нуждамъ.

Отецъ Θεодосій все время своего пребыванія духовникомъ келліи старался проводить именно эту линію. Правда, онъ не смогъ добиться уваженія иверцевъ, но онъ добился болѣе важнаго и вѣсомаго: многія подопечныя ему человѣческія души

---

<sup>518</sup> АРПМА. Док. № 1724. С. 1.

благодаря избранной имъ вышеназванной тактикѣ избѣжали озлобленія и ожесточенія и дѣйствительно достигли святости.

Слѣдуя извѣстной пословицѣ «яблоко отъ яблони недалеко падаетъ», чтобы хорошо представить себѣ, какой порядокъ былъ у отца Θεодосія во ввѣренномъ ему братствѣ, приведемъ примѣръ гостепріимства келейника отца Θεодосія отца Пахомія. «Вскорѣ, — пишетъ посѣтившій келлію отецъ Денасій (Юшковъ), — заявился ко мнѣ съ изъявленіями благодарности за посѣщеніе ихъ отецъ Пахомій, келейникъ почетнѣйшаго изъ братства духовника іеромонаха отца Θεодора, въ міру князя Θεодора Георгіевича Эристави. Отецъ Пахомій, замѣтивъ, что я весьма утомился и запылится, въ особенности же крайне изнемогъ ногами, догадался исполнить совѣтъ преподобныхъ отцовъ: обмыть ноги путнику. Выйдя отъ меня, изъ маленькой комнаты — архондарика, черезъ нѣсколько минутъ онъ является съ тазомъ, наполненнымъ водой, и съ полотенцемъ. Не говоря ни слова, онъ ставитъ тазъ на полу около меня и молча хочетъ приниматься за мытье моихъ ногъ, весьма загрязнившихся отъ пыли.

Замѣтивъ все это и сообразивъ, что это для меня ужъ очень великая честь, я сталъ отказываться отъ этой смиренной услуги покрытаго сѣдинами, хотя и не стараго еще лѣтами отца Пахомія. Послѣдній просилъ и настаивалъ не отказываться. Но я все-таки рѣшительно отказался отъ подобной услуги, примѣровъ чѣму мнѣ еще не приходилось видѣть въ моемъ путешествіи по Святой Горѣ»<sup>519</sup>.

Какой молитвенный настрой былъ въ келліи отца Θεодосія, хорошо видно изъ другаго примѣра, приведеннаго отцомъ Денасіемъ: «Седмичнымъ іеромонахомъ былъ іеросхимонахъ Іона<sup>520</sup> [духовное чадо отца Θεодосія], родомъ изъ дворянъ. Онъ служилъ вечерню. Я не могъ не замѣтить, чтобы онъ во все время совершенія службы хотя однажды взглянулъ куда нибудь далѣе своего подножья, такъ былъ онъ сосредоточенъ въ себѣ и внимателенъ къ своему служенію. Мнѣ это очень понравилось»<sup>521</sup>. А восхищенный возвышенной молитвенной обстановкой въ грузинской келліи отецъ Владиміръ (Колесниковъ) отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Грузины — лучшіе монахи на Аѳонѣ».

Отецъ Θεодосій регулярно переписывался со старцами Руссика, спрашивая у нихъ совѣтовъ по духовнымъ дѣламъ и прося помощи въ преодоленіи житейскихъ и матеріальныхъ трудностей<sup>522</sup>.

Преставился отецъ Θεодосій 25 мая 1905 года.

<sup>519</sup> Денасій (Юшковъ), *схимонахъ*. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1895 годъ. М., 1895. С. 309.

<sup>520</sup> Иеросхимонахъ Іона (въ міру Іона Мерабовичъ Хоштарія) бывшій дворянинъ изъ Кутаисской губерніи. Жилъ на келліи святаго Іоанна Богослова Иверскаго монастыря. Былъ настоятелемъ келліи. Преставился въ 1919 году. Въ 1882–1903 годахъ писалъ письма игуменамъ Макарію и Андрею (см. архивъ РПМА. Док. № 1307). Въ 1905 году писалъ письмо схііеромонаху Агаѳодору (Буданову) (см. архивъ РПМА. Док. № 1764).

<sup>521</sup> Тамъ же. С. 367.

<sup>522</sup> АРПМА. Док.: № 1306, 1359, 1763, 4119.

## Іеросхимонахъ Парѳеній

Іеросхимонахъ Парѳеній былъ уроженцемъ Ставропольской губерніи. Въ 1867 году онъ со своимъ роднымъ братомъ іеромонахомъ Модестомъ пріѣхалъ на Аѳонъ, и они оба поселились на келліи святаго великомученика Артемія монастыря Великой Лавры. Въ 1877 году отецъ Парѳеній сталъ старцемъ этой келліи. Въ келліи жило около тридцати человекъ русской братіи. На территоріи находился также древній разрушенный храмъ святыхъ Архангеловъ. Келлія имѣла относительно большой участокъ земли. «Землицы у насъ, слава Богу, довольно, пожалуй, побольше будетъ, чѣмъ у андреевскихъ», — рассказывалъ отецъ Парѳеній паломникамъ.

Вотъ какую характеристику оставили старцу пользовавшіеся гостепріимствомъ его келліи паломники: «Самъ отецъ Парѳеній, говорятъ, значительно содѣйствовалъ процвѣтанію Артемьевской келліи, и, дѣйствительно, стоитъ взглянуть въ его умное, типичное лицо, чтобы понять, какую энергіей обладаетъ этотъ человекъ. Родомъ онъ изъ Ставрополя, а братія его все болѣе изъ тѣхъ же краевъ.

— Строгий старецъ, — говорилъ про него отецъ Валентинъ, и странно было слышать слово „старецъ“ примѣнимо къ молодому еще отцу Парѳенію. — Всю братію держитъ какъ въ киноіи. Вотъ кабы у насъ всѣ такіе келіоты были...»<sup>523</sup>

Отецъ Владиміръ (Колесниковъ) такъ характеризуетъ отца Парѳенія: «Представительный человекъ и хорошей хозяйинъ. Его келлія почти лучшая и благоустроенная и обеспеченная, необходимая для паломниковъ при путешествіи по горѣ»<sup>524</sup>.

Отецъ Парѳеній сумѣлъ въ своей келліи установить истинный общежительный духъ. Принципъ равенства всѣхъ предъ Богомъ соблюдался имъ во всемъ. Всѣ вмѣстѣ служили, всѣ вмѣстѣ трапезничали, всѣ вмѣстѣ работали на послушаніяхъ, всѣ одинаково одѣвались. Отецъ Парѳеній во всѣхъ затрудненіяхъ искалъ совѣта у отца Іеронима, духовника Руссика. Если не находилъ времени посѣтить его, то писалъ ему письма<sup>525</sup>. Совѣты выдающагося старца помогали ему насадить въ своей маленькой обители духъ братства и христіанской любви.

Отецъ Денасій (Юшковъ) такъ описываетъ простую, но дружную жизнь артемьевской братіи: «Многіе изъ братіи занимались послушаніемъ, кто въ саду, кто въ огородѣ, кто на виноградникѣ, кто косилъ траву. Среди нихъ находился и старецъ Парѳеній,

---

<sup>523</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 47–48.

<sup>524</sup> АРПМА. Док. № 315. С. 6.

<sup>525</sup> АРПМА. Док. № 1278.

наблюдая и собой подавая примѣръ трудолюбія. Я подошелъ къ нему съ выраженіями своей благодарности.

„Господь да благословитъ васъ“, — было мнѣ напутствіе, и съ этимъ благодатнымъ благословеніемъ и съ чувствомъ признательности за вниманіе ихъ я отправился въ подлежащій мнѣ путь»<sup>526</sup>.

10 августа 1905 года скончался братъ отца Парѣенія іеромонахъ Модестъ. Послѣ смерти брата, съ которымъ провелъ неотлучно всю свою жизнь, отецъ Парѣеній очень скорбѣлъ и много плакалъ. Онъ просилъ Господа не разлучать его со своимъ любимымъ братомъ и забрать его тоже. И случилось чудо: на девятый день послѣ смерти брата, послѣ панихиды за упокой души своего брата, отецъ Парѣеній прилегъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Артемьевская братія очень горѣвала и плакала изъ-за потери любимого старца, но архіерей (пришедшій на отпѣваніе) сказалъ имъ по-русски слово, что не плакать нужно, а радоваться, и этимъ успокоилъ ихъ. Преставился отецъ Парѣеній ко Господу 19 августа 1905 года.

## Схимонахъ Іосифъ (Харламовъ)

Схимонахъ Іосифъ (въ міру Александръ Петровичъ Харламовъ) былъ уроженцемъ Донской области. Прибылъ на Аѳонъ въ 1874 году и съ тѣхъ поръ жилъ одинъ въ пустынной келии на Карулѣ\*. Рукодѣліемъ его было сапожничество, о чемъ намъ сообщаетъ отецъ Денасій (Юшковъ): «Когда я подходилъ къ кавѣ\* Іосифа, то слышалъ стукъ его молотка, такъ какъ онъ — сапожникъ, а здѣсь преимущественно шьетъ башмаки по заказу русскихъ и грековъ. Видя въ окно его сидящимъ, я произнесъ обыкновенную молитву. Услышавъ знакомый голосъ, отецъ Іосифъ поспѣшилъ снять свои очки и встрѣтилъ меня въ дверяхъ, съ радушіемъ приглашая войти внутрь. Я не дожидаясь особаго приглашенія, вошелъ, поклонился святымъ иконамъ, какъ подобаетъ христіанину при входѣ въ домъ единовѣрнаго или въ келью собрата-инока, а потомъ хозяину-старцу.

Отецъ Іосифъ привѣтствовалъ меня цѣлованіемъ въ рамена (плечи) со словами: „Христосъ посреди насъ“. Я, взаимно цѣлуя старца въ рамена, отвѣчалъ: „И есть, и будетъ!..“»<sup>527</sup>.

Главнымъ же дѣланіемъ отца Іосифа была Іисусова молитва, которой онъ занимался непрерывно, днемъ и ночью, сидя и работая, въ храмѣ и въ пути... непрерывно!

<sup>526</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1898 годъ. М., 1898. С. 95.

<sup>527</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1910 годъ. М., 1910. С. 380.

Хороший словесный портретъ отца Іосифа оставилъ намъ нѣкій статскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳеодоровичъ Красковскій, который въ бытность паломникомъ на Аѳонѣ незамѣтно подошелъ къ каливкѣ отца Іосифа. «Подкрался не изъ какой-то хитрости или предосторожности, но потому, что бѣгалъ босикомъ. Онъ хотѣлъ увидѣть карульскій туннель, по которому доставлялась пища. Онъ заглянулъ въ растворенныя двери каливки и подарилъ міру одно изъ самыхъ яркихъ описаній аѳонскихъ подвижниковъ... Онъ увидѣлъ убѣленного сѣдинами старца, сидящаго лицомъ къ окну на маленькомъ табуретѣ. Старецъ готовился со всей тщательностью къ трапезѣ. Это и былъ отецъ Іосифъ, о которомъ, казалось бы, всѣ свѣдѣнія поглотило время. Передъ старцемъ на столѣ стояли три чашки: его трапеза состояла изъ трехъ блюдъ. Сосредоточенно смотрѣлъ онъ въ среднюю мисочку, въ которой плавалъ сухарь. Попробовалъ, размякъ ли онъ. Остался доволенъ. Поднялся съ маленькой табуретки, на которой сидѣлъ, вытянулся во весь свой гвардейскій ростъ; его и безъ того строгое, изможденное, съ впалыми щеками и тощей бородкой, отчасти калмыцкаго типа лицо сдѣлалось еще строже, глаза заблестѣли въ морщинистыхъ впадинахъ. ...Перекрестился, сталъ совершать обычное передъ трапезой молитвенное правило, кончилъ, благословилъ трапезу и уже собирался усѣсться на свою табуретку... Когда выяснилось, что онъ не одинъ, то Ипполитъ Ѳеодоровичъ покинулъ свой наблюдательный пунктъ. Старецъ сначала несказанно удивился — откуда здѣсь могъ взяться чело­вѣкъ, а потомъ чрезвычайно обрадовался — ибо пришельцы здѣсь крайне рѣдки.

„Такъ ужъ вы и обѣдать меня пригласите“, — предложилъ Ипполитъ Ѳеодоровичъ.

„Хорошо, пожалуйста, вотъ на мою скамейку, а я постою. Только обѣдь у меня свой, здѣшній карульскій обѣдь“, — отвѣтилъ старецъ. Посѣтитель заглянулъ въ первую чашку изъ тыквы. Тамъ двѣ смоквы, очищенныя отъ колючекъ. А смоквы эти были не больше грецкаго орѣха. Заглянулъ во вторую чашку — тамъ размоченный сухарь. А третье блюдо ничѣмъ не отличалось отъ втораго, только развѣ сухарь еще недавно былъ подвергнутъ дѣйствию воды и размякнуть не успѣлъ. Смоквы оказались сладки, но слишкомъ сладки, а сухари какъ сухари. Ржаные. Только... „Что же Вы не посолили сухари“, — спрашиваетъ изслѣдователь карульской жизни. „Да соли нѣтъ, вся вышла. Да я ужъ и безъ соли тутъ привыкъ. Сухарь со смоквой очень вкусенъ, точно съ сахаромъ“. А старцу тому, державшему такую карульскую діету, было на тотъ моментъ восемьдесятъ семь лѣтъ. И лѣчился отъ грѣховъ онъ такой діетой здѣсь на Карулѣ около тридцати лѣтъ. Вотъ такой былъ схимонахъ Іосифъ, родомъ донской казакъ.

И радъ же мнѣ былъ отецъ Іосифъ. Крестиковъ кипарисоваго дерева своей работы надавалъ, ложекъ, вырѣзанныхъ собственноручно изъ весьма крѣпкаго масляничнаго дерева», — заканчиваетъ свой рассказъ о визитѣ къ старцу корреспондентъ московской газеты. И какъ это обычно бываетъ, когда встрѣчаешь истинно нуждающагося чело­вѣка, какъ разъ недостаетъ денегъ. Ипполитъ Ѳеодоровичъ смогъ дать старцу только

«чарыкъ», т. е. полтинникъ, какъ, впрочемъ, и остальнымъ насельникамъ Карули. И всѣ были несказанно рады: можетъ, при случаѣ купить лампаднаго масла, которое на тотъ моментъ на всей Карулѣ вышло<sup>528</sup>.

Дата смерти отца Іосифа не установлена.

## Іеросхимонахъ Константинъ (Семерниковъ)

Іеросхимонахъ Константинъ (въ міру Кононъ Вуколевичъ Семерниковъ) происходилъ изъ донскихъ казаковъ, родился въ 1842 году въ станицѣ Кочетовской. Двадцать лѣтъ, съ 1861 по 1881 годъ, провелъ на военной службѣ, участвовалъ въ усмирении польскаго возстанія въ 1863 году и въ Русско-турецкой войнѣ 1877–1878 годовъ. Онъ былъ среди храбрецовъ, переплывшихъ на лошадахъ разлившійся на четырнадцать верстъ Дунай и занявшихъ турецкій берегъ около Мошка (по другимъ свѣдѣніямъ, Мичина). Послѣ взятія Плевны ему было поручено въ составѣ конвоя сопровождать прославившагося своею храбростью пѣнненнаго Османъ-пашу.

Отецъ Константинъ былъ награжденъ нѣсколькими орденами и медалями и свидѣтельствомъ, выданнымъ по высочайшему повелѣнію, что давало ему особья привилегіи на государственной и военной службѣ.

Но война закончилась, а государственная служба отца Константина не привлекала. Онъ ѣдетъ на Аѳонъ и принимаетъ постригъ на келліи преподобныхъ Петра и Онуфрія Иверскаго монастыря. Въ 1887 году онъ становится настоятелемъ келліи святителя Іоанна Златоуста того же монастыря. Всѣ свои денежныя средства онъ употребилъ на устройство этой обители.



<sup>528</sup> Троицкій П. В. Аѳонскія встрѣчи. М., 2002. С. 56.

Но на этомъ славный путь бывшего солдата не заканчивается. Начинается Русско-японская война. Отецъ Константинъ организуетъ изъ монаховъ санитарный отрядъ въ количествѣ 53 человекъ и съ разрѣшенія Краснаго Креста помогаетъ русскимъ воинамъ на полѣ брани. Его заслуги высоко оцѣниваетъ Государь. Его награждаютъ медалью на Георгіевской лентѣ. Впослѣдствіи онъ удостоивается быть принятымъ Его Величествомъ. Государь Императоръ награждаетъ отца Константина золотымъ наперснымъ крестомъ изъ своего кабинета.

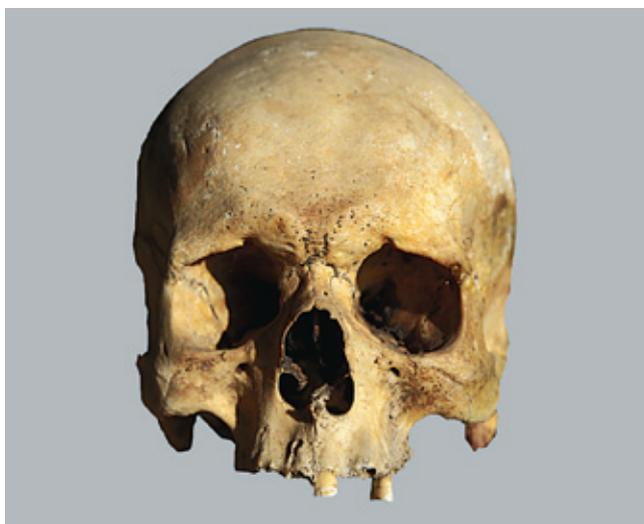
Вотъ что писала газета «Русское Государство» (№ 84 отъ 22 апрѣля 1906 года): «Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, имѣлъ счастье представляться настоятель обители святителя Іоанна Златоуста на Святой Горѣ Аѳонѣ, дѣйствительный пожизненный членъ Россійскаго общества Краснаго Креста, схимонахъ Константинъ Семерниковъ — организаторъ аѳонской монашеской охотничьей санитарной дружины.

Схимонахъ Константинъ дѣйствовалъ со своимъ отрядомъ иноковъ при отрядѣ имени Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Георгіевской общины сестеръ милосердія. На приемѣ Государь Императоръ изволилъ благодарить въ лицѣ схимонаха Константина и всѣхъ остальныхъ монаховъ обители, отправившихся въ минувшую войну на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ санитаровъ. Схимонахъ Константинъ удостоился счастья лицезрѣть августѣйшихъ дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ: наследника Цесаревича и Великаго князя Алексѣя Николаевича и Великихъ княжонъ Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марію Николаевну и Анастасію Николаевну».

Обстановка въ келліи [отца Константина] болѣе соответствовала идеалу монашеской жизни, чѣмъ во многихъ другихъ прославленныхъ обителяхъ. Вотъ что пишетъ паломникъ, посѣтившій ее въ 1909 году и написавшій статью въ журналъ «Монастырь» подъ псевдонимомъ «Россіянинъ»: «...Жизнь въ аѳонскихъ обителяхъ неизмѣримо лучше, чѣмъ въ россійскихъ монастыряхъ. Лучше не матеріальнымъ богатствомъ или роскошью, но она сплоченнѣе, братски душевней, безъ обидъ, безъ подозрѣній, а именно, какъ живутъ люди, одушевленные одной и той же идеей, не стараясь приносить другъ другу вреда, а, наоборотъ, принося пользу и себѣ, и другъ другу, и всѣму братству келліи». Такіе строки пишетъ авторъ именно послѣ посѣщенія этой келліи и бесѣды съ намѣстникомъ — іеромонахомъ Симеономъ.

Въ 1909 отецъ Константинъ участвуетъ въ первомъ иноческомъ създѣ въ Россіи. Упоминается онъ въ описаніи этого създа среди депутатовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, и его можно найти на фотографіи ея участниковъ. Отецъ Константинъ фактически былъ единственнымъ представителемъ аѳонскаго монашества на этомъ създѣ, если не считать архимандрита Іерона, настоятеля Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря.

26 августа 1913 года отецъ Константинъ переселился въ обители вѣчныя, скончавшись въ больницѣ Андреевскаго скита. «Когда процессія поравнялась съ Карейской бесѣдкой, въ нашей обители царскій колоколь гудѣлъ рѣдкими протяжными и скорбными волнами, своимъ мелодичнымъ звукомъ давая знать о приближеніи тѣла того, кому онъ былъ пожалованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминалъ какъ бы гласомъ трубы Божіей о нашей скоропреходящей жизни» — такъ описывается прощаніе со старцемъ въ книгѣ «Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе старца схимонаха отца Константина (Семерникова), настоятеля обители-кельи святителя Іоанна Златоуста»<sup>529</sup>.



Отецъ Константинъ издалъ книгу съ описаніемъ своихъ дѣяній съ названіемъ «Биографическій очеркъ общественной дѣятельности гражданскаго долга, патріотическихъ подвиговъ и трудовъ за Вѣру, Царя и Отечество настоятеля Аѳонской обители святаго Іоанна Златоустаго, схимонаха Константина Семерникова и его послѣдній трудъ съ дружиной, аѳонскими иноками». Подробное жизнеописаніе отца Константина имѣется также въ книгахъ: «Биографія настоятеля обители святаго Іоанна Златоуста на Святой Горѣ Аѳонѣ схимонаха Константина (Семерникова)», «Послѣдніе дни земной жизни, кончина и погребеніе старца схимонаха Константина (Семерникова), настоятеля обители святаго Іоанна Златоустаго».

Въ 1905–1906 годахъ отецъ Константинъ писалъ письма игумену Мисаилу (Сапегину) и иеросхимонаху Агаѳодору (Буданову)<sup>530</sup>, въ которыхъ подробно сообщалъ о своихъ дѣяніяхъ и приключеніяхъ.

## Иеросхимонахъ Пантелеимонъ (Важенко)

Иеросхимонахъ Пантелеимонъ (въ міру Петръ Ивановичъ Важенко) родился въ 1849 году въ Курской губерніи, но впоследствии былъ приписанъ къ мѣщанамъ города Харькова. Онъ прибылъ на Аѳонъ въ 1878 году и такъ же, какъ другой Петръ, впоследствии настоятель Благовѣщенской келліи отецъ Парѳеній, сталъ ученикомъ

<sup>529</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 110–113.

<sup>530</sup> АРПМА. Док.: № 1326, 1754.

знаменитаго старца Хаджи Георгія, извѣстнаго всѣму Аѳону своей строгостью. Хаджи Георгіемъ онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Пантелеимонъ, а затѣмъ рукоположенъ въ іеромонаха. Впослѣдствіи по благословенію старца Георгія онъ сталъ старцемъ келліи Рождества Пресвятыя Богородицы.

Въ 1896 году же онъ перешелъ на келлію Воздвиженія Креста Господня Каракальскаго монастыря, которую приобрѣлъ у обители. Вскорѣ онъ былъ избранъ настоятелемъ этой Крестовоздвиженской келліи. Съ огромными усиліями, преодолевая какъ внѣшнія, такъ и внутреннія препятствія, онъ смогъ возродить эту келлію и приумножить ея братство. Въ келліи, по даннымъ 1913 года, размѣщалось около семидесяти человѣкъ. Въ послереволюціонный періодъ въ Крестовской келліи еще долго теплилась жизнь. Такъ, въ воспоминаніяхъ аѳонскаго монаха Макарія читаемъ: «Однажды я гостилъ нѣсколько дней въ Крестовской келліи на Проватѣ у отца Лота, старца келліи... Келлія отличалась уютностью своихъ построекъ и имѣла маленькую церковь во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Въ отдѣльномъ маленькомъ домикѣ была небольшая, хорошо подобранная бібліотека, въ которой я и проводилъ время въ книжныхъ занятіяхъ. Моими друзьями были іеросхимонахи: отецъ Константинъ, отецъ Мелитонъ и отецъ Филаретъ»<sup>531</sup>.

Вл. Маевскій, посѣтившій примѣрно въ то же время Крестовоздвиженскую келлію, тепло вспоминаетъ гостепріимнаго намѣстника отца Филарета, заботливыхъ схимонаха Досіѳея, отца Исаяю и суроваго хранителя костницы обители отца Мелитона. Осматривалъ онъ также хозяйство обители, поддерживаемое трудами неутомимыхъ насельниковъ. Были тамъ тогда и прекрасные виноградники съ цистернами для сбора дождевой воды, и парники, и мастерскіе...

«...Хорошо мнѣ всегда во всѣхъ русскихъ келліяхъ. Но все же долженъ при этомъ признать, что особенная радость и покой наполняютъ мою душу, когда я нахожусь въ келліи Воздвиженія Креста Господня, гдѣ живописная природа и чарующіе виды сливаются съ исключительно симпатичнымъ характеромъ и укладомъ жизни милѣйшихъ ея насельниковъ» — вотъ его благодарный отзывъ объ этой келліи<sup>532</sup>.

Отецъ Пантелеимонъ былъ активнымъ не только въ вопросѣ строительства своей келліи, но и приобрѣталъ внѣ Аѳона имущество, за что его многіе осуждали. Но извѣстный изслѣдователь Аѳона П. В. Троицкій считаетъ эту дѣятельность совершенно умѣстной: «Да, отецъ Пантелеимонъ много времени проводилъ въ Константинополѣ, создалъ тамъ въ 1900 году подворье своей келліи. Да, онъ приобрѣлъ въ 1903 году въ восьми верстахъ отъ Іерусалима Фаранскую обитель преподобнаго Харитона Исповѣдника, которую въ свое время не удалось приобрести даже самому архимандриту Антонину (Капустину). Онъ населилъ ее русскимъ братствомъ

<sup>531</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 119–120.

<sup>532</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М. 2002. С. 45.

изъ семи человекъ. Но критики и обвинители старца забываютъ добавить, что дѣлалось это при участіи русскаго консульства, съ благословенія Іерусалимскаго Патріарха Даміана. Такъ же, какъ забываютъ сообщить, что въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка многіе русскіе аѳонскіе монахи готовили себѣ обители вдали отъ Аѳона. <...> Кромѣ того, приобрѣтеніе этого участка земли было важнымъ дѣломъ для противодѣйствія католикамъ, активно дѣйствовавшимъ въ тотъ періодъ на Святой Землѣ. Іеромонахъ Пантелеимонъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. Но это не все.

Русскіе аѳонцы изъ этой келліи принимаются за возрожденіе монастыря святаго Пророка Іліи подѣ Бейрутомъ, близъ того мѣста, гдѣ вмч. Георгій побѣдилъ змія. Монастырь въ скоромъ времени населяется сорока русскими монахами. Планировалось расширить эту обитель. Такъ русское монашество двигалось на Востокъ. Крестовоздвиженская келлія имѣла подворья въ Іерусалимѣ, подѣ Бейрутомъ. Цѣлью организациі этихъ подворій была помощь русскимъ паломникамъ»<sup>533</sup>.

Дѣятельность отца Пантелеимона замѣчательна еще тѣмъ, что «онъ на своей родинѣ въ Харьковской губерніи при содѣйствіи своего близкаго знакомаго благочестиваго Василія Карповича Подгорнаго (въ схимѣ Стефана) и по благословенію ихъ старцевъ Хаджи Георгія и отца Парѳенія устроилъ весьма обширную женскую общину, въ которой въ разныхъ ея заведеніяхъ они пріютили до шестисотъ человекъ. Начавшіяся гоненія противъ сильно и широко разросшейся этой общины заставили отца Пантелеимона удалиться на Аѳонъ, а отца Стефана оговорили клеветники, онъ былъ обвиненъ въ сектантствѣ и заключенъ въ Суздальскій Ефимьевскій монастырь. Община была поручена вновь назначенной духовнымъ начальствомъ особой начальницѣ. Впослѣдствіи, когда открылась невиновность отца Стефана, ему предлагали освобожденіе, но онъ отказался и остался



<sup>533</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 118.



*Крестовоздвиженская келлія начала XX вѣка*

въ Суздальскомъ монастырѣ, предпочитая свободѣ неволю. А основанная имъ и отцомъ Пантелеимономъ община указомъ Святѣйшаго Синода была возведена на степень монастыря съ наименованіемъ „Богодуховскій Свято-Троицкій женскій общежительный монастырь“»<sup>534</sup>.

Отець Пантелеимонъ собиралъ свѣдѣнія о современныхъ ему подвижникахъ Святой Горы. На основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ въ 1883 году протоіереемъ Г. Дюковымъ въ Кіевѣ была издана книжка подъ названіемъ «О жизни и подвигахъ святоаѳонскихъ старцевъ». Прочитавъ эту книгу, мы начинаемъ понимать, какихъ подвижниковъ имѣлъ отецъ Пантелеимонъ примѣромъ и къ какому идеалу онъ стремился всю свою жизнь.

Преставился отецъ Пантелеимонъ 8 января 1914 года.

---

<sup>534</sup> АРПМА. Док. № 4061. С. 5–7.

## Іеросхимонахъ Аркадій (Панѣиловъ)

Іеросхимонахъ Аркадій (Панѣиловъ) былъ уроженцемъ Россійской земли. Когда онъ прибылъ на Аѳонъ и когда онъ представился ко Господу, мы не знаемъ. Достоверно можно сказать лишь то, что онъ числился въ концѣ XIX вѣка въ спискѣ карульскихъ отшельниковъ и считался настоятелемъ этой пустыни<sup>535</sup>. Но о немъ оставилъ воспоминанія одинъ паломникъ, посѣтившій въ то время Аѳонъ, по которымъ мы можемъ судить о высокой духовности отца Аркадія. «Онъ [паломникъ] совершалъ паломничество со старообрядцами, которые хотѣли открыть свои сомнѣнія опытнымъ въ духовной жизни скитскимъ монахамъ. Естественно, обратиться за рѣшеніемъ своихъ проблемъ они посчитали возможнымъ только къ аѳонскимъ монахамъ, которые, какъ можно было предположить хоть съ какой-то долей вѣроятности, были свободны отъ „никоновской порчи“. Они особенно стремились къ нѣкому старцу—подвижнику, жившему среди русскихъ иноковъ Карули, которому, какъ они слышали, Господь далъ особенную благодать.

При входѣ въ Карульскую пустынь старообрядцы сразу стали спрашивать братію, гдѣ бы имъ найти ихъ старца-настоятеля. А старецъ въ это время трудился на огородѣ, копая заступомъ землю подъ овощи. „Подождите немного, пока онъ выйдетъ“, — отвѣчали иноки. Нетерпѣливые паломники заглянули въ огородъ и увидѣли тамъ смиреннаго старца въ разодранной, заплатанной одеждѣ, трудившагося въ потѣ лица. Суемудрые пришельцы не хотѣли повѣрить, что этотъ старичокъ-нищій — тотъ самый великій и прозорливый старецъ, котораго они желали видѣть и бесѣдовать съ нимъ. Они снова стали спрашивать иноковъ, требуя, чтобы показали имъ старца: „Мы изъ Россіи нарочно пріѣхали и пришли сюда, чтобы видѣть его, у насъ есть до него важное дѣло“. — „Мы уже указали вамъ нашего старца, — сказали имъ иноки, — если не вѣрите, что это онъ, то потрудитесь спросить его самого“. Тѣ стали поджидать, когда старецъ закончитъ работу. Преподобный (такъ не безъ основанія называетъ его рассказчикъ) вышелъ, и иноки указали на него: „Вотъ тотъ, кто вамъ нуженъ“.

Но честолюбивые старообрядцы отвернулись отъ него въ сторону и сказали: „Мы издалека прибыли посмотреть на пророка, а вы намъ показываете какого-то оборванца! Но мы еще не дожили до такого безумія, чтобы принять этого старичка-нищаго за того

---

<sup>535</sup> АРПМА. Док. № 9. С. 16.



Современное состояние Карули

знаменитаго старца Карули (такъ называли паломники старца), о которомъ такъ много слышали“.

Старець, этотъ преподобный Сергій нашего времени, взглянулъ на нихъ съ удивленіемъ и проговорилъ: «Сказано: „...вѣ́ духовніи исправляйте такова́го дѹхомъ крѹтости: блюды́й себѣ, да не и ты́ искуше́нь бѹдеши“ (Гал. 6:1)». И, не дожидаясь себѣ поклона отъ пришельцевъ, труженикъ Божій самъ подошелъ къ нимъ и съ великимъ смиреніемъ поклонился до земли. Такъ-то смиренномудрый радуется своему безчестію и уничиженію столько же, сколько богатый и тщеславный приходитъ въ восторгъ отъ почестей и похвалъ людскихъ! Тогда старообрядцы, видя такое радушіе убогаго старичка, повѣдали ему печаль свою. Что имъ доселѣ не удастся повидать ихъ старца — настоятеля пустыни.

„Не скорбите, братья, — утѣшилъ ихъ преподобный отецъ, — Богъ такъ мило-

стивъ къ мѣсту сему. Никто отсюда не отходитъ печальнымъ. И вамъ Онъ скоро покажетъ, кого вы ищете“. Тутъ ударило било, и всѣ пошли въ храмъ на вечерню.

По афонскому обычаю ночью нашихъ путниковъ разбудили на полунощницу и утреню. На Карулѣ служба начинается очень рано — въ 12 часовъ. Послѣ Божественной Литургіи, которая закончилась лишь въ 11 часовъ дня, всѣ молившіеся въ храмѣ стали подходить къ старцу подь благословеніе. Смущенные старообрядцы ходили около монаховъ и богомольцевъ, окружившихъ старца, стараясь сквозь толпу разглядѣть настоятеля. Одинъ изъ нихъ, Ляпихинъ, опять спросилъ одного изъ сиромасовъ: „Кто же этотъ чернецъ, что благословляетъ выходящихъ изъ храма?“ Сиромасъ взглянулъ на него то ли съ удивленіемъ, то ли съ презрѣніемъ и сказалъ: „Развѣ вамъ не говорили, что это настоятель пустыни, тотъ, кого вы спрашивали вчера?“

Никакъ не соотвѣтствовалъ внѣшній видъ старца ожиданіямъ старообрядцевъ. Они слышали о его громкой славѣ и ожидали увидѣть человѣка, сразу поражающаго величіемъ и блескомъ. Вмѣсто этого передъ ними стоялъ человѣкъ въ простомъ

рубищѣ, малаго роста, худаго и болѣзненнаго вида. Его истощенное подвигами лицо, которое, по-видимому, такъ часто орошалось слезами, носило отпечатокъ обычной грусти. Его бѣдное одѣяніе болѣе походило на одежду нищаго, нежели на одежду іеросхимонаха и притомъ настоятеля болѣе или менѣе многолюдной пустынной обители. И тѣмъ не менѣе старецъ скоро заставилъ паломниковъ забыть обо всѣхъ ихъ первыхъ невыгодныхъ для него впечатлѣніяхъ, выполнивъ все, и даже болѣе того, что отъ него ожидали. Онъ отдалъ свою чистую душу всецѣло на служеніе Богу, и святость его кроткой смиренной жизни, какъ солнечный лучъ, пригрѣла всходы на засохшей почвѣ, которые посѣяны были въ сердцахъ раскольниковъ.

Когда старецъ сталъ выходить изъ храма, Ляпихинъ спросилъ его: „Вѣдь при такой вашей утомительной и суровой жизни можно скоро, пожалуй, умереть“.

„Мы, рабъ Божій, каждый день умираемъ, но живемъ для Господа“, — смиренно отвѣтилъ ему старецъ. Тогда старообрядецъ еще спросилъ его: „Какимъ же вы дѣломъ занимаетесь здѣсь, кромѣ молитвы?“ Старецъ отвѣтилъ ему: „У насъ идетъ непрестанная брань не съ плотью и кровью, но со страстьми и похотьми, съ духами злобы поднебесными“. Старообрядецъ, какъ бы исправляя свои первые вопросы, опять спросилъ: „Какое же вы употребляете противъ нихъ оружіе?“ — „Строгій постъ, непрестанную молитву въ сердцѣ и Слово Божіе на устахъ. Мы, — сказалъ старецъ, — какъ повелѣлъ апостоль, препоясали чресла наши истиною, облеклись въ броню правды (Ефес. 6:14), въ устахъ нашихъ мечъ духовный — еже есть глаголь Божій. Мы покрылись крѣпкимъ щитомъ вѣры, о который всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго притупляются, а крестомъ мы поражаемъ его на каждомъ шагу и во всякое время. Черезъ эту побѣду мы надѣемся получить отъ Христа Бога награду, ибо Духъ Святой сказалъ: „Побѣждающему дамъ стѣсти со мною на престолѣ моемъ, якоже и азъ побѣдихъ и стѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ егѣ“ (Апок. 3:21), на престолѣ славы — на небесахъ. А вашему пугливому воображенію, возлюбившему тьму, что же, стало быть, тяжекъ свѣтъ святыни? Жалко, что вы вышли отъ насъ, а нашими не были!“ Этимъ послѣднимъ краткимъ словомъ старецъ какъ бы овладѣлъ ихъ душой. Они поняли свое невѣжество и, слыша его прозорливые слова, стали болѣе откровенны. Ляпихинъ тогда прямо сказалъ: „Вотъ ужъ справедливо зовутъ насъ, невѣждъ, раскольниками, какъ будто я ослѣпъ и не вижу, съ кѣмъ говорю!“ Такъ горѣвалъ окутанный заблужденіями старообрядецъ, умоляя старца простить ему его лукавство и недовѣріе, и началъ раскрывать предъ нимъ свою раскольническую душу»<sup>536</sup>.

<sup>536</sup> Троицкій П. В. Аѳонскія встрѣчи. М., 2002. С. 46.

## Иеросхимонахъ Георгій (Стеблевъ)



Иеросхимонахъ Георгій<sup>537</sup> (въ міру Гурій Платоновичъ Стеблевъ) былъ уроженцемъ селенія Ленивки Зміевского уѣзда Харьковской губерніи.

Въ 1873 году въ возрастѣ 17 лѣтъ онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ число братіи Пантелеимонова монастыря, гдѣ былъ тогда знаменитый старецъ іеросхимонахъ Іеронимъ, который по молодости отправилъ его на Капсалъ, на келлію двѣнадцати апостоловъ подъ руководство къ одному опытному и доброму старцу.

Отецъ Георгій настолько сжился съ пустынной жизнью, что не пожелалъ уже возвращаться въ монастырь, а переселился на келлію св. Саввы Освященнаго, которая была недалеко отъ келліи двѣнадцати апостоловъ. Въ этой келліи онъ принялъ монашество и въ 1879 году былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а потомъ, когда переселился на Кераши,

на келлію святаго великомученика Георгія монастыря Великой Лавры, къ старцу Веніамину (Плетневу)<sup>538</sup>, былъ постриженъ въ великую схиму и 2 сентября 1884 года рукоположенъ въ іеромонаха. Послѣ смерти старца Веніамина онъ самъ сталъ старцемъ келліи.

<sup>537</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Александръ, архимандритъ*. Русская Аѳонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгія на Керашихъ. Каряя, 1912.

<sup>538</sup> Схимонахъ Веніаминъ (въ міру Василій Романовичъ Плетневъ) былъ мѣщаниномъ изъ города Харькова. Прибылъ на Аѳонъ въ 1857 году какъ паломникъ. Смертельно заболѣлъ и въ Ильинскомъ скитѣ былъ постриженъ въ схиму. Съ 1885 года жилъ на Керашихъ на келліи св. великомученика Георгія монастыря Великой Лавры, которую приобрѣлъ за 6000 рублей. Старецъ келліи. Преставился 25 ноября 1896 года. См. его біографію: *Александръ, архимандритъ*. Русская Аѳонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгія «на Керашихъ». Каряя, 1912.



*Георгіевская келлія на Керашяхъ. Фото начала XX вѣка*

По свидѣтельству современниковъ, отецъ Георгій былъ однимъ изъ видныхъ подвижниковъ Святой Аѳонской Горы. Въ своей келліи поддерживалъ строгій уставъ и самъ являлся примѣромъ истинно подвижнической жизни.

По характеристикѣ отца Владиміра (Колесникова), отецъ Георгій «былъ очень дѣловой человѣкъ и великолѣпно обустроилъ келлію и расписалъ художественной живописью новый храмъ, вызвавъ изъ Москвы художника И. М. Челяпова<sup>539</sup>. Много разъ приходилось пользоваться его радушнымъ пріемомъ при путешествіи на вершину Аѳона»<sup>540</sup>.

<sup>539</sup> Иванъ Максимовичъ Челяповъ уроженецъ Москвы. Поступилъ послушникомъ въ монастырь св. великомученика Пантелеимона въ 1872 году. Послушаніе проходилъ въ иконописной мастерской. Былъ посланъ въ Москву учиться на иконописца. Тамъ передумалъ быть монахомъ и женился. Церковь на келліи святаго Георгія на Керашяхъ въ 1910 году была расписана имъ, и это единственная на Аѳонѣ художественная роспись. Онъ же расписывалъ русскіе храмы въ Іерусалимѣ.

<sup>540</sup> АРПМА. Док. № 329. С. 122.

Возведение иконостаса нового храма ознаменовалось великим чудом св. великомученика Георгия. Когда из старого иконостаса вынули бывшую в нем икону великомученика Георгия, то отец Веніаминъ и отецъ Георгій рѣшили не помѣщать ее в новый иконостасъ, а поставить на задней части клироса въ кіотѣ. Но вотъ, когда новый иконостасъ былъ написанъ, по невѣдомымъ судьбамъ Божиимъ старцы монастыря Великая Лавра запретили ставить его. Всѣ попытки склонить Лавру снять запрещение были тщетны. Наконецъ отца Георгия озарила мысль: не есть ли это наказаніе святаго великомученика Георгия за то, что его икону вознамѣрились переставить въ другое мѣсто. Тогда оба инока, отецъ Веніаминъ и Георгій, дали слово святому Георгію оставить его икону на прежнемъ мѣстѣ въ иконостасѣ. Вскорѣ они вновь возбудили ходатайство, и тогда Лавра, какъ бы кѣмъ-то побуждаемая, безъ всякаго прекословія, съ любовью разрѣшила поставить иконостасъ. Хотя иконостасъ дѣлали по мѣркамъ подъ другую икону, но чуднымъ образомъ новая мѣра рамки оказалась точно соотвѣтствующей старой иконѣ.

Въ своей дѣятельности отецъ Георгій не ограничивался однимъ храмомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производились различныя постройки и ремонты. Въ 1895 году онъ построилъ на берегу моря на разстояніи полутора часовъ пути до обители пристань. А отъ нея до обители провель дорогу. Благодаря дорогѣ и пристани открылась возможность доставлять въ обитель моремъ необходимые предметы и продукты.

Главной заслугой отца Георгия было его безграничное гостепрѣимство: онъ принималъ всѣхъ паломниковъ, восходящихъ на вершину и проходящихъ черезъ его келлію. Онъ полностью отказался отъ «разумной» расчетливости и положился на милость Божию. «Молитвы бѣдныхъ, — писалъ онъ, — и странниковъ сильны предъ Богомъ. Эти молитвы, идущія изъ глубины души, проходятъ преграду, отдѣляющую земное отъ небснаго, и восходятъ на небо. Эти странники суть меньшіе братья Христовы, какъ и Самъ Спаситель говоритъ: „Страненъ быхъ и введосте Мя“. Принимающей сихъ странниковъ и помогающей своими средствами къ пріятію ихъ не лишается мзды своя»<sup>541</sup>. И, дѣйствительно, какъ бы ни тратился отецъ Георгій на гостей, а иногда онъ доходилъ до разоренія, однако очень скоро Богъ въ сто кратъ одаривалъ его новыми пожертвованіями.

Преставился отецъ Георгій въ маѣ 1915 года въ Солуни, куда ѣздилъ на лѣченіе.

---

<sup>541</sup> Александръ, архимандритъ. Русская Аѳонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгия на Керашяхъ. Каряя, 1912. С. 34.

## Схимонахъ Максимъ

Схимонахъ Максимъ<sup>542</sup> былъ уроженцемъ великой Россіи. Гдѣ онъ родился и какъ онъ жилъ до поступленія на Аѳонъ, намъ неизвѣстно. Въ концѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка онъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Андреевскій скитъ. Долгое время — почти 20 лѣтъ — исполнялъ послушаніе келейника у отца Θεодорита (Крестовикова), который постригъ его сначала въ мантию, а потомъ въ схиму съ именемъ Максимъ.

Находясь въ Андреевскомъ скиту, отецъ Максимъ постоянно думалъ куда нибудь уединиться въ пустыню. «Отецъ Θεодоритъ, — писалъ онъ, — привыкшій ко мнѣ и не слыша никогда жалобъ отъ братіи на меня, которымъ я всегда старался удовлетворять въ ихъ просьбахъ ко мнѣ, не хотѣлъ меня отпустить при жизни своей и даже иногда подшучивалъ надо мной за это, говоря: „Толкушка (это была постоянная его поговорка), чего тебѣ еще недостаетъ, живи да смиряйся, молись, сколько хочешь, никто тебѣ не мѣшаетъ, а то въ пустыню захотѣлъ, какой ты пустынный“. Я все-таки не малодушествовалъ, но положился въ умѣ на Бога, что если Ему угодно, то Онъ и устроитъ меня ими же вѣсть судьбами, а между тѣмъ въ лѣтнее время испрашивалъ у него благословенія пройти по Святой Горѣ и въ то время присматривался къ пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ бы удобнѣе поселиться, спрашивалъ пустытниковъ объ ихъ пустынной жизни, черезъ что мало-помалу ознакомился съ ней. Нѣкоторые изъ пустытниковъ нерѣдко обращались въ скитъ къ отцу Θεодориту со своими нуждами, тѣсно сопряженными съ жизнью отшельнической, и какъ при этомъ всегда нужно было посредничество мое, то я и старался всевозможно ихъ удовлетворять, прося при этомъ взаимно отъ нихъ святыхъ молитвъ. Въ одно время случилось въ Серафѣ [Андреевскомъ скиту] нѣкоторое замѣшательство, и вотъ въ то время я, видя, что наступило благопріятное время, испросилъ себѣ благословеніе для пріисканія мѣста безмолвнаго гдѣ нибудь въ тишинѣ пустыни аѳонской. При прежнихъ моихъ прохожденіяхъ черезъ нашъ (т. е. Кавсокаливскій) скитъ я совсѣмъ не чувствовалъ въ себѣ расположенія поселиться здѣсь, но когда уже окончательно началъ искать безмолвія и пришелъ сюда, то мнѣ необыкновенно понравилось здѣсь, и я почувствовалъ какое-то внутреннее влеченіе. Когда же узналъ, что продается одна маленькая каливка близъ пещеры преп. Акакія, къ тому же принадлежавшая одному изъ учениковъ его, то тогда я положилъ въ сердца моемъ пріобрѣсти ее.

<sup>542</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Денасій (Юшковъ), *схимонахъ*. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1903 годъ. М., 1903. С. 242.



*Кавсокаливскій скитъ сегодня*

Денегъ у меня было очень мало, и уплатить за нее далеко не хватало. Откуда ни возьмись, приходитъ одинъ старецъ, приносить мнѣ нѣсколько лиръ (золотыхъ) и говорить: „Тебѣ, Максимъ, нужны деньги, а у меня вотъ лежали въ запасѣ для когонибудь изъ очень нуждающихся, и вотъ, видно, тебя они дожидались, возьми ихъ пожалуйста“. Конечно, мнѣ уже было не до отказа, и я взялъ съ глубокой признательностью старцу за его великую милость. Вскорѣ послѣ этого я получилъ денежное письмо изъ Россіи, и вотъ такимъ образомъ мало-помалу я уплатилъ свой долгъ.

Когда я купилъ эту каливу, то тутъ не было верхней надстройки, а только одна нижняя часть. Спустя нѣкоторое время я написалъ своимъ родственникамъ о своей нуждѣ, прося ихъ помощи, и они, собравшись помаленьку, послали мнѣ довольную сумму, на которую я и построилъ вотъ это верхнее отдѣленіе, а послѣ того уже не писалъ къ роднымъ и не желаю, надѣясь, что Господь не оставитъ насъ съ голоду погибнуть. Вотъ уже десять лѣтъ живу здѣсь и никогда не видалъ особой нужды. Когда начнетъ, бывало, истощаться запасъ, то смотришь: ктонибудь изъ знакомыхъ, а болѣе изъ андреевскихъ, и пришлетъ чегонибудь. Да и всякій, кто хочетъ поселиться въ пустынь, даже не зная никакого рукодѣлія, пусть не заботится о томъ, что есть и пить и во что одѣться, — все будетъ, а иногда даже съ излишкомъ. Не думайте (т. е. не безпокойтесь): Богъ не оставитъ.

Дѣйствительно, хорошо жить въ пустынномъ безмолвіи, но только тому, кто имѣеть къ этому продолжительное влеченіе. А главное: непременно все должно происходить подъ руководствомъ опытнаго старца, а иначе я никому не совѣтовалъ бы. Здѣсь я не могу нарадоваться. Такая тишина. Ни муловъ, ни даже лодки своей скитъ не имѣеть по завѣщанію основателя. Бывало, прежде въ Великій постъ нигдѣ и дыму не увидишь. Это значитъ, что братья во весь постъ довольствовались сухояденіемъ, не употребляя ничего приготовленнаго на огнѣ. А нынѣ уже иногда виднѣться дымокъ и Великимъ постомъ, но все-таки жизнь вполнѣ безмолвная и спокойная отъ шума и попеченій.

Однажды въ годъ я куплю себѣ пшеницы на весь годъ, которую привозятъ сюда въ извѣстное время. Отдамъ смолоть на скитскую мельницу, отдамъ за это нѣсколько левковъ и потомъ сижу себѣ спокоень.

Когда бываетъ собраніе старцевъ-скитянь для рѣшенія какихъ либо дѣлъ, то я, не желая мѣшаться въ ихъ дѣла и къ тому же не зная греческаго языка, никогда не хожу на такія собранія. На еженедельныя бдѣнія, а иногда и на Литургіи прихожу на Кириаконъ. Когда возвращаюсь къ себѣ, то если кто нибудь приглашаетъ выпить чашку кофе, а иногда и потрапезовать, то всегда отказываюсь, не желая заводить знакомствъ, поэтому и ко мнѣ почти никто не приходитъ. На Литургію же я всего чаще прихожу къ отцу Гедеону, вотъ тутъ недалеко при пещерѣ преподобнаго Акакія. Слава Богу за все!»

Отецъ Максимъ жизненные припасы, а въ случаѣ надобности и деньги на покупку потребнаго получалъ изъ Андреевскаго скита, старцы котораго относились къ нему весьма благосклонно и милостиво. Впрочемъ, это милосердіе и не удивительно, если припомнить его 20-лѣтнюю тамъ жизнь и заслуженное расположеніе братства.

Отецъ Денасій такъ пишетъ о немъ: «Нѣкто говорилъ, что отецъ Максимъ не имѣеть подвиговъ высокой жизни, но проводитъ жизнь очень скромную и весьма ровную и, можно сказать, подвижническую, исполняя неопустительно то правило, которое дано святымъ Ангеломъ преподобному Пахомію Великому. Но болѣе близкое знакомство мое съ нимъ и отзывы скитянь доказываютъ его замѣчательную жизнь.

Въ небольшомъ его дворикѣ, похожемъ скорѣе на садикъ съ чистыми дорожками, есть нѣсколько корней винограда, одна порядочная тѣнистая смоква, которая даетъ такъ называемыя винныя ягоды, и нѣсколько смоквъ арабскихъ, или огромные кактусы. Эти толстыя широколиственныя растенія даютъ лѣтомъ вкусные и прохладительные плоды, изъ которыхъ готовятъ здѣсь квасъ. Есть и еще какія-то растенія и даже цвѣточныя и немного корней лимонныхъ деревьевъ. Можно съ наслажденіемъ прогуливаться тутъ между зеленью овощей и цвѣтовъ и подъ тѣнью смоквы и любоваться на широко раскинувшееся море съ далеко виднѣющимися островами, въ особенности въ тихую и ясную погоду».

Далѣе отецъ Денасій пишетъ: «Для того чтобы сказать кое-что объ отцѣ Максимѣ, заслуживающемъ особаго вниманія за свою живую вѣру въ Промысль Божій, безъ котораго едва ли кто рѣшится жить въ пустынѣ, не имѣя средствъ жизни и не зная никакого рукодѣлія,

я возвращусь къ прошлогоднему [1889 годъ] моему посѣщенію его и бесѣдѣ съ нимъ. Тогда я пришелъ къ нему съ однимъ послушникомъ Ильинскаго скита и монахомъ Андреевскаго скита. Когда пришли мы къ старцу и постучались въ запертую дверь, произнося по обычаю иноческому молитву „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“, старецъ изнутри также по обычаю отвѣтилъ: „Аминь“.

„Благословите, отецъ Максимъ!“ — продолжалъ знающій его андреевскій монахъ. Старецъ отворилъ дверь и съ любовью пригласилъ насъ войти, предложивъ снять съ себя дорожныя сумки и оставить ихъ въ маленькой прихожей, замѣняющей и кухню съ печкой для печенія хлѣбовъ, и складъ въ уголкѣ для дровъ изъ мелкаго кустарника. Тѣснота и чистота повсюду уже съ перваго взгляда замѣтны. Далѣе черезъ низенькую дверь мы вошли какъ бы въ пріемную, тоже тѣсную, которая служитъ для него и входящихъ и трапезной (столовой). По его малому росту можно въ ней стоять свободно, но человѣку даже средняго роста невозможно стоять не упершись головой въ потолокъ или не согнувшись. Также коротки стоявшіе по сторонамъ два дивана, замѣняющіе собой постель для отдохновенія. На нихъ, кажется, и самому старцу невозможно свободно протянуть ноги. Между ними у большаго окна стоитъ небольшой столъ, накрытый бѣлой вязанной изъ бумаги скатертью. На окнѣ стоятъ малые часы — будильникъ. Въ углу и по стѣнамъ святые иконы и священныя изображенія. Вотъ и вся тѣсная обстановка жилища старца Максима, которая привлекла къ себѣ особенное мое вниманіе своей тѣснотой и вмѣстѣ опрятностью.

Самъ онъ былъ почему-то въ синемъ холстяномъ фартукѣ. По обыкновенію русскаго гостепрѣимства старецъ предложилъ намъ поставить самоваръ, и хотя мы отказывались, не желая беспокоить его, но приняли угощеніе. Отецъ Максимъ захопоталъ около самовара, и въ скоромъ времени маленькій русскій мѣдный самоваръ стоялъ уже на столѣ. Мы достали своего чая и сахара. Старецъ насыпалъ чая въ маленькій чайникъ, налилъ туда кипятку и поставилъ на самоваръ настояться. Между тѣмъ онъ приготовилъ чашки, предварительно вымывъ ихъ, и пригласилъ насъ садиться поближе къ столу. Нарѣзалъ для желающихъ немного хлѣба своего печенія. По обыкновенію, здѣсь соблюдаемому, старецъ прочиталъ: „Пресвятая Троице, помилуй насъ. Господи, очисти грѣхи наша. Владыко, прости беззаконія наша. Святой, посѣти и исцѣли немощи наша, имене Твоего ради. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Господи, помилуй (трижды). Благослови“. И просилъ одного изъ насъ благословить питіе и ястіе, но мы попросили его самого какъ старшаго и хозяина благословить, отъ чего онъ и не отказался, разумѣется, благословивъ не по-іерейски, а по обыкновенію: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христа, Боже нашъ, помилуй насъ“, а мы уже заключили: „Аминь“.

Напившись чаю съ особеннымъ аппетитомъ, какъ это нерѣдко бываетъ при путешествіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдохнувъ, мы, поблагодаривъ старца за гостепрѣимство, хотѣли было пойти далѣе, но добродушный отецъ Максимъ замѣтилъ: „Вы еще не все мое жилище видѣли, пойдемъ наверхъ“. Узенькая лѣстница изъ прихожей привела насъ

въ узенькій коридоръ, налѣво показались три двери въ три маленькія комнатки, изъ коихъ двѣ не были затворены. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ нихъ необыкновенную чистоту на полахъ, стѣнахъ и повсюду, и вмѣстѣ простоту, т. е. безъ всякой пышности. Въ углу первой, служащей, вѣроятно, “молитвенной”, для выполненія суточныхъ послѣдованій, находилось нѣсколько иконъ въ фольговыхъ ризахъ и кіотахъ и священныхъ изображеній, предъ которыми тихо теплилась неугасаемая лампада. На полкахъ лежало нѣсколько книгъ. Столъ покрытъ чистой скатертью. Подобная же чистота только съ меньшимъ разнообразіемъ и въ смежной комнатѣ. Я даже и не осмѣлился войти внутрь ихъ, чтобы не запачкать пола и изъ какого-то благоговѣнія къ нимъ, какъ бы предъ дышащей оттуда благодатью. Коридоръ выходитъ на прекрасную небольшую террасу, выложенную камнемъ и окруженную небольшой и низкой стѣной. Отсюда великолѣпный видъ на скитъ и широкій непредѣльный архипелагъ съ нѣсколькими островами»<sup>543</sup>.

Объ искренней вѣрѣ отца Максима въ Бога и Его благомъ Промыслѣ говоритъ слѣдующая запись отца Денасія: «Великимъ постомъ бывъ на всенощномъ бдѣніи въ скитскомъ соборѣ однимъ изъ воскресныхъ дней и отстоявъ Божественную Литургію, онъ возвратился въ каливу потнымъ. Отъ утомленія не хотѣлъ тогда переѣмнить рубашку на сухую и такъ легъ отдохнуть. Проснувшись, онъ тогда же почувствовалъ себя дурно. Болѣзнь развивалась быстро, силы падали, аппетитъ потерялся. Потомъ случились провалы въ памяти, почему онъ лежалъ продолжительное время безъ всякаго употребленія пищи, поддерживая себя только чаемъ и водой. Наконецъ до того ослабѣлъ, что не могъ уже и двигаться. Объ этомъ было сообщено въ Андреевскій скитъ, гдѣ онъ полагалъ начало иноческихъ своихъ подвиговъ. Оттуда былъ присланъ человекъ съ запаснымъ муломъ, и вскорѣ послѣ Пасхи его увезли въ Серай и помѣстили въ братской больницѣ, гдѣ онъ скоро и выздоровѣлъ.

Свою болѣзнь отецъ Максимъ переносилъ очень терпѣливо, видя въ этомъ попущеніи Божіемъ особую милость Творца, очищающаго душу черезъ немощи тѣлесныя, и свое выздоровленіе приписывалъ не столько помощи врачебной, сколько милости Небеснаго Врача душъ и тѣлесъ. Къ терпѣнію и безропотному перенесенію страданій отецъ Максимъ призывалъ и всѣхъ тѣхъ, кого постигла какая нибудь болѣзнь, внушая, что болѣзнь тѣла есть особое посѣщеніе Бога, напоминающее иноку о болѣзняхъ души. А потому болѣзнь, по мысли отца Максима, есть время, когда больной долженъ внимательно провѣрить свою душу и покаяться въ своихъ грѣхахъ. Лучшее средство для исцѣленія, по мнѣнію отца, не лѣкарства, а молитва къ Врачу душъ и тѣлесъ»<sup>544</sup>.

Когда умеръ отецъ Максимъ, мы не знаемъ, но очевидно, что онъ предсталъ предъ своимъ Создателемъ съ чистой душой.

<sup>543</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аюнца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1902 годъ. М., 1902. С. 371.

<sup>544</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аюнца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1902 годъ. М., 1902. С. 282.

## Схимонахъ Кириллъ



Схимонахъ Кириллъ былъ уроженцемъ великой Россіи. Мы не знаемъ, гдѣ онъ родился и какую велъ жизнь до поступления на Аѳонъ. Мы знаемъ только, что онъ почти полвѣка жилъ въ отшельнической каливѣ у Кавсокаливскаго скита. Свѣдѣній о его жизни на Аѳонѣ тоже не сохранилось, если не считать краткихъ воспоминаній о немъ отца Денасія (Юшкова), которыя приведемъ здѣсь: «Когда я съ немалымъ трудомъ добрался до каливы отца Кирилла и постучался нѣсколько разъ въ запертую дверь ограды, то черезъ нѣсколько минутъ услышалъ кашель человѣка, который, подойдя несмѣло къ дверямъ, остановился. Замѣтивъ это въ небольшое отверстие, я сказалъ: „Благословите, отче!“ Услышавъ мой голосъ, отецъ Кириллъ подошелъ и, отворивъ двери, сказалъ: „Богъ благословитъ, пожалуйста“.

Маленькій дворъ скромной каливки не представлялъ собой ничего особеннаго, какъ и самая калива, въ нижнемъ этажѣ которой находятся двѣ тѣсныя комнатки, а въ верхнемъ одна просторная. Никакого особаго порядка, какъ, на примѣръ, у отца Максима, замѣтно не было, да и самъ отецъ Кириллъ — на видъ болѣзненный человѣкъ — былъ одѣтъ въ плохонькую шубу. Впрочемъ, я не соблазнился этой неопрятностью, такъ какъ зналъ его какъ монаха внимательнаго къ духовной жизни. На маленькомъ прилавочкѣ лежала раскрытая книга преподобнаго Симеона Новаго Богослова.

— Какъ поживаете? — первымъ долгомъ спросилъ меня отецъ Кириллъ.

— Да вотъ по вашимъ молитвамъ Господь еще долготерпитъ, а грѣхи все прибавляются, немощи же растутъ и растутъ.

— Хорошо, если только немощи, — замѣтилъ онъ, — а если мы страсти называемъ немощами, то это ужъ дѣло очень плохое.

Дѣйствительно, я стѣснялся сказать, что страсти мучатъ насъ, да и меня, грѣшнаго, какъ злобные тираны, но опытный отшельникъ хорошо зналъ современное самообольщеніе, по которому страсти считаются немощами, а немощи и недостатки, да чуть ли и не самыя страсти, чѣмъ-то естественнымъ для человѣка.

Добрый отецъ Кирилль, замѣтивъ, что я началъ кашлять, предложилъ мнѣ свои валенки (валяные сапоги) и даже теплую мѣховую шубу, только ветхую и тяжелую.

Изъ бесѣдъ съ нимъ, хотя и непродолжительныхъ, можно было понять, что его жизнь проходитъ въ самоотверженіи, хотя онъ и старался не высказываться по этому поводу. Онъ говорилъ иногда о трудности своей жизни, имѣя въ виду вообще непростую жизнь всѣхъ христіанъ, шествующихъ къ вѣчному блаженству истинно духовной стезей, но лишь только проскальзывалъ, бывало, въ его словахъ малѣйшій признакъ малодушія, какъ тутъ же, замѣтивъ это, онъ съ самоукореніемъ возставалъ противъ него и говорилъ: „Да, хотъ и высказался я такъ, но все-таки не ропщу на Промысль Божій. Воля Божія да будетъ. Иначе что и за жизнь наша, если мы окружены только удобствами, утѣшеніями и славой. Даже надо сказать, что если въ жизни нашей, въ киновіи ли, или въ пустынѣ, мы не имѣемъ скорбей, болѣзней и различныхъ непріятностей отъ собратій (въ общежитіи) и бѣсовъ (въ пустынѣ), то такой путь нашей жизни ложный, неправильный и не ведетъ онъ идущихъ по нему въ жизнь блаженной вѣчности. По этимъ признакамъ можно и должно познавать: куда мы идемъ и придемъ. Горе намъ, если отовсюду окружаютъ насъ удобства временной и скоропреходящей жизни этой и слава отъ людей, хотя бы и невольная, противъ нашего желанія. Если того всѣми силами доискиваемся, то ужъ не знаю, что и сказать о загробной участи такихъ несчастныхъ. Горе тѣмъ, кто услаждается славой отъ человѣковъ, наиболѣе же отъ мірскихъ, которымъ нравится только то, что противно заповѣдямъ Евангельскимъ. Надо, надо позаботиться о себѣ, пока въ нашихъ рукахъ эта жизнь. Надо изо всѣхъ силъ противиться влеченіямъ воюющихъ на безсмертный духъ, всегда стремящійся къ Тому, иже даде его“»<sup>545</sup>.

Чтобы хорошо представить высоту духа отца Кирилла, приведемъ отрывокъ его письма отъ 2 февраля 1909 года къ отцу Агаѳодору (Буданову): «Будемъ бесѣдовать о любви. Одно упоминаніе объ этой самой прекрасной изъ христіанскихъ добродѣтелей производитъ уже въ сердцѣ мирное и пріятное ощущеніе. Что же такое любовь? Любовь есть склонность и способность разумнаго существа заполнять

<sup>545</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1903 годъ. М., 1903. С. 156.

собой жизнь других подобныхъ существъ и жизнью другихъ восполнять свою собственную и въ этомъ расширеніи жизни находить свое удовлетвореніе или чувство счастья. Изъ этого понятія видно, что любовь есть основной законъ человѣческаго общежитія. Мы не можемъ быть счастливы только тѣмъ, что насъ любятъ, а счастливы болѣе тѣмъ, что мы сами любимъ. Сужденія наши другъ о другѣ строги; разность во мнѣніяхъ какъ нѣчто непоправимое признается рѣшительнымъ поводомъ къ раздѣленію; нещадное осужденіе недостатковъ стало причиной оставленія въ сердцахъ ближнихъ нашихъ горечи, а иногда и затаеннаго недоброжелательства. Вездѣ мы требуемъ цѣлесообразности, законности, права, справедливости, но нигдѣ не видимъ ни указаній, ни требованія взаимной любви другъ къ другу. Будьте единомышленны между собой, не мечтайте о себѣ, не воздавайте зломъ за зло, не пекитесь о добромъ для себя въ ущербъ другимъ. Учитесь любить, какъ дѣти учатся грамотѣ, нелѣпно заучивайте буквы и научитесь чтенію. Эти буквы — заповѣди любви: голоднаго накормите, нагаго одѣньте, больнаго посѣтите, несвѣдущаго научите»<sup>546</sup>.

Преставился отецъ Кириллъ 27 декабря 1909 года.

## Иеросхимонахъ Іоаннъ (Паталій)

Иеросхимонахъ Іоаннъ (Паталій) по-національности былъ грекомъ, уроженцемъ Херсонской губерніи, но по языку и воспитанію былъ русскимъ.

Отецъ Іоаннъ жилъ на Аѳонѣ съ 1857 года, былъ принятъ духовникомъ Іеронимомъ на Крумицу, а съ 1860 года жилъ въ монастырѣ и пѣлъ въ Покровскомъ соборѣ. Постриженъ былъ въ мантию съ именемъ Кассіанъ.

Отецъ Владиміръ (Колесниковъ) пишетъ о немъ такъ: «Съ первыхъ лѣтъ монашества упражнялся въ умно-сердечной молитвѣ подъ руководствомъ отца Іеронима, любилъ чтеніе святыхъ отцовъ и бесѣды съ аѳонскими подвижниками. Характера простаго, откровеннаго, думается, что онъ особый избранникъ Божій»<sup>547</sup>.

Въ смутное время 1874–1875 годовъ выѣхалъ въ Россію, но по совѣту и благословенію преподобнаго Амвросія Оптинскаго возвратился на Аѳонъ. Жилъ на разныхъ келліяхъ: Рождества Пресвятыя Богородицы, Спаса Нерукотворнаго Образа, а съ 1900 года на Успенской келліи Ставроникитскаго монастыря, гдѣ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Послѣ смерти старца келліи онъ былъ избранъ новымъ ея настоятелемъ.

---

<sup>546</sup> АРПМА. Док. № 1789. С. 1–2.

<sup>547</sup> АРПМА. Док. № 318. С. 102.

Съ 1910 года жилъ на Старомъ Руссицѣ, гдѣ былъ постриженъ въ схиму. Былъ очень уважаемъ среди братіи Пантелеимонова монастыря, многіе считали его своимъ духовнымъ руководителемъ. Вотъ выписка изъ дневника іеросхимонаха Владиміра (Колесникова): «Переписываю кое-что изъ видѣній іеросхимонаха Іоанна, есть дивныя, замѣчательныя.

У него при служеніи недостало одной части Агнца, и онъ сказалъ объ этомъ старцу-духовнику, а тотъ объяснилъ, что есть сокровенные рабы Божіи, которыхъ причащаютъ Ангелы, и вотъ, можетъ, такимъ образомъ и исчезаютъ Святыя Дары.

Во вторникъ, 13 сентября 1911 года, былъ онъ за Литургіей у преподобнаго Сергія, стоялъ въ коридорѣ и видитъ въ алтарѣ Спасителя, какъ бы священнодѣйствующаго, и только спустя нѣкоторое время сталъ видѣть служащаго игумена

Мисаила, но прежде онъ не зналъ, что онъ тутъ служить. И это случилось наканунѣ катастрофы (наводненія).

Отецъ Іаковъ слышалъ отъ іеромонаха Іоанна Паталія о его сновидѣніи (въ мартѣ 1913 года, за два мѣсяца до выдворенія съ Аѳона имябожниковъ): видитъ онъ на площади между монастыремъ и Преображенскимъ корпусомъ великое множество бѣсовъ. Потолкавшись тамъ, они устремились въ ворота, но вдругъ явился святой Пантелеимонъ и сталъ ихъ отгонять мечомъ, а потомъ изнутри монастыря явилась и Божія Матерь и прогнала всѣхъ бѣсовъ»<sup>548</sup>.

Въ іюнѣ 1913 года онъ хотъ и не раздѣлялъ ученія имябожниковъ, но былъ противникомъ насильственнаго выдворенія ихъ съ Аѳона, о чемъ заявилъ громко, за что и былъ удаленъ изъ обители. Послѣдніе годы своей жизни отецъ Іоаннъ провелъ на Крестовоздвиженской келліи.

Преставился отецъ Іоаннъ въ больницѣ Руссика 23 іюля 1917 года.



<sup>548</sup> АРПМА. Док. № 318. С. 119, 128, 146, 231, 322, 323, 325.

## Схимонахъ Іоаннъ (Смирновъ)

Схимонахъ Іоаннъ (въ міру Петръ Смирновъ) былъ уроженцемъ Владимірской губерніи. Прибыль на Аѳонъ въ 1880 году и поступилъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь. Но черезъ два года онъ сталъ послушникомъ одного русскаго старца, жившаго въ отшельнической келліи преподобнаго Макарія Египетскаго, которая находилась въ скиту святаго Василія Великаго монастыря Великой Лавры. Старець постригъ его въ мантию съ именемъ Іоаннъ, но вскорѣ умеръ, и отецъ Іоаннъ остался одинъ. Послѣ этого на протяженіи тридцати лѣтъ онъ жилъ здѣсь въ полномъ затворѣ. Все это время его занятіемъ была Іисусова молитва и рукодѣліе (дѣлалъ деревянные ложки), котормъ и обезпечивалъ себѣ пропитаніе. Иногда онъ, какъ и большинство русскихъ отшельниковъ, получалъ матеріальную помощь изъ Руссика<sup>549</sup>.

Отець Іоаннъ видѣлся съ людьми только разъ въ мѣсяць, когда приходилъ въ соборъ скита для принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Но и въ это время ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Иногда проходили мѣсяцы, пока онъ былъ вынужденъ выговорить хоть одно слово, и при этомъ понять его было невозможно, такъ какъ ослабѣвшія его голосовыя связки не выдавали звука — онъ не говорилъ, а хрипѣлъ. Только рѣдкіе гости, безпокоившіе его разъ или два въ годъ, заставляли его возстановить упругость голосовыхъ связокъ и поговорить о духовномъ.

Отець Денасій такъ описываетъ одну изъ своихъ встрѣчъ съ отцомъ Іоанномъ: «По приходѣ сюда [въ скитъ Василія Великаго] я сначала пошелъ къ знакомому уже мнѣ русскому отшельнику отцу Іоанну, жившему въ келліи преподобнаго Макарія Египетскаго. Сначала отецъ Іоаннъ по пріѣздѣ изъ Россіи вступилъ въ братство нашего монастыря, гдѣ и былъ на послушаніи въ иконномъ отдѣленіи. Черезъ нѣкоторое время его какъ человѣка кроткаго назначили въ Московскую часовню, но онъ отказался, боясь по немощамъ своимъ запутаться въ тенетахъ міра, отъ которыхъ недавно и не безъ труда только освободился. Испросивъ благословеніе у старца-духовника отца Іеронима, онъ отправился путешествовать по Святой Горѣ поискать другаго, болѣе удобнаго по давнему его стремленію къ безмолвію мѣста и нашелъ въ этомъ скиту и при этой келліи одного русскаго монаха, къ которому по благословенію отца Іеронима и поступилъ въ ученики.

Когда я постучался и позвонилъ проведеннымъ за дверь шнуркомъ въ колокольчикъ, который повѣшенъ былъ внутри келліи, вышелъ отецъ Іоаннъ и, отворивъ двери, съ ра-

---

<sup>549</sup> АРПМА. Док. № 9. С. 64.

достью принялъ меня и пригласилъ войти внутрь. При входѣ въ храмъ онъ пропѣлъ „Достойно Есть“, а я въ это время прикладывался къ святымъ иконамъ. Церковь очень маленькая, но при всей своей простотѣ и бѣдности очень опрятная и чистенькая.

Отецъ Іоаннъ, какъ замѣтно, имѣетъ особенную живую любовь къ Матери Божіей и мнѣ совѣтовалъ то же. „Всякій разъ, — говорилъ онъ, — какъ только начнутъ меня беспокоить по кознямъ дьявольскимъ какіе либо недуги душевные, я тотъ часъ же начинаю читать ей акаѳистъ, и брань проходитъ“<sup>550</sup>.

Преставился отецъ Іоаннъ въ іюлѣ 1917 года. Учениковъ у него не осталось, и келлія перешла къ монастырю. Учениковъ онъ не бралъ сознательно: во-первыхъ, не хотѣлъ нарушать обѣтъ молчанія, во-вторыхъ, считалъ себя недостойнымъ учить другихъ людей, а когда его упрекали въ томъ, что онъ не дѣлится своимъ духовнымъ опытомъ, то онъ отвѣчалъ: «Чѣму я могу учить, все, что имѣю, — это подарокъ Божіей Матери и снисхождение Божіе къ моей немощи, а самъ ничего не сдѣлалъ. Развѣ можно человѣка, нашедшаго сокровище, заставить писать книгу о томъ, какъ заработать это сокровище».

## Схигумень Алексій (Осколковъ)

Схигумень Алексій<sup>551</sup> (въ міру Александръ Захаровичъ Осколковъ) родился въ 1834 году въ дворянской семьѣ Санктъ-Петербургской губерніи. Окончивъ въ 1853 году курсъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ произведенъ въ офицеры артиллеріи и восемнадцати лѣтъ отъ роду началъ военную жизнь подъ Севастополемъ, участвуя въ только что разразившейся Крымской войнѣ, гдѣ проявилъ себя отважнымъ воиномъ. Затѣмъ по окончаніи ея онъ служилъ въ Главномъ Артиллерійскомъ управленіи и въ Мастерской Техническаго института. Оставивъ военную службу, Осколковъ поступаетъ членомъ Литовской повѣрочной комиссіи въ Кобринскій уѣздъ. Затѣмъ мы его видимъ уже въ качествѣ крупнаго желѣзнодорожнаго подрядчика.

Вслѣдствіе неизвѣстнаго душевнаго потрясенія онъ бросаетъ подряды, ликвидируетъ дѣла и, оставивъ все свое имѣніе и дома на руки управляющихъ, въ 1873 году уѣзжаетъ въ Америку. Проживъ въ Америкѣ нѣсколько лѣтъ и, кстати, объѣхавъ почти весь свѣтъ: побывавъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, Мексикѣ, Венесуэлѣ и т. п., Осколковъ узнаетъ о войнѣ съ Турціей, и въ 1877 году онъ уже на Балканахъ съ просьбой принять его въ дѣйствующую армію. Но Плевень уже былъ взятъ, война скоро закончилась,

<sup>550</sup> Денасій (Юшковъ), схимонахъ. Замѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1908 годъ. М., 1908. С. 119.

<sup>551</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: *Оеофанъ (Зиборовъ), игумень. Далекая обитель на краю Руси*. Владивостокъ, 2008. Фотографія взята тоже изъ этой книги.



и мы видимъ Осколкова на Аѳонѣ, гдѣ онъ занимался фотографированіемъ и живописью и гдѣ весьма близко подружился съ настоятелемъ Русскаго Пантелеимонова монастыря отцомъ Макаріемъ, а также настоятелемъ Іерусалимской миссіи отцомъ Антониномъ (Капустинымъ).

Здѣсь, на Аѳонѣ, Осколковъ нашель душевный покой, котораго онъ искалъ по всѣму свѣту и во всякаго рода своей дѣятельности. Нѣсколько лѣтъ Александръ Захаровичъ прожилъ послушникомъ въ Русикѣ, и 22 февраля 1889 года отецъ Макарій постригъ его въ рясофоръ съ именемъ Алексій.

Въ 1892 году отецъ Антонинъ приглашаетъ его расписать (отецъ Алексій былъ отличнымъ живописцемъ) храмъ святаго апостола Петра въ Яффѣ, въ саду святой Тавифы. Но вскорѣ затѣмъ онъ перешель въ Камчатскую епархію съ порученіемъ

устроить иноческую обитель. Дѣло въ томъ, что въ 1893 году Священный Синодъ, согласно рапортамъ Преосвященнаго Митрополита Санктъ-Петербургскаго Палладія, возбудилъ вопросъ объ учрежденіи въ Пріамурскомъ краѣ мужскаго монастыря. Первая мысль объ основаніи этого монастыря возникла у тамошняго генераль-губернатора Духовскаго, который при своемъ назначеніи на эту должность лично изложилъ свои соображенія о необходимости организаціи монастыря Императору Александру III. Императоръ согласился, а Духовской уже имѣлъ въ виду для исполненія задуманнаго отца Алексія (Осколкова), котораго лично зналъ со временъ своего путешествія въ Іерусалимъ.

И вотъ отецъ Алексій получилъ приглашеніе отъ Духовскаго. Архимандритъ Антонинъ (настоятель Іерусалимской миссіи) объявилъ отцу Алексію, что это воля Божія, и настойчиво убѣдилъ его ѣхать въ Санктъ-Петербургъ и подчиниться во всемъ митрополиту Палладію. Онъ хотѣлъ было отказаться отъ принятія священнаго сана, но потомъ предался волѣ Божіей и вскорѣ былъ посвященъ въ іеромонаха и отправился на Дальній Востокъ.

На Амуръ онъ былъ посланъ сначала для изысканія мѣста подъ предполагаемый монастырь и также для сбора средствъ для содержанія его въ будущемъ. Руководство по устроению обители поручено было мѣстному Преосвященному епископу Макарію.

Къ содѣйствию въ этомъ благомъ дѣлѣ приглашенъ былъ также самъ пріамурскій генераль-губернаторъ генераль-лейтенантъ С. М. Духовской. Іеромонахъ Алексій прибылъ въ Камчатскую епархію 27 сентября 1893 года, будучи зачисленъ до открытія монастыря въ штатъ Архіерейскаго дома.

Отецъ Алексій, взявшій на себя миссію устроенія монастыря въ Пріамурскомъ краѣ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Осколковыхъ изъ Великаго Новгорода, гдѣ еще въ 1375 году Осколковы были «именитыми людьми». Замѣчательно, что предки отца Алексія уже занимались дѣлами въ Сибири. Сначала они конкурировали со знаменитыми Строгановыми. Затѣмъ одного изъ предковъ Григорія Аѳанасьевича Осколкова мы встрѣчаемъ уже на Байкалѣ, гдѣ совмѣстно съ іеромонахомъ Макаріемъ въ 1681 году онъ учреждаетъ Посольскій монастырь.

Въ 1713 году Григорій Осколковъ прибылъ съ караваномъ въ Пекинъ и послалъ Богдыхану просьбу о дозволеніи прислать въ Пекинъ православныхъ священниковъ. Эта просьба была Богдыханомъ уважена.

Прибывъ въ предѣлы Камчатской епархіи, іеромонахъ Алексій дѣятельно взялся за исполненіе своей миссіи: онъ собиралъ добровольныя пожертвованія и подыскивалъ мѣсто для устройства монастыря, разспрашивая свѣдущихъ лицъ объ удобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для будущей обители мѣстахъ. Преосвященный Макарій и начальникъ края С. М. Духовской оказывали отцу Алексію всяческое содѣйствіе. Мѣстомъ для основанія обители отецъ Алексій выбралъ живописные берега озера Петропавловскаго, находящагося въ сорока верстахъ отъ города Хабаровска внизъ по Амуру. Озеро это глубоко и изобилуетъ множествомъ рыбы. Монастырь предполагалось построить на мысѣ, вдающемся въ озеро въ сѣверной его части.

На первый взглядъ выбранное отцомъ Алексіемъ мѣсто являлось самымъ удобнымъ и подходящимъ по всѣмъ условіямъ для существованія здѣсь монастыря. Участокъ земли, намѣченный подъ монастырь, имѣлъ видъ четырехугольника, площадь котораго равнялась приблизительно 30 000 десятинъ. Главнѣйшими отраслями монастырскаго хозяйства имѣлись въ виду на первыхъ порахъ рыболовство и скотоводство, а затѣмъ уже и хлѣбопашество.

Найдя мѣсто для монастыря, отецъ Алексій съ разрѣшенія Священнаго Синода (указъ 25 мая 1894 г. № 2295) оставляетъ Амуръ и ѣдетъ на шесть мѣсяцевъ въ Іерусалимъ и на Святую Аѳонскую Гору для приглашенія иноковъ, желающихъ поступить на служеніе въ будущій въ Пріамурскомъ краѣ мужской общежительный монастырь.

Братія аѳонскихъ монастырей отнеслась весьма сочувственно къ дѣлу устроенія новой обители на берегахъ Амура: нѣкоторыя изъ аѳонскихъ обителей (Русскій Пантелеимоновскій, Русскій Свято-Андреевскій скитъ, Хиландарская Лавра, скитъ святаго пророка Іліи и другіе) принесли отцу Алексію въ даръ для его монастыря частицы

Животворящаго Древа Креста Господня и мощей святыхъ Угодниковъ Божіихъ. Святѣйшій Синодъ указомъ отъ 12 августа 1894 г. за № 3537 разрѣшилъ отцу Алексію принять вышеупомянутый даръ съ тѣмъ, чтобы въ удостовѣреніе подлинности частицъ взяты были отъ обителей свидѣтельства. Но поѣхать съ отцомъ Алексіемъ на Амуръ изъ аѳонскихъ иноковъ желающихъ не нашлось. Почему отецъ Алексій обратился къ Высокопреосвященному Архіепископу Финляндскому Антонію и къ Валаамскому игумену съ просьбою назначить для Пріамурскаго монастыря иноковъ съ Валаама.

Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 28 октября 1 ноября 1894 г. постановилъ: «1) учредить въ предѣлахъ Камчатской епархіи близъ озера Петропавловскаго въ 40 верстахъ отъ города Хабаровска мужской монастырь съ такимъ числомъ братій, какое обитель въ состояніи будетъ содержать на свои средства; 2) настоятелемъ вновь учрежденнаго монастыря назначить состоящаго въ штатѣ Камчатскаго Архіерейскаго дома іеромонаха Алексія (Осколкова), съ возведеніемъ въ санъ игумена (№ 46 „Церков. Вѣд.“ за 1894 г.)».

Выѣхавъ вторично на Амуръ и разсмотрѣвъ болѣе внимательно и подробно намѣченное для обители мѣсто на берегу озера Петропавловскаго, отецъ Алексій убѣдился, что мѣсто это непригодно для монастыря, ибо затопляется водою, почему, обследовавъ Южно-Уссурійскій край, онъ въ 1895 году избралъ занимаемое въ настоящее время монастыремъ мѣсто, въ чемъ безспорно великая и неощѣнимая заслуга отца Алексія для Свято-Троицкой Николаевской обители.

На мѣсто устроенія монастыря отецъ Алексій прибылъ въ августѣ 1895 года, помѣстившись временно въ квартирѣ начальника бывшей тогда телеграфной станціи Тихменево. Телеграфъ въ то время (до проведенія желѣзной дороги) проходилъ частью по дѣвственной тайгѣ, частью по безлюднымъ, пустыннымъ мѣстамъ, и телеграфныя станціи состояли изъ одного-двухъ домиковъ.

Самой первой заботой отца Алексія было какъ можно скорѣе построить домъ для жилья.

Начальникъ края Духовской пожертвовалъ находившійся въ шести верстахъ на минеральныхъ источникахъ домъ, построенный изъ мелкаго дубоваго лѣса. Нанявъ работниковъ, отецъ Алексій перевезъ этотъ домъ на мѣсто будущаго монастыря и приспособилъ его подъ помѣщеніе въ немъ: домовою церкви, трапезной, кухни, келій — для себя и для будущей братіи.

Вскорѣ прибыли къ отцу Алексію назначенные съ Валаама въ помощь ему и сотрудничество іеромонахъ отецъ Сергій и іеродіаконъ отецъ Германъ. Первое братство обители за время настоятельства игумена Алексія состояло изъ упомянутыхъ лицъ. Какъ настоятель, отецъ Алексій, такъ и его помощники отправляли богослуженіе и своими руками исполняли всѣ работы, какъ-то: рубили и вывозили лѣсъ для монастырскихъ построекъ и на дрова; весною копали гряды въ огородѣ

и садили овощи, удѣляя отъ своей скудости нуждавшимся новоселамъ: семена, капустную разсаду и прочее; косили сѣно; приготавливали пищу не только себѣ и немногимъ рабочимъ, но и всѣмъ приходившимъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ богомольцамъ — крестьянамъ, приходская церковь которыхъ отстояла отъ нихъ на разстояніи восьмидесяти верстъ.

Первые насельники обители этимъ были поставлены въ страшно затруднительное и почти безвыходное положеніе: пищевыхъ запасовъ не хватало, даже печеный хлѣбъ по временамъ приходилось доставлять изъ Владивостока и Никольска, а отказывать въ довольствѣ пищею богомольцамъ было нельзя и по долгу иноческаго гостеприимства, и потому еще, что населеніе въ сосѣднихъ деревняхъ было крайне разорено наводненіемъ, случившимся лѣтомъ 1895 года.

Большое неудобство инокамъ-устроителямъ приходилось претерпѣвать зимой отъ холода въ помѣщеніяхъ, имѣвшихъ лишь желѣзныя печи. Тепло въ кельяхъ, въ церкви и въ трапезной держалось только тогда, когда топились печи. Въ ночное время приходилось по нѣсколько разъ вставать, чтобы подбросить дрова въ печку.

Монастырь нуждался во всемъ. Предметы первой необходимости, не исключая и хлѣба, нужно было покупать. Чтобы самимъ испечь хлѣбъ, слѣдовало обращаться на кухню начальника Тихменевской станціи. Паломничества съ отдаленныхъ мѣстъ не было, постоянно жившихъ въ числѣ братіи не имѣлось, пожертвованій не поступало. Собранные ранѣе отцомъ игуменомъ деньги подходили къ концу. Нужда все болѣе и болѣе увеличивалась. Источниковъ дохода никакихъ не было. Приходилось прибѣгать къ крайности: брали деньги заимобразно у торговыхъ фирмъ въ городѣ Владивостокѣ. Вслѣдствіе постройки Уссурийской желѣзной дороги цѣны на рабочія руки и припасы были очень высоки. Расходы предстояли большіе какъ по устройству монастыря, такъ и по приему богомольцевъ: работникамъ приходилось платить по 25–30 рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи. Причемъ рабочіе иногда состояли изъ людей, не отличавшихся хорошей нравственностью. Къ довершенію всѣхъ трудностей устроителей новой обители постигло совершенно непредвидѣнное несчастье: въ ночь подъ первый въ жизни обители храмовый праздникъ Святой Троицы 1896 года одинъ изъ работниковъ привелъ шайку злоумышленниковъ, состоявшихъ изъ бѣглыхъ сахалинскихъ каторжниковъ, которые совершили дерзкую святотатственную кражу, укравъ всю монастырскую казну. Вору, пользуясь утомленіемъ насельниковъ и богомольцевъ послѣ продолжительнаго всенощнаго бдѣнія, проникли черезъ окно въ храмъ, гдѣ въ поискахъ денегъ сломали даже замки у ковчежцевъ со святыми мощами, не коснувшись однако ихъ. Не трудно себѣ представить, насколько тяжело и горестно было встрѣчать свой первый монастырскій праздникъ первымъ насельникамъ обители. Богослуженія въ День Пятидесятницы не было.



*Стефановская келлія времянь отца Алексія. Сегодня полностью отреставрирована*

Матеріальное положеніе обители еще болѣе ухудшилось. Въ числѣ украденныхъ денегъ были похищены и взятые взаимобразно у торговаго дома «Я. И. Чуринъ и К<sup>о</sup>» 1000 рублей.

Къ великому утѣшенію, впослѣдствіи преступники были обнаружены и половина денегъ была найдена и возвращена.

Игуменъ Алексій сознавалъ, что взоры духовнаго и гражданскаго начальства, а также и общества были обращены на него. Всѣ ждали, что онъ долженъ создать благоустроенную обитель на дальней окраинѣ Русскаго государства. Русская пресса («Московскія Вѣдомости», «Церковный Вѣстникъ» за № 32, 1894 года и другія) смотрѣла на монастырь какъ на духовно-экономическій центръ, который долженъ былъ принять активное участіе въ дѣлѣ колонизаціи Сибири.

Стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отсутствіе средствъ и братіи не разъ заставляли преклоннаго уже лѣтами и немощнаго настоятеля отца Алексія серьезно задуматься надъ дѣломъ устройства обители.

Чувствуя всю трудность служенія избранному дѣлу и не надѣясь на свои старческія силы, отецъ Алексій рѣшился просить Священный Синодъ и мѣстнаго Преосвященнаго объ увольненіи его обратно на Аѳонъ. Священный Синодъ, снисходя на неоднократные

просьбы игумена Алексія, уволилъ его отъ должности настоятеля и строителя монастыря. 2 января 1897 года отецъ Алексій отбылъ на Аѳонъ.

Сначала онъ жилъ на келліи святителя Николая Чудотворца Діонисіатскаго монастыря около Карей, послѣ на Новой Оивайдѣ, на Стефановской келліи Руссика, въ самомъ Руссикѣ.

Отецъ Алексій все время своего отсутствія на Аѳонѣ не прерывалъ связь со старцами Руссика: въ 1899–1900 годахъ писалъ письма бібліотекарю Руссика Матѳею (Ольшанскому), въ 1904–1911 годахъ писалъ письма игуменамъ Руссика<sup>552</sup>, которые представляютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Свято-Троицкаго Никольскаго монастыря. Но мы обратимъ вниманіе дорогихъ читателей на одно покаянное письмо 85-лѣтняго старца, жившаго въ подвижничествѣ уже 30 лѣтъ, отъ 13 января 1909 года и обращенное къ игумену Мисаилу: «Да будетъ сіе мое письмо прочтено съ достодолжнымъ спокойствіемъ и съ подобающимъ вниманіемъ, несмотря на то что оно писано глубоко падшимъ, загрязненнымъ порочной, нечистой, грѣховной, многоятной жизнью [человѣкомъ]. Не укорами, не сѣтованіемъ, не жалобами, не совѣтами содержаніе его наполнено, но раскрытіемъ тѣхъ святыхъ, благодатныхъ истинъ, которыя могутъ послужить къ спасительному умиротворенію желающихъ водворенія мира, согласія и чистой, святой любви, ибо онѣ открываются все яснѣе и очевиднѣе самой благодатной любовью вселюбящаго Бога.

Да не покажется неумѣстнымъ, что именно я, зачерненный, дерзаю вступать въ обсужденіе святаго милостиваго промысленія Бога! Но! Именно для меня то, сіе таковое дерзновеніе мое и является, по милости Бога, вполне естественнымъ, нормальнымъ. Вѣдь я почти тридцать лѣтъ (до пострига. — *Сост.*) въ полномъ цвѣтѣ развитія тѣлесныхъ силъ прожилъ съ мертвой душой, мной самимъ убитой. Погружаясь все глубже и глубже въ омутъ мятущейся жизни внѣшняго міра, я быстро преуспѣвалъ въ ревностномъ исполненіи воли оболѣстителя діавола, а съ симъ какъ бы незамѣтно, но тоже быстро удалялся отъ Бога, святой Его Церкви и отъ всего добродѣтельнаго и святаго. Сатанинская злоба примчала меня уже на край гибели. Я потерялъ всякую надежду на спасеніе. И вотъ долготерпѣливый, оскорбленный многократно моей неблагодарностью къ оказанному мнѣ спасенію отъ гибелей, великій, безпредѣльно любящій человѣка Богъ снова, опять простираетъ руку помощи, вселяетъ въ меня надежду въ возможность избѣжать гибели и [помогаетъ] освободиться изъ цѣпкихъ объятій діавола. И, несмотря на мои безумныя невниманія къ Его содѣйствіямъ въ освобожденіи отъ конечныхъ бѣдъ, Онъ вновь открываетъ готовность принять меня подъ покровъ и защиту Свою. (О, Боже мой, какъ мнѣ больно и стыдно и горько вспоминать о моей омерзительной, скотской, ехидненной нечувствительности и неблагодарности. И во вѣки вѣковъ не оставитъ меня воспоминаніе о такомъ страшномъ оскорбленіи,

<sup>552</sup> АРПМА. Док. № 1462.

нанесенномъ Тебѣ — Благодарителю, Создателю моему, мной — низшемъ всякаго скота, падшимъ рабомъ Твоимъ.) Къ такому рѣшенію Создателя — Бога дѣятельной спорушницей явилась Преподобная, Пречистая Дѣва Богородица — покровительница, наставница, учительница погибающихъ, потерявшихъ здравый, ясно видящій умъ. Она приняла меня поистинѣ въ тихій, удаленный (еще и теперь) отъ суетъ и дрязгъ міра внѣшняго въ Ею оберегаемый пріютъ. Въ немъ и началась переплавка (Дан. 12:10) моя и, милостью Бога и Ея, и по сіе время работа пересозданія моего скотскаго состава въ человѣческое. Здѣсь постепенно, неустанно освящая, научая, просвѣщая меня для укорененія загубленныхъ мною же смиренія, терпѣнія, кротости, любви и прочихъ добродѣтелей, украшающихъ и веселящихъ души вѣдущихъ и любящихъ Бога христіанъ, происходятъ измѣненія во мнѣ для уничтоженія съ корнемъ сатаной привитыхъ губительныхъ, унижительныхъ, порочныхъ страстей: гордости, самомнѣнія и прочихъ. Все это приводитъ меня къ познанію глубокаго моего паденія и къ познанію потери Духа Божественной жизни. Но горечь такового познанія спасительна, она узкой тропой ведетъ къ познанію себя и къ жаждѣ любить Бога, быть вполне послушнымъ Его велѣніямъ, а отсюда и къ любви къ людямъ и искренняго желанія всѣмъ всѣхъ благъ и радостей въ Богѣ»<sup>553</sup>. Дай Богъ намъ всѣмъ подобнаго покаянія и сознанія.

Время смерти отца Алексія не установлено, по всей видимости, онъ умеръ на Стефановской келліи обители въ концѣ 1919 года во время эпидеміи гриппа — «испанки».

## Іеросхимонахъ Нифонтъ (Красновъ)

Іеросхимонахъ Нифонтъ (въ міру Павелъ Васильевичъ Красновъ) былъ уроженцемъ области Войска Донскаго (по другимъ даннымъ — Воронежской губерніи). Когда ему исполнилось десять лѣтъ, онъ поступилъ послушникомъ въ одинъ изъ російскихъ монастырей. Былъ келейникомъ у архимандрита. Послѣ шести лѣтъ монастырской жизни будущій афонскій монахъ сильно заболѣлъ, провелъ въ постели два года и былъ уже при смерти. Но далъ клятву посѣтить Іерусалимъ, помолиться у Гроба Господня, а затѣмъ идти на Аѳонъ. И свершилось чудо — юноша выздоровѣлъ, былъ постриженъ въ рясофоръ, а черезъ пять мѣсяцевъ умеръ его настоятель, и отцу Нифонту открылась по волѣ Божіей дорога на Аѳонъ.

30 октября 1872 года молодой инокъ поступилъ въ Ильинскій скитъ. Но по благословенію отца Іеронима онъ вскорѣ переселяется на Карулю въ послушники къ одному русскому старцу.

---

<sup>553</sup> АРПМА. Док. № 1344. С. 3–4.

Тотъ, кто когда нибудь видѣлъ Карулю, хоть на фотографіи, можетъ представить себѣ нелегкую жизнь тамошнихъ монаховъ. Земли нѣтъ, лѣтомъ некуда скрыться отъ палящаго солнца. Монахи живутъ практически какъ затворники, ибо каждый шагъ за предѣлы кельи требуетъ большихъ трудовъ. Отецъ Нифонтъ избираетъ себѣ строгаго старца-пустынника съ тайной мыслью остаться у него до самой смерти.

У отца Нифонта было рукодѣліе. Онъ занимался изготовленіемъ кипарисовыхъ крестовъ. Главной трудностью карульской жизни была необходимость частыхъ путешествій въ Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ въ то время можно было получить скудную для отшельника ѣду. Для того чтобы попасть въ русскій монастырь, нужно было пройти пѣшкомъ почти половину аѳонскаго полуострова по его нелегкимъ дорогамъ. «Но ничто его такъ не убивало, какъ хожденіе за провизіей въ Пантеле-



имоновъ и другіе монастыри, гдѣ онъ цѣлую торбу пшена и сухарей — болѣе двухъ пудовъ — взваливалъ на себя и несъ по крутымъ и скалистымъ горамъ, которыми усѣянъ весь Аѳонъ. Это его окончательно изнуряло, и онъ почти падалъ безъ чувствъ, особенно въ лѣтнее, знойное время.

Ко всѣму прочему строгій старецъ, бывало, начнетъ упрекать его, что, моль, провизіи принесъ на два рубля, а башмаковъ избилъ на три, совершенно забывая, какія дороги на Аѳонъ. Въ концѣ концовъ онъ приучилъ его ходить босымъ и въ лѣтній зной, и въ холодную зиму. Все это впослѣдствіи отозвалось на здоровьѣ почтеннаго іеромонаха Нифонта. <...> Но самыми тяжелыми для молодого послушника были муки совѣсти, что имъ не исполненъ обѣтъ посѣтить Іерусалимъ для поклоненія Святому Гробу. И духовникъ Іеронимъ, выслушавъ сомнѣнія инока, благословилъ его исполнить обѣтъ. Чтобы его выполнить, юноша нанялся писцомъ, работалъ три мѣсяца днемъ и ночью и заработалъ 800 піастровъ, т. е. 64 рубля.

Нифонтъ посѣтилъ Святой Градъ, обошелъ всѣ тамошнія обители, приложился ко всѣмъ святынямъ и возвратился на Аѳонъ. Но онъ уже не засталъ своего старца въ живыхъ. По благословенію духовника онъ поступилъ въ келлію святителя Николая



*Троицкая келлія (Древній скитъ) начала XX вѣка*

Чудотворца Иверскаго монастыря. Въ 1881 году его рукоположили сначала въ діаконы, а на другой день, 3 августа, — въ іеромонаха. Но старецъ келліи, схимонахъ Николай, провидѣвъ большія дарованія молодого іеромонаха, благословилъ его идти возстанавливать одинъ давно заброшенный скитъ Хиландарскаго монастыря. Отецъ же Нифонтъ хотѣлъ умереть въ келліи своего старца, но тотъ сказалъ ему, что <...> здѣсь онъ не сможетъ выполнить то, для чего предназначенъ, и напомнилъ ему притчу о талантахъ. И, какъ истинный послушникъ, отецъ Нифонтъ отправляется выполнять новое послушаніе.

И вотъ 30 іюля 1883 года съ благословенія старца и разрѣшенія монастыря онъ переселяется въ скитъ Святой Троицы. Жизнь въ этомъ скиту также была тяжела. Главная трудность была въ недостаткѣ воды, которую можно было брать только въ большемъ источникѣ, берущемъ начало внизу подъ горой, около скита. Кромѣ того, почва вокругъ скита была каменистая и неровная. Но Богъ не оставляетъ безъ помощи труженика, и скоро вокругъ него начинаетъ собираться братство. Возродить скитъ вмѣстѣ съ отцомъ Нифонтомъ приходитъ русскій монахъ Геннадій. Скоро въ братство вступаетъ и отецъ Аѳанасій, сорокъ три года прослужившій священникомъ въ Россіи и въ концѣ своего жизненнаго пути пришедшій на Аѳонъ. Настоятель сразу увидѣлъ въ старомъ священникѣ опытнаго духовника. И не ошибся. Этотъ подвижникъ

въ теченіе своего восьмилѣтняго пребыванія на Аѳонѣ ежедневно служилъ Божественную Литургію. Въ восемьдесятъ три своихъ года выполнялъ послушанія такъ же, какъ молодые. Къ нему, какъ къ духовнику, обращались всѣ пустынники, жившіе въ окрестностяхъ скита. Почилъ этотъ подвижникъ въ 1902 году.

Въ подобныхъ условіяхъ возродить скитъ можно было только надѣясь на Божию помощь, и она не замедлила прійти. Аѳонскій іеромонахъ Агафангелъ пожертвовалъ двѣ тысячи рублей, и въ теченіе восьми лѣтъ скитъ былъ приведенъ въ порядокъ. Кромѣ того, братія даетъ Богу обѣтъ соорудить на иждивеніи русскихъ благодѣтелей болѣе обширный храмъ во имя святителя Николая Чудотворца, въ память чудеснаго спасенія Государя Императора Николая Александровича отъ угрожавшей опасности въ городѣ Отсу въ Японіи. Благодаря этому намѣренію мы видимъ любовь русскаго аѳонскаго монашества къ своему Царю, ибо здѣсь, на Аѳонѣ, подобное строительство не можетъ преслѣдовать какія-то корыстныя цѣли. Здѣсь не получишь за это ни награды, ни какого либо высочайшаго вниманія»<sup>554</sup>.

Одновременно съ работами по благоустройству скита отецъ Нифонтъ съ полной отдачей заботился о духовныхъ потребностяхъ своихъ подопечныхъ, онъ учредилъ строгій общежительный уставъ, самъ лично подавая примѣръ его исполненія. Онъ былъ первымъ и на богослуженіи, и на послушаніяхъ. Братія келліи очень любила своего наставника и во всемъ старалась подражать его святой жизни.

Преставился отецъ Нифонтъ 1 іюня 1920 года.

## Іеросхимонахъ Серафимъ (Мосягинъ)

Іеросхимонахъ Серафимъ (въ міру Діонисій Дементьевичъ Мосягинъ) былъ уроженцемъ деревни Аксеновки Мровицкой волости Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ монашествѣ съ 1873 года. Жилъ въ одномъ изъ монастырей Россіи, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Серафимъ.

Въ 1881 году прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Троицкую келлію Ставроникитскаго монастыря, гдѣ въ 1883 году былъ постриженъ въ схиму съ тѣмъ же именемъ, а въ 1885 году былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Впослѣдствіи сталъ настоятелемъ этой келліи.

Отецъ Серафимъ написалъ книгу «Бесѣда старца Свято-Троицкой общежительной пустынной келліи на Святой Горѣ Аѳонской, іеросхимонаха Серафима Мосягина о мытарствахъ», въ которой со своимъ духовнымъ сыномъ подробно дѣлится своими

<sup>554</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. М., 2002. С. 41–42.

мыслями о цѣли подвижничества и сути покаянія. Вотъ что онъ пишетъ въ ней: «Желаю съ тобой бесѣдовать о неизбѣжномъ и неминуемомъ пути: о переселеніи въ вѣчныя мѣста, гдѣ нѣтъ уже конца и смерти; отъ перехода изъ этой жизни въ будущую вѣчную загробную участь (или жизнь). <...> Христіанину даны два пути и каждому пути свои врата: райскія и адскія. Райскія врата, куда входятъ праведныя души къ Господу и Онъ, принимая ихъ, успокаиваетъ въ селеніяхъ съ праведными въ радости неопикуемой и неизобразимой. Адскія врата, куда входятъ грѣшныя нераскаянныя души, гдѣ установлены діаволу и ангеламъ его и творящимъ волю его [вѣчныя мученія]».

Главной основой прохожденія человѣка черезъ узкія врата рая отецъ Серафимъ видитъ въ наличіи у него христіанской любви, и, соотвѣтственно, причиной его наказанія онъ считаетъ отсутствіе любви: «Итакъ, душа не оправдывается, ибо была немилостива, немилосердна и жестокосердна. Враги удерживаютъ ее на время, затворяютъ въ темницу, откуда не видитъ она Бога; мучатъ ее, насколько попуститъ имъ сила Божія, пока душа церковными молитвами и милостыней родныхъ, ближнихъ и знакомыхъ будетъ искуплена, тогда прощаются грѣхи ей. Если же душа настолько грѣшна и мерзка предъ Богомъ, что надежды на спасеніе ея нѣтъ, то лукавые духи ждуть послѣдняго изреченія Господня надъ нечестивыми. Осужденные стоятъ по лѣвую сторону, и Онъ скажетъ имъ: „...идіте отъ менѣ, проклѣтіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его“ (Мф. 25:41). Тогда лукавые духи тотчасъ низводятъ душу въ бездну, и тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ въ огнѣ горящемъ, котораго и самъ сатана трепещетъ. О братъ! Остановись, взойди въ самого себя, собери всѣ свои дѣла; будутъ ли они избавлены отъ адскаго мрака? Такъ человѣкъ живетъ на землѣ, грѣшитъ, идетъ противъ заповѣдей Божьихъ, не боится Бога, не страшится адскаго мрака». Только покаяніе, искреннее оплакиваніе своей немощи и ничтожества можетъ вернуть человѣка на путь Божій: «И если, братъ, безъ покаянія умрешь, какъ пойдешь къ Богу на отвѣтъ? Какъ пойдешь къ Богу, если не исправлялся покаяніемъ, а если же и каялся, снова ты впадалъ въ грѣхи». Поэтому если покаянію не сопутствуетъ дѣла любви, то черствое сердце не сможетъ освободиться отъ привычки грѣха. Только каясь и одновременно стремясь усовершенствоваться въ любви, можетъ избѣгнуть человѣкъ новаго паденія.

Въ заключеніи отецъ Серафимъ совѣтуетъ всѣмъ желающимъ избѣгнуть ада мученія, стараясь жить по заповѣди Христа: «*да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы: болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*» (Ин. 15:12–13).

Старецъ Серафимъ былъ живымъ воплощеніемъ заповѣди любви Господа. Вся его жизнь была посвящена любви, поэтому онъ навѣрняка блаженствуетъ, лицезрѣя Бога любви. Мы не знаемъ, когда точно онъ оставилъ этотъ земной міръ. Въ спискахъ 1919 года онъ еще числился старцемъ келліи, затѣмъ его уже тамъ нѣтъ. Но развѣ существенно, сколько длилась его земная жизнь, важно, что онъ, творя дѣла любви непрестанно, обзпечилъ себѣ вѣчную жизнь съ Богомъ.

## Іеросхимонахъ Петръ (Крутьковъ)

Іеросхимонахъ Петръ (въ міру Георгій Кондратьевичъ Крутьковъ) былъ уроженцемъ села Романовка Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Отець его Кондрать былъ очень набожнымъ человекомъ и сыновей своихъ, Георгія и Николая, воспитывалъ въ любви къ Богу и людямъ. Въ 1878 году умерла его жена, и онъ рѣшилъ оставить міръ и посвятить свою жизнь Богу. Когда онъ открылъ свое намѣреніе сыновьямъ, которымъ въ то время было 20 (Георгію) и 18 (Николаю) лѣтъ, къ его огромному удивленію оба заявили, что тоже желаютъ быть монахами. Кондрать условился съ сыновьями, что поѣдетъ на Аѳонъ и, устроившись тамъ, пригласитъ и ихъ къ себѣ.

Въ 1882 году Кондрать пріѣхалъ на Аѳонъ и, присматривая для себя мѣсто будущаго проживанія, познакомился съ пріѣхавшимъ съ аналогичной цѣлью на Аѳонъ іеромонахомъ Неофитомъ (Базовымъ)<sup>555</sup>. Вмѣстѣ съ нимъ онъ пріобрѣлъ за 4000 рублей келлію святителя Николая (такъ называемую Бѣлозерку), которая принадлежала Хиландарскому монастырю. Старцемъ келліи сталъ отецъ Неофитъ, а Кондрать, котораго постригли въ схиму съ именемъ Антоній, согласно омологія, сталъ намѣстникомъ келліи.

Отець вскорѣ пригласилъ своихъ сыновей, и въ 1884 году Георгій и Николай пріѣхали на Аѳонъ, чтобы остаться здѣсь навсегда. Вскорѣ они были пострижены въ мантию: Георгій съ именемъ Пантелеимонъ, а Николай съ именемъ Нектарій.

Въ 1890 году отецъ Неофитъ купилъ новую келлію святыхъ Космы и Даміана у Есфигменскаго монастыря и переѣхалъ туда, поэтому наставникомъ келліи Бѣлозерка сталъ отецъ Антоній, который умеръ между 1882 и 1889 годами. Послѣ его смерти келлію возглавилъ отецъ Пантелеимонъ. Въ 1900 году онъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Петръ и рукоположенъ въ іеромонаха. Съ этой поры начинается долгій и труднѣйшій путь духовнаго восхожденія отца Петра, оцѣнкой конечнаго состоянія

---

<sup>555</sup> Іеросхимонахъ Неофитъ (въ міру Назарій Ѳеодоровичъ Базовъ) — уроженецъ села Колушкино Степановской волости Каменскаго округа Донской области. Прибылъ на Аѳонъ въ 1879 году. Пустынникъ, жилъ на келліи святителя Николая (Бѣлозерка), Хиландарскаго монастыря, которую вмѣстѣ съ іеросхимонахомъ Антоніемъ (Крутьковымъ) пріобрѣлъ въ 1882 году за 4000 рублей. Былъ старцемъ келліи. Въ 1890 году отецъ Неофитъ купилъ новую келлію святыхъ Космы и Даміана у Есфигменскаго монастыря за 800 лиръ, а затѣмъ за 3000 турецкихъ лиръ получилъ отъ монастыря право на устройство изъ келліи скита. Но вмѣшались Протатъ и Вселенская Патріархія, ему не позволили сдѣлать новый русскій скитъ, а монастырь расторгнулъ договоръ съ отцомъ Неофитомъ. По требованію Протата Хиландарскій монастырь изгналъ отца Неофита изъ келліи Бѣлозерка, и онъ жилъ свыше двадцати лѣтъ на келліи Трехъ Святителей.



котораго были слова чрезвычайно скупаго на всякія оцѣнки отца Флегонта (Лебедева), который сказалъ о немъ такъ: «Великій старецъ».

Келлія требовала много средствъ для реставраціи и расширенія, и «отцу Петру пришлось обращаться за помощію въ Россію и писать множество просительныхъ писемъ, [и, несмотря на множество трудностей] обитель онъ все-таки воздвигъ. Келлія имѣла два храма: верхній въ честь святителя Николая и нижній во имя Покрова Божіей Матери. Но обитель все время увеличивалась, и передъ самой войной настоятель имѣлъ намѣреніе заложить новый соборный храмъ въ память восшествія на престолъ родоначальника Дома Романовыхъ царя Михаила [но начавшаяся Первая міровая война помѣшала осуществленію этого плана]. Сегодня Бѣлозерка — самая извѣстная

келлія на Аѳонѣ. Собственно, это даже не келлія, а маленькій монастырекъ, въ которомъ, несмотря на недавнюю греческую реставрацію, отчетливо прослеживается русскій стиль. Келлія эта славится своими иконописцами. Да и раньше славилась, о чемъ свидѣлствуютъ старыя русскія иконы, среди которыхъ выдѣляется икона Божіей Матери — Игуменьи Аѳонской Горы. Описаніе келліи сообщаетъ, что въ ней была частица Честнаго Креста и разныя частицы мощей святыхъ. Когда тамъ подвизался отецъ Петръ, въ этой келліи было братство изъ 50 человекъ»<sup>556</sup>.

О внутреннемъ устройствѣ и о порядкахъ, установленныхъ отцомъ Петромъ въ обители, можно хорошо судить по нижеслѣдующимъ дневниковымъ записямъ іеродіакона Іоаннікія (Погребеннова)<sup>557</sup>: «8 августа (1907 года) къ намъ на Аѳонъ изъ Россіи

<sup>556</sup> Троицкій П. В. Свято-Андреевскій скитъ и русскія келліи на Аѳонѣ. 2002. С. 44–45.

<sup>557</sup> Іеродіаконъ Іоаннікій (въ міру Иванъ Семеновичъ Погребенновъ, онъ же Тарасовъ) уроженецъ села Романовка Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Родился въ 1888 году. Прибылъ на Аѳонъ въ 1906 году. Жилъ на келліи святителя Николая (Бѣлозерка) Хиландарскаго монастыря. Въ августѣ 1909 года уѣхалъ въ Россію для исполненія воинской повинности. Въ февралѣ 1911 года вернулся на Аѳонъ, жилъ въ той же келліи, послушаніе проходилъ въ канцеляріи. 22 марта 1912 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Іона, а 4 апрѣля 1913 года — въ мантию съ именемъ Іоаннікій. Рукоположенъ въ іеродіакона 18 апрѣля 1913 года. Въ августѣ 1914 года былъ призванъ на войну, при явкѣ на мѣсто призыва въ Россіи



*Келлія Бѣлозерка. Начало XX вѣка*

пріѣхалъ нашъ настоятель іеросхимонахъ Петръ, котораго вся братія встрѣтила съ великой радостью. Еще наканунѣ пріѣзда настоятеля всѣ готовились къ его встрѣчѣ: церковъ убрали такъ, какъ ко дню Святой Пасхи; отъ церкви и до самой порты дорогу выстлали лавровыми вѣтвями; а при появленіи настоятеля у порты звонили во всѣ колокола и стрѣляли изъ ружья; а по приходѣ настоятеля въ церковъ отслужили Господу благодарственный молебенъ за благополучное путешествіе настоятеля. По окончаніи благодарственного молебна всѣ приняли отъ настоятеля благословеніе и поздравили его съ пріѣздомъ»<sup>558</sup>.

О старцѣ можно судить по его ученикамъ, какъ о деревѣ по его плодамъ, поэтому приведемъ отрывокъ изъ письма отца Ипатія (Фредерикса), въ 1944 году посѣтившаго келлію Бѣлозерка и исповѣдовавшагося у любимаго ученика отца Петра іеромонаха

---

какъ священнослужитель былъ освобожденъ отъ военной службы, но изъ-за войны не смогъ возвратиться на Аѳонъ. Жилъ по разнымъ російскимъ монастырямъ, на Бѣлозерскомъ подворьѣ въ Одессѣ. Только 23 марта 1918 года смогъ вмѣстѣ съ бѣженцами выѣхать изъ Одессы на пароходъ и 17 апрѣля того же года добраться до Аѳона. Жилъ вновь на Бѣлозеркѣ. Преставился въ 1960 году. Въ архивѣ Руссика хранится его дневникъ (см. АРПМА. Док. № 482).

<sup>558</sup> АРПМА. Док. № 482. С. 48.

Даміана: «Спрашиваю, могу ли я увидѣть іеромонаха Даміана. Вышедшій изъ дверей вторымъ старецъ смиренно посмотрѣлъ на меня, поклонился въ поясъ и, почти дотрагиваясь до пола, проговорилъ:

— Я грѣшный Даміанъ... Что, молитву прочитать тебѣ надо?

— Да, батюшка, — отвѣчаю я. — И исповѣдаться хотѣлось бы мнѣ.

— Что жъ, хорошо, хорошо, — поспѣшно заговорилъ старецъ, опять кланяясь. — Пойдемъ съ Божьего благословенія ко мнѣ въ келейку.

Второй старецъ за это время куда-то исчезъ. Открывъ одну изъ боковыхъ дверей, отецъ Даміанъ вывелъ меня въ недлинный свѣтлый коридоръ и, пріоткрывъ единственную дверь налѣво, въ глубинѣ его суетливо и благоговѣнно проговорилъ:

— Пожалуйста, пожалуйста, входите, вотъ обиталище мое.

Келья его въ два окна невелика и убога. Въ двухъ углахъ около оконъ аналои и множество иконъ, среди которыхъ немало старинныхъ. Между окнами убогій обѣденный столикъ, а у одной изъ боковыхъ стѣнъ совсѣмъ бѣдная иноческа кровать, а чѣмъ она покрыта — одинъ Богъ знаетъ. Все съ той же богобоязненной суетой подвигаетъ мнѣ старецъ Даміанъ старенькій стулъ:

— Твое святое имя?

— Дмитрій, — отвѣчаю я.

— Садись, садись, братъ Дмитрій, — смиренно говоритъ старецъ.

Это былъ когда-то худощавый инокъ, темный шатень и, видно, хорошаго роста. Теперь борода его съ сильной просѣдью, лицо худощавое, большое, впалые глаза, пронзительный взглядъ, и все же никакъ нельзя дать ему его семидесяти лѣтъ.

— Ну, помолимся теперь, братъ Дмитрій! — снова говоритъ мнѣ инокъ, кладя на аналое крестъ и Евангеліе и надѣвая епитрахиль. Долго слушаю я не всегда знакомыя слова молитвы... Наконецъ, отецъ Даміанъ на секунду отрывается и передаетъ мнѣ печатный листъ съ надписью: „Короткая исповѣдь передъ духовникомъ“. Покрываетъ мою голову епитрахилью и опять долго и проникновенно молится, ясно выговаривая каждое слово. Потомъ пристально смотритъ мнѣ въ глаза и говоритъ, указывая на листъ:

— Читай это громко, братъ Дмитрій!

Я читаю... Опять пристальный взглядъ мнѣ въ глаза, и правой рукой престарѣлый инокъ сжимаетъ мой лобъ:

— Ну а особые грѣхи какіе у тебя есть, братъ Дмитрій?

Я отвѣчаю:

— Много лѣтъ на исповѣди не пришлось мнѣ бывать. — Глаза стараго исповѣдника широко раскрываются, рука, сжимавшая мой лобъ, поднимается къ его лбу, и онъ медленно и проникновенно крестится:

— Что ты, братъ Дмитрій? И какъ же это такъ? И почему же?

Я стараюсь объяснить свои переживанія, и здѣсь долженъ невольно коснуться своего втораго еще большаго грѣха. Опять рука отца Даміана, коснувшаяся снова моего лба, поднимается, творя крестное знаменіе.

— Великъ твой грѣхъ, братъ Дмитрій, — говоритъ старецъ, — но не отчаивайся, всѣ мы люди, всѣ мы грѣшны, одинъ Богъ безгрѣшенъ; а вотъ святой (и онъ назвалъ имя) тоже былъ тѣмъ же грѣшнымъ, а творящій милостыню Богъ не только простилъ его, но причислилъ его къ сподвижникамъ Своимъ... Вѣруй, братъ Дмитрій, въ Него, и Онъ все тебѣ проститъ... Самое важное, что ты открылъ Ему душу свою.

И снова накрывъ глубже голову мою епитрахилью, прочиталъ разрѣшительную молитву.

— Батюшка! — говорю я послѣ исповѣди, чувствуя себя совершенно обновленнымъ. — Все же одно сомнѣніе тревожитъ душу мою: тяжкіе грѣхи разрѣшили вы мнѣ сейчасъ, властью вамъ Богомъ данной. Но развѣ Богу угодно будетъ, если я снова буду грѣхи повторять? Что нужно дѣлать, чтобы старый грѣхъ не возвратился бы?

Глаза стараго исповѣдника смотрятъ на меня ласково и съ такой безстрастной любовью, что я невольно смущаюсь.

— Братъ Дмитрій, — тихимъ голосомъ, но, видимо, совершенно убѣжденный въ правотѣ своихъ словъ, говоритъ старецъ, — завтра ты причастишься, и ты самъ тогда увидишь, какая сила родится въ тебѣ для сокрушенія соблазна, до сего часа тебя буруевающаго!

Не только не могу не вѣрить этимъ впервые за долгую жизнь услышаннымъ откровеннымъ словамъ, но тутъ же во мнѣ появляется чувство глубочайшей увѣренности, что иначе и быть не можетъ... И эта сила зародилась... Да! Несомнѣнно!.. И всѣ мои интересы старые, мірскіе, мысли похотливыя, дѣянія недостойныя замѣняются здѣсь, на благодатной почвѣ Святой Аѳонской Горы, интересами новыми, духовными, мыслями здоровыми, дѣянїями, полезными душе и тѣлу»<sup>559</sup>.

Отецъ Петръ былъ частымъ гостемъ Руссика и имѣлъ дружескія и духовныя отношенія со старцами Пантелеимонова монастыря<sup>560</sup>. Многіе аѳонскіе подвижники спрашивали у знаменитаго старца совѣтовъ о духовной жизни и о спасеніи.

Преставился отецъ Петръ 16 мая 1925 года въ окруженіи скорбящихъ о потерѣ, но безконечно благодарныхъ ему своихъ чадъ.

---

<sup>559</sup> АРПМА. Док. № 465. С. 85.

<sup>560</sup> АРПМА. Док. № 3890.

## Схимонахъ Илія (Аминскій)



Схимонахъ Илія былъ уроженцемъ Каменецъ-Подольской губерніи. Этотъ образованнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, бывшій завѣдующій на заводахъ Терещенко, заработавшій себѣ большое состояніе и достигшій уваженія и славы въ обществѣ, вдругъ рѣшилъ бросить все и стать монахомъ. Чтобы дорогой читатель смогъ хорошо представить себѣ, отъ чего отказался Ілья Аминскій, приведемъ краткую опись хозяйства Терещенко за 1897 годъ, которымъ онъ единолично завѣдовалъ: «На пшеничныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ и заводахъ Терещенко рабочій скотъ состоитъ изъ 1500 воловъ, 600 лошадей; мертвый инвентаръ превосходитъ 2000 машинъ и орудій. Ежегодно продается пшеницы на 500 000 рублей [въ пересчетъ на современныя деньги это около 5 миллиардовъ долларовъ]. Свекловица идетъ на свой сахарный заводъ»<sup>561</sup>.

Нѣкоторые могутъ подумать, что, отказавшись отъ всего этого, онъ сошелъ съ ума, но послѣдующая его жизнь абсолютно точно доказываетъ, что онъ былъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Объясненіе его поступку одно — милость Божья повернула его въ сторону благодати и побудила его искать свое новое рожденіе свыше.

Ілья прибылъ на Аѳонъ въ 1904 году и въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ послѣ исповѣди у отца Агаѳодора (Буданова) попросилъ благословенія жить не въ монастырѣ, а въ лѣсу, принадлежащемъ обители. И хотя нѣкоторые руководители экономической части обители уже имѣли свои планы насчетъ него, видя въ его глазахъ полную

<sup>561</sup> Вся Россія. Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Т. 2. М., 1897.

рѣшимость, старецъ Агаѳодоръ далъ ему благословеніе жить въ лѣсу. Онъ дѣйствительно отказался отъ всякихъ, даже элементарныхъ, условій для жизни и слѣдующія 30 лѣтъ жилъ какъ звѣрь въ лѣсу. Онъ не имѣлъ дома — жилъ подъ камнемъ; не варилъ себѣ пищу — ѣлъ траву и плоды; не мѣнялъ одежду, хотя рухлядь еле прикрывала его тѣло; не мылся и не лѣчился, хотя ему было уже подъ 80 лѣтъ, и, что самое важное, никогда не разговаривалъ. При случайной встрѣчѣ съ людьми падалъ на колѣни и, приклонивъ голову до земли, не выпрямлялся, пока не оставался одинъ. Та единственная фотографія, которая по Промыслу Божьему осталась послѣ него, была сдѣлана въ 1919 году подъ полицейскимъ принужденіемъ по требованію новыхъ греческихъ властей. Тогда же отецъ Агаѳодоръ постригъ его въ схиму съ именемъ Иліи.

Надо отмѣтить, что похожій подвигъ несли многіе другіе русскіе монахи на Аѳонѣ, ихъ называли сиромашами. Скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Схиеромонахъ Меѳодій<sup>562</sup>, бывшій насельникъ Соловецкаго монастыря, жилъ на Григорьевской\* келліи и часто скрывался отъ людей подъ огромнымъ камнемъ въ пещерѣ. Схимонахъ Севастіанъ, который жилъ около Ватопедскаго монастыря, уморявъ пещерѣ и, какъ сообщаетъ отецъ Селевкій (Трофимовъ): «...жилъ какъ птица, въ совершенномъ нестяжаніи. Въ кельѣ ничего не имѣлъ. Пропитаніе получалъ отъ рукодѣлія и всегда пребывалъ веселъ и радостенъ. О земномъ никакого не имѣлъ попеченія, но весь былъ погруженъ во Единомъ Богѣ»<sup>563</sup>. Схимонахъ Теоклитъ жилъ въ искусно высѣченной пещерѣ высоко въ прибрежной скалѣ, состоящей изъ двухъ отдѣленій, гдѣ его однажды пытался навѣстить Великій Князь Алексѣй Александровичъ при посѣщеніи имъ Святой Горы въ іюнѣ 1867 года. Проѣзжая Аѳонъ берегомъ, онъ изволилъ обратить вниманіе на пещеру и пожелалъ осмотрѣть ее, но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ обитателя ея не было дома — онъ ушелъ за сухарями въ Руссикъ, и входъ въ пещеру былъ замкнутъ<sup>564</sup>. Схимонахъ Гавріиль<sup>565</sup>, который имѣлъ собственноручно подъ камнемъ выстроенную каливу выше ближней Георгіевской келліи и жилъ тамъ одинъ болѣе 35 лѣтъ. Такъ же подвизался монахъ Трофимъ<sup>566</sup>, о которомъ отецъ Владиміръ (Колесниковъ) пишетъ слѣдующее:

<sup>562</sup> Въ монашество вступилъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Моисей, тамъ же былъ рукоположенъ въ іеромонаха. На Аѳонѣ сначала жилъ въ Ксенофоновскомъ скиту. Въ 1842 году поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, возстановилъ церковь Григорьевской келліи, гдѣ жилъ до смерти. Преставился 31 февраля 1843 года.

<sup>563</sup> *Парвеній (Агеевъ), инокъ*. Сказаніе о странствіи и путешествіи... Часть 4-я. Москва, 1856. С. 258.

<sup>564</sup> *Денасій (Юшковъ), схимонахъ*. Запѣтки русскаго инока-аѳонца о своемъ путешествіи по святогорскимъ обителямъ // Душеполезный собесѣдникъ за 1890 годъ. М., 1890. С. 116.

<sup>565</sup> Схимонахъ Гавріиль (въ міру Гавріиль Иларіоновичъ Ходаковъ) бывшій мѣщанинъ изъ города Сумы Харьковской губерніи. Имя матери — Домникія. Родился въ 1833 году. Прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ Руссикъ въ 1871 году. Жилъ на каливѣ въ Капсалѣ, гдѣ былъ постриженъ въ мантию и въ схиму. Перешелъ въ Руссикъ 1 августа 1878 года. Послушаніе проходилъ канонархомъ, а послѣ подвизался подъ камнемъ. Преставился 26 іюня 1916 года.

<sup>566</sup> Схимонахъ Трофимъ (въ міру Тимоѳей Евдокимовичъ Коломіецъ) бывшій запасной унтеръ-офицеръ изъ села Брагинецъ Озарянской волости Лохвицкаго уезда Полтавской губерніи. Родился въ 1861 году.

«Жиль почти на открытомъ воздухѣ въ лѣсу, на крошечной ливадкѣ: на кустахъ положена плита, которая служитъ аналоемъ, а около нея онъ, сидя, спитъ. Стоитъ кувшинъ съ водой. Тутъ же въ сухомъ потокѣ къ одной сторонѣ приложена маленькая стѣнка, кое-чемъ накрыта, съ отверстіемъ, въ которое только едва можно пролѣзть и сидѣть въ этой конурѣ, а встать нельзя и едва можно повернуться, приклеены образа, картинки, плита вмѣсто столика, на которой лежитъ славянская Библия и сидѣнье тоже плита. Конурку эту нельзя примѣтить, если и рядомъ пройдешь. Въ ней онъ читаетъ книги и молится, и иногда пишетъ свои духовныя мысли тутъ же, на открытомъ воздухѣ, гдѣ тоже плита вмѣсто стола. Говоритъ очень хорошо, и, какъ видно, молитва постоянная, отчего имѣетъ благодатное просвѣщеніе»<sup>567</sup>.

А о другомъ схимонахѣ, Гавріилѣ<sup>568</sup>, тотъ же отецъ Владиміръ сообщаетъ намъ слѣдующее: «Велъ жизнь странническую, не имѣлъ пріюта, а жилъ кое-гдѣ въ лѣсу, въ пещерахъ и такъ, кажется, лѣтъ 50 провелъ на Аѳонѣ отъ Севастопольской войны. Голова всегда острижена наголо, пребывалъ большей частью на нашей землѣ подъ открытымъ небомъ, кушалъ гдѣ придется. Часто приходилось встрѣчать его въ лѣсу, нрава тихаго, говорилъ мало, но кротко и обстоятельно. Одежду имѣлъ самую убогую и почти всегда былъ безъ шапки»<sup>569</sup>.

Отецъ Владиміръ сообщаетъ намъ также о схимонахѣ Зосимѣ, который «велъ скитальческую жизнь около Старога Руссика въ лѣсу, босой и въ легкой одеждѣ зимой въ самое холодное время, кушалъ у порты\*, не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. Въ послѣдніе годы ходилъ въ наклонномъ положеніи, такъ что рукой до земли можно достать»<sup>570</sup>.

Схимонахъ Веніаминъ<sup>571</sup> устроилъ себѣ каливу на высокой скалѣ (столпѣ), что на дорогѣ къ Старому Руссику, и жилъ тамъ почти 15 лѣтъ. А схимонахъ Аввакиръ<sup>572</sup> жилъ въ дуплѣ дуба, въ имѣ самимъ выстроенной въ немъ крошечной каливкѣ.

---

Прибыль на Аѳонъ 7 іюня 1889 года, принятъ въ Руссикъ 1 января 1890 года, постриженъ въ рясофоръ 8 марта 1893 года, въ мантію — 7 марта 1895 года. Преставился 7 сентября 1931 года.

<sup>567</sup> АРПМА. Док. № 300. С. 23.

<sup>568</sup> Схимонахъ Гавріилъ (въ міру Борисъ Филипповичъ Пученкинъ) бывшій крестьянинъ села Ерофеевка Ивановской волости Тамбовской губерніи и уѣзда. Пустынникъ. Преставился въ больницѣ Андреевскаго скита 18 сентября 1909 года въ возрастѣ 85 лѣтъ и былъ погребенъ на скитскомъ кладбищѣ.

<sup>569</sup> АРПМА. Док. № 321. С. 141.

<sup>570</sup> АРПМА. Док. № 319. С. 340.

<sup>571</sup> Схимонахъ Веніаминъ (въ міру Викторъ Владиміровичъ Горловъ) бывшій крестьянинъ Щигровскаго уѣзда Курской губерніи. Родился въ 1838 году, ростъ средній, волосы рыжіе, глаза сѣрые. Прибыль на Аѳонъ и поступилъ въ Руссикъ въ 1879 году, постриженъ въ мантію 15 декабря 1883 года, въ схиму — 15 апрѣля 1888 года. Послушаніе проходилъ на Чумбурѣ, на старой мельницѣ, въ хлѣбномъ магазинѣ, гробкопателемъ, послѣднія 15 лѣтъ жилъ подъ камнемъ въ полномъ затворѣ. Преставился 26 апрѣля 1905 года.

<sup>572</sup> Схимонахъ Аввакиръ (въ міру Артемій Семеновичъ Петровъ-Кучеренко) бывшій крестьянинъ Павлоградскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Имя матери — Татьяна. Родился въ 1844 году. Прибыль на Аѳонъ въ 1863 году. До 1870 года жилъ на Троицкой келліи монастыря Ставроникита у іеросхимонаха Доримедонта,

Сравнивая вышеперечисленные житія съ отшельнической жизнью отца Іліи, въ глаза бросается по крайней мѣрѣ слѣдующее: во-первыхъ, онъ, въ отличие отъ другихъ, съ несравнимо болѣе высокой ступени соціальной лѣстницы опустил самого себя какъ бы внизъ. Не имѣя почти ничего, сравнительно легко можно вступить на путь нестяжанія, но невѣроятно трудно добровольно отказаться отъ славы и богатства. Во-вторыхъ, всѣ старались создать себѣ хоть какія нибудь условія для жизни, а отецъ Ілія сознательно уподобился звѣрю: если другихъ можно было хоть гдѣ нибудь посѣтить, то его можно было встрѣтить только случайно въ лѣсу.

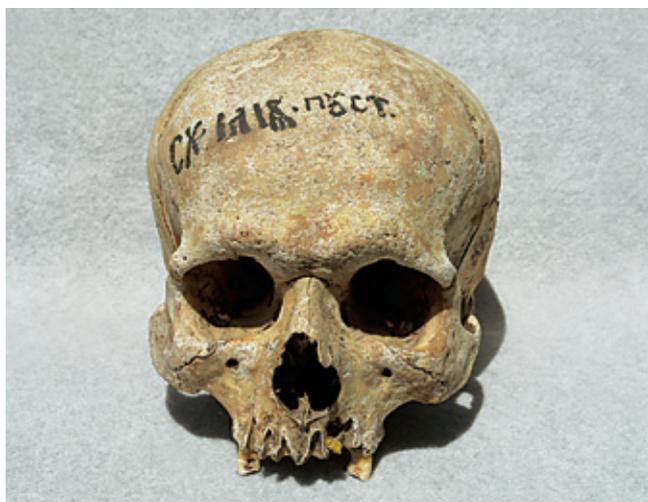
Отецъ Флегонтъ (Лебедевъ), изумленный невѣроятнымъ подвигомъ отца Іліи, въ день его кончины скупю, но выразительно отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Великій подвижникъ, 30 лѣтъ прожилъ подъ камнемъ»<sup>573</sup>. Сумасшедшій не можетъ молчать 30 лѣтъ, безумный не встанетъ на колѣни въ ожиданіи одиночества и даже не можетъ заставить себя мерзнуть, когда есть удобный случай бесплатно согрѣться, нѣтъ! Только разумный человѣкъ можетъ совершить такіе подвиги. Вопросъ только въ цѣли этихъ дѣйствій. И кто понимаетъ величіе цѣли, тотъ не можетъ не склонить головы предъ этимъ воистину великимъ подвижникомъ. Есть подвигъ инстинктивный, есть подвигъ чувственный, и, какъ бы ни были они велики, они не могутъ сравниться съ подвигомъ разумнымъ, осмысленнымъ. Да, бросаться на амбразуру ради спасенія друзей, если даже человѣкъ въ состояніи аффекта, безусловно, великій поступокъ, но несравненно выше подвигъ ради любви къ Богу и людямъ тридцать лѣтъ мерзнуть подъ камнемъ и не соблазниться «теплотой» міра. Если первый поступокъ еще возможно сотворить человѣку, то втораго не можетъ сдѣлать ни одно человѣческое существо, если въ немъ явно не присутствуетъ Самъ Творецъ.

Невероятный подвигъ отца Іліи вызывалъ и невероятную зависть нѣкоторыхъ духовно слѣпыхъ людей, и они прилагали всѣ усилія, чтобы остановить его. Но невозможно осилить благодать, Божественная любовь всесильна, ее не можетъ побѣдить человѣческое жестокосердіе. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ 20 октября 1918 года іеросхимонахъ Владиміръ (Колесниковъ): «Сегодня отецъ Григорій встрѣтилъ живущаго подъ камнемъ, безъ всякаго крова, недалеко отъ бычковъ пустытника Ілію. Засталъ его ядушимъ каштаны. Много ему приходилось терпѣть отъ нѣкоторыхъ, считавшихъ его еретикомъ, кураджи\*, по чьему-то велѣнію выгоняли его съ боемъ, однажды жестоко побили, такъ что онъ не могъ идти и пролежалъ въ Ксиропотамскомъ оврагѣ 14 дней безъ пищи, пока не нашель его ихній кураджи, взялъ

---

гдѣ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Аверкій. Послѣ смерти отца Доримедонта поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона на Георгіевскую келлію. Послѣ 1876 года перешель въ самъ Русикъ. Постриженъ въ схиму 4 апрѣля 1878 года. Послушаніе проходилъ уставщикомъ, пѣвчимъ. Послѣдніе годы подвизался близъ Старого Руссика въ лѣсу въ дубѣ. Преставился 18 января 1916 года.

<sup>573</sup> АРПМА. Док.: № 212. С. 558; № 231. С. 670.



его въ Ксиропотамъ, и тамъ докторъ помогъ ему. Гоненіе большое, но онъ опять подъ камнемъ. Онъ каждую недѣлю исповѣдуется у нашего духовника отца Аммона и причащается Святыхъ Таинъ. Живетъ, никому не мѣшая, въ трущобѣ. За что гоненія? Богъ вѣсть»<sup>574</sup>.

Преставился ко Господу отецъ Илія 13 сентября 1932 года, отъ роду около 80 лѣтъ, сидя подъ камнемъ. За тѣ 28 лѣтъ, пока онъ находился въ лѣсу, въ Россіи случились двѣ революціи, царская Россія

исчезла, отгремѣли и міровая, и Гражданская война, а онъ ничего объ этомъ не узналъ, но зато онъ узналъ самое важное для человѣка, что этотъ міръ — «суета суетъ», а вѣчность — наша истинная Родина. И когда одни, возбужденные собственнымъ тщеславіемъ люди на гребняхъ историческихъ волненій вершили судьбы другихъ людей, гдѣ-то въ центрѣ Европы, въ лѣсу подъ камнемъ, сидѣлъ человѣкъ и молился Богу о спасеніи и тѣхъ и другихъ.

## Схимонахъ Веніаминъ (Малышевъ)

Схимонахъ Веніаминъ (въ міру Василій Антоновичъ Малышевъ) родился въ 1865 году въ крестьянской семьѣ изъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи.

Въ 1884 году 19-лѣтній Василій поѣхалъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ для поклоненія христіанскимъ святынямъ. Прибывъ на Аѳонъ и увидѣвъ тамъ высокій образъ монашескаго житія, онъ рѣшилъ остаться здѣсь навсегда и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона. 12 апрѣля 1886 года онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Веніаминъ. Послушаніе проходилъ въ трапезной, на кунакѣ въ Кареѣ. 23 апрѣля 1887 года вышелъ изъ обители въ Россію и поступилъ въ Тихоновскую пустынь, но въ 1890 году вернулся на Аѳонъ и поселился въ отшельнической хижинѣ на Калиагрѣ\*, гдѣ въ полномъ затворѣ провелъ болѣе 40 лѣтъ, здѣсь же онъ былъ постриженъ въ схиму съ тѣмъ же именемъ.

Отецъ Флегонтъ (Лебедевъ) въ своихъ дневникахъ называетъ его «знаменитымъ калиагрскимъ отшельникомъ». А іеромонахъ Серафимъ изъ Владиміровки пишетъ о немъ

<sup>574</sup> АРПМА. Док. № 4067. С. 174.

такъ: «Отець Веніаминъ уже сорокъ лѣтъ жительствоуетъ на Святой Горѣ. Строгий аскетъ, творецъ молитвы Иисусовой, онъ стяжалъ отъ Бога необыкновенный миръ души. Никто такъ не умѣетъ утѣшить и уврачевать скорби душевныя, какъ благостный старецъ Веніаминъ... Немало нынѣ скорбей на Аѳонѣ, и любятъ иноки сходить отвести душу на пустыньку добраго батюшки отца Веніамина...

Отець Веніаминъ болѣе свѣтлаго взгляда на будущее Россіи. Онъ все же надѣется, что Господь *„не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ“* (Пс. 102). А коли не спасется Россія, то весь міръ погибнетъ, и будетъ кончина свѣта, ибо передать наслѣдіе „Царствія“ некому, — четвертому Риму не бывать!»<sup>575</sup>

«Миссія новой Россіи — принести истинную, христіанскую духовность въ міръ. Она не силой оружія и дипломатическихъ ухищреній будетъ добиваться распространенія своего духовнаго и культурнаго вліянія на міръ, а любовью, святостью и изысканностью будетъ „завоевывать“ сердца всѣхъ людей міра. Нѣтъ народа на Землѣ, имѣвшаго болѣе глубокую и тонкую душу, чѣмъ русскій, но наша исключительная духовность — это не русская заслуга, а благословеніе Бога, а значитъ, и великая отвѣтственность передъ Богомъ и всѣмъ міромъ. Да, мы потеряли имперію, но возрожденная Россія создастъ новую имперію христіанской любви. Изъ ея нѣдръ выйдетъ та позитивная и творческая духовная энергія, которая на основѣ ученія Христа полностью преобразуетъ будущую человѣческую цивилизацію»<sup>576</sup>.

Духовными чадами отца Веніамина были многіе подвижники Аѳона. Среди нихъ настоятель Ильинскаго скита отецъ Іоаннъ (Гетманенко), духовникъ Руссика отецъ Агаѳодоръ (Будановъ)<sup>577</sup> и многіе другіе. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ имябожническаго ученія, но выступалъ противъ открытаго противостоянія аѳонцевъ



<sup>575</sup> Серафимъ, іеромонахъ. На св. Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года // Православный Русскій календарь за 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 46.

<sup>576</sup> АРПМА. Док. № 4058. С. 22.

<sup>577</sup> АРПМА. Док. № 1724.



другъ противъ друга, а своихъ чадъ призывалъ не вступать въ богословскіе разсужденія съ имяславцами и не противопоставлять себя заблудшимъ, поэтому всѣ его ученики избѣжали соблазна участія въ спорахъ на эту тему.

Съ 28 сентября 1932 года уже тяжело больной отецъ Веніаминъ жилъ въ больницѣ Руссика. Отецъ Сафроній (Сахаровъ) объ этомъ сообщаетъ слѣдующее: «Незадолго передъ своей кончиной отецъ Веніаминъ

изъ пустыни пріѣхалъ въ монастырь св. Пантелеимона. Онъ заболѣлъ водянкой и слегъ въ больницу...

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда отецъ Веніаминъ былъ у отца Силуана, и они имѣли большую, продолжительную и очень важную бесѣду. На другой день намъ пришлось посѣтить его въ больницѣ. Онъ весь былъ подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ отцомъ Силуаномъ и много разъ съ нескрываемымъ чувствомъ удивленія и благодарности повторялъ: „Какого друга далъ мнѣ Господь!.. Вы знаете, какъ онъ всѣ раскрылъ во мнѣ... Потомъ далъ мнѣ три указанія. Нѣсколько разъ повторилъ ихъ, чтобы я не забылъ, и въ заключеніе добавилъ строго, какъ бы большой гвоздь вбилъ: „Если не сдѣлаешь такъ, какъ говорю, то не спасешься“».

По всѣму было видно, что эта встрѣча съ отцомъ Силуаномъ для отца Веніамина была большимъ откровеніемъ...

Мы провели у отца Веніамина около часа, все это время онъ былъ очень сосредоточенъ и ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить и много разъ повторялъ: „Какого друга далъ мнѣ Господь!“

Такъ, только подъ конецъ своей жизни, онъ узналъ, кто былъ Силуанъ. Прежде онъ относился къ нему хотя и очень дружественно, однако нѣсколько снисходительно, какъ къ хорошему монаху, но все же младшему»<sup>578</sup>.

Преставился отецъ Веніаминъ 2 марта 1933 года въ больницѣ Руссика и былъ похороненъ на братскомъ кладбищѣ.

<sup>578</sup> Софроній (Сахаровъ), архимандритъ. Старецъ Силуанъ Аѳонскій. М., 1996. С. 56.

## Іеросхимонахъ Мелхиседекъ (Дмитріенко)

Іеросхимонахъ Мелхиседекъ (въ міру Максимъ Даміановичъ Дмитріенко) родился въ 1862 году въ одномъ изъ сель Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи въ крестьянской семьѣ.

Въ 1884 году Максимъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ монастырь святаго великомученика Пантелеимона, гдѣ 17 марта 1887 года былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Мелетій. Послушаніе проходилъ на Крумицѣ, на монастырскихъ виноградникахъ.

Въ 1888 году по благословенію своего духовника іеромонаха Андрея (Веревкина) — будущаго игумена отецъ Мелетій взялъ на себя подвигъ безмолвія и поселился вмѣстѣ съ монахомъ Антоніемъ (Пшеничнымъ) на келліи святыхъ Архангеловъ, которая находилась въ гористой мѣстности на Капсалѣ. Здѣсь онъ прожилъ почти полвѣка въ полномъ безмолвіи, не отлучаясь никуда. Здѣсь же онъ былъ постриженъ въ схиму и рукоположенъ въ іеромонаха.

Отецъ Мелхиседекъ былъ одаренъ Богомъ многочисленными добродѣтелями, которыя засвидѣтельствованы многими насельниками Аѳона. Всеобще были извѣстны его прозорливость, даръ предсказанія и чудотворенія. Отецъ Владиміръ (Колесниковъ) въ своемъ дневникѣ приводитъ нѣкоторыя свидѣтельства объ отцѣ Мелхиседекѣ: «Отецъ Θεоктистъ утверждаетъ, что онъ высокой духовной жизни и прозорливецъ. Отецъ Никостратъ говоритъ, будто онъ прославился замѣчательной духовной жизнью... и ему открытъ духовный миръ, по ночамъ всегда бодрствуетъ, ибо въ это время демоны очень возстаютъ на христіанъ.

3 іюля 1904 года отецъ Θεоктистъ, который опять былъ у отца Мелхиседека, все говоритъ о его духовности и предвидѣніи, на примѣръ о войнѣ (Русско-японской), что послѣ японской начнется здѣсь [на Балканахъ], а потомъ и другая, всемірная война. Говоритъ, какъ онъ исправилъ многихъ находившихся въ прелести и подъ вліяніемъ бѣсовъ»<sup>579</sup>.

Позже, какъ бы желая самому удостовѣриться въ рассказанномъ ему, отецъ Владиміръ самъ отправляется на встрѣчу съ отцомъ Мелхиседекомъ: «Утромъ 5 мая (1906 года) въ пятницу захотѣлось мнѣ посѣтить іеромонаха отца Мелхиседека, извѣстнаго по духовной жизни... Онъ принялъ меня радушно, и незамѣтно въ разговорахъ мы провели четыре часа. Много назидательнаго и интереснаго онъ говорилъ изъ опыта. Видно, что рабъ Божій»<sup>580</sup>.

<sup>579</sup> АРПМА. Док. № 300. С. 6, 118; № 302. С. 104.

<sup>580</sup> АРПМА. Док. № 316. С. 125.

О высокой духовности отца Мелхиседека свидетельствовал и преподобный Кукша, который до поступления в Русикъ был у него на послушании. В его житии говорится: «Духовнымъ отцомъ отца Ксенофонта [преподобнаго Кукши Одесскаго] былъ духоносный старецъ, подвижникъ отецъ Мелхиседекъ, который подвизался отшельникомъ въ горахъ. Отецъ Мелхиседекъ былъ монахомъ высокой духовной жизни. Однажды, стоя на молитвѣ, старецъ и его духовный сынъ услышали въ ночной тишинѣ приближеніе свадебнаго кортежа: топотъ конскихъ копытъ, игру на гармошкѣ, веселое пѣніе, хохотъ, свистъ...

— Отче, откуда здѣсь свадьба?

— Это гости ѣдутъ, надо ихъ встрѣтить.

Старецъ взялъ крестъ, святую воду, четки и, выйдя изъ кельи, окропилъ вокругъ нея святой водой. Читая крещенскій тропарь, онъ на всѣ стороны осѣнилъ Крестомъ — сразу сдѣлалось тихо, какъ будто не было никакого шума. Видимо, старцу эти явленія были обычны и нисколько не смущали его.

Подъ его мудрымъ окормленіемъ и монахъ Ксенофонтъ въ недолгое время сподобился стяжать всѣ иноческія добродѣтели и преуспѣлъ въ духовномъ дѣланіи, но скоро отцу Ксенофонту изъ-за имябожническихъ споровъ пришлось уѣхать съ Аѳона.

Наканунѣ отъѣзда отецъ Ксенофонтъ побѣжалъ въ пустыньку къ своему духовному отцу и сказалъ:

— Отче, я никуда не поѣду! Вотъ лягу подъ лодку или подъ камнемъ и умру здѣсь, на Аѳонѣ!

— Нѣтъ, чадо, — возразилъ старецъ, — такъ Богу угодно, чтобы ты жилъ въ Россіи, тамъ надо спасать людей.

Затѣмъ вывелъ его изъ кельи и спросилъ:

— Хочешь увидѣть, какъ стихіи покоряются человѣку?

— Хочу, отче.

— Тогда смотри, — старецъ перекрестилъ темное ночное небо, и оно стало свѣтлымъ, перекрестилъ еще разъ — оно, какъ береста, свернулось, и отецъ Ксенофонтъ увидѣлъ Господа во всей славѣ и въ окруженіи сонма ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Что они видѣли, слышали и что имъ было возвѣщено, батюшка Кукша, рассказывая объ этомъ впоследствии, не повѣдалъ. А тогда онъ закрылъ лицо руками, упалъ на землю и закричалъ:

— Отче, мнѣ страшно!

Черезъ нѣкоторое мгновеніе старецъ произнесъ:

— Вставай, не бойся.

Отецъ Кукша поднялся съ земли — небо было обычнымъ, на немъ по-прежнему мерцали звѣзды. Такъ батюшка [преп. Кукша], уѣзжая съ Аѳона, былъ утѣшенъ и удостоенъ Божественныхъ откровеній»<sup>581</sup>.

---

<sup>581</sup> Житіе преподобнаго Кукши Одесскаго. Одесса, 1996. С. 8.

Чуднымъ Промысломъ Божимъ два игумена Руссика, отецъ Андрей (Веревкинъ) и отецъ Іеремія (Алехинъ), нынѣшній игуменъ, именно черезъ отца Мелхиседека и отца Кукшу были духовно породнены. Дѣло въ томъ, что отецъ Андрей до самой своей смерти оставался духовнымъ отцомъ отца Мелхиседека: онъ его благословилъ на пустынножителство, и онъ его впоследствии поддерживалъ какъ духовно,



такъ и матеріально. И отца Кукшу онъ принялъ въ обитель именно по рекомендаціи отца Мелхиседека. Преподобный Кукша же до конца жизни оставался преданнымъ ученію и опыту своего аѳонскаго духовника отца Мелхиседека. Онъ всегда съ трепетомъ вспоминалъ детали общенія съ этимъ великимъ подвижникомъ. Отецъ Іеремія же, еще жившій въ Россіи въ Одесскомъ монастырѣ, былъ келейникомъ преподобнаго Кукши и непосредственно отъ него перенялъ всѣ особенности аѳонскаго подвижничества и явился непосредственнымъ духовнымъ наслѣдникомъ великихъ старцевъ Руссика.

Дата смерти отца Мелхиседека не установлена, но, по всей видимости, онъ умеръ въ больницѣ Руссика въ концѣ 30-хъ годовъ.

## Іеросхимонахъ Герасимъ (Поповъ)

Іеросхимонахъ Герасимъ<sup>582</sup> (въ міру Глѣбъ Петровичъ Поповъ) родился 24 іюня 1859 года въ крестьянской семьѣ въ селѣ Рожковечъ Орловской губерніи. Впоследствии семья его переѣхала въ село Правокумское Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи. Образование Глѣбъ получилъ домашнее и съ дѣтства имѣлъ склонность къ монашеской жизни. Проживъ до 23-лѣтняго возраста въ кругу своихъ родныхъ, онъ отправился на Святую Гору.

На Аѳонъ онъ прибылъ 8 ноября 1882 года. Сначала жилъ на келліи святаго Іоанна Предтечи у старца Никанора (Кашина)<sup>583</sup>, гдѣ 10 декабря 1882 года былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Герасимъ, а 8 ноября 1886 года былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

<sup>582</sup> Жизнеописаніе составлено по книгѣ: Павловскій А. Русская обитель Іоанна Богослова (Хиландарскаго монастыря) на Св. Горѣ Аѳонѣ. М., 1904.

<sup>583</sup> Іеросхимонахъ Никаноръ (въ міру Николай Дмитриевичъ Кашинъ) былъ уроженцемъ Велико-Николаевской волости Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи. Его мать послѣ смерти своего мужа, отца будущаго монаха, проживала въ Шенкурскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ впоследствии и умерла. Учился Николай



Съ самаго своего поступленія въ обитель отецъ Герасимъ былъ назначенъ на мѣстникомъ. Эту должность онъ занималъ до смерти своего старца съ примѣрной ревностью и въ большихъ трудахъ и заботахъ о дѣлахъ обители. Все принесенное съ собой состояніе онъ употребилъ на ея благоустройство. Послѣ смерти старца Никанора онъ сталъ настоятелемъ келліи. Вскорѣ братство увеличилось, и не стало хватать помѣщеній. А изъ-за нехватки земли невозможно было строить новый корпусъ. Поэтому часть братства должна была переѣхать въ другую обитель. Хиландарскій монастырь, имѣя недалеко отъ Кареи свою пустынную обитель во имя святаго Іоанна Богослова, предложилъ ему эту келлію. 8 ноября 1896 года онъ съ братіей переѣхалъ туда и сталъ настоятелемъ этой келліи.

Новая обитель требовала полной реставраціи. Отецъ Герасимъ принялся первымъ долгомъ за обновленіе храма. Работы начались съ весны 1897 года, а освященіе состоялось 8 мая 1902 года. Въ это же время происходили исправленія старыхъ зданій подъ братскія помѣщенія и другія хозяйственныя постройки. Въ маѣ 1904 года было освящено четырехэтажное каменное зданіе, большая часть котораго была отдана подъ больницу.

Во время настоятельства отца Герасима количество братіи достигло 80 человекъ, и они всѣ какъ одинъ находились подъ духовнымъ руководствомъ отца Герасима. Онъ для нихъ былъ любвеобильнымъ и заботливымъ отцомъ.

Отецъ Флегонтъ (Лебедевъ) въ своемъ дневникѣ такъ характеризуетъ отца Герасима: «Много начитанный, строгій подвижникъ и гостепріимный»<sup>584</sup>.

---

въ Архангельской гимназіи. Еще во время учебы онъ часто задумывался о поступленіи въ монахи. Въ 1877 году Николай прибылъ на Аѳонъ. Первоначально поступилъ въ келлію Казанской иконы Божіей Матери, гдѣ былъ постриженъ въ мантию подъ именемъ Никаноръ. Черезъ пять лѣтъ по благословенію своего старца онъ перешелъ въ русскую келлію святаго Іоанна Предтечи Хиландарскаго монастыря, гдѣ вскорѣ сталъ старцемъ келліи. 20 іюля 1883 года за его трудъ по возобновленію обители Хиландарскій монастырь возвелъ его въ санъ іеромонаха. Преставился въ 1895 году.

<sup>584</sup> АРПМА. Док. № 212. С. 574.



*Іоанно-Богословская келлія. Начало XX вѣка*

Частыя волненія и войны на Востокѣ «побудили отца Герасима поискать въ своемъ Отечествѣ болѣ тихаго и уютнаго мѣстечка для служенія Господу, куда можно было бы удалиться съ братіей въ тяжелыя времена. Такое мѣсто нашлось на Кавказѣ. Съ помощью директора Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ генерала Хвощинскаго отцу Герасиму была отведена земля у подножія горы Бештау съ условіемъ устроить школу для дѣтей бѣдныхъ жителей мѣстнаго населенія. Отъ Святѣйшаго Синода послѣдовало разрѣшеніе на право открытія мужскаго монастыря подъ названіемъ „Второ-Аѳонско-Успенскій мужской монастырь“<sup>585</sup>. Онъ находился „рядомъ съ Пятигорскомъ, въ семи верстахъ отъ него“<sup>586</sup>.

«Въ 1905 году, во время революціонныхъ событій на Кавказѣ, на монастырь было совершено нападеніе, во время котораго сожгли корпусъ съ церковью. Когда все утихло, отецъ Герасимъ съ присущей ему энергіей вновь началъ строить церковь и другіе корпуса, которые были освящены въ день Успенія Богоматери въ 1906 году»<sup>587</sup>.

Въ дневникѣ іеросхимонаха Владиміра (Колесникова) имѣется записъ о созданіи этого монастыря, гдѣ излагается версія, рассказанная ему монахомъ Іоанномъ (Кулешовымъ):

<sup>585</sup> Павловскій А. Всеобщій иллюстрированный путеводитель по монастырямъ и святымъ мѣстамъ Россійской имперіи и Аѳону. Н. Новгородъ, 1907. Прил. С. 44.

<sup>586</sup> Тамъ же. С. 51

<sup>587</sup> Тамъ же. С. 53.

«Интересенъ разсказъ его о возникновеніи монастыря близъ Пятигорска, устраиваемаго іеромонахомъ Герасимомъ (Поповымъ), старцемъ афонской келліи св. Іоанна Богослова. 25 лѣтъ назадъ на этомъ мѣстѣ былъ только сѣнокосъ на землѣ, принадлежащей одной русской госпожѣ. Отецъ Іоаннъ, тогда въ міру Іосифъ, 17-лѣтнимъ мальчикомъ участвовалъ въ этомъ сѣнокосѣ, по слабости плохо косилъ, а по духовному настроенію болѣе молился, и другіе косари называли его архимандритомъ. Однажды онъ молился въ кустахъ, въ это время пріѣхала госпожа, увидѣла его, но онъ не замѣтилъ и продолжалъ молиться. Она обратила на это вниманіе, взяла его съ собой и замѣтила особое благодатное его устроеніе. На всѣ ея вопросы онъ почему то молился, и на вопросъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ, онъ отвѣтилъ: „Монастырь“. И сказалъ это какъ-то безотчетно. Прошло 20 лѣтъ, а на томъ мѣстѣ все еще было поле. Герасимъ жилъ у отца Іоанна въ домѣ работникомъ и былъ очень религіозенъ, и отецъ Іоаннъ почти насильно проводилъ его на Афонъ, куда и самъ послѣ пріѣхалъ и жилъ вмѣстѣ съ нимъ. И вотъ болѣе пяти лѣтъ назадъ зашелъ разговоръ объ устройствѣ монастыря въ Россіи, а Іоаннъ вспомнилъ мѣсто и госпожу, указалъ на это мѣсто Герасиму, и тотъ, конечно, по волѣ Божіей сумѣлъ все сдѣлать. И вотъ черезъ 20 лѣтъ началось основаніе обители, а теперь (въ 1908 году) уже стоитъ великолѣпный монастырь. Отецъ Іоаннъ говоритъ, что эта госпожа-ктиторша еще тогда же оградила мѣсто и поставила крестъ, гдѣ онъ молился, тутъ теперь престолъ храма, и она пожелала сдѣлать вырѣзанную надпись, что на этомъ мѣстѣ тогда-то молился такой-то рабъ Божій Іосифъ»<sup>588</sup>.

Съ началомъ Первой міровой войны, естественно, всякія связи съ Россіей прекратились, и отецъ Герасимъ полностью сконцентрировался на братіи своей Богословской келліи. Отнынѣ ихъ духовное окормленіе стало его главнымъ дѣломъ, въ чемъ очень преуспѣлъ и заслужилъ большую любовь своихъ подопечныхъ.

Преставился отецъ Герасимъ 13 октября 1933 года, отъ роду 74 лѣтъ, въ построенной имъ Богословской келліи, въ окруженіи искренне любящихъ его чадъ.

## Схимонахъ Іоаннъ (Кулешовъ)

Схимонахъ Іоаннъ (въ міру Іосифъ Кулешовъ) родился въ 1862 году въ крестьянской семьѣ въ Ставропольской губерніи.

Въ дѣтствѣ онъ былъ задумчивымъ мальчикомъ и постоянно молился, за что сосѣди его прозвали «архимандритомъ». На его особый духовный настрой обратила вниманіе его госпожа, и она взяла его съ собой въ свое имѣніе и отдала для духовнаго воспитанія мѣстному священнику. Уже съ 17-ти лѣтъ Іосифъ началъ скитаться по святымъ мѣстамъ

---

<sup>588</sup> АРПМА. Док. № 319. С. 294.

Россіи. Послѣ долгихъ скитаній Іосифъ вернулся домой съ цѣлью навсегда попрощаться съ родными и поѣхать на Аѳонъ. Здѣсь, на родинѣ, онъ познакомился съ рабомъ Божьимъ Глѣбомъ, который былъ работникомъ и былъ очень религіозенъ, и Іосифъ своими разказами объ Аѳонѣ возбудилъ въ немъ желаніе тоже поѣхать на Аѳонъ. Глѣбъ въ послѣдствіи сталъ настоятелемъ келліи святаго Іоанна Богослова.

Вскорѣ, въ 1885 году, Іосифъ и самъ пріѣхалъ на Аѳонъ. Сначала онъ жилъ у своего стараго пріятеля старца Герасима (Попова) на Богословской келліи, гдѣ онъ былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Іоаннъ. Послѣ смерти старца Архангельской келліи Ставроникитскаго монастыря братія этой келліи пригласила отца Іоанна къ себѣ старцемъ и наставникомъ. Онъ согласился, но его конечной цѣлью были полное безмолвіе и затворничество, поэтому онъ оставилъ многозаботливый подвигъ старчества и въ 1910 году перешелъ въ маленькую каливу на территоріи Ставроникитскаго монастыря, гдѣ до конца жизни жилъ одинъ.

Интересная запись о немъ имѣется у отца Владиміра (Колесникова): «Отецъ Герасимъ оказывалъ ему помощь (на новой каливѣ), посылая постоянно хлѣбъ. Три года назадъ однажды не было у него хлѣба, пришелъ онъ къ Герасиму, но ему почему-то отказали. Тогда Герасимъ во снѣ слышитъ голосъ: „Почему Ивану не дали хлѣба?“ Онъ проснулся, не обратилъ, однако, на это вниманія и, заснувъ, опять услышалъ тотъ же голосъ. Тогда онъ пошелъ къ хлѣбнику и, узнавъ объ отказѣ, спросилъ, сколько есть хлѣбовъ, сказали: четыре, потомъ справились — видятъ, только три. Онъ велѣлъ одинъ послать Ивану. Когда принесли этотъ хлѣбъ, то оказалось, что уже полученъ цѣлый хлѣбъ, который принесъ старикъ сиромыхъ, а ему далъ какой-то юноша и велѣлъ передать, и юноша былъ какой-то необыкновенный. Когда сообщили Герасиму, онъ тогда же ночью во второмъ часу поѣхалъ къ отцу Іоанну, попросилъ прощенія и началъ служить бдѣніе св. Архангелу Михаилу. Конечно, юноша былъ не кто иной, какъ Архангелъ, который чудесно передалъ четвертый исчезнувшій хлѣбъ черезъ сиромыха нуждавшемуся отцу Іоанну»<sup>589</sup>.

Отецъ Іоаннъ былъ большимъ авторитетомъ для всѣхъ пустынножителей Аѳона: когда Братство русскихъ келіотовъ рѣшило преподнести сербскому королю икону отъ имени всѣхъ аѳонскихъ отшельниковъ, то единогласно выборъ палъ на отца Іоанна. «Въ августѣ 1915 года онъ возилъ сербскому королю Петру икону отъ лица аѳонскихъ пустынниковъ и получилъ за это на лентѣ крестъ»<sup>590</sup>.

День смерти отца Іоанна не установленъ, но это могло случиться только послѣ 1919 года, такъ какъ въ спискахъ келіотовъ 1919 года онъ упоминается какъ живой.

<sup>589</sup> АРПМА. Док. № 320. С. 5.

<sup>590</sup> АРПМА. Док. № 329. С. 233.

## Иеросхимонахъ Θεодосій (Харитоновъ)



Иеросхимонахъ Θεодосій (въ міру Василій Васильевичъ Харитоновъ) родился въ 1869 году въ Саратовской губерніи. По окончаніи учебы въ сельской школѣ Василій былъ взятъ на казенный счетъ въ духовное училище. Съ этого момента начинается путь, которымъ прошли многіе образованные русскіе іерархи, происходившіе изъ крестьянства. Образование свое старецъ закончилъ въ Казанской духовной академіи. Затѣмъ пять лѣтъ былъ инспекторомъ въ Вологодской семинаріи, но послѣ оставилъ міръ и ушелъ на Аѳонъ. Здѣсь началось другое серьезное и продолжительное ученіе.

На Аѳонѣ отецъ Θεодосій (тогда еще Θεофанъ) пошелъ путемъ русскаго келіотскаго монашества и поступилъ въ знаменитую келлію святителя Николая, именуемую Бѣлозеркой. Одному изъ своихъ учениковъ, схимонаху Никодиму, впослѣдствіи старецъ повѣдалъ о своей борьбѣ только съ одной страстью — гнѣвомъ. Три года онъ неустанно боролся со своей страстью — гнѣвомъ и видѣлъ, что не могъ побѣдить ее. И тогда онъ отправился къ извѣстному подвижнику того времени, схіеродіакону Лукіану (Роеву), проживавшему въ каливѣ близъ Пантелеимонова монастыря. Этотъ діаконъ, извѣстный въ Пантелеимоновомъ монастырѣ какъ живописецъ, ученикъ самого духовника Іеронима, былъ достоинъ такого выбора, потому что былъ очень суровъ по характеру, и послушничество у него было лучшимъ способомъ для обрѣтенія смиренія. Будущій карулецъ старался терпѣть все, но иногда впадалъ въ уныніе и слышалъ: „Ну, что ты нюни распустилъ“. Выдерживать будущему старцу такой искусь удалось только полтора года.

Дальше путь его лежалъ въ отшельническія мѣста на Капсалѣ. Здѣсь онъ проводилъ настоящую отшельническую жизнь, вкушая немного супа съ сухарями и придерживаясь безмолвія. Но когда онъ по обыкновенію прятался отъ посѣтителей, то вдругъ слышалъ черезъ дверь слова іеромонаха изъ Андреевскаго скита: „Не усидишь ты въ своемъ безмолвіи. Гдѣ твоя любовь къ ближнимъ?“ Отецъ Θεодосій задумался.

Онъ рѣшилъ осилить тотъ путь, которымъ не смогъ пройти, — снова вернулся къ отцу Лукіану. На этотъ разъ онъ выдержалъ только полгода. Старался все терпѣть, но не выдержалъ. „Врачевахомъ Вавилона и не исцѣле“, — говорилъ его старецъ.

Будущій старецъ тогда совсѣмъ отчаялся: понялъ, что не можетъ выдержать настоящаго послушанія, и рѣшилъ испробовать братское житіе, которое есть первая ступень къ жизни отшельнической. Онъ организовалъ на Капсалѣ нѣчто вроде маленькаго скита изъ трехъ монаховъ, которые каждую недѣлю изъ своей среды выбирали старшаго и слушались его какъ игумена. Но самодѣльный скитъ скоро развалился. И подвижникъ рѣшилъ проводить самостоятельную жизнь по-отшельнически, но прибѣгая къ духовнымъ совѣтамъ старцевъ. Однимъ изъ такихъ старцевъ, къ которому обращался отецъ Θεодосій, былъ іеросхимонахъ по имени тоже Θεодосій (умеръ онъ 25 мая 1903 года), достойный украсить исторію Аѳона не только своимъ происхожденіемъ, но и своей монашеской жизнью. Этотъ отецъ Θεодосій былъ грузинъ и жилъ въ грузинской келліи апостола и Евангелиста Іоанна Богослова Иверскаго монастыря.

Отецъ Θεофанъ прожилъ на Капсалѣ, поучаясь у старцевъ, нѣсколько лѣтъ, будучи вынужденъ часто мѣнять келліи. Какъ-то онъ услышалъ, что въ скиту Василія Великаго, гдѣ начиналъ свой монашескій путь преподобный Паисій (Величковскій), есть старецъ, преуспѣвшій въ непрестанной молитвѣ. Вскорѣ русскій монахъ переселился на Катунки\* и обрѣлъ великаго учителя молитвы исихаста Каллиника. Закончилъ же свое странствіе по аѳонскимъ келліямъ отецъ Θεодосій на Карулѣ. Здѣсь ему суждено было прожить достаточно долго, до самой смерти. Переселился онъ на Карулю въ 1914 году, а отошелъ ко Господу 2 октября 1937 года. Троицкая келлія была построена на деньги, полученные отъ игумена Пантелеимонова монастыря Мисаила. Освящена въ 1917 году. Второй придѣлъ посвященъ Покрову Божіей Матери. По просьбѣ жертвователей здѣсь 5 іюля по старому стилю также особо праздновалась память преподобнаго Сергія Радонежскаго и преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго.

Очевидно, что періодъ споровъ объ имени Божьемъ засталъ отца Θεодосія на Катункахъ. Ему пришлось сыграть немалую роль въ этихъ спорахъ. Именно онъ ознакомилъ старца-безмолвника Каллиника съ существомъ этихъ споровъ. Отецъ Каллиникъ написалъ небольшой трудъ по поводу этихъ споровъ, который, по преданію, такъ понравился нашему императору. <...> [отецъ Θεодосій тоже написалъ очеркъ противъ имябожниковъ, за что ему] была пожалована грамота отъ Священнаго Синода и подаренъ въ благословеніе образъ Всемиловитаго Спаса»<sup>591</sup>.

Отецъ Θεодосій также составилъ исторію Пантелеимонова монастыря<sup>592</sup>. Въ монастырской библіотекѣ хранится также его рукопись «Ученіе Православной Церкви о Священномъ Преданіи и отношеніи ея къ новому стилю», которая была нѣсколько

<sup>591</sup> Троицкій П. В. Свято-Аѳонскія встрѣчи. М., 2002. С. 52.

<sup>592</sup> Альманахъ «Къ Свѣту», выпускъ № 18. 2000.

разъ издана. Оставилъ онъ также свой молитвенный дневникъ, который подъ названіемъ «Непрестанно молитесь! О молитвѣ Иисусовой» былъ изданъ въ Мюнхенѣ въ 1990 году. Его ученикъ схимонахъ Никодимъ Карульскій оставилъ также много воспоминаній о своемъ старцѣ.

16 іюля 1919 года отецъ Теофанъ былъ постриженъ въ схиму съ именемъ Теоносій.

По мнѣнію современныхъ патрологовъ, «старецъ Теоносій считается послѣднимъ замѣтнымъ представителемъ традиціи старца Паисія (Величковскаго), работы котораго онъ переводилъ, а также преподобнаго Никодима Святогорца. Онъ объединялъ въ себѣ книжную образованность съ аскетизмомъ, строгость со способностью къ различенію духовъ»<sup>593</sup>.

Отецъ Теоносій въ первую очередь былъ молитвенникомъ, выдающимся дѣлательемъ Иисусовой молитвы. Интересны по этому поводу рассказы его ученика отца Никодима: «Я спросилъ старца: „Какъ мнѣ теперь и послѣ смерти вашей заниматься умной молитвой?“ Онъ отвѣтилъ: „Занимайся умной молитвой въ покаянномъ духѣ, не ищи сладостей сердечныхъ и видѣній умныхъ по воображенію, кромѣ случаевъ явной милости Божіей къ грѣшнику, подобно мытарю. Какимъ уже способомъ по отеческому преданію навѣкъ творить умную молитву, съ такимъ и оставайся. Только не привязывайся къ нему. Не давай ему дѣйствовать самому по себѣ. Никакой особой цѣны самъ способъ не имѣетъ. Считаю его лишь простымъ способомъ, орудіемъ твоимъ для собранія ума своего и приведенія въ чувство сердца своего. И благодатной силы къ тому ожидай отъ Бога, дающаго молитву молящемуся“.

Потомъ, вскорѣ послѣ этого старецъ написалъ мнѣ еще „Старческій завѣтъ и благословеніе“. Вотъ онъ:

„Старческій завѣтъ и благословеніе. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И въ честь Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы.

1. Господь да проститъ тя, чадо, за всѣ твои грѣхи прошедшіе, настоящіе и будущіе, въ коихъ будешь каяться духовнику послѣ меня.

2. На семъ основаніи вѣры и смиренія твоего строй, съ упованіемъ на Бога, домъ добродѣтелей разумнымъ послушаніемъ духовнику, съ соблюденіемъ моихъ старческихъ заповѣдей и посильнымъ безмолвіемъ съ непрестанной молитвой ко Господу Спасителю: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя».

3. И покрой свой духовный домъ вѣнцомъ добродѣтели — любовью къ Богу и ближнему, и да переселишься съ нимъ въ духовныя небесныя обители“.

Получивъ отъ старца для себя такое благодѣяніе: заниматься художественной [умно-сердечной. — *Сост.*] молитвой съ духовнымъ завѣщаніемъ, я зело возрадовался и не зналъ, какъ благодарить его. А уже въ болѣзни предъ кончиной своей онъ еще добавилъ: „Ну, теперь ты своимъ послушаніемъ заслужилъ себѣ безмолвіе внѣшнее, а о внутреннемъ

<sup>593</sup> Россія — Афонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 150.

позаботъся самъ, стяжать его усерднымъ покаяніемъ, послѣ моей кончины. Въ пропитаніи и во всемъ необходимомъ Богъ тебя не оставитъ“»<sup>594</sup>.

Несмотря на труднодоступную мѣстность Карули, къ отцу Θεодосію старались попасть почти всѣ посѣтителі Аѳона. Интересныя воспоминанія о такихъ встрѣчахъ оставили намъ извѣстные писатели Б. Зайцевъ<sup>595</sup> и Вл. Маевскій.

Приведемъ полностью разсказъ Вл. Маевского, такъ какъ онъ очень точно характеризуетъ выдающагося старца:

«Милости просимъ, дорогіе гости! — прозвучаль тихій привѣтливый голосъ. — Прошу васъ... входите съ Богомъ!

Это былъ прославленный аѳонскій старецъ-отшельникъ, іеросхимонахъ отецъ Θεодосій, въ далекомъ прошломъ воспитанникъ Казанской духовной академіи и ея профессоръ. Впослѣдствіи по глубокому духовному устремленію онъ удалился на Аѳонъ, а затѣмъ ушелъ въ отшельничество на Карулю. Здѣсь, проводя время въ постѣ и уединенной молитвѣ, онъ не чуждался и богословскихъ вопросовъ, углубляясь въ нихъ и ведя очень интересную полемическую переписку съ выдающимися учеными богословами — митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ), профессоромъ Н. Н. Глубоковскимъ и др.

Я спустился въ его крошечную, но чистенькую келейку и всецѣло погрузился въ созерцаніе этого замѣчательнаго человѣка... Я старался понять отца Θεодосія, присматривался внимательно и серьезно, боясь пропустить какое либо его слово, какой либо случайный отвѣтъ, и въ то же время съ истиннымъ восхищеніемъ слѣдилъ за его спокойными движеніями и тихимъ свѣтомъ его взгляда.

И, дѣлая всѣ эти наблюденія, я вскорѣ убѣдился въ одной непреложной истинѣ: тихій и привѣтливый старецъ отецъ Θεодосій былъ человѣкомъ исключительнымъ, необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряда другихъ людей по сочетанію тѣхъ добродѣтелей, какія такъ излучало отъ себя все его существо, казавшееся такимъ простымъ и несложнымъ. Чистота душевная и тѣлесная, цѣломудренное сердце, непоколебимая и горячая вѣра во все то, во что долженъ вѣрить истинный подвижникъ, дѣтская простота и полное довѣріе къ людямъ — все это такъ и сквозило изъ словъ и жестовъ старца. И не было никакого сомнѣнія, что весь конгломератъ добродѣтелей отца Θεодосія былъ прочно спаянъ въ одно прекрасное цѣлое однимъ живительнымъ цементомъ, а именно любовью о Христѣ, соединенной съ незыблемой вѣрностью Православію.

Нечего уже и упоминать о томъ, что старецъ, вѣроятно, приобрѣталъ свои неземныя богатства цѣной далеко не легкой. Дѣйствительно, о его неусыпномъ трудолюбіи, непрерывной молитвѣ, полномъ нестяжательствѣ, высокой степени воздержанія въ пищѣ и полномъ отсутствіи честолюбія мнѣ неоднократно разсказывали въ разныхъ аѳонскихъ обителяхъ.

<sup>594</sup> *Никодимъ (Карульскій), схимонахъ. Дневникъ о молитвѣ.*

<sup>595</sup> *Зайцевъ Б. Аѳонъ. Парижъ, 1928. С. 58.*

„Батюшка Θεодосій Карульскій... это вода въ чистомъ озерѣ, — сказалъ одинъ изъ святогорцевъ. — Чистая вода съ зеркальной гладью... Вотъ это и есть отецъ Θεодосій... А небеса-то Божьи въ этомъ зеркалѣ и отражаются... вотъ и все!“

...Улучивъ минуту, я снова удалился съ отцомъ Θεодосіемъ, посвятившимъ мнѣ цѣлыхъ два часа для личнаго собесѣдованія.

Никогда, конечно, не забуду я этого разговора, оставившаго неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ на всю жизнь. Содержаніе и сущность ея я позволю себѣ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, оставить въ тайнѣ даже отъ моихъ дорогихъ читателей, ибо вся моя бесѣда со старцемъ касалась вопросовъ исключительно моей личной жизни. Но какъ видѣлъ и какъ понималъ отецъ Θεодосій эту мою жизнь, протекающую отъ него столь далеко, среди мірской суеты!.. Какіе простые и въ то же время мудрые совѣты преподавалъ онъ мнѣ изъ глубины своего аѳонскаго уединенія!..

И тогда только понялъ я, какое великое благо представляетъ собой для христіанскаго міра подлинное отшельничество и старчество во Христѣ, какихъ духовныхъ высотъ могутъ достигнуть его истинные и достойные служители!

Затѣмъ отецъ Θεодосій повелъ меня въ свой крошечный храмъ-пещерку, и я простоялъ въ немъ всю вечерню, которую только чувство христіанскаго благоговѣнія не позволяетъ назвать сказочной, настолько сильно было своеобразное восхищеніе, охватившее все мое существо въ минуты этого рѣдкаго богослуженія.

Церковка, прилѣпившаяся къ скалѣ, не превышала 4–5 шаговъ въ длину и ширину по своимъ размѣрамъ, гнѣздилась высоко надъ крутымъ скатомъ. Но что за чувства и настроенія владѣли сердцемъ во время моей молитвы въ этомъ храмѣ!..

Когда вечерня закончилась, я не могъ удержаться, чтобы не побеспокоить старца новой просьбой еще побесѣдовать со мной, что онъ и исполнилъ съ прежней охотой и любовью.

Мы усѣлись у входа въ келейку старца и, глядя на море и прильнувшіе къ скаламъ около каливы, стали бесѣдовать какъ очень давніе знакомые и друзья.

Я обратился съ вопросомъ къ отцу Θεодосію: возможно ли спастись, живя въ міру?..

Выслушавъ мой вопросъ, старецъ немного задумался, а затѣмъ ласково сказалъ:

„Въ этомъ случаѣ повторю лишь слова моего учителя, оптинскаго старца, который на подобный вопросъ мудро отвѣтилъ, что въ своихъ рѣшеніяхъ нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ, основывающимся на заповѣдяхъ Господнихъ... Но при этомъ нужно помнить, конечно, что и всѣ добродѣтели крайне нужны тѣмъ, кои ищутъ Бога. Но мы знаемъ и то, — продолжалъ старецъ, — что многіе измождали свои тѣла, удалялись въ пустыню, усердно ревновали о трудахъ, любили нищету и, несмотря на все это, падали, склонившись во зло, и дѣлались достойными осужденія. Причина этому, что они всѣ не обладали добродѣтелью разсужденія и благоразумія, ибо эта добродѣтель направляетъ человѣка по прямому пути и удерживаетъ его отъ уклоненія.

Разсужденіе есть око души и ея свѣтильникъ... Разсужденіе есть поэтому и главная добродѣтель, по опредѣленію святаго Антонія Великаго, а потому нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ, основывающимся на заповѣдяхъ Господнихъ и на любви къ ближнимъ... Удалившись отъ міра и покинувъ семью, человекъ далеко не всегда находитъ покой душѣ своей. Подвиги нищеты и самоотверженія могутъ привести къ гордости и осужденію другихъ и этимъ только отдалить отъ Бога... Вернитесь въ домъ свой, помогайте по усердію бѣднымъ, соблюдайте уставы Святой Церкви — и получите желанный миръ въ душѣ, и будете жить во славу Божию...“ — таковъ совѣтъ высокой и практической мудрости преподанъ былъ мнѣ, святогорскому паломнику»<sup>596</sup>.

Послѣдніе дни отца Θεодосія и его смерть детально описалъ въ своемъ дневникѣ отецъ Никодимъ: «Заболѣлъ старецъ, и я все время былъ занятъ съ нимъ, и дневникъ писать нѣкогда было, и такъ до смерти его 2 октября 1937 года. Такъ и послѣ смерти старца какъ некому было показывать свой дневникъ, то я и прекратилъ писать его.

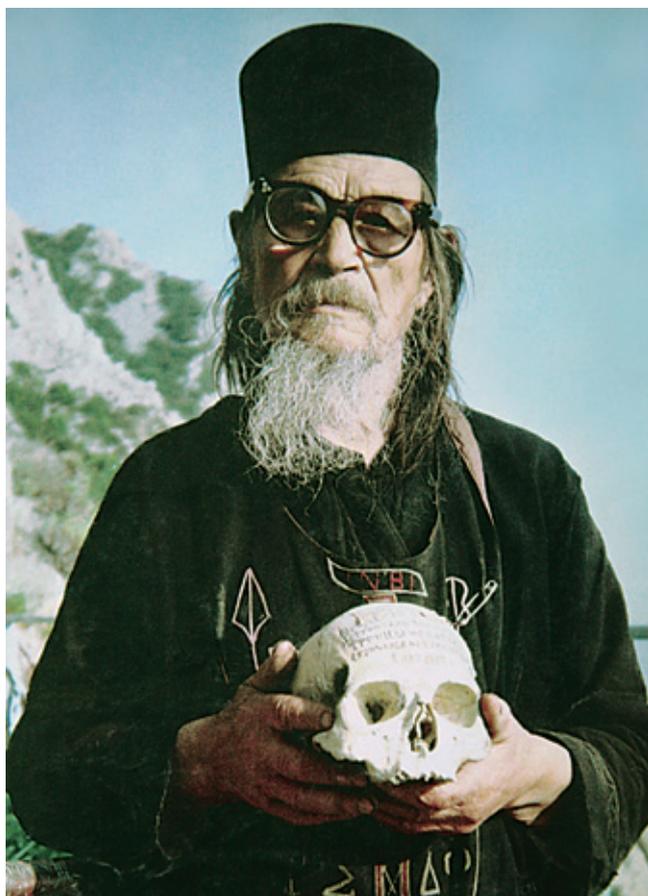
Болѣзнь старца началась съ простуды. Въ своей безмолвной каливкѣ онъ писалъ житія святыхъ ежедневно, по два часа въ сутки. Комнатка-то его маленькая, и потолокъ въ ней низкій, послѣ полудня воздухъ въ ней нагрѣвается, и старцу становилось душно. Чтобы избѣгнуть этой духоты, старецъ открывалъ два окна, одно противъ другаго, дѣлалъ сквознякъ и на этомъ сквознякѣ просиживалъ по два часа, отъ этого и простудился. Простуда перешла внутрь, и открылась болѣзнь въ желудкѣ, а затѣмъ перешла въ грудь, подъ ложечку. И предъ кончиной старецъ за часъ до смерти, по прочтеніи мною молитвъ ко причащенію приставилъ уста свои ко мнѣ и шепотомъ сказалъ: „Лобызаемся“, — и мы поцѣловались въ знакъ прощенія. Благословляя меня, онъ сказалъ: „Господь да благословитъ тебя, чадо, и укрѣпитъ, и сохранитъ, и въ крайней нуждѣ поможетъ“. И кивкомъ головы далъ мнѣ знакъ поторопить духовника, совершавшаго Литургію, поскорѣй прийти, чтобъ не опоздать до смерти причастить его.

Спустя 12 минутъ съ молитвой умной, по „Страннику“ (т. е. такъ, какъ совѣтуется въ книгѣ „Откровенные рассказы странника духовному своему отцу“), онъ тихо скончался. Въ моментъ смерти я сидѣлъ съ правой стороны старца, обнявъ лѣвой рукой его сидячаго, а правой слушалъ пульсъ его и молился съ нимъ вмѣстѣ, наблюдалъ, какъ, выдыхая изъ себя воздухъ, произносилъ онъ духомъ: „Помилуй мя“. И вдругъ замѣтилъ я, что пульсъ у старца остановился. Взглянувъ на лицо его, я видѣлъ, какъ онъ три раза съ паузами вздохнулъ и скончался у меня на рукахъ. По Божию благоволенію это случилось въ день Воскресенія Господа Иисуса Христа, 2 октября 1937 года, на память святаго блаженнаго Андрея, Христа ради юродиваго, которому духомъ тайно онъ старался ревновать, одно время дерзнулъ и самимъ дѣломъ юродствовать... Много можно бы писать о старцѣ, но мнѣ, какъ ученику его, неприлично писать о старцѣ своемъ...»

Преставился отецъ Θεодосій 2 октября 1937 года.

<sup>596</sup> Маевскій В. Аѳонскіе рассказы. Парижъ, 1950. С. 103.

## Схимонахъ Никодимъ<sup>597</sup>



Схимонахъ Никодимъ родился въ 80-хъ годахъ XIX вѣка въ Рязанской губерніи<sup>598</sup>. «Отець Никодимъ пришелъ на Аѳонъ еще юношей и тамъ оставался до блаженной своей кончины. Первоначально онъ поселился въ скиту Оиваида, а потомъ по благословенію преподобнаго Силуана перешелъ на Карулю, гдѣ подвизались пустынножители. Тамъ отецъ Никодимъ поступилъ въ послушаніе къ извѣстному русскому ученому-отшельнику старцу Θεодосію (Харитонову).

Всю жизнь свою подвизаясь на поприщѣ непрестанной молитвы, старецъ Никодимъ значительно преуспѣлъ въ этомъ дѣланіи. Но онъ никогда не гордился этимъ и не показывалъ передъ другими свой духовный уровень. Особенно это видно изъ его молитвеннаго дневника, читая который можно подумать, что онъ написанъ новоначальнымъ послушникомъ,

ибо старецъ Никодимъ здѣсь говоритъ преимущественно о своихъ недостаткахъ и по смиренію умалчиваетъ о своихъ достиженіяхъ. А вѣдь онъ къ моменту начала веденія дневника уже имѣлъ большой молитвенный опытъ, такъ какъ непрестанной молитвой онъ началъ заниматься еще до прихода на Аѳонъ.

«Прожилъ подъ старцемъ вотъ уже 11 лѣтъ, — пишетъ смиренный старецъ, — а послушанія настоящаго, внутренняго, еще не стяжалъ, да и во внѣшнемъ-то не совсѣмъ

<sup>597</sup> Фотографія взята изъ журнала «Русскій Паломникъ». 2001 годъ. № 23. Обложка.

<sup>598</sup> Въ монахологіи Руссика упомянутъ нѣкій монахъ Никаноръ (мірское имя его Никифоръ Исаевичъ Мушкаринъ). Крестьянинъ изъ Рязанской губерніи Сапожковскаго уѣзда села Затужи. Имя матери Іонія. Родился въ 1889 году, ростъ средній, волосы русые, глаза сѣрые. Поступилъ въ Руссикъ 29 ноября 1919 года, постриженъ въ рясофоръ 30 марта 1922 года, въ — мантию 8 марта 1924 года. Послушаніе проходилъ на Крумицѣ и Новой Оивайдѣ. Вышелъ изъ обители на Карулю 1 апрѣля 1926 года. Есть большая вѣроятность того, что онъ и схимонахъ Никодимъ одно и то же лицо.

исправенъ: очень горделивъ и лѣнивъ, а потому и молюсь плохо. Хотя и нравится мнѣ Иисусова молитва, и я уже давно молюсь ею, навѣкъ и къ художественному способу, по „Добротолюбію“ и по „Откровеннымъ разсказамъ странника...“, но суета, къ которой я пристрастился помимо прямого послушанія, къ тому же и укоренившіяся страсти мои, чревоугодіе и лѣнность съ саможалѣніемъ, не даютъ мнѣ вполне испытать образъ умно-сердечной молитвы съ художественными приѣмами, который, по нѣкоторымъ моимъ дѣйствіямъ замѣтилъ я, очень полезенъ для собранія ума моего и приведенія себя въ чувство. Когда же удастся болѣе-менѣе успокоиться и собраться въ себя, отринувъ всякую суету, тогда становится легко молиться, и обычныя страсти: лѣнность, сонъ — не такъ сильно одолеваятъ».

Но реальный духовный уровень отца Никодима ясно виденъ изъ его слѣдующихъ словъ: «Итакъ, желающему избавиться отъ этой невидимой и неосязаемой бѣды своей душевной — прелести діавольской, и не быть мерзостью презрѣнною, но быть благоуханіемъ у Бога прежде всего требуется хотя бы умомъ однимъ противъ воли повѣрить и убѣдить самого себя въ томъ, что непременно есть во мнѣ такая бѣда. А потомъ для избавленія отъ нея принять во всегдашнее памятованіе и особенно во время молитвы три необходимыхъ молитвенныхъ дѣланія:

1-е дѣло ума — самоукореніе;

2-е дѣло сердца — сокрушеніе;

3-е дѣло тѣла — крестнымъ знаменіемъ истовое себя осененіе и словъ молитвенныхъ внимательное и благоговѣйное произношеніе.

Этими тремя дѣланіями мы Богу бываемъ пріятны. А именно: самоукореніемъ съ памятованіемъ о грѣхахъ своихъ мы смиряемъ себя и этимъ приклоняемъ Бога на милость къ себѣ и привлекаемъ взоръ его на себя. *„И на когó воззрю, тóкмо на крótкаго и молчаливаго и трепéщуцаго словéсъ мои́хъ?“* (Ис. 66:2), — сказалъ Богъ. Сокрушеніемъ, какъ благовоннымъ фиміамомъ, мы благоговониваемъ себя, заглушая тѣмъ зловоніе своего мертвеца. Епископъ Игнатій (Брянчаниновъ) сказалъ: „Кто хочетъ помолиться, тотъ долженъ прежде покадить сокрушеніемъ въ сердцѣ своемъ“. *„Жертва Бóгу дýхъ сокрушёнъ: сёрдце сокрушённо и смирённо Бóгъ не уничижитъ“* (Пс. 50:19). Крестное знаменіе само уже есть Божія благодать, если оно полагается истово и благоговѣйно. Нужно помнить, что Самъ Господь Иисусъ Христосъ распятый виситъ на Крестѣ. Такая молитва есть время благоволенія Божія къ молящемуся. Слѣдовательно, въ это святое время все освящается въ насъ и не остается мѣста зловоннаго. Эти три дѣланія для человѣка прельщеннаго есть надежное убѣжище. Безъ нихъ опять зловоніе ползетъ и бѣсы паки облѣпять. Такъ скоро въ человѣкѣ меняется духовное состояніе его. Какъ сказалъ богомудрый пастырь отецъ Іоаннъ Кронштадтскій: „Отъ жизни до смерти одинъ шагъ“ („Дневникъ“). Состояніе меняется: то въ духовное, то въ грѣховное, то въ святое, то въ слѣпое. Посмотри на себя во время молитвы, какъ бываетъ съ тобой. Самоукоренія въ умѣ нѣтъ, тоже

и сокрушенія въ сердцѣ нѣтъ, и крестишься безъ вниманія, не благоговѣнно, также и молитвы читаешь небрежно. Откуда же родится чувство умиленія, являющееся признакомъ благодати Божіей. Вотъ и есть ты живой мертвецъ.

Начнешь нудить себя на эти три дѣланія, пробудится и чувство, согрѣется сердце отъ сокрушенія, а затѣмъ придетъ и умиленіе — благодать Божія, и потекутъ слезы. Вотъ и воскресъ мертвецъ, слава Богу. А чаще такъ будешь дѣлать, а затѣмъ и повсегда въ молитвѣ и безъ молитвы, то и никогда не будешь умирать, и освободишься отъ прелести благодатью Божіей за ходатайство Божіей Матери и за молитвы святыхъ».

За искреннее покаяніе и сокрушеніе отцу Никодиму была дана какъ даръ отъ Бога непрестанная молитва. Онъ пишетъ: «Молясь непрестанно Іисусовой молитвой, будь весель, въ благодушномъ спокойномъ духѣ и исполнись радостью — радостопечалью въ сердцѣ. Пребывая въ памяти Божіей (т. е. въ непрестанной молитвѣ. — *Сост.*), помни: вѣдь это райское занятіе, тебя Богъ ввелъ въ этотъ райскій садъ и сказалъ тебѣ: „Смотри на эти прекрасныя плодовыея деревья, воздѣлывай и храни ихъ, и жди съ нихъ плода въ свое время, и тогда вдоволь насытишься, а пока услаждайся только зоркимъ вниманіемъ и смотрѣніемъ своимъ на эти райскія деревья (перебирая въ памяти святыхъ мысли), поливая ихъ изобильно чистою водою твоихъ слезъ. И услаждайся надеждою на вкушеніе плодовъ отъ сихъ деревьевъ въ свое время, и уповай на милость Божью“.

А безумное уныніе, не стерпѣвъ труда сладкаго сего, кричитъ: „Трудно мнѣ долго ждать. Дай скорѣ!“ — недовольно ему услажденія надеждою, а въ безпокойствѣ духа кричитъ и кричитъ: „Дай, да дай теперъ!“ — а не то и роптать еще начинаетъ. И Богъ, не терпя такой дерзости и гордости, удаляетъ того человѣка изъ сада своего, изъ рая сладости — молитвы непрестанной. Тогда постигаетъ человѣка того полное уныніе и омраченіе. Если иногда и захочетъ войти въ этотъ садъ, то не можетъ, станетъ каяться и молиться, но долго прощенія не получаетъ. Итакъ, пылинка ты ничтожная, червячокъ слабѣйшій, человѣче-грѣшниче, смирись и не дерзай никогда искать, желать и просить себѣ святости у Бога, чтобъ сравняться со святыми. Но отвергни отъ себя уныніе и лѣность и отъ всей души возблагодари Бога за то, что ввелъ онъ тебя въ этотъ рай и да-етъ иногда, хоть отчасти, вкушать въ надеждѣ отъ цвѣтовъ райскихъ древесъ сладости (святыхъ мыслей въ молитвѣ). Чѣмъ меньше этотъ твой рай того рая, въ коемъ жилъ въ началѣ твой праотецъ Адамъ? Посмотри, увидишь ли чего болѣе, что есть на небѣ у престола Божія? Тамъ есть тѣмъ святыхъ ангеловъ, славящихъ Бога Саваоѳа и непрестанно взывающихъ: „Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ...“ Ты тоже славишь, только иными словами: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій...“ (Эта мысль мнѣ отъ Бога послѣ долгаго угнетеннаго душевнаго моего состоянія, бывшаго наказаніемъ за гордость мою 28 февраля.) Слава Богу за все! Богъ наказалъ, Богъ и помиловалъ. Напередъ урокъ: „Дѣлая добро, да не стужаемъ“, — ибо въ свое время пожнемъ добрый плодъ, если не ослабѣемъ. И еще: „*яко стѣяй въ плѣть свою, отъ плѣти пожнетъ истлѣніе:*

а стѣй въ дѹхъ, отъ дѹха пожнетъ живѳтъ вѣчнѳй“ (Гал. 6:8)»<sup>599</sup>.

Къ отцу Никодиму за духовными совѣтами приходили не только аѳонскіе монахи, но прїѣзжали люди съ разныхъ концовъ свѣта. Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія послѣ встрѣчи съ нимъ писатель Павелъ Ракъ: «Въ хижинѣ, прилѣпившейся къ скалѣ наподобіе ласточкинаго гнѣзда, жилъ одинъ очень благочестивый старецъ, великій постникъ и молитвенникъ, одинъ изъ послѣднихъ аѳонскихъ русскихъ, покинувшихъ Родину еще до Первой міровой войны и помнившихъ только царскую Россію. Этотъ русскій говорилъ посѣщавшимъ его, что милостивый Господь даровалъ ему освобожденіе отъ всѣхъ заботъ и суеты, отъ всѣхъ воспоминаній и что онъ все позабылъ, даже и молитвъ уже не помнитъ. Оставилъ ему Господь только одну



самую короткую, на Аѳонѣ самую главную молитву — Иисусову. Да ужъ если на то пошло, могъ бы онъ обойтись и безъ этой молитвы, вполне достаточно одного имени Иисусова. Довольно и того, чтобы имя Его не сходило съ губъ, чтобы пребывало въ сердцѣ чело-вѣка даже и во снѣ. Старецъ тотъ недавно умеръ. Мой собесѣдникъ, какъ ближайшій сосѣдъ, вмѣстѣ съ молодыми греками изъ ближней келліи старался облегчить ему послѣдніе дни. Особенно онъ заботился о томъ, чтобы старецъ не умеръ безъ причастія, и старался проводить его какъ подобаетъ въ самую короткую дорогу — изъ этого міра въ иной. Поэтому каждую ночь, въ полночь, онъ приходилъ къ старцу съ дароносицей и причащалъ его. Греки иногда ругали сосѣда за излишнюю ревность, за то, что онъ беспокоитъ немощнаго въ такое время, но вѣдь и самъ старецъ желалъ, чтобы было такъ. А когда въ одну изъ ночей отецъ Никодимъ отдалъ Богу душу, всѣ, кто оказался около его одра, были поражены тѣмъ, что вмѣсто неутѣшной боли почувствовали радость, которая у каждого исходила изъ сердца и словно бы растекалась по всѣму тѣлу. Они говорили потомъ, что присутствовали при томъ, какъ ангелы забирали его душу, и не могли не радоваться»<sup>600</sup>.

Скончался старецъ Никодимъ въ 1984 году, имѣя почти 100 лѣтъ отъ роду.

<sup>599</sup> «Непрестанно молитесь!» О молитвѣ Иисусовой. Мюнхень, 1990. С. 73.

<sup>600</sup> Павелъ Ракъ. Приближенія къ Аѳону. СПб., 1995. С. 113.

## Преподобномученикъ Григорій (Владиміровъ)

Преподобномученикъ Григорій (въ міру Григорій Петровичъ Владиміровъ) родился въ 1873 году въ Псковской губерніи.

Прибыль на Аѳонъ въ 1901 году. Поступилъ послушникомъ къ одному старцу-греку, который жилъ въ одинокой келии на территоріи Ставроникитскаго монастыря. Старець часто болѣлъ, и Григорій ухаживалъ за нимъ какъ за младенцемъ. Старець полюбилъ преданнаго и послушнаго подопечнаго и постригъ его въ мантию съ именемъ Герасимъ, а позже въ схиму съ именемъ Григорій. Жили они вмѣстѣ почти 13 лѣтъ, старецъ былъ большимъ любителемъ безмолвія и Иисусовой молитвы, къ чѣму приучалъ и свое чадо. Въ 1910 году по благословенію старца въ монастырѣ Ставроникита отца Григорія рукоположили въ іеромонаха. Въ 1913 году старецъ умеръ, и отецъ Григорій самъ сталъ владѣльцемъ келии, которая къ этому времени обветшала и пришла въ полную негодность, такъ какъ старецъ не былъ склоненъ заботиться о хозяйствѣ. Отцу Григорію пришлось провести хоть какія нибудь ремонтныя работы, чтобы дальше жить въ этой келии. Съ цѣлью найти средства для ремонта онъ совершилъ поѣздку въ Россію, но, къ его большому сожалѣнію, началась міровая война, и онъ уже не смогъ вернуться на Аѳонъ.

Отець Григорій не сталъ дожидаться окончанія войны и уже съ конца 1914 года сталъ полковымъ священникомъ на фронтѣ, прошелъ всѣ перипетіи той исторической эпохи: войну, революцію, гоненія на Церковь. Въ 1924 году былъ арестованъ большевиками и высланъ въ Новгородъ, гдѣ жилъ въ монастырѣ.

Съ 1927 года онъ примкнулъ къ іосифлянамъ, перешелъ на нелегальное положеніе, сталъ служить тайно, собиралъ подписи на постройку молитвеннаго дома. Второй разъ арестовали его въ Новгородѣ въ 1929 году и осудили на 10 лѣтъ исправительно-трудовыхъ колоній. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ отбывалъ срокъ въ Соловецкомъ лагерѣ, послѣ былъ отправленъ въ ссылку въ Казахстанъ.

9 сентября 1937 года былъ въ третій разъ арестованъ. На этотъ разъ специальной тройкой онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу. Разстрѣляли отца Григорія 19 ноября 1937 года въ Южной Казахстанской области, у города Чимкента, въ мѣстечкѣ Лыся Балка<sup>601</sup>.

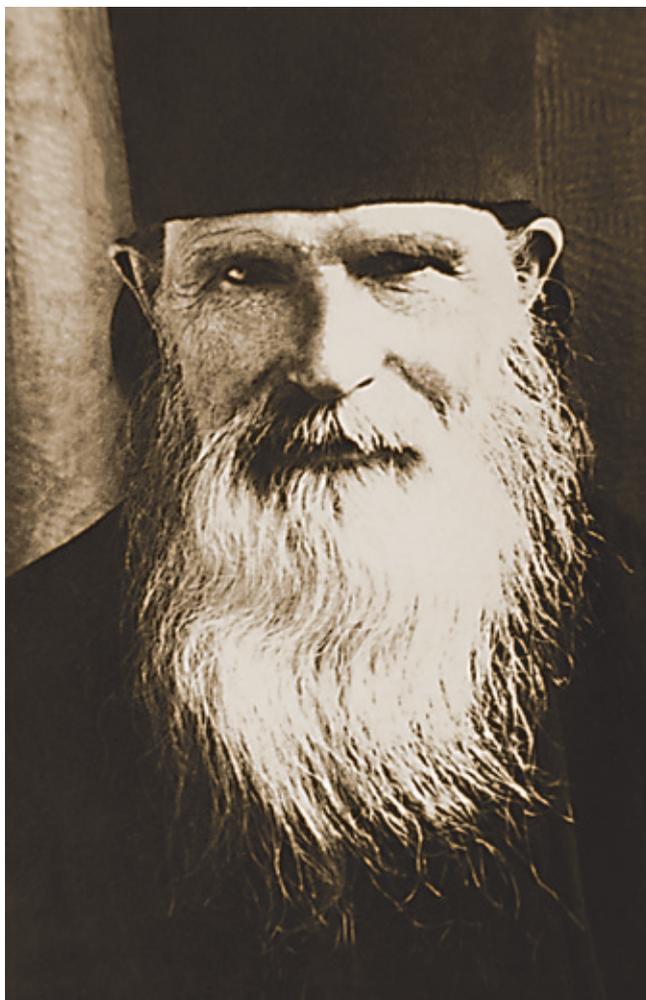
---

<sup>601</sup> Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 69.

## Схигуменъ Кассіанъ (Корепановъ)

Схигуменъ Кассіанъ (въ міру Константинъ Тимоѳеевичъ Корепановъ) былъ мѣщаниномъ изъ города Бирска Уфимской губерніи. Имя матери Евдокія. Родился въ 1867 году. Былъ женатъ, имѣлъ дочь, которая впослѣдствіи стала монахиней. Послѣ смерти жены принялъ рѣшеніе стать монахомъ и съ этой цѣлью отправился на Аѳонъ.

Константинъ Тимоѳеевичъ былъ принятъ въ Руссикъ 24 февраля 1903 года, гдѣ былъ постриженъ въ рясофоръ 18 февраля 1904 года. Послушаніе проходилъ въ канцеляріи писаремъ. Въ 1904–1905 годахъ отбывалъ воинскую повинность, воевалъ въ теченіе всей Русско-японской войны. По возвращеніи былъ постриженъ въ схиму 9 марта 1906 года и на послушаніе опредѣленъ опять въ канцелярію. Съ 1908 года по благословенію своего духовника отца Агаѳодора (Буданова) принялъ подвигъ безмолвія и поселился въ одинокой каливкѣ на Новой Өивайдѣ. А съ 1924 года,



желая болѣе усугубить свой подвигъ безмолвія, переѣхалъ на Карулю, гдѣ условія проживанія для отшельниковъ были крайне тяжелыми. Съ 1927 года онъ возвращается въ обитель и живетъ въ отдельной каливѣ, такъ называемой «Келліи въ Кипарисахъ», внѣ монастырскихъ стѣнъ по отшельническому уставу.

5 июня 1933 года по рѣшенію Собора Старцевъ монастыря отецъ Кассіанъ былъ посланъ для сбора пожертвованій въ Сербію. Онъ много потрудился на этомъ поприщѣ для блага монастыря, и одновременно его высокая духовность стала извѣстна внѣ Аѳона.

Иеромонахъ Серафимъ изъ Почаевской обители такъ характеризуетъ его: «Главная отличительная черта его характера есть общительность и живая дѣйственная



Отец Кассианъ и владыка Виталий  
въ Почаевской Лавръ.  
Фотографія 30-хъ годовъ XX вѣка

любовь къ людямъ. Къ нему, въ его пустынную, внѣ монастыря келлію особенно любятъ ходить наши монахи карпатороссы. И каждаго онъ обласкаетъ, утѣшитъ, наставитъ и угоститъ своей пустынной пищей. Отецъ Кассианъ весьма ревнуетъ также и о внѣшней миссіи. За свою долгую отшельническую жизнь въ знаменитыхъ пустыняхъ аѳонскихъ, Новой Өивайдѣ и Карулѣ, онъ много собралъ интересныхъ духовныхъ повѣствованій и теперь помѣщаетъ ихъ, конечно, по скромности подъ псевдонимами, въ разныхъ духовныхъ заграничныхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ нашей газетѣ „Православная Карпатская Русь“»<sup>602</sup>. Съ отцомъ Кассианомъ дружилъ преподобный Силуанъ, о чемъ сообщаетъ намъ отецъ Софроній (Сахаровъ): «Въ тридцатыхъ годахъ въ теченіе долгого времени онъ [преподобный Силуанъ] часто ходилъ къ своему другу схимонаху Кассиану, когда тотъ жилъ около монастыря въ „Кипарисахъ“. Отецъ Кассианъ

любилъ и очень уважалъ старца, дорожилъ его приходами и съ удовольствіемъ читалъ ему вслухъ»<sup>603</sup>.

18 февраля 1934 года согласно просьбѣ архимандрита Виталія (Максименко) [будущаго митрополита], тогдашняго настоятеля обители преподобнаго Іова Почаевскаго, и по благословенію игумена Мисаила отецъ Кассианъ отправился въ Почаевскій монастырь, гдѣ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и въ іеромонаха. Черезъ нѣкоторое время по просьбѣ архимандрита Виталія онъ перешелъ въ Пѣшскій монастырь, гдѣ сталъ игуменомъ. Но въ 1937 году вновь вернулся въ Почаевскую Лавру. Все это время онъ поддерживалъ духовную связь съ монастыремъ — писалъ письма игумену Мисаилу<sup>604</sup>.

Въ сентябрѣ 1939 года послѣ занятія Почаева большевиками бѣжалъ на Волинь, а 11 іюня 1940 года черезъ Берлинъ и Бѣлградъ пріѣхалъ на Аѳонъ. Вначалѣ поселился

<sup>602</sup> *Серафимъ, іеромонахъ*. На св. Аѳонѣ пасхальными днями 1931 года // Православный русскій календарь на 1932 годъ. Владиміровка, 1931. С. 42.

<sup>603</sup> *Софроній (Сахаровъ), архимандритъ*. Преподобный Силуанъ Аѳонскій. РПМА, 2004. С. 187.

<sup>604</sup> АРПМА. Док. № 1259.

на Новой Оивайдѣ, послѣ перешель въ Благовѣщенскую келлію на Капсалѣ, къ старцу Іоанникію<sup>605</sup> слѣпому, въ октябрѣ 1941 года перешель въ Крестовскую келлію, затѣмъ въ монастырь Хиландарь, а въ концѣ жизни жилъ на каливѣ старца Николая (Кривенко)<sup>606</sup> около Покровской келліи Ставроникитскаго монастыря. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни проживалъ, онъ славился высокой подвижнической жизнью. На Аѳонѣ всѣ русскіе отшельники и сиромахи считали его своимъ духовнымъ отцомъ, только у него исповѣдавались и получали духовныя наставленія.

Въ библиотекѣ обители хранятся составленные имъ очерки о покровительствѣ Божіей Матери надъ Святой Горой<sup>607</sup> и очеркъ «Опроверженіе новостильническихъ возраженій противъ стараго Юліанскаго стиля и пасхалій»<sup>608</sup>.

Приведемъ фрагментъ изъ его трактата «Верховная Покровительница Аѳона — Матерь Божія»: «Какъ въ древнія времена, такъ и нынѣ верховная правительница Аѳона Небесная Игуменя Матерь Божія неусыпно бдитъ надъ бытомъ иноковъ Своего вертограда, царственно и предивно охраняетъ свой любимый жребій, избранный Ею въ наслѣдіе Себѣ отъ древнихъ вѣковъ. Во всѣ минувшіе вѣка и по сію пору всѣ, не только православные, но и иновѣрные, и даже невѣрные, — всѣ признавали и нынѣ признаютъ, что Святая Аѳонская Гора находится подъ особымъ покровительствомъ Пресвятыя Госпожи Дѣвы Богородицы и что это мѣсто есть жребій Ея евангельской проповѣди: хранить, покрывать и заступать живущихъ на ней иноковъ до скончанія вѣка. И дѣйствительно, рѣдкое изъ преданій отличается такимъ истинно осязательнымъ доказательствомъ, какъ вышеприведенное обѣтованіе Богоматери „хранить“ сію Гору подъ особымъ Своимъ державнымъ покровомъ, которое такъ ясно и въ виду всѣхъ исполняется и въ настоящее время»<sup>609</sup>.

Въ другомъ мѣсте онъ продолжаетъ: «Какое отрадное утѣшеніе тебѣ, аѳонскій житель, что удостоился ты пребывать въ такомъ священномъ мѣстѣ, гдѣ излилась полнота Божественной любви Царицы Небесной, которое избрано Ею въ Свое наслѣдіе, гдѣ Она, съ материнской заботливостью надзирая Святую Гору, явно и незримо-тайно изливаетъ благодатные дары Свои»<sup>610</sup>. «Бдительное настоятельское Ея око всюду прозираетъ на Своихъ чадъ духовныхъ — замѣтитъ ли Она въ комъ горячую

<sup>605</sup> Схиеромонахъ Іоанникій уроженецъ Россіи. Прибыль на Аѳонъ въ 1887 году и принялъ постригъ въ Ильинскомъ скиту. Послѣ жилъ на Благовѣщенской келліи Симонопетрскаго монастыря, гдѣ въ 1896 году сталъ настоятелемъ ея. Преставился въ апрѣлѣ 1952 года, былъ найденъ умершимъ въ келліи. Вмѣстѣ съ нимъ найденъ умершимъ его послушникъ іеромонахъ Симонъ.

<sup>606</sup> Монахъ Николай (Кривенко) пустынный, жилъ на собственной каливѣ на территоріи Ставроникитскаго монастыря. Портной и писарь. Въ 1919 году еще былъ живъ. Дата смерти не установлена.

<sup>607</sup> БРПМА. Док.: № 41921, 41922, 41926.

<sup>608</sup> БРПМА. Док. № 42203.

<sup>609</sup> БРПМА. Док. № 41921. С. 3–4.

<sup>610</sup> БРПМА. Док. № 41922. С. 3.

любовь ко Господу, усердіе, стремленіе къ Нему, Она радуется о немъ и изливаетъ на него большія благодатныя Свои дарованія. Усмотритъ ли нерадящаго о своемъ спасеніи, Она сожалѣетъ о немъ, печалится и всѣ средства открываетъ для его исправленія, и если онъ опомнится, то благодатью Ея возстанетъ и на сугубые простирается подвиги, но если отыщеть и такихъ, кои въ ожесточеніи своемъ упорно пребываютъ въ порокахъ и страстяхъ, такихъ Она наказываетъ или болѣзнию, скорбями, или же совсѣмъ удаляетъ отъ Своего стада. Такъ пасетъ Она премудро насельниковъ Своего вертограда и предпосылаетъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ въ горныя обители, какъ бы говоря: „Тамъ тебѣ, афонскій житель, слуга Мой вѣрный, рабъ Христовъ, готова райская обитель — награда вѣры и трудовъ!“»<sup>611</sup>.

Преставился отецъ Кассіанъ 7 сентября 1946 года.

## Схимонахъ Ниль (Злобинъ)

Мы не знаемъ, гдѣ въ Россіи родился схимонахъ Ниль (Злобинъ), можемъ лишь предполагать, что случилось это въ 1863 году. Не знаемъ также, какъ онъ росъ и чѣмъ онъ занимался до своего 20-лѣтняго возраста, но опять-таки можемъ думать, что въ 1883 году онъ принимаетъ рѣшеніе ѣхать на Афонъ и навсегда уединиться въ какой нибудь пещерѣ или хижинѣ.

Приѣхавъ на Афонъ, онъ нашель подходящее мѣсто для своихъ будущихъ подвиговъ на Карулѣ. Здѣсь, въ полуразрушенной хижинѣ у пещеры, онъ провель около 60 лѣтъ. Намъ достовѣрно извѣстно лишь, что въ 1942 году онъ еще былъ живъ и что ему тогда было 79 лѣтъ<sup>612</sup>.

О монашеской жизни отца Нила тоже почти нѣтъ данныхъ. Маленькое сообщеніе о немъ даетъ намъ архимандритъ Херувимъ (Карамбеласъ): «Я побывалъ у многихъ аскетовъ, жизнь которыхъ характеризовало одно общее свойство: они были настоящими монахами, настоящими аскетами. Среди нихъ — отецъ Ниль, пожилой русскій исихастъ»<sup>613</sup>. И еще въ другомъ источникѣ мы узнаемъ: «Въ безводныхъ лачугахъ жилъ монахъ Ниль, который, выкопавъ себѣ могилу и совершая въ ней свое молитвенное правило, былъ найденъ мертвымъ въ молитвенной позѣ съ четками въ рукѣ»<sup>614</sup>.

---

<sup>611</sup> Тамъ же. С. 6–7.

<sup>612</sup> АРПМА. Док. № 1474. С. 1.

<sup>613</sup> Херувимъ (Карамбеласъ), архимандритъ. Изъ удѣла Божіей Матери. Кіевъ, 1998. С. 113.

<sup>614</sup> Россія — Афонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 г. М., ПСТГУ, 2008. С. 152.



*Возможно, именно въ этой карульской пещерѣ жилъ отецъ Нилъ*

Для составленія жизнеописанія этихъ скудныхъ данныхъ явно маловато, но мы все равно включили житіе отца Нила въ эту книгу, такъ какъ очевидно, что его невѣроятный подвигъ не нуждается въ обогащеніи фактическими данными.

## **Іеросхимонахъ Никонъ (Штрандтманъ)**

Іеросхимонахъ Никонъ (Штрандтманъ) родился въ 1873 году. Изученію его біографіи посвятилъ много силъ и времени извѣстный изслѣдователь Аѳона П. В. Троицкій. Приведемъ цѣликомъ результатъ его работы на эту тему.

Іеросхимонахъ Никонъ «...начиналъ карьеру офицеромъ, служилъ въ лейбъ-гвардейскомъ полку Его Величества, участвовалъ въ Русско-японской и Первой міровой войнѣ, былъ раненъ. Служилъ адъютантомъ Великаго князя Андрея Владиміровича и закончилъ службу въ чинѣ полковника. Затѣмъ, какъ и большинство русскихъ бѣженцевъ, оказался въ Югославіи. Тамъ онъ принялъ постригъ въ одномъ изъ монастырей

Сербии. Собственно, намъ только и извѣстно его монашеское имя — іеромонахъ Никонъ. Не позднѣе конца 30-хъ годовъ поселился на Аѳонѣ, въ одномъ изъ самыхъ суровыхъ мѣстъ подъ названіемъ Каруля. Здѣсь сама мѣстность дѣлаетъ человѣка затворникомъ — кругомъ обрывы и пропасти, по которымъ можно передвигаться только съ помощью веревокъ.

Одну изъ нашихъ поѣздокъ на Аѳонъ мы спеціально посвятили сбору данныхъ объ отцѣ Никонѣ. Намъ были извѣстны имена трехъ монаховъ, которые знали отца Никона. Съ однимъ изъ нихъ намъ поговорить не удалось, другіе же два дали бывшему полковнику исчерпывающую характеристику, поминутно восклицая: „Калось... калось“. Еще удалось намъ узнать, что отецъ Никонъ свободно владѣлъ пятью языками: англійскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, итальянскимъ и испанскимъ. Но получить болѣе подробныя свѣдѣнія было очень трудно, такъ какъ аѳонскіе монахи мало вниманія удѣляютъ внѣшнимъ моментамъ или фактамъ біографіи своихъ собратіевъ по монашеской жизни. Это и понятно: главное — спасеніе. А кѣмъ былъ въ міру монахъ, даже и знать не обязательно. Правильно, но... не совсѣмъ. Жизнеописаніе каждаго подвижника имѣетъ большое значеніе для людей, живущихъ въ міру.

Представитель высшаго общества, отвергнувшій міръ, нашедшій себѣ пріютъ даже не въ пустынѣ, а на небольшомъ уступѣ скалы и живущій даже не въ келліи, а въ крошечной избушкѣ или даже въ каменной норѣ, — какой урокъ для человѣка, еще не выбравшаго пустыню! Кромѣ того, если святость, подвиги, чудеса — это элементы повседневной жизни аѳонскаго монаха, то для человѣка, живущаго въ нынѣшнее время, — это повѣсть изъ древней книги, чудомъ найденной на полкѣ современнаго міра.

Объ отцѣ Никонѣ сохранилось очень мало свѣдѣній, тѣмъ болѣе о его аѳонскомъ періодѣ жизни, хотя прожилъ онъ на Аѳонѣ около 30 лѣтъ.

Удивительно, что многіе карульцы были долгожителями. Такъ, русскій монахъ Ниль, исихастъ, прожилъ около ста лѣтъ. И по преданію, онъ самъ приготовилъ себѣ могилу, съ помощью молодаго монаха самъ забрался въ нее и тутъ же предалъ духъ своему Домовладыкѣ.

Іеросхимонахъ Θεодосій и его ученикъ Никодимъ также дожили до глубокой старости. Видимо, уже въ глубокой старости умеръ и другой русскій іеросхимонахъ, самый загадочный карульскій житель, въ міру представитель высшаго свѣта — отецъ Парѳеній. Такъ же и отецъ Никонъ прожилъ 90 лѣтъ и отошелъ ко Господу 20 сентября 1963 года.

Трудно себѣ представить, какъ можно было жить въ такомъ возрастѣ на суровой Карулѣ, гдѣ въ то время нельзя было рассчитывать на медицинскую помощь или просто найти медикаменты. Постъ и молитва такъ угодны Богу и столь необходимы людямъ,

что Господь продлеваетъ дни своихъ служителей, нарушая этимъ законы природы. Чтобы оцѣнить подвигъ отца Никона и ему подобныхъ отшельниковъ, достаточно одинъ разъ побывать на Карулѣ. Въ самые жаркіе мѣсяцы живущіе тамъ отцы буквально поджариваются какъ на сковородкѣ. Камень раскаляется на безпощадномъ солнцѣ, и, кажется, нѣтъ спасенія отъ жары ни днемъ, ни ночью. Не говоря уже о томъ, что подобные отшельники отрѣзаны не только отъ міра, но и отъ другихъ аѳонскихъ обитателей. Крутые склоны, по которымъ передвигаться чрезвычайно трудно, не даютъ возможности часто нарушать уединеніе и любаго способны сдѣлать постникомъ: по отвѣснымъ скаламъ не поносишь ничего лишняго.

Архимандритъ Херувимъ (Карамбеласъ) дважды упоминаетъ отца Никона въ своей книгѣ „Удѣлъ Божіей Матери“. Первый отрывокъ <...> это описаніе одного изъ посѣщеній старца, когда молодой послушникъ, будущій архимандритъ, восторгается смиреніемъ русскаго монаха. Второй отрывокъ, болѣе короткій, тоже достоинъ цитированія.

„Здѣсь, — сказалъ мнѣ мой собратъ, — находится калива Святой Георгій, гдѣ безмолвствуетъ одинъ очень образованный русскій, отецъ Никонъ, бывший въ прошломъ офицеромъ русской арміи.

Мы постучали въ дверь и обождали. Вскорѣ показался посѣдѣвшій благообразный монахъ съ небесной улыбкой и какой-то внемірной добротой на лицѣ. Мы оставили ему немного ѣды, взяли у него благословеніе, облобызавъ его руку, и продолжили свой путь“<sup>615</sup>.

Приведемъ здѣсь и вышеупомянутый первый отрывокъ воспоминаній объ отцѣ Никонѣ архимандрита Херувима (Карамбеласа): «Открылась дверь, и показалась эта замѣчательная личность. Онъ первый сдѣлалъ предо мной поклонъ и что-то сказалъ по-русски. Я слушалъ его, ничего не понимая; смотрѣлъ на него и поражался. „Вотъ, — думалъ я себѣ, — небесный человѣкъ, который находится еще на землѣ!..“ Въ одномъ порывѣ я склонился, чтобы ухватиться за его подрясникъ, поцѣловать ноги, однако онъ успѣлъ раньше меня. Однимъ незамѣтнымъ движеніемъ онъ оказался передо мной колѣнопреклоненнымъ головой до земли. Услышалъ, какъ онъ, находясь въ такомъ положеніи, шепчетъ: „Благодарю, благодарю“. Это былъ незабываемый пустынный — высшій офицерскій чинъ русской арміи, знавшій нѣсколько языковъ, всесторонне образованный отецъ Никонъ»<sup>616</sup>.

Старецъ Гавриилъ Діонисіатскій также съ восхищеніемъ пишетъ въ своемъ «Лавсаикѣ» объ іеромонахѣ Никонѣ (1969 г.): «Офицеръ старшаго команднаго состава царской арміи, знатокъ языковъ и богословія. Его посѣщало много иностранцевъ и особенно людей протестантскаго вѣроисповѣданія, которые уходили очарованные общеніемъ съ нимъ на религіозныя темы, а одинъ изъ нихъ, бывший въ то время

<sup>615</sup> Троицкій П. В. Русскіе на Аѳонѣ. 19–20 вѣкъ. М., 2003. С. 321.

<sup>616</sup> Херувимъ (Карамбеласъ), архимандритъ. Изъ удѣла Божіей Матери. Кіевъ, 1998. С. 110.



депутатомъ британской Палаты общинъ, принялъ Православіе и въ настоящее время является его ревностнымъ исповѣдникомъ въ Лондонѣ, и повсюду съ благодарностью рассказываетъ объ отцѣ Никонѣ изъ-за спасительнаго духовнаго пробужденія его самого и его родныхъ»<sup>617</sup>.

## Иеросхимонахъ Парѣеній

Иеросхимонахъ Парѣеній — именно тотъ загадочный русскій подвижникъ, о которомъ въ вышеприведенной цитатѣ говорилъ П. В. Троицкій: «О немъ мы, увы, можемъ вспомнить очень мало. Какъ много поглотило время и нерадѣніе... А жизнь эта, законченная въ единственномъ въ мірѣ мѣстѣ, гдѣ не рождаются, а только умираютъ, безъ сомнѣнія, могла бы украсить Аѳонскій Патерикъ»<sup>618</sup>.

По карульскому преданію, отецъ Парѣеній принадлежалъ къ царскому роду Романовыхъ. Въ 25-мъ номерѣ «Русскаго паломника» есть воспоминанія схимонаха Макарія объ отцѣ Парѣеніи: «Личность таинственная. Слышно было, что принадлежалъ извѣстной княжеской фамиліи. Очень рѣдко кого принималъ въ своемъ домикѣ съ церковкой. Часто служилъ Литургію, а помогалъ ему схимонахъ Зосима — карулецъ, который пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Другихъ онъ не допускалъ на свое служеніе. Я все же одинъ разъ удостоился быть принятымъ въ его домикѣ и въ бесѣдѣ съ нимъ за чашкой чая ясно увидѣлъ, что онъ не изъ простыхъ людей... Онъ былъ подвижникъ и дѣлатель умной молитвы. Его собранность чувствъ, его отчужденность отъ міра говорили сами за себя, подавая примѣръ и намъ, желающимъ спастись. Его дворикъ съ церковкой находился внизу, недалеко отъ моря, окруженный оградой. Дворикъ былъ намъ хорошо виденъ съ дорожкой посерединѣ, по которой отецъ Парѣеній

<sup>617</sup> Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 152.

<sup>618</sup> Троицкій П. В. Аѳонскія встрѣчи. М., 2002. С. 49.

имѣлъ привычку ходить и тянуть четку. Почилъ тихо и незамѣтно. Какова была его жизнь, такова и кончина»<sup>619</sup>.

Архимандритъ Херувимъ (Карамбеласъ) даетъ намъ объ отцѣ Парөөніи слѣдующую справку: «Я былъ слышанъ о мудрости, святости и благородномъ происхожденіи послѣдняго. Когда онъ открылъ мнѣ калитку своей келліи, я увидѣлъ его передъ собой какъ символъ побѣды надъ мірской славой и суетой. Аристократическая, благородная фигура, одѣтая въ порванную рясу!.. Нѣкоторые говорили, что, когда приближались къ нему, чувствовали изумительное благоуханіе. У него была нѣкая духовная устремленность, являвшаяся отблескомъ Божественной благодати, обитавшей въ его душѣ. Изъ того, что онъ мнѣ сказалъ, среди прочего я понялъ, что въ Петербургѣ, будучи маленькимъ, онъ игралъ съ нашимъ королемъ Георгіемъ II»<sup>620</sup>.

А сообщеніе старца Гавріила Діонисіатскаго объ отцѣ Парөөніи таково: «Въ негостепріимной Карулѣ уже 30 лѣтъ живетъ отецъ Парөөній, сынъ русскаго графа, владѣвшаго въ прикарпатскихъ земляхъ земельными угодьями, равными по площади цѣлой Македоніи. До того онъ жилъ въ келліи св. Николая — Буразери (Бѣлозерка) въ Кареѣ, однако стремился къ болѣе строгой аскезѣ. вмѣсто ложа онъ использовалъ полъ пещеры, въ которой обиталъ. Отъ его рванаго подрясника исходило благовоніе. Онъ былъ почтенъ даромъ ясновидѣнія. Князь и крупный землевладѣлецъ, ради любви Христовой, сдѣлался неимущимъ насельникомъ пещеры»<sup>621</sup>.

Надо отмѣтить противъ утвержденія отца Гавріила Діонисіатскаго, что на Карулѣ уже 30 лѣтъ живетъ отецъ Парөөній, что можно заключить изъ письма<sup>622</sup> карульскихъ монаховъ къ старцамъ Пантелеимонова монастыря отъ 17 февраля 1942 года: «Пишу Вамъ по просьбѣ карульскихъ стариковъ ихъ слезную мольбу о помощи. Исчезаетъ всякая возможность существованія. Нѣтъ у насъ положительно ничего на Карулѣ, и всѣ монастыри закрыли свои двери, дабы не расходовать своихъ продуктовъ на живущихъ внѣ монастырей. Насъ осталось половина противъ прежнихъ отцовъ, получавшихъ кубань:

Отецъ Θεодосій (іеромонахъ), іеродіаконъ Софроній, отецъ Дороей и отецъ Даніиль умерли.

Отецъ Савва ушелъ на келлію, покинулъ Карулю вслѣдствіе невозможности прокормиться.

Отецъ Пантелеимонъ работаетъ у васъ въ монастырѣ по той же причинѣ.

Всѣ, кто можетъ работать физически, за кусокъ хлѣба ушли работать, какъ отецъ Іоиль, отецъ Евграфъ.

<sup>619</sup> Русскій Паломникъ. № 25. М., 2002.

<sup>620</sup> Херувимъ (Карамбеласъ), архимандритъ. Изъ удѣла Божіей Матери. Кіевъ, 1998. С. 113.

<sup>621</sup> Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 150.

<sup>622</sup> АРПМА. Док. № 1474. С. 1–2.

Отец Никодимъ отъ плохаго питанія заболѣлъ, распухъ, у него началась какая-то болѣзнь вроде водянки.

Изъ получающихъ отъ монастыря кубань 8-ми человекъ: отцу Епифанію — 92 года, онъ почти совершенно ослѣпъ; отцу Нифонту — 86 лѣтъ, совершенно разслабленный отъ старости; отцу Нилу — 79 лѣтъ, тоже крайне ослабъ и немощенъ; отцу Николаю — 76 лѣтъ; отцу Вафусію — 70 лѣтъ»<sup>623</sup>.

Какъ видимъ, въ письмѣ перечислены всѣ монахи, которые тогда жили на Карулѣ, и среди нихъ нѣтъ ни отца Парѳенія, ни отца Никона, поэтому можно предположить, что они прибыли на Аѳонъ послѣ Второй мировой войны изъ Сербіи, гдѣ до этого подвизались въ одномъ изъ монастырей. Оставить Сербію ихъ, по всей видимости, заставила измѣнившаяся политическая ситуація въ мірѣ и въ самой Сербіи. Хотя можно предположить, что или они находились въ числѣ тѣхъ, кто оставилъ Карулю, чтобы заработать кусокъ хлѣба, или вышеназванное письмо (оно не подписано) писалъ самъ отецъ Парѳеній и по скромности и смиренію пропустилъ свое имя и имя также извѣстнаго и сравнительно молодаго отца Никона и перечислил только старыхъ монаховъ.

Дата смерти отца Парѳенія не установлена.

## Схимонахъ Августинъ (Корра)

Отецъ Августинъ<sup>624</sup> родился въ Россіи въ Полтавской губерніи въ 1882 году. Его мирское имя — Антоній Корра. Отца его звали Николаемъ, а мать — Екатериной. Они были благочестивыми людьми, а потому и своего сына Антонія воспитали въ благоговѣніи и страхѣ Божіемъ.

Еще въ отроческомъ возрастѣ Антоній сталъ послушникомъ въ одномъ изъ монастырей у себя на родинѣ. Однако одно искушеніе, приключившееся съ нимъ, заставило его оставить свою обитель, родину и пріѣхать въ удѣлъ Божіей Матери, чтобы обезопасить себя отъ такого рода искушеній.

Какъ онъ самъ рассказывалъ, въ монастырѣ, гдѣ онъ поселился, почти всѣ монахи были людьми пожилыми. Они посылали его помогать одному монастырскому рабочему ловить рыбу, такъ какъ обитель жила за счетъ рыбной ловли. Однажды пришла дочь этого рабочего и сказала отцу, чтобы тотъ немедленно шелъ домой по какому-то

---

<sup>623</sup> АРПМА. Док. № 1474. С. 1–3.

<sup>624</sup> Жизнеописаніе взято изъ книги: *Старець Паусій. Отцы святогорцы и святогорскія исторіи*. Сергіевъ Посадъ, 2001. С. 76.

срочному дѣлу, а сама осталась трудиться съ послушникомъ. Ею, несчастной, овладѣла страсть, и она сама, не осознавая вполнѣ, что дѣлаетъ, бросилась къ юношѣ съ нечистыми намѣреніями. Антоній въ первый моментъ растерялся, потому что все произошло внезапно. Затѣмъ перекрестился и сказалъ: «Христе Іисусе, лучше мнѣ утонуть, чѣмъ согрѣшить!» — и съ берега бросился въ рѣчку! Но Благой Господь, видя такую великую ревность непорочнаго юноши, который, чтобы сохранить невинность, повторилъ подвигъ святаго Мартиніана, удержалъ его на поверхности воды, такъ что онъ даже не намокъ! «Несмотря на то что я бросился въ воду съ головой, — продолжалъ онъ свой разсказъ, — я даже не замѣтилъ, какъ оказался стоящимъ на водѣ, даже одежда у меня осталась сухой!»

Въ тотъ моментъ онъ ощутилъ въ своей душѣ глубокую тишину и невыразимое умиленіе, которыя совершенно изгнали всѣ грѣховныя помыслы и всѣ плотскія желанія, возбужденныя въ немъ поначалу непристойнымъ поведеніемъ дѣвушки. Та же, увидѣвъ Антонія стоящимъ на водѣ и пораженная этимъ великимъ чудомъ, расплакалась, раскаиваясь въ своемъ грѣхѣ.

Послушникъ сразу же пошелъ въ свой монастырь и началъ слезно просить игумена дать ему благословеніе уѣхать на Святую Гору, говоря, что чувствуетъ себя духовно слабымъ, а также боится оставаться въ міру. Онъ ни словомъ не обмолвился ни о поведеніи дѣвушки, чтобы та не пострадала, ни о чудѣ, которое съ нимъ произошло, во всемъ виня лишь самого себя.

Во всей этой исторіи самымъ большимъ чудомъ было то, что онъ взялъ грѣхъ на себя, скрывъ настоящую виновницу, а также то, что въ такомъ возрастѣ мужественно воспротивился великому искушенію.

Игуменъ внялъ его просьбамъ, онъ, конечно же, не могъ ему препятствовать, однако одновременно и огорчился, что теряетъ такого послушника.

Получивъ разрѣшеніе, Антоній немедленно отправился на Святую Гору. Это было въ 1908 году. Посѣтивъ различные монастыри и келліи, онъ остался въ каливѣ Честнаго Креста Господня, принадлежавшей монастырю Каракаллы. Здѣсь въ 1910 году онъ сталъ монахомъ, получивъ при постригѣ имя Августинъ. Въ 1943 году, стремясь къ большему безмолвію, онъ перешелъ жить въ келлію Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, подчинявшуюся монастырю преподобнаго Филоѳея. Здѣсь онъ съ ревностью подвизался до самой своей старости и больше ни разу не выходилъ въ міръ.

Отецъ Паисій Святгорецъ писалъ объ отцѣ Августинѣ такъ: «Въ 1950 году я впервые услышалъ о старцѣ Августинѣ, но мнѣ все никакъ не представлялось случая познакомиться съ нимъ, тогда какъ всѣ вокругъ говорили о его святости.

Въ 1955 году, когда мнѣ во второй разъ довелось посѣтить монастырь преподобнаго Филоѳея, на другой день послѣ своего прихода я пошелъ въ его келью, но его, къ сожалѣнію, не оказалось на мѣстѣ. Я оставилъ у дверей кельи кое-что изъ вещей

и вернулся въ монастырь, пытаюсь остаться незамѣченнымъ, дабы не искушать отцовъ тѣмъ, что хожу по келліямъ съ вещами. На слѣдующій день послѣ обѣда приходитъ въ монастырь самъ старецъ Августинъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ здѣсь отецъ Паисій?

Отцы удивились и говорятъ ему:

— Даже мы еще толкомъ его не знаемъ, а ты-то откуда его знаешь? — и показали ему мою келью.

Только я открылъ дверь, какъ онъ сдѣлалъ передо мной земной поклонъ и сказалъ:

— Благословите! — потомъ говоритъ:

— Богъ да помилуетъ тебя за тѣ благословенія, которыя ты мнѣ принесъ.

Затѣмъ онъ досталъ изъ своей котомки завернутые въ платокъ семь маленькихъ персиковъ размѣромъ не больше алычи съ полузасохшаго персиковаго дерева, росшаго возлѣ его келліи. Я хотѣлъ было скрыть отъ старца, что именно я приносилъ ему благословенія, но онъ сказалъ:

— Я видѣлъ тебя изъ скита пророка Іліи.

Скитъ пророка Іліи находится на разстояніи приблизительно четырехъ часовъ ходьбы отъ келліи отца Августина. Выходитъ, старецъ имѣлъ даръ прозорливости. Для Бога, конечно же, нѣтъ близкихъ или дальнихъ разстояній.

Пользуясь случаемъ, хочу рассказать еще одну похожую исторію. Сосѣдъ отца Августина, діаконъ Веніаминъ, видѣлъ, находясь въ своей келліи, какъ по телевизору, убіеніе царской семьи. Черезъ нѣкоторое время онъ узналъ, что именно въ этотъ день коммунисты разстрѣляли царскую семью.

Отецъ Августинъ, несомнѣнно, тоже могъ видѣть, и даже еще дальше, вѣдь у него тоже былъ духовный телевизоръ (даръ прозорливости), который онъ приобрѣлъ благодаря чистотѣ своей души, смиренію и любви.

Старецъ имѣлъ великое состраданіе къ несчастнымъ животнымъ, поэтому всѣ, у кого были старыя или увѣчныя животныя, оставляли ихъ гдѣнибудь неподалеку отъ его келліи, ничего ему не сообщая. Келлія отца Августина превратилась такимъ образомъ въ пріютъ для престарѣлыхъ звѣрей со всей округи: отъ монастырей Каракаллъ и Филооея до Иверскаго. Бѣдный старецъ бралъ въ руки косу и все лѣто косилъ на зиму траву для увѣчныхъ и старыхъ животныхъ, которыхъ оставляли ему мірскіе. Если онъ самъ находилъ какое нибудь старое брошенное животное, то тоже забиралъ его въ свой пріютъ.

Встрѣчая по пути какого нибудь человѣка, онъ дѣлалъ передъ нимъ земной поклонъ и говорилъ: „Благословите!“ Онъ не смотрѣлъ, былъ ли передъ нимъ священникъ, монахъ, старикъ или юноша-мірянинъ, такъ какъ имѣлъ великое смиреніе и считалъ всякаго старше себя, а себя — младше всѣхъ. Однажды, когда онъ сдѣлалъ поклонъ передъ кѣмъ-то изъ мирянъ, его увидѣлъ человѣкъ, имѣвшій богословское образованіе, и смутился:

— Какъ, ты дѣлаешь поклоны передъ мирянами?!

На что отецъ Августинъ отвѣтилъ:

— Да, потому что на нихъ благодать Святаго Крещенія.

Великая любовь и смиреніе старца не имѣли предѣла. Однажды, рассказывалъ онъ мнѣ, ему въ его кельѣ явился діаволь въ видѣ ужаснаго пса, изрыгавшаго изъ пасти огонь. Онъ устремился на старца, чтобы его задушить, потому что молитвы старца жгли его, какъ онъ самъ ему признался. Отецъ Августинъ схватилъ его и ударилъ о стѣну со словами: „Злой бѣсъ, зачѣмъ ты воюешь съ созданіями Божиими?“

„Бѣсъ сильный, — продолжалъ старецъ свой рассказъ, — да и я не изъ слабыхъ, приперъ его къ стѣнѣ. Однако послѣ этого меня сильно мучила совѣсть, что пришибъ діавола. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ утра, чтобы пойти и исповѣдаться въ томъ, что ударилъ діавола. Какъ только разсвѣло, я пошелъ въ Провату къ своему духовнику и исповѣдовался. Но мой духовникъ оказался очень снисходительнымъ. Онъ не далъ мнѣ никакой епитиміи\* и велѣлъ причаститься. На радостяхъ я всю ночь провелъ въ молитвѣ по четкамъ, а потомъ пошелъ на Божественную Литургію и причастился. Когда священникъ вкладывалъ мнѣ въ уста святую лжицу, я увидѣлъ Святое Причастіе въ видѣ Плоти и Крови и разжевывалъ его, чтобы проглотить. Одновременно я ощутилъ великую радость, которой не могъ вынести. Изъ моихъ глазъ текли слезы, а голова сіяла, подобно лампѣ. Я быстро ушелъ, чтобы отцы не видѣли меня, и благодарственные молитвы читалъ уже у себя въ кельѣ“.

Старецъ всегда свѣтился, ибо его покрывала Божественная благодать. Достаточно было только посмотрѣть на него, чтобы забылась любая скорбь, потому что благодаря своей внутренней добротѣ онъ сѣялъ вокругъ себя радость. Его внѣшнее одѣяніе, латаный-перелатаный подрясникъ, было хуже тряпья, которое садовникъ надѣваетъ на пугало. Когда случалось, что кто-то приносилъ ему какую нибудь хорошую вещь, онъ тутъ же отдавалъ ее другимъ.

Въ его келлію часто приходили рабочіе, которые на пристани грузили монастырскій лѣсъ. Когда имъ было что-то нужно, они шли къ отцу Августину и брали все необходимое безъ спросу. Часто они забирали у него послѣднее. Поэтому иногда старца можно было застать лежащимъ безъ силъ отъ недоѣданія. Единственный выходъ изъ этого положенія состоялъ въ томъ, чтобы монастырь снабжалъ его мукой, изъ которой онъ могъ бы готовить себѣ что нибудь сѣстное. Отецъ Августинъ гдѣ-то раздобылъ старую сковородку и пекъ себѣ на ней нѣчто, похожее на блины, которые замѣшивалъ на одной водѣ съ солью и которые замѣняли ему хлѣбъ и прочія блюда. Когда разрѣшалось растительное масло, онъ обмакивалъ въ него перо, крестообразно помазывалъ имъ блины и такимъ образомъ утѣшался въ положенные дни. Нѣкоторые монахи слегка подшучивали надъ старцемъ и спрашивали:

— Что ты ѣшь, отецъ Августинъ?

Тотъ отвѣчалъ:

— Я все время ѣмъ блины.

Если отцы давали ему соленую сардину, онъ берегъ ее, чтобы угощать гостей. Старець отрѣзалъ у сардины голову и подавалъ рыбу, будучи внѣ себя отъ радости, что можетъ предложить такое угощеніе.

Онъ всегда поступалъ такимъ образомъ, лишая себя всего. Зато его непрестанно насыщаль Христось Своей Божественной благодатью. Его любили всѣ монахи въ округѣ и миряне. Особенно же его любили отцы изъ монастыря преподобнаго Филоея, которые, когда онъ началъ слѣпнуть, стали упрашивать его перебраться къ нимъ. Однако старецъ думалъ о томъ, что будетъ со всѣми его увѣчными и старыми животными, если онъ уйдетъ, и потому не соглашался. Наконецъ отцы, дай имъ Богъ здоровья, взяли къ себѣ и его, и его животныхъ. Послѣ этого онъ успокоился.

Въ монастырѣ отцы заботились о немъ, и онъ считалъ это великимъ благословеніемъ Божіей Матери. Изъ благодарности онъ постоянно пѣлъ „Достойно есть“, и глаза у него были полны слезъ радости. Пребываніе отца Августина въ обители было для всѣхъ большимъ благословеніемъ. Оно приносило огромную пользу и престарѣлымъ монахамъ, жившимъ въ монастырской богадельнѣ, потому что отца Августина посѣщали не только люди, но и святые, Ангелы и даже Матерь Божія. Когда старецъ видѣлъ Божию Матерь или святыхъ, то очень огорчался, что остальные старцы продолжали лежать или сидѣть. Онъ расталкивалъ ихъ, говоря: „Божія Матерь!“ — или, когда видѣлъ Ангела, говорилъ: „Ангель!“

Тѣ, конечно, ничего не видѣли, но понимали, что что-то происходитъ, немедленно поднимались и стояли съ благоговѣніемъ. Однако монахъ, ухаживавшій за старцами, считалъ все это прелестью и ругалъ старца, говоря: „Оставь старцевъ въ покоѣ. Не хватало еще слушать тебя съ твоей прелестью!“

Однако старецъ продолжалъ всѣхъ поднимать, будучи не въ силахъ сдержать себя отъ благоговѣнія.

Когда его навѣщали отцы, то не успѣвали они спросить, какъ у него дѣла, а онъ уже пытался:

— Какъ поживаютъ мои мулы и ослики?

Ему отвѣчали:

— Очень хорошо.

И старецъ радовался.

— Ты какъ поживаешь, отецъ Августинъ?

— Слава Богу, очень хорошо.

Такъ, благодаря своей большой добротѣ постоянно пребывая въ радости, славословя Бога и непрестанно молясь, онъ проводилъ или, лучше сказать, переживалъ райскую жизнь въ удѣлѣ Божіей Матери. Внутри него пребывалъ Христось. Его сердце было раемъ. Онъ сподобился и въ земной жизни лицезрѣть Ангеловъ, святыхъ и даже Божию Матерь, и въ загробной — радоваться вѣчной радостью!

Когда отецъ Августинъ уже отходилъ, его лицо трижды просіяло подобно молніи. Богъ устроилъ такъ, что при этомъ рядомъ находился и ухаживавшій за старцами монахъ, который былъ пораженъ увидѣннымъ и убѣдился въ истинности тѣхъ посвѣщеній, о которыхъ говорилъ старецъ.

Отецъ Августинъ упокоился въ Господѣ 27 марта 1965 года въ возрастѣ 83 лѣтъ. Да будутъ съ нами его молитвы. Аминь».

## Іеросхимонахъ Тихонъ (Голенковъ)

Іеромонахъ Тихонъ (въ міру Тимоѳеѣй Павловичъ Голенковъ) родился въ 1884 году въ русскомъ селѣ Новая Михайловка. Онъ обошелъ около 200 русскихъ монастырей, побывалъ на Синаѣ и въ Палестинѣ и пришелъ на Святую Гору въ 1908 году. Скончался въ келліи Честнаго Креста при обители Ставроникиты 10 сентября 1968 года. Онъ проявилъ себя какъ аскетъ, строгій, даже суровый, возлюбившій небеса, помнящій о смерти, проникнутый свѣтлой печалью, свободой отъ мірскихъ заботъ, благодатью и духовной радостью. Во время молитвы онъ обильно ронялъ къ ногамъ Распятаго свои слезы. Спалъ онъ на доскахъ, носилъ заштопанную одежду, водилъ дружбу съ горными звѣрями. Онъ самъ выкопалъ себѣ могилу: смерти не боялся и постоянно славилъ Бога. Его обликъ былъ какъ будто не отъ міра сего: просвѣтленнымъ, мирнымъ, радостнымъ и благодушнымъ.



Предвидя свою кончину, онъ ожидалъ ее безъ страха. Земной ангелъ, небесный челоуѣкъ. О немъ писали многіе и много, и, хотя глубины его сердечной сокровищницы остались скрытыми для насъ, они полностью и доподлинно вѣдомы сердцеуѣдцу Богу.

Однимъ изъ многихъ біографовъ отца Тихона является іеромонахъ Агаѳангелъ Калаѳатисъ, бывшій монахъ Іверскаго монастыря, а нынѣ карейскій старецъ изъ келліи

Честнаго Креста монастыря Симонопетра. Отець Агаѳангель вспоминаетъ о благорасположенности и любви къ людямъ отца Тихона, о его горячей молитвѣ съ поминаніемъ тысячъ живыхъ и усопшихъ, постоянныхъ слезахъ, приносящихъ радость, о его чудесномъ подвижничествѣ. Его оружіемъ были крестъ и четки, но больше всего онъ любилъ Божественную Литургію, Священное Писаніе и святыхъ отцовъ<sup>625</sup>.

Приведемъ почти полностью жизнеописаніе отца Тихона, написанное старцемъ Агаѳангеломъ: «Родители отца Тихона были благочестивыми людьми. Они сохранили знаменитое русское благочестіе прошлаго вѣка. Старецъ говорилъ о своей матери, что она была святой женщиной. Въ среду и пятницу ничего не вкушала, все свое время посвящала молитвѣ, и изъ ея глазъ непрестанно текли слезы. Самъ онъ тоже имѣлъ даръ слезъ. Слезы были его ежедневной пищей. Онъ вѣрилъ, что слезы есть знакъ Божественной милости и что съ ихъ помощью омывается душа.

Съ дѣтства ему нравилось посѣщать монастыри. Онъ не могъ дожидаться, пока и самъ получить Божіе благословеніе оставить міръ, чтобы приблизиться къ Богу и посвятить себя молитвѣ, потому что ничто тлѣнное не радовало его. Онъ жаждалъ небесной вѣчности и нескончаемой радости.

Когда онъ выучился грамотѣ, его любовь къ псалмопѣнію и церковной музыкѣ вскорѣ сдѣлала изъ него замѣчательнаго пѣвца. Онъ всегда ходилъ въ церковь и пѣлъ въ хорѣ, ставъ черезъ нѣкоторое время регентомъ.

По благословенію своихъ родителей онъ рѣшилъ посѣтить Іерусалимъ и Святую Гору. Боголюбивый юноша отправился въ путь вмѣстѣ съ другими паломниками. Когда онъ прибылъ въ Константинополь, то познакомился съ экономомъ келліи Буразери<sup>626</sup>.

Экономъ спросилъ его:

— Хочешь стать монахомъ?

— Хочу, — отвѣтилъ онъ.

— Дѣлай поклонъ, и съ сегодняшняго дня ты являешься послушникомъ нашей общины святителя Николая.

Съ великой радостью и слезами благодарности юноша попросилъ отпустить его поклониться сначала святымъ мѣстамъ.

Совершивъ паломничество въ Святую Землю, онъ вернулся на Святую Гору и присоединился къ братіи Буразери. Черезъ годъ его постригли въ монахи.

Любовь къ безмолвію и жажда подвиговъ заставили отца Тихона оставить добрую братію скита и поселиться въ самомъ суровомъ мѣстѣ Святой Горы — на страшной Карулѣ. Здѣсь онъ прожилъ въ пещерѣ приблизительно пятнадцать лѣтъ. Его

---

<sup>625</sup> *Анестисъ Кеселопульскій*. Россія — Аѳонъ: тысячелѣтіе духовнаго единства / Матеріалы международной научно-богословской конференціи. 1–4 октября, 2006 годъ. М., ПСТГУ, 2008. С. 152.

<sup>626</sup> Русская келлія Бѣлозерка въ честь святителя Николая.

подвигъ былъ суровымъ и неослабнымъ. Онъ дѣлалъ свыше шестисотъ поклоновъ за ночь. Блѣ одинъ разъ въ три дня, а часто и однажды въ недѣлю.

Каждую субботу онъ ходилъ причащаться въ скитъ святаго Георгія и потомъ сразу возвращался въ свою пещеру. Его пещера находилась у основанія скита святаго Георгія и сохранилась до нашихъ дней.

Въ скиту святаго Георгія жилъ тогда одинъ мудрый и по жизни, и по Богу старецъ, котораго онъ называлъ своимъ учителемъ. Этотъ старецъ, его учитель, давалъ ему каждый мѣсяцъ по святоотеческой книгѣ. Возвращая ее, отецъ Тихонъ долженъ былъ рассказать ея содержаніе, а также то, что онъ изъ нея понималъ. Если отвѣтъ не былъ точнымъ, старецъ не мѣнялъ ему книгу. Такимъ образомъ онъ изучилъ труды всѣхъ отцовъ нашей Церкви: Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Симеона Новаго Богослова и другихъ. Особенно онъ полюбилъ святаго Симеона.

Когда въ 1917 году началась мобилизація русскихъ монаховъ, отецъ Тихонъ тоже пришелъ въ русскій скитъ Оиваиду. Представители власти, увидѣвъ его какъ бы лишеннаго тѣла, начали спрашивать, гдѣ и какъ онъ живетъ. Карульскій пещерникъ внушилъ къ себѣ такое почтеніе, что они отпустили его, чтобы онъ продолжалъ свой подвигъ и молился за нихъ. Онъ немедленно вернулся въ свою пещеру и теперь еще больше предался аскезѣ и молитвѣ, чтобы восполнить и укрѣпить своихъ сражающихся на полѣ брани братьевъ.

Изъ приблизительно семисотъ монаховъ, которые тогда уѣхали, назадъ вернулись только два-три человѣка. Однимъ изъ нихъ былъ старецъ Аѳанасій изъ келліи Святаго Креста въ Проватѣ, который былъ очень близкимъ другомъ отца Тихона. Богъ благоволилъ, чтобы онъ предалъ свой духъ у меня на рукахъ. Впослѣдствіи отецъ Тихонъ много рассказывалъ мнѣ о немъ. Тотъ имѣлъ непрестанную умную молитву. Онъ молился и днемъ и ночью, не переставая призывать Бога даже тогда, когда разговаривалъ или спалъ. Когда отецъ Тихонъ рассказывалъ объ этомъ, то обмолвился и о себѣ: „И я, дитя мое, когда сплю, сердце мое произноситъ молитву... Когда творишь молитву, — сказалъ онъ мнѣ, — сердце твое должно приклеиться сверху къ молитвѣ, — и онъ изобразилъ это пальцемъ на стѣнѣ, — какъ клей склеиваетъ“.

Послѣ пятнадцати лѣтъ аскетическихъ упражненій старецъ оставилъ Карулю и переселился въ районъ Калиагры. Здѣсь ему было видѣніе пасхальной ночи, и онъ съ радостью пропѣлъ все послѣдованіе Воскресенія Христова. На слѣдующее утро пришелъ его духовникъ и сказалъ ему, чтобы онъ пошелъ въ монастырь Ставроникита, къ которому была приписана его келлія, и принялъ рукоположеніе во священника. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Такъ какъ въ его каливѣ не было церкви, онъ съ великимъ стараніемъ и благоговѣніемъ началъ ея постройку. Денегъ у него не было, и поэтому онъ рѣшилъ пойти въ Карею искать пожертвованія. По дорогѣ онъ встрѣтилъ одного монаха и сказалъ ему, что

хочетъ построить церковь въ честь Святаго Креста, однако не имѣетъ для этого денегъ. Монахъ былъ пораженъ, потому что какъ разъ въ тотъ день получилъ денежный переводъ съ тѣмъ, чтобы отдать деньги тому, кто хочетъ построить храмъ. Радости и волненію отца Тихона не было конца. Онъ немедленно пригласилъ строителей и перестроилъ небольшую комнатку своей келліи въ церковь, которую сильно полюбилъ.

Во время Божественной Литургіи старецъ приходилъ въ возвышенное духовное состояніе, такъ что, начиная службу утромъ, не замѣчалъ, какъ наступалъ вечеръ. Съ великимъ благоговѣніемъ читалъ онъ молитвы Божественной Литургіи, которыя выучилъ наизусть. Онъ читалъ ихъ не про себя, не громко, но такъ, чтобы ихъ можно было слышать. Во время Херувимской пѣсни и Евхаристическаго канона онъ вмѣстѣ съ Ангелами воспѣвалъ гимнъ на небесахъ, видѣлъ послѣ этого духовнымъ зрѣніемъ то, что совершалось на святомъ престолѣ, и завершалъ Литургію, не замѣчая, какъ проходило время. Онъ не ждалъ вечера, чтобы читать правило ко святому Причащенію, но начиналъ его уже съ полудня. Цѣлый день онъ готовился къ слѣдующей Божественной Литургіи и приобщенію. Старецъ говорилъ, что вѣрующей, чтобы стать причастникомъ Тѣла и Крови Господа нашего Иисуса Христа, долженъ готовиться къ этому всѣ двадцать четыре часа.

Во время проскомидіи, на протяженіи многихъ часовъ подрядъ, онъ поминалъ имена изъ записокъ. Также въ концѣ Литургіи онъ заново поминалъ всѣ имена. Когда онъ состарился и уже не могъ служить, я приходилъ къ нему, совершалъ Литургію и оставлялъ Святые Дары, которые онъ нарѣзалъ на кусочки и причащался каждый день. Отъ тѣхъ, кто пекъ просфоры, онъ требовалъ, чтобы это дѣлалось съ молитвой и благоговѣніемъ, ибо просфоры становились Тѣломъ Христовымъ. Онъ показалъ мнѣ, какъ нужно въ пяти мѣстахъ накалывать тѣсто для просфоръ, чтобы въ немъ не образовывалось пустотъ. Такимъ же хорошимъ должно быть и вино.

Съ великой простотой онъ говорилъ мнѣ, что ангелы, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, безсребреники и всѣ святые присутствуютъ, когда мы поминаемъ ихъ на проскомидіи, а также приходятъ на помощь всѣмъ, за кого вынимаются частицы.

Духовные совѣты отца Тихона были каплями его сердечнаго опыта.

„Чтобы найти хорошаго духовника, — говорилъ онъ мнѣ, — нужно молиться три дня, а затѣмъ — какъ Богъ просвѣтитъ. И по дорогѣ, пока идешь къ своему духовнику, нужно молиться, чтобы Господь просвѣтилъ его и онъ преподалъ тебѣ хорошее наставленіе“.

„Всегда молись передъ началомъ всякой работы. Говори: «Боже мой, дай мнѣ силы и просвѣщеніе», — и послѣ этого начинай свое дѣло; а въ концѣ говори: „Слава Богу“».

Старецъ много говорилъ о смиреніи: „Каждое утро Богъ благословляетъ міръ одной рукой. Когда же видитъ смиреннаго человѣка, благословляетъ его двумя руками“.

Нѣкогда его посѣтилъ одинъ монахъ и сказалъ ему, что не сдѣлалъ въ своей жизни никакого зла. Отецъ Тихонъ увидѣлъ, что за его словами скрывается великая гордость, очень огорчился и сравнилъ его съ падшимъ демономъ. „Не хочу видѣть такихъ людей, — говорилъ онъ, — лучше пускай онъ тысячу разъ упадетъ въ грѣхъ, чѣмъ будетъ такимъ, какой онъ есть. Ему грозитъ адъ, дитя мое“.

Онъ разсказалъ мнѣ случай, произошедшій у него на родинѣ: „Въ одномъ женскомъ монастырѣ жила молодая монахиня, которая славилась своими добродѣтелями. Однажды игуменья увидѣла видѣніе и услышала голосъ, который говорилъ ей: „Смири эту монахиню“. Игуменья была удивлена, такъ какъ считала ее лучшей изъ своихъ сестеръ. Молодая монахиня имѣла обычай послѣ службы оставаться въ храмѣ. Она становилась передъ иконой Божіей Матери и говорила: „Я дѣва, и Ты дѣва; Ты родила, а я — нѣтъ“. Этими своими словами она выказывала свою гордость. Вскорѣ, однако, Господь, послалъ ей искушеніе, повергнувъ ее въ великое смиреніе. И тогда, преклонившись передъ иконой Богородицы въ покаяніи, смирившись, творя поклоны и проливая слезы, она говорила о себѣ какъ о самой великой грѣшницѣ въ мірѣ...“

„Слезы, дитя мое, слезы — вотъ чего хочетъ Господь“.

„Адъ наполнился гордыми дѣвственниками. Богъ же хочетъ отъ человѣка смиренія“. Смиреніе отца Тихона было такимъ, что когда кто либо приходилъ исповѣдываться къ нему, то послѣ разрѣшительной молитвы онъ говорилъ: „Дитя мое, помолись и обо мнѣ...“

Когда одинъ юноша, безразличный къ вѣрѣ, пріѣхалъ ради любопытства на Святую Гору, я отвелъ его въ каливу старца. Послѣ того какъ я исповѣдался, захотѣлъ исповѣдаться и онъ. Войдя въ церковь, онъ вдругъ, зарыдавъ, упалъ на колѣни, прося простить ему множество грѣховъ. Отецъ Тихонъ такъ его возлюбилъ, что въ ту же минуту попросилъ его помолиться и о немъ, чтобы Богъ простилъ его, такъ какъ юноша имѣлъ тогда множество слезъ, а самъ онъ, по его словамъ, не имѣлъ ихъ. И это при томъ, что онъ никогда не оставлялъ ихъ и его платокъ былъ всегда влажный...

Какъ драгоценное благословеніе лобызаю епитрахиль старца, которая отъ непрестанныхъ слезъ всегда была влажной. Также большой крестъ. Если кто внимательно присмотрится къ нему, то увидитъ пятна отъ слезъ, которыя онъ потоками изливалъ на него. Отецъ Тихонъ считалъ, что своими слезами мы омываемъ ноги Христа, а волосами съ головытираемъ ихъ...

Однажды онъ еще разъ захотѣлъ посѣтить Святую Землю. Къ Аѳону тогда присталъ русскій корабль, державшій курсъ на Иерусалимъ. У старца не было денегъ, и онъ упростилъ капитана, чтобы тотъ взялъ его бесплатно. Капитанъ отнесся къ нему съ такимъ почтеніемъ, что не только взялъ его, но далъ ему еще денегъ, чтобы тотъ помолился о немъ и подалъ за него на поминаніе въ тѣхъ мѣстахъ, которыя посѣтитъ.

Прибывъ въ Святую Землю, отецъ Тихонъ, какъ смиренный паломникъ, началъ посѣщать храмы и монастыри. Во многихъ мѣстахъ его упрашивали остаться. Однако онъ

не зналъ, была ли на то воля Божія. Когда ему рассказали, что въ нѣкоемъ скитѣ живеть одинъ добродѣтельный монахъ, онъ пришелъ къ нему за совѣтомъ по вопросу, который безпокоилъ его: остаться въ Иерусалимѣ или возвратиться на Святую Гору? Въ тотъ моментъ, когда старецъ постучался въ двери этого монаха, онъ услышалъ слова: „Святая Гора... Святая Гора...“ Тогда отецъ Тихонъ попросилъ его открыть, чтобы взять отъ него благословеніе и вернуться въ Удѣль Божіей Матери.

Здѣсь кромѣ монаховъ онъ опять встрѣтился со своими старыми друзьями — дикими звѣрями, которыхъ очень любилъ. Объ этой его любви я узналъ, когда однажды пришелъ въ его каливу собирать немного маслинъ. Онъ былъ рядомъ, когда я услышалъ какой-то шумъ, доносившійся изъ его кельи. Я сказалъ ему, чтобы онъ закрылъ двери, на что онъ отвѣтилъ: „Я его люблю — онъ не злой; это другъ, приходитъ взять, чего хочеть, и уходитъ“. Это, навѣрное, была какая нибудь лисица или шакалъ. Я удивился его великой святости.

Когда онъ жилъ въ келліи Буразери, то изучилъ въ качествѣ рукодѣлія чеканку по золоту для украшенія иконъ. Однако вскорѣ ему пришлось оставить это дѣло, потому что онъ не могъ переносить стука.

На Карулѣ онъ занялся иконописью, взявъ передъ этимъ нѣсколько уроковъ у одного монаха. Незамысловатымъ способомъ письма онъ придавалъ ликамъ святыхъ такія черты, какія видѣлъ глазами своего сердца. Прародителей, напримѣръ, съ морщинами на лицахъ, а аскетовъ просто и безъ излишествъ. Онъ писалъ ровно столько иконъ, сколько ему нужно было на сухари.

Въ Капсалѣ онъ жилъ на деньги, которыя ему высылали на поминовленіе именъ. Отецъ Тихонъ говорилъ мнѣ, что монахъ долженъ одинъ часъ работать и одинъ часъ молиться. А объ акаѳистѣ Божіей Матери „Радуйся, Невѣсто Неневѣстная“, который онъ особенно любилъ, рассказалъ мнѣ слѣдующій случай, произошедшій въ русскомъ монастырѣ.

Былъ одинъ монахъ, который каждый день двадцать четыре раза читалъ этотъ акаѳистъ слѣдующимъ образомъ. Когда онъ слышалъ, какъ часы отбиваютъ новый часъ, начиналъ чтеніе, и каждый разъ читалъ его съ такимъ благоговѣніемъ, будто дѣлалъ это въ первый разъ. И вотъ однажды онъ услышалъ отъ иконы голосъ, который говорилъ ему: „Радуйся, рабе, и ты, радуйся“.

Самъ отецъ Тихонъ тоже по многу разъ въ день читалъ этотъ акаѳистъ со слезами. Также каждый день онъ читалъ Евангеліе отъ Матѳея. Особенно любилъ отрывокъ о Страшномъ Судѣ — 25-ю главу. Онъ хотѣлъ всегда имѣть свой умъ обращеннымъ къ Страшному Суду. Непрестанно памятуя о смерти, онъ вырылъ себѣ могилу, чтобы постоянно имѣя ее передъ собой, плакать и съ радостью ждать времени, чтобы лечь въ нее. Его оружіемъ въ пустынѣ былъ честный крестъ. „Разбойники, — говорилъ онъ, — имѣютъ ружья и ножи. Я же — Христа и крестъ“.

„Въ воскресеньѣ, — говорилъ онъ мнѣ, — работать нельзя. Потому что въ старое время, когда израильтяне питались манной, Господь каждый день посылалъ ее, за исключеніемъ седьмага дня. Не благословлялъ Онъ также тѣхъ, кто былъ чревоугодливъ, потому что, если кто хотѣлъ сохранить ее до слѣдующаго дня, Господь превращалъ ее въ червей. Такимъ образомъ, въ субботу евреи не дѣлали ничего другаго, кромѣ какъ сидѣли у себя въ палаткахъ и воспѣвали Бога“.

И самъ старецъ каждое воскресенье полностью посвящалъ Богу. Совершая Литургію, онъ желалъ, чтобы она подольше не заканчивалась. Часто случалось такъ, что уже наступало время вечерни, а онъ все еще служилъ Литургію...

## МЫСЛИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ОТЦА ТИХОНА

«Будемъ имѣть любовь Христову. Рай сладокъ, однако требуетъ много труда.

У тебя много страха передъ адомъ, однако нужно имѣть въ своемъ сердцѣ Іисуса Христа, и страхъ немедленно начнетъ уходить, потому что тамъ, гдѣ Христосъ, всегда радость. Христосъ сладокъ... Всѣ святые отцы имѣли страхъ. Поэтому и подвизались. Иные по тысячѣ поклоновъ клали, иные ѣли траву, другіе были столпниками, третьи жили въ пещерахъ, другіе по сорокъ дней постились. Всѣ, всѣ его боялись.

И мы сейчасъ, какъ можемъ, подвигаемся. Днемъ и ночью нужно молиться Христу и Богородицѣ. Нужны слезы. Христосъ милостивъ. Помилуетъ. Нужны горячія слезы».

## МОЛИТВА ОТЦА ТИХОНА

Ниже слѣдуетъ молитва старца, которую онъ написалъ съ большой болью и многими слезами, посвятивъ ее измученной Россіи.

«Слава Христовой Голгофѣ!

О, Божественная Голгофа, освятившаяся Кровью Христовой! Просимъ тебя, скажи намъ, сколькихъ тысячъ грѣшниковъ благодатью Христовой, покаяніемъ и слезами ты очистила и ввела въ брачный чертогъ Рая! О, Христе Царю, Своей неизреченной любовью и благодатью Ты наполнилъ кающимися грѣшниками всѣ небесные дворцы. Ты и здѣсь, долу, всѣхъ милуешь и спасаешь. И кто можетъ достойно возблагодарить Тебя, имѣй онъ даже ангельскій умъ! Грѣшники, поспѣшите! Святая Голгофа открыта, и Христосъ благоутробенъ. Припадите къ Нему и облобызайте Его святые ноги!

Только Онъ, будучи благоутробнымъ, можетъ исцѣлить ваши язвы! О, мы будемъ счастливы, когда многоблагоутробный Христосъ удостоитъ насъ съ великимъ смиреніемъ, страхомъ Божиимъ и горячими слезами омыть Его пречистыя ноги и съ любовью лобызать ихъ. Тогда благоутробный Христосъ соблаговолитъ омыть наши грѣхи и откроетъ намъ двери Рая, гдѣ въ великой радости вмѣстѣ съ Архангелами и Ангелами,

Херувимами и Серафимами и со всѣми святыми мы будемъ вѣчно славить Спасителя міра, Сладчайшаго Іисуса Христа, Агнца Божія, вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, Единосущную и Нераздѣльную Троицу.

Іеромонахъ Тихонъ  
Святая Гора»<sup>627</sup>.

Въ заключеніе жизнеописанія отца Тихона и вообще предложенной книги мы приведемъ сохранившійся въ архивѣ нашей обители фрагментъ его письма, который символически можно принять какъ итогъ всего нашего труда: **«Окончивъ твореніе міра, Господь возвѣстилъ, что все сотворенное Имъ „зѣло добро“.** Такъ вотъ, этотъ фактъ на фонѣ всѣхъ кажущихся намъ, а особенно мнѣ, грѣшному, неувязокъ какъ въ личной моей физически мучительной, болѣзненной жизни, такъ и въ жизни страждущихъ остальныхъ сыновъ человѣческихъ, такъ вотъ, этотъ фактъ, повторыю, становится для меня не только радостной истиной, а восторженнымъ состояніемъ души. Можетъ быть, это ощущеніе тѣсно связано съ ростомъ умной молитвы, а можетъ быть, это она и сама...

Аѳонскій старецъ схимонахъ Силуанъ передалъ намъ слово явившагося ему Господа: **„Держи умъ твой во адѣ и не отчаивайся“.** Такъ вотъ, быть можетъ, и намъ, грѣшнымъ, пребывающимъ своимъ плотскимъ умомъ въ „аду“, а одновременно другимъ умомъ (сердечнымъ) возвышаясь „горѣ“, Господь дастъ возможность чувствовать, торжествовать и праздновать Христову побѣду надъ всѣми этими воплями и стенаніями отъ земныхъ страданій — уныніемъ и отчаяніемъ. Знаю и чувствую, что золотыя слова эти, „зѣло добро“, по-прежнему продолжаютъ звучать во Вселенной и кто имѣетъ „уши“, тотъ и можетъ слышать ихъ, и можетъ самъ блаженно „утѣшаться“ ими и, навѣрно, сможетъ другихъ утѣшить»<sup>628</sup>.

---

<sup>627</sup> Русскій старецъ Тихонъ Святогорець. Воспоминанія старца Паисія и старца Агаѳангела Святогорцевъ. Переводъ Сергѣя Говоруна. М., 2001. С. 39–63.

<sup>628</sup> АРПМА. Док. № 3700. С. 1.

## Примѣчанія и толкованія отдѣльныхъ терминовъ, названій и словосочетаній<sup>629</sup>

**Агасма** (*греч.* святыня) — святой источникъ при монастырѣ, гдѣ совершается водосвященіе крещенской воды.

**Анахоретъ** (*греч.*) — отшельникъ, пустынникъ, подвижникъ, живущій въ полномъ уединеніи.

**Антипросопъ** (*греч.* Антипросопъ) — представитель каждой святогорской обители въ Священномъ Кинотѣ, обычно просвѣщенный и образованный монахъ.

**Арсана** (*греч.*) — пристань.

**Архондарикъ** — помѣщеніе въ монастырѣ, отведенное для приѣма посѣтителей (паломниковъ), монастырская гостиница.

**Бѣлозерка** — русская обитель святителя Николая Чудотворца на территоріи Хиландарскаго монастыря, на сходѣ съ Кареи, въ четверти часа пути отъ нея. Основана келлія въ XI вѣкѣ. Перешла къ русскимъ въ 1863 году. Сейчасъ греческая.

**Благовѣщенская келлія Руссика** — келлія Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Пантелеимонова монастыря.

**Вершокъ** — мѣра длины.

**Вурдуарня** (*греч.* вурданарисъ) — конюшня для мулашекъ, см. муларня.

**Галата** — районъ въ Константинополь, гдѣ находилось подворье Русскаго Пантелеимонова монастыря, Андреевскаго и Ильинскаго скитовъ.

**Георгіевская (Ближняя) келлія** — Древняя, въ 40-хъ годахъ XIX вѣка была реставрирована въ русскомъ вкусѣ нѣкимъ архимандритомъ Амвросіемъ и переосвящена въ честь преподобныхъ Кіево-Печерскихъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ сгорѣла, а въ 1863 году была возобновлена, усердіемъ отставнаго капитана Е. Г. Хабарова для преподобнаго Иларіона Грузина и была освящена въ честь святаго Георгія Побѣдоносца.

**Георгіевская (Дальняя) келлія** — келлія Руссика въ трехъ съ половиной верстахъ къ сѣверо-западу отъ обители.

**Геронта** (*греч.* старецъ) — обычное обращеніе къ настоятелю монастыря или уважаемому монаху.

---

<sup>629</sup> Составлено по книгѣ: Холодюкъ А. Г. Святая Гора Аѡонъ: отъ «А» до «Я». Краткій словарь-справочникъ для паломника. Мюнхенъ, 2008.

**Григорьевская келлія Руссика** — келлія святаго Григорія Неокесарійскаго Пантелеимонова монастыря, недалеко отъ Руссика, вверхъ по потоку въ сѣверномъ направленіи. Устроена издревле, на ней часто жили духовники монастыря. Въ 1836 году была возобновлена грекомъ монахомъ Парөніемъ, а въ 1842 году церковь возстановлена іеросхимонахомъ Меөодіемъ (Соловецкимъ).

**Даскаласть** (греч. учитель) — образованный монахъ.

**Дикей** (греч. справедливый) — начальникъ (управляющій, настоятель) скита, который рѣшаетъ всѣ общіе вопросы и осуществляетъ связи съ внѣшнимъ міромъ.

**Дмитріевская келлія Руссика** — келлія святаго Дмитрія Муроточиваго Пантелеимонова монастыря. Находится у Стараго Руссика, на высотѣ 450 метровъ надъ уровнемъ моря. Древняя, возобновлена въ 1863 году.

**Дохіарь, дохіарная** — см. келарь; келарная.

**Епитимія** (греч. наказаніе) — «врачеваніе духовное», опредѣленная мѣра, предназначенная для духовнаго наказанія провинившагося.

**Епитропъ** — замѣститель игумена, благочинный, намѣстникъ.

**Живоносный Источникъ (келлія)** — келлія Живоносный Источникъ Пантелеимонова монастыря. Находится на дорогѣ въ Карею, близъ хребта, черезъ который идетъ переваль на другую сторону Аѳона. Древняя, возобновлена иждивеніемъ московскаго купца Михаила Ефимовича Попова.

**Зосимовская келлія на Крумицѣ** — келлія преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ и Сергія и Германа Валаамскихъ Пантелеимонова монастыря на Крумицѣ. Устроена иждивеніемъ благодѣтелей черезъ сборщика схимонаха Серафима (Калмыкова), освящена игуменомъ Макаріемъ (Сушкинымъ). При келліи находилась пасѣка.

**Кавсокаливія** — скитъ на юго-западной сторонѣ Аѳона.

**Кавья** — хижина изъ одной комнаты.

**Казанскій храмъ на Крумицѣ** — церковь въ честь Казанской Иконы Божіей Матери на Крумицѣ. Устроена иждивеніемъ благодѣтелей черезъ сборщика схимонаха Серафима (Калмыкова). На устройство иконостаса 3000 рублей пожертвовалъ Евсей Дегтеревъ.

**Кальагри** — мѣстность въ центральной части Аѳона.

**Калива** — отдѣльная постройка безъ церкви для проживанія одного-трехъ монаховъ.

**Капсала** — нагорная мѣстность на территоріи Ставроникитскаго монастыря на Аѳонѣ, недалеко отъ Кареи.

**Карея** — административный центръ Святой Горы.

**Каруля** — безмолвная мѣстность съ пещерами и келліями, расположенными на обрывистыхъ скалахъ въ самой труднодоступной южной части Аѳонскаго полуострова.

- Кассандра** — принадлежащій Руссику (съ XI вѣка) метохъ на сосѣдномъ съ Аеономъ Кассандрійскомъ полуостровѣ.
- Катунаки** — монашеское поселеніе скитскаго типа.
- Каѳизмать** — келлія, полностью подчиненная монастырю и служащая для хозяйственныхъ цѣлей. Насельниками такихъ келлій являются братія монастыря, которые не имѣютъ особыхъ правъ (по омологіи) на эту келлію.
- Католиконъ** — главный соборный храмъ монастыря, скита.
- Келарная** — складъ монастырской провизіи.
- Келарь** — завѣдующій продовольственной службой монастыря и складами.
- Келіотъ** — житель отдѣльной келліи, отшельнической или общежительной.
- Келлія** — отдѣльное монашеское жилище (зданіе, постройка) изъ нѣсколькихъ комнатъ, иногда 2-хъ или 3-хъ этажное, съ пристроеннымъ къ нему храмомъ.
- Келья** — отдѣльная комната или особое помѣщеніе для монаха въ монастырѣ.
- Керасья** — пустынная, труднодоступная мѣстность вблизи вершины Аэона.
- Киновія** — общежительный монастырь.
- Кинотъ** — то же, что и Протатъ, выборный центральный органъ управленія аеонскими монастырями.
- Кириаконъ** — центральный храмъ скита.
- Костница** — специальное помѣщеніе въ кладбищенскомъ храмѣ, гдѣ на полкахъ находятся надписанные черепа умершихъ монаховъ.
- Кубань** — паекъ изъ сухарей и сушеныхъ фруктовъ и др., который разъ въ мѣсяць получаютъ монахи въ монастырѣ.
- Кунакъ (конакъ)** — подворье.
- Лукумъ** — сладость, обычное угощеніе въ гостиницахъ монастырей.
- Марофанъ** — мѣстность, принадлежащая Великой Лаврѣ.
- Метохъ** — хозяйственное или представительское учрежденіе внѣ монастыря.
- Магула** — нагорная мѣстность въ центральной части Аэона.
- Монте-Санто** — морской заливъ у Аеонскаго перешейка.
- Муларня** — см. вурдунарня.
- Омологія** — купчая, въ которой записаны новые владѣльцы и опредѣлены условія владѣнія.
- Пандахуса** — специальное разрѣшеніе отъ Кинота на полученіе милостыни.
- Параклисъ** — небольшой храмъ или боковой придѣлъ собора.
- Пиргъ** — высокая сторожевая башня монастыря.
- Порта** — арка центрального входа съ массивными воротами въ монастырской стѣнѣ.
- Почаевская келлія на Старомъ Русикѣ** — келлія, устроенная (основана 11 декабря 1880 года) усердіемъ принятаго въ число братіи Руссика, жившаго на Капсалѣ

келіота схимонаха Кипріана (Бирюкова)<sup>630</sup> на средства, пожертвованныя отъ разныхъ благодѣтелей. Освящена 22 сентября 1883 года.

**Преподобныхъ Печерскихъ (келлія)** — см. Георгіевская (Ближняя) келлія.

**Прилогъ** — ухищреніе дьявола, бѣса.

**Провата** — небольшой поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ каливъ.

**Протать** — центральный выборный органъ управленія аѳонскими монастырями, см. Священный Киноть.

**Проэстась** — см. Священная Эпистасія.

**Рухольная (рухлядая)** — складъ одежды.

**Священная Эпистасія** — органъ исполнительной власти на Аѳонѣ, состоящій изъ представителей ежегодно смѣняющихся другъ друга пяти такъ называемыхъ четвериць, на которыя подѣлены 20 монастырей, возглавляетъ его Проэстась (Протоэпистать).

**Священный Киноть** — см. киноть.

**Сиромаха** — отшельникъ или странникъ, не имѣющій постоянного убѣжища и никакой собственности.

**Стасидія** — высокое рѣзное деревянное сѣдалище, используемое въ храмахъ Аѳона.

**Татьяновская церковь на Крумицѣ** — церковь преподобнаго Платона Студійскаго и святой мученицы Татіаны на Крумицѣ. Устроена хлопотами игумена Макарія (Сушкина), усердіемъ тамбовской купчихи вдовы Татьяны Васильевны Долговой въ память ея скончавшагося мужа Платона, освящена Іосифомъ, митрополитомъ Варнскимъ.

**Торба** — маленькая сумка, мѣшочекъ.

**Трапезарь** — монахъ, несущій послушаніе въ монастырской трапезной.

**Трехсвятительская келлія Руссика** — келлія трехъ святителей Пантелеимонова монастыря: Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и Василія Великаго. Съ 1860 по 1884 годъ возстановлена усердіемъ схимонаха Нила (Воротинцева)<sup>631</sup>.

**Троицкая келлія Руссика** — келлія Пресвятой Троицы Пантелеимонова монастыря. Находится на востокѣ монастыря, менѣе версты разстояніемъ отъ него. Называлась иногда Серафимовской, ибо была построена на личныя средства схимонаха Серафима (Комарова), бывшаго петербургскаго купца. Строилась съ 1850 по 1861 годъ.

---

<sup>630</sup> Схимонахъ Кипріанъ (въ міру Кононъ Алексѣевичъ Бирюковъ) уроженецъ Московской губерніи. Прибыль на Аѳонъ въ 1870 году. Пустынникъ, жилъ на Капсалѣ, на келліи святаго Димитрія Пантократорскаго монастыря. Ктиторъ Почаевской церкви на Старомъ Руссикѣ. Преставился 1 июня 1905 года.

<sup>631</sup> Схимонахъ Ниль (въ міру Николай Петровичъ Воротинцевъ) дворянинъ изъ Курской губерніи. Поступилъ въ Руссикъ въ 1845 году. Постриженъ въ мантію съ именемъ Нифонтъ. Много ѣздилъ въ Россію по сбору пожертвованій для монастыря. Съ 1860 года по 1884 годъ возстановилъ Трехсвятительскую келлію, гдѣ самъ жилъ въ послѣдніе годы. Преставился 17 февраля 1885 года. Въ 1862–1863 годахъ писалъ письма духовнику Іерониму изъ Россіи во время сбора пожертвованій (см. архивъ РПМА. Док. № 1221).

**Чекмень** — военная униформа.

**Эвергетиносъ** — душеполезный сборникъ отрывковъ изъ святоотеческихъ твореній, названъ такъ по имени монаха Павла Эвергетиноса, жившаго въ XI вѣкѣ.

**Экклесіархъ** (*рус.* пономарь) — монахъ, который ухаживаетъ за храмомъ и смотритъ за состояніемъ храма во время богослуженія.

**Эпистасія** — см. Священная Эпистасія.

**Ятаганъ** — холодное оружіе.

## Содержание

Предисловіе къ серіи .....	5
Предисловіе къ первому тому .....	9
<b>Часть первая. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ РУССКАГО СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА АӨОНѢ .....</b>	<b>19</b>
Іеросхимонахъ Арсеній Аөонскій .....	21
Схіархимандритъ Савва .....	35
Іеросхимонахъ Аникита (Ширинскій-Шихматовъ) .....	39
Схіархимандритъ Герасимъ .....	44
Іеросхидіаконъ Венедиктъ .....	50
Іеросхимонахъ Павель .....	53
Схіархимандритъ Прокопій (Дендриносъ) .....	57
Схіархидіаконъ Иларіонъ .....	59
Іеросхимонахъ Іеронимъ (Соломенцовъ) .....	61
Схіархимандритъ Макарій (Сушкинъ) .....	106
Іеросхимонахъ Сергій (Веснинъ) .....	116
Іеромонахъ Арсеній (Мининъ) .....	122
Схимонахъ Никодимъ (Санинъ) .....	128
Схимонахъ Пантелеимонъ (Овсянниковъ) .....	135
Схимонахъ Геннадій .....	138
Схимонахъ Григорій (Лисянскій) .....	140
Схіигумень Парөеній (Агеевъ) .....	142
Схимонахъ Селевкій (Трофимовъ) .....	147
Преподобный Тимоөей Валаамскій .....	154
Схіархимандритъ Михаилъ (Козловъ) .....	160
Схимонахъ Серафимъ (Комаровъ) .....	166
Схимонахъ Панкратій .....	172
Схимонахъ Макарій .....	176
Схимонахъ Неофитъ (Васильевъ) .....	180
Схимонахъ Гавріиль (Седлецкій) .....	182
Схимонахъ Іустинъ .....	190
Монахъ Клавдій (Мошковъ) .....	193
Монахъ Азарій (Попцовъ) .....	197
Схимонахъ Матөій (Ольшанскій) .....	200
Іеромонахъ Василій (Селезневъ) .....	204
Іеросхимонахъ Іезекіиль (Сливкинъ) .....	205
Іеросхимонахъ Даміанъ (Вьюковъ) .....	212
Схимонахъ Пантелеимонъ (Прохоровъ) .....	214
Схимонахъ Григорій (Крупченковъ) .....	218
Іеросхимонахъ Агаөодоръ (Будановъ) .....	220

Іеросхимонахъ Мина (Будановъ) .....	225
Іеросхимонахъ Алексій (Проскурнинъ) .....	228
Схимонахъ Гликерій (Никитинъ) .....	231
Іеросхимонахъ Михаилъ (Савицкій) .....	234
Іеросхимонахъ Пантелеимонъ (Курбатовъ) .....	239
Схіархимандритъ Паисій (Балабановъ) .....	243
Схіигуменъ Парөеній (Заблоцкій) .....	247
Схимонахъ Серафимъ (Калмыковъ) .....	249
Схіархимандритъ Андрей (Веревкинъ) .....	252
Схимонахъ Іларіонъ .....	265
Схимонахъ Аркадій (Любовиковъ) .....	267
Іеросхимонахъ Виссаріонъ (Расторгуевъ) .....	272
Преподобный іеросхимонахъ Аристоклій (Амвросіевъ) .....	274
Схіархидіаконъ Тихонъ (фонъ Рамбахъ) .....	278
Схимонахъ Израиль (Мерзликинъ) .....	280
Монахъ Иринеі (Канатниковъ) .....	282
Схимонахъ Мелетій (Котельницкій) .....	285
Схіархимандритъ Іоасафъ (Донсковъ) .....	292
Схимонахъ Серафимъ (Ковалищенковъ) .....	294
Схіархидіаконъ Лукіанъ (Роевъ) .....	296
Схіархимандритъ Нифонтъ (Четвериковъ) .....	300
Іеросхимонахъ Пантелеимонъ (Шиляевъ) .....	303
Архимандритъ Мисаилъ (Сапегинъ) .....	305
Схимонахъ Трифілій (Мальковъ) .....	314
Схимонахъ Ксенофонтъ (Вяземскій) .....	317
Схіархимандритъ Іеронъ (Носовъ) .....	321
Схііеродіаконъ Лазарь (Деминскій) .....	328
Схимонахъ Венедиктъ (Матвеевъ) .....	331
Схимонахъ Варсонофій (Югановъ) .....	334
Схіархимандритъ Іоасафъ (Завадскій) .....	339
Іеросхимонахъ Никодимъ (Наумовъ) .....	342
Іеросхимонахъ Арсеній (Ворвулевъ) .....	344
Схіархимандритъ Трифонъ (Упорниковъ) .....	346
Іеросхимонахъ Михаилъ (Фомичевъ) .....	349
Схимонахъ Леонъ (Воскресенскій) .....	350
Іеросхимонахъ Исидоръ (Молчановъ) .....	354
Іеросхимонахъ Өеотекнъ (Галкинъ) .....	355
Іеросхимонахъ Авраамій (Ложниковъ-Ждановъ) .....	358
Іеромонахъ Паисій (Платоновъ) .....	360
Схііеродіаконъ Сисой (Савченко) .....	362
Іеросхимонахъ Владиміръ (Колесниковъ) .....	367
Схимонахъ Владиславъ (Поповъ) .....	370
Іеромонахъ Іларій (Сапожниковъ) .....	373
Схііеродіаконъ Өеодосій (Никольскій) .....	378

Иеросхимонахъ Вероникъ (Каменскій) .....	380
Иеросхимонахъ Анастасій (Модзалевскій) .....	382
Архимандритъ Иларіонъ (Кучинъ) .....	386
Иеросхимонахъ Андрей (Жековъ) .....	388
Схимонахъ Викентій (Глотовъ) .....	391
Схіархимандритъ Симеонъ (Булатовъ) .....	393
Схимонахъ Денасій (Юшковъ) .....	395
Преподобномученикъ Иларіонъ (Громовъ) .....	401
Преподобномученикъ Іона (Санковъ) .....	403
Преподобномученикъ Донактъ (Калашниченко) .....	407
Преподобномученикъ Іоаннъ (Лаба) и преподобномученикъ Иларіонъ (Цуриковъ).....	408
Преподобномученикъ Антипа (Кирилловъ) .....	411
Иеросхимонахъ Адріанъ (Саѳоновъ) .....	413
Иеросхимонахъ Ѳеодоритъ (Константиновъ) .....	414
Иеромонахъ Ѳеофанъ (Сердобинцевъ) .....	417
Схіархидіаконъ Кипріанъ (Рыженковъ) .....	419
Иеросхимонахъ Іоанникій (Кутиревъ) .....	424
Схіархимандритъ Кирикъ (Максимовъ) .....	426
Преподобный Силуанъ (Антоновъ) .....	430
Схимонахъ Амвросій (Болотовъ) .....	437
Схимонахъ Онисифоръ (Ищенко) .....	440
Схимонахъ Вивіанъ (Обуховъ) .....	442
Схимонахъ Діадохъ (Дружининъ) .....	450
Иеросхимонахъ Палладій (Козловъ) .....	452
Иеросхимонахъ Вассой (Горборуковъ) .....	454
Схимонахъ Спиридонъ (Поквала) .....	456
Иеросхимонахъ Сергій (Тютинъ) .....	458
Схіархимандритъ Алексій (Киреевскій) .....	460
Схимонахъ Нилъ (Гарбаръ) .....	462
Схимонахъ Іоаннъ (Поповичъ) .....	464
Иеросхимонахъ Пинуфрій (Ерофеевъ) .....	468
Иеросхимонахъ Виссаріонъ (Хлыстовъ) .....	470
Иеросхимонахъ Флегонтъ (Лебедевъ) .....	473
Схіархимандритъ Іустинъ (Соломатинъ) .....	476
Архимандритъ Спиридонъ (Майдаченко) .....	480
Монахъ Власій (Осипенко) .....	482
Схимонахъ Трофимъ (Кочинъ) .....	484
Епископъ Кассіанъ (Безобразовъ) .....	487
Архієпископъ Василій (Кривошеинъ) .....	489
Схіархимандритъ Софроній (Сахаровъ) .....	492
Схіархимандритъ Іліанъ (Сорокинъ) .....	495
Схимонахъ Мемнонъ (Тюринъ) .....	498
Иеросхимонахъ Серафимъ (Текза) .....	502
Схіархимандритъ Гавріиль (Легач) .....	504

Схієродіаконъ Димитрій (Цубера) .....	507
Схіархимандритъ Авель (Македоновъ) .....	508
Ієромонахъ Анѳимъ (Гошукъ) .....	511

**Часть вторая. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВЪ  
И ПОДВИЖНИКОВЪ АНДРЕЕВСКАГО СКИТА НА АӨОНЪ ..... 519**

Ієросхимонахъ Виссаріонъ (Толмачевъ) и схимонахъ Варсонофій (Вавиловъ) .....	521
Архимандритъ Ѳеодоритъ (Крестовиковъ) .....	535
Схимонахъ Лаврентій (Жилевъ) .....	539
Ієросхимонахъ Ѳеоклитъ (Позднеевъ) .....	541
Схіархимандритъ Иларіонъ (Левицкій) .....	543
Схимонахъ Иннокентій (Сибиряковъ) .....	545
Схимонахъ Андрей (Путилинъ) .....	549
Архимандритъ Іосифъ (Бѣляевъ) .....	552
Архимандритъ Ієронимъ (Силинъ) .....	556
Ієросхимонахъ Евдокимъ (Евдокимовъ) .....	559
Схіархимандритъ Митрофанъ (Щербаковъ) .....	561
Схіархимандритъ Михаилъ (Дмитріевъ) .....	564

**Часть третья. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВЪ  
И ПОДВИЖНИКОВЪ РУССКАГО СВЯТО-ИЛЬИНАГО СКИТА  
НА АӨОНЪ ..... 567**

Схіархимандритъ Паисій .....	569
Ієросхимонахъ Гавріиль (Чедаевъ) .....	572
Ієросхимонахъ Андрей (Полтавскій) .....	573
Ієросхимонахъ Товія .....	575
Преподобный схіархимандритъ Гавріиль .....	577
Архимандритъ Максимъ .....	580
Архимандритъ Іоаннъ (Гетманенко) .....	581
Архимандритъ Николай .....	583

**Часть четвертая. ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЫДАЮЩИХСЯ  
СТАРЦЕВЪ И ПОДВИЖНИКОВЪ РАЗНЫХЪ РУССКИХЪ ОБИТЕЛЕЙ НА АӨОНЪ  
(КЕЛІЮТОВЪ, ОТШЕЛЬНИКОВЪ, СИРОМАХЪ) ..... 585**

Схієродіаконъ Агапій .....	587
Схимонахъ Никодимъ (Гончаровъ) .....	589
Схимонахъ Николай .....	591
Ієросхимонахъ Филиппъ и схимонахъ Исаакъ (Кореневы) .....	596
Схимонахъ Павелъ Хромой .....	598
Ієросхимонахъ Леонтій .....	600

Преподобный Антипа Валаамскій (Лукіанъ) .....	603
Схимонахъ Георгій (Хаджи) .....	614
Іеросхимонахъ Парѣеній (Гвоздевъ) .....	626
Іеросхимонахъ Кирилль (Абрамовъ) .....	632
Схимонахъ Киріакъ и іеромонахъ Викторъ (Свинолуповы) .....	636
Схимонахъ Іоаннь (Гарусь) .....	638
Схимонахъ Виссаріонъ (Кикодзе) .....	640
Схимонахъ Григорій (Ратіани) .....	643
Іеросхимонахъ Евгений (Дурново) .....	646
Іеросхимонахъ Евгений (Мордасовъ) .....	647
Іеросхимонахъ Ѳеодосій (Эристави) .....	648
Іеросхимонахъ Парѣеній .....	654
Схимонахъ Іосифъ (Харламовъ) .....	655
Іеросхимонахъ Константинъ (Семерниковъ) .....	657
Іеросхимонахъ Пантелеимонъ (Важенко) .....	659
Іеросхимонахъ Аркадій (Панѣиловъ) .....	663
Іеросхимонахъ Георгій (Стеблевъ) .....	666
Схимонахъ Максимъ .....	669
Схимонахъ Кирилль .....	674
Іеросхимонахъ Іоаннь (Паталій) .....	676
Схимонахъ Іоаннь (Смирновъ) .....	678
Схиігумень Алексій (Осколковъ) .....	679
Іеросхимонахъ Нифонтъ (Красновъ) .....	686
Іеросхимонахъ Серафимъ (Мосягинъ) .....	689
Іеросхимонахъ Петръ (Крутьковъ) .....	691
Схимонахъ Ілія (Аминскій) .....	696
Схимонахъ Веніаминъ (Мальшевъ) .....	700
Іеросхимонахъ Мелхиседекъ (Дмитріенко) .....	703
Іеросхимонахъ Герасимъ (Поповъ) .....	705
Схимонахъ Іоаннь (Кулешовъ) .....	708
Іеросхимонахъ Ѳеодосій (Харитоновъ) .....	710
Схимонахъ Никодимъ .....	716
Преподобномученикъ Григорій (Владиміровъ) .....	720
Схиігумень Кассіанъ (Корепановъ) .....	721
Схимонахъ Ниль (Злобинъ) .....	724
Іеросхимонахъ Никонъ (Штрандтманъ) .....	725
Іеросхимонахъ Парѣеній .....	728
Схимонахъ Августинъ (Корра) .....	730
Іеросхимонахъ Тихонъ (Голенковъ) .....	735

<b>Примѣчанія и толкованія отдѣльныхъ терминовъ, названій и словосочетаній .....</b>	<b>743</b>
--	------------